

Археологические вести

— 23 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

23
(2017)

SAINT-PETERSBURG
2017

Археологические вести

23
(2017)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвоцинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

доктор исторических наук С. А. Васильев

доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 23 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2017. – 448 с., ил.

ISBN 978-5-9909871-8-0

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате исследований поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала, проблемы хронологии и домостроительства. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии: рассматривается курган Кемь-Оба в контексте культур раннего бронзового века и интерпретация колесничной символики эпохи бронзы по материалам Зауралья; обсуждается вопрос о статусе острова Биорко (Швеция). В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о международном сотрудничестве и зарубежных конференциях. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Украины, Молдовы, Франции, Финляндии и Филиппин.

The current issue of the annual of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in archaeology, history and culture. This publication first introduces to scientific studies the results of archaeological investigations of settlements and burial sites dating from the Stone Age period to the Middle Ages in the territory of Eurasia. A number of the articles discuss particular archaeological complexes and categories of finds, questions of chronology and house building. A special section of this volume includes articles on the actual problems of archaeology. The barrow of Kemi-Oba is considered within the context of cultures of the Early Bronze Age, the chariot symbolic of the Bronze Age is interpreted on the basis of materials from the Trans-Urals; also the question of the status of the Bjorko Island (Sweden) is discussed. The collection of articles presents in addition reviews of the newest historico-archaeological publications, information on the international cooperation and foreign conferences. A separate section is devoted to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scholars from Russia, Ukraine, France, Finland and Philippines.

Обложка:

Первая страница – фрагмент восточно-греческого сосуда из раскопок Немировского городища. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (к статье М. Т. Кашубы, М. Ю. Вахтиной)

Fragment of the East-Greek pottery from Nermirov hill-fort. © State Hermitage Museum, Saint Petersburg (paper by M. T. Kashuba and M. Ju. Vakhtina)

Четвертая страница – 1–5 – эталонные снимки фрагментов шерсти (1 – овца; 2, 3 – верблюд; 4 – кролик; 5 – коза); фрагменты шерстяных и хлопковых нитей: 6 – курган № 186 (Залахтовье, Псковская обл.); 7 – Ковшурица, Польша; 8 – Старая Русса, Пятницкий раскоп-I, пл. 19, кв. 1, № 189(1) (к статье В. Е. Куликова, Е. Ю. Медниковой, С. С. Миняева)

1–5 – sample photos of fragments of wool (1 – sheep; 2, 3 – camel; 4 – rabbit; 5 – goat); fragments of woollen and cotton threads: 6 – kurgan no. 186 (Zalakhovye, Pskov Oblast); 7 – Kowszurica, Poland; 8 – Staraya Russa, Pyatnitskiy excavation-I, area 19, sq. 1, № 189(1) (paper by V. E. Kulikov, E. Yu. Mednikova and S. S. Minyaev)

ISBN 978-5-9909871-8-0

ISSN 1817-6976

© Институт истории материальной культуры РАН, 2017
ISSN 1817-6976

© Коллектив авторов, 2017

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К юбилею Анны Анисимовны Песковой	13
К юбилею Валентины Михайловны Горюновой	14
К юбилею Наталии Николаевны Скакун	15
К 80-летию Олега Владимировича Овсянникова	16
К 70-летию Владимира Яковлевича Шумкина	17
К 70-летию Даврона Абдуллоева	18

Новые открытия и исследования

<i>И. В. Федюнин.</i> Каменный инвентарь первого культурного слоя стоянки Костенки 11 в свете новых исследований и некоторые проблемы верхнего палеолита костенковско-борщевского района	19
<i>А. В. Тетенькин, А. Анри, А. М. Клементьев.</i> Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6-го культурного горизонта	33
<i>Т. К. Корнева.</i> Знаковые изображения на гальках и каменных плитках в палеолите Северной Евразии	56
<i>Н. В. Косорукова, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко.</i> Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований	67
<i>И. И. Разгильдеева.</i> Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья	84
<i>А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий, В. Я. Кияшко.</i> Костяные и роговые гарпуны поселения Раздорское I	105
<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Новые археологические материалы эпохи бронзы в западной части Гиссарской долины Таджикистана	115
<i>Д. Е. Чистов.</i> Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI – первой половины V в. до н. э.	132
<i>И. В. Рукавишниковой, А. А. Гладченков.</i> Памятник алды-бельской культуры Тувы – могильник Бай-Даг 8. Опыт комплексного анализа	153
<i>С. В. Кузьминых, В. Ю. Луньков.</i> Анализ состава металлических предметов из комплекса кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 (Приложение № 1 к статье И. В. Рукавишниковой, А. А. Гладченкова)	169
<i>Л. А. Соловьева.</i> Анализ сохранившихся фрагментов деревянных изделий из комплекса кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 (Приложение № 2 к статье И. В. Рукавишниковой, А. А. Гладченкова)	171

<i>С. О. Двуреченская.</i> Анализ палеозоологического материала из комплекса кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 (Приложение № 3 к статье И. В. Рукавишниковой, А. А. Гладченкова)	172
<i>Е. Н. Учанева.</i> Половозрастной состав погребенных из кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 (Приложение № 4 к статье И. В. Рукавишниковой, А. А. Гладченкова)	172
<i>Н. Д. Бурова.</i> Радиоуглеродный анализ образцов органики из кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 (Приложение № 5 к статье И. В. Рукавишниковой, А. А. Гладченкова)	173
<i>С. В. Ушаков.</i> О времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе: археологические данные	176
<i>А. С. Намойлик.</i> Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа	198
<i>М. Т. Кашиба, М. Ю. Вахтина.</i> Некоторые аспекты изучения материалов раннего железного века из раскопок Немировского городища в Побужье	211
<i>А. П. Бородавский.</i> Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	229
<i>В. И. Кулаков.</i> Меморативная традиция у эстиев и пруссов	241
<i>А. М. Гринев.</i> Деревянные конские путы X в. с Неревского раскопа	250
<i>Т. Р. Садыков.</i> Средневековые курганы с сожжениями и деревянными столбовыми конструкциями в Туве	253
<i>В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, С. С. Миняев.</i> О верблюжьей и овечьей шерсти	259
<i>К юбилею Валентины Михайловны Горюновой</i>	
<i>М. М. Казанский.</i> Эстии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени	265
<i>В. Е. Родинкова, А. Н. Егорьков.</i> Клад «древностей антов» из Суджи–Замостья: характеристика металла	274
<i>К. В. Горлов, Н. В. Григорьева.</i> Накладка из медного сплава одностороннего наборного гребня с Земляного городища Старой Ладogi	285
<i>Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева, Э. А. Грешиников.</i> Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье	291
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Древнерусская постройка из раскопок Рюрикова городища 2008–2009 гг. (к вопросу о новгородском домостроительстве)	311
<i>Е. С. Зубкова, О. В. Лозовская, А. В. Плохов.</i> «Поворотный столик» с раскопа X на ул. Ленина в Пскове	322
<i>А. В. Курбатов.</i> О реальности славянских полуземлянок	329

Актуальные проблемы археологии

<i>Г. Н. Тоцев, М. Т. Кашиба.</i> Кеми-Оба. К 60-летию открытия кургана и культуры раннего бронзового века	336
<i>А. В. Епимахов, И. К. Новиков.</i> Проблема интерпретации колесничной символики бронзового века в лесостепном Зауралье (могильник Озерное-1)	345
<i>О. Л. Губарев.</i> Остров Биорко – стоянка норманнов или торговое место?	355

Обзоры и рецензии

- Актуальный обзор раннеславянских древностей Подунавья
Stratum Plus. 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. СПб.; Кишинев; Одесса;
 Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2015. – ISSN 1608-9057. – 380 с.
 (Рец. Е. Р. Михайловой) 360
- Письменные и изобразительные источники
 по истории русского костюма XI–XVII вв.
Жабрева А. Э. Письменные и изобразительные источники по истории
 русского костюма XI–XVII веков / Библиотека РАН; отв. ред. Н. А. Сидоренко. – СПб.:
 БАН, 2016. – ISBN: 978-5-336-00188-4 / 9785336001884. – 480 с., 154 ил.
 (Рец. С. С. Рябцевой) 365
- Позднесредневековые монеты в собрании Тверского государственного музея
Бушлякова В. А., Волков И. В. Тверские клады XVI – начала XVIII в. Вып. 1:
 Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского государственного
 музея. М.; Тверь: Нумизматическая литература, 2010. –
 ISSN/ISBN: 978-5-902689-16-4. – 80 с., ил. обложка, табл.,
 энциклопедический формат (Рец. К. В. Горлова) 375
- Документ эпохи: В. А. Городцов и его дневники
Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. /
 Василий Алексеевич Городцов / сост. И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых.
 Отв. ред. П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский. – М.: Триумф принт, 2014. –
 ISBN 978-5-903011-85-8 (Кн. 1). 686 с. ISBN 978-5-903011-85-8 (Кн. 2). 694 с.
 (Рец. Н. И. Платоновой) 379
- К юбилею Натальи Николаевны Скакун**
Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен
 Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна).
 СПб.: Нестор-История, 2006. – ISBN: 5-98187-143-1/5981871431. – 224 с., ил.
 (Рец. М. Ю. Видейко) 385
 (Рец. М. Г. Жилина) 390

Сотрудничество Восток – Запад

- В. Н. Ковалевский, С. А. Васильев.* Международная научно-практическая
 конференция «Естественнонаучные методы в изучении и сохранении
 памятников Костенковского-Борщевского археологического района»
 (Воронеж, 15–17 сентября 2016) 393
- А. Павлик, Н. Н. Скакун.* О работе секции T10G «Орудия и следы:
 микроследы и органические остатки (в сообществах охотников-собирателей)»
 на VIII Всемирном археологическом конгрессе (26 августа – 2 сентября 2016 г.,
 г. Киото, Япония) 397
- Е. Г. Застрожнова, М. В. Медведева, В. Ю. Соболев.* Международная конференция
 «Адальберт Черный и его современники. Пионеры археологии в Альба Юлии и за ее
 пределами» («Adalbert Cserni and his contemporaries. The pioneers of archaeology
 in Alba Iulia and beyond») (15–18 апреля 2016 г., Альба Юлия, Румыния) 401
- А. Н. Кирпичников, П. Уйно, Е. Н. Носов.* Финляндско-российское научное
 сотрудничество в области археологии. Итоги пройденного пути. 1969–2014 гг. 404
- Г. И. Панахид, Г. Н. Поплевко.* XXXIII Жешовская международная
 археологическая конференция (28–29 марта 2017 г., г. Жешув, Польша) 410

История науки

<i>М. В. Медведева, А. Е. Мусин, В. С. Александрович.</i> По следам ученой поездки П. П. Покрышкина в 1916–1917 гг.: К 100-летию Буковинской экспедиции Археологической комиссии и Академии наук	416
<i>М. И. Максимова.</i> Неопубликованная рецензия	422
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Комментарий к истории одной неопубликованной рецензии ...	427
<i>Л. С. Клейну – Учителю и Другу</i>	432
<i>С. П. Щавелёв.</i> Славный юбилей прогрессора науки и культуры: к 90-летию Льва Самойловича Клейна	433

Персоналии

<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Памяти Виктории Ивановны Денисовой (Пругло). Список научных работ В. И. Денисовой (Пругло) (составитель Л. М. Всевиов)	434
--	-----

Хроника

<i>А. Н. Кирпичников.</i> Присуждение степени почетного доктора ИИМК РАН профессору П. П. Толочко	440
Список сокращений	442

CONTENT

Our jubilees

To the jubilee of Anna Anisimovna Peskova	13
To the jubilee of Valentina Mikhailovna Goryunova	14
To the jubilee of Natalya Nikolaevna Skakun	15
To the 80 th anniversary Oleg Vladimirovich Ovsyannikov	16
To the 70 th anniversary Vladimir Jakovlevich Shumkin	17
To the 70 th anniversary Davron Abdulloev	18

New discoveries and studies

<i>I. V. Fedyunin</i> . Stone artefacts from the first cultural deposit of the site of Kostenki-11 in the light of new investigations and some problems of the Upper Palaeolithic of the Kostenki-Borshevo region	19
<i>A. V. Teten'kin, A. Henry, A. M. Klement'ev</i> . Kovrizhka IV: Upper Paleolithic site of the 6 th cultural horizon	33
<i>T. K. Korneva</i> . Symbolic representations on pebbles and stone tablets from the Palaeolithic of Northern Eurasia	56
<i>N. V. Kosorukova, M. A. Kul'kova, T. V. Sapelko</i> . Peatbog site of Pogostishche-15 in the light of archaeological and interdisciplinary studies	67
<i>I. I. Razgil'deyeva</i> . The complex of the workshop site of Ust-Menza-14 (Lagernaya): the middle period of the Upper Palaeolithic in the Trans-Baikal region	84
<i>A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy, V. Ya. Kiyashko</i> . Bone and horn harpoons from the settlement-site of Razdorskoye-I	105
<i>Yu. G. Kutimov</i> . New archaeological finds of the Bronze Age in the western part of the Hissar valley of Tajikistan	115
<i>D. E. Chistov</i> . Dwelling house construction in the settlement of Berezan of the second half of the 6 th – first half of the 5 th century BC	132
<i>I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov</i> . Site of the Aldy-Bel culture in Tuva – burial ground of Bay-Dag 8 (attempt at interdisciplinary analysis)	153
<i>S. V. Kuz'minykh, V. Yu. Lun'kov</i> . Analysis of metal composition from kurgan 1 of the cemetery of Bay-Dag 8 (Appendix no. 1 to the article by I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov)	169
<i>L. A. Solov'eva</i> . Analysis of the preserved wooden fragments in the complex of kurgan 1 of the cemetery of Bay-Dag 8 (Appendix no. 2 to the article by I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov)	171

<i>S. O. Dvurechenskaya</i> . Analysis of palaeozoologic material from kurgan 1 of the cemetery of Bay-Dag 8 (Appendix no. 3 to the article by I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov)	172
<i>E. N. Uchaneva</i> . Anthropological identifications of the buried from kurgan 1 of the cemetery of Bay-Dag 8 (Appendix no. 4 to the article by I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov)	172
<i>N. D. Burova</i> . Radiocarbon analysis of samples from kurgan 1 of the cemetery of Bay-Dag 8 (Appendix no. 5 to the article by I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov)	173
<i>S. V. Ushakov</i> . The date of construction of the ‘Kruse’ basilica in Chersonesos (archaeological evidence)	176
<i>A. S. Namoylik</i> . Magic graffiti from excavations of Nymphaion in the collection of the State Hermitage Museum	198
<i>M. T. Kashuba, M. Yu. Vakhtina</i> . Some aspects of studies of materials of the Early Iron Age from excavations of the Nemirov fortified settlement in the Bug region	211
<i>A. P. Borodovskiy</i> . Funeral space in the polycultural context (materials from the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob’)	229
<i>V. I. Kulakov</i> . Memorative tradition among the Estii and Prussi	241
<i>A. M. Grinev</i> . Wooden hobble of the 10 th century from the Nerevsky site	250
<i>T. R. Sadykov</i> . Mediaeval kurgans with cremations and wooden pile structures in Tuva	253
<i>V. E. Kulikov, E. Yu. Mednikova, S. S. Minyaev</i> . Camel and sheep wool	259
To the jubilee of Valentina Mikhailovna Goryunova	
<i>M. M. Kazanskiy</i> . Aestii and the Ocean (distribution of some types of brooches of the Migration Period and Merovingian Age)	265
<i>V. E. Rodinkova, A. N. Egor’kov</i> . Hoard of ‘antiquities of Antes’ from Sudzha–Zamostye: characteristics of the metal	274
<i>K. V. Gorlov, N. V. Grigor’yeva</i> . Copper-alloy mount of a composite comb from Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga	285
<i>N. A. Makarov, I. E. Zaytseva, E. A. Greshnikov</i> . Niello enkolpion crosses in Suzdal Opolye	291
<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya</i> . Old Russian building revealed by excavations of the Rurik Gorodishche in 2008–2009 (problem of Novgorod house-building)	311
<i>E. S. Zubkova, O. V. Lozovskaya, A. V. Plokhov</i> . ‘Turntable’ from Excavation X in Lenin Street in Pskov	322
<i>A. V. Kurbatov</i> . On the existence of Slavic partly-underground dwellings	329

Topical Problems of Archaeology

<i>G. N. Toshchev, M. T. Kashuba</i> . Kemi-Oba. To the 60 th anniversary of the discovery of the kurgan and the culture of the Early Bronze Age Crimea	336
<i>A. V. Epimakhov, I. K. Novikov</i> . Problem of interpretation of the chariot symbolism of the Bronze Age (materials of the burial ground of Ozernoje-1)	345
<i>O. L. Gubarev</i> . The island of Bjorko – a Norsemen’s camp or a trading place?	355

Review Articles and Book Reviews

- Topical review of early Slavic antiquities of the Danube region
Stratum Plus. 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2015. – ISSN 1608-9057. – 380 с.
 (Rev. by E. R. Mikhaylova) 360
- Written and artistic sources on the history of Russian costume of the 11th–17th century
Жабрева А. Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков / Библиотека РАН; отв. ред. Н. А. Сидоренко. – СПб.: БАН, 2016. – ISBN: 978-5-336-00188-4 / 9785336001884. – 480 с., 154 ил.
 (Rev. by S. S. Ryabtseva) 365
- Late mediaeval coins in the collection of the Tver State Museum
Бушлякова В. А., Волков И. В. Тверские клады XVI – начала XVIII в. Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского государственного музея. М.; Тверь: Нумизматическая литература, 2010. – ISSN/ISBN: 978-5-902689-16-4. – 80 с., ил. обложка, табл., энциклопедический формат. (Rev. by K. V. Gorlov) 375
- A document of an epoch: V. A. Gorodtsov and his diaries
Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / Василий Алексеевич Городцов / сост. И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых. Отв. ред. П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский. – М.: Триумф принт, 2014. – ISBN 978-5-903011-85-8 (Кн. 1). 686 с. ISBN 978-5-903011-85-8 (Кн. 2). 694 с.
 (Rev. by N. I. Platonova) 379
- To the jubilee of Natalya Nikolaevna Skakun***
- Tools and economy of the early agricultural tribes of Eastern Europe in the Eneolithic Age
Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История, 2006. – ISBN: 5-98187-143-1/5981871431. – 224 с., ил.
 (Rev. by M. Yu. Videyko) 385
 (Rev. by M. G. Zhilin) 390
-
- The East–West Cooperation**
-
- V. N. Kovalevskiy, S. A. Vasi'yev.* International scientific and practical conference ‘Natural-scientific methods in studies and preservation of monuments of the Kostenki-Borshchevo archaeological region’ (Voronezh, September 15–17, 2016) 393
- A. Pavlik, N. N. Skakun.* Activities of T10G group ‘Tools and traces: micro-traces and organic remains (communities of hunters – gatherers)’ at the VIIIth World Archaeological Congress (August 26 – September 2, 2016, city of Kioto, Japan) 397
- E. G. Zastrozhnova, M. V. Medvedeva, V. Yu. Sobolev.* International conference «Adalbert Cserni and his contemporaries. The pioneers of archaeology in Alba Iulia and beyond» (April 15–18, Alba Iulia, Romania) 401

<i>A. N. Kirpichnikov, P. Uino, E. N. Nosov.</i> Finno-Russian scientific cooperation in the sphere of archaeology. Summing up the past route. 1969–2014	401
<i>G. I. Panakhid, G. N. Poplevko.</i> XXXIII th Rzeszów International Archaeological Conference (March 28–29, 2017, city of Rzeszów, Poland)	410

History of Science

<i>M. V. Medvedeva, A. E. Musin, V. S. Aleksandrovich.</i> After the traces of the scientific trip of P. P. Pokryshkin in 1916–1917: The 100 th anniversary of the Bukovina Expedition of the Archaeological Commission and Academy of Sciences	416
<i>M. I. Maksimova.</i> Unpublished review	422
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Review by M. I. Maksimova of V. D. Blavatskiy's book	427
To L. S. Klejn – the Teacher and the Friend	432
<i>S. P. Shchhavelev.</i> Glorious jubilee of a progressor of science and culture: to the 90 th anniversary of Leo Samoylovich Klejn	433

Personalia

<i>Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Shaub.</i> In memory of Victoria Ivanovna Denisova (Pruglo). List of scientific works by Denisova (Pruglo) (compiler L. M. Vseviov)	434
--	-----

Chronicle

<i>A. N. Kirpichnikov.</i> Conferment of the Honourable Doctor's degree of IIMK RAS to Prof. P. P. Tolochko.	440
List of Abbreviations	442

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Анны Анисимовны Песковой

Анна Анисимовна Пескова

Юбилей Анны Анисимовны Песковой хочется назвать «днем Ангела-хранителя» нашего Института. Ее жизнь и труды наполняли его этажи: выросшая в Царском Селе, Анна приходит в великокняжеский дворец в 1971 г. лаборантом Лаборатории камеральной обработки ЛОИА, а в 1989 г. после защиты кандидатской становится младшим научным сотрудником Отдела славяно-финской археологии. До этого, в 1965–1971 гг., была учеба в Ленинградском университете. Сначала история была самым общим выбором, но курс «Введение в археологию» Л. С. Клейна убедил в превосходстве артефакта. Первый полевой опыт был преподан Анне М. К. Каргером на фундаментах храма Благовещения на Городище. Потом были Гнездово, разведки и раскопки в Юго-Восточном Приладожье, Поднепровье, на Русском Севере. Но главным «полем» Анны Песковой стала средневековая архитектура. Среди

памятников, которых касались ее руки в 1970–1980-х гг., были Кирилло-Белозерский и Николо-Перынский монастыри, крепости Гдова, Ямгорода, Копорья и Корелы, Старая Ладога, храмы Новгорода и Волыни. Свою кандидатскую диссертацию о «городе Изяславле» – городище у с. Городище близ Шепетовки она защитила в 1988 г. В начале 1990-х гг. Анна становится ученым секретарем Отдела, а в 2000 г. – старшим научным сотрудником. Ее Отдел стал в Институте «оазисом спокойствия», где она, всегда ровная и выдержанная, сумела создать неповторимую атмосферу доброжелательного сотрудничества, одним своим присутствием отводя от коллектива драматические противостояния. В творческой судьбе Анны особую роль сыграла керамика. Ее диплом, написанный у М. И. Артамонова, был посвящен славянской керамике Пастырского городища. В «камералке» ее тоже ждала керамика – всех времен и народов. Аккуратно склеивая древние сосуды, она научилась проникать в смысл, форму и судьбу вещей. Так керамика оказалась для нее фундаментом науки о христианских древностях, на поприще которой Анна стала международно признанным экспертом. Унаследовав от Г. Ф. Корзухиной сюжет о древнерусских энколпионах, она заставила «заговорить» загадочные дотоле кресты-реликварии, пришедшие в Восточную Европу из Византии. Рассматривая предметы личного благочестия на широком европейском фоне, Анне удалось показать удивительное переплетение традиций: византийских, болгарских, славянских, скандинавских, создававших христианство Древней Руси. Здесь сложился присущий ей подход к археологическому материалу, который стоило бы назвать «каталожно-эссеистическим», где описательная типология лишь подчеркивает неповторимость древней вещи, представленной в почти исчерпывающем списке ее аналогий. Эти труды хочется читать и перечитывать, и нам остается лишь с нетерпением ждать появления на свет новых работ Анны Песковой.

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГОРЮНОВОЙ

Валентина Михайловна Горюнова

14 ноября 2016 г. – знаменательная дата в жизни Валентины Михайловны Горюновой. Валя Горюнова поступила в Ленинградский университет осенью 1963 г., приехав из южного города Армавира. У нее сразу проявился интерес к славянской тематике. Более 10 лет (1967–1981 гг.) В. М. Горюнова проработала лаборанткой на кафедре археологии ЛГУ. Многие студенты тех лет помнят ее доброжелательность и чуткое руководство выездными ознакомительными экскурсиями, которые тогда практиковались на кафедре. В 1970-е гг. В. М. Горюнова в течение шести лет возглавляла археологические раскопки городища на Ловати

под Великими Луками. Результаты раскопок в контексте рассмотрения культур лесной зоны Восточной Европы конца I тыс. н. э. стали основой кандидатской диссертации, защищенной в 1988 г. и изданной со значительными дополнениями в монографии «Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси)» (СПб., 2016). В 1981 г. В. М. Горюнова становится сотрудником ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). В стенах института она возглавила полевые работы по поиску раннеславянских и предшествующих им древностей на Днепровском Левобережье, продолжая исследования безвременно ушедшего из жизни своего мужа Е. А. Горюнова. Одной из важнейших тем при работе в ИИМК стало изучение ювелирного и кузнечного дела раннегородских образований Древней Руси. В настоящее время В. М. Горюнова является крупнейшим специалистом по изучению раннегончарной керамики Северной и Северо-Восточной Руси, включая весь регион Балтийского моря. В 2015 г. коллективная монография «Поселения Приильменя и Поволховья», изданная в 2005 г., получила премию Президиума РАН по археологии им. И. И. Забелина, присуждаемую каждые три года за лучшие труды в области археологии. В. М. Горюновой принадлежит значительная часть книги, по научному уровню соответствующая ученой степени доктора исторических наук. Работы В. М. Горюновой отличаются тщательностью проработки материала, принципиальностью, педантичностью, умением найти на первый взгляд незаметные грани темы и логично проследить взаимосвязь различных явлений. Свои труды В. М. Горюнова пишет медленно, иногда мучительно, но сделанные выводы отстаивает со всей страстью и убежденностью.

От всей души желаем нашему юбиляру жизненной энергии, здоровья и бодрости духа на благо служения науке.

К юбилею Наталии Николаевны Скакун

13 июля 2017 г. отмечался юбилей старшего научного сотрудника Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН (ЭТЛ), кандидата исторических наук Наталии Николаевны Скакун.

Наталия Николаевна является одним из самых уважаемых и авторитетных сотрудников ИИМК РАН. Она – известный специалист в области археологической трассологии, комплексной методики исследования археологических материалов и изучения технологии изготовления и функций орудий труда, реконструкций палеоэкономических систем позднего каменного века и эпохи бронзы Юго-Восточной Европы, Урала, Кавказа, Средней Азии. За сорокапятилетнюю научную деятельность в ИИМК РАН и ЭТЛ, сначала совместно со своим учителем Г. Ф. Коробковой и при поддержке С. А. Семенова, а затем самостоятельно, Наталия Николаевна опубликовала свыше 70 научных работ, в том числе три монографии, участвовала в десятках всесоюзных, всероссийских и международных конференций. Она принимала участие во многих археологических экспедициях Института – Новгородской, Молдавской, Экспериментально-трассологической, Каракумской, Саяно-Шушенской, 30 с лишним лет (в 1982–2013 гг.) руководила Энеолитической экспедицией на территории Украины.

В настоящее время Наталия Николаевна продолжает плодотворно работать над актуальными проблемами археологической трассологии и предметной интерпретации археологических материалов. Круг ее интересов широк, высок и научный авторитет. Ее знаниями, опытом и доброжелательными консультациями пользуются многие сотрудники как нашего института, так и других научных учреждений. Она читала лекции студентам-археологам СПбГУ и МГУ, руководит работами соискателей и стажеров. Стали регулярными проводимые ею летние экспериментально-трассологические школы для студентов и молодых археологов.

Наталия Николаевна Скакун

Н. Н. Скакун ведет активную научно-организационную работу. Выполняла обязанности ученого секретаря ЭТЛ (1977–1990 гг.). В настоящее время она является председателем научной комиссии «Функциональные исследования доисторических артефактов и их социально-экономический смысл» (Functional Studies of prehistoric artifacts and their socio-economical meaning) Международного союза доисторических и относящихся к ранней истории наук (UISPP). За научные заслуги Наталия Николаевна удостоена почетного звания Офицер Ордена Академических пальм Правительства Республики Франция.

Редакция «Археологических вестей» и коллектив ЭТЛ поздравляют Наталию Николаевну Скакун с юбилеем, желают ей здоровья, долгих лет жизни и дальнейших творческих успехов на благо российской науки, ЭТЛ и ИИМК РАН.

К 80-ЛЕТИЮ ОЛЕГА ВЛАДИМИРОВИЧА ОВСЯННИКОВА

Олег Владимирович Овсянников

Свое восьмидесятилетие Олег Владимирович Овсянников встречает в силах, которым стоит позавидовать. Шагая по жизни из Тобольска в Санкт-Петербург, он сориентировал свою науку с запада на восток. Поступив в 1954 г. в Ленинградский университет, он знал, что станет археологом. Студентом Олег Владимирович участвует в Красноярской экспедиции М. П. Грязнова и экспедициях М. К. Каргера на Волыни, где и формируется его полевой дар и научные интересы: древнерусская археология и архитектура, наследие которых, вместе с переселенцами, достигло Русского Севера. После университета он в 1959–1962 гг. работал в Архангельском музее, привнеся в его жизнь настоящий Ренессанс. В 1962 г. Олег Владимирович возвращается в Ленинград и становится лаборантом Группы славяно-русской археологии ЛОИА. С той поры его научная жизнь связана с нашим Институтом. Он участвует в рас-

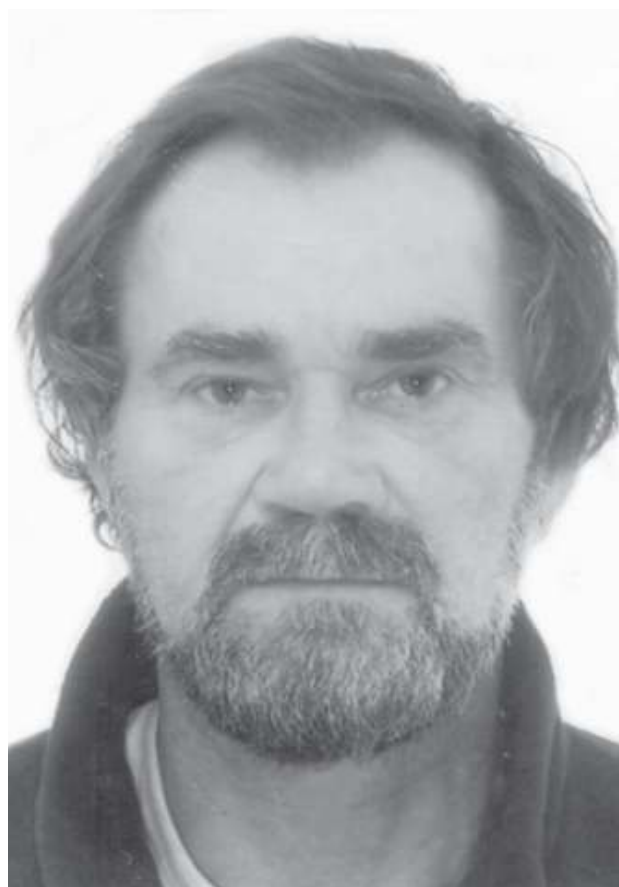
копках городища близ Шепетовки, исследует Мангазею, открывает каменную крепость XIV в. в Копорье. В 1968 г. становится младшим научным сотрудником. Среди его интересов – монастырская археология Пскова и Архангельска, раннесредневековые могильники «чуди заволочской» – Корбала, Устья, Тихманьга, становища русских зверобоев на архипелаге Шпицберген. В 1973 г. он становится кандидатом исторических наук за сочинение о Мангазее XVII в., в 1976 г. – старшим научным сотрудником. В 1980–1990-е гг. он сосредоточивается на изучении укрепленных усадеб XIV–XV вв. Русского Севера, проводит раскопки гостиных дворов Архангельска, обследует немецкие святилища. В 1989 г. Олег Владимирович защищает докторскую диссертацию о культуре средневекового города Архангельского Поморья. В конце 1990-х гг. начался новый, вынужденный «шаг на запад», но немецкий Вюрцбург оказался скрипторием, позволившим воплотить задуманное. Остается лишь понять, почему – археология и в чем особенность его творческого метода? Наверное, археологический памятник так же, как и Олег Владимирович, связан с пространством, удалью как покорением дали. Есть еще одна черта археологии, присущая юбиляру, родившемуся в семье артистов – это ее наглядность, театральность. Впрочем, театр в советской жизни значил больше, чем зрелище – это был выход из серой повседневности. Начало ее краха совпало с выбором археологии, поскольку артефакт воспринимался им как правдивый рассказчик о прошлом. К тому же, он всегда изучал общества с письменной культурой, что предполагало сопоставление археологии с текстом. В своих трудах он словно строил мостки между параллельными сюжетами разных эпох, проявляя интерес к сакральной культуре, как христианской, так и дохристианской. Однако главным героем археологии для Олега Владимировича остается отважный помор-землепроходец. Своими подходами он, по сути, заложил основы ее нового, антропологического направления. Охватывая взглядом творческую биографию юбиляра, не будет преувеличением назвать его «отцом исторической археологии» Русского Севера...

К 70-летию Владимира Яковлевича Шумкина

10 июля 2017 г. исполнилось 70 лет старшему научному сотруднику ИИМК РАН, кандидату исторических наук, руководителю неолитической группы Отдела палеолита Владимиру Яковлевичу Шумкину. За годы работы в институте В. Я. Шумкин прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника, начальника одной из крупнейших экспедиций института – Кольской. В сложных условиях Арктики В. Я. Шумкин сумел открыть и исследовать большое число археологических памятников в диапазоне от раннего мезолита до этнографической современности. Заслуженное признание в научном мире ему принесли раскопки Северного Оленеостровского могильника на Баренцевом море, изучение богатейшей серии петроглифов на Канозере. Помимо крупномасштабных работ на Кольском полуострове, В. Я. Шумкин в разные годы принимал участие в полевых изысканиях на Верхней Волге, Дону, Северном Кавказе, в Молдавии, Сибири, Калининградской области.

Перу В. Я. Шумкина принадлежат более 150 научных работ, он является соавтором монументального издания «Петроглифы Канозера». В. Я. Шумкин воспитал ряд археологов, успешно трудящихся ныне в различных городах нашей страны и за рубежом. Ежегодно он руководит студенческой практикой исторического факультета СПбГУ. Особое место в многогранной деятельности В. Я. Шумкина занимает организация выставок и музейных экспозиций в городах Мурманской области и в Финляндии. Под его руководством был создан уникальный музей «Петроглифы Канозера», включающий павильон, установленный над наскальными изображениями. Им была организована и с успехом проведена крупная международная выставка «Наскальное искусство европейских краин».

Научные достижения В. Я. Шумкина получили заслуженное международное признание. Он избран почетным членом и руководителем с российской стороны «Общества по изучению первобытного искусства» (Эстония – Финляндия),

Владимир Яковлевич Шумкин

членом «Общества Королевских полярных медведей» (Норвегия). Он многократно выступал с докладами на международных конгрессах и конференциях, состоявшихся в нашей стране, Белоруссии, Финляндии, Эстонии, Германии, Франции, активно участвовал в подготовке и проведении Северных археологических конгрессов. В. Я. Шумкин принимал участие в полевых работах в Монголии, Ирландии, Финляндии, Швеции, Норвегии. Совместно с норвежскими коллегами он изучал памятники полуострова Рыбачий. Заслуги В. Я. Шумкина отмечены наградами дипломами Международного форума «Арктика: настоящее и будущее».

Желаем Владимиру Яковлевичу здоровья и новых творческих успехов!

К 70-ЛЕТИЮ ДАВРОНА АБДУЛЛОЕВА

Даврон Абдуллоев

14 декабря 2017 г. исполнилось 70 лет старшему научному сотруднику Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, к. и. н. Даврону Абдуллоеву, известному исследователю древностей Центральной Азии эпохи средневековья.

Уроженец города Пенджикент (Таджикская ССР, ныне Республика Таджикистан) Даврон Абдуллоев с раннего детства интересовался археологией и еще школьником участвовал в раскопках находящегося в окрестностях Пенджикента согдийского города Панч, руины которого исследовала Пенджикентская экспедиция ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). В те годы ее возглавлял с. н. с. Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР (ныне Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН) д. и. н. А. М. Беленицкий, который оказал огромное влияние на формирование мировоззрения и жизненных установок Даврона Абдуллоева. В 1970 г.

молодой человек получил диплом исторического факультета Душанбинского государственного педагогического института.

Затем начинающий исследователь, став сотрудником Сектора археологии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, приступил к самостоятельным раскопкам раннесредневекового Пенджикента. В 1973 г. руководство Института им. А. Дониша отправило Даврона Абдуллоева на стажировку в ЛОИА АН СССР. В 1975 г. он поступил в очную аспирантуру при ЛОИА АН СССР (руководитель А. М. Беленицкий) и стал изучать кардинальные изменения в материальной культуре древних иранских обществ, вызванных вторжением в Среднюю Азию арабов в начале VIII в. В 1980 г. Даврон Абдуллоев защитил кандидатскую диссертацию «Пенджикент периода арабского завоевания и вопрос о согдийском культурном наследии».

С 1981 г. и по настоящее время Даврон Абдуллоев продолжает научную карьеру в Секторе (Отделе) Средней (Центральной) Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). Кроме многолетних исследований согдийских памятников он участвовал в раскопках кушанских поселений на юге Узбекистана и обследовал раннесредневековую мечеть в Дахистане на юго-западе Туркменистана. Археолог в течение ряда лет изучал взаимодействие различных культурных и религиозных традиций в среде горожан, населявших юг Средней Азии в последней четверти I тыс. – первой четверти II тыс. н. э. Его разработки в этой области являются существенным вкладом исследователя в изучение археологии и истории этой динамичной эпохи. Результаты своих изысканий Даврон Абдуллоев опубликовал в книге «Средняя Азия в VII–XIII вв. и вопрос о согдийском культурном наследии» (СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009. 124 с.).

Даврон Абдуллоев является знатоком культурных реалий позднеантичной и раннесредневековой Центральной Азии, к его профессиональному мнению прислушиваются, его уважают коллеги.

Редакция «Археологических вестей» от всего сердца поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих успехов и крепкого здоровья!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПЕРВОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11 В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА

И. В. Федюнин¹

Аннотация. Многослойная стоянка Костенки 11 (Аносовка 2) – один из наиболее ярких памятников верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района. Работа посвящена введению в научный оборот каменного инвентаря первого культурного слоя памятника из открытого в 2014–2015 гг. костно-земляного жилища и прилегающего пространства. На основании анализа новых материалов ставится под сомнение их принадлежность к зямятнинской археологической культуре, требующая существенной корректировки ее содержания: прежде всего, оценки диагностических свойств находок, хронологии и периодизации.

Annotation. The multilayer site Kostenki 11 (Anosovka 2) – one of the most striking site of the Upper Paleolithic Kostenki-Borshevo region. The work is devoted the introduction into scientific circulation of the stone inventory first layer of the monument opened in 2014–2015 years bone-earth habitation and the adjacent space. Based on the analysis of new materials is questioned that they belong to zamyatninskaya archaeological culture, which requires a significant adjustment to its contents: first of all assess the diagnostic properties of the finds, the chronology and periodization.

Ключевые слова: верхний палеолит, Костенки, жилище, каменная индустрия, зямятнинская культура.

Keywords: Upper Paleolithic, Kostenki, housing, stone industry, zamyatninskaya culture.

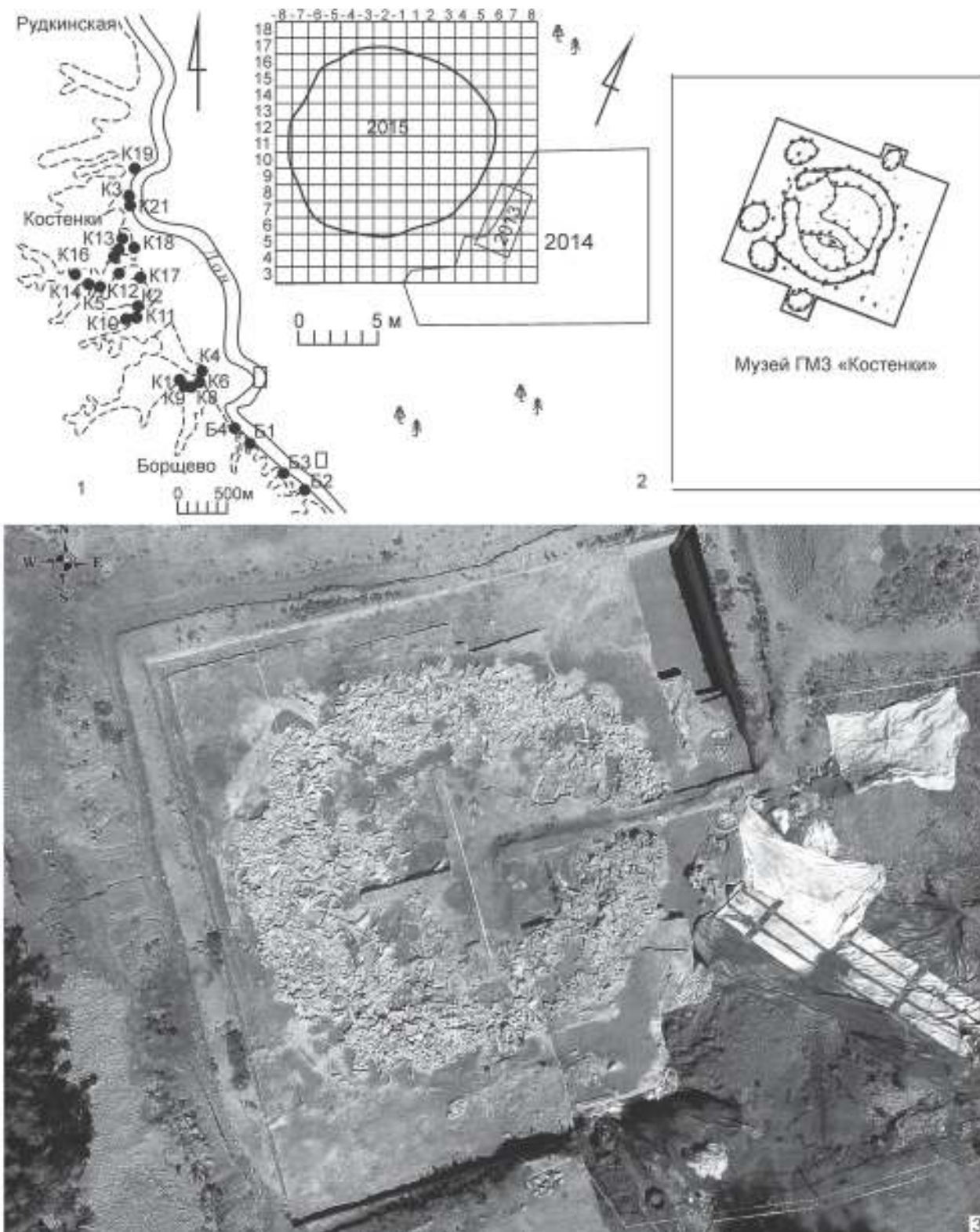
Общие сведения о памятнике. Стоянка Костенки 11 (Аносовка 2) располагается на мысу второй надпойменной террасы (высота 20–25 м) над уровнем Дона, в приустьевой части Аносова лога (Рогачев, Попов, 1982. С. 116). Была открыта А. Н. Рогачевым в 1949 г., исследовалась раскопками в 1951–1975 гг. Позже здесь проводились разведочные работы и раскопки – в 2003–2004 г. экспедициями ИИМК РАН и музея-заповедника «Костенки» (Аникович и др., 2008. С. 207–208). В 2013 г. на площади памятника был поставлен шурф 4 × 2 м. Всего за годы исследований было

вскрыто 656 кв. м, памятник интерпретировался как стоянка с пятью культурными слоями (рис. 1). Имеющиеся для первого культурного слоя радиоуглеродные даты по костям мамонта и костному углю имеют существенный разброс (12 000 ± 100 л. н. (ЛЕ-1403), 14 610 ± 120 (ЛЕ-1637), 16 040 ± 120 (ЛЕ-1704а), 17 310 ± 280 (ЛЕ-1704б), 18 700 ± 80 (ГИН-8079), 19 900 ± 350 (ГИН-2532) (Там же, 2008. С. 261). Исследователями стоянки первый культурный слой относился к зямятнинской археологической культуре (Борисковский, 1963. С. 165; Аникович и др., 2008. С. 224; Родионов, 2013. С. 216–221).

В 2014–2015 гг., в связи с запланированной постройкой котельной для отопления помещения

---

¹ Россия, 394043, Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86. E-mail: feduniv@mail.ru.

Рис. 1. Стоянка Костенки 11: 1 – место памятника на карте палеолита костенковско-боршевского района; 2 – схема соотношения раскопов разных лет; 3 – ортогональное фото костно-земляного жилища (раскоп 2015 г.; квадрокоптер DJ II Phantom)

Fig. 1. Site of Kostenki 11: 1 – location of the site in the map of the Kostenki-Borshchevo area; 2 – scheme of interrelation of excavations of different years; 3 – orthogonal photo of a dwelling constructed of bones and earth (excavation of 2015; quadrocopter DJ II Phantom)

музея, И. В. Федюниным проводились охранные раскопки на территории хозяйственного освоения (Федюнин, 2014; 2015а). Вскрытая за два года площадь составила 350 кв. м. Исследования последних лет позволили изучить кольцевое скопление костей мамонта, интерпретировать их как остатки еще одного – третьего по счету для стоянки – костно-земляного жилища, а также получить выразительную коллекцию орудий труда и заготовок. Данная работа посвящена характеристике каменной индустрии первого культурного слоя в свете новых данных.

Пространственное размещение находок.

Ввиду сложности интерпретации места первого культурного слоя в структуре памятника нельзя ограничиться только технико-типологической характеристикой каменного инвентаря. Основными его исследователями – А. Н. Рогачевым и В. В. Поповым, отмечалось существование в рамках стоянки остатков двух разновременных поселений, расположенных на северном склоне мыса: пункт «а» – более древний; на гребне и южном склоне мыса – пункт «б» – более молодой (Рогачев, Попов, 1982. С. 119). Наблюдения за литологией и стратиграфией памятника в 2014–2015 гг. не дали оснований для разделения единого слоя по вертикали: профиль залегания находок, понижающийся по склону к юго-востоку (слой Ia?), образовывал однородную тонкую линию, залегавшую в слое серо-коричневого лессовидного суглинка (рис. 2, 1). Такой же вывод был сделан и после углубления в 2014 г. до уровня второго культурного слоя.

Основное количество находок в коллекции 2014–2015 гг. представлено предметами, собранными внутри кольцевого скопления костей мамонта (рис. 2, 1); за его пределами концентрация находок падает. К югу от конструкции фиксировались три скопления изделий из камня, образующих шлейф шириной до 2,5 м (рис. 2, 1). Не исключено, что их появление стало результатом склоновых процессов. В любом случае, планиграфия изделий из камня на стоянке демонстрирует их приуроченность именно к рассматриваемой конструкции. Этот факт, как и наличие кострища в пределах конструкции, опровергает мнение ряда исследователей, интерпретирующих костно-земляное жилище стоянки Костенки 11, экспониру-

ющееся в музее, и другие как естественные «кострища», возникшие в результате катастрофических природных процессов (Лаврушин и др., 2015. С. 32–34).

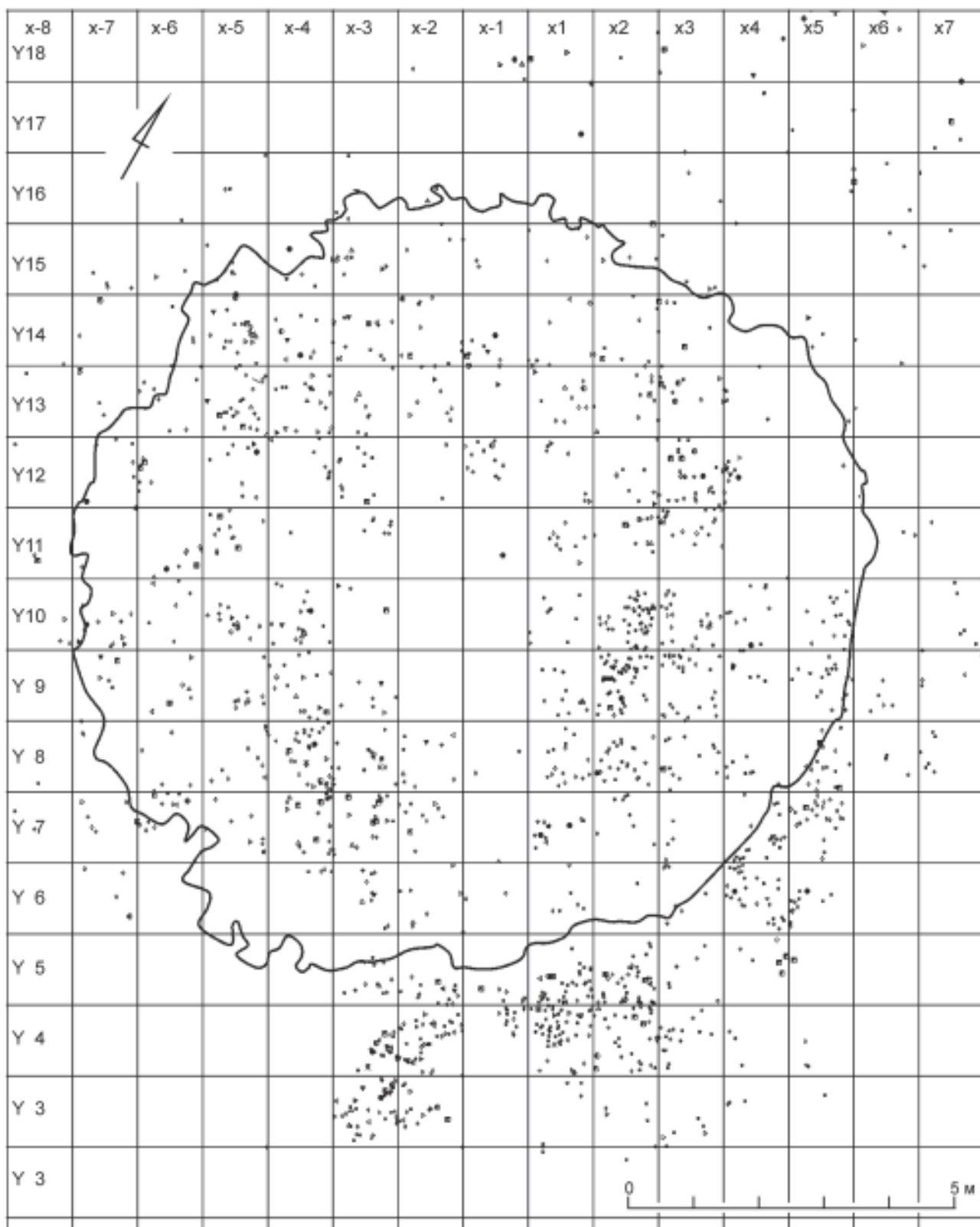
Каменный инвентарь. Каменный инвентарь первого культурного стоянки Костенки 11, полученный в ходе раскопок 2014–2015 гг., «чистый». Единичные механически перемещенные находки из второго культурного слоя диагностируются как по технике обработки, так и по внешним признакам.

Всего в ходе исследований получено 1929 единиц каменного инвентаря, из которых 203 орудия (11 %). Такое соотношение немного превышает показатели каменной индустрии, полученные в ходе предыдущих исследований (доля орудий 8,6 %) памятника (Аникович и др., 2008. С. 215).

Артефактное сырье представлено, в основном, качественным меловым кремнем оскольского либо донецкого происхождения (70 %), в меньшей степени – галечным (14 %), цветным валунным (1,65 %), плитчатым кремнем (0,5 %), кварцитом (9 %), песчаником (1,56 %), алевролитом (1,4 %), гранитом (1 %). Единичны находки расщепленного мела (0,3 %), органических окаменелостей (0,17 %), диабаз, кварца, мергеля, сферосидерита (по 1 экз.).

В коллекции преобладает серый (71,5 %) или черный (2,1 %) меловой кремь, галечный или валунный кремь, в основном, коричневый (22 %), розовый (5 %), реже – бежевый (3,5 %), белый (3 %), желтый (2 %), бордовый (0,6 %), желто-серый (0,5 %), зеленовато-серый (0,5 %), зеленый (0,2 %), коричнево-серый (0,5 %), пестрый (0,1 %). Изделия из кварцита все серого цвета. Налицо явный приоритет импортного кремня при значительной популярности местных пород: галечного и валунного кремня, а также кварцита.

Имеющаяся коллекция подверглась разного рода деструкциям. Среди них глубокая регулярная фарфорово-белая (52 %), светло-голубая локальная (35 %) либо слабая, «дымчатая» (13 %) патина. В целом, тот факт, что 68 % коллекции изделий из кремня покрыто патиной в различной степени, говорит о том, что скорость накопления культурного слоя внутри скопления костей мамонта и за его пределами была различной. Одно орудие

● - а   ■ - б   ● - в   ◊ - г   △ - д   ● - е   * - ж   ◊ - з   ▷ - и   ◁ - к   ◀ - л
 × - м   ▣ - н   ⊕ - о   ⊕ - п   ▶ - р   ◊ - с   ◊ - т   † - у   ▲ - ф   ▼ - х   — - ц

со сходящимися ретушированными краями выполнено из уже патинированной заготовки. 46 находок представляют собой обожженные кремни со сплошной или локальной полигональной сеткой трещин, 12 – несут следы воздействия сильной отрицательной температуры в виде морозобойных выколов.

Точные количественно-типологические данные основных категорий находок приведены в таблице 1.

Приведенная таблица может быть основанием для реконструкции процесса расщепления и вторичной обработки камня. Перейдем к его описанию.

Заготовки и техника расщепления. Информация о технике расщепления камня в каменной индустрии стоянки может быть получена в результате анализа исходного сырья, как неиспользованного, так и со следами «пробных» сколов, пренуклеусов, нуклеусов на разных стадиях

Таблица 1. Костенки 11. Каменный инвентарь из раскопок 2014–2015 г.

Table 1. Kostenki 11. Stone artefacts from excavations of 2014–2015

Находки	Кол-во	Процент от коллекции	Процент от категории
<i>Заготовки и отходы, средства производства</i>			
Неиспользованное сырье	24	1,2	1,4
Пренуклеус	1	0,1	0,1
Нуклеусы	58	3,0	3,4
Сколы переоформления ударных площадок	3	0,2	0,2
«Таблетки»	2	0,1	0,1
Толстые сколы с нуклеусов	4	0,2	0,2
Ребристые сколы	21	1,1	1,2
Осколки	79	4,1	4,6
Обломки	109	5,7	6,3
Отщепы	992	51,4	57,5
Чешуйки	8	0,4	0,5
Резцовые сколы	46	2,4	2,7
Пластины	296	15,3	17,1
Проксимальные фрагменты пластин	36	1,9	2,1
Медиальные фрагменты пластин	31	1,6	1,8

Рис. 2. Стоянка Костенки 11. Планиграфия находок из кремня в контексте исследования жилища из костей мамонта

Условные обозначения: *a* – камень; *b* – нуклеус, пренуклеус; *v* – отщеп, осколок, обломок; *z* – пластина, фрагмент пластины; *d* – резцовый скол; *e* – ребристый скол; *ж* – обожженная глина; *з* – охровый карандаш; *u* – резец; *к* – скребок; *л* – скобель; *м* – бифас; *н* – долотовидное орудие; *o* – орудие с плоской подтеской; *n* – орудие со шлифовкой; *p* – пластина с ретушью; *c* – пластина со скошенным концом; *m* – острие; *y* – острие с обушком; *φ* – проколка; *x* – отщеп с ретушью; *u* – внешний контур жилища

Fig. 2. Site of Kostenki 11. Plan of findspots of flint artefacts within a dwelling built of mammon bones

Notation: *a* – stone; *b* – core; core preform; *v* – flake, spall, debris; *z* – blade, fragment of a blade; *d* – burin spall; *e* – crested spall; *ж* – baked clay; *з* – ochre pencil; *u* – burin; *к* – end scraper; *л* – rabot; *м* – biface; *н* – scaled piece; *o* – flattened scaled tool; *n* – tool with polishing; *p* – blade with retouch; *c* – obliquely truncated blade; *m* – point; *y* – backed point; *φ* – borer; *x* – retouched flake; *u* – the external outline of the dwelling

Таблица 1. Окончание

Дистальные фрагменты пластин	16	0,8	0,9
<i>Всего</i>	<i>1726</i>	<i>89</i>	<i>100</i>
<i>Орудия</i>			
Отщепы с ретушью	18	0,9	8,9
Скребки концевые	25	1,3	12,3
Трапецевидный скребок	1	0,1	0,5
Скобель	1	0,1	0,5
Пластины с ретушью	26	1,3	12,8
Пластины с притупленным основанием и уплощенным краем	2	0,1	1,0
Пластина с торцевой выемкой	1	0,1	0,5
Пластина с противоположной ретушью	1	0,1	0,5
Пластины со скошенными ретушью концами	5	0,3	2,5
Микропластины с притупл. ретушью краем	2	0,1	1,0
Резцы двугранные симметричные	19	1,0	9,4
Резцы двугранные асимметричные	15	0,8	7,4
Резцы на сломе заготовки	34	1,8	16,7
Резец, поперечно усеченный ретушью	1	0,1	0,5
Резец трансверсальный	1	0,1	0,5
Резцы выемчаторетушные	3	0,2	1,5
Косоретушные резцы	6	0,3	3,0
Резчики	2	0,1	1,0
Орудия с плоской подтеской	12	0,6	5,9
Ножи с «естественным» обушком	2	0,1	1,0
Двустороннеобработанные орудия	5	0,3	2,5
Псевдомикрорезец	1	0,1	0,5
Асимметричное острие	1	0,1	0,5
Симметричные острия	3	0,2	1,5
Долотовидные орудия	6	0,3	3,0
Фрагменты проколов	2	0,1	1,0
Обломки камня с шлифовкой	4	0,2	2,0
Неопределимые обломки орудий с ретушью	3	0,2	1,5
Рубящее орудие	1	0,1	0,5
<i>Всего</i>	<i>203</i>	<i>11</i>	<i>100</i>
<i>Итого</i>	<i>1929</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

утилизации, а также облика сколов – потенциальных и реальных заготовок для изготовления орудий.

На имеющихся материалах весь цикл расщепления доподлинно реконструирован быть не может: налицо отсутствие нуклеусов, соответствующих крупным пластинам и орудиям из них (рис. 3). Оббитые желваки мелового кремня проходили стадию выведения продольного ребра и ударной площадки. Далее велось призматическое расщепление, результатом которого были, в подавляющем большинстве случаев, пирамидальный нуклеус (рис. 3, 6, 7, 19, 23), реже – уплощенные, с единственной ударной площадкой (рис. 3, 15, 18, 24). Другое направление базировалось на изготовлении торцового нуклеуса на краю подходящего обломка (рис. 3, 16, 20, 21, 30) либо предварительно затупленном ретушью краю отщепы (рис. 3, 2). Часто такие изделия невозможно отличить в рамках классификации от резцов с подработанной площадкой скола. При этом перечисленные нуклеусы, судя по «переходным» типам, вполне могли представлять собой определенные этапы процесса расщепления одной и той же заготовки. Экономия качественного мелового кремня выражалась в его предельной утилизации: подавляющее большинство нуклеусов имеет размеры менее 4×4 см, истощенные ядрища – многоплощадочные (рис. 3, 3, 5, 22, 25, 29). Каких-либо технологических особенностей раскалывания мелкозернистого кварцита не зафиксировано. Немногочисленные сколы из гранита, песчаника и др. видов сырья, видимо, были получены путем раскалывания подходящих отдельностей камня без предварительной подготовки.

Пирамидальные нуклеусы использовались для получения отщепов и пластин, торцовые нуклеусы – только для пластин. Начальные операции процесса расщепления производились, преимущественно, за пределами изученного участка: первичные и полупервичные сколы в коллекции с участками естественной поверхности камня составляют 29 %, вторичные – 71 %.

Процентное соотношение ударных площадок сколов в коллекции выглядит следующим образом: гладкие (63 %), линейные (14 %), точечные (7 %), двугранные (4 %), покрытые коркой (3 %), в виде

«летающей птицы» (3 %), фасетированные (1 %), разбиты (5 %). Можно отметить, что в технике расщепления преобладал удар «мягким» и минеральным (5 % площадок разбиты вследствие его применения) отбойниками для получения отщепов и пластин.

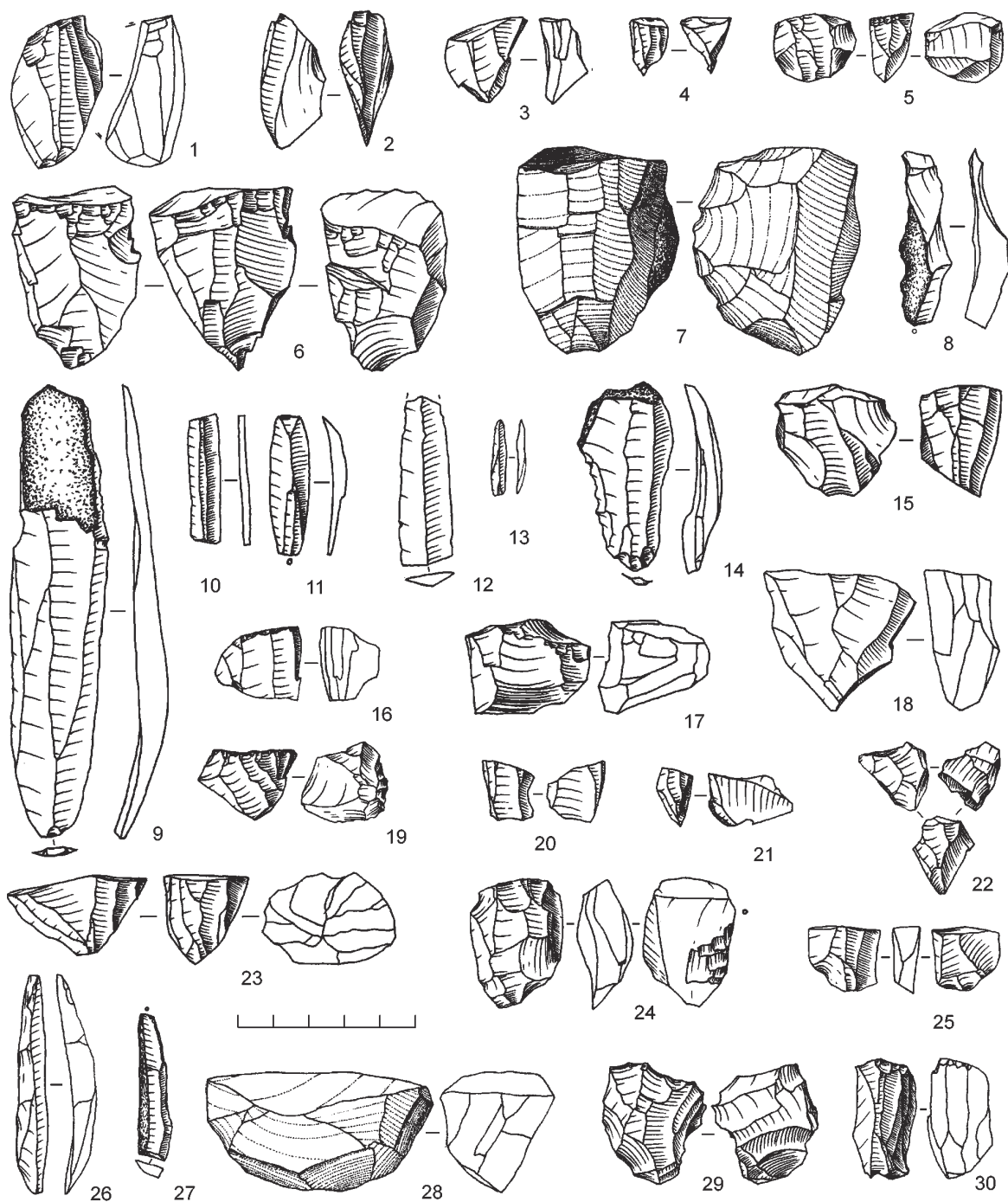
Коллекция длинных сколов представлена разнообразными находками, отдельные из которых представляют собой правильные симметричные призматические пластины с двух- или трехскатной спинкой (рис. 3, 10–12), большинство – с нерегулярным оформлением спинки (рис. 3, 9, 13, 14).

Выявленные орудия изготовлены из пластин (44 %), отщепов (25 %), неопределимых заготовок (17 %), обломков (6 %), осколков (3 %), плиток кремня (2 %), гальки (1,7 %), валунчиков (0,5 %). Если исключить из анализа орудия случайных форм, индустрию памятника можно назвать пластинчатой.

Вторичная обработка и орудия. Орудия, выявленные в ходе исследования, представлены достаточно разнообразным ассортиментом. Наибольшей типологической невыдержанностью отличаются отщепы и пластины с регулярной и нерегулярной краевой ретушью.

Самая многочисленная категория орудий – резцы. Преобладают орудия, изготовленные на углах сломанных площадок отщепов или пластин (рис. 4, 4, 5, 10, 12, 15, 16, 18, 20, 22, 27, 30, 35) и двугранные – симметричные и асимметричные, в ряде случаев комбинированные с другими типами (рис. 4, 2, 6, 11, 14, 17, 19, 23, 24–26, 29, 31–33, 37–39, 41). Два изделия можно отнести к типу полиэдрических (рис. 4, 34, 40). Для двойных двугранных резцов характерно полярное расположение резцовых кромок (рис. 4, 32, 37). Ретушные резцы единичны, представлены всеми известными типами (рис. 4, 1, 3, 7–9, 13, 28). При этом в коллекции присутствуют изделия с трансверсальными и продольными сколами, которые, скорее всего, использовались для оформления аккомодационных участков орудий труда (рис. 4, 38).

Фактически все скребки в индустрии концевые, длинные (рис. 5, 1–13, 15–17) или укороченные, с лезвиями правильной арочной формы (рис. 5, 14, 19–21). Единичны находки высоких в профиле кареноидных изделий (рис. 5, 18) или концевых-

Рис. 3. Каменный инвентарь первого слоя стоянки Костенки 11 из раскопок 2014–2015 гг.

Дебитаж: 1–6, 8–27, 29, 30 – меловой кремнь; 7, 28 – кварцит

Fig. 3. Lithics excavated in 2014–2015 from the first cultural layer at the site of Kostenki 11.

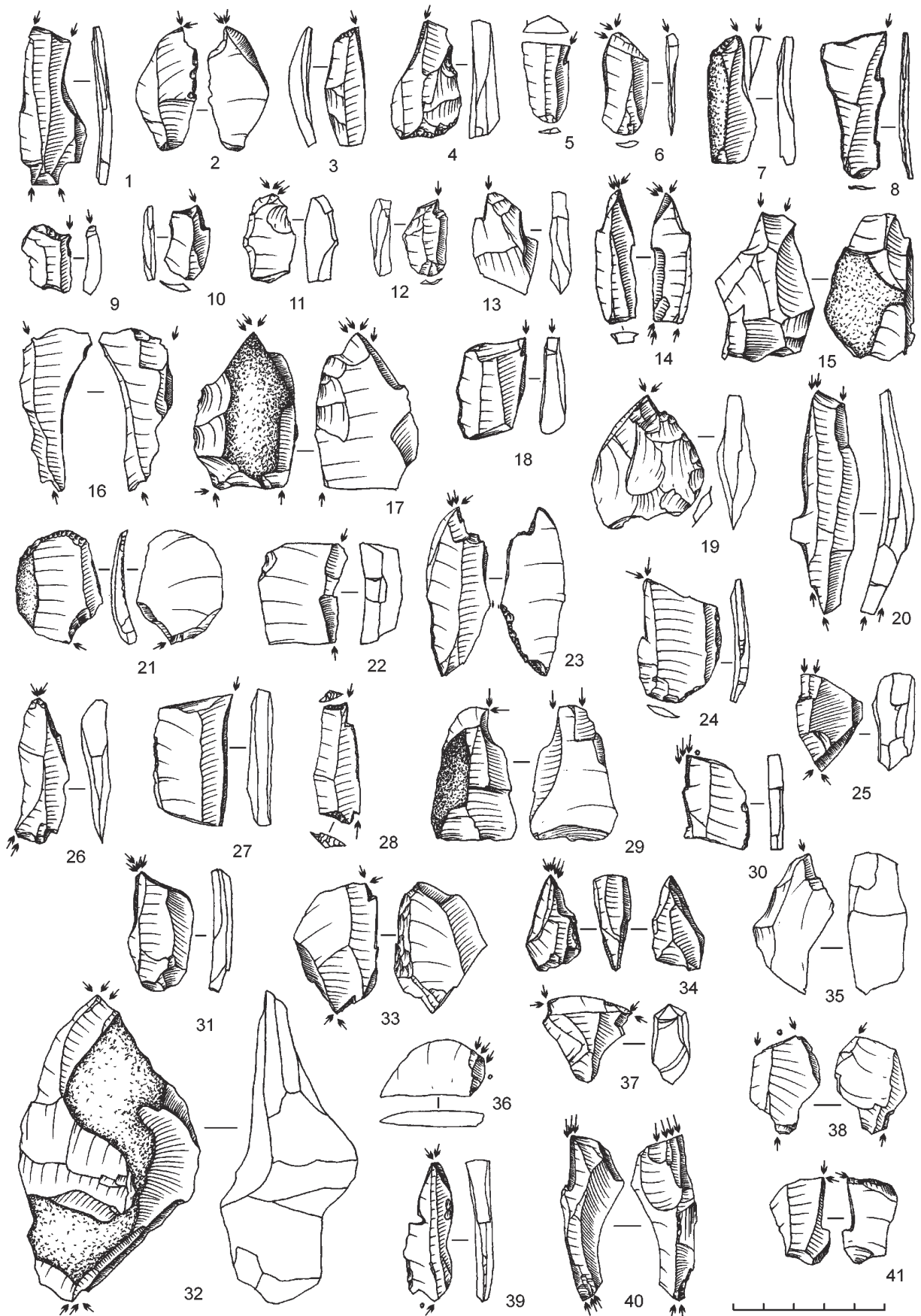
Debitage: 1–6, 8–27, 29, 30 – chalk flint; 7, 28 – quartzite

Рис. 4. Каменный инвентарь первого слоя стоянки Костенки 11 из раскопок 2014–2015 гг.

Резцы: 1–14, 16, 18–31, 33–41 – меловой кремнь; 15, 17, 32 – галечный и плитчатый кремнь

Fig. 4. Stone finds excavated in 2014–2015 from the first cultural layer at the site of Kostenki 11.

Burins: 1–14, 16, 18–31, 33–41 – chalk flint; 15, 17, 32 – pebble and tabular flint

боковых скребков трапециевидной формы со скошенным лезвием, со следами утилизации только на одной из ретушированных поверхностей (рис. 5, 22), раклета (рис. 5, 23). Среди концевых скребков на удлинённых заготовках особую группу составляют тонкие в профиле симметричные изделия с зауженным фронтом (рис. 5, 1–5). Комбинированные орудия представлены, в основном, сочетанием скребка и резца на противоположных концах орудия (рис. 4, 21; 5, 30, 32, 32–37).

Долотовидные орудия изготовлены из отщепов и пластин, выделяются тонким профилем, двусторонней обработкой поверхности, следами забитости рабочего края (рис. 6, 1, 2, 5–7). Орудия с плоской подтеской брюшка морфологически не выдержаны, не имеют диагностирующих следов утилизации (рис. 6, 8, 16, 17).

Другие орудия представлены единичными находками симметричных и асимметричных острий и их обломков, иногда со следами макроизноса, плоской подтески (рис. 6, 23, 25, 40), обломками проколов из пластин или отщепов с асимметричным расположением жальца (рис. 6, 10, 33, 43), микропластинами с притупленным ретушью краем (рис. 6, 12).

Группа микроострий включает в себя изделия с асимметричным расположением кончика, выделенного мелкой краевой, возможно, абразивной, ретушью (рис. 6, 9, 11, 13, 14). Выразительны разных пропорций острия со скошенным крутой ретушью с брюшка или спинки концом и ретушированным у основания краем (рис. 6, 22, 29, 31). Пластины со скошенным концом обработаны крутой ретушью, торец ровный либо выпуклый (рис. 6, 26–28).

Единичны такие предметы, как изделия с отвесной формообразующей ретушью (рис. 6, 32, 48, 49), обломки пластин с притупленным ретушью основанием и приостренным краем (рис. 6, 41), пластины с выделенным ретушью уголком (рис. 6, 38), наконец, так называемый псевдомикрорезец – побочный продукт производства геометрических микролитов или острий (рис. 6, 44). В коллекции имеются обломок наконечника с боковой выемкой с двусторонней мелкой краевой ретушью (рис. 6, 20), острие с притупленным ретушью краем и основанием (рис. 6, 36), обломок пластины, обработанный в той же технике (рис. 6, 35).

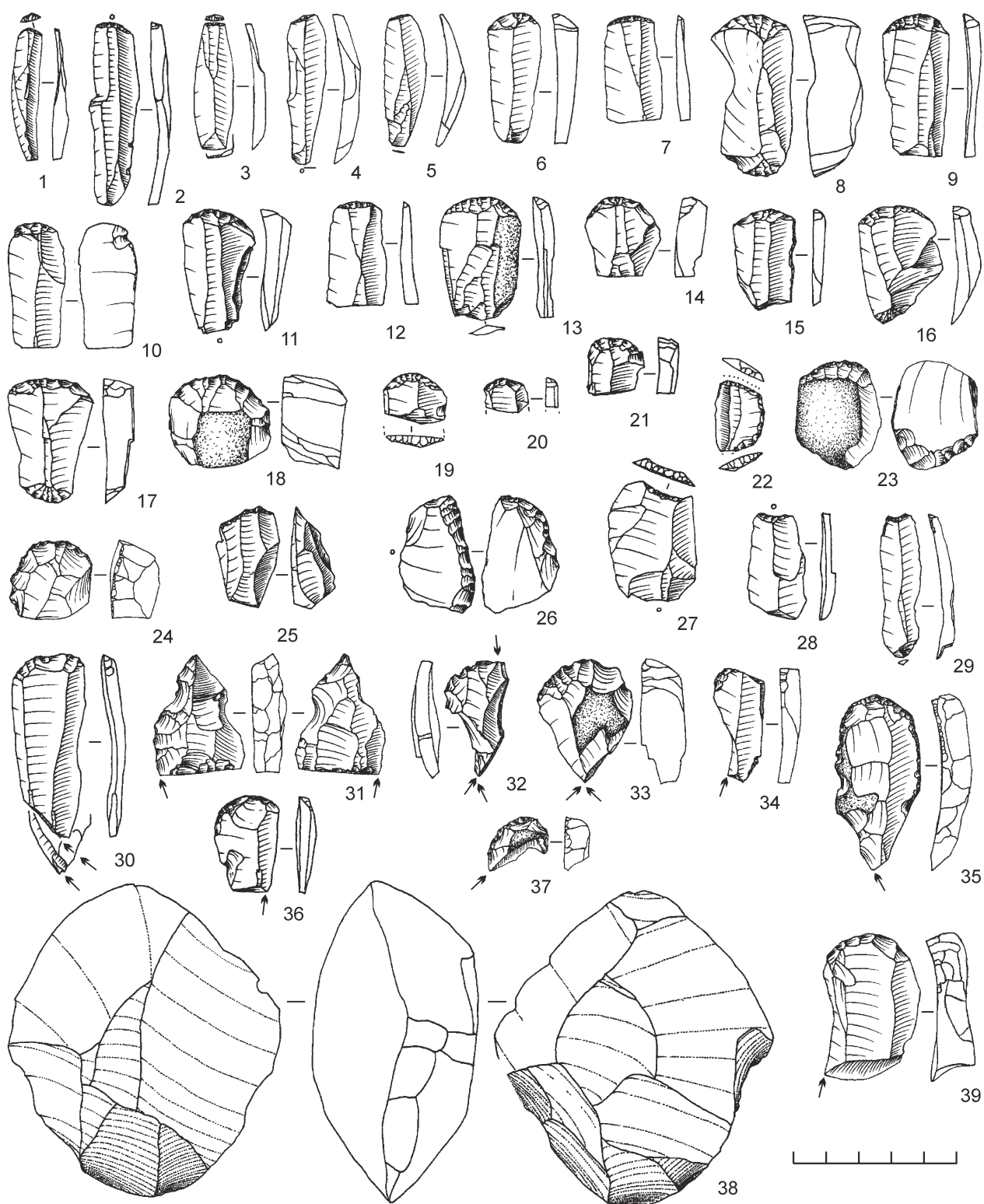
В единственном экземпляре в коллекции присутствует крупное кварцитовое изделие ромбовидной формы с двусторонней обработкой (рис. 5, 39). Отсутствие следов утилизации, серия крупных сколов с двух сторон у одного края, симметричный профиль в виде выпуклой линзы позволяют интерпретировать находку как брошенный без видимых причин бифас, возможно, заготовку для изготовления пренуклеуса. Ряд орудий с двусторонней обработкой подовальной формы, с выделенным лезвием, скорее всего, представляли собой обломки тесел или долот (рис. 6, 3, 18).

В целом, вторичная обработка орудий в каменной индустрии характеризуется преобладанием приемов крутой ретуши, резцового скола, реже – плоской подтески и двусторонней оббивки, в единичных случаях – шлифовки.

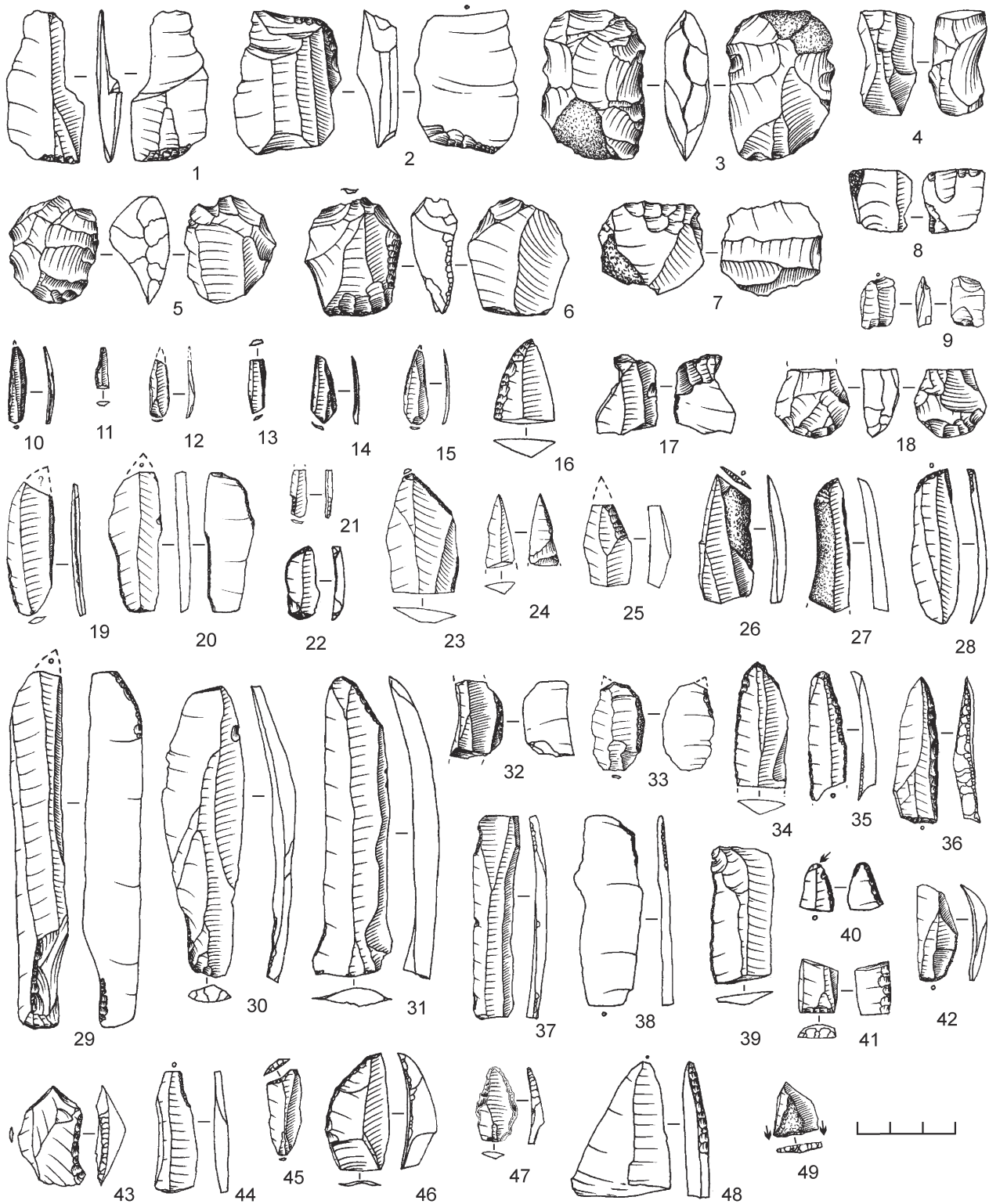
Выводы. Накопление новых материалов стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) уже сейчас позволяет под иным углом зрения посмотреть как на проблему памятника, так и на культурно-генетические процессы в позднем палеолите костенковско-борщевского района на Дону.

Поверхностный взгляд на коллекцию из первого культурного слоя стоянки может привести к мысли о деградации технологии обработки кремня в сравнении с более древними материалами из Костенок. Однако более точным будет определение индустрии как предельно рациональной технологии, базировавшейся на принципах максимально полного и эффективного использования импортного мелового кремня в условиях его дефицита. Высказанное предположение подтверждается преобладанием истощенных нуклеусов, серией комбинированных орудий, документированными попытками освоения технологий раскалывания местного сырья (кварцит, галечный, валунный, плитчатый кремь, гранит и т. д.) и реутилизации ряда изделий.

В ходе работ 2014–2015 гг. была получена коллекция нуклеусов и технологических сколов, позволяющая реконструировать первичное раскалывание кремня. Достаточно разнообразный ассортимент орудий не укладывается в перечень характеристик замятинской археологической культуры, к которой М. В. Аникович относил культурный слой 1а данного памятника (Аникович и др., 2008. С. 224).

Рис. 5. Каменный инвентарь первого слоя стоянки Костенки 11 из раскопок 2014–2015 гг.
 Орудия с ретушью, скребки, комбинированные орудия: 1–38 – меловой кремнь; 39 – кварцит
Fig. 5. Stone finds excavated in 2014–2015 from the first cultural layer at the site of Kostenki 11.
 Retouched pieces, end scrapers, combined tools: 1–38 – flint; 39 – quartzite

Рис. 6. Каменный инвентарь первого слоя стоянки Костенки 11 из раскопок 2014–2015 гг. Орудия разных типов (меловой кремнь)

Fig. 6. Stone finds excavated in 2014–2015 from the first cultural layer at the site of Kostenki 11. Tools of different types (flint)

П. И. Борисковский подчеркивал, что стоянки замятнинской культуры, расположенные на первой террасе Дона, самые молодые в костенковско-борщевском районе, имеют черты «перехода к мезолиту и неолиту...» (Борисковский, 1963. С. 165). Среди отличительных признаков данной культуры – наличие истощенных нуклеусов, многофасеточных резцов, преобладание приема вторичной обработки мелкой нерегулярной, иногда приостряющей ретушью, наличие орудий с плоской подтеской при фактическом отсутствии выразительных типов острий (Там же, 1963. С. 165). Заметно, что здесь речь идет об очень общих технологических приемах вторичной обработки, а характеристики ведущих типов орудий можно поставить под сомнение только на основании перечня публикуемых в настоящей работе материалов. Другие исследователи, работавшие с коллекциями замятнинской культуры, неоднократно отмечали разногласия в интерпретации имеющихся находок (Родионов, 2013. С. 220; Федюнин, 2015б. С. 371). О наличии каких-либо черт преэминентности индустрии рассматриваемой культуры с комплексами финального палеолита – раннего мезолита лесостепного Подонья (Федюнин, 2003; 2004; Федюнин, Сурков, 2005; Федюнин и др. 2006; Федюнин, 2010; 2012) в настоящее время говорить нельзя.

Ранее автором была проведена критическая оценка источниковой базы замятнинской культуры, которая в прежней ее интерпретации была признана недостаточной (Федюнин, 2015б. С. 370–372). Тем не менее, высказанное мнение не означает, что от понятия данной культуры следует отказаться. Скорее, требуется существенное уточнение ее специфики путем анализа всех имеющихся данных и новых исследований. Представляется вероятным, что в рамках данного понятия объединены разновременные и разнокультурные материалы. Однако до получения новых радиоуглеродных датировок дальнейшие разработки данной проблемы будут преждевременными.

Аникович и др., 2008 – Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.

Борисковский, 1963 – Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963 (МИА; № 121).

Лаврушин и др., 2015 – Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Кураленко Н. П., Недумов Н. И., Холмовой Г. В. Палеозоологические катастрофы в позднем палеолите центра Восточной Европы (основы седиментолого-палеозоологической концепции возникновения кладбищ мамонтов). М., 2015.

Рогачев, Попов, 1982 – Рогачев А. Н., Попов В. В. Костенки 11 (Аносовка 2) // Палеолит костенковско-борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.

Родионов, 2013 – Родионов А. М. Вопросы генезиса замятнинской культуры в контексте каменных индустрий // Восточноевропейские древности. Воронеж, 2013.

Федюнин, 2003 – Федюнин И. В. Стоянка Ильмень-Голова в лесостепном Похоперье // Археология Восточноевропейской Лесостепи. Пенза, 2003.

Федюнин, 2004 – Федюнин И. В. К вопросу о периодизации мезолита Лесостепного Похоперья // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.

Федюнин, 2005 – Федюнин И. В. Стоянка Каменка 1 в Среднем Похоперье // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Федюнин, Сурков, 2005 – Федюнин И. В., Сурков А. В. Финальнопалеолитический комплекс стоянки Плаутино 2 в Среднем Похоперье // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Федюнин и др., 2006 – Федюнин И. В., Михнов А. С., Хурчак А. П. Новый мезолитический памятник на юге Лесостепного Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006.

Федюнин, 2010 – Федюнин И. В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.

Федюнин, 2012 – Федюнин И. В. Стоянка Плаутино 2 и ее место в мезолите бассейна Дона. Воронеж, 2012.

Федюнин, 2014 – Федюнин И. В. Отчет о раскопках многослойной палеолитической стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) в Хохольском районе Воронежской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. М., 2014. Б/н.

Федюнин, 2015а – Федюнин И. В. Отчет о раскопках многослойной палеолитической стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) в Хохольском районе Воронежской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. М., 2015. Б/н.

Федюнин, 2015б – Федюнин И. В. Дискуссионные вопросы изучения палеолита Южного Подонья // АВ. СПб., 2015. Вып. 21.

Stone artefacts from the first cultural deposit of the site of Kostenki-11 in the light of new investigations and some problems of the Upper Palaeolithic of the Kostenki-Borshevo region

I. V. Fedyunin

The stratified site of Kostenki-11 (Anosovka-2) is among the most remarkable Upper Palaeolithic sites of the Kostenki-Borshevo region. In 1979, part of the site's area over a bone-and-earth dwelling was occupied by the museum building where until now the excavated remains of the dwelling are exposed. Despite the fact that this site is widely known, certain questions concerning its chronology, periodization, cultural affiliation are so far unresolved. The present article is devoted to publication of the stone artefacts from the first layer in the bone-earth dwelling uncovered in 2014–2015 and its adjacent area. The cultural layer traced in the course of excavations is homogeneous in terms of both the technological and typological composition of the finds and its stratigraphy. The absolute majority of the findings here studied came from the area of the dwell-

ing and its surroundings. Its stone industry is based on splitting prismatic cores. In the secondary processing of the cores, steep retouching techniques, incision cleaving, occasionally, bilateral hammering and, very rarely, grinding were employed. Notable is the utmost rationality of the technology based on the principle of exhaustive and efficient use of imported cretaceous flint under conditions of its deficiency. The new finds run contrary to the hypothesis proposed by some researchers on a 'natural' character of the accumulations of mammoth bones at Palaeolithic sites, including Kostenki-11. Analysis of the new finds makes it arguable that they belong to the Zamyatninskaya archaeological culture. This problem requires an essential review of the finds: firstly assessment of their diagnostic qualities, chronology and periodization.

КОВРИЖКА IV: ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС 6-ГО КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА

А. В. Тетенькин, А. Анри, А. М. Клементьев¹

Аннотация. В статье представлен 6-й культурный горизонт стоянки Коврижка IV на Витиме, в Байкало-Патомском нагорье. Комплекс имеет радиоуглеродный возраст около 15,6 тыс. л. н. Выявлены остатки жилища, представленные каменной внешней выкладкой в форме полуокружности, двумя очагами в центре и в привходовой зоне, культурными остатками. Отмечен прокрас охрой культурного слоя. Определены кости снежного барана и лося, угли ивы. Предложен зимний сезон существования стоянки. Коллекция культурных остатков насчитывает свыше 9,5 тыс. единиц. Каменные изделия (33 ед.) имеют финальнопалеолитический облик. Наиболее выразительны клиновидные нуклеусы, скребла, скребки. Найдено костяное изделие длиной 15 см. На одной из его поверхностей выявлены выгравированные детали, на основе чего поделка определена как антропоморфная статуэтка. Комплекс является самым древним четко стратифицированным на Витиме. Ясно выраженные остатки палеолитического жилища обнаружены впервые для региона севера Байкальской Сибири.

Annotation. This article is devoted to the 6th cultural horizon of the site of Kovrizhka-IV on the Vitim River in the Baykal-Patom plateau. The complex under study is radiocarbon dated to 15.6 thousand years BP being the oldest clearly stratified site on the Vitim. It is the first case where distinctly identifiable remains of a Palaeolithic dwelling (a semicircular external stone masonry, two fireplaces in the centre and near the entrance) have been discovered in Baykal Siberia. There were noted an ochre painting of the cultural layer; bones of a bighorn sheep and elk and identified pieces of willow charcoal. The camp-site under study functioned presumably during a winter season. The collection of cultural remains comprises over 9.5 thousand items. The stone artefacts (33 pieces) are of a Final-Palaeolithic type. Wedge-shaped cores and scrapers are among the most distinctive tools. During the excavations, an object 15 cm long manufactured from bone was uncovered. On one of its surfaces, it had some engraved details suggesting that we are dealing here with an anthropomorphic figurine.

Ключевые слова: финальный плейстоцен, финальный палеолит, Восточная Сибирь, палеолитическое жилище, техника производства микропластин, Коврижка IV, Витим.

Keywords: Final Pleistocene, Final Palaeolithic, East Siberia, Palaeolithic dwelling, manufacture of microblades, Palaeolithic art, anthropomorphic statuette, Kovrizhka-IV, Vitim.

Байкало-Патомское нагорье, в пределах которого находится публикуемая в данной статье стоянка Коврижка IV, находится на стыке Байкальской Сибири и Якутии. Исследования палеолита в самом нагорье и в осевой его части, долине

¹ Тетенькин А. В. – Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. Иркутский национальный исследовательский технический университет, Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии. E-mail: altet@list.ru.

Анри А. – Франция, 06108 Nice cedex 2, France. Университет г. Ницца – София Антиполис. E-mail: aureade.henry@me.com.

Клементьев А. М. – Россия, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128. Институт земной коры СО РАН. E-mail: klem-al@yandex.ru.

нижнего Витима начались с работ Ю. А. Мочанова во второй половине 1970-х гг. Открытая им первая палеолитическая стоянка Авдеиха была отнесена к дюктайской верхнепалеолитической культуре Северо-Восточной Азии и датирована возрастом 15–12 тыс. л. н. (здесь и далее приводится некалиброванный радиоуглеродный возраст) (Мочанов, 1977. С. 220, табл. Д; 1982; 2007). В 1985 г. Е. М. Инешиним, В. М. Ветровым и Н. Е. Бердниковой была открыта стоянка Большой Якорь I, изучавшаяся далее Е. М. Инешиним, а с 1992 г. и одним из авторов данной статьи (Инешин, Тетенькин, 2010). Ее палеолитический комплекс состоит из пятнадцати культурных горизонтов

интервала около 12,7–11,7 тыс. л. н. Памятник стал эталонным для севера Байкальской Сибири в аспектах геохронологии финала плейстоцена, палеоэкологической и палеохозяйственной характеристики, реконструкции систем каменного производства и деятельностных ситуаций, сформировавших ансамбли культурных остатков (Там же, 2010. С. 251–255). Типологически культурные горизонты Большого Якоря I были соотнесены с дюктайской культурой Якутии и верхоленской культурой Прибайкалья (*Белоусов и др.*, 1990).

Новый импульс археология каменного века этой территории получила с открытием в 1995 г. группы местонахождений Коврижка I–V (*Тетенькин*, 2009; 2010; 2014а; 2016а; 2016б). Исследования Коврижки II принесли первые в районе палеолитические (дюктайские) комплексы раннеголоценового возраста, около 8,3–8,1 тыс. л. н. Коврижка III дала представительные палеолитические комплексы на этапе перехода от плейстоцена к голоцену, около 11,3–10,4 тыс. л. н. Помимо этих объектов в 1990–2010-х гг. открыты и изучались донеолитические ансамбли местонахождений Инвалидный III, им. Аксенова (Брызгунья) и Мамакан VI (*Инешин, Тетенькин*, 2005; *Тетенькин*, 2014б). Вместе с ними комплексы Коврижки, Большого Якоря I и Авдеихи сформировали современную источниковую базу финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима (*Инешин, Тетенькин*, 2005; *Тетенькин*, 2011). Начата работа по созданию местной районной схемы развития культур финального плейстоцена – раннего голоцена в интервале около 20–6 тыс. л. н. Новые шаги в этом направлении связаны с недавно открытыми комплексами Коврижки IV.

Стоянка Коврижка IV открыта и раскапывалась А. В. Тетенькиным в 2004, 2007, 2009, 2010, 2012, 2014–2016 гг. (*Тетенькин*, 2009; 2010; 2016б). В 2012 г. была выявлена окраина стояночного комплекса 6-го культурного горизонта, в итоге ставшего самым репрезентативным на памятнике. В 2014 и 2015 гг. раскопки его были продолжены.

В 2014 г. во время раскопок жилищного комплекса культурного горизонта 6 стоянки Коврижка IV была расчищена фигурная кость, имеющая

антропоморфный контур. В условиях общей плохой сохранности фаунистических остатков на местонахождении были предприняты усилия по сохранению находки. Она была вывезена на фрагменте культуросодержащего слоя и отреставрирована в Лаборатории реставрации и консервации Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН². После реставрации предмет был представлен для обсуждения на конференциях «Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры» (Иркутск, 2015), «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» (Красноярск, 2016), на заседании Отдела палеолита ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 2016). Данная костяная поделка после реставрации публикуется впервые.

Коллекция углей из культурного горизонта 6 изучена специалистом-антракологом А. Анри (университет г. Ницца – София Антиполис, Франция). С ее помощью проведено радиоуглеродное датирование в г. Саленто, Италия. Костные остатки изучены и определены А. М. Клементьевым (Институт земной коры СО РАН, Иркутск). По биоаптиту эмали зубов снежного барана из 6-го и 3-го к. г. благодаря помощи Т. Гебела (Центр по изучению первых американцев Техасского А&М университета, США) получены последние радиоуглеродные даты в Университете Джорджии, США.

Работы 2016 г. показали уничтоживший культуровмещающие отложения выше культурного горизонта 6 размыв и последовавший за ним новый цикл аллювиального осадконакопления с новыми культурными горизонтами 2А, 2Б, 2В. Основной из них, культурный горизонт 2Б, дал одноочажный комплекс, по которому также получена радиоуглеродная дата. Изучение его позволило резче очертить облик культурного горизонта 6. Общая вскрытая площадь составила 72 кв. м.

² Авторы приносят глубокую благодарность О. В. Жмур, А. А. Шумскому, П. П. Быкову, Е. М. Черкашиной, С. А. Васильеву, В. В. Питулько и Е. Ю. Павловой, Е. Е. Кононову, А. В. Веренской, А. В. Данилову, Т. Гебелу, Х. Смит, Я. В. Кузьмину, Н. Кошуба, принявшим участие в работе на разных этапах раскопок, вывоза, реставрации и анализа, датирования материалов и, в том числе, представленных в статье костяных поделок из стоянки Коврижка IV.

Геоморфология, стратиграфия и радиоуглеродная хронология. Археологический ансамбль Коврижка находится в долине нижнего течения Витима, в пределах центрального Бодайбинского прогиба Чая-Жуинской внутренней депрессии Байкало-Патомского нагорья (Золотарев, 1974), в 3 км ниже по течению от устья левого витимского притока реки Мамакан, в 15 км от районного центра г. Бодайбо (Иркутская область), на правом берегу Витима (рис. 1, 1, 2). Эта группа памятников входит в Мамаканский геоархеологический субрайон, характеризуемый наибольшей для Нижнего Витима концентрацией археологических местонахождений и наиболее полно изученный (Белоусов и др., 2002). В частности, они расположены в 2 км ниже по течению Витима от опорного археологического объекта Большой Якорь I.

Название «Коврижка» ансамбль получил по одноименному топониму – выступающему в Витим скальному мысу (рис. 1, 3). Этот мыс, по-видимому, сыграл позитивную роль в создании водной эрозионной тени для борта долины, следующего за ним по течению. Отложения надпойменных террас, вмещающие культурные остатки, формировались в относительно спокойном режиме. Здесь долина Витима представляет собой переход от прижима к расширению борта. Участок долины с местонахождениями Коврижка I–IV выше и ниже по течению ограничен ручьями. Верхний ручей наследует русло витимской протоки под самым скальным прижимом мыса Коврижка. Нижний ручей бежит в пределах конуса выноса.

Рельеф имеет ступенчатый профиль, нижние формы которого представлены первой (9–11-метровой), второй (17–19-метровой) и третьей (22-метровой) надпойменными террасами (рис. 1, 4). Выше рыхлые отложения образованы склоновыми осадками, лежащими на цоколе. Ступенчатый характер борта долины осложнен поперечным ложково-грядовым рельефом, по мнению геолога Е. Е. Кононова (Институт географии СО РАН), куэстового происхождения: селективной денудацией моносинклинально залегающих горных пород. Коренные отложения представлены амфибол-гнейсами и пегматитами.

Общая мощность пройденных рыхлых отложений 2,90 м. В северо-восточной части раскопа цоколь встречен на глубине 0,90 м, в южной – на глубине 1,20 м. Рыхлые отложения представлены пятью пачками сверху вниз (рис. 2):

первая пачка – субаэральные склоново-делювиальные супесчаные отложения современного почвенного профиля, культурные горизонты 1, 1А, 1Б, 2; мощность 0,40–0,45 м;

вторая пачка – ритмично слоистые пески пойменной фации аллювия, отложенные на части террасы после ее размыва, культурные горизонты 2А, 2Б; мощность 0,55–0,75 м;

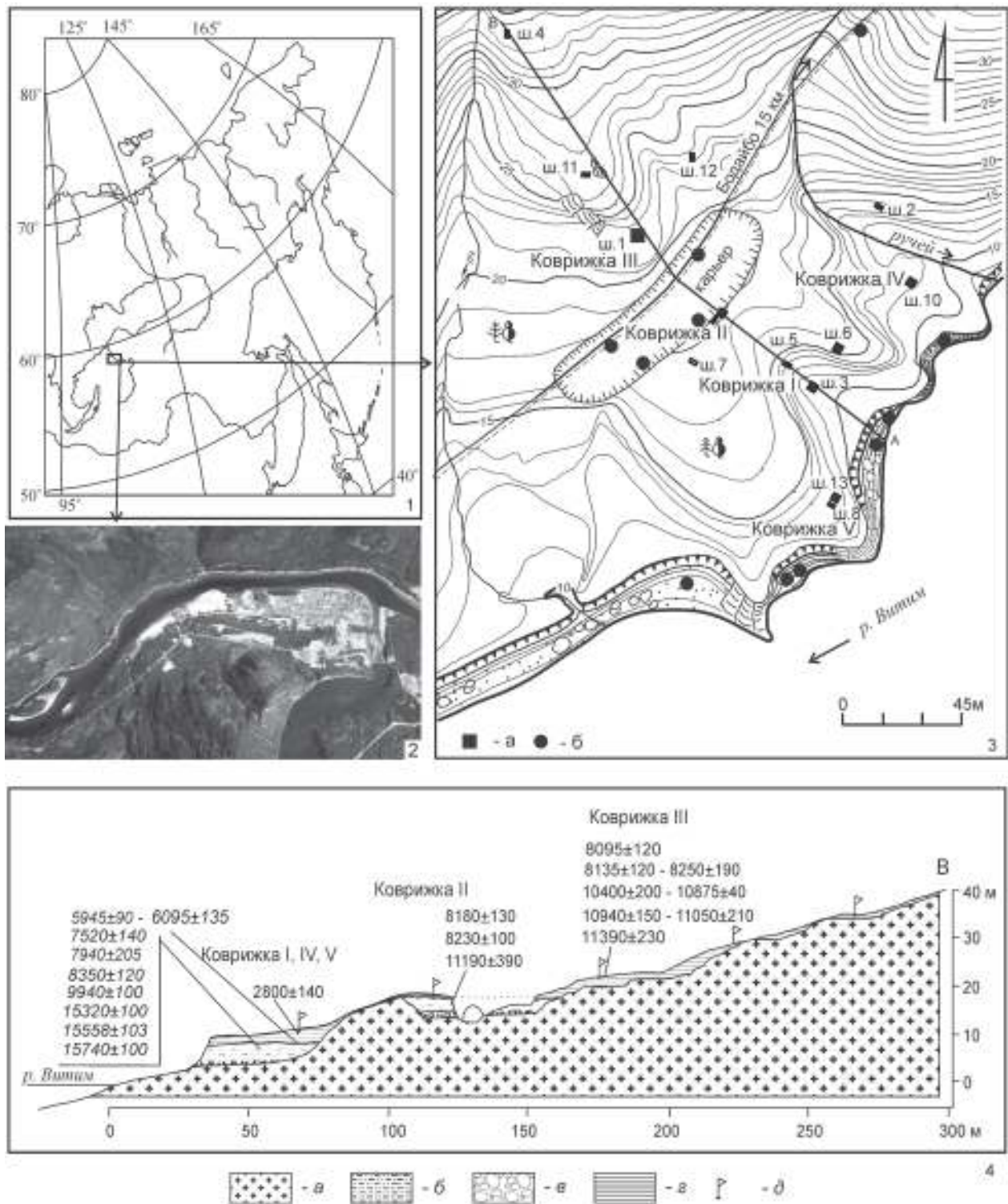
третья пачка – ритмично слоистые пески пойменной фации аллювия, уничтоженные на части террасы речной эрозией, культурные горизонты 3, 3А, 3Б, 4, 5; мощность 0,60–0,70 м;

четвертая пачка – ритмично слоистые пески пойменной фации аллювия, уцелевшие при размыве отложений, культурные горизонты 6, 7, 7А, 8; мощность 0,10–1,0 м;

пятая пачка – галечник русловой, мощностью до 0,80 и более.

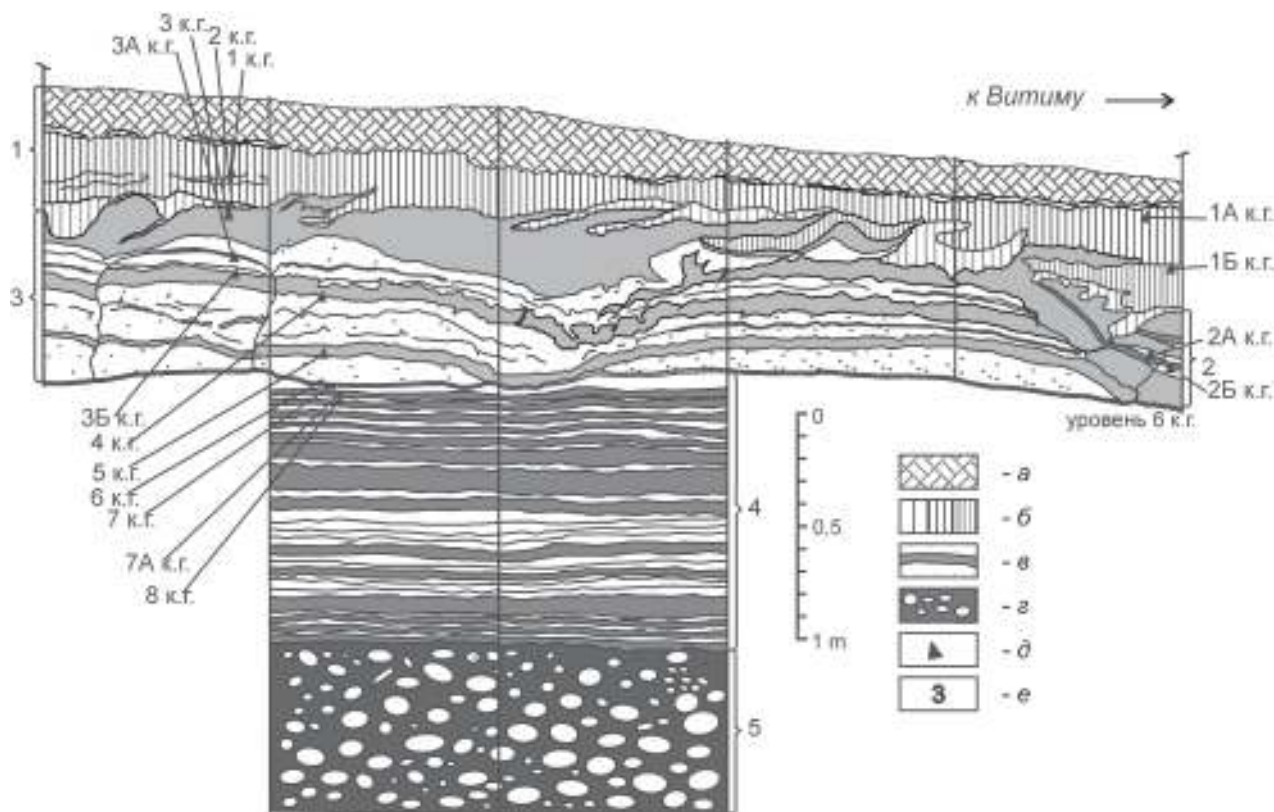
Подшоша субаэральные отложения солифлюцирована. В верхней части аллювиальных отложений пачки 2, в третьем культурном горизонте наблюдается перемык. На глубину до 1,20 м отмечены ходы землеройных животных; мощность до 0,70 м и более.

Изначально представления о возрасте 11-метровой витимской террасы и культурных горизонтов Коврижки IV строились на данных разработанной модели динамики формирования рельефа долины Витима Мамаканского геоархеологического района (Инешин, Тетенькин, 2010), согласно которым 9–11-метровая терраса формировалась рекой в первой половине голоцена. Этому не противоречили первые радиоуглеродные даты по углю из кротовины с уровня 5-го культурного горизонта – 7940 ± 205 л. н. (СОАН-7294) и по валовому образцу угля со слоя 6-го культурного горизонта – 8350 ± 120 л. н. (СОАН-8839) (табл. 1). В 2015 г. по кости из 6-го культурного горизонта получена AMS-дата 15558 ± 103 л. н. (Ua-50437), резко, почти в два раза удрежняющая возраст стоянки. Для решения задачи этой «хронологической неопределенности»

Рис. 1. Участок долины р. Витим с местонахождениями Коврижка I–V: 1 – место на карте; 2 – вид сверху; 3 – топоплан (а – шурф, раскоп; б – экспонированные артефакты); 4 – профиль местонаждений Коврижка I–V (а – цоколь; б – аллювиальные песчаные, супесчаные, суглинистые отложения; в – галечники; г – субаэральные супесчаные отложения; д – археологический материал)

Fig. 1. The area of the Vitim River valley with the sites of Kovrizhka I–V: 1 – position in the map; 2 – view from above; 3 – topographic plan (a – test pit, excavation; б – exposed artefacts); 4 – profile of the sites Kovrizhka I–V (a – socle; б – alluvial sands, sandy loams and loams; в – pebbles; г – subaerial sandy loam deposits; д – archaeological material)

Рис. 2. Стоянка Коврижка IV: сводная стратиграфическая схема

Условные обозначения: а – дерн; б – супеси подпочвенные, склоново-делювиальные; в – пески темно- и светло-серые слоистые; г – галечно-песчаная толща; д – артефакт, уровень залегания культурных остатков; е – номер пачки отложений; к. г. – культурный горизонт

Fig. 2. Site of Kovrizhka IV: comparative stratigraphy

Notation: а – sod; б – subsoil slope deluvial sandy loam; в – dark and light grey stratified sands; г – pebble and sand layer; д – artefact, level of deposition of cultural remains; е – number of the packet of deposits; к. г. – cultural horizon

были предприняты попытки получить новые радиоуглеродные даты. В 2016 г. две из них получены по валовым образцам угля из 6-го и 3-го культурных горизонтов – 4400 ± 240 л. н. (LE-11117) и 3880 ± 140 л. н. (LE-11120) соответственно. По углю из кострища № 1 в жилище культурного горизонта 6 получена AMS-дата $15\,740 \pm 100$ л. н. (LTL-16562A). Она фактически совпадает с предыдущей датой по кости. Еще одна синхронная AMS-дата сделана по образцу угля из периферии кострища № 2 в жилище к. г. 6 – $15\,750 \pm 60$ (Beta – 453119). По углю из культурного горизонта 2Б получена AMS-дата $15\,320 \pm 100$ л. н. (LTL-16563A). Она согласуется с древними датами по 6-му культурному горизонту. Таким образом, группа из четырех дат значительно удревняет возраст культурных горизонтов и, соответственно, террасы. Как представляется, AMS-даты являются

более достоверными, чем даты, полученные осцилляционным методом по валовым образцам угля со слоя. В случае с образцами LE-11117, LE-11120 угля для датирования оказалось недостаточно. Даты по 3-му и 6-му культурным горизонтам – $14\,290 \pm 35$ л. н. (UGAMS-27447) и $14\,790 \pm 35$ л. н. (UGAMS-27448) были сделаны по биоapatиту эмали зубов снежного барана. Они также имеют плейстоценовый возраст и близки к вышеназванной группе. Какова природа разницы возраста даты 6-го к. г. по биоapatиту и предыдущих древних дат по углю и коллагену, предстоит еще выяснить. Отметим только, что в специальной литературе отмечается возможность девиации дат, полученных по биоapatиту (Zazzo, Saliège, 2011). Пока, на наш взгляд, наиболее достоверными являются даты по углю и коллагену из 6-го к. г. – около 15,6–15,7 тыс. л. н., поддержанные датой по углю из к. г. 2Б, около 15,3 тыс. л. н.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки местонахождения Коврижка IV
Table 1. Radiocarbon dates of the site of Kovrizhka-IV

Культурный горизонт	Дата	Индекс	Образец
2Б	15 320 ± 100	LTL-16563A	Уголь, ива
3	3880 ± 140	ЛЕ-11120	Уголь
3	14 290 ± 35	UGAMS-27447	Зуб, биоапатит
5	7940 ± 205	СОАН-7294	Уголь из кротовины
6	4400 ± 240	ЛЕ-11117	Уголь
6	8350 ± 120	СОАН-8839	Уголь
6	14 790 ± 35	UGAMS-27448	Зуб, биоапатит
6	15 558 ± 103	Ua-50437	Кость
6	15 740 ± 100	LTL-16562A	Уголь, ива
6	15 750 ± 60	Beta – 453119	Уголь, ива

6-й культурный горизонт. Тафономия. Культурный горизонт 6 залегает в кровле темно-серой прослойки тонкозернистого песка (кровля пачки 4) мощностью 0,04–0,16 м. В среднем толщина культурного слоя составляет около 1 см, в наиболее насыщенных участках достигает 2 см. Все культурные остатки залегают в горизонтальной позиции. В пределах основного пятна концентрации слой насыщен частицами угля и гематита, из-за присутствия которого слой в большей или меньшей степени имеет розоватый прокрас. Через центр комплекса культурных остатков проходит блок отседания, опустивший на своем полигоне поверхность культурного слоя на глубину до 9 см. Примечательно, что трещины отседания прошли через центр одного из кострищ, что дает повод полагать, что этот эпигенетический процесс развивался именно через пирогенно ослабленное место с измененными геофизическими свойствами. Второе кострище несет несколько значительно более мелких складок-трещин, сформировавших «морщинистую» поверхность культурного слоя.

Негативной особенностью тафономической ситуации является неудовлетворительная, слабая сохранность костных остатков, потребовавшая выработки особого подхода в раскопках. Относительно неплохо, благодаря эмали, сохранились зубы.

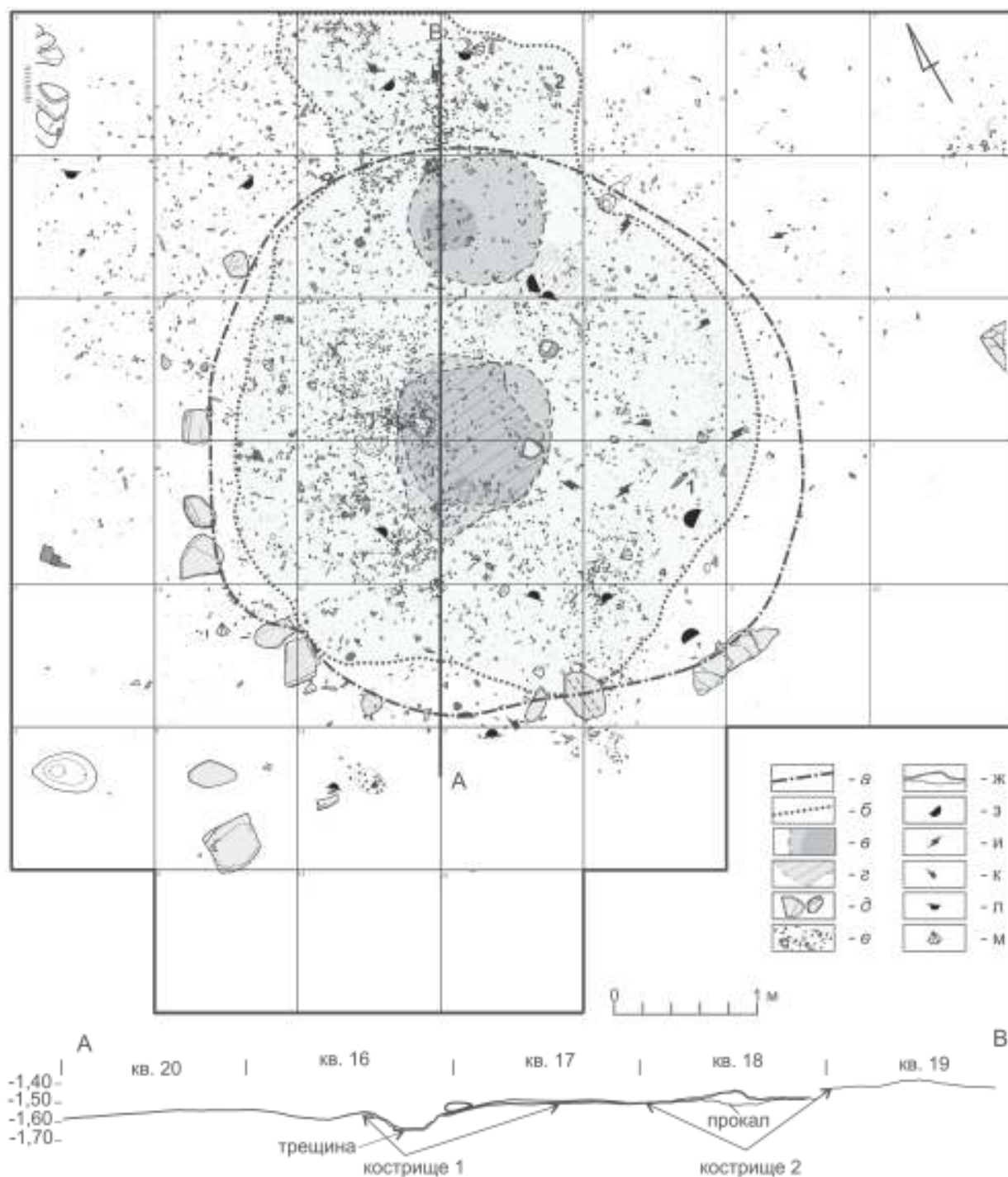
Погребение аллювием прошло относительно спокойно, подтверждением чему служат тафономические данные по вышележащему культурному горизонту 3, демонстрирующие разноориентированное положение находок на ребре в результате

размыва водным потоком. Как представляется, некоторой степени размыва, как легкая фракция, подверглись древесные углистые остатки.

Планиграфический рисунок культурного горизонта 6, в котором выделяются те или иные зоны, структурирующие горизонт, нами оценивается как «несмазанный».

Планиграфия. Центральной частью композиции культурного горизонта 6 является дуга из камней, задающая контур скопления культурных остатков (рис. 3; 4, 3). Она состоит из тринадцати камней, расположенных в виде полуокружности, крайние камни которой лежат по отношению друг к другу по линии «север–юг», и дуга выгнута на запад. Диаметр ее около 4,2 м. Внутри дуги в центре окружности радиусом около 1,5–1,8 м выявлено кострище (кострище № 1) овальной формы размерами 1 × 0,80 м. Меньше чем в метре от него к северо-востоку и к бровке борта ложка находилось еще одно кострище № 2 близких размеров (рис. 3; 4, 3).

Особенностью дугообразной каменной выкладки является, во-первых, ее «пунктирный» характер; во-вторых, наличие в ее составе трех пар камней. В каждой такой паре левый по отношению к центру дуги камень – это окатанный гранитный валун, а правый – неокатанная плоская гнейсовая плита. Парные камни ориентированы под тупым углом друг к другу и вершиной угла направлены в центр окружности. Крупные одиночные камни повторяют последовательность «плита – валун». К западу от дуги, на расстоянии около метра от пары камней № 7 и 8 выявлена еще одна пара «плита – валун».

Рис. 3. Стоянка Коврижка IV: план и профиль 6-го культурного горизонта

Условные обозначения: *a* – предполагаемый контур жилища; *б* – контур пятна прокраса охрой; *в* – кострище; *z* – наброс на кострище; *д* – плита и валун; *е* – культурные остатки: каменные артефакты, кость, гематит, уголь; *жс* – уровень культурного слоя, линзы угля кострища, прокал; *з* – скребло, нож; *и* – долотовидное орудие; *к* – резец; *л* – скребок, отщеп с ретушью; *м* – нуклеус; 1, 2 – костяные фигурки

Fig. 3. Site of Kovrizhka IV: plan and section of the 6th cultural horizon

Notation: *a* – presumed outlines of the dwelling; *b* – outlines of the spot painted with ochre; *в* – bonfire spot; *z* – pile over fireplace; *д* – slab and boulder; *е* – cultural remains: stone artefacts, bone, hematite, charcoal; *жс* – level of the cultural layer, lenses of charcoal from bonfire, calcined spots; *з* – side scraper, knife; *и* – scaled piece; *к* – burin; *л* – end scraper, retouched flake; *м* – nucleus; 1, 2 – bone figurines

Средние размеры камней $0,28-0,35 \times 0,17-0,27$ м. Гнейсовая плитка № 13 имеет размеры $0,11 \times 0,07$ м. Гнейсовые плитчатые отдельности № 4 и 5 имеют еще меньшие размеры: $0,12 \times 0,04$ м (№ 4), $0,09 \times 0,06$ м (№ 5). Трудно сказать, было ли их появление в дуге выкладки намеренным, но нельзя не отметить их нахождение в линии. Плита № 1 имеет длину $0,70$ м. Расстояние между отдельными камнями и каменными парами, в среднем, около $0,35$ м, с максимальным и минимальными показателями $0,95$ и $0,20$ м.

Кострище в центре дуги (№ 1) имеет неясную периферию благодаря разному углей в пределах всего «пола» жилого комплекса внутри дуги выкладки (рис. 3). Скорее, его края можно маркировать по границе увеличения/уменьшения культурных остатков – чешуек, отщепов камня, фрагментов кости. «Жилая» зона между краями камней, обращенными внутрь дуги выкладки, и краем кострища-очага имеет радиус около $1,4-1,6$ м. Разрезы очага показали в основании две углисто-сажистые микропрослойки и поверх них линзу крупнозернистого песка. Центр кострища, по-видимому, намеренно был засыпан обитателями. Песчаная присыпка (мощностью до 3 см) имеет пятнистый сажисто-черно-коричневый цвет. В составе ее многочисленные фрагменты жженой кости. Размер неправильного по форме песчаного наброса – около $1,0 \times 1,20$ м. По центру этого пятна, на противоположных его краях, по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток были положены два небольших камня до 15 см в поперечнике – плитка и расколота галька. Расстояние между ними $0,66$ м. Положение этих камней поверх песчаной засыпки очага-кострища установлено благодаря наличию линзы песка под ними.

Второе кострище (кострище № 2) находилось на расстоянии около $0,7-0,8$ м к северо-востоку от кострища № 1, приблизительно в $0,70$ м от крайней северной плитки дуги (№ 13), практически на краю обозначенного выкладкой круга (рис. 3). С другой стороны, в $0,50$ м к юго-востоку от кострища № 2 выявлено две ямки, лежащие внутри окружности. Эти ямки и плитка № 13 образуют створ длиной $1,80$ м, относительно которого кострище № 2 занимает промежуточную позицию (рис. 3; 4, 3). Кострище № 2 размером $0,92 \times 0,95$ м имеет пятно

прокала мощностью до 6 см и диаметром до 25 см, асимметрично смещенное к северо-западному (левому) краю.

В процессе раскопок были выявлены три ямки. Первая ямка найдена в $0,40$ м к югу – юго-востоку от края ($0,85$ м от края прокала) кострища № 2 (рис. 3; 4, 3). Ямка № 1 имела овальную форму, вытянутую в направлении центра жилища, размеры $0,13 \times 0,11$ м в устье и глубину $7-8$ см. К внешнему (восточному) ее краю примыкает чуть меньшее по размерам углубление ($0,11 \times 0,07$ м), ориентированное с запада на восток. Глубина его – до 3 см. Между ним и основной ямкой пролегла трещина шириной до $1,5$ см. Особенностью этой ямки является то, что культурный слой выстилает ее днище, и на дне и стенках обнаружены все основные компоненты: уголь, гематит, отщепы и чешуйки. Разрез показал чашеобразное прогибание под ямкой всего культуросодержащего слоя. Трудность оценки этого прогиба состоит в том, что как раз под ним проходит трещина, то есть, возможно, что провисание культуросодержащего слоя связано с проседанием по трещине. Второй вариант объяснения предполагает продавливание протаявшего у кострища грунта вниз под грузом столба-жерди. Более мелкое углубление, возможно, является следом от второй, прилегающей жерди.

Ямка № 2, размерами $0,23 \times 0,12$ м и глубиной $0,07$ м, выявлена в $0,20$ м к северо-западу от кострища № 1, в центре жилища (рис. 3; 4, 3). Заполнена она светло-серым вышележащим песком без каких-либо культурных остатков. Данное обстоятельство послужило основанием полагать, что ямка не имеет отношения к жилищному комплексу и является, вероятно, воронкообразным размывом, поскольку в противном случае, находясь рядом с очагом, она неизбежно бы выстилалась фрагментами угля и иными культурными остатками. В $1,4$ м к северо-западу от конструкции выявлена овальная яма № 3, размерами $0,47 \times 0,27$ м, глубиной до $0,18$ м (рис. 3; 4, 3). По верхним краям ее борта занесены единичные фрагменты угольков, при промывке заполнения ямы обнаружена одна чешуйка. Особенностью ее является то, что перед ней на расстоянии меньше одного метра ранее была раскопана первая пара «валун + плитка». Возможно допустить искусственное происхождение этой ямки

только в силу близости ее к жилищу. В 1,3 м к северо-востоку от ямы, также за пределами дуги конструкции, расчищена ветвь челюсти снежного барана (*Ovis nivicola*).

Культурные остатки концентрируются внутри дуги вокруг кострищ и на северо-восточной, внешней периферии кострища № 2 (рис. 3). Вся поверхность («пол») усеяна частицами угля, количество которых увеличивается к очагу. Пол усеян также большим количеством частиц охры и кусочками гематита, в результате чего отмечен розоватый прокрас культурного слоя. Орудия, связанные с домашней хозяйственной деятельностью, скребла, скребки, нож, найдены к югу – юго-востоку от кострища № 1 (рис. 4, 1). Противоположная северная – северо-западная зона характеризуется исключительно высокой долей микропластин, преимущественно сегментированных (рис. 4, 2). Общее количество находок на площади этой структуры составляет 9918 единиц, включая чешуйки, полученные промывкой культурного слоя на сите.

Результаты подсчета находок по четвертям (0,5 × 0,5 м) квадратов показали, что наиболее насыщенной каменным дебитажем является северо-западная периферия обоих кострищ как внутри дуги, так и на выходе из нее (рис. 4, 4). Эта полоса максимальной концентрации характеризуется показателями в 326–469 единиц каменного дебитаж (преимущественно чешуек и отщепов) на одну четверть квадрата. К северу от камней № 12 и 13 и от кострища № 2, то есть за пределом концентрической структуры на контакте периферии кострища, насыщенность культурными остатками составляет 36–101 единиц на кв. четверть. Для этого участка характерно относительно большое число крупных фрагментов кости (около 20 единиц). Еще дальше по линии северо-западной периферии за дугой, за камнями № 9 и 10 найдена челюстная ветвь снежного барана.

Специально был разобран и промыт через сито подошвенный культуровмещающий слой под камнями, входящими в дугообразную выкладку. Промывки дали незначительное количество чешуек, залежавших под камнями: две (валун № 12), 14 (валун № 10), четыре (валун № 8), четыре (валун № 3) и 40 (плита № 2) единиц. Наибольшее количество находок (чешуек, частиц гематита и угля)

было найдено под камнем – плитой № 2 (40 единиц), что имело характер промоины. Это позволяет рассматривать замыв чешуек в качестве основной причины и в случае попадания материала под остальные камни обкладки. Иными словами, данных для утверждения, что валуны и плиты были уложены на слой позднее формирования негативной структуры отбросов, нет. Наоборот, последняя складывалась в условиях существования концентрической дуги из выложенных камней, одного кострища в ее радиальном центре и одного на выходе.

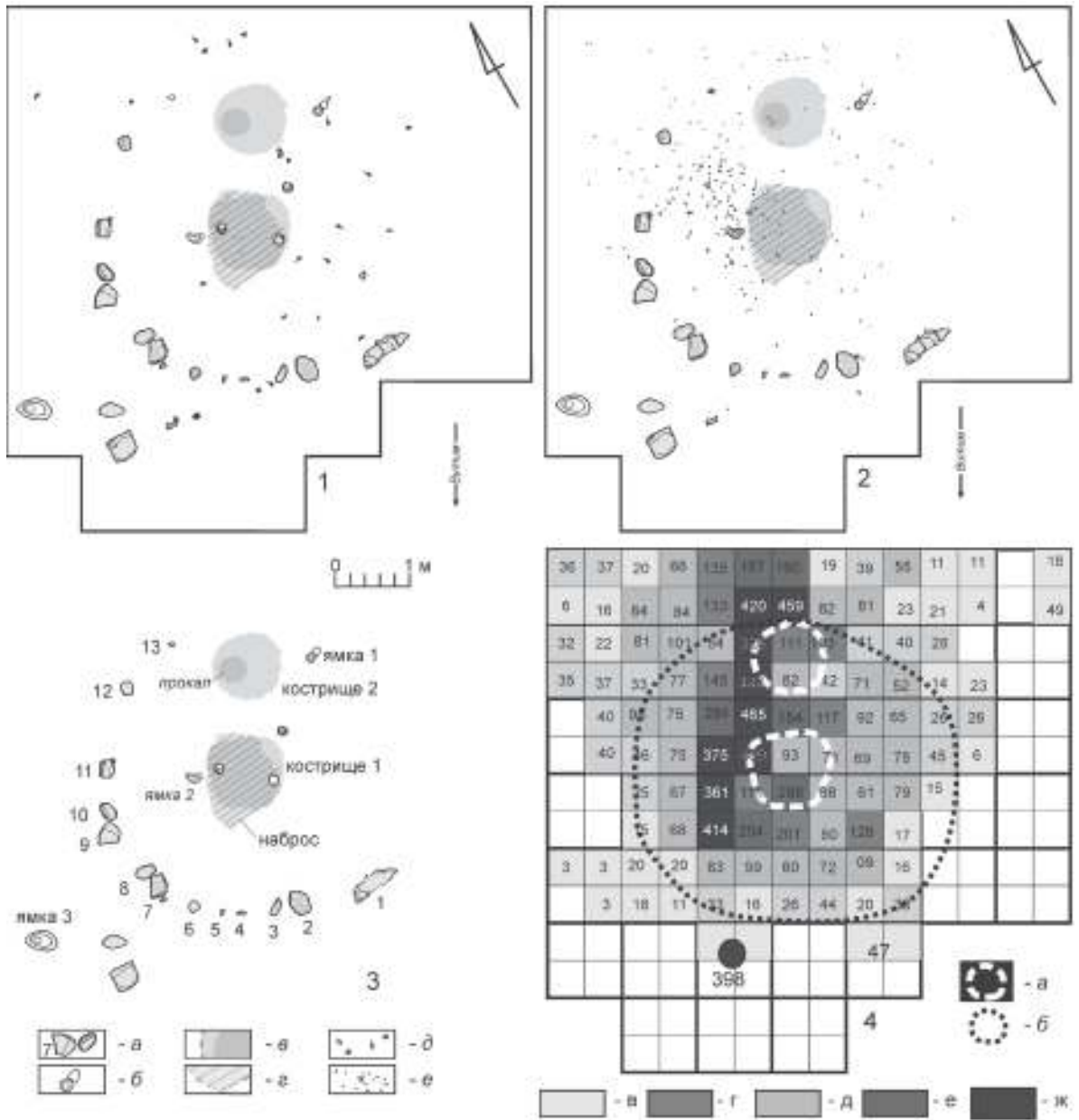
Коллекция культурных остатков 6-го к. г. составляет 9918 единиц: 8798 отщепов и чешуек (из них 8203 чешуйки), 392 пластины (целые и фрагменты), 33 изделия, 12 технических сколов (реберчатых, фронтальных, поджигления площадки), 26 целых и битых галек и плиток, 24 кусочка графитита, 243 кусочка гематита, 390 фрагментов костей.

Изделия из камня (орудия и нуклеусы) насчитывают 33 экземпляра, в том числе это восемь скребков, два скребла, два резца, нож, вкладыш, девять долотовидных предметов из горного хрусталя, три галечных скола с амортизационной ретушью, отщеп с шипом и амортизационной ретушью, шесть нуклеусов (рис. 5; 6; 7).

Из шести нуклеусов четыре клиновидные микропластинчатые, галечный отщеповый и отщеповый нуклеус из горного хрусталя.

Клиновидные нуклеусы все изготовлены из бифасов (рис. 6, 1–3, 5). В одном случае нуклеус был в начальной стадии эксплуатации (рис. 6, 2). Во всех случаях ударная площадка оформлялась короткими сколами с латералей и фронта. К одному из нуклеусов апплицированы три фронтальных скола (рис. 6, 1), еще к одному – скол поджигления ударной площадки (рис. 6, 5). Судя по находкам технических сколов, эксплуатировалось еще один-два микронуклеуса.

Галечный нуклеус имеет два фронта и две площадки, ортогональные друг другу (рис. 6, 6). Один его фронт расположен на широком фасе, имеет негативы отщеповых пропорций. Второй фронт организован на торцевой части. Его два широких негатива снятий – удлиненных пропорций пластинчатых отщепов.

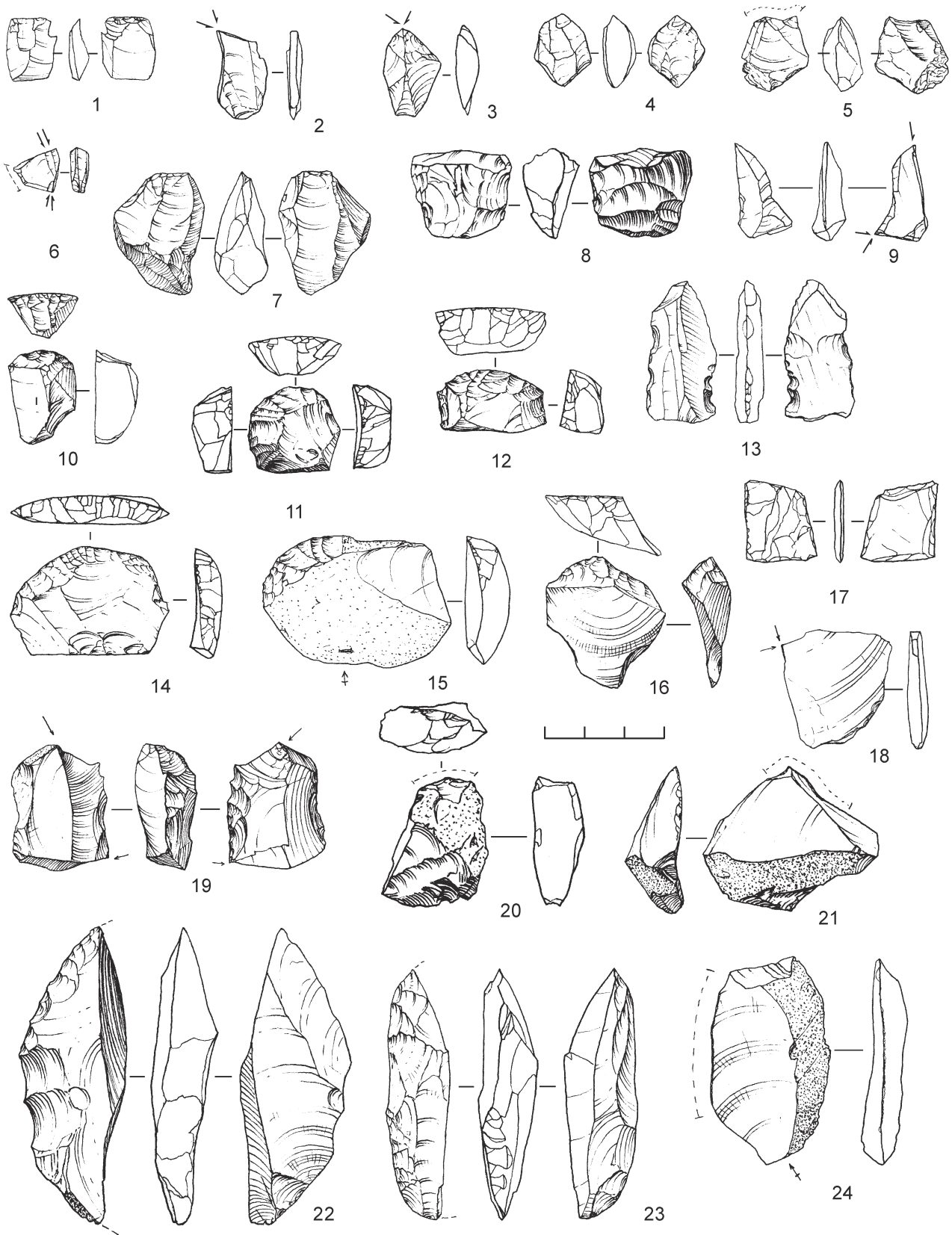

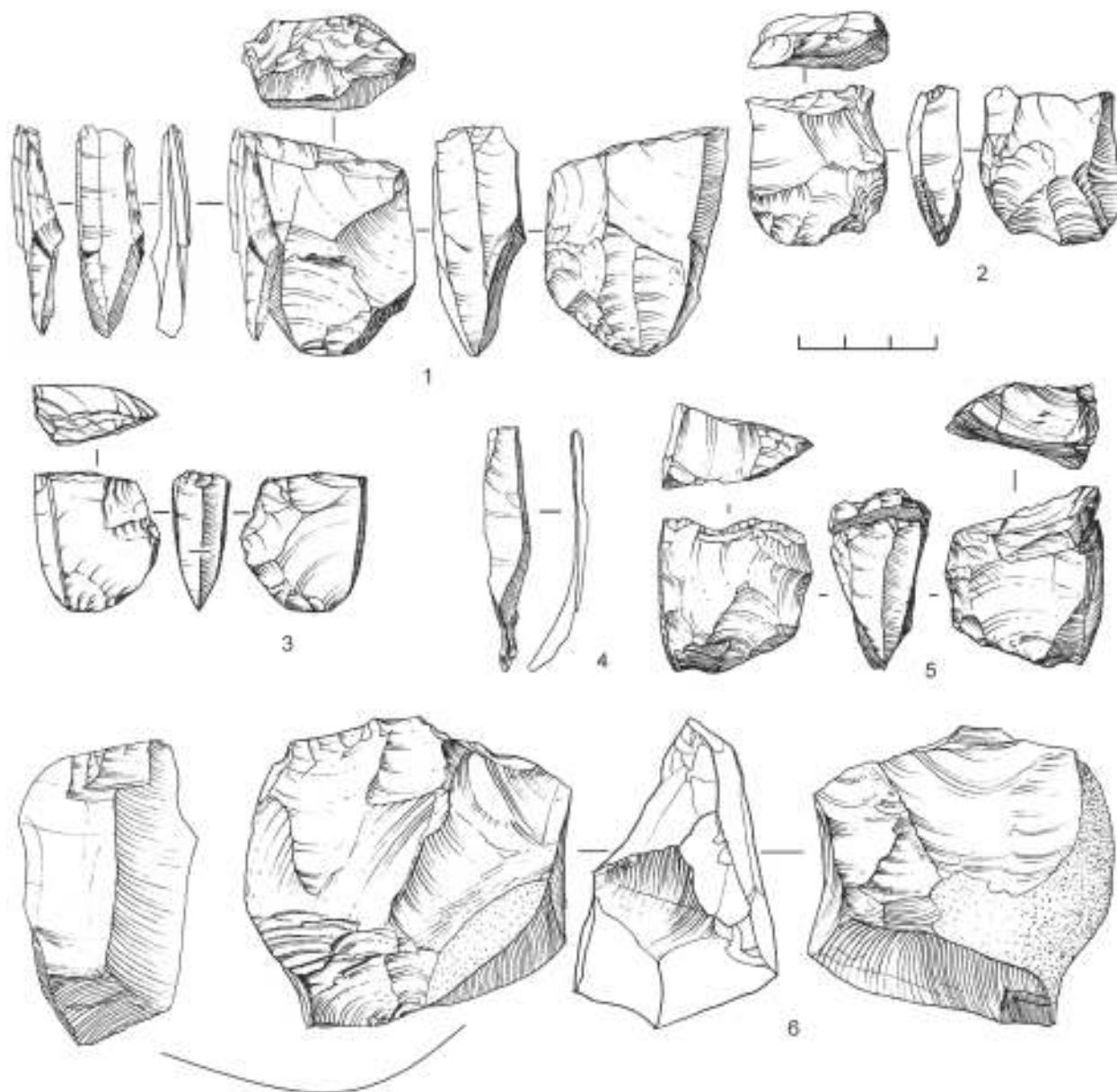
Рис. 4. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6: 1 – схема положения орудий; 2 – схема расположения микропластин; 3 – схема основных структурных элементов слоя (а – плита и валун с указанием номера камня; б – ямка; в – кострище; г – наброс на кострище; д – скребло, нож; е – долотовидное орудие); 4 – схема распределения каменных артефактов по ¼ кв. м (а – контур кострища; б – предполагаемый контур жилища; в–ж – соотношение цвета ячейки и количества единиц материала: в – 0–50; г – 51–100; д – 101–150; е – 151–350; ж – 351–500)

Fig. 4. Site of Kovrizhka IV, cultural horizon 6: 1 – scheme of findspots of the tools; 2 – scheme of findspots of microblades; 3 – scheme of the basic structural elements of the layer (a – slab and boulder with the number of each stone specified; б – small pit; в – bonfire spot; г – pile over fireplace; д – side scraper; knife, e – scaled piece); 4 – scheme of distribution of stone artefacts through ¼ sq. m. (a – outlines of the bonfire; б – presumed outlines of the dwelling; в–ж – relation between the colour of a cell and quantity of artefacts: в – 0–50; г – 51–100; д – 101–150; e – 151–350; ж – 351–500)

Рис. 5. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6, изделия из камня: 1, 5, 7, 13 – долотовидные изделия; 2–4, 6, 9 – битые предметы с резцовыми негативами; 8 – нуклеус; 10–12, 14–16, 20, 24 – скребки, 17 – вкладыш; 18, 19 – резцы; 22, 23 – краевые сколы с бифасов. 1–10, 13 – хрусталь; 17 – сланец; 11–12 – аргиллит; 14–16, 18–24 – эффузивы

Fig. 5. Site of Kovrizhka IV, cultural horizon 6, stone artefacts: 1, 5, 7, 13 – scaled pieces; 2, 3, 4, 6, 9 – broken artefacts with burin negatives; 8 – nucleus; 10, 11, 12, 14, 15, 16, 20, 24 – end scrapers, 17 – insert; 18, 19 – burins; 22, 23 – edge spalls from bifaces. 1–10, 13 – rock crystal; 17 – slate; 11–12 – argillite; 14–16, 18–24 – effusive rock

Рис. 6. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6, изделия из камня: 1 – аппликационный блок клиновидного нуклеуса с фронтальным сколом и микропластиной; 2–3 – клиновидные нуклеусы; 4 – технический скол с клиновидного нуклеуса; 5 – аппликационный блок клиновидного нуклеуса и скола подживления ударной площадки; 6 – галечный отщеповый нуклеус. 1–6 – эффузивы

Fig. 6. Site of Kovrizhka IV, cultural horizon 6, stone artefacts: 1 – refitting block of wedge-shaped core with a frontal scar and microblade; 2–3 – wedge-shaped cores; 4 – technical spall from a wedge-shaped core; 5 – refitting block of wedge-shaped core and a rejuvenation core tablet; 6 – flake pebble core. 1–6 – effusive rock

Из восьми скребков три имеют округлую либо параболическую форму, скребок концевой на сколе из кварца, угловой на отщепе, два концевые на отщепе случайных форм и боковой на пластинчатом отщепе (рис. 5, 10–12, 14–16, 20, 24). Два скребка изготовлены из экзотичного темно-коричневого аргиллита. Один скребок окрашен охрой на обоих фасах, кроме ретушированного лезвия.

Оба найденных скребла тщательно выделаны. Одно скребло подтреугольной формы имеет два ретушированных края (рис. 7, 3). Один из них оформлен тщательной высокой крупной ударной ретушью и дооформлен мелкой заломистой ретушью. Другой рабочий край до половины длины имеет бифасиальную обработку, остаток длины несет мелкие амортизационные негативы. Ударный

бугорок скола удален вентральными снятиями. Поверхности орудия сильно залощены.

У второго скребла унифасиально отретуширован полный периметр (рис. 7, 2). Один продольный край имеет выпуклый контур, а второй – вогнутый. Короткие, торцовые края отретушированы бифасиально. Профиль узких краев симметричный, лезвия продольных краев крутые. Эта оригинальная форма встречена впервые в археологии нижнего Витима. Обращает на себя тщательность изготовления этого орудия.

Нож изготовлен из первичного отщепы, имеет лезвие с вогнутым контуром по длинной стороне (рис. 7, 1). Рабочая часть оформлена мелкой краевой разнофасеточной ретушью. Орудие было сломано поперек на три части. Все они были найдены рядом. Характер слома, наличие язычка говорят о том, что орудие было переломлено с силой, направленной на фас орудия, а не на ребро, то есть безотносительно к рабочей функции ножа. Все это, на наш взгляд, является возможным аргументом в пользу намеренного действия по уничтожению орудия.

Вкладыш имеет подчетырехугольную форму, изготовлен из плиточки сланца (рис. 5, 17). Края оформлены мелкой краевой ретушью.

Резцы: один двойной угловой (срединный) на отщепе (рис. 5, 18), второй – двойной угловой и трансверсальный (рис. 5, 19). Его боковые продольные края несут следы забитости в стиле *piece esquillee*. Часть поверхности окрашена охрой.

Массивный галечный первичный скол на выпуклом крае имеет мелкую краевую забитость. Он апплицируется к валунчику, лежащему на кострище № 1. Еще два галечных скола являются фрагментами разбитой гальки. На обоих узкие высокие утюгообразные края скруглены в результате работы с твердыми материалами. На поверхностях сохранились пятна охры.

Десять предметов из кварца (восемь из горного хрусталя, один из дымчатого кварца) являются формами, оббитыми в технике *piece esquillee* (рис. 5, 1–7, 9, 13). Вероятно, часть из них была использована как долотовидные орудия, в некоторых случаях можно допустить их использование в качестве резцов. Еще один оформленный в этой же манере кварцевый артефакт, найденный вместе

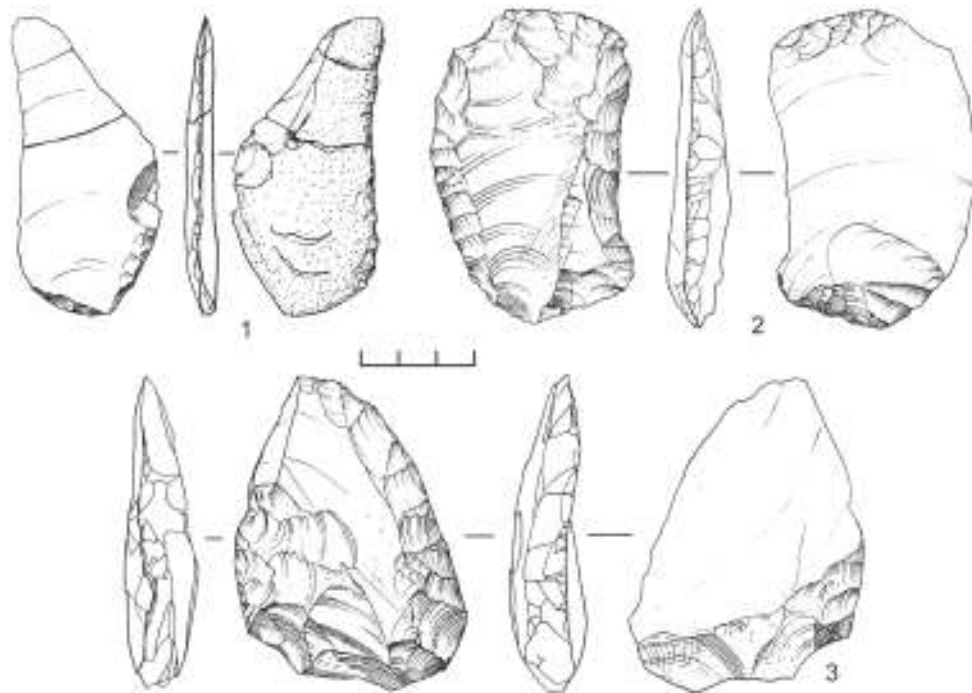
с 396 кварцевыми мелкими отщепами и чешуйками, определен как нуклеус (рис. 5, 8).

В правом секторе жилища в 0,80 м к юго-востоку от края кострища № 1 была обнаружена поделка из кости (рис. 3). Находка лежала «головкой» на восток. Предмет имеет вид антропоморфной статуэтки, состоящей из «головки», «плечей», «туловища и ног» и «стержня-насады» (рис. 8, 3, 4). Общая ее длина – 15 см, толщина – не более 3 мм. Реставрационные работы провела О. В. Жмур – заведующая Лабораторией реставрации и консервации Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В результате установлено, что фигурка сломана и состоит из трех частей. Отломлены и смещены по вертикали и немного по горизонтали «головка» и «плечи». На «головке» отмечено пятно охры. Поскольку основные признаки гравировки фигуры выявлены на нижней, обращенной к земле, стороне, описание предмета дается по ней (рис. 8, 3).

Часть № 1 – «головка» имеет субовальную форму, вытянутую вдоль продольной оси фигуры, немного оттянутую к «спине». Размеры max. 2,2 × 1,6 см. Края в неизвестной степени утрачены. Нижний конец, условно – подбородочно-челюстной – утрачен. На стороне, обращенной к земле, имеется дугообразная линия в области «брови-глаза», выгнутая вверх, приподнятая в правой части. На правом краю «головки» к моменту реставрации сохранился небольшой изгиб, который, возможно, указывает на существование второй дуги (рис. 8, 5, 6).

Часть № 2 – «плечи» – изначально имела, по-видимому, трапециевидную форму с основанием трапеции внизу. Размеры max. 1,8 × 1,5 см. Края детали изъедены коррозией (рис. 8, 3, 4).

Часть № 3 – «туловище» – в дошедшем до нас виде имеет меандрирующий контур размерами max. 8,8 × 2,4 см. От верхнего конца вниз оно слегка расширяется, сужаясь в средней части, причем правый край сужен больше левого и, по-видимому, несколько разрушен в точке изгиба. Ширина фигуры в этой части – не менее 1,5 см. Далее оба края фигуры изгибаются вправо и затем влево. Фигуру можно охарактеризовать как «туловище» с подогнутыми вправо в «коленях ногами». В средней части общее сужение краев сопровождается об-

Рис. 7. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6, изделия из камня: 1 – нож; 2, 3 – скребла. 1–3 – эффузивы
Fig. 7. Site of Kovrizhka IV, cultural horizon 6, stone artefacts: 1 – knife; 2, 3 – scrapers. 1–3 – effusive rock

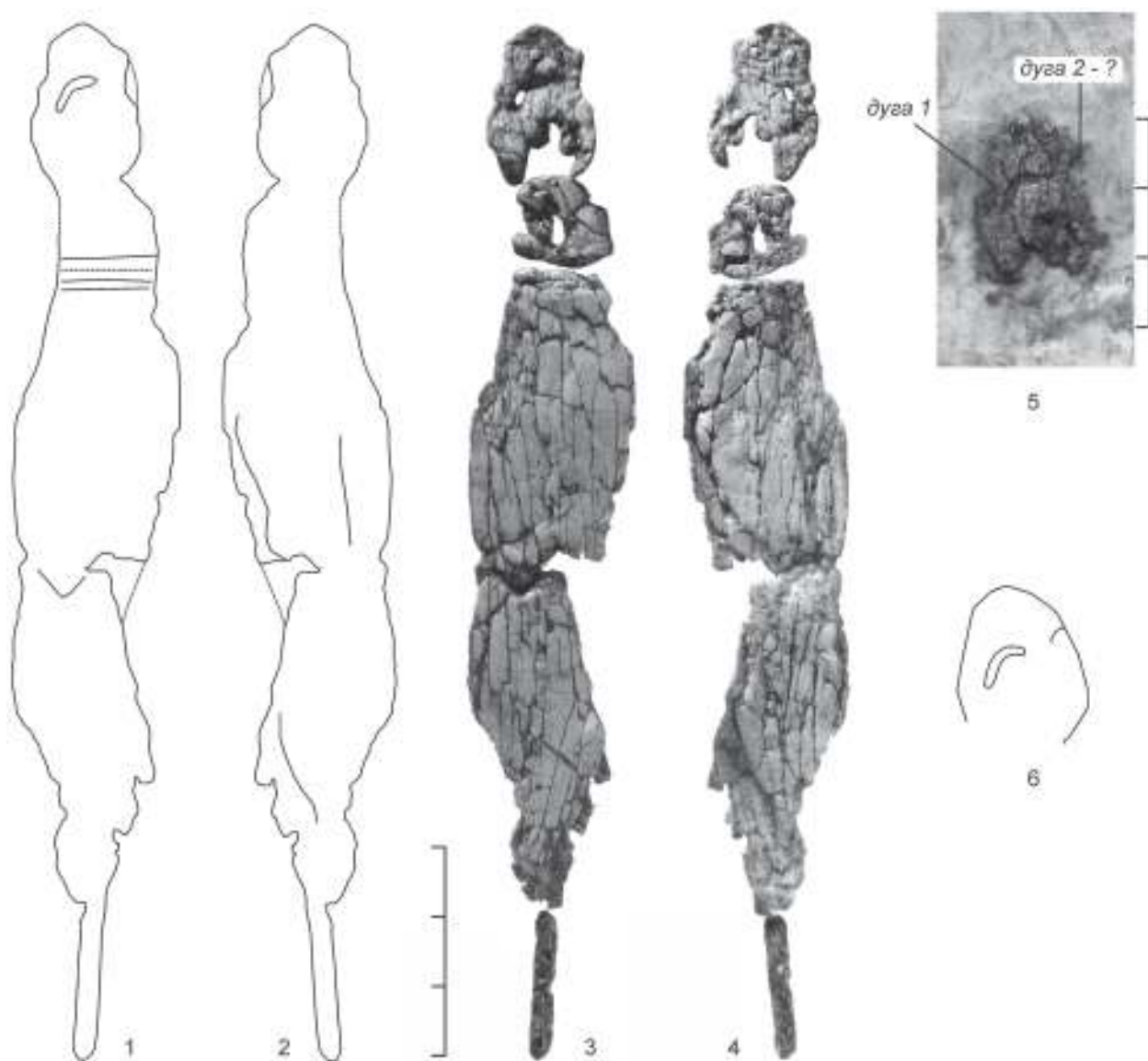
ращенным вниз уголком с четкими прямыми линиями от краев фигуры (рис. 8, 1, 3). По нашему мнению, линии уголка-«галочки» прорезаны, т. е. искусственны.

Верхний край части № 3 имеет ровный, прямой обрез. На расстоянии 1,5 мм от этого обреза просматривается прямая линия, поперечная «туловищу» и параллельная линии обреза, через 1,5 мм наблюдается еще одна линия, параллельная первым двум. В основании части № 2 частично сохранилась аналогичная прямая линия, поперечная «туловищу». На возможную искусственность их указывает наблюдаемый ритм повтора и несовпадение с трещинами на остальной части костяной фигуры (рис. 8, 1, 3).

На обратной, то есть верхней стороне «туловища» просматриваются две линии, идущие параллельно краям верхней половины этой части вниз к сужению. В нижней части, условно от колена вдоль голени, наблюдается еще одна дугообразная линия. Эти две линии в верхней половине части № 3 и линия в нижней части имеют неясный характер: либо действительно искусственной гравировки, либо постдепозиционной деформации тонкой костяной пластины (рис. 8, 2, 4).

Часть № 4 – «стерженек-насад». Эта деталь имеет форму стерженька длиной min. 2 см и шириной min 0,3 см (рис. 8, 3, 4).

По мнению осматривавших предмет В. В. Питулько и Е. Ю. Павловой, исходным материалом была длинная тонкая пластина из мамонтового бивня. Это первый признак «артефактности» данного предмета. Он имеет некоторый контур, изначально на слое воспринятый как антропоморфный. Допуская возможные потери краев контура в ходе расчистки, транспортировки и реставрации, мы все же полагаем, что концы поделки, один – в виде головки, другой – в виде стержня длиной около 2 см, указывают на предмет как на фигуративную поделку. Наконец, ряд черт был выявлен реставратором О. В. Жмур на нижней, обращенной к земле поверхности предмета. На «головке» обнаружено дугообразное углубление, выгнутое вверх, то есть таким образом, как могли быть изображены бровь или глаз. В ходе расчистки О. В. Жмур отмечала, что не сохранившийся край, возможно, имел вторую дугу, на что может указывать краевой след (рис. 8, 5, 6). Второй «знак» выявлен чуть ниже середины «посткраниальной» длины фигуры. Это прорезанная (выгравированная)

Рис. 8. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6. Антропоморфная статуэтка 1: 1–2 – прорисовки нижней и верхней плоскостей; 3–4 – фото нижней и верхней плоскостей; 5 – фото головки в процессе реставрации; 6 – прорисовка головки. 3–4 – фото А. Б. Данилова; 5 – фото О. В. Жмур

Fig. 8. Site of Kovrizhka IV, cultural horizon 6. Anthropomorphic statuette 1: 1–2 – rubbings of the lower and upper planes; 3–4 – photo of the lower and upper planes; 5 – photo of the head in the process of restoration; 6 – rubbing of the head. 3–4 – Photo by A. B. Danilov; 5 – photo by O. V. Zhmur

«галочка» углом вниз, вызывающая ассоциативную связь с «венериним треугольником» женских палеолитических статуэток (рис. 8, 1, 3). Наконец, в месте поперечного излома (в области условных «плеч») наблюдаются три поперечные бороздки, а по четвертой, вероятно, прошел слом. На возможный искусственный их характер указывает параллельность с равным интервалом между ними и линейная непрерывность, контрастирующая с несовпадением линий естественных трещин на

кости. Таким образом, выраженная форма головки, дугообразное углубление на ней, уголок как «венерин треугольник», прочерченные поперечные борозды в районе «плеч» являются аргументами в пользу того, что это антропоморфная женская статуэтка. Если теперь попытаться судить о фигуре и позе, то мы видим фигуру с подогнутыми в коленях ногами. Стерженек, которым она оканчивается, вероятно, сделан для того, чтобы можно было установить фигуру вертикально, воткнув, напри-

мер, в землю. Залегание фигуры головкой на восток, с пятном охры, в принципе, допускает версию намеренного ее положения.

В этой связи следует упомянуть еще об одной примечательной костяной поделке 6-го к. г. (рис. 9). Находка лежала на внешней периферии кострища № 2 в привходовой зоне (рис. 3), была ориентирована по линии север-юг с небольшим отклонением на северо-запад – юго-восток. Непосредственно возле ее «головки», обращенной на юго-юго-восток, лежало не менее шести крупных частиц гематита. Такое кучное скопление гематита в 6-м культурном горизонте выявлено впервые. Поделка представляет собой фигурный предмет из кости, имеющий трехчастный вид: а) округлая «головка» размером $4 \times 2,4$ см, б) плавное расширение – «плечики», в) основная часть ($5,7 \times 4,5$ см) с симметричными слабовыпуклыми краями, сходящимися к точке противоположного от головки конца. Длина поделки – 9 см, максимальная толщина – 4 мм. Эта находка также была отреставрирована О. В. Жмур в Лаборатории реставрации и консервации Музея

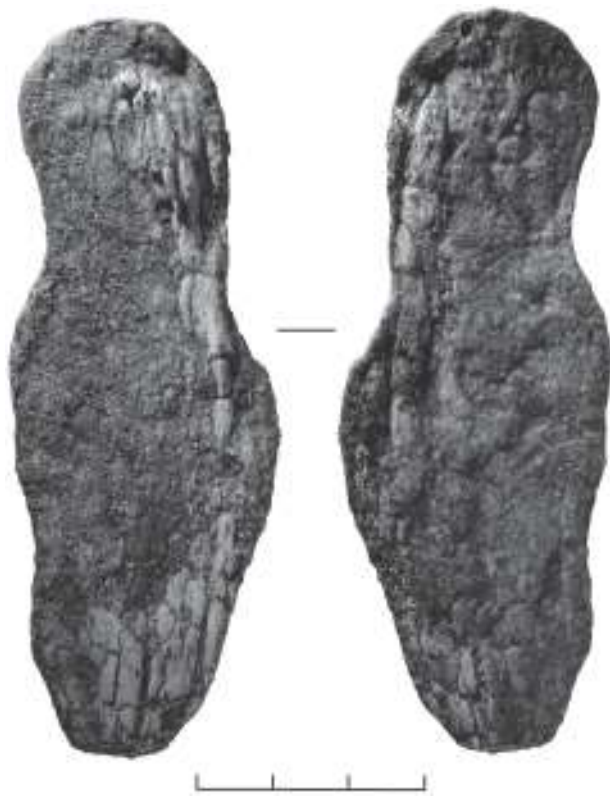

Рис. 9. Костяная фигурка 2. Фото А. Б. Данилова
Fig. 9. Bone figurine 2. Photo by A. B. Danilov

антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. К сожалению, степень сохранности ее хуже предыдущей. Следов какой-либо гравировки на ней нет. На наш взгляд, эта фигурка также является артефактом и имеет антропоморфный контур.

Палеонтологические материалы. Найдено около 390 фрагментов кости. Ввиду плохой сохранности их сложно диагностировать. Тем не менее, в ряде случаев можно сделать выводы об искусственной обработке.

Относительно удовлетворительно, благодаря эмали, сохранились зубы. Поэтому все имеющиеся палеонтологические (зооархеологические) определения сделаны только по зубам. А. М. Клементьевым даны пять определений снежного барана (*Ovis nivicola*) и три определения резцов лося (*Alces alces*). Снежный баран представлен тремя отдельными зубами и двумя фрагментами челюстей. Сохранившиеся зубы разной степени стертости позволяют предполагать зимний период добычи животных. Из работы Н. Н. Воронцова и Е. А. Ляпуновой, в материалах симпозиума «Берингия в кайнозое, 1976» следует, что *O. canadensis* находится в ближайшем родстве со снежным бараном (Воронцов, Ляпунова, 1976). Приводимые сроки (Клевезаль, 2007) свидетельствуют, что у *Ovis canadensis* последний верхний коренной зуб (m3) начинает функционировать в середине второго года жизни. При рождении этой особи в весенний период со второй половины апреля по первую половину июня сезон добычи определяется сроком с октября по январь. По нижним молярам (с даты рождения m1 в стадии прорезания с 1-го по 4-й месяцы, m2 – с 8-го по 13-й месяцы) устанавливается весенний срок добычи снежного барана. Довольно близки показатели и по *Ovis ammon*: m2 начинает функционировать примерно в начале второго года жизни.

Лось также был добыт в молодом возрасте, поскольку резцы не стерты. Взаимоисключающие экологические требования снежного барана (открытые скалистые местообитания) и лося (тайга и пойменная урема) свидетельствуют о многообразии биотопов в районе Коврижки, в полной мере освоенных древними обитателями с охотничьими целями.

Антракологические остатки. Антракологическому изучению подверглись 229 фрагментов древесных углей из 6-го культурного горизонта. Большая часть из них имеет от 2 до 4 мм в поперечнике. Было идентифицировано пять таксонов (табл. 2).

Таблица 2. Результаты антракологического исследования углефицированных древесных остатков 6-го культурного горизонта местонахождения Коврижка IV

Table 2. Results of antracological studies of the carbonized wood remains from the 6th cultural horizon at the site of Kovrizhka-IV

Таксон	Количество фрагментов
Ива (<i>Salix</i>)	210
Лиственнич	14
Можжевельник (<i>cf. Juniperus</i>)	2
Лиственница/ель (<i>Larix/Picea</i>)	1
Хвойный	1
Неопределенный	1
Всего	229

Наиболее распространенным таксоном является ива (тип *Salix*). Разнородность радиальных лучей указывает на иву. Судя по высоте луча, виды были представлены кустарниками или кустарничками. Кроме того, есть фрагменты в виде полуколец пористой древесины, присущих лишь некоторым кустарниковым видам, таким как ива мохнатая или карликовая ива ползучих видов, таких как *S. reticulata* (Schweingruber, 1990; Benkova, Schweingruber, 2004).

Четырнадцать других фрагментов из-за недостаточно хорошей сохранности определено до уровня неустановленных широколиственных таксонов. Четыре фрагмента принадлежат хвойным породам. Все они находятся в посредственном состоянии консервации. Один из фрагментов соответствует лиственнице или ели (*Larix/Picea*), два других могли быть можжевельником (*cf. Juniperus*), в соответствии 1) с отсутствием смоляных каналов, что исключает такие таксоны, как сосновые, и 2) очень короткими лучами, что исключает пихту.

Значительное преобладание кустарниковой/карликовой ивы указывает на открытый ландшафт при очень холодных климатических условиях, сходных с современной кустарниковой тундрой; этот вывод релевантен дате, полученной по одному из фрагментов ивы, $15\,740 \pm 100$ л. н. (19 256–18 772 кал. л. н.), попадая в принятый диапазон для самой холодной и засушливой фазы сартанского оледенения (Müller et al., 2009; 2014). С палинологической точки зрения, в этот период на юго-востоке Сибири ива, береза и ольха являются основными таксонами деревьев в очень открытой среде с высокой долей полыни (Krivonogov et al., 2004; Takahara et al., 2000). Особенно интересным является наличие одного фрагмента угля ель/лиственница, который вместе с находками зубов лося может свидетельствовать о наличии изолированных лесных сообществ в непосредственной близости.

Интерпретация. Полученные материалы, по нашему мнению, являются остатками наземного легкого жилища, округлого в плане, с одним очагом в центре и еще одним на входе. Основными признаками служат: 1) концентрическая сплошная или пунктирная каменная выкладка, 2) очаг в центре ее окружности, 3) скопление культурных остатков в зоне вокруг очага в пределах обозначенной камнями внешней окружности и за ее пределами – в зоне, понимаемой как привходовая (Константинов А., 2001).

Измеренный диаметр дуги и жилища составляет 4,2–4,5 м. Площадь его – около 15 кв. м. Оба кострища, по нашему мнению, одновременны. Прокал кострища в привходовой зоне достигает 6 см, в то время как кострище в центре жилища его не имеет. В этой связи мы полагаем, что привходовой очаг горел, условно говоря, постоянно, создавая комфортную зону как внутри, так и снаружи жилища, образуя тепловой экран, препятствующий проникновению холодного воздуха со стороны входа. Характерно смещение углистой линзы кострища вправо, к юго-востоку от центра прокала и напротив, большая насыщенность культурными остатками левого по отношению к кострищу примыкающего участка. По этим данным мы реконструируем основной вектор перемещения обитателей через входовое пространство именно

слева (северо-запада) от привходового очага. Очаг внутри жилища (кострище № 1), судя по мощности углистой линзы, горел менее интенсивно, чем привходовой. Тем не менее, он был засыпан песком и перекрыт расколотым валунчиком и плиткой.

Линия из двух очагов, привходовая зона отбросов ориентированы на северо-восток, на ближайшую береговую бровку, удаленную не более чем на 5 м. В настоящее время это бровка ложка, по дну которого течет ручей, через 30 м впадающий в Витим. Во время функционирования стоянки это был берег протоки. Противоположный борт удален на расстояние около 30 м. Он является частью отвесной стены большого куэстового тела мыса Коврижка. Все это означает, что жилище было ориентировано входом к берегу и к отвесной скальной стене, обеспечивавшей укрытие от ветра.

Планиграфия внутреннего пространства жилища позволяет выделять функциональные зоны. В первую очередь, отмечено залегание орудий в юго-восточной, правой половине жилища. Для левой, северо-западной половины характерно большое количество микропластин. Пики концентрации дебитаж также приходится на эту часть жилища (рис. 4, 4). В этой связи можно допустить, что на правой половине жилища была зона домашней хозяйственной деятельности, а специализация левой половины заключалась в каменном производстве, нацеленном, преимущественно, на отжим микропластин и, возможно, также заправку вкладышевыми лезвиями охотничьего оружия. Выход из жилища, судя по концентрации культурных остатков, происходил также через левую половину, то есть слева от очагов.

По имеющимся зимним сезонным определениям зубов снежного барана возможно допустить зиму и как сезон существования стоянки и жилища. Летнее время к тому же менее предпочтительно, поскольку по первую половину голоцена включительно летние сезонные паводки заливали уровень нынешней 11-метровой террасы. Добыты, как минимум, две особи снежного барана и один лось, и эти данные, а также данные по углям кострищ совпадают с результатами исследований культурного горизонта 2Б. Вероятно, снежный баран и лось, обитающие в кустарниковой тундре с островами лесной растительности, являлись основными про-

мысловыми видами для обитателей стоянок культурных горизонтов 6 и 2Б. Кусты ивы, росшие поблизости, были основным источником дров.

Такие данные, как охра и гематит на слое, перекрытое песком и камнями кострище, попарное сочетание валуна и плиты во внешней обкладке, дают двоякую возможность: либо утилитарной, либо идеологической интерпретации. Исследования культурного горизонта 2Б Коврижки IV, проводившиеся в сезон 2016 г., дали представления об окрашивании охрой и гематитом обитаемой площадки в самом начале поселения. С большой долей вероятности этот вывод может быть экстраполирован на жилищный комплекс культурного горизонта 6.

Анализируя комплекс найденных каменных артефактов, мы делаем ряд замечаний:

1. Найден только один макронуклеус для получения отщепов и пластинчатых сколов. И он был найден за пределами жилища в привходовой зоне у очага № 2. Это означает очень незначительную долю первичного расщепления. Крайне мало количество крупных сколов, в том числе первичных (41 экз.). Преобладание в дебитаже чешуек, микроотщепов при почти полном отсутствии признаков первичного расщепления указывает на расщепление вторичное: ретуширование, подправку лезвий, подживление макронуклеусов. Отметим, что найдены чешуйки из коричневого аргиллита, снятые в результате подживления двух найденных соответствующих скребков.

2. Значительное количество (392 экз.; 37 % дебитаж) микропластин, фрагментированных и целых (13 экз.), указывает на соответствующее расщепление, а также производство и обслуживание клиновидного нуклеуса, сегментацию микропластин как подготовку их к утилизации. Один макронуклеус является, в сущности, еще преформой. Два макронуклеуса имеют апплицированные к ним технические сколы. Все четыре нуклеуса изготовлены бифасиально. Имеющиеся данные говорят о том, что циклы снятия микропластин чередовались с подправкой кромки ударной площадки с фронта. Судя по субстрату микропластин и технических сколов, клиновидных нуклеусов было на один или два больше, чем четыре найденных экземпляра. Технические сколы подготовки и подживления

нуклеусов включают в себя четыре фронтальных скола, скол подживления ударной площадки, скол оформления фронта (краевой скол 2-го порядка), фрагмент краевого скола.

3. Основной литоресурс, составляющий около 95 % дебитаж, это местное галечное сырье, типичное для ансамблей Авдеихи, Большого Якоря I, Коврижки II и III: порфирит, дацит, роговик, диабаз. Экзоты в 6-м культурном горизонте также типичны в этой роли: кварц чистый и дымчатый (78 экз.), аргиллит (21 экз.). При этом изделия из кварца (горного хрусталя, дымчатого кварца) составляют треть (10 экз.) всех орудий жилища.

4. Среди орудий выделяются следующие группы: 1) тщательно оформленные, оригинальные по форме скребла (2 экз.), 2) тщательно оформленные округлые скребки (3 экз.), 3) орудия случайных форм, изготовленные краевым ретушированием отщепов без существенной модификации исходной формы (7 экз.), 4) орудия из случайных сколов с ударными амортизационными следами на рабочем крае (3 экз.), 5) орудия из осколков и отщепов кварца (10 экз.).

5. Большинство орудий найдено внутри жилища в правой, юго-юго-восточной части: два скребла, три скребка, орудие с шипом, нож, семь долотовидных изделий из кварца, три галечных скола с амортизационной ретушью.

6. Абсолютное большинство микропластин, сегментированных и целых, найдено в северо-западном секторе жилища – левой части.

7. За пределами жилища найдены: а) в привходовой зоне – два скребка, резец, отщеповый нуклеус, долотовидный кварц, в прилегающей с запада периферии за пределами жилища – еще два скребка, с востока – долотовидные кварцевые формы; б) на противоположном конце, за западным краем жилища – нуклеус из горного хрусталя, скребок, у самого внешнего контура жилища – клиновидный нуклеус, вкладыш, резец.

Заключение. Каменная индустрия 6-го культурного горизонта имеет ясно выраженный финальнопалеолитический облик. Все клиновидные нуклеусы 6-го культурного горизонта из бифасов. Во всех случаях ударная площадка подготовлена многочисленными поперечными сколами с латералей и с фронта. По этим признакам они сходны с клиновидными нуклеусами культурных горизон-

тов 1–4А Коврижки II (~7–8,2 тыс. л. н.), 2-го культурного горизонта Коврижки III (10,4–11,0 тыс. л. н.). Если в культурных горизонтах 2Б, 4 и 5 Коврижки IV имеются лыжевидные сколы, позволяющие соотнести их с комплексами Большого Якоря I (*Инешин, Тетенькин, 2010*), яркой спецификой которых являются бифасы и нуклеусы в технике продольного раскроя – юбецу, то в 6-м культурном горизонте таких оснований нет. Как нет и типичных для ансамблей Большого Якоря I трансверсальных резцов. Округлые скребки с параболическим лезвием находят аналогии во 2-м культурном горизонте Коврижки III (*Тетенькин, 2010*) и 5-м и 6-м культурных горизонтах Большого Якоря I (*Инешин, Тетенькин, 2010*). Бифасиальная обработка краев унифасиальных в целом скребел из 6-го культурного горизонта Коврижки IV находит аналогии в материалах Большого Якоря I, где данный прием полной обработки одного фаса и обработки вдоль края второго фаса орудия также часто встречается в 5, 6, 7 и 8-м культурных горизонтах (*Там же, 2010*). В целом, набор орудий и индустрия жилого комплекса 6-го культурного горизонта входит в ряд ансамблей типа Авдеихи, являясь на сегодняшний день самым ранним ее представителем. По имеющимся сегодня данным, стоянки этого типа формировались на нижнем Витиме около 15,7–7 тыс. л. н. (*Тетенькин, 2011*). Наиболее выразительные индивидуальные черты индустрии 6-го культурного горизонта составляют ее крупные скребла, высокий процент оббитых в манере *piece esquillee* кварцев (орудий) (33 %), высокая доля целых и фрагментированных микропластин (37 % в соотношении микропластины/отщепы/изделия) (приведены проценты без учета количества чешуек). В квадрате 12 (пикет 36) с наибольшей концентрацией находок доля микропластин составляет 58 % (83 экз.).

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Это самый большой показатель пластинчатости среди всех известных на нижнем Витиме комплексов палеолитического облика. Для сравнения, доля микропластин во 2-м культурном горизонте Коврижки III – 12 %, в 7-м культурном горизонте Большого Якоря I – 27 %, в 6-м культурном горизонте Большого Якоря I – 4 %, в культурном горизонте 4Б Большого Якоря I – 4 % (*Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, 2016а*).

На общем фоне изученности ансамблей поздней поры верхнего палеолита Восточной Сибири индустрия 6-го культурного горизонта Коврижки IV не выглядит экзотичной. Округлые скребки из отщепов, клиновидные нуклеусы из бифасов, отщеповые галечные нуклеусы известны на очень широком пространстве от Енисея до Чукотки. В том числе аналогии имеются в соседних регионах в ансамблях дюктайской культуры Якутии (пещера Хайергас, Усть-Тимптон I, Дюктайская пещера и др.) и южного Забайкалья (Усть-Кяхта 17, Студеное 1, 2, Усть-Менза 1, 2) (Мочанов, 1977; Константинов М., 1994; Ташак, 2005; Мороз, 2014).

Тема палеолитических жилищ Сибири, возникнув в Приангарье, наибольшее развитие получила в археологии Южного Забайкалья (Герасимов, 1931; 1935; Константинов М., 1994; Константинов А., 2001; 2004). На фоне известных жилищ Усть-Мензы 1–3, Студеного 1, 2, Косой Шиверы 1, 2, Сухотино 4 мы отмечаем ряд отличий. В случае Коврижки IV отсутствует типичная для забайкальских жилищ каменная обкладка очага. Количество материала внутри жилища Коврижки IV значительно превосходит данный параметр в Южном Забайкалье. Возможно, это результат сезонного фактора: в зимнем жилище, по логике, деятельность большей частью протекает внутри. Летний сезон, наоборот, выводит хозяйственную деятельность за пределы стен жилища.

В забайкальских жилищах нигде не отмечается подобная нашему случаю зональная специализация, окрас пола охрой встречен пятнами. За исключением Сухотино-4, слои 8 и 9, в Южном Забайкалье отсутствуют двухочажные жилища с одним из очагов на входе (Константинов А., 2001. С. 141–143; Филатов, 2016). Аналог мы находим в 7-м культурном горизонте стоянки Уй II на Енисее (Васильев, 1996). Внешняя каменная обкладка этого жилища маркировала овальное пятно размерами 4 × 2 м. Один очаг был расположен в центре, второй – по линии контура, на входе. Культурные остатки концентрировались в привходовой части жилища и на выходе из него, у очага. В полу отмечались пятна охры и желтой краски. Поверх очага внутри жилища лежала каменная плита. Дальняя от входа половина жилища, свободная

от находок, интерпретировалась как спальное место. С. А. Васильев обращает также внимание на то, что отсутствие целых вещей в пределах жилой линзы может свидетельствовать о том, что при перекочевке все вещи были унесены (Васильев, 1996. С. 187). В нашем случае, напротив, в интерьере жилища найдены оставленные тщательно выделанные орудия (скребла, скребки), в том числе оригинальные по форме.

В Прибайкалье, на Верхней Лене М. П. Аксеновым в нижнем культурном горизонте Макарово I раскопан и интерпретирован как жилище комплекс, имеющий кольцевую пунктирную каменную обкладку диаметром 7 м, очаг в центре обозначенной окружности и немногочисленные артефакты вокруг него. Датируется он возрастом около 11,4–11,8 тыс. л. н. (Аксенов, 2009).

Далее на северо-восток от Коврижки IV известны остатки жилищ в 5-м культурном горизонте стоянки Усть-Тимптон I на Алдане в Якутии и в 6-м и 7-м культурных горизонтах стоянок Ушки I–V на Камчатке (Мочанов, 1977; Диков, 1993).

На Витиме открытое в 6-м культурном горизонте Коврижки IV жилище является наиболее древним и обладающим наиболее выразительными признаками. Ранее такая интерпретация была предложена очажным комплексам в 7-м и 8-м культурных горизонтах Большого Якоря I на основании почти полного отсутствия находок на ближней периферии очага и очажному комплексу культурного горизонта 3В того же памятника на основании насыщенного контрастного пятна культурных остатков вокруг кострища (Инешин, Тетенькин, 2010).

Забайкальские жилища географически находятся ближе всего к Коврижке IV. Они являются ярчайшим культурным признаком верхнего палеолита этого региона. Истоки Витима расположены сравнительно недалеко от опорных забайкальских объектов. Технично-типологические характеристики 6-го культурного горизонта Коврижки IV также близки показателям комплексов Студеного 1, 2, Усть-Мензы 1–2. Основываясь на этих доводах, мы полагаем, что вопрос о возможных культурных связях между нижним Витимом и Южным Забайкальем должен быть поставлен как еще одно направление будущих поисков.

В Байкальской Сибири палеолитические антропоморфные женские статуэтки найдены лишь на стоянках Мальта, Буреть и Красный Яр (Абрамова, 1966; Abramova, 1995; Липнина, 2008). Витимская фигурка – первая в своем районе и самая крайняя на северо-востоке Азии. Найдена она в археологическом комплексе, на сегодняшний день самом древнем из всех известных четко стратифицированных палеолитических стоянок на Витиме. Если мы правы в своих выводах относительно мамонтового бивня для изготовления статуэтки, то перед нами и единственный пока факт использования данного материала палеолитическим населением нижнего Витима. Стилистически поделка отличается от «венер» Мальты и Бурети. Фигурка из Коврижки IV почти не имеет объема, она изготовлена из тонкой бивневой пластины. В этом отношении она ближе к антропоморфным скульптурам позднего неолита и бронзового века Прибайкалья (Студзицкая, 1987). Степень ее сохранности позволяет лишь указать на имеющиеся артефактные, антропоморфные и женские признаки. Контур в сохранившемся виде позволяет судить о пропорциях и позе тела весьма условно. Общей с Мальтой и Буретью, пожалуй, является ситуация нахождения статуэтки внутри жилища. Особо следует отметить, что найден этот предмет в той же (правой) половине жилища, где и все орудия «домашней деятельности»: скребки, скребла и нож. Нахождение фигурки головкой на восток, с пятном охры, в принципе, допускает версию намеренного ее положения.

Неожиданно древний возраст 6-го культурного горизонта Коврижки IV открыл возможность для разносторонней характеристики культуры и деятельности древнего населения на этапах, предшествовавших времени опорных стоянок Нижнего Витима Авдеиха и Большой Якорь I. Дальнейшие исследования позволят детализировать все отмеченные в данной статье направления.

Аксенов, 2009 – Аксенов М. П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск, 2009.

Абрамова, 1966 – Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.

Белоусов и др., 1990 – Белоусов В. М., Инешин Е. М., Бураков К. С., Начасова И. Е. Некоторые итоги изучения плейстоценовых отложений археологических памятников

Нижнего Витима // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.

Белоусов и др., 2002 – Белоусов В. М., Инешин Е. М., Сулержицкий Л. Д., Тетенькин А. В. Модель формирования рельефа Мамаканского геоархеологического субрайона // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2.

Васильев, 1996 – Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.

Воронцов, Ляпунова, 1976 – Воронцов Н. Н., Ляпунова Е. А. Генетика и проблемы трансберингийских связей голарктических млекопитающих // Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.

Герасимов, 1931 – Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка: (Предварит. данные). Результат работ 1928/29 гг. Иркутск, 1931.

Герасимов, 1935 – Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 118.

Диков, 1993 – Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993.

Золотарев, 1974 – Золотарев А. Г. Рельеф и новейшая структура Байкало-Патомского нагорья. Новосибирск, 1974.

Инешин, Тетенькин, 2005 – Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: Сб. науч. тр. Иркутск, 2005. Ч. 1.

Инешин, Тетенькин, 2010 – Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск, 2010.

Клевезаль, 2007 – Клевезаль Г. А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М., 2007.

Константинов А., 2001 – Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья. Новосибирск, 2001.

Константинов А., 2004 – Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.

Константинов М., 1994 – Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита, 1994.

Липнина, 2008 – Липнина Е. А. Антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения палеолитического ансамбля Мальты // Антропоген. Палеонтология, геоархеология, этнология Азии: Сб. науч. тр. Иркутск, 2008.

Мороз, 2014 – Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья: к IV Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири (Чита, 2013). Чита, 2014.

Мочанов, 1977 – Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.

Мочанов, 1982 – Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Якутии (История и итоги исследования) // Проблемы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока СССР / Под ред. Ю. А. Мочанова. Якутск, 1982.

Мочанов, 2007 – Мочанов Ю. А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск, 2007.

Студзицкая, 1987 – Студзицкая С. В. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Ташак, 2005 – Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ, 2005.

Тетькин, 2009 – Тетькин А. В. Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I–IV // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. / Под ред. Г. И. Медведева. Иркутск, 2009.

Тетькин, 2010 – Тетькин А. В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2010. Вып. 8.

Тетькин, 2011 – Тетькин А. В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.

Тетькин, 2014а – Тетькин А. В. Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I.

Тетькин, 2014б – Тетькин А. В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий / Под ред. А. В. Харинского. Иркутск, 2014. № 4 (12).

Тетькин, 2016а – Тетькин А. В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2016. № 1: Связь времен.

Тетькин, 2016б – Тетькин А. В. Результаты исследований многослойного геоархеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного

Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Красноярск, 2016. Т. 1 / отв. ред. П. В. Мандрыка.

Филатов, 2016 – Филатов Е. А. Сухотинский геоархеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса. Чита, 2016.

Abramova, 1995 – Abramova Z. A. L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble, 1995.

Benkova, Schweingruber, 2004 – Benkova V. E., Schweingruber F. H. Anatomy of Russian woods. An Atlas for the identification of trees, shrubs, dwarf shrubs and woody lianas from Russia. Birmensdorf, Swiss Federal Institute for Forest, Snow and Landscape Research. Bern, Stuttgart, Wien Haupt, 2004.

Krивonogov et al., 2004 – Krивonogov S. K., Takahara H., Kuzmin Yu. V., Orlova L. A., Timothy Jull A. J., Nakamura T., Miyoshi N., Kawamuro K., Bezrukova E. V. Radiocarbon chronology of the late Pleistocene–Holocene paleogeographic events in Lake Baikal region (Siberia) // Radiocarbon. 2004. № 46 (2).

Müller et al., 2009 – Müller S., Tarasov P. E., Andreev A. A., Diekmann B. Late Glacial to Holocene environments in the present-day coldest region of the Northern Hemisphere inferred from a pollen record of Lake Billyakh, Verkhoyansk Mts, NE Siberia // Climate of the past. 2009. № 5.

Müller et al., 2014 – Müller S., Tarasov P. E., Hoelzmann P., Bezrukova E., Kossler A., Krивonogov S. K. Stable vegetation and environmental conditions during the Last Glacial Maximum: New results from Lake Kotokel (Lake Baikal region, southern Siberia, Russia) // Quaternary International. 2014. № 348.

Schweingruber, 1990 – Schweingruber F. H. Anatomie europäischer Hölzer – Anatomy of European woods. Eidgenössische Forschungsanstalt für Wald Schnee und Landschaft, Birmensdorf Bern, Stuttgart, Haupt. 1990.

Takahara et al., 2000 – Takahara H., Krивonogov S. K., Bezrukova E. V., Miyoshi N., Morita Y., Nakamura T., Hase Y., Shinomiya Y., Kawamuro K. Vegetation history of the southeastern and eastern coasts of Lake Baikal from bog sediments since the last interstade // Lake Baikal, a mirror in time and space for understanding global change processes / Minoura K. (ed.). Elsevier Science B. V.: Amsterdam, 2000.

Zazzo, Saliège, 2011 – Zazzo A., Saliège J.-F. Radiocarbon dating of biological apatites: A review // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. № 310. 2011.

Kovrizhka-IV: Upper Palaeolithic site of the 6th cultural horizon

A.V. Teten'kin, A. Henry, A. M. Klement'yev

The camp-site of Kovrizhka-IV is situated in the valley of the Vitim River in the central part of the Baykal-Patom plateau. This is one among the group of archaeological sites of Kovrizhka-I to Kovrizhka-V discovered in 1995 and investigated since that date. Kovrizhka-IV is situated on an 11 metre high alluvial above-flood plain terrace (Fig. 1). In its deposits, 18 levels of cultural remains were identified (Fig. 2).

The 6th cultural horizon turned to be the most information rich. Its radiocarbon date is evaluated as about 15.5–15.8 millennia BP on the basis of two analyses of bone and charcoal and a charcoal date from the above 2B cultural horizon (Table 1). In the intercalation of dark-grey sand, an arch composed of 13 stones was found occupying half a perimeter of a circle about 4.2 m in diameter with a bonfire site in the centre and one

near the end of the structure (Fig. 3; 4). The cultural remains are found inside the structure around the bonfires and at the north-eastern outer periphery of bonfire no. 2. Six stone blocks of the structure lie in pairs where in each three cases there are a rounded boulder on the left and an unrounded slab on the right. The non-calcined bonfire site in the centre of the circle has two char-and-soot intercalations and a heap above which was covered with a plate and a small boulder at two opposite edges. The second bonfire is calcined to the depth of six centimetres. The cultural remains are represented by stone artefacts, skeletal remains, pieces of hematite and ochre spots in the layer, as well as particles of charcoal. According to these indications, this complex was identified as remains of a conical dwelling with a fireplace in the entrance zone. Products of the stone industry numbered 9,235 pieces. These include 8,798 flakes and scales (including 8,203 pieces), 392 blades (complete and fragmentary), 33 artefacts, 12 technical spalls. The tools include six cores, eight scrapers two side-scrapers, two burins, a knife, an insert, nine scaled pieces of rock crystal, three pebble spalls with amortization retouch, a flake with a dowel and amortization retouch (Fig. 5; 6; 7). The entire ensemble is of a Final Palaeolithic character. There were found zones of concentration of tools and microblades in the

dwelling (Fig. 4, 1, 2). Of note are a great number of fragmentary and complete microblades.

In the right half of the complex where the tools were found, an object of bone 15 cm long was uncovered. It resembled an anthropomorphic figurine.³ It was oriented with its 'head' to the east (Fig. 8). On its surfaces spots of ochre were noted. On one of its surfaces, such details were presumably identifiable as an eye, Venus's triangle, transversal incisions (Fig. 9). It was supposed that this statuette was made from a lamellar spall of a mammoth tusk. Its thickness does not exceed 3 mm. The flatness of the figurine distinguishes it from the well known statuettes from Malta and Buret. A number of other bone finds also show traces of artificial treatment (Fig. 10).

The most similar cultural and typological analogues of the dwelling under consideration include the sites of Studenoye-1 and Studenoye-2, Ust-Menza, Kosaya Shivera 1 and 2, Sukhotino-4 in the trans-Baykal region, and Uy-2 on the Yenisey. On the Vitim, the camp-site of the 6th cultural horizon of Kovrizhka-IV is now the earliest stratified site which, in addition, has very distinctive remains of a Palaeolithic dwelling.

---

³ Restoration of the bone figurine was conducted by O. V. Zhmur at the Restoration and Preservation Laboratory of MAE RAS (Kunstkamera).

ЗНАКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ГАЛЬКАХ И КАМЕННЫХ ПЛИТКАХ В ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Т. К. Корнева¹

Аннотация. Исследование посвящено знаковым изображениям на гальках и каменных плитках в палеолите Северной Евразии (на территории Европы и России). Целью работы является систематизация и обработка данных об этих артефактах, попытка сделать выводы об их формах, географическом распространении и назначении. В работе дается описание элементов и мотивов геометрических изображений, технологии их нанесения, типов каменных отделенностей, на которые они наносились; сравнительный анализ геометрических стилей, характерных для разных эпох, территорий, культур; сравнительный анализ геометрических изображений в наскальном и мобильном искусстве некоторых стоянок. Применен семиотический подход к изучению знаковых изображений палеолита. Дано сопоставление точек зрения разных исследователей на их семантику.

Annotation. This study is devoted to symbolical representations on pebbles and stone tablets dated to the Palaeolithic of Northern Eurasia. The subject of this work is presentation of a systematization and treatment of the information about these artefacts and an attempt at defining their forms, geographical distribution and purpose. The article presents a description of the elements and motifs of the geometric representations, the technology of their execution, types of particular stone pieces onto which they were traced, comparative analysis of the geometric styles characteristic of different epochs, territories, cultures and comparison of geometric representations in the rock and mobile art of some of the sites. A semiotic approach was applied to the study of Palaeolithic symbolic representations. Opinions of different researchers concerning their semantics are compared.

Ключевые слова: палеолит, эпипалеолит, азильская культура, искусство палеолита, геометрические изображения, гальки, каменные плитки.

Keywords: Palaeolithic, Epipalaeolithic, Azilian culture, Palaeolithic art, geometric representations, pebbles, stone tablets.

Такая категория археологических находок, как гальки и каменные плитки со знаковыми изображениями, широко представлена в контексте пещерных и открытых палеолитических стоянок Европы и Сибири. Нефигуративные рисунки и гравировки в искусстве малых форм палеолита изучены слабо, несмотря на то что хронологически они появились раньше фигуративных и существовали в период от среднего до финального палеолита. Большая их часть сосредоточена на территории Западной и Центральной Европы, ряд таких предметов был найден в Восточной Европе и Сибири. Изучением и описанием геометрических знаков в мобильном искусстве палеолита занимались такие исследователи, как Э. Пьетт (*Piette*, 1896), А. Леруа-Гуран (*Leroi-Gourhan*, 1958),

А. Сивекинг (*Sieveking*, 1981), А. Тевенен (*Thevenin*, 1982), К. Куро (*Couraud*, 1986), Р. Бегуэн (*Bégouen, Clottes*, 1987) и другие.

Геометрические мотивы в мобильном палеолитическом искусстве. При изучении нефигуративных изображений мы имеем дело с двумя разновидностями предметов, на которые они были нанесены – гальками и каменными плитками, а также с двумя способами исполнения – краской и гравировкой. Таким образом, объектами данного исследования являются гальки с рисунками и гальки с гравировками, каменные плитки с рисунками и каменные плитки с гравировками.

Анализ азильских галек показал, что рисунки, нанесенные краской, очень редко имеют аналогии среди гравированных изображений даже в пределах одной стоянки. На одних стоянках (Мас-д'Азиль,

¹ E-mail: kortania@mail.ru.

Бирсек) предпочтение отдавалось либо гравированным, либо рисованным галькам, на других (Рошедан, Абри Паж) – гравированные гальки и гальки с рисунками представлены примерно в одинаковом количестве. Известны гальки, декорированные в обеих техниках (*Sieveking*, 1981. P. 324). Таким образом, можно предположить, что техника, в которой было выполнено изображение, играла символическую роль при его создании.

Произвести сравнение рисованных и гравированных геометрических мотивов на каменных плитках сложно, так как почти все известные знаки на плитках выполнены в технике гравирования. Только со стоянки Парпальо происходит небольшое количество геометрических рисунков на плитках.

Различия между знаками на гальках и на плитках связаны с различиями изобразительных систем тех культур и эпох, к которым они относились. Плитки чаще использовались в качестве основы в мадлене, а гальки – в азиле, и, вероятно, знаки на них изначально имели разный смысл. Почти неизвестны стоянки, на которых были бы найдены одновременно плитки и гальки со сходными геометрическими мотивами. Стоит отметить, что рисунки на гальках обычно подчинены форме самой гальки, в отличие от изображений, нанесенных на каменные плитки. Создается впечатление, что если каменная плитка служила только основой для нанесения рисунков,

то галька играла определенную символическую роль сама по себе. На это указывают и тщательный отбор галек по форме, и наличие на некоторых стоянках (грот Бирсек) галек без следов краски, отобранных, вероятно, за их цвет.

Основными элементами геометрических рисунков являются «точка» (или округлое пятно), прямая линия, кривая линия. Их сочетания образуют разнообразные мотивы. В основном это группы прямых или волнистых линий, ряды «точек», расположенные обычно продольно или поперечно относительно длинной оси гальки. Иногда «точки» нанесены хаотично или по периметру одной из сторон, заходя за ее край. Исключением являются гальки из грота Мас-д'Азиль: изображенные на них мотивы демонстрируют большее разнообразие и с трудом поддаются классификации.

Элементы, лежащие в основе всех гравировок палеолита – это прямые и кривые линии. Прямые линии образуют разнообразные мотивы: группы параллельных линий, скалиформы, сетки, кресты, штриховки, зигзаги, треугольники, прямоугольники, пучки линий. Криволинейные элементы образуют ленточные мотивы, окружности и дуги, веретенообразные знаки (табл. 1). Распространены ленточные мотивы, образованные двумя параллельными волнистыми линиями и поперечными прямыми линиями, заполняющими пространство между ними.

Таблица 1. Основные разновидности знаков в палеолитическом искусстве (определения по *Leroi-Gourhan*, 1965)

Table 1. Main types of symbols in the Palaeolithic art (definitions after *Leroi-Gourhan*, 1965)

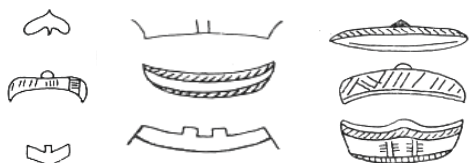
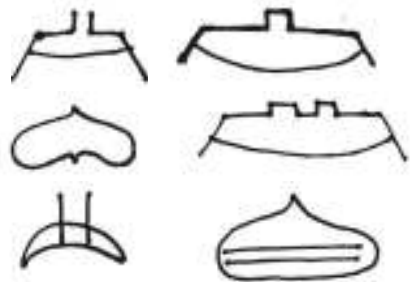
Термин	Определение	Иллюстрация
Авиформа	Знак, по форме напоминающий схематичное изображение птицы	
Акколада	Знак в форме фигурной скобки; по А. Леруа-Гурану, акколада – это одна из двух групп тектиформ, близкая к клавиформам и прямоугольным знакам, встречающаяся в пещерах Кантабрии. Некоторые акколады напоминают стилизованную женскую фигуру (<i>Leroi-Gourhan</i> , 1965. P. 107)	

Таблица 1. Продолжение

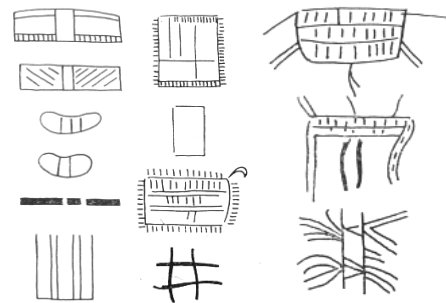
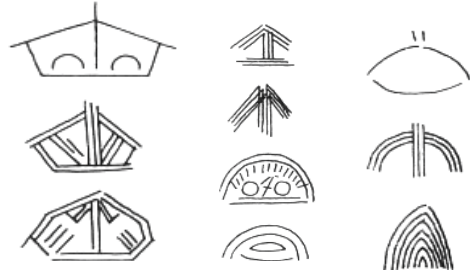

Клавиформа	Знак, представляющий собой результат схематизации профильного женского изображения	
Меандр	Прямая линия, ритмично изгибающаяся под прямыми углами	
Осевая линия	Линия (иногда – группа линий), которая является основным структурирующим элементом знака. Остальные элементы, составляющие знак, обычно расположены симметрично относительно осевой линии	
Пенниформа	Знак, напоминающий по форме перо птицы, состоящий из осевой линии и отходящих от нее под углом коротких линий	
Пучок линий	Группа линий, расходящихся из одной точки в пределах небольшого угла	
Рамиформа	Ветвеобразный знак, состоящий из осевой линии и отходящих от нее под разными углами кривых линий	
Регистр	Группа параллельных горизонтальных линий, расположенных друг над другом. Декор в виде двух расположенных симметрично относительно продольной оси гальки регистров, характерен для галек, найденных на стоянке Рошедан	

Таблица 1. Окончание

<p>Серпенти-форма, или ленточный мотив</p>	<p>Знак в виде двух параллельных линий, плавно изгибающихся в разных направлениях. Пространство между линиями может быть заполнено различными графическими элементами (поперечными линиями, продольными линиями, штриховкой и т. д.)</p>	
<p>Скалиформа</p>	<p>Знак в форме лестницы, состоящий из двух прямых параллельных линий, соединенных многочисленными короткими поперечными линиями</p>	
<p>Скутиформа</p>	<p>От фр. <i>scutiforme</i> – щитовидный, щитообразный. Знак прямоугольной (реже – овальной) формы, разделенный прямыми линиями на секции. Может иметь дополнительные элементы в виде линий с внешней стороны границы знака</p>	
<p>Тектиформа</p>	<p>Знак, напоминающий изображение хижины. Тектиформы, встречающиеся в Кантабрии (акколады), близки по форме к клавиформам и прямоугольным знакам, а тектиформы из Эйзи произошли, вероятно, от треугольных знаков (<i>Leroi-Gourhan, 1965. P. 107</i>)</p>	
<p>Шеврон</p>	<p>Элемент, образованный двумя короткими прямыми, соединенными под углом</p>	

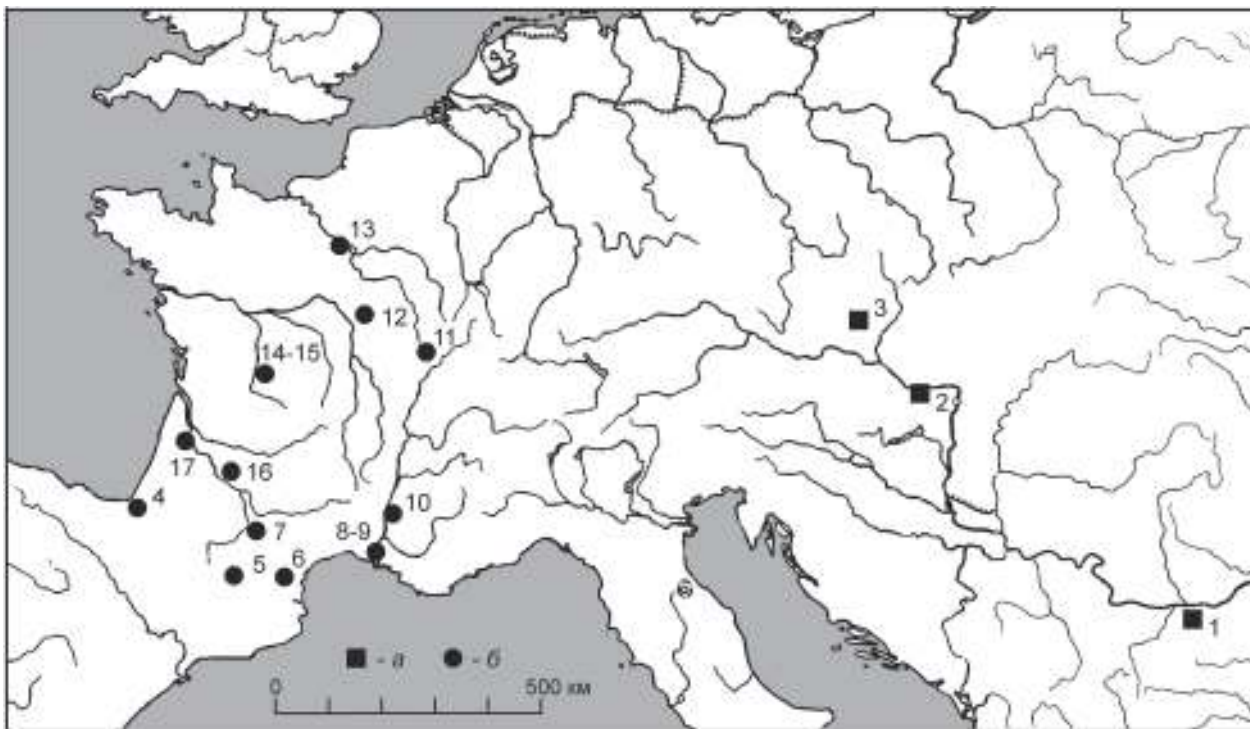
Декор большинства галек образуют разнообразные сочетания групп параллельных линий. Это могут быть перекрывающие друг друга группы параллельных линий, заполняющие всю поверхность гальки, как на стоянках Дордони, регистры

параллельных линий, занимающие часть поверхности гальки, как в Рошедан, пояса из нескольких параллельных поперечных линий, как на гальках из Мас-д'Азиль. Сетки, ленточные мотивы и геометрические фигуры чаще встречаются на каменных плитках, чем на гальках.

Географическое и хронологическое распространение геометрических знаков. Первые нефигуративные изображения на отдельностях камня появились в среднем палеолите (рис. 1). На раннем этапе верхнего палеолита они встречаются редко; то же самое можно сказать о средней поре верхнего палеолита в Западной Европе. Единственным исключением является испанский вариант солютре (Парпальо). Начиная с мадленского времени геометрические знаки встречаются чаще, а в финальном палеолите (азиль, эпиграветт) они достигают наибольшего разнообразия (рис. 2).

В искусстве верхнего палеолита Западной Европы принято выделять две крупные провинции: средиземноморскую, к которой относятся стоянки средиземноморского побережья Испании и Италии,

и франко-кантабрийскую со стоянками севера Испании и юга Франции. Фигуративное искусство было больше развито во франко-кантабрийском регионе, а в Средиземноморье, Центральной и Восточной Европе и Сибири оно было более схематичным и склонным к геометризации. Возможно, с этим связано более раннее появление серийных геометрических изображений в средиземноморском регионе. Гравированные и рисованные знаки, появившиеся в Испании в эпоху солютре в гроте Парпальо, достигли своего расцвета в мадлене, с появлением ленточных мотивов. В Италии гальки с гравировками и рисунками возникли в развитом эпиграветте, соответствующем позднему мадлену Франции. В раннем голоцене в гротах Романелли и Кавалло появились криволинейные мотивы на плитках камня.

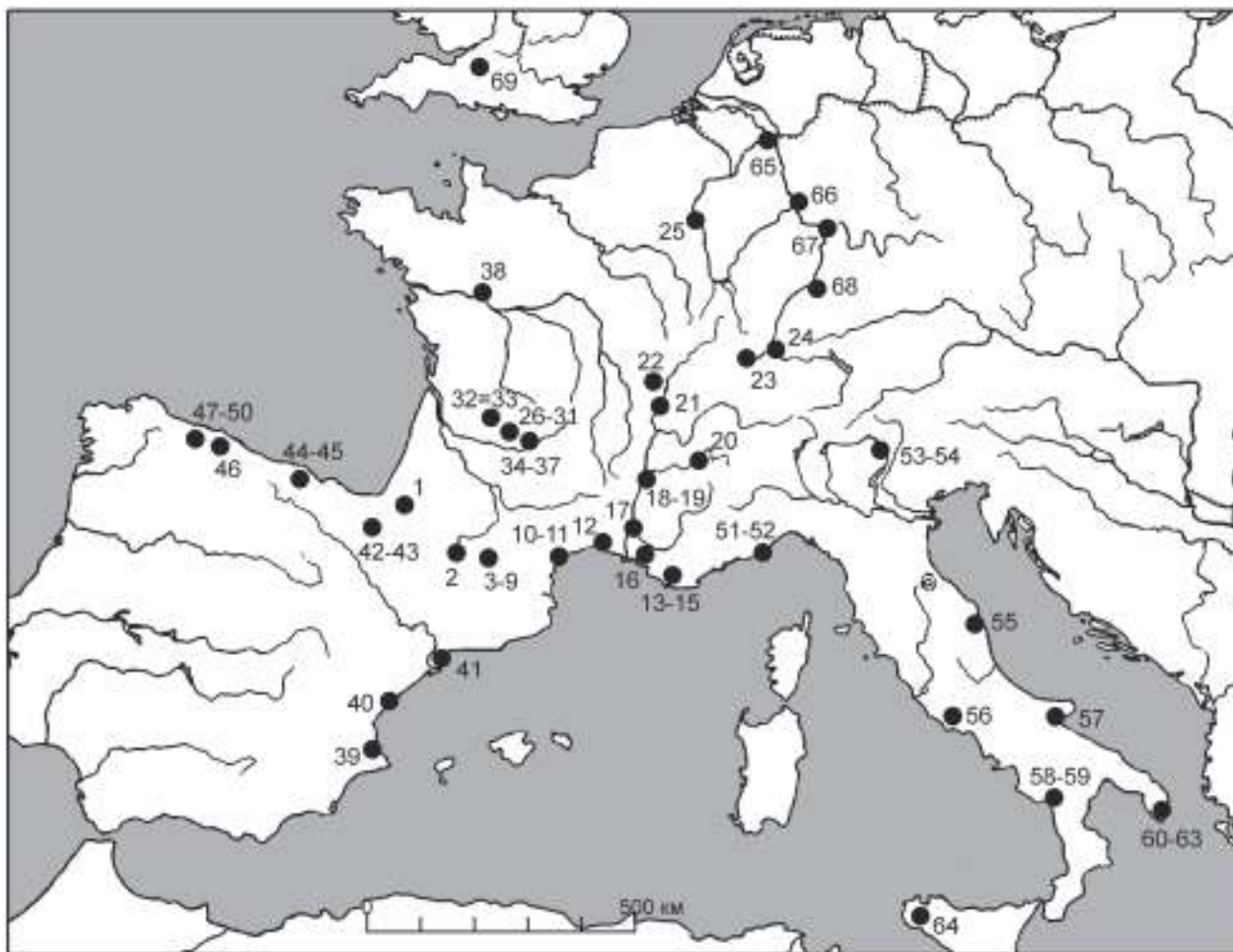

Рис. 1. Стоянки среднего и верхнего палеолита, на которых были найдены гальки и каменные плитки со знаковыми изображениями: 1 – Темната; 2 – Тата; 3 – Брно-Богунце; 4 – Истюриц; 5 – Тюк-д’Одубер, Труа-Фрер, Энлен; 6 – Газель; 7 – Фонталь; 8 – Сальпетриер; 9 – Никола; 10 – Коломбье; 11 – Абри де Кабон; 12 – грот Оленя; грот Гиены; 13 – Немурс; 14 – Буа-Раго; 15 – Ларо; 16 – Ла Мут; 17 – Рок дю Маркам; 18 – Парпальо

Условные обозначения: а – стоянки среднего палеолита; б – стоянки верхнего палеолита

Fig. 1. Sites of the Middle and Upper Palaeolithic where pebbles and stone tablets with symbolic representations were found: 1 – Temnata; 2 – Tata; 3 – Brno-Bohunice; 4 – Isturits; 5 – Tuc d’Audoubert; Troi-Frères, Enlène; 6 – Gazel; 7 – Fontales; 8 – Salpetriere; 9 – Nicolas; 10 – Colombier; 11 – abri des Cabônes; 12 – Grotte du Renne, Grotte du Hyène; 13 – Nemours; 14 – Bois-Ragot; 15 – Laroux; 16 – La Mouthe; 17 – Roc de Marcamps; 18 – Parpallo

Notations: a – Middle Palaeolithic sites; b – Upper Palaeolithic sites

Рис. 2. Стоянки финального палеолита и эпиграветта в Западной Европе, на которых были найдены гальки и каменные плитки со знаковыми изображениями: 1 – Дюфор; 2 – Эспелюг; 3 – Гурдан; 4 – Турасс; 5 – Марсуола; 6 – Монтфорт; 7 – Мас-д’Азил; 8 – Род II; 9 – Ла Ваш; 10 – Крузад; 11 – Биз; 12 – Кайла; 13 – Ла Монтад; 14 – Абри де Бёф; 15 – Ла Вальдюк; 16 – Сен-Марсель; 17 – Улен; 18 – Бобаш; 19 – Коломб; 20 – Ла Балм; 21 – Абри Гай; 22 – Пре де ла Шпель; 23 – Рошедан; 24 – Бирсек (Эрмитаж); 25 – Нёвиль-сюр-Орнэн; 26 – Ла Мадлен; 27 – Виллепен; 28 – Ложери-От; 29 – Ложери-Бас; 30 – Ришар (Эйзи); 31 – Лимей; 32 – Рошрэй; 33 – Понт-д’Амбон; 34 – Абри Мюра; 35 – Абри Паж; 36 – Абри де Грав; 37 – Пегури; 38 – Поммерай; 39 – Парпаль; 40 – Кокина; 41 – Филладор; 42 – Берроберия; 43 – Абаутс Абаунц; 44 – Валле; 45 – Альтамира; 46 – Лос Азулес I; 47 – Куэто де ла Мина; 48 – Ла Палома; 49 – Пиндаль; 50 – Оскура де Аниа; 51 – Балци-Росси; 52 – Арен Кандид; 53 – Терлаго; 54 – Тальенте; 55 – Ферровия; 56 – Полезини; 57 – Пагличчи; 58 – Серратура; 59 – Мадонна; 60 – Романелли; 61 – Праззиш; 62 – Кавалло; 63 – Парабита; 64 – Серви; 65 – Ломмель; 66 – Гённерсдорф; 67 – Обер Клаузе; 68 – Кляйне Шэуэр; 69 – Гофс

Fig. 2. Sites of the Palaeolithic and Epi-Gravette in Western Europe where pebbles and stone tablets with symbolic representations were found: 1 – Dufaure; 2 – Espéluques; 3 – Gourdan; 4 – Tourasse; 5 – Marsoulas; 6 – Montfort; 7 – Mas-d’Azil; 8 – Rhodes II; 9 – La Vache; 10 – Crouzade; 11 – Bize; 12 – Cayla; 13 – La Montade; 14 – l’abri des Bœufs; 15 – La Valduc; 16 – Saint-Marcel; 17 – Oulen; 18 – Bobache; 19 – Colombes; 20 – La Balme; 21 – Abri Gay; 22 – Pré de La Chapelle; 23 – Rochedane; 24 – Birseck; 25 – Neuville-sur-Ornain; 26 – La Madeleine; 27 – Villepin; 28 – Laugerie-Haute; 29 – Laugerie-Basse; 30 – Richard (Eyzies); 31 – Limeuil; 32 – Rochereil; 33 – Pont d’Ambon; 34 – abri Murat; 35 – abri Pagès; 36 – Abri de Grave; 37 – Pégourié; 38 – Pommeraye; 39 – Parpallo; 40 – La Cocina; 41 – Fillador; 42 – Berroberria; 43 – Abauntz; 44 – Valle; 45 – Altamira; 46 – Los Azules I; 47 – Cueto de la Mina; 48 – La Paloma; 49 – Pindal; 50 – Oscura de Ania; 51 – Balzi Rossi; 52 – Arene Candide; 53 – Terlagio; 54 – Tagliente; 55 – La Ferrovia; 56 – Polesini; 57 – Paglicci; 58 – Serratura; 59 – Madonna; 60 – Romanelli; 61 – Prazziche; 62 – Cavallo; 63 – Parabita; 64 – Cervi; 65 – Lommel; 66 – Gönnersdorf; 67 – Obere Klaus; 68 – Kleine Scheuer; 69 – Gofs

Во Франции, в связи с широким распространением фигуративного наскального искусства, формирование нефигуративного шло иначе. Первые серийные геометрические знаки на каменных

плитках и гальках относятся к эпохе мадлена. Они отражают две параллельные тенденции: с одной стороны, развитие классического франко-кантабрийского мадленского искусства по пути схема-

тизации и геометризации, и зарождение геометрического стиля азильской культуры – с другой. Первую тенденцию демонстрируют рисунки и гравировки на каменных плитках, которые соответствуют абстрактным знакам в наскальном искусстве верхнего палеолита, например тектиформа на плитке из Истюриц или треугольные знаки из Буа-Раго и Гойе. Количество подобных изображений в мадлене значительно увеличилось, но можно предположить, что их значение оставалось вторичным по отношению к фигуративным. Во Франции самая большая серия мадленских геометрических знаков на плитках была найдена в пещерах р. Вольп. Р. Бегуэн полагал, что рисунки на плитках служили эскизами для создания наскальных изображений (*Bégouen, Clottes, 1987. P. 161–163*).

Наряду со знаками на плитках, в мадлене появляется новая форма искусства – рисунки и гравировки на гальках. Значительное количество галек с характерными для азильской культуры геометрическими мотивами было найдено в мадленских слоях; это свидетельствует о том, что переход к геометрическому стилю азильской культуры происходил постепенно, начиная с эпохи мадлена. Поэтому, несмотря на то что в азильскую эпоху геометрические изображения на гальках составили основу мобильного искусства, они не являлись изобретением этой культуры (*Sieveking, 1981. P. 323*).

Интересно отметить смену предпочтений в отношении отдельностей камня: плитки, использовавшиеся для нанесения рисунков и гравировок в основном в эпоху мадлена, по своей форме напоминают фрагменты скальной поверхности и располагают к тому, чтобы дублировать наскальные изображения или играть вспомогательную роль по отношению к ним. Неслучайно А. Сивекинг считает, что каменные плитки можно считать промежуточной группой между наскальными изображениями и искусством малых форм (*Sieveking, 1987. P. 239*). Галька, напротив, явились принципиально новой основой для нанесения рисунка. Ее форма требовала нового подхода к изображению в целом.

Актуальным остается вопрос о происхождении азильского геометрического стиля: имело ли его развитие автохтонный характер или возникло благодаря внешним влияниям? А. Брейль и П. Грациози считали, что его истоки следует искать в сре-

диземноморском регионе, в гримальдьене (*Mussi, 2002. P. 347*). А. Сивекинг отмечала, что, несмотря на то что геометрический стиль был более развит в средиземноморском регионе, он также существовал во франко-кантабрийском регионе на протяжении всего верхнего палеолита, пусть и в меньшем количестве, а потому нет необходимости искать истоки схематического стиля постледниковой эпохи Франции вне франко-кантабрийского региона (*Sieveking, 1981. P. 333*). Г. Кампс-Фабрер и А. Тевенен считали, что эпипалеолитическое искусство являлось прямым продолжением искусства эпохи мадлена (*Camps-Fabrer, 1976. P. 77; Thevenin, 1982. P. 454; 1989. P. 601*).

А. Вильярди и М. Мусси, в отличие от Г. Кампс-Фабрер и А. Тевенена, полагали, что не стоит разделять средиземноморскую и франко-кантабрийскую традиции, так как на предметах, найденных в пределах одной стоянки, могут встречаться мотивы, характерные для разных традиций (*Vigliardi, 1976. P. 71*). Различия между искусством Италии и Франко-Кантабрии могут объясняться существованием естественной преграды между полуостровом и континентом, препятствовавшей культурному обмену; тем не менее между франко-кантабрийским и средиземноморским искусством последних двух тысячелетий плейстоцена и первого тысячелетия голоцена прослеживается множество параллелей (*Mussi, Zampetti, 1997. P. 229–233*).

Отдельной проблемой является вопрос о существовании связей между различными группами памятников, относящимися к средиземноморскому региону. Некоторые мотивы, например, ленточные, встречающиеся в Италии в гротах Романелли и Кавалло и в Испании – на стоянке Парпальо, могут указывать на существование стилистического единства в искусстве этого региона (*Vigliardi, 1976. P. 71*). Изображения в виде ленточных мотивов в Парпальо происходят из слоев мадлена III–IV. Экземпляры из Романелли – более поздние и относятся, вероятно, к раннему голоцену. П. Грациози считал, что они связаны напрямую, но М. Мусси предполагает, что временной и географической разрыв между ними не позволяет говорить о прямом родстве (*Mussi, Zampetti, 1997. P. 226*).

К эпипалеолиту Испании относятся гравированные плитки из слоя II пещеры Кокина. Группы

перекрывающих друг друга параллельных линий напоминают гравировки на гальках со стоянок Дордони, но более вероятно, что их появление связано с нефигуративными изображениями грота Парпальо (*Barandiaran*, 1987. Р. 62; *Camps-Fabrer*, 1976. Р. 81).

На территории Франции было найдено наибольшее количество азильских галек с геометрическими мотивами. А. Тевенен первый обратил внимание на то, что стоянки эпипалеолита Франции, с находками галек с геометрическими гравировками, образуют три географические группы. Каждой из них соответствуют определенные стили: 1 – стиль Мас-д'Азиль, основу которого составляет мотив в виде трех или четырех групп поперечных линий, опоясывающих гальку; 2 – стиль Рошедан – с характерными гравировками в виде двух (реже – одного) регистров параллельных линий; 3 – стиль Абри Мюра с гравировками в виде сочетаний четырех или восьми параллельных линий, обрамленных по бокам короткими наклонными линиями (*Thevenin*, 1982. Р. 455).

Гальки с рисунками и гальки с гравировками неравномерно распространены на территории Франции. Самое большое количество галек с рисунками было найдено в гроте Мас-д'Азиль. Других местонахождений, сопоставимых с ним по количеству этих артефактов, в районе Пиренеев не найдено. Напротив, в бассейне р. Рона имеется несколько стоянок, богатых находками азильских галек с рисунками. Так, второе место по их количеству после Мас-д'Азиль занимают гроты Бирсек и Рошедан. Геометрические рисунки на гальках разных регионов демонстрируют меньшее разнообразие, чем гравировки. Самыми распространенными знаками в период от конца мадлена до эпохи мезолита повсеместно являлись точки, поперечные и продольные линии (*Couraud*, 1986. Р. 50).

Таким образом, можно говорить о существовании единого азильского геометрического стиля во Франции, который проявляется в трех провинциях. Изображения, характерные для каждой из провинций, имеют определенные стилистические особенности (*Thevenin*, 1982. Р. 456). При нанесении памятников на карту можно увидеть, что стоянки с геометрическими рисунками на гальках образуют непрерывную полосу в форме полуме-

сяца, которая тянется с юго-запада на северо-восток Франции, вдоль предгорий Пиренеев на юге и Альп на востоке (рис. 2). Возможно, приуроченность стоянок с азильскими гальками к гротам и пещерам в этих регионах связана с тем, что эти местонахождения играли роль святилищ, где проводились сезонные обряды.

Единичные находки фрагментов камня со знаковыми изображениями, происходящие со стоянок Восточной Европы, значительно отличаются от изделий, найденных в Центральной и Западной Европе. На двух экземплярах из юго-восточной Украины с финальнопалеолитических стоянок Рогалик XII и Рогалик VII и на гальке из Сибири со стоянки Ирба 2 нанесены крестообразные знаки (*Горелик*, 2001. С. 265–266; *Поляков и др.*, 2014. С. 123). Изображение в виде креста, расположенное в центре гальки, не встречается на других гальках со стоянок палеолита Евразии, за исключением единственного экземпляра из Таты, относящегося к среднему палеолиту. Ближайшими аналогиями гальке с крестом со стоянки Ирба 2 являются гравированные диски из агальматолита из старых раскопок Афонтовой Горы II и III. На стоянке Афонтова Гора II в Красноярске был найден диск с отверстием в центре и поперечными насечками по периметру, а на стоянке Афонтова Гора III – диск, гравированный с обеих сторон радиально расходящимися от центра линиями (*Абрамова*, 1962. С. 52). Техника сверления, применявшаяся на стоянке Рогалик XII для создания изображения на фрагменте песчаника, не использовалась на других стоянках при нанесении гравированных геометрических изображений.

Геометрические изображения в искусстве малых форм и на скальном искусстве. Главная трудность при сравнении знаков в на скальном и мобильном искусстве состоит в отсутствии четкой хронологии на скальных рисунков. По этой причине сравнению подлежат в основном только те изображения, которые происходят с одной стоянки. На ряде местонахождений можно обнаружить существование непосредственной взаимосвязи между на скальным и мобильным искусством: в гроте Романелли ленточные мотивы есть и на плитках, и на стенах; в пещере Гойи сходные изображения треугольника встречаются на каменной

плитке и на стенах пещеры. Особенно показательно сравнительное изучение наскальных изображений и рисунков на плитках пещер р. Вольп, произведенное Р. Бегуэном. Несмотря на определенные различия между изображениями на плитках и скальных поверхностях, Р. Бегуэн сделал вывод о существовании прямой связи между ними в пределах стоянки. В отличие от наскальных рисунков и гравировок на кости, плитки, вероятно, использовались в течение недолгого времени, после чего теряли свое назначение; их ломали и выбрасывали, использовали для мощения пола или в качестве орудий (*Bégouen, Clottes, 1987. P. 161–163*). Похожее отношение к плиткам наблюдается на стоянке Геннерсдорф (*Bosinski, 2001. P. 355*).

Тем не менее, лишь на немногих стоянках может быть произведен подобный сравнительный анализ. Большая часть знаков на каменных плитках и гальках не связана непосредственно с наскальными изображениями. Абстрактные мотивы, распространенные в наскальном искусстве, крайне редко встречаются на плитках эпохи мадлена, однако, как отметила А. Сивекинг, они часто присутствуют на азильских гальках. Аналоги азильских геометрических изображений, таким образом, есть не только в наскальном искусстве эппалеолита, но и в мадленском наскальном искусстве (*Sieveking, 1981. P. 323*).

Геометрические изображения палеолита как элементы знаковых систем. Перейдем к вопросу о том, можно ли считать представленные в данной работе геометрические изображения знаками в семиотическом смысле. Чтобы с большей долей уверенности сказать, что перед нами знак, необходимо одновременно со знаком выделить знаковую систему, или совокупность однотипных знаков, к которой он относится. Единичные геометрические изображения, которые могли являться несистемными знаками, в этом случае остаются вне исследования, если нет иных критериев для определения их как знаковых изображений (например, наличия информации о происхождении определенного геометрического знака от фигуративного).

Только с эпохи солютре мы можем говорить о появлении знаковых систем в нефигуративном искусстве палеолита (по материалам культурных слоев грота Парпалью). В Италии геометрические

изображения на отдельностях камня приобретают серийный характер в эпоху финального эпиграветта, а во Франции – в эпоху мадлена. Достаточно уверенно можно говорить о появлении знаковых систем в эппалеолите. Именно в этот период знаки становятся стандартизированными. Как отметил А. Тевенен, четкая приверженность определенному типу означает символическую значимость рисунка (*Sieveking, 1981. P. 331*). Согласно А. Маршаку, в верхнем палеолите известно около дюжины различных символических систем со своей иконографией, значением, способом использования (*Marschack, 1976. P. 131; 1987. P. 277*).

К знаковым системам можно отнести азильские гальки с рисунками. Они образуют устойчивое единство на обширной территории в Западной Европе по ряду критериев: времени распространения, форме гальки, цвету краски, технике нанесения, геометрическим мотивам. Различия между ними в разных регионах незначительны, они связаны с предпочитаемыми мотивами и функциональным использованием гальки до и после нанесения рисунка.

Знаковую систему, несомненно, составляли гравировки стиля Рошедан. Для них характерно наличие, с одной стороны, устойчивой повторяющейся схемы из двух регистров параллельных линий, а с другой – большое число вариаций внутри группы в зависимости от количества линий и наличия добавочных элементов. К знаковым системам, вероятно, относятся и гравировки стиля Мас-д'Азиль и Абри Мюра.

На ряде стоянок были найдены гальки с гравированными и гальки с нарисованными краской геометрическими знаками. Сходство между изображениями, выполненными в разных техниках, за редким исключением, отсутствует. Это позволяет предположить, что геометрические гравировки и рисунки на гальках составляли две различные знаковые системы, сосуществовавшие друг с другом.

Интерпретация геометрических изображений. В работе Э. Пьетта представлены различные варианты происхождения знаков: знаки как свидетельство счета, знаки как зачатки алфавита, знаки как пиктографические изображения, которые получились в результате схематизации фигуративных па-

леолитических мотивов (*Perrot*, 1986. Р. 114). Сторонником пиктографической теории были и Г. Обермайер, полагавший, что за двойным шевроном на азильских гальках кроется схематическое изображение сидящего человека, и А. Маршак, который видел в волнистых линиях водные мотивы, а в шевронах – кометообразные знаки (*Marschack*, 1976. Р. 131; *Горелик*, 2001. С. 264). Многие исследователи, изучавшие мадленские геометрические изображения, среди которых был и А. Леруа-Гуран, считали их результатом схематизации фигуративных палеолитических мотивов (*Leroi-Gourhan*, 1958. Р. 395).

Различные исследователи высказывали предположения относительно назначения галек и каменных плиток. Выделим основные из них:

1. Гальки со знаковыми изображениями служили элементами игр. Эту идею высказал Э. Пьетт (*Piette*, 1896. Р. 396).

2. Гальки были ритуальными предметами, связанными с культом мертвых. На поздних стадиях азилия гальки иногда находили в погребениях, например, в Лос Азулес I в Испании и в Арен Кандид в Италии (*Couraud*, 1986. Р. 49).

3. Гальки использовались в качестве лунных календарей. Эту точку зрения высказал А. Маршак, ее поддерживали исследователи азильских галек А. Тевенен и К. Куро (*Couraud*, 1986. Р. 52; *Perrot*, 1986. Р. 114).

4. Каменные плитки являлись эскизами для создания наскальных изображений. Гипотезы существования школ для обучения неофитов живописи придерживались Л. Капитан и Ж. Буиссони. Ее частично разделял Р. Бегуэн, отмечая, что многие изображения на плитках напоминают быстрые эскизы или неловкие попытки рисунка, а штриховки напоминают эскизы дебютантов (*Bégouen*, *Clottes*, 1987. Р. 163).

5. Каменные плитки с геометрическими знаками служили мобильными святилищами. Такую интерпретацию предложил А. Брейль. Ее поддерживал Р. Бегуэн, предположив, что места скопления каменных плиток с изображениями в пещерах р. Вольп были святилищами для тех категорий первобытного населения, которым был запрещен доступ к наскальным рисункам (*Там же*).

6. Гальки со знаками имели те же функции, что и австралийские чуринги (*Кабо*, 2002). Разнообразные геометрические мотивы, встречающиеся

у первобытных племен, относятся, по наблюдениям исследователя, к обрядам перехода, в частности к обрядам инициации, символизирующим смерть посвящаемых и ритуальное возрождение к новой жизни. К палеолиту восходят такие символы, как мотив лабиринта, концентрические четырехугольники, волнистые линии, зигзаги. Все эти символы на протяжении тысячелетий ассоциировались с идеями потустороннего мира, смерти и возрождения, реинкарнации (*Там же*).

Абрамова, 1962 – *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962.

Горелик, 2001 – *Горелик А. Ф.* Памятники Рогоаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск, 2001.

Кабо, 2002 – *Кабо В. Р.* Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра, 2002.

Поляков и др., 2014 – *Поляков А. В., Амзараков П. Б., Ковалева О. В., Васильев С. А., Ямских Г. Ю., Барышников Г. Ф., Гурия Е. Ю., Бурова Н. Д., Зубков В. С.* Ирба-2: новый палеолитический памятник в предгорьях Саян // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I.

Barandiaran, 1987 – *Barandiaran Maestu I.* Algunos temas no figurativos del arte mueble prehistorico (A propósito de las places grabadas de La Cocina) // Archivo de Prehistoria Levantina. Valencia, 1987. Т. 1, vol. 17.

Bégouen, *Clottes*, 1987 – *Bégouen R., Clottes J.* Art mobilier et art pariétal dans les cavernes du Volp // Colloque international d'art mobilier paléolithique. Foix – Le Mas-d'Azil. 16-21 nov. 1987: Pre-actes / Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. Toulouse, 1987.

Bosinski, 2001 – *Bosinski G.* Die Gravierten Frauendarstellungen von Gönnersdorf. Stuttgart, 2001.

Camps-Fabrer, 1976 – *Camps-Fabrer H.* Comparaisons entre l'art mobilier épipaléolithique de l'Europe Meridionale et de l'Afrique du Nord // Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Colloque XIV. Les courants stylistiques dans l'art mobilier au Paléolithique superieur. Nice, 1976.

Couraud, 1986 – *Couraud C.* L'art des galets aziliens // Archéologia. 1986. № 211.

Leroi-Gourhan, 1958 – *Leroi-Gourhan A.* Le symbolism des grands signes dans l'art pariétal paléolithique // Bulletin de la Société préhistorique française. 1958. Т. 55, № 7–8.

Marschack, 1976 – *Marschack A.* Use versus style in the analysis and interpretation of Upper Paleolithic image and symbol // Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Colloque XIV. Les courants stylistiques dans l'art mobilier au Paléolithique superieur. Nice, 1976.

Marschack, 1987 – *Marshack A.* Evolution et transformation des decors // Colloque international d'art mobilier paléolithique. Foix – Le Mas-d'Azil. 16-21 nov. 1987: Pre-actes / Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. Toulouse, 1987.

Mussi, 2002 – *Mussi M.* Earliest Italy. An overview of the Italian Paleolithic and Mesolithic. New York, 2002.

Mussi, Zampetti, 1997 – *Mussi M., Zampetti D.* Carving, painting and engraving: problems with the earliest Italian design // Beyond art: Pleistocene image and symbol. San Francisco, 1997.

Perrot, 1986 – *Perrot J.* Recensions: Couraud C. 1985. L'art azilien. Origine – survivance // Paléorient. 1986. Vol. 12, № 1.

Piette, 1896 – *Piette E.* Etude d'ethnographie préhistorique № 3. Les galets coloriés du Mas-d'Azil // L'Anthropologie, 1896. № 7.

Sieveking, 1981 – *Sieveking A.* Continuité des motifs schematiques, au Paléolithique et dans les périodes postérieures en Franco-Cantabrie // Altamira Symposium. Madrid, 1981.

Sieveking, 1987 – *Sieveking A.* Les plaquettes et leur role // Colloque international d'art mobilier paléolithique. Foix – Le Mas-d'Azil. 16-21 nov. 1987: Pre-actes / Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. Toulouse, 1987.

Thevenin, 1982 – *Thevenin A.* Rochedane: l'azilien, l'Épipaléolithique de l'est de la France et les civilisations épipaléolithiques de l'Europe occidentale. Strasbourg, 1982. T. 1–2.

Thevenin, 1989 – *Thevenin A.* L'Art azilien: essai de synthèse // L'Anthropologie. 1989. T. 93.

Vigliardi, 1976 – *Vigliardi A.* L'Art mobilier paléolithique de la province méditerranéenne // Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Colloque XIV. Les courants stylistiques dans l'art mobilier au Paléolithique supérieur. Nice, 1976.

Symbolic representations on pebbles and stone tablets from the Palaeolithic of Northern Eurasia

T. K. Korneva

The first symbolic representations appeared in the Middle Palaeolithic. Beginning with the Magdalenian period, their number and diversity grew and reached the apogee in the final Palaeolithic (Azilean, Epigravette). The absolute majority of the finds have provenance from the Atlantic zone of Western Europe and Mediterranean.

Three groups of Azilian pebbles with symbolic representations discovered in the territories of what is now France and Switzerland (Mas-d'Azil, Rochedane and l'Abri Murât), as well as the pebbles found in Italy and Spain, constitute a continuity throughout the vast territory of Western Europe. Nevertheless, each of these groups possesses its own stylistic peculiarities. Geometric representations on pebbles and stone tablets are represented by single finds from the Palaeolithic of Eastern Europe and Siberia differing from the examples found in Western Europe. Possibly the development of the former was linked with the autochthonous evolution of the geometric style during the Palaeolithic Age of these territories.

Pebbles and stone tablets with geometric patterns can be estimated as two differing varieties of the Palaeolithic small art since they were created and employed in different epochs, different cultures and, perhaps, with different purposes. Despite the fact that pebbles with symbolic representations appeared in the Magdalenian Age with their parallels found in the rock art of the Upper Palaeolithic, they are typical to the Azilian, whereas stone tablets with non-figurative design are characteristic of the Magdalenian culture. In the Magdalenian, geometric designs were used simultaneously with naturalistic ones, while for the Azilian culture, the geometric style was the basic one.

The application of the semiotic approach allowed the researchers to identify groups of representations which can be considered as elements of symbolic systems. The supposition was proposed that the interrelation between the type of a geometric motif and the technology of its making had a symbolic meaning. The representations on pebbles rendered in different techniques may have been related with different symbolic systems.

Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований¹

Н. В. Косорукова, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко²

Аннотация. В статье представлены материалы новой торфяниковой стоянки эпохи мезолита Погостище 15 в бассейне озера Воже в Вологодской обл., которая была открыта и исследовалась в 2010–2016 гг. Цель: охарактеризовать стратиграфию и планиграфию, костяной и каменный инвентарь, деревянные артефакты и остеологический материал, хронологию; выявить культурную принадлежность памятника. Также в статье приведены результаты комплексного междисциплинарного исследования: изучение костной ткани человека методами рентгено-спектрального флуоресцентного анализа и масс-спектрометрии позволило сделать заключение о характере питания древних людей, по данным геохимического и палинологического анализов проведена реконструкция изменений природной среды и климата в районе стоянки.

Annotation. This article presents materials from the newly discovered peatbog Mesolithic camp-site of Pogostishche-15 in the basin of Lake Vozhe in Vologodskaya Oblast of Russia. This site was discovered and excavated in 2010–2016. The goal of its investigations was to identify the stratigraphic scheme and the plan, bone and stone artefacts, wooden objects and osteological materials, chronology and the problem of determination of the cultural belonging of this site. In addition, this article presents the results of interdisciplinary investigations, viz. studies of human osseous tissue by methods of X-Ray fluorescent-spectral analysis and mass spectrography. These studies revealed the character of the diet of the ancient people at the site under consideration. Geochemical and palynological analyses have allowed a reconstruction of the changes of the natural environment and climate in the surroundings of the camp-site.

Ключевые слова: бассейн озера Воже, торфяниковая стоянка Погостище 15, мезолит, междисциплинарные исследования.

Keywords: basin of Lake Vozhe, peatbog camp-site of Pogostishche-15, Mesolithic, interdisciplinary investigations.

Одним из наиболее актуальных направлений в современной археологии каменного века является поиск и исследование торфяниковых памятников,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-06-98806 «Комплексное исследование памятников каменного века в бассейне озера Воже».

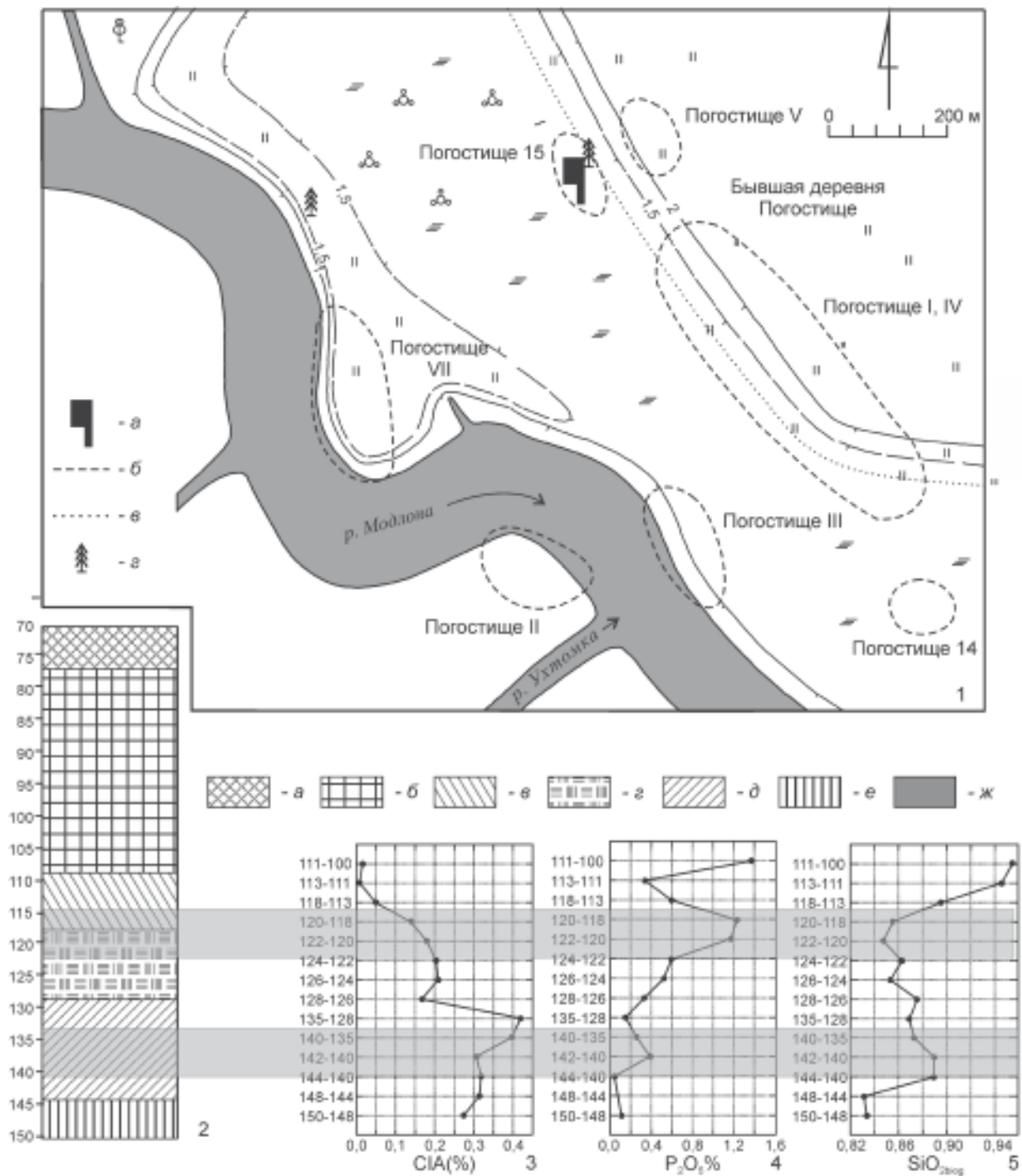
² Косорукова Н. В. – Россия, 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. ФГБОУ ВО Череповецкий государственный университет, кафедра истории и философии. E-mail: natalikcher@mail.ru.

Кулькова М. А. – Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48. ФГБОУ ВПО Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра геологии и геоэкологии. E-mail: kulkova@mail.ru.

Сапелко Т. В. – Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, ул. Севастьянова, д. 9. ФГБУН Институт озероведения Российской академии наук, лаборатория географии и природопользования, группа палеолимнологии. E-mail: tsapelko@mail.ru.

так как они позволяют наиболее полно использовать возможность применения комплексного исследования с помощью методов естественных наук и изучать взаимодействие человека и природы.

Памятник Погостище 15 находится на севере Вологодской области, в Кирилловском районе, на левом берегу р. Модлона (впадает в озеро Воже), на территории бывшей дер. Погостище (рис. 1, 1). История исследования археологических памятников в окрестностях этой деревни начинается в 1930-х гг. и связана с именами А. Я. Брюсова, Н. В. Тухтиной, С. В. Ошибкиной, Н. А. Макарова и С. Д. Захарова (Брюсов, 1938; 1951; Ошибкина, 1978; 1983; 2006). В настоящее время на территории деревни и поблизости от нее известно 15 памятников, датируемых от мезолита до средневе-

Рис. 1. Стоянка Погостище 15: 1 – расположения памятников у дер. Погостище, план (а – раскопы; б – граница памятника; в – граница заболоченного участка; з – одинокая сосна); 2 – разрез 1, стратиграфия (а – антропогенный горизонт («деревенский слой»); б – коричневый торф; в – черный торф (торфянистая гиття); г – оливковый ил; д – светло-серый песок с галькой; е – светло-серая глина; ж – уровни высокой антропогенной активности); 3–5 – данные геохимических исследований (3 – индекс химического выветривания – CIA; 4 – антропогенная нагрузка – P₂O₅; 5 – биологическая продуктивность водоема – SiO₂biog)

Fig. 1. The site of Pogostishche 15: 1 – locations of sites near the village of Pogostishche, plan (a – excavations; б – border of the site; в – border of the bogged area; з – solitary pine); 2 – section 1, stratigraphy (a – anthropogenic horizon ('village layer'); б – brown peat; в – black peat (peaty gytija); г – olive silt; д – light-grey sand containing pebbles; е – light-grey clay; ж – levels of high anthropogenic activity); 3–5 – data of geochemical studies (3 – index of chemical weathering CIA; 4 – anthropogenic load – P₂O₅; 5 – biological productivity of water basin – SiO₂biog)

ковья и нового времени, большинство из которых являются суходольными (Макаров и др., 2001. С. 325–328; Косорукова, 2007. С. 10–24; 2012. С. 58–63). Деревня располагалась, в основном, на невысокой надпойменной террасе, удаленной от берега Модлоны на расстояние 130–200 м. Терраса имеет растянутый пологий склон, высота ее над уровнем воды не превышает 2 м; между террасой и берегом реки находится заболоченная низина. Несмотря на относительно небольшую высоту террасы над уровнем воды, все же это место можно определить как довольно высокое для данного региона в бассейне озера Воже, где преобладают болота и низкие топкие берега. Высокие площадки в этом регионе немногочисленны, они были, несомненно, хорошо известны с глубокой древности, так как почти на всех таких местах выявлены суходольные многокомплексные памятники, нередко содержащие в одном слое материалы разных археологических эпох. А неподалеку от таких возвышенных площадок, в прилегающих низинах иногда удается выявить торфяниковые памятники с чистыми в хронологическом отношении комплексами.

Деревня Погостище была весьма важным и многонаселенным пунктом еще в середине XX в., но уже к концу 1970-х гг. опустела и была покинута жителями. В начале 1990-х гг. на территории деревни еще сохранялось немало деревянных строений, которые к настоящему времени исчезли полностью. Место бывшей деревни теперь мы можем охарактеризовать как один большой археологический памятник, однако еще ранее разными исследователями здесь уже было зафиксировано несколько памятников. Так, в центральной части бывшей деревни, в низине и по краю надпойменной террасы, напротив впадения в Модлону р. Ухтомка, находится памятник Погостище I, на юго-восточной оконечности террасы – Погостище IV, на северной окраине деревни – Погостище V (рис. 1, 1). Конкретные места расположения данных памятников в настоящее время можно определить лишь приблизительно, так как GPS-координаты стали использоваться сравнительно недавно. Деревенские улицы, дороги и строения, относительно расположения которых была осуществлена привязка памятников на старых топо-

графических планах, теперь уже исчезли, а в некоторых случаях мы не найдем даже и самих планов расположения памятников.

В 2005 г. во время разведочных работ на Модлоне в районе дер. Погостище, которые проводились объединенной археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета под руководством Н. В. Косоруковой, была открыта торфяниковая стоянка Погостище 14 (рис. 1, 1), расположенная примерно в центре обширной низины к юго-востоку от деревни. Раскопки данной стоянки проводились в 2008–2010 гг. (Косорукова, 2012; С. 58–63), слой на ней оказался слабо насыщен находками. В 2010 г., во время окончания раскопок Погостища 14, примерно в 500 м к северу от него была обнаружена стоянка Погостище 15. Оба памятника были открыты методом бурения с последующей закладкой разведочных шурфов. Вначале при помощи бурения были выявлены «сапропелевые участки», то есть такие места, где под торфом есть слой сапропеля (озерного ила), и определены примерные их границы, затем вдоль края данных участков закладывались разведочные шурфы. Стоянка Погостище I, исследованная А. Я. Брюсовым в 1938 г. (Брюсов, 1938. С. 36–38; 1951. С. 46), находится, скорее всего, примерно посередине между Погостищем 14 и 15; бурение на данном участке не выявило наличие слоя сапропеля.

Погостище 15 расположено в северной оконечности бывшей деревни у подножия пологого склона надпойменной террасы и начала болотистой низины, поросшей кочками и кустами, около одиноко стоящей сосны, примерно напротив суходольного памятника Погостище V, представляющего собой средневековый могильник и мезолитическую стоянку (Ошибкина, 1983; Макаров и др., 2001. С. 325–326). Погостище 15 получило свой отдельный номер по указанной выше причине: конкретное расположение памятника Погостище V на местности в настоящее время можно установить только предположительно. От современного берега Модлоны Погостище 15 удалено на расстояние около 200 м.

Стратиграфия (рис. 1, 2). Под дерном залегает так называемый деревенский слой мощностью около 1 м, представляющий собой черную оторфованную супесь (0,1–0,6 м), переходящую в чер-

ный или темно-коричневый торф. Верхний (деревенский) слой содержит в большом количестве находки позднего времени: кости животных, фрагменты гончарной керамики, колотые камни, железные и стеклянные предметы, лапти, остатки деревянных строений, очагов из камней или печей-каменок и т. п. В нем же встречены отдельные находки эпохи средневековья и каменного века. Под коричневым торфом или в его нижней части находится прослойка очень плотного и вязкого черного торфа (торфянистая гиттия) мощностью 0,02–0,1 м, в которой встречаются как единичные поздние находки, так и артефакты каменного века. Самый интересный слой залегает под торфом на глубине от 1 до 1,5 м – это небольшой по мощности (0,1–0,15 м) слой озерного ила оливкового цвета, глубина его залегания слегка изменяется на разных участках памятника, но мощность всегда остается небольшой. Слой ила содержит находки эпохи мезолита без примесей других эпох и подстилается материковыми песком и глиной.

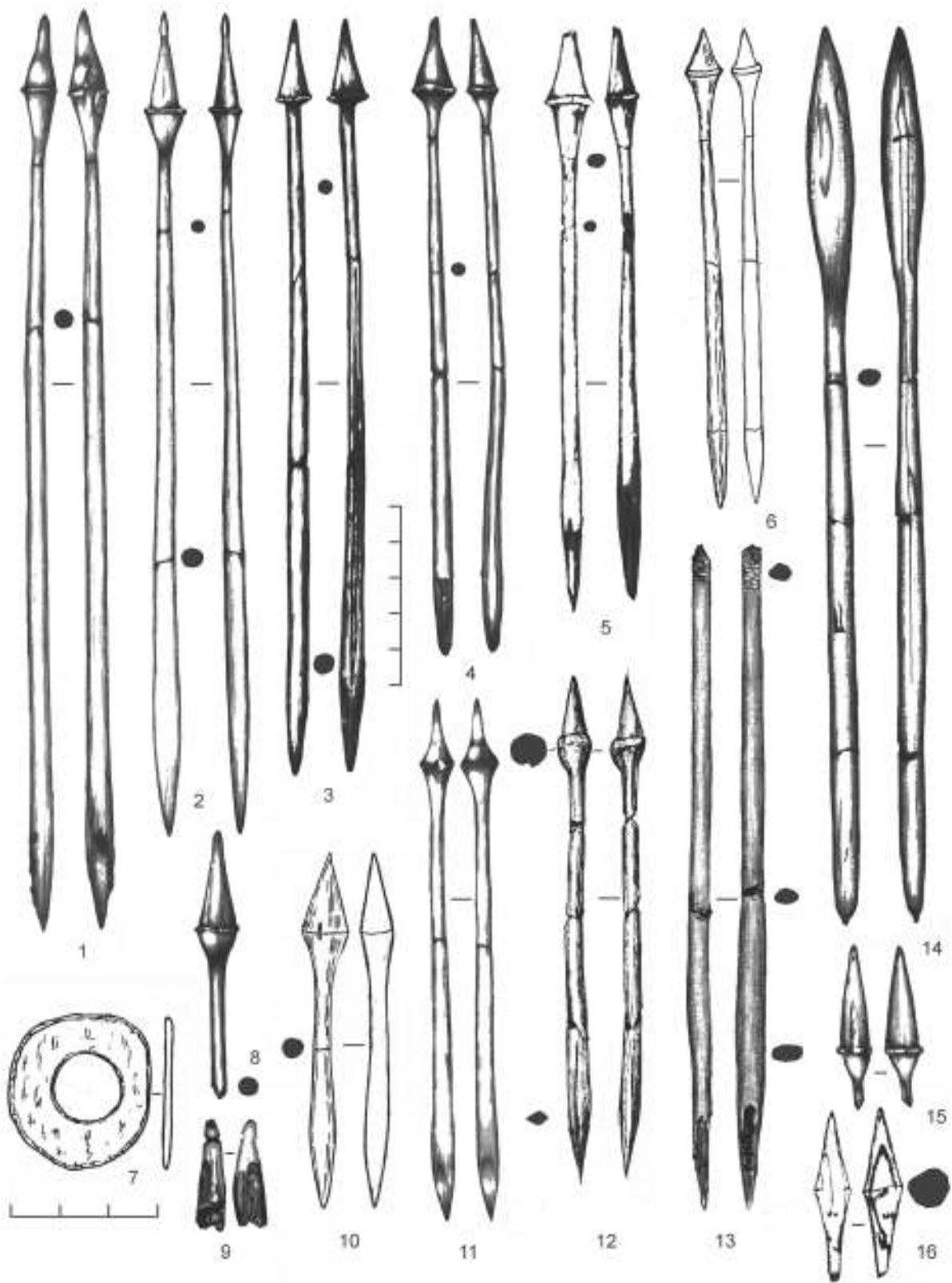
За 2011–2016 гг. на памятнике заложено шесть раскопов (№ 1–6) общей площадью 360 кв. м. Находки из слоя ила представлены изделиями из камня, кости, дерева. Также многочисленны кости животных и рыб, встречено несколько отдельных фрагментов костей человека. Каких-либо объектов или сооружений не зафиксировано. Деревянные предметы со следами обработки имеют различную длину и форму, в основном, напоминают простейшие досочки, плашки и реечки, которые залегают, как правило, хаотично, относительно горизонтально и не образуют значительных скоплений. Сохранность дерева существенно хуже, чем, например, на раннеолитической стоянке Караваиха 4, расположенной в 22 км от Погостища, раскопки которой осуществляются также указанной экспедицией.

Костяной инвентарь. Общее количество изделий из кости, включая обломки, составляет 128 экз. Наиболее многочисленны наконечники стрел – 54 экз. Сюда включены 20 обломков средних и нижних частей орудий, в том числе короткие фрагменты стержней и более длинные фрагменты стержня вместе с насадом, которые не позволяют точно определить тип изделия из-за отсутствия острия.

Среди наконечников стрел абсолютно преобладают изделия с биконической головкой (рис. 2, 1, 2, 5, 6, 8, 10–12, 15) – 24 экз., причем по способу оформления головки можно выделить три подтипа: 1) с рельефным ободком в наиболее широкой части головки, иногда подчеркнутым кольцевыми канавками (преобладают), 2) с уступом при переходе от верхней меньшего диаметра части головки к нижней части головки большего диаметра, 3) без рельефного ободка и уступа. Кроме того, наконечники данного типа различаются по размерам головки и длине изделия (от 9 см до 24–25 см). В пределах первого подтипа – с рельефным ободком – выделяется интересный вариант, когда верхний конец острия оттянут кверху и на самом конце оформлена еще как бы маленькая головка (рис. 2, 2). Для наконечников с биконической головкой характерно округлое сечение стержня, диаметр которого может варьировать на разных участках. К этому типу наконечников относится и обломок единственного деревянного орудия (рис. 2, 16).

Близки первому типу наконечники с конической головкой (3 экз.). Они имеют короткую, расширенную книзу головку подтреугольной формы с рельефным пояском, расположенным в самом ее основании. Один из таких наконечников имеет еще и неглубокий паз для вкладышей в нижней половине стержня (рис. 2, 3, 4). К разряду наконечников с биконической головкой, по-видимому, можно отнести и одно массивное изделие с утолщенным удлинено-биконическим пером, в наиболее широкой средней части которого сделана прерывистая нарезка. Стержень изделия также утолщенный, диаметр его немного больше, чем у обычных наконечников с биконической головкой (рис. 2, 14). Вероятно, такой наконечник предназначался для охоты на крупных животных.

Другие типы наконечников стрел представлены единичными экземплярами. 1) Однокрылый асимметричный с относительно коротким пером (длина пера составляет одну треть длины орудия) и уплощенно-овальным сечением. Шип пера (или зубец, выделенный с одной стороны) – короткий, оформлен под прямым углом к стержню (рис. 3, 8); это единственный наконечник, найденный в целом виде. 2) Вкладышевый-двукрылый, с длинным стержнем и насадом. По одному краю

Рис. 2. Стоянка Погостище 15. Изделия из кости и дерева: 1–6, 8, 10–16 – наконечники стрел; 7 – диск (кольцо); 8 – подвеска
1–8, 10–15 – кость; 9 – зуб; 16 – дерево

Fig. 2. The site of Pogostishche 15. Objects of bone and wood: 1–6, 8, 10–16 – arrowheads; 7 – disc (ring); 8 – pendant
1–8, 10–15 – bone; 9 – tooth; 16 – wood

пера расположен паз, и в нем сохранились два вкладыша из микропластин, на другом крае пера вместо паза для вкладышей оформлено крыло, заканчивающееся коротким выступом-шипом; острый конец пера обломан. Паз для вкладышей имеет бóльшую длину, чем крыло с другой стороны пера, вероятно, это был асимметричный наконечник (рис. 3, 2). 3) Игольчатый плоско-округлого сечения: перо имеет плоское сечение, центральная часть орудия – округлое и несколько массивное сечение, на нижнем конце, как и у большинства наконечников, оформлен конический насад (черешок) (рис. 3, 1). 4) Узкий плоский наконечник с рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) и уплощенно-овальным сечением; этот наконечник украшен орнаментом в виде коротких горизонтальных насечек, расположенных продольными рядами от рельефного ободка до острия, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики (в виде лежащей римской цифры «X») (рис. 3, 3).

У двух довольно длинных наконечников острие обломано, поэтому тип можно определить только предположительно. Одно изделие, возможно, представляло собой игольчатый наконечник с коническим насадом и рельефным ободком при переходе насада в стержень (рис. 3, 7). От второго сохранился длинный стержень круглого несколько более массивного сечения, с насадом и пазами для вкладышей, расположенными у верхнего обломанного конца с характерным язычковым сломом. Длина пазов составляет 3 см, в них видны следы смолы (рис. 3, 4); острие же могло быть как у игольчатого наконечника или иметь коническую (биконическую) головку.

На втором месте по количеству среди изделий из кости (по 10 экз.) находятся одновременно две категории: 1) различной формы проколки и шилья (инструменты с выделенным острым концом) (рис. 3, 6; 4, 12, 13); 2) орудия из массивных расколотых вдоль на две приблизительно равные части трубчатых костей, которые могли использоваться как орудия с ударной функцией (пешни, наконечники рогатин или копий, кинжалы); такие орудия представлены чаще обломками (в том числе короткими верхними концами) или единичными целыми изделиями; не всегда очевиден прием

оформления верхнего конца, но больше представлены симметричные формы и меньше – асимметричные (рис. 4, 10, 15).

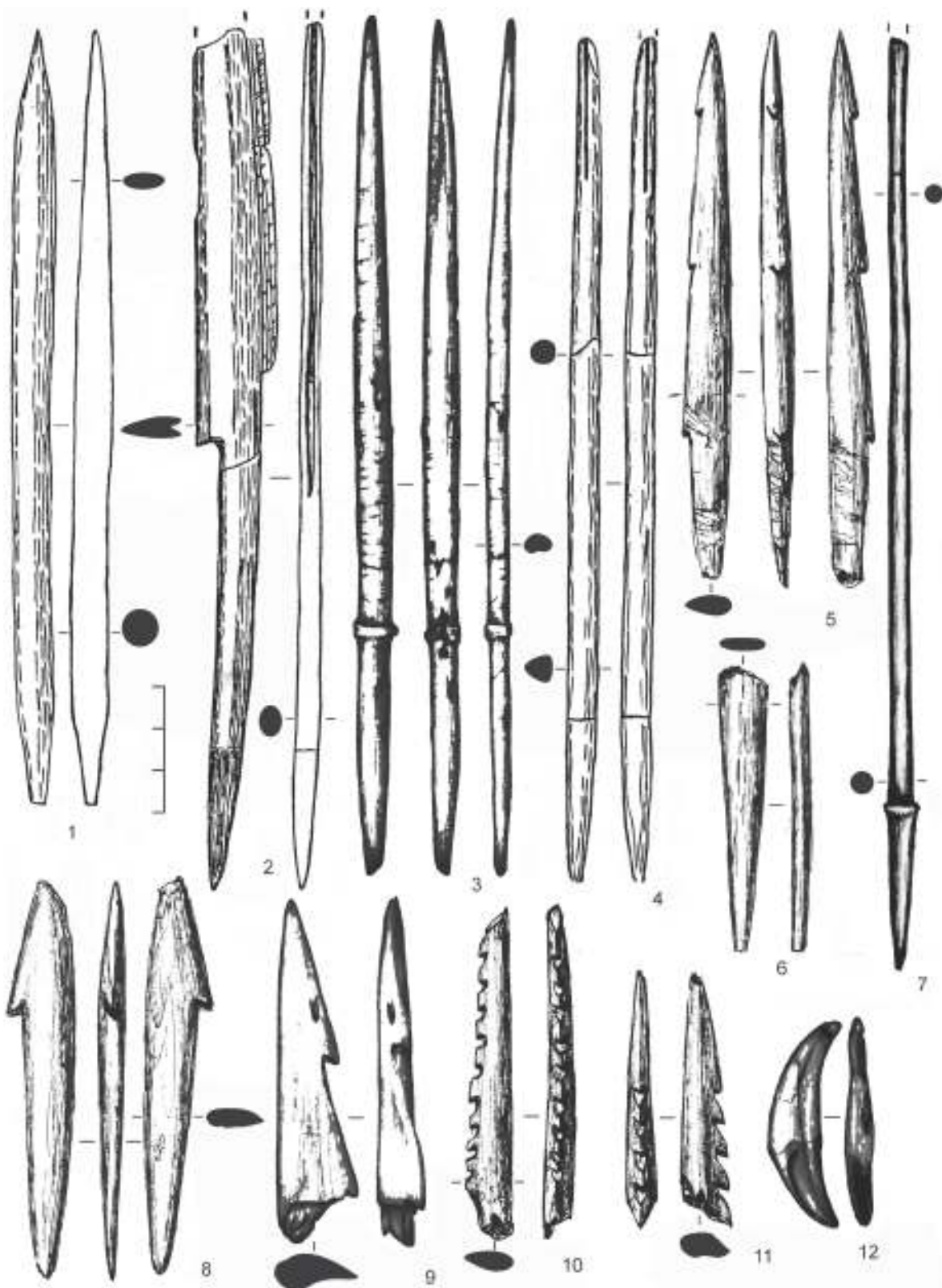
Семь изделий отнесены к категории наконечников копий. Они изготовлены из крупных костей с массивным подтреугольным, подчетыреугольным или подовальным сечением и одной вогнутой поверхностью (естественная ложбинка на кости), заточенным боевым ударным концом. Шесть из них представлены обломками, в том числе два экз. имеют паз для вкладышей. Одно орудие – практически целое (рис. 4, 1–3).

Одно изделие определено как обломок кинжала (но не исключено, что могло использоваться и в качестве наконечника копья): оно представлено обломком с уплощенно-овальным поперечным сечением и симметрично приостренным концом (рис. 4, 4).

Зубчатые острия представлены четырьмя экземплярами. Три из них – с обломанными нижними концами и уплощенным сечением, два из которых относятся к типу мелкозубчатых с частыми, четко выделенными зубцами (рис. 3, 10, 11), третье – редкозубчатое, сохранились два редко поставленных коротких зубца (рис. 3, 9). Четвертое острие представляет собой целое орудие длиной 13,5 см с тремя едва намеченными зубцами, сечение уплощенное, конец заострен. На насаде прослежены следы обмотки, в центральной части орудия нанесен еле заметный орнамент из косых насечек (рис. 3, 5).

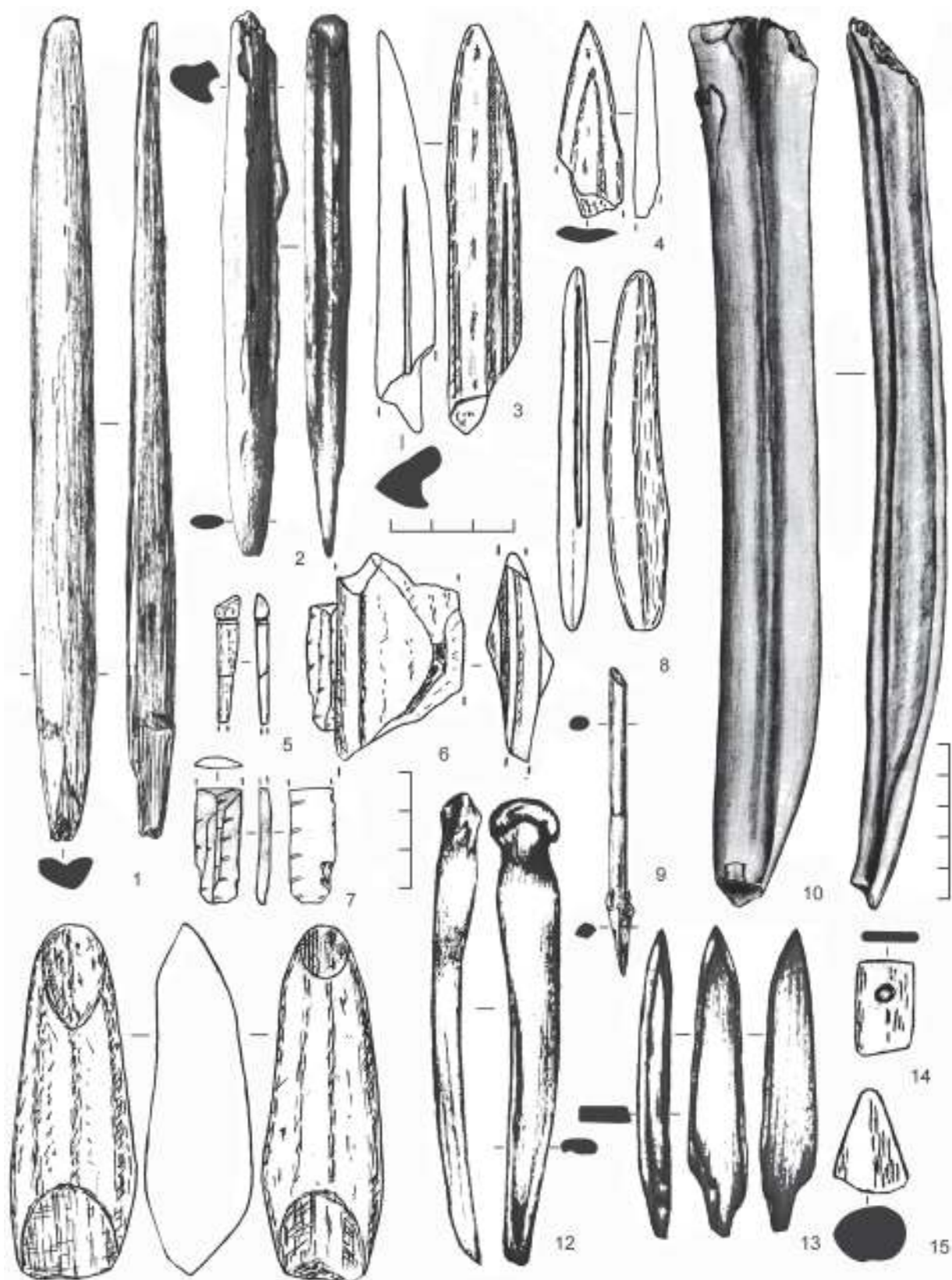
Три изделия имеют паз для вкладышей с остатками смолы и могли использоваться в качестве ножей (рис. 4, 8); одно из них почти целое, а два представлены обломками. В пазу одного обломанного орудия сохранился вкладыш в виде пластины с обломанным верхним концом и ярко выраженным ударным бугорком (рис. 4, 6, 7).

Среди изделий из кости также представлены небольшой очень тонкий костяной диск (кольцо?) диаметром 2 см, с отверстием в центре диаметром 1,5 см (рис. 2, 7), 13 подвесок из резцов бобра и лося, зубов волка и куницы (рис. 2, 9; 3, 12), две подвески из кусочков кости с нарезками (рис. 4, 5), одна – из небольшой костяной пластинки с просверленным отверстием (рис. 4, 14), еще одна подобная пластинка без отверстия, 18 обломков изделий. Найдены два орудия из рога. Одно орудие имеет два заточенных и подшлифованных рабочих конца с рубящими

Рис. 3. Стоянка Погостище 15. Изделия из кости: 1-4, 7, 8 – наконечники стрел; 5, 9-11 – зубчатые острия; 6 – проколка; 12 – подвеска. 1-11 – кость; 12 – зуб

Fig. 3. The site of Pogostishche 15. Bone artefacts: 1-4, 7, 8 – arrowheads; 5, 9-11 – indented points; 6 – borer; 12 – pendant. 1-11 – bone; 12 – tooth

функциями, возможно, это топорик-стамеска (рис. 4, 11); второе, предположительно, использовалось в качестве отжимника.

Каменный инвентарь представлен, в основном, изделиями из кремня, а также из сланца и кварца. Использовался, главным образом, галечный кремьень низкого качества, серого и черного цвета, в меньшей степени встречен цветной кремьень; изделия из качественного кремня единичны. Общее количество изделий из кремня составляет около 2600 экз., почти 4/5 приходится на отщепы и обломки, причем чешуйки немногочисленны. Орудия, нуклеусы и определяемые сколы составляют 579 экз.

Наиболее представительна в кремневом инвентаре нуклевидная группа: нуклеусы и их обломки (81 экз.), нуклевидные обломки (71 экз.), пренуклеусы (11 экз.), обломки кремня со следами снятий (44 экз.), а также технологические сколы (27 экз.). Нуклеусы и нуклевидные обломки, в основном, не имеют правильной формы, преобладают одноплощадочные, представлены также двуплощадочные и торцовые. Как правило, прослеживаются негативы от одного или нескольких снятий неправильных, нешироких, относительно коротких пластин или отщепов (рис. 5, 5, 12). Единичны формы, когда с одного фронта произведено сразу несколько снятий микропластин (рис. 5, 1–4, 13). В числе технологических сколов определены 15 сколов подправки площадки, четыре ребристых и восемь прочих. Следует отметить единичность ребристых сколов, а подправка площадки производилась сколами с краевых участков площадок нуклеусов. Также важно отметить, что количество пластин (95 экз.) относительно невелико, среди них преобладают изделия средней ширины с нерегулярной огранкой спинки. Микропластины, вкладыши и орудия из пластин единичны (рис. 5, 3, 6–11), совершенно не представлены наконечники стрел на пластинах (и никакие другие наконечники стрел

из кремня). Таким образом, технику расщепления нельзя назвать пластинчатой, она направлена, в основном, на получение отщепов и неправильных пластин. Хотя наличие вкладышевых орудий и единичных микропластин свидетельствует о том, что техника получения микропластин была известна древним обитателям.

Среди изделий со вторичной обработкой преобладают скребки на отщепах случайной формы (149 экз.) (рис. 5, 14–18), в то время как резцы (5 экз.), оформленные также на отщепах и сколах, единичны и невыразительны. Также довольно редки пластины с ретушью или следами использования (15 экз.) и орудия на пластинах (4 экз.). Имеются единичные вкладыши из микропластин (рис. 5, 7, 9). В числе изделий из кремня представлены также скобели (9 экз.), скребки-скобели (6 экз.), сверла (2 экз.), проколка, долотовидные орудия (4 экз.), отщепы, обломки кремня с ретушью, обломки орудий и орудия неясного назначения (52 экз.), заготовки орудий (5 экз.), отбойник, небольшие двустороннеобработанные тесла (3 экз.), орудие с перехватом.

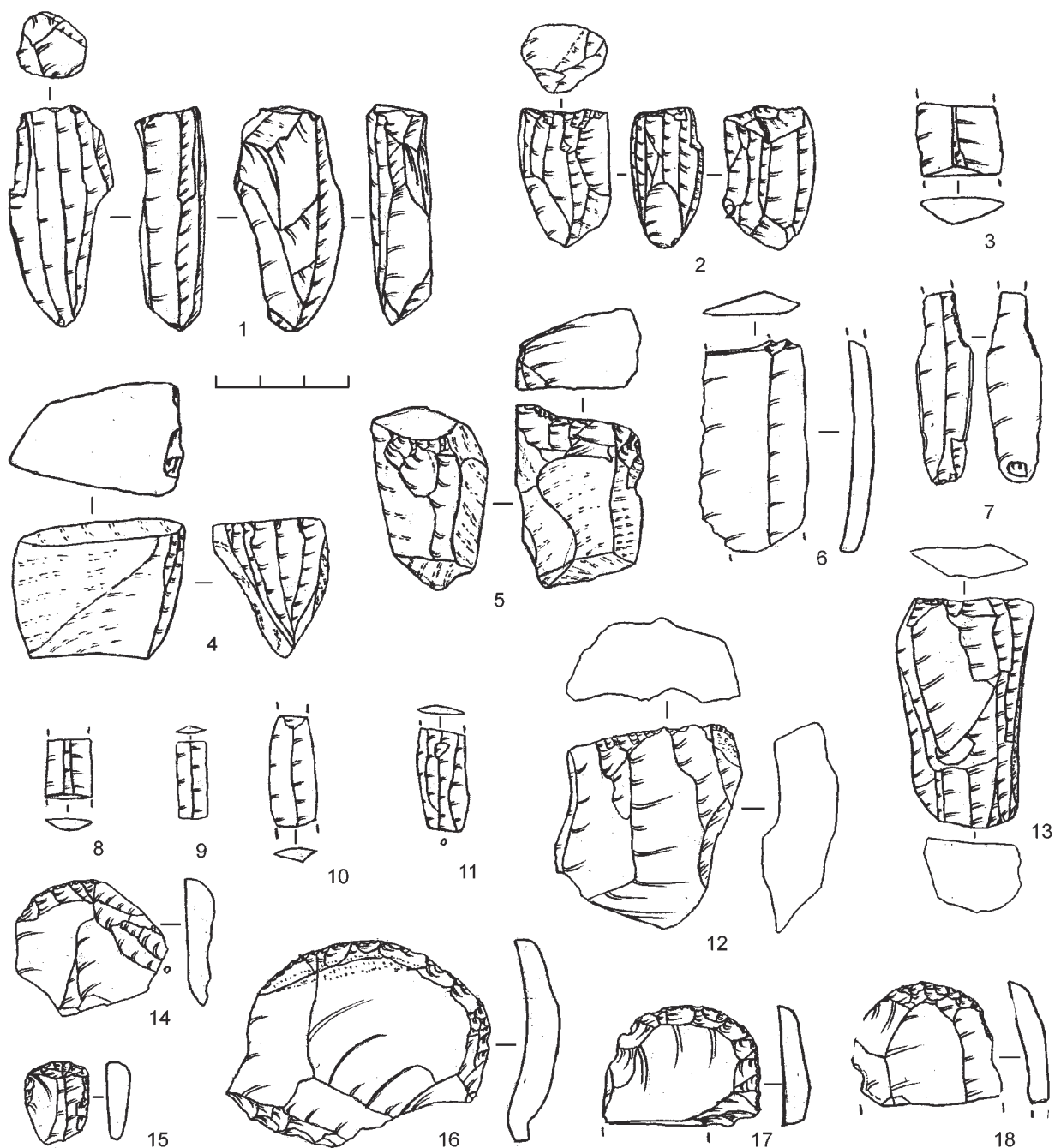
Сланцевые изделия (34 экз.) представлены, в основном, рубящими орудиями, их обломками (рис. 6) или заготовками. Можно выделить пять топоров, три тесла, две стамески. Рубящие орудия, как правило, имеют небольшие размеры, подпрямоугольную или подтрапещевидную форму, обработаны, в основном, сколами, в меньшей степени шлифовкой. Три предмета из сланца можно определить как грузила, в том числе одно массивное и два небольших с нарезками (рис. 6, 6). Также имеются отщепы с обработанной шлифовкой поверхностью спинки, вероятно, сколотые со шлифованных орудий. Наиболее интересна плоская шлифованная сланцевая плитка овальной формы размерами 4,6 × 3,6 см с просверленным в центре отверстием (рис. 6, 1).

Рис. 4. Стоянка Погостище 15. Изделия из кости: 1–3 – наконечники копий; 4 – обломок кинжала; 5, 14 – подвеска; 6 – обломок вкладышевого орудия (ножа); 7 – пластинка-вкладыш из орудия № 6; 8 – вкладышевое орудие (нож); 9 – обломок наконечника стрелы; 10, 15 – орудие и обломок орудия из массивных трубчатых костей; 11 – рубящее орудие; 12, 13 – проколки

1–5, 8–10, 12–15 – кость; 6 – кость, кремьень; 7 – кремьень; 11 – рог

Fig. 4. The site of Pogostishche 15. Bone artefacts: 1–3 – spear heads; 4 – fragment of a dagger; 5, 14 – pendant; 6 – fragment of insert tool (knife); 7 – blade insert no. 6; 8 – insert tool (knife); 9 – fragment of arrowhead; 10, 15 – tool and fragment of a tool made from massive tubular bones; 11 – chopping tool; 12, 13 – borers.

1–5, 8–10, 12–15 – bone; 6 – bone, flint; 7 – flint; 11 – horn

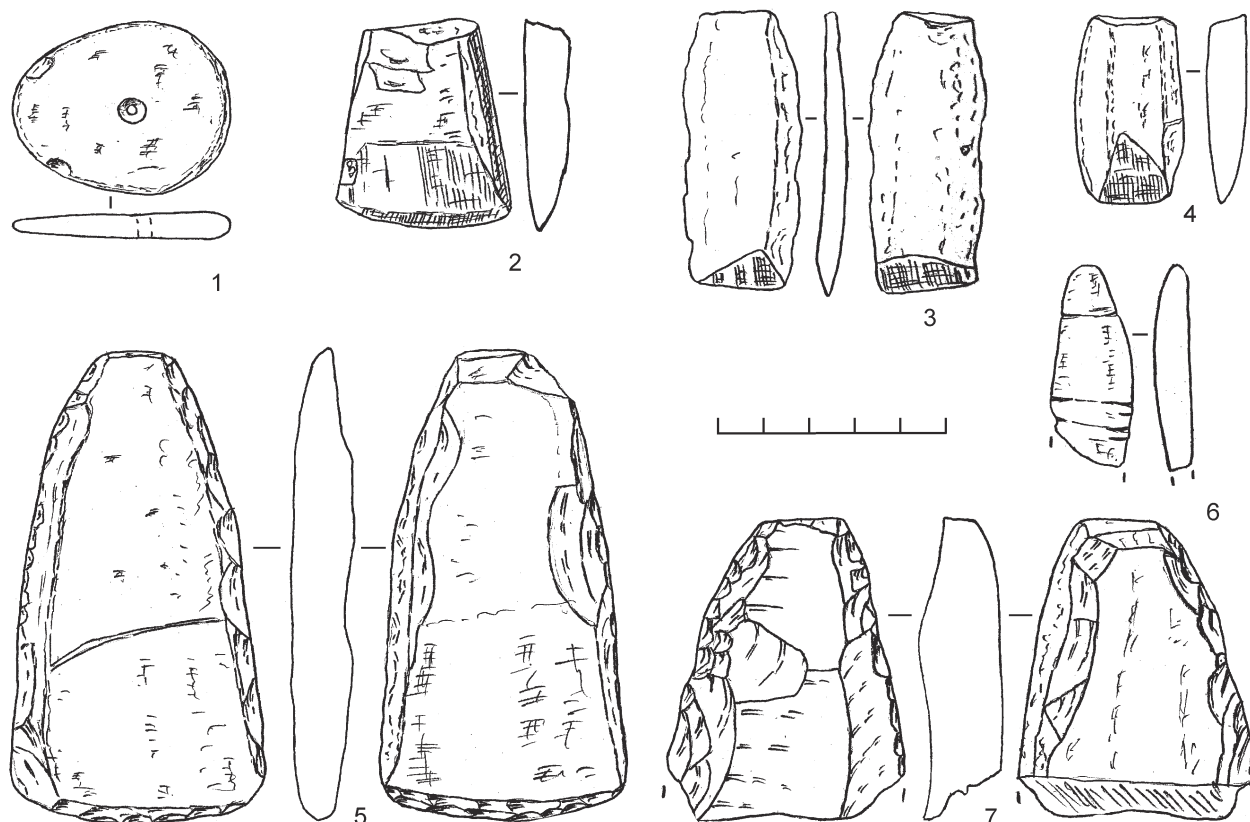
Рис. 5. Стоянка Погоштище 15. Изделия из кремня: 1, 2, 4, 5, 12, 13 – нуклеусы; 3, 6, 8–11 – пластинки; 7 – пластинка с ретушью; 14–18 – скребки

Fig. 5. The site of Pogostishche 15. Silex artefacts: 1, 2, 4, 5, 12, 13 – cores; 3, 6, 8–11 – blades; 7 – retouched blades; 14–18 – scrapers

Относительно хорошую сохранность имеют кости животных и рыб³. Среди костей животных

³ Определение фаунистического материала производилось М. В. Саблиным (Зоологический институт РАН) и П. А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН), которым авторы выражают признательность.

преобладают кости лося и бобра, довольно многочисленны челюсти бобра. В числе костей лося наиболее многочисленны кости конечностей, но также найдена целая челюсть с зубами, фрагменты рогов и некоторые другие части скелета. Представлены и другие лесные виды: медведь, волк, собака, лисица, куница.

Рис. 6. Стоянка Погостище 15. Изделия из сланца: 1 – плитка с отверстием; 2 – тесло; 3, 4 – стамески; 5 – топор; 6 – грузило; 7 – обломок рубящего орудия

Fig. 6. The site of Pogostishche 15. Objects of slate: 1 – platelet with a hole; 2 – adz; 3, 4 – chisels; 5 – axe; 6 – sinker; 7 – fragment of a chopping tool

По деревянным предметам со следами обработки, обнаруженным в слое ила, получена серия из девяти радиоуглеродных дат⁴: 8660 ± 50 (ЛЕ-9718), 8537 ± 85 BP (SPb-1297), 8500 ± 75 (SPb-1296), 8490 ± 85 (SPb-1292), 8485 ± 75 BP (SPb-1297), 8400 ± 160 (ЛЕ-9719), 8360 ± 80 (ЛЕ-10541), 8300 ± 80 (SPb-1293), 8223 ± 100 (SPb-1295), которая охватывает диапазон 7800–7100 кал. лет до н. э. (рис. 7).

Результаты геохимического и палинологического исследований. Геохимическое исследование (рис. 1, 3–5) позволило охарактеризовать палеоклиматические условия осадконакопления с помощью геохимических индикаторов: соотношение $\text{SiO}_2/(\text{Al}_2\text{O}_3 + \text{SiO}_2)$ характеризует биогенный кремнезем (SiO_2biog), который увеличивается в отложениях благодаря расцвету диатомовых водорослей и косвенно отражает продуктивность водоема.

⁴ Радиоуглеродные даты получены в лабораториях ИИМК РАН и РГПУ им. Герцена, выражаем признательность сотрудникам лабораторий.

Индекс химического выветривания (CIA) отражает изменение состава отложений в результате химического и физического выветривания, на которое большую роль оказывают температура и влажность климата (Кулькова, 2012). Для характеристики изменения антропогенной активности использовалось значение изменения фосфатов в отложениях по разрезу. Повышенные значения по сравнению с фоновым характеризуют периоды повышенной антропогенной активности. При палинологическом исследовании было выделено пять палинозон (рис. 8). В итоге проведена реконструкция растительности, ландшафта и климата в поздне- и послеледниковье на изучаемой территории.

Общая мощность отложений на участке, где расположен разрез, составила 150 см (рис. 1, 2; 8), образцы для проведения анализов отбирались от глубины 0,7 м до 1,5 м, верхняя часть разреза не подвергалась апробированию, так как она представляет поздний деревенский слой. В нижней

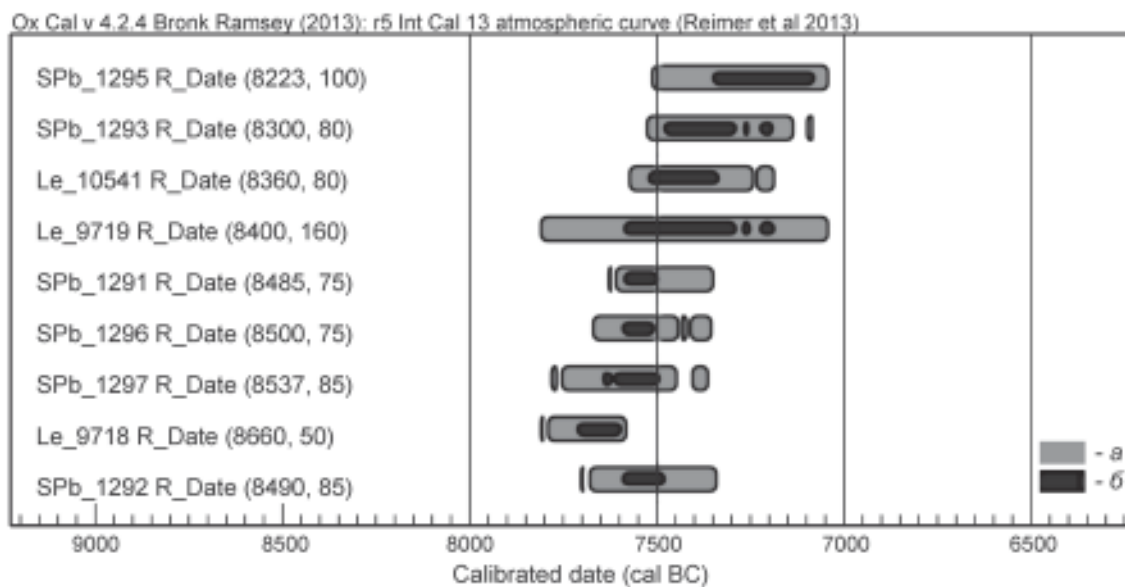

Рис. 7. Радиоуглеродные даты стоянки Погостище 15

Условные обозначения: а– интервал даты с вероятностью 95 %; б– интервал даты с вероятностью 68 %

Fig. 7. Radiocarbon dates of the site of Pogostishche 15

Notation: a– interval of the date with probability 95%; б– interval of the date with probability 68%

части разреза – на глубине 150–144 см – залегает голубовато-серая глина. Данные минеральные глинистые отложения были сформированы в глубоководных речных или приледниковых (озерных) условиях. Рассматриваемая территория возможно была в это время частью крупного олиготрофного приледникового Воже-Лачинского озера (Квасов, 1975) с перигляциальной растительностью по его берегам. Условия водоема характеризовались низкой продуктивностью. На глубине 128–144 см происходит формирование серого песка с галькой: гидрологический режим во время формирования этих отложений изменяется, происходит переход от стабильных (озерных или пойменных речных условий) к проточным речным условиям, увеличивается продуктивность водоема. Слои глины и песка формировались в условиях холодного и довольно сухого климата (палинозона 1, 150–129 см). Растительность представляла собой открытые ландшафты с тундростепными сообществами, представленные поlynно-злаковыми группировками с включениями эфедры, дриады, камнеломок. Увеличение значения древесных пород в развитии растительного покрова во второй половине зоны фиксирует начало голоценового периода. Получают распространение березовые леса. Время форми-

рования описанных слоев можно отнести к позднему дриасу и пребореальному периоду. В отложениях на глубине 142–140 см фиксируется увеличение антропогенной активности, хотя артефакты в данном слое не встречены. На глубине 136–128 см фиксируется увеличение влажности.

Формирование оливкового ила (128–117 см) происходило в условиях некоторого увеличения уровня воды в слабопроточном водоеме, превратившемся в старичное мелководное озеро с высокой продуктивностью. С началом накопления илов наступает более теплый и влажный период по сравнению с предшествующим (палинозона 2, 129–121 см). Появляются и получают широкое распространение березовые леса. Затем появляются постепенно сосновые и елово-пихтовые леса. Сокращаются площади распространения открытых ландшафтов, но перигляциальные виды еще присутствуют. Появление макрофитов свидетельствует об увлажнении климата. Появляются и широко распространяются разные виды зеленых водорослей *Pediastrum*. Также появляются травы, предпочитающие влажные места обитания, такие как *Filipendula*, *Polygonum amphibium*. Присутствие *Typha latifolia* говорит о значительном увеличении летних температур. Появление рудеральных видов

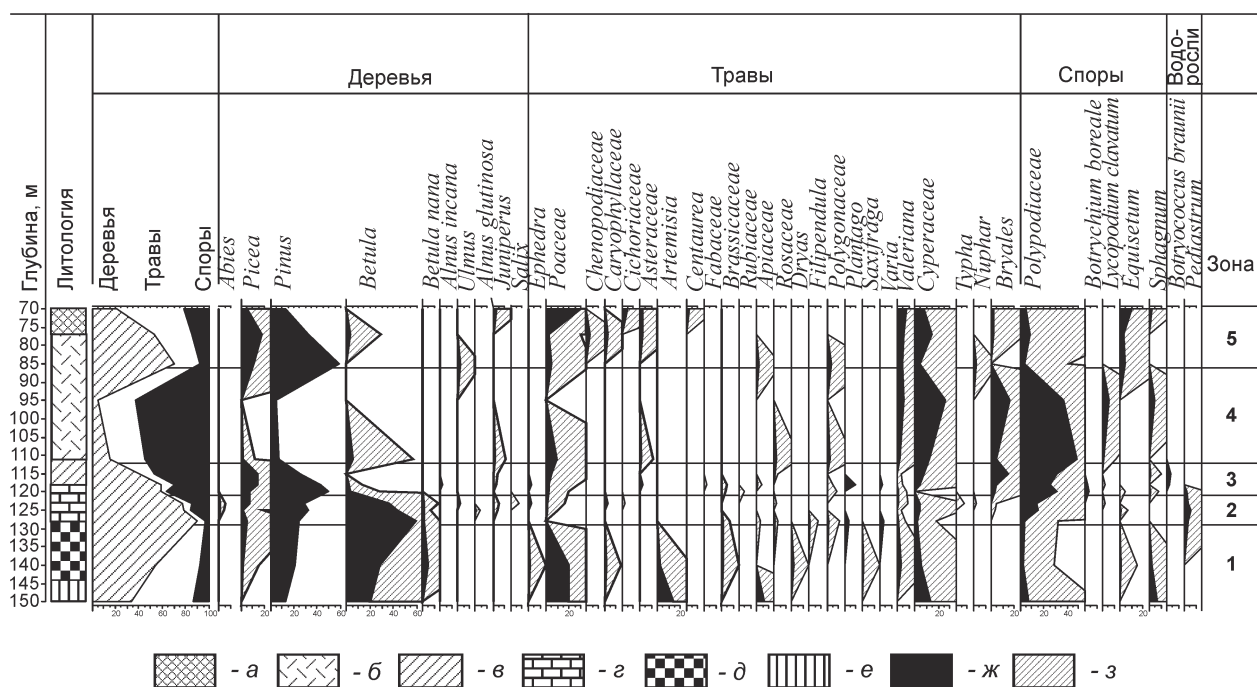

Рис. 8. Спорово-пыльцевая диаграмма стоянки Погостище 15

Условные обозначения: а – современная почва; б – торф; в – торфянистая гиттия; г – озерный ил или гиттия (культурный слой эпохи мезолита); д – песок; е – глина; ж – количество пыльцы в процентах; з – увеличение процентного количества пыльцы в 10 раз

Fig. 8. Sporo-pollen diagram of the site of Pogostishche 15

Notation: а – modern soil; б – peat; в – peaty gyttja; г – lacustrine silt or gyttja (cultural layer of the Mesolithic epoch); д – sand; е – clay; ж – content of pollen in percents; з – 10 times increase in the percent of pollen

и грибов *Glomus* сопровождается появлением человека на рассматриваемой территории. Начало формирования илов соответствует бореальному периоду. Приведенные выше радиоуглеродные даты, полученные по деревянным предметам со следами обработки из слоя ила, относят время существования памятника, в основном, ко второй половине бореального периода. Нижняя половина слоя ила представляет основной уровень залегания мезолитических находок, в то же время, согласно фосфатному анализу, антропогенная нагрузка в этих отложениях низкая.

На следующем этапе (палинозона 3, 121–112 см) продолжают формироваться илы, однако насыщенность их макроостатками немного увеличивается. Распространение получают сосновые и еловые леса. По широкому распространению ели этот период сопоставляется с так называемым «нижним максимумом ели» в бассейне озера Воже (Лисицына, 1961), который соответствует атлантическому периоду. Продолжают встречаться рудеральные

виды. Климат становится немного суше. Исчезают макрофиты. Из трех видов зеленых водорослей *Pediastrum* остается один – *Pediastrum kawraiskyi*, что подтверждает изменения ландшафтно-климатической ситуации. Высокая прогреваемость водной толщи мелководных старичных озер и ускорение процессов эвтрофирования стимулируют цветение и зарастание акватории. На глубине 124–118 см – на границе оливкового ила и черного торфа (оторфованного суглинка) – фиксируется второй пик антропогенной активности. Было получено еще две радиоуглеродные даты по небольшим фрагментам необработанного дерева, залежавшим в верхней части оливкового ила и на контакте ила и черного вязкого торфа: 7144 ± 130 (SPb-1370) и 7036 ± 110 (SPb-1369). Эти даты не связаны с культурными остатками, они показывают, когда заканчивается формирование слоя ила и начинаются процессы заболачивания, заторфывания и зарастания озера кустами: данный период можно датировать 6250–5750 кал. лет до н. э.

Дальнейшее формирование торфяника (палинозона 4, 112–86 см) связано с процессами заболачивания, которые в это время были широко распространены в бассейне озера Воже. Процессы торфонакопления начались в суббореальном периоде, что выявлено и на других памятниках в бассейне озера Воже (Лисицына, 1961; Косорукова, Сапелко, 2015). В отличие от других районов Северо-Запада России вокруг стоянки Погостище 15 площадь еловых лесов сокращается. Здесь получили распространение сосново-березовые леса. Очевидно, что это связано с локальными условиями. Возможно, это связано с пожарами на рассматриваемой территории. Большую часть территории стоянки занимают папоротники. Климат становится более сухим. Вероятно, в некоторые периоды происходит переувлажнение и размыв слоя. Процессы заболачивания водоема продолжались при формировании вышележающего торфа коричневого цвета.

Следующий период (палинозона 5, 86–70 см) связан с некоторым восстановлением еловых лесов. Наступает некоторое увлажнение климата. Вновь в составе травянистого покрова появляются виды, предпочитающие влажные места обитания. Однако, судя по верхнему почвенному слою, сформировавшемуся в современный период, травянистый покров немного меняется. Очевидно, это связано с понижением уровня реки и осушением территории стоянки, которая в начале субатлантического

периода подтапливалась. В субатлантическом периоде продолжается заболачивание водоема и образование торфяника.

Исследование костной ткани человека методами рентгено-спектрального флуоресцентного анализа и масс-спектрометрии. Исследованию подверглось три фрагмента, результаты анализа (геохимия костной ткани) представлены в таблице. В костной ткани древних людей со стоянки Погостище 15 наблюдаются повышенное содержание Zn: обр. 1 – 80,59 ppm, обр. 2 – 110,3 ppm, обр. 3 – 107,8 ppm. Содержание Sr также достаточно высокое: обр. 1 – 300 ppm, обр. 2 – 207 ppm, обр. 3 – 213 ppm. Содержание Cu составляет: обр. 1 – 61,7 ppm, обр. 2 – 18,8 ppm, обр. 3 – 8,6 ppm, то есть в образце 1 наблюдается высокое содержание меди, в образце 2 – среднее, в образце 3 – малое. Эти данные позволяют сделать заключение, что индивид № 1 употреблял в пищу белок беспозвоночных (моллюсков, личинки насекомых и т. д.), об этом свидетельствует высокое содержание меди (Cu). Повышенное содержание стронция (Sr) в образцах, а также повышенные значения соотношения Sr/Ca (0,15 ppm) позволяют предположить, что в рацион также входила растительная пища, скорее всего водного происхождения, например, водный орех. Повышенные значения цинка (Zn) свидетельствуют о присутствии в пищевом рационе рыбной пищи. Диета остальных двух индивидуумов (№ 2 и № 3) имеет похожий характер. В этих случаях

Таблица. Геохимия костной ткани индивидуумов из мезолитического памятника Погостище 15
Table. Geochemistry of the bone tissue of the individuals from the Mesolithic site of Pogostishche-15

Образец	TiO ₂ , %	V, ppm	Cr, ppm	MnO, %
1	0,006680508	3,44535624	12,6663334	0,36972326
2	0,022163266	8,65919825	4,20125546	0,25757609
3	0,013026287	7,98963101	0,520197932	0,282278858
	общ. Fe, %	Ni, ppm	Cu, ppm	Zn, ppm
1	1,69664109	34,3158422	61,7338985	80,5927642
2	1,35957564	11,8634986	18,180989	110,328382
3	0,920158926	10,4608846	8,6452633	107,830222

	Sr, ppm	Pb, ppm	CaO, %	Al ₂ O ₃ , %
1	300,166439	3,8227114	39,0631169	0,98905529
2	207,603272	7,23719264	38,9915997	1,13625321
3	213,302333	0,950076033	41,9985281	1,08827057
	SiO ₂ , %	P ₂ O ₅ , %	K ₂ O, %	MgO, %
1	5,43548686	29,5454355	0,077377175	1,61021389
2	0,220940048	30,7609679	0,062885558	1,49960528
3	0,05	33,3239599	0,038009021	1,64681905
	Rb, ppm	Ba, ppm	La, ppm	Y, ppm
1	0,256693132	1385,07494	2,60811361	12,9704088
2	4,33110328	1409,06819	13,7764283	22,5031152
3	1,20498859	1277,97811	10,8431089	18,4438576
	Zr, ppm	Nb, ppm	Na ₂ O, %	
1	7,69924701	17,4038247	2,94958051	
2	25,7401482	13,8883536	2,69663925	
3	12,0512139	12,4758803	2,55120894	
	As, ppm	Sr/Cabones	Sr/Cadiete	
1	24,6151718	0,000767988	0,000153598	
2	5,98890326	0,000512931	0,000102586	
3	7,04812787	0,000507161	0,000101432	

основу питания составляла рыба, а водная растительность и моллюски занимали подчиненное положение, так как содержание меди в этих образцах гораздо ниже. Исследования соотношения стабильных изотопов углерода $\delta^{13}\text{C} \text{ ‰}$ в коллагене костной ткани показывают: обр. 1 – 31,1‰, обр. 2 – 31,46‰, обр. 3 – 31,33‰, что характеризует преобладание пресноводных источников питания, таких как рыба, моллюски, водная растительность. Таким образом, можно заключить, что основу питания древнего человека на стоянке Погостище 15 составляла пресноводная, скорее всего, речная рыба, моллюски и водные растения.

Заключение. Место памятника Погостище 15 в мезолите лесной зоны пока определить сложно. На основании естественнонаучных данных памятник можно датировать второй половиной бореального периода. Ближе всего в территориальном плане к стоянке Погостище 15 находится известный торфяниковый памятник Веретье 1 в бассейне оз. Лаче (Ошибкина, 2006), исследованный С. В. Ошибкиной. Хронологически оба памятника занимают довольно близкое положение. Поскольку озера Воже и Лаче составляют единую водную систему, казалось бы уместным относить данные памятники к одной культуре. Костяной инвентарь стоянки Погостище 15

имеет много аналогий в материалах стоянки Веретье 1, а также и в мезолите лесной зоны в целом (Жилин, 2001). В каменном инвентаре памятников Погостище 15 и Веретье 1 можно найти много существенных отличий. Например, на стоянке Веретье 1 есть довольно выразительная серия резцов, орудий из пластин, нуклеусов с негативами от правильных относительно длинных пластин. Причины различий в кремневом инвентаре стоянок Погостище 15 и Веретье 1 следует искать, по-видимому, либо в качестве исходного сырья, либо в особенностях древних технологий. Проблема освоения древним населением бассейна озера Воже в эпоху каменного века и выявления историко-культурных процессов на этом этапе еще находится в начале изучения. В настоящее время не известны памятники раннего мезолита, мы не знаем, какой каменный инвентарь в данном регионе предшествовал мезолитической стоянке Погостище 15. Также не изучен и поздний мезолит. В то же время кремневый инвентарь раннеолитической стоянки Каравайха 4 (Косорукова, 2014), в котором представлена довольно многочисленная серия наконечников стрел на пластинах, сделанных из черного блестящего кремня хорошего качества, также показывает явные отличия от кремневого инвентаря памятника Погостище 15 и позволяет сделать предварительный вывод об отсутствии преемственности между этими памятниками.

Брюсов, 1938 – Брюсов А. Я. Отчет об археологических раскопках в 1938 г. стоянки у слияния рр. Перешной и Модлоны и стоянки Каравайской у с. Погостище // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 104.

Брюсов, 1951 – Брюсов А. Я. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР. М.; Л., 1951. (МИА; № 20).

Жилин, 2001 – Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Квасов, 1975 – Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.

Косорукова, 2007 – Косорукова Н. В. Новые памятники каменного века в бассейне реки Модлоны (исследования 2004–2005 гг.) // Археология Севера. Череповец, 2007. Вып. 2.

Косорукова, 2012 – Косорукова Н. В. Торфяниковая мезолитическая стоянка Погостище XIV в бассейне озера Воже (по материалам исследований 2005, 2008, 2009 гг.) // История и археология Русского Севера. Вологда, 2012.

Косорукова, 2014 – Косорукова Н. В. Исследование торфяниковой стоянки Каравайха 4 в бассейне озера Воже в 2014 г. // Череповецкие научные чтения – 2014. Ч. 1. Череповец, 2015.

Косорукова, Сапелко, 2015 – Косорукова Н. В., Сапелко Т. В. Природное окружение древнего человека эпохи каменного века в бассейне озера Воже по материалам стоянки Каравайха 4 // Ученые записки ЧГУ. Череповец, 2015. № 2.

Кулькова, 2012 – Кулькова М. А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований: Учеб. пособие для педагогических учебных заведений. СПб., 2012.

Лисицына, 1961 – Лисицына Г. Н. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

Макаров и др., 2001 – Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Ошибкина, 1978 – Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

Ошибкина, 1983 – Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.

Ошибкина, 2006 – Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006.

Peatbog site of Pogostishche-15 in the light of archaeological and interdisciplinary studies

N. V. Kosorukova, M. A. Kul'kova, T. V. Sapelko

The peatbog site of Pogostishche-15 is situated on the bank of the Modlona River in the basin of Lake Vozhe in the centre of Northern Russia. During 2011–2016, an area of 360 sq. m was here investigated. The upper peat-covered layer of the deposits

about one metre thick contains mainly artefacts dated to the period of the latest village which existed here until the 1970s. At the depth of 1–1.5 m from the surface, there is a thin deposit of lacustrine silt 0.10–0.15 m thick. In the latter (mostly in its lower

half) there were discovered artefacts of the Mesolithic Age including skeletal remains, horn, stone and wooden objects as well as animal bones (mostly of elk and beaver) and single human bones. Among the objects of bone, arrowheads are predominant and mostly those with a biconical point. Also spear heads and fork-spears are found, as well as indented points or harpoons, bores, pendants made of animal teeth and bones, a small disc with a hole, etc. Among the flint artefacts predominant are amorphous nuclei and nucleus-like debris on flakes and scrapers of various forms. In addition, slate axes, adzes and a tablet with a bored hole have been found. A series of radiocarbon dates comprises a time span of 8660 ± 50 BP (JIE-9718) to 8223 ± 100 BP (SPb-1295). The bone artefacts have numerous parallels at Mesolithic sites of the forest zone, primarily among the finds from the site of Veret'ye-1 in the basin of Lake Lache which is the closest to the site of Pogostishche-15. At the same time, the flint industry of Veret'ye-1 demonstrates distinct differences from that of the site considered in this paper.

Investigations of the human bone tissue by the methods of X-Ray fluorescent analysis and mass-spectrometry suggest that freshwater fish, molluscs and water plants were probably the main diet of the residents here. Results of palynological and geochemical researches trace the changes of the natural environment around the camp-site. The lower strata of the section (clay and sand) were formed in the Younger Dryas and pre-Boreal under the conditions of the cold and fairly dry climate. The vegetation was represented firstly by open landscapes with tundra-steppe associations and afterwards the significance of arboreal species increased and birch forests spread. The beginning of the formation of the silt deposits is dated to the Boreal period when the climate grew warmer and moister. The activities of ancient men took place on the alluvial bank of a small shallow lake. The deposition of the upper layers of silt occurred as early as in the Atlantic Period when pine and fir-abies forests became widely distributed. The further bogging of this basin and the formation of the peat layer is dated to the Sub-Boreal and Sub-Atlantic periods.

Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья

И. И. Разгильдеева¹

Аннотация. Приведены результаты исследований 2007–2014 гг. основного палеолитического культурного горизонта поселения Усть-Менза-14 (Лагерная) (Западное Забайкалье) с комплексом стоянки-мастерской, с полным циклом расщепления на базе местного и приносного сырья. Состав каменного инвентаря помимо дебитажса (86 %) включает набор галечных орудий (лощила, ретушеры, отбойники). По типологическим признакам выделяются две группы изделий: 1) с функциями скребково-режущих инструментов; 2) предназначенные для расщепления и обработки каменного сырья. Прослежен полный цикл обработки камня, начиная с выбора галечной основы до оформления и утилизации орудия. Состав коллекции артефактов свидетельствует о ситуационном контексте хозяйственной деятельности, возможно связанной с обработкой дерева. Наличие костей носорога (*Coelodonta*) определяет характер промысловой деятельности. Горизонт связан с завершающей стадией каргинского термохрона и имеет даты $27\,480 \pm 110$ BP (D-AMS 011898), $30\,270 \pm 150$ BP (D-AMS 011899).

Annotation. Here the results of 2007–2014 investigation in the main Palaeolithic cultural horizon of the site of Ust-Menza-14 (Lagernaya) in the western Trans-Baikal region are presented. At the site, a workshop/camp with a complete cycle of flaking of local and imported raw materials was discovered. The composition of the stone tools, along with the debitage (86%), includes an assemblage of pebble tools (polishers, retouchers and hammer-stones). In terms of typology, two groups of tools are distinguished: 1) those with the scraper-cutting function; 2) tools intended for knapping and working of pebble raw materials. The complete cycle of working of stone, from selection of the pebble blanks to formation and utilization of the tools, has been traced. The composition of the collection of the artefacts suggests a situational character of the economic activities concerned probably with working of wood. The presence of rhinoceros (*Coelodonta*) bones demonstrates the character of hunting. The horizon under study is dated to the final phase of the Karginsk Thermochron, i.e. $27\,480 \pm 110$ BP (D-AMS 011898), $30\,270 \pm 150$ BP (D-AMS 011899).

Ключевые слова: Забайкалье, каргинский термохрон, стоянка-мастерская, планиграфия, технико-типологический анализ.

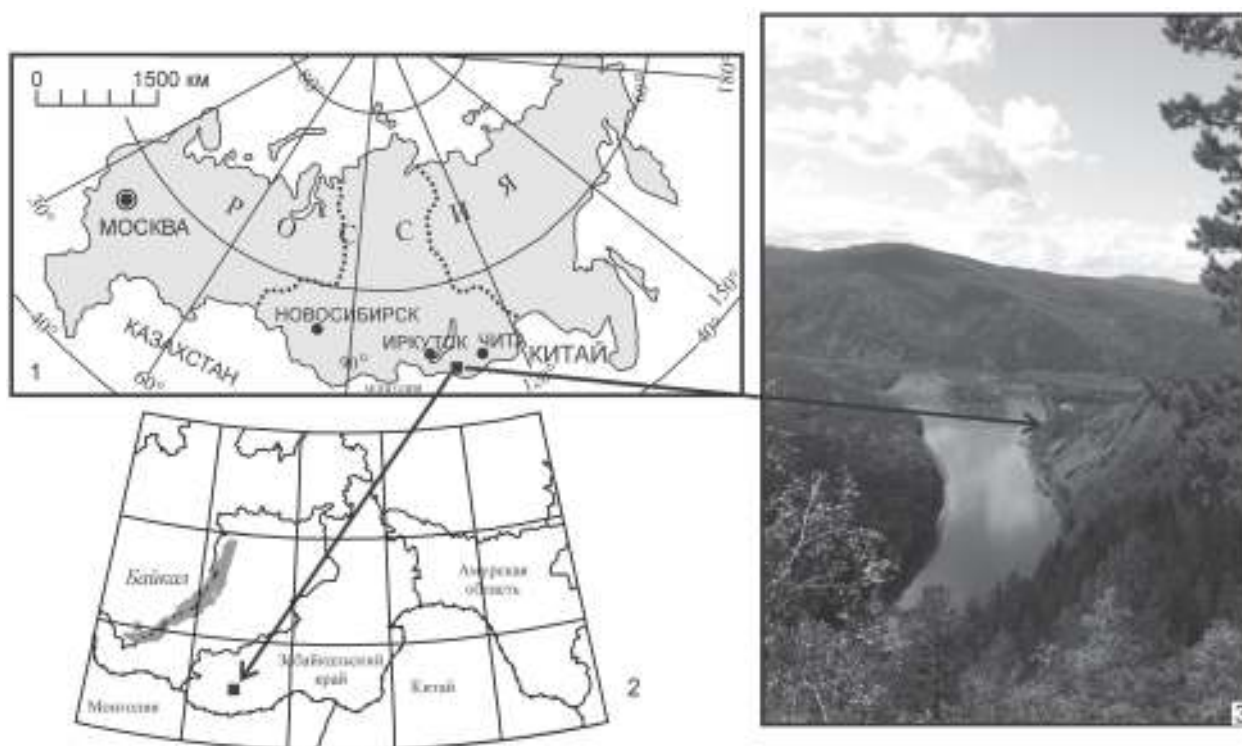
Keywords: Trans-Baikal region, Karginsk Thermochron, workshop camp site, planigraphy, technological and typological analysis.

Введение. В последней четверти XX в. на территории Западного Забайкалья определились районы регулярных археологических исследований. Особое внимание уделялось изучению опорных местонахождений, к числу которых относились памятники Усть-Мензинского геоархеологического района (Забайкальский край, Красночикойский район, $50^{\circ}13'28''$ N, $108^{\circ}37'31''$ E) (рис. 1). На данной территории с 1980–1981 гг. (с перерывом в 1995–2004 гг.) и по настоящее время, под научным ру-

ководством д-ра. ист. наук, проф. М. В. Константинова, работает отряд Чикойской археологической экспедиции Забайкальского государственного университета (ЗабГПУ)². Результатом исследований стало открытие 18 многослойных стоянок-поселений (рис. 2), культурные горизонты (к. г.) которых хронологически охватывают период от мустье до раннего железного века (*Константинов и др.*, 2011). Наиболее выразительны материалы палеолитиче-

¹ Россия, 672039, Чита, Александро-Заводская, 30, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», кафедра истории. E-mail: labpaleo@yandex.ru.

² До 1997 г. Читинский педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского (ЧГПИ), до 2006 г. Забайкальский государственный педагогический университет (ЗабГПУ), до 2012 г. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЗабГГПУ).

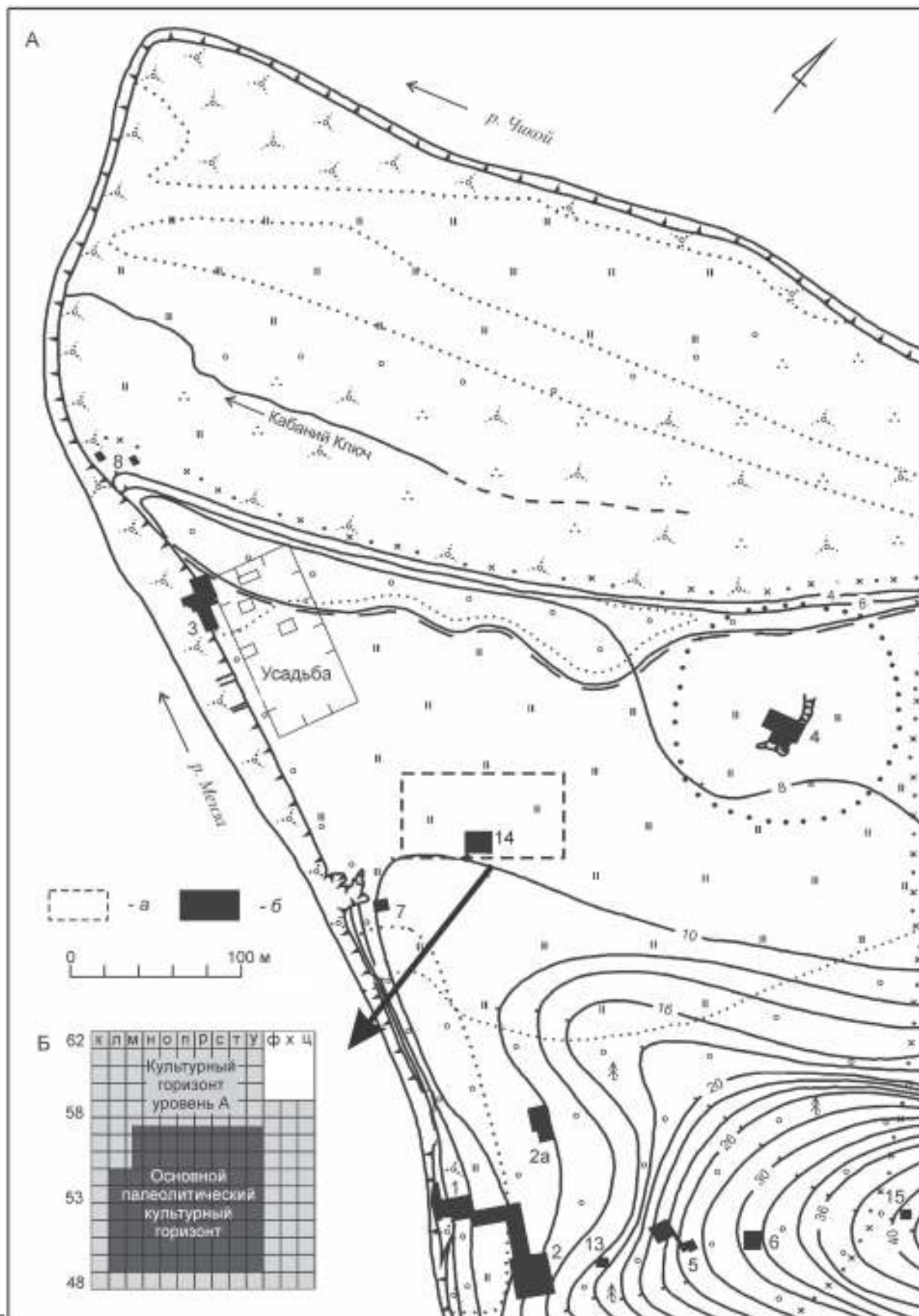
Рис. 1. Усть-Мензинский археологический комплекс: 1–2 – район исследований; 3 – урочище Усть-Менза, вид с юга
Fig. 1. Ust'-Menza archaeological complex: 1–2 – region of investigations; 3 – Area of Ust'-Menza, view from south

ских к. г., датированных возрастом от 20,0 до 10,8 тыс. л. н., приуроченных к отложениям I, II надпойменных речных террас. Их отличительной особенностью является наличие элементов жилищно-хозяйственных структур (демонстрирующих устойчивые традиции организации пространства жизнедеятельности) в сочетании со стандартизированным набором каменных орудий. Опираясь на совокупность данных, исследователи характеризовали их как кратковременные охотничьи стоянки/поселения. Регулярность открытия подобного рода комплексов определяла перспективность проводимых исследований и актуализировала задачи поиска к. г. как более раннего возраста, так и отражающих иной хозяйственно-культурный контекст. Одним из итогов стало изучение в урочище Усть-Мензы памятников, связанных с уровнями высоких террас, где были зафиксированы отложения каргинского времени, включающие стратифицированные артефактные комплексы (Константинов и др., 2014; Рыжов и др., 2015).

В 2007 г. при попытке обустройства экспедиционного лагеря (выкапывание погребца) был от-

крыт новый памятник – Усть-Менза-14 (Лагерная). На глубине трех метров был выявлен к. г. с каменными артефактами архаичного облика. Дальнейшие исследования позволили сделать вывод об обнаружении комплекса палеолитической стоянки-мастерской. Наличие признаков биполярного расщепления на основе местного галечного сырья, качественный и количественный состав изделий, особенности микростратиграфии слоя и планиграфический контекст существенно отличали его от ранее изученных. Время формирования к. г. предварительно соотносили с начальной стадией сартанского криохрона (Константинов, Разгильдеева, 2011). В последующем была выявлена многослойность памятника, и данный уровень получил обозначение основного палеолитического к. г.³ Благо-

³ На начальном этапе исследований 2007–2010 гг. памятник воспринимался как однослойный. Однако в 2011, 2014 гг. при расширении площади вскрытия были зафиксированы еще два уровня залегания археологических материалов: уровень А – со следами стоянки эпохи неолита – ранней бронзы, и уровень Б – палеолитического времени, отмеченный единственной находкой плейстоценовой фауны. В 2015 г. последовало открытие нового уровня залегания палеолитических материалов, располо-

даря участием американских коллег, профессору Центрального Вашингтонского университета Йену Бувиту (Ian Buvit, Central Washington University) в 2015 г. были получены радиоуглеродные ^{14}C даты, которые показали более ранний возраст к. г.: по углю – $27\,480 \pm 110 \text{ BP}$ (D-AMS-011898), $30\,270 \pm 150 \text{ BP}$ (D-AMS-011899); по кости – $32\,990 \pm 470 \text{ BP}$ (UCIAMS-143233) (Buvit et al., 2016, P. 103–104). В настоящей статье представлены результаты исследований 2007–2014 гг. основного палеолитического к. г. Усть-Мензы-14 (Лагерной).

Геоморфология и стратиграфия памятника. Усть-Мензинский комплекс археологических памятников расположен в Красночикийском районе Забайкальского края в 17 км от с. Архангельское, при впадении р. Менза в р. Чикой, в бассейне р. Селенга (рис. 1, 3). На западе территорию обрамляет правый берег р. Мензы, на севере – левый берег р. Чикой, на востоке – ручей Воровской. На юге район ограничен отрогами Асинского хребта, относящегося к Хэнтей-Даурскому нагорью (Рыжов и др., 2015. С. 171).

В четвертичных отложениях, перекрывающих на этой территории коренные породы, выделяют плейстоценовые и голоценовые пески и галечники, слагающие русла, поймы, речные террасы. Отложения покровного комплекса представлены элювиальными, делювиальными, пролювиальными, эоловыми песками, лессовидными супесями и суглинками. Выделяются уровни I–VI речных террас

женного в стратиграфическом разрезе выше к. г. уровня Б. Изучение памятника продолжается, что сохраняет перспективу выявления новых культуросодержащих горизонтов, поэтому введение цифровых обозначений в настоящий момент исследователям представляется нецелесообразным.

Рис. 2. Усть-Мензинский археологический комплекс.

А – топоплан (а – контур условной площади памятника; б – контуры раскопов): 1 – Усть-Менза-1; 2а, б – Усть-Менза-2; 3 – Усть-Менза-3; 4 – Усть-Менза-4; 5 – Усть-Менза-5; 6 – Усть-Менза-16 (Груздевая); 7 – Усть-Менза-7 (Овражистая); 8 – Усть-Менза-8 (Песчаная тропа); 13 – Усть-Менза-13 (Увалистая); 14 – Усть-Менза-14 (Лагерная); 15 – Усть-Менза-15 (Кедровая)

Б – план вскрытия культурных горизонтов поселения Усть-Менза-14 (Лагерная)

Усть-Менза 9–12 находятся за пределами показанной на рисунке территории

Fig. 2. Ust'-Menza archaeological complex.

А – topographic plan (a – limits of the presumed area of the site; б – outlines of the excavations); 1 – Ust'-Menza-1; 2a, б – Ust'-Menza-2; 3 – Ust'-Menza-3; 4 – Ust'-Menza-4; 5 – Ust'-Menza-5; 6 – Ust'-Menza-16 (Gruzdevaya Site); 7 – Ust'-Menza-7 (Ravine); 8 – Ust'-Menza-8 (Sandy Path); 13 – Ust'-Menza-13 (Ridge); 14 – Ust'-Menza-14 (Lagernaya); 15 – Ust'-Menza-15 (Siberian Pine Site)

Б – plan of excavations of cultural horizons of Ust'-Menza-14 (Lagernaya)

Ust'-Menza 9–12 are outside the territory shown in the drawing

высотой от 6 до 40 м, с которыми связано 18 археологических местонахождений (рис. 2). Усть-Мензинский геоархеологический район является одним из опорных объектов в вопросах периодизации древних культур Забайкалья (Константинов и др., 2011).

Климат района резко континентальный, с длительной холодной зимой, коротким умеренно теплым летом. Район исследования характеризуется распространением горно-таежных ландшафтов. Террасы заняты преимущественно сосновыми лесами, поймы – смешанными лесными сообществами (Рыжов и др., 2015. С. 171). Современный ландшафт подвергался существенным антропогенным изменениям за счет распашки, занявшей в основном поверхность II террасы и террасовала (уровни III–VI террас). На значительной площади лес является естественно возобновленным, поскольку начиная со второй половины XVII в. вырубался жителями с. Волково (расположенного ранее на правом берегу р. Чикой). Распашка террасовала прекратилась в 1930-х гг. и в настоящее время он покрыт сосновым лесом. Распашка II террасы происходила до 1984 г. (включительно), современная поверхность поросла молодым сосновым лесом.

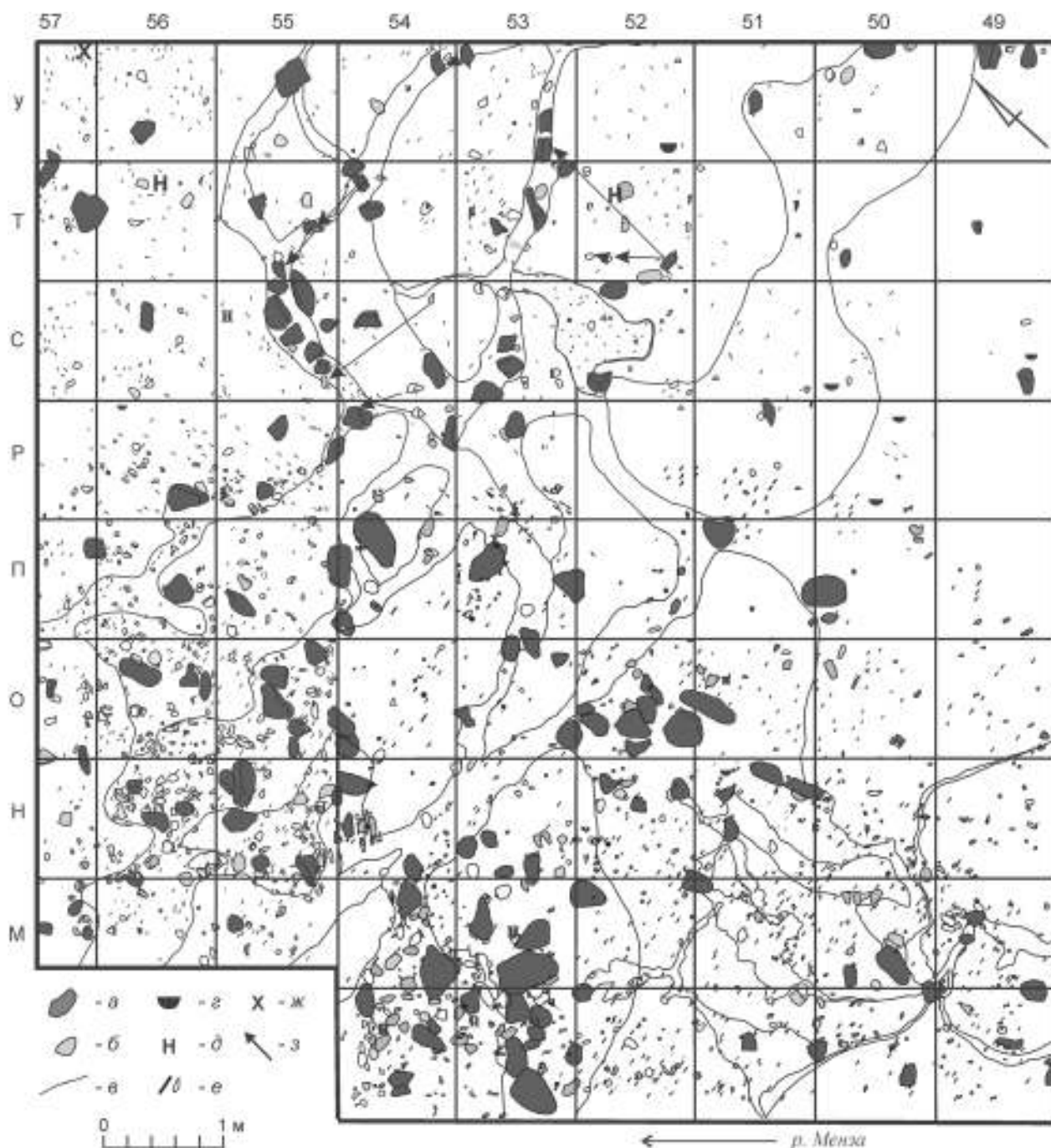
Поселение Усть-Менза-14 (Лагерная) расположено в средней части II надпойменной террасы р. Менза, в 85 м от современной бровки (высота над меженным уровнем р. Менза 7,35 м) и территориально занимает срединное положение между древними поселениями Усть-Менза-1 и Усть-Менза-3 (рис. 2). Координаты юго-восточного угла раскопа $50^{\circ}13'34,56'' \text{ N}$, $108^{\circ}37'23,85'' \text{ E}$. В 2007 г., после обнаружения

на глубине трех метров артефактов, обозначивших наличие к. г., на месте неудавшегося погребя был развернут шурф с традиционной разбивкой на квадраты⁴. С учетом дальнейших перспектив ввдилось их обозначение: по линии от р. Менза вглубь террасы – буквами (кв. О–Р³), по линии, ориенти-

⁴ С 1981 г. держателем Открытых листов на изучение памятников Красночикойского района Забайкальского края является д-р ист. наук, проф. М. В. Константинов. Непосредственно раскопки памятника Усть-Менза-14 проводят д-р ист. наук, проф. А. В. Константинов и автор статьи.

рованной вдоль по течению р. Менза – цифрами (кв. 50–52). В итоге на площади в 7,5 кв. м был расчищен фрагмент древней поверхности обитания, структурированный группой речных валунов и галек. Коллекция артефактов включала 122 экз. (Разгильдеева, Константинов, 2010). Выразительность материалов определила продолжение работ: по итогам 2014 г. площадь вскрытия основного палеолитического к. г. составила 73,8 кв. м (рис. 3), коллекция артефактов включает 2379 экз.

В ходе исследований на памятнике был вскрыт полный разрез отложений II надпойменной террасы р. Менза (табл. 1). Мощность разреза на разных участках раскопа варьирует от 5,20 до 5,80 м (рис. 4). Генезис и возраст отложений охватывает период от каргинского времени (лит. слой VII, русловой галечник) до голоцена включительно (лит. слой I, современной почвы). Следует отметить, что работы продолжаются и это приводит к расширению информации о стратиграфии памятника.

Изучение строения разрезов II надпойменной террасы р. Менза в рамках раскопа Усть-Мензы-14 (Лагерная) показало, что покровный чехол делювиальных отложений мощностью до 1,5 м представлен разноцветными супесями и супесчаными слоями и тонким пронизанным корнями горизонтом

современной почвы. Нижняя часть разреза в виде рыхлой пачки аллювиальных отложений (общая мощность до 4,3 м) характеризует локальные особенности в динамике осадконакопления. В профиле представлены различные типы деформаций слоев, указывающие на холодные условия. Наиболее мощные криогенные трещины начинались от основания III лит. слоя (с глубины 1,2–1,3 м от дневной поверхности). Трещинообразование носило сингенетичный характер, последовательность вложений обусловила процесс образования системы разрывов, проникающих на глубину 2,5–3 м. В средней части разреза аллювия трещины имели ширину до 0,3 м, на локальных участках фиксировались расширения в виде «карманов» до 1,2 м со смешанным песчаным заполнением. По наблю-

Таблица 1. Усть-Менза-14 (Лагерная). Описание стратиграфического разреза II надпойменной террасы р. Менза

Table 1. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). Description of stratigraphic section II of the terrace above the flood-plain of the Menza River

Лит. сл.	Описание разреза отложений	Мощность
I	Почвенный, агрогенный горизонт, супесчаный, черного или буро-коричневого цвета, с большим включением корней: граница с нижележащим слоем четкая, слегка волнистая, маркируется подпашным горизонтом. По нижней границе линза пылевато-плотной супеси белесовато-серого цвета (мощностью до 10 см) с включениями корней: граница с нижележащим слоем по цвету	0,2–0,25 м
II	Каштановая супесь – супесчаный горизонт буро-коричневого цвета. Маркируется сверху и снизу слоями мощностью до 1 см рыже-коричневого цвета. Формирование данного слоя связано с агро- и вторичным образованием. В нижней части супесь светло-коричневого цвета однородной структуры с включением корней, углей (0,43–0,56 м). Граница с нижележащим горизонтом – постепенная, фиксируется по изменению цвета, со средней частью II лит. слоя связан к. г., уровень А	0,25–0,35 м
III	Супесь плотная светло-серая макропористая с включениями темноцветных, светлоцветных слюдястых частиц. С основания слоя уходят вниз, рассекая вскрытые нижележащие отложения, мерзлотные клинья	0,25–0,28 м
IV	Супесь плотная, пылеватая, палево-серого цвета. Включает в себя педокомплекс с тремя прослойками. При этом верхняя и нижняя – бурые, с частичной гумусацией мощностью по 8–10 см, а средняя – осветленная, мощностью 8–9 см	0,40–0,65 м

Рис. 3. Усть-Менза-14 (Лагерная). Фрагмент плана основного палеолитического культурного горизонта

Условные обозначения: а – валуны и гальки; б – галечные орудия; в – линии мерзлотных клиньев; г – скребла; д – нуклеусы; е – отщепы и сколы; жс – пластины и их фрагменты; з – аппликативные связи между камнями

Fig. 3. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). Fragment of the plan of the main Palaeolithic horizon

Notation: а – boulders and pebbles; б – pebble tools; в – lines of ice wedges; г – scrapers; д – cores; е – flakes and spalls; жс – blades and their fragments; з – applicative connections between the stones

Таблица 1. Окончание

V	Переслаивание коричневых иловатых и песчаных серых прослоек непостоянной мощности. Песчаные прослойки имеют карманообразные затеки. В средней части пачка отложений со следами солифлюкции. Она представлена прослоями буро-сизого цвета илов (мощностью до 8–10 см), переслаиваемых тонкими ожелезненными песками (до 1 см) рыжего цвета. От основания нижнего ряда иловатых прослоек идут небольшие шириной у основания в 3–5 см мерзлотные клинья. Подстиляет илы слой хорошо отмытого мелко-среднезернистого песка. Отложения верхней части лит. слоя имеют наклон в сторону р. Мензы. В нижней части лит. слоя пачка (35–40 см) более тонких иловатых и песчаных прослоев с четкой горизонтальной слоистостью. С отложениями лит. слоя V связаны уровни залегания палеолитических к. г. (уровень Б и основной палеолитический к. г.)	2,7 м
VI	Горизонтально-слоистая толща представлена переслаиванием серо-сизых илов с прослоями хорошо промытых песков белесого и светло-коричневого цвета со следами ожелезнения. Мощность слоев варьируется от 5 до 10 см. В слоях наблюдаются ожелезненные прослои мощностью до 0,5 см, согласные с общим залеганием	1,3–1,5 м
VII	Русловой галечник с крупнозернистым песком (видимая мощность 0,2 м)	

дению геоморфолога, канд. геогр. наук М. Ю. Опекуновой (Институт географии СО РАН, Иркутск), в теле морозобойных трещин отсутствовал субаэральный материал, в кровле слоев, вмещающих клиновидные просадки, не выражены признаки почвообразования, в окружении сохраняется нормальная последовательность накопления пород – перерыва в осадконакоплении, характерного для образования ледяных жил и их последующей деградации, не фиксируется. Исходя из вышеописанных признаков, было выказано мнение о генезисе псевдоморфоз в процессе формирования поймы, вследствие локальной дифференциации геотермических условий во время паводков.

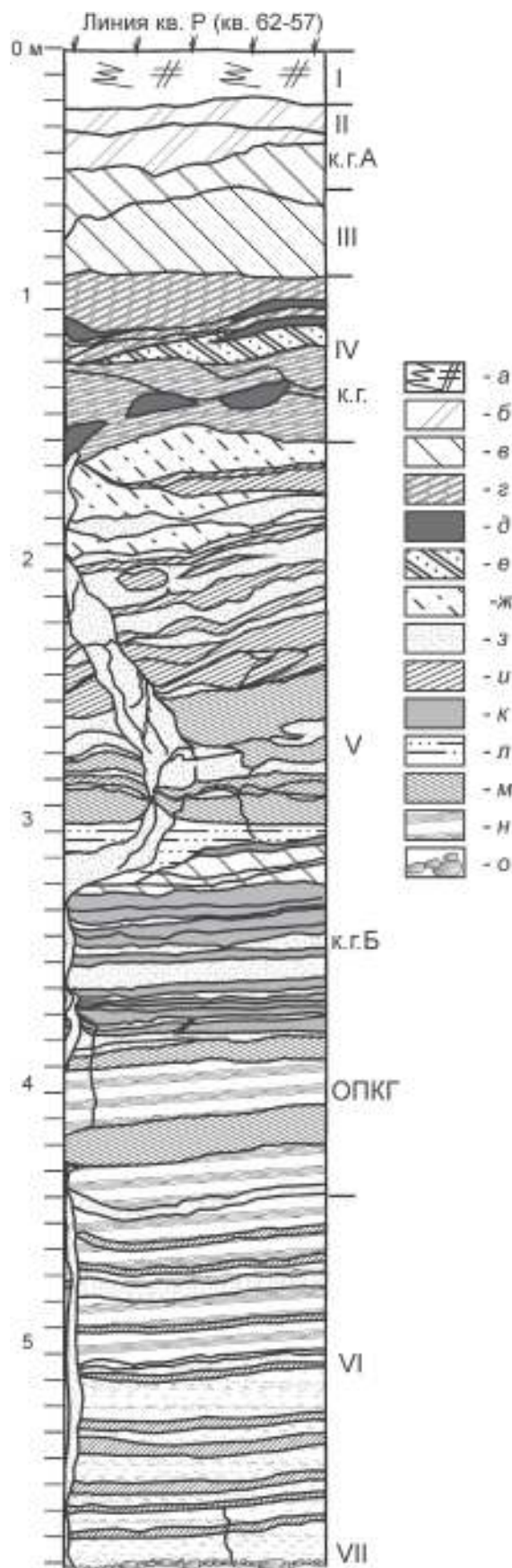
Еще один уровень мерзлотных деформаций в виде мелких трещин был отмечен в средней части V лит. слоя. Ширина основания трещин 5–7 см. Они тонкой сетью пронизывали стратиграфический профиль до уровня отложений, перекрывающих основной палеолитический к. г.

Обращает на себя внимание наблюдаемая в разрезе граница между верхней фацией аллювия с полого-наклонной слоистостью и нижней, строго горизонтальной. Фиксируемое изменение условий седиментации ставит вопрос о существовании на определенном этапе формирования террасы эрозионного вреза.

Нижнюю толщу отложений террасы (VI лит. слой) регулярного пойменного аллювия вертикально рассекают до кровли галечника морозобойные

трещины (шириной 3–5 см) протяженностью 1,4–1,8 м. Они образуют слегка волнистые вертикальные линии, заполненные линзами разноцветных песков из вышележащих отложений. В целом для всей нижней пачки характерна морфологически выраженная аллювиальная слоистость мелко-среднезернистых песков и суглинков (мощностью 3–5 см). Отмечалось полигональное проседание на 1,5–2 см блоков шириной до 2 м. Устье трещин перекрыто пачкой светлых белесовато-серых средне-крупнозернистых песков (мощностью 10–20 см) с регулярной горизонтальной слоистостью. Эти пески подстилают слой сизоватого ила, отмечающего нижнюю границу культуровмещающих отложений основного палеолитического к. г.

Основной палеолитический к. г. связан с отложениями средней части аллювия (V лит. слой) и залегает ниже эрозионного уровня. Поверхность к. г. характеризуется сложным микрорельефом, подвергшимся в постседиментационный период влиянию криогенных процессов, что в сочетании с естественным уклоном древней поверхности в направлении приустьевой стрелки рек Менза и Чикой определило условия переотложения артефактов в слое и частичную сохранность элементов хозяйственных структур. Нивелировочные отметки показывают существенную разницу: от современной дневной поверхности артефакты залегали по линии кв. 49 на глубине 2,9–3,2 м, по линии кв. 57 – 3,4–3,7 м. Уровень древнего галечника находился ниже к. г. соответственно

на 2,5–1,9 м. Собственно культуровмещающие отложения представлены хорошо отмытым, мелко-среднезернистым песком белесого цвета. Подстилающий культуровмещающие отложения глеевый слой, обладающий плотной и вязкой структурой, слабо подвергался размыву. С одной стороны, он остановил вертикальное перемещение артефактов на нижележащие уровни, с другой – обусловил естественный процесс поверхностного «скольжения» камней и их фрагментов в условиях склонового режима в направлении с востока на запад – северо-запад. В целом, совокупность нивелировочных данных, наблюдения за микростратиграфией к. г. указывают, что на этапе антропогенного использования древняя поверхность обитания была относительно ровной с пологим уклоном в сторону реки.

Планиграфия слоя. При горизонтальной зачистке поверхности основного палеолитического к. г. фиксировались серия криогенных и полигональных трещин, которым соответствовали зоны размывов. На участках древних промоин выделялись линзы хорошо отмытого светлого крупнозернистого песка, местами окрашенного окислами железа и включениями кристаллов марганца. При этом для заполнения на участках понижения микро-рельефа к. г. характерна четкая горизонтальность тонкослоистых мелко- и среднезернистых песков и алевритов.

Состав коллекции инвентаря, анализ сырьевой базы, прослеживаемые аппликативные связи

Рис. 4. Усть-Менза 14 (Лагерная). Стратиграфический разрез (а – почва; б – каштановая супесь; в – супесь белесая карбонатизированная; г – супесь палево-серая, пылеватая; д – палеопочва; е – коричневатого цвета супесь; ж – песок; з – светлый мелкозернистый песок; и – супесчано-иловатые слои рыжего цвета; к – алевритистые прослои; л – белесый крупнозернистый песок; м – сизого цвета илы; н – средне-мелкозернистые горизонтально слоистые пески; о – русловой галечник; I–VII – литологические слои; ОПКГ – уровень залегания основного палеолитического культурного горизонта; к. г. – культурный горизонт)

Fig. 4. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). Stratigraphic section (a – soil; б – chestnut sandy loam; в – whitish carbonated sandy loam; г – pale yellow greyish sandy loam; д – palaeosol; е – brown sandy loam; ж – sand; з – light-coloured fine-grain sand; и – rust-coloured sandy loam and silty strata; к – silty intercalations; л – white coarse-grain sand; м – bluish silts; н – horizontally stratified medium- and fine-grain sands; о – riverbed pebbles; I–VII – lithological strata; ОПКГ – level of deposition of the main Palaeolithic cultural horizon; к. г. – cultural horizon)

указывают на общий хозяйственно-культурный контекст и позволяют рассматривать материалы основного палеолитического к. г. как единый комплекс.

Пространство древней поверхности обитания планиграфически структурировано камнями валунно-галечного типа (229 экз.) крупных (до 1 м) и средних размеров. Часть из них имеет следы утилитарного износа – использования в качестве отбойников и плит-наковален.

Многолетний опыт раскопок памятников Западного Забайкалья, связанных с уровнями надпойменных террас, расположение Усть-Мензы-14 и условия залегания основного палеолитического к. г. показывают, что наличие в культуросодержащих отложениях валунов и галек является результатом направленной антропогенной деятельности. Размеры и основные характеристики камней, лежащих по отдельности или локальными группами, позволяют предполагать их использование в качестве структурных элементов при организации жилищно-хозяйственных процессов. В то же время

подходить к вопросам интерпретации их назначения следует очень осторожно.

Анализируя планиграфию вскрытого участка, отметим, что в восточной части раскопа уровень к. г. гипсометрически залегал выше (угол падения в северо-западном направлении достигал 30°). Здесь не было зафиксировано крупных камней и выраженных скоплений артефактов (рис. 3; табл. 2, А). Формально, опираясь на количественный состав, можно было соотнести данный участок с периферийной зоной поселения, однако указанная ситуация обусловлена скорее иными факторами. Непосредственно в ходе вскрытия толщи аллювиальных отложений в стратиграфии разреза были отмечены крупные криогенные деформации, образование которых связано с особыми климатическими условиями (Данилов, 1972; Короткий, 2011). При изменении геотермического режима по трещинам происходил естественный процесс стока склоновых вод, что обусловило формирование сети размывов, которые местами захватывали и культуровмещающие отложения.

Таблица 2. Усть-Менза-14 (Лагерная). Состав каменной индустрии основного палеолитического культурного горизонта (коллекция 2007–2014 гг.)

Table 2. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). Composition of the stone industry of the main Palaeolithic cultural horizon (excavations of 2007–2014)

А. Общее количество артефактов по квадратам (2379 ед.)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У	11	33	8	14	12	16	1	7	
Т	15	25	17	7	28	23	14	1	
С	24	28	17	19	10	5	12	4	2
Р	8	20	81	14	42	8	17	7	
П	23	64	54	17	43	13	8	8	7
О	19	131	89	28	18	28	33	37	15
Н	15	112	92	64	30	65	59	75	28
М	13	31	73	47	32	31	78	47	49
Л				32	39	63	41	34	44
Б. Сколы (365 ед.)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У		4	2	1	3	1			
Т	4	2			2	2			
С		2	1	1		1	1	1	
Р		3	7	2	6				
П	2	13	6	2	9	1			
О	7	22	18	6	3	7			2
Н	4	14	25	10	3	18	13	18	10
М	3	9	8	1	6	7	9	6	9
Л				8	8	12	5	6	9

В. Отщепы/чешуйки (1517 ед.)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У	7	15 (12)	6	12	6 (1)	11 (1)		4	
Т	10	11 (7)	8 (3)	5		15	13		
С	18 (9)	19 (1)	14	9 (7)	6 (1)		1	1	
Р	3 (4)	28 (6)	41 (1)	5 (3)	32	7	10	6	
П	15 (2)	33 (9)	35 (8)	6 (1)	19 (6)	7	7	8	4
О	8	56 (27)	41 (20)	13 (2)	7 (2)	11 (6)		29	8 (2)
Н	10 (1)	55 (27)	51 (8)	36 (4)	12 (1)	30 (2)	35 (4)	38 (8)	7 (5)
М	5 (1)	15 (3)	38 (20)	18 (4)	10 (2)	22 (1)	47 (9)	27 (9)	30 (3)
Л				9 (1)	17 (3)	37 (11)	27 (6)	18 (3)	18 (7)
Г. Нуклеусы и их фрагменты (Н, фр. н), заготовки (ЗН), опробованные желваки (Ж)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У	Ж	Фр. н							
Т				Фр. н		Н, Н			
С					Н, Н				
Р	Фр. н	Фр. н							
П		Ж				ЗН			
О	Н			Ж, Фр. н			Фр. н		
Н		Н	Фр. н.	Ж, Фр. н	Ж, Н	ЗН, Фр. н	Ж, ЗН	Ж	
М		Н	Ж		Н, ЗН		Ж, Ж		Ж
Л				Ж, ЗН	Н		Фр. н	Н	Ж

Обнаруженные вдоль восточной стенки раскопа крупные валуны (кв. 49–50–У) развернуты длинными осями по линиям размывов. Их основания лежат под наклоном, образуя соответствующий направлению склона угол. Камни, расположенные на кв. 52–55–Т–У, в основном представлены разноразмерными обломками (результат естественного разрушения гранитных валунных конкреций). Судя по всему, при перемещении и столкновении камней в их структуре образовывались микротрещины, что в последующем вело к естественному процессу растрескивания/раскалывания и смещению фрагментов по склону. Аппликативные связи указывают на разнос отдельных частей на расстояние более метра. При сползании камни образовывали своеобразные скопления, связанные с прослеживаемыми по всему к. г. линиями деформаций.

В процессе работ на кв. 54–55–С–Т была выявлена группа из десяти камней, лежащих по широкой дуге (рис. 3). Камни располагались компактно, некоторые прилегали друг к другу. Их длинные оси были ориентированы по линии дуги. На начальном этапе работ высказывалось предположение об обнаружении остатков внешней обкладки жилищной конструкции (что в целом характерно для забайкальских палеолитических

поселений). Однако полная зачистка показала, что камни лежат под наклоном, практически в положении на ребре, частично просев по мерзлотной трещине, которая остановила их дальнейшее сползание вниз по склону.

В ходе раскопок в составе микрозаполнителя слоя в кв. 52–53–С, отмечались вкрапления мелких углей. Их наличие косвенно указывало на использование древними поселенцами системы кострищ/очагов. В то же время говорить о сохранившихся в этой части древнего поселения *in situ* хозяйственных структурах не представляется возможным. Аналогичная ситуация наблюдалась и в южной части раскопа, где наряду с вкраплениями угольков в кв. 50–52–Н визуально отмечались сажистые примазки.

Компактно расположенная группа крупных валунов и галек находилась в кв. 51, 52–О. На границе квадратов лежал массивный (47 × 16 × 15 см), вытянутый длинной осью с севера на юг, хорошо окатанный валун овальной формы из светлого крупнозернистого гранита. Рядом с ним находился валун (25 × 25 × 13 см) округлой формы светло-коричневого цвета. Эти камни отмечали условную границу древней промоины (кв. 52–О), с которой связано скопление камней. Почти в центре данного

квадрата, слегка по диагонали располагался на широком плоском основании, слегка наклонно просев по трещине размыва, хорошо окатанный валун (30 × 18 × 8 см). Рядом с ним лежали: с юго-запада – подтреугольной угловатой формы галечный валун (20 × 27 × 10 см); с юго-востока, чуть ниже уровня основания, – каплевидной формы валун из светлого крупнозернистого гранита (20 × 13 × 4 см) и расколота серо-голубого цвета галька (16 × 9 × 6 см). У двух последних основания имели встречный наклон. Оба камня просели по трещине размыва. Рядом с галькой находилась преформа нуклеуса из серого базальта (15 × 11 × 7 см), под которой было найдено галечное скребло. По центру квадрата у центрального валуна с северо-востока находились треугольный скальный обломок (почти плитка) и крупный скол. При выборке песчаного заполнения промоины в западном углу кв. 52–О были обнаружены две небольшие гальки, скопление отщепов, один галечный и два гранитных валуна (длиной до 30 см).

Таблица 3. Усть-Менза-14 (Лагерная). Состав каменных орудий основного палеолитического культурного горизонта (коллекция 2007–2014 гг.)

Table 3. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). Composition of stone tools of the main Palaeolithic cultural horizon (collection of 2007–2014)

А. Всего орудий, в том числе фрагменты, сколы/отщепы с ретушью (163 экз.) (без учета галечных орудий и их фрагментов)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У	1	1			2	3		3	
Т		3	1		2	3	1		
С		6	1	2	2	2	2	1	1
Р	1	2	2	4	2	1	4		
П	3	6	3	4	3	1			
О	3	9	7	2	3		3	3	
Н		10	6	2	4	4	3	2	
М		1	1	2	4		1	3	2
Л				4	6	3			
Б. Скребла (С), скребки (©), скобели (U) (61 экз.)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У	С				С	С		С, С	
Т					С		С		
С				С			С		©
Р			С, С	С, ©	©, ©	С	С, С		
П	С, ©	©	С, ©		С, ©	©			
О	U	©, U	С, ©, ©	©	С, U, U		С, С	С, С	
Н		©, U	С, ©, U	С	С, U	U	U		
М					С, С, С, С		U	С	С
Л					С	С, ©			

Ниже по склону от данной группы камней в северо-восточной части кв. 52–Н находилось скопление дебритажа, планиграфически связанное с зонами размыва криогенных трещин. Из крупных камней здесь представлен окатанный гнейсовый валун (18 × 14 × 11 см). Под его основанием лежал оббитый желвак темно-вишневой яшмы. Чуть в стороне была заготовка нуклеуса. Из орудий найдены два скребла и скол с ретушью.

Более сложный планиграфический контекст демонстрирует фрагмент западной части комплекса, где сосредоточено максимальное количество каменного инвентаря с выделяемыми разнокатегорийными скоплениями артефактов (табл. 2, 3). Крупные валуны, перемещаемые под влиянием склоновых водотоков, создавали естественные преграды, определяющие характер переотложения сколов и мелкого дебритажа, способствовали образованию мини-скоплений по линиям размывов и вокруг крупных камней. Особенно хорошо это заметно на кв. 55–57²–М–О.

В. Ножи (Н), скребло/нож (с/н), резцы (Р), проколка (пр), долото (Д) (42 экз.)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У					Н	Н		с/н	
Т		Н, с/н				Д			
С			пр		Д	Д			
Р	с/н	Р		с/н			Н		
П	Р	Н, Р							
О	Р	Н, Н, Д	Н, Н	Д	Р		Д		
Н		Р, пр		Н		с/н, с/н	с/н		
М			Р	Д				Н, Н	
Л				Н, Н, с/н	Н, Н, Н	Н			
Г. Отбойники и их фрагменты, ретушеры, ложила (143 экз.)									
Кв.	57	56	55	54	53	52	51	50	49
У	1			1					
Т	1	1	2	1	1	1			
С	1					2			1
Р		1	1	2	2	2			
П		1	2	4	2				3
О				4	4		1		2
Н		5	1	7	5	6	3	6	4
М	4	1	4	6	8	1	8	3	3
Л				4	6	4	2	5	3

В кв. 55–Н в южном углу квадрата серия сколов образовала своеобразную дорожку, которая упиралась в подтреугольной формы гальку (25 × 16 × 11 см). Рядом с ней на ребрах, вплотную друг к другу находились обломок и целая галька, два фрагмента галечных отбойников. В западном углу квадрата лежали плоская оббитая галька, целый и фрагмент отбойника. В северном углу квадрата располагался плоский гранитный валун (19 × 28 × 7 см), длинной осью ориентированный вдоль р. Менза. Перпендикулярно к нему выше по склону лежал удлиненной формы валун с высоким ребром (20 × 38 × 14 см). С северной стороны его подпирали гранитный валун (13 × 22 × 8 см). В восточном углу квадрата были найдены две гальки-отбойника.

В кв. 55–57, по линии М в числе крупных артефактов – несколько галек-отбойников, имеющих характерный износ поверхностей. Коллекция включала подпризматический нуклеус, оббитый желвак сургучной яшмы, рассеянные сколы и отщепы.

По границе кв. 56–Н–М лежали: в западной части – два небольших обломка и фрагмент расколотой гальки; в южной – округлый отбойник

и галечный нуклеус. В центре кв. 56–Н находились плоская галька (26 × 16 × 6 см) и округлый гранитный валун. В юго-западной и северной части квадрата найдены по две средних размеров расколотые гальки. Артефакты в основном представлены крупными сколами, среди которых выделяются фрагменты галечных отбойников и изделия с ретушью.

Кв. 55–О занимает наиболее высокое гипсометрическое положение в этой части комплекса. С ним связано семь камней крупных размеров, в том числе два речных валуна на границе кв. 54–55–О. Один округлой формы (17 × 25 × 8 см), второй вытянутый, уплощенный (28 × 15 × 5 см), длинной осью ориентирован с севера на юг. На расстоянии 20 см к северо-западу от них лежали расколотая галька и оббитый валун. В центре квадрата находился крупный гранитный валун (25 × 33 × 15 см) с высоким ребром, длинной осью ориентированный с севера на юг. С северо-востока к нему примыкал развернутый поперек квадрата валун. Два камня залежали параллельно: один находился в восточном углу кв. 55–О, второй – в кв. 55–П. В целом валуны образовывали дугу, внутри которой сгруппированы фрагменты галечных отбойников и сколы. Анало-

гичное скопление артефактов было в западном углу кв. 55–О.

Два массивных вытянутой формы гранитных валуна лежали в кв. 55–54–П. Крупная вытянутой формы галька ($33 \times 12 \times 9$ см) в западной части квадрата ориентирована длинной осью с севера на юг. С двух сторон от нее лежали фрагменты расколотых галек: кварцевой с запада и базальтовой с востока. Фрагмент галечного отбойника находился на восточной границе квадрата.

Центральную позицию в кв. 56–О занимал гранитный валун ($38 \times 15 \times 11$ см), длинной осью ориентированный с севера на юг. Рядом с ним лежали две гальки-отбойника и фрагменты расколотых галек. В восточном секторе квадрата параллельно друг другу располагались уплощенная аморфной формы обколотая галька и овальной формы валун. С кв. 55–56–Н–О связано максимальное количество дебитажа от 89 до 131 экз./кв. м (табл. 2). Одиночные валуны и отдельные гальки зафиксированы и в кв. 56–57–М–П.

В планиграфии к. г. выделяется сохранивший относительную структурную целостность участок с фрагментом рабочей площадки в кв. 53–54–Л–М (рис. 3). Здесь валуны и гальки крупных и средних размеров образовали скопление на площади 4 кв. м. Камни первоначально лежали на широких плоскостях, но в результате «сползания» значительная часть камней в кв. 54–Л оказалась в положении на ребре.

Центральное место в структуре занимал массивный гранитный валун-«наковальня» ($96 \times 60 \times 5$ см) с уплощенной вогнуто-выпуклой поверхностью, покрытой выщербинами (кв. 53–М). Он имел самое высокое гипсометрическое положение в этой части комплекса. Горизонтальное положение верхней плоскости обеспечивал лежащий вплотную под его нижним ребром крупный уплощенный окатанный скальный обломок ($21 \times 23 \times 6$ см). С южной стороны, под ребром «наковальни» находились три гальки-отбойника и крупное скребло. По границе кв. 53–Л–М располагались еще две гальки и галечный валун, рядом с которым лежало скребло. С северо-востока к «наковальне» примыкал речной валунчик ($34 \times 22 \times 5$ см). Возле него находилось конвергентное скребло на крупном сколе.

В северном углу кв. 53–М в 20 см от «наковальни» лежали угловатый подтреугольной формы валун ($20 \times 35 \times 9$ см), длинной осью вытянутый с северо-востока на юго-запад и, в 10 см на восток от него, обломок гальки. У юго-западной стенки кв. 53–Л слегка по диагонали лежал массивный хорошо окатанный валун ($42 \times 25 \times 9$ см). С северо-запада в него упирался, поднырнув краем под основание, галечный валун ($35 \times 19 \times 20$ см), который «провалился» в заполнение древней промоины. Северо-восточный конец камня перекрывали расколотая галька ($18 \times 9 \times 7$ см), кварцевый валун ($16 \times 12 \times 9$ см) и обломок гальки из гранита. Еще один фрагмент валуна лежал с восточного торца в углублении. Пересекая границу кв. 53–Л–М, располагался уплощенный подтреугольной формы галечный валун ($30 \times 23 \times 8$ см). Его заузенная дистальная часть находилась под основанием валуна-«наковальни».

К северо-западу от описанной группы камней начинался довольно резкий уклон поверхности к. г. в сторону приустьевой стрелки с образованием чашевидной промоины, заполненной линзой крупнозернистого хорошо отмытого песка. В заполнении были обнаружены многочисленные каменные артефакты – крупные орудия, сколы, отходы дебитажа. В восточном углу кв. 54–Л диагонально располагался гранитный валун ($34 \times 15 \times 11$ см). Под его южным концом лежал кварцит, а с восточной стороны – оббитый гранитный валун, нуклеус и фрагмент гальки-отбойника. В северной части квадрата в заполнении мерзлотного клина находились три крупных скребла, сильно замытый галечный скол из лампрофира, нуклеус и оббитый желвак кварца. Следует отметить, что описанный мерзлотный клин с сопутствующим ему размывом четко фиксируется и на кв. 53–М. Здесь все крупные артефакты и камни расположены по бортам или внутри его заполнения. На границе кв. 54–Л–М находился вытянутый валун ($26 \times 15 \times 14$ см), развернутый длинной осью к р. Менза. От него цепочкой по клину располагались десять артефактов – скребла, отбойники и их фрагменты, крупные сколы. Завершал эту своеобразную композицию массивный, хорошо окатанный валун ($31 \times 22 \times 15$ см), который «перегородил» зону размыва в северо-восточной

части квадрата. В одну линию с ним, «догнав» по клину, находился крупный валун в кв. 54–Н. Камень лежал на широком основании ребром вверх, длинной осью также развернут к реке.

Как уже отмечалось ранее, культуру вмещающий горизонт подстилал плотный глеевый слой, который под влиянием криогенных процессов в кв. 53–М сформировал бугор. Это обстоятельство повлияло на развитие сети морозобойных трещин и определило направление водных потоков, которые «омывали» его. Одновременно крупные камни, оказавшиеся в данной зоне, смещались вниз. В их числе крупный массивный подтреугольной формы валун ($46 \times 35 \times 22$ см), который лежал на наклонном основании (угол наклона в 45°) в южном углу кв. 54–М. Рядом с ним также зафиксированы обломки галечных отбойников и сколы.

Анализируя планиграфию участка с валуном-«наковальней», отметим, что скопление тяготеющих к нему артефактов включало пять галечных скребел, восемь отбойников (кварцитовые и гранитные гальки стандартизированной формы и веса), оббитые и расколотые гальки (сырьевые основы и куски отбойников), первичные сколы и отщепы. Состав каменного инвентаря, его расположение, макро-следы износа поверхности ряда камней указывают на осуществление на данном участке активной деятельности, связанной с первичной обработкой местного галечного сырья в технике биполярного расщепления, направленной на получение крупных сколов-основ.

Выделяя менее насыщенные артефактами участки к. г., следует отметить, что установить границы древнего поселения на настоящий момент не удалось. Находки располагаются по всей вскрытой площади и уходят во всех направлениях в стенки раскопа. Комплекс артефактов указывает на интенсивность осуществляемой здесь деятельности и предполагает открытие новых структурных элементов, возможно, лучшей планиграфической сохранности. Представляется интересным и тот факт, что по всей вскрытой площади в целом равномерно представлен орудийный набор, включающий различные категории предметов (табл. 3), что предполагает определенный ситуационный контекст осуществляемой деятельности.

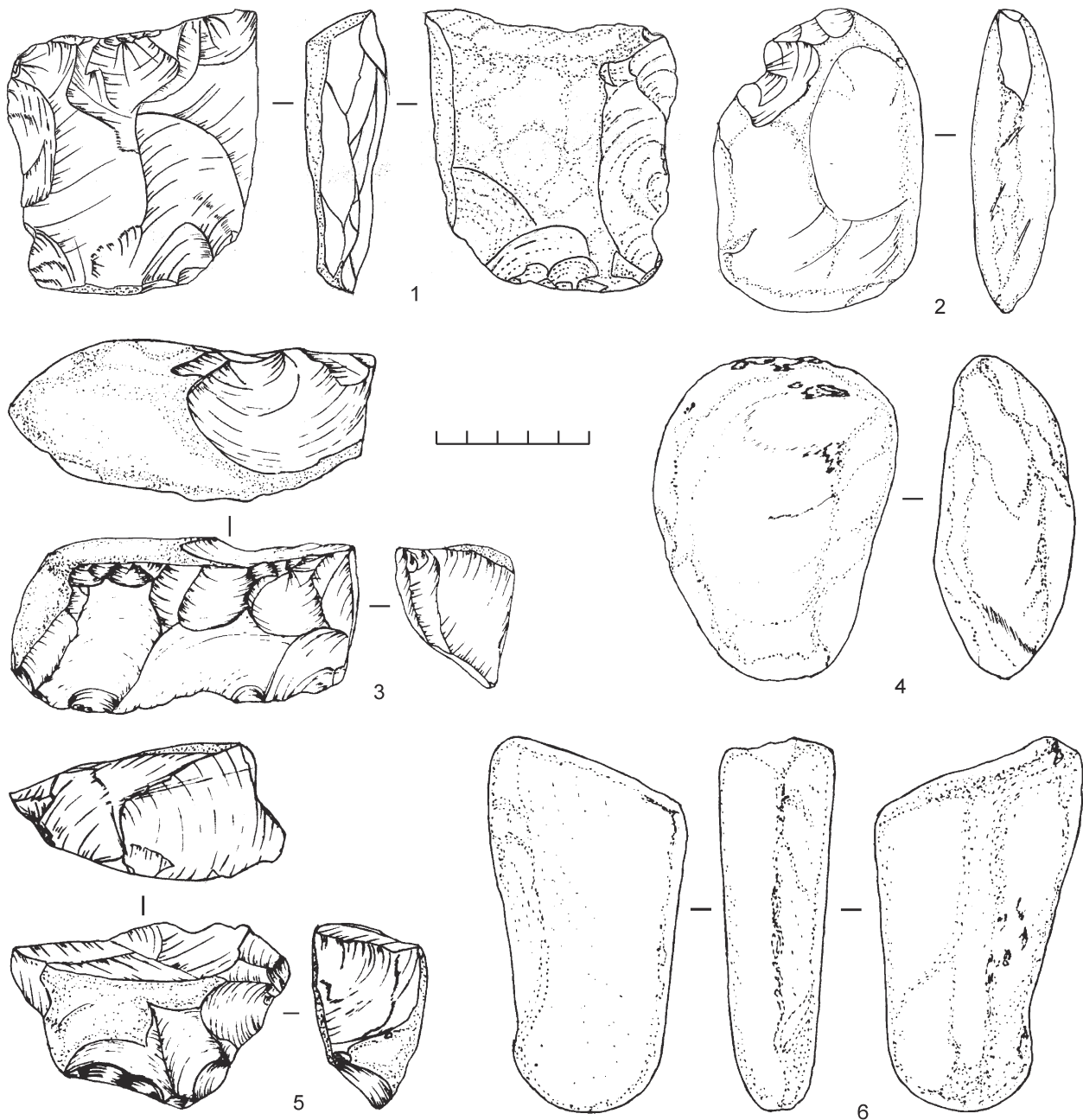
Анализ каменного инвентаря. Рассматриваемая коллекция каменного инвентаря основного палеолитического к. г. Усть-Мензы-14 (Лагерная) насчитывает 2379 экз. (данные по итогам 2014 г.). Из них более 80 % составляют отходы дебитажки: сколы – 365 экз., отщепы и чешуйки – 1517 экз., пластинки, микропластинки и их фрагменты – 24 экз. (табл. 2, А–В).

К нуклеидным изделиям отнесены 18 экз.: четыре – ортогональные, два – радиального принципа снятия; два – галечных; подпризматический; пять торцовых нуклеусов; заготовка и четыре фрагмента (табл. 2, Г). Размеры ядрищ в зависимости от качества сырья составляют от 4,6 до 13 см (рис. 5, 1, 3, 5). На попытки древних поселенцев обнаружить качественное кремневое сырье на базе местных галечников указывают присутствующие в коллекции 15 опробованных галечных желваков, из них 11 экз. – сургучная яшма/кремень (черного и темно-вишневого цветов), отбракованные из-за многочисленных внутренних дефектов.

Орудийный набор характеризуется преобладанием довольно крупных по размерам изделий, преимущественно выполненных на галечной основе или массивных сколах и отщепах (табл. 3).

По типологическим признакам выделяется серия скребковых орудий. Скребла – 35 экз.: 23 – боковых, пять – концевых (среди них скребло тесловидной формы на крупном галечном сколе), четыре – с конвергентными рабочими краями, два – обушковых (рис. 6, 4, 8; 7, 5, 6). Часть орудий представлена фрагментами. Основой для скребел в двух случаях служили оббитые гальки, в одном – фрагмент пластины, четыре скребла изготовлены на отщепах, остальные – на крупных галечных сколах длиной от 6,5 до 13,2 см. Рабочие кромки оформлены либо односторонними крупнофасеточными уплощающими снятиями, либо крутой дорсальной разнофасеточной ретушью. Минеральное сырье – раскристаллизованные эффузивы, кварциты, яшмы, метаморфизованные песчаники.

Скребки – 16 экз., из них: один микроскребок на отщепе ($1,5 \times 1,5 \times 0,5$ см), два боковых скребка на сколах ($4,5 \times 4,1$ см; $3,5 \times 2,4 \times 0,8$ см), 13 концевых (шесть – на отщепах, четыре – на сколах, три – пластинчатые основы). Длина орудий –

Рис. 5. Усть-Менза-14 (Лагерная). Основной палеолитический культурный горизонт. Каменный инвентарь: 1, 3, 5 – нуклеусы; 2, 4, 6 – отбойники

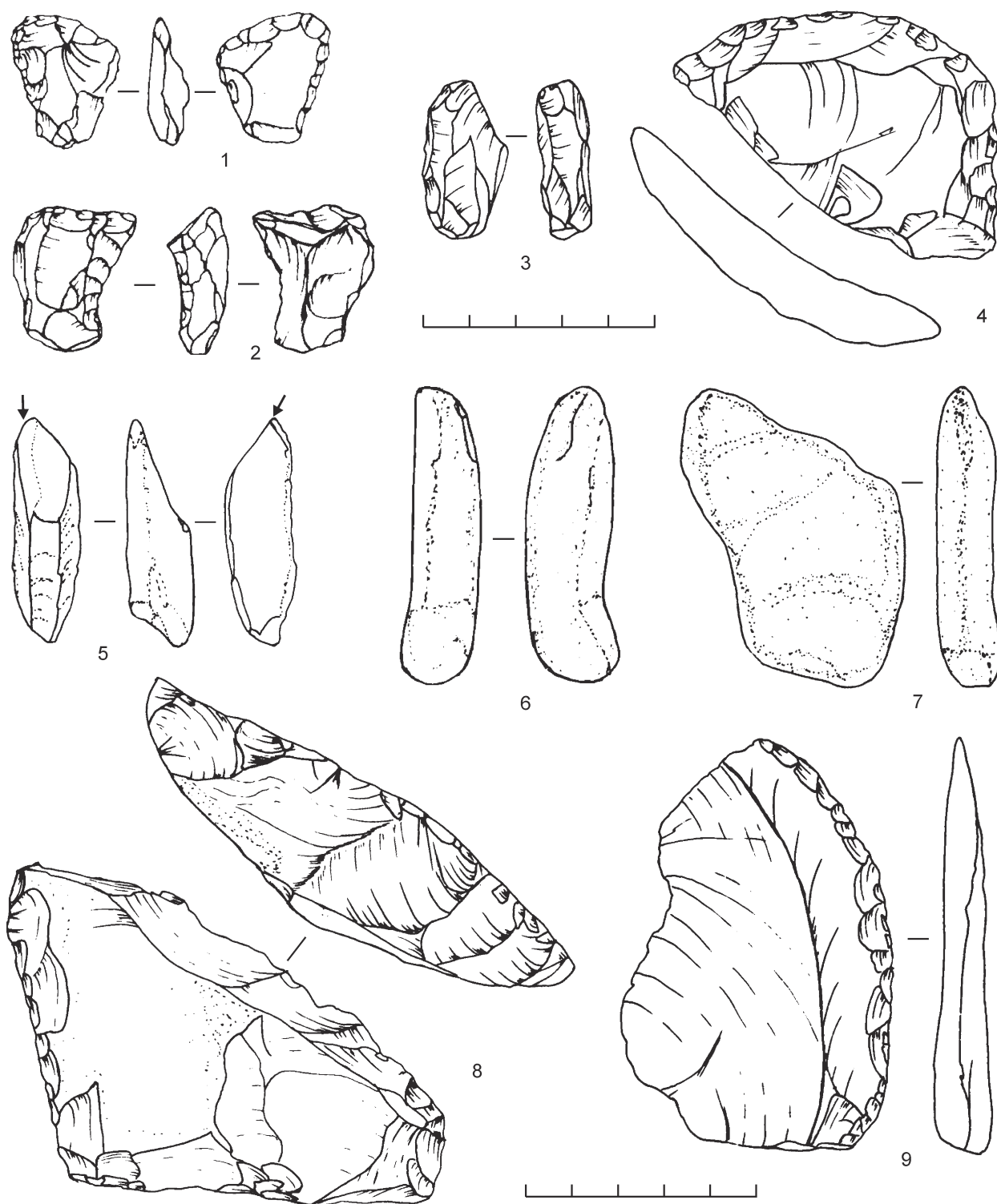
1 – базальт; 2, 3 – яшма; 4 – гранит; 5 – кремь; 6 – метапесчаник

Fig. 5. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). The main Palaeolithic cultural horizon. Stone artefacts: 1, 3, 5 – cores; 2, 4, 6 – hammerstones

1 – basalt; 2, 3 – jasper; 4 – granite; 5 – flint; 6 – metasandstone

2,5–5,6 см (рис. 6, 1). В целом концевые скребки имеют стандартизованную вытянутую подтреугольную форму с выпуклым рабочим краем, оформленным дорсальной ретушью и с подправкой боковых сторон, оформляющей рукояточную часть орудий.

В категорию скребелей были отнесены десять изделий. Не исключено, что часть из них имела комбинированные функции: скребель-скребок, скребель-долото, скребель-резец, скребель-лощило. У всех орудий разнофасеточной ретушью оформлены вогнутые рабочие кромки, несущие следы утили-

Рис. 6. Усть-Менза-14 (Лагерная). Основной палеолитический культурный горизонт. Каменный инвентарь:

1 – скребок; 2 – резчик; 3 – долото; 3, 8 – скребло; 5 – резец; 6, 7 – ретушер-отжимник; 9 – скребло-нож

1, 3 – кварц; 2, 4 – кремнь; 5 – метапесчаник; 6 – яшма; 7 – кварцит; 8 – андезито-базальт; 9 – диорит

Fig. 6. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). The main Palaeolithic cultural horizon. Stone artefacts: 1 – end scraper; 2 – cutting tool;

3 – chisel; 3, 8 – side scraper; 5 – burin; 6, 7 – retouch pressure flaker; 9 – scraper/knife

1, 3 – quartz; 2, 4 – flint; 5 – metasandstone; 6 – jasper; 7 – quartzite; 8 – andesite-basalt; 9 – diorite

тарного износа. Размеры изделий от 4,4 до 11,6 см. Функционально к этой группе инструментов при- мыкают долотовидные орудия (7 экз.) (рис. 6, 3).

26 предметов типологически отнесены к категории ножей. В качестве основ для трех обушковых ножей выступали пластинчатое снятие, кварцитовый скол и плоская галька (рис. 7, 1). Для остальных орудий – в пяти случаях отщепы, в восемнадцати – сколы. Форма рабочих кромок предполагает сочетание функций: нож-скребло (рис. 6, 9), нож-скобель. Как правило, использовался наиболее тонкий естественный край основы, за редким исключением – без дополнительной подправки. Вдоль режущей кромки отмечались сглаженность линий, заполировка поверхности и мелкая утилитарная ретушь. Прослеживается стандартизация в размерах изделий: в десяти случаях длина орудия составляла от 7 до 9,8 см, в восьми – от 4,5 до 6 см.

Фрагмент рукояточной части орудия, три резца и два резчика выполнены на пластинчатых сколах из разноцветных кремней и кварцита, один условно выделен на фрагменте нуклеуса. У резцов рабочие кромки оформлялись диагональными сколами (рис. 6, 5), у резчиков – ретушью (рис. 6, 2). Размеры орудий: длина от 3,5 до 5,7 см, ширина от 1,5 до 3,1 см, толщина от 1,1 до 1,5 см.

Изделие с двусторонне ретушированным острием, выполненное на отщепе листовидной формы, типологически близко к остроконечникам. В то же время оно могло сочетать функции скребка или резца.

В состав орудийного набора включены снятия с мелкой краевой утилитарной ретушью (29 экз.) (рис. 7, 2, 4). В их числе: 11 отщепов (в том числе три галечных), 12 сколов (из них 10 галечных), пять фрагментов пластинчатых снятий (рис. 7, 2), один – проксимальный фрагмент микропластины.

Особое место в материалах основного палеолитического к. г. Усть-Мензы-14 занимают галечные орудия, что, вероятно, определялось специфической направленностью хозяйственной деятельности древних поселенцев. Серия первичных галечных сколов, продольно расколотых галек в сочетании с отбойниками и галечно-валунными наковальнями, их многочисленные фрагменты указывают на процесс расщепления местного сырья с использованием биполярной техники. Строгое типологическое

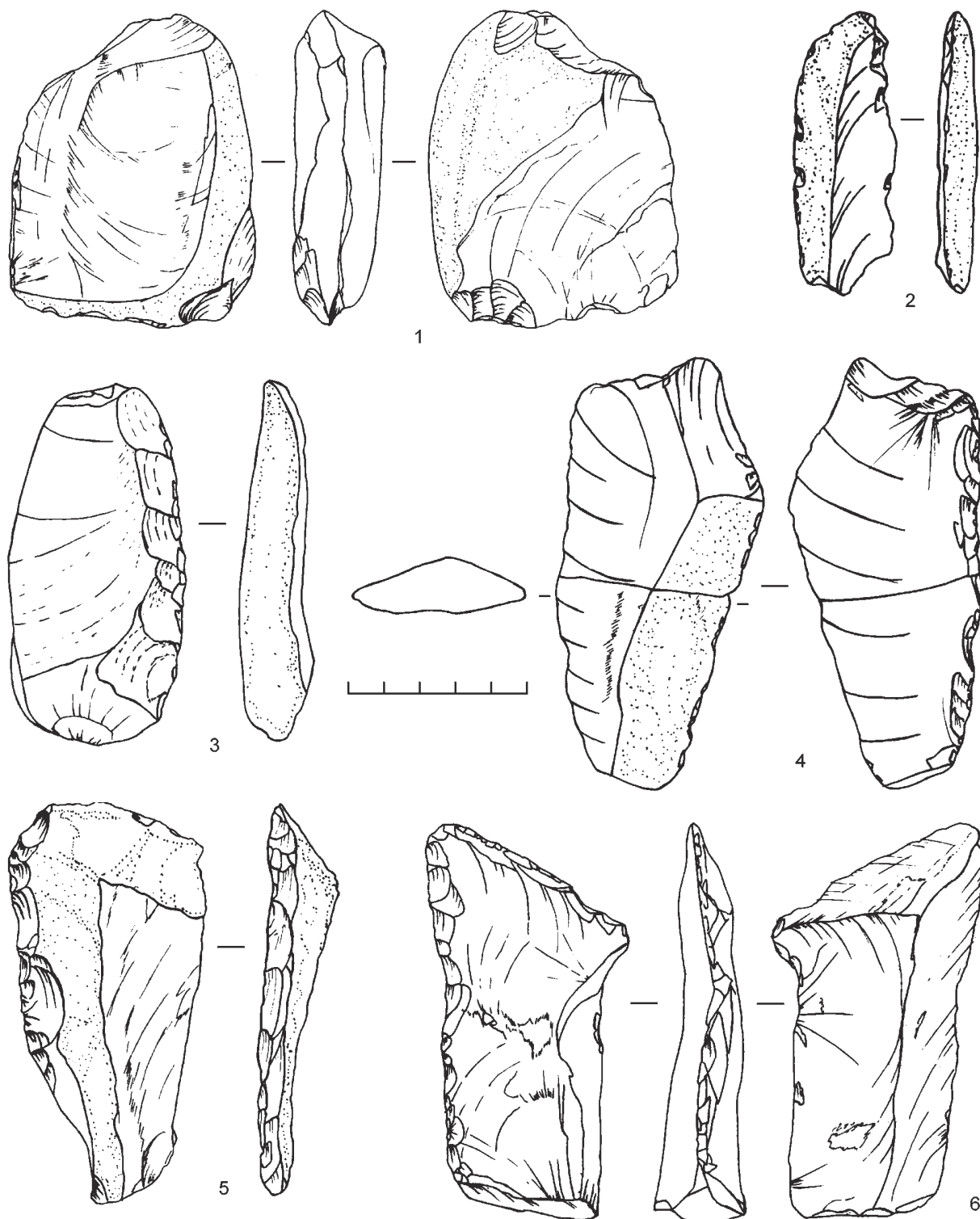
подразделение такого рода орудий довольно сложно, они равно могли выступать и в том, и в другом качестве. Ввиду затрудненности проведения тра- ссологического анализа из-за дефляции поверхности артефактов дается классификация галечных орудий с учетом наиболее выразительных внешних признаков, свидетельствующих об их функциональном использовании (форма, размеры, состав сырья, сохранность поверхности, следы забитости, выкрошенности и т. д.).

Рубящие орудия представлены фрагментом рабочего лезвия, четырьмя целыми чопперами и небольшим «теслом» – массивным сколом под- треугольной формы с дорсальной ретушью вдоль рабочей кромки, с ярко выраженным блеском вентральной поверхности.

В группе отбойников выделяются многочис- ленные фрагменты расколотых орудий. Целые отбойники (18 экз.) отличаются стандартизацией: округло-овальные слегка уплощенные формы, размеры от 10 до 13,5 см в длину, вес от 590 до 1200 г (рис. 5, 4, 6). При этом в 13 случаях это речные гальки бело-серо-розового гранита. Явную избирательность в выборе галечного сырья, используемого в качестве отбойников, подтверждают также крупные концевые обломки (26 экз.) и сколы с отбойников (21 экз.). Наряду с гранитом, пред- почтение отдавалось галькам из белого крупно- кристаллического кварцита, реже из базальта. В коллекции помимо собственно отбойников присутствуют гальки, которые одновременно вы- ступали отбойниками-наковальнями (11 экз.). По их широким поверхностям отмечаются много- численные выщербины и характерная выкрошен- ность – точечная выбивка-пикетаж.

Следует отметить, что по всей изученной пло- щади к. г. встречались как небольшие, длиной до 7 см, целые (7 экз.) или частично оббитые речные гальки (10 экз.), так и более крупные, длиной до 15 см, расколотые вдоль (биполярно) (9 экз.) или поперек (11 экз.) гальки из лампрофира, метапесча- ников, гнейсов, кремнистых пород. Фиксировались фрагменты расколотых или оббитых валунов.

К категории ретушеров отнесены 20 галек, из них 13 – уплощенной продолговатой формы не- больших размеров (длина от 4,8 до 10 см, ширина от 1,3 до 5,2 см, толщина от 1,4 до 3,5 см). При

Рис. 7. Усть-Менза-14 (Лагерная). Основной палеолитический культурный горизонт. Каменный инвентарь: 1 – обушковый нож; 2 – пластинка с ретушью; 3 – скол с ретушью; 4 – пластина с ретушью; 5 – боковое скребло; 6 – скребло-тесло

1 – метакварцит; 2, 4 – риолит; 3 – базальт; 5, 6 – андезито-базальт

Fig. 7. Ust'-Menza-14 (Lagernaya). The main Palaeolithic cultural horizon. Stone artefacts: 1 – backed knife; 2 – retouched bladelet; 3 – retouched spall; 4 – retouched blade; 5 – side scraper; 6 – scraper/adz

1 – metaquartzite; 2, 4 – rhyolite; 3 – basalt; 5, 6 – andesite-basalt

выборе камня учитывалась его форма – как правило, один из концов слегка заужен или имеет клювовидный выступ, характерный признак ретушеров-отжимников (рис. 6, 6, 7). Рабочие поверхности со следами износа: замятостями, с локализованными участками с микровмятинами и выщербленностями. Семь галек чуть более крупных размеров (длина от 8 до 12 см, ширина от 4 до 10 см, толщина до 7 см), но также продолговатые по форме, предположительно, использовались в качестве ретушеров-отбойников (рис. 5, 2).

Специфическая заглаженность поверхности по одной из широких плоскостей отмечена у пяти галек (подовальной или подпрямоугольной формы). Иногда подобного рода износ определяют как результат лощения или использования в качестве «утюжков» для разглаживания шкур, но подобное заключение требует трасологического анализа. Один из камней – вытянутая овальная галька из метапесчаника с обивкой по широкому обушку и мелкофасеточной ретушью вдоль узкого фронта — мог дополнительно использоваться как скобель.

В слое были обнаружены три фрагмента расколотой галечной плитки из разноцветного микрокварцита и треугольный обломок орудия с крутой разнофасеточной дорсальной ретушью вдоль длинного края, выполненный из плитки черного с серой прожилкой микросланца.

Выводы. Анализ коллекций, планиграфия изученного участка основного палеолитического к. г. Усть-Мензы-14 (Лагерной) свидетельствуют об открытии поселения с признаками стоянки-мастерской, включающей рабочие зоны различной деятельностной направленности. Процессы жизнеобеспечения обусловили потребность в определенном наборе орудий и использование для их изготовления различных источников сырья и приемов его обработки.

Характер первичных сколов указывает на активное использование местной сырьевой базы (метаморфизированные песчаники и сланцы, микрокварциты, кварциты, микросланцы, плохого качества яшмоиды). Коллекция камня основного к. г. Усть-Мензы-14 демонстрирует разнообразие приемов расщепления в зависимости от формы, размера и петрографических качеств пород. Отмечается преобладание биполярной техники при

обработке галечного сырья. Оформление рабочих кромок орудий выполнялось в технике как оббивки, так и отжима с использованием ретушеров.

Древние поселенцы предпринимали попытки выявить качественное минеральное сырье в местных источниках. На это указывает апробирование яшмоидов в виде небольшого размера галек с плотной темно-вишневой коркой, создающей ложное впечатление внутренней монолитности. При раскалывании выявлялась трещиноватость и наличие каверн, что приводило к отбраковке и сколов, и желваков. Присутствующие в коллекции белые с цветовыми оттенками кварцитовые сколы и отщепы, за редким исключением, являются обломками отбойников.

В коллекции имеется серия скребел и сколов из ортоклазовых риолитов пестро-коричневого цвета и раскристаллизованных эффузивов черного цвета с белыми кварцитовыми зернами (определение пород выполнено сотрудником ОАО «Востокгеология» В. Б. Поповым). Данное сырье не представлено в современных галечниках, в то же время сколы из него фиксируются в большинстве квадратов. По геологическим данным выходы эффузивов имеются по правобережью р. Чикой. Немногочисленные микросколы из качественного сырья – многоцветных яшм, кремня, халцедона, вулканического стекла, указывают на существование изделий из них. Источники были известны древним поселенцам, но в данном случае сырье являлось приносным и, видимо, дефицитным, так как использовалось крайне рачительно. Оформление рабочих кромок на изделиях их них выполнялось методом отжима. В к. г. обнаружено также несколько фрагментов плиток из гнейсов и сланца со специфической изношенностью поверхностей, это сырье отличается плохой сохранностью.

Несколько неожиданным стало наличие среди артефактов сколов из магнетит-силикатного скарна (состав включает магнетит 75 %). Вопрос об источниках столь необычного для палеолита сырья остается пока открытым. По геологическим данным, в 70 км в верховьях р. Менза известен ряд небольших медных, оловянных и железорудных проявлений, в том числе и скарнового типа.

Состав орудийного комплекса делится почти в равных пропорциях на две группы. Первая вклю-

чает орудия с типологическими признаками, предполагающими выполнение скребково-режущих функций (129 экз.). Вторая – орудия, предназначенные для расщепления и обработки каменного сырья (141 экз.). Подобное сочетание, по мнению исследователей, характерно для производственных зон поселений (Леонова, 1980; 1993). В данном случае прослеживается последовательность: выбор галечного сырья, расщепление, получение заготовки, оформление орудия, его функциональное использование.

При этом состав орудийного комплекса указывает на явную количественно значимую потребность в скребково-режущих и тесловидных изделиях, форма и размер которых наводит на мысль об интенсивной обработке древесно-растительных ресурсов. В пользу этого предположения, по нашему мнению, выступает и наличие отбойников и их фрагментов, имеющих ярко выраженную стандартизацию форм и сосредоточенных рядом с массивными валунами со следами пикетажного износа поверхностей. При этом после выполнения поставленных задач большинство орудий было оставлено на площадке, видимо, потеряв свое значение.

Остеологические коллекции чрезвычайно бедны, в основном это осколки зубной эмали животных, пара фрагментов трубчатых костей (длиной до 4 см), несколько мелких неопределимых осколков. Единичные крупные фрагменты костей, по определению канд. биол. наук Н. Д. Оводова (Красноярск), принадлежали носорогу (*Coelodonta*). Более детальное рассмотрение видового состава затруднено ввиду малочисленности и плохой сохранности фаунистических остатков.

В целом, следует отметить, что на поселении Усть-Менза-14 (Лагерная) впервые для палеолитических горизонтов Усть-Мензинской группы памятников открыт культурно-хозяйственный комплекс с признаками стоянки-мастерской с количественно представительной коллекцией каменных артефактов. Типологический состав изделий свидетельствует об определенном контексте хозяйственной деятельности древних жителей Усть-Мензы-14, ее ситуационной направленности. В связи с этим мы приходим к выводу о том, что древние поселенцы занимались не только тради-

ционно предполагаемой охотой, но активно могли использовать древесно-растительные и речные ресурсы.

Усть-Менза-14 (Лагерная) на настоящем этапе исследований является единственным памятником Усть-Мензинского геоархеологического района, содержащим технокомплекс артефактов с сохранившимся планиграфическим контекстом стоянки-мастерской в условиях четко стратифицированного к. г. датируемого каргинским временем. По мнению М. В. Константинова (Константинов, 2016. С. 34) каменная индустрия основного палеолитического к. г. Усть-Мензы-14 (Лагерная) соотносится с выделенной им Куналейской культурой (Константинов, 1994. С. 129–130), однако детальный сравнительный анализ коллекций еще предстоит.

Данилов, 1972 – Данилов И. Д. Мерзлотные и псевдомерзлотные клиновидные деформации в осадочных породах // Проблемы криолитологии. М., 1976. Вып. 1.

Короткий, 2011 – Короткий А. М. Признаки мерзлотных процессов в четвертичных отложениях островных территорий (на примере Южных Курил) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2011. № 2.

Константинов, 1994 – Константинов М. В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита, 1994.

Константинов, 2016 – Константинов М. В. Археология Забайкальского края: эпохи, памятники, первооткрыватели // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых [Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей] / Отв. ред. А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева. Чита, 2016.

Константинов, Разгильдеева, 2011 – Константинов А. В., Разгильдеева И. И. Усть-Мензинский археологический комплекс: средняя пора верхнего палеолита // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1.

Константинов и др., 2011 – Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья. Т. Археология / Гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск, 2011.

Константинов и др., 2014 – Константинов М. В., Рыжов Ю. В., Верещагин С. Б., Викулова Н. О., Филатов Е. А. Новые данные по палеолиту Усть-Мензы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. (Кызыл, 15–19 сентября 2014 г.) / Отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. Кызыл, 2014. Ч. 1.

- Леонова, 1980 – Леонова Н. Б. Характер скопления камня на кремнедобывающих мастерских // Вестник МГУ: История. М., 1980. № 5.
- Леонова, 1993 – Леонова Н. Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993.
- Разгильдеева, Константинов, 2010 – Разгильдеева И. И., Константинов А. В. Западное Забайкалье: новые материалы средней поры верхнего палеолита // Междунар. симпозиум «Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии» (Южно-Сахалинск, 18–25 сентября 2010 г.): Сб. науч. статей. Южно-Сахалинск, 2010.
- Рыжов и др., 2015 – Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В., Голубцов В. А., Константинов М. В., Викулова Н. О. Этапы формирования отложений покровного комплекса высоких террас р. Чикой (Усть-Мензинский геоархеологический район) в позднем плейстоцене и голоцене // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2015. Вып. 4.
- Buvit et al., 2016 – Buvit I., Masami I., Terry K., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula / Quaternary International 425 (2016).

The complex of the workshop site of Ust-Menza-14 (Lagernaya): the middle period of the Upper Palaeolithic in the Trans-Baikal region

I. I. Razgil'deyeva

In 2007–2014, investigations of a newly discovered long-lived site were conducted in the Ust-Menza (Lagernaya) archaeological region (west Trans-Baikal) (Fig. 1, 2). In section II of the terrace above the floodplain of the Menza River, in the middle layer of the alluvial deposits, a Palaeolithic cultural horizon with remains of what was suggestive of a complex of a workshop site was discovered at the depth of 2.9–3.5 m. The collection of stone artefacts showed the presence of the complete cycle of flaking of local raw materials. However, objects made from imported materials also are present. Planimetric analysis identified a number of structural elements indicating of a purposeful organization of this area and differing spheres of activities within it. A fragment of a working place seemingly intended for purposeful bipolar knapping of pebble blanks is preserved. Near an 'anvil'-boulder there was an accumulation of blades, complete and broken hammer-stones. The stone artefacts, along with the debitage (86 %), include a distinctive set of pebble tools (polishers, retouchers, hammer-stones) (Table 2).

In terms of typology, two large groups of tools are distinguishable: 1) those with functions of scraper-cutting (129 pieces); 2) tools intended for knapping and working of stone raw materials (141 pieces) (Table 3). Analysis of the finds allows us to trace the sequence of working of stone: selection of the raw materials, their knapping and forming, making of the blanks, manufacturing of the tools and their use. The composition of the collection of artefacts suggests a definite character of economic activities of ancient man which were mainly concerned, as it seems, with processing of wood. The rare fragments of bone belonged to rhinoceros (*Coelodonta*) indicating the character of the hunting activities. A more detailed identification of the faunistic remains is difficult because of their poor state of preservation. The period of the formation of this cultural horizon is dated to the final stage of the Karginsk Thermochron. The carbon found in this layer yielded the dates of 27480 ± 110 BP (D-AMS 011898), 30270 ± 150 BP (D-AMS 011899) (Buvit et al., 2016).

КОСТЯНЫЕ И РОГОВЫЕ ГАРПУНЫ ПОСЕЛЕНИЯ РАЗДОРСКОЕ I¹

А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий, В. Я. Кияшко²

Аннотация. Статья посвящена публикации некоторых результатов раскопок многослойного поселения Раздорское I в Усть-Донецком районе Ростовской области, в результате которых серия ранее выявленных на поселении зубчатых костяных и роговых острий пополнилась еще одним экземпляром поворотного гарпуна мариупольского времени. Материалы Раздорского I рассмотрены на довольно широком сравнительном фоне, что позволило проследить определенные закономерности в использовании древним населением таких средств индивидуальной добычи рыбы, как остроги и гарпуны. Пока можно лишь предположительно говорить о характере эволюции данной категории инвентаря и о том, насколько в нем отражается культурная специфика населения региона.

Annotation. This paper is a publication of some results of excavations of the multi-stratified site of Razdorskoye-I in the Ust-Donetsk District of Rostov Oblast. These investigations have supplemented the examples of indented bone and horn points found earlier at this settlement-site with another example of a rotating harpoon of the Mariupol period. The finds from Razdorskoye-I are here considered against a rather broad comparative background enabling us to trace certain regularities in the use of such means of individual fish-hunting as fish-spear or harpoon by ancient man. So far, we can just hypothetically talk about the evolution of this type of artefacts and about the extent to which the cultural specifics of the region's population is in it reflected.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, многослойное поселение Раздорское I, неолит, энеолит, гарпуны, остроги, рыболовство.

Keywords: Lower Don region, stratified settlement-site of Razdorskoye-I, Neolithic, Eneolithic, harpoons, fish-spears, fishery.

В сентябре 2015 г. были продолжены раскопки известного памятника – многослойного поселения Раздорское I, расположенного на правом берегу реки Дон, у станицы Раздорская в Усть-Донецком районе Ростовской области. В ходе работ исследована часть напластований, датирующаяся рубежом неолита – энеолита, временем распространения на Дону памятников «мариупольской» культурно-исторической общности.

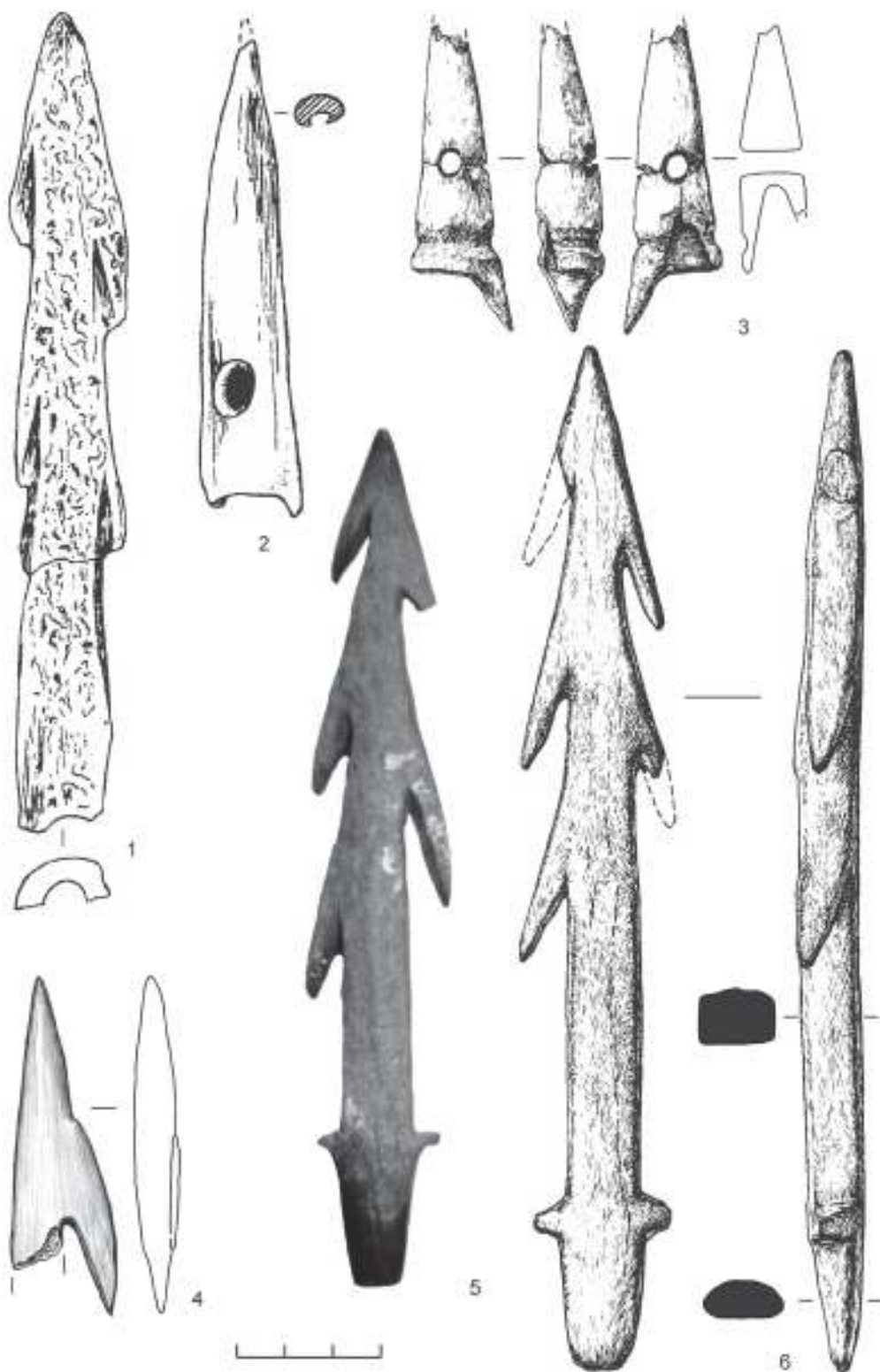
Среди относительно немногочисленных находок большой интерес вызывает наконечник рогового гарпуна поворотного типа (рис. 1, 3). Это уже седьмой экземпляр гарпунов, причем разных типов, встреченных на памятнике. Свидетельства развитаго рыболовства в неолите – энеолите на тер-

ритории Нижнего Дона хорошо известны на многослойном поселении Ракушечный Яр (Белановская, 1995. С. 83–88), в раннеэнеолитических материалах стоянки Раздорская II (Цыбрий, 2008, С. 68) и на приазовских Матвеево-Курганских поселениях (Крижевская, 1991. С. 96, 97). Есть они и в низовьях Северского Донца, в коллекции находок стоянки Усть-Быстрая (Кияшко и др., 2000. С. 55). Большинство артефактов говорит о сетевом рыболовстве – таковы, прежде всего, грузила самых разнообразных размеров и типов, орудия для их изготовления, заготовки. Данных об индивидуальных способах речного рыболовства меньше, но они важны для полноты представлений о промысле в древности. Тем более что имеющиеся свидетельства демонстрируют типологическое разнообразие и изменчивость соответствующего инвентаря.

Зубчатые костяные и роговые наконечники различаются в литературе по способу крепления к древку – жесткое крепление характерно для

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 14-06-00106а, № 15-06-10160к).

² Россия, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 95 А, оф. 7. РРОО «Донское археологическое общество».

Рис. 1. Гарпуны поселения Раздорское I: 1, 2 – гарпуны из раскопок 1995–1996 гг. (Кияшко, 1998. С. 98, 99, рис. 1, 10, 11); 3 – гарпун из раскопок 2015 г.; 4 – гарпун из обнажения берегового обрыва; 5, 6 – подъемный материал

1, 3, 5, 6 – рог; 2, 4 – кость

Fig. 1. Harpoons from the settlement-site of Razdorskoye I: 1, 2 – harpoons from excavations of 1995–1996; 3 – harpoon from excavations of 2015; 4 – harpoon from eroded riverside precipice; 5, 6 – stray finds

1, 3, 5, 6 – antler; 2, 4 – bone

острог, а острия, отделяемые от древка, но связанные с ним посредством линия, что требует специального оформления насада, относятся к гарпунам (Жилин, 2001. С. 91, 99). Часто гарпунами называют все зубчатые острия из кости и рога (Загорская, 1978. С. 122).

Всего в нео-энеолитических слоях Раздорского I выявлены четыре изделия из кости и рога, три из которых отнесены к гарпунам, а назначение одного не вполне ясно, так как утрачен насад. В 1995 г. в слое мариупольского времени были найдены два разнотипных гарпуна: двусторонний четырехзубый роговой гарпун (рис. 1, 1) и поворотный гарпун (рис. 1, 2), изготовленный из трубчатой кости животного (Кияшко, 1998. С. 98–99, рис. 1, 10, 11). Еще один поворотный гарпун (рис. 1, 3) найден в раннем энеолитическом или финальном неолитическом слое во время работ 2015 г. Изделие было фрагментировано в древности, но его форму и размеры удалось восстановить. Поворотные гарпуны типологически идентичны, они имеют коническую форму, обычные размеры 5–7 см, в основании наконечника выделен один не очень длинный зубец, затрудняющий при повороте вывод орудия из раны. Поперечное отверстие просверлено с отступом от центра изделия, что способствует развороту гарпуна перпендикулярно оси удара при натяжении линия. Судя по относительно небольшому диаметру отверстий (0,5–0,7 мм), применялся сравнительно тонкий, легкий, но прочный линь.

Одно зубчатое костяное острие выявлено *in situ* в обнажении берегового обрыва в слое энеолитического времени. К сожалению, по уцелевшей части нельзя судить о количестве зубцов и характере насада, изготовлен наконечник из массивной стенки трубчатой кости животного (рис. 1, 4).

Два роговых двусторонних многозубых гарпуна обнаружены в разные годы в границах поселения, на пляже, среди подъемных материалов. На насаде отмечены специально оформленные выступы, служившие, вероятнее всего, для закрепления линия (рис. 1, 5, 6).

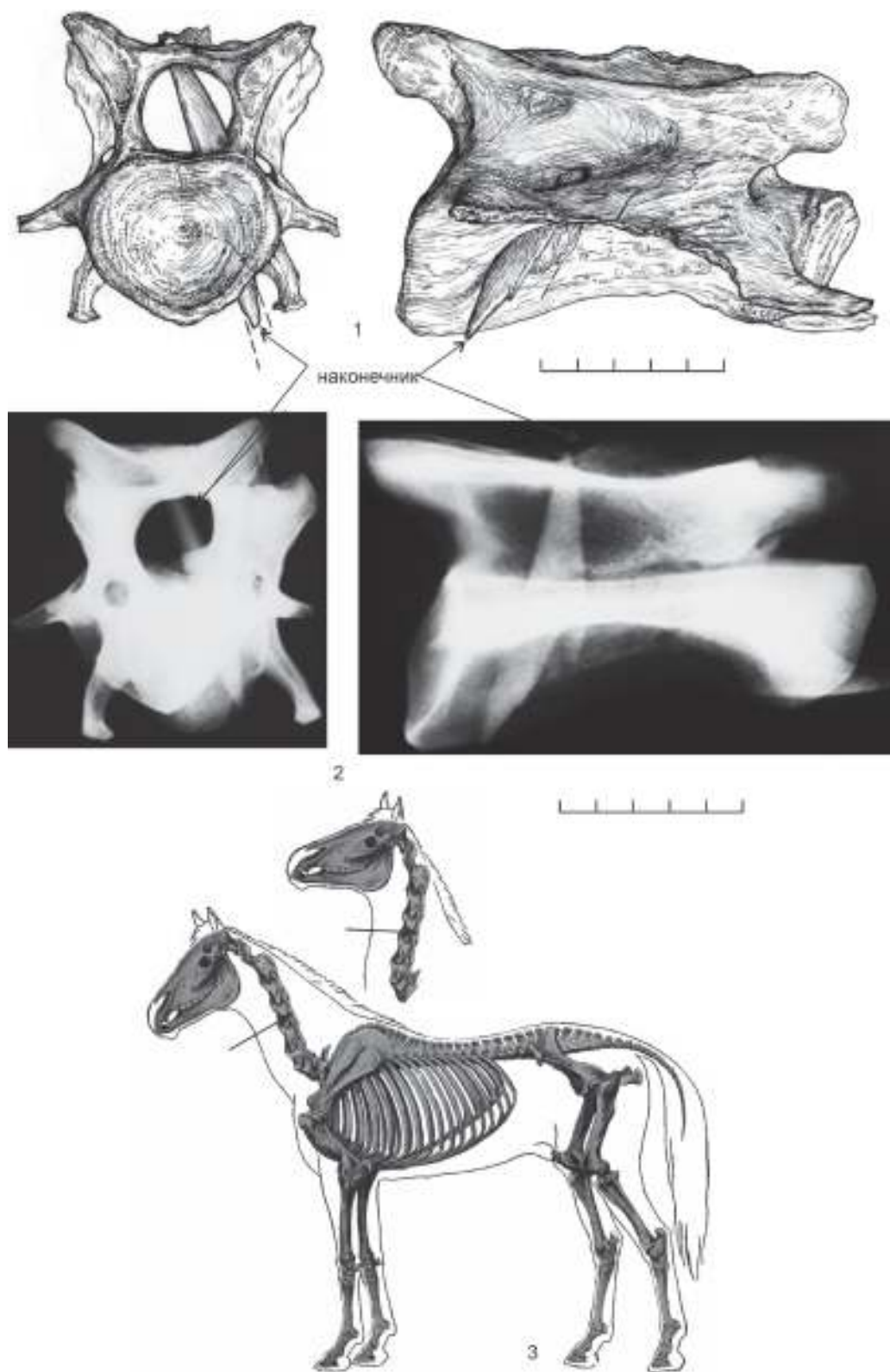
Особо нужно сказать о зубчатом костяном наконечнике, обломок которого застрял в шейном позвонке лошади. Эта замечательная находка сделана на прибрежном участке поселения Н. И. Ромашенко и А. И. Стадником. Видимо, после удара

наконечник был сломан, и часть его острия, насквозь пробившего 4-й шейный позвонок лошади³, осталась в кости (рис. 2, 1). Наконечник сломался у внутренней части основания первого зубца, сколько всего было зубцов, непонятно. Рентгенографическое исследование позволило получить более ясное представление о форме и размерах обломка (рис. 2, 2)⁴. Его острой частью оказалась уплощенно-конической формы, довольно длинной, что в немалой степени способствовало столь глубокому, практически сквозному, пробитию позвонка. Этот случай интересен не только как яркий пример проникающей способности костяных острий, но и тем, что использован зубчатый наконечник, который традиционно сопоставляется с лучением крупной рыбы. По положению острия в кости животного можно примерно представить траекторию и направление удара. Он был поставлен под углом 84° по отношению к условной осевой линии позвоночного канала и пришелся в нижнюю (вентральную) поверхность позвонка. Однако обычный наклон шеи животного таков, что нанесение столь поразительного по силе и точности удара кажется проблематичным. Иное дело, если у животного в этот момент была высоко поднята голова (рис. 2, 3). В качестве догадки выскажем мысль о ситуативном характере этого эпизода, когда добыча могла быть застигнута в воде или при выходе из воды и убита орудием, не вполне для этого предназначенным. Этнография знает много примеров эффективного убоя копытных именно в воде, особенно при переправах животных через водоемы (Богораз, 1991. С. 71, 72).

Еще два односторонних гарпуна найдены на побережье в окрестностях х. Пухляковский, в 5–6 км к юго-западу от Раздорского I. У одного изделия надломлено острие (рис. 3, 1), у другого – утрачено основание (рис. 3, 2). Если предположить, что этот наконечник сломался по линии фиксации (обвязки), что кажется вполне вероятным, то можно считать оба

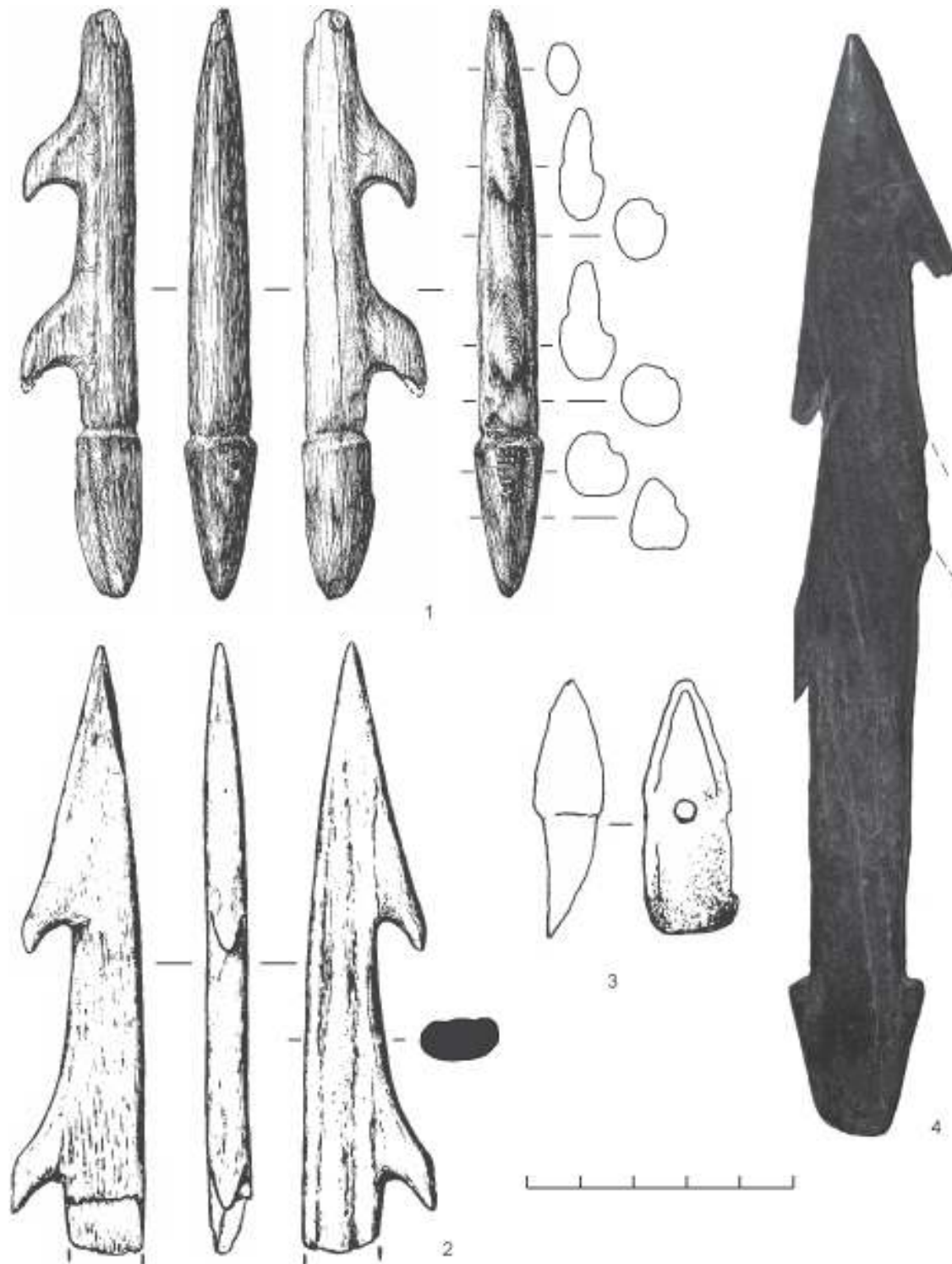
³ Определение старшего научного сотрудника лаборатории териологии ЗИН РАН канд. биол. наук М. В. Саблина, которому авторы выражают признательность.

⁴ Авторы выражают признательность за проведение рентгенографического исследования И. Н. Ланину и Л. П. Лукашевой (1062-й Окружной военной клинической госпиталь МО РФ, г. Ростов-на-Дону).

Рис. 2. Находка из подъемных материалов поселения Раздорское I: 1 – шейный позвонок лошади, пробитый костяным зубчатым наконечником (рис. М. Масаловой); 2 – рентгенограмма позвонка; 3 – вероятные положения животного в момент нанесения удара

Fig. 2. A surface find from the settlement-site of Razdorskoye I: 1 – jugular vertebra of a horse jabbed by an indented point (Fig. by M. Masalova); 2 – radiograph of the vertebra; 3 – presumable positions of the animal at the moment of strike

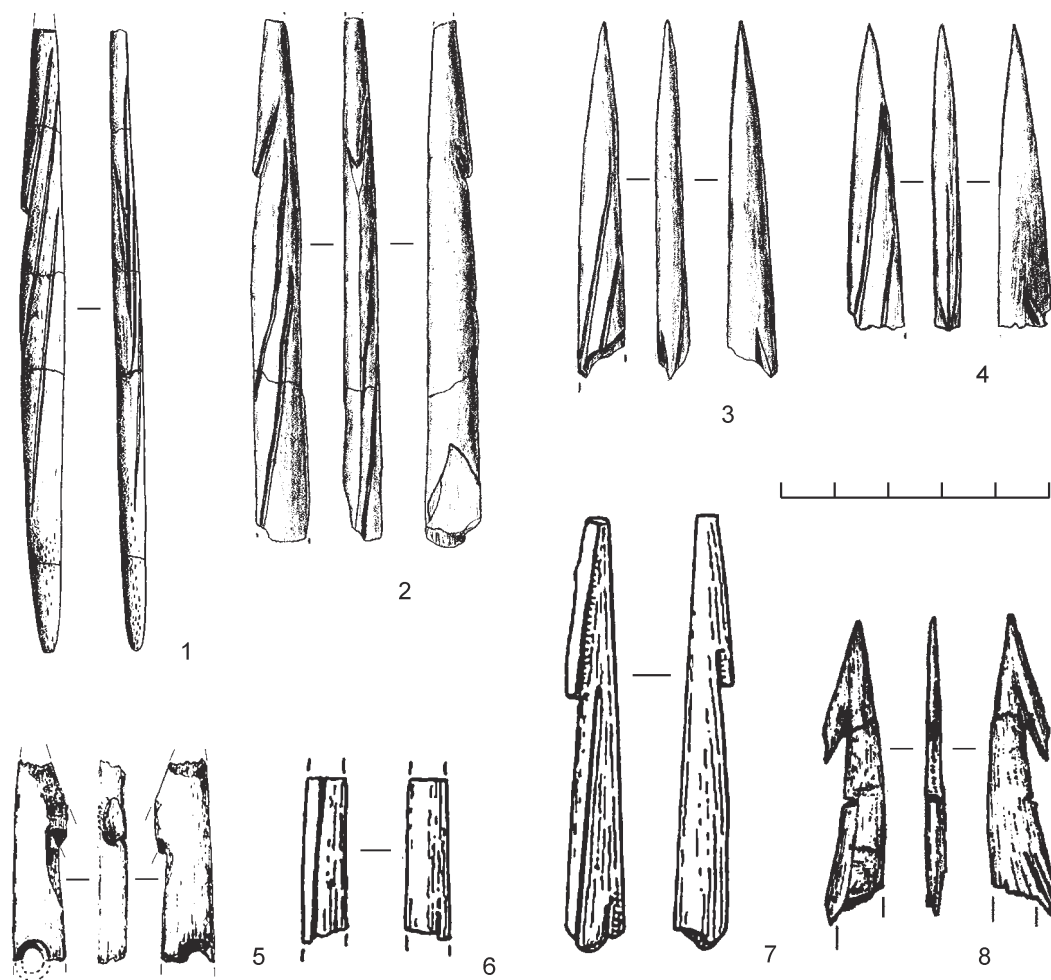
Рис. 3. Случайные находки гарпунов в долине Нижнего Дона: 1, 2 – гарпуны из окрестностей х. Пухляковский; 3 – поворотный гарпун из НМИДК (Новочеркасского музея истории донского казачества) (обстоятельства находки неизвестны); 4 – НМИДК (гарпун найден в 1889 г., юрт станицы Елизаветинская, в русле донской протоки Мертвый Донец)
1–3 – кость, 4 – рог (?)

Fig. 3. Stray finds of harpoons in the Lower Don valley: 1, 2 – harpoons from surroundings of farmstead of Pukhlyakovskiy; 3 – rotating harpoon from the Novocherkassk Museum of the Don Cossaks (circumstances of the find are unknown); 4 – Novocherkassk Museum of the Don Cossaks (harpoon found in 1889, estate of the *stanitsa* of Elizavetinskaya, the bed of the Don Mertvy Donets channel)
1–3 – bone, 4 – antler (?)

гарпуна двузубыми. Один многозубый двусторонний гарпун найден за пределами территории раздорских стоянок и поселений, в дельте Дона (рис. 3, 4).

Находки гарпунов финального неолита и энеолита на поселении Раздорское I имеют мало общего с изделиями раннего неолита долины Дона и Приазовья. На расположенном рядом поселении Ракушечный Яр костяных и роговых зубчатых острий не встречено вообще. Самая большая на юге Русской равнины серия наконечников острог (20 экз.) известна в материалах ранненеолитической стоянки Раздорская II, расположенной в 6 км ниже по течению Дона. Все острия изготовлены из костяных

стержней, в технике резьбы и подстругивания, завершающейся тщательной шлифовкой и полировкой. Прорезанные в косом направлении с двух сторон узкие винтообразные желобки являются не только элементом декора, но и отделяют единственный, слегка выступающий зубец (рис. 4, 1–4). Возможно, что такие острия использовались как элемент более сложного орудия, состоящего из нескольких разведенных в стороны или расположенных в ряд зубчатых наконечников (Цыбрий и др., 2016. С. 150). Типологически весьма близкие, но изготовленные из рога наконечники острог известны на ранне-неолитических Матвеево-Курганских поселениях

Рис. 4. Неолитические гарпуны и остроги на Нижнем Дону, в Северном Приазовье и в Подонцовье: 1–4 – стоянка Раздорская II, наконечники острог; 5 – привязной гарпун (Цыбрий, Кияшко, 2003. Рис. 2, 23); 6, 7 – Матвеев Курган I, II (Крижевская, 1992. Рис. 31, 1, 8); 8 – Туба V (Телиженко, Яниш, 2014. Рис. 1, 8)

1–5 – кость; 6–8 – рог

Fig. 4. Neolithic harpoons and fish-spears from the Lower Don, northern Azov Sea littoral and Donets River region: 1–4 – site of Razdorskaya-II, heads of fish-spears; 5 – roped harpoon (Цыбрий, Кияшко, 2003. Рис. 2, 23); 6, 7 – Matveyev Kurgan I, Matveyev Kurgan II; 8 – Tuba V

1–5 – bone; 6–8 – horn

(рис. 4, 6, 7), есть близкие формы в Поднепровье, в материалах сурской культуры (*Kotova, Tuboltsev, 2013. P. 50*). Кроме острог, на Раздорской II в одном экземпляре представлен обломок привязного гарпуна (рис. 4, 5). Ширина изделия – 1,2 см, длина сохранившейся части 4,0 см. Изготовлен он из массивной стенки трубчатой кости. Сколько было зубцов – неясно, но, судя по форме обломка, не больше двух, скорее всего один. На насаде сверленное биконическое отверстие диаметром 0,5 см. Типологически это изделие не имеет ничего общего с привязными поворотными гарпунами поселения Раздорское I. Таким образом, о какой бы то ни было преемственности в изготовлении орудий индивидуальной охоты на крупную рыбу применительно к этим памятникам говорить нельзя.

Значительно больше сходства с наконечниками из Раздорской I демонстрируют находки на Константиновском поселении эпохи ранней бронзы, где найдены два однорядных многозубых гарпуна (*Кияшко, 1994. С. 57*). Это довольно массивные изделия, изготовленные в одном случае из кости, в другом – из рога (рис. 5, 1, 2). На Нижнем Дону и в Подонцовье известны костяные гарпуны и в ранних подкурганых погребениях рубежа энеолита – бронзы. Так, в кургане у хутора Хапры, близ Ростова в основном погребении найдены два массивных однотипных однозубых костяных гарпуна (*Файферт, 2014. С. 62, 63*) (рис. 5, 3, 4). Один из них сохранил канавку-перехват для крепления линия, у второго нижняя часть по перехвату обломана. Два костяных отличающихся по количеству зубцов гарпуна присутствуют среди инвентаря в более позднем погребении ямной культуры, исследованном А. Н. Мелентьевым под Новочеркасском (рис. 5, 6, 7) (*Мелентьев, 1966. С. 96*). Оба изделия находились у плеча умершего. Два гарпуна изображены на «спине» в районе плечевого пояса антропоморфного изваяния из кургана у поселка Сватово Луганской области Украины (раскопки С. Н. Брагченко) (рис. 5, 5), что, очевидно, свидетельствует об определенной сакрализации этих предметов. Прослеженная парность изделий, возможно, соответствует древней

Рис. 5. Костяные и роговые гарпуны энеолита – бронзы на Нижнем Дону: 1, 2 – гарпуны из Константиновского поселения (*Кияшко, 1994. Рис. 37, 7*); 3, 4 – хутор Хапры, курган 1, погребение № 6, раскопки П. А. Ларенка и Е. И. Беспалого (*Ларенок, 1979*); 5 – антропоморфное изваяние из Сватово (*Черняков, 2005. Рис. 3, 7*); 6–7 – курган на территории Новочеркасской ГРЭС, погребение № 7/6 (*Мелентьев, 1966, рис. 41, 3, 4*)

5 – без масштаба

Fig. 5. Bone and antler harpoons of the Neolithic and Bronze Age from the Lower Don: 1, 2 – harpoons from the settlement of Konstantinovskoye; 3, 4 – farmstead of Khapry, kurgan no. 1, burial no. 6, excavations of P. A. Larenok and E. I. Besspalyu; 5 – anthropomorphic statue from Svatovo; 6–7 – kurgan in the area of Novochechassk power station, burial no. 7/6 5 – without scale

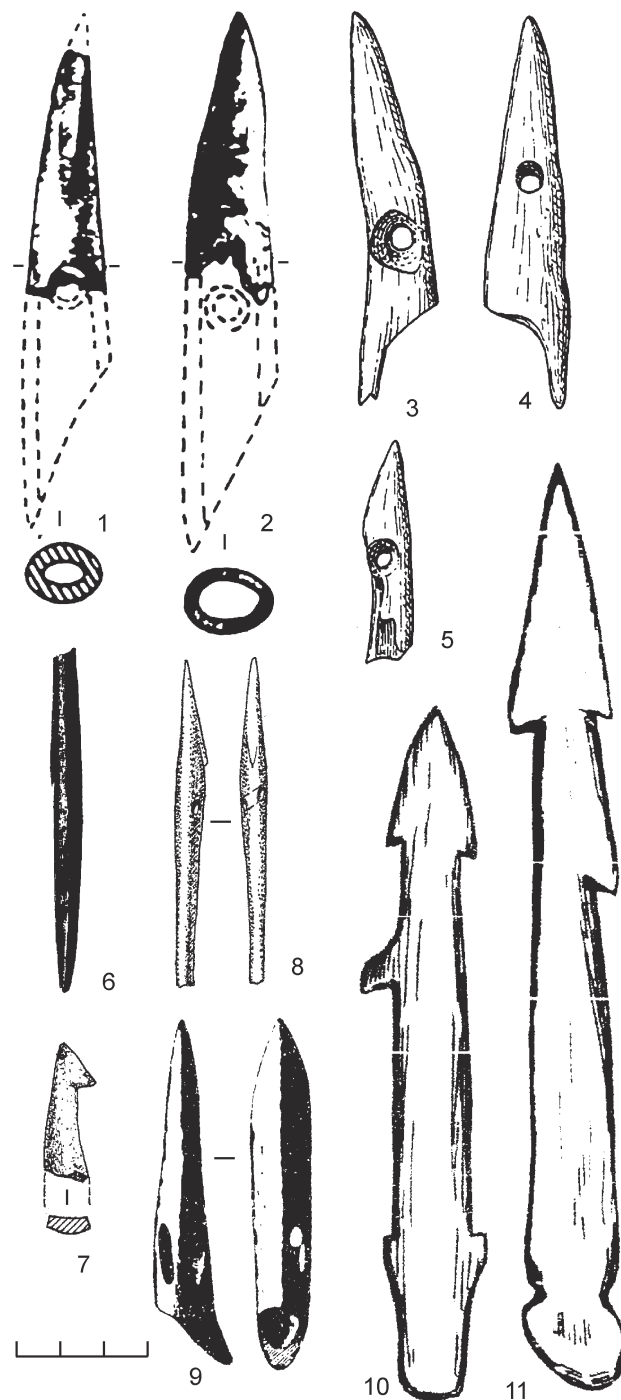
практике в использовании этих метательных орудий и их наличию в арсеналах первобытных промысловиков. В погребениях и на поселениях средней бронзы (катакомбная культура) на территории Нижнего Дона гарпуны пока не зафиксированы.

Таким образом, представляется, что крупные, с хорошо выделенными зубцами гарпуны характерны для энеолита – ранней бронзы, в более раннее время (Раздорская II, Матвеев Курган I, II) для индивидуальной добычи рыбы использовали преимущественно остроги с одним слабо выделенным зубцом.

Два найденных поворотных гарпуна пока не находят аналогий в материалах нижнедонских памятников, за исключением одной случайной находки, в целом похожей, но отличающейся тем, что зубец не выделен, а в его качестве выступает все основание, оформленное в виде заостренной лопаточки (рис. 3, 3). Тем не менее, круг возможных сопоставлений довольно широк как в территориальном, так и в хронологическом плане, что вызвано, видимо, близостью функций и простотой изготовления наконечников этого типа. Подобные изделия есть в неолитических слоях некоторых поселений Буго-Днестровской культуры (рис. 6, 1, 2) (Маркевич, 1974. С. 42), в энеолите Поднепровья (Стрильча Скеля, Волошское – рис. 6, 3–5) (Неприна, 1991. С. 110). Интересно, что современные северные народности до недавнего времени использовали подобные наконечники гарпунов, внешний облик которых практически не отличим

(рис. 6, 9) от изделий первобытных рыболовов (Богораз, 1991. С. 54, 55).

Обращает на себя внимание, что хотя в ряде случаев гарпуны и остроги образуют заметные серии, как на Раздорском I и Раздорской II, но в целом эта категория первобытного инвентаря представлена в степном поясе Восточной Европы относительно небольшим количеством вещей. Как

Рис. 6. Находки гарпунов и острог на стоянках степной зоны Восточной Европы. Этнографические примеры: 1, 2 – поселение Сороки I (Маркевич, 1974. Рис. 16, 2, 3); 3–5 – Волошское – Стрильча Скеля (Неприна, 1991. Рис. 1, 16–18); 6 – Кизлевый V (Kotova, Tuboltsev, 2013. Fig. 12, 2); 7, 8 – Игрень (Телегин, 2002. Рис. 40, 4, 9); 9 – гарпунный наконечник коряков и камчадалов. Поселение Лесное (Богораз, 1991); 10, 11 – Варфоломеевская стоянка (Юдин, 2004. Рис. 65, 5, 7)

1–11 – кость, рог

Fig. 6. Finds of harpoons and fish-spears from sites of the steppe zone of Eastern Europe. Ethnographic examples: 1, 2 – settlement of Soroki-I; 3–5 – Voloshskoye – Stril'cha Skelya; 6 – Kizlevyy-V; 7, 8 – Igren'; 9 – harpoon heads of the Koryaks and Kamchadals. Settlement of Lesnoye; 10, 11 – site of Varfolomeyevskaya

1–11 – bone, antler

правило, это единичные находки, есть территории, где они неизвестны вообще. Для Украины в сводке на 1991 г. В. И. Неприной упомянуто немногим более двух десятков зубчатых острий, причем учтены были и мезолитические памятники Крыма (Неприна, 1991. С. 109–115). Выше мы упоминали об остриях, связываемых с материалами сурской культуры (Кизлевый V) (рис. 6, б). Наконечник однозубой остроги и обломок гарпуна (рис. 6, 7, 8) найдены на мезолитической стоянке Игрень (Телегин, 2002. С. 73). В Украинском Подонцовье гарпун и остроги встречены на стоянке Туба V (Телиженко, Яниш, 2014. С. 127). В Предкавказье, в Волго-Донском междуречье, в Северном и Северо-Западном Прикаспии эти изделия не встречаются. Лишь в Заволжье на Варфоломеевской стоянке найдены два целых гарпуна (рис. 6, 10, 11) и один в обломках (Юдин, 2004. С. 87).

Вероятно, индивидуальная добыча рыбы с помощью острог и гарпунов не являлась приоритетным направлением в освоении речных ресурсов, уступая иным, скорее всего, коллективным (сетевое рыболовство, заколы и т. п.) видам промысла. Видимо, этим обстоятельством не в последнюю очередь обусловлено заметно более скромное место этой категории инвентаря у населения степного пояса в сравнении с материалами лесной зоны Северной Евразии, где начиная с мезолита острия острог и гарпуны представлены в большом количестве и весьма разнообразны типологически.

Белановская, 1995 – Белановская Т. Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб., 1995.

Богораз, 1991 – Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.

Жилин, 2001 – Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Загорская, 1978 – Загорская И. А. Костяные и роговые острия и гарпуны каменного века из Восточной Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978.

Кияшко, 1994 – Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.

Кияшко, 1998 – Кияшко В. Я. Работы на поселении Раздорское I в 1995–1996 гг. // Историко-археологические

исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15.

Кияшко и др., 2000 – Кияшко В. Я., Цыбрий В. В., Цыбрий А. В. Раннеолитические материалы стоянки Усть-Быстрая на Северском Донце // Археологические записки. Ростов н/Д, 2000. Вып. 1.

Крижевская, 1992 – Крижевская Л. Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб., 1992.

Маркевич, 1974 – Маркевич В. И. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.

Мелентьев, 1966 – Мелентьев А. Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. М., 1966. Вып. 106: Археологические памятники эпохи неолита и бронзы.

Неприна, 1991 – Неприна В. И. Рыболовство в мезолите – энеолите Украины // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.

Телиженко, Яниш, 2014 – Телиженко С. А., Яниш Е. Ю. Финальный мезолит – ранний неолит среднего течения бассейна Северского Донца. Памятники, специфика хозяйственной деятельности // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014.

Файферт, 2014 – Файферт А. В. (сост.). Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов н/Д, 2014.

Цыбрий, 2008 – Цыбрий В. В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д, 2008.

Цыбрий, Кияшко, 2003 – Цыбрий В. В., Кияшко В. Я. Изделия из кости стоянки Раздорская II на Нижнем Дону // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.

Цыбрий и др., 2016 – Цыбрий А. В., Цыбрий В. В., Горелик А. Ф. «Затянувшаяся путина»: неолитическое рыболовство и собирательство на Нижнем Дону (по материалам исследований поселения Раздорская II) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2016. № 2: Европа на пороге IV тысячелетия: Время трансформаций.

Юдин, 2004 – Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка. Саратов, 2004.

Телегин, 2002 – Телегин Д. Я. Игреньське поселення на Подніпров'ї та проблема житлобудування в мезоліті Східної Європи. Луганск, 2002.

Черняков, 2005 – Черняков И. Т. Стела бронзової доби з Верхоріччя // Археологія. Київ, 2005. № 1.

Kotova, Tuboltsev, 2013 – Kotova N., Tuboltsev O. The neolithic site Kizlevy 5 in the Dnieper rapids region (Ukraine) // Atti Soc. Preist. Protost. Friuli-V.G., Trieste, XVIII, 2010–2011 (2013).

Bone and horn harpoons from the settlement-site of Razdorskoye-I

A.V. Tsybriy, V. V. Tsybriy, V. Ya. Kiyashko

In 2015, during excavation of the stratified settlement-site of Razdorskoye-I on the Lower Don, a bone point of a rotating harpoon was uncovered in the layer of the Mariupol period (Fig. 1, 3). Harpoons and fish-spears are found among the finds of the Neolithic and Eneolithic periods in this region considerably rarer than evidences of net fishing, e.g. stone sinkers or anchors. Previously at the settlement-site of Razdorskoye-I, three harpoon heads were found in the Neolithic and Eneolithic layers and a number of distinctive finds come from searches on the shore. Among the stray finds, of note is a fragment of an indented point stuck in a cervical vertebra of a horse (Fig. 2). This example clearly demonstrates the penetrating ability

of tools of this type. Finds from the settlement of Konstantinovskoye, along with materials from a number of kurgan burials, (Fig. 5), demonstrate that although massive bone harpoons were used in the Eneolithic and Early Bronze Age on the Lower Don they rather were not widely employed. Finds from Neolithic sites (Razdorskoye-II, Matveyev Kurgan I and II) include indented points (Fig. 4), but these are so typologically peculiar that we cannot so far talk about continuity in the evolution of these tools. Undoubtedly, individual methods of catching fish were not priority for the primeval population in the Don valley and the net catching for a long time remained the leading branch of fishery.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЫ ТАДЖИКИСТАНА

Ю. Г. Кутимов¹

Аннотация. В статье представлены результаты полевых разведочных работ Таджикистанской экспедиции ИИМК РАН в 2014 г., в ходе которых были выявлены новые археологические материалы эпохи бронзы в западной части Гиссарской долины Таджикистана. Археологические и картографические исследования проведены в окрестностях могильника позднего бронзового века Тандырыул. Здесь впервые найдены материалы культуры лепной расписной керамики (Яз I), свидетельствующие о контактах ее носителей с племенами вахшской культуры. Обнаружены новые материалы бронзового века – керамика вахшского типа и каменные изделия.

Annotation. This paper presents the results of field surveys of the Tajikistan Expedition carried out in 2014 by the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS. These works succeeded in discovery of new archaeological evidence of the Bronze Age in the western part of the Hissar Valley in Tajikistan. Archaeological and cartographical researches were conducted in the surroundings of the Bronze Age cemetery of Tandyryul where artefacts of the culture of painted handmade pottery were first discovered (Yaz-I). These materials suggest the contacts of the bearers of that culture with tribes of the Vakhsh archaeological culture. In addition, new sites with archaeological materials of the Bronze Age were found, mainly pottery of the Vaksh type and stone artefacts.

Ключевые слова: Таджикистан, Гиссарская долина, эпоха бронзы, сапаллинская культура, вахшская культура, культура лепной расписной керамики.

Keywords: Tajikistan, Hissar Valley, Bronze Age, Sapalli Culture, Vakhsh Culture, culture of painted handmade pottery.

Гиссарская долина является одной из наиболее значительных по площади (более 1200 кв. км) межгорных впадин Гиссаро-Алайской горной системы Средней Азии. Благоприятные климатические условия и изобилие водных источников способствовали активному освоению Гиссарской долины различными племенами земледельцев и скотоводов начиная с эпохи бронзы. В настоящее время в западной части Гиссарской долины, в пределах Гиссарского, Шахринавского и Турсунзадевского районов Республики Таджикистан, известно более 200 памятников археологии, большая часть из которых относится к различным периодам средневековья (Атаханов, 2015). Археологических комплексов бронзового века на данной территории известно немного. Это могильники Кумсай и Тандырыул, отдельные захоронения в могильнике

Тупхона, а также единичные случайные находки металлических изделий (Виноградова, 2004. С. 13–24; Атаханов, 2015. С. 28–30).

В 2014 г. Таджикистанская экспедиция ИИМК РАН² проводила археологические разведки на территории Республики Таджикистан³. Основной задачей был поиск новых археологических материалов эпохи бронзы в западной части Гиссарской долины, на территории бассейнов рек Сурхандарья, Каратаг и Ширкент, в пределах административных границ Турсунзадевского и Шахринавского районов Республики Таджикистан. Общая площадь, охваченная разведками, составила около 300 кв. км.

² Состав экспедиции: начальник экспедиции – Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН), полевой архитектор – М. Н. Никитина (ИИМК РАН), лаборант – Г. Бурхонов (ИИАЭ АН РТ).

³ Финансирование проекта осуществлялось РГНФ (грант № 14-01-18018). Работы велись при организационной поддержке со стороны Института истории, археологии и этнографии АН им. А. Дониш и Министерства культуры Республики Таджикистан.

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Полевые исследования включали выезд по составленному маршруту, сбор материалов у местного населения, визуальное обследование местности, сбор находок и их картографирование с помощью системы GPS, а также разведочные раскопки небольшими площадями. В ходе разведок были выявлены несколько местонахождений археологических материалов эпохи бронзы (рис. 1).

Памятник обнаружен в 1974 г. и раскапывался в 1974, 1975 и 1977 гг. силами Южно-Таджикской археологической экспедиции под руководством Е. В. Антоновой и Н. М. Виноградовой (Институт востоковедения АН СССР) при участии Л. Т. Пьянковой (Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикистана) (Антонова, Виноградова, 1979. С. 93–109; Виноградова, 1980. С. 63–74; Виногра-

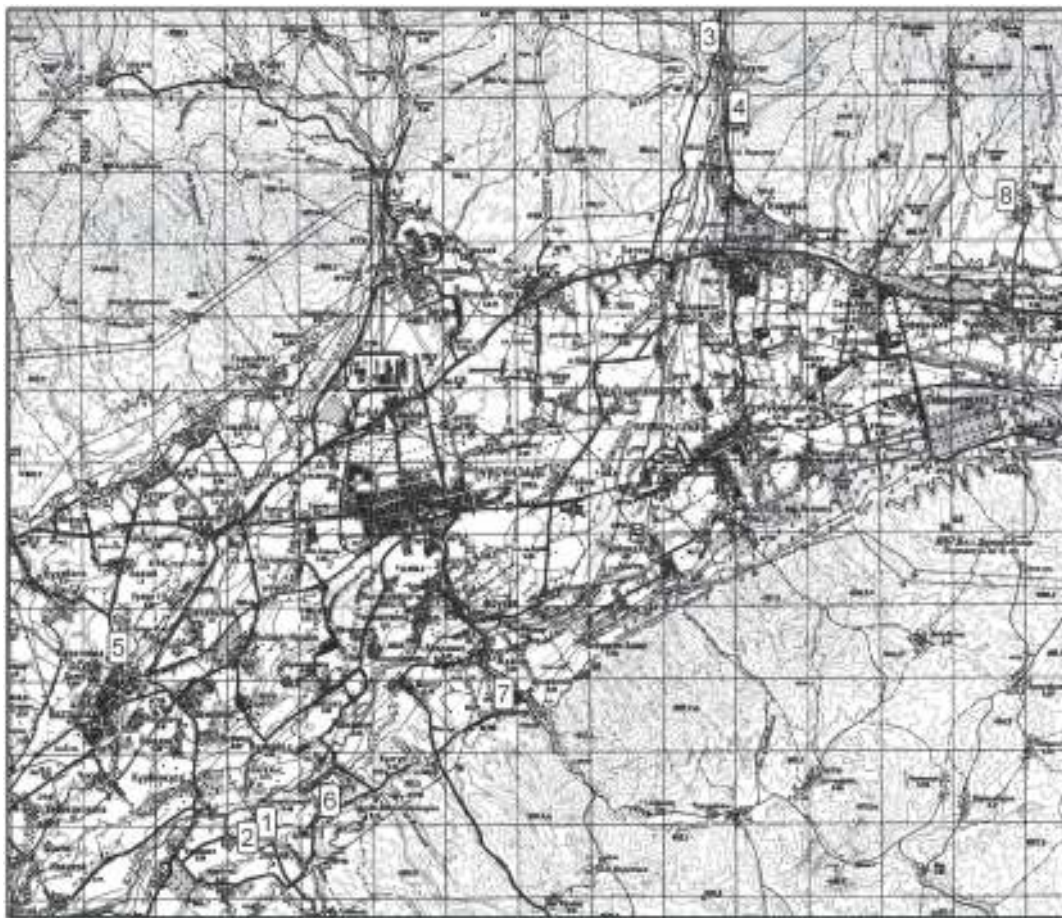

Рис. 1. Археологические материалы эпохи бронзы в западной части Гиссарской долины, выявленные в 2014 г.

Fig. 1. Archaeological materials of the Bronze Age revealed in the western part of the Hissar Valley in 2014

Археологические разведки в окрестностях Тандырйула. Одним из основных памятников, на котором были проведены археологические исследования, включая разведочные раскопки, является могильник Тандырйул. Он расположен в окрестностях кишлака Лахути джамоата «10-солигии Истиклолият» Турсунзадевского района⁴.

⁴ Координаты объекта: GPS N 38°25'43,2"; E 68°11'12,8" (№ 1 на карте).

дова, Пьянкова, 1983. С. 56–68; Виноградова, 1991. С. 68–88).

Могильник Тандырйул занимает обширное поле (1000 м – с востока на запад и примерно 600–700 м – с севера на юг), на котором с ранней весны до поздней осени выращивают различные сельскохозяйственные культуры (хлопок, пшеница, горох). С северной стороны к полю примыкает кишлак Лахути. По середине поля находится овраг

Тандырйул – естественная промоина (длина около 300 м, ширина 5–30 м, глубина до 8 м), образованная в результате сходов водных селевых потоков и эрозии мягких лессовых почв. Овраг Тандырйул тянется с севера на юг и делит поле на две примерно одинаковые по площади части – восточную и западную. Восточная часть поля у местных жителей называется Замина шахид, западная часть – Зар-Камар.

Материал, обнаруженный здесь при раскопках в 1970-е гг., типичен для молалинского этапа древнеземледельческой сапаллинской культуры, основной ареал которой находился в нижней и средней частях долины Сурхандарьи, примерно в 100–150 км к ЮЗ от Тандырйула. В середине II тыс. до н. э. сапаллинские племена активно осваивали глубинные районы современного Таджикистана, переселяясь на значительные расстояния по горным долинам и основывая оседло-земледельческие поселения. В настоящее время, кроме Тандырйула, в Таджикистане известно несколько памятников оседло-земледельческой культуры позднего бронзового века: поселение и могильник Кангургут, поселения Тегузак, Дахана и Сары-Джар, а также Нурекские могильники. Находясь на западе Гиссарской долины, в верховьях Сурхандарьи, Тандырйул является самым западным памятником на территории Таджикистана и, вероятно, одним из первых мест обитания древнеземледельческих племен сапаллинской культуры, которые осваивали новые земли к востоку в ходе миграций из основной территории обитания.

В течение трех полевых сезонов 1974, 1975 и 1977 гг. в Тандырйуле были исследованы 34 погребения позднего бронзового века. В дальнейшем раскопки памятника были прекращены. Раскопки 1970-х гг. показали, что Тандырйул представляет собой значительный по площади и составляющим его частям археологический комплекс. Изначально он включал в себя не только захоронения, но и древнеземледельческое поселение (тепа), размерами около 250 × 150 м и высотой около 2 м, полностью уничтоженное во второй половине 1960-х гг. распашкой.

Планиграфия памятника сложная и не совсем понятная. Погребения расположены тремя группами в разных местах огромного поля, на значи-

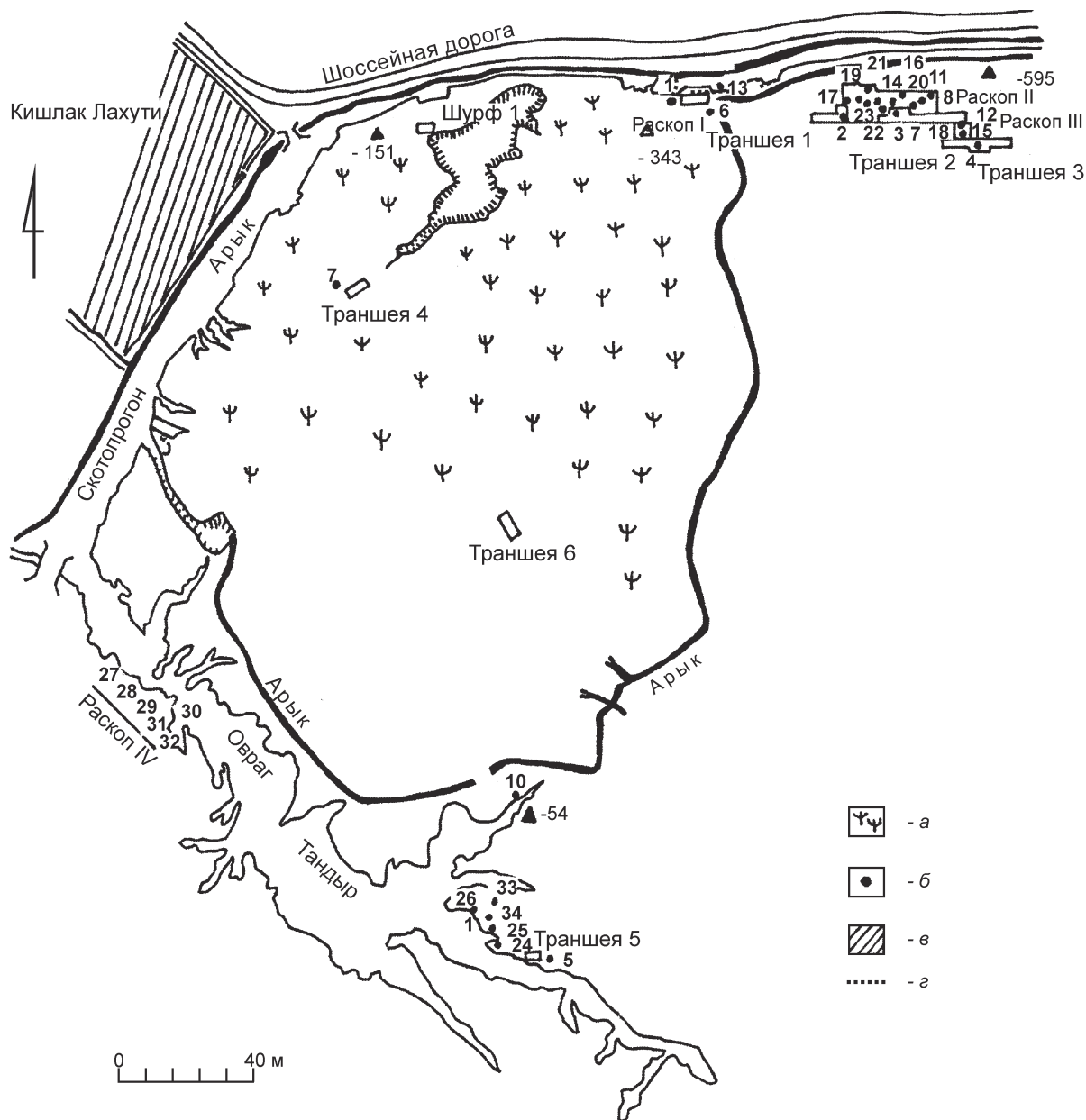
тельном расстоянии друг от друга. Остается неясным, являются ли они составными частями единого погребального комплекса или представляют собой разные группы захоронений. В первом случае можно предполагать наличие большого по площади древнеземледельческого могильника, точные границы которого не выявлены. Во втором случае можно допустить, что захоронения совершались небольшими группами в разных местах поля вокруг поселения. Однако это не характерно для древнеземледельческих племен, которые обычно для погребения умерших устраивали один общий могильник рядом с поселением или совершали захоронения в пределах поселения.

Весной 2014 г. Таджикистанская экспедиция ИИМК РАН провела полевые исследования в окрестностях Тандырйула. Работы включали разведочные раскопки небольшими площадями, а также сбор случайных находок и их картографирование. Определить точное местоположение раскопов 1970-х гг. в настоящее время затруднительно. Проверка с помощью современных спутниковых картографических средств показала, что глазомерный план Тандырйула (рис. 2), выполненный при раскопках 1970-х гг., содержит существенные расхождения по расстоянию (до 60 м). Рельеф местности также значительно изменился, в частности, контуры оврага существенно расширились из-за естественной эрозии почв.

В 2014 г. в окрестностях Тандырйула были заложены три разведочных раскопа (PP1, PP2 и PP3) с разных сторон поля (рис. 3).

Разведочный раскоп 1 (PP 1) был заложен на северной границе поля, рядом с асфальтовой дорогой, ориентировочно между раскопами 1 и 2 1970-х гг.⁵ Размеры раскопа 5 × 2 м, площадь 10 кв. м, глубина до 1,3 м (рис. 4, 1). В ходе раскопок было выяснено, что здесь на стратиграфию повлияли сельскохозяйственные работы (рис. 4, 2). Ранее данная часть поля представляла собой покрытый мелкими оврагами участок земли. В 1970-е гг. в результате естественного осыпания краев оврагов и их выветривания местные жители обнаружили человеческие кости и керамические сосуды из осыпавшихся могил, что послужило причиной для археологического исследования

⁵ Координаты раскопа: GPS N 38°25'43,1"; E 68°11'09,7".

Рис. 2. Могильник Тандырыул. Глазомерный план 1970-х гг. (Виноградова, 2004. С. 126, рис. 3).

Условные обозначения: а – поле, засеянное хлопчатником; б – шурфы; в – дома кишлака; з – зачистки по краю террасы

Fig. 2. Cemetery of Tandyryul. Plan taken in 1970s by visual measurement.

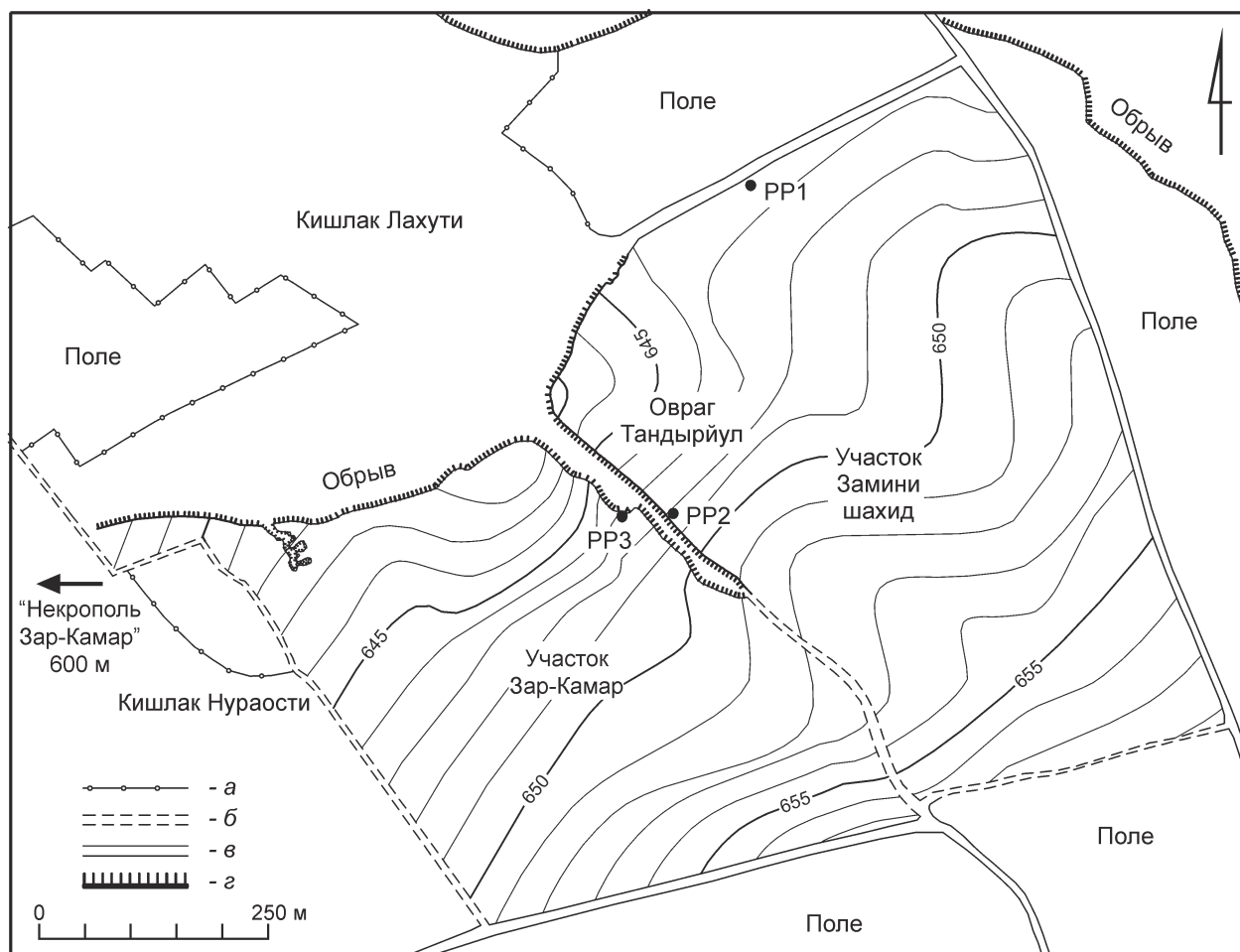
Notation: a – field planted with cotton; б – test pits; в – houses of the kishlak; з – areas cleared along the edge of the terrace

Тандырыула. В первой половине 1990-х гг. данный участок поля был выровнен под хлопчатник, овраги засыпаны грунтом, который бульдозерами двигали из центра поля к краям, снимая верхние слои земли и заполняя неровности поля. Погребений в раскопе обнаружено не было. В границах раскопа на различных глубинах найдены несколько небольших фрагментов керамики молалинского типа позднего

бронзового века, попавших сюда в процессе сельскохозяйственных работ.

Разведочный раскоп 2 (PP 2) был заложен на восточном краю оврага Тандырыул⁶. Размеры раскопа 4 × 5 × 5 × 5 м, площадь 22 кв. м (рис. 4, 3). Здесь находилась естественная впадина, выров-

⁶ Координаты раскопа: GPS N 38°25'31,4"; E 68°11'06,5".

Рис. 3. План-схема окрестностей кишлака Тандырыул

Условные обозначения: *a* – местоположение «могильника Закармар»; *b* – границы жилой зоны; *v* – дорога полевая; *z* – дорога с асфальтовым покрытием; *d* – обрыв; PP – разведочный раскоп (на основе спутникового снимка 2014 г.)

Fig. 3. Schematic plan of the surroundings of the Kishlak of Tandyryul

Notation: *a* – location of the ‘cemetery of Zakarmar’; *b* – borders of the dwelling zone; *v* – field road; *z* – road paved with asphalt; *d* – precipice; PP – test excavation (after a satellite photo of 2014)

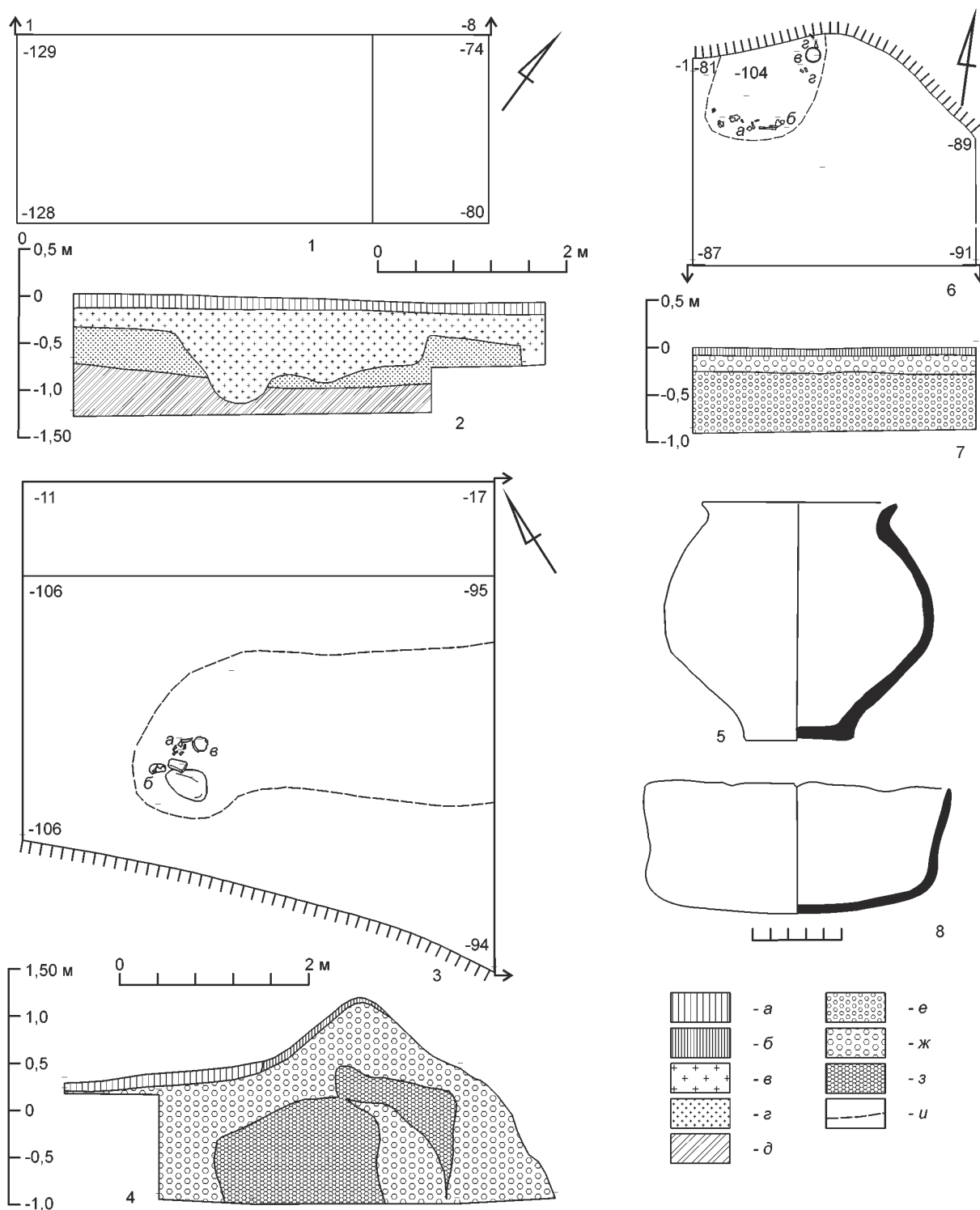
ненная под посадку сельскохозяйственных культур. В границах раскопа обнаружена древняя промоина, в которой зафиксировано разрушенное погребение позднего бронзового века (рис. 4, 4). На площади примерно 1 кв. м на разной глубине (от +0,15 до -0,7 м) обнаружены плохо сохранившиеся переложённые кости человека (включая кости черепа), большой камень, вероятно от заклада входной ямы погребения, а также горшок молалинского типа. Это гончарный сосуд с отогнутым наружу венчиком и шарообразным туловом, сужающимся в придонной части, дно плоское. Цвет светло-коричневый, внешняя поверхность имеет следы лощения, обжиг качественный, в тесте незначительная

примесь дресвы. Размеры: высота – 13,6 см, диаметр венчика – 11,1 см, диаметр тулова – 15,2 см, диаметр дна – 6,1 см (рис. 4, 5).

Разведочный раскоп 3 (PP 3) был заложен на западном краю оврага Тандырыул⁷. Размер раскопа 3 × 2 м, площадь 6 кв. м (рис. 4, 6–8). На глубине от 0,7 до 1 м от дневной поверхности обнаружено разрушенное погребение, в котором находились сильно фрагментированные, плохо сохранившиеся кости человека. К северу от костей стоял керамический сосуд-корчага, рядом с которым лежали мелкие кости животного (лопатка овцы). Сосуд простой

⁷ Координаты раскопа: GPS N 38°25'31,4"; E 68°11'04,2".

Рис. 4. Тандырыул-2014. Разведочные раскопы, планы, разрезы, инвентарь: 1, 2 – PP1; 3–5 – PP2 (а – фрагменты костей; б – череп; в – сосуд); 6–8 – PP3 (а – фрагменты костей человека; б – череп; в – сосуд; з – кости животных).

Условные обозначения: а – пашня; б – дерн; в – светло-коричневый переотложенный лесс; г – коричневый лесс; д – темно-коричневый лесс с гумусом; е – лесс; ж – лесс с журавчиками; з – промоина; и – границы промоины в плане

Fig. 4. Tandyryul-2014. Test excavations (PP), plans, sections, artefacts: 1, 2 – PP1; 3–5 – PP2 (а – bone fragments; б – skull; в – pot); 6–8 – PP3 (а – fragments of human bones; б – skull; в – pot; з – animal bones).

Notations: а – ploughed field; б – topsoil; в – light brown redeposited loess; г – brown loess; д – dark brown loess with humus; е – loess; ж – loess with loess dolls; з – wash-out; и – borders the wash-out on the plan

выделки, лепной, чашеобразной формы, венчик и стенки тулова прямые, в придонной части небольшое ребро, дно уплощенное. Верхняя часть частично утрачена. Цвет светло-коричневый, обжиг среднего качества, в разломе черепок двухцветный, внутренняя поверхность сероватого цвета, в тесте значительная примесь крупной дресвы. Размеры: высота – 7,6 см, диаметр венчика – 17,3 см, диаметр тулова по ребру – 16,3 см, диаметр дна – 14,6 см (рис. 4, 8). Судя по сосуду, данное погребение относится к вахшской культуре позднего бронзового века.

В окрестностях Тандырйула была собрана интересная керамическая коллекция в виде случайных находок, некоторые сосуды найдены непосредственно возле оврага Тандырйул, остальные –

в другом овраге, в 320 м к западу от Тандырйула, в северо-западном углу поля Зар-Камар. Всего найдено восемь керамических сосудов, один из них древнеземледельческого типа, остальные относятся к вахшской культуре (рис. 5; 6, 14).

Сосуд древнеземледельческого типа – гончарный, с широкими плечиками и широким шаровидным туловом с подкосом в нижней части, дно плоское. Верхняя часть сосуда отсутствует. Цвет коричневый, внешняя поверхность имеет пятна от обжига светло-коричневого цвета, а также следы затирания, обжиг качественный, в тесте незначительная примесь дресвы. Размеры: высота – 18 см, диаметр плечиков – 24,5 см, диаметр дна – 7,7 см (рис. 5, 6). В керамическом комплексе Тандырйула из раскопок 1970-х гг. сосуды такого

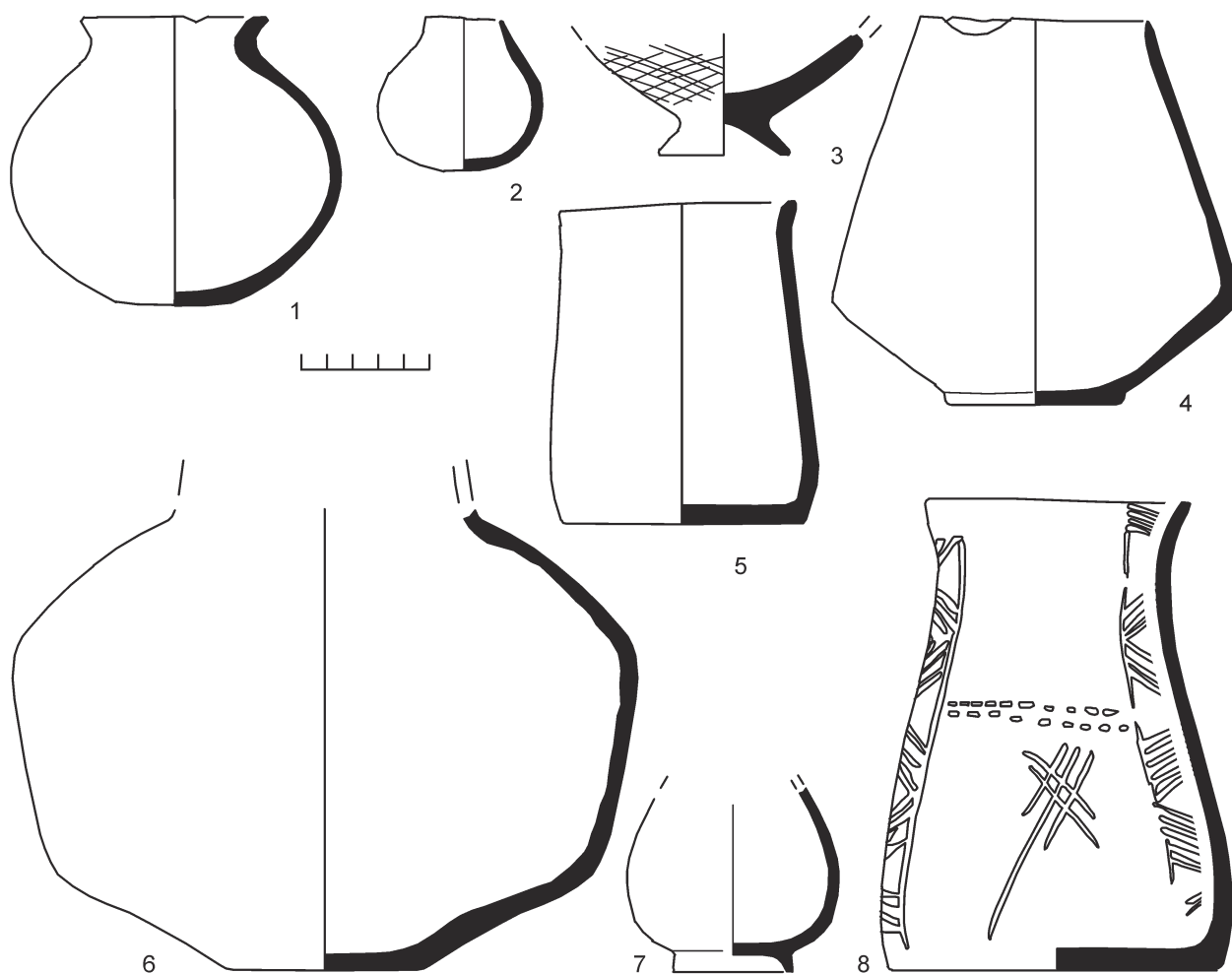

Рис. 5. Тандырйул-2014. Керамика. Случайные находки

Fig. 5. Tandyryul-2014. Pottery. Stray finds

типа (с подкосом в нижней части) отсутствуют, однако они известны в керамике другого древнеземледельческого памятника – в погребениях 31 и 59 могильника Кангуртут (*Виноградова, 2004. С. 154, 156*).

Случайные находки вахшской керамики представлены следующими типами:

1. Сосуд цилиндрической формы, лепной, верхняя часть подправлена на круге, венчик слегка отогнут наружу, придонная часть имеет небольшое расширение, дно плоское. Цвет светло-коричневый, обжиг качественный, в тесте присутствует примесь дресвы и песка. Размеры: высота – 12,6 см, диаметр венчика – 9,3 см, диаметр дна – 9,3 см (рис. 5, 5);

2. Сосуд биконической формы, лепной, венчик прямой, в нижней части тулова имеется ребро, плоскодонный, дно сформовано в виде небольшого поддона. Цвет светло-коричневый, внешняя поверхность имеет пятна от ангоба темно-коричневого цвета, а также следы лощения, обжиг качественный, в тесте вкрапления крупной известняковой дресвы. Размеры: высота – 15,1 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова по ребру – 15,9 см, высота поддона – 0,5 см, диаметр дна – 6,9 см (рис. 5, 4);

3. Сосуд цилиндрической формы, лепной, венчик отогнут наружу, от плечиков к придонной части тулова имеется расширение, дно плоское. Цвет светло-коричневый, обжиг качественный, в тесте присутствует примесь дресвы и песка. По внешней поверхности сосуда, от венчика до дна, красной краской нарисована орнаментальная композиция: один ряд из трех, нанесенных сплошными линиями, составных треугольников, расположенных вертикально и обращенных вершинами влево; в средней части тулова – две пунктирные горизонтальные линии, под которыми расположены пять сплошных линий в виде перекрестья; еще один вертикальный ряд из трех треугольников, обращенных вершинами вправо; несколько линий в средней и нижней части тулова, образующих елочный орнамент; и один ряд вертикально расположенных, сдвоенных основаниями треугольников, два их которых нанесены сплошными линиями и обращены вершинами вправо, а два треугольника нанесены пунктирными линиями и обращены вершинами влево. Орнамент сохранился частично и прочитывается не полностью. Размеры: высота – 18,7 см, диаметр венчи-

ка – 11 см, диаметр по плечикам – 10 см, диаметр дна – 12,8 см (рис. 5, 8; 6, 14);

4. Сосуд шарообразной формы, лепной, венчик отогнут наружу, дно слегка уплощенное. Цвет светло-коричневый, внешняя поверхность имеет следы затирания, обжиг качественный, в тесте незначительная примесь дресвы. Размеры: высота – 11,3 см, диаметр венчика – 7,3 см, диаметр тулова – 13 см, диаметр дна – 4,5 см (рис. 5, 1);

5. Сосуд яйцевидной формы, лепной, на поддоне, верхняя часть отсутствует. Цвет оранжевый, обжиг качественный, тесто без примесей. Размеры: высота – 7,2 см, диаметр венчика – 6 см, диаметр тулова – 8,3 см, высота поддона – 0,8 см, диаметр поддона – 4,7 см (рис. 5, 7);

6. Миниатюрный сосуд, лепной, круглодонный, венчик прямой, верхняя часть узкая и конусовидная, дно имеет небольшое уплощение. Цвет светло-коричневый, внешняя и внутренняя поверхности покрыты ангобом бежевого цвета, обжиг качественный, в тесте незначительная примесь дресвы. Размеры: высота – 6 см, диаметр венчика – 3 см, диаметр тулова – 6,5 см (рис. 5, 2);

7. Фрагмент нижней части сосуда, вероятно, яйцевидной формы, лепной, на поддоне. Цвет светло-коричневый, на внешней поверхности остатки елочного орнамента, выполненного способом лощения, обжиг качественный, тесто без примесей. Сохранившиеся размеры: диаметр поддона – 5,2 см, высота поддона – 1,4 см (рис. 5, 3).

Все описанные сосуды типичны для вахшской керамической традиции. Сосуды аналогичных форм (цилиндрические, биконические, круглодонные, яйцевидные на поддоне) широко представлены на различных памятниках вахшской культуры позднего бронзового века в Южном Таджикистане (*Luneau et al., 2011. P. 283–312*).

Наибольший интерес в коллекции вахшской керамики из окрестностей Тандырйула представляет описанный выше сосуд с узором в виде составных треугольников и елочными мотивами, выполненными росписью красной краской (рис. 5, 8; 6, 14). В настоящее время это единственная находка такого рода в Таджикистане.

Известно два вида декорирования вахшской керамики. Первым из них и, вероятно, хронологически более ранним является выполненный лоще-

нием «елочный орнамент». В частности, большое количество сосудов с «елочным орнаментом» были найдены в вахшских захоронениях погребальных комплексов Гелота и Дарнайчи (Виноградова, Кутимов, 2014. С. 361). Несколько вахшских сосудов с «елочным орнаментом» известны в комплексе могильника Кангуртут (Виноградова, 2004. С. 98). Второй способ орнаментации – «прочерченный орнамент», состоящий из различных прямых, зигзагообразных или волнистых линий, выполненных прочерчиванием палочкой или гребнем. Такой способ декора на сосудах вахшской культуры встречается практически повсеместно – он известен на керамике из могильников Ранний Тулхар, Тигровая Балка, Маконимор, Обкух и др. (Luneau et al., 2011. P. 297–300).

Орнаментация на описанном выше вахшском сосуде из Тандырйула (рис. 5, 8; 6, 14) представляет собой элементы декора и способы его нанесения, доселе неизвестные в вахшской керамике.

Обращает на себя внимание совершенно нехарактерная для керамики вахшской культуры роспись красной краской. Данный способ орнаментации появляется в финале бронзового века и связан с распространением в Средней Азии «общности культур лепной расписной керамики», куда входят археологические комплексы типа Яз I – в Южном Туркменистане, Кучук, Чуст и Бургулюк – в Узбекистане, а также Тилля-тепе – в Северном Афганистане. В Таджикистане археологические комплексы этой культурной общности носят название «культура Яз I», или «язовская культура» (по аналогии с комплексами Южного Туркменистана). Ближайший центр массового обитания населения «общности лепной расписной керамики» находился в среднем и нижнем течении Сурхандарьи и прилегающих к ней речных бассейнов (Шерабаддарьи и др.) на юге Узбекистана, где они носят название «культура Кучук» (Шайдуллаев, 2000. С. 9–17).

На территории Таджикистана археологические комплексы типа Яз I немногочисленны. Одно из поселений Карим-Берды расположено в бассейне р. Кызылсу на юге Таджикистана, отдельные многочисленные находки язовской керамики были найдены на древнеземледельческих поселениях Кангуртут и Тегузак (Виноградова, 2004. С. 106).

В последние годы на юге Таджикистана в бассейне р. Яхсу обнаружены поселение Сарыджар и стоянка Кудук с керамикой типа Яз (Тойфер, 2014. С. 137–142).

Характерным признаком «общности культур лепной расписной керамики» является лепная, хорошо изготовленная посуда, украшенная расписным орнаментом в виде различных геометрических фигур (треугольников, ромбов и пр., заштрихованных елочкой или кривой сеткой), выполненных красно-коричневой краской по светлomu фону или черной краской по красному фону.

Проблема формирования данной культурной общности до настоящего времени остается дискуссионной. Исследователи предлагали различные гипотезы ее происхождения: миграционная, где в качестве предполагаемой исходной территории мог быть Северо-Восточный Иран (Сарианиди, 1973. С. 22), а также автохтонная, согласно которой имела место постепенная трансформация древнеземледельческой культуры типа Намазга VI путем слияния местного населения с пришлыми степными племенами андроновского типа. Идея о приходе кочевых племен и, как следствие, резкой смене древнеземледельческой культуры на юге Средней Азии была предложена в начале XX в. американским ученым Р. Пампелли после раскопок древнеземледельческого поселения Анау на юге Туркмении (Pampelly, 1908. P. 49). В середине XX в. гипотезу о влиянии степных племен на местную земледельческую культуру развивал В. М. Массон (Массон, 1959. С. 121; 1966. С. 189). Вслед за ним С. П. Толстов и М. А. Итина отмечали, что культура Яз I может являться новой ступенью развития степных племен, пришедших с севера и смешавшихся с местными земледельцами (Толстов, Итина, 1960. С. 31–32). О возможном участии степных племен в сложении комплексов типа Яз I также высказывались А. А. Аскарлов, М. А. Итина, Н. М. Виноградова, В. А. Алёкшин (Аскарлов, 1979. С. 36–37; Итина, 1986. С. 135; Виноградова, 1987. С. 87–88; Алёкшин, 1989. С. 156). По мнению Ю. А. Заднепровского, формирование в Средней Азии культур типа Яз I происходило либо на основе синтеза земледельческих культур со степными племенами, либо в результате трансформации культур степных племен под воздействием

земледельческого населения (*Заднепровский*, 1997. С. 99). Е. Е. Кузьмина, подчеркивая, что в керамике типа Яз I сохраняются некоторые черты, типичные для степной керамики, высказывала точку зрения о существенной роли степных племен в сложении культуры лепной расписной керамики (*Кузьмина*, 1964. С. 155). По ее мнению формирование комплексов Яз I происходило в результате перехода кочевников к оседлому образу жизни и восприятию ими местной культуры, следствием чего стал синтез двух этнических групп и сложение новой культуры (*Кузьмина*, 2008. С. 321).

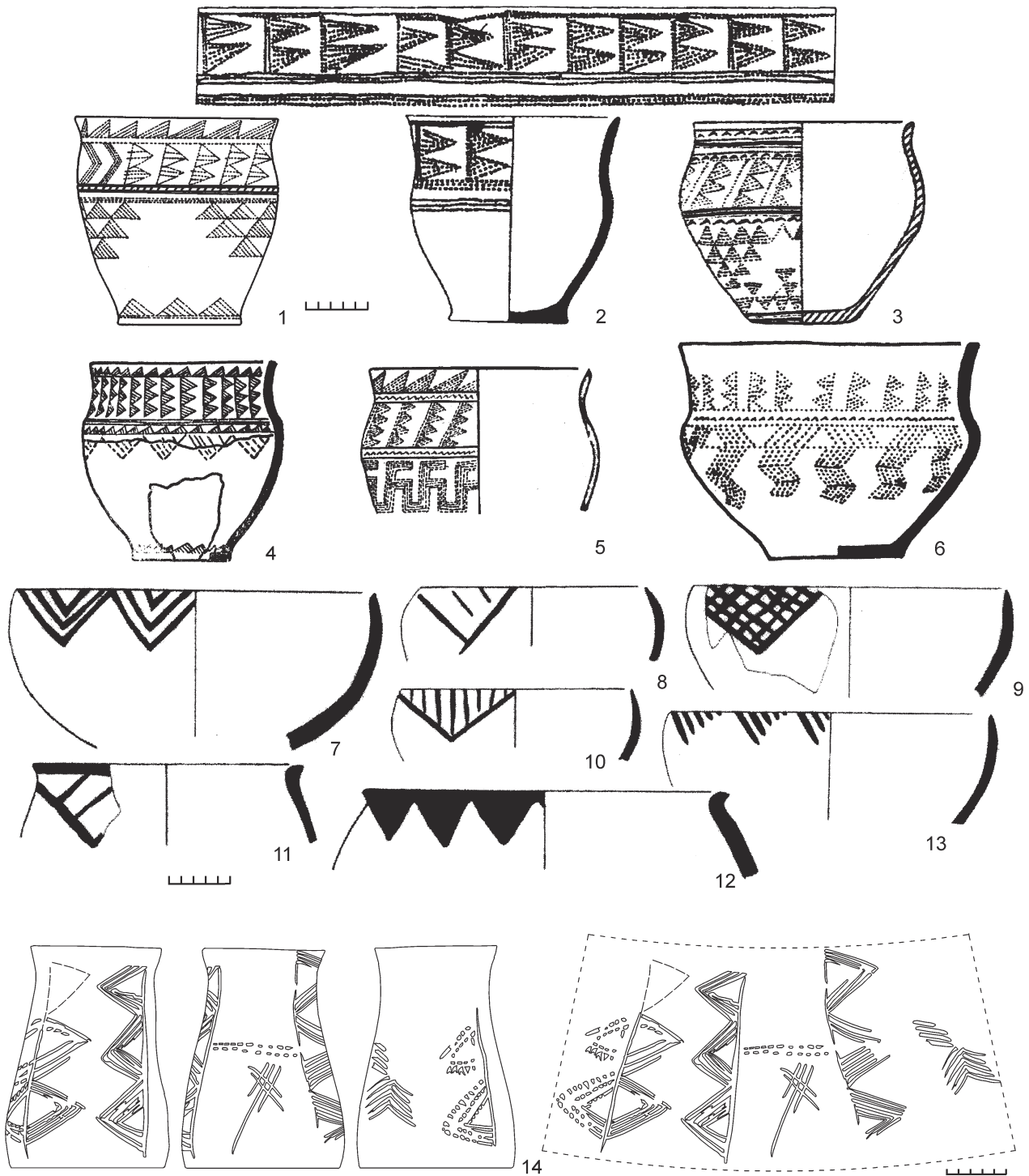
Следует отметить, что существующие точки зрения на проблему происхождения «общности культур лепной расписной керамики» позднего бронзового – раннего железного веков имеют слабо разработанную доказательную базу, а в ряде случаев носят исключительно гипотетический характер. Решение проблемы осложняется отсутствием достоверных стратиграфических наблюдений, а также недостаточностью необходимых материалов (*Кутимов*, 2014. С. 93). Новые находки, сочетающие признаки разных культурных традиций, имеют принципиальное значение в решении актуальных проблем археологии бронзового века Средней Азии.

В свое время В. М. Массон высказал предположение, что основным орнаментальным мотивом керамики типа Яз I – заштрихованный треугольник – можно сопоставить с треугольными мотивами андроновской керамики (*Массон*, 1956. С. 313; 1959. С. 121). В этой связи любопытна деталь орнаментации расписного сосуда из Тандырйула в виде вертикального расположения треугольников. Треугольные фигуры, заштрихованные сеточкой или косыми линиями, представляют собой один из основных геометрических мотивов орнаментации посуды «общности лепной расписной керамики», где треугольники, как правило, располагаются горизонтальными рядами под венчиком сосуда (рис. 6, 7–13). Вертикальный прием расположения треугольников на сосудах из Тандырйула отличает его от орнаментации «общности лепной расписной керамики» и, в определенной степени, может сближаться с орнаментальными традициями степного андроновского фёдоровского населения. Как известно, треугольники являются одним из главных элементов орнаментации керамики фёдоровской

культурной общности, при этом в композициях они, как правило, составляют орнаментальные пояса в виде соединенных вершинами треугольных фигур, горизонтально расположенных под венчиком, на плечиках или тулове сосудов. Случаи вертикального расположения треугольников на сосудах в виде так называемых составных флажков также нередко встречаются в керамике фёдоровских и близкородственных им комплексов Южной и Западной Сибири, а также Центрального и Южного Казахстана (рис. 6, 1, 3–5). На территории Таджикистана находка сосуда фёдоровского типа с вертикально расположенными рядами треугольных фигур известна в могильнике Туюн (рис. 6, 2). Интересно, что часть треугольников на расписном сосуде из Тандырйула нанесена точечным способом, что вполне можно рассматривать в качестве имитации оттисков гребенки или штампа, характерных для керамических традиций степных культур.

Таким образом, уникальный вахшский сосуд, расписанный красной краской треугольными мотивами, представляет собой важную находку для рассмотрения проблем культурогенеза позднего бронзового века Средней Азии. Данный сосуд является ярким и несомненным свидетельством контактов племен вахшской культуры с носителями культуры лепной расписной керамики. Вертикальное расположение орнамента на сосудах можно рассматривать в качестве косвенного признака влияния степных племен андроновского фёдоровского типа на культурные традиции местного населения.

В окрестностях Тандырйула также были выполнены *картографические работы*, связанные с определением точного местоположения могильника Зар-Камар. По сообщению авторов раскопок он был обнаружен в 1977 г. «В 3–4 км от Тандырйула на той же террасе открыт другой древний некрополь этого же времени – Зар-Камар. В одном из оврагов обнаружено погребение, сохранилась верхняя часть костяка. Ориентирован головой на восток. Около кистей рук найдены два лепных круглодонных горшка. В овраге были подобраны еще два сосуда. Раскопки на Зар-Камаре планируется провести на следующий год» (*Виноградова, Пьянкова*, 1983. С. 67). Однако 1977 г. был последним сезоном работ на Тандырйуле, исследования здесь не

Рис. 6. Сравнительная таблица орнаментальных композиций керамики: 1–6 – андроновская (федоровская) культура Сибири и Казахстана (1 – Максименков, 1978. С. 176, табл. XLII, 3; 2 – Матющенко, 1973. С. 122, рис. 6, 2; 3 – Матющенко, 1973. С. 129, рис. 13, 19; 4 – Оразбаев, 1959. С. 61, рис. 3, 2; 5 – Максимова, 1962. С. 54, рис. 14, 4; 6 – Виноградова, 2004. С. 168, рис. 43, 2); 7–13 – культура лепной расписной керамики типа Кучук Узбекистана (Шайдуллаев, 2000. С.22, 37–38, рис. 4, 18, 19); 14 – вахшский сосуд с росписью из Тандырыула (раскопки автора)

Fig. 6. Comparative table of ornamental compositions: 1–6 – the Andronovo (Fedorovo) culture of Siberia and Kazakhstan; 7–13 – culture of handmade painted pottery of the Kuchuk type in Uzbekistan; 14 – Vakhsh painted vessel from Tandyryul (excavations of the present author)

возобновлялись. В своей более поздней работе Н. М. Виноградова уточняет, что могильник Зар-Камар расположен в 4 км к юго-западу от Тандырйула (Виноградова, 2004. С. 23). В книге Т. М. Атаханова «Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина», подготовленной к печати С. Г. Бобомуллоевым и изданной в 2015 г., также указывается, что могильник Зар-Камар находится в 4–3 км от Тандырйула (Атаханов, 2015. С. 65). Информация о более точном местоположении Зар-Камара утрачена, поэтому были предприняты попытки отыскать его и картографировать.

В 3,5 км к юго-западу от Тандырйула, на левом берегу Каратага, практически на границе с Узбекистаном, находится кишлак Пахтабой. К северо-востоку от него расположены различные участки кишлака Пахтакор (бывший колхоз Комсомол). Опрос местных жителей показал, что топонимический объект под названием Зар-Камар в данной местности отсутствует, и раскопки в районе кишлаков Пахтабой и Пахтакор в 1970-е гг. не производились. Благодаря опросу местных жителей кишлаков Лахути и Нураости было установлено, что «некрополь Зар-Камар» находится не в 3–4 км от Тандырйула, а всего лишь в 1,1 км к западу от оврага Тандырйул, в 600 м к западу от кишлака Нураости, на краю большого сельскохозяйственного поля, которое так же, как и поле к востоку от кишлака Нураости, носит название Зар-Камар⁸. В 1990-е гг. данный участок поля подвергся сильной почвенной эрозии, в результате чего здесь образовались большие по площади и глубине овраги. По сообщению местных жителей, каких-либо археологических находок в ходе образования оврагов здесь не находили, в связи с чем можно предположить, что обнаруженное в 1977 г. погребение вахшской культуры позднего бронзового века было, скорее всего, одиночным либо здесь могла быть небольшая группа захоронений.

Археологические разведки древнеземледельческого могильника Тандырйул показывают, что в 1970-е гг. он был обследован частично. Возобновление полноценного археологического исследования Тандырйула имеет хорошие научные перспективы и может дать новый интересный материал для изучения бронзового века Таджикистана.

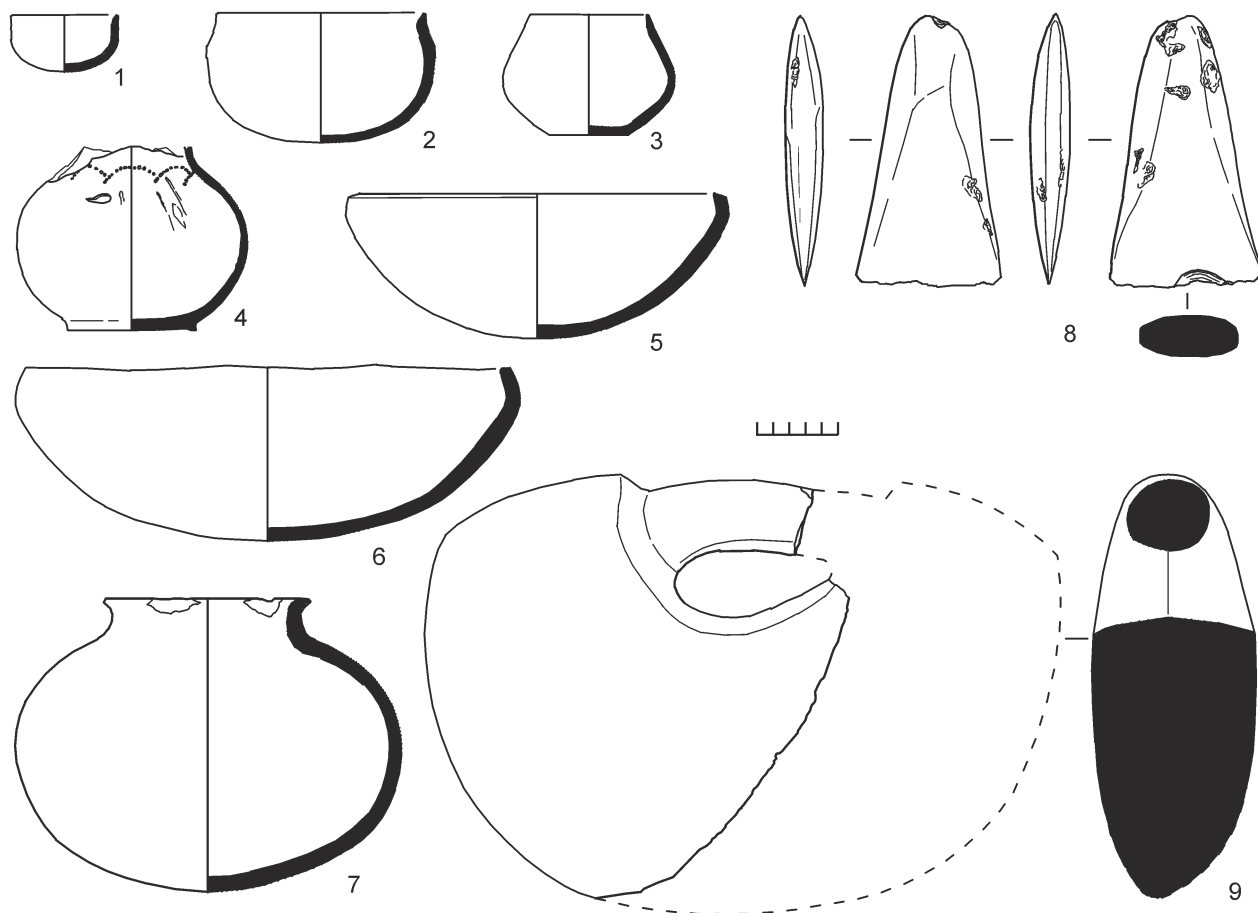
⁸ Координаты объекта: GPS N 38°25'25,36"; E 68°10'19,13" (№ 2 на карте).

Случайные находки эпохи бронзы. В коллекции фондов Исторического музея г. Турсунзаде хранится обломок «каменной гири с ручкой» эпохи бронзы. Сохранившиеся размеры: длина – 26,4 см, ширина – 26,4 см, толщина – 10 см, диаметр ручки – 4 см (рис. 7, 9). Она была найдена в 2011 г. в окрестностях кишлака Каратаг Турсунзадевского р-на директором средней школы кишлака Р. Джурабаевым. По сообщению Р. Джурабаева, гиря находилась на территории бывшей Каратагской крепости, расположенной на правом берегу реки, на высокой и плоской адырной террасе⁹. В XVIII–XIX вв. Каратагская крепость служила одной из резиденций Гиссарского бекства и была полностью разрушена в ходе завоевательного похода бухарского эмира Музаффара на Гиссар в 1866 г. В настоящее время территория, на которой была расположена крепость, представляет собой поле площадью около 3 га, используемое в сельскохозяйственных целях. Гиря была найдена при распашке поля. находка каменной гири может предполагать здесь наличие поселения эпохи бронзы.

«Каменные гири с ручкой» достаточно широко представлены на территории Таджикистана. Несколько гирь различной формы (сферической, эллипсоидной, прямоугольной) были найдены на древнеземледельческом поселении Саразм (Исаков, 1991. С. 63. Рис. 31). Известны находки каменных гирь в Дангаринском р-не (Виноградова, 2001. С. 142. Рис. 10, 12; Филимонова, Ахметзянов, 2008. С. 79. Рис. 5, 3; 2011. С. 63. Рис. 10, 1). Очень близкая каратагской по типу гиря прямоугольной формы была найдена в 2009 г. у кишлака Кудук в 25 км к северо-востоку от Куляба (Teufer, 2010. S. 382. Abb. 46). Несколько каменных гирь, в числе которых имеется плоская гиря округлой формы с крестообразной прорезью, известны в материалах могильника Фархор (Материалы ФАЭ, 2017. С. 138–139). В целом, случайные находки «каменных гирь с ручкой» на территории Таджикистана присутствуют в коллекциях многих районных историко-краеведческих музеев.

Каменные изделия такого вида имели весьма широкое территориальное и хронологическое распространение в древнеземледельческих культурах

⁹ Координаты объекта: GPS N 38°37'23,1"; E 68°19'33,5" (№ 3 на карте).

Рис. 7. Случайные находки эпохи бронзы на территории Таджикистана: 1, 2, 5, 7 – Джатта; 3 – Долонсой; 4, 9 – Каратаг; 6 – Пахтаобод; 8 – Элоки (1–7 – керамика; 8, 9 – камень)

Fig. 7. Accidental finds of the Bronze Age in Tajikistan: 1, 2, 5, 7 – Dzhatta; 3 – Dolonsoy; 4, 9 – Karatag; 6 – Pakhtaobod; 8 – Eloki (1–7 – ceramics, 8, 9 – stone)

энеолита и бронзового века Ирана, Афганистана и Средней Азии. Вопрос их функционального назначения остается дискуссионным. С одной стороны, их принято считать каменными гириями, используемыми для взвешивания продуктов земледельческого производства (Алёкшин, 1973. С. 150–157). С другой стороны, вполне может быть вероятным, что «каменные гири» на территории Средней Азии являются реминисценцией широко распространенных в бронзовом веке на Среднем Востоке так называемых каменных плит с ручками, декорированных различными мифологическими сюжетами, имеющих явно культовое назначение (Muscarella, 1993. P. 143–153; Winkelmann, 1997. S. 187–224). Существует мнение, что такого рода каменные изделия могут быть связаны с погребальным обрядом (Vidale, Micheli, 2012. P. 2–11).

В фондах Государственного Дома-музея Мирзо Турсунзаде им. 16-летия независимости Республики Таджикистан кишлака Каратаг имеется керамический сосуд вахшского типа, найденный в 2010 г. местным жителем во дворе собственного дома, расположенном в самой верхней части кишлака, на левом берегу Каратага¹⁰. Сосуд круглодонный, лепной, в верхней части подправлен на гончарном круге. Внешняя поверхность покрыта ангобом светло-коричневого цвета. В тесте незначительная примесь известняковой дресвы. Обжиг качественный. Размеры: высота – 14,5 см, диаметр венчика – 10,2 см, диаметр тулова – 19,2 см (рис. 7, 4). По сообщению хозяина дома, всего здесь было найдено три целых сосуда, два из которых в настоящее

¹⁰ Координаты объекта: GPS N 38°37'03,1"; E 68°20'06,9" (№ 4 на карте).

время утрачены. Каких-либо других находок здесь не было. Вероятно, это могло быть одиночное захоронение вахшской культуры.

В школьном музее школы № 4 кишлака Пахтаобод¹¹ джамоата Пахтаобод Турсунзадевского р-на хранится керамический сосуд, который предположительно может быть отнесен к позднему бронзовому веку. Это лепной горшок, тонкостенный, среднего обжига, тесто имеет примесь кварцита. Край придонной части выступает, образуя небольшой поддон. Верхняя часть сосуда не сохранилась. На плечиках нанесен точечный штампованный орнамент в виде изогнутых линий. Размеры: высота – 9,7 см, диаметр горловины – 7,4 см, диаметр тулова – 14,4 см, диаметр дна – 7,9 см (рис. 7, 6). Точное место находки неизвестно, сосуд был найден учениками школы в окрестностях кишлака в середине 1980-х гг. Данный сосуд имеет определенное сходство с керамическими комплексами погребальных памятников степного типа финала бронзового века Ферганской долины Узбекистана, в частности могильника Вуадиль, где представлена серия близких по форме сосудов со штампованным орнаментом в верхней части (*Гамбург, Горбунова*, 1957. С. 132. Рис. 3).

Керамический сосуд вахшского типа позднего бронзового века найден в ходе осмотра окрестностей кишлака Долонсой джамоата Джура Рахмонов Турсунзадевского р-на. Сосуд гончарный, с шарообразным туловом, сужающимся к венчику, дно плоское. Цвет светло-коричневый, обжиг качественный, в тесте незначительная примесь известняковой дресвы. Размеры: высота – 7,5 см, диаметр венчика – 7,3 см, диаметр тулова – 10,7 см, диаметр дна – 4,9 см (рис. 7, 3). Сосуд происходит из земельного карьера, расположенного на южной окраине кишлака, на адырной части холма¹². По сообщению работников карьера, в 2013 г. в ходе отгрузки земельного грунта ими были замечены еще один или два сосуда (утрачены), также встречались кости. Учитывая незначительное (со слов местных жителей) количество материалов, можно предположить наличие здесь единичных захоро-

нений вахшского типа позднего бронзового века. В настоящее время практически весь холм разобран под строительные нужды. Аналогичные по форме сосуды известны в могильнике Обкух Московского р-на (*Пьянкова*, 2003. С. 228. Рис. 16, 10) и других памятниках вахшской культуры Таджикистана (*Luneau et al.*, 2011. P. 292. Fig. 4, 12, 13).

В музее школы № 20 кишлака Махмуд Эшназаров джамоата Турсун Туйчиев Турсунзадевского р-на имеются четыре керамических сосуда вахшского типа позднего бронзового века. Все они были найдены в 1987 г. во дворе жилого дома учителя истории Каримова Абдумуроода на южной окраине кишлака Джатта (новое название – кишлак Сарой)¹³. Все сосуды лепные, круглодонные со слегка плоским дном, хорошего качества изготовления и обжига, покрыты ангобом красноватого цвета. Два сосуда по форме представляют собой глубокие круглодонные чаши, еще два – круглодонные блюда большого диаметра:

1) чаша лепная, круглодонная, венчик и плечики прямые, цвет светло-коричневый, тесто с примесью дресвы, обжиг качественный. Размеры: высота – 3,6 см, диаметр венчика – 6,7 см (рис. 7, 1);

2) чаша лепная, круглодонная, венчик короткий и слегка отогнут наружу, дно немного уплощенное, цвет светло-коричневый, на внешней и внутренней поверхностях – следы темно-красного ангоба, тесто без примесей, обжиг качественный. Размеры: высота – 8,1 см, диаметр венчика – 13 см, диаметр тулова – 14,2 см (рис. 7, 2);

в) блюдо лепное, круглодонное, край уплощенный и загнут внутрь, его верхняя часть подправлена на круге, цвет светло-коричневый, на внешней и внутренней поверхностях – следы темно-красного ангоба, тесто с примесью дресвы, обжиг качественный. Размеры: высота – 9 см, диаметр венчика – 22,3 см, диаметр тулова – 23,9 см (рис. 7, 5);

г) блюдо лепное, круглодонное, край уплощенный и загнут внутрь, в верхней части имеется небольшое ребро, цвет светло-коричневый, на внешней поверхности следы красноватого ангоба, в тесте небольшая примесь дресвы, обжиг качественный. Размеры: высота – 10,8 см, диаметр венчика – 30,5 см, диаметр тулова – 31,5 см (рис. 7, 7).

¹¹ Координаты объекта: GPS N 38°28'18,4"; E 68°08'24,8" (№ 5 на карте).

¹² Координаты объекта: GPS N 38°27'38,3"; E 68°15'41,4" (№ 7 на карте).

¹³ Координаты находки: GPS N 38°26'02,2"; E 68°12'24,5" (№ 6 на карте).

Вероятно, данный комплекс керамики происходит из одного погребения. Практически тождественные по форме круглодонные блюда имеются в керамическом комплексе вахшских погребений Гелота-Дарнайчи (*Виноградова, Кутимов, 2014. С. 362, рис. 12, 10; 13, 11*).

Одной из интересных находок является каменный шлифованный топор-клин, найденный в окрестностях кишлака Элоки (новое название – Чузи-Боло) джамоата Чусты Шахринавского р-на. Топор был найден местными жителями на юго-западной окраине кишлака, при распашке поля в 2012 г.¹⁴ Каменный топор сделан из темно-зеленоватой породы типа змеевика. Топор плоский, вытянуто-подтреугольной формы, на широкой рубящей кромке – следы заточной ретуши (кромка частично обломана), округлые боковые грани в местах крепления к топоричу плоско сточены, обушная часть округлая. Топор хорошо отшлифован. Следы использования на поверхности рубящей части говорят об его сравнительно длительном употреблении в качестве орудия труда. Размеры: длина – 16,9 см, ширина рубящей кромки – 9,4 см, ширина обуха – 4,3 см, максимальная толщина топора – 2,5 см (рис. 7, 8).

На поле, где был обнаружен топор, был заложен разведочный шурф 2 × 2 м, однако каких-либо следов культурного слоя или находок в ходе раскопок не выявлено. На распаханной поверхности поля встречаются фрагменты керамики, а также обломки стеклянных изделий средневекового времени. Каменные шлифованные топоры разнообразных форм имели широкое распространение в различных культурах Евразии неолита – эпохи бронзы. На территории Таджикистана известны несколько местонахождений каменных шлифованных топоров, обнаруженных в контексте местной неолитической гиссарской культуры и датирующихся IV–III тыс. до н. э. – поселения Куй-Бульен, Туткаул, Сай-Сайёд, стоянка у селения Шоиди Бобохон (*Ранов, 1966. С. 172; Филимонова, Ахметзянов, 2009. С. 19*). Известна также находка каменного шлифованного топора на поселении бронзового века Тегузак (*Пьянкова, 1986. С. 102–103*). Типологически идентичный топор из Элоки шлифованный каменный топор-клин из пестрого

змеевика был найден местными жителями в окрестностях кишлака Джидабулак, расположенного в высокогорной части хребта Бабатаг, в 45 км к югу от Элоки (*Парфенов, 1962. С. 62–63*). Аналогичного типа топор из зеленокаменной породы найден в зоне строительства Сангтудинской ГЭС в среднем течении р. Вахш (*Филимонова, Ахметзянов, 2008. С. 79. Рис. 5, 2*). Близкий по форме каменный топор, но большего размера, также случайно был обнаружен возле кишлака Каромати Нав Дангаринского р-на (*Филимонова, Ахметзянов, 2012. С. 63, рис. 10, 2*).

Таким образом, новые находки существенно дополняют археологическую карту эпохи бронзы Таджикистана. Основная часть выявленных материалов относится к вахшской культуре, комплексы которой в настоящее время слабо представлены в западных районах. Новые материалы в западной части Гиссарской долины расширяют географию распространения вахшских племен на территории Таджикистана. Они также свидетельствуют, что в позднем бронзовом веке данный регион Средней Азии являлся зоной активных контактов различного населения: степного андроновского фёдоровского типа, древнеземледельческого молалинского типа, племен вахшской культуры, а также носителей культуры лепной расписной керамики, присутствие которой здесь выявлено впервые.

Алёшкин, 1973 – Алёшкин В. А. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении // СА. 1973. № 4.

Алёшкин, 1989 – Алёшкин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит – эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Антонова, Виноградова, 1979 – Антонова Е. В., Виноградова Н. М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. 1979. Вып. XIV.

Аскарлов, 1979 – Аскарлов А. А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Атаханов, 2015 – Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. Душанбе, 2015.

Виноградова, 1980 – Виноградова Н. М. Отчет о раскопках могильника Тандырйул в 1975 г. // АРТ. 1980. Вып. XV.

Виноградова, 1987 – Виноградова Н. М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Узбекистана //

¹⁴ Координаты находки: GPS N 38°35'03,1"; E 68°25'11,3" (№ 8 на карте).

- Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Виноградова*, 1991 – *Виноградова Н. М.* Могильник Тандырыул в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1991. Вып. 18.
- Виноградова*, 2001 – *Виноградова Н. М.* Поселение эпохи поздней бронзы Ташгузор в Южном Таджикистане // Древние цивилизации Евразии. М., 2001.
- Виноградова*, 2004 – *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Виноградова, Кутимов*, 2014 – *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г.* Погребения вахшской культуры в могильнике Гелот (Южный Таджикистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул, 2014.
- Виноградова, Пьянкова*, 1983 – *Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т.* Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. XVII.
- Гамбург, Горбунова*, 1957 – *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3.
- Заднепровский*, 1997 – *Заднепровский Ю. А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
- Исаков*, 1991 – *Исаков А. И.* Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Итина*, 1986 – *Итина М. А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.
- Кузьмина*, 1964 – *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового века Евразии. М., 1964.
- Кузьмина*, 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М., 2008.
- Кутимов*, 2014 – *Кутимов Ю. Г.* К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в эпоху поздней бронзы на территории Туркменистана // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). СПб., 2014.
- Максименков*, 1978 – *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Максимова*, 1962 – *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14.
- Массон*, 1956 – *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. М., 1956. Т. VII.
- Массон*, 1959 – *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л. 1959 (МИА; № 73).
- Массон*, 1966 – *Массон В. М.* На пороге раннеклассовых обществ. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э. // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Материалы ФАЭ, 2017 – Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып. 1. Душанбе, 2017.
- Матющенко*, 1973 – *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 11.
- Оразбаев*, 1959 – *Оразбаев А. М.* Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7.
- Парфенов*, 1962 – *Парфенов Г. В.* Каменный топор-клин из Бабатага // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1962. № 1.
- Пьянкова*, 1986 – *Пьянкова Л. Т.* Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. // АРТ. 2003. Вып. XXVIII.
- Пьянкова*, 2003 – *Пьянкова Л. Т.* Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (Московский район) в 2002 г. // АРТ. 1986. Вып. XIX.
- Ранов*, 1966 – *Ранов В. А.* Шлифованные топоры из Таджикистана // СА. 1966. № 4.
- Сарианиди*, 1973 – *Сарианиди В. И.* Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана // Археология Средней Азии, Сибири и Поволжья. М., 1973 (КСИА. № 136).
- Тойфер*, 2014 – *Тойфер М.* Результаты раскопок на памятниках Сариджар 2 и Карим Берды в Южном Таджикистане // АРТ. 2014. Вып. XXXVII.
- Толстов, Итина*, 1960 – *Толстов С. П., Итина М. А.* Проблема суярганской культуры // СА. 1960. № 1.
- Филимонова, Ахметзянов*, 2008 – *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Отчет Сангтудинского археологического отряда // АРТ. 2008. Вып. XXXII.
- Филимонова, Ахметзянов*, 2009 – *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Археологические исследования в Бальджуанском районе в 2007 году // АРТ. 2009. Вып. XXXIII.
- Филимонова, Ахметзянов*, 2012 – *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Поисковые работы по составлению археологической карты Дангаринского района в 2009 году // АРТ. 2012. Вып. XXXV.

- Шайдуллаев*, 2000 – *Шайдуллаев Ш. Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
- Luneau et al.*, 2011 – *Luneau E., Vinogradova N. M., P'jan-kova L. T., Mukhtidinov K. Ju.* Productions céramiques de la culture du Vaksh (Tadjikistan, âge du Bronze): de nouvelles perspectives chrono-culturelles // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin, 2011. Bd. 43.
- Muscarella*, 1993 – *Muscarella O. W.* Intercultural Style «Weights» // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1993. Vol. 7.
- Pumpelly*, 1908 – *Pumpelly R.* Ancient Anau and the Oasis-world // Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Washington, 1908. Vol. 1 (Publications no. 73).
- Teufer*, 2010 – *Teufer M.* Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Fundplätze in der Kuljabregion (Tadžikistan) // Archäologischer Anzeiger 2010/1. Beiheft Jahresbericht 2009. Berlin, 2010.
- Vidale, Micheli*, 2012 – *Vidale M., Micheli R.* The Function of a Chlorite Hand-Bag of the Halil Rud Civilization as Inferred from its Wear Traces // Iranian Journal of Archaeological Studies. 2012. Vol. 2. Issue 2.
- Winkelmann*, 1997 – *Winkelmann S.* Gedanken zur Herkunft und Verbreitung iranischer und mittelasiatischer Gewichte // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. Berlin, 1997. № 129.

New archaeological finds of the Bronze Age in the western part of the Hissar valley of Tajikistan

Yu. G. Kutimov

In 2014, the Tajikistan Expedition of IIMK RAS carried out archaeological surveys in the Republic of Tajikistan. The field investigations were focused on search for new archaeological evidence of the Bronze Age in the western region of the Hissar Valley in the basin of the Surkhandarya, Karatag and Shirkent rivers within the administrative limits of the Tursunzade and ShakhriNAV districts of the Republic of Tajikistan. In the course of these surveys, new Bronze Age materials were found in different areas of the valley (Fig. 1).

The most interesting finds were made in the surroundings of the cemetery of Tandyryul of the Late Bronze Age. This site was partly investigated in the 1970s. In 2014, two disturbed burials with pottery of early agricultural (Fig. 4, 5) and Vaksh (Fig. 4, 8) types were here found. In addition, some quantities of early agricultural and Vaksh pottery were collected as stray finds (Fig. 5). This collection includes a unique Vaksh vessel painted with red-coloured design of upright triangular figures (Fig. 5, 8; 6, 14). This cylindrical ceramic vessel with red-paint triangular motifs is very important for our understanding of problems of the cultural genesis of the Late Bronze Age in Central Asia. This find is a distinctive and undoubted evidence of contacts between people of the Vaksh culture and bear-

ers of the culture of painted handmade pottery. The fact of the vertical arrangement of the pattern on the vessel can be indirectly considered as a sign of the influence of the steppe tribes of the Fedorovo (Andronovo) type upon the cultural traditions of the local population.

Among the newly found Bronze Age archaeological artefacts, of particular interest are examples of Vaksh pottery, as well as a stone 'weight with a handle' and a stone axe (Fig. 7).

The new archaeological finds supplement essentially the archaeological map of the Bronze Age of Tajikistan. The majority of the artefacts belong to the Vaksh culture of which the materials are so far poorly studied in the western regions of Tajikistan. The new finds from the western part of the Hissar Valley not only widen the geography of the distribution of the Vaksh tribes throughout the Tajikistan territory but also indicate that this Central Asiatic region, in the Late Bronze Age, was a zone of active contacts between different cultural groups, viz. the steppe ones of the Fedorovo (Andronovo) type, ancient agricultural tribes of the Molali type, people of the Vaksh culture, as well as the bearers of the culture of painted handmade pottery. The traces of the presence of the latter culture were discovered here for the first time.

ЖИЛОЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V в. до н. э.

Д. Е. Чистов¹

Аннотация. Статья посвящена изучению жилой застройки Березанского поселения – архаической ионийской колонии на о. Березань в Черном море (устье Днепро-Бугского лимана). В хронологических рамках существования Березанского поселения как урбанизированного центра (вторая половина VI – первая треть V в. до н. э.) выделяются отдельные фазы, рассматривается эволюция жилой застройки на примере отдельных комплексов. Выявляются локальные особенности, отличающие жилые дома Березанского поселения архаического периода от синхронных им комплексов, исследованных в других античных центрах северного Причерноморья, делаются предположения о причинах появления некоторых из этих отличий.

Annotation. This article is devoted to studies of the dwelling buildings of the Berezan settlement, i. e. the Archaic Ionian colony on the island of Berezan in the Black Sea (the Dnieper-Bug estuary). Within the chronological frame of the occupation of the Berezan settlement as an urban centre (second half of the 6th – first third of the 5th century BC), separate phases are identifiable and the evolution of the dwelling houses are considered at the example of particular complexes. Local peculiarities are identified which differ houses of the Berezan settlement of the archaic period from the ensembles synchronous to them investigated in other ancient Greek centres of the northern Black Sea region. Suppositions are proposed on the reasons of the appearance of some of these differences.

Ключевые слова: Античность, период архаики, Березань, Борисфен, Северное Причерноморье, архитектура, урбанизм, жилое домостроительство.

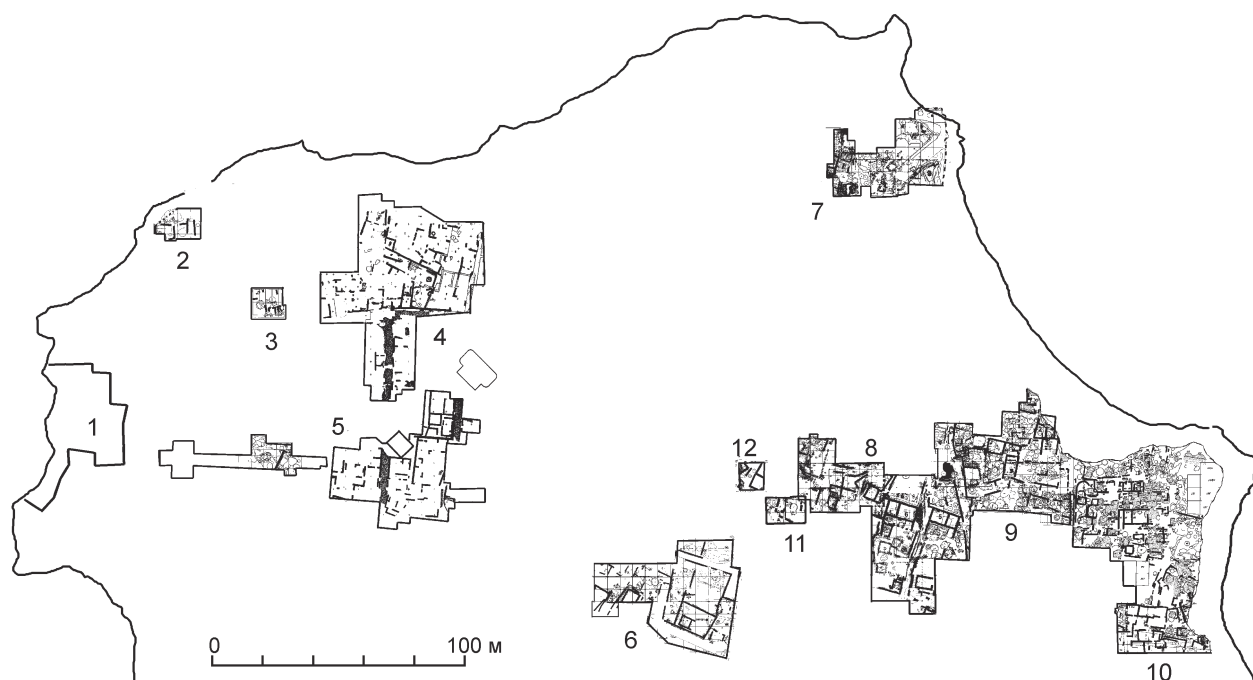
Keywords: Antiquity, Archaic period, Berezan, Borysthenes, northern Black Sea littoral, architecture, urbanism, dwelling house construction.

К настоящему времени накоплен значительный массив данных о пространственной организации архаического Березанского поселения на этапе его существования как урбанизированного центра (то есть во второй половине VI – первой трети V в. до н. э.). Значительный прогресс достигнут как в изучении городской планировки, так и в вопросе локализации общественного центра ионийской колонии, находившейся на территории современного острова Березань (рис. 1) (Solovyov, 1999. P. 78–79; Chistov, Krutilov, 2014. P. 216–220, 222, fig. 2; Chistov, 2015).

Датировка перехода к наземному домостроительству и причины этого явления принадлежат к числу наиболее дискуссионных вопросов в истории Березанского поселения. Этот процесс, выразившийся появлении сети улиц и массовом строительстве каменно-сырцовых домов, сблоки-

рованных в кварталы, согласно последним исследованиям предположительно может быть датирован 540-ми гг. до н. э. (Чистов и др., 2012. С. 72, 120–121). По всей видимости, он отражает прибытие на Березань новой многочисленной группы колонистов и совпадает по времени с установлением персидского протектората Ахеменидов над Ионией после разгрома Лидийского царства в 546 г. до н. э. (Herod. I, 153–168). Вероятно, с теми же историческими событиями связан быстрый рост Ольвии и ее сельской округи, возникновение первого храма и значительное увеличение количества приношений на Западном Теменосе (Виноградов, 1989. С. 74–75; Русяева, 2006. С. 32–34, 226). Более того, определенное сходство в пространственной организации архаической Ольвии и Борисфена косвенно указывает как на общность идей развития города у их колонистов, так и на то, что урбанизация этих центров протекала почти одновременно (Буйских А., 2013. С. 25–27).

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира. E-mail: d.chistov@gmail.com.

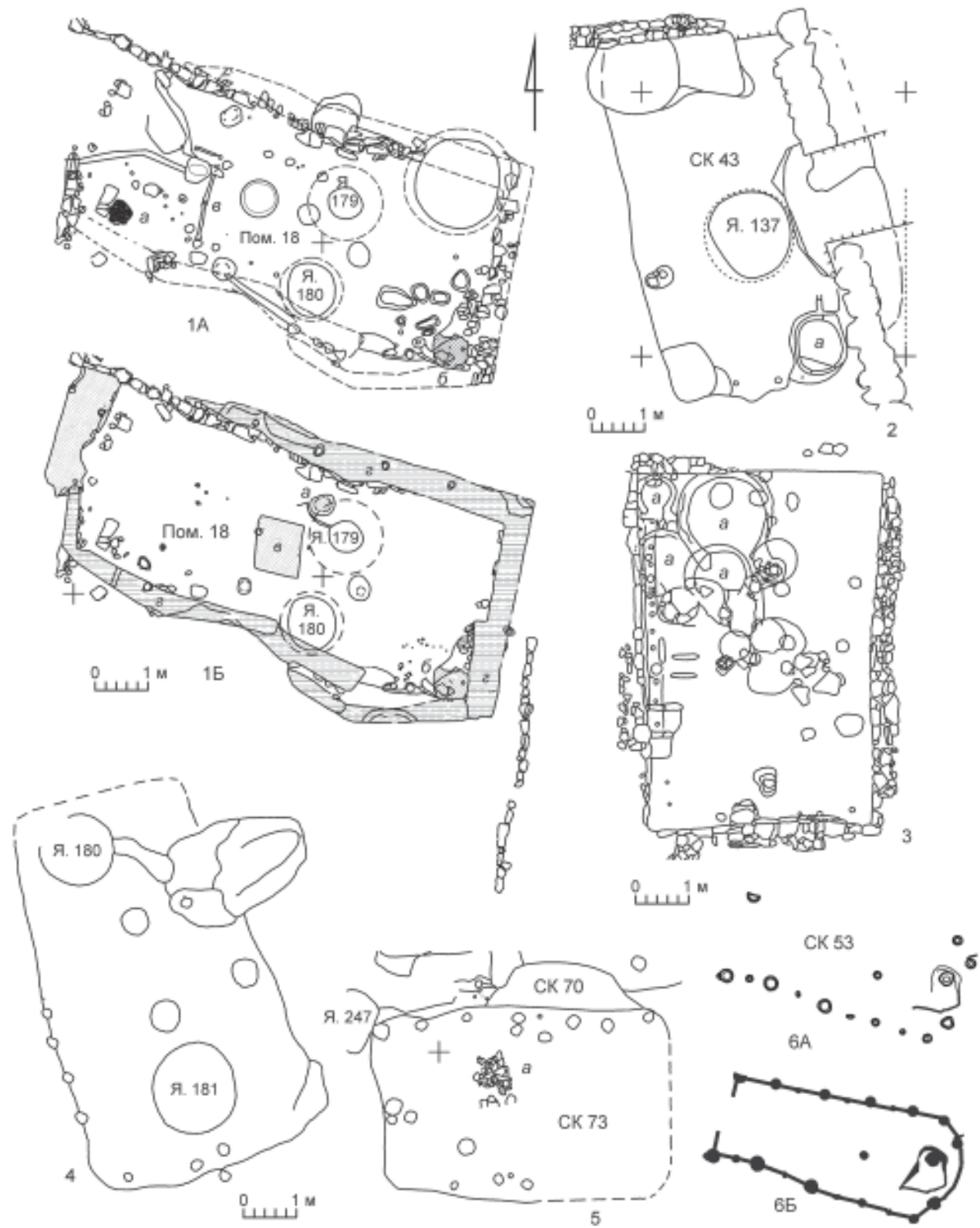

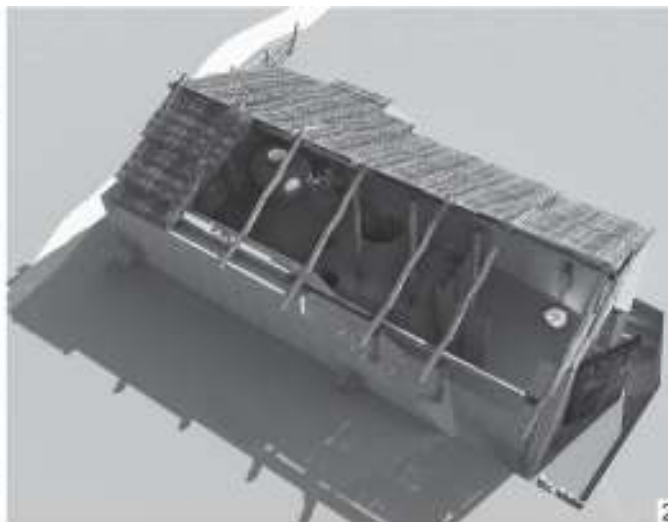
Рис. 1. Бerezань. Участки современных (с 1960 г.) раскопок в северной части острова: 1 – некрополь; 2 – участок «С-1»; 3 – участок «С-2»; 4 – участок «Северо-западный А»; 5 – участок «Северо-западный Б»; 6 – участок «Т»; 7 – участок «Г»; 8 – участок Р-1В; 9 – участок «О-Западный» (1991–2016); 10 – участок «О-Восточный» (1960–1980); 11 – участок «ГШ»

Fig. 1. Berezan. Areas of the modern (since 1960) excavations in the northern section of the island: 1 – necropolis; 2 – area 'С-1'; 3 – area 'С-2'; 4 – area 'North-Western А'; 5 – area 'North-Western Б'; 6 – area 'Т'; 7 – area 'Г'; 8 – area 'Р-1В'; 9 – area 'О-Western' (1991–2016); 10 – area 'О-Eastern' (1960–1980); 11 – area 'ГШ'

Уличная сеть Борисфена, возникшая в это время, просуществовала с минимальными изменениями менее столетия, до второй четверти V в. до н. э., когда Бerezанское поселение было оставлено большинством его жителей (Копейкина, 1981. С. 206–208; Доманский и др., 1989. С. 38; Solovyov, 1999. Р. 98–113; Чистов, Ильина, 2015). Этот не столь продолжительный «городской» период его существования может быть, тем не менее, разделен на определенные этапы. Две основных стратиграфических фазы (II-A и II-B) выделяются благодаря слоям пожаров и массовых разрушений, предположительно датированным в рамках последней четверти VI в. до н. э. За катастрофическими событиями, причины которых не установлены, последовал новый период строительной активности. Свидетельства перестроек этого времени были выявлены в ходе археологических исследований в различных районах Бerezанского поселения, причем чаще всего перестройки видоизменяли планировку внутри отдельных домов, незначительно влияя на границы жилых кварталов или направления улиц (Solovyov, 1999. Р. 8, 79; Чистов, 2012. Р. 239–240).

Хотя процесс урбанизации Бerezанского поселения, вероятно, протекал в течение короткого промежутка времени, в нем можно выделить несколько особых этапов. Наиболее ранний из них, по нашему мнению, находит отражение в так называемых «домах колониста» (Крыжицкий, 1982. С. 59; Соловьев, 2008; Чистов, 2013). Этот специфический тип сооружений, датирующихся в рамках второй – третьей четвертей VI в. до н. э., представлен несколькими исследованными комплексами. Типичный «дом колониста» представляет собой прямоугольную однокамерную постройку со стенами из камня, сырца или глиноплетневых конструкций и заглубленным в грунт полом (рис. 2–3). Отличительной особенностью сооружений этого типа является значительная внутренняя площадь – хоть и весьма скромная при сопоставлении с более поздними многокамерными каменно-сырцовыми домами, однако все же достаточная для жилой и хозяйственной активности небольшой семьи. Отчетливо выраженная жилая функция таких построек подтверждается наличием стационарных очагов и печей, порой неоднократно

Рис. 3. Березанское поселение, участок «О–Западный», помещение 18 («Дом колониста»): 1 – вид с запада; 2 – возможная 3D-реконструкция этого комплекса

Fig. 3. Berezan settlement, area ‘O–Western’, room 18 (‘Colonist’s house’): 1 – view from west; 2 – presumable 3D-reconstruction

подновлявшихся, а также многократными глинистыми промазками полов. «Минимальная самодостаточность» постройки данного типа принципиально отличает ее от земляночных структур меньших размеров, которые могли группироваться в хозяйственные модули, состоявшие из нескольких объектов (Буйских С., 1986. С. 27; Крыжицкий, 1993. С. 36–37). Обязательными признаками комплексов указанной группы следует также считать четырехугольный план и наличие положенных с уровня дна котлована каменно-сырцовых стен (либо же глинобитных стен с каменными обкладками, каменных облицовок стенок котлована и т. п.), очевидно, сближающих их по конструкции с наземными домами. «Дом колониста» формально можно рассматривать как переходную форму жилища между полуземлянками раннего периода существования Березанского поселения и город-

скими домами второй половины VI в. до н. э., но типологически он, несомненно, ближе к последним. При этом степень заглубленности пола самого помещения относительно древней дневной поверхности может заметно различаться и, по всей видимости, не имеет решающего значения как конструктивный признак.

В материалах раскопок Березанского поселения мы на сегодняшний день имеем несколько примеров сооружений, подходящих под указанные выше признаки. Наиболее близки друг другу по особенностям конструкции полуземлянка XLI (рис. 2, 3), раскрытая в северо-западной части острова, на раскопе «СЗ-Б» в 1985–1986 гг. (Доманский и др., 1989. С. 36; Solovyov, 1999. Р. 59–63; Соловьев, 2008), и сооружение, обозначенное как «помещение 18» (рис. 2, 1; 3, 1–2) в ходе раскопок 2012 г. на участке «О–Западный», в северо-восточной части

Рис. 2. Березанское поселение. 1, 2, 5, 6 – участок «О–Западный»: 1 – помещение 18: 1А – уровень раннего пола (а – очаг, б – печь, в – плетневая перегородка), 1Б – уровень позднего пола (а – очаг, б – печь, в – утрамбованная глина, г – сырец); 2 – полуземлянка СК 43 (а – печь); 3 – участок Северо-Западный, полуземлянка XLI (а – печь) (по С. С. Соловьеву); 4 – участок «О–Восточный», полуземлянка 57 (по В. В. Лапину); 5 – полуземлянка 73 (а – развал амфор); 6 – апсидная постройка СК 53 с глино-плетневыми стенами: 6А – план раскрытых столбовых ямок, 6Б – реконструкция плана постройки

Fig. 2. Berezan settlement. 1, 2, 5, 6 – area ‘O–Western’: 1 – room 18: 1A – level of the earlier floor (a – fireplace, б – stove, в – wattle partition), 1B – level of a later floor (a – fireplace, б – stove, в – rammed clay, г – adobe); 2 – earth dwelling СК 43 (a – stove); 3 – North-Western area, earth dwelling XLI (a – stove); 4 – area ‘O–Eastern’, earth dwelling 57; 5 – earth dwelling 73 (a – collapsed amphorae); 6 – apsis structure СК 53 with clay and wattle walls: 6A – plan of the uncovered pillar holes, 6B – reconstruction of the plan of the structure

Березани (*Чистов, Ильина, 2013*). Обе постройки, датирующиеся по материалу второй четвертью – серединой VI в. до н. э., представляли собой большие полуземлянки прямоугольной формы площадью 27,7 и 36,6 кв. м соответственно. Следы столбовых конструкций в обоих случаях позволяют реконструировать двускатную безраспорную кровлю. Постройки имели стены – каменно-сырцовые в первом случае, и глинобитные на деревянном каркасе с каменной облицовкой – во втором. Такие признаки, как многократно подновлявшиеся полы, наличие печей и очагов, не оставляют сомнений в жилом назначении этих объектов.

К указанным сооружениям по конструкции и по времени бытования близки еще несколько прямоугольных полуземлянок, не имевших каменных или глинобитных стен, однако выделяющихся наличием столбовых конструкций по периметру или тщательной отделкой стен котлована, наличием печей и очагов из перевернутых амфорных горл. У одной из них (полуземлянки XLVII раскопа «СЗ-Б») была прослежена стена из сырцовых кирпичей, близких по размерам тем, что применялись позднее в наземном домостроительстве (*Solovyov, 1999. Fig. 42. P. 59; Соловьев, 2008. С. 235. Ил. 23*). Полуземлянка 43 участка «О-западный» (рис. 2, 2), датированная несколько более поздним временем (серединой – третьей четвертью VI в. до н. э.), имела площадь 31 кв. м; в ее юго-восточном углу находилась хорошо сохранившаяся купольная глинобитная печь (*Чистов и др., 2012. С. 59–61*). В двух случаях большие прямоугольные землянки имели следы столбовых конструкций, позволяющие реконструировать двускатную кровлю и глино-плетневые стены по периметру котлована. В их числе – полуземлянка 57, исследованная В. В. Лапиным на соседнем участке «О-Восточный» (рис. 2, 4). Ее размеры (35,4 кв. м) значительно превышают размеры других полуземлянок, раскрытых на том же участке поселения². Несколько уровней полов и остатки очагов, выявленных в юго-восточной и юго-западных частях постройки, свидетельствуют о ее

долговременном жилом использовании. Возможно, указанное сооружение служило жильем или мастерской ремесленнику, поскольку в заполнении комплекса были найдены две литейные формы³. Контекст этой находки, которому раньше не уделялось особого внимания, является примечательной иллюстрацией вероятной миграции в Северное Причерноморье греческих ремесленников, носителей эфесской и лидийской школ металлообработки, непосредственно после персидского завоевания Лидии и греческих городов Ионии в 546 г. до н. э. (*Treister, 1998. P. 191–192*). Близкой аналогией этому сооружению может служить полуземлянка 73, частично раскрытая на раскопе «О-Западный» в 2016 г. (рис. 2, 5). Последняя имела несколько меньшие размеры (18 кв. м). Ямки от столбов диаметром около 0,30 м и глубиной до 0,25 м располагались по периметру ее стенок с интервалом в 0,65–0,75 м. Выразительные находки керамики, включавшие крупные части архаических тарных амфор, позволяют датировать эту полуземлянку около середины VI в. до н. э.

Описанным выше комплексам очень близки легкие глино-плетневые постройки, пол которых не был заглублен относительно древней дневной поверхности. Следов таких сооружений на Березанском поселении обнаружено немного, а их точная датировка обычно затруднительна. Наземных многокамерных домов с несущими глино-плетневыми стенами, аналогичных фанагорийским комплексам V в. до н. э. (*Долгоруков, Колесников, 1993*), на Березани не найдено вовсе. Лишь однажды удалось зафиксировать серию столбовых ямок, образывавших контур небольшой глино-плетневой постройки (СК 53, рис. 2, б) размерами около 4,50 × 1,95 м. Сооружение в плане было прямоугольным, однако его восточная стенка имела форму полукруглой апсиды.

Хотя общее количество «домов колониста» на Березани невелико, они обнаружены в различных частях архаического поселения, а значит, не являются единичным явлением. Более того, возможно

² Этот комплекс, исследованный в 1974–1975 гг., не был опубликован В. В. Лапиным. Его описание дается по полевому отчету (*Лапин, 1975. С. 21–24*). Краткое описание полуземлянки 57, основанное на том же отчете, включено в статью В. М. Отрешко и С. Н. Мазарати (2009. С. 82–83).

³ Эти формы (*Лапин, 1975. Рис. 30, 1; 30, 3; Сон, 1987. С. 120–121, рис. 41, 1–2, 4–5; Трейстер, 1998. С. 135–137, рис. 4–7*) использовались для изготовления бляшек в форме стилизованных фигур оленей и волков, имеющих многочисленные аналогии в ближневосточном и раннем скифском искусстве (*Treister, 1998. P. 182–183, fig. 3–6*).

проследить связь между расположением этих построек и квартальной сетью третьей четверти VI в. до н. э. В ряде случаев «дома колониста» имеют одинаковую ориентировку с помещениями более поздних многоквартирных домов, или даже расположены вдоль границ улиц последующего времени⁴. Основываясь на этих наблюдениях, можно предположить, что появление таких построек на территории Березанского поселения относится к какому-то короткому этапу, непосредственно предшествовавшему началу массового наземного домостроительства, либо же эти жилища принадлежали первым жителям урбанизированной колонии и были построены ими непосредственно после высадки. В последующее время некоторые из этих структур были разрушены, и на их месте построены большие дома; другие же продолжали использоваться, будучи включены в квартальную сеть или став частью новых домов.

Пример небольших изолированных построек – «домов колониста» демонстрирует, как в определенных обстоятельствах потребность в срочном возведении жилищ в отсутствие жесткой регламентации строительства могла стимулировать временный возврат греческих колонистов к очень архаичным формам. К их числу можно отнести такие формы жилищ железного века, как небольшие однокамерные или двухкамерные дома, включая постройки мегаронного типа, а также дома с криволинейным планом (*Ersoy*, 2007. P. 167–170), то есть типы сооружений, использование которых в греческом мире прекратилось с VII в. до н. э. в рамках глобального процесса структурной трансформации жилища (*Lang*, 2005. P. 14, 31–32) в направлении многоквартирных городских домов, имевших более сложное внутреннее устройство.

Заглубление в грунт пола небольшого изолированного «дома колониста» не связано, как нередко предполагают, с климатическими условиями, поскольку не дает никаких преимуществ для отопления небольшими открытыми очагами или переносными жаровнями. Распространение этого приема в Северном Причерноморье могло быть

обусловлено адаптацией местных негреческих домостроительных традиций (*Крыжицкий*, 1982. С. 27; *Solovyov*, 1999. P. 70) или заимствованием строительных практик, распространенных с раннего железного века в Малой Азии (*Tsetskhladze*, 2004. P. 267–268), возможно даже, при непосредственном участии выходцев из этого региона (*Соловьев*, 2008. С. 228–231; 2013. С. 68–69). Строительство заглубленных жилищ могло также иметь и собственно греческие корни (*Буцягин*, 2001). Независимо от происхождения этой строительной техники применение приема заглубления пола помещения на практике могло диктоваться, в первую очередь, прагматическими соображениями – экономией материалов и снижением требований к мощности несущих стен. Последнее особенно актуально для построек, строившихся собственными силами, в сжатые сроки и из плохо высушенного кирпича.

К настоящему времени на территории Березанского поселения раскрыты несколько больших участков жилой застройки архаического периода (рис. 1). В результате двух десятилетий раскопок в северо-западной части современного острова был полностью исследован городской квартал трапециевидной формы (рис. 1, 4: *Копейкина*, 1975. С. 188–193; 1981. С. 194, рис. 2; с. 197–202; *Solovyov*, 1999. P. 77, fig. 57, 80, fig. 59). Также частично раскрыт соседний квартал, расположенный южнее (рис. 1, 5); площадь этого квартала, вытянутого с севера на юг, достигала 1800 кв. м⁵. Он состоял, по меньшей мере, из восьми домохозяйств⁶.

Еще один важный участок жилой застройки был раскрыт в ходе многолетних раскопок в северо-восточной части Березани (рис. 1, 8, 9, 10). Изученная территория принадлежала не менее чем пяти соседним городским кварталам, форма и площадь которых сильно отличалась – в силу каких-то причин планировка в этой части

⁵ Размеры этого квартала, рассчитанные по сводному плану, составляют около 22–24 м с запада на восток и от 68 до 77 м с севера на юг.

⁶ Поскольку это квартал не был раскрыт полностью по причине разрушений культурного слоя постройками XX в., границы отдельных домов могут быть определены лишь в нескольких случаях. Площадь этих домов можно оценить приблизительно в 180–230 кв. м.

⁴ Такое наблюдение может быть сделано, по меньшей мере, в отношении четырех комплексов: полуземлянки ХLI (раскоп «СЗ-Б»), помещения 18, полуземлянок 43 и 73 (раскоп «О-3»).

поселения не была ортогональной⁷. В ходе этих исследований, проводившихся с начала 1960-х гг., на Березани были выявлены остатки значительного количества жилых домов второй половины VI – начала V в. до н. э. (в общей сложности – более 30 отдельных домохозяйств). Тем не менее, значительная их часть была раскрыта не полностью, что не позволяет судить об их точных размерах и количестве помещений. Во многих случаях плохая сохранность строительных остатков этих зданий затрудняет изучение их внутренней планировки, связи помещений друг с другом, истории перестроек помещений внутри дома и т. п. Определенные сложности возникают и при сопоставлении результатов раскопок 1960–1970 гг. с более современными исследованиями по причине различий в стандартах ведения полевой документации.

Жилых домов, исследованных полностью, и имевших достаточно хорошую сохранность для создания убедительных реконструкций планировки, насчитывается пока не так много – менее десятка. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать некоторые общие выводы об облике рядовой жилой застройки небольшой ионийской колонии. Эти сооружения представляли собой дома общей площадью в пределах 180–370 кв. м, состоявшие из четырех – шести жилых и хозяйственных помещений, группировавшихся вокруг центрального двора. Взаимное расположение помещений сильно варьируется, что пока не позволяет сформировать модель «типичного

дома» Березани. В большинстве случаев помещения примыкают к внутреннему двору с двух или с трех сторон. Примерами таких домохозяйств являются дома № 2 и 4 в северном квартале Северо-Западного участка «Б», подробно описанные в монографии С. Л. Соловьева (*Solovyov*, 1999. Р. 66–77). Общая площадь участков, занимаемых этими домами, составляла 181 и 236 кв. м соответственно. К сравнению, площадь одного из наиболее полно исследованных домов соседнего, южного квартала (*Копейкина*, 1981. С. 197–201, рис. 7) можно оценить порядка 220–230 кв. м (рис. 4, 2А–Б).

Несколько домохозяйств, выделенных в границах раскопа «О–Восточный», описаны В. В. Лапиным в его неизданной монографии (*Латин*, 1978) вместе с реконструкцией плана дома из раскопок Э. Р. фон Штерна (раскоп «Б⁸» 1909–1913 гг., рис. 4, 5А–Б), и позднее были проанализированы С. Д. Крыжицким (*Крыжицкий*, 2006). Достоверность планов большинства из этих домов вызывает определенные сомнения; можно лишь заключить, что они представляли собой прямоугольные структуры, включавшие несколько помещений и внутренний двор. Их площадь оценивалась от 100–160 до 340 кв. м (наибольшие размеры имел дом, раскрытый на участке «Б⁸»)⁸.

Примеров домов значительно меньших размеров очень немного. В их числе – так называемый дом № 1 В. В. Лапина, общая площадь которого (не более 70 кв. м) значительно уступала размерам домов, находившихся по соседству. Это обстоятельство

⁷ Вероятно, это объясняется расположением в этом районе общественного центра архаического города (*Chistov, Krutikov*, 2014. Р. 210–213).

⁸ Реконструкция планировки этого дома, выполненная В. В. Лапиным (рис. 4, 5А), очевидно, содержит ряд ошибок. См. уточненную реконструкцию плана, основанную на планах раскопок Э. Р. Фон Штерна и М. Ф. Болтенко (рис. 4, 5Б).

Рис. 4. Березанское поселение. Планы некоторых архаических домов: 1 – участок Северо-западный Б, дом 2 (по С. Л. Соловьеву); 2 – участок Северо-западный А: 2А – строительные остатки одного из жилых домов (по Л. В. Копейкиной), 2Б – возможная реконструкция плана этого дома (выполнена автором) (а – вымостка); 3, 6 – участок «О–Восточный»: 3 – дом 5 (по В. В. Лапину и С. Д. Крыжицкому); 6А – дом 2 (по В. В. Лапину), 6Б⁸ – дом 2 (по С. Д. Крыжицкому); 6В – дом 2, повторно раскрытый экспедицией Эрмитажа в 2004 г.; 4 – участок «О–Западный», помещение 24 дома МК 9 (а – лестница, б – дверной проем, в – водосток); 5А – дом на участке Б⁸ (по Э. Р. фон Штерн); 5Б – то же, реконструкция плана (по В. В. Лапину и С. Д. Крыжицкому).

7–9 – масштабы: 7 – к № 1–3, 5, 6А, 6Б; 8 – к № 4; 9 – к № 6В

Fig. 4. Berezan settlement. Plans of some archaic houses: 1 – North-Western area Б, house 2 (after S. L. Solov'yev); 2 – North-Western area А: 2А – building remains of a dwelling house (after L. V. Kopeykina), 2Б – presumable reconstruction of this house proposed by the present author (а – pavement); 3, 6 – area 'O–Eastern': 3 – house 5 (after V. V. Lapin and S. D. Kryzhitskiy); 6А – house 2 (after V. V. Lapin), 6Б – house 2 (after S. D. Kryzhitskiy); 6В – house 2, re-excavated by Hermitage expedition in 2004; 4 – area 'O–Western', room МК9 of house 24 (а – staircase, б – doorway, в – drain); 5А – house in area Б⁸ (after E. R. von Stern); 5Б – the same, reconstruction of the plan (after V. V. Lapin and S. D. Kryzhitskiy).

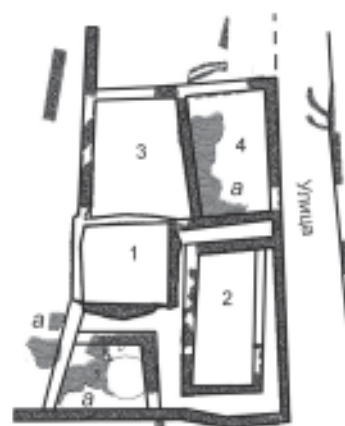
7–9 – scales: 7 – for nos. 1–3, 5, 6А, 6Б; 8 – for nos. 4; 9 – for no. 6В

1А

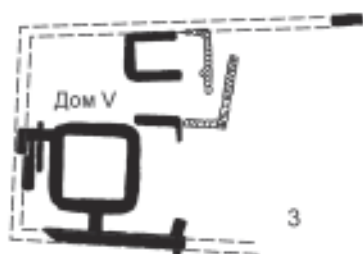
2А

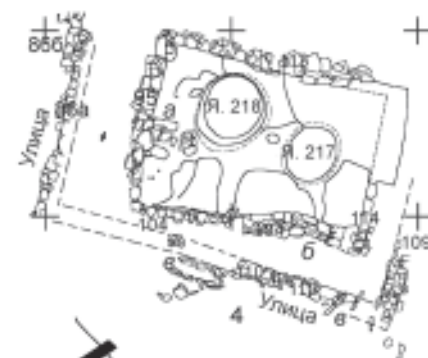
2Б

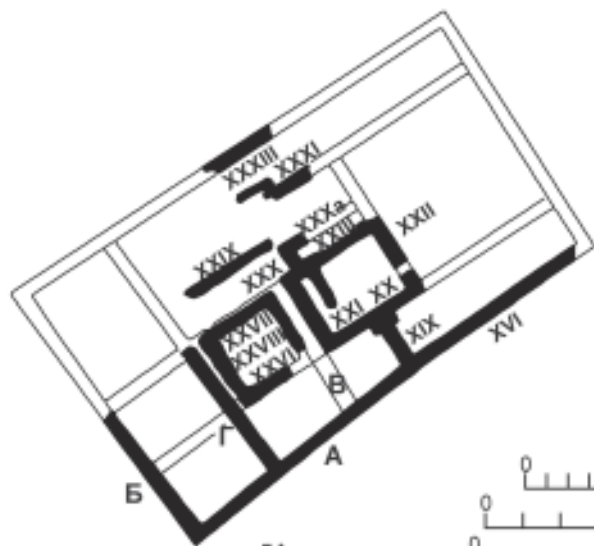
1Б

3

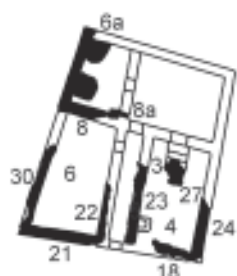
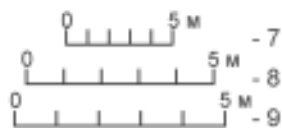
4

5А

5Б

6А

6Б

6Б

вызывает сомнения в правильности реконструкции его плана (рис. 4, 6А–В). Весьма вероятно, что строительные остатки этого дома, расположенные на краю современного берегового обрыва (рис. 4, 6В), сохранились лишь частично и представляют собой не целый дом, а лишь группу его помещений. Аномально маленькие размеры этого сооружения могли быть объяснимы, находясь он на краю квартала, на углу двух пересекающихся улиц, однако мы не располагаем данными, которые доказывали бы такое его расположение: границы кварталов в этой части раскопа «О» пока уверенно не восстанавливаются.

Интересным примером дома, имевшего, напротив, исключительно большие размеры при сравнительно хорошей сохранности строительных остатков, можно считать домохозяйство МК-3 на участке «О–Западный». Этот недавно исследованный⁹ многокамерный комплекс, вероятно, входил в число первых сырцово-каменных наземных домов, построенных на Березанском поселении в третьей четверти VI в. до н. э. Несколькими десятилетиями позже, в последней четверти того же столетия, дом МК-3 был разрушен пожаром, а затем отстроен заново в конце VI – начале V в. до н. э.

На протяжении фазы II-A в третьей четверти VI в. до н. э. МК-3 состоял, по-видимому, из пяти помещений (рис. 5; 7, 1, 2). Три из них представляли собой изолированные постройки, расположенные в северной, восточной и юго-восточной частях дома и примыкавшие к его внешним стенам. Наибольших размеров достигало помещение 5 (49 кв. м). В этой постройке был обнаружен прямоугольный очаг, в котором находились две переносные цилиндрические печки (рис. 9, 5). Соседнее помещение 6, почти квадратное в плане, имело меньшие размеры (38 кв. м). Пол этого помещения был заглублен на 0,2–0,3 м относительно уровня древней дневной поверхности. В его юго-восточном и юго-западном углах были найдены *in situ* нижние части вкопанных лесбосской и клазоменских амфор.

Два других помещения (№ 7 и 26) были расположены в северо-западной части дома (рис. 7, 1, 2). Помещение 7 представляло собой полуподвал, заглубленный в грунт на 0,85 м. Его стены

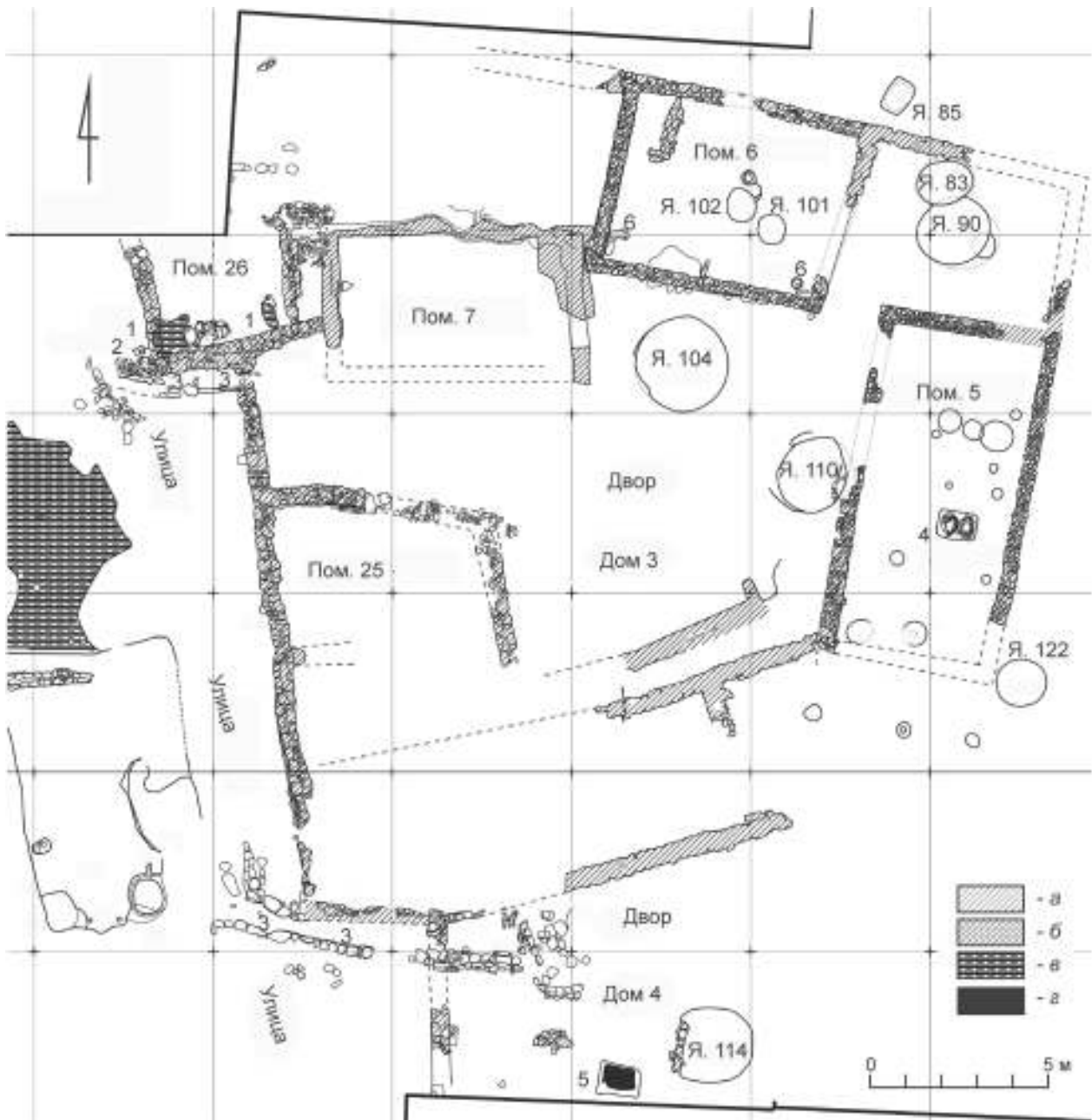
были сложены из сырцовых кирпичей без каменных цоколей в основании. Помещение 26 имело интересную особенность – оно выступало за западную границу дома в сторону городской улицы примерно на половину своего объема. Это небольшое помещение с каменно-сырцовыми стенами предположительно имело хозяйственное назначение – в нем найдены остатки двух печей, между которыми находился набор целых сосудов, включавший хиосские и лесбосскую тарные амфоры, а также три лепных горшка (рис. 7, 2). Помещения 7 и 26 разделял узкий тупиковый проход; тем не менее, не исключено, что на раннем этапе существования дома эти помещения были частями одной постройки.

Вход в дом, вероятно, находился с запада, между помещениями 25 и 26, и вел из центрального двора на меридионально ориентированную городскую улицу. Два водостока, пересекавшие в этом месте внешнюю стену дома, обеспечивали отведение дождевой воды со двора на улицу.

Дом МК-3 имел исключительные размеры – его общая площадь приближается к 380 кв. м, около 50 % из которых приходится на долю жилых и хозяйственных построек (эта цифра приблизительно, поскольку не для всех помещений можно определить точную площадь из-за различной сохранности кладок их стен). После перестройки в конце VI – начале V в. до н. э. границы дома последующей фазы II-B оставались практически неизменными. Каменные цоколи поздних стен во многих случаях возводились поверх остатков каменных и сырцовых кладок раннего периода, а планировка поздних помещений частично совпала с расположением ранних (рис. 6).

На месте помещения 5 в это время возникает новая постройка (помещение 3) несколько меньших размеров (38 кв. м). Тем не менее, она почти полностью совпадает по расположению с ранним сооружением. В двух других случаях (помещения 6 и 26) новые постройки с предшествующими в плане полностью не совпадали. Так, на месте помещения 26 возводится новая двухкамерная постройка, имевшая бóльшую площадь (60–70 кв. м). Старое полуподвальное помещение с сырцовыми стенами (помещение 7) после пожара было разрушено и засыпано; тем не менее, в той же северо-западной

⁹ Частично публиковался ранее: Чистов, 2007; Чистов и др., 2012. С. 41–54.

Рис. 5. Березанское поселение. Участок «О-Западный». Дом МК-3, фаза II-A (третья четверть VI в. до н. э.): 1 – печь; 2 – очажок из горла амфоры; 3 – водосток; 4 – очаг с двумя цилиндрическими печами; 5 – очаг; 6 – амфора.

Условные обозначения: а – кладка фазы II-A; б – кладка фазы II-B; в – сырец; г – очаг

Fig. 5. Berezansettlement. Area 'O-Western'. House МК-3, phase II-A (third quarter of the 6th century BC): 1 – stove; 2 – small fireplace made from an amphora throat; 3 – drain; 4 – fireplace with two cylindrical stoves; 5 – fireplace; 6 – amphora.

Notations: а – masonry of phase II-A; б – masonry of phase II-B; в – adobe; г – fireplace

части дома, но несколько севернее, появляется новый полуподвал (№ 8). Западная граница дома (стена 35а) в течение этой фазы несколько смещается к западу, на пространство улицы. Внутренний двор дома был покрыт вымосткой из мелкого бута и известняковой крошки. На территории двора

существовали два колодца – № 89 и 222 (первый находился в маленьком дворике 24 в северо-восточном углу дома).

Таким образом, несмотря на различную сохранность строительных остатков, можно утверждать, что в планировке раннего и позднего периодов

Рис. 6. Дом МК-3, участок «О–Западный», фаза II-B (конец VI – начало V в. до н. э.): 1 – дверной проем.

Условные обозначения: а – кладка фазы II-A; б – кладка фазы II-B; в – сырец; г – остатки вымостки; д – очаг

Fig. 6. House MK-3, area 'O-Western', phase II-B (late 6th– early 5th century BC): 1 – doorway.

Notations: а – masonry of phase II-A; б – masonry of phase II-B; в – adobe; г – traces of pavement; д – fireplace

дома прослеживается определенная преемственность. Новые постройки частично воспроизводили план старых, погибших в пожаре, а погреб (полу-подвальное помещение), хоть и был построен заново, по-прежнему находился в той же части домохозяйства. Следует также заметить, что планировка МК-3 достаточно необычна как для греческих городских центров архаической эпохи,

так и для самого Березанского поселения. В границах исключительно большой площади этого домовладения одновременно располагались четыре-пять небольших изолированных построек, группировавшихся с трех сторон от центрального двора. Расположение некоторых из этих строений выглядит почти хаотичным: так, например, полу-подвальное помещение 7 и помещение 6 практи-

чески сходятся внешними углами. Не вполне ясно, как использовалась территория к северу от помещения 7 на протяжении строительной фазы П-А, и как к ней осуществлялся доступ. Можно лишь предположить, что северо-западная часть МК-3 (помещения 7, 26 и незастроенная территория к северу от помещения 7) представляла собой какую-то особую хозяйственную единицу – лавку или место проживания какой-то обособленной части семьи. Нельзя полностью исключить и того, что эти постройки принадлежали соседнему домовладению.

Вход в дом Березанского поселения обычно вел с улицы через ограду во внутренний двор, являвшийся основной транзитной зоной жилища. В одном случае¹⁰ (рис. 7, 3) зафиксирован вход, оформленный в виде ниши (вероятно крытой) – протирона¹¹.

Наличие пастады, открывавшейся во двор со стороны внутренних помещений, зафиксировано на Березани пока в одном-единственном случае. К сожалению, это домохозяйство (№ 8 северного квартала Северо-Западного участка) осталось не исследованным, а сводный план раскрытой части не опубликован. Перекрытие галереи, находившейся перед северной группой помещений дома, поддерживали четыре деревянные колонны, опиравшиеся на каменные базы. Три из них, сохранившиеся *in situ*, были установлены с интервалом в 1,95 м (Solovyov, 1999. P. 75–76).

На площади двора часто находились колодцы и хозяйственные ямы (Solovyov, 1999. P. 66–67; Копейкина, 1981. С. 198). Плитовое мощение применялось крайне редко, намного чаще пространство двора подсыпалось утрамбованной глиной, известковой крошкой и черепками. В ряде случаев выявлены водостоки, отводившие дождевую воду со двора на улицу и соединявшиеся с уличной дренажной системой (рис. 7, 3) (Чистов и др., 2012. С. 55–56, рис. 28). Внутренние помещения домов второй половины VI – начала V в. до н. э. обычно имели площадь от 10 до 30 квадратных метров.

¹⁰ Дом МК-4, участок «О–Западный» (Чистов и др., 2012. С. 55, 58, рис. 28).

¹¹ Наличие навеса над нишей с дверным проемом не доказано. К югу от двери в углу ниши находилась конструкция в форме квадратного ящика из плоских известняковых плит – ее назначение также не установлено.

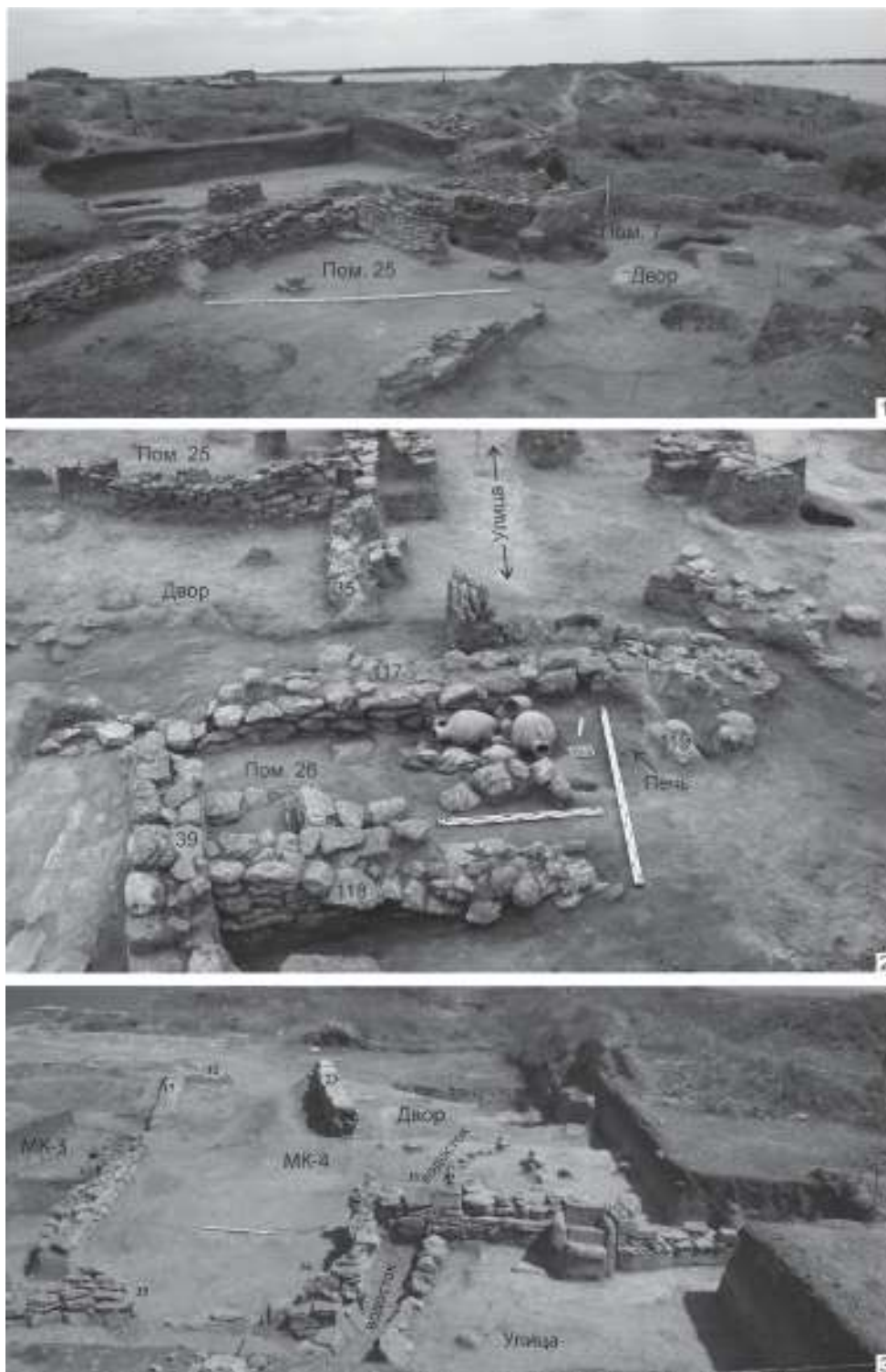
Полы в большинстве случаев были земляными или имели глинистые промазки.

Яркой отличительной особенностью архаических домов Березанского поселения были так называемые полуподвалы, или помещения с пониженным уровнем пола. Пол таких сооружений был заглублен относительно древней дневной поверхности на 0,2–1,0 м. Нет оснований считать, что все они имели хозяйственную функцию хранилищ или погребов, хотя в определенных случаях такое назначение может считаться доказанным. По всей видимости, данный строительный прием применялся из тех же прагматических соображений, что и в случае с «домами колонистов», хотя связь этой особенности с более ранней строительной традицией (как это полагали В. В. Лапин и Л. В. Копейкина (1981. С. 201) не вполне очевидна.

Постройки этого типа найдены практически на всех исследованных участках Березанского поселения. По всей видимости, такие помещения имелись практически в каждом архаическом доме, а нередко их могло быть два или более. Несколько полуподвальных помещений (Лапин, 1966. С. 98–101) исследованы в восточной части раскопа «О» (рис. 4, 3): так, например, полы трех помещений упомянутого выше дома №1 из раскопок В. В. Лапина (рис. 4, 6) были врезаны в грунт на различную глубину (Крыжицкий, 1982. С. 27, рис. 4.4).

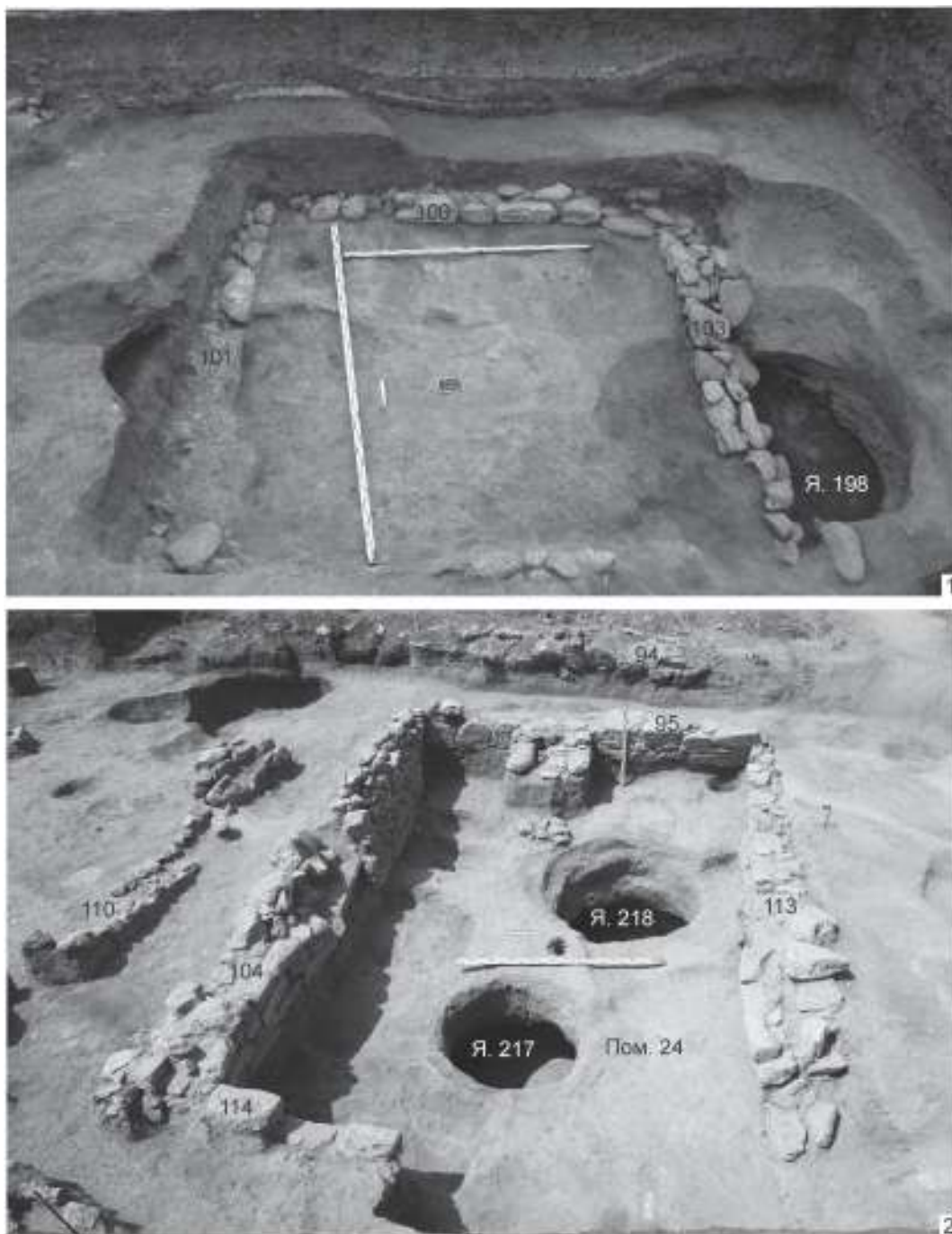
В ходе недавних раскопок соседнего участка «О–Западный» также были найдены многочисленные помещения с пониженным уровнем пола. Помимо упомянутых выше примеров дома МК-3, исследовано помещение 22, принадлежавшее дому МК-8, и помещение 24 дома МК-9 (рис. 8, 1, 2). Эти полуподвалы, построенные в третьей четверти VI в. до н. э., были заглублены на 0,50–0,70 м и были почти квадратными в плане (помещение 22 имело внутреннюю площадь 9,6 кв. м, помещение 24 – 25,9 кв. м). В помещении 24 зафиксированы два дверных проема с запада и с юга. Со стороны западного входа в помещение спускалась небольшая каменная лестница. Менее типичным примером полуподвала второй половины VI в. до н. э. можно считать строительный комплекс № 62 – вероятно, погреб почти квадратной в плане формы, по периметру которого были выявлены следы глино-плетневых стенок.

Рис. 7. Березанское поселение. Участок «О–Западный». 1, 2 – дом МК-3: 1 – фаза II-A, вид с северо-востока; 2 – помещение 26, хийские амфоры и лепные сосуды в слое пожара последней четверти VI в. до н.э., вид с севера; 3 – дом МК-4, ниша с дверным проемом (протирон ?), ведущим во двор дома МК-4 с городской улицы, вид с запада, со стороны улицы

Fig. 7. Berezan settlement. Area 'O–Western'. 1, 2 – house МК-3: 1 – phase II-A, view from north-east; 2 – room 26, Chian amphorae and handmade pottery in the layer of fire of the last quarter of the 6th century BC, view from north; 3 – house МК-4, niche with a doorway (prothyron?) leading to the courtyard of house МК-4 from the city's street, view from west i.e. from the street

Рис. 8. Березанское поселение. Участок «О–Западный»: 1, 2 – полуподвальные помещения: 1 – № 22, вид с севера; 2 – № 24, вид с востока

Fig. 8. Berezan settlement. Area 'O–Western': 1, 2 – semi-basement rooms: 1 – no. 22, view from north; 2 – no. 24, view from east

Полуподвальные помещения и постройки с заглубленным полом раскрыты в исследованных домах Северо-Западного участка (рис. 4, 1: *Конейкина*, 1981. С. 198–201; *Solovuyov*, 1999. Р. 70). Два подвальных помещения найдены в ходе раскопок 1909 г. на участке «Б⁸» (рис. 4, 5А–Б). Оба принад-

лежали остаткам одного большого дома¹², датировка которого не ясна. По всей видимости, он существовал с перестройками на протяжении как

¹² Этот дом исследовался Э. Р. Фон Штерном в 1909–1913 гг. и М. Ф. Болтенко в 1927–1928 гг. (*Штерн*, 1910. С. 87–90; 1914. С. 100–101).

архаического, так и классического периодов. Каменные стены из помещений этого дома сохранились в высоту до 2,93 м (Латин, 1966. С 98–99): оно представляет собой пока уникальный для Березанского поселения пример полноценного подвала¹³. Вероятно, его также можно считать примером развития той же традиции строительства заглубленных помещений в классический период, когда Березанское поселение было оставлено большей частью жителей. Другой хорошо задокументированный пример сооружения второй половины V в. до н. э. имеется на участке «О–Западный»: это остатки многокамерного дома, включавшего два полуподвала различной глубины со стенами из камня и сырцового кирпича (Чистов, Ильина, 2015. С. 232–234).

Еще одной важной особенностью жилых домов архаического Борисфена следует считать наличие изолированных одно- или двухкамерных построек. Эти постройки бывают окружены внешними оградками дома или несущими стенами соседних сооружений, принадлежащих тому же домохозяйству, однако возводились на некотором расстоянии от этих стен, а не вплотную к ним. Такого рода сооружения бывают представлены как наземными, так и полуподвальными помещениями. Причины, по которым жители Березанского поселения широко использовали этот прием, не известны; он пока не находит аналогий в планировке жилых домов других центров Северного Причерноморья архаического периода. С рациональной точки зрения данный планировочный принцип представляет собой очень неэффективный способ использования внутреннего пространства, поскольку между постройкой и окружающими ее стенами образуются узкие (около 0,8–1,5 м) проходы, хозяйственное использование которых затруднительно. Вместе с тем, эти проходы служили для доступа в сами помещения. В случае полуподвала 24 (рис. 4, 4; 8, 2), который может служить одновременно и примером изолированной по-

стройки, оба дверных проема находились как раз со стороны двух таких проходов. Помещение 24 было окружено узкими проходами с трех сторон, причем с запада и юга они были образованы внешними стенами дома (поскольку этот дом занимал в своем квартале угловое положение).

Можно привести и другие аналогии, в числе которых – южная постройка дома № 2 Северо-Западного участка (Solovyov, 1999. Р. 71–72), с трех сторон отделенная от внешних стен дома проходами шириной 0,50–0,80 м (рис. 4, 1Б, № 4), и помещение XVII (Копейкина, 1981. С. 200, рис. 7а), принадлежащее одному из домов южного квартала на том же участке раскопа (рис. 4, 2Б, № 2). В последнем случае постройка была окружена узкими проходами с трех сторон; с юга и востока эти проходы отделяли ее от внешних стен дома. В число примеров изолированных построек внутри домовладения также входят упомянутые выше подвальные помещения дома 1909–1913 гг. Э. Р. фон Штерна (рис. 4, 5), помещение дома 5 на раскопе «О–Восточный» (рис. 4, 3; Крыжицкий, 2006. Рис. 9, 3–4). Также весьма вероятно, что описанный выше «дом колониста», помещение 18 (рис. 3), продолжал существовать на протяжении какого-то времени в третьей четверти VI в. до н. э. именно как изолированная постройка, включенная в комплекс сооружений жилого дома МК-7. Новая постройка этого дома, состоявшая из двух помещений (№ 19–20), была возведена параллельно помещению 18 и отделялась от него проходом шириной 1,40–2,0 м (к сожалению, другие детали планировки этого дома неизвестны).

С. Л. Соловьев предполагал, что подобная планировка могла бы объясняться нежеланием использовать общую с соседями стену (Solovyov, 1999. С. 72), однако внушительное количество примеров изолированных построек заставляет искать иные объяснения. Предположение С. Д. Крыжицкого, определившего эту специфическую особенность планировки березанских домов как «метод параллельных стен», о ее связи с религиозными воззрениями колонистов (Крыжицкий, 2006. С. 114) также не представляется нам убедительным.

Позволю себе привести здесь предварительные предположения на этот счет. Поскольку рассма-

¹³ По предположению Э. Р. Фон Штерна, это помещение принадлежало к наиболее позднему строительному периоду комплекса. В заполнении подвала отсутствовали фрагменты восточногреческой керамики, однако имелись фрагменты аттической чернолаковой. Эти наблюдения, с учетом находки литого ольвийского асса (Штерн, 1910. С. 90), позволяют предположить, что подвал не может датироваться раньше середины V в. до н. э.

триваемые нами жилые дома возникли практически единовременно или в течение достаточно короткого промежутка времени, размеры участков на начальном периоде существования домов не имели никакой связи ни с размером, ни с достатком населявших их семей, поскольку, вероятно, были определены колонистами при разбивке улиц и кварталов. Возможно, на начальном этапе существования колонии реальные потребности многих из прибывших семей не задействовали всего отведенного пространства, или же ресурсы, которыми они располагали, не позволяли сразу возвести дом, постройки которого оптимально использовали бы эту площадь. В этом случае ограды, разделявшие отдельные домохозяйства, могли быть построены еще до строительства многих строений, а новые постройки возводились по мере возможности и необходимости, и могли не использовать внешние стены домохозяйства в качестве своих несущих конструкций.

Примером сходного сценария развития может служить дом № 2 северного квартала Северо-Западного участка. В соответствии с публикацией С. Л. Соловьева (*Solovyov*, 1999. P. 69, fig. 52) на самом раннем этапе своего существования (очевидно, соответствующем стратиграфической фазе П-А) этот дом состоял лишь из одной двухкомнатной постройки и огороженного двора, примыкавшего к ней с востока (рис. 4, 1А). В ходе перестройки последующей фазы дом получил новые помещения к востоку и к северу от того же двора (рис. 4, 1Б). Маловероятно, чтобы такой стремительный рост площади домохозяйства был осуществлен за счет соседских участков уже в первые десятилетия существования урбанизированного поселения¹⁴, проще предположить, что территория, отведенная под этот дом в третьей четверти VI в. до н. э., приблизительно соответствовала его максимальной площади в последующие десятилетия.

Большая часть построек архаической Березани имела один этаж, включая и полуподвальные помещения. Бесспорных случаев наличия второго этажа у исследованных домов пока нет¹⁵.

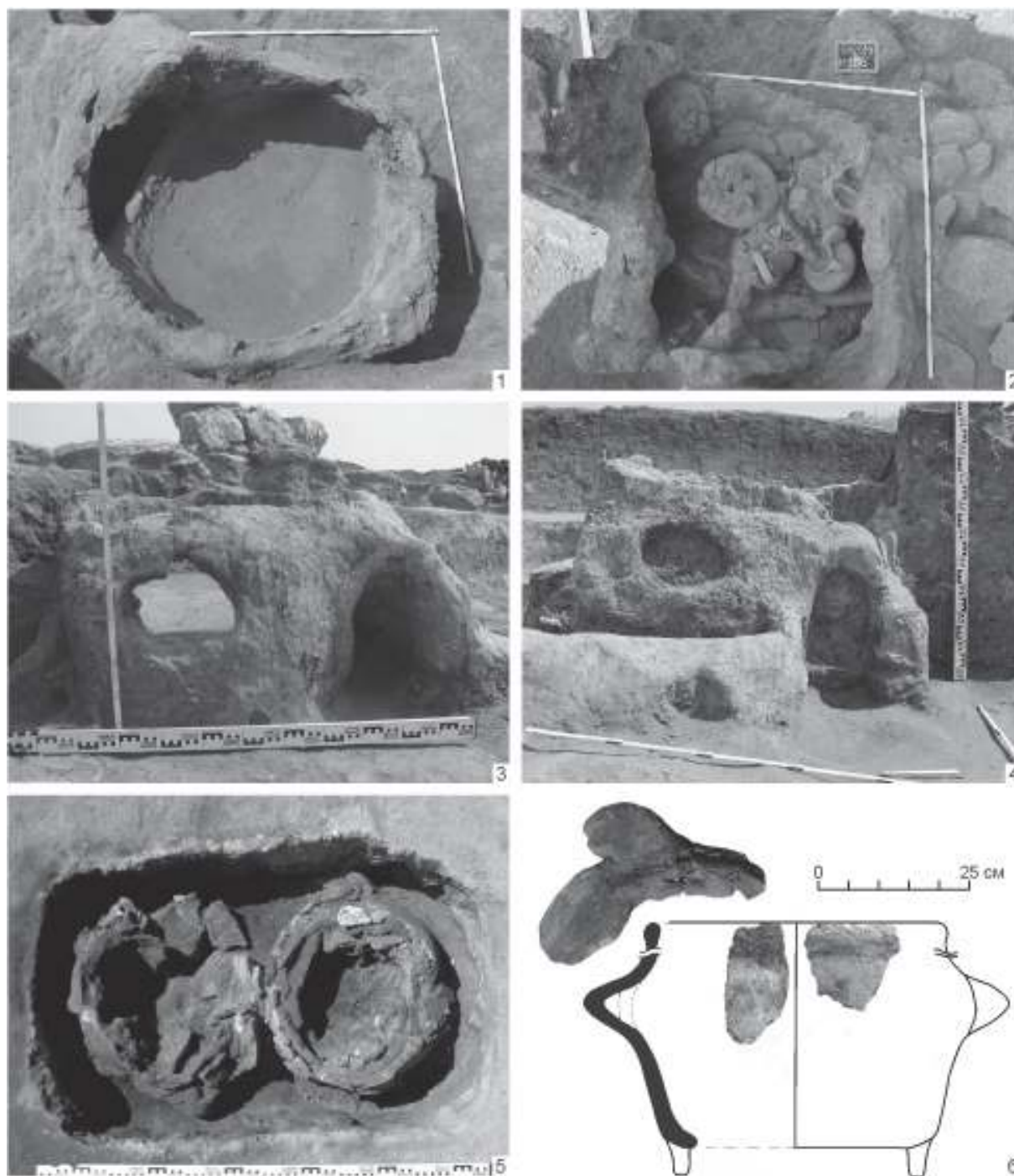
¹⁴ Следует, правда, заметить, что подобные случаи известны в архаических домах Загоры и Мегар Гиблейских (*Ault*, 2007. P. 260).

¹⁵ Наличие двух этажей предполагалось для одной из построек дома 2 северного квартала Северо-западного участка

В числе элементов внутреннего интерьера помещений наиболее хорошо представлены печи и жаровни нескольких различных типов. Простейшим типом печки или жаровни, использовавшимся как внутри помещений, так и под открытым небом, были верхние части тарных амфор, вкопанные горлом вниз. Сколотые плечики амфоры создавали бортик, удерживавший угли и, вероятно, использовавшийся для установки круглодонных кухонных горшков. Большой интерес представляют купольные глинобитные печи (рис. 9, 1–4), вероятно, в первую очередь предназначенные для выпечки хлеба. Хорошая сохранность нескольких печей этого типа позволяет выполнить достоверную реконструкцию их внутреннего устройства. Весьма вероятно, что такие купольные печи были почти в каждом жилом доме Березанского поселения (*Чистов и др.*, 2015). Реже встречаются очаги, предназначенные для установки цилиндрических печей (рис. 9, 5). Эти устройства представляют собой локальную разновидность переносных «бочковидных» печек, широко распространенных в греко-римском мире на протяжении многих столетий (*Sparkes*, 1962. P. 130, pl. V.6, p. 131, pl. VI.4; *Tsakirgis*, 2007. P. 228–229; *Aydemir*, 2005. P. 94–95, 99, Abb. 17, 18, cat. 8; *Sparkes, Talcott*, 1970. Pl. 97, no. 2017, 2018). Широкое применение переносных печек, жаровен, грилей и очажных подставок для обогрева и приготовления пищи демонстрирует очевидное сходство в использовании домашнего пространства между архаическим Борисфеном и его метрополией (*Aydemir*, 2005. P. 89–95).

Таким образом, в планировке, элементах интерьера и строительных техниках, применявшихся при возведении домов Березанского поселения, усматриваются определенные местные черты. Они включают широкое использование помещений с уровнем пола, заглубленным относительно земной поверхности, а также практику возведения небольших изолированных строений в границах дома. Несмотря на довольно значительную вариативность размеров домов и отсутствие устойчивых планировочных типов, дома Березанского поселения выделяются сравнительно большими размерами при сопоставлении с известными жилыми структурами архаического периода других

(рис. 4, 1Б, № 1–2) (*Solovyov*, 1999. P. 71–72). Эта реконструкция ставилась под сомнение С. Д. Крыжицким (2006. С. 115).

Рис. 9. Березанское поселение. Участок «О-Западный»: 1-4 – купольные глинобитные печи: 1, 3 – печь в СК 43; 2, 4 – печь с составленными в нее кухонными сосудами в доме МК-10; 5 – две цилиндрических печи в очаге помещения 5 дома МК-3; 6 – реконструкция профиля печи

Fig. 9. Berezan settlement. Area 'O-Western': 1-4 – domed adobe kilns: 1, 3 – stove in СК 43; 2, 4 – stove with stacked kitchen ware in house МК-10; 5 – two cylindrical stoves in fireplace of room 5 in house МК-3; 6 – reconstruction of the profile of a stove

городских центров Северного Причерноморья. Тем не менее, следует учитывать, что количество хорошо исследованных участков архаической городской застройки на античных памятниках

северного побережья Черного моря относительно невелико. Кажущиеся различия в отдельных случаях могут быть следствием пробелов в наших знаниях, однако могут оказаться и реальным сви-

детельством специфических местных условий развития ранних колоний.

Так, недавно исследованная часть архаического квартала в Мирмекии включала дома площадью 125–160 кв. м, хотя один из домов, возможно, имел значительно большие размеры (Бутягин, 2000; Butyagin, 2008; Бутягин, Чистов, 2015. С. 34). Архаические дома Тиритаки имели среднюю площадь 170–275 кв. м (Зинько, 2014. С. 298–306), что сравнимо с домохозяйствами Березани. С другой стороны, территория акрополя Пантикапея во второй половине VI – начале V в. до н. э. была застроена домами существенно меньших размеров и заметно более простой планировки (Марченко, 1979; Толстиков, 2001; 2007. Р. 567–570), сходным образом небольшие дома были характерны для архаической застройки Верхнего города Фанагории во второй половине VI в. до н. э. (Кузнецов, 2010. С. 450). В двух последних случаях небольшие размеры домов, возможно, объясняются необходимостью размещения жилых кварталов на ограниченном пространстве в границах укрепленного (или естественно укрепленного) периметра (Кузнецов, 2001. С. 12). В нашем же случае размеры древнего полуострова, выбранного для основания нового поселения, вероятно, не накладывали на колонистов столь жестких ограничений.

В завершение отметим еще одну примечательную особенность жилых домов Березани. При их строительстве практически не использовалась планировочная схема, наиболее распространенная в архаических центрах Боспора¹⁶ и представляющая собой вариант жилища, часто встречающегося в греческом мире архаической эпохи (Lang, 2005. Р. 17–18, fig. 2.1 e–f). Речь идет о домохозяйстве, состоящем из двух или трех смежных помещений, расположенных по одну сторону от обнесенного оградой двора. На Березани такой планировочный принцип пока зафиксирован только в одном упомянутом выше случае – для раннего периода дома № 2 Северо-Западного участка (рис. 4, 1а).

¹⁶ Дома такой планировки раскрыты в Мирмекии (Бутягин, Чистов, 2015. С. 34–35, рис. 1), Тиритаке (Гайдукевич, 1952. С. 86–87; Крыжицкий, 1982. С. 58–60; Twarddecki, 2014. Р. 34–37; 2015; Зинько, 2014. С. 307–308) и в Нимфее (в печати: статья подготовлена автором для материалов юбилейной конференции «Нимфей и античные города северного Причерноморья», Санкт-Петербург, 2014 г.).

Следует заключить, что многие детали внутренней пространственной организации домов Борисфена остаются неясными и могут быть уточнены как по мере накопления новых данных в ходе продолжающихся раскопок его городской застройки, так и в ходе изучения архивных материалов старых исследований.

Буйских А., 2013 – Буйских А. В. О греческой колонизации северо-западного Причерноморья (новая модель?) // ВДИ. 2013. № 1.

Буйских С., 1986 – Буйских С. Б. Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений Ольвийской хоры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.

Бутягин, 2000 – Бутягин А. М. Архаический дом в Мирмекии // ΣΥΣΤΙΓΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб., 2000.

Бутягин, 2001 – Бутягин А. М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы науч. конф. СПб., 2001. Ч. 1.

Бутягин, Чистов, 2015 – Бутягин А. М., Чистов Д. Е. Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекии // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015.

Виноградов, 1989 – Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса (историко-эпиграфическое исследование). М., 1989.

Гайдукевич, 1952 – Гайдукевич В. Ф. раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. М., 1952 (МИА; № 25).

Долгоруков, Колесников, 1993 – Долгоруков В. С., Колесников А. В. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1.

Доманский и др., 1989 – Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.

Зинько, 2014 – Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Симферополь; Керчь, 2014 (Боспорские исследования; Supplementum 11).

Копейкина, 1975 – Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период (истоки строительной традиции) // СА. 1975. № 2.

Копейкина, 1981 – Копейкина Л. В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период

- (по результатам раскопок на северо-западном участке) // ВДИ. 1981. № 1.
- Крыжицкий*, 1982 – *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
- Крыжицкий*, 1993 – *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий*, 2006 – *Крыжицкий С. Д.* К типологии ранних жилых домов Березани // ВДИ. 2006. № 1.
- Кузнецов*, 2001 – *Кузнецов В. Д.* Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. Вып. 1 / Отв. ред. С. Л. Соловьев. СПб., 2001.
- Кузнецов*, 2010 – *Кузнецов В. Д.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М., 2010. Т. 1.
- Латин*, 1966 – *Латин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Латин*, 1975 – *Латин В. В.* Отчет о раскопках древнегреческого поселения на острове Березани (экспедиция археологического музея ИЗ АН УССР) // Научный архив Института археологии НАНУ. № 7764.
- Латин*, 1978 – *Латин В. В.* Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации (рукопись монографии) // Научный архив Института археологии НАНУ. Ф. 24. № 58.
- Марченко*, 1979 – *Марченко И. Д.* О планировке Северного склона Пантикапея (к проблеме изучения агоры) // СА. 1979. № 2.
- Отрешко, Мазарати*, 2009 – *Отрешко В. М., Мазарати С. Н.* Архаические сооружения Березани // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В. М. Отрешко / Отв. ред. С. Б. Буйских, Л. А. Лысенко. Киев, 2009.
- Русяева*, 2006 – *Русяева А. С.* Главы II, XIV // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006 (МАИЭТ; Supplementum 2).
- Соловьев*, 2008 – *Соловьев С. Л.* «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // Тр. ГЭ. СПб., 2008. Т. XLI.
- Соловьев*, 2013 – *Соловьев С. Л.* Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В. П. Копылова. Ростов н/Д, 2013.
- Сон*, 1987 – *Сон Н. А.* Ремесленное производство // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Киев, 1987.
- Толстиков*, 2001 – *Толстиков В. П.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
- Трейстер*, 1998 – *Трейстер М. Ю.* Ионийские ремесленники – скифам // ВДИ. 1998. № 4.
- Чистов*, 2007 – *Чистов Д. Е.* Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на острове Березань // Древности Северного Причерноморья в античное время / Отв. ред. В. Н. Зинько, В. В. Крапивина. Симферополь, 2007 (МАИЭТ; Supplementum 4).
- Чистов*, 2013 – *Чистов Д. Е.* Тип «Дома колониста» в Северном Причерноморье архаического периода // Боспорский феномен. Материалы конф. СПб., 2013.
- Чистов, Ильина*, 2013 – *Чистов Д. Е., Ильина Ю. И.* «Дома колонистов» на Березанском поселении – археологический контекст и историческая интерпретация // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы XIV Боспорских чтений. Керчь, 2013.
- Чистов, Ильина*, 2015 – *Чистов Д. Е., Ильина Ю. И.* Новые данные о Березанском поселении классического периода // OLBIO in memoriam V. V. Krapivina. Киев, 2015 (Археологія і давня історія України; Вип. 1(14)).
- Чистов и др.*, 2012 – *Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю.* Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2012. Т. 2: Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг.
- Чистов и др.*, 2015 – *Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Щербакова О. Е.* Кухонное оборудование и кухонная керамика архаического Березанского поселения // Клио. СПб., 2015. № 11 (107).
- Штерн*, 1910 – *Фон Штерн Э. Р.* Отчет о раскопках на острове Березани в 1909 г. // Записки Императорского общества истории и древностей. XXVIII. Одесса, 1910.
- Штерн*, 1914 – *Фон Штерн Э. Р.* Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года (отдельный оттиск). Одесса, 1914.
- Ault*, 2007 – *Ault B.* Oikos and Oikonomia: Greek houses, households and the domestic economy // Building communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond / Westgate R., Fisher N., Whitley J. (eds.). 2007 (British School at Athens Studies; Vol. 15).
- Aydemir*, 2005 – *Aydemir A.* Funde aus Milet. XX. Kochgeschirr und Küchengeräte aus dem archaischen Milet // Archäologischer Anzeiger. 2005. № 2.
- Butyagin*, 2008 – *Butyagin A. M.* Archaic Myrmekion // Greeks and natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st centuries BC: proceedings of the international conference, October 2000, Taman, Russia / Soloviov S. L. (ed.). Oxford, 2008.
- Čistov*, 2012 – *Čistov D. E.* La Borysthène archaïque (site de l'île de Bérézan). Première colonie grecque du nord de la mer Noire, d'après le matériel des fouilles récentes du Musée d'Etat de l'Ermitage menées dans la partie orientale

- de l'île // Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire / Burgunder, P. (ed.). Lausanne, 2012 (Etudes de Lettres; 290 (2012/1–2).
- Chistov*, 2015 – *Chistov D. E.* The civic centre of Archaic Borysthene: a new approach to localization // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC–10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities / Tsatskheladze, G. (ed.). London, 2015.
- Chistov*, *Krutilov*, 2014 – *Chistov D.E., Krutilov V.V.* The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement // Phanagorea und darüber hinaus.... Festschrift für Vladimir Kuznetsov Herausgegeben von Nikolai Povalachev / Povalachev N. (ed.). Göttingen, 2014.
- Ersoy*, 2007 – *Ersoy Y.* Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // Frühes Ionien: eine Bestandaufnahme. Akten des Internationalen Kolloquiums zum einhundertjährigen Jubiläum der Ausgrabungen in Milet, Panionion/Güzelçamlı, 26.09.–01.10.1999 / Cobet, J., von Graeve, V., Niemeier, W.-D., Zimmermann, K. (eds.). Frankfurt am Mainz, 2007 (Milesische Forschungen; Vol. 5).
- Lang*, 2005 – *Lang F.* Structural Change in Archaic Greek Housing // Ancient Greek Houses and Households: Chronological, Regional, and Social Diversity / Ault B. A., Nevett L. C. (eds.). Philadelphia, 2005.
- Solovyov*, 1999 – *Solovyov, S. L.* Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden; Boston; Cologne, 1999.
- Sparkes*, 1962 – *Sparkes B. A.* The Greek Kitchen // The Journal of Hellenic Studies. 1962. № 82.
- Sparkes*, *Talcott*, 1970 – *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B. C. Princeton, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XII).
- Treister*, 1998 – *Treister M. Y.* Ionia and North Pontic Area. Archaic Metalworking. Tradition and Innovation // Greek Colonization of the Black Sea. Historical interpretation of Archaeology / Tsatskheladze G. (ed.). Stuttgart, 1998 (Historia; Vol. 121).
- Treister*, 2007 – *Treister M. Y.* Archaic Panticapaeum // Frühes Ionien: eine Bestandaufnahme. Akten des Internationalen Kolloquiums zum einhundertjährigen Jubiläum der Ausgrabungen in Milet, Panionion/Güzelçamlı, 26.09.–01.10.1999 / Cobet, J., von Graeve, V., Niemeier, W.-D., Zimmermann, K. (eds.). Frankfurt am Mainz, 2007 (Milesische Forschungen; Vol. 5).
- Tsakirgis*, 2007 – *Tsakirgis B.* Fire and smoke: hearths, braziers and chimneys in the Greek house // Building communities. House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. 2007 (British School at Athens Studies; Vol. 15).
- Tsatskheladze*, 2004 – *Tsatskheladze G. R.* On the Earliest Greek Colonial Architecture in the Pontus // Pontus and the Outside World: Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology / Tuplin, C. J. (ed.). Leiden; Boston, 2004.
- Twardecki*, 2014 – *Twardecki A.* The Ancient site of Tyritake in the Cimmerian Bosphorus. Polish excavations 2008–2013 // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus / Twardecki A. (ed.). Warsaw, 2014.

Dwelling house construction in the settlement of Berezan of the second half of the 6th – first half of the 5th century BC

D. E. Chistov

By now, a considerable progress has been made both in studies of urban planning and in the problem of localization of the public centre of the archaic Berezan settlement (Borysthene). The street net of Borysthene, which presumably arose after the 540s BC, had existed with very slight alterations for less than a century until the second quarter of the 5th century BC when the Berezan settlement was deserted by the majority of its residents. Several particular stages may be distinguished in the process of urbanization of the Berezan settlement. The earliest of these stages is marked by the so-called 'houses of colonists' presented by rectangular one-chamber structures with the floors

sunk deep into the ground (Fig. 2–3). As it seems, the appearance of structures of this type within the Berezan settlement is dated to some brief stage antecedent immediately to the beginning of the mass surface construction of houses. It is also possible that these dwellings belonged to the first residents of this urbanized colony who built them immediately after their debarkation.

The city's houses arisen in the third quarter of the 6th century BC presented buildings with their total area of 180–370 sq. m including four to six inhabited and economic rooms grouped around the central courtyard (Fig. 4–6). A distinct peculiarity of the archaic houses

in the Berezan settlement is in the so-called semi-basements with the floor level 0.2–1.0 m below the ancient ground surface (Fig. 8, 1, 2). There are no grounds to consider all of them as household store-rooms or cellars. Another important peculiarity of dwelling houses in archaic Borysthenes is in the presence of isolated one- or two-chamber structures. These structures were encircled with outer fences of the house court or bearing walls of the adjoining buildings belonging to the same homestead. However the latter buildings were built at some distance from the encircling walls and not immediately close to them. These structures included either surface or semi-basement rooms. The majority of buildings in archaic Berezan

had a single store including the semi-basements. There are so far no inarguable traces of the presence of a second store in the excavated houses.

Summarizing, certain specific local peculiarities seem to pertain to the plans, elements of the interior and techniques of construction of buildings of the Berezan settlement. Despite the fairly considerable difference in the dimensions of the houses, along with the absence of established layout types, the houses of the Berezan settlement are distinguished in their relatively large dimensions as compared with the known dwelling houses of the archaic period in other urban centres of the northern Black Sea littoral.

ПАМЯТНИК АЛДЫ-БЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВЫ – МОГИЛЬНИК БАЙ-ДАГ 8. ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

И. В. Рукавишникова, А. А. Гладченков¹

Аннотация. Статья посвящена погребальному памятнику древнего населения Тувы раннего железного века – могильнику Бай-Даг 8. Памятник был расположен в долине реки Ээрбек, в Кызылском районе Республики Тыва. Могильник состоял из двух объектов: вытянутой каменной насыпи и круглой каменной выкладки. По вещевым комплексам и радиоуглеродным анализам дерева и костей человека курган можно отнести к алды-бельскому периоду, а точнее к началу VI в. до н. э. Проведенные анализы предметного комплекса позволяют судить о разнообразии и материальной культуре этого населения.

Annotation. This article is devoted to a funerary monument of the ancient population of Tuva of the Early Iron Age. It is the burial ground of Bay-Dag 8 located in the valley of the Eerbek River in the Kyzyl district of the Tyva Republic. The cemetery consists of two archaeological objects: an elongated stone mound and a circle of stone blocks. Through assemblages of artefacts and radiocarbon analyses of the wood and human bones, the barrow is datable to the Aldy-Bel period, i.e. the beginning of the 6th century BC. Examination of the items from the complex under study demonstrates its diversity and the material culture of the population which left it.

Ключевые слова: ранние кочевники Тувы, каменная архитектура погребальных комплексов, оленные камни, комплексные исследования, долина р. Ээрбек, алды-бельская культура.

Keywords: early nomads of Tuva, stone architecture of mortuary complexes, deer stones, interdisciplinary studies, Eerbek valley, Aldy-Bel culture.

Статья представляет результаты комплексного изучения памятника рядового населения Тувы первой половины I тыс. до н. э. Это население, известное науке как ранние кочевники Тувы, в основном оставило памятники погребально-поминального характера, относящиеся к кругу археологических культур скифского типа. Территория Республики Тыва как в культурно-историческом, так и в природно-ландшафтном отношении – перекресток в самом сердце Азии. Тува культурно-исторически относится к Центральной Азии, а также является зоной Южной Сибири, частью Саяно-Алтайского нагорья. Народы, населявшие эти регионы, были тесно связаны.

Эти люди кочевали со сменами сезонов по узким межгорным долинам между зимними и летними стоянками. Они сооружали каменные погребальные

комплексы для своих усопших сородичей, периодически возвращались к ним, захоранивая детей и супругов, близких родственников. При совершении различных поминальных обрядов (жертвоприношения, а также очищение пространства огнем) перекрывали каменными панцирями эти курганы и пристраивали к ним дополнительные сооружения для семей следующего поколения или сестер и братьев, подхоранивали умерших младенцев, «прихоранивали» послед после родов. Подобные памятники известны в Центральной Туве в могильниках Алды-Бель, Хемчик-Бом III и V, Куйлуг-Хем, изученных А. Д. Грачом (Грач, 1980), Сарыг-Булун и Сыпучий Яр, изученных Вл. А. Семеновым и М. Е. Килуновской (Семенов, Килуновская, 1990. С. 36; Семенов, 2001). В Каа-Хемском районе – это могильник Копто, исследованный К. В. Чугуновым (Чугунов, 2005а), а в Тодже – захоронения на «Второй поляне», исследованные М. А. Дэвлет (Дэвлет, 1971). А. Д. Грачом выделена алды-бельская культура первой половины I тыс. до н. э.

Самые известные памятники этого времени – «царские» курганы, такие как Аржан-2 (Чугунов и др., 2002. С. 115–127; Çugunov et al., 2010)

¹ Рукавишникова И. В. – Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН, Отдел скифо-сарматской археологии.
E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru.

Гладченков А. А. – Россия, 690001, Владивосток, Пушкинская ул., 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
E-mail: holger2@yandex.ru.

и Чинге-Тэй (Чугунов, 2011а), изучаемые экспедицией Государственного Эрмитажа. Эти комплексы содержали погребения с многочисленными вещами, в том числе оружием и предметами искусства, мастерство исполнения которых свидетельствует о существовании кочевых объединений и направлении культурных связей кочевников раннего железного века Тувы.

В 2012 г. экспедицией ИА РАН в рамках совместного проекта с РГО и ИИМК РАН был исследован курганный могильник Бай-Даг 8 (рис. 1). Памятник был расположен на второй надпойменной террасе реки Ээрбек и находился в 13 км к северу от поселка Ээрбек, в Кызылском районе Республики Тыва. Могильник, выявленный разведками 2010 г., проведенными под руководством Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской ТАЭ ИИМК РАН (Килуновская, Семенов, 2014), состоял из двух объектов. Курган № 1 – вытянутая каменная насыпь, имеющая размеры 26 м строго по линии север – юг и 17 м по линии запад – восток и высоту до 0,7 м. Курган № 2 – круглая плоская каменная выкладка диаметром 2 м, расположенная на северо-востоке от кургана № 1 (рис. 1, 1–3).

Насыпь кургана № 1 была перекрыта остатком каменного панциря, состоящего из плоских каменных плит базальтовых и туфовых пород (рис. 1–2). Ограда кургана была сооружена из вертикально поставленных каменных плит, частично повалившихся в древности, а также разрушившихся под тяжестью каменной насыпи. В процессе ее разборки выявилась сложная конструкция кургана: вертикальные плиты ограды поддерживали три насыпи сочлененных между собой курганных сооружений, расположенных по оси север – юг (рис. 1, 5–6; 2, 1). В южной части была зафиксирована полная насыпь округлой формы. Именно к ней были последовательно пристроены остальные два объекта.

В оградах южного и северного сооружений были расчищены так называемые «входы» – заложенные

проемы, заполненные горизонтально лежащими и вертикально стоящими плитами.

Снаружи ограды с западной и южной стороны зафиксированы зольные пятна. С юго-восточной стороны у ограды найдены фрагменты лепной керамики времени ранних кочевников (рис. 1, 7).

При расчистке ограды в разных местах южного и центрального сооружений были обнаружены «клады» – элементы уздечного набора (рис. 2, 2). Бронзовые удила со стремечковидными окончаниями были найдены с внутренней стороны ограды, за крупной плитой южного сооружения рядом со «входом». С восточной стороны недалеко друг от друга были найдены бронзовые двудырчатые парные псалии со шпеньком, с одним из которых находились пронизь со шпеньком и подпружная пряжка. Парная ей пряжка со шпеньком в виде копытца находилась в противоположной стороне – в западном секторе ограды.

В центральном сооружении *in situ* был найден олений камень № 1. Он лежал на боку, прислоненный к северному борту изнутри ограды (рис. 3, 7, 9). Внутри ограды центрального сооружения в северо-западной части этого пространства был найден *in situ* еще один более крупный олений камень № 2, лежавший на боку (рис. 3, 8, 10).

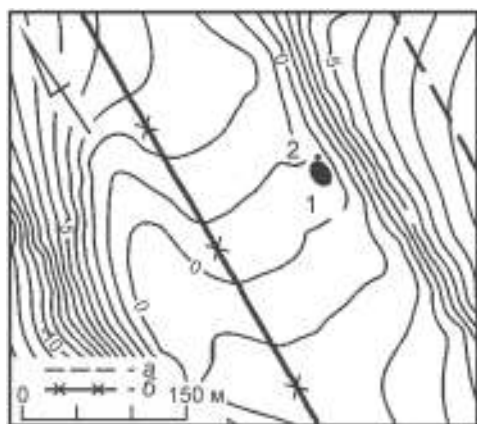
Всего под общей насыпью кургана № 1 находилось 14 погребений, расположенных в трех сооружениях (рис. 2, 2).

В южном сооружении по оси север – юг размещались центральное погребение № 2 и погребение № 1, расположенное под южной оградой, а также три боковых погребения в западном секторе у «входа» – № 7, 8, 9. Боковые погребения были перекрыты выкидами грунта, образовавшегося при рытье ям для центральных погребений.

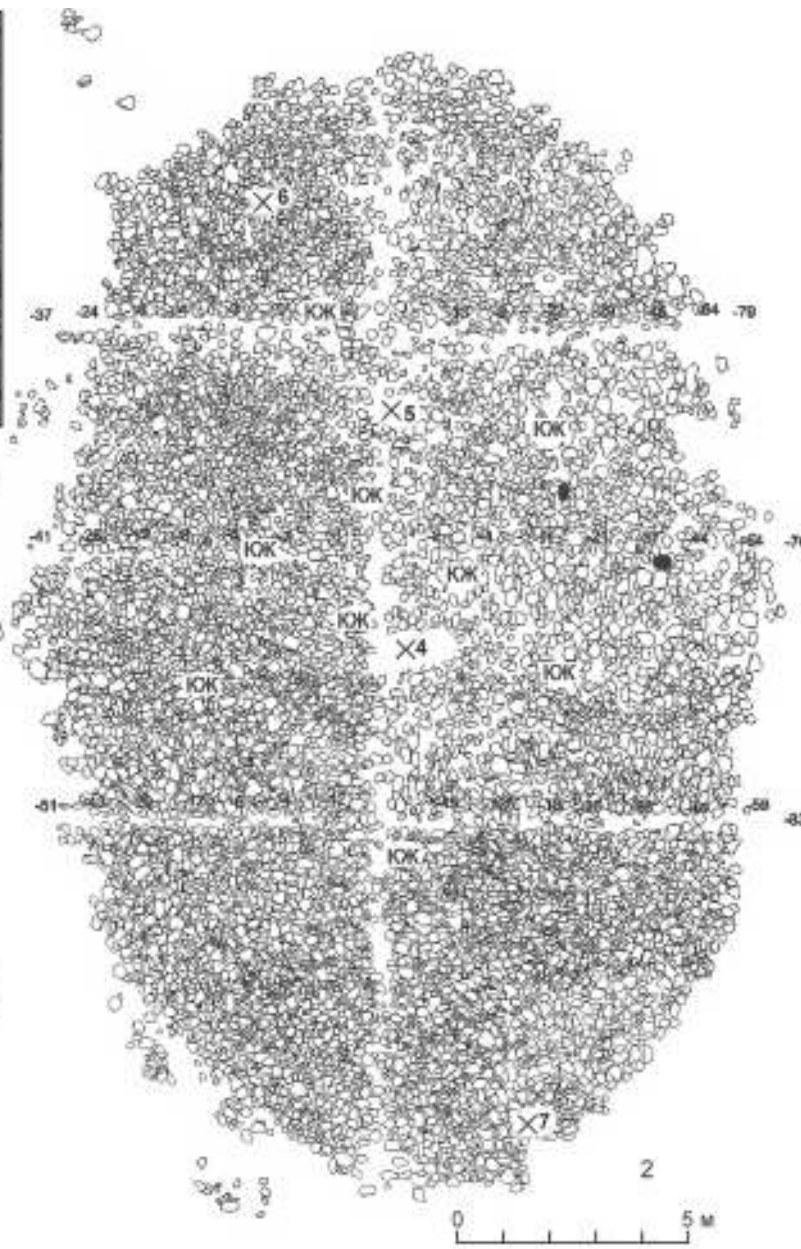
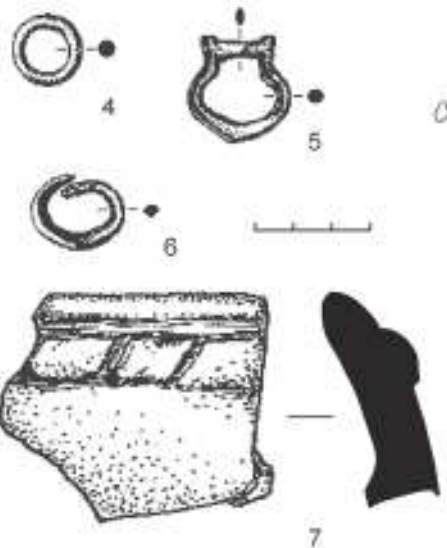
В центральном сооружении основное погребение № 3 было расположено под оградой южного сооружения на общей оси север – юг. Севернее было расчищено погребение № 4 – могила ребенка, завернутого в бересту, располагавшееся практиче-

Рис. 1. Могильник Бай-Даг 8: 1 – план могильника (а – полевая дорога; б – линия трассы); 2–7 – курган № 1: 2 – план; 3 – вид с запада на каменный панцирь; 4–7 – находки из насыпи: 4 – кольцо бронзовое; 5 – уздечная пряжка бронзовая; 6 – кольцо железное кованое; 7 – фрагмент керамики

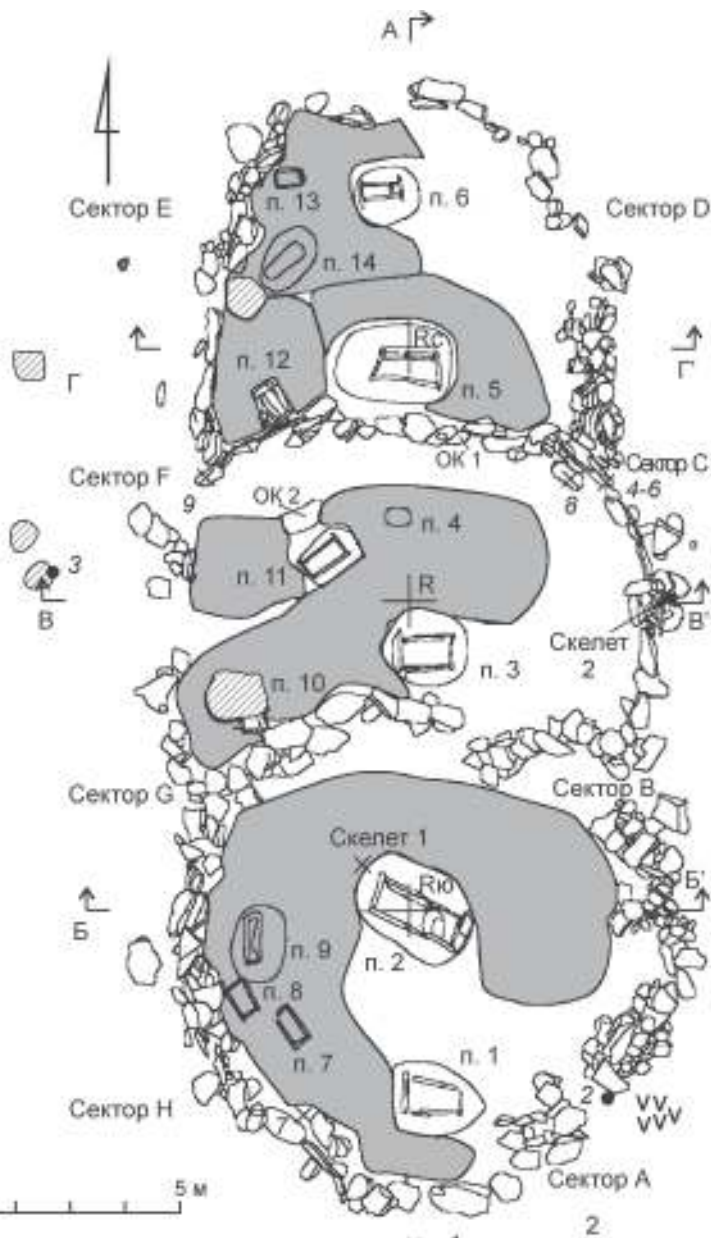
Fig. 1. Cemetery of Bay-Dag 8: 1 – plan of the cemetery (a – field road; б – track); 2–7 – kurgan no. 1: 2 – plan; 3 – view from west at the stone facing; 4–7 – finds from the mound: 4 – bronze ring; 5 – bronze bridle buckle; 6 – forged iron ring; 7 – fragment of pottery

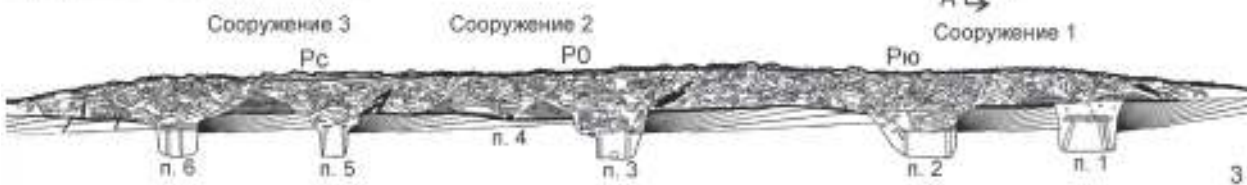
1

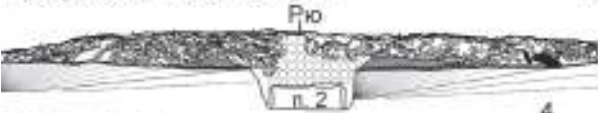
3

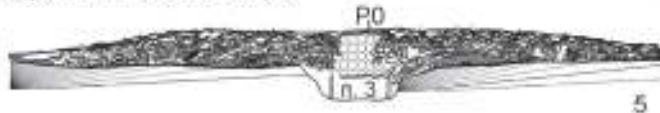
Профиль А – А', западный фас

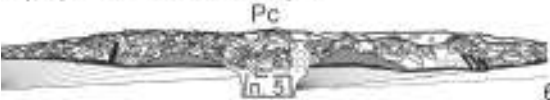
Профиль Б – Б', южный фас

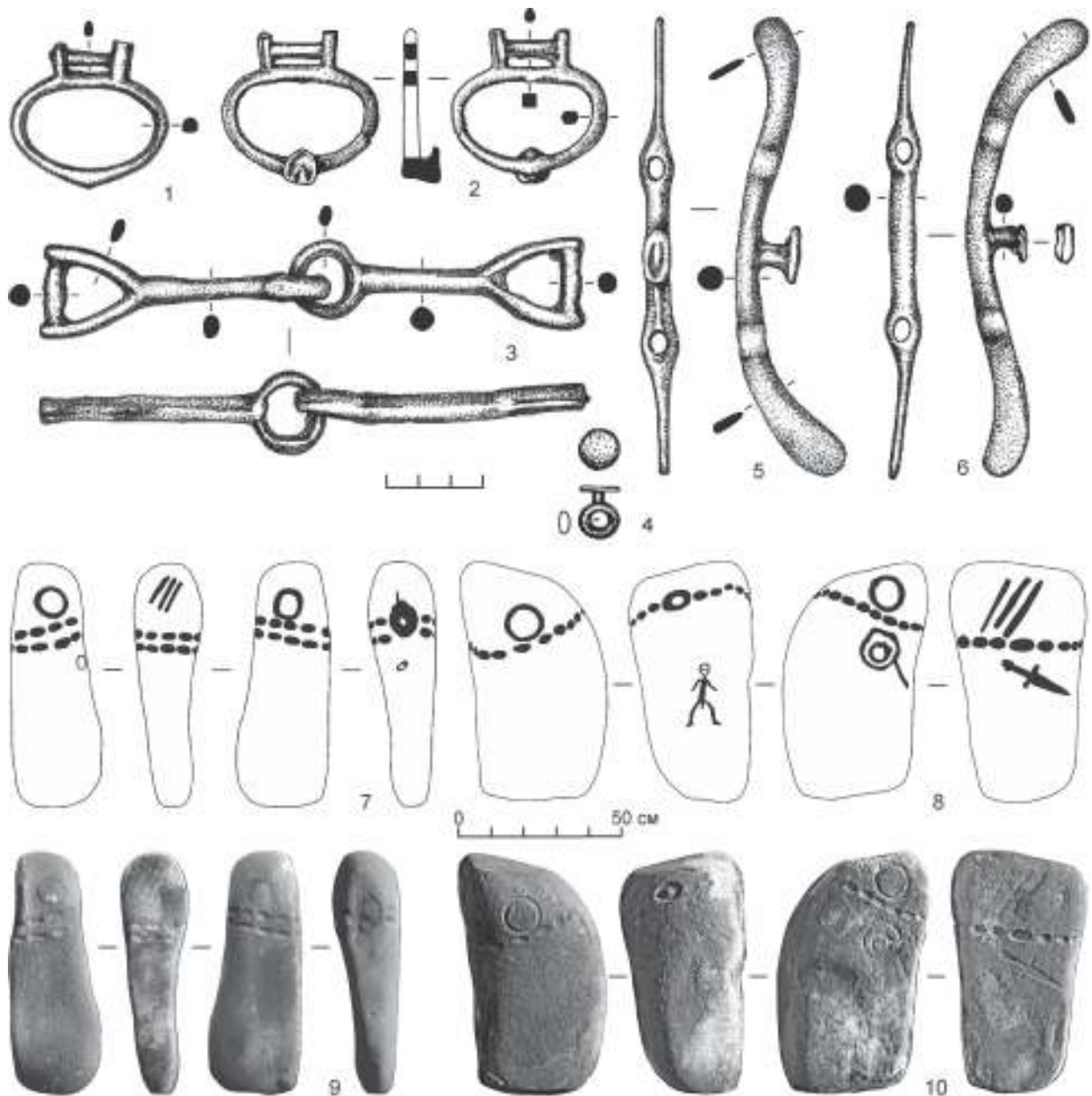
Профиль В – В', южный фас

Профиль Г – Г', южный фас

	-а		-2		-Ж		-к
	-б		-д		-3		-л
	-в		-е		-u		

Рис. 3. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1: 1–6 – бронзовые детали узды из ограды кургана: 1, 2 – подпружные пряжки; 3 – удила; 4 – пронизь; 5, 6 – псалии; 7–10 – оленные камни кургана № 1: 7, 9 – олений камень № 1; 8, 10 – олений камень № 2

Fig. 3. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1: 1–6 – bronze bridle parts from the fence of the kurgan: 1, 2 – saddle-girth buckles; 3 – bits; 4 – spacer; 5, 6 – cheek-pieces; 7–10 – deer stones at kurgan no. 1: 7, 9 – deer stone no. 1; 8, 10 – deer stone no. 2

Рис. 2. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1. 1 – вид сверху; 2 – план кургана из трех сооружений (1–3 – фрагменты керамики; 4–9 – детали бронзовой узды: 4, 8 – псалии, 5, 9 – подпружная пряжка, 6 – пронизь, 7 – удила); 3 – профиль А–А', западный фас; 4 – профиль Б–Б', южный фас; 5 – профиль В–В', южный фас; 6 – профиль Г–Г', южный фас.

Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение грабительского лаза; в – погребенная почва; г – выкид; д – каменная насыпь; е – камни крепиды (основания); жс – материк; з – находки керамики; и – детали бронзовой узды; к – зольные пятна; л – уголь

Fig. 2. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1: 1 – view from above; 2 – plan of a kurgan with three structures (1–3 – fragments of pottery; 4–9 – bronze bridle parts: 4, 8 – cheek-pieces; 5, 9 – saddle-girth buckle; 6 – spacer; 7 – bits); 3 – profile А–А', view from west; 4 – profile Б–Б', view from south; 5 – profile В–В', view from south; 6 – profile Г–Г', view from south

Notations: а – sod; б – fill of the robbers' access; в – buried soil; г – spoil; д – stone bank; е – stones of the kerb (base); жс – virgin soil; з – finds of pottery; и – bronze parts of a bridle; к – ash spots; л – charcoal

ски на древнем горизонте под выкидом из центральной ямы. В западном секторе находились погребения № 11 и 10, также перекрытые выкидом из центрального погребения.

В северном сооружении основное погребение № 5 было совершено под оградой центрального, а севернее него располагалось погребение № 6. В западном секторе под выкидом из центрального погребения были зафиксированы погребения № 13 и 14, а также на древнем горизонте между вертикальных плит сооружений был найден пустой каменный ящик № 12. В западном секторе северного сооружения были расчищены зольные пятна внутри ограды у «входа», перекрывающие выкид из основной ямы. Плиты ограды с внутренней стороны были закопчены огнем.

Напротив «входа» северного сооружения с западной стороны на уровне материка был расчищен «треугольник» – ритуальный объект, составленный из маленьких плиток, острой вершиной ориентированный на юг. Аналогичный объект был зафиксирован с восточной стороны северного сооружения.

В насыпи кургана встречались кости животных (КЖ), в том числе и в сочленении. Скопления костей были зафиксированы под оградой, под панцирем и в районе «затекших» западин над центральными погребениями (определения видового состава животных приведены в Приложении № 3). В основном, они были найдены в районе южного и центрального сооружений.

Помимо костей животных в комплексе были найдены человеческие кости в сочленении. Фрагменты скелета № 2 находились на плитах ограды центрального сооружения с восточной стороны. Это были длинные кости одной руки и одной ноги. Части скелета № 1 были найдены на плитах, перекрывающих погребение № 2 в южном сооружении с западной стороны. Среди останков присутствовали нижняя челюсть, фрагменты грудной клетки и рука в сочленении. Еще одна человеческая кость – бедренная была найдена на древнем горизонте в центральном сооружении, в грунте выкида из погребения № 3 рядом с оленним камнем № 2.

Итого на площади исследованного комплекса были открыты 12 углубленных в землю погребений, два погребения на древнем горизонте и части че-

ловеческих скелетов в насыпи (половозрастные определения погребенных приведены в Приложении № 4).

Описание погребений.

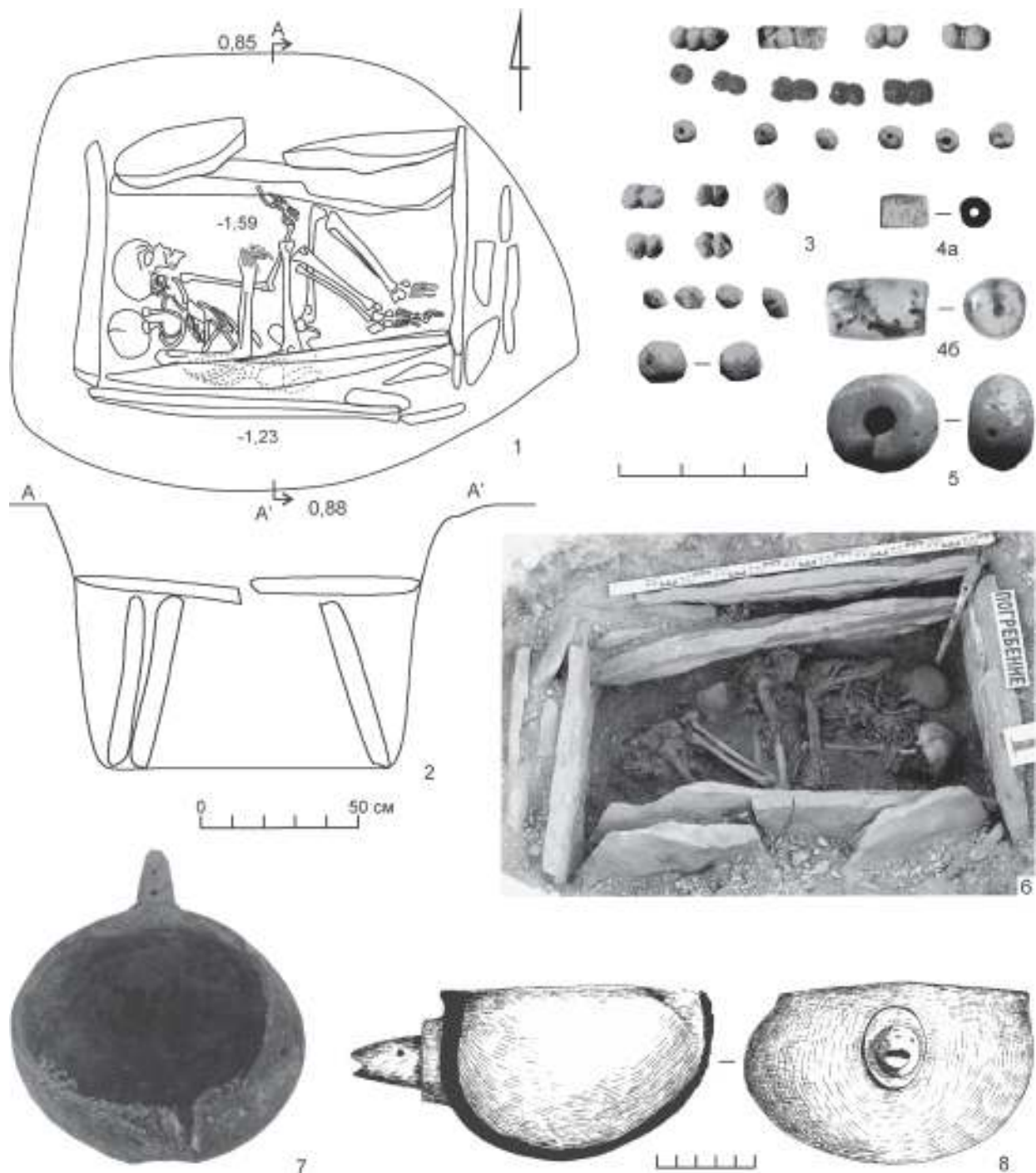
Погребение № 1 (рис. 4; 5), ориентированное по линии запад–восток, было совершено в каменном ящике, углубленном в материк на метр от уровня древней дневной поверхности и перекрытом каменными плитами. Пространство внутри ящика заполнилось грунтом лишь частично.

Погребенная, женщина 45–50 лет, лежала скорченно на левом боку головой на запад. Левая рука была направлена к колену, правая – согнута в локте. В результате определенных условий, создавшихся в погребении и сохранявшихся на всем протяжении существования памятника, произошла естественная частичная мумификация. Кожа сохранилась на лицевой части черепа, на руке, ноге и тазовых костях. На ноге сохранились связки.

Слева от черепа находился деревянный ковш из березового капа диаметром 12 см с составной рукоятью. Хорошо сохранился короткий черенок с отверстиями для прикрепления рукояти, составлявший единое целое с чашей ковша (рис. 4, 7, 8). Под черепом, рядом с левым плечом, был зафиксирован бисер зеленого цвета (рис. 4, 3). Рядом с правым плечом обнаружена крупная бусина из пасты. Под черепом были найдены цилиндрическая разноцветная пастовая бусина и несколько бисерин (рис. 4, 3–5).

За тазовыми костями, у южной стенки ящика, был расчищен комплекс предметов, находившийся в частично сохранившемся кожаном чехле или поясной сумочке: бронзовое дисковидное зеркало с петелькой на обороте, в которой остались фрагменты кожаного ремешка (рис. 5, 1, 1а), бронзовое шило, бронзовая игла (рис. 5, 2, 3) и составной гребень из роговых пластин с прочерченным геометрическим орнаментом и деревянными зубцами (рис. 6, 1–24). Один зубец был изготовлен из рога и орнаментирован косыми процарапанными линиями. Благодаря работе реставратора Л. В. Кокуца² удалось реконструировать этот составной гребень.

² НГОМЗ, лаборатория консервации археологической древесины, г. Великий Новгород.

Рис. 4. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1, погребение № 1: 1, 2 – план и разрез; 3 – бисер стеклянный;

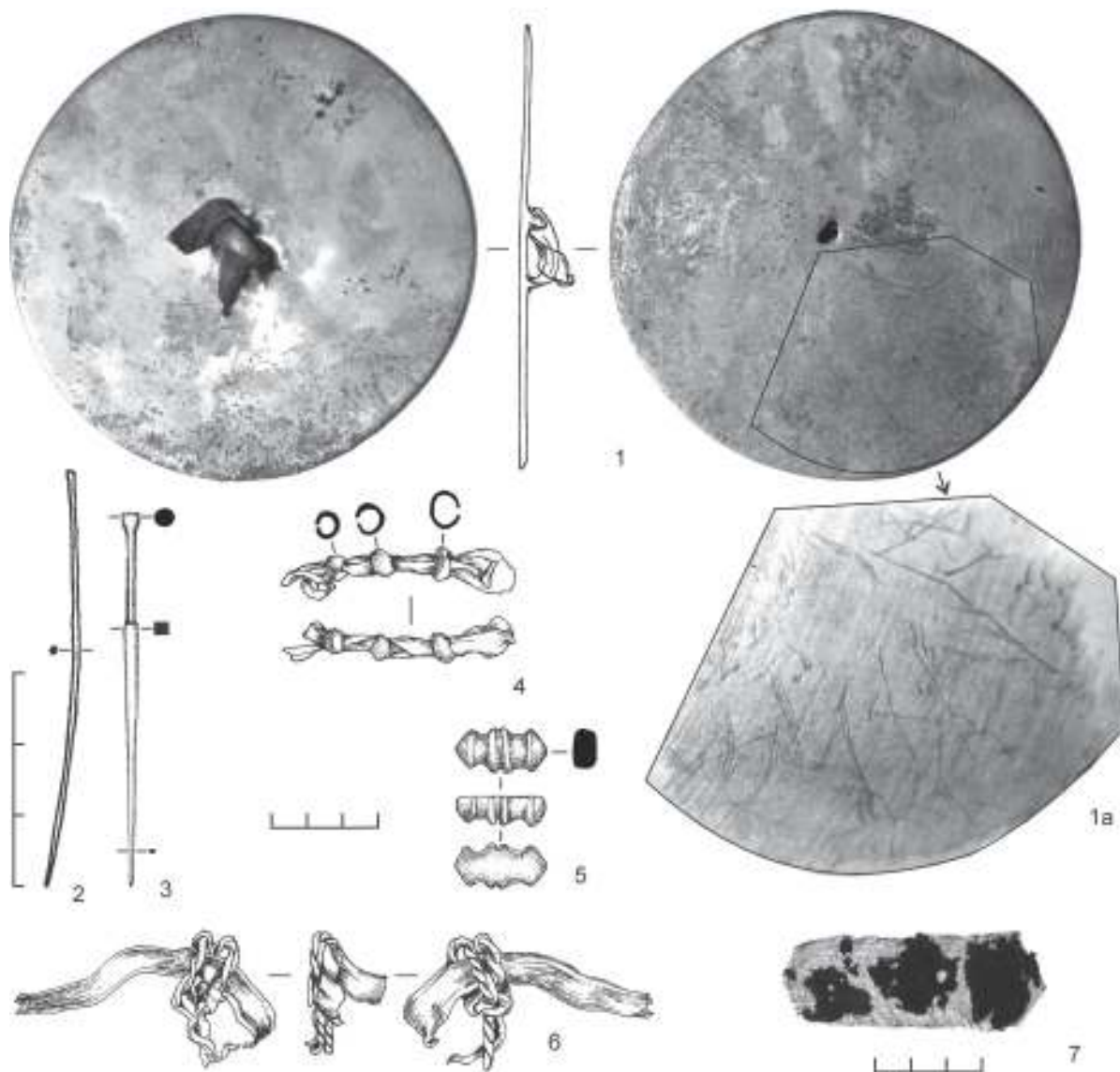
4а, 4б – бусина каменная; 5 – бусина стеклянная; 6 – вид с севера; 7, 8 – ковш деревянный

Fig. 4. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1, burial no. 1: 1, 2 – plan and section; 3 – glass seed beads; 4a, 4b – stone bead; 5 – glass bead; 6 – view from north; 7, 8 – wooden scoop

В этом же скоплении предметов были найдены роговая трехжелобчатая застежка (рис. 5, 5), за-
мыкающая сумочку, и фрагмент кожаного ремешка
с петлей и тремя бронзовыми пронизями (рис. 5, 4).

Совокупность всех деталей не позволяет точно
реконструировать устройство сумочки, но мы
можем составить о нем представление по аналогии
с подобными предметами, описанными другими

Рис. 5. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1, погребение № 1, находки: 1 – зеркало бронзовое; 1а – процарапанные знаки, изображение увеличено; 2 – игла; 3 – шило; 4 – фрагмент ремешка с обоймами; 5 – застёжка; 6 – ремешок; 7 – фрагменты ткани.

1–3 – бронза; 4 – кожа, бронза; 5 – рог; 6 – кожа, войлок; 7 – шерсть

Fig. 5. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1, burial no. 1, finds: 1 – bronze mirror; 1a – scratched signs, magnified; 2 – needle; 3 – awl; 4 – fragment of a strap with clips; 5 – clasp; 6 – strap; 7 – textile fragments.

1–3 – bronze; 4 – leather, bronze; 5 – antler; 6 – leather, felt; 7 – wool

исследователями (Семенов, 1997; сумочка из кургана Хохлач). Сама сумочка была сделана из кожи, а ремешок – из войлока и кожи. Сохранился фрагмент меха, по которому видно, что форма изделия была круглая. Видны аккуратные ровные стежки, сделанные при помощи тонких кожаных шнуров и сухожилий. В сохранившейся кожаной детали обнаружена воткнутая в ее складку бронзовая игла. Рядом находилось бронзовое шило. Фрагменты

ткани простого плетения³, сохранившиеся из-за окислов бронзовых предметов, пропитавших их, относились, скорее всего, к одежде погребенной.

Погребения № 2, 3 и 5, нарушенные еще в древности, были совершены в углубленных каменных ящиках, перекрытых плитами (рис. 7). Скелеты

³ Полотняное переплетение с кручением нити по направлению Z (и по основе, и по утку). Определение сделано В. С. Бусовой.

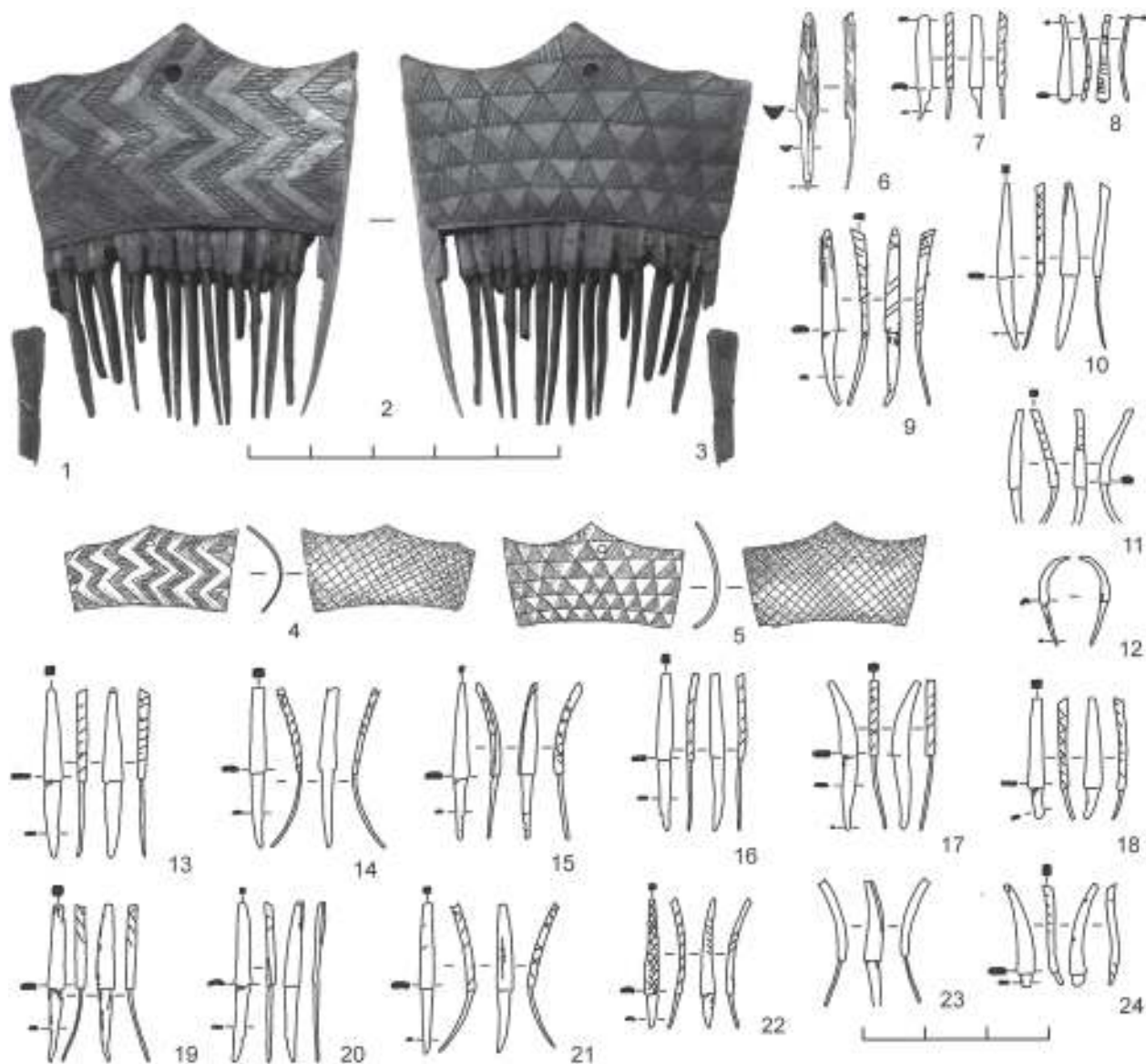

Рис. 6. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1, погребение № 1, находки: 1–24 – гребень (рог, дерево)

Fig. 6. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1, burial no. 1, finds: 1–24 – cam (wood, antler)

сохранились в полном составе, но сами кости были перемещены после разложения мягких и связующих тканей (см. Приложение № 4).

В погребении № 2, ориентированном на северо-запад, был похоронен пожилой мужчина 50 лет (рис. 7, 1). На дне каменного ящика был найден роговой трехгранный черешковый наконечник стрелы с насечками на грани черешка (рис. 7, 2). Это основное центральное погребение южного сооружения. Среди плит, расположенных над закладом ящика, с западной стороны были найдены кости фрагментированного скелета № 1 (рис. 2, 2).

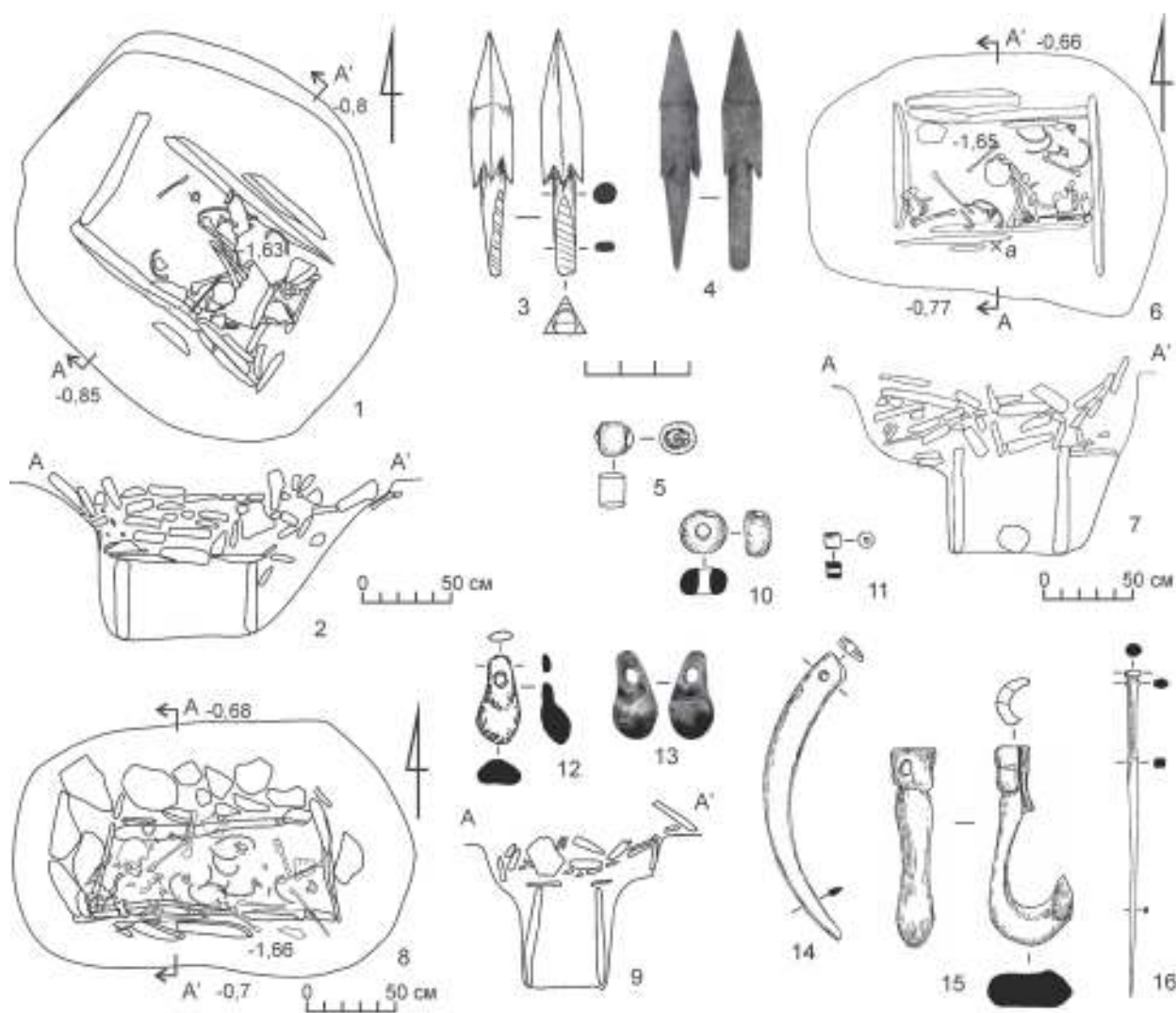
В погребении № 3, ориентированном на запад, были найдены останки мужчины 30 лет (рис. 7, 6, 7).

У края ящика была найдена бронзовая пронизь с остатками кожного ремешка в ней (рис. 7, 5, 6а).

Погребение № 5, ориентированное на запад, содержало останки женщины 25–30 лет и кости младенца. Предметы сопроводительного инвентаря представлены подвеской из клыка кабарги, зубом марала, фрагментированной роговой подвеской или пряжкой, бронзовым шилом и бусинами (глазчатой стеклянной и шиферной) (рис. 7, 8–16).

Эти погребения были расположены ровно по линии юг – север и являлись центральными для каждого сооружения.

Погребение № 11 находилось под выкидом из погребения № 3 в центральном сооружении с се-

Рис. 7. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1, центральные погребения: 1–4 – погребение № 2: 1, 2 – план и разрез; 3, 4 – стрела роговая, прорисовка и фото; 5–7 – погребение № 3: 5 – пронизь бронзовая с фрагментом кожаного ремешка; 6, 7 – план и разрез; 8–16 – погребение № 5: 8, 9 – план и разрез; 10 – глазчатая стеклянная бусина; 11 – каменная бусина; 12, 13 – подвеска из резца марала; 14 – подвеска из клыка кабарги; 15 – фрагмент пряжки роговой; 16 – шило бронзовое

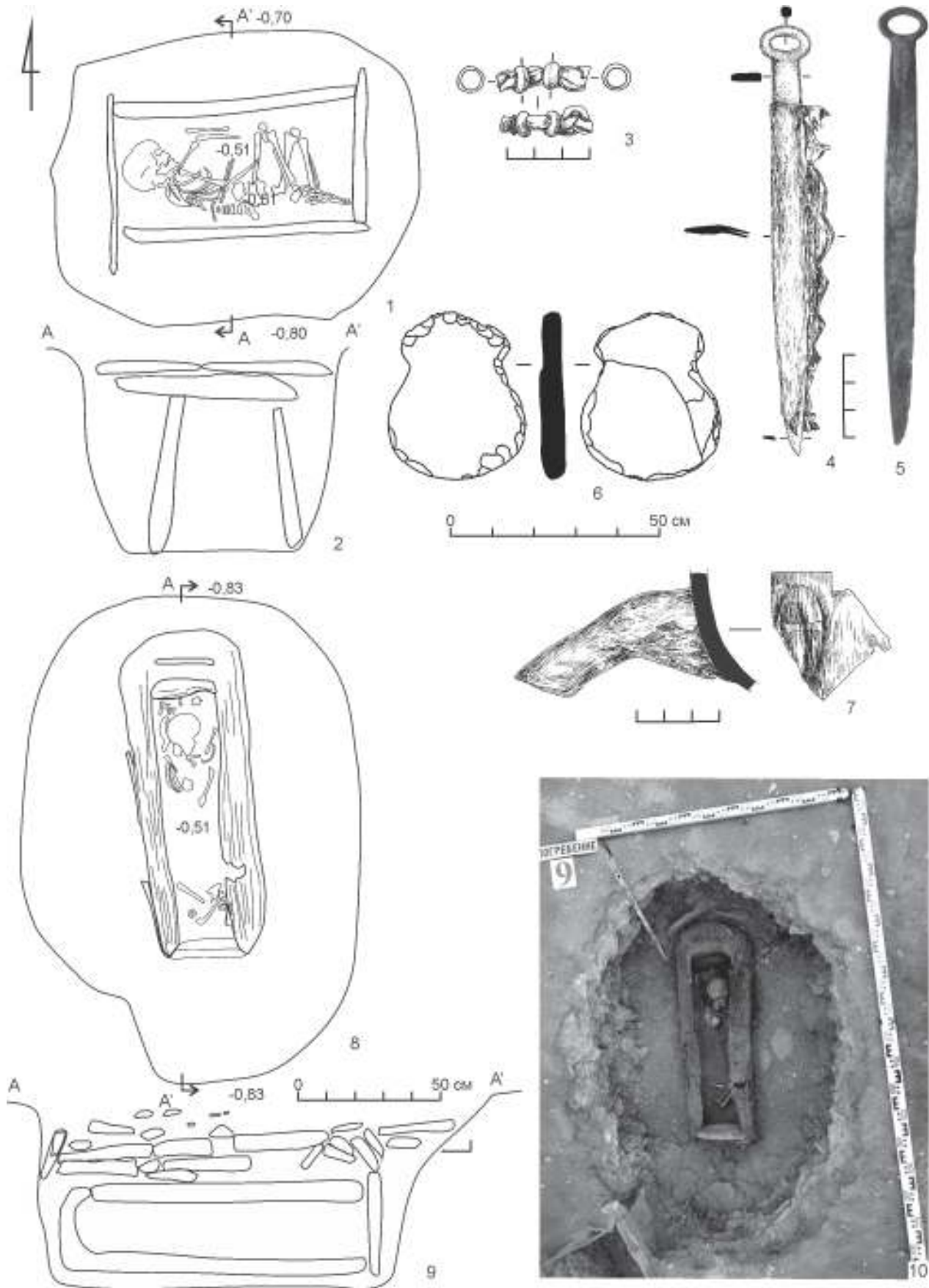
Fig. 7. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1, central burials: 1–4 – burial no. 2: 1, 2 – plan and section; 3, 4 – antler arrowhead, rubbing and photo; 5–7 – burial no. 3: 5 – bronze spacer with a fragment of a leather strap; 6, 7 – plan and section; 8–16 – burial no. 5: 8, 9 – plan and section; 10 – glass eye-bead; 11 – stone bead; 12, 13 – pendant made from a maral incisor; 14 – pendant made from a musk deer fang; 15 – fragment of an antler buckle; 16 – bronze awl

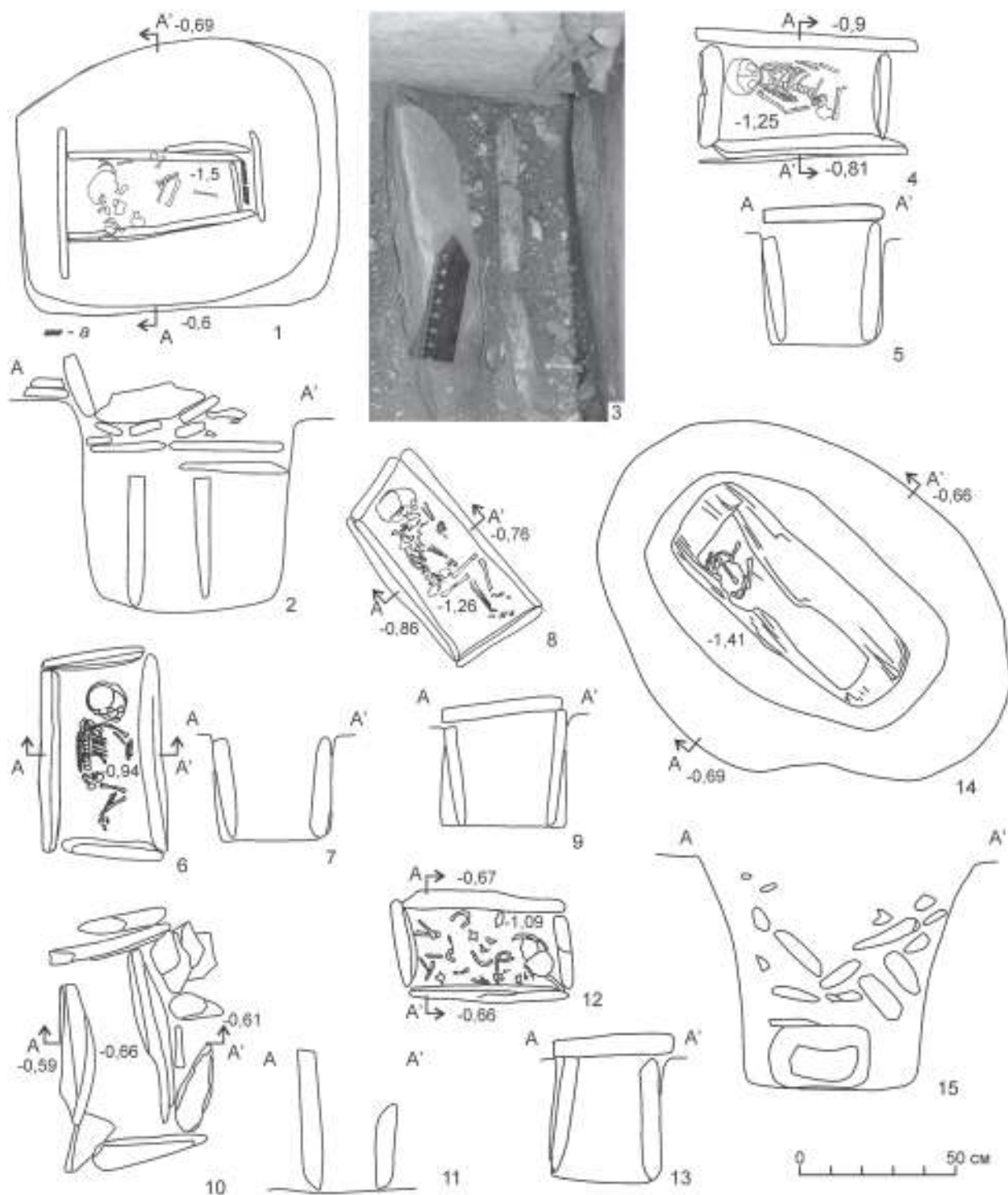
веро-западной стороны (рис. 8, 1–5). На поясе умершего подростка находился бронзовый нож с кольцевым навершием в кожаных ножнах. Ножны были украшены расписным орнаментом

в виде языков пламени, нанесенным охрой, а их край декорирован вырезанными треугольными фестонами. Рядом с могилой на северной стороне, параллельно ее краю лежал оленный камень № 2.

Рис. 8. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1, сопроводительные погребения: 1–5 – погребение № 11: 1, 2 – план и разрез; 3 – фрагмент кожаного ремешка и бронзовые пронизы; 4, 5 – нож бронзовый: 4 – в кожаных ножнах, рисунок; 5 – фото; 6–10 – погребение № 9: 6 – каменная стенка колоды; 7 – фрагмент деревянного сосуда с ручкой; 8, 9 – план и разрез; 10 – вид с юга

Fig. 8. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1, accompanying burials: 1–5 – burial no. 11: 1, 2 – plan and section; 3 – fragment of a leather strap and bronze spacers; 4, 5 – bronze knife: 4 – in a leather sheath, drawing; 5 – photo; 6–10 – burial no. 9: 6 – stone wall of the block; 7 – fragment of a wooden vessel with a handle; 8, 9 – plan and section; 10 – view from south

Рис. 9. Могильник Бай-Даг 8, курган № 1, сопроводительные погребения, планы и разрезы: 1–3 – погребение № 6 (*a* – дерево) (3 – деревянный предмет, вид с юга); 4, 5 – погребение № 7; 6, 7 – погребение № 10; 8, 9 – погребение № 8; 10, 11 – погребение № 12; 12, 13 – погребение № 13; 14, 15 – погребение № 14

Fig. 9. Cemetery of Bay-Dag 8, kurgan no. 1, accompanying burials, plans and sections: 1–3 – burial no. 6 (*a* – wood) (3 – wooden object, view from south); 4, 5 – burial no. 7; 6, 7 – burial no. 10; 8, 9 – burial no. 8; 10, 11 – burial no. 12; 12, 13 – burial no. 13; 14, 15 – burial no. 14

На запад от погребения № 3, под выкидом грунта из его ямы, находилось детское погребение № 10 (рис. 2, 2).

Погребение № 6, ориентированное на запад, было совершено в северном сооружении, по линии юг – север, в углубленном каменном ящике, перекрытом каменными плитами (рис. 9, 1–3). Умерший – ребенок. Восточная часть ящика была отделена плитой. В этой нише лежала деревянная палка, возможно рукоять плети. Справа от черепа располагались фрагменты дна ковша, вырезанного из ивы (см. Приложение 2). В западной части северного сооружения находились детские погребения № 13 и 14, обнаруженные под выкидами грунта из ям погребений № 5 и 6.

Погребение № 9 (рис. 8, 6–10) и *погребение № 14* (рис. 9, 14, 15) представляли собой деревянные колоды, расположенные в более глубоких ямах, чем те, где располагались детские каменные ящики. Они размещались по окружности от центральных погребений. В колодах находились скелеты детей младшего возраста. В погребении № 9, ориентированном в северный сектор, был найден фрагмент деревянного сосуда с ручкой в виде ноги копытного животного.

Все остальные погребения в каменных ящиках содержали погребения детей младшего возраста без какого-либо инвентаря (рис. 8, 4–13).

Таким образом, комплекс кургана № 1 представлял собой архитектурное погребально-поминальное сооружение, состоящее из трех построенных последовательно с юга на север погребальных комплексов, окруженных оградами из каменных плит и перекрытых единой каменной насыпью.

При анализе планиграфии и вещественного материала кургана № 1 можно сделать вывод о том, что он принадлежит кругу памятников алды-бельской культуры Тувы (например, могильники Алды-Бель, Хемчик-Бом, Копто и т. п.) раннего железного века – эпохи ранних кочевников, несмотря на отсутствие железных предметов в погребениях. Этот комплекс содержит свидетельства, которые предоставляют возможность судить о важных категориях археологической культуры раннего железного века, таких как звериный стиль (стиль древнего искусства и, одновременно, проявление мировоззрения), архитектура погребально-поминального комплекса, оленные камни, бронзовые изделия, в том числе детали конской узды, «импортные» стеклянные бусы, косторезное, деревообрабатывающее, камнерезное ремесла.

Звериный стиль. Анализируемый памятник относится ко времени распространения в Евразии звериного стиля скифского времени. Среди предметов, найденных при его исследовании, есть только три, которые скромно украшены в соответствии с этой традицией. Остатки капового сосуда с ручкой в виде ноги копытного животного (рис. 8, 7), подпружная бронзовая бляха со шпеньком в виде раздвоенного копыта (рис. 3, 2). На шпеньке бронзового псаля также угадывается очертание копыта (рис. 3, 5). Возможно, эти изображения символизировали копыто кабана, – а наносились они на самые необходимые предметы в жизни людей. В данном комплексе это деревянный сосуд и предметы узды, принесенные в жертву вместо самого коня. О зверином стиле этой долины писала М. Е. Килуновская (*Килуновская*, 2015. С. 42–46), выделяя для комплексов алды-бельской культуры долины р. Эрбек только один костяной гребень с изображением лошади. Таким образом, скудный набор представленных примеров звериного стиля уникален.

Архитектура. Архитектура погребального комплекса является отражением мировоззрения создавших его людей, их отношения к жизни и смерти.

Курган № 1 представлял собой погребально-поминальное сооружение, состоящее из трех каменных объектов, в которых было совершено 14 отдельных погребений. Весь комплекс сооружений свидетельствует о разнообразной культоритуальной практике населения, оставившего этот памятник (*Рукавишникова*, 2013).

Курган построен для погребения родственно близких людей. Основные погребения совершены по единому обряду – это захоронения в углубленных каменных ящиках, перекрытых плитами, ориентированные однообразно в западный сектор и расположенные по оси север – юг. Следовательно, конструкция и направление развития памятника продуманы его строителями сообразно их представлениям о смерти.

Весь объект представляет собой цельное, спланированное, последовательно возведенное сооружение. Комплекс по частям какое-то время существовал открытым. За это время были осуществлены погребения детей младшего возраста и ритуальные действия, связанные с очищением огнем и приношением жертвенной пищи, а также человеческие жертвоприношения и разбивание сосудов.

Подробные стратиграфические и планиграфические наблюдения помогли понять последовательность создания комплекса (рис. 2). Крайнее северное сооружение примыкало к центральному, образуя на стыках оград прямые углы. В этих местах плиты сохранили вертикальное положение. Таким образом, этот объект выглядит однозначно пристроенным к центральному сооружению. Тем не менее, основное взрослое погребение находится под стеной центрального сооружения. Видимо, это сделано намеренно. Остальные погребения находились во внутреннем пространстве. Наличие внутреннего зольника и закопченных стен ограды, внешних сопроводительных конструкций – «треугольников» говорит в пользу того, что этот объект мог быть пристроен к центральному после перекрытия последнего насыпью совместно с южным и находился в открытом состоянии после перекрытия остальных.

Этот вывод мы можем сделать в результате наблюдения за общими чертами в планиграфии. Единый разрез по линии север – юг, проходящий через все центральные погребения, не дает такой информации, так как над всеми ограбленными центральными погребениями видны заклады и завалы грабительских воронок (рис. 2, 3). Интересно, что погребение № 5 после ограбления было аккуратно заложено плитами.

Плиты ограды у южного сооружения формируют круг и одинаково наклонены вследствие разрушения под давлением массы насыпи. Центральное погребение № 3 центрального сооружения также создано под стеной ограды южного, как и погребение № 5 – под стеной центрального. Можно предположить, что они (южное и центральное сооружение) были перекрыты оба одновременно, так как в их оградах найдены детали общего уздечного набора. В обоих сооружениях найдены части человеческих скелетов. Характер разрушения плит ограды схожий, в то время как северная стена центрального сооружения сохранилась хорошо из-за пристроенного комплекса южного.

Строительные подходы, применявшиеся при сооружении конструкций, просты: несильно углубленные вертикально стоящие плиты ограды, поддерживаемые изнутри или снаружи нерегулярными контрфорсами – плитами или более мелкими камнями, и использование кладки «всухую» из мелких плит. Внутреннее пространство заполнено горизонтально уложенными плитами и более

мелкими камнями. Весь комплекс был перекрыт панцирем из плит. Все плиты были выломаны на ближайших выходах слящегося камня на соседних террасах. Под насыпями и внутри ограды встречены камни-«гольцы», подходящие для стел и похожие по форме и фактуре на оленные камни. Возможно, они исполняли роль стел во внутреннем пространстве открытого сооружения.

Оленные камни. Это каменные скульптурные изваяния, распространившиеся в азиатской части евразийских степей в первой половине I тыс. до н. э. и символизирующие фигуру умершего воина. Поверхность каменных стел оформлялась определенными изображениями, чаще всего выполненными в технике контррельефа.

Евразийский стиль оленных камней – самый лаконичный. Он включает в себя изображения только отдельных деталей, символизирующих фигуру воина, таких как пояс, оружие на нем, дополнительные предметы типа зеркала или пряжки колесничего, ожерелье и серьги, а также три косые черты, символизирующие лицо (Савинов, 1994).

Именно этот тип широко распространяется по Евразии в начале раннего железного века.

В комплексе кургана № 1 могильника Бай-Даг-8 были зафиксированы *in situ* два оленных камня евразийского типа, погребенные на боку под насыпью внутри ограды (рис. 3).

Первый находился с севера у ограды, где лежал на боку, верхним концом на восток, а лицевой стороной вниз. Второй камень лежал на боку в пространстве сооружения в западной части, располагаясь параллельно погребению подростка в углубленном каменном ящике № 11, к северо-западу от него. Верхний его конец был направлен на восток. При расчистке насыпи и выкидов было зафиксировано, что камень № 2 лежал на древней дневной поверхности, а выкид из ям окаймлял его с южной и восточной сторон. Оленный камень № 1 был уложен на погребенную почву и прислонен к прекрасно сохранившимся вертикальным плитам ограды.

Еще раз подчеркнем, что оба камня лежали верхним концом на восток на древней дневной поверхности и были частично перекрыты выкидами грунта, образовавшегося при рытье ям для погребений.

В центральном сооружении, где были обнаружены оленные камни, открыты четыре погребения. В основной могиле захоронен взрослый мужчина, в остальных – подросток, младенец в бересте и ре-

бенек в каменном ящике. Все детские погребения располагались по кругу от могилы взрослого, под выкидом грунта из нее. Ориентированы погребения в западный сектор.

Видимо, оленные камни были созданы специально для ритуала их погребения, так как на них не было зафиксировано следов вертикальной установки или переиспользования.

Оба оленных камня относятся к евразийскому типу.

У оленного камня № 1 вытянутая форма, округлые очертания. Его высота – 74 см, ширина – около 30 см. Контррельефом показаны три косые черты на лицевой части, две круглые серьги по бокам в верхней части, два витка ожерелья из овальных бусин с округлым замком на задней стороне. В кургане оленный камень был обнаружен лежащим лицевой стороной вниз.

Оленный камень № 2 более интересен своим оформлением. Он такой же высоты, как и первый, – 74 см, но более массивный и в сечении подквадратный. На лицевой стороне у него также изображены три полосы, по бокам сверху две округлые серьги, одна нитка ожерелья с замком, расположенным на задней стороне. На передней стороне камня в технике контррельефа изображен кинжал скифского времени, а на одном из боков – округлый предмет с внутренним кольцевым рельефом, с длинной ручкой. Возможно, что это зеркало. Именно на этом боку оленный камень и был положен на древнюю дневную поверхность, а лицевой стороной обращен на север. С задней стороны камня в технике пикетажа изображен человек с мужскими половыми признаками.

Судя по нахождению оленных камней *in situ*, они были положены в открытом пространстве центрального сооружения до устройства главного погребения № 3, то есть когда комплекс еще не был перекрыт насыпью. Они не использовались вторично, как деталь насыпи, так как погребальный комплекс относится к алды-бельской культуре, а изображенные на камне № 2 кинжал и зеркало вряд ли можно датировать ранее. Оленные камни лежат параллельно всем периферийным погребениям, по окружности от центрального в северной части. Характер их расположения говорит в пользу того, что они уложены специально, так же как и сформированы погребения. Это свидетельствует в пользу того, что оленные камни символизируют погребения других воинов, останки которых невозможно было доставить на родовое кладбище (Ковалев и др., 2014. С. 42).

Инвентарь. Находки из всех могил и «кладов» в ограде представляют собой предметы погребального культа, имеющие отношение к одной археологической культуре.

Фрагмент верхней части сероглиняного лепного сосуда, найденный в основании насыпи, сильно обожжен и имеет примесь крупной дресвы (рис. 1, 7). Венчик вогнут, сразу под ним – валик, «нарезанный» вдавлениями трубочки. Близкая керамика обнаружена А. В. Виноградовым при раскопках памятника Усть-Хадынныг I (Чугунов, 2015. С. 471).

Конская узда представлена следующими бронзовыми деталями (рис. 3, 1–6):

- удила со стремечковидными окончаниями;
- два S-видных двудырчатых псалия с T-образным шпеньком в виде копыта (?) и окончаниями в виде лопастей. На изделиях сохранились литейные швы и следы литейного брака. Это редкие ранние псалии, представленные, например, среди деталей узды из кургана Аржан-2. В своде уздечных комплектов, происходящих с Алтая, они находят аналогию лишь среди «клюшковидных» (Шульга, 2008. С. 61, 244, рис. 17). Близкие двудырчатые псалии со шпеньком представлены в своде К. В. Чугунова (Чугунов, 2005б. С. 102);
- пронизь со шпеньком в виде кнопки;
- парные омеговидные подпружные пряжки, у одной из которых имеется шпенек в виде копыта с литейными швами и следами литейного брака. Подобные предметы широко распространены в Евразии с VII в. до н. э.;
- непарная омеговидная пряжка меньшего размера, найденная в насыпи (рис. 1, 5).

Также найдено бронзовое дисковидное зеркало с петелькой на обороте – из погребения № 1 (рис. 5, 1, 1а). При литье на лицевой стороне, напротив петельки, образовалось отверстие – каверна. Зеркало сохранилось удивительно хорошо, что заметно по золотистой поверхности. На лицевой стороне и частично на оборотной видны следы гравировки. Они достаточно хаотичны, но среди росчерков можно представить фигуры рогов, заштрихованные треугольники. В этом рисунке можно отметить и элементы, сравнимые с геометрическим орнаментом гребня: неравномерно заштрихованные треугольники.

Возможно, гравировка на лицевой стороне была сделана перед положением предмета в погребение.

Трехжелобчатая роговая застежка из того же погребения (рис. 5, 5), судя по наблюдениям

К. В. Чугунова, может быть индикатором раннего этапа алды-бельской культуры (Чугунов, 2005а. С. 88), известны подобные застежки также по материалам кургана Аржан-1 (Грязнов, 1980).

Составной гребень, обнаруженный там же (рис. 6, 1–24), был изготовлен из целого ряда элементов: двух роговых, орнаментированных в геометрическом стиле пятиконечных пластин с отверстиями, одного рогового запирающего зубца и 19 деревянных зубьев. Анализ деревянных деталей гребня, в том числе зубца, показал, что эти элементы изготовлены из таволги (Д7269)⁴.

Подобные гребни относятся к алды-бельскому периоду. Наиболее полная их подборка, а также классификация представлены в работе Н. А. Жоговой (Жогова, 2014).

Шильца из женских погребений № 1 и 5 имели четырехгранную рабочую часть, круглую в сечении рукоять и конусовидное расширение ее навершия у одного и двойное навершие у другого (рис. 5, 3; 7, 16). Близкие шильца были зафиксированы в могиле № 2 кургана № 16 могильника Баданка IV (Боковенко, 2014. С. 388) и в могиле № 1 кургана № 3 могильника Копто (Чугунов, 2005а. С. 79).

Ткань из погребения № 1 – простого плетения, шерстяная, но тонкая, что может говорить о качестве изделия (о тканях из могильников этой долины см.: Бусова, 2015).

Бронзовый однолезвийный нож в кожаных ножнах из погребения № 11 имеет прямую спинку и кольцевое навершие рукояти. Ножны по одному краю оформлены треугольными фестонами. Визуальный анализ, проведенный В. С. Бусовой, позволил сделать вывод о том, что ножны были раскрашены охрой.

Бусы и бисер были найдены в погребениях № 1, 5 и 9. В погребении № 1 обнаружены одна крупная округлая бусина из зеленоватой (цвета бисера) стекловидной массы, одна белая каменная мелкая цилиндрическая бусина и одна каменная крупная цилиндрическая (рис. 4, 4, 5). Бисер представлен шаровидными формами (13 экз.) и ярусными пронизками (6 экз.) (рис. 4, 3). Из погребения № 5 происходят одна глазчатая бусина плохой сохранности и каменная цилиндрическая бусина (рис. 7, 10, 11). В погребении № 9 найдена глазчатая бусина во фрагментах.

В комплексах алды-бельской культуры встречаются каменные бусы, в том числе бирюзовые, и бусины и бисер из стекловидной массы. Происхождение бус неопределенно, возможно, что это

«отходы» бронзолитейного производства, так как бисер имеет одинаковый зеленый цвет. Производство глазчатых бус более сложно технологически, они широко распространены в комплексах Евразии со второй половины I тыс. до н. э.

Ковш из капа был найден в погребении № 1 (рис. 4, 7, 8). Остатки деревянного ковша найдены в головах погребенного в колоде в могиле № 9 (рис. 8, 7). Фрагмент деревянного сосуда был зафиксирован в погребении № 6 у черепа ребенка. Анализ материала показал, что последний предмет был сделан из ивы. Таким образом, в кургане представлены сразу три деревянных сосуда того типа, который встречается в памятниках раннескифского времени Тувы, в том числе и в кургане Аржан-2.

Черешковый трехгранный роговой наконечник стрелы крупного размера, треугольный в сечении, с насечками на черешке был найден в погребении № 2. Подробный анализ наконечников стрел этого времени приведен в работе К. В. Чугунова (Чугунов, 2000. С. 213–238), где отмечается, что подобные наконечники – типичные для памятников раннескифского времени Тувы. Их нет в материалах кургана Аржан-1, но они не имеют хронологически фиксируемых различий на протяжении всего времени бытования (Там же. С. 222).

Таким образом, комплекс кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 это архитектурный погребально-поминальный объект, который создавался последовательно, путем пристраивания сооружений друг к другу. Сохранившийся вещественный материал, происходящий из семи погребений кургана № 1, близок по времени создания, относится к предметному комплексу алды-бельской культуры и схож по составу и формам с материалом из опубликованных ранее комплексов.

***

Заключение. Для определения культурно-хронологической принадлежности кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 был проведен анализ всего инвентаря, обнаруженного в этом комплексе.

Сопоставление основных категорий инвентаря: элементов конской узды (двухдырчатые псалии с Т-образным шпеньком, удила со стремечковидными окончаниями, подпружные пряжки, пронизь со шпеньком), деталей вооружения (роговой черешковый наконечник стрелы), предметов личного пользования (дисковидное зеркало с петелькой на обороте, составной роговой гребень с геометрическим орнаментом на рукояти, бронзовые шильца, бронзовый нож с кольцевым навершием), элементов костюма и украшений (трехжелобчатая за-

⁴ Определение М. И. Колосовой, канд. биол. наук, научного сотрудника Государственного Эрмитажа.

стежка, бисер и бусины из стекловидной массы), посуды (деревянные ковши) – с материалами других памятников облегчает подробнейший анализ некоторых подобных предметов и аналогий им, данный в работе К. В. Чугунова, посвященной могильнику Копто (Чугунов, 2005а. С. 78–79, 88). Особенно это касается трехжелобчатой застежки, составного гребня и бронзового зеркала. К. В. Чугунов сравнивает эти предметы с известными вещами из Тувы и Минусинской котловины, а также с материалами «царских» комплексов Аржан-1 и Аржан-2, из которых происходят большие серии радиоуглеродных дат.

Предметы из погребения № 2 могильника Копто относятся к типам вещей из памятников первой половины I тыс. до н. э., имеют аналогии в комплексах сарагашенского этапа тагарской культуры. Изделия, аналогичные трехжелобчатой застежке, широко распространены по территории Евразии в раннескифское время, есть они и в карасукских древностях. Сложносоставной гребень из роговых деталей и деревянных зубьев аналогичен гребням из могильников Сарыг-Булун, Копто, Аржана-2 с «карасукским» или «бегазы-дандыбаевским» орнаментом, которые часто сочетаются с дисковидным зеркалом без бортика с петелькой на обороте. Подобное сочетание достаточно архаично, как отмечают исследователи упомянутых памятников (Чугунов, 2005а; Семенов, Килуновская, 1990). Каповый сосуд с ручкой в виде ноги копытного животного также встречен в комплексе кургана Аржан-2. Псалии, как и весь уздечный набор из кургана № 1 могильника Бай-Даг 8, соответствуют одному из уздечных наборов кургана Аржан-2. Анализ конской узды алды-бельской культуры приведен в работе К. В. Чугунова (Чугунов, 2005б. С. 103–108); судя по представленным в ней наборам, подобные псалии встречаются редко.

Анализ инвентаря из всех комплексов кургана № 1 позволяет заключить, что, помимо близкого по составу металла, из южного и северного сооруже-

ний происходят схожие по морфологии бронзовые шилья и глазчатые бусины. Уздечный комплект из «кладов», обнаруженных в ограде южного и центрального сооружений, относится к типам узды алды-бельской культуры. Редкие двудырчатые псалии с Т-образным шпеньком находят аналогии, в том числе, в материалах кургана Аржан-2. Комплекс погребения № 1 южного сооружения близок комплексу могилы № 2 раннего кургана Копто по обряду погребения и инвентарю, который датируется К. В. Чугуновым ранним этапом алды-бельской культуры, как и материалы Аржана-2 (Чугунов, 2011б. С. 262–334). Поэтому комплекс кургана № 1 могильника Бай-Даг 8 был сооружен в течение небольшого отрезка времени и его возможно датировать начиная с конца VII в. до н. э., по аналогии с вышеупомянутыми памятниками.

В горной долине р. Ээрбек был изучен целый ряд памятников I тыс. до н. э., в том числе курганы более позднего уюкско-саглынского периода (Килуновская, Семенов, 2014). Эти материалы позволяют изучить развитие погребального обряда и изменение вещевого комплекса в динамике.

На территории Тувы много подобных погребальных объектов, расположенных в узких речных долинах. Умершие могли быть похоронены в ямах с каменными ящиками или деревянными колодами, а позже – и в больших деревянных срубах. Для памятников алды-бельской культуры, к которой относится исследованный нами объект, характерно захоронение в пределах одного сооружения малой семьи, состоящей из двух-трех поколений. В центральных погребениях часто находились женщины, что подчеркивает их значимую роль в семье. Эти черты погребальной традиции – свидетельства самой ранней организации кочевников, живших небольшими коллективами. Центральные мужские погребения ограблены людьми, видимо, знавшими об устройстве перекрытий каменных ящиков и расположении могил, в которых могли находиться массивные предметы из бронзы.

Приложение № 1

Анализ состава металлических предметов из комплекса кургана № 1 могильника Бай-Даг 8

С. В. Кузьминых, В. Ю. Луньков

Лаборатория естественнонаучных методов в археологии, ИА РАН

Исследование металлических предметов из погребений и уздечных комплектов из насыпи

кургана показало общую однородность использованного сплава.

Таблица. Анализ состава металла
Table. Metal composition

№	Комплекс	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Х-г. группа
50055	Курган 1, погребение 1	Зеркало, диск	OCH	12,74	0,4	0,29	0,04	0,03	0	0,23	0,06	0,09	0		Cu+Sn (As)
50056	Курган 1, погребение 1	Зеркало, ушко	OCH	3,53	0,12	0,04	0,03	0,04	0,03	0,15	0,07	0,05	0		Cu+Sn (As)
50057	Курган 1, ограда	Пряжка	OCH	9,24	0,2	0,33	0,03	0,04	0	0,42	<0,04	0,14	0		Cu+Sn+As
50058	Курган 1, ограда	Пронизь	OCH	3,72	0,13	0,29	0,03	0,04	0,02	0,33	0,13	0,1	0		Cu+Sn+As
50059	Курган 1, ограда	Псалий	OCH	4,39	0,14	0,38	0,03	0,04	0,03	0,35	0,05	0,1	0		Cu+Sn+As
50060	Курган 1, ограда	Псалий	OCH	4,51	0,15	0,45	0,03	0,04	0,04	0,37	0,17	0,1	0		Cu+Sn+As
50061	Курган 1, ограда	Удила	OCH	0,6	0,09	0,62	0,01	0,04	0,04	0,38	0,06	0,12	0		Cu+Sn+As
50062	Курган 1, ограда	Удила	OCH	0,9	0,1	0,8	0,02	0,05	0,06	0,46	0,17	0,15	0,02		Cu+Sn+As
50063	Курган 1, ограда	Пряжка	OCH	4,96	0,13	0,69	0,02	0,04	0,03	0,38	0,06	0,13	0		Cu+Sn+As
50064	Курган 1, насыпь	Пряжка	OCH	4,25	0,12	0,17	0,04	0,04	0,03	0,31	<0,05	0,08	0		Cu+Sn+As
50065	Курган 1, насыпь	Кольцо	OCH	0,9	2,32	0,41	0,16	0,09	0,3	1,45	0,05	0,27	0		Cu+Pb+Sn+As
50066	Курган 1, погребение 3	Пронизь	OCH	2,29	0,16	0	0,08	0,07	0,08	1,56	0,13	0,11	0	+	Cu+Sn+As (Au)
50067	Курган 1, погребение 5	Шило	OCH	7	0,53	0,34	0,06	0,05	0,05	0,5	<0,04	0,08	0		Cu+Sn+As (Pb)
50068	Курган 1, погребение 1	Шило	OCH	7,38	0,16	0,28	0,03	0,04	0,02	0,47	0,07	0,07	0		Cu+Sn+As

Все изделия выполнены из оловянистой бронзы. Наибольшая величина такой примеси, как олово, наблюдается в составе металла зеркала, что придает характерный блеск его поверхности.

По исследованиям бронзовых изделий Тувы II–I тыс. до н. э., проведенным С. В. Хавриным (Хаврин, 2002), известно, что период использования олова в бронзолитейном производстве приходится на время существования алды-бельской культуры VII–VI вв. до н. э. До и после этого периода применялись мышьяковистые сплавы. Таким образом, исследование состава сплава дает хронологическую привязку.

Выделяется по составу кольцо из насыпи – явно более поздняя вещь, случайно попавшая в комплекс кургана. В составе металла пронизи из погребения № 3 присутствует незначительная примесь золота. Судя по его количеству, возможно, это случайная примесь. По дополнительному анализу, проведенному С. В. Хавриным, эта пронизь отличается по качеству сплава, следовательно, выполнена в другой мастерской и, в отличие от других предметов, более качественная, как и зеркало из погребения № 1, подобное описанному в статье Р. С. Минасяна о бронзовых предметах могильника Копто (Минасян, 2000. С. 67).

Анализ сохранившихся фрагментов деревянных изделий из комплекса кургана № 1 могильника Бай-Даг 8

Л. А. Соловьева

Лаборатория естественнонаучных методов в археологии, ИА РАН

Из материалов археологических работ ТАЭ ИА РАН (могильник Бай-Даг 8, курган 1) в лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН для определения породы древесины были переданы фрагменты дерева и угля, а также остатки погребальных сооружений. Несмотря на то что находки были извлечены из сухого слоя, дерево имело очень разную сохранность – от древесного тлена до хорошего цельного спила; уголь поступил на определение в виде кусочков небольшого размера. Тем не менее, при рассмотрении проб выявлено, что структура древесины осталась прежней и почти не деформированной.

Для каждого образца дерева было изготовлено три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Для угля подготавливалось

по три шлифа в тех же направлениях, поскольку после сгорания в угле полностью сохраняется структура древесины. Далее по подготовленным срезам при помощи бинокулярного микроскопа проводился анализ строения древесины с целью выявления характерных признаков породы.

Исследование срезов и шлифов показало достаточно однородный состав пород, в основном это лиственница и ива. В погребениях кургана № 1 древесные породы распределяются следующим образом: погребение 2 (1 обр.) – ива; погребение 6 (3 обр.) – ива; погребение 9 (4 обр.) – лиственница (3 экз.), ель (1 экз.); погребение 10 (3 обр.) – лиственница (2 экз.), ива (1 экз.); погребение 14 (3 обр.) – лиственница (2 экз.), ива (1 экз.); дерево из насыпи – береза (см. схему 1).

Схема 1. Процентное соотношение древесных пород в кургане № 1

Scheme 1. Percent ratio of wood species from kurgan 1

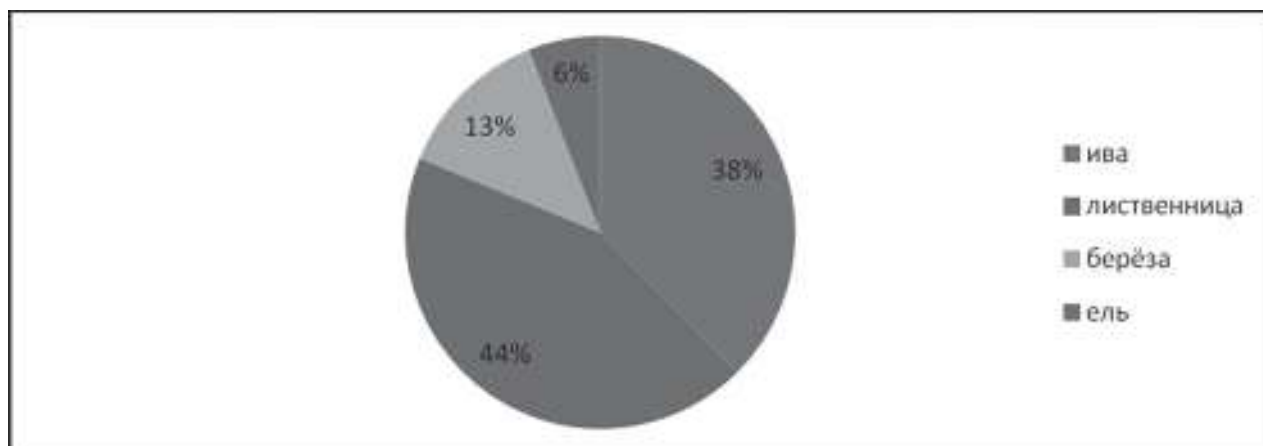

Таблица 1. Породы древесины в погребениях кургана 1

Table 1. Wood species from kurgan 1

№ п/п	Год	Курган	Погребение	Название	Порода
1	2012	Курган 1	Погребение 2	Уголь по СЗ краю ямы	Ива
2	2012	Курган 1	Погребение 4	Береста	Береста
3	2012	Курган 1	Погребение 6	Сосуд деревянный	Ива
4	2012	Курган 1	Погребение 6	Палка	Ива
5	2012	Курган 1	Погребение 9	Толстая часть колоды	Лиственница

№ п/п	Год	Курган	Погребение	Название	Порода
6	2012	Курган 1	Погребение 9	Крышка колоды	Лиственница
7	2012	Курган 1	Погребение 9	Деталь колоды	Ель
8	2012	Курган 1	Погребение 9	Толстый спил	Лиственница
9	2012	Курган 1	Погребение 10	Уголь сверху над ящиком	Лиственница; ива
10	2012	Курган 1	Погребение 10	Уголь	Лиственница
11	2012	Курган 1	Погребение 14	Толстая часть колоды	Лиственница
12	2012	Курган 1	Погребение 14	Крышка колоды	Лиственница
13	2012	Курган 1	Погребение 14	Из-под заклада камней	Ива
14	2012	Курган 1	Насыпь	Фрагменты дерева из насыпи, сектор В	Береза

Приложение № 3

Анализ палеозоологического материала из комплекса кургана № 1 могильника Бай-Даг 8

С. О. Двуреченская

РГАУ МСХА им. К. А. Тимирязева

Изучались следующие материалы:

- различные фрагменты грудных и тазовых конечностей животных в количестве 53 экз.;
- фрагмент верхней челюсти животного;
- фрагменты нижней челюсти животных в количестве 2 экз.;
- зубы в количестве 21 экз.

Исследования показали, что вышеперечисленные костные останки, в том числе зубы, по всей вероятности, принадлежат следующим видам:

домашняя овца – *Ovis aries*;

домашняя лошадь – *Equus ferus caballus*.

В костных останках из секторов БД-8-А, БД-8-Г, В, сектора F представлены оба вида. В костных останках из секторов А и С представлен только один вид – *Equus ferus caballus*.

Следует отметить, что на останках *Ovis aries* из сектора В отмечены характерные следы свежевания. По фрагментам нижней челюсти данного вида мы определили возраст животного – не старше 9 месяцев.

Приложение № 4

Половозрастной состав погребенных из кургана № 1 могильника Бай-Даг 8

Е. Н. Учанева

МАЭ РАН, Отдел антропологии

Погребение № 1. Череп, нижняя челюсть, позвонки, один надколенник, левая плечевая кость, левая локтевая кость, левая лучевая кость, левая бедренная кость, в сочленении с фрагментами кожи – правая лопатка, правая плечевая кость, правая локтевая кость, правая лучевая кость; в сочленении с фрагментами кожи – правая безымянная кость и правая бедренная кость; левая безымянная, крестец, позвонки, ребра (некоторые в сочленении

с фрагментами кожи), тело грудины, две большие берцовые кости, две малые берцовые кости, кости предплюсны, кости плюсны, фаланги пальцев ног, кости запястья, кости пясти, фаланги пальцев рук. Целый посткраниальный скелет.

Женщина старше 50 лет.

Погребение № 2. Череп, нижняя челюсть, правая ключица, две лопатки, две плечевые кости, две локтевые кости, правая лучевая кость, ребра, по-

звонки, две безымянные кости, две бедренные кости неполные, фрагменты двух больших берцовых костей, фрагменты двух малых берцовых костей.

Мужчина старше 50 лет.

Погребение № 4. Ребенок 1–1,5 года.

Погребение № 5. Скелет № 1. Череп, нижняя челюсть, две плечевые кости, две локтевые кости, две лучевые кости, две бедренные кости, две большие берцовые кости, правая малая берцовая кость, две ключицы, две лопатки, ребра, позвонки, две безымянные кости, крестец, рукоятка и тело грудины, кости предплюсны, кости плюсны, фаланги пальцев ног, кости запястья, кости пясти, фаланги пальцев рук.

Женщина 25–30 лет.

Скелет № 2. Фрагменты черепа, фрагмент одного позвонка.

Ребенок до 0,5 года (новорожденный).

Погребение № 6. Скелет № 1 – ребенок около 1,5 года.

Скелет № 2 – верхняя челюсть ребенка до 0,5 года.

Погребение № 7. Ребенок около 1 года.

Погребение № 8. Ребенок до 0,5 года.

Погребение № 9. Ребенок 2–3 лет.

Погребение № 10. Ребенок до 0,5 года.

Погребение № 11. Ребенок 8–10 лет.

Погребение № 14. Ребенок около 1,5 года.

Насыпь: Скелет № 1 – подросток (?). Нижняя челюсть, лучевая кость, плечевая кость, фрагменты грудины и ребра.

Скелет № 2. Кости человека – мужчина (?), 30–45 лет. Фрагменты двух бедренных костей, фрагменты двух больших берцовых костей, фрагмент правой безымянной кости, фрагмент правой плечевой кости, фрагмент правой локтевой кости, фрагмент правой лучевой кости.

Сектор F, рядом с оленним камнем № 2 – правая бедренная кость. Мужчина, взрослый индивид.

Приложение № 5

Радиоуглеродный анализ образцов органики из кургана № 1 могильника Бай-Даг 8

Н. Д. Бурова

ИИМК РАН, Лаборатория археологической технологии

Радиоуглеродный анализ образцов дерева из кургана № 1

Шифр лаборатории	Дата ВР	Калиброванные даты (Cal BC) 1 σ (68,2%)	Калиброванные даты (Cal BC) 2 σ (93,6%)	Материал образца	Происхождение образца
Ле-9817	2650 $\pm$ 25BP	825–795 BC	890–875 BC 845–790 BC	Уголь	Погребение № 10
Ле-9818	2500 $\pm$ 45BP	770–720 BC 700–540 BC	790–480 BC	Дерево, колода	Погребение № 9
Ле-9820	2450 $\pm$ 50 BP	750–680 BC 670–640 BC 590–580 BC 560–410 BC	770–680 BC 670–400 BC	Дерево, колода	Погребение № 14
Ле-9999	2410 $\pm$ 70 BP	740–680 BC 670–640 BC 550–390 BC	770–380 BC	Кости человека	Погребение № 5
Ле-10000	2140 $\pm$ 80 BP	360–290 BC 230–50 BC	390BC–10AD	Кости человека	Погребение № 3
Ле-10001	2220 $\pm$ 85 BP	390–190 BC	420–90 BC	Кости человека	Погребение № 2
Ле-10003	2290 $\pm$ 90 BP	490–460 BC 420–190 BC	750–100 BC	Кости человека	Погребение № 1
Ле-10004	2320 $\pm$ 140 BP	750–600 BC 550–200 BC	800–50 BC	Кости человека	Погребение № 11

Получены радиоуглеродные даты из трех сооружений по образцам дерева, взятым из колод погребений № 9 и 14 и плахи, лежавшей сверху каменного ящика № 10. По определению породы древесины это лиственница. Сохранность дерева не позволяла применить метод дендрохронологии.

Полученные даты имеют достаточно широкий разброс: VIII–V вв. до н. э., так как время сооружения кургана № 1 падает на так называемое «гальштатское плато». Тем не менее, рамки существования алды-бельской культуры оказываются внутри этого хронологического периода. Возможно, подтверждается последовательность возведения сооружений, составляющих курган № 1: дата колоды из 1-го сооружения более ранняя, чем из 3-го сооружения. Более древняя дата плахи из погребения № 10 в сооружении № 2 (центральном), скорее всего, объясняется тем, что для ее изготовления была использована сердцевина древесного ствола.

Также были исследованы костные останки людей из погребений № 1, 2, 3, 5, 11. Это погребения взрослых и подростка. Для анализа, в основном, были отобраны ребра и позвонки.

Если погребения № 1 и 11 – закрытые комплексы, то погребения № 2, 3, 5 были ограблены в древности. Возможно, поэтому для погребений № 2 и 3 получены значительно более поздние даты по сравнению с датами по дереву из закрытых комплексов. Возможно, поздние даты связаны с моментом ограбления.

Даты закрытых комплексов имеют очень широкий интервал, в который все же укладывается время существования алды-бельской культуры.

Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют восстановить последовательность сооружения частей комплекса. Для определения хронологической позиции всего кургана необходимо провести сопоставление с исследованными памятниками, датированными разными способами.

Боковенко, 2014 – Боковенко Н. А. Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона. СПб., 2014 (Труды ИИМК РАН; Т. XLII).

Бусова, 2015 – Бусова В. С. Текстиль из могильников скифского времени в долине реки Ээрбек (Центральная Тува) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. Материалы конф. СПб., 2015.

Грязнов, 1980 – Грязнов М. П. Курганы Аржан. Л., 1980.

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в Центральной Азии. М., 1980.

Евразия в скифскую эпоху..., 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Дэвлет, 1971 – Дэвлет М. А. Археологические раскопки в Тодже в 1970 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.

Жогова, 2014 – Жогова (Кушакова) Н. А. Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая // АВ. СПб., 2014. № 20.

Килуновская, Семенов, 2014 – Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Могильник скифского времени в долине р. Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона. СПб., 2014 (Труды ИИМК РАН; Т. XLII).

Килуновская, 2015 – Килуновская М. Е. Памятники декоративно-прикладного искусства из могильников скифского времени в долине р. Ээрбек (Тыва) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. Материалы конф. СПб., 2015.

Ковалев и др., 2014 – Ковалев А. А., Рукавишников И. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Алтай на перекрестке времен и смыслов. Барнаул, 2014. Вып. 4.

Минасян, 2000 – Минасян Р. С. Данные о технике изготовления вещей из меди, золота и серебра из могильника Копто // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб., 2000.

Рукавишников, 2013 – Рукавишников И. В. Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алдыбельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.

Савинов, 1994 – Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

Семенов, Килуновская, 1990 – Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. Новые памятники раннего железного века Тувы // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1990. Вып. 17.

Семенов, 1997 – Семенов Вл. А. Монгун-Тайга. СПб., 1997.

Семенов, 2001 – Семенов Вл. А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры // Евразия сквозь века. СПб., 2001.

Хаврин, 2002 – Хаврин С. В. Металлургия Саяно-Алтая скифского времени. // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организую-

- щие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002.
- Чугунов, 2000 – Чугунов К. В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского. СПб., 2000.
- Чугунов и др., 2002 – Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение ранних кочевников в Туве // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002. № 2.
- Чугунов, 2005а – Чугунов К. В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // АСГЭ. СПб., 2005. Вып. 37.
- Чугунов, 2005б – Чугунов К. В. Уздечные комплексы алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2005.
- Чугунов, 2011а – Чугунов К. В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // TERRA SCYTHICA: материалы междунар. симпозиума / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск, 2011.
- Чугунов, 2011б – Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. СПб., 2011.
- Чугунов, 2015 – Чугунов К. В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб., 2015. (Тр. ГЭ; LXXVII).
- Шульга, 2008 – Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Барнаул, 2008.
- Čugunov et al., 2010 – Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arzan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2010. Bd. 26.

Site of the Aldy-Bel culture in Tuva – burial ground of Bay-Dag 8 (attempt at interdisciplinary analysis)

I. V. Rukavishnikova, A. A. Gladchenkov

The article is devoted to a funerary monument of the ancient population of Tuva of the Early Iron Age. It is the burial ground of Bay-Dag 8 located in the valley of the Eerbek River in the Kyzyl district. The cemetery consists of two archaeological constituents: no. 1 is an elongated stone mound measuring 26 m along the north-south and 17 m along the east-western axis and object no. 2 is a circle of stone blocks 2 m in diameter.

Mound no. 1 was lined with a shell of flat stone slabs. The fence was built of vertical stone slabs. Excavation of the mound revealed a rather complex structure. The fence was constructed of upright stone slabs marking three adjoining mounds ranged along the axis north-south. In the southern part of the area there was found a complete circle of the fence. In the western sectors, there were so-called 'entrances' in the fences presenting structures built of horizontal and vertical slabs.

Within the central structure there was found a deer stone of a Eurasian type leaned against the northern edge of the structure from the inside. Inside the fence of the

central structure in the north-western part of the area under study was found another and larger deer stone.

Under the entire mound there were 14 burials located within three structures. Burial no. 1 was in a stone cist dug into the virgin soil one meter from the level of the ancient ground surface. It was covered with stone slabs and so were burials nos. 2, 3, 5 and 6. Burials nos. 2, 3 and 5 were plundered in antiquity. Burial no. 11 was under the earth dug-out from burial № 3 in the central structure. Burials no. 9 and no. 14 were placed in wooden blocks. The other graves were those of infants in stone cists.

Thus mound no. 1 was a funeral memorial structure consisting of three sequentially constructed stone mounds added from the south.

The grave goods from the burials have parallels from Tuva sites. The funerary sets and radiocarbon analyses of wood and bone suggest that the barrow under study is datable to the Aldy-Bel period, i.e. the early 6th century BC. Consideration of the artefacts from this assemblage indicates the diversity and level of the material culture of the population who left it.

О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

С. В. Ушаков¹

Аннотация. В статье устанавливается время строительства базилики «Крузе» в Херсонесе – период правления византийского императора Юстиниана I. Анализ комплекса датированных материалов (амфоры, краснолаковая керамика, монеты) из-под полов храма и засыпи рыбозасолочных цистерн позволяет отнести это событие к середине VI в.

Annotation. In this paper, the time of construction of the 'Kruse' basilica in Chersonesos is ascribed to the period of the reign of the Byzantine emperor Justinian I. Analysis of the assemblage of dating finds (amphorae, red-slip pottery, coins) from beneath the floors of this temple and the fill of fish-salting cisterns situated here allow us to date this event to the mid-6th century.

Ключевые слова: позднеантичный, ранневизантийский, Херсонес, Херсон, базилика «Крузе», цистерны, амфоры, краснолаковая керамика, монеты, Юстиниан I.

Keywords: Late Antique Period, early Byzantine period, Chersonesos, Cherson, 'Kruse' basilica, fish-salting cisterns, amphorae, red-slip pottery, coins, Justinian I.

История Херсонеса Таврического – уникального дорическо-ионийского полиса, превратившегося за относительно короткий временной промежуток (в течение IV в. до н. э.) в обширное и мощное (по причерноморским меркам) территориальное государство, пережившего затем политический и экономический кризис, войны со скифами, экспансию Митридата, пришествие Рима и ставшего в итоге важной составной частью Восточной Римской империи, выглядит вполне хрестоматийно. А вызревание в недрах одного общества (в данном случае – античного) типологически значимого другого (византийского), опять же, на примере Херсонеса, обеспеченного массой источников, прежде всего археологических, еще и показательно.

Одно из ключевых звеньев здесь – выявление процесса христианизации. Это важно по нескольким основаниям. Во-первых, это не просто эпоха «византинизации», а эпоха «античного христианства». Мало осознанная и освоенная нами смыслом новой реальности (по сравнению с «классической» античностью) – широко известно, что этот термин чаще применяем для западной части империи.

Во-вторых, это не просто время смены древности феодализмом, как считалось в советской историографии, а особая эпоха поздней античности, наполненная своей жизнью, культурой духовной и материальной. Эта эпоха именно так понимается уже несколько десятилетий западной исторической школой, начиная с А. Джонса и П. Брауна (Jones, 1964; Brown, 1971; см.: Селунская, 2004; 2005; Болгов и др., 2007; Ващеева, 2009). Правда, хронологические рамки этой эпохи, применительно к Херсонесу и Северному Причерноморью, детально не обоснованы. Можно лишь утверждать, опираясь на наблюдения за изменениями материальной культуры и военно-политическими событиями (вторжения гуннов и тюркутов), что такая перемена происходила, нарастая с середины/второй половины IV столетия, продолжаясь, по крайней мере, до середины/конца VI столетия, если не начала следующего – VII в. Эта тема требует, конечно, специального рассмотрения, мы же пока констатируем, что будем в качестве рабочей гипотезы придерживаясь этих хронологических реперов (от середины IV в. до эпохи Юстиниана, последнего римского и первого по-настоящему византийского императора).

Облик и характер любого древнего (и средневекового) городского центра в значительной степени

¹ Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, д. 2. Институт археологии Крыма РАН, Отдел античной археологии. E-mail: yshakovsv@list.ru.

определяется особенностями и местом расположения его сакральных сооружений. Это относится и к позднеантичному Херсонесу, превращавшемуся в Византийский Херсон. В исследовании его основных культовых сооружений этого времени (прежде всего, базилик) самыми важными представляются два момента, на которые нужно обратить внимание. Во-первых, их архитектурно-планировочная схема и, во-вторых, время сооружения построек. При этом позволю себе напомнить, что почти все христианские культовые памятники Херсонеса были открыты на заре или в эпоху становления археологии, и раскопки их, естественно, проводились в те времена, когда наука археология, или, если хотите, церковная археология только складывалась. Первых раскопщиков храмов – А. С. Уварова, К. К. Косцюшко-Валюжинича трудно назвать профессионалами с нашей точки зрения. К тому же они не составляли по-настоящему научных отчетов. Все это впоследствии и вызвало бесконечные дискуссии, прежде всего, по поводу времени сооружения храмов. Разные авторы предлагали разные даты их строительства (см.: *Романчук*, 2000. С. 61–65; 2008. С. 385–388, табл.), что и предопределяет «дискуссию без конца».

Конечно, есть и отдельные исключения. Среди них – комплекс построек «Базилики 1935 г.», открытый Г. Д. Беловым. Впрочем, материалы этих раскопок до сих пор так и остались в значительной степени неопубликованными и не введенными в научный оборот. Кроме того, раскопки экзонартекса² этого храма были завершены только в конце XX в. и опубликованы уже на исходе первого десятилетия нынешнего столетия (*Золотарев и др.*, 2013. С. 38–240). Важно отметить, что эти материалы позволяют говорить о сложной этнокультурной и конфессиональной ситуации в Херсонесе в финале его античной истории, когда была построена еще одна базилика, ставшая также символом новой наступающей эпохи. Она получила

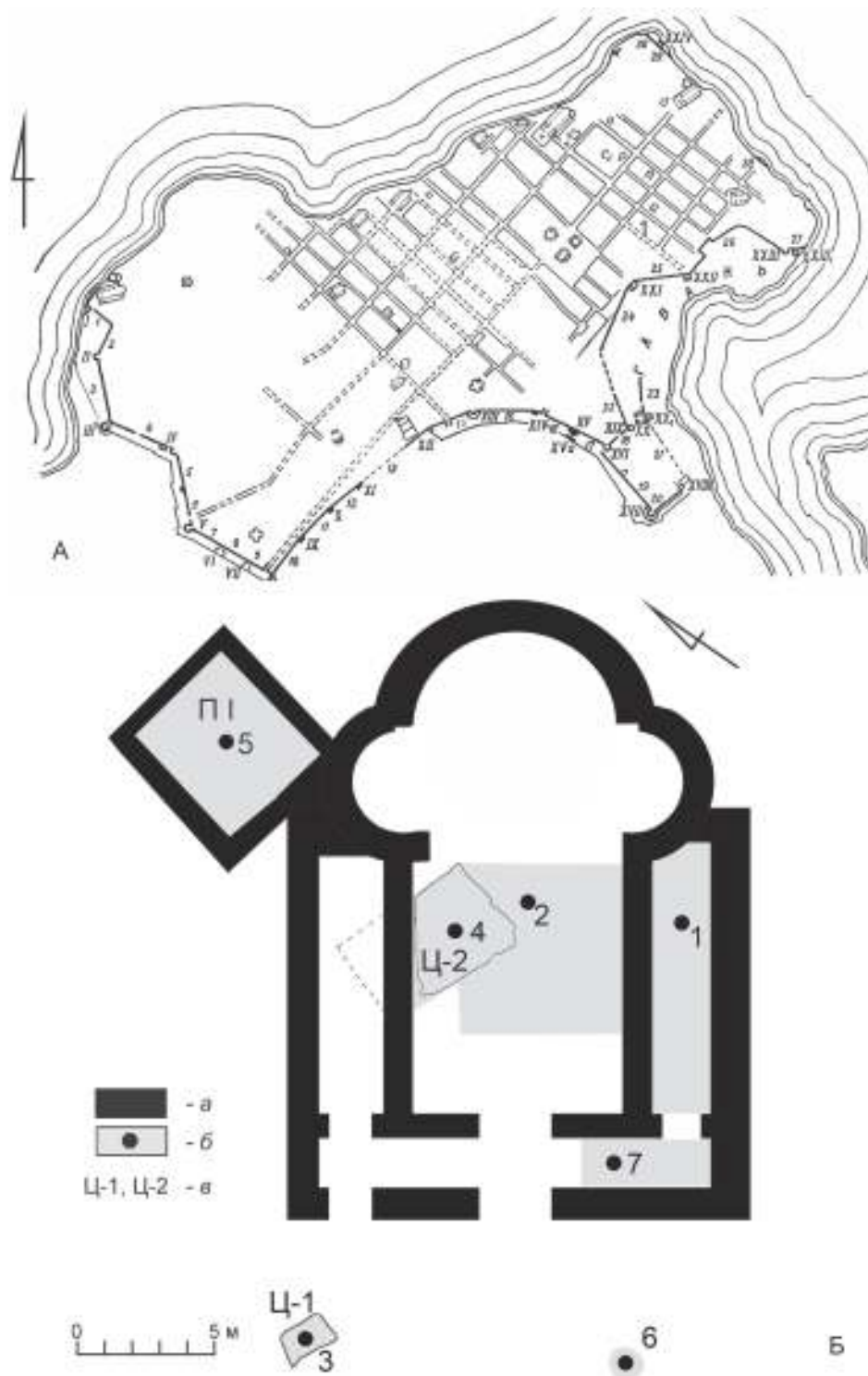
² Экзонартекс (греч. Εξωνάρθηξ, от εξω – вне, снаружи и νάρθηξ – ларчик, шкатулка) – внешняя открытая паперть, нечто вроде открытого «вестибюля», «сеней» в раннее время архитектуры византийских христианских церквей. Отделялась от атриума оконными или дверными проемами, но без дверей и окон. Основное отличие от собственно нартекса в том, что экзонартекс является внешним «вестибюлем»-притвором, тогда как нартекс – внутренним.

свое имя в честь возможного первооткрывателя Карла Крузе³ (*Ханаев*, 2016. С. 8–15). Хотя первые раскопки были проведены здесь уже в 1827 г., они были возобновлены лишь в 1891 г. (*Косцюшко-Валюжинич*, 1891), а основные исследования развернулись уже в наше время в 1998 (*Золотарев и др.*, 2003) и 2005–2015 гг. (*Ушаков*, 2014). За предыдущие годы появились краткие, пусть и выразительные страницы историографии исследования базилики «Крузе», но они включены в обзорные работы, где отмечается лишь архитектурное своеобразие постройки (напр.: *Айналов*, 1905. С. 67–70, рис. 50–51; *Сорочан*, 2005. С. 721–724). А. Л. Якобсон связывал это своеобразие, отличающее ее от всех других базилик Херсонеса, с влиянием ближневосточных (сирийских) образцов, считая возможным отнести начало строительства храма к V в. (*Якобсон*, 1959. С. 188–191, рис. 91–93). Эта «ранняя» дата стала в историографии основной. С. Б. Сорочан, напротив, опираясь на особенности литургического устройства базилики, упоминая и новые археологические находки, считает, что она определенно вписывается в череду основных построек города второй половины/конца VI – первой половины VII в., то есть постройка возведена несколько позже (*Сорочан*, 2005. С. 723–724; 2007. С. 76–77; 2011. С. 69–70). Таким образом, закрепились и «поздняя» тенденция в оценке даты основания храмового комплекса. Так как новых нарративных или эпиграфических данных по-прежнему нет, то помочь решить эту проблему смогут только археологические материалы, полученные в ходе работ за последние годы⁴.

Но вначале о самом предмете исследований. Базилика № 7 (так она обозначена в перечне Императорской археологической комиссии) (рис. 1) расположена в ключевом месте северо-восточного района Херсонеса. Участок для ее строительства был выбран, вероятно, неслучайно – на перекрестке продольной и поперечной городских улиц между кварталами ХСVIIIа и ХСIX, на краю основного возвышенного плато, спускающегося

³ Краткое описание с литературой: *Романчук*, 2000. С. 222.

⁴ В качестве краткого эскизного варианта решения проблемы можно указать на доклад, прочитанный автором на XXI Всероссийской научной сессии византистов в Белгороде в апреле 2017 г.: *Ушаков*, 2016.

Рис. 1. А – Херсонес Таврический, схематический план (Якобсон, 1959); 1 – базилика «Крузе»; Б – базилика «Крузе», схематический план (а – стены базилики; б – цистерны перед храмом и в центральном нефе; в – комплексы, упомянутые в статье): 1 – южный неф; 2 – центральный неф; 3 – цистерна перед храмом; 4 – цистерна в центральном нефе; 5 – помещение I; 6 – печь на продольной улице; 7 – нартекс (южная часть)

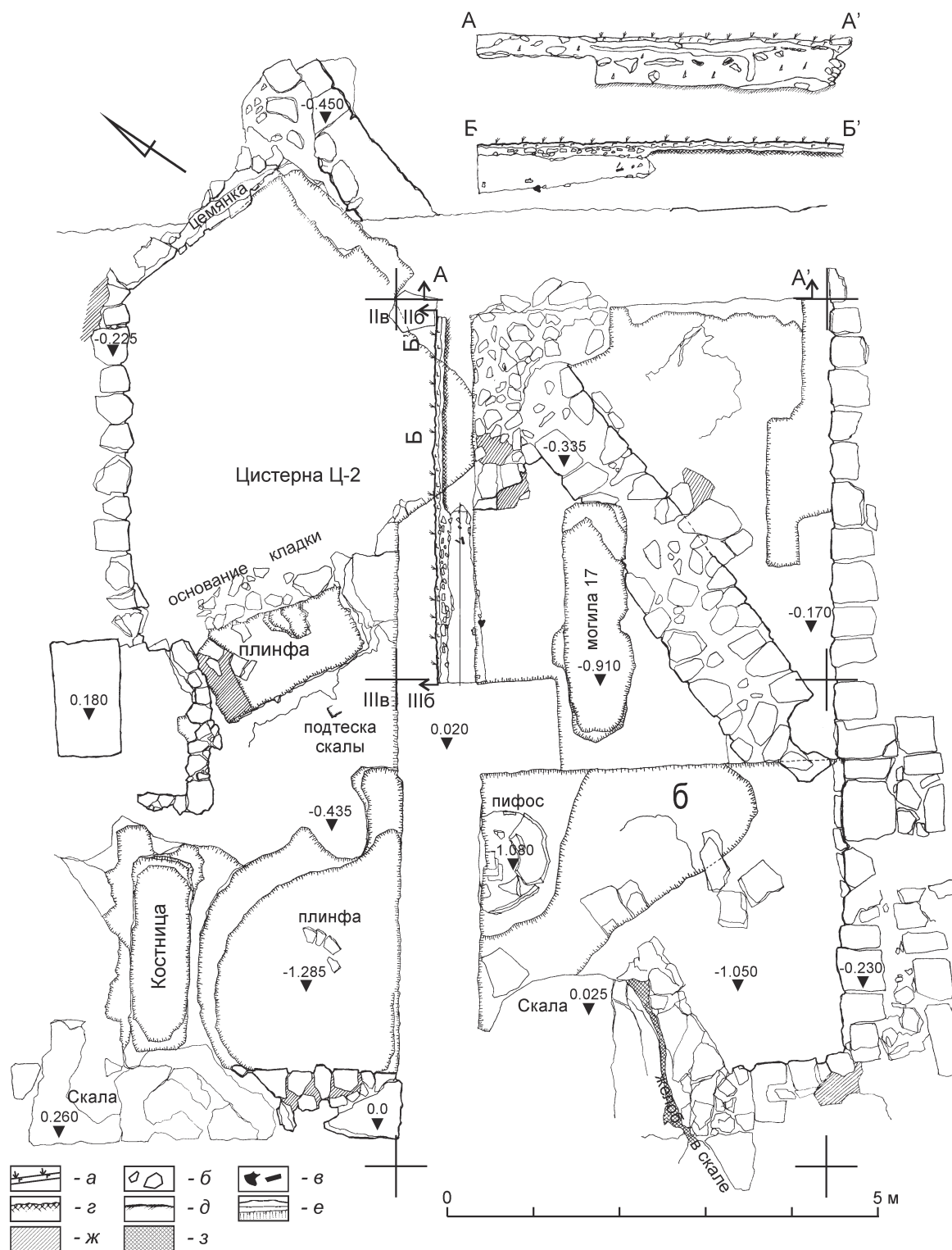
Fig. 1. А – Tauric Chersonesos, schematic plan; 1 – 'Kruse' basilica; Б – 'Kruse' basilica, schematic plan (а – walls of the basilica; б – cisterns in front of the temple and in the central nave; в – complexes mentioned in the article): 1 – southern nave; 2 – central nave; 3 – cistern in front of the temple; 4 – cistern in the central nave)

своеобразными «ступенями» к внутренней Херсонесской бухте. Это культовое сооружение имеет ряд конструктивных особенностей, отличающих его от других раннехристианских храмов Херсонеса: 1) ширина его (без учета апсиды) практически равна длине; 2) форма алтарной части – триконхиальная, укрепленная мощными внешними поясами кладок; 3) относительно узкие боковые нефы (левый, или северный, неф – $2,9 \times 10,5$ м, правый, или южный, – $2,7 \times 10,5$; ширина центрального нефа – 8 м); 4) отсутствие правого бокового входа. Общие габаритные размеры постройки – $17,8 \times 25,5$ м, длина алтарной части – до 7 м (рис. 1Б) (Золотарев и др., 2003. С. 236). В ходе раскопок стало ясно, что при сооружении храма часть скального плато была подрезана строителями, а на его южном (юго-восточном) краю, где расположился южный неф, была сделана подсыпка грунтом в виде своеобразной «подушки». Одновременно разбирались стены квартальных построек (на месте центрального нефа) и была сделана дополнительная подсыпка верхней части рыбозасолочной цистерны (Ц-2), существовавшей здесь ранее (вероятно, в римское время). Точно так же была выровнена и вся площадка под застройку, где ямы и неровности скалы были также засыпаны рыхлым грунтом с многочисленными обломками керамики и костей животных.

С 2005 г. и по настоящее время археологическая экспедиция под руководством автора статьи осуществляет планомерные раскопки памятника, которые являются прямым продолжением относительно небольших работ 1998 г., проведенных М. И. Золотаревым совместно с австрийскими коллегами – Р. Пилингер и А. Пюльцем (Золотарев и др., 2003). За это время на участке раскопок базилики «Крузе» нам удалось исследовать многочисленные объекты, в том числе довольно мощные напластования культурного слоя под полами центрального и южного нефов (мраморный пол левого нефа покоился прямо на выровненной материковой скале); далее – нартекса, заполнения двух колодцев и двух рыбозасолочных цистерн – в районе центрального нефа и перед самым храмом. Заполнения колодцев (в нартексе и на улице перед храмом) относились к эллинистическому и классическому времени, все остальные комплексы, перечисленные

выше, имели отношение ко времени сооружения храма. Результаты этих работ в кратком виде нашли свое отражение в ряде небольших публикаций. На их основе выполнены предварительные графические реконструкции открытого комплекса (В. В. Моор) и интерьера храма (Ушаков, Моор, 2011; Карнаушенко Э., Карнаушенко А., 2012). Кроме того, мы открыли пристроенное с внешней стороны левой конхи прямоугольное в плане помещение (рис. 1Б, П-1). Грунт под полами этого помещения, так же как и нефов, представлял собой искусственную подсыпку, сделанную перед строительством или во время сооружения храма. Анализ обширного археологического (а это, прежде всего, фрагменты более десятка типов позднеантичных-ранневизантийских амфор, краснолаковой керамики) и нумизматического материала позволяет определить время сложения серии основных археологических комплексов базилики «Крузе», перечисленных выше.

Ключевое значение имеют участки засыпи под полами центрального и южного нефов (рис. 1Б, 1, 2). Засыпь оказалась многослойной, ее мощность варьируется от 0,1 до 2,5 м и более (у внешней стены южного нефа). Сложность в исследовании этого пространства заключалась в том, что уже в скором времени после гибели храма напластования культурного слоя здесь были нарушены. Значительную часть раскопанной площади в центральном нефу занимали также перекопы Нового времени. Здесь же обнаружены фрагменты напольных мраморных плит и человеческие кости из разрушенных позднесредневековых захоронений. Во многих местах удалось зафиксировать остатки цемяночного основания («подушки») пола базилики. Они сохранились, в основном, в юго-восточной части центрального нефа. Над этим основанием пола зафиксированы остатки слоя, который содержал многочисленные обломки мраморных напольных плит и убранства храма. Ниже уровня пола в слое засыпи содержались фрагменты керамики IV–VI вв. Лучшее всего стратиграфическая ситуация сохранилась в районе так называемого квадрата Пб (рис. 2). Она выглядит следующим образом: 1) дерновой слой (до 10 см), образовавшийся здесь после раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1891 г.; 2) слой, насыщенный известко-

Рис. 2. Херсонес Таврический, базилика «Крузе», центральный неф: 1 – план; 2, 3 – стратиграфические разрезы А–А' и Б–Б' (а – дерн; б – керамика; в – кость; г – материковая скала; д – подстилающий грунт; е – цемянка – основание пола; ж – известковая трамбовка; з – жолоб в скале)

Fig. 2. Tauric Chersonesos, 'Kruise' basilica, central nave: 1 – plan; 2, 3 – stratigraphic sections А–А' and Б–Б' (а – topsoil; б – ceramics; в – bone; г – bedrock; д – underlying soil; е – tsemyanka – mortar with addition of finely crushed ceramic or brick – constituting the bed of the floor; ж – lime rammer; з – the chute in the rock)

вой крошкой и обломками мрамора (5–10 см); 3) цемяночная «подушка» (5–7 см); 4) засыпь под полом базилики мощностью 25–30 см. Здесь встречены в качестве «примеси снизу» фрагменты эллинистической керамики. Эти слои были прорезаны могилами № 17 и 18, в засыпь которых попал грунт с материалами позднеантичного-раннесредневекового времени. Наиболее показательным выглядит слой 4 (в квадрате Пв), который представляет собой рыхлую мусорную засыпь с землей пепельного оттенка. Засыпь насыщена фрагментами керамики, содержание камней незначительно. Достаточно много фрагментов стеклянных изделий. Найдены монеты.

Среди керамических находок из этой засыпи наибольшее количество представлено фрагментами амфор (Ушаков, 2010в)⁵, принадлежащих преимущественно таре, типичной для Херсонеса позднеантичного – ранневизантийского времени. Их около десятка типов. Самые показательные из них следующие.

I тип по АДСВ-1971 (рис. 3, 1–5, 31) (Антонова и др., 1971. С. 82–83, тип I) коричневой глины с перехватом на тулове, тип 7 V–VI вв. по А. Л. Якобсону (Якобсон, 1979. С. 12, рис. 3, 1); тип VIII по Скорпану (Scorpan, 1975. P. 274). В херсонесской классификации 1995 г. выделяется два типа этих сосудов (класс 1), которые отнесены ко времени от V до середины VII в. (Романчук и др., 1995. С. 16–19, табл. 2–3). Эти амфоры датируются широко и другими авторами, начиная с конца III и до VII в. (Kassab Tezgör et al., 2003, № 24, 25).

IV тип по АДСВ-71 (рис. 3, 6–10) (Антонова и др., 1971. С. 84, рис. 5 – «амфоры-корчаги» с ручками-ушками), LRA-4 и LRA-5/6 (BAG 1-5) – по европейской классификации (Pieri, 1998. Fig. 1; 2007. Fig. 7, Typ 1–5). Для этого типа амфор характерна коричневая глина различных оттенков с примесью песка. В Херсонесе время бытования этих сосудов (класс 4) определяется как IV–VII вв. (Романчук и др., 1995. С. 21–22, табл. 5–7).

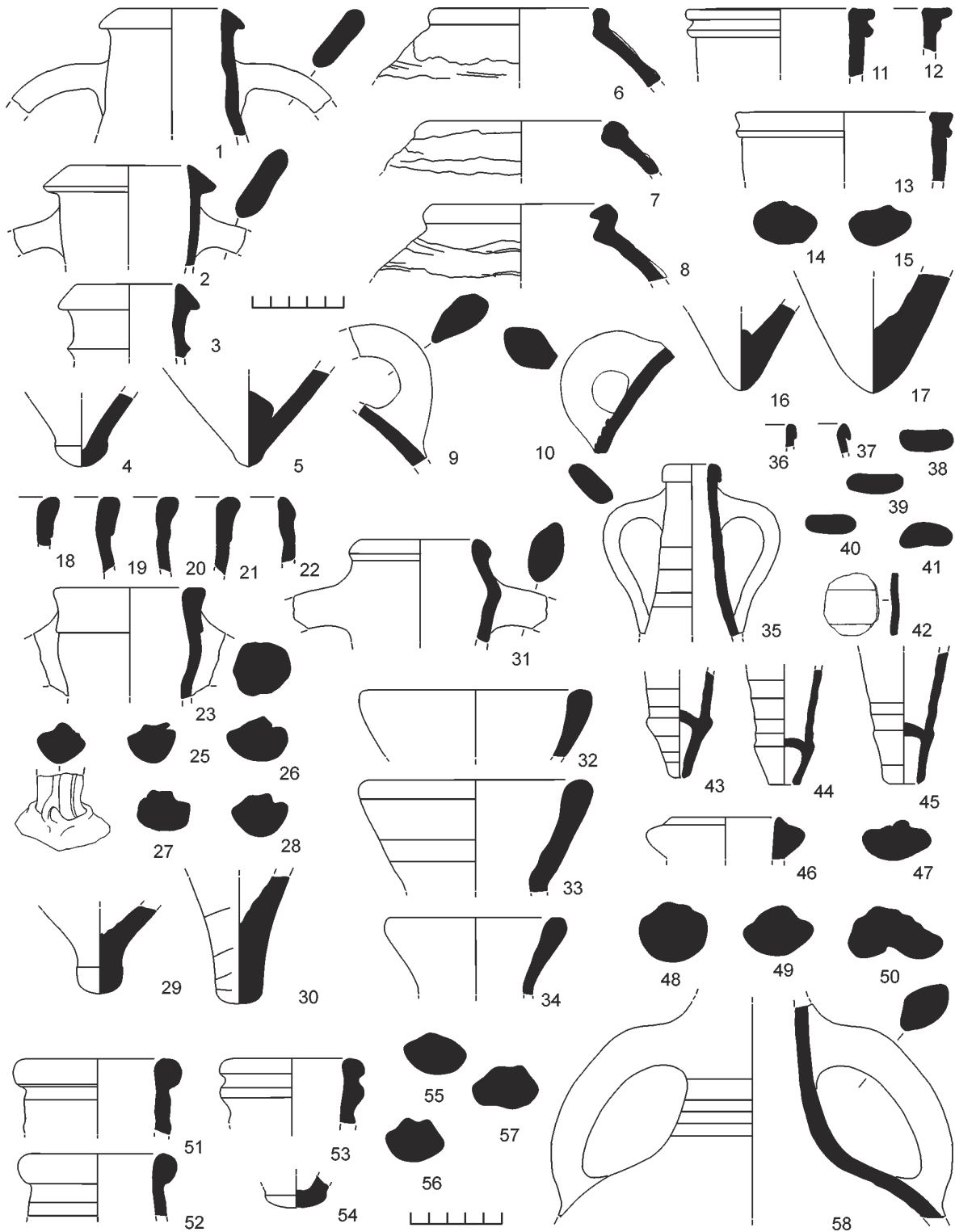
Остродонные амфоры с коническим дном типа Делакеу и *carotte* синопского производства (рис. 3, 11–17). II тип по АДСВ-1971 (Антонова и др., 1971. С. 82–83, рис. 3), тип 100 по Зеест (Зеест, 1960. Табл. XXXIX, 100), тип C Sn p I («Демирджи») по Д. Кассаб Тезгер (Kassab Tezgör, 1999. P. 117–124, fig. 9–11). Чаще всего вероятную дату их бытования относят к IV – началу VI в. (Kassab Tezgör, 2010. P. 132; Смокотина, 2011. С. 358) или середине III – VI в. (Храпунов и др., 2007. С. 10). Специально проанализировавший этот тип амфорной тары О. В. Шаров пришел к заключению, что амфоры этого типа вышли из употребления не позже середины V в. (Шаров, 2007. С. 170).

Светлоглиняные с рифлением стенок типа «набегающая волна» (рис. 3, 18–27); LRA-1 (Pieri, 2007, fig. 2). Тип. IX, X по АДСВ-1971 (Антонова и др., 1971. С. 86–87, рис. 10, 11), тип 9 по А. Л. Якобсону (Якобсон, 1979. С. 13–14, рис. 2, б; рис. 3, 8, 9); класс 12 по херсонесской классификации 1995 г., где датируются периодом от последней трети IV в. до 650–670 гг. (Романчук и др., 1995. С. 29–33, табл. 10, 12, 14–16). Форма венчиков из раскопок под полом разнообразна, но преобладают формы, по определению А. В. Сазанова, характерные для V–VI вв. (Sazanov, 1999. С. 275–279, табл. 3, 7–11). Время их наиболее массового бытования (по материалам крымских памятников) может относиться к VI–VII вв. (Храпунов и др., 2007. С. 11).

Тип Зеест-95 (Зеест, 1960. Табл. XXXVIII. С. 118, IV–VI вв.) или LRA-3, LIV по Киэй (Keay, 1984. P. 286–289, fig. 124) (рис. 3, 35–41, 43–45). Амфоры этого типа немногочисленны в комплексах Причерноморья и Восточного Средиземноморья, но хорошо выделяются по характерной морфологии и глиняному тесту, насыщенному слюдой. Значительное количество фрагментов этого типа (около 60 %) имело зеленовато-коричневый налет, который часто встречается на керамических находках, поднятых со дна рыбозасолочных цистерн. Хронология у разных авторов различается достаточно серьезно, самая поздняя серия дат относится к временному промежутку от начала V до середины VII в. (Kassab Tezgör et al., 2003. P. 181, 185, № 26).

V тип по АДСВ-71 – красноглиняные желобчатые круглодонные амфоры с ангобириванной

⁵ Первичное определение принадлежит научному сотруднику экспедиции Т. В. Дюженко. В данной публикации учтены лишь те наблюдения, которые имеют значение для хронологии комплекса. Отмечу, что в работе экспедиции и обработке массового материала на этом участке принимали участие также В. В. Дорошко и О. П. Дорошко – ныне сотрудники Херсонесского музея-заповедника.

Рис. 3. Фрагменты амфор из засыпи под полом центрального нефа: 1–5, 31 – I тип по АДСВ-71; 6–10 – IV тип по АДСВ-71; 11–17 – Зеест-100; 18–28 – IX, X типы по АДСВ-1971; 29–30 – неопр. тип; 32–34 – с воронковидным горлом; 35–45 – Зеест-95; 46–49 – светлоглиняные узкогорлые; 50 – Зеест-72 (мирмекийские); 51–58 – VII тип по АДСВ-71

Fig. 3. Fragments of amphorae from the fill under the floor of the central nave: 1–5, 31 – type I according to АДСВ-71; 6–10 – type IV according to АДСВ-71; 11–17 – Zeest-100; 18–28 – types IX, X according to АДСВ-1971; 29–30 – unidentified type; 32–34 – amphorae with a funnel-shaped neck; 35–45 – Zeest-95; 46–49 – light-clay amphorae with a narrow neck; 50 – Zeest-72 (Myrmekion); 51–58 – type VII according to АДСВ-71

поверхностью (Антонова и др., 1971. С. 85, рис. 6), тип 5 по А. Л. Якобсону (Якобсон, 1979. С. 11, рис. 3, 5, 6, 7), класс 6 по херсонесской классификации 1995 г., где предложены даты в пределах второй четверти IV – VII в. (Романчук и др., 1995. С. 24–25, табл. 7, 8).

По фрагментам были определены красноглиняные грушевидные амфоры со сложнопрофилированными ручками – VII тип по АДСВ-71 V–VI вв. (Антонова и др., 1971. С. 85–86, рис. 8). Некоторые фрагменты стенок были пережженными или имели следы огня. Кроме двух описанных выше типов красноглиняных желобчатых амфор, покрытых светлым ангобом, были встречены и другие разновидности, отличающиеся по своим внешним характеристикам, характеру глины и включениям, но отдельно датировать их не представляется возможным.

Завершая этот краткий обзор, упомянем и другие амфорные находки из этого комплекса. Среди них – фрагментированная красноглиняная вытя-

нутая амфора с продольным рифлением. Такие сосуды редки, они встречаются с материалами IV в. (Abadie-Reynal, 1999. P. 262). В засыпи присутствуют в небольшом числе фрагменты красноглиняных мирмекийских амфор (типа 72 по Зеест) (рис. 3, 50) (Зеест, 1960. С. 11–112, табл. XXX), светлоглиняных узкогорлых амфор (рис. 3, 46–49), фрагмент светлоглиняной амфоры с двустольными ручками. К числу раннего материала можно отнести фрагменты венчиков амфор с воронковидным горлом (рис. 3, 32–34).

Важной датирующей категорией керамических находок из этого комплекса являются многочисленные фрагменты краснолаковой керамики. Общее количество только профильных частей этой категории находок (с небольшого участка в центре базилики) – 229 фрагментов (табл. 1). Все сосуды были разбиты еще в древности. Выделяются три основные группы краснолаковой керамики: понтийской позднееримской группы, фокейской и херсонесской сигиллят.

Таблица 1. Краснолаковая керамика из слоя «под полом» квадрата Пв (профильные части) (составлена О. П. Дорошко)

Table 1. Red-slip pottery (profile parts) from the layer 'beneath the floor' at excavation square Пв (composed by O. P. Doroshko)

Тип, форма керамики	Тип профиля	Закраины	Днища	Ручки	Всего	Всего (%)
Понтийская позднееримская группа					149	65
Блюда со слегка загнутым краем на кольцевом поддоне (PRS – form 1)	43 (2 – полный профиль)	44 (2 – блюда с шир. отогн. краем)			43	
Блюда с широким отогнутым краем на кольцевом поддоне (PRS – form 3)	6 (2 – полный профиль)				8	
Блюда с нешироким отогнутым краем на кольцевом поддоне (PRS – form 7)	35 (2 – полный профиль)				35	
Небольшие миски с загнутым краем на кольцевом поддоне (PRS – form 4)	7 (1 – полный профиль)				7	
Другие формы	3	9			12	
Фокейская сигиллята					12	5,2
Миски с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне (form 3)	8	1			9	
Миски небольшого размера	3				3	
Херсонесская сигиллята					3	1,3
Миски с вертикальным бортиком с двумя врезными линиями	1	1			2	
Мисочки со слегка отогнутым краем	1				1	
Другие типы					65	28,5

Таблица 1. Окончание

Массивные толстостенные миски	8	2		10	
Чашки разных типов	5			5	
Миски разных типов	14	11		25	
Тарелки с вертикальным бортиком	3			3	
Рыбные блюда	1	1		2	
Блюда с рельефным орнаментом на дне		3		3	
Кубки и канфары	2		2	4	
Кувшины и ойнохойи	5	1	7	13	
Всего	147	73	9	229	100

Понтийская позднеримская группа (Pontic Red Slip Ware – PRS – form 1–7) (Arsen'eva, Domzalski, 2002. P. 425–426, fig. 5–13) представлена блюдами и мисками четырех типов: 1) блюда со слегка загнутым краем на кольцевом поддоне – тип 1 (PRS – form 1) (рис. 4, 18–19); 2) блюда с широким отогнутым краем – тип 3 (PRS – form 3) (рис. 4, 17); 3) блюда с нешироким отогнутым краем на кольцевом поддоне – тип 7 (PRS – form 7) (рис. 4, 11–16); 4) небольшие миски с загнутым краем на кольцевом поддоне (PRS – form 4) (рис. 4, 8–9). Эти формы многочисленны в Херсонесе (Романчук, Сазанов, 1991. С. 35–40, рис. 12–17; Голофаст, 2001. Рис. 5, 6, 10–13, 19, 24, 26, 30–32, 35 и др.). А. В. Сазанов датировал эту керамику концом IV – третьей четвертью VI в. (Романчук, Сазанов, 1991. С. 36). К. Домжальский, специально занимавшийся этой категорией материала, предложил в целом схожие даты (со второй четверти IV до первой четверти – середины VI в. н. э.) (Arsen'eva, Domzalski, 2002. P. 426–427; Крапивина, Домжальский, 2008. С. 78–79, рис. 1–2).

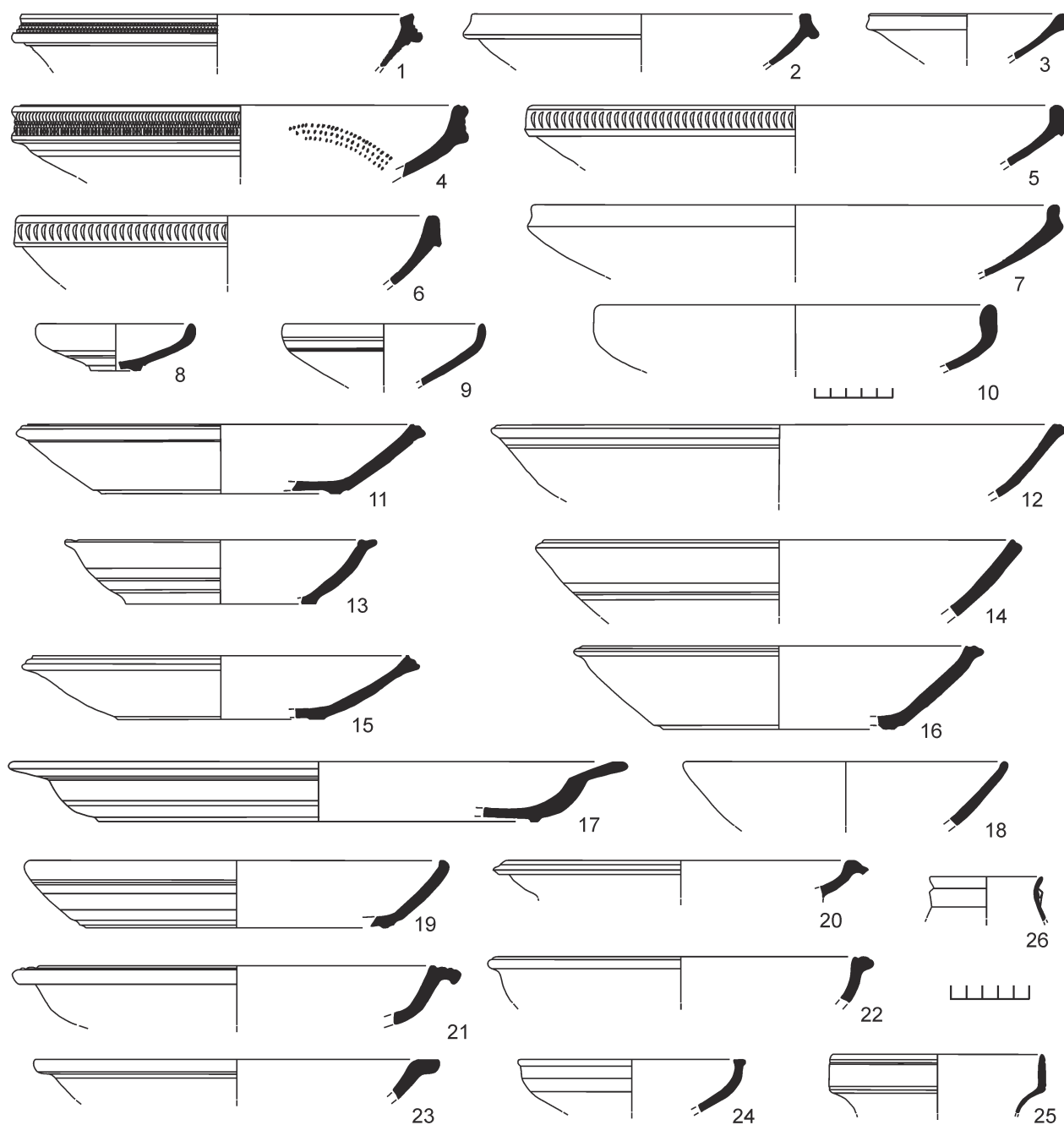
Фокейская сигиллята (Phocesan Red Slip Ware/Late Roman C) двух основных типов: 1) миски с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне (form 3B, form 3E, form 3F) (рис. 4, 1, 2, 4–7); 2) мисочки небольшого размера (form 1D/3) (рис. 4, 3) (Arsen'eva, Domzalski, 2002. P. 425–426, fig. 17, 618–620). Об общей хронологической позиции этих находок: А. И. Романчук и А. В. Сазанов считают, что фокейская сигиллята (form 3) бытовала в Херсонесе с начала V по первую половину VII в. (Романчук, Сазанов, 1991. Табл. 1). Но если исходить из датировок Дж. Хейса (Hayes, 1972. P. 329–338), поддержанных К. Домжальским, то ее следует отнести к V – первой половине VI в. (Arsen'eva, Domzalski, 2002. P. 425–426, fig. 17).

Херсонесская сигиллята. Выделена по раскопкам цистерны в восьмом помещении ХСVII квартала Херсонеса, где в большом количестве были обнаружены бракованные фрагменты (Ушаков, 2005). В нашем случае она представлена сосудами следующих типов: 1) миски с вертикальным бортиком с двумя врезными линиями – тип 2 (рис. 4, 25); 2) мисочки со слегка отогнутым краем (рис. 4, 24); 3) кубки двуручные (рис. 4, 26), отнесены к херсонесской сигилляте предположительно. Верхние хронологические рамки этой керамики не выходят за границу IV в. (Ушаков, 2015. Рис. 2, Тур II, IV).

Другие типы краснолаковой посуды (в том числе и более ранние) из-под пола базилики в этом квадрате также достаточно разнообразны (см. табл. 1). Краснолаковая керамика африканского производства (ARSW) на данном участке не выявлена.

В целом можно заключить, что верхняя хронологическая граница засыпи, определенной по амфорному материалу и краснолаковой керамике, не выходит за пределы второй половины/конца V – начала/середины VI в.

В слое засыпи под полом базилики найдены также разнообразные фрагменты стеклянных сосудов: 1) с оплавленным (рис. 5, 1) и 2) обрезанным краем (рис. 5, 3) (тип II по Сорокиной) V в. (Голофаст, 2001. С. 127–128); 3) фрагмент закраины от сосуда с утолщенным, слегка наклонным венчиком, с косым рифлением (рис. 5, 2) V – первой половины VII в. (Там же. 2001. С. 149). Кроме того, в засыпи встречены фрагменты лампад трех типов: 1) с выпуклым сферическим в сечении недекорированным дном (рис. 5, 10, 11), встречающийся в херсонесских комплексах последней четверти V – начала VII в. (Там же. 2001. С. 136); 2) с узкой

Рис. 4. Фрагменты краснолаковой керамики из засыпи под полом центрального нефа:

1–7 – LRC форма 3; 8–10 – PRS – форма 4; 11–16, 22 – PRS – форма 7; 17 – PRS – форма 3; 18–19 – PRS – форма 1; 20, 21, 23 – PRS – форма 2; 24 – XC-4; 25 – XC-2; 26 – XC-кубок

Fig. 4. Fragments of red-slip pottery from the fill under the central nave:

1–7 – LRC form 3; 8–10 – PRS – form 4; 11–16, 22 – PRS – form 7; 17 – PRS – form 3; 18–19 – PRS – form 1; 20, 21, 23 – PRS – form 2; 24 – XC-4 (Chersonesos collection of Papers); 25 – XC-2; 26 – XC-beaker

полой ножкой (рис. 5, 12), появляющийся с самого конца V в. (Там же. 2001. С. 138); 3) с тремя ручками (рис. 5, 13) конца VI – VII в. (Там же. 2001. Табл. 9, 10). Кроме того, там присутствовали: 1) бутылку с широким раструбом и оплавленным загнутым

внутри краем (так называемый колбовидный сосуд) (рис. 5, 4) конца IV/V – начала VII в. (Там же. 2001. С. 143); 2) кувшин с цилиндрическим туловом и вертикальными ребрами по нему (рис. 5, 14), датируется по аналогиям из некрополя Боспора

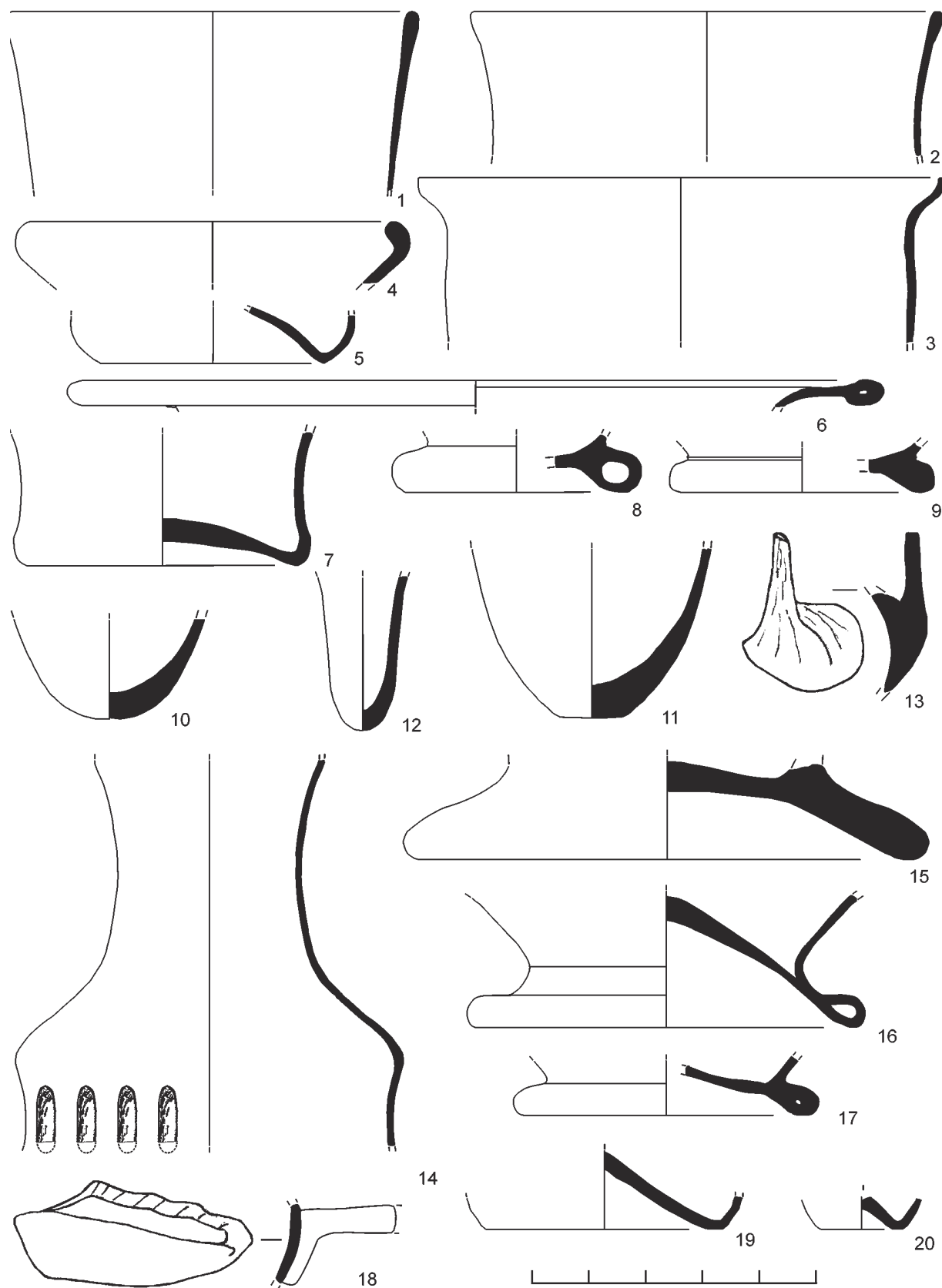

Рис. 5. Фрагменты стеклянных сосудов из засыпи под полом центрального нефа

Fig. 5. Fragments of glass vessels from the fill under the floor of the central nave

VI – началом VII в. (Там же. 2008. С. 47); 3) кувшин с туловом грушевидной или сферической формы на кольцевом поддоне (рис. 5, 15–17) IV – первой половины V в. (Там же. 2008. Табл. X, XI); 4) фрагмент ручки кувшина с продольными желобками на его наружной поверхности IV–V вв. (Там же. 2001. С. 146); 5) фрагмент тарелки из стекла оливкового цвета с неширокими горизонтальными полями и загнутым краем в два слоя (рис. 5, 6), по аналогиям из Керчи и некрополя Карши-Баир датируется IV – началом V в. (Засецкая, 2008. С. 112) или в пределах второй половины V – VI в.

(Ушаков, 2010г. Табл. 3, рис. 81, 8, 10). Есть и другие характерные фрагменты. Таким образом, комплекс стеклянной посуды по своим хронологическим показателям хорошо сочетается с материалами амфорной тары и краснолаковой керамики, типичными для слоев Херсонеса этого времени (Ушаков, 2010б. С. 8–10, 12). Датировка подтверждается также находками монет, самыми поздними из которых являются: Констанций II (337–348) – 1 экз.; Валентиниан II (375–392) – 1 экз.; Феодосий (379–395) – 1 экз.; Феодосий II и Валентиниан III (425–450) – 2 экз. (табл. 2).

Таблица 2. Монетные находки из раскопок базилики «Крузе»

Table 2. Coin finds from excavations of the 'Kruise' basilica

№ п/п	Типы монет	Ю-Н	Ц-Н	Н	Ц-1	Ц-2	Итого
1	Проб (276–282)		Пв-3				1
2	Лициний I (308–324)			IIIг		1	2
3	Константин I (307–337)	1	1			2	4
4	Константин I и сыновья (307–361), вып. 308–348 гг.		IIIв; 1; IIIб-4			2	5
5	Константин I или Константин II. Выпуск 308–337 гг.					1	1
6	Константин II (337–340)		Iв				1
7	Констант (337–350 гг.), выпуск 337–340 гг.					1	1
8	Констанций II (337–361), вып. 337–348 гг.		Iб-1 Пв-3				2
9	Констанций II (337–361), вып. 354–361 гг.		IIIг (бровка)				1
10	Констанций Галл (351–354)		IIIб-3(в пифосе)				1
11	Грациан (367–383)		Пв (2)				2
12	Валентиниан II (375–392)	1	IIб-2, Пв, Пв-3, IIIв	1, III		2	9
13	Валентиниан II (375–392 гг.) или Феодосий I (379–395 гг.)			IIIв			1
14	Феодосий I (379–395)	2	Пв (под полом), IIIб-3			2	6
15	Феодосий I (379–395 гг.) или Аркадий (383–408 гг.)		IIб-3			1	2
16	Аркадий (383–408) или Гонорий (393–423)	В стене базил. (2)	Пв, IIIб-3	Мог. VIII		1	6
17	Аркадий (383–408)		IIб			3	4
18	Гонорий (393–423)	1					1
19	Феодосий II или Валентиниан III (425–450)	1	1, IIб-3, Пв-3 (2), IIб-яма пифоса			3	9
20	Феодосий II (438–408)		Пв				1
21	Лев I (457–474)		IIIб, IIIб-3 (2)				3

Таблица 2. Окончание

22	Анастасий I (491–518)	1	VГ, IIIБ	Мог. VIII	2		6
23	Юстиниан I (527–565)				1		1
Всего		9	33	6	3	19	
Итого		70					

Примечание: В таблице указаны только определяемые монеты, имеющие отношение ко времени строительства храма. Составлено по описаниям монет в отчетах в соответствии с авторскими определениями; Пв-3 – название раскопанных квадратов с указанием слоев; ЮН – южный неф, ЦН – центральный неф, Н – нартекс, Ц-1 – цистерна 1, Ц-2 – цистерна 2.

Идентичный набор керамических находок происходит из большой цистерны (Ц-2) под полом базилики (рис. 1Б, 4; 6). Наблюдения за распределением находок краснолаковой керамики позволяют утверждать, что в цистерне с увеличением глубины резко увеличивается число сосудов ранних типов, в частности исчезают сосуды фокейской сигилляты, которые присутствуют только в верхнем

слое. Одновременно при строительстве храма была засыпана еще одна цистерна (рис. 1Б, 3) (Ушаков, 2013), расположенная прямо перед входом в храм и содержащая аналогичные находки (рис. 7). То же самое можно сказать об археологическом материале из-под пола южного нефа (рис. 8) и южной части нартекса (рис. 1Б, 7; 9). Основные категории вещей сопоставлены в табл. 3.

Таблица 3. Археологические комплексы базилики «Крузе»: находки и хронология

Table 3. Archaeological complexes of the 'Kruse' basilica: finds and chronology

Датирующие находки		Комплексы						
		1. Засыпь южного нефа	2. Засыпь центр. нефа	3. Цист. перед храмом	4. Цистерна в ц. нефе	5. Пом. I	6. Засыпь печи на пр. ул.	7. Нартекс
Амфоры	С воронковидным горлом							
	Зеест-72 (мирмекийские)							
	Узкогорлые светлогл. Тип F							
	Зеест-100/ C Sn p I							
	АДСВ-1971, тип I («Колхида»)							
	Зеест-95/LRA-3							
	«ГАЗА»/ LRA-4							
	LRA-5, BAG 1-5							
	«Набег. волна», LRA-1							
	АДСВ-1971, тип V							

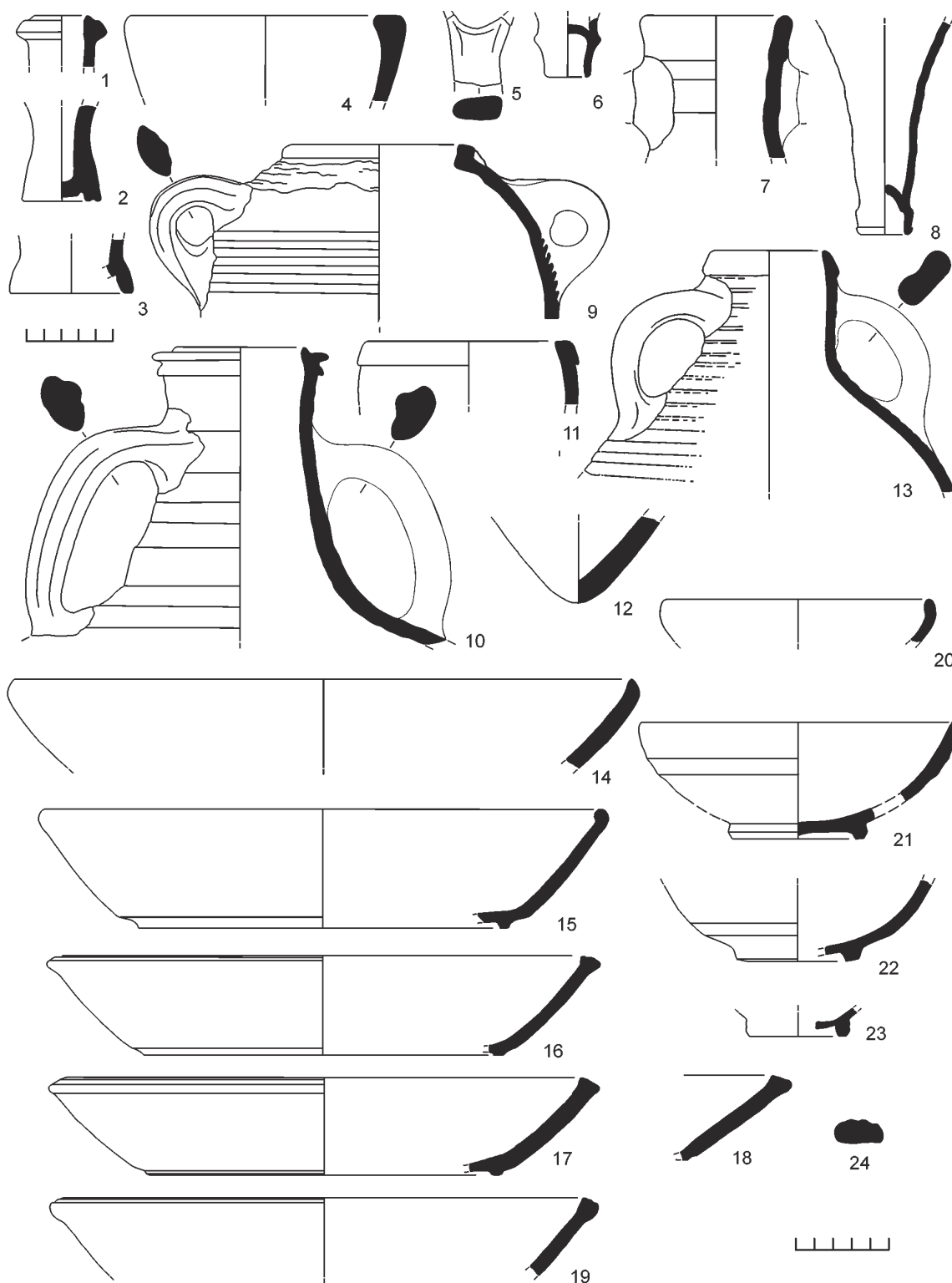
Краснолаковая керамика	Понтийская позднеримская группа	PRS-1	■	■	■	■	■	■	■	■	
		PRS-2	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		PRS-3	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		PRS-4	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		PRS-6	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		PRS-7	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	Фокейская сигиллята	LRS-3	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		LRS	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	Херсонесская сигиллята	XC-1	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		XC-2	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		XC-Кувшины	■	■	■	■	■	■	■	■	■
		Прочее	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Датировка	IV в.	■	■	■	■	■	■	■	■	■	
		■	■	■	■	■	■	■	■	■	
	V в.	■	■	■	■	■	■	■	■	■	
		■	■	■	■	■	■	■	■	■	
		■	■	■	■	■	■	■	■	■	
	VI в.	■	■	■	■	■	■	■	■	■	
■		■	■	■	■	■	■	■	■		

Новейшие материалы раскопок происходят из помещения I (размеры – 5,6 × 6,8 м) (рис. 1Б, 5), построенного в единой технике с основным зданием базилики. Под полом были выделены два слоя засыпи. Основной из них (№ 4) содержал характерные фрагменты амфор и краснолаковой керамики. В целом набор тарных сосудов типичен для Херсонеса и других памятников Крыма позднеантичного-ранневизантийского времени (Ср.: Золотарев и др., 2013, рис. 114), в том числе и сельских поселений (см.: Храпунов и др., 2007. С. 7–15, рис. 12–19). Керамика с краснолаковым покрытием относится к двум основным хроно-типологическим группам: раннего (римского – сосуды восточной сигилляты В, С – типа Чандарли, Понтийской сигилляты) и позднего (ранневизантийского) времени. Вторая группа сосудов наиболее многочисленна. Во-первых, это блюда типа «фокейская сигиллята» формы 3/Поздний римский С (рис. 10, 1–7). Во-вторых, это блюда и миски Понтийской позднеримской группы (Pontic Red Slip Ware) (рис. 10, 8–14) и до конца не дифференцированные

другие сосуды понтийского производства (кувшины, кубки, миски, канфары). В-третьих, это сосуды Херсонесской сигилляты (рис. 10, 15–18): миски I типа, чашки II типа, миски с двучастным бортиком, отогнутым краем, блюда с горизонтально отогнутым краем, миски с подтреугольным бортиком, плоскодонные кубочки и кувшины. В трех случаях имеются штампы в виде крестов (мотивы 67, 71 III группы по Дж. Хейсу конца V – середины VI в. (Hayes, 1972. P. 346–347)). Кроме того, в засыпи встречаются, как обычно, единичные фрагменты светильников, изделий из кости и стекла. Можно заключить, что верхняя хронологическая граница этого комплекса совпадает с датировкой всех комплексов, охарактеризованных выше (а также засыпи из слоя разрушения керамической печи на продольной улице⁶) и относится к концу V – началу/середине VI в.

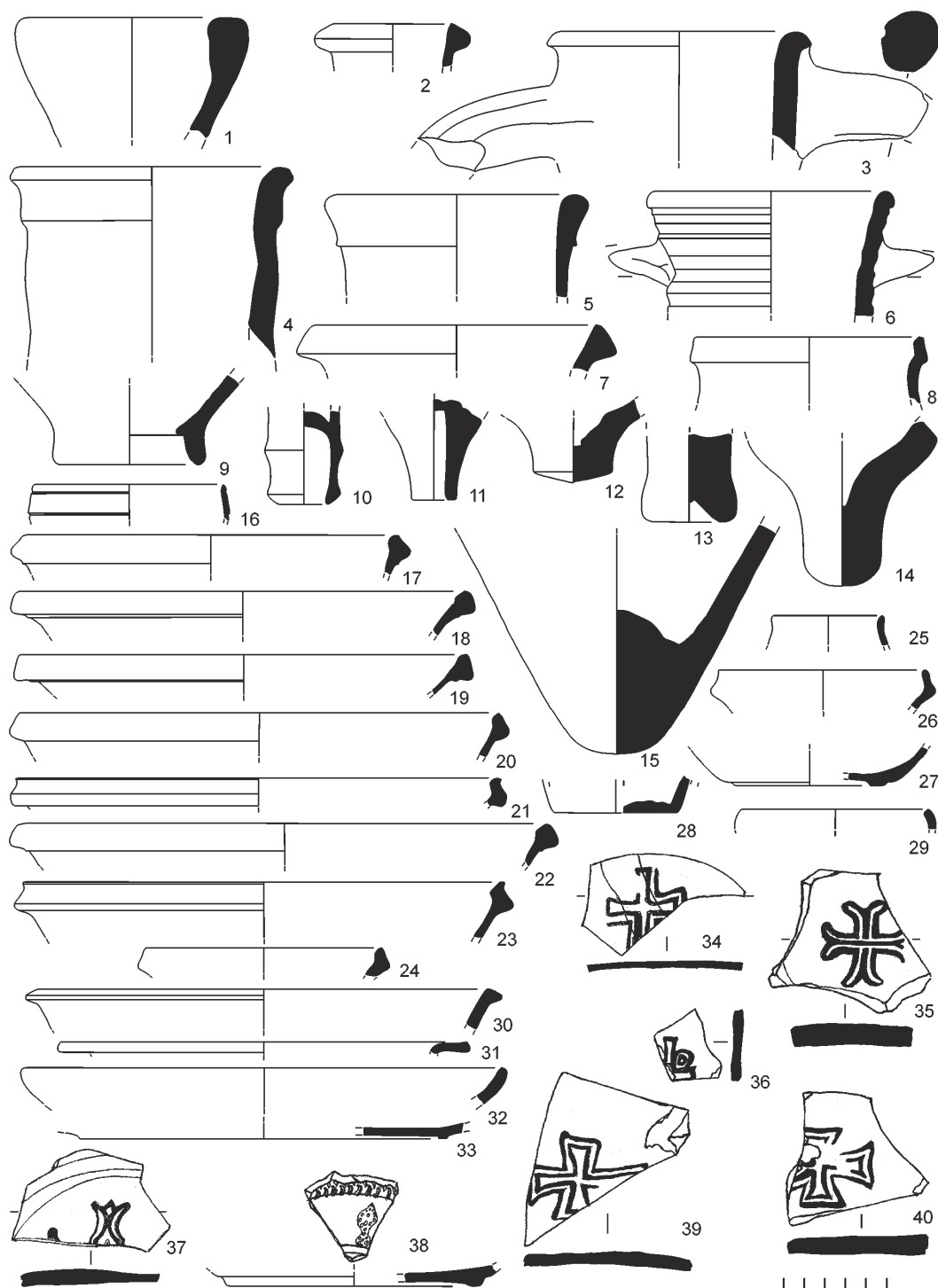
Нумизматические материалы. Из монет, найденных в упомянутых комплексах, удалось определить лишь 70 экземпляров (см. табл. 2). К 2013 г.

⁶ Материал готовится к публикации.

Рис. 6. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов из цистерны под полом центрального нефа: 1–3 – светлоглиняные узкогорлые; 4 – с воронковидным горлом; 5–7 – Зеест-95; 8 – IX, X типы по АДСВ-1971; 9 – I тип по АДСВ-71; 10–12 – Зеест-100; 13 – I тип по АДСВ-1971; 14, 15 – PRS – форма 1; 16–19 – PRS – форма 7; 20–22 – PRS – форма 4; 23, 24 – XC

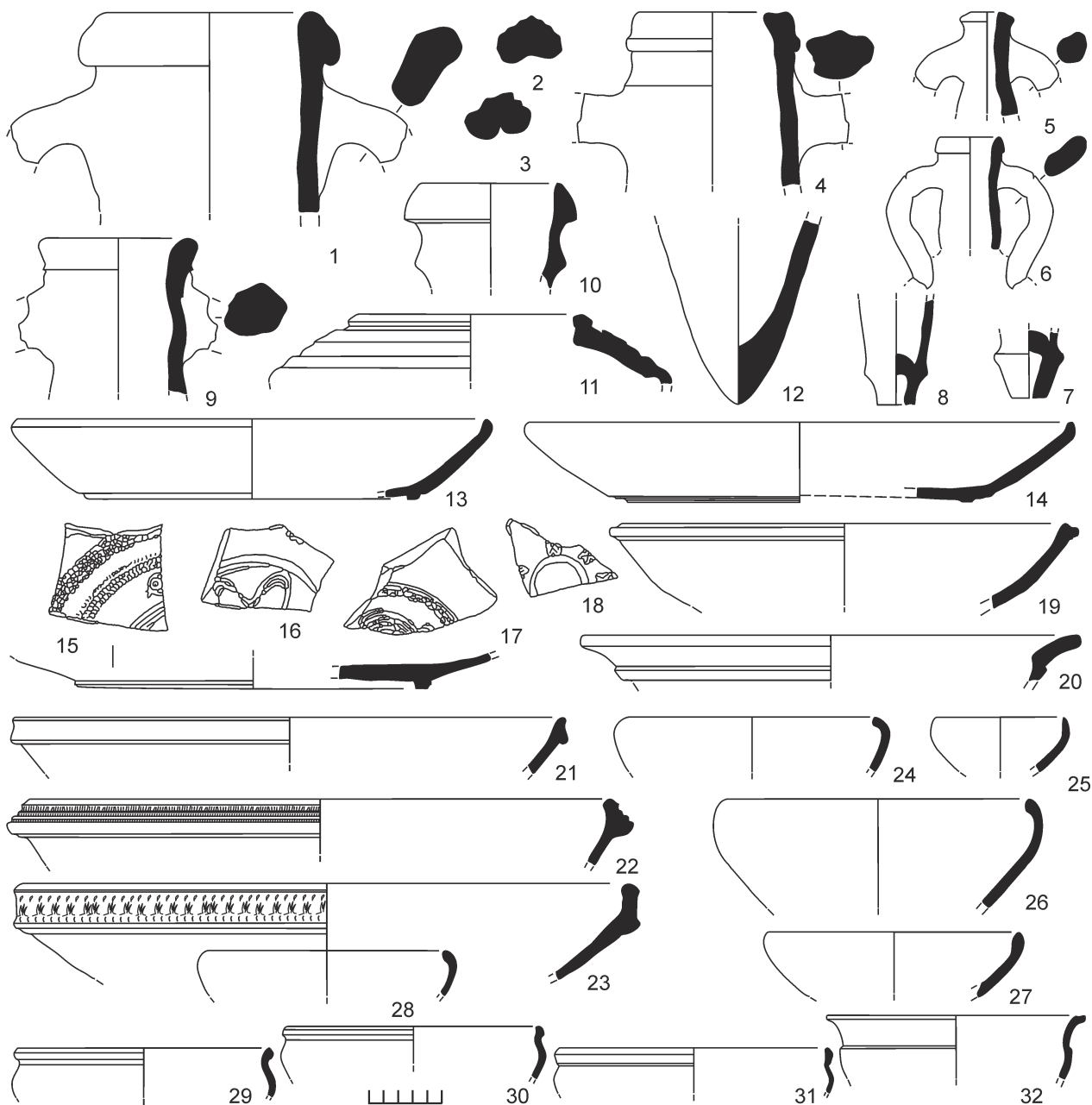
Fig. 6. Fragments of amphorae and red-slip pottery from the cistern under the floor of the central nave: 1–3 – light-grey amphorae with a narrow neck; 4 – amphorae with a funnel-shaped neck; 5–7 – Zeest-95; 8 – types IX, X according to АДСВ-1971; 9 – type I according to АДСВ-71; 10–12 – Zeest-100; 13 – type I according to АДСВ-1971; 14, 15 – PRS form 1; 16–19 – PRS form 7; 20–22 – PRS form 4; 23, 24 – XC

Рис. 7. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов из цистерны перед храмом: 1 – с воронковидным горлом; 2, 9 – светлоглиняные узкогорлые; 3 – класс 13 по классификации 1995 г.; 4, 5 – IX, X типы по АДЦВ-1971; 6 – V тип по АДЦВ-71; 7, 12 – I тип по АДЦВ-71; 8 – неопр. тип; 10, 11 – Зеест-95; 13, 14 – эллинистические амфоры; 15 – Зеест-100; 16 – XC-2; 17–23, 33–40 – LRC форма 3; 24–27, 31 – понтийская сигиллята А; 28 – дно закрытого сосуда; 29 – XC-1 (?); 30 – PRS – форма 7; 32 – PRS – форма 1

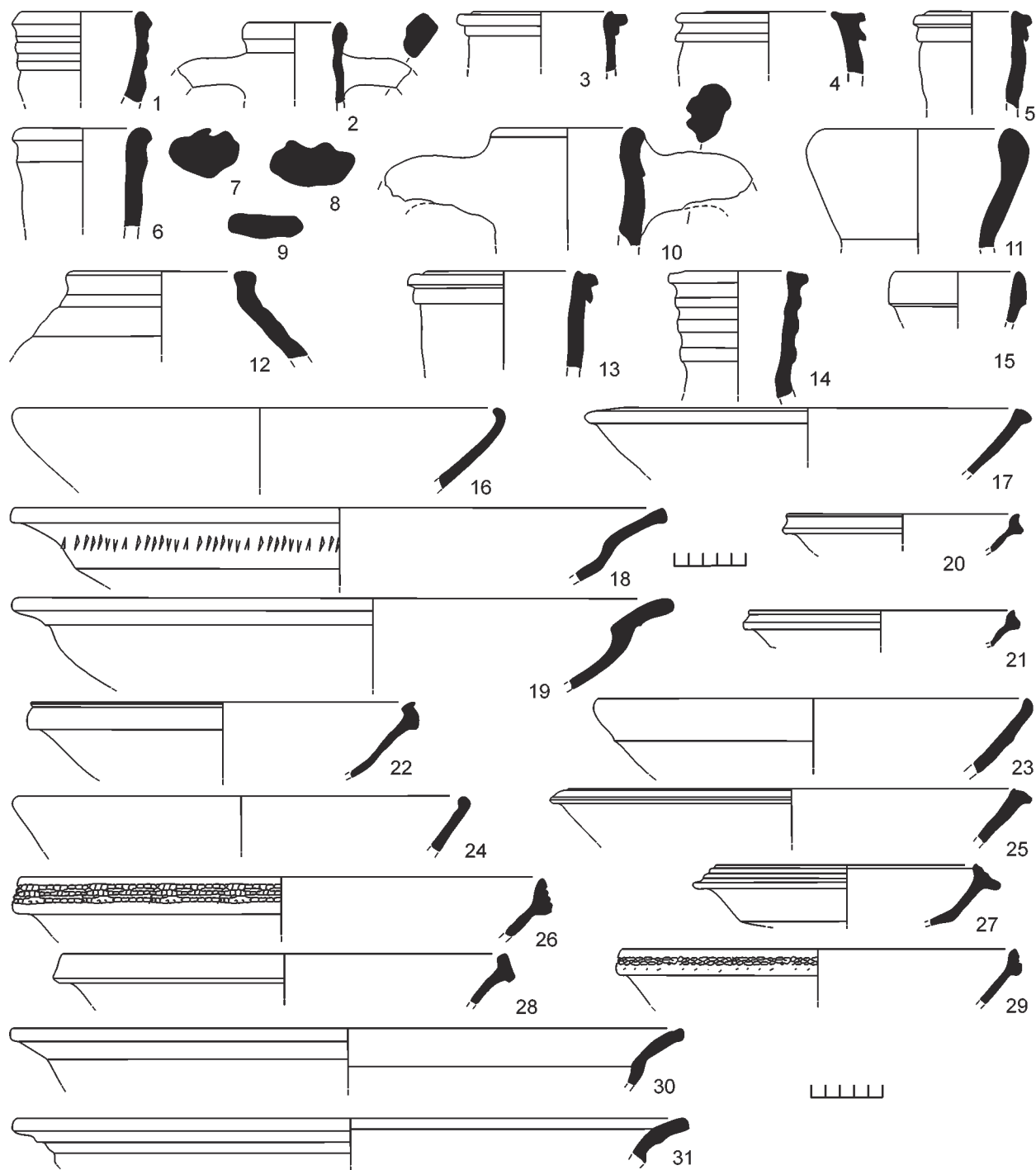
Fig. 7. Fragments of amphorae and red-slip pottery from the cistern in front of the temple: 1 – amphorae with a funnel-shaped neck; 2, 9 – light-grey amphorae with a narrow neck; 3 – class 13 according to classification of 1995; 4, 5 – types IX, X according to АДЦВ-1971; 6 – type V according to АДЦВ-71; 7, 12 – type I according to АДЦВ-71; 8 – unidentified type; 10, 11 – Zeest-95; 13, 14 – Hellenistic amphorae; 15 – Zeest-100; 16 – XC-2; 17–23, 33–40 – LRC form 3; 24–27, 31 – Pontic sigillata A; 28 – base of a closed vessel; 29 – XC-1 (?); 30 – PRS – form 7; 32 – PRS – form 1

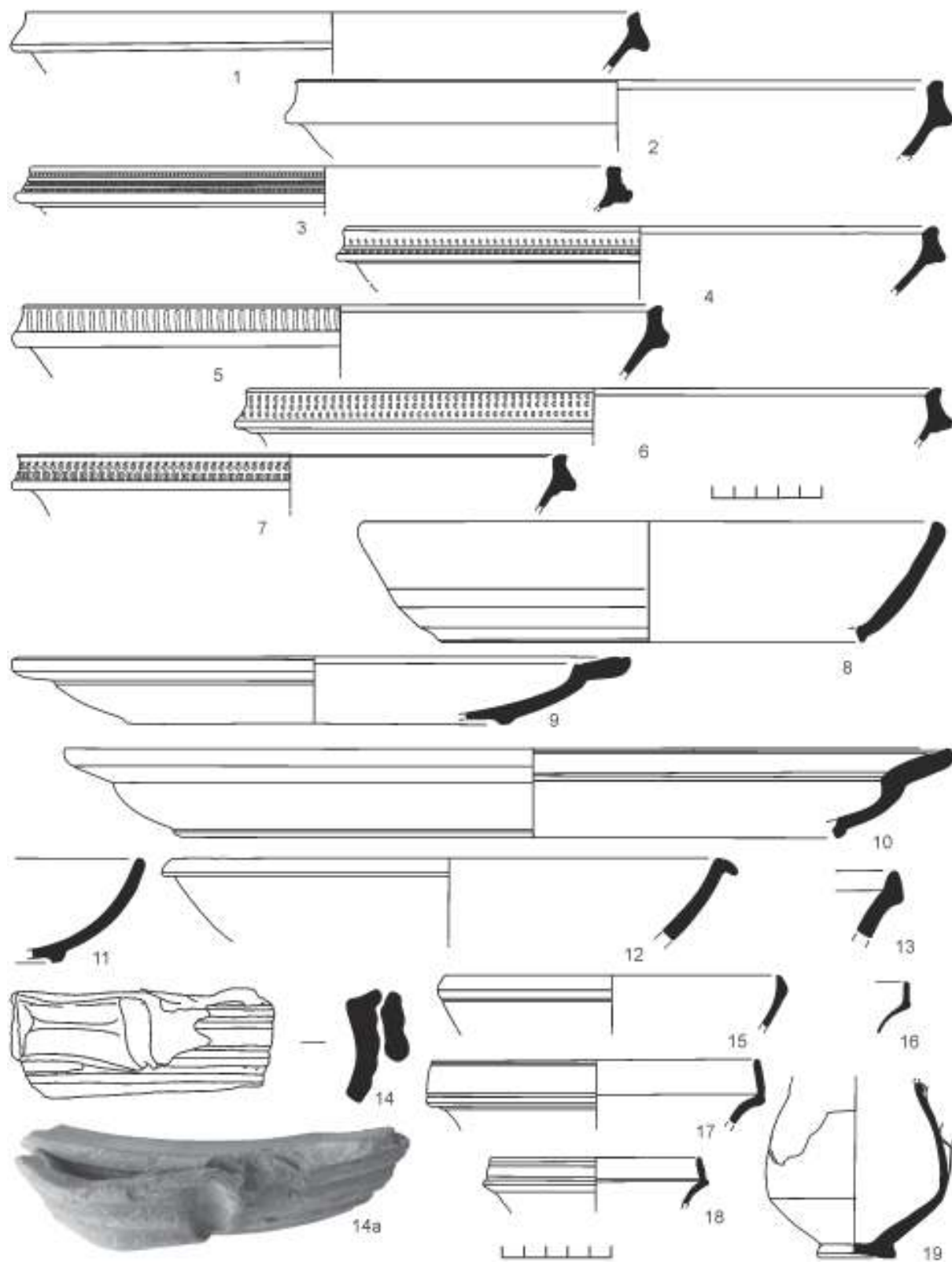
Рис. 8. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов из засыпи под полом южного нефа: 1–3 – Зеест-72 (мирмекийские); 4, 12 – Зеест-100; 5–8 – Зеест-95; 9 – IX, X типы по АДЦВ-1971; 10 – I тип по АДЦВ-71; 11 – IV тип по АДЦВ-71; 13, 14 – PRS – форма 1; 15–17, 21–23 – LRC форма 3; 18 – донце сосуда; 19 – PRS – форма 7; 20 – PRS – форма 3; 24–31 – XC

Fig. 8. Fragments of amphorae and red-slip pottery from the fill under the floor of the southern nave: 1–3 – Zeest-72 (Myrmekion); 4, 12 – Zeest-100; 5–8 – Zeest-95; 9 – types IX, X according to АДЦВ-1971; 10 – type I according to АДЦВ-71; 11 – type IV according to АДЦВ-71; 13, 14 – PRS form 1; 15–17, 21–23 – LRC form 3; 18 – base of a vessel; 19 – PRS form 7; 20 – PRS form 3; 24–31 – XC

Рис. 9. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов из раскопок нартекса: 1, 2, 14 – V тип по АДЦВ-71; 3–5, 13 – Зеест-100; 6–8, 10 – IX–X типы по АДЦВ-1971; 9 – Зеест-95; 11 – с воронковидным горлом; 12, 23, 24 – I тип по АДЦВ-71; 15 – I тип по АДЦВ-1971; 16 – PRS – форма 1; 17 – LRC форма 7; 18, 19, 30, 31 – PRS – форма 3; 20–22, 26, 28, 29 – PRS – форма 3; 25 – LRC форма 7; 27 – LRS – форма 8

Fig. 9. Fragments of amphorae and red-slip pottery from excavation of the narthex: 1, 2, 14 – Type V according to АДЦВ-71; 3–5, 13 – Zeest-100; 6–8, 10 – types IX–X according to АДЦВ-1971; 9 – Zeest-95; 11 – with a funnel-shaped neck; 12, 23, 24 – Type I according to АДЦВ-71; 15 – Type I according to АДЦВ-1971; 16 – PRS form 1; 17 – LRC form 7; 18, 19, 30, 31 – PRS – form 3; 20–22, 26, 28, 29 – PRS form 3; 25 – LRC form 7; 27 – LRS form 8

Рис. 10. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов из раскопок помещения I: 1-7 – LRC форма 3; 8 – PRS – форма 1; 9, 10 – PRS – форма 3; 11 – PRS – форма 4; 12-14 – PRS; 15 – XC-1; 16-18 – XC-2

Fig. 10. Fragments of amphorae and red-slip pottery from excavation of room I: 1-7 – LRC form 3; 8 – PRS form 1; 9, 10 – PRS form 3; 11 – PRS form 4; 12-14 – PRS; 15 – XC-1; 16-18 – XC-2

большая их часть происходила из центрального нефа (33 экз.) и цистерны под полом этого же нефа (19 экз.), девять – из-под пола южного нефа. Большинство монет относится ко второй половине IV в. (чекан Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия и Гонория), первой половине V в. (монеты Феодосия II и Валентиниана III, Феодосия II) и второй половине V в. и началу VI в. (Лев I, Анастасий I). Единичным экземпляром представлена самая поздняя из всех монет – монета Юстиниана I (527–565), которая была обнаружена в цистерне перед базиликой на глубине 1,5 м.

Подводя итог всему изложенному выше, можно сказать, что анализ хронологии и распределения всех основных групп находок позволяет практически безальтернативно утверждать, что сооружение базилики нужно отнести к эпохе Юстиниана Великого (527–565 гг.). Скорее всего, это произошло около середины VI столетия. В целом предложенная дата сооружения базилики «Крузе» позволяет откорректировать и общую хронологическую схему раннего церковного строительства в Херсонесе.

Айналов, 1905 – Айналов Д. В. Развалины храмов. (Памятники христианского Херсонеса). М., 1905. Вып. 1.

Антонова и др., 1971 – Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. № 7.

Болгов и др., 2007 – Болгов Н. Н., Литовченко Е. В., Смирницких Т. В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX региональной НПК. Т. 1. Белгород, 2007.

Ващева, 2009 – Ващева И. Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1).

Голофаст, 2001 – Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. №. VIII.

Засецкая, 2008 – Засецкая И. П. Стеклопосуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII в. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. №. XX.

Зеест, 1960 – Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960 (МИА; № 83).

Золотарев и др., 2003 – Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пиленгер Р., Пюльц А. Раскопки т. н.

«Базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // ХСб. 2003. № XII.

Золотарев и др., 2013 – Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь, 2013.

Карнаушенко Э., Карнаушенко А., 2012 – Карнаушенко Э. Н., Карнаушенко А. Д. 3D реконструкция Подземного храма на главной улице в Херсонесе средствами Google SketchUp 8 Pro (с наземным храмом над ним и литургической планировкой) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. VIII(III). Севастополь, 2012. Серия А: Античность и средневековье: Избранные материалы IX Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения».

Косцюшко-Валюжинич, 1891 – Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1891 год // Архив ГИАМЗ «ХТ». Д. 2.

Крапивина, Домжалский, 2008 – Крапивина В. В., Домжалский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного междунар. круглого стола, посвящ. 10-летию конф. «Боспорский феномен». СПб., 2008.

Романчук, 2000 – Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

Романчук, 2008 – Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Тюмень, 2008. Т. 2: Византийский город.

Романчук, Сазанов, 1991 – Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Свердловск, 1991. Ч. 1: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона.

Романчук и др., 1995 – Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1991.

Селунская, 2004 – Селунская Н. А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. М., 2004. № 13.

Селунская, 2005 – Селунская Н. А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» (Central European University) // ВДИ. 2005. С. 249–253.

Сорочан, 2005 – Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005.

Сорочан, 2007 – Сорочан С. Б. К вопросу о литургической организации и датировке базилики Крузе в византийском Херсонесе // Проблемы теологии. Материалы

- IV междунар. науч.-практ. конф., 16 февраля 2007 г. Екатеринбург, 2007.
- Сорочан, 2011 – Сорочан С. Б. Еще раз о базилике Крузе в византийском Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2011. № 965: Сер. Історія. Вип. 43.
- Смокотина, 2011 – Смокотина А. В. О хронологии амфор типа С SNPI («Делакеу») // Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Посвящены 185-летию Керченского музея / Ред. В. Н. Зинько. № XII. Керчь, 2011.
- Ушаков, 2005 – Ушаков С. В. Херсонесская краснолаковая керамика // БИ. Симферополь; Керчь. 2005. № VIII.
- Ушаков, 2010а – Ушаков С. В. Когда были сооружены могилы в нартексе базилики «Крузе» в Херсонесе? // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. № IV.
- Ушаков, 2010б – Ушаков С. В. Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.») // МАИАСК. № II. Севастополь; Тюмень, 2010.
- Ушаков, 2010в – Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2010 г. // Архив ГИАМЗ «ХТ». Д. 4136.
- Ушаков, 2010г – Ушаков С. В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. Донецк, 2010. № 23.
- Ушаков, 2013 – Ушаков С. В. Новая рыбозасолочная цистерна из Херсонеса (к вопросу о времени строительства базилики «Крузе») // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. № X.
- Ушаков, 2014 – Ушаков С. В. Время собирать камни... Основные итоги работ по исследованию участка базилики «Крузе» (2005–2012 гг.) // ХСб. 2014. № XVIII.
- Ушаков, 2015 – Ушаков С. В. О планировке и времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе (новые исследования) // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: Материалы научн. конф., посвящ. 70-летию с начала работ Тавро-Скифской экспедиции (1945–2015) (Симферополь, 5–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 2015.
- Ушаков, 2016 – Ушаков С. В. «Базилика Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тез. докл. XXI Всерос. науч. сессии византистов. М.; Белгород, 2016.
- Ушаков, Моор, 2011 – Ушаков С. В., Моор В. В. Базилика «Крузе» в Херсонесе: основные итоги изучения и графической реконструкции (2005–2011 гг.) // Современные проблемы изучения истории Церкви. Междунар. науч. конф.: Тез. докл. Препринт. М., 2011.
- Ханаев, 2016 – Ханаев В. В. «Заведывающий открытиями»: первые сообщения о раскопках Херсонеса // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XIX (VI). Севастополь, 2016. Серия А: Античность и средневековье. Избр. материалы XIII Всерос. науч. конф. «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. С. Ю. Сапрыкина.
- Храпунов и др., 2007 – Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004–2006 гг.). Симферополь. 2007.
- Шаров, 2007 – Шаров О. В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007.
- Якобсон, 1959 – Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М., 1959 (МИА; № 63).
- Якобсон, 1979 – Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Abadie-Reynal, 1999 – Abadie-Reynal C. Les amphores romaines en mer Noir (I – IV s.) // Production et commerce des amphores en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999.
- Arsen'eva, Domzalski, 2002 – Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. Bd. 8.
- Brown, 1971 – Brown P. The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971.
- Hayes, 1972 – Hayes J. W. Late Roman Pottery. London, 1972.
- Jones, 1964 – Jones A. H. M. The Later Roman Empire, AD 284–602: a Social, Economic and Administrative Survey. London, 1964.
- Kassab Tezgör, 1999 – Kassab Tezgör D. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999.
- Kassab Tezgör, 2010 – Kassab Tezgör D. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope. Varia Anatolica. Istanbul; Paris. 2010. N XXII.
- Kassab Tezgör et al., 2003 – Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Pieri D., La Collection D'Ismail Karakan A Sinop // Anatolia Antiqua. 2003. N XI.
- Keay, 1984 – Keay S. J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean / A typology and economic study: the Catalan evidence / Part (II). Oxford, 1984 (BAR International Series; № 196 (II)).
- Pieri, 1998 – Pieri D. Les importations d'amphores Orientales en Gaule Méridionale Durant L'antiquité Tardive et le Haut-Moyen Age (Ive - Vile Siècles Après J.-C.) Typologie, Chronologie et Contenu // Société Française d'Étude de la Céramique Antique en Gaule. Actes du Congrès d'Istres. 1998.

Pieri, 2007 – Pieri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (V^e–VIIe s. ap. J.-C.) // M. Sartre (éd.), *Productions et échanges dans la Syrie gréco-romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique* (Tours, 12–13 juin 2003), suppl. Topoi. 2007. N 8.

Sazanov, 1999 – Sazanov A. Les amphores «LA 1 Carthage» dans la région de la mer Noire // *Production et commerce des amphores en mer Noire*. Aix-en-Provence, 1999.

Scorpan, 1975 – Scorpan C. Ceramica romano-bizantină de la Sacidava // *Pontica*. 1975. N 8.

The date of construction of the 'Kruse' basilica in Chersonesos

(archaeological evidence)

S. V. Ushakov

In recent years, archaeological materials have been obtained enabling us to clarify to some extent the debatable question about the time of construction of one of the most widely known early Christian temples in Chersonesos, viz. the 'Kruse' basilica (Fig. 1). These finds come from studies of the thick cultural deposits beneath the floors of the central (Fig. 2) and southern naves, narthex, room I on the outside of the temple, fill of two cisterns situated in the area of the central nave and in front of the temple itself. Analysis of the mass archaeological materials (fragments of Late Antique and early Byzantine amphorae of nearly fifteen types, red-slip pottery) (Fig. 3–10) and numismatic finds enables us to define the date of the formation of these Late Antique and early Byzantine complexes. The amphora finds include fragments of the vessels with a funnel neck, Myrmekion amphorae, narrow-necked light clay amphorae (type F), Zeest-100/C Sn p I ('Demirdzhi'); AԃCB-1971 type I, Zeest-95/LRA-3; LRA-4, LRA-5, BAG 1-5; LRA-1; AԃCB-1971 type V. The red-slip ceramics (Table 1) are represented by Phokeia vessels (Roman Late C/Phocian Red Slip Ware form 3), Pontic Late Roman group (PRS form

1, 2, 3, 4, 6, 7) and Chersonesean terra sigillata (types I, II, VI, pitchers), Pontic sigillata. The chronology of ceramic materials and glass (Fig. 5) is confirmed by seven tens of coins (Table 2). Most of them come from the fill of the central nave (33 pieces) and the cistern under the floor of this nave (19 pieces), nine were found under the floor of the southern nave. The majority of the coins are dated to the second half of the 4th century (minted by Valentinian II, Theodosius I, Arcadius and Honorius), the first half of the 5th century (coins of Theodosius II and Valentinian III) and the second half of the 5th and early 6th centuries (Leon I, Anastasios I). The latest among all of these coins is represented by a single example. It is a coin of Justinian I (527–565) found at the depth of 1.5 m in the cistern in front of the basilica. Analysis of the chronology and distribution of the finds throughout the complexes (Table 3) suggests that the 'Kruse' basilica was constructed during the reign of Justinian the Great (527–565), most probably in the mid-6th century. The date proposed allows us to correct also the general chronological scheme of the early church building in the Late Antique and early Byzantine Chersonesos.

МАГИЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ ИЗ РАСКОПОК НИМФЕЯ В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

А. С. Намойлик¹

Аннотация. В статье публикуются магические граффити на керамических изделиях из раскопок боспорского города Нимфея, находящиеся на хранении в Государственном Эрмитаже. Подавляющее большинство надписей вводится в научный оборот впервые. Каталог предваряется общим обзором и детальным разбором граффити. Анализ материала позволяет прийти к выводу о том, что магические надписи Нимфея, будучи весьма разнообразными, представляют известные в античном мире типы. Большая часть граффити имеет отношение к защитной магии.

Annotation. This paper is a publication of magic graffiti on ceramic objects from excavations at the Bosphoran city of Nymphaion. The objects here published are kept in the State Hermitage. The predominant majority of these inscriptions are first scientifically published in the present study. Their catalogue is introduced with a general review and careful analysis of the graffiti. The consideration of these materials suggests that magic graffiti from Nymphaion, although very diverse, represent the types well-known in antiquity. Most of the graffiti are connected with protective magics.

Ключевые слова: эпиграфика Северного Причерноморья, Нимфей, Боспорское царство, граффити, древнегреческая магия.

Keywords: epigraphy of the northern Black Sea region, Nymphaion (Nymphaeum), Bosphoran Kingdom, graffiti, Ancient Greek magics.

В Государственном Эрмитаже хранится коллекция надписей на керамических изделиях, обнаруженных в ходе многолетних археологических исследований античного городища и некрополя Нимфея². Город, располагавшийся на европейском берегу Боспора Киммерийского (Керченский пролив), был основан выходцами из Малой Азии в первой половине VI в. до н. э. и просуществовал до начала IV в. н. э. (Худяк, 1962; Sokolova, 2003. P. 759–802).

Надписи и рисунки магического характера, разные по форме и содержанию (амулеты, заклятия, наговоры и др.), нанесенные на предметы разных типов (свинцовые и костяные пластинки, ювелирные изделия, посуда, черепки и др.), давно привлекают внимание исследователей. В Северо-

тийском регионе найдено немало таких надписей и рисунков, в том числе на керамических сосудах и их обломках. Уже в первом сборнике граффити Северного Причерноморья им был отведен специальный раздел «Магия» (Толстой, 1953). Классификацию этого материала предложил В. П. Яйленко (Яйленко, 1980а. С. 75). Для надписей Боспора более подробную типологию разработал И. А. Емец (Емец, 1995. С. 43; 2005. С. 129–154). Среди публикаций магических граффити Северного Причерноморья следует отметить вышеупомянутую монографию И. И. Толстого³, а также работы А. С. Русяевой (Русяева, 2010; Rusjaeva, 2010. P. 505–508) и В. П. Яйленко (Яйленко, 1980а. С. 92–93; 1980б. С. 83–87; 1987. С. 147–154; 2005. С. 465–468, 482–484).

В эрмитажной коллекции насчитывается 26 экземпляров магических граффити (рис. 1–3, 1–26; кат. 1–26), 24 из которых вводятся в научный обо-

¹ Россия, 299045, г. Севастополь, Древняя ул., 1. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». E-mail: anna_namoilik@mail.ru.

² Выражаю глубокую признательность Ольге Юрьевне Соколовой, старшему научному сотруднику Государственного Эрмитажа и начальнику Нимфейской археологической экспедиции, за возможность работы с материалами нимфейской коллекции и содействие в работе.

³ Трактовка некоторых надписей, определенных автором монографии как магические, позже была пересмотрена; например, одна из них переиздана В. П. Яйленко как цифровая запись (Толстой, 1953. № 61 = Яйленко, 1980б. С. 97, № 106).

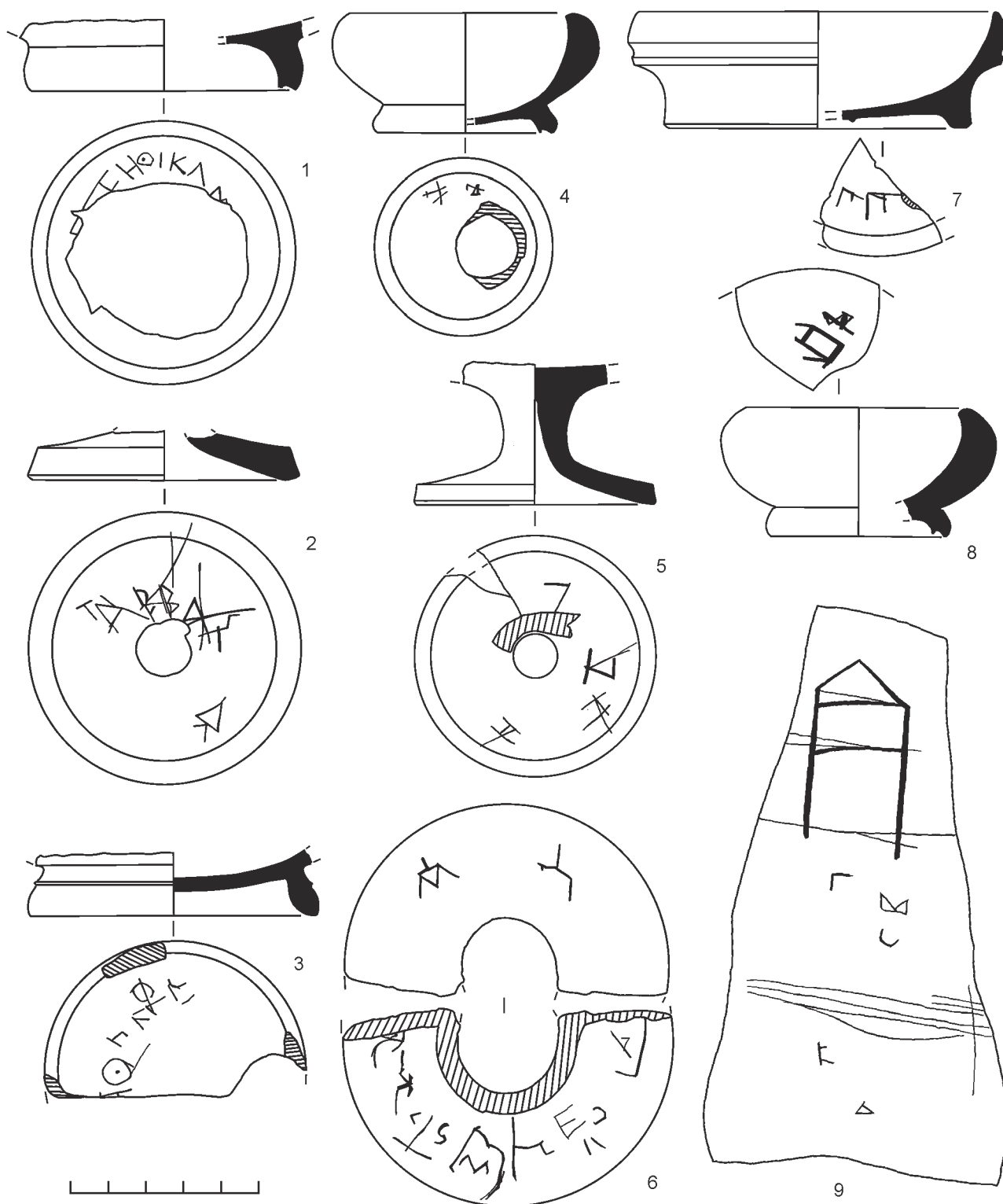

Рис. 1. Магические граффити из раскопок Нимфея
 Fig. 1. Magic graffiti from excavations in Nymphaion

рот впервые⁴. Лишь несколько граффити дошло до нас на целых (археологически целых) изделиях либо на достаточно крупных фрагментах: в этих случаях можно говорить о том, что они появились в период функционирования сосудов (рис. 1, 4; 2, 10; 3, 19, 21–23, 26; кат. 4, 10, 19, 21–23, 26). Две надписи, по-видимому, были сделаны на остраконах (рис. 1, 2, 9; кат. 2, 9). Большинство граффити представлено на черепках и/или во фрагментарном виде, что зачастую не позволяет отнести их к той или иной категории (амулеты, наговоры, заклятия и т. п.). Кроме того, сама специфика материала вызывает трудности в определении его смысловой принадлежности, ведь граффити, как правило, отражали индивидуальное понимание магического действия. Поэтому мы будем рассматривать надписи, опираясь, в первую очередь, на внешние признаки, и, где это возможно, оценивать их смысловую нагрузку.

Граффити происходят из разных районов городища, а одно – из некрополя Нимфея (рис. 3, 21; кат. 21). В основном, надписи прочерчены на аттических чернолаковых столовых сосудах и их фрагментах: киликах на ножке (6) и кольцевом поддоне (1), канфарах (2), чашах различных форм (7), солонках (4), открытых сосудах неустановленной формы (2). Три граффити выполнены на сосудах других типов (кувшинчике ионийского производства (рис. 3, 26; кат. 26), краснофигурной лекане (рис. 2, 16; кат. 16), буролаковой чаше (рис. 3, 19; кат. 19)) и одно – на обломке боспорской черепицы (рис. 1, 9; кат. 9).

50 % надписей расположено на нижних поверхностях сосудов. В 19 % случаев граффити находятся на внутренних (верхних) частях, в других 19 % – на обеих сторонах стенок, доньев, подставки. Одна чаша имеет надписи на обеих сторонах дна, а также на внешней стороне стенок (рис. 2, 10; кат. 10). Знак на ионийском кувшинчике занимает его наиболее репрезентативную часть – плечико. Что касается краснофигурной леканы, то мы располагаем фрагментом ее крышки, внешняя часть которой покрыта граффито.

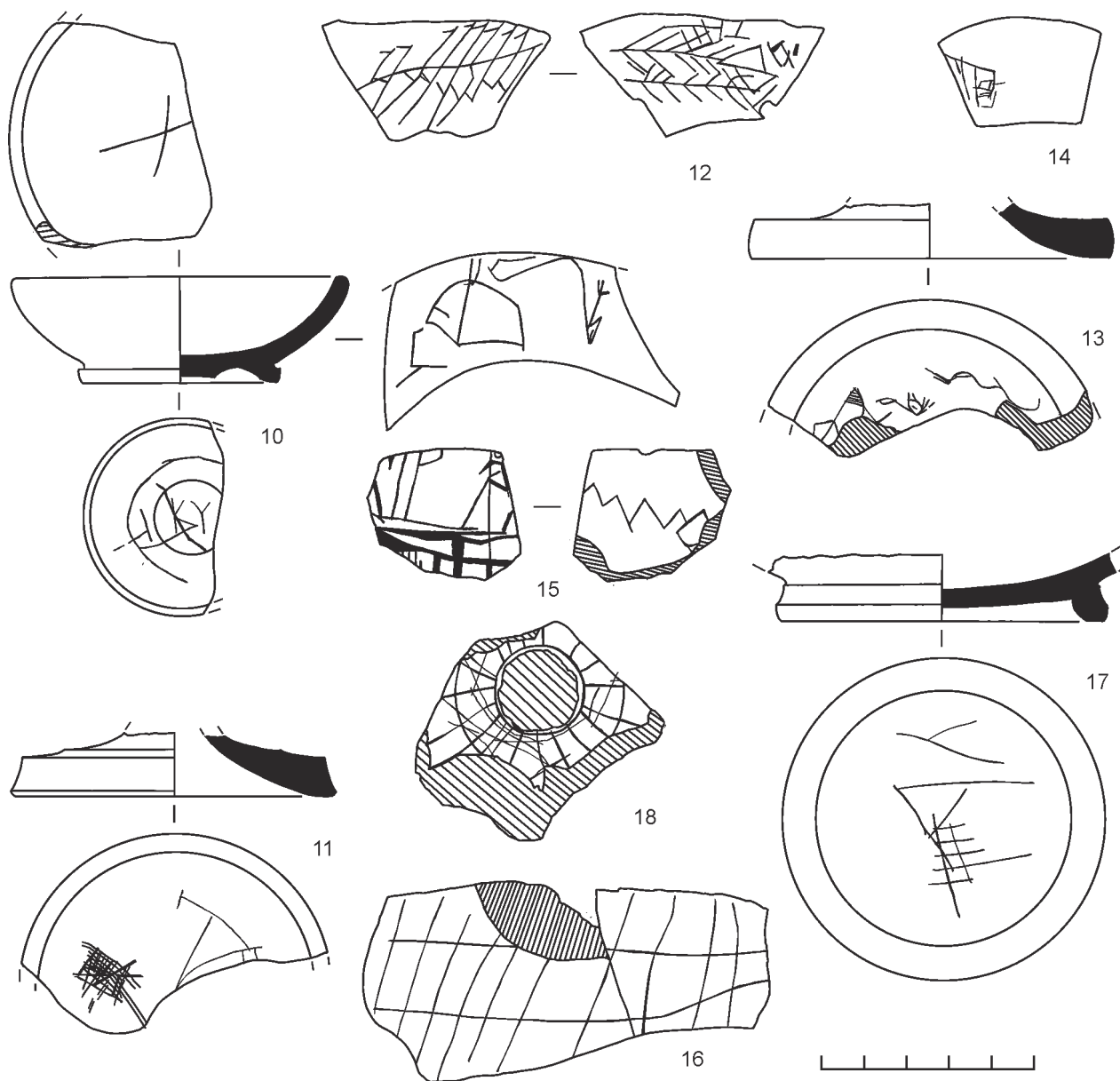
Надписи датируются в диапазоне от VI в. до н. э. до эллинистической эпохи, при этом большинство из них – 85 % – относится к V и IV вв. до н. э.

Группа магических граффити нимфейской коллекции не однородна, а включает в себя разные типы надписей, такие как: алфавитный ряд, нечитаемые комбинации букв, буквоподобные знаки, рисунки (в основном, неясные), пересекающиеся линии, хаотичные прочерки, сетки, кресты, свастика. Часто на одном сосуде или черепке соседствуют два-три типа.

Около 40 % надписей представляют собой буквы или буквоподобные знаки. Для древнего человека буква имела сверхъестественную силу: недаром изобретение алфавитов приписывалось богам. Как божественный символ, она применялась в области магии. Алфавиты, их части и даже отдельные литеры связывались с определенными религиозными учениями, мистическими культурами и магией (*Брюлова-Шаскольская*, 1911. С. 62–67; *Dornseiff*, 1925).

Фрагмент алфавита от эpsilon до мю сохранился на дне чернолаковой чаши (№ 1). После нанесения граффито в донце довольно грубым образом пробит дыра, что привело к частичному уничтожению надписи. В античном мире известно немало примеров написания алфавитных рядов в магических целях (*Dornseiff*, 1925). Что касается граффити такого рода, выполненных на обломках керамических изделий, то здесь существует проблема различения упражнений школьников и магических начертаний. Часто решить вопрос интерпретации помогает археологический контекст находки. В качестве примера приведем алфавитный ряд на ойнохое из некрополя Херсонеса Таврического (*Ленеп*, 1927. С. 234): место находки – античное кладбище – указывает на сакральный характер надписи. Играет роль и форма черепка: так, из Ольвии происходит довольно большая группа специально обработанных остраконов, иногда с отверстиями, на которых процарапаны разнообразные магические граффити, в том числе ряды букв в алфавитной последовательности (*Русяева*, 2010. С. 117–127). В нашем случае в пользу принадлежности надписи к разряду магических свидетельствует наличие отверстия и расположение алфавитного ряда по кругу. Факт умышленного уничтожения части граффито наводит на мысль о негативной, разрушительной направленности магического действия.

⁴ Ранее были опубликованы № 15 и 21.

Рис. 2. Магические граффити из раскопок Нимфея
Fig. 2. Magic graffiti from excavations in Nymphaion

В другом случае буквы пытались уничтожить иным способом: они перечеркнуты, затерты несколькими линиями (рис. 2, 11; кат. 11a). Надпись читается как ΙΚ – вероятно, это начало хорошо

известного на Боспоре имени Ἰκέσιος; рядом с литерами сохранилась часть рисунка или знака. Возможно, перед нами еще один образчик вредоносной магии.

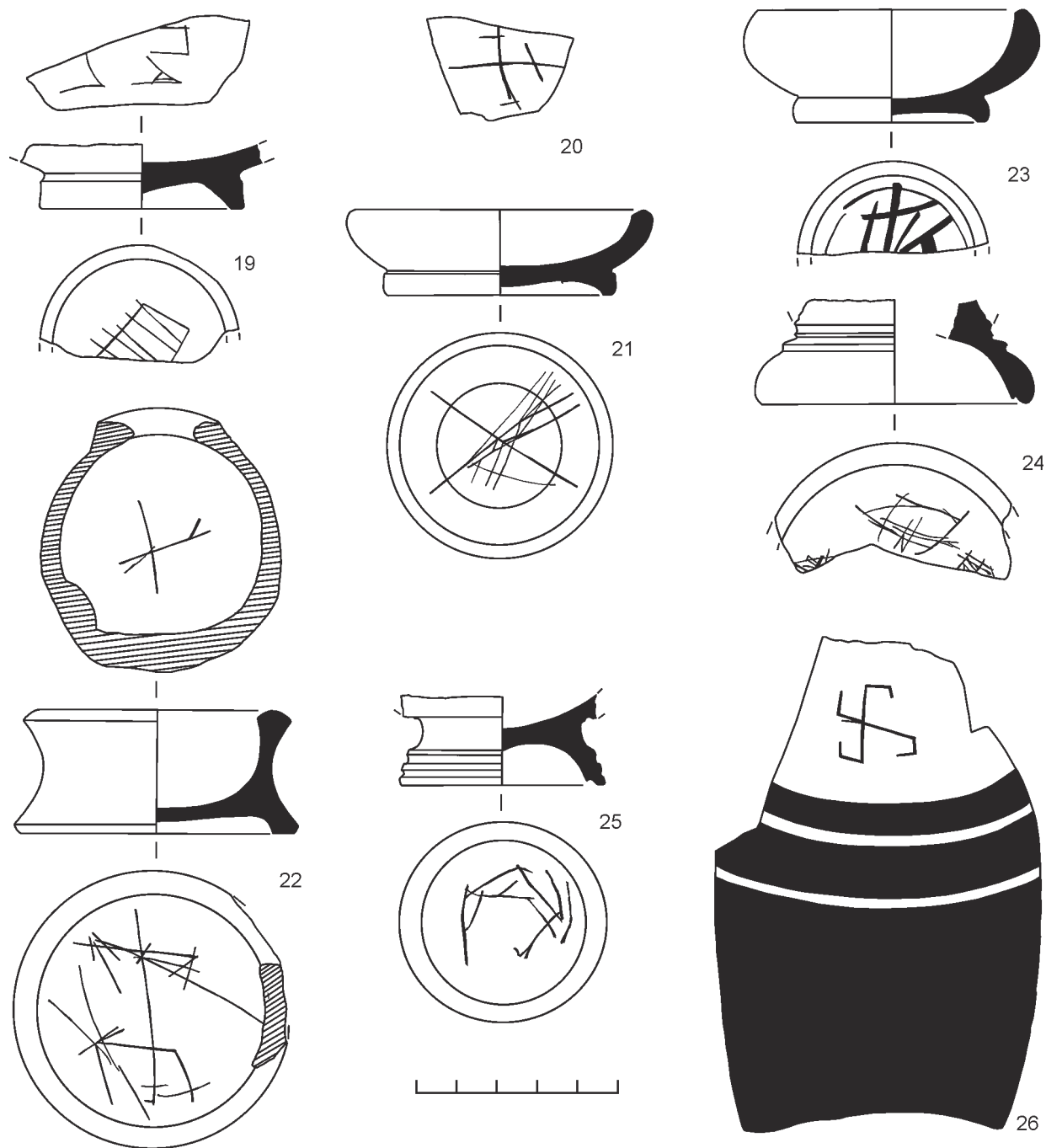

Рис. 3. Магические граффити из раскопок Нимфея

Fig. 3. Magic graffiti from excavations in Nymphaion

Довольно большую подгруппу магических граффити составляют нечитаемые комбинации букв или напоминающих их знаков (Емец, 2005.

С. 149; Ланцов, Павленков, 1988. С. 175–176). Буквы в них нередко получают дополнительные элементы в виде различных линий и черточек.

Сюда относятся граффити № 2–8 и 9с. Часто символы бывают повернуты по отношению друг к другу, они как бы разбросаны по поверхности (рис. 1, 5, 9; кат. 5, 9с).

Форма экземпляра под № 2 – а это круглая подставка килика с отверстием в центре и сглаженными краями – позволяет считать, что он использовался в качестве амулета. На фрагменте прочерчены буквы ТΔΒΒΔ и ΔΚ, а также другие знаки и линии. Монограмма ΔΚ может быть истолкована как начальные буквы имен Деметры и Коры. Это предположение подкрепляется тем, что такое сокращение трижды засвидетельствовано в нимфейском святилище Деметры (*Намойлик*, 2007. С. 320, рис. 1, 7 и 8; инв. № НФ.47.50). Одно из этих граффити представляет собой фрагмент подставки аналогичного килика первой половины V в. до н. э., испещренный с обеих сторон черточками, линиями, знаками, и также может быть отнесен к разряду магических (*Намойлик*, 2007. С. 320, рис. 1, 8). А. С. Русяева, основываясь на материалах из Ольвии, отмечала магическую сторону культа Деметры и Коры-Персефоны (*Русяева*, 1979. С. 47–50, 60–61). Граффити с именами этих богинь (в первую очередь, Коры) часто включали в себя нечитаемые знаки и наборы букв, которые имели завуалированный смысл, связанный с определенными ритуалами (*Русяева*, 2010. С. 108, № 12–13).

Как и в других городах Северного Причерноморья, в Нимфее существовала практика наносить на предметы столовой посуды различные апотропеические знаки, для того чтобы находящиеся в них пища или питье очищались и обретали целительные свойства (*Яйленко*, 2005. С. 466). Одним из наиболее популярных знаков такого рода являлось изображение «ветви» («дерева», «елочки») (рис. 2, 12; кат. 12а). По мнению В. П. Яйленко, этот древний символ обозначал санированность жидкости в сосуде (*Яйленко*, 1987. С. 151).

К апотропеическим граффити относятся также различные комбинации из пересекающихся и параллельных линий, по своему виду напоминающие знаки или рисунки либо представляющие собой хаотические перекрестия (рис. 1, 9; 2, 10; 3, 22–25; кат. 9b, 10a, 22b–25). Зачастую они выступают в купе с другими разновидностями магических

надписей, располагаясь отдельно или пересекая, перечеркивая их. Иногда они заключены в круг (рис. 2, 10; 3, 23; кат. 10a, 23). Черты и линии могли не составлять единого целого, а покрывать поверхность сосуда и другие граффити в бессистемном порядке.

В число защитных начертаний входят также «решетки», или «сетки» (*Емец*, 2005. С. 141). Об этом свидетельствует то, что они встречаются на остраконах с отверстиями, служивших в качестве амулетов. В нимфейской коллекции есть три таких граффити (рис. 2, 16–18; кат. 16–18). Одно из них, расположенное на внешней стороне ножки килика, выглядит как линии, радиально расходящиеся от основания ножки, которые пересекает желобок в цвете глины, сделанный при производстве сосуда (№ 18). К «решеткам» близко изображение в виде прямоугольника(?), внутри которого проведено несколько параллельных линий (рис. 3, 19; кат. 19b).

Простейшим и древнейшим геометрическим знаком является крест. Здесь, однако, существует проблема различения буквы *хи*, крестов – меток владельцев сосудов и крестов – магических символов. К последним мы отнесли те знаки, которые имеют дополнительные линии или сопровождаются другими граффити соответствующего характера (рис. 2, 10; 3, 20–22; кат. 10b, 20–22a). Семантика креста очень многогранна; изначально это универсальный, сведенный к простейшей форме символ Космоса, где две пересеченные линии представляют собой четыре стороны света (*Тресиддер*, 1999).

Из других символов, встречающихся в магических граффити Нимфея, следует отметить зигзаг и свастику (рис. 2, 15; 3, 26; кат. 15b и 26). Зигзаг – основанный на молнии древний знак власти, плодородия, энергии, борьбы и смерти (*Тресиддер*, 1999). В одной нимфейской надписи, обнаруженной в святилище Деметры, зигзагообразная линия следует за именем Зевса Ольвия (*Намойлик*, 2007. С. 323, рис. 2, 35). Не исключено, что это символ молнии – основного атрибута громовержца. Свастика – одна из наиболее древних и широко распространенных идеограмм, символизирующая солнечное колесо и, соответственно, жизненные силы, солнечную энергию,

циклическое возрождение (*Тресиддер*, 1999). Прочерченная на миниатюрном кувшинчике, принадлежавшем, надо полагать, жительнице города, она служила оберегом для владелицы.

В ряде случаев на сосуды (или черепки) нанесены рисунки, разгадать смысл которых едва ли возможно (рис. 2, 10, 12, 13–15; кат. 10с, 12b, 13, 14, 15a). Скажем только, что волнистая линия в граффито № 13 может обозначать водную стихию или змею. Более реалистичное изображение, в сочетании с отдельно стоящими буквами и линиями, процарапано на обломке черепицы: это вытянутое в высоту двухэтажное сооружение с двускатной крышей (рис. 1, 9; кат. 9). Подобного рода рисунки, представленные на вотивных калиптерах и остраконе из Ольвии, трактуются издателем как храмы (*Русяева*, 2010. С. 96, № 278–279; с. 126, № 94). Нимфейское граффито также выполнено на остраконе.

Вероятно, некоторые надписи были прочерчены на сосудах, предназначенных для использования в культово-магических целях (рис. 1, 4, 8; 2, 10; 3, 19, 21–23; кат. 4, 8, 10, 19, 21–23). Такие граффити часто располагаются на внутренних поверхностях – там, где их лучше всего видно, либо покрывают весь сосуд (*Потанова*, 1994. С. 114, № 34–35). Все вышеперечисленные экземпляры, за исключением № 19, представляют собой миниатюрные чернолаковые чашечки типа солонки; одна из них имеет округлое отверстие в донце, рядом с которым расположено два буквоподобных знака (рис. 1, 4; кат. 4).

Магические граффити Нимфея, будучи весьма разнородными, иллюстрируют известные в античном мире типы. Многообразие рисунков, комбинаций букв и знаков свидетельствует о том, что нимфейцы изобретали собственные магические коды. Во многих случаях разгадать тайный смысл таких надписей не представляется возможным. Вместе с тем, не вызывает сомнения, что большинство граффити имело отношение к защитной магии, выполняя апотропеическую функцию.

Каталог

1. Фрагмент дна чернолаковой чаши на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом из пальметок и нескольких кругов насечек. Аттика.

Ср. *Rotroff*, 1997. № 996–998. Начало III в. до н. э. Диаметр дна 7,0 см. Раскоп С. Инв. № НФ.56.242⁵. Граффито на внешней стороне (рис. 1, 1):

[ ]ΕΖΗΘΙΚΛΜ[ ]

Буквы расположены по кругу. После нанесения надписи в дне была проделана большая дыра, частично ее уничтожившая.

Граффити в виде алфавитных рядов, полных и укороченных, с пропущенными или перепутанными в порядке буквами, найдены во многих центрах Северного Причерноморья: [ ]Γ|Δ|Ε|Ζ|[ ] (*Толстой*, 1953. № 240: Пантикапей, на фрагменте дна чернолакового сосуда, конец V в. до н. э.), АВГНДЕ (*Яйленко*, 2005. С. 469, № 6: Пантикапей, на свинцовой гире, использовавшейся вторично в качестве амулета, III–IV вв. н. э.), АВГΔΘΙΚΗΖ(?), другие буквы и символы (*Русяева*, 2010. С. 128, № 98: Ольвия, на обеих сторонах дна чернолаковой чаши с круглым отверстием в центре, V в. до н. э.), А(?)ΓΔΕ (*Rusjaeva*, 2010. Р. 507, № S-40: Ольвия, на фрагменте стенки краснофигурного сосуда, IV в. до н. э.), АВГЕ и другие буквы (*Русяева*, 2010. С. 122, № 65: Ольвия, на остраконе из стенки чернолакового сосуда, предположительно IV в. до н. э.) и др. Из раскопок афинской агоры происходит 11 надписей – алфавитных рядов, часть из которых, по мнению издателя, могла иметь магический смысл (*Lang*, 1976. Р. 6–7).

2. Подставка чернолакового килика (Cup). Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 434–437. Первая половина V в. до н. э. Диаметр подставки 7,2 см. Участок Г. Инв. № НФ.78.52. Граффити на нижней стороне (рис. 1, 2):

a TΔBBΔ

b ΔΚ (монограмма)

За второй дельтой (?) граффито *a* следует еще один символ, отдаленно напоминающий букву Ψ. Все знаки этой надписи, за исключением T, имеют дополнительные элементы и выполнены небрежно, их пересекают линии, идущие в разных направлениях.

⁵ Инв. № НФ.56.242; НФ.78.52; НФ.73.482; НФ.83.126; НФ.56.206; НФ.91.131; НФ.73.465; НФ.87.130; НФ.87.245; НФ.69.10; НФ.64.21; НФ.80.105; НФ.73.463; НФ.72.488; НФ.54.81; НФ.85.89 и НФ.86.72 (склеены); НФ.74.137; НФ.51.694; НФ.73.500; НФ.80.110; ННФ.77.162; НФ.72.522; НФ.70.20; НФ.73.460; НФ.60.186; НФ.41.7 – © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017

Граффити, состоящие из нечитаемых наборов букв, хорошо известны в античном мире, например: ΠΑΡΜΟΠ (Толстой, 1953. № 214: Пантикапей, на фрагменте дна чернолаковой чаши, конец V – начало IV в. до н. э.), ΑΠΡΤΚΛ [ ] (Яйленко, 1980б. С. 94, № 103: Ольвия, на подставке большого открытого чернолакового сосуда, VI–V вв. до н. э.), ΑΒΓ(?)ΤΧ (Русяева, 2010. С. 123, № 73: Ольвия, на остраконе из стенки чернолакового сосуда, предположительно IV в. до н. э.). Часто встречаются и буквоподобные знаки (Яйленко, 2005. С. 467, № 2: Пантикапей, на дне чернолаковой чаши, IV в. до н. э.; Русяева, 2010. С. 129, № 99–101: Ольвия, на чернолаковых чашах, V в. до н. э.; Яйленко, 1987. С. 150, № 5: Березань, на амулете из стенки простого глиняного сосуда, VI в. до н. э.; ГАХ, 1978. № 1755: Херсонес, на фрагменте закраины открытого сосуда, V – начало IV в. до н. э.; ГАХ, 1978. № 1746: Херсонес, на остраконе из стенки чернолакового сосуда, позднеантичное время; Бессонова, 2005. С. 8, рис. 2, 3: скифское погребение у г. Днепропрудный в Запорожской обл., на ножке чернолаковой чашечки, середина – вторая половина V в. до н. э.; Потапова, 1994. С. 112, № 32: Елизаветовское городище, на дне чернолаковой тарелки; Vanhove, 2006. № 168: Торик, на фрагменте подставки коринфской пиксиды(?), VI в. до н. э.(?)).

Граффито *b* процарапано аккуратно. Монограмма ΔΚ трижды засвидетельствована на сосудах, обнаруженных в нимфейском святилище Деметры (Намойлик, 2007. С. 320, рис. 1, 7 и 8; инв. № НФ.47.50). Судя по форме черепка и его сглаженным краям, он служил амулетом.

3. Фрагмент дна чернолакового килика (Cup-kantharos?). Аттика. Ср. Sparkes, Talcott, 1970. № 621. Начало IV в. до н. э. Диаметр дна 7,5 см. Участок 3. Инв. № НФ.73.482. Граффито на внешней стороне (рис. 1, 3):

буквы и знаки, среди которых читаются Α, Θ, Π, Λ, Φ

Три последних символа имеют дополнительные линии. На внешней стороне дна неглубоко процарапано несколько пересекающихся линий, на внутренней стороне также прочерчены линии. См. № 2.

4. Фрагментированная чернолаковая солонка (Saltcellar: footed). Аттика. Ср. Rotroff, 1997. № 1077–1078. Последняя четверть IV в. до н. э.

Диаметр 5,6 см, диаметр дна 4,6 см, высота 3,2 см. Участок М. Инв. № НФ.83.126. Граффито на внешней стороне дна (на переходе дна к поддону) (рис. 1, 4):

два знака

Первый знак представляет собой вертикальную линию, пересеченную в центре двумя горизонтальными, а второй – Δ (?), также пересеченную линией. См. № 2.

В донце солонки имеется отверстие диаметром около 2,2 см. Судя по его правильной форме и ровным краям, оно было сделано и заглажено специально. Расположение граффито, смещенного на самый край дна, скорее свидетельствует в пользу того, что оно появилось позже отверстия.

5. Подставка с частью дна чернолакового килика (Cup). Аттика. Ср. Sparkes, Talcott, 1970. № 434–437. Первая половина V в. до н. э. Диаметр подставки 6,3 см, сохранившаяся высота 3,7 см. Раскоп С. Инв. № НФ.56.206. Граффити на нижней стороне (рис. 1, 5):

четыре знака

Символы расположены вокруг центра подставки на разном расстоянии и под разными углами относительно друг друга. Два знака могут быть поняты как дзета или эта (Η) с дополнительной линией. Следующий символ походит на Δ с горизонталью на вершине; правая наклонная гаста «дельты» выполнена в иной манере: скорее всего, она была приписана позже. Четвертый знак, возможно, сохранился не полностью. См. № 2.

6. Фрагмент подставки чернолакового килика (Cup). Аттика. Ср. Sparkes, Talcott, 1970. № 434–437. Первая половина V в. до н. э. Диаметр подставки 8,4 см. Участок М. Инв. № НФ.91.131. Граффити на верхней и нижней сторонах (рис. 1, 6):

a ΜΔΤ или ΣΔΤ (монограмма), знак /на верхней стороне/

b знаки, в том числе буквенные – Ε, Μ (или Σ) /на нижней стороне/

См. № 2.

Буква Ε и похожие на нее знаки часто встречаются в граффити религиозно-магического характера (Русяева, 2010. С. 125–127, № 88, 94, 95 и др.). Знак Ε являлся священным атрибутом Аполлона в Дельфах (Русяева, 1992. С. 21; Dornseiff, 1925. S. 22–23).

7. Фрагмент дна с частью стенок и закраины чернолаковой чашечки (Shallow wall and convex profile) со штампованным орнаментом из пальметок на дугах. Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 818. Вторая половина V в. до н. э. Диаметр 8,5 см, диаметр дна 8,0 см, высота 3,1 см. Участок З. Инв. № НФ.73.465. Граффито на внешней стороне дна (рис. 1, 7):

[ ] П П [ ]

Обе буквы имеют дополнительные линии. См. № 2.

8. Фрагмент дна с частью стенок и закраины чернолаковой солонки (Saltcellar: footed). Аттика. Ср. *Rotroff*, 1997. № 1076–1078. Последняя четверть IV в. до н. э. Диаметр 5,8 см, диаметр дна 4,2 см, высота 3,5 см. Участок М. Инв. № НФ.87.130. Граффито на внутренней стороне стенки (рис. 1, 8):

два знака

Подобные знаки геометрических очертаний представлены, например, в граффито на фрагменте венчика чернолакового скифоса из Ольвии (*Rusjajeva*, 2010. Р. 507, № S-33: V в. до н. э.). См. № 2.

9. Фрагмент черепицы (керамиды). Боспор. Размеры 16,3 × 8,5 см. Слой эллинистического периода. Участок М. Инв. № НФ.87.245. Граффити (рис. 1, 9):

a двухэтажная постройка с двускатной крышей

b тонкие горизонтальные линии

c Г, С, В и П, Δ

Граффити выполнены на обломке, а не на целой черепице. Здание находится в верхней части фрагмента, внутри него прочерчены две горизонтали. Линии граффито *b* в двух местах пересекают рисунок, но преимущественно расположены ниже. Буквы Г, С и В находятся над этими линиями, а П и Δ – под ними. Внутри групп буквы повернуты друг относительно друга на 90°.

Формы букв (лунарная *сигма*, *пи* с горизонтальной линией, выходящей за пределы вертикалей) позволяют датировать граффити временем не ранее эпохи эллинизма (ср. *Болтунова, Книпович*, 1962. С. 9, табл. II).

Изображение некоего здания, сопровождаемое буквенными символами, представлено в граффито из Ольвии: издатель предположительно трактует его как небольшой храм с высоким фронтоном (*Русяева*, 2010. С. 126, № 94). Это граффито близко

нимфейскому еще и тем, что оно выполнено на остраконе неправильной формы, сделанном из стенки амфоры, и датируется в пределах последней трети IV – III в. до н. э. А. С. Русяева считает возможным предположить, что остракон был изготовлен для votivного приношения, но по какой-то причине остался дома. Из раскопок Ольвии происходят также votивные калиптеры со схематическим изображением шестиколонного храма с акротериями и какого-то сооружения с высокой кровлей (*Русяева*, 2010. С. 96, № 278–279: V в. до н. э.).

10. Фрагментированная миниатюрная чернолаковая чашечка на кольцевом поддоне. Аттика. V в. до н. э. Диаметр 8,0 см, диаметр дна 4,5 см, высота 2,6 см. Раскоп Г. Инв. № НФ.69.10. Граффити на внешней и внутренней сторонах дна, на внешней стороне стенок (рис. 2, 10):

a КΥ, пересекающиеся линии, круговая линия /на внешней стороне дна/

b крест /на внутренней стороне дна/

c рисунки, знаки /на внутренней стороне стенок/

Скорее всего, за аббревиатурой КΥ скрывается имя собственное, например, Κύννα (*Намойлик*, 2007. С. 320, рис. 1, 2: Нимфей, вторая половина IV в. до н. э.) или Κυλίανις (КБН, 1965. № 162: Пантикапей, IV в. до н. э.).

11. Фрагмент подставки чернолакового килика (Cup). Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 434–437. Первая половина V в. до н. э. Диаметр подставки 7,4 см, сохранившаяся высота 1,5 см. Раскоп ВС. Инв. № НФ.64.21. Граффито на нижней стороне (рис. 2, 11):

a ΙΚ (перечеркнуто много раз)

b рисунок или знак

По данным *Lexicon of Greek Personal Names*, набор антропонимов с началом Ικ- в древнегреческом ономастиконе был довольно ограниченным; наиболее популярным из них являлось имя Ἰκέσιος, засвидетельствованное в надписях Боспора (*Толстой*, 1953. № 151: Пантикапей, конец V – начало IV в. до н. э.; КБН, 1965. № 1102: Корокондама, V в. до н. э.; № 1072: Гермонасса, III в. до н. э., и др.).

12. Фрагмент стенки чернолаковой чаши. Аттика. V–IV вв. до н. э. Размеры 5,6 × 3,0 см. Участок М. Инв. № НФ.80.105. Граффити на внешней и внутренней сторонах (рис. 2, 12):

a две ветви (?), значки /на внешней стороне/
b неясный рисунок /на внутренней стороне/

Граффито *a*, если считать его изображением ветви, имеет множество аналогий (Jeffery, 1964. Р. 41–44, № 17, 34а, 44: Смирна, VII–VI вв. до н. э.; Яйленко, 1980а. С. 92, № 22–23: Березань, на ионийских сосудах, VI–V вв. до н. э.; Сапрыкин, Масленников, 2007. № 104 (1055): поселение Батарейка II, на стенке амфоры, рубеж эр, и др.). Ветвь процарапана также на подставке чернолакового килика из нимфейского святилища Деметры (Намойлик, 2007. С. 323, рис. 2, 31).

Рисунки, которые сложно поддаются интерпретации, составляют распространенный тип магических граффити (Толстой, 1953. № 238: Пантикапей, на фрагменте дна открытого чернолакового сосуда, V в. до н. э.; Сапрыкин, Масленников, 2007. № 314: Белинское городище, на всех гранях заготовки для грузила из известняка, слой середины III – первой четверти IV в. н. э.; Русяева, 2010. С. 134–135, № 140, 142, 145: Ольвия, на чернолаковых сосудах, V–IV вв. до н. э., и др.).

13. Фрагмент подставки чернолакового килика (Cup). Аттика. Ср. Sparkes, Talcott, 1970. № 434–437. Первая половина V в. до н. э. Диаметр подставки 8,4 см, сохранившаяся высота 1,3 см. Участок З. Инв. № НФ.73.463. Граффито на нижней стороне (рис. 2, 13):

неясные рисунки

Возможно, волнистая линия символизирует водную стихию или змею. Подобное изображение встречается, например, на остраконе из Ольвии (Русяева, 2010. С. 125, № 82: не позднее III в. до н. э.), а также на многих остраконах с Бейкушского мыса, посвященных Ахиллу (Русяева, 1979. С. 127–132). См. № 12.

14. Фрагмент дна открытого чернолакового сосуда со штампованным орнаментом из поясов и пальметок в концентрических кругах. Аттика. IV в. до н. э. Размеры 3,8 × 2,5 см. Участок Г. Инв. № НФ.72.488. Граффито на внутренней стороне (рис. 2, 14):

фрагмент неясного рисунка

См. № 12.

15. Фрагмент стенки открытого чернолакового сосуда. Аттика. V–IV в. до н. э. Размеры 3,5 × 3,0 см.

Раскоп С. Инв. № НФ.54.81. Граффити на внешней и внутренней сторонах (рис. 2, 15):

a фрагмент неясного рисунка /на внешней стороне/

b зигзагообразная линия, уходящая в сколы /на внутренней стороне/

Зигзаг как апотропеический символ встречается в граффити магического характера (Емец, Петерс, 1993. С. 82, № 35: Феодосия, на дне чернолаковой чаши, III–II вв. до н. э.; Сапрыкин, Масленников, 2007. № 90 (1041), 99 (1050): Батарейка II, римское время; Толстой, 1953. № 64: Ольвия, на костяной пластинке). Зигзагообразная линия прочерчена также на венчике чернолакового килика с посвящением Зевсу Ольвию, обнаруженном в нимфейском святилище Деметры (Намойлик, 2007. С. 323, рис. 2, 35).

Аналогии для граффито *a* см. под № 12.

Литература: Намойлик, 2009. С. 313, 317, № 9, рис. 2.

16. Фрагмент крышки краснофигурной леканы со штампованным орнаментом из пояса ов по краю. Аттика. V–IV вв. до н. э. Размеры 9,6 × 4,5 см. Участок М. Инв. № НФ.85.89 и НФ.86.72 (фрагмент склеен из двух частей). Граффито на внешней стороне (рис. 2, 16):

сетка

Подобные граффити засвидетельствованы в материалах из многих городов и поселений Северного Причерноморья (Русяева, 2010. С. 124, № 81: Ольвия, на остраконе из стенки аттического краснофигурного сосуда; Русяева, 2010. С. 134, № 139: Ольвия, на фрагменте поддона чернолаковой чаши на ножке, V в. до н. э.; Соломоник, 1984. № 43: балка Бермана, на остраконе из дна открытого сероглиняного сосуда; Соломоник, 1984. № 265: поселение «Чайка», на фрагменте красноглиняного сосуда, и др.). Граффито в виде сетки процарапано также на донце чернолакового килика из нимфейского святилища Деметры (Намойлик, 2007. С. 323, рис. 2, 30).

17. Дно чернолаковой чаши на кольцевом поддоне. Лак рыжего цвета. Аттика. V–IV вв. до н. э. Диаметр дна 7,6 см. Участок З. Инв. № НФ.74.137. Граффито на внешней стороне (рис. 2, 17):

А, сетка

Решетка прочерчена поверх альфы. После А есть еще один знак, напоминающий Л. См. № 16.

18. Фрагмент подставки чернолакового килика (Cup). Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 413. Первая половина V в. до н. э. Размеры 5,0 × 4,3 см. Раскоп С. Инв. № НФ.51.694. Граффито на верхней стороне (рис. 2, 18):

линии, радиально расходящиеся от основания ножки

Поверх этих линий неглубоко и беспорядочно прочерчены другие линии.

19. Фрагмент дна буролоковой чаши на кольцевом поддоне. Аттика. Эллинистический период. Диаметр дна 5,0 см, сохранившаяся высота 1,6 см. Участок К. Инв. № НФ.73.500. Граффито на внутренней и внешней сторонах дна (рис. 3, 19):

a [ ]ПА /на внутренней стороне/

[ ]Λ

b прямоугольник(?) с расположенными внутри него параллельными линиями /на внешней стороне/

20. Фрагмент стенки чернолаковой чаши. Аттика. V–IV вв. до н. э. Размеры 3,7 × 2,8 см. Участок М. Инв. № НФ.80.110. Граффито на внутренней стороне (рис. 3, 20):

крест с дополнительными линиями

Линии придают кресту сходство со свастикой (см. № 26).

21. Чернолаковая чашечка (Small bowl: later and light). Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 870. Последняя четверть V в. до н. э. Диаметр 7,2 см, диаметр дна 5,6 см, высота 2,1 см. Погребение В11. Инв. № НФ.77.162. Граффито на внешней стороне дна (рис. 3, 21):

крест, пересекающиеся линии

Граффито – комбинации пересекающихся линий известны в Северном Причерноморье и за его пределами (*Русяева*, 2010. С. 124, № 80: Ольвия, на остраконе из стенки чернолакового сосуда, первая четверть V в. до н. э.; ГАХ, № 1749: Херсонес, на дне открытого чернолакового сосуда, IV в. до н. э.; *Потанова*, 1994. С. 114, № 34: Елизаветовское городище, на дне краснофигурного килика, первая четверть IV в. до н. э.; *Чичикова*, 1984. С. 52–53: Севтополис, на сосудах фракийского производства, эллинистический период, и др.).

Литература: *Грач*, 1999. С. 96, табл. 137, 6 (в каталоге дано неверное чтение граффито; прорисовка соответствует действительности); Древний город

Нимфей, 1999. № 87 (опубликован сосуд, о граффито не упоминается).

22. Фрагментированная чернолаковая солонка (Saltcellar: concave wall). Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 937. Вторая половина IV в. до н. э. Диаметр 6,7 см, диаметр дна 6,9 см, высота 3,0 см. Участок Г. Инв. № НФ.72.522. Граффито на внешней и внутренней сторонах дна (рис. 3, 22):

a крест с дополнительными линиями /на внутренней стороне/

b пересекающиеся линии /на внешней стороне/

23. Фрагментированная чернолаковая солонка (Saltcellar: footed). Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 949. Вторая половина IV в. до н. э. Диаметр 6,6 см, диаметр дна 4,8 см, высота 2,8 см. Участок Г. Инв. № НФ.70.20. Граффито на внешней стороне дна (рис. 3, 23):

пересекающиеся линии внутри круга

Перекрещивающиеся линии, заключенные в пятиугольник, процарапаны на дне красноглиняного сосуда IV в. до н. э. с Елизаветовского городища (*Потанова*, 1994. С. 114, № 33).

24. Фрагмент подставки чернолакового канфара со штампованным орнаментом из пальметок. Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 704. Конец IV в. до н. э. Диаметр подставки 6,7 см, сохранившаяся высота 2,6 см. Участок З. Инв. № НФ.73.460. Граффито на нижней стороне (рис. 3, 24):

пересекающиеся линии

25. Подставка чернолакового канфара с орнаментом из двух рядов насечек. Аттика. Ср. *Sparkes, Talcott*, 1970. № 688. IV в. до н. э. Диаметр подставки 5,0 см, сохранившаяся высота 2,2 см. Раскоп В. Инв. № НФ.60.186. Граффито на нижней стороне (рис. 3, 25):

А, пересекающиеся линии

Альфа как бы вплетена в замысловатую комбинацию линий.

26. Фрагмент тулова и плечика кувшинчика, покрытого бурым лаком. Иония. VI в. до н. э. Размеры 12,3 × 8,2 см. Раскоп Ф. Инв. № НФ.41.7. Граффито на плечике (рис. 3, 26):

свастика

Изображение свастики встречается на различных предметах на протяжении всего античного периода (*Яйленко*, 2005. С. 468, № 5: Пантикапей,

на дне чернолакового рыбного блюда, конец V – первая четверть IV в. до н. э.; *Сапрыкин, Масленников*, 2007. № 108 (1059): поселение Батарейка II, на глиняном пирамидальном грузиле по сырой глине, слой I в. до н. э. – I в. н. э.; *Яйленко*, 1987. С. 151, № 9: Березань, на ионийской чаше; *Rusjaeva*, 2010. Р. 506, № S-29: Ольвия, на подставке аттического чернофигурного(?) сосуда, 2-я половина VI в. до н. э.; *Русяева*, 2010. С. 133, № 126: Ольвия, на дне чернолаковой чаши, IV в. до н. э.; *Jeffery*, 1964. Р. 44, № 42: Смирна, на фрагменте котилы, VI в. до н. э.; *Lang*, 1976. № M 12: Афины, на горле краснофигурной ойнохой, конец V в. до н. э.).

Бессонова, 2005 – *Бессонова С. С.* Находки греческой керамики с граффити в скифских погребениях Северного Причерноморья // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X.

Болтунова, Книпович, 1962 – *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории лапидарного письма на Боспоре // НЭ. М., 1962. Т. III.

Брюллова-Шаскольская, 1911 – *Брюллова-Шаскольская Н.* О религиозных алфавитах // Гермес. СПб., 1911. Т. 8. № 3 (69).

ГАХ, 1978 – Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.

Грач, 1999 – *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Древний город Нимфей, 1999 – Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999.

Емец, 1995 – *Емец И. А.* Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти // Эпиграфический вестник. М., 1995. № 2.

Емец, 2005 – *Емец И. А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.

Емец, Петерс, 1993 – *Емец И. А., Петерс Б. Г.* Граффити и дипинти античной Феодосии // КСИИМК. 1993. № 207.

КБН, 1965 – Корпус боспорских надписей (Corpus inscriptionum regni Bosporani). М.; Л., 1965.

Ланцов, Павленков, 1984 – *Ланцов С. Б., Павленков В. И.* Рецензия на: Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984 // ВДИ. 1988. № 3.

Ленер, 1927 – *Ленер Р. Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // Херсонесский сборник. Севастополь, 1927. Вып. II.

Намойлик, 2007 – *Намойлик А. С.* Граффити на чернолаковой керамике из святилища Деметры в Нимфее // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2.

Намойлик, 2009 – *Намойлик А. С.* Рисуночные граффити из Нимфея // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2009.

Потапова, 1994 – *Потапова Ю. Б.* Граффити на чернолаковой и столовой керамике Елизаветовского городища (из коллекции Ростовского областного музея краеведения) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. Азов, 1994. Вып. 12.

Русяева, 1979 – *Русяева А. С.* Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979.

Русяева, 1992 – *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Русяева, 2010 – *Русяева А. С.* Граффити Ольвии Понтийской // МАИЭТ. Suppl. 8. Симферополь, 2010.

Сапрыкин, Масленников, 2007 – *Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора // БИ. Suppl. 1. Симферополь; Керчь, 2007.

Соломоник, 1984 – *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.

Толстой, 1953 – *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.

Тресиддер, 1999 – *Тресиддер Д.* Словарь символов. М., 1999.

Худяк, 1962 – *Худяк М. М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962.

Чичикова, 1984 – *Чичикова М.* Античная керамика // Севтополис. Т. I: Бит и культура. София, 1984.

Яйленко, 1980а – *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2.

Яйленко, 1980б – *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.

Яйленко, 1987 – *Яйленко В. П.* Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись с Березани // Античная балканистика: Сб. статей / Отв. ред. Л. А. Гиндин. М., 1987.

Яйленко, 2005 – *Яйленко В. П.* Магические надписи Боспора // Древности Боспора. М., 2005. Т. 8.

Dornseiff, 1925 – *Dornseiff F.* Das Alphabet in Mystik und Magie. Leipzig; Berlin, 1925.

Jeffery, 1964 – *Jeffery L. H.* Old Smyrna: Inscriptions on sherds and small objects // Annual of the British School at Athens. 1964. No. 59.

Lang, 1976 – *Lang M.* Graffiti and Dipinti // Athenian Agora. Athens, 1976. Vol. XXI.

Rotroff, 1997 – *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material // Athenian Agora. Athens, 1997. Vol. XXIX.

Rusjaeva, 2010 – *Rusjaeva A. S.* Graffiti // The Lower city of Olbia (sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Vol. 1. Aarhus, 2010. (Black Sea Studies; 13).

Sokolova, 2003 – *Sokolova O. Yu.* Nymphaeum // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. No. 4 / Grammenos D. V., Petropoulos E. K. (eds.). Thessaloniki, 2003. Vol. II.

Sparkes, Talcott, 1970 – *Sparkes B., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. // Athenian Agora. Athens, 1970. Vol. XII.

Vanhove, 2006 – *Vanhove D.* Thorikos. Graffiti – Dipinti – Stamps. Paris; Leuven; Dudley, 2006.

Magic graffiti from excavations of Nymphaion in the collection of the State Hermitage Museum

A. S. Namoylik

This paper is a publication of magic graffiti on ceramic objects from excavations at the Bosporean city of Nymphaion. The finds here published are kept in the State Hermitage. Twenty four of these inscriptions among their total number of 26 are here first published. As a rule, these graffiti are scratched on black-slipped tableware or its fragments. They are dated to the time span from the 6th century BC to the Hellenistic period. Moreover, their majority (85 percent) are dating from the 5th to the 4th century BC. The group of magic graffiti from the Nymphaion collection contains different types of inscriptions, viz. alphabetic lines, unidentifiable combinations of letters, letter-like signs, drawings, crossing lines, chaotic scratches, grids, crosses, a swastika. Approximately 40 percent of the inscriptions are represented by letters or letter-like signs. For ancient man, letter possessed a supernatural power; as a divine symbol it was used in magics. On the bottom of a black-slipped bowl, a fragment of the alphabet from epsilon to mu is preserved (fig. 1, 1; cat. 1). After scratching the graffiti, a hole was bored in the bottom and partly destroyed the inscription. This fact suggests a destructive purpose of this magic activity. A round pedestal of a kylix with a hole in the centre and smoothed edges was used as an amulet (fig. 1, 2; cat. 2). On this fragment, letters $\Gamma\Delta\text{BB}\Delta$ and ΔK , and in addition other signs and lines are drawn. The monogram ΔK can be interpreted as the initial letters of Demeter and Kore. Likely to

other cities of the northern Black Sea littoral, in Nymphaion there existed the practice to draw different Apotropaic symbols on pieces of tableware. The intention was that the food or drinks contained in them would be cleared and acquired healing properties. Marks of this type include 'branches' (fig. 2, 12; cat. 12a), 'grids' (fig. 2, 16–18; cat. 16–18), diverse combinations of crossing and parallel lines (fig. 1, 9; 2, 10; 3, 22–25; cat. 9b, 10a, 22b–25). Among the symbols found on magic graffiti from Nymphaion, of note are also a cross (fig. 2, 10; 3, 20–22; cat. 10b, 20–22a), a zigzag (fig. 2, 15; cat. 15b) and a swastika (fig. 3, 26; cat. 26). In a number of cases, on vessels (or their fragments), representations are drawn the meaning of which it is hard to guess (fig. 2, 10, 12–15; cat. 10c, 12b, 13, 14, 15a). A more realistic representation in combination with separately drawn letters was scratched on a fragment of a tile. This is a picture of a high two-store building with a gable roof (fig. 1, 9; cat. 9). The magic graffiti from Nymphaion, although very diverse, illustrate the types known in the ancient Greek world. However, the diversity of the drawings, combinations of letters and signs indicates that the residents of Nymphaion invented their own magic codes. Often, it is impossible to guess the secret meaning of these inscriptions. At the same time, there is no doubt that the most of the graffiti were related with the protective magics, i. e. they fulfilled an Apotropaic function.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РАСКОПОК НЕМИРОВСКОГО ГОРОДИЩА В ПОБУЖЬЕ

М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина¹

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам изучения археологических материалов раннего железного века (раннескифская культура), полученных при раскопках Немировского городища в Побужье. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, а связанные с ними документы – в Научном архиве ИИМК РАН. Многие из них остаются неизвестными, несмотря на более чем 100-летнюю историю изучения этого памятника. В силу разных причин значительная часть добытой информации была безвозвратно утеряна. Проведенные нами новые исследования вещевых коллекций и документации помогли уточнить целый ряд данных о материальной культуре памятника в раннем железном веке. При фактическом отсутствии достоверных сведений о стратиграфии культурно-исторический подход был принят как основной при работе с коллекцией. В статье кратко представлены результаты исследований, касающиеся основных групп материалов, комплексов, векторов контактов жителей городища с дальними и ближними «соседями», а также новой хронологии Немирова в раннем железном веке.

Annotation. The present article is dedicated to particular aspects of studies of archaeological materials of the early Iron Age (early Scythian culture) retrieved during the excavations of the Nemirov fortified settlement on the Bug River. The materials themselves are kept in the State Hermitage while the documents concerned with them are in the Scientific Archives of the IIMK RAS. Many of these materials are still unknown notwithstanding that the studies of this site continue more than a hundred years. By the force of various circumstances a considerable part of information once obtained was irretrievably lost. New examination of the collections of the artefacts and documents conducted by us helps to get quite a series of more precise data on the material culture of the site in the early Iron Age. Given the almost complete absence of reliable information on the stratigraphy of the site, the cultural-historical approach was accepted as the basic one for the treatment of the collection. This paper presents briefly the results of the studies concerning the major groups of materials, complexes, vectors of the contacts of the settlement's residents with the far and near 'neighbours', as well as a new chronology of Nemirov in the Early Iron Age.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Побужье, Немировское городище, раннескифская культура, землянки, находки, керамика, ранний греческий импорт, контакты, хронология.

Keywords: South-Eastern Europe, the Bug River region, Nemirov fortified settlement-site, Early Scythian culture, earth dwellings, finds, pottery, early Greek imports, contacts, chronology.

Немировское городище и его изучение. Немировское городище на Южном Буге – самое западное из раннескифских городищ-гигантов лесостепной части Северного Причерноморья. Оно расположено на крутом склоне плато и прилегающем к нему низменном участке. Вал и ров образуют замкнутую ограду общей протяженностью внешнего вала от 4,5 до 5,5 км, высота его достигает 9 м, а ширина 32 м (рис. 1 – см. Артамонов, 1974.

С. 94–95; 1998. С. 59–76, рис. 1). Хотя оно заселялось в разные исторические эпохи, начиная с энеолита, раскопки С. С. Гамченко (1909), А. А. Спицына (1910) и М. И. Артамонова (1946–1948) показали, что наиболее выдающееся значение этот памятник имел в раннем железном веке. Тогда в его материальной культуре отмечены не только первые контакты греков-колонистов и варваров в Северном Причерноморье (Фармаковский, 1914. С. 30, табл. II, 3; *Онайко*, 1966. С. 56, табл. III, 1–8, 10, 11; V, 1; XXV, 2), но также «связь скифов с Гальштаттом», которая «выявилась при раскопках Немировского

¹ Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН.
E-mail: mirra-k@yandex.ru; vakhtina@rambler.ru.

Рис. 1. Немировское городище, Большие Валы, восточная часть (фотография 1946–1948 гг.; личный фонд М. И. Артамонова в ОАВЕС ГЭ)

Fig. 1. Nemirov fortified settlement, Bolshiye Valy, eastern part (photo of 1946–1948; personal collection of M. I. Artamonov in the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage)

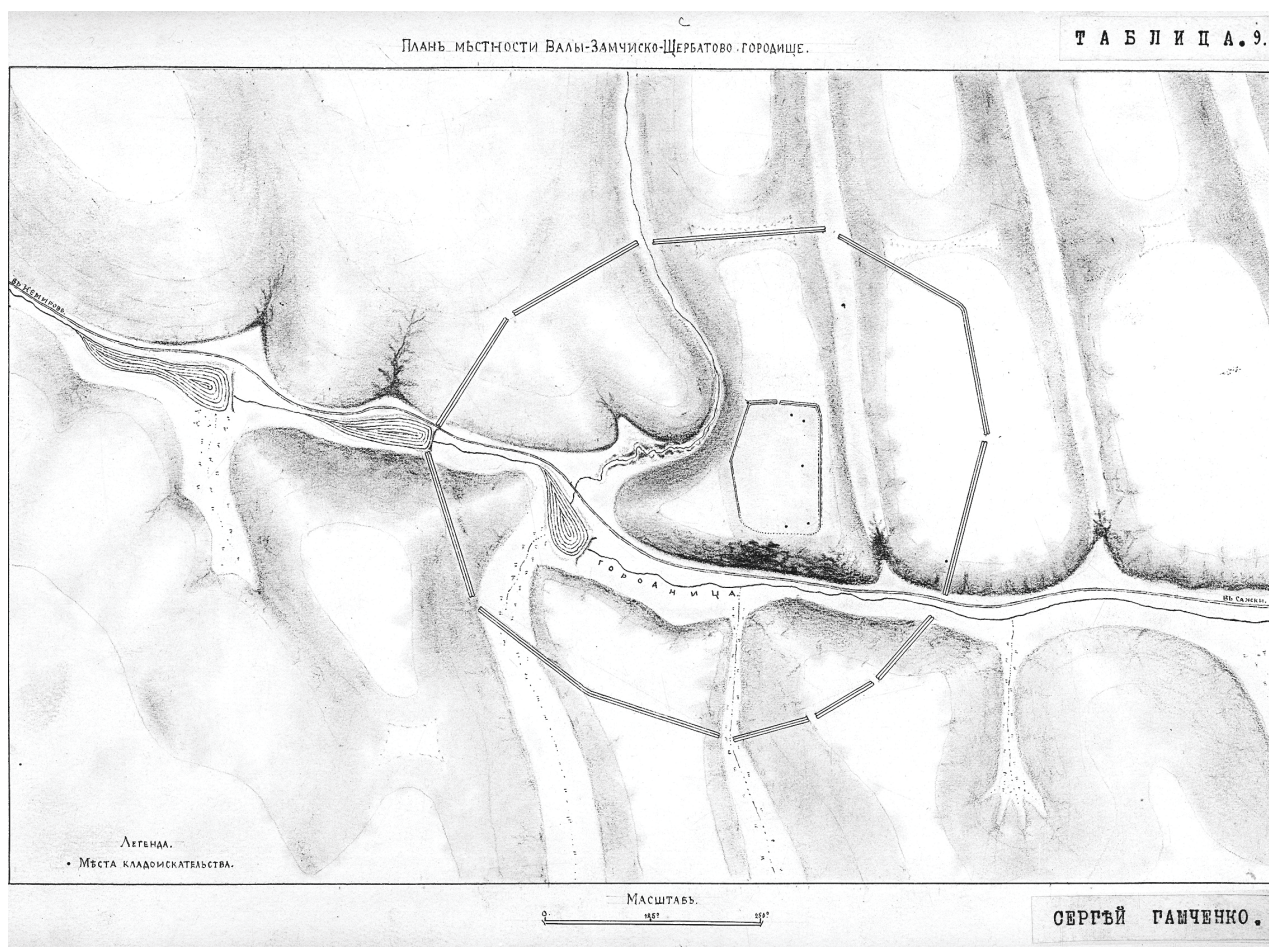
городища» (*Спицын*, 1911. С. 155 сл., 161 сл.). Однако состояние полевой документации и потеря большого объема информации привели к тому, что материалы памятника остались малоизвестными в научной среде.

В 1990-е гг. к материалам Немирова обратилась Г. И. Смирнова (1992. С. 90–91; 1996а. С. 67–84; 1996б. С. 183–198), которая те годы была их хранителем в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (далее – ОАВЕС ГЭ). Насколько возможно, она восстановила полевую документацию (см. *Артамонов*, 1998. С. 59 сл.) и дала общую характеристику материальной культуры городища в раннем железном веке (*Смирнова*, 1998. С. 77–121; 1999. С. 241–244; 2001. С. 33–44; 2002. С. 217–233). С коллекцией античного импорта начала работать М. Ю. Вахтина (*Вахтина*, 1996. С. 85–93; 1998. С. 122–139; 2000. С. 209–217; 2004. С. 204–211).

Все же приблизиться к пониманию облика материальной культуры Немировского городища в раннем железном веке долгое время не удавалось. Между тем на рубеже XX/XXI – начальных лет XXI в. произошли существенные изменения хронологических систем, которые затронули датировки гальштаттского периода средневропейской хронологической схемы, восточногреческой кера-

мики, гальштаттских культур Карпато-Подоунавья и раннескифской культуры Северного Причерноморья. Это было принципиально важно для понимания материалов из Немировского городища – надо было выявить их место в контексте эпохи и датировать согласно новой хронологии. Без учета этих новых данных материалы Немирова «висели в воздухе». В той или иной степени это понимала Г. И. Смирнова, которая придерживалась традиционных представлений о культурно-историческом развитии лесостепи Северного Причерноморья в предскифское время и рассматривала Немиров как феномен. И она приостановила свою работу над книгой. Сохраняя преемственность научной традиции, авторы настоящей статьи приступили к работе со старой коллекцией Немировского городища (*Кашуба и др.*, 2010. С. 156–167).

Планы Немировского городища отечественные любители древностей и археологи начали снимать начиная с середины XIX в. (Заседания..., 1863. С. 477), среди них неизвестными оставались планы, сделанные С. С. Гамченко (рис. 2). Раскопки начались более 100 лет назад С. С. Гамченко и А. А. Спицыным, были продолжены в середине XX в. М. И. Артамоновым (см. ниже). Оборонительные сооружения Немирова исследовались летом 1941 г. (*Pelivan*, 2010. P. 214) и позднее,

Рис. 2. Валу-Замчистко-Щербатово городище, план С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1909. Д. 856. ЛЛ. 9–1; публикуется впервые)

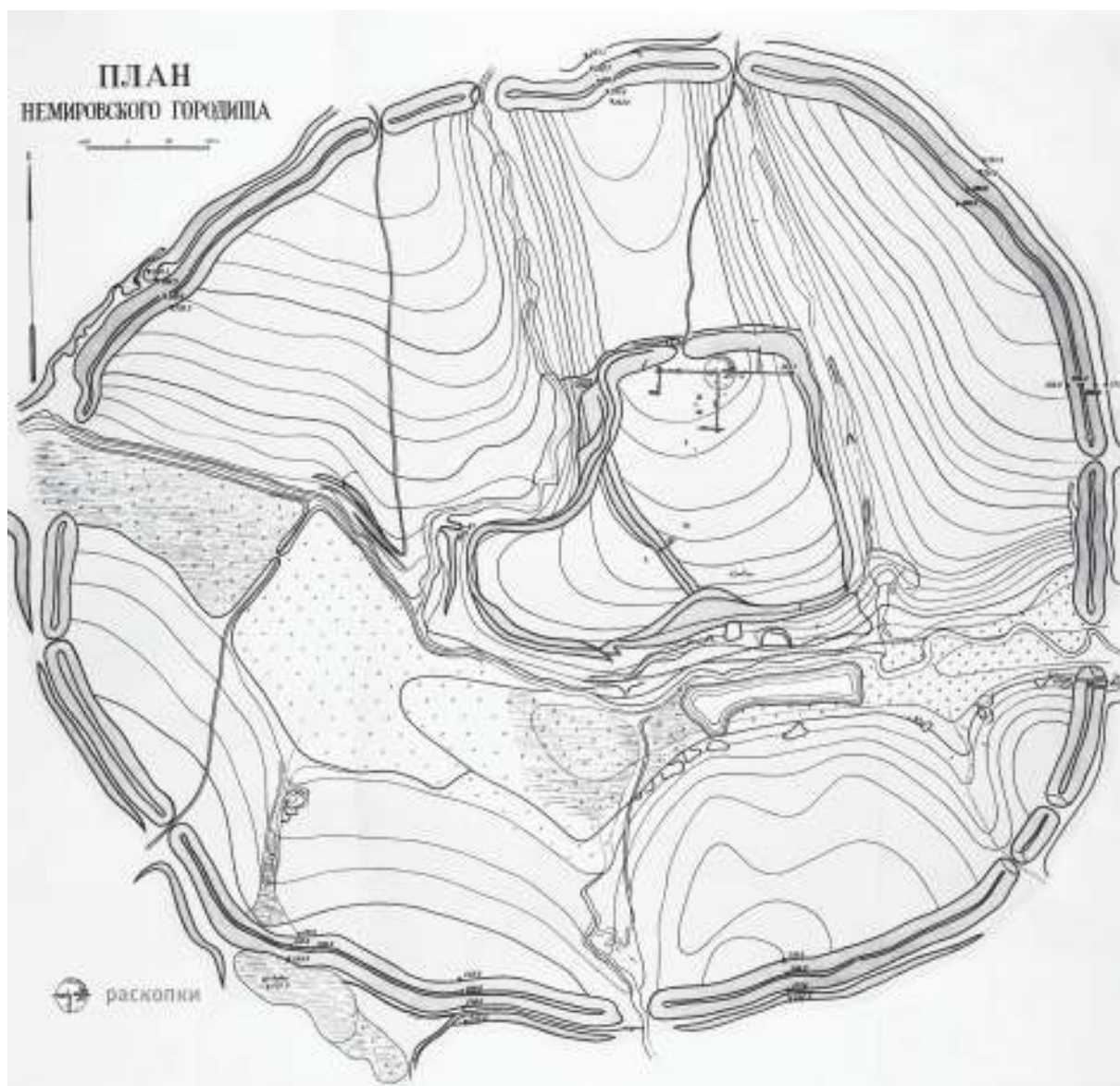
Fig. 2. Fortified settlement-site of Valy-Zamchistko-Shcherbatovo, plan by S. S. Gamchenko (Scientific Archives of IIMK RAS. Collection 1. Inventory 1. 1909. File 856. Sheet 9–1; published for the first time)

когда А. А. Моруженко разрешила вал внешней линии немировских фортификаций в их юго-восточной части (Моруженко, 1975. С. 66–70). После этого раскопки не проводились, за исключением разведок сотрудников Винницкого краеведческого музея и Археологической инспекции (см. Кашуба и др., 2010. С. 156 сл.). В последнее десятилетие на памятнике проведены тахеометрическая съемка двух участков оборонительных сооружений и геофизические работы одного участка с внутренней стороны большого вала, с запада от центрального въезда (Дараган, 2010. Рис. 23–29; 2017. С. 402–400, рис. 2; 3; Дараган и др., 2010. С. 115 и сл.).

Согласно раскопкам С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова можно предполагать около 4000 кв. м раскопанной площади, что составляет... 0,005 % территории памятника (рис. 3).

С. С. Гамченко в 1909 г. подготовил карты Немировского района и карту местности, собрал и обработал лепную керамику (около 500 фрагментов) и полученные от местных жителей семь бронзовых изделий (Гамченко, 1909).

Раскопки в 1910 г. А. А. Спицына дали самое большое количество находок: более 2500 фрагментов керамики и около 500 изделий из глины, кости, рога, камня, кремня, бронзы и железа, относящихся к разным историческим эпохам. Однако их невозможно соотнести с комплексами или ямами, которые упоминаются в его же «Корочках» (Спицын, 1910). Под впечатлением своих раскопок в 1911 г. он написал замечательное литературное произведение (Спицын, 1911. С. 155–168). В нем напроочь отсутствовали иллюстрации, тем не менее, своим названием – «Скифы и Гальштатт» – его работа по-

Рис. 3. Немировское городище, план М. И. Артамонова с обозначением раскопок С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова (личный фонд М. И. Артамонова, ОАВЕС ГЭ; дополнено Г. И. Смирновой)

Fig. 3. Nemirov fortified settlement, plan by M. I. Artamonov with marks of excavations of S. S. Gamchenko, A. A. Spitsyn and M. I. Artamonov (personal collection of M. I. Artamonov, OAVES GE; supplemented by G. I. Smirnova)

ложила начало актуальным и сегодня исследованиям по гальштатским древностям в Северном Причерноморье (см. *Кашиба*, 2012. С. 232–252).

Наиболее информативными в современном понимании оказались раскопки Юго-Подольской экспедиции под руководством М. И. Артамонова, который написал несколько кратких заметок и две более общие работы (*Артамонов*, 1946. С. 236–237; 1947. С. 74–75; 1948. С. 177–181; 1949. С. 257–262; 1952. С. 193–195; 1955а. С. 100–117; 1955б. С. 84–

87). Изучая эти материалы, кое-что удалось реконструировать, в том числе облик и заполнение землянок (см. ниже).

Таким образом, из раскопок 1909, 1910, 1946–1948 гг. сохранилась коллекция материалов, основную массу которых в основном невозможно соотнести с тем или иным раскопанным комплексом и выявить стратиграфию (см. *Кашиба*, *Вахтина*, 2015. С. 37–41). Исходя из этого, культурно-исторический подход был принят как основной

при работе с коллекцией. В этом случае археологические материалы Немировского городища раннего железного века рассматриваются как культурно-историческое явление. Соответственно, к ним применимы традиционные методы археологической науки. В ходе работы нами были опубликованы некоторые промежуточные данные (см. ниже), здесь же обратимся к некоторым ключевым объектам, категориям материала и проблемам, связанным с результатами проделанного исследования.

О землянках. Круглые землянки Немировского городища (Кашуба, Вахтина, 2014. С. 55–60) ранее рассматривались в нескольких опубликованных работах (Смирнова, 1998. С. 82–84, 88–91, 97–99, рис. 3, 8, 16; 2000, с. 81–83, рис. 1). Диаметры землянок составили 5,5–6 м (№ 1), 5,8–6,2 м (№ 2), 4,4–4,8 м (№ 3) при высоте стенок котлована 1,2–1,3 м; их площади, соответственно, 26, 28 и 17 кв. м. В землянках № 2 и 3 зафиксированы четкие следы перестройки: по два пола с самостоятельными очагами и центральным столбом во втором периоде обитания (рис. 4).

Изучая материалы землянок, авторы обнаружили, что в землянках № 1 и 2 ранняя античная керамика (рис. 5, 6–12) встречена совместно с качественной гальштаттской посудой (рис. 5, 1–5) и типичными лесостепными сосудами. На дне землянки № 1 обнаружены два небольших фрагмента стенок южно-ионийских ойнохой, а в ее придонной части (на глубине 1,75 м от края землянки) был найден еще один более крупный фрагмент фриза сосуда этого же типа (рис. 5, 12)². Фрагменты, найденные на дне и в заполнении придонной части, можно отнести к периоду SiA Ib и датировать временем 650–630 гг. до н. э. (см. ниже). Анализ заполнения землянки № 2 показал, что в придонной части второго горизонта обнаружены два фрагмента венчиков столовой амфоры, принадлежащей тому же периоду (рис. 6, 5, 6).

Это важное стратиграфическое наблюдение дало основание полагать, что *восточногреческая керамика в Немирове появляется после «западно-*

го» импульса, принесшего качественную лощеную посуду и другие изделия. Строительство землянки № 1 и второй горизонт землянки № 2 мы датировали второй четвертью VII в. до н. э. При этом начало функционирования землянки № 2 было отнесено к рубежу VIII/VII вв. до н. э. (Кашуба, Вахтина, 2014. С. 55 сл.).

Наши заключения подтвердились, когда в личных фондах М. И. Артамонова и Г. И. Смирновой в ОАВЕС ГЭ был обнаружен ранее неизвестный разрез северной стенки землянки № 1, согласно которому было несколько фаз жизнеобитания (Вахтина, Кашуба, 2016. С. 43, рис. 3). Еще одна интересная находка из этого комплекса – это боковая ручка бронзового зеркала³, найденная в верхнем слое заполнения, при зачистке в поисках контуров землянки № 1 на глубине 1,2 м (Там же. Рис. 4). Она уникальна не только своими морфологическими особенностями (хотя по ряду признаков близка к так называемым зеркалам ольвийского типа), но также является одной из редчайших находок архаических зеркал, происходящих из раскопок поселений. Судя по всему, она относится к предметам греческого импорта, при этом версия о производстве немировского зеркала мастером-скифом остается возможной, однако выглядит менее вероятной (Там же. С. 42–48).

Несколько замечаний о коллекции античной посуды. За время исследования городища была собрана замечательная коллекция фрагментов греческой керамики. К сожалению, место находки целого ряда образцов не установлено. Однако можно с уверенностью утверждать, что основная их масса была найдена во время раскопок «зольника» в центральной части памятника. Всего в коллекции насчитывается около 100 фрагментов античной керамики, принадлежавших тарным амфорам и столовым сосудам (Фармаковский, 1914. Табл. II, 3; Онайко, 1966. Табл. III, 1–8; Вахтина, 1998. Рис. 1–4; Kerschner, 2006. S. 236–237, Abb. 12, 13; Vachtna, 2007a. P. 22–35, fig. 4–10; Vakhtina, 2007b. S. 511–517, Taf. 63–65, 1–4). Все они были изготовлены в различных центрах Восточной Греции. Амфоры представлены фрагментами продукции североионийских

² Полевой номер ЮП II Н-60. Соединен с фрагментом из раскопок А. А. Спицына; в настоящее время оба фрагмента хранятся под шифром Дн 1933 1/206. На приведенном в статье рис. 5 фрагмент показан в полном виде.

³ Другое мнение о возможном назначении этого предмета (патера) представила Т. Н. Кузнецова в своей последней работе (Кузнецова, 2017. С. 470–475).

Рис. 4. Немировское городище, раскопки 1947 г., вид на раскопанную скифскую землянку (фотография М. И. Артамонова; ФО НА ИИМК РАН, кол. № 1269.65, F 149.65)

Fig. 4. Nemirov fortified settlement, excavations of 1947, view of an excavated Scythian earth dwelling (photograph by M. I. Artamonov; Scientific Archives of Photoarchives, collection № 1269.65, F 149.65)

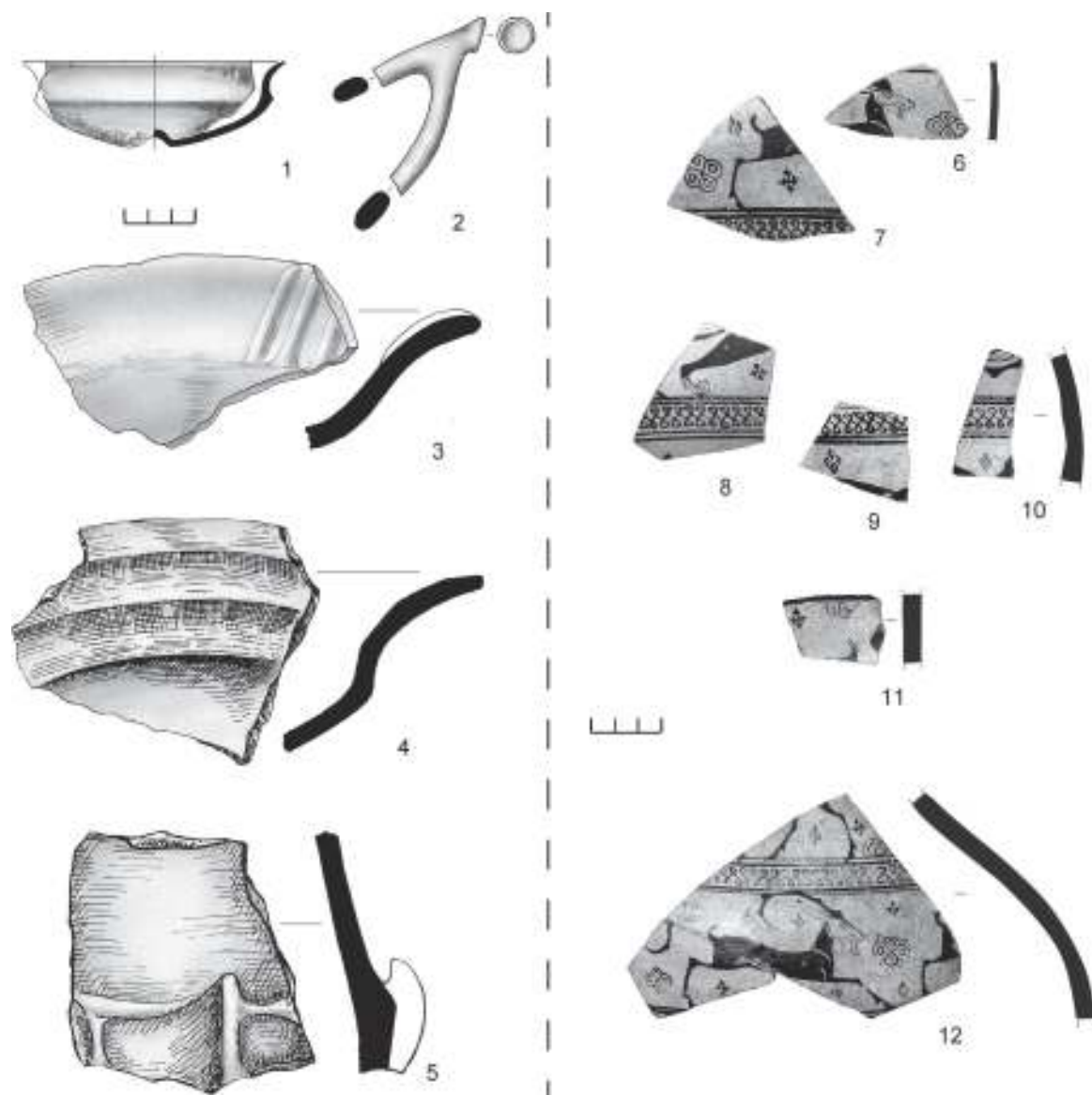
центров – Эолии, Хиоса и Клазомен (*Вахтина*, 1998. С. 122–125, 130, рис. 1; 4, 8).

Наиболее надежными хроноиндикаторами являются находки расписной столовой посуды. Лишь несколько фрагментов принадлежали сосудам открытых форм, остальные относятся к закрытым сосудам – столовым амфорам и ойнохоям, расписанным в ориентализирующем стиле. Значительная часть фрагментов принадлежала сосудам, отличавшимся высокими художественными достоинствами. Все они были изготовлены в Восточной Греции; основной массив расписной посуды происходит из южной Ионии. Важным фактом является полное отсутствие керамики аттического производства, широкое распространение которой в варварских памятниках региона начинается позже и охватывает вторую половину VI в. до н. э.

Некоторые образцы расписной керамики принадлежат к сосудам, редко встречающимся на

территории Северного Причерноморья, а отдельные экземпляры известны только для Немировского городища и, следовательно, уникальны для всей территории в целом. Изучение материала позволило внести отдельные поправки к высказанным ранее предположениям о времени изготовления сосудов. Эти поправки касаются, преимущественно, датировок ряда фрагментов, вызванных удревнением «стиля дикого козла» (WGS) в хронологической системе, разработанной М. Кершнером и У. Шлотцауэром (*Kerschner, Schlotzhauer*, 2005. P. 1–56; *Kerschner*, 2007).

Среди обломков сосудов открытых форм наибольший интерес представляют фрагменты двух чаш. Два из них принадлежали субгеометрическому скифосу с изображением птиц (bird-bowl) (*Вахтина*, 1998. С. 126, рис. 2, 1, 3; *Vakhtina*, 2007b. Taf. 63, 1, 2); на одном сохранились части фризов из заштрихованных ромбов и темных треугольников (рис. 7,

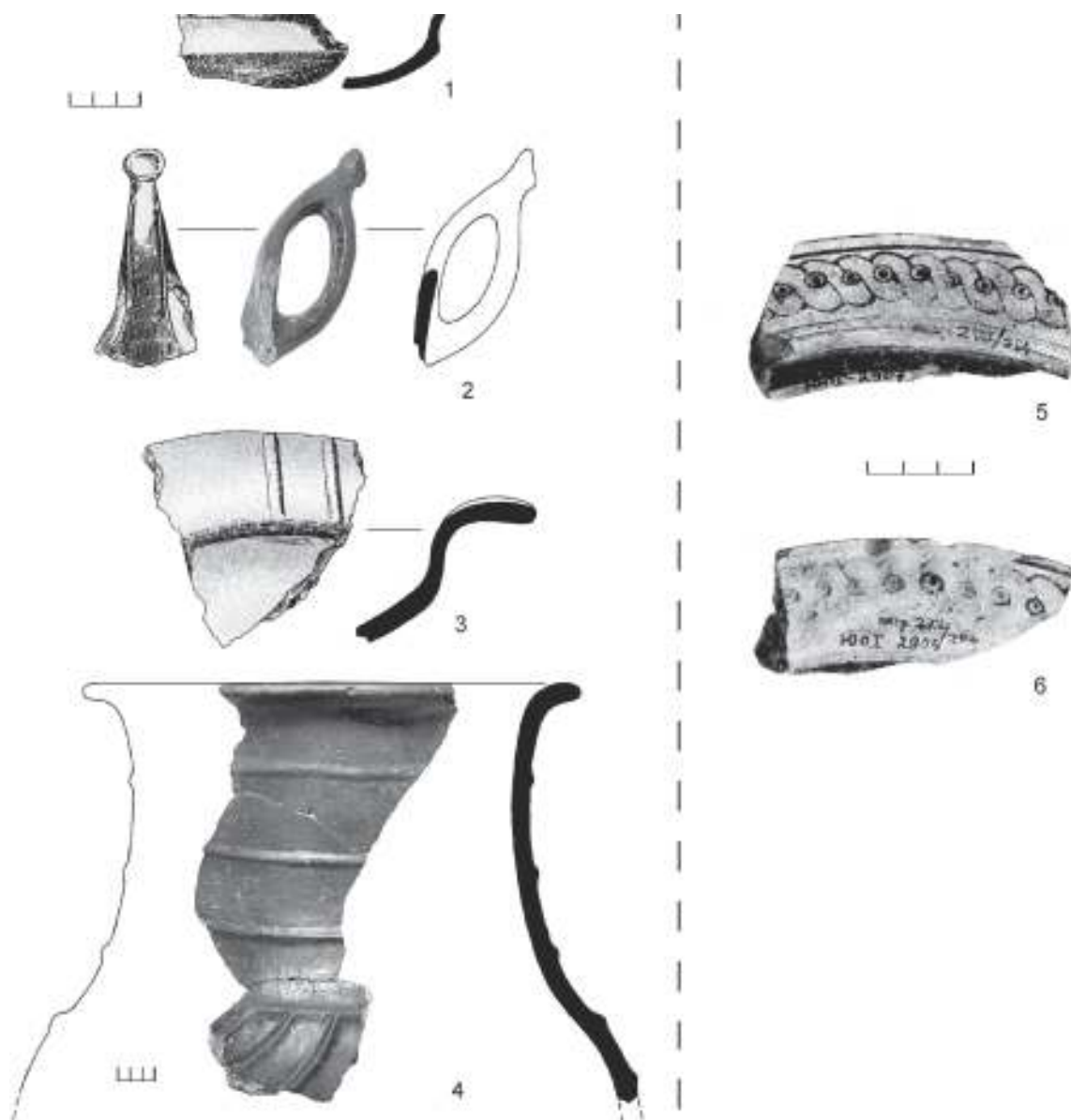
Рис. 5. Немировское городище, землянка № 1: 1–5 – качественная лощеная посуда; 6–12 – образцы греческой керамики; выборочно. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 5. Nemirov fortified settlement, earth dwelling № 1: 1–5 – high quality burnished ware; 6–12 – samples of Greek pottery; selected. © State Hermitage, Saint Petersburg

1, 2). Сосуд можно датировать в пределах третьей четверти VII в. до н. э. (Вахтина, 2004. Рис. 1, 2; Буйских, 2015. С. 244). От другой чаши – килика, изготовленного в южной Ионии, возможно, в Милете (Вахтина, 2004. С. 207, рис. 1; Vakhtina, 2007b. Taf. 2), сохранились фрагменты венчика, стенок и круглой в сечении ручки (рис. 7, 3, 3a). Точных аналогий этому сосуду обнаружить не удастся, хотя известна серия достаточно близких по форме экземпляров (Kerschner, 1997. S. 106–225, Taf. XI, 79, 80). Современная хронология милетских чаш по-

зволяет предположить, что немировский экземпляр был изготовлен во временном интервале 660/50–640/30 гг. до н. э. (Schlotzhauer, 2001. S. 94–97, 295–307)⁴. Немировский килик до настоящего

⁴ Согласно типологии, разработанной У. Шлотцауэром (2001) для чаш, обнаруженных при раскопках Милета, немировский фрагмент по форме и орнаментации относится к типу 5.1, причем декор немировской чаши наиболее близок экземпляру cat. no. 89, а форма его имеет наибольшее сходство с чашей cat. no. 95. Доктор У. Шлотцауэр, которому мы выражаем благодарность за консультацию, полагает, что чаша из Немирова не может быть отнесена ко времени позднее 630 г. до н. э.

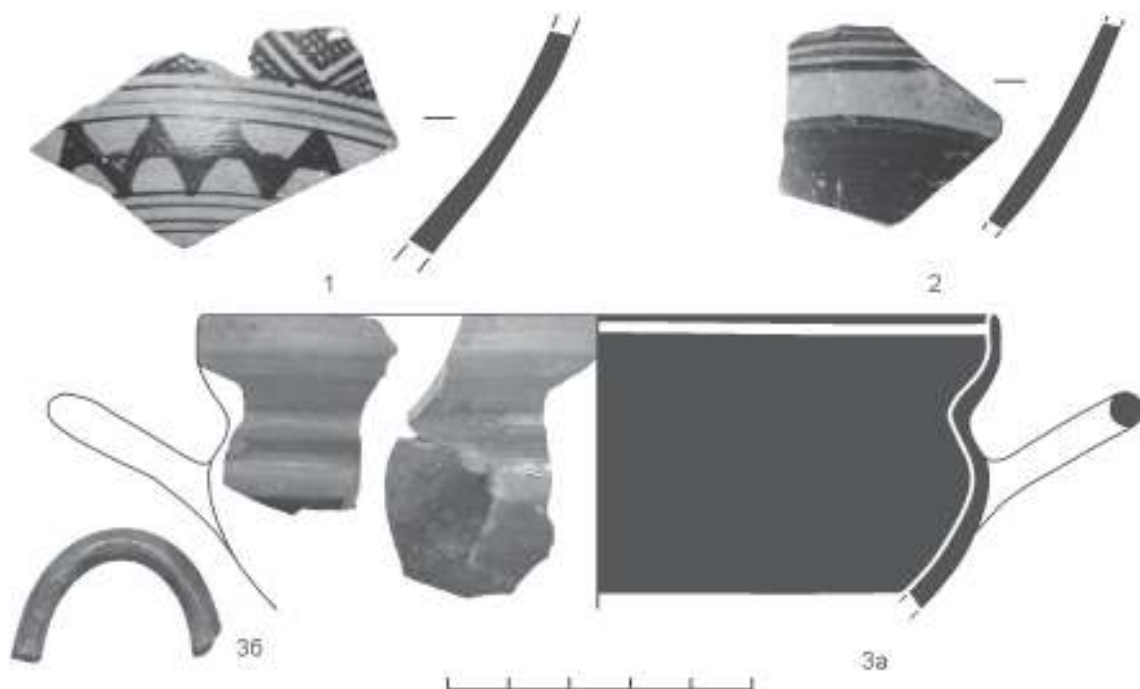
Рис. 6. Немировское городище, землянка № 2: 1–4 – качественная лощеная посуда; 5, 6 – образцы греческой керамики; выборочно. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 6. Nemirov fortified settlement, earth dwelling № 21: 1–4 – high quality burnished ware; 5, 6 – samples of Greek pottery; selected. © State Hermitage, Saint Petersburg

времени является единственной находкой такого рода для территории Северного Причерноморья, включая и греческие центры.

Большинство фрагментов закрытых форм немировской коллекции принадлежали ойнохоям и амфорам. На многих из них сохранились части фризов с изображениями животных и растительными орнаментами. Некоторые фрагменты демонстрируют стилистическую близость с материалами из Милета (*Käufler*, 1999. S. 204, Kat. Nr. IA; IB).

Среди закрытых форм уникальным для Северного Причерноморья является фрагмент стенки небольшого сосуда (ойнохой?) с шаровидным туловом, на котором помещено изображение крупной орнаментальной эмблемы (*Онайко*, 1966. Табл. III, 10; *Vachtina*, 2007a. P. 29, fig. 6). Подобные изображения встречаются в раннеориентализирующей керамике, что позволило Н. А. Онайко отнести немировский экземпляр ко второй половине – концу VII в. до н. э. Мы полагаем, что сосуд

Рис. 7. Немировское городище. Фрагменты восточногреческих чаш: 1, 2 – субгеометрический скифос; 3, 3а – килик.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 7. Nemirov fortified settlement. Fragments of East Greek bowls: 1, 2 – subgeometric skyphos; 3, 3a – kylix.
© State Hermitage, Saint Petersburg

относится к более раннему времени и датируется не позднее середины VII в. до н. э. (см. *Kerschner, Schlotzhauer, 2005*. P. 12, 15; fig. 3, 4; 9).

Основную же часть образцов закрытых сосудов из немировской коллекции можно отнести к периоду SiA Ib, рамки которого определяются 650–630 гг. до н. э. (рис. 5, 12).

Еще Л. И. Копейкина отмечала стилистическую близость росписи целого ряда фрагментов греческой керамики из Немирова декору известной ойнохоей из основного погребения в кургане Темир-Гора близ Керчи. Исследовательница полагала, что сосуды из Темир-Горы и Немирова были изготовлены в одной мастерской (*Копейкина, 1972*. С. 156). Мы полностью согласны с этим предположением.

Отметим, что датировка лишь нескольких фрагментов выходит за пределы VII в. до н. э. Среди них – обломок небольшой североионийской амфоры, расписанной в стиле «позднего дикого козла» (LWG Style), которую можно датировать второй четвертью VI в. до н. э. (*Вахтина, 1998*. С. 128, рис. 3, 9; *Vakhtina, 2007b*. Taf. 65, 3, 1). Ко второй половине/концу VII – первой половине VI в. до н. э.

относятся фрагменты двух небольших закрытых сосудов с темным покрытием (*Вахтина, 2000*. С. 212, табл. III, 1–3).

Н. А. Онайко писала о находках на Немировском городище керамики с «полосатой» росписью (*Онайко, 1966*. С. 60, кат. 117). В действительности все фрагменты такой керамики, хранящиеся в коллекции, принадлежат одному сосуду – небольшой ойнохое с шаровидным туловом (*Вахтина, 1998*. С. 134, рис. 5; 2000. С. 214, табл. II, 3; *Vakhtina, 2007a*. P. 33, fig. 10; *Vakhtina, 2007b*. Taf. 65, 4). Сосуд из Немирова, вероятно, можно отнести ко второй четверти – середине VI в. до н. э., хотя не исключается его датировка и более ранним временем. Это единственный образец ионийской керамики с «полосатой» росписью, найденной на городище. Предполагаемые датировки образцов античной керамики из раскопок Немировского городища в XX в. представлены на хронологической схеме (рис. 8).

В течение долгого периода времени Немировское городище оставалось «лидером» среди скифских городищ по количеству греческого импорта. Это позволило Я. В. Доманскому вы-

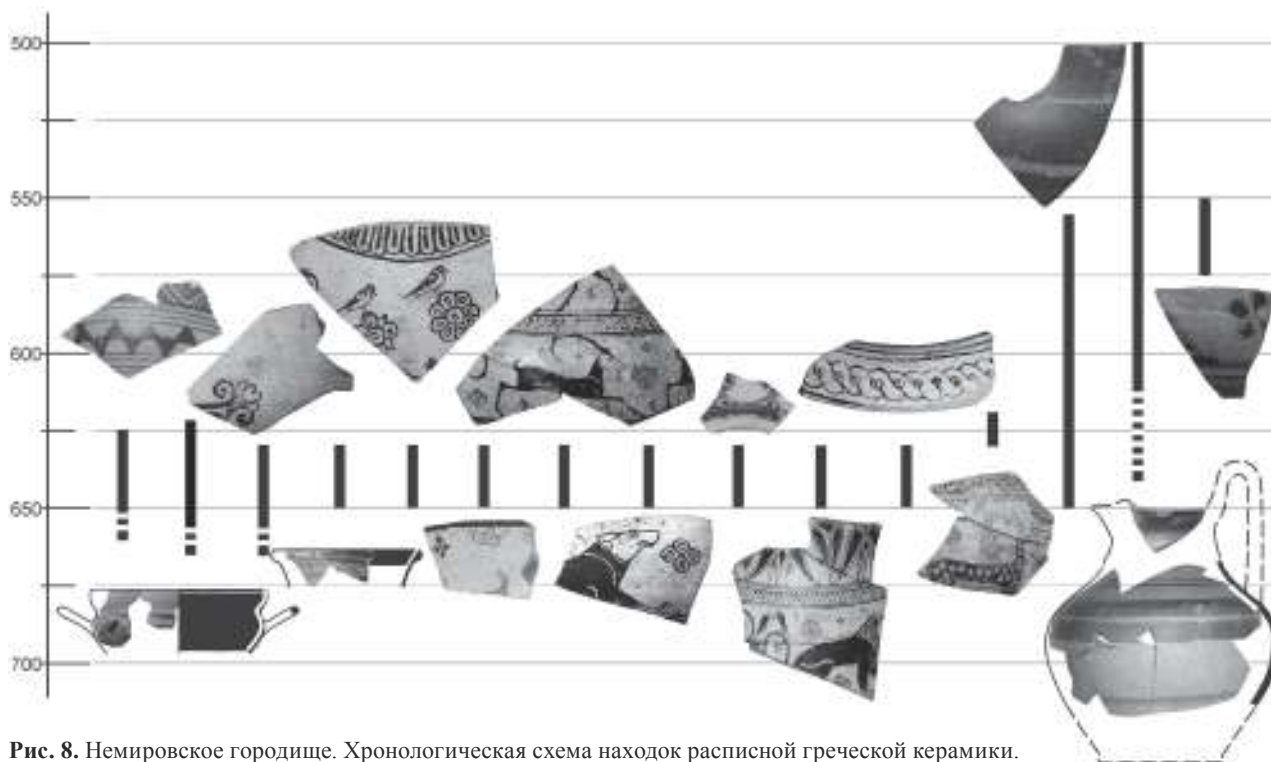
сказать гипотезу о том, что это поселение могло играть роль транзитного пункта в греко-варварской торговле. Согласно его предположению, античные импорты попадали первоначально в Немиров, а затем оттуда – на другие лесостепные памятники региона (*Доманский, 1970. С. 51–52*).

Однако логично представить, что и другие крупные поселения региона в архаическую эпоху также имели возможность устанавливать прямые связи с античными центрами. В последние десятилетия это представление подтвердили раскопки древнейших слоев и комплексов Бельского городища. Исследования этого огромного укрепленного поселения на Левобережье Днепра дали большое количество находок античной архаической керамики (*Задников, 2004. С. 25–30; 2009. С. 15–27; Задников, Шрамко, 2009. С. 473–477; 2011. С. 138–147*). Среди них фрагменты, очень близкие хронологически и стилистически фрагментам расписной керамики из Немирова (см. *Задников, 2007. С. 44–46, рис. 1, 3–8*). Всего за годы раскопок Бельского городища было найдено более 7 тыс. образцов античной посуды, среди массива исследованной

греческой столовой расписной керамики к концу VII–VI в. до н. э. относится около 50 фрагментов (*Задников, 2014. С. 5*).

По-видимому, население этих городищ было вовлечено в сферу греко-варварских связей в рамках одного хронологического периода: в середине – третьей четверти VII в. до н. э., хотя, на наш взгляд, возможно, что контакты между греками и варварами Немирова начались на полтора-два десятилетия раньше.

По сравнению с находками на этих двух городищах-гигантах количество находок греческой архаической керамики на других поселениях лесостепи выглядит гораздо скромнее. В раннем железном веке обитатели Немировского городища, наряду с Бельским, несомненно, в числе первых налаживали связи с греческими центрами. Это вполне соответствует представлению о значимости этого поселения, население которого являлось выгодным партнером в глазах греков. Найденная на Немировском городище античная керамика свидетельствует о достаточно ранних контактах его жителей с греческими центрами, установив-

Рис. 8. Немировское городище. Хронологическая схема находок расписной греческой керамики.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 8. Nemirov fortified settlement. Chronological scheme of finds of painted Greek pottery.
© State Hermitage, Saint Petersburg

шимися не позднее середины – начала третьей четверти VII в. до н. э., с пиком, приходящимся на вторую половину столетия (рис. 8). С начала VI в. до н. э. можно говорить об угасании греко-варварских контактов или о переходе их на какой-то другой уровень, не нашедший отражения в археологических материалах. Вероятно, после середины VI в. до н. э. поставки античной керамики на городище по каким-то причинам прекратились.

Несколько замечаний о варварской (в том числе местной) керамике. Находки посуды раннего железного века были обнаружены еще С. С. Гамченко в 1909 г. Он отнес их не только к известным тогда эпохам (гальштаттская, латен, римское время), но также к выделенным им новым культурам, например, «культуре грушевидностей» (Гамченко, 1909. Табл. 216, 222). А. А. Спицын «культуру грушевидностей» не отыскал. В керамике скифского периода он выделял собственно скифскую, *echte* Гальштатт (чистый Гальштатт) и *a la* Гальштатт или подражания, но речь не шла о ее бытовании в разное время. Керамику Немировского городища он отнес к «посуде скифского периода, смешавшейся с черепками гальштаттской культуры...» (Спицын, 1913. С. 182). При раскопках 1946–1948 гг. М. И. Артамонова были получены многочисленные материалы раннего железного века (скифская культура).

Долгое время специалисты считали материалы единообразными, их культурная атрибуция связывалась исключительно со скифской лесостепной культурой. В 1990-х гг. при новой обработке материалов из фондов ОАВЕС ГЭ Г. И. Смирнова среди местного (варварского) материала выделила наиболее ранние находки, которые она датировала доскифским временем и отнесла к фазе 1 (Смирнова, 1996б. С. 217–219; 1998. С. 103 сл.). Исследовательница неоднократно писала, что «Среднебужский регион в рамках Немирово-Севериновской округи оказался вне сферы влияния культур Сахарна и Басарабь... Здесь основным видом орнаментации позднечернолесской лощеной посуды является каннелированный декор... При выделении чернолесского пласта в Немирово главную определяющую роль играла грубая кухонная посуда... Относя

финальночернолесскую группу посуды из Немирова к этапу РСК 1, ее абсолютный возраст условно можно определять второй половиной VIII – началом VII в. до н. э.» (Смирнова, 1996б. С. 217–219). Дальнейшее развитие материального комплекса местного (варварского) населения Г. И. Смирнова отнесла к раннескифскому времени, поделив его на последующие доколониционную фазу 2 и колониционную фазу 3. Периодизацию она построила на основе: 1) реконструируемых ею стратиграфических и планиграфических наблюдений; 2) выявленных материалов из «закрытых» комплексов; 3) изменений в развитии керамического комплекса, в первую очередь, простой/грубой кухонной посуды; 4) датировок изделий-хроноиндикаторов – греческой керамики и изделий раннескифских типов (Смирнова, 1996б. С. 217).

При новом анализе материалов наработки Г. И. Смирновой, безусловно, были использованы, учитывались выделенные ею типы и варианты (Смирнова, 1996б; 1998; 2001; 2002), однако в большинстве случаев они были дополнены и расширены. Исходя из этого, были предложены новые классификация и типология варварской керамики Немировского городища.

Новая классификация керамики производилась на основе около 15 целых и археологически целых сосудов, а также коллекции керамики более 4000 фр. Имеющийся керамический комплекс представляет собой единую совокупность, состоящую из разно- или чужеродных элементов. Явные материалы доскифского времени (первой половины – середины VIII в. до н. э.) на раскопанной части Немировского городища отсутствуют. В керамическом комплексе Немировского городища имеются некоторые архаические черты (морфология отдельных типов, цвет и характер поверхностей, отдельные элементы декора). Однако представления Г. И. Смирновой о разделении варварской керамики Немирова на доскифскую и раннескифскую части современными исследованиями не подтверждаются. Отсюда принципиальные изменения коснулись атрибуции культурной принадлежности первой фазы, которую также можно считать раннескифской.

Соответственно, вся коллекция варварской керамики памятника была отнесена к раннескифской лесостепной культуре.

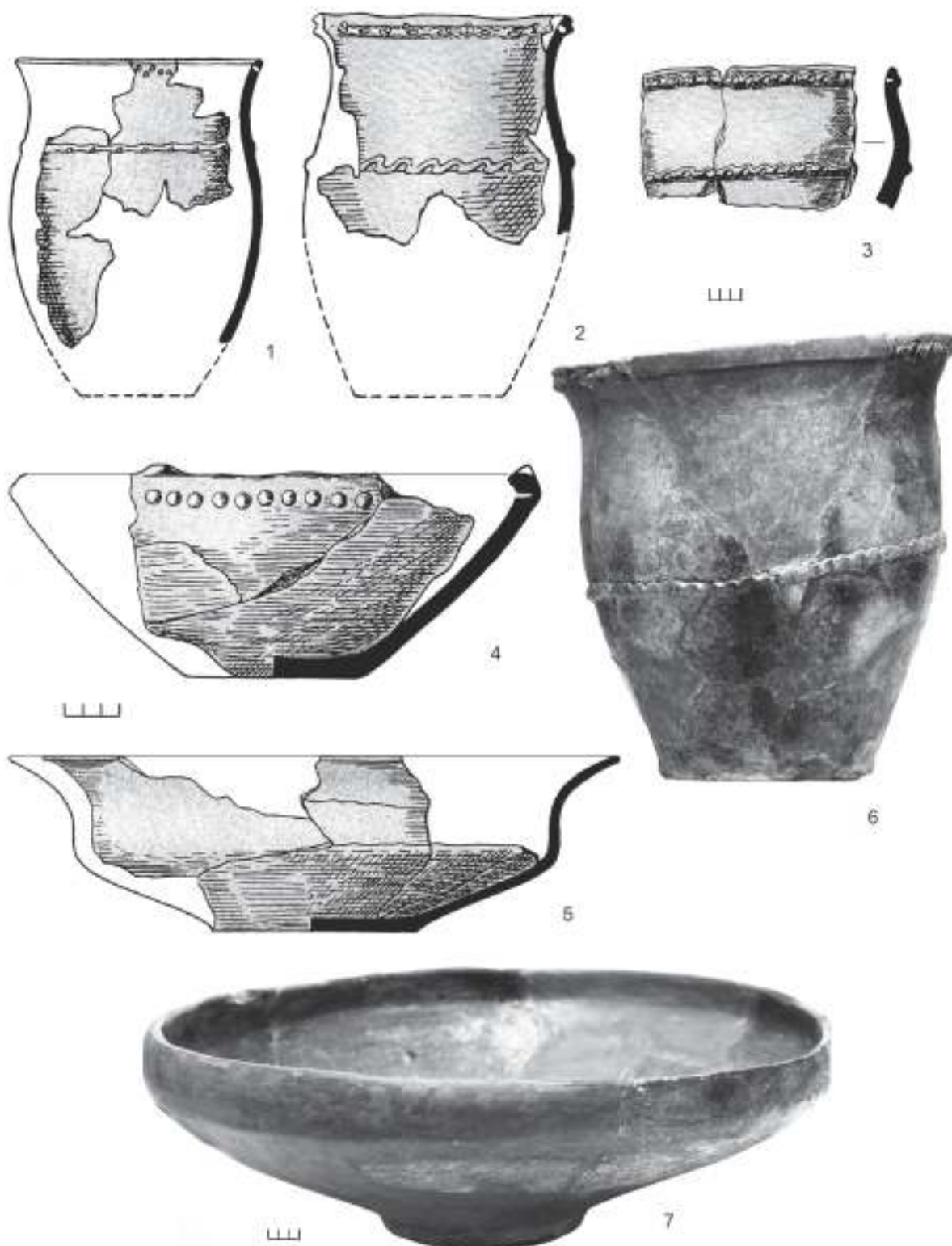
Керамический спектр Немировского городища составляют 17 основных типов посуды. Простую/кухонную керамику составили 4 типа горшков – типы Nem-1–4. Крышки (тип Nem-5) отнесены к отдельной категории. К качественной/лощеной посуде отнесены 14 типов – Nem-6–18. Лощеную/столовую посуду составляют корчаги (типы Nem-6–8), миски (типы Nem-9–12), черпаки (типы Nem-13–15), кубки (тип Nem-16), чаши (тип Nem-17) (рис. 5, 1–5; 6, 1–4). К отдельной категории – тип Nem-18 – отнесены миниатюрные сосуды. Типом Nem-19 обозначены чужеродные формы в керамическом спектре раннескифской культуры Немировского городища. Основным видом декора лощеной керамики являются каннелюры, выполненные вдавленной или пластической (налепной) техникой. Стоит подчеркнуть, что на лощеной посуде фактически отсутствует орнаментация врезными линиями и отпечатками штампа. В керамической коллекции Немировского городища имеется около 10 фрагментов с геометрическим резным узором (*Смирнова*, 1996б. Рис. 7, 3, 5), характерным для раннескифской посуды Среднего Поднепровья (*Ильинская*, 1975. Табл. XI, 4; XVII, 3, 11; XXIV, 4; XXV, 2; *Ковпаненко*, 1981. С. 81–95, рис. 2, 6; 12, 3; 14, 1, 3–7; 39, 10; 41, 3; 42, 22; 64, 48, 49; 64, 69, 72, 78, 80, 91, 97, 99). Примечательно, что такая же картина наблюдается и на других скифских памятниках Среднего Побужья, например на Севериновском городище (*Смирнова*, 1961. С. 88–103, рис. 6–10).

Охарактеризуем простую/кухонную керамику – именно ее развитие во времени явилось для Г. И. Смирновой основой разделения керамического комплекса на доскифскую и раннескифскую части. Тип Nem-1 наиболее близок к характерным для чернолесской культуры горшкам тюльпановидной формы с расчлененным валиком под краем и по тулову либо только по основанию шейки (рис. 9, 1, 2). Горшки типа Nem-2 восходят к архаическим тюльпановидным сосудам, однако шейка у них становится более короткой, а профилированность сосуда невыраженной (рис. 9, б).

Дальнейшим развитием простой керамики являются сосуды типа Nem-3 – прямостенные (вариант Nem-3.1) или бочонковидные (вариант Nem-3.2). К числу поздних относятся котловидные сосуды типа Nem-4 (рис. 9, 3).

Для последующих доколониционной и колониционной фаз (2 и 3) развития материальной культуры Немировского городища наблюдаются изменения в составе, формах и манере декора простой/кухонной посуды, хотя ее местная линия развития не вызывает сомнений. Преобладают профилированные сосуды разных вариантов, украшенные, как правило, проколами и налепным расчлененным валиком под краем. Баночные сосуды с двумя валиками – под венчиком и по тулову – в целом малочисленны, за исключением экземпляров, найденных в землянке № 2 и в яме № 3 возле внутреннего вала. Примечательно, что в заполнении землянки № 2 встречались баночные сосуды с расчлененными валиками под венчиком и по тулову, сочетаясь как с архаическими тюльпановидными формами, так и с баночными горшками с одним валиком под венчиком. Такая встречаемость в названной землянке *разных форм кухонной посуды* с типичной для Немирова чернолощеной столовой посудой гальштатского облика позволяет уверенно относить баночные сосуды с двумя валиками к раннему пласту раннескифской посуды на городище, а также не делить кухонную керамику памятника на доскифские и раннескифские формы.

Ранний комплекс (фаза 1) тонкостенной посуды из Немирова по ряду признаков отличается от позднечернолесского на Среднем Днестре (*Тереножкин*, 1961. С. 79–80, рис. 40, 4, 5; 41; 42, 4–6; 44, 5, 7, 8; 45; 51, 18–24; *Ильинская*, 1975. С. 116–143, рис. 12; 13; 16, 1–7; 17; 20) и Среднем Днестре (*Смирнова*, 1983. С. 60–62, рис. 1–4; 5, 23–42; 1985. С. 43, рис. 4, 1, 2; 7, 1, 2, 11; 8, 1–10; 13, 4; *Крушельницка*, 1985. С. 105–119, рис. 34, 36; и др.). Главные отличия – не столько морфологические, сколько в характере орнаментации керамики. На немировской лощеной посуде не встречается штампованный и резной узор, столь распространенный на керамике позднечернолесского типа Среднего

Рис. 9. Немировское городище: 1–3, 6 – местная (варварская) простая; 4, 5, 7 – лощеная керамика, выборочно. 1, 2 – сосуды типа Nem-1; 3 – сосуд типа Nem-4; 4, 7 – миски типа Nem-9; 5 – миска типа Nem-10; 6 – сосуд типа Nem-2. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 9. Nemirov fortified settlement: 1–3, 6 – local (barbarian) plain pottery; 4, 5, 7 – burnished pottery, selected. 1, 2 – vessels of Nem-1 type; 3 – a vessel of Nem-4 type; 4, 7 – bowls of Nem-9 type; 5 – a bowl of Nem-10 type; 6 – a vessel of Nem-2 type. © State Hermitage, Saint Petersburg

Поднепровья и чернолесского и жаботинского типов Среднего Поднепровья и Среднего Поднепровья. Основной и единственный вид орнаментации лощеной посуды начальной раннескифской фазы Немировского городища – каннелюры. В последующих доколониционной и колониционной фазах (2 и 3) появляются новые типы лощеной посуды. По сравнению со всеми остальными лесостепными памятниками между Днестром и Днестром только на Немировском городище в таком массовом количестве найдена высококачественная по технологии лощеная посуда с каннелюрами в сочетании с пластическим декором.

Важным вопросом является формирование раннескифского керамического комплекса из Немирова, особенно лощеной посуды. С одной стороны, речь идет о продолжении архаических традиций в керамическом производстве местного населения, восходящих к позднечернолесской(?) культуре. С другой – особенности в технологии, новации в категориях и типах, изменениях формы сосуда в пределах одного типа не позволяют связывать наблюдаемые перемены с одной только эволюцией от предшествующей культуры к культуре раннескифского времени. Становится очевидно, что в начале раннескифского периода население лесостепной зоны Северного Причерноморья заимствовало новую технологию производства тонкостенной посуды, новые типы сосудов, а также технику декора (каннелюры). В свете современных знаний о культурах гальштаттского мира Средней Европы и Карпато-Подунавья становится очевидным, что прототипы лощеной посуде, технологии и формам, следует искать именно на этих территориях. Что касается совершенной технологии изготовления, приемов и мотивов каннелированного декора, то поразительное сходство по этим признакам наблюдается при сравнении немировской лощеной керамики с гальштаттской посудой периодов конца НаВ–НаС из могильников Восточной Австрии и прилегающих к ней западных областей Венгрии и Словакии. Каннелированный декор на этих сосудах приемами исполнения и отдельными мотивами также близок немировскому. Наиболее близкие аналогии немировским мискам с отогнутым наружу краем известны в культуре Фериджиле в Южном Прикарпатье (Румыния).

Таким образом, в керамическом комплексе раннескифской культуры Немировского городища сочетаются влияния нескольких культурных общностей гальштаттского круга. Проведенный анализ показал, что в варварском керамическом комплексе Немирова можно усмотреть как элементы гальштаттских (карпато-дунайских) культур (постГава-Голиграды, Басарабь из Карпатской котловины, Бырсешть-Фериджиле из Южного Прикарпатья), так и местной культуры, имеющей корни в предшествующей позднечернолесской(?) культуре.

Раннескифская культура в Среднебужском регионе имеет региональную специфику и представлена начальной (1), доколониционной (2) и колониционной (3) фазами, судя по материалам Немировского городища. Такое понимание и наши наблюдения важны для выявления особенностей раннескифской культуры варварского населения разных лесостепных областей Северного Причерноморья.

Некоторые результаты исследований. Рассматривая описанные материалы как культурно-историческое явление, в материальной культуре Немирова при местной основе (лесостепная раннескифская(?) культура) прослежены пришлые компоненты: раннекочевнический (находки раннескифских типов), гальштаттский карпато-дунайского происхождения (керамика культур Басарабь и Бырсешть-Фериджиле), гальштаттский среднеевропейский(?) (керамика/технология(?) Восточногальштаттского круга(?)) и греческий (архаическая расписная керамика) (*Вахтина, Кашуба*, 2012. С. 320 сл., рис. 1; *Kaschuba, Vakhtina*, 2012. S. 405 ff.). Неоднородность варварской среды в Северном Причерноморье позволила полагать, что среди «местных» варваров можно различать не только кочевников и оседлое население – можно говорить о поликультурном взаимодействии греков и варваров (*Vakhtina, Kashuba*, 2013. P. 379–396).

Современные хронологические схемы и новые удревненные датировки, принятые для гальштаттского периода среднеевропейской хронологической системы, гальштаттских культур Карпато-Подунавья, раннескифских древностей Северного Причерноморья и восточногреческой керамики, позволяют датировать материалы раннего желез-

ного века из Немирова временем с конца VIII до начала/первой трети VI в. до н. э. Если говорить о месте Немирова в контексте эпохи, то, по меньшей мере, раскопанная часть памятника относится к раннескифскому времени.

Можно предположить, что Немировское городище являлось одним из важных административно-хозяйственных, идеологических центров Европейской архаической Скифии. В пользу этого говорят и находки в Немирове высокохудожественной ранней греческой керамики, которая попадала сюда в результате контактов с греками, налаживавшими выгодные для них отношения с туземной аристократией.

- Артамонов, 1946* – Артамонов М. И. Южно-Подольская археологическая экспедиция // Вестник ЛГУ. 1946. № 4–5.
- Артамонов, 1947* – Артамонов М. И. Юго-подольская экспедиция // КСИИМК. 1947. № 21.
- Артамонов, 1948* – Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкой области) в 1948 г. // Вестник ЛГУ. Л., 1948. № 11.
- Артамонов, 1949* – Артамонов М. И. Південноподільська експедиція (Попереднє повідомлення) // АП УРСР. Київ, 1949. Т. 1.
- Артамонов, 1952* – Артамонов М. И. Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 році // АП УРСР. Київ, 1952. Т. 4.
- Артамонов, 1955а* – Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–53 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59.
- Артамонов, 1955б* – Артамонов М. И. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции // КСИА АН УССР. Киев, 1955. Вып. 4.
- Артамонов, 1998* – Артамонов М. И. Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // Материалы и исследования по археологии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Буйских, 2015* – Буйских А. В. Субгеометрический скифос из Борисфена // Античный мир и археология. Саратов, 2015. Вып. 17.
- Вахтина, 1996* – Вахтина М. Ю. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія. Київ, 1996. № 4.
- Вахтина, 1998* – Вахтина М. Ю. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // Материалы и исследования по археологии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Вахтина, 2000* – Вахтина М. Ю. Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // Syssitia. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.
- Вахтина, 2004* – Вахтина М. Ю. О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2.
- Вахтина, Кашуба, 2012* – Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т. Восточноевропейский, гальштаттский и греческий импульсы в материальной культуре раннего железного века Немировского городища // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Вахтина, Кашуба, 2016* – Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т. Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.). М., 2016.
- Гамченко, 1909* – Гамченко С. С. Археологические исследования в 1909 году по трипольской культуре // Библиотека ИИМК РАН, шифр 2703; Папки с иллюстрациями – НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. № 85а-е/1909.
- Дараган, 2010* – Дараган М. Н. Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования // Археология и геоинформатика. CD-ROM. М., 2010. Вып. 6.
- Дараган, 2017* – Дараган М. Н. Крупные городища скифского времени в украинской лесостепи (особенности расположения) // Старожитності раннього залізного віку. Київ, 2017 (Археологія і давня історія України; Вып. 2(23)).
- Дараган и др., 2010* – Дараган М. Н., Разумов С. Н., Снытко Н. И., Бондарь К. М., Вершило И. В. Пространственное изучение Немировского городища // Археологічні дослідження в Україні в 2009 р. Київ, 2010.
- Доманский, 1970* – Доманский Я. В. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья // АСГЭ. Л., 1970. Вып. 12.
- Задников, 2004* – Задников С. А. Античный тарный импорт раннескифского времени с Бельского городища // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 2004. Вып. 7.

- Задников, 2007 – Задников С. А.* Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII – первой половины VI в. до н. э. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2.
- Задников, 2009 – Задников С. А.* Античная керамика третьей четверти VII в. до н. э. из раскопок на Бельском городище // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д, 2009.
- Задников, 2014 – Задников С. А.* Античний керамічний імпорт на Більському городищі скифського часу: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2014.
- Задников, Шрамко, 2009 – Задников С. А., Шрамко И. Б.* К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
- Задников, Шрамко, 2011 – Задников С. А., Шрамко И. Б.* Античный импорт третьей четверти VII – первой четверти VI в. до н. э. на Бельском городище (по материалам 2008 и 2009 гг.) // Древности Восточной Европы: Сб. науч. трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.
- Заседания..., 1863 – Заседания Отделения русской и славянской археологии: 5-го января 1863 года // Извлечения из протоколов заседаний. Летопись Археологического общества. Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1863. Т. 4. Вып. 5.
- Ильинская, 1975 – Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Кашуба, 2012 – Кашуба М. Т.* О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // АВ. СПб., 2012. № 18.
- Кашуба, Вахтина, 2014 – Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю.* Комплексы землянок раннескифского времени Немировского городища // Феномен Більського городища – 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя вид дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934–2007). Збірник матеріалів наукової конференції. Київ; Полтава, 2014.
- Кашуба, Вахтина, 2015 – Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю.* Новые аспекты в изучении материалов раннего железного века из старых раскопок Немировского городища // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий: Материалы III науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» (23–27 ноября 2015 г., Санкт-Петербург). СПб., 2015.
- Кашуба и др., 2010 – Кашуба М. Т., Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю.* Немировское городище: сто лет археологических исследований // Древние культуры Евразии. Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.
- Ковпаненко, 1981 – Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
- Копейкина, 1972 – Копейкина Л. В.* Расписная родоскопийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1.
- Крушельницька, 1985 – Крушельницька Л. І.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ, 1985.
- Кузнецова, 2017 – Кузнецова Т. М.* Сосуд или зеркало (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова) // Старожитності раннього залізного віку. Київ, 2017. С. 470–475 (Археологія і давня історія України; Вип. 2(23)).
- Моруженко, 1975 – Моруженко А. А.* Оборонні споруди Немирівського городища // Археологія. Київ, 1975. № 15.
- Онайко, 1966 – Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-27).
- Смирнова, 1983 – Смирнова Г. И.* Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 23.
- Смирнова, 1985 – Смирнова Г. И.* Поселение у с. Днестровка – памятник чернолесской культуры на Днестре // АСГЭ. Л., 1985. Вып. 26.
- Смирнова, 1996а – Смирнова Г. И.* Немировское городище – общая характеристика памятника VIII–VI вв. до н. э. // Археологія. Київ, 1996. № 4.
- Смирнова, 1996б – Смирнова Г. И.* Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // Більське городище в контексті вівчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Смирнова, 1998 – Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // Материалы и исследования по археологии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Смирнова, 1999 – Смирнова Г. И.* О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н. э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Материалы междунар. конф. Запорожье, 1999.
- Смирнова, 2000 – Смирнова Г. И.* Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного

- Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации // Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). На пошану Іона Винокура з нагодийного 70-річчя. Кам'янець-Подільський, 2000.
- Смирнова, 2001 – Смирнова Г. И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.
- Смирнова, 2002 – Смирнова Г. И. Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
- Спицын, 1910 – Спицын А. А. «Корочки» // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. № 308/1910.
- Спицын, 1911 – Спицын А. А. Скифы и Гальштатт // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
- Тереножкин, 1961 – Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Фармаковский, 1914 – Фармаковский Б. В. Архаический период в России. Петроград, 1914 (Материалы по археологии России; Вып. 34).
- Käufler, 1999 – Käufler St. II. Die Frühstufe des Middle Wild Goat I-Stiles // Archäologischer Anzeiger. 1999.
- Kaschuba, Vakhtina, 2012 – Kaschuba M., Vakhtina M. Moderner Stand der Untersuchungen des früheisenzeitlichen Fundmaterials aus der befestigten Anlage von Nemirov am Südlichen Bug // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. Kraków, 2012.
- Kerschner, 1997 – Kerschner M. Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jh.s v. Chr. aus dem Artemision von Ephesos // Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institutes in Wien. Wien, 1997. Bd. 66.
- Kerschner, 2006 – Kerschner M. Zum Beginn und zu den griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12.
- Kerschner, Schlotzhauer, 2005 – Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005. Vol. 4. № 1.
- Kerschner, Schlotzhauer, 2007 – Kerschner M., Schlotzhauer U. Ein neues Klassifikationssystem der ostgriechischen Keramik // Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Milesische Forschungen. Mainz am Rhein, 2007. Bd. 5.
- Pelivan, 2010 – Pelivan A. Activitatea arheologică G. D. Smirnov în RSSM // Revista Arheologică, s. n. Chişinău, 2010. Vol. V, nr. 1. P. 214–216.
- Schlotzhauer, 2001 – Schlotzhauer U. Die südionischen Knichrandschalen Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet. Bochum, 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netathtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf>.
- Vachtina, 2007a – Vachtina M. Ju. Greek Archaic Orientalising Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-Steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Aarhus, 2007 (Black Sea Studies; 6).
- Vakhtina, 2007b – Vakhtina M. Archaic East-Greek pottery from Nemirovo City-Site // Frues Ionien. Akten des Symposium am Panionion. 29.09.–1.10.1999. Milesische Forschungen 5. Berlin, 2007.
- Vakhtina, Kashuba, 2013 – Vakhtina M., Kashuba M. Special Aspects of Graeco-Barbarian Contacts in the Early colonization period of the Northern Black Sea Coastal Region in the Light of the Examination of the Materials of the city-site Nemirov on the riverside of South Bug // The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology. Târgovişte, 10th–14th September 2013. Vol. I: «Settlements, Fortresses, Artifacts». Târgovişte, 2013.

Some aspects of studies of materials of the early Iron Age from excavations of the Nemirov fortified settlement in the Bug region

M. T. Kashuba, M. Yu. Vakhtina

This paper discusses particular aspects of studies of archaeological materials of the early Iron Age (early Scythian culture) retrieved during excavations of the Nemirov fortified settlement on the Bug River. The materials themselves are kept in the State Hermitage while the documents concerned with them are in the

Scientific Archives of the IIMK RAS. Although the investigation of the site began as early as the beginning of the 20th century, the majority of archive documents reflecting different stages of the excavations, as well as many artefacts found, have been unknown until present days. By the force of various circumstances,

a considerable part of information once obtained was irretrievably lost. New examination of the collections of artefacts and documents conducted during recent years helped us to get quite a series of more precise data and to supplement our knowledge of the material culture of the site in the early Iron Age. Given the almost complete absence of reliable information on the stratigraphy of the site, which would allow us to link reliably particular finds with different archaeological layers, the cultural-historical method was accepted as the basic one for the treatment of the collection. Through consideration of these materials as a cultural and historical phenomenon, foreign components have been traced in

the material culture of Nemirov: the early nomadic ones (finds of early Scythian types), the Hallstatt of Carpathian/Danubian origin (pottery of the cultures of Basarabi and Bîrseşti-Ferigile), Hallstatt Central-European? (ceramics/technology(?) East-Hallstatt circle(?)) and Greek (archaic painted pottery) components. At the same time, the Nemirov sites have a general local basis (early Scythian(?) culture of the forest and steppe zone). This paper presents briefly the results of the studies concerning the major groups of materials, complexes, vectors of the contacts of the settlement residents with the far and near 'neighbours', as well as a new chronology of Nemirov in the early Iron Age.

ПОГРЕБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ВЕРХНЕЙ ОБИ)¹

А. П. Бородовский²

Аннотация. Феномен поликультурности по данным археологии представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях: территориальном, хронологическом, предметном, ритуальном и атрибутивном. Одним из них является материализация следов погребальных практик, проявляющаяся в особенностях надмогильных и внутримогильных конструкций, позы и ориентации погребенного, комплекта сопроводительного инвентаря и ритуалов. В эпоху раннего железа на территории лесостепного Приобья взаимодействие населения с различным происхождением наиболее отчетливо представлено в многомогильном курганном Быстровском некрополе (Быстровка-1, 2, 3).

Annotation. The phenomenon of polyculturalism is represented in archaeological evidence at several levels of different reliability: territorial, chronological, material, ritual and attributive. One of these levels is represented by materialization of traces of funerary practices which are manifested in the peculiarities of above-grave and grave constructions, poses and orientations of the dead, the sets of grave goods and rituals. During the Early Iron Age in the territory of the forest-steppe Ob' region, the interaction between the people of different provenance have been most distinctly represented in the multi-burial kurgan of the Bystrovka necropolis (Bystrovka-1, 2, 3).

Ключевые слова: эпоха раннего железа, лесостепное Приобье, поликультурность, погребальная обрядность, ритуалы, предметный комплекс, дендрохронология, радиоуглеродное датирование.

Keywords: Early Iron Age, forest-steppe Ob' region, polyculturalism, burial rite, complex of artefacts, dendrochronology, radiocarbon dating.

Феномен поликультурности по данным археологии (Савинов, 2002. С. 155) представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях: территориальном, хронологическом, предметном, ритуальном и атрибутивном. Одним из них является материализация следов погребаль-

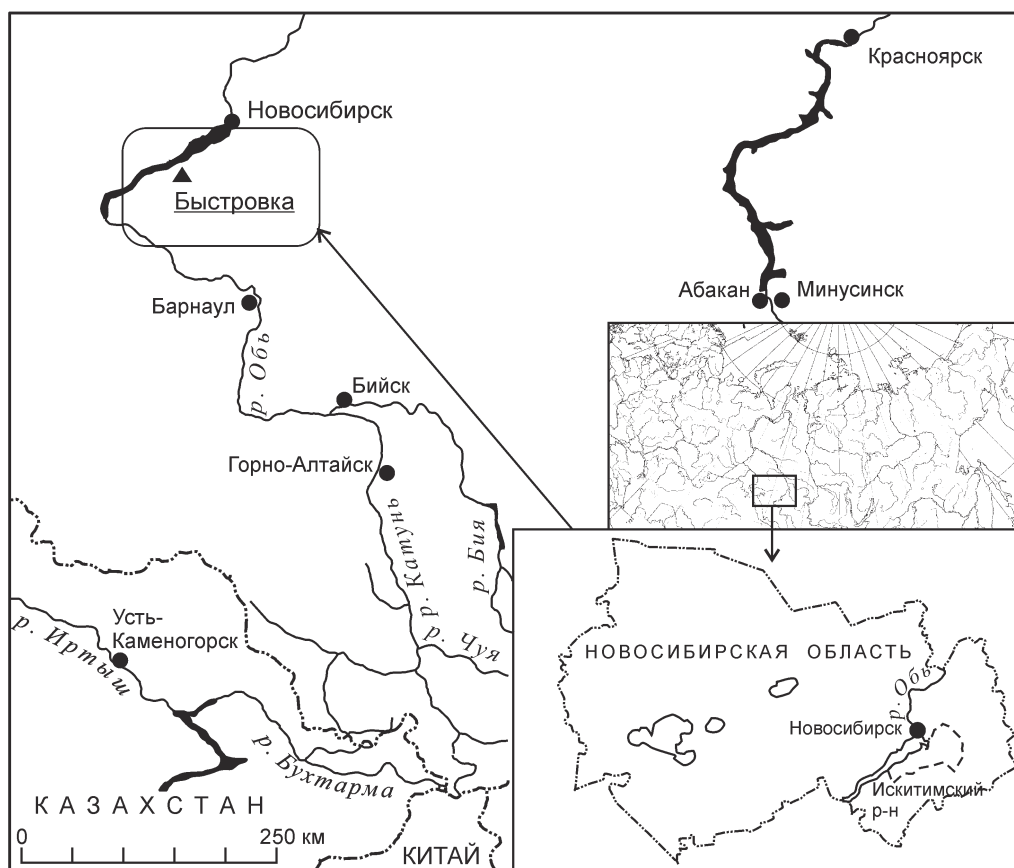
ных практик, проявляющаяся в особенностях надмогильных и внутримогильных конструкций, позы и ориентации погребенного, комплекта сопроводительного инвентаря и ритуалов. Одним из отражений проявления феномена поликультурности эпохи раннего железа на юге Западной Сибири является масштабный Быстровский некрополь (Быстровка-1, 2, 3) Верхнего Приобья (Бородовский, 2002. С. 85–130) (рис. 1). Он включает целый ряд многомогильных курганов (от 2 до 50 захоронений), формировавшихся на протяжении длительного временного периода (рис. 2).

При анализе поликультурности многомогильных курганов эпохи раннего железа особое значение имеет территориальный (планиграфический) контекст. Он может быть представлен в рамках как одного кургана, так и всего некрополя в целом. В частности, поликультурность захоронений может проявляться в освоении особых зон в пределах кургана или в пределах всего некрополя, формиро-

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z.50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

² Россия, 630090, Новосибирск, пр-т Ак. Лаврентьева, 17. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), Отдел археологии палеометалла.

656049, Барнаул, пр-т Ленина 61. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Алтайский государственный университет (АГУ), лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая.

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя (Искитимский район Новосибирской области)

Fig. 1. Location of the Bystrovka necropolis (Iskitim District of Novosibirsk Oblast)

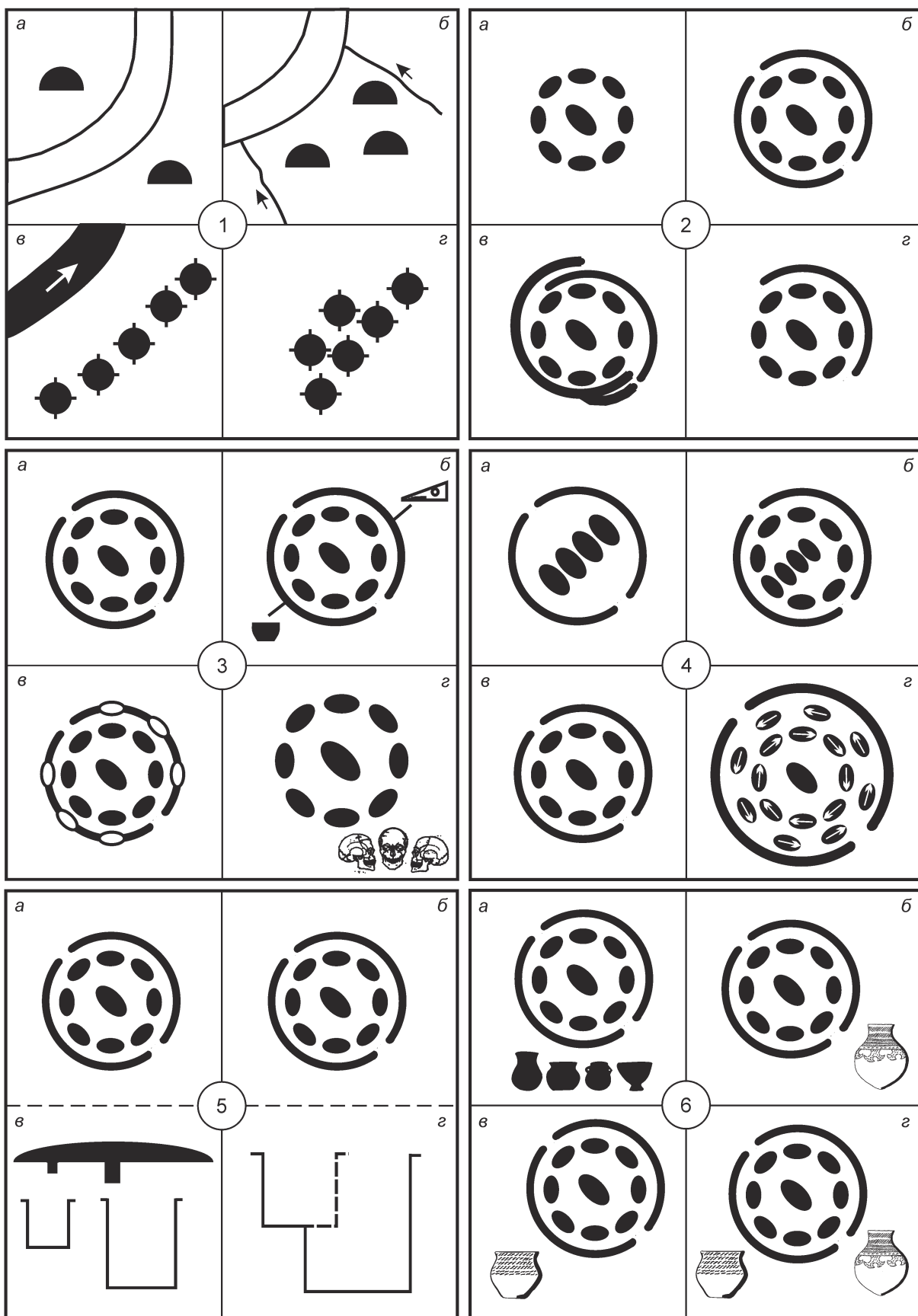
вавшихся в один хронологический период. В известной степени именно сочетание временных и планиграфических контекстов и является одним из главных индикаторов поликультурности, в отличие от более протяженного и последовательного стратиграфического соотношения погребений различных культурных традиций с широкой хронологией их существования.

Территориальный уровень представлен не только проявлениями инокультурных погребальных практик в пределах пространства всего некрополя, но и внутри сегментов отдельных много-

могильных курганов. Особенности организации пространства являются одной из качественных характеристик любой культуры (*Быстрова*, 2004. С. 15). Осваивая территорию, любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения (*Быстрова*, 2004. С. 28; *Замятин*, 2006. С. 7), которые находят отражение в погребальном пространстве. Благодаря четкой фиксации признаков традиционной культуры на изучаемой территории в течение длительного времени открываются широкие возможности детального исследования динамики историко-культурных

Рис. 2. Погребальное пространство многомогильного кургана эпохи раннего железа (по материалам Быстровского некрополя): 1 – расположение многомогильных некрополей; 2 – внешние границы многомогильных курганов; 3 – погребально-поминальная обрядность на периферии многомогильных курганов; 4 – планиграфия внутреннего погребального пространства многомогильных курганов; 5 – глубина и ярусность захоронений в многомогильных курганах; 6 – погребальное пространство многомогильных курганов и поликультурность

Fig. 2. Burial space of multi-grave kurgan of the Early Iron Age (after studies of the Bystrovka necropolis): 1 – locations of multi-grave kurgans; 2 – outer limits of multi-grave kurgans; 3 – funerary and memorial rituals at the periphery of multi-grave kurgans; 4 – plans of the inner burial space of multi-grave kurgans; 5 – depth and tiers of burials at multi-grave kurgans; 6 – burial space of multi-grave kurgans and polyculturalism

процессов (Замятин, 2006. С. 260). На территории Евразии многомогильные курганы существовали в различные эпохи. В Верхнем Приобье этот тип погребальных сооружений появляется с эпохи поздней бронзы (ирменская культура) и существует в эпоху раннего железа. Репрезентативность указанного археологического источника, длительность его изучения, использование естественнонаучных методов (радиоуглеродного и дендрохронологического) при датировании и цикл антропологических исследований открывают особые перспективы для обсуждения вопросов формирования погребального пространства. К ним следует отнести характеристику ведущих направлений в интерпретации этого явления, выделение основных этапов существования и определение хронологии самого феномена многомогильности кургана в эпоху раннего железа на Верхней Оби.

Одной из основных функций погребального сооружения является обособление (изоляция) погребального пространства от окружающей среды (Смирнов, 1997. С. 5, 30, 40), что невозможно без его особой организации. Пространственно структура погребального комплекса (тафосферы) развернута одновременно в горизонтальной и вертикальных плоскостях (Там же. С. 25, 34). В археологической литературе модель погребального комплекса представляется как сочетание внешней и внутренней структуры, разделенной условным уровнем древней дневной поверхности (Там же. С. 29). По нашему мнению содержание внешней структуры погребального комплекса в горизонтальной плоскости следует трактовать достаточно широко, включая все пространственное окружение погребальных сооружений. В рамках такого подхода следует учитывать взаиморасположение не только отдельных погребальных объектов (курганов), но и ряда курганных групп, синхронно существующих на определенной территории, а также сооружения другого назначения, составляющие часть культурной «инфраструктуры» своей эпохи.

Одним из общих принципов внешней организации погребального пространства эпохи раннего железа верхнеобского региона, включая многомогильные курганы, относится «зеркальность» расположения последних на противоположных

берегах магистральной реки (рис. 2, 1а). Таким образом, внешние границы погребального пространства этих археологических комплексов значительно шире, чем места локализации отдельной или нескольких курганных групп. Для Быстровского некрополя, расположенного в настоящее время на существенно измененной в результате антропогенной деятельности территории (правый берег Новосибирского водохранилища), удалось установить совпадение основной ориентации погребального комплекса относительно ныне не существующего русла р. Оби (рис. 2, 1в). Наличие с севера и юга небольших рек (Бороздики и Атаманихи) естественным образом отграничивало этот участок от других прибрежных территорий (рис. 2, 2б). Любопытно, что на южной окраине этого пространства, достаточно далеко от основной территории некрополя, располагались единичные захоронения эпохи раннего железа, произведенные в культурном слое не существующего к тому времени ирменского поселения Быстровка-4 (Троицкая, Бородовский, 1994. С. 23). Именно из культурного слоя этого поселения в сопроводительный инвентарь отдельных детских захоронений многомогильной курганный группы Быстровка-2 попадали раритетные предметы (Бородовский, 2004. С. 98–101). Существенные разрушения естественной береговой кромки, причиненные Новосибирским водохранилищем, в свою очередь не позволяют для Быстровского некрополя решить вопрос о взаимном расположении погребального и жилого пространства, а также искажают принципы размещения некрополей эпохи раннего железа относительно р. Оби. В действительности, в момент своего создания многомогильный Быстровский некрополь находился на расстоянии нескольких километров от основного русла магистральной реки.

Таким образом, внешнее пространство погребальных комплексов было достаточно обширно, особенно в западном направлении, тогда как к северу, востоку и югу оно имело явные естественные ограничения.

Особенности организации внешних границ погребального пространства являются одной из его основных характеристик. Важной чертой является взаиморасположение многомогильных курганов относительно друг друга. Несмотря на определен-

ную ориентацию (рис. 2, 1в) курганных групп Быстровского некрополя, при размещении многомогильных курганов это направление не всегда точно выдерживалось. В целом для Быстровки-1, 2, 3 характерно отсутствие четкого выстраивания курганов «цепочками». Многомогильные курганы часто располагались в непосредственной близости друг от друга (рис. 2, 1з), что не позволяет в полной мере применять приемы вычисления определенных размерных модулей расстояния, которое должно было между ними оставаться (Телегин, 2008. С. 37–46). Причину компактного расположения ряда многомогильных курганов Быстровки-1, 2, 3 еще предстоит выяснить, однако очевидным является факт существования нескольких принципов в рамках общей планировки некрополя.

Любое ограждение погребальной конструкции можно рассматривать как одну из основ организации ее внутреннего пространства. К таким сооружениям по археологическим данным можно отнести рвы вокруг многомогильных курганов Быстровского некрополя (рис. 2, 2, 3). Однако эта традиция далеко не всегда и не в полном объеме представлена в погребальном комплексе. Можно выделить несколько вариантов ее существования. Среди них: отсутствие рвов вокруг многомогильных курганов (рис. 2, 2а); наличие рва в материковом слое только с одной стороны кургана (рис. 2, 2з); кольцевые рвы с одной или двумя перемычками-«въездами» (рис. 2, 2б); кольцевые рвы, частично дублирующие те, что находятся внутри погребальной конструкции (рис. 2, 2в). У некоторых курганов Быстровки-1 кольцевые рвы были сплошными.

Перемычки-«въезды» многомогильных курганов Быстровского некрополя ориентированы в направлении на восток и запад с определенными отклонениями от этих сторон света.

В отношении рвов, прослеженных в материковом слое, интересен вопрос об их использовании в качестве внешней границы погребального пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя. Можно говорить также о нескольких вариантах подобного использования (рис. 2, 3). Одним из них являются рвы, в заполнении которых не выявлено никаких артефактов (рис. 2, 3а), отражающих культовую деятельность. Наряду с этим следует отметить наличие целого ряда курганов

с кольцевыми рвами, в заполнении которых зафиксированы конские черепа и керамические сосуды (рис. 2, 3б), что позволяет рассматривать пространство рвов в качестве одной из зон проведения погребально-поминальных обрядов. Установить относительную хронологию этих разновидностей внешних сооружений курганов пока достаточно проблематично, поскольку ранее высказанное предположение о том, что одномогильные курганы (у которых выявлены рвы с «въездами» и без них) предшествуют появлению многомогильных погребальных комплексов, в настоящее время не является абсолютно достоверным для эпохи раннего железа. Многомогильность курганов, как черта погребальной обрядности на юге Западной Сибири, характерна как для раннескифского, так и для гунно-сарматского времени.

Не меньший интерес представляют многомогильные курганы, рвы которых использовались для захоронений (рис. 2, 3в). При этом следует подчеркнуть, что такие случаи были зафиксированы там, где во рвах находились конские черепа. Таким образом, рвы, как внешняя «пограничная» территория многомогильного кургана, активно могли использоваться и как часть основного погребального пространства. Эта особенность часто соотносится с признаками инокультурного саргатского влияния, охватившего Верхнюю Обь во второй половине I тыс. до н. э. В Быстровском некрополе такое влияние подтверждается не только керамическим комплексом (наличие типичных саргатских форм, аналогичных сосудам из Барабы и Прииртышья), но и результатами датирования традиционными и естественнонаучными методами погребений, расположенных в непосредственной близости от кольцевых рвов, и захоронений в них (рис. 2, 6з). Существенное удревнение Быстровского некрополя, осуществленное по результатам естественнонаучного (радиоуглеродного и дендрохронологического) датирования, не позволяет рассматривать многомогильность курганов как позднюю черту погребальной обрядности эпохи раннего железа Верхней Оби.

Наиболее репрезентативными объектами для выявления поликультурности являются ярусные захоронения, сформировавшиеся в относительно узкой временной период. Надежным средством

для определения хронологии этих сложных погребальных комплексов является привлечение данных, полученных с помощью естественнонаучных методов датирования (радиоуглеродного и дендрохронологического) (*Borodovskii, Slusarenko et al.*, 2003. P. 79–92).

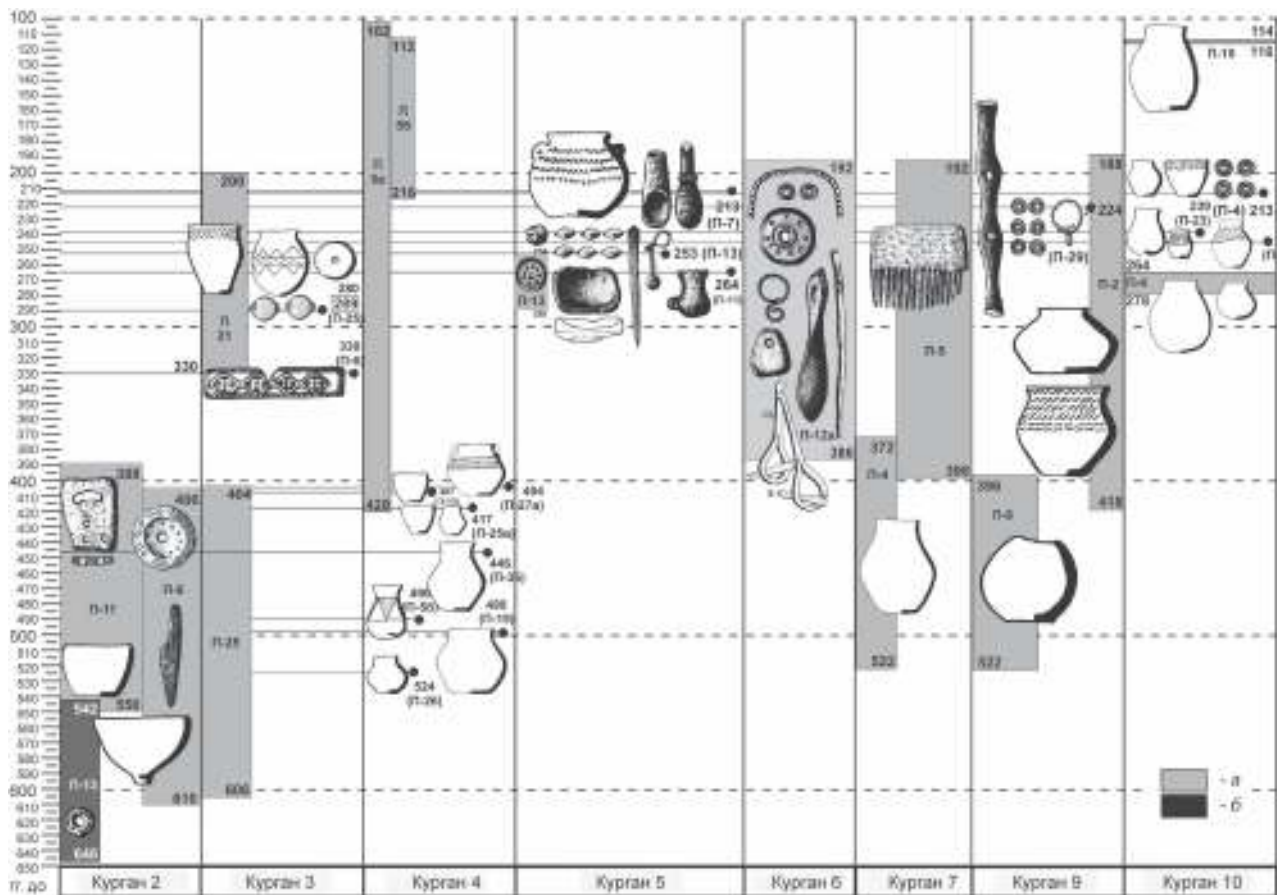
Хронологический уровень отражает динамику проникновения и взаимодействия местных и пришлых культурных традиций, получивших отражение в погребальной обрядности. Целая серия захоронений курганной группы Быстровка-2 имеет перекрестные радиоуглеродные и дендрохронологические даты (рис. 3). Достаточно показательны и ярусно-впускные погребения (рис. 2, 5б, 5г). Они считаются одной из локальных особенностей поздней саргатской культуры Барабы (Венгерovo-1, 7, Абрамово-4) I в. до н. э. – I в. н. э. (*Полосьмак*, 1987. С. 95). Однако на территории Верхнего Приобья, судя по перекрестным данным радиоуглеродного датирования и дендрохронологии, этот элемент погребальной обрядности появляется значительно раньше. Например, ярусные захоронения № 5а и 5б кургана № 4 Быстровки-2 по дендрошкале датируются от 493 до 490 г. до н. э. По результатам радиоуглеродного датирования деревянных конструкций этих же погребений, календарные интервалы составляют 590–509 гг. до н. э. (JE-5432, 2250 ± 80 л. н.) до 297–231 гг. до н. э. (JE-5431, 2150 ± 25 л. н.)³. Для ярусных захоронений соседнего кургана № 5 Быстровки-2 наблюдается аналогичная ситуация. Кости погребенного из могилы 30 по ¹⁴C датируются 590–509 гг. до н. э. (СОАН-3962, 2250 ± 80 л. н.). Внутримогильная конструкция захоронения № 32 того же кургана по дендрошкале имеет дату 263 г. до н. э., а кости погребенного по ¹⁴C датируются 366–341 гг. до н. э. (JE-5433, 2140 ± 60 л. н.).

Предметный уровень наиболее отчетливо выражен в сочетании изделий, характеризующих различные культурные традиции (самобытную и гибридную), а также в степени заимствования инокультурных предметов в иную среду и их к ней адаптации. Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного при-

сутствия как захоронений с кулайской керамикой разных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган № 4, погребения № 5а, 5б). Однако «интеграция» инокультурных элементов в некрополе Быстровка-2 отражена не только в погребениях, но и в ритуальных действиях с «иноплеменниками». Примером этого является помещение на краю насыпи кургана № 9 трех человеческих голов, сопровождаемых кулайским и саргатским сосудами (рис. 2, 3г; 4, 8, 11, 14). Кроме захоронений с предметами саргатского происхождения, среди погребений многомогильных курганов Быстровского некрополя встречаются могилы с кулайской керамикой (рис. 2, 6в). Присутствие этих инокультурных артефактов в составе сопроводительного инвентаря многомогильных курганов Быстровского некрополя позволяет проследить интегративные возможности погребального пространства, отражающие поликультурность – одну из основных характеристик эпохи раннего железа. Включение подобных захоронений в общую систему размещения погребений в многомогильных курганах, продемонстрированное на примере Быстровского некрополя, не позволяет пока говорить о том, что они занимали какое-то особое место. Единственное, что можно утверждать, это то, что все захоронения с инокультурными элементами располагались во внешнем кольце захоронений. Судить об уровне престижности этого пространства пока не представляется возможным. Правда, в центральной части кургана такие захоронения, как правило, не присутствуют. Однако даже для элитных курганов эпохи раннего железа расположение могилы в центре не всегда соответствовало высокому статусу погребенного (*Соловьев*, 2009. С. 385).

Ритуальный уровень непосредственно связан со спецификой символических, обрядовых действий, результаты которых нашли отражение в материальных следах: захоронение человеческих голов, прижизненное скальпирование и посмертные трепанации. Следует подчеркнуть, что некоторые ритуально-погребальные действия (захоронения отсеченных черепов с пробитыми глазницами) на периферии многомогильных курганов (рис. 2, 3г) сопровождалась размещением там же инокультур-

³ Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal 13.

Рис. 3. Результаты естественнонаучного (а – радиоуглеродного, б – дендрохронологического) и археологического датирования погребений курганной группы Быстровка-2

Fig. 3. Results of natural scientific (а – radiocarbon, б – dendrochronological) and archaeological dating of burials of the kurgan group of Bystrovka-2

ной керамики саргатского и кулайского происхождения (рис. 2, б2), что могло быть связано с социальным статусом погребенных.

В горизонтальной плоскости погребального пространства проявляются основные принципы его планировки. Многомогильные курганы эпохи раннего железа Верхнего Приобья представляют собой пример совершения продолжительных последовательных погребений. В этом случае происходит явная переориентация организующей функции с останков погребенных на само погребальное сооружение, которое превращается в основное организующее начало (Смирнов, 1997. С. 72). Таким образом, не пространство организуется вокруг погребенного, а останки размещаются в зависимости от условий, «предъявляемых» пространством, заполняя его свободные «ячейки» (Там же. С. 35). В этом случае внутреннее про-

странство погребального сооружения приобретает ячеистую структуру, появляющуюся на территории Южной Сибири в раннескифскую эпоху (Там же. С. 51). Для некоторых многомогильных курганов Быстровки-2 по результатам радиоуглеродного и дендрохронологического датирования погребений выявлен приоритет заполнения захоронениями северного внешнего края по отношению к южному. Это вступает в противоречие с общей планировкой Быстровского некрополя, освоение погребального пространства которого шло с противоположной, южной стороны.

Многомерность погребального пространства (его вертикальная и горизонтальная составляющие) является не только основой его структуры, но и принципом планировки при сооружении захоронений. Для многомогильных курганов Быстровского некрополя это проявляется в различной глубине

могильных ям, величина которой постепенно уменьшалась от центра к периферии погребального комплекса (рис. 2, 5а, 5в). Другим проявлением этой особенности является значительное количество ярусных захоронений в многомогильных курганах Быстровки-2 и 3 (рис. 2, 5б, 5г). Некоторые принципы организации внутреннего пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя вступают в явное противоречие с предположением Т. Н. Троицкой о том, что центральное захоронение сооружалось одним из первых. По данным дендрохронологии и радиоуглеродного датирования погребений из целого ряда курганов Быстровки-2, захоронения на периферии имели более ранние даты, чем погребения, расположенные в центре (Бородовский, 2002. С. 182, 184). Такие факты, в свою очередь, свидетельствуют об определенной упреждающей организации внутреннего погребального пространства многомогильного кургана, с заранее распределенными местами среди представителей населения, оставившего этот некрополь. Для многомогильных курганов Быстровского некрополя представлено несколько вариантов размещения могильных ям относительно друг друга. Погребальные ямы могли располагаться рядами (рис. 2, 4а). Такая планиграфия захоронений часто сочеталась с круговым размещением могил (рис. 2, 4б). Однако наиболее распространенным способом размещения погребений в многомогильных курганах Быстровского некрополя является кольцевая планировка (рис. 2, 4в). Основная часть действий в рамках погребальных обрядов часто рассматривается, как попытка социума заново утвердить порядок, нарушенный смертью (Смирнов, 1997. С. 4, 5). С этой точки зрения достаточно интересен вопрос об интерпретации последовательности сооружения захоронений при их кольцевом расположении в многомогильных курганах Быстровки-2. По данным дендрохронологии все эти могилы сооружались (с учетом ориентации погребенных) по направлению движения солнца или против него. В целом ряде многомогильных курганов Быстровского некрополя встречаются два или несколько кольцевых «витков» захоронений, погребенные имеют различную ориентацию – по ходу движения солнца и против него (рис. 2, 4г). В некоторых случаях такая ориентация захороненных может

меняться в пределах одного кольцевого витка захоронений. В обрядовой практике, включая погребальную обрядность, солярный фактор, безусловно, имеет большое значение. Наряду с этим круговое расположение погребенных индивидуумов является одной из характерных черт социальной и обрядовой практики многих этносов, включая сибирских аборигенов. Не исключено, что аналогичная организация погребального пространства как социальной среды многомогильных курганов Быстровского некрополя вполне может быть связана с расположением членов коллектива во время собраний и ритуалов в реальной жизни. Детальное обоснование этого предположения, конечно, требует дополнительных исследований и аргументации, но вполне возможно, что каждый из погребенных в многомогильных курганах с кольцевым расположением могил имел в них свое определенное место («ячейку»). Если рассматривать многомогильные курганы Быстровского некрополя как погребальные комплексы семейно-родственных или родовых групп, то кольцевая планировка захоронений вполне может отражать реальную социальную структуру общества. Таким образом, в погребальном пространстве многомогильных курганов эпохи раннего железа верхнего Приобья представлено сочетание общей структуры погребального комплекса как отражения упорядоченности определенного коллектива, а также индивидуального «места» каждого из его членов. Эта черта проявляется на примере как отдельных захоронений (одиночные, парные, коллективные, ярусные), их культурной принадлежности, так и расположения их в определенных «ячейках» общей погребальной конструкции типа земляного многомогильного кургана.

Кольцевая, ячеистая структура погребального пространства многомогильного кургана эпохи раннего железа Южной Сибири, несомненно, связана с мировоззренческими представлениями населения, оставившего эти сооружения. Интерпретация идеологии, стоящей за подобной погребальной традицией, невозможна без тщательной фиксации и разносторонней характеристики исследуемых памятников. При этом кроме взаиморасположения различных объектов друг относительно друга крайне важна их общая структура, складывавшаяся в определенный период. Для мно-

гомогильного кургана эпохи раннего железа Верхнего Приобья такое время может быть достаточно продолжительным (от нескольких десятилетий до столетия).

Длительность бытования такой погребальной традиции и широкая распространенность в Верхнеобском регионе (Новый Шарап-2, Милованово-2, 8, Камень-II, Масляха-I, II, Новотроицкое-II) позволяют рассматривать ее в качестве особой культурной универсалии эпохи раннего железа, одной из главных составляющих которой является сложная структура организации пространства погребальной сферы.

При анализе сопроводительного инвентаря очевидна необходимость его разделения на несколько групп.

Первая группа включает подлинно инокультурные предметы, имеющие прямые аналогии в погребальных комплексах другой культурной традиции из сопредельных регионов. Например, керамический кулайский сосуд из погребения № 2 кургана № 9 Быстровки-2 аналогичен керамике I группы из могильника Каменный Мыс. Радиоуглеродная дата (СОАН-3966, 2285 ± 60 л. н.) костей погребенного с таким сосудом соответствует периоду 509–192 гг. до н. э. К той же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из погребения № 4 кургана № 2 Быстровки-2 (рис. 4, B7). Другим ярким примером наличия инокультурной керамики является полное соответствие саргатских сосудов с рогообразным орнаментом с вдавлениями из Быстровки-2 (рис. 4, B17) и Венгеро-7 в Барабе, а также аналогии первому в керамических формах из Коконовских курганов в Прииртышье (*Полосьмак*, 1997. С. 40, рис. 34, 4). Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган № 4, погребения № 5а, 5б). Такая особенность позволяет рассматривать Быстровский некрополь в рамках изучения характера кулайско-саргатских связей, что крайне актуально для всей лесостепной зоны Западной Сибири (*Татаурова*, 1998. С. 39–46).

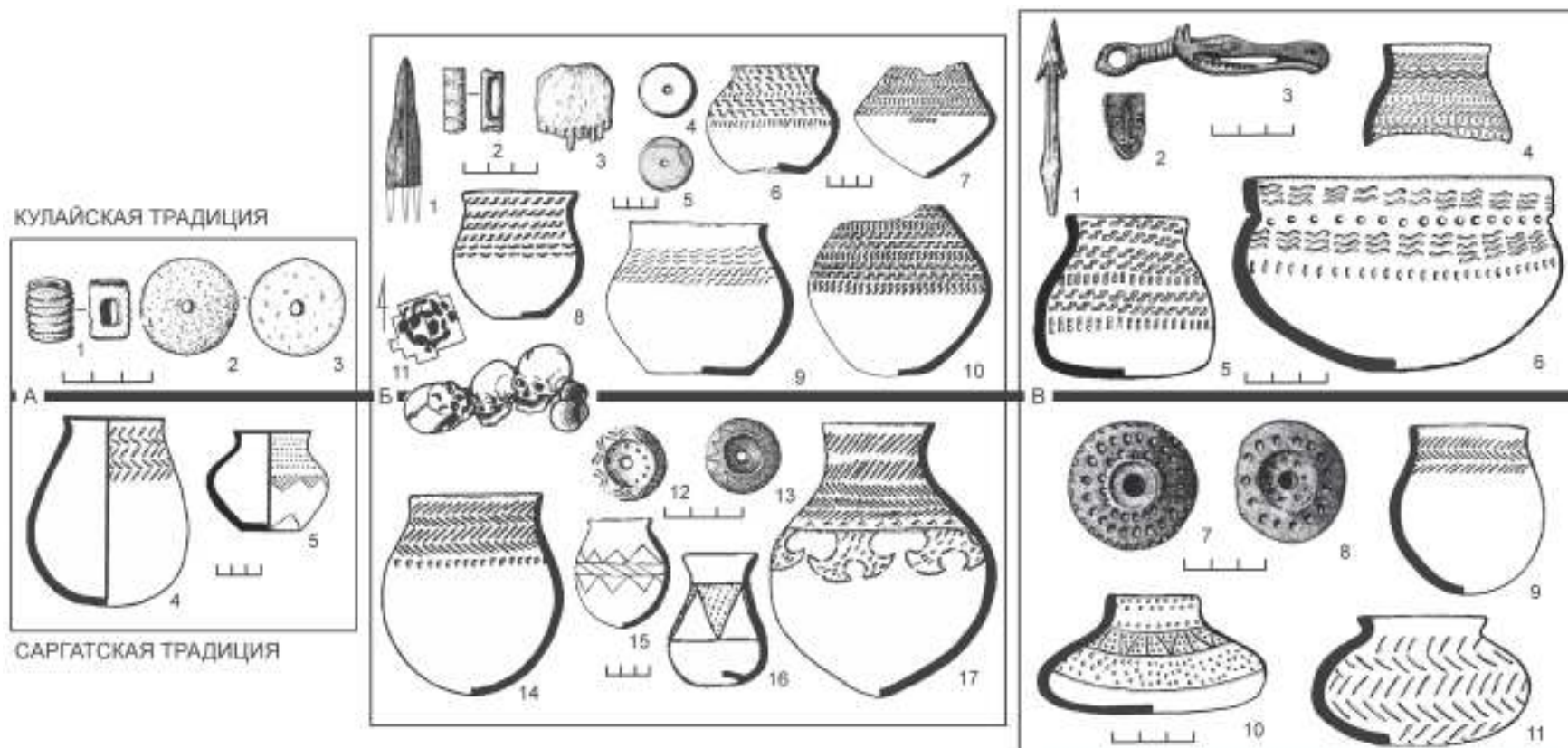
Ко второй группе относятся вещи из транскультурного предметного комплекса, особенно метал-

лические изделия, получившие широкое распространение. Например, малые бронзовые обоймы (рис. 4, A1, B1), связываемые с кулайским влиянием в формате брачных контактов (*Могильников*, 1995. С. 78), встречаются в погребениях на сопредельных территориях (Алтай), датирующихся не позднее чем рубеж V–IV вв. до н. э. (*Бородовский, Бородовская*, 2013. С. 156, рис. 63, B). Такие изделия (рис. 4, B1) были обнаружены в кургане № 2 Быстровки-2, материалы которого по данным радиоуглеродного датирования относятся ко времени от 810–540 гг. до н. э. (СОАН-3925, 2560 ± 40 л. н.) до 760–390 гг. до н. э. (СОАН-3926, 2380 ± 45 л. н.).

Другой категорией предметов с неоднозначной кулайской атрибуцией являются каменные неорнаментированные пряслица (рис. 4, A2, A3, B4, B5). Дендрохронологическая дата «осевого» погребального комплекса Быстровки-2 (курган № 3, погребение № 25), где присутствует каменное дисковидное пряслице, – 289 г. до н. э. В целом, наличие пряслиц может являться надежным признаком распространения определенной культурной традиции (*Бородовский, Бородовская*, 2013. С. 198, рис. 105). В Быстровском некрополе об этом наиболее отчетливо свидетельствуют типично саргатские керамические пряслица (рис. 4, B12, B13, B7, B8).

Третья группа предметов важных для «поликультурной диагностики» представлена теми вещами, которые связаны не только с явным заимствованием, но и адаптацией их под «местные реалии». Один из самых показательных предметов – бронзовый наконечник кулайского типа из погребения № 7 кургана № 6 Быстровки-2 (рис. 4, B1). Важно отметить, что инокультурная форма предмета вооружения была явно адаптирована к местной культурной среде путем спиливания длинных шипов. Для костяных наконечников гарпунного типа (рис. 4, B1), представленных как в Каменном Мысе, так и Быстровке-3, следует прежде всего отметить их эпохальное хронологическое значение (это изделия хуннского облика), а не исключительно «северную» принадлежность.

Определенную «гибридность» можно констатировать и для отдельных образцов металлопластики Быстровского некрополя, связываемых с кулайской культурной традицией. Например, бронзовая подвеска в виде головы зубастого лося с рифленным стержнем, соединяющим ее с петлей, из Быстров-

Рис. 4. Поликультурность предметного комплекса Быстровского некрополя: А – предметный комплекс Быстровки-1 с признаками кулайского и саргатского влияния: 1 – бронзовая обойма; 2, 3 – каменные пряслица; 4, 5 – керамические сосуды; Б – предметный комплекс Быстровки-2 с признаками кулайского и саргатского влияния: 1 – бронзовый наконечник стрелы; 2 – бронзовая обойма; 3 – роговой гребень; 4, 5 – каменные пряслица; 6–10 – кулайские керамические сосуды; 11 – планиграфия захоронения голов на краю насыпи кургана 9; 12, 13 – керамические пряслица; 14–17 – керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния; В – предметный комплекс Быстровки-3 с признаками кулайского и саргатского влияния: 1 – костяной наконечник стрелы; 2 – металлическая личина; 3 – бронзовая подвеска; 4–6 – кулайская керамика; 7, 8 – керамические пряслица; 9–11 – керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния

Fig. 4. Polyculturalism of the set of artefacts from the Bystrovka necropolis: А – set of artefacts from Bystrovka-1 with indications of the Kulay and Sargat influence: 1 – bronze clip; 2, 3 – stone spindle-whorls; 4, 5 – ceramic pottery; Б – set of artefacts from Bystrovka-2 with indications of the Kulay and Sargat influence: 1 – bronze arrowhead; 2 – bronze clip; 3 – horn comb; 4, 5 – stone spindle-whorls; 6–10 – Kulay ceramic pottery; 11 – plans of interment of heads at the edge of the mound 9; 12, 13 – ceramic spindle-whorls; 14–17 – ceramics with indications of the direct and indirect Kulay and Sargat influence; В – set of artefacts from Bystrovka-3 with indications of the Kulay and Sargat influence: 1 – bone arrowhead; 2 – metal faceplate; 3 – bronze pendant; 4–6 – Kulay pottery; 7, 8 – ceramic spindle-whorls; 9–11 – ceramics with indications of the direct and indirect Kulay and Sargat influence

ки-3 имеет явные связи с центральноазиатской металлопластикой (рис. 4, В3). Кроме того, выводы об абсолютном доминировании образа лося в кулайском литье в целом являются необоснованными (Труфанов, Труфанова, 2015. С. 275–276).

Особое значение для определения формата поликультурности имеют неординарные захоронения, снабженные разнокультурным сопроводительным инвентарем. В частности, на западном краю насыпи кургана № 9 Быстровки-2 зафиксировано отдельное захоронение трех черепов рядом с инокультурными (кулайским и саргатским) керамическими сосудами (рис. 4, Б8, Б11, Б14). Отрубленная человеческая голова в Центральной Азии являлась одним из атрибутов не только ритуальной деятельности, но и политической культуры вплоть до эпохи развитого Средневековья (Дмитриев, 1997. С. 212–219). Явно выраженные военные травмы у погребенных Быстровского некрополя, включающие следы скальпирования, также являются одним из своеобразных свидетельств поликультурности, связанным с повышенной конфликтностью населения (Бородовский, Табарев, 2005. С. 87–96). Судя по предметам вооружения, эти военные конфликты были явно связаны с южными соседями. В свою очередь, в керамическом комплексе Быстровского некрополя достаточно четко выражен сакский компонент, во многом обусловленный активными миграциями из Центральной Азии и Синьцзяна (Боталов, 2007. С. 62).

Несмотря на то что единичные радиоуглеродные даты из погребения № 1 кургана № 17 Быстровки-1, (СОАН-3956, 2390 ± 75 л. н.) – 774–361 гг. до н. э. и погребений № 4 и 8 кургана № 6 Быстровки-3 (СОАН-3972, 2345 ± 65 л. н.) – 592–350 гг. до н. э. (СОАН-3963, 2410 ± 75 л. н.) и 772–386 гг. до н. э. располагаются в рамках общей хронологии Быстровки-2, следует отметить различную степень присутствия кулайских материалов в этих памятниках. Это позволяет усомниться в прежней периодизации «первой волны расселения» кулайцев на севере Верхнего Приобья, которая подразделялась на два этапа: III–II вв. до н. э. и II–I вв. до н. э. (Троицкая, 1979. С. 46, 48, 49). Учитывая последние данные комплексного датирования Быстровского некрополя, время миграции носителей кулайской культурной традиции на территории Новосибирского Приобья можно удревнить не менее чем на

100 лет. Более того, в условиях поликультурности факты совместных захоронений в одном погребальном пространстве могут соответствовать начальному этапу интеграции (Slater, Hedman et al., 2014. P. 117–127). Для IV–III вв. до н. э. на основании анализа археологических данных всего Быстровского некрополя, а также могильника Каменный Мыс можно говорить о разных моделях поведения многокомпонентных групп населения, которые могут быть представлены как консолидацией, так и интеграцией. В рамках этих процессов особенно выразительными являются изменения в керамическом комплексе. В полной мере это нашло отражение не только в выделенных Т. Н. Троицкой по материалам Каменного Мыса нескольких группах керамики, но и в сочетании посуды «северного» и «южного» облика в одних и тех же погребальных комплексах (Троицкая, 1979. С. 16–19).

В целом, подводя итоги анализа Быстровского некрополя с точки зрения поликультурности, можно с полным основанием говорить о том, что этот репрезентативный погребальный комплекс является эталонным примером отражения сложных процессов культурогенеза в среде древнего населения Верхней Оби.

Бородовский, 2002 – Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2002. Вып. 6.

Бородовский, 2004 – Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 2004. Вып. 3.

Бородовский, Бородовская, 2013 – Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013.

Бородовский, Табарев, 2005 – Бородовский А. П., Табарев А. В. Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2005. № 1 (21).

Боталов, 2007 – Боталов С. Г. Туркестан как единое геополитическое пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007.

Быстрова, 2004 – Быстрова А. Н. Структура культурного пространства: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2004.

- Дмитриев*, 1999 – *Дмитриев С. В.* Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. СПб., 1997.
- Замятин*, 2006 – *Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.
- Могильников*, 1995 – *Могильников В. А.* О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1.
- Полосьмак*, 1987 – *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
- Савинов*, 2002 – *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
- Смирнов*, 1997 – *Смирнов Ю. А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997.
- Соловьев*, 2009 – *Соловьев А. И.* Большие курганы: к вопросу о определении статуса погребенных // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2009. Т. XV.
- Татаурова*, 1998 – *Татаурова Л. В.* К вопросу о северных связях саргатской культуры // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998.
- Телегин*, 2008 – *Телегин А. Н.* Некоторые особенности планиграфии курганной группы Объездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А. П. Уманского. Барнаул, 2008.
- Троицкая*, 1979 – *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Троицкая, Бородовский*, 1994 – *Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большеберезинская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Труфанов, Труфанова*, 2015 – *Труфанов А. Я., Труфанова Ж. Н.* К вопросу об «Образе лося» в западносибирской металлопластике раннего железного века // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015.
- Borodovskii, Slusarenko et al.*, 2003 – *Borodovskii A. P., Slusarenko I. Yu., Kuzmin Yu. V., Orlova L. A., Christen J. A., Garkusha Yu. N., Burr G. S., Jull A. J. T.* Chronology of Early Iron Age Burial Assemblages in the Upper Ob Area Based on the Tree-Ring and Radiocarbon Methods: Bystrovka-2 Burial Ground // *Archaeology, Ethnology & Anthropology Eurasia*. 2003. N 3 (15).
- Slater, Hedman et al.*, 2014 – *Slater P., Hedman K. M., Emerson T. T.* Immigrants at the Mississippian polity of Cahokia: strontium isotope evidence for population movement // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 44. April 2014.

Funeral space in the polycultural context (materials from the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob)

A. P. Borodovskiy

The large Bystrovka necropolis (Bystrovka-1, 2, 3) in the Upper Ob River reaches comprises quite a series of multi-grave kurgans (from 2 to 50 burials) arisen during a long time span of the second half of the 1st millennium BC (*Бородовский*, 2002. С. 85–130). Multiculturalism is manifested here at a number of levels: territorial, chronological, ritual and attributive. The area of this vast funerary complex demonstrates distinctly three cultural components: a local one (Berezovsk–Bolsherechinsk) and two alien – a northern (Kulay) and a western (Sargat).

The chronological level shows us the dynamics of penetration and interaction between the native and foreign cultural traditions reflected in the funerary rite. A large series of burials has cross-point radiocarbon and dendrochronological dates (*Borodovskii, Slusarenko et al.*, 2003. P. 79–92).

The territorial level is represented not only by traces of foreign funerary practices within the space of the

entire necropolis but also by segments of particular many-grave kurgans.

The level of artefacts is most distinctly expressed in the combination of objects attributing different cultural traditions (self-sufficient and hybrid), as well as the extent of borrowing and adaptation of foreign objects to the differing medium.

The ritual level is immediately connected with the specifics of symbolic activities resulting in traces of ritual practices manifested in interment of cut human heads, scalping and ante-mortem and post-mortem trepanation (*Бородовский, Табаев*, 2005. С. 87–96).

In the region of the Upper Ob in the Early Iron Age, the Bystrovka necropolis is among the standard archaeological sites in terms of the manifestation of the phenomenon of polyculturalism in the funerary rite.

МЕМОРАТИВНАЯ ТРАДИЦИЯ У ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

В. И. Кулаков¹

Аннотация: Статья посвящена созданию банка данных знаковых камней, маркировавших места погребений эстиев и пруссов на участках могильников. Как показывают данные археологических раскопок, эти камни-маркеры существовали для удобства проведения поминальных ритуалов. Через определенный отрезок времени данные маркеры (не только камни, но и столбы) погружались в грунт или же истлели.

Annotation: This paper is devoted to creation of a data bank on stones marking the funeral places of Estii and Prussi at a cemetery area. As archaeological excavations show, these marker stones were used for funeral rituals. After a certain time span, these markers (not only stones but also pillars) were sunk into the earth or decayed.

Ключевые слова: эстии, пруссы, Самбия, знаковые камни.

Keywords: Estii, Prussi, Sambia, marking stones

Погребальные древности народов Европы содержат разнообразную информацию как о материальной, так и о духовной культуре этих народов. Если показатели отношения соплеменников к телу умершего родича, к формированию набора его погребального инвентаря манифестируют в определенной мере идеализированное восприятие места данного субъекта в обществе, то возможность длительного посещения (при обязательной идентификации на поверхности грунтового могильника) данного погребения для осуществления меморативных действий (фр. *mémoratif* – «напоминающий»), то есть поминальных церемоний зависит исключительно от внешней структуры погребального комплекса. В современной Балтии, как правило, состояние этой части погребений подвергалось на протяжении последних двух веков максимальным деформациям. Поверхность могильников распаивалась, подсыпалась грунтом для выравнивания рельефа в хозяйственных целях, уничтожалась в ходе военных действий 1944–1945 гг. В колхозную эпоху валуны, зачастую встречающиеся на подвергаемых распашке полях Балтии, стаскивались при помощи тракторов к окраинам

полей. Однако именно камни в первую очередь являлись теми маркерами, которые обозначали место могилы и позволяли потомкам погребенного осуществлять поминальные акции продолжительное время.

Собрать информацию о камнях, возвышавшихся над погребальными комплексами племенного ареала эстиев и пруссов, в предвоенное время предпринял попытку Д. Бонзак (D. Bohnsack). Рассматривая известные к тому времени результаты раскопок вельбарских захоронений Польского Поморья, автор обратил внимание на устойчивую традицию помещения в центре каменного круга, окружавшего могилу, группы камней или большого камня, явно обладавшего некими знаковыми функциями (нем. *Merkstein*). Данную меморативную традицию Д. Бонзак связал с обычаями бургундов I в. н. э., которых считал создателями в Балтии могил с каменными кругами (Bohnsack, 1940. S. 22). Такие круги известны и на могильниках Самбии, где считаются показателями германской этнокультурной принадлежности и погребенного, и его соплеменников, возводивших могилу (Кулаков, 2004. С. 105). Правда, как выяснилось в результате современных исследований, далеко не все каменные круги, упомянутые в статье Д. Бонзака, можно связать с вельбарскими древностями конца раннеримского времени. Имеется в виду, в частности,

---

¹ Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН, Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья.
E-mail: drkulakov@mail.ru.

круг из Baldau/Włędowo (рис. 1), под которым в 1877 г. было обнаружено труположение с монетой Императора Феодосия I. В центре этого круга находилась каменная «стела» высотой 2,4 м, у подножия которой были найдены две урны с остатками трупосожжений. Согласно обрядности (ориентация головой на запад) труположение, отнесенное к фазам C₃-D, связывается с древностями черняховской культуры или культуры *Źintana de Mureş* (Woźniak, 2012. S. 171–173). Правда, остается неясным, является ли труположение синхронным каменному кругу или же было впущено в него позже сооружения этого круга (Там же. S. 169). На современном этапе исследования существует предположение об использовании упомянутых камней-*Merkstein* как визиров для осуществления астрономических наблюдений, имевших как хозяйственный, так и культовый характер (Gusakov, Kulakov, 1991. S. 168, 169, Abb. 6).

Элементы внешней структуры погребальных сооружений, имевшие меморативное значение, пока не привлекали внимание исследователей древностей юго-восточной Балтии. Лишь по результатам рас-

копок одного из курганов скандинавского могильника в урочище Большой Кауп (г. Зеленоградск) мною была опубликована статья о мемориальном характере открытого в упомянутом кургане кенотафа (Кулаков, 2006. С. 211–224). Кроме самой курганной насыпи, этот комплекс внешних отличительных признаков, указывающих на меморативный характер их использования, не сохранил.

Древнейшее указание на возможность обозначения места погребения особым камнем отмечено на гравюре, изображающей общий вид кургана Покровское (Sorgenau) (Зеленоградский р-н), раскопанного в конце XVIII в. В юго-восточной части холма кургана видна мощная каменная плита с обработанной в виде полукруга верхней частью, заваленная своей вершиной к центру кургана (Voigt, 1826. Forsatz). Насыпь кургана по периметру окружена двумя (?) каменными кругами. Упомянутая каменная плита своим основанием стояла на камнях внешнего круга. Согласно своей конструкции данный курган относится к раннему железному веку и был сооружен носителями культуры западнобалтийских курганов (Кулаков, 2005. С. 66).

Как уже упоминалось выше, внешние детали конструкций грунтовых погребений, включавшие камни-*Merkstein*, активно уничтожались в ходе сельскохозяйственного освоения полей Балтии. В середине XIX в. это освоение только разворачивалось и потому члену Общества по изучению древностей «Пруссия» В. Хенше (W. Hensche) удалось наблюдать на поверхности могильника Гора Великанов (Hünenberg) (поздняя фаза римского времени) на южной окраине поселка Пионерский (Neu-Kuhren) каменные круги диаметром от «3 шагов до 6 шагов» (Hensche, 1861. S. 133), в центре которых лежал камень (рис. 2, 3). Эти каменные круги с аналогичными параметрами известны и на других могильниках эстиев (рис. 2, 2). Иногда камни-*Merkstein* не стоят в центре каменного круга, а лежат, перекрытые каменной кладкой (рис. 2, 1), тем самым фактически утрачивая характер знакового камня. В урновых кремациях позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов отдельные камни перекрывают устье урны (рис. 2, 4, 5) и часто под тяжестью грунта проваливаются внутрь ее. Эти камни также со временем утрачивают функцию знаковых.

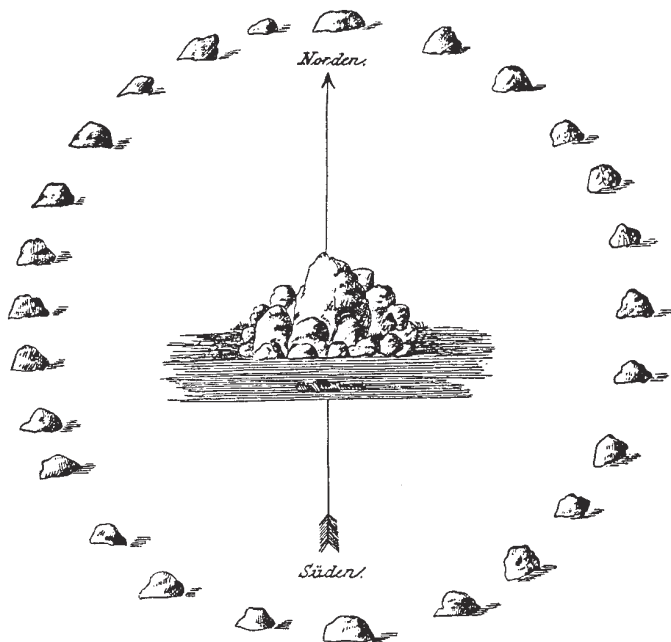
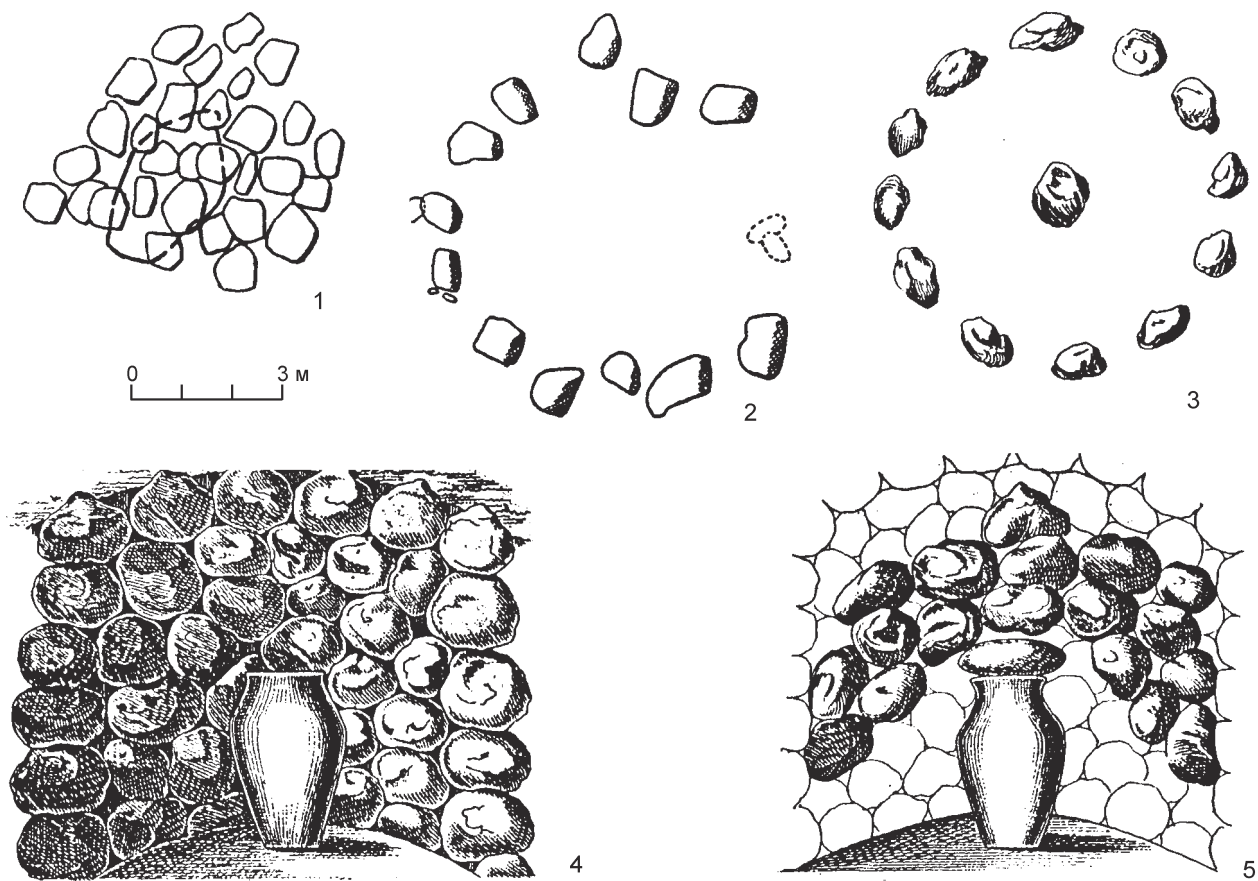

Рис. 1. Каменный круг в Baldau/Włędowo Куявско-Поморском воеводстве, Польша, вид с юга (Bohnsack, 1940. Abb. 8)

Fig. 1. Stone circle in Baldau/Włędowo of the Kujawska-Pomorsko Województwo, Poland, view from south

Рис. 2. Каменные круги и камни типа *Merkstein* на могильниках эстиев: 1 – бывш. Stuttehnen (Багратионовский р-н), камень-*Merkstein*, помеченный серым цветом, перекрыт каменной кладкой; 2 – дер. Неданово, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша (Niedenau/Niedanowo, woj. Mazursko-Warmińskie Polski); 3–5 – Гора Великанов (Hünenberg) (Зеленоградский р-н) (1, 2 – *Bohnsack*, 1940. Abb. 54, 54; 3–5 – *Кулаков*, 2014. Рис. 6, 1–3)

Fig. 2. Stone circles and stones of the *Merkstein* type at cemeteries of Aestii: 1 – former Stuttehnen (Bagrationovsky District), *Merkstein* stone marked with grey colour and covered over with stone masonry; 2 – village of Niedenau/Niedanowo, Mazursko-Warmińskie Województwo, Poland; 3–5 – Gora Velikanov (Hünenberg, Zelenograd District)

Однако если упомянутые камни-*Merkstein* не отличались по своим размерам от остальных камней, из которых была сформирована конструкция внешней структуры погребений эстиев, то в отдельных случаях на могильниках Самбии встречаются камни значительных параметров. Они стоят в заполнении погребений вертикально и не сопровождаются дополнительными каменными конструкциями. Ярким примером такого комплекса является трупосожжение с захоронением коня, раскопанное 23 мая – 3 июня 1934 г. на могильнике Ветрово (Ekritten-2) (VIII–XII вв.).

Проведенные на территории Самбии в послевоенное время раскопки грунтовых могильников первой половины I тыс. н. э. дали массу примеров камней-*Merkstein*, располагающихся в планигра-

фическом центре могилы (рис. 3). Урновые погребения V в. н. э.², как показывают раскопки могильника Гора Великанов (Hünenberg), перекрывались группой камней, заведомо возвышавшихся над поверхностью земли (рис. 3, 1–2). При этом верхний камень нередко подпирался одним или двумя камнями, расположенными ниже. Это обеспечивало заведомое возвышение камня-*Merkstein* над уровнем древней дневной поверхности. Нередко в урновых кремациях камни, отмечавшие место могилы на участке могильника, могли перекрывать некую крышку урны, сделанную из органического материала. После ее истлевания камни проваливались

² Этим временем комплексы датированы по представленным в них урнам типа Grebieten и арбалетовидным фибулам типа Duratón.

внутри урны (рис. 2, 4, 5; 3, 4). Изредка стоящие вертикально камни находились в ямах без остатков погребений (рис. 3, 7–8). Возможно, эти ямы имели отношение к поминальным культам. В урновых трупосожжениях с небольшими урнами камни, явно урну не перекрывавшие, также частично погружены в заполнение могилы. Яркий пример такой версии внешней структуры комплекса представлен на примере погребения Н-204. Кстати, этот комплекс – самый ранний из погребений с камнем-*Merkstein* на территории Самбии, по фибулам типа *große Armbrustfibel* он датируется IV в. (Кулаков, 2014. С. 229, рис. 68, 1а, 1б).

До эпохи викингов наша информация о камнях-*Merkstein* на могильниках Самбии крайне скудна. Это связано не только с антропогенным фактором (уничтожение камней распашкой), но и малыми возможностями датировки погребальных комплексов пруссов VII–VIII вв. Лишь на могильнике Клинецовка-1 (Yrzekarinis) можно с уверенностью отметить существование некоего каменного надгробия, изготовленного из расколотого по вертикальной оси гранитного валуна красно-серой окраски. Этот камень был встречен лежащим лицевой стороной вниз параллельно материке в заполнении погребения Y-147, содержавшего остатки кремации юноши. Лицевая поверхность валуна была обработана инструментом типа троянки, что создало видимость изображения знака в виде трезубца. Камень, в древности стоявший лицевой стороной на северо-запад, у своего основания подпирался мелкими обломками этого же валуна. По характеру керамики комплекс этого погребения датируется VIII в. (Кулаков, 1999. С. 268). В ходе разведок, проводившихся Балтийской экспедицией ИА АН СССР в 1978 г. на территории Самбии, в задернованной распашке на поверхности ранне-

средневекового грунтового могильника 1 Сосновка (Bledau) были обнаружены камень, обработанный в виде диска со сточенным основанием, и другой камень с выбитым на заглаженной внешней поверхности валуна изображением знака «сломанная стрела». Возможно, указанные камни могли служить знаковыми обозначениями типа *Merkstein* для каких-либо комплексов. Камень, обработанный в виде диска, служил надгробием в погребении 1 (XII в.), вскрытом в 1981 г. на могильнике 3 Коврово (Dollkeim) (Кулаков, 1981. Д. № 8401). Судя по своему расположению в могиле, этот камень стоял вертикально у юго-восточного края могильной ямы.

В отличие от могильника Клинецовка-1 (Yrzekarinis), чья поверхность подвергалась многолетней распашке, что не способствовало сохранности камней-*Merkstein*, поверхность грунтового могильника в лесном урочище Малый Кауп (южная окраина Зеленоградска (Cranz)) никогда (во всяком случае, в XIX–XX вв.) не подвергалась распашке. Это счастливое обстоятельство позволило сохранить свидетельства меморативной традиции пруссов, реализованной на могилах Малого Каупа, вскрытых раскопками в 2009–2013 гг.

Камни-*Merkstein*

Погребение K30 – двухъярусная кремация (далее – КРМ), содержащая останки двух воинов, которые могут быть отнесены ко второй половине X в., в своей ранней могильной яме имеет утопленный в ее заполнение стоящий вертикально мощный валун (Кулаков, 2016. Рис. 21).

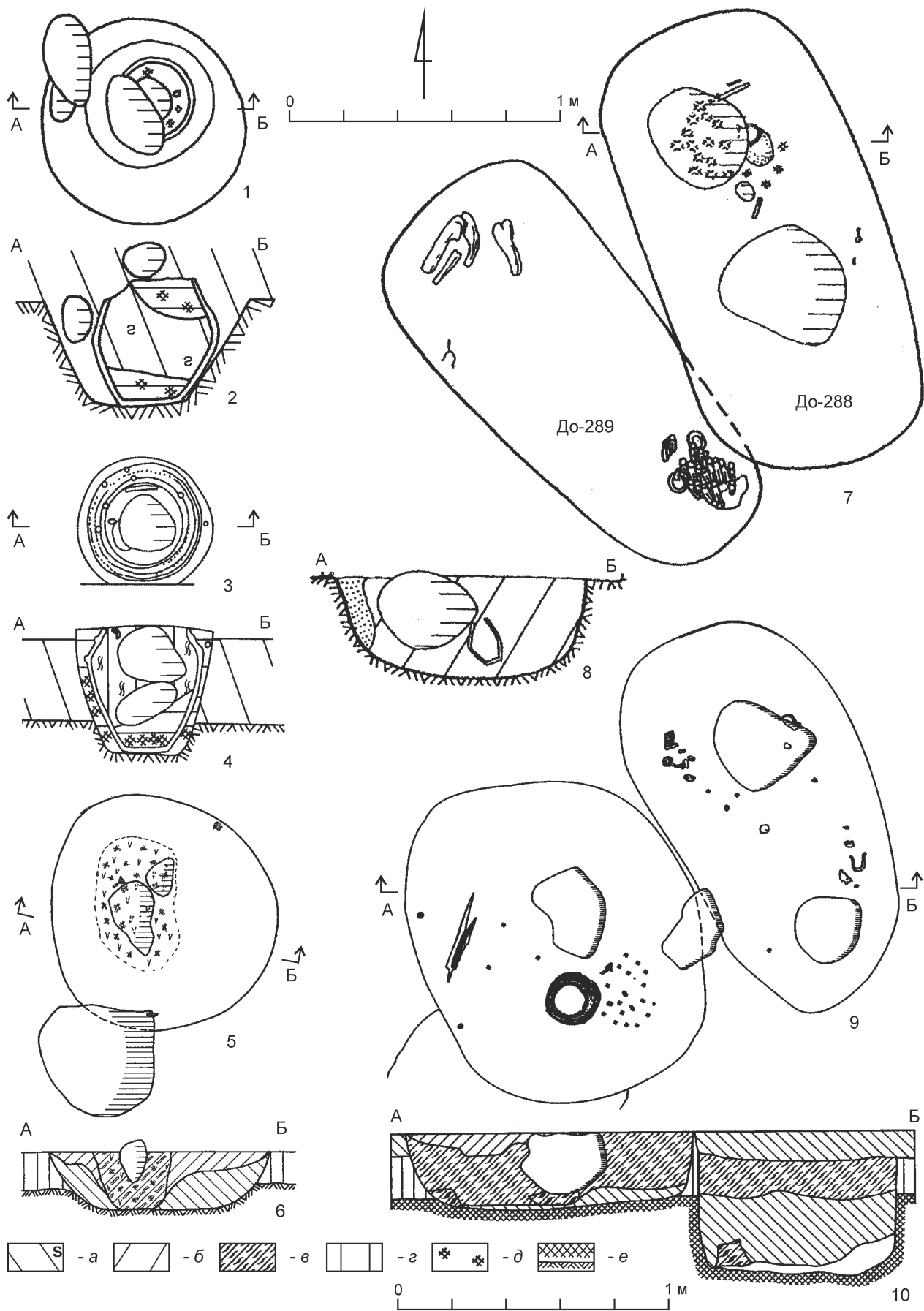
Погребение K31 – двухъярусная КРМ, содержащая останки мужчины и женщины, датируемые первой половиной XI в. В заполнении нижнего яруса могила содержит вертикально стоящий мощный валун (рис. 4, 1–2), перекрытый мелкими камнями (Там же. С. 64. Рис. 23).

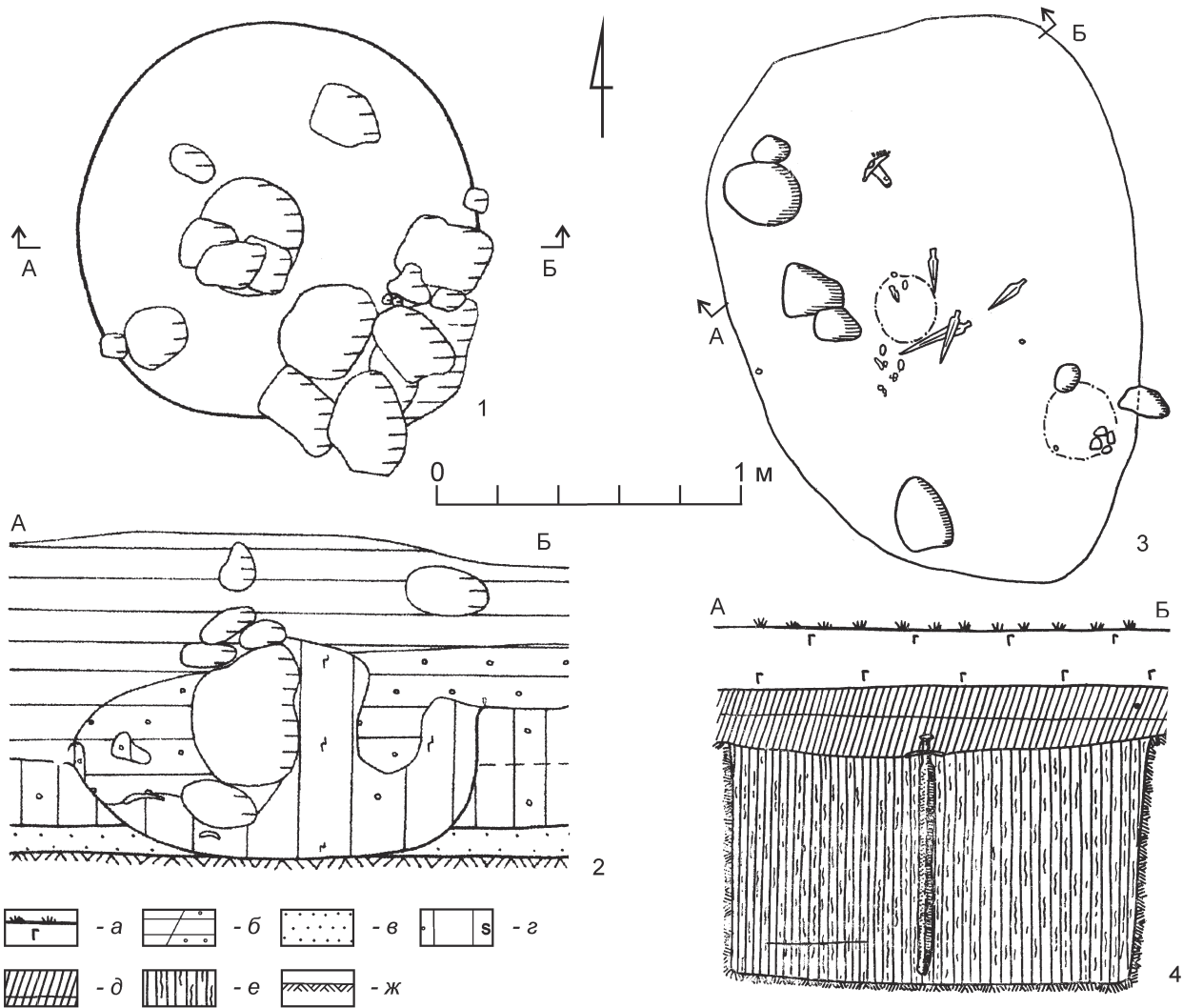
Рис. 3. Погребения V в. н. э. с камнями-*Merkstein*, планы и разрезы: 1, 2 – Wa-96 могильника Первомайское (Warnikam) (Кулаков, 2012); 3, 4 – Н-181 могильника Гора Великанов (Hünenberg) (Кулаков, 2014. Рис. 63, 1а, 1б); 5, 6 – L-175 могильника Большое Исаково (Lauth) (Скворцов, 2003); 7, 8 – Do-288 и Do-289 могильника Коврово (Dollkeim) (Кулаков, 2007. Рис. 71); 9, 10 – L-52 могильника Б. Исаково (Lauth) (Skvorzov, 2007. Taf. 64).

Условные обозначения: а – слабозолистая супесь, в том числе с частицами золы; б – интенсивно-золистая супесь; в – интенсивно-золистая супесь с включениями крупных частиц золы; г – предматериковый слой; д – кальцинированные кости; е – материк

Fig. 3. Burials of the 5th century with *Merkstein*, plans and sections: 1, 2 – Wa-96 at the cemetery of Pervomayskoye (Warnikam); 3, 4 – Н-181 at the cemetery of Gora Velikanov (Hünenberg); 5, 6 – L-175 at the cemetery of Bolshoye Isakovo (Lauth); 7, 8 – Do-288 and Do-289 at the cemetery of Kovrovo (Dollkeim); 9, 10 – L-52 at the cemetery of Bolshoye Isakovo (Lauth).

Notations: а – slightly ashy sandy loam including coarse ash particles; б – sandy loam rich in ashes; в – sandy loam rich in ashes with inclusion of coarse ash particles; г – layer directly over the virgin soil; д – calcined bones; е – virgin soil

Рис. 4. Погребения XI в. с камнями-*Merkstein*, планы и разрезы: 1, 2 – К-31 могильника Малый Кауп (Кулаков, 2016. Рис. 23); 3, 4 – Y-15 могильника Клинцовка-1 (Yrzekapinis) (Кулаков, 1980. Рис. 10).

Условные обозначения: а – слой дерна; б – остатки погребального костра, в том числе с примесью гравия; в – песок; г – предматериковый слой с примесью гравия и частиц золы; д – интенсивно-золистый суглинок; е – предматериковый слой с включениями частиц золы; ж – материк

Fig. 4. Burials of the 11th century with *Merkstein*, plans and sections: 1, 2 – K-31 at the cemetery of Kleine Kaup; 3, 4 – Y-15 of the cemetery of Klintsovka-1 (Yrzekapinis).

Notations: а – topsoil layer; б – remains of the funerary bonfire including gravel admixtures; в – sand; г – a layer containing gravel and coarse particles of ash immediately above the virgin soil; д – sandy loam rich with ash; е – a layer with coarse particles of ash immediately above the virgin soil; ж – virgin soil

Погребение K24(26) – двухъярусная КРМ, содержащая останки представителя дружинной аристократии XI в., имеет мощный валун, горизонтально перекрывающий заполнение верхнего яруса (Там же. Рис. 12).

Столбы

Погребение K42 – двухъярусная КРМ, содержащая останки воина X в. В верхнем ярусе могилы выявлено скопление валунов, в плане имевшее

кольцевидную форму (Там же. Рис. 49). Эти камни служили креплением основания столба, обозначавшего место данного захоронения на участке могильника. Диаметр столба (как и остальных столбов, крепления которых выявлены на Малом Каупе) – от 0,3 до 0,2 м. У юго-восточного края указанного каменного кольца была найдена серебряная зерненная бусина, являвшаяся заупокойным приношением. Возможно, к поминальным дей-

ствиям может иметь отношение бронзовый наконечник ножен меча «шведско-варяжского» типа X – начала XI в. (Кулаков, 2015. С. 200–201), найденный над погребением K42 (рис. 5, 1–2). Еще одним следом заупокойной жертвы является на могильнике Малый Кауп солид Стефана Батория

Рис. 5. Свидетельства заупокойных жертвоприношений на могильнике Малый Кауп: 1 – бусина; 2 – наконечник ножен меча, связанных с поминальными акциями, совершенными после сооружения погребения K42; 3 – солид, найденный в верхнем ярусе погребения K52 (1–3 – Кулаков, 2016. Рис. 50, 53, 79).

1, 3 – серебро; 2 – бронза

Fig. 5. Indications of funeral sacrifices at the cemetery of Klein Kaup: 1 – bead; 2 – chape from a sword sheath concerned with ritual activities conducted after construction of burial K42; 3 – Solidus from the upper tier of burial K52.

1, 3 – silver; 2 – bronze

(чеканен в 1584 г., рис. 5, 3), найденный в заполнении верхнего яруса воинского погребения K54 (XI в.) (Там же. С. 204). Сходная ситуация была зафиксирована при раскопках погребения L-15 могильника Большое Исаково (Lauth) (восточная окраина г. Калининграда). В 0,25 м от края могилы, несколько выше ее заполнения был обнаружен солид, чеканенный при прусском герцоге Фридрихе-Георге в 1694 г. Раскопщик посчитал, что эта находка происходит из культурного слоя позднего поселения, перекрывшего грунтовой могильник эстиев (Skvorzov, 2007. S. 124). На самом деле эта монетная находка может являться свидетельством позднего жертвоприношения аналогично солиду из погребения K42.

Остатки заупокойной жертвы в виде скопления кальцинированных костей (животного?) и сосуда XI–XIV вв. имеются над погребением K44 (Кулаков, 2016. С. 156).

Погребение K60 – двухъярусная КРМ, содержащая останки мужчины (X в.). Над верхним ярусом могилы выявлен круг (Там же. Рис. 90), сложенный из камней и служивший основанием поминального столба.

Погребение K48 – двухъярусная КРМ (XI в.), содержит останки мужчины (?) первой половины XI в. Заполнение могилы перекрыто кольцом из валунов, служившим основанием поминального столба (Там же. Рис. 66).

Кроме того, в ряде случаев на дне могильных ям, выявленных в ходе раскопок прусских могильников эпохи викингов, на материке видны округлые в плане углубления (глуб. не более 0,3 см) от кольев, в древности впущенных в заполнение нижних ярусов погребений и сожженных (Там же. С. 89).

Наконец, следует упомянуть об уникальном случае обозначения места захоронения, обнаруженного при раскопках грунтового могильника Клиновка-1 (Yrzekarinis). В 1977 г. в заполнении верхнего яруса погребения Y-15 был обнаружен воткнутый острием вниз в заполнение могилы меч типа J. P. X (по Я. Петерсену) (Кулаков, 1980. С. 235). Один из наконечников копий, обнаруженных в верхнем ярусе могилы, также был воткнут в ее заполнение. Из заполнения могилы был вытащен плугом обрезанный дирхем, чеканенный в г. Нишапур в 809/810 гг. (определение

Г. А. Федорова-Давыдова). Захоронение содержало останки знатного дружинника начала XI в. (Кулаков, 1999. С. 222). Интересной деталью этого комплекса было то, что меч, представлявший собой в эпоху викингов немалую ценность (на его клинке расчищено клеймо “+INGELRII+”), был вбит со значительной силой в глинистое заполнение могилы. При этом на навершии его рукояти осталась небольшая вмятина (от камня или другого инструмента, которым меч забивали в грунт), а серповидно изогнутое перекрестие съехало до середины рукояти (рис. 4, 3, 4). Последний аспект свидетельствует о том, что к моменту забития меча в грунт органическое покрытие его рукояти исчезло (сгнило?). Таким образом, ясно, что некоторое время меч простоял в качестве знака, отмечающего местоположение могилы.

Собранные данные о меморативной традиции эстиев и пруссов позволяют сделать следующие выводы:

1. Первоначально традиция создания знаковых камней над погребениями приносится на южный берег Балтии группами скандинавского населения, переселявшимися сюда с севера Европы на рубеже I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

2. Знаковые камни, служившие эстиям ориентиром при идентификации определенной для поминальной церемонии могилы, отмечаются на территории Самбии в IV–V вв. В значительной доле случаев камни, некоторое время возвышавшиеся над могилой, погружаются в ее заполнение и даже перекрываются каменной кладкой (рис. 2, 1). Эта же традиция (в том числе – с перекрытием камня-*Merkstein* каменной кладкой – рис. 4, 1, 2) фиксируется на примере могильника Малый Кауп и для древностей пруссов эпохи викингов, очевидно, вплоть до конца XI в.

3. В X–XI вв. на могильнике Малый Кауп отмечена традиция сооружения надмогильных поминальных столбов, основание которых укреплялось кольцом из небольших валунов. Таковую же функцию выполнял и меч, воткнутый в погребение Y-15. Такая традиция могла существовать и на других могильниках пруссов, однако многовековая распашка уничтожила эти лежащие почти на поверхности комплексы.

4. Обнаружение над верхними ярусами прусских трупосожжений эпохи викингов жертво-

приношений, которые датируются XIV и даже XVI в., позволяет предполагать длительное существование неких ориентиров, отмечавших места погребений.

5. Обнаружение камней-*Merkstein*, утопленных в заполнении верхних ярусов могил (та же участь постигла и меч в погребении Y-15), свидетельствует о некоей особенности меморативной традиции пруссов, существовавшей в V в. и дожившей до X–XI вв. После прохождения определенного отрезка времени камни нарочито погружались в грунт, и тем самым могила теряла ориентир для осуществления на ней поминовений. Было ли это связано с утратой прямых наследников покойного или же с особенностями прусского культа, остается пока неясным.

6. Возможно, традиция выставления над могилой знакового камня была перенята эстиями и ранними пруссами от германцев. Правда, никакой информации об этой традиции у германцев эпохи Великого переселения народов археология Балтии не имеет. Камни-*Merkstein*, отмечавшиеся исследователями курганных могильников эпохи викингов (в том числе – в уроч. Большой Кауп – *Heydeck*, 1900. S. 61), возвышались над центром могильной насыпи. Информация о перемещении таких камней в заполнение кургана отсутствует.

Кулаков, 1978 – Кулаков В. И. Отчет о работе Балтийского отряда в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Д. № 6937.

Кулаков, 1980 – Кулаков В. И. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновка в 1977 году // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1980. Т. XIII.

Кулаков, 1981 – Кулаков В. И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Д. № 8401.

Кулаков, 1999 – Кулаков В. И. Ирзекапинис // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 5: Неславянское в славянском мире.

Кулаков, 2004 – Кулаков В. И. Эстии, вены и германцы на Самбии // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004.

Кулаков, 2005 – Кулаков В. И. Поселенческая археология Янтарного края // Сборник статей к 10-летию Института практического востоковедения. М., 2005 (Тр. ИПВ; Т. I).

Кулаков, 2006 – Кулаков В. И. Меморативный комплекс на могильнике Кауп (раскоп 2005 г.) // Археология Верхнего Поволжья: к 80-летию К. И. Комарова. М., 2006.

Кулаков, 2007 – Кулаков В. И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск, 2007.

- Кулаков*, 2012 – *Кулаков В. И.* Отчет о раскопках, проведенных Балтийским отрядом ИА РАН в 2012 г. на поселении Первомайское и грунтовом могильнике Первомайское, Багратионовский р-н Калининградской обл. // Архив ИА РАН. Ф. 1.
- Кулаков*, 2014 – *Кулаков В. И.* Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Światowit Supplement Series B: Barbaricum*, T. 10. Warszawa, 2014.
- Кулаков*, 2015 – *Кулаков В. И.* Археологический комментарий к прусской геральдике // *Signum: Научно-информационный бюллетень Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН / Отв. ред. А. П. Черных. М., 2015. Вып. 8.*
- Кулаков*, 2016 – *Кулаков В. И.* Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М., 2016.
- Скворцов*, 2003 – *Скворцов К. Н.* Отчет по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут – Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 25796.
- Bohnsack*, 1940 – *Bohnsack D.* Ostgermanische Gräber mit Steinpfeilern und Steinkreisen in Ostdeutschland // *Gothiskandza*. Danzig, 1940. Vol. 2.
- Gusakov, Kulakov*, 1991 – *Gusakov M. G., Kulakov V. I.* Heiligtümer im südlichen Ostseegebiet aus dem 1. Jt. u. Z. // *Jahreschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Halle/Saale (Berlin), 1991. Bd. 74.
- Hensche*, 1861 – *Hensche W.* Einiges zur Kenntnis der Totenbestattung bei den heidnischen Preussen // *Schriften der Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft zu Königsberg*. Königsberg, 1861. Vol. 2.
- Heydeck*, 1900 – *Heydeck J.* Die Wikingergräber der Kaup bei Wiskiauten, Krs. Fischhausen. (Saxnland) // *Prussia*. Königsberg, 1900. H. 21.
- Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.
- Skvorzov*, 2007 – *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg): Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*, Bd. 61/62, Neumünster, 2007.
- Voigt*, 1826 – *Voigt J.* Geschichte Preussens. Königsberg, 1826. Bd. 1.
- Woźniak*, 2012 – *Woźniak M.* Groby i krąg kamienny z Błędowa w pow. wąbrzewskim (dawne Blandau, Kr. Culm) // *Światowit*. Warszawa, 2012. T. IX/B.

Memorative tradition among the Estii and Prussi

V. I. Kulakov

This paper is devoted to a rare subject in archaeology of Baltia (perhaps also of the entire Europe), viz. the signs marking a certain burial place in a cemetery in order to practice commemoration activities there.

The most ancient marking stones (Fig. 1) in Baltia are known in the eastern part of the Polish Pomerania in the area of the Wielbark Culture and are dated to the early phase of the Roman Period. At the earlier phase of the Prussian culture in the 4th–5th century AD, marking stones started to be distributed at the flat-grave cemeteries of the Sambia Peninsula (Fig. 2, 3). In some cases, marking stones dug into the fill of a grave are found.

In the Viking Age, the tradition of construction of 'gravestones' was preserved by the Prussi as have been noted at a number of flat-grave cemeteries. This tradition is best manifested at the cemetery of Kleine Kaup, the area of which has never been tilled out. Here upright standing marking stones were also found (in some cases sunk into the fill of the grave) and stone foundations of marking pillars (10th–11th centuries). There were identified remains of funeral ceremonies (Fig. 5). Scandinavian barrows are situated nearby in the isolated tract of terrain of Bolshoy Kaup. In the centre of their mounds there was a *Merkstein* rock differing in much smaller dimensions as compared with the Prussian 'gravestones'.

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСКИЕ ПУТЫ X в. с НЕРЕВСКОГО РАСКОПА

А. М. Гринев¹

Аннотация. В данной статье рассматривается деревянный предмет, обнаруженный в ходе исследования древнейших напластований усадьбы «К» на Неревском раскопе в Новгороде. На основании многочисленных аналогий в этнографических материалах Швеции и Норвегии находка была атрибутирована как деревянная основа конских пут – приспособления, предназначенного для стреноживания лошади во время выпаса или содержания в стойле. В археологических коллекциях подобные предметы были обнаружены на некоторых раннесредневековых поселениях Северной Европы, что позволяет соотносить находку из Новгорода с кругом древностей этого региона.

Annotation. This article considers one of the wooden objects obtained at the excavation of the earliest deposits on the estate «K» of the Nerevsky site. On the basis of numerous ethnographical analogies from Sweden and Norway this object was defined as hobble – device applying for hobbling of horses on their grazing or stalling. Similar things were discovered in archaeological assemblages from the Early Medieval settlements in Northern Europa that allows correlating the hobble from Novgorod with the finds from Scandinavian region.

Ключевые слова: конские путы, стреноживание лошадей, раннесредневековый Новгород, Неревский раскоп, этнография Скандинавии.

Keywords: hobble, hobbling of horses, Early Medieval Novgorod, Nerevsky site, Scandinavian ethnography.

Неревский раскоп (1951–1962), расположенный в одной из древнейших частей Неревского конца, на сегодняшний день является самым большим по площади раскопом Великого Новгорода, в результате изучения которого была собрана огромная коллекция предметов X–XV вв., насчитывающая около 90 000 индивидуальных находок из дерева, кожи, кости, стекла, железа, камня, глины и других материалов (Колчин, Янин, 1982. С. 32). Несмотря на многолетнее исследование материальной культуры средневекового Новгорода, многие вещи до сих пор не получили своей атрибуции и их назначение по-прежнему остается неизвестным. Однако часть из них все же удается определить, и одному из таких предметов посвящена данная работа.

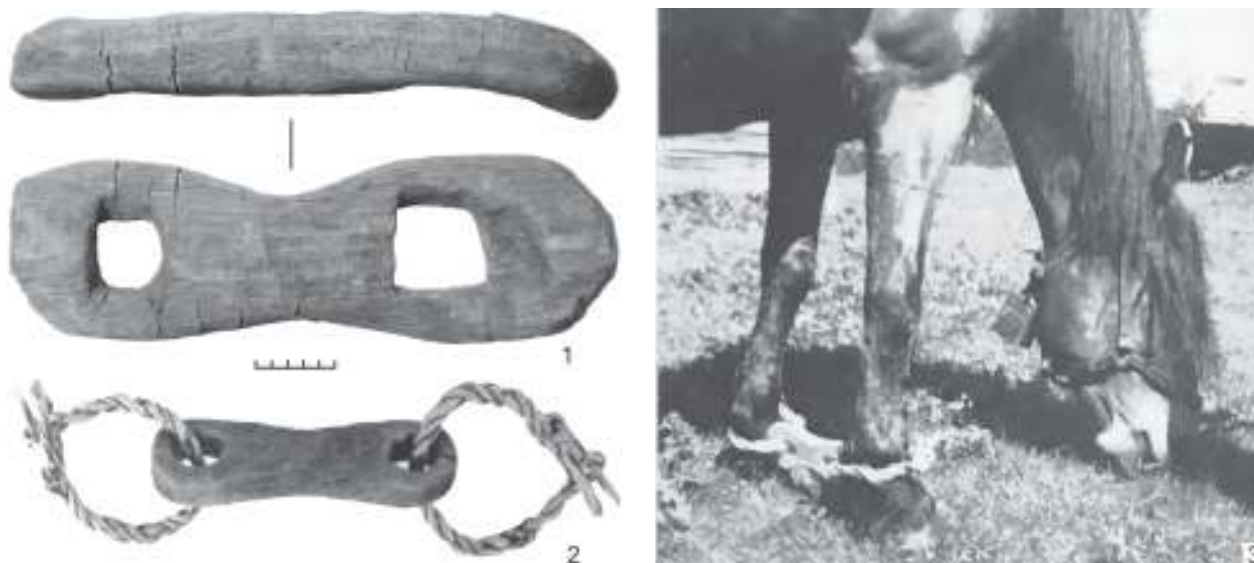
Во время полевого сезона 1956 г. в процессе исследования усадьбы «К» на Неревском XVII раскопе рядом с постройкой К28А из культурного слоя второй половины X в. (Н-56, раскоп XVII, пл. 31, кв. 1253) был извлечен деревянный предмет овальной формы, суженный в середине, по

краям которого были проделаны подпрямоугольные отверстия (рис. 1, 1). Его размеры составляли 38,6 см в длину, 12 см в ширину (8,4 см в наиболее узкой части) и 4,5 см в толщину; размеры отверстий равнялись 4,2 × 4,8 см и 7 × 5,5 см (НГМ КП 26507/А-40: 185).

В коллекционной описи Новгородской археологической экспедиции данный предмет проходил как «изделие с двумя отверстиями» и как «предмет» в описи Новгородского музея, что свидетельствует о не установленном достоверно функциональном назначении данной вещи.

Аналогий этому изделию в археологических материалах на территории Древней Руси не нашлось. Похожие объекты удалось обнаружить в публикации деревянных предметов памятника Элизенхоф (Elisenhof) – поселения VIII–XI вв. на полуострове Эйдерштедт в Северной Фрисландии. Здесь в ходе археологических раскопок было собрано девять предметов подобной формы, объединенных в группу «планки с концевыми отверстиями», внутри которой было выделено два типа: более крупные планки длиной около 40 см и небольшие рейки длиной около 20 см

¹ Россия, 119992, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4. МГУ имени М. В. Ломоносова. Исторический факультет, кафедра археологии. E-mail: amgriev@mail.ru.

Рис. 1. 1 – деревянные путы с Неревского раскопа; 2 – путы с поселения Теннес (Херьедален, Швеция); 3 – лошадь, стреноженная деревянными путами (Стуршё, Херьедален, Швеция. 1946 г.)

Fig. 1. 1 – wooden hobble from the Nerevsky site; 2 – hobble from Tännäs (Härjedalen, Sweden); 3 – horse furnished with wooden hobble (Storsjö, Härjedalen, Sweden. 1946)

(Szabo et al., 1985. S. 160, Taf. 38, 344). От новгородской находки большинство предметов из Элизенхофа отличается меньшей шириной и толщиной предметов, а также менее выраженное сужение в средней части. В опубликованной коллекции этого памятника наиболее похожим на новгородский был один предмет размерами $39 \times 9 \times 1,7$ см, сужающийся в средней части до 3,6 см.

Помимо Элизенхофа подобные изделия известны по материалам этнографии Норвегии и Центральной и Северной Швеции, где деревянные колодки с двумя отверстиями на концах до сих пор используются в качестве конских пут (рис. 1, 3) – приспособления, с помощью которого перевязывались передние ноги лошади во время выпаса (Szabo, 1970. S. 154). Традиционно для этих целей применялись веревки, которыми стягивали ноги животного, не давая ему свободно передвигаться по полю. Такой способ известен, по крайней мере, с раннего железного века, что наглядно отражено в сцене стреноживания на сосуде IV в. до н. э. из кургана Чертомлык (Алексеев и др. 1991. С. 120–123, 181). Путы на деревянной основе являются улучшенной версией веревчатых и в конструктивном плане представляют собой следующее устройство: внутрь отверстий деревянных колодок вставляются петли, сделанные из прутьев, веревки или кожаных ремней, которые

можно затягивать или ослаблять (рис. 1, 2). Такой механизм является более надежным и удобным для крепления на ногах животного. Функциональное существенное отличие этой конструкции от веревчатых пут заключается в том, что в них у лошади не остается возможности передвигать ногами и, будучи стреноженной таким образом, она может только прыгать (Szabo, 1970. S. 155).

На территории Северной Европы такое приспособление, как правило, использовалось в лесистой местности, чтобы удержать животное от бегства далеко с места летнего пастбища, или, напротив, от возвращения домой. Также путы на деревянной основе не давали возможности лошади перепрыгнуть ограждение, если она паслась в пределах какого-то загона, и помогали держать ее в стойле.

Рассматриваемый в данной статье предмет из Новгорода с наибольшей вероятностью атрибутируется именно как основа конских пут. Данное предположение подкрепляется рядом аргументов. В первую очередь необходимо отметить внешнее сходство находки с усадьбы «К» с многочисленными путами на деревянной основе, происходящими из Швеции и Норвегии. К их числу относятся, например, путы с поселения Теннес (Tännäs) в шведской провинции Херьедален (Härjedalen), хранящиеся в Музее северных стран, на которых

сохранились петли для привязывания ног лошади, позволяющие наглядно представить реконструкцию находки с Неревского раскопа (рис. 1, 2).

Помимо этого, в материальной культуре усадьбы «К» второй половины X в. содержатся и некоторые другие находки: железное кнутовище плети с кольцом и тремя привесками, деревянная скребница, костяная накладка (налобник) и бронзовая бляшка с орнаментом в стиле Борре от конского оголовья (Седова, 1982. С. 149, рис. 58, 1), которые свидетельствуют о наличии лошади у владельцев этой усадьбы. Такой контекст обнаружения деревянной колоды с отверстиями на концах также не противоречит ее атрибуции в качестве основы конских пут.

Надо полагать, подобный способ стреноживания лошадей не был широко распространен среди жителей Новгорода, поскольку здесь подобная находка является единственной. Вероятнее всего, это связано с тем, что чаще для этих целей использовались веревки или кожаные ремни, а в более позднее время железные путы, получившие распространение в XI–XII вв. (Кирпичников, 1973. С. 79). С другой стороны, многочисленные находки деревянных колод от конских пут в археологических

и этнографических материалах Северной Европы приводят к мысли, что обнаружение аналогичного предмета в культурном слое усадьбы «К» свидетельствует о возможных контактах раннесредневекового Новгорода со Скандинавией, что также подтверждается рядом других находок.

Алексеев и др., 1991 – Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в.). Киев, 1991.

Кирпичников, 1973 – Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973 (САИ; Вып. Е1–36).

Колчин, Янин, 1982 – Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Седова, 1982 – Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1982.

Szabo, 1970 – Szabo M. Herdar och husdjur. En etnologisk studie över Skandinaviens och Mellaneuropas beteskultur och vallningsorganisation. Stockholm, 1970 (Nordiska museets Handlingar; 73).

Szabo et al., 1985 – Szabo M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J. Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Frankfurt, Bern, New York, 1985 (Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holstein, Serie A; Bd. 5).

Wooden hobble of the 10th century from the Nerevsky site

A. M. Grinev

On the course of investigation of the 10th century cultural deposits on the estate “K” of the Nerevsky site in Novgorod there was obtained a wooden object of the oval shape with two apertures on their edges, which function was veiled for a long time.

There are no any analogies for this kind of objects in archaeological materials from Old Rus, however they have been discovered in Northern Europa, especially on Elisenhof in Northern Friesland, settlement dated to the 8th – 11th centuries. Similar objects are also known in the ethnographical materials of Norway, Central and Northern Sweden where they have been still applying as hobbles (fig. 1, 2) – the device by which the front legs of a horse were tied up, preventing it from escaping from pasture.

The wooden item from the Nerevsky site have to be defined as hobble that is supported by the context

of its discovery. There were some objects testifying that the owner of this property had a horse in the material culture of the estate “K” dated to the 2-nd half of the 10th century – iron lash with pendants, wooden horse-comb, bone mount and bronze plaque in Borre style from horse bridle.

There is only one wooden hobble of this kind found in Novgorod. It shows the restricted distribution of such hobbling method besides widespread ropes and leather belts. Iron fetters were used or this purposes since the 11th – 12th centuries. At the same time numerous finds of wooden hobbles in the archaeological and ethnographical materials from Northern Europa lead us to the conclusion that the discovery of similar object in the cultural layer of the estate “K” indicates to possible contacts of the Early Medieval Novgorod with Scandinavia – that is also confirmed by a number of other artefacts.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ С СОЖЖЕНИЯМИ И ДЕРЕВЯННЫМИ СТОЛБОВЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ТУВЕ

Т. Р. Садыков¹

Аннотация. В статье рассматриваются средневековые объекты из Тувы, содержащие под каменной насыпью остатки деревянных столбовых конструкций и кальцинированные кости. Вводятся в научный оборот два новых памятника этого типа. Предлагается разделение известных на сегодняшний день объектов на две группы на основе размера, конструкции, количества столбов.

Annotation. The present article considers mediaeval objects in Tuva where remains of wooden pile structures and calcined bones are found under stone mounds. Two new sites of this type are here published. The article proposes the division of the similar objects now known into two groups differing from each other in their size, construction and the number of the piles.

Ключевые слова: Тува, курган, поминальник, деревянная столбовая конструкция, трупосожжение, каменное кольцо, кыргызы.

Keywords: Tuva, kurgan, memorial complex, wooden pile structure, cremation, circular stone kerb, Kyrgyzes.

В 2015 г. на могильниках Красная горка 19 и 3, расположенных у 37-го километра автодороги Кызыл – Ак-Довурак в урочище Бай-Булуң и состоящих, по сути, одно могильное поле, раскопано два объекта (курганы № 2 и 7 соответственно), дополняющих довольно редкий для Тувы тип памятников – курганы с сожжениями и остатками деревянных столбовых конструкций.

Можно отметить, что могильное поле в целом (рис. 1) содержит объекты самого разного времени. Кроме прочих, здесь же рядом расположены и относящиеся к той же эпохе курганы с трупосожжениями на горизонте. Деревянные конструкции, таким образом, не являются какой-то узколокальной традицией.

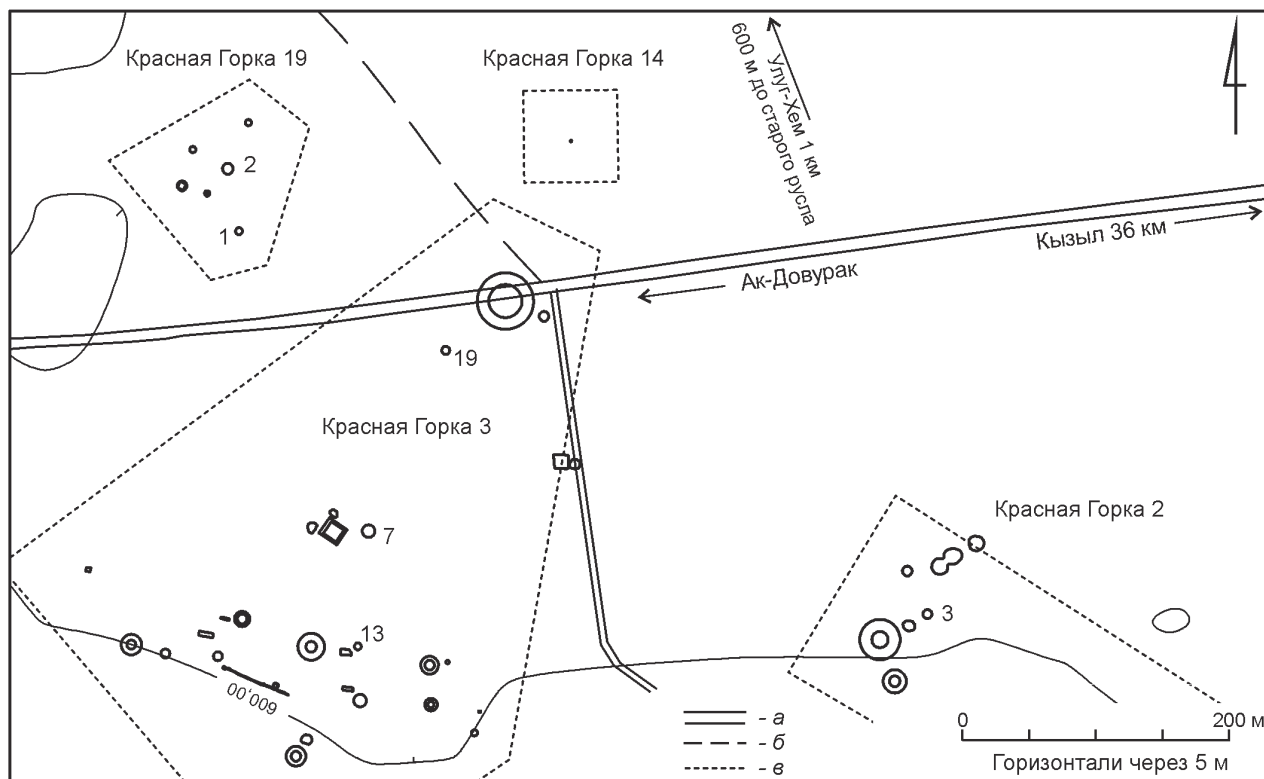
В отдельную категорию средневековые объекты с деревянными столбовыми конструкциями выделены Л. Р. Кызласовым (*Кызласов Л.*, 1984. С. 78–88), там же ссылки на его предыдущие работы), рассматривавшим их, как локальный вариант туютской археологической культуры. Он упоминает о 19 исследованных ко времени написания статьи комплексах.

Несколько иную интерпретацию, основанную на том же корпусе источников, предлагает И. Л. Кызласов (*Кызласов И.*, 2010. С. 88–100). По его мне-

нию, курганы с деревянными столбовыми конструкциями это, в большинстве случаев, не погребения пришельцев (кыргызов), а поминальные памятники автохтонов (чиков).

Раскопанный в 2004 г. курган 29 могильника Догээ-Баары 2 (*Кисель и др.*, 2005. С. 84–95), расположенный в 8 км к северу от Кызыла, дополняет серию интересующих нас памятников и конструктивно наиболее близок к материалам наших работ 2015 г. «Курган имел каменную, слабо задернованную насыпь округлой формы диаметром 15 м и высотой около 1 м с мощной западиной в центре (диаметром 4 м и глубиной 0,5 м)... Первоначально с восточной стороны кургана была установлена каменная стела с выгравированными на ней руническими знаками. В качестве стелы был использован олений камень... В восточном направлении от насыпи... тянулась цепочка невысоких балбалов. В основании... крепида в виде кольца диаметром 9,5 м из каменных плит, уложенных плашмя на высоту до 70 см. В центре... располагалась грунтовая яма, в заполнении которой встречено несколько фрагментов орнаментированной керамики, железный нож и круглая железная пряжка. Яма овальной формы 2,5 × 2 м и глубиной 0,5 м. Вокруг ямы на расстоянии 2,2 м от крепида располагались 23 ямки от вертикально вкопанных деревянных столбиков диаметром 6–10 см» (*Кисель и др.*, 2005).

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: tim.sadykov@gmail.com.

Рис. 1. Могильное поле в урочище Бай-Булун (*a* – дорога с покрытием; *b* – дорога проселочная; *v* – границы исследуемого объекта; 1–3, 7, 13, 19 – курганы кыргызского времени)

Fig. 1. Burial ground in the Bay-Bulun isolated tract of terrain. Only objects of the Kyrgyz period are marked with numbers: 1, 2 – kurgans no. 1 and no. 2 of the cemetery of Krasnaya Gorka 19; 3 – kurgan no. 3 at the cemetery of Krasnaya Gorka 2; 7, 13, 19 – kurgans no. 7, 13, 19 at the cemetery of Krasnaya Gorka 3

Приведем также краткое описание раскопанных в 2015 г. объектов (рис. 2; 3, 1–6).

Объект № 2 могильника Красная горка 19 – практически незадернованный курган диаметром 10 м и высотой 0,9 м. В центре – западина диаметром 3,5 м. При разборке насыпи в западной ее части на широкой площади встречено довольно много (около 50) костей мелкого рогатого скота. Находок в насыпи нет.

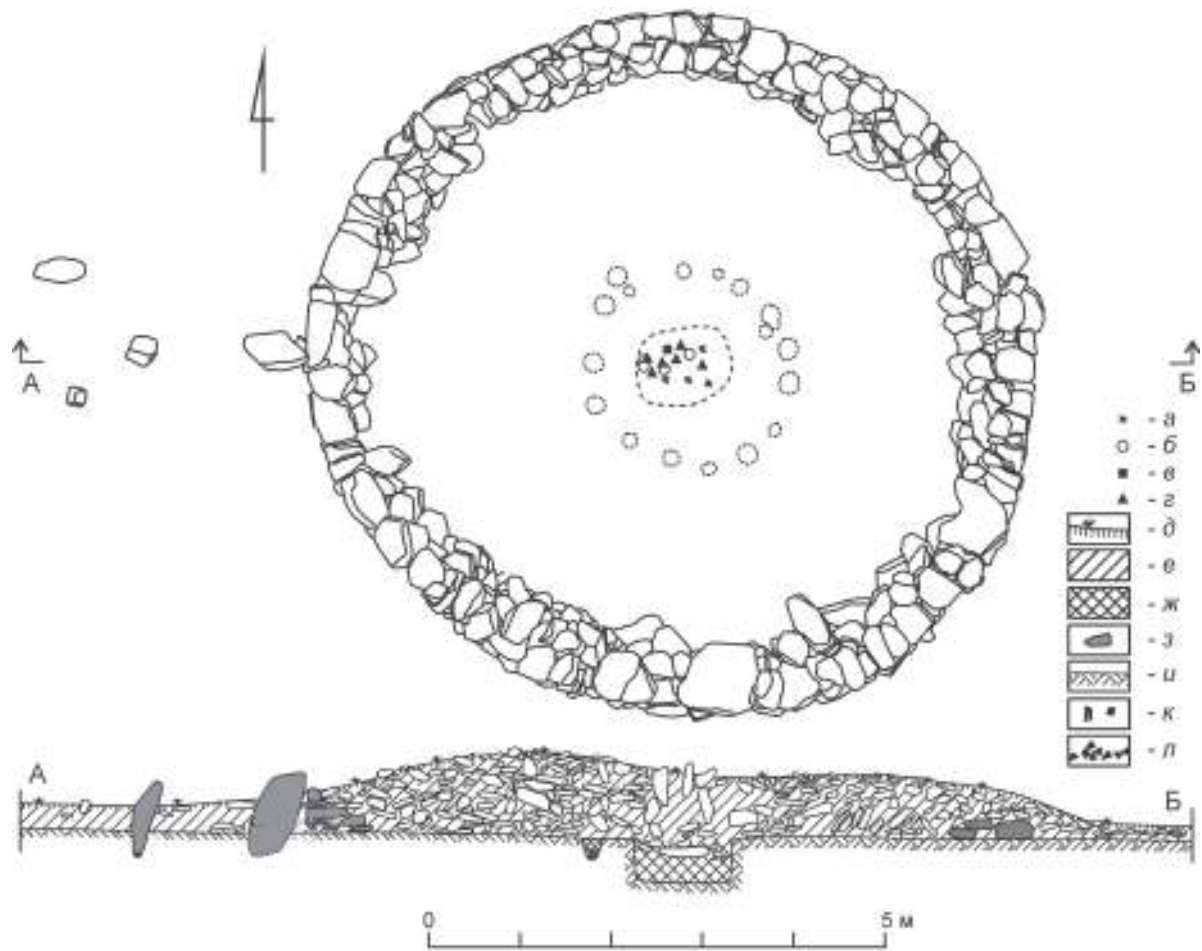
Конструктивная основа кургана – каменное кольцо диаметром 8 м (по внешнему краю), сохранившееся до шести слоев (на высоту до 0,5 м). Камни, составляющие кольцо, положены, как правило, длинной осью к центру кургана, что довольно характерно именно для древнекыргызских памятников.

К западу от кургана вертикально вкопано четыре камня. Один непосредственно примыкает к внешнему контуру кольца, второй – на расстоянии 1,8 м строго к западу, и еще два – на расстоянии 2,5 м

к юго-западу и северо-западу от крайней западной точки кольца (отклонения от западного направления – 12° на юг и 18° на север соответственно).

Небольшую подпрямоугольную (1,1 × 0,9 м) яму в центре кургана частично перекрывает крупная каменная плита. Заполнение ямы включает, кроме всего прочего, небольшое количество угля и кальцинированных костей. Найдено два железных кольца (рис. 3, 5, 6), три накладки из медного сплава (рис. 3, 2–4). Две из них одинаковые, одна концевая, на оборотных сторонах – следы припаянных шпеньков (рис. 3, 2) и кожи, то есть все это вместе – остатки неширокого (менее 2 см) кожаного ремешка.

Также встречены фрагменты лакового покрытия деревянного сосуда (самый крупный фрагмент – рис. 3, 1). Через яму проложено несколько крупных нор, одна из которых прошла непосредственно через сосуд, и мы не можем сказать, был ли он на момент погребения целым.

Рис. 2. Красная Горка 3, курган № 7, план и разрез.

Условные обозначения для рис. 2 и 3: *a* – кальцинированные кости; *б* – фрагменты железных предметов; *в* – фрагменты медных предметов; *г* – фрагменты предметов из лака, в том числе деревянных с лаком; *д* – дерн; *е* – супесь желтая; *ж* – заполнение ям; *з* – камень конструктивной основы; *и* – материк; *к* – фрагменты деревянных конструкций; *л* – угли, зола

Fig. 2. Krasnaya Gorka 3, barrow no. 7, plan and section.

Notations for fig. 2, 3: *a* – calcined bones; *б* – fragments of iron objects; *в* – fragments of copper objects; *г* – fragments of lacquered objects including the wooden ones; *д* – topsoil; *е* – yellow sandy loam; *ж* – fill of the pits; *з* – stone of the construction base; *и* – virgin soil; *к* – fragments of wooden structures; *л* – coal, ash

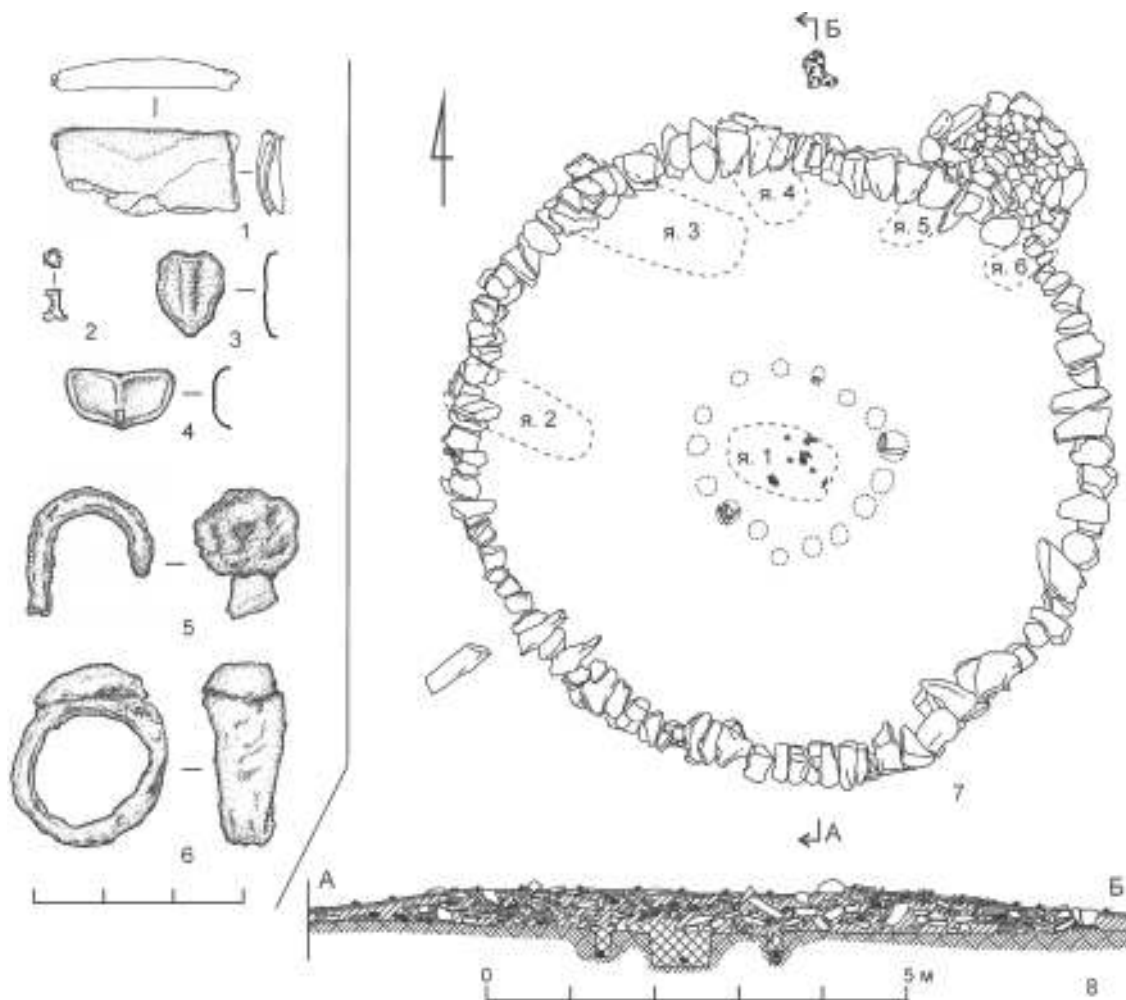
Яма окружена столбовыми ямками (их диаметры – в районе 0,2 м, глубины – в районе 0,3 м), общим числом 16 (наиболее вероятно), в которых фиксируются остатки дерева. Диаметр окружности, на которой были расположены столбики – 2,2 м.

Курган № 7 могильника Красная горка 3 – курган диаметром 9,5 м и высотой 0,5 м. В ходе расчистки найден корродированный железный фрагмент и несколько костей животных. Под слоем камней прослежен валик выкида до 0,14 м высотой, основа кургана – кольцо из крупного рваного камня, уло-

женного в один – три слоя диаметром 8 м. Камни, составляющие кольцо, положены, как правило, длинной осью к центру кургана. К юго-западу от кольца зафиксирован вытянутый камень 1 × 0,4 м.

В центре кургана выявлена конструкция из шестнадцати столбовых ям, поставленных по окружности диаметром 2,2–2,6 м, их глубина – 0,3–0,4 м, диаметр 0,2–0,3 м. В некоторых сохранились остатки деревянных столбов, которые иногда были заклинены небольшими плитками. В центре – яма овальных очертаний, размером 1,3 × 0,8 м,

Рис. 3. Красная Горка 19, курган № 2, погребальный инвентарь (1–6); Красная Горка 3, курган № 7, план и разрез (7, 8).

1 – лак; 2–4 – медный сплав; 5, 6 – железо

Fig. 3. Krasnaya Gorka 19, barrow no. 2, finds (1–6); Krasnaya Gorka 3, barrow no. 7, plan section (7, 8).

1 – lacquered ware; 2–4 – copper alloy; 5, 6 – iron

глубиной 0,4–0,5 м, заполненная серой мешаной супесью и камнями в верхней части. На дне ямы и на разных уровнях заполнения зафиксировано скопление позвонков и ребер овец (три особи) и несколько кальцинированных костей.

Ямы № 2–6, перекрытые каменным кольцом, не содержали находок (кроме фрагмента кости животного в яме № 3 и остатков угля и дерева в яме № 6) и имели глубину не более 0,25 м. С северо-востока вплотную к кольцу пристроена выкладка полукруглой формы (диаметром 2 м), сложенная из камня в один слой, в которой найден фрагмент кости животного.

Можно отметить, что количество кальцинированных костей в ямах объектов на Красной горке

было очень мало, буквально несколько мелких фрагментов. В кыргызских курганах с трупосожжениями на горизонте кальцинированные кости обычно формируют целый отдельный слой. То есть, если это и остатки трупосожжения, то это не весь прах.

Еще три опубликованных объекта, как нам кажется, могут быть предположительно включены в эту группу: Пий-Хем, курган № 31, Чинге, курган № 18, и Оорзак-Аксы. Каждый из них чем-то отличается от наших памятников, приведем о них краткую информацию.

Пий-Хем, курган № 31 был раскопан А. В. Адриановым в 1916 г. «Курган сложен “из плит и кусков песчаника”, его диаметр 7,6 м. Наружная сторона представляла частично сохранившуюся стенку

высотой до 0,76 м, выложенную из плит» (Беликова, 2014. С. 209). Раскопана была только центральная часть, и описание раскопки, надо признать, довольно запутанное. Диаметр материковой ямы – 0,9 м, глубина – менее 0,7 м, в яме найден человеческий череп без нижней челюсти и два ребра. Зафиксировано шесть деревянных столбов вокруг ямы (диаметр описывающей их окружности, по всей видимости – 1,6 м). В процессе разборки центральной части насыпи среди камней встречены кости животных. Здесь же в центре насыпи зафиксированы каменная стела (длиной 2 м) и «круг из плит и больших камней» диаметром 2,8 м. Как это соотносится с материковой ямой – не совсем понятно. По мнению И. Л. Кызласова (Кызласов И., 2010. С. 95–96) курган является наложением двух разновременных комплексов.

Курган № 18 могильника Чинге имел, возможно, схожую конструкцию (Беликова, 2014. С. 181–185, раскопки А. В. Адрианова 1915 г.). Там тоже упоминаются деревянные столбы, но по описанию не понять – было ли трупосожжение в яме или на горизонте.

Краткие сведения о кургане № 1 могильника Оорзак-Аксы, раскопанного в 1975 г. М. Х. Маннай-оолом, приводит Л. Р. Кызласов. Курган диаметром 8 м, где «под центром насыпи выявлено трупосожжение в ямке, а вокруг в отдельных ямках обнаружены основания семи столбов» (Кызласов Л., 1984. С. 85). Поверх кургана лежали три стелы с руническими надписями.

Все вышеперечисленные объекты до раскопок имели в центре глубокие, явно выраженные западины. Они не могли появиться вследствие проседания ям (которые малы и неглубоки). Это, по всей видимости, следствие развала первоначальной формы каменного сооружения в виде высокого каменного кольца. Возможно, столбы несли на себе какое-то перекрытие, которое со временем провалилось. Западины, впрочем, имеют и курганы с трупосожжением на горизонте, где и проваливаться нечему (Длужневская, 1987. С. 170–174). Таким образом, формы развалов каменных сооружений объектов с деревянными конструкциями и кыргызских трупосожжений на горизонте очень близки.

Для определения места раскопанных в 2015 г. памятников в общей истории Центральной Азии

необходимо, как нам кажется, несколько сузить критерии для поиска возможных параллелей. Теперь, с учетом новых данных, из всех объектов с деревянными столбами довольно четко выделяются как минимум две группы, в которых, возможно, деревянные конструкции имели разную функциональную нагрузку.

Это, с одной стороны, небольшие плоские насыпи с четырьмя столбами (и иногда пятым в центре, но без ямы) (Сарыг-Булун, Кускуннуг 1, Морен), которым в основном и посвящена недавняя статья И. Л. Кызласова (Кызласов И., 2010. С. 88–100). Эту серию может дополнить курган № 2 группы 4 могильника Дарган-Даг (Тоджинский кожуун), раскопанный Вл. А. Семеновым в 2006 г. (Семенов и др., 2009. С. 649). Под плоской каменной выкладкой диаметром 6 м обнаружены остатки четырех ям от деревянных столбов, образующих квадрат со стороной 1 м. Среди нескольких найденных железных предметов есть «острие» – коническое, свернутое из железного листа (10 см в длину и 3 см диаметр у основания). Объект атрибутирован автором раскопок как «поминальник кыргызского времени».

С другой стороны, выделяется группа объектов, основой которых является сложенное в несколько рядов крупное каменное кольцо, где деревянных столбиков много и расположены они по кругу над ямой. Конструкция каменной насыпи такая же, как и у курганов с сожжением на горизонте, но кальцинированных костей очень мало. В насыпи и/или в яме встречаются кости мелкого рогатого скота. Находки в ямах немногочисленны и не образуют какого-то стандартного «набора».

Пока эта группа не выделяется хронологически, культурно, функционально (быть может, это тоже «поминальнички»), но совершенно явно выделяется конструктивно.

Беликова, 2014 – Беликова О. В. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск, 2014.

Длужневская, 1987 – Длужневская Г. В. Классификация погребально-поминальных комплексов енисейских кыргызов IX–XII вв. // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987.

Кисель и др., 2005 – *Кисель В. А., Николаев Н. Н., Хаврин С. В.* Некоторые итоги исследования средневековых захоронений могильника Догээ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2004 г.: сб. докл. СПб., 2005.

Кызласов И., 2010 – *Кызласов И. Л.* Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (к расселению и ранней истории чиков) // РА. 2010. № 4.

Кызласов Л., 1984 – *Кызласов Л. Р.* Древнехакасские курганы с остатками сооружений на столбах // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984.

Семенов и др., 2009 – *Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Леус П. М.* Работы Тувинской экспедиции // Археологические открытия 2006 г. М., 2009.

Mediaeval kurgans with cremations and wooden pile structures in Tuva

T. R. Sadykov

This paper is a publication of two objects archaeologically investigated in 2015 in Tuva. These are sites dated to the 9th–12th century AD and containing remains of wooden pile structures.

On the basis of these sites (as also information from precedent studies) a group of archaeological objects possessing a number of common features can be identified:

- the base of the object is represented by a large circular stone kerb constructed in several rows;
- the wooden piles are arranged in a circle over a rather shallow pit;

– the structure of the stone mound (as well as its present view after excavations) is identical to that of the kurgans with cremation on the surface;

– there are calcined skeletal remains in the pit but they are very few;

– in the mound and/or in the pit, bones of sheep and goats are encountered;

– finds are rare in the pits and constitute no standard ‘set’.

So far this group is not identified in terms of its chronology, culture or functionally (possibly we are dealing here with ‘memorial complexes’) although they are quite distinctly marked by their construction.

О ВЕРБЛЮЖЬЕЙ И ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ

В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, С. С. Миняев¹

Аннотация. В статье представлены результаты исследования фрагментов шерстяных изделий из археологических раскопок на территории европейской части России методом полиполяризации, разработанным в ИИМК РАН, с целью определения источника сырья.

Annotation. This article presents the results of investigations of fragments of woollen objects from archaeological excavations in the European part of Russia by the method of polipolarization which has been developed in the Institute for the History of Material Culture RAS for identification of sources of raw materials.

Ключевые слова: оптико-электронная полиполяризационная система, метод полиполяризации, фрагменты шерстяных изделий, верблюжья шерсть.

Keywords: optoelectronic polipolarization system, method of polipolarization, woollen articles, camel wool.

Комплексное исследование археологических тканей началось в России с конца двадцатых годов прошлого столетия (*Воскресенский, Тихонов, 1932*), и уже во второй половине XX в. были разработаны методики (*Федорович, 1965. С. 124–133*), позволяющие определить ткани из растительных (лен, хлопок, конопля) и животных (шелк, шерсть) волокон. Одна из первых попыток определения источника шерстяного сырья была предпринята М. Н. Левинсон-Нечаевой, отобравшей из разных археологических памятников фрагменты шерстяных тканей, которые «подвергались специальному исследованию в лаборатории научно-исследовательского института криминалистики». В публикации М. Н. Левинсон-Нечаевой (*Левинсон-Нечаева, 1959. С. 9–37*) сообщалось, что был установлен материал пряжи – высокосортная шерсть овцы, и далее ею было сделано заключение, что шерстяные изделия на Руси изготавливались из овечьей шерсти. Позднее А. Нахлик (*Нахлик, 1963. С. 228–313*) провел технологическое исследование новгородских тканей с целью «определения местных новгородских или русских тканей и тканей, привезенных в Новгород из Западной Европы», то есть с целью изучения торговых связей между Новгородом и Западной Европой. Вопросами, связанными с определением сырья, он не занимался, полагая, что все шерстяные

изделия выполнены из овечьей шерсти местного или импортного происхождения. Характеристика ткани, предложенная А. Нахликом, определялась по сортности и заключалась в подсчете (густоте) числа нитей на 1 см. Этот метод позднее стал применяться при технологическом изучении шерстяных тканей (*Давидан, 1981. С. 100–113; Кочкуркина, Орфинская, 2014. С. 9–20*). Причем, если ткани из растительных волокон продолжали исследовать с целью определения источника сырья, то идентификация шерстяного сырья практически не производилась. В публикациях указывалось возможное шерстяное сырье для производства тканей (овечья, верблюжья, собачья, кроличья, козий пух) (*Глушкова, Сутула, 2008. С. 162–164*).

В связи с созданием в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) системы для оптико-электронного бесконтактного исследования минералов и органических структур посредством использования метода полиполяризации (*Куликов, Кидалов и др., 2009; Куликов, Медникова и др., 2012а*) появилась возможность изучать сырье, использовавшееся для производства археологических тканей (см. рис. на четвертой странице обложки).

Основное отличие этого метода от стандартных оптических методов исследования (с помощью микроскопа) заключается в плавном снижении интенсивности фонового излучения первичного источника (в данном случае галогенной лампы), проходящего вокруг исследуемого объекта, с целью

¹ Куликов В. Е. – Россия, Санкт-Петербург, Отделение фундаментальных медико-биологических исследований (ФМБИ) Европейской академии естественных наук (ЕАЕН).

Медникова Е. Ю., Миняев С. С. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН.

обнаружения «забиваемого» (первичным источником) излучения исследуемого объекта (вторичное излучение). Поскольку с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы изучается окрашивание самого объекта, то для проведения исследований не требуется воздействия каких-либо химических реагентов на исследуемый объект, его искусственного окрашивания, использования цветных фильтров. Проведенные исследования также показали, что черный цвет присущ только углю и материалам, покрытым угольной пылью. Метод полиполяризации получил свое название из-за большого количества одновременно исследуемых поляризационных зон изучаемого объекта. Существенным достоинством метода для археологии является крайне малый размер необходимых для анализа образцов, что практически не нарушает форму и структуру исследуемого объекта.

Методика исследования состоит в сравнительном анализе на оптико-электронной полиполяризационной системе при компьютерном увеличении в 550 раз фрагментов изучаемых археологических образцов с эталонами.

Впервые данным методом проанализированы образцы тканей из могильника Ноин-Ула (*Куликов и др.*, 2012б. С. 603–625), для изучения которых был создан эталонный фонд снимков полиполя-

ризационных изображений волосяного покрова животных и волокон растительного происхождения. Сопоставление снимков происходило по показателям тонины, структуры, цвета, характера поверхности волокон, наличия перепонки, перемычек (*Куликов, Медникова*, 2014). Часть эталонного фонда снимков представлена **на четвертой странице обложки**. Эталонный фонд снимков не только позволил идентифицировать ткани из могильника, но был также использован в последующих исследованиях.

При анализе фрагментов шерстяных изделий из могильника Залахтовье был использован эталонный фонд снимков шерсти диких и домашних животных, распространенных в Восточной Европе. Однако исследования показали, что все фрагменты шерстяных изделий выполнены из шерсти верблюда (табл. 1). Аналогичные результаты были получены при исследовании фрагментов шерсти из Новгорода, Старой Руссы, Польши² (табл. 2–4), единичных образцов шерсти из Старой Ладogi, Ярославля, Беларуси.

² Авторы благодарят за представленные для исследования образцы профессора Института археологии и этнологии Польской академии наук Ежи Майка (г. Лодзь), сотрудников ИИМК РАН Н. В. Хвошинскую, Е. В. Бобровскую и В. А. Горончаровского.

Таблица 1. Анализ фрагментов шерстяных изделий из раскопок в Залахтовье
Table 1. Analysis of fragments of woollen artefacts from excavations in Zalakhovye

№ п/п	Место отбора образцов	Тип изделия	Тип шерсти
1	Курган 53	Ткань черного цвета	Верблюд
2	Курган 58 к	Шнурок	
3	Курган 58 к	Ткань из толстой шерсти	Верблюд
4	Курган 58-1	Пряжа правой крутки	Верблюд
5	Курган 88	Ткань из толстой темно-коричневой шерсти	Верблюд
6	Курган 96	Ткань из толстой темно-коричневой шерсти	Верблюд
7	Курган 108	Ткань коричневого цвета, верхняя одежда (войлок)	Верблюд
8	Курган 126	Ткань из толстой темно-коричневой шерсти	Верблюд
9	Курган 180	Ткань из толстой темно-коричневой шерсти	Верблюд
10	Курган 184	Кафтан. Верхняя рубаша	Верблюд, хлопок
11	Курган 186	Ткань из толстой темно-коричневой шерсти	Верблюд
12	Курган 186	Ткань с плеча и воротника	Верблюд
13	Курган 186	Ткань из толстой шерсти	Верблюд
14	Курган 187	Ткань из толстой темно-коричневой шерсти	Верблюд

Таблица 2. Анализ фрагментов шерстяных изделий из раскопок в Великом Новгороде
 Table 2. Analysis of fragments of woollen artefacts from excavations in Veliky Novgorod

№ п/п	Год, наименование раскопа	Место отбора образцов	Тип изделия	Тип шерсти
1	2011 г., Власьевский-2	Уч. 3 пл. 150/200 кв. А-6 б/н	Образец шерсти со шкуры	Верблюд
2	2012 г., Лукинский-2	Уч. 4 № 271	(Основа)	Верблюд
3	2012 г., Лукинский-2	Уч. 4 № 271	Уток	Верблюд
4	2012 г., Лукинский-2	Уч. 7 кв. К-II № 97 пл. 181	Саржа (основа) (Н-?)	Верблюд
5	2012 г., Лукинский-2	Уч. 7 кв. К-II № 97 пл. 181	Саржа (уток)	Верблюд
6	2012 г., Лукинский-2	Уч. 4 № 271 пл. -220/230 кв. Е-13 пл. 225	Основа	Верблюд
7	2012 г., Лукинский-2	Уч. 4 № 271 пл. -220/230 кв. Е-13 пл. 225	Уток	Верблюд
8	2012 г., Лукинский-2	№ 274	Основа	Верблюд
9	2012 г., Лукинский-2	№ 274	Уток	Верблюд
10	2012 г., Лукинский-2	Уч. 4 № 223 пл. 210/226 кв. Д-16, пл. 215	Основа	Верблюд
11	2012 г., Лукинский-2	Уч. 4 № 223 пл. 210/226 кв. Д-16, пл. 215	Уток	Верблюд
12	2002 г., Никитинский	Пл. 21 кв. 163 № 5	Шерст. ткань	Верблюд
13	2002 г., Никитинский	Пл. 21 кв. 163 № 4	Шерст. ткань саржа	Верблюд
14	2002 г., Никитинский	Пл. 23 кв. 87 № 121	Шерст. ткань полотно	Верблюд
15	2002 г., Никитинский	Пл. 21 кв. 159 № 48	Шерст. ткань полотно	Верблюд
16	2002 г., Никитинский	Пл. 19 кв. 155 № 89	Войлок	Верблюд
17	2002 г., Никитинский	Пл. 20 кв. 153 № 130	Изделие из войлока	Верблюд
18	2002 г., Никитинский	Пл. 20 кв. 165 № 82	Шерст. ткань саржа	Верблюд
19	2002 г., Никитинский	Пл. 19 кв. 160 № 80	Шерст. ткань полотно	Верблюд
20	2002 г., Никитинский	Пл. 21 кв. 159 № 51	Шерст. ткань полотно	Верблюд
21	2002 г., Никитинский	Пл. 20 кв. 147 № 70	Войлок	Верблюд
22	2002 г., Никитинский	Пл. 19 кв. 4 № 74	Шерст. ткань обработана дегтем	Верблюд
23	2002 г., Никитинский	Пл. 20 кв. 134 № 26	Шерст. ткань полотно. Светлая ткань	Верблюд
			Шерст. ткань полотно. Светлая ткань	Верблюд
24	2002 г., Никитинский	Пл. 20 кв. 165 № 82	Шерст. ткань полотно. Саржа. Основа?	Верблюд
25	2002 г., Никитинский	Пл. 20 кв. 165 № 82	Шерст. ткань полотно. Саржа. Уток?	Верблюд
26	2003 г., Никитинский	Пл. 24 кв. 100 № 133	Войлок	Верблюд
27	2003 г., Никитинский	Пл. 23 кв. 155 № 98	Изделия из войлока	Верблюд
28	2003 г., Никитинский	Пл. 22 кв. 118 № 191	Меха обработанные	Верблюд
29	2004 г., Никитинский	Пл. 25 кв. 77 № 324	Тесьмы плетеной шерстяной двухцветной обрывок Темная нить Светлая нить	Верблюд Верблюд
30	2004 г., Никитинский	Пл. 26 кв. 127 № 24	Тесьмы плетеной шерстяной обрывок (темная нить)	Верблюд

Таблица 2. Окончание

31	2004 г., Никитинский	Пл. 26 кв. 127 № 24	Тесьмы тк. обрывок шерст. темно-корич. нить Основа Уток	Верблюду Верблюду
32	2004 г., Никитинский	Пл. 25 кв. 165 № 214 Пл. 25 кв. 165 № 214.1	Фрагмент шкуры животного с кожей. Цвет серо-черный	Верблюду
33	2004 г., Никитинский	Пл. 25 кв. 71 № 309	Тесьмы плетенной шерстяной обрывок темно-корич. нить Основа Уток	Верблюду Верблюду
34	2004 г., Никитинский	Пл. 28 кв. 50 № 34 (= № 97 пл. 28 кв. 154)	Нити круг шерст(?) об-ца	Верблюду
35	2004 г., Никитинский	Пл. 28 кв. 134 № 111	Фрагмент шерстяной ткани	Верблюду
36	2004 г., Никитинский	Пл. 27 кв. 81 № 235	Тесьмы тк. обрывок (шерсть) Основа Уток	Верблюду Верблюду
37	2004 г., Никитинский	Пл. 26 кв. 81 № 184	Тесьмы тк. обрывок (шерсть) Основа Уток	Верблюду Верблюду
38	2004 г., Никитинский	Яма 1А пл. 29 кв. 26 № 6	Ткань шерстяная	Верблюду

Таблица 3. Анализ фрагментов шерстяных изделий из Старой Руссы

Table 3. Analysis of fragments of woollen artefacts from excavations in Staraya Russa

№ п/п	Год, наименование раскопа	Место отбора образцов	Тип изделия	Тип шерсти
1	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 1 № 189	Тесьма (шнурок)	Верблюду
2	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 1 № 189(1)	Шнурок	Верблюду
3	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 5 № 101	Войлок	Верблюду
4	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 13 № 91	Войлок	Верблюду
5	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 16 № 184	Войлок	Верблюду
6	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 26 № 226	Войлочное изделие	Верблюду
7	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 28 № 121	Рукавица (войлочная подкладка)	Верблюду
8	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 52 № 112	Стелька, войлок	Верблюду
9	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 53 № 29	Войлок	Верблюду
10	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 53 № 40	Войлок	Верблюду
11	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 63 № 18	Войлок	Верблюду
12	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 64 № 56	Войлочное изделие	Верблюду
13	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 65 № 31	Войлок	Верблюду
14	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 77 № 15	Войлок	Верблюду
15	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 19 кв. 100 № 75	Войлок	Верблюду
16	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 20 кв. 29 № 59	Ткань	Верблюду
17	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 20 кв. 38 № 65	Войлок	Верблюду
18	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 20 кв. 50 № 33	Войлок	Верблюду
19	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 20 кв. 62 № 14	Войлочное изделие в форме треугольника	Верблюду
20	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 20 кв. 74 № 20	Войлочное изделие	Верблюду
21	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 21 кв. 61 № 2	Войлочное изделие	Верблюду
22	2009 г., Пятницкий-I	Пл. 23 кв. 74 № 1 Зап. тр.	Туфля, подкладка	Верблюду
23	2010 г., Пятницкий-I	Пл. 23 кв. 39 № 39	Стелька, подкладка	Верблюду
24	2010 г., Пятницкий-I	Пл. 23 кв. 39 № 39	Туфля, подкладка	Верблюду

Таблица 4. Анализ фрагментов шерстяных тканей из Польши
Table 4. Analysis of fragments of woollen artefacts from excavations in Poland

Место отбора	Предмет	Тип шерсти
Ковшурица XII в.	Ткань (нити)	Верблюд
Ковшурица XII в.	Ткань (нити) (более толстые нити)	Верблюд
Ковшурица XII в.	Ткань (нити)	Верблюд
Рава Мазовецка XIV/XV в.	Ткань (нити)	Верблюд
Рава Мазовецка XIV/XV в.	Ткань (нити)	Верблюд
Колобжек XIV в.	Шнурок	Верблюд
Колобжек XIV в.	Толстая нить	Верблюд
Ныса XIV/XV в.	Ткань (нити)	Верблюд
Пултуск XIV в.	Ткань (нити)	Верблюд
Пултуск XIV в.	Ткань (нити)	Верблюд
Вроцлав X в.	Ткань (нити)	Верблюд

Таким образом, результаты анализов, проведенных с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы, не совпадают с ранее опубликованными исследованиями, в которых утверждалось присутствие на Руси только овечьей шерсти (Левинсон-Нечаева, 1959; Нахлик, 1963). Однако если в публикации М. Н. Левинсон-Нечаевой были только ссылки на работу, проведенную институтом криминалистики, то А. Нахликом было проведено технологическое исследование шерстяных тканей. Столкнувшись с большим разбросом тонины шерстяных волокон от 10 мкм до 140 мкм, что не свойственно для овечьей шерсти (разница в тонине шерсти от одной овцы не превышает 20 мкм), автор предположил, что в тканях используется шерсть нескольких сортов, и ввел понятие сортности тканей. Таких сортов он насчитал четыре. Кстати, в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона указывается, что верблюжья шерсть делится на четыре сорта, а буро-желтый подшерсток, весной снимаемый с верблюда, называется верблюжьим пухом (Брокгауз, Ефрон, 1892. С. 9).

Для характеристики шерстяного волокна А. Нахликом было предложено довольно сложным способом определять среднюю толщину шерсти (так при тонине шерсти от 12 до 128 мкм средняя толщина волокон составляла 44 мкм). Эта величина не позволяла определить не только тонину волокон шерсти, но и процентное содержание волокон, сходных по тонине. Однако в работе

А. Нахликом для нескольких шерстяных тканей приводятся данные по процентному содержанию ости, переходных и пуховых волокон, которые соответствуют процентному составу шерсти верблюда (Николаев, 1962. С. 288).

Результаты, полученные с помощью полиполяризационного исследования, показывают, что фрагменты тканей выполнены из верблюжьей шерсти. Это не означает, что овечья, козья шерсть не использовалась для изготовления тканей, весь вопрос заключается в прочности, сохранности тканей в природных условиях. Из литературных источников известно, что прочность, устойчивость шерсти к бактериям, насекомым, природным условиям связана с наличием в шерсти животных ланолина (животного воска), максимальное количество которого (до 12–18 %) содержится в шерсти верблюда, около 3 % – в овечьей шерсти. С небольшим количеством ланолина в шерсти овец связаны и особые условия их содержания в зимний период. В сырых и грязных помещениях шерсть подпаривается, приобретает желтоватый оттенок, утрачивает крепость, упругость, эластичность (Николаев, 1962; Санжаев, 2004). Также указывается, что после промывки шерсти максимальное количество ланолина остается в шерсти верблюда, этим объясняется и тот факт, что верблюжья шерсть не поддается окраске, не съедается молью (Николаев, 1962).

Полученные результаты являются продолжением работ по использованию метода полиполяризации в археологии при изучении древних тканей

и позволяют сделать вывод, что в силу биологических особенностей из фрагментов шерстяных изделий, обнаруженных при археологических раскопках, остаются только фрагменты из верблюжьей шерсти.

Воскресенский, Тихонов, 1932 – Воскресенский А. А., Тихонов Н. П. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула // Известия ГАИМК. Л., 1932. Т. XI, вып. 7–9.

Брокгауз и Ефрон, 1892 – Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 6.

Глушкова, Сутула, 2008 – Глушкова Т. Н., Сутула А. В. Опыт систематизации археологической информации об археологическом текстиле // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008.

Давидан, 1981 – Давидан О. И. Ткани Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22.

Кочкуркина, Орфинская, 2014 – Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск, 2014 (Тр. Карельского научного центра РАН; № 3).

Куликов и др., 2009 – Куликов В. Е., Кидалов В. Н., Медникова Е. Ю., Носов Е. Н., Шумкин В. Я. Устройство для оптикоэлектронного бесконтактного исследования минералов и органических структур. Патент № 2402753 от 27 октября 2010 г., приоритет изобретения 7 апреля 2009 г.

Куликов и др., 2012а – Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., Носов Е. Н. Способ бесконтактного полиполяризационного исследования минералов и органических структур с различными коэффициентами

пропускания. Патент № 2466379 от 10 ноября 2012 г., приоритет изобретения от 8 апреля 2011 г.

Куликов и др., 2012б – Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С. Опыт исследования тканей из могильника Ноин-Ула методом полиполяризации // РАЕ. СПб., 2012. № 2.

Куликов, Медникова, 2014 – Куликов В. Е., Медникова Е. Ю. Способ бесконтактной полиполяризационной идентификации и определения состава и качества шерсти и растительных волокон. Патент № 2524553 от 05 июня 2014 г., приоритет изобретения от 29 марта 2013 г.

Левинсон-Нечаева, 1959 – Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII в. М., 1959 (Тр. ГИМ; Вып. 33).

Нахлик, 1963 – Нахлик А. Ткани Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4: Жилища древнего Новгорода / Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М., 1963 (МИА; № 123).

Николаев, 1962 – Николаев А. И. Товароведение шерсти. М., 1962.

Павлова, 2015 – Павлова Н. А. Текстильные изделия в погребениях поволжских финнов II н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Pavlova.pdf> (Дата обращения: 13 февраля 2017 г.).

Санжаев, 2004 – Санжаев Ц. С. Продуктивность и некоторые биологические особенности верблюдов в условиях Забайкалья: Дис. ... канд. с-х. наук. Улан-Удэ, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dslib.net/tehnologia-zhivotnovodstva/produktivnyei-nekotorye-biologicheskie-osobennosti-verbljudov-v-uslovijah.html> (Дата обращения: 24 апреля 2017 г.).

Федорович, 1965 – Федорович Е. Ф. Методика исследования археологических тканей // СА. М., 1965. № 4.

Camel and sheep wool

V. E. Kulikov, E. Yu. Mednikova, S. S. Minyaev

The system for optoelectronic contactless analysis of minerals and organic substances by the method of polipolarization developed in the Laboratory of Archaeological Technology at the Institute for the History of Material Culture (ИМК) RAS enables the researchers to identify the raw materials used for manufacture of archaeological textiles. The method of these studies is based on comparative analysis of archaeological

and standard samples using an optoelectronic polipolarization system with computer magnification of 550 times. Analysis of woollen samples from Novgorod, Staraya Russa, Staraya Ladoga and Zalakhtovye established that they all were made from camel wool. Sheep wool is not preserved because of its biological peculiarities. Photographs of the samples of wool are presented.

К юбилею Валентины Михайловны Горюновой

ЭСТИИ И ОКЕАН: О РАСПРОСТРАНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ФИБУЛ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И МЕРОВИНГСКОГО ВРЕМЕНИ¹

М. М. Казанский²

Аннотация. В статье рассматриваются фибулы V–VI вв., распространявшиеся в бассейнах Северного и Балтийского морей и представленные на памятниках самбийско-натангийской культуры, на территории современной Калининградской области, соотносимой с приморскими эстиями. Поэтому распространение предметов женского убора самбийско-натангийской культуры за пределами их основного ареала отражает прежде всего брачные связи, которые были призваны закреплять военно-политические связи между различными варварскими народами. Представленные здесь материалы отражают материальную культуру «среднего класса», видимо также участвовавшего в закреплении межрегиональных и межкультурных контактов путем «смешанных» браков.

Annotation. This paper considers brooches of the 5th–6th century AD distributed throughout the basins of the North and Baltic seas and found at sites of the Sambian-Natangian culture connected with the maritime Aestii in the territory of what is now Kaliningrad Oblast in Russia. Accordingly, the distribution of elements of women's attire of the Sambian-Natangian culture beyond the limits of their main area reflects primarily the marriage ties which were intended for strengthening of the military and political links between different barbarian peoples. The artefacts here published represent the material culture of the 'middle class' which, as it seems, also was taking part in the fixation of interregional and intercultural contacts through 'mixed marriages'.

Ключевые слова: эстии, самбийско-натангийская культура, меровингское время, Балтийское море, Северное море, фибулы, контакты.

Keywords: Aestii, Sambian-Natangian culture, Merovingian Age, Baltic Sea, North Sea, brooches, contacts.

Известия об эстиях, проживавших в Юго-Восточной Прибалтике, у «Свевского моря», попадают к римлянам уже в I в. н. э. Эстии известны Иордану в первой половине VI в. «на побережье Океана» к востоку от устья Вислы (*Иордан*, *Getica*, 36).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Методы элементного и изотопного анализов в изучении историко-культурных связей и образа жизни населения Юго-Восточной Прибалтики (римское время – начало средневековья)», № 16-06-00058-А).

Research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Elemental and isotopic analyses in the study of the historical and cultural relations and life style of the South-Eastern Baltic population (Roman period – the beginning of the Middle Ages)», grant no. 16-06-00058-A.

² Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France. E-mail: michel.kazanski@college-de-france.fr.

Сохранилось также послание Теодориха Великого, написанное Кассиодором в ответ на посольство эстиев, живущих «у берегов Океана», в остроготскую Италию (*Cassiodorus*, *Variae* V.2, русский перевод: *Хенниг*, 1961. С. 60, 61). С эстиями Иордана и Кассиодора хорошо соотносятся памятники самбийско-натангийской культуры (культура Доллькайм–Коврово по терминологии польских исследователей), точнее ее фаза E по хронологии балтийского Барбарикума (450–610/630-е гг.) (см. подробнее: *Kowalski*, 1991; *Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 14–19, 117–120; *Hilberg*, 2009. S. 83–86; *Скворцов*, 2010. С. 180–183). Первые ясные указания на существование морского пути к эстиям появляются лишь в конце IX в., в рассказе о плавании Вульфстана в Вислинский залив, попавшем

в англосаксонский перевод «Истории против язычников» Павла Орозия³.

Мне уже приходилось обращаться к вопросу морских контактов эстиев с Западом в V–VI вв. (*Kazanski, Mastykova, 2005; Казанский, Мاستыкова, 2013; Казанский, 2010; 2013*). Здесь хотелось бы подвести предварительный итог изучения такого важного маркера, как фибулы. Фибулы меровингского происхождения уже давно выявлены в Восточной Пруссии (см. подробнее: *Hilberg, 2009. S. 205–290*, там же библиография). Более всего они характерны для памятников западно-балтской ольштынской группы, занимавшей район Мазурских озер, на некотором удалении от балтийского побережья. Наибольшее количество их западных параллелей находится во внутренней континентальной части меровингского мира, в Германии (Там же. *S. Abb. 7, 51*). Все это позволяет предполагать, что «меровингские» фибулы попадали в Пруссию через Центральную Европу и распространялись при посредстве балтов ольштынской группы. Однако отдельные находки застёжек могут свидетельствовать и о существовании морских контактов по Северному морю и Балтике.

1. Арбалетные фибулы с коротким приемником и рифленой ножкой типа Шёварлинг (*Schönwarling–Skowarcz*) (рис. 1, 1, 2). Они датируются от позднего IV до начала VI в. (*Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 650–652; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 34–40*). Отмечается их концентрация в Юго-Восточной Прибалтике, а также на островах Балтийского моря – Эланд, Готланд и Борнхольм (рис. 1, 3). Отдельные находки фибул типа Шёварлинг известны в Северо-Восточной Эстонии,

³ «...Вульфстан сказал, что он вышел из Хэтума [Хедебю], что он был в Трусо через семь дней и ночей, что корабль весь путь шел под парусами. Справа по борту был Веонодланд, а слева – Лангланд и Лэланд, и Фольстер, и Сконег; и все эти земли принадлежат Денемарку. И далее слева от нас был Бургенеланд, и у них свой собственный король. Далее, за землей бургендов, слева от нас были те земли, которые называются сначала Блэкингаэг и Меоре, и Эоланд, и Готланд и эти земли принадлежат Свеону. И Веонодланд был справа от нас на всем пути до устья Висле. Висле – очень большая река и она разделяет Витланд и Веонодланд; а Витланд принадлежит эстам, а Висле вытекает из Веонодланда и впадает в Эстмере; а ширина Эстмере не менее пятнадцати миль. Далее на востоке в Эстмере впадает Илфинг из озера, на берегу которого стоит Трусо; и они вытекают вместе в Эстмере, Илфинг с востока от Эстланда, а Висле с юга от Винодланда...» (цит. по: *Матузова, 1979. С. 26, 27*).

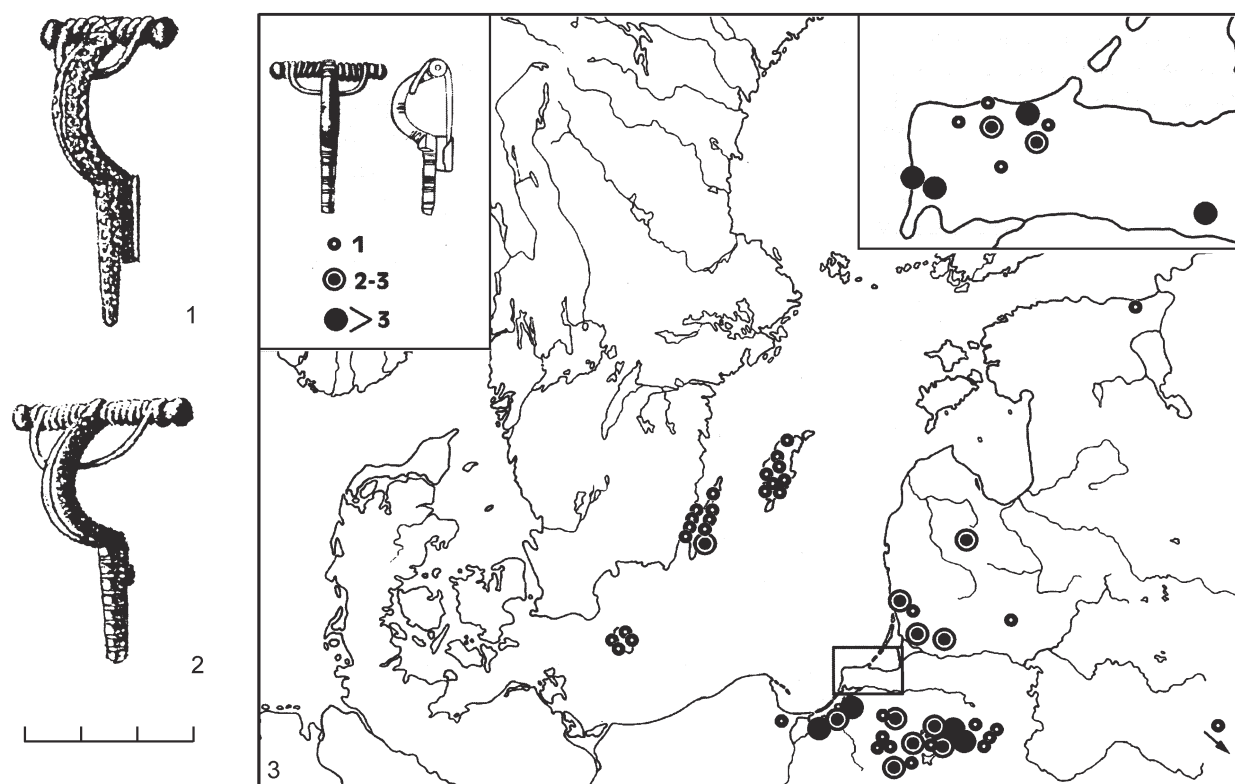
на могильнике Кохтла-Ярве I (*Kohtla-Jarve*) (*Bitner-Wróblewska, 2001. Appendix B. № 356*) и на Рейне, на поселении Эшвайлер (*Eschweiler*), с материалом IV в. (*Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 72, 1*). Несомненно, на Рейн эти фибулы распространялись морем, поскольку их нет на территории континентальной Европы (см. *Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 74*).

2. Рифленые арбалетные фибулы, предшественники типов Эстагель (Estagel) и Дуратон (Duráton) (рис. 2, 1–8) (*Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 643–650*). Застежки этих типов с рифлением по всему корпусу и коротким приемником уже рассматривались мною ранее (*Казанский, 2013. С. 203, 204*). Эти типы бронзовых фибул распространяются в V–VI вв. в Нормандии, Южной Франции и Испании (рис. 3, А). Видимо, к их числу принадлежат также фибулы с рифленным корпусом из Зеефельд (*Seefeld*)–Просторное и Доллькайм (*Dollkeim*)–Коврово, в том числе из погребения 163 (*Кулаков, 2004. С. 24, 25, рис. 62, 2*) (рис. 2, 9–11), с так называемым самландским поясом, характерным для периода D западнобалтской шкалы (приблизительно 375–450 гг.). Они считаются разновидностью застёжек типа Шёварлинг (*Bitner-Wróblewska, 2001. P. 34–41*), но у последних рифление имеется только на ножке (см. выше)⁴.

Прототипом арбалетных фибул с рифленным корпусом являются застёжки позднеримского времени (рис. 2, 12–15), меньших размеров, но с таким же декором («*Raupenfibel*») с относительно коротким приемником и с короткой ножкой, довольно широко распространенные на территории бывшей Восточной Пруссии, на Нижней Висле, а также на островах Балтийского моря. Видимо, появление рифленых фибул на Западе объясняется какими-то контактами с Южной Прибалтикой и бассейном Нижней Вислы (*Казанский, 2013. С. 204*).

3. Арбалетные фибулы типа Руье (Rouillé) с длинной пластинчатой ножкой, расширенной к окончанию (рис. 4, 1–8). Тип выделен М. Шулце-Доррламмом (*Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 652–655*), к нему отнесены находки из Руье в Южной Галлии (рис. 4, 1), португальские фибулы из Конимбриги

⁴ Кроме того, в Юго-Восточной Прибалтике имеются рифленые фибулы типа Доллькайм–Коврово, с приемником, равным по длине ножке (*Bitner-Wróblewska, 2001. P. 41–52*). Здесь они не рассматриваются, поскольку на Запад они не попадают.

Рис. 1. Фибулы типа Шёварлинг: 1, 2 – на Самбийском полуострове (1 – Варникам/Первомайское, погребение № 65; 2 – Доллькайм–Коврово, погребение № 183); 3 – их распространение в Балтийском регионе (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 3, Pl. IV, 1, V, 2)

Fig. 1. Brooches of the Schönwarling type: 1, 2 – on the Sambian Peninsula (1 – Warnikam/Pervomayskoye, burial no. 65; 2 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 183); 3 – their spread throughout the Baltic region

(рис. 4, 3, 4) и фибула с городища Асоте в Латвии (рис. 4, 2). Мне уже приходилось обращаться к этому типу фибул (*Казанский*, 2013. С. 202, 203). При этом выяснилось, что родственными типу Руйе являются застёжки с несколько более длинной дужкой и вытянутой трапецевидной ножкой из кастильского могильника Дурадон, погребения 10 и 294 (рис. 4, 5, 6), а также фибулы из погребения 169 могильника Доллькайм/Коврово на Самбийском полуострове (рис. 4, 7) и, наконец, из погребения 60 натангийского могильника Варникам (Warnikam)–Первомайское, с «самландским» поясом (см. выше) (*Кулаков*, 1997. Рис. 12, *Wa-60, 1*) (рис. 4, 8)⁵. По находкам в некрополе Дурадон дата западных фибул типа Руйе и родственных им может

⁵ Похожие застёжки известны в Средней Швеции и в Эстонии. Пожалуй, самой крайней точкой на севере будет арбалетная фибула из юго-западной Финляндии, видимо представляющая местную переработку импортного прототипа (*Uskela – Watterfabrik*). Правда, эти северные застёжки имеют несколько иные пропорции – ножка у них короче, а дужка длиннее – и скорее всего представляют параллельную линию развития фибул (*Казанский*, 2013. С. 202, 203).

быть определена в рамках позднего V – раннего VI в., приблизительно 470–530 гг. Их балтийские параллели, если судить по находке в некрополе Варникам–Первомайское, с «самландским» поясом, должны датироваться несколько более ранним временем: концом IV – первой половиной V в. (см. подробнее: *Казанский*, *Мастыкова*, 2013. С. 101–103; *Казанский*, 2013. С. 203, там же библиография). Широкую географию распространения фибул, подобных Руйе, можно объяснить существованием их общего прототипа. Видимо, это близкие по форме арбалетные фибулы с более короткой трапецевидной ножкой, поздне римского времени и начала переселения народов (рис. 4, 9–14) и распространенные в Северной Германии и у западных балтов (*Schultze*, 1977. S. 83–85; *Nowakowski*, 1996. S. 160, Karte 8) (см. подробнее: *Казанский*, 2013. С. 203, там же библиография).

4. Фибулы типа Монсхейм–Либенау–Вест–Стуй (Monsheim–Liebenau–West Stow) и их дериваты (*Kühn*, 1974. S. 878–888; *Böhme*, 1986.

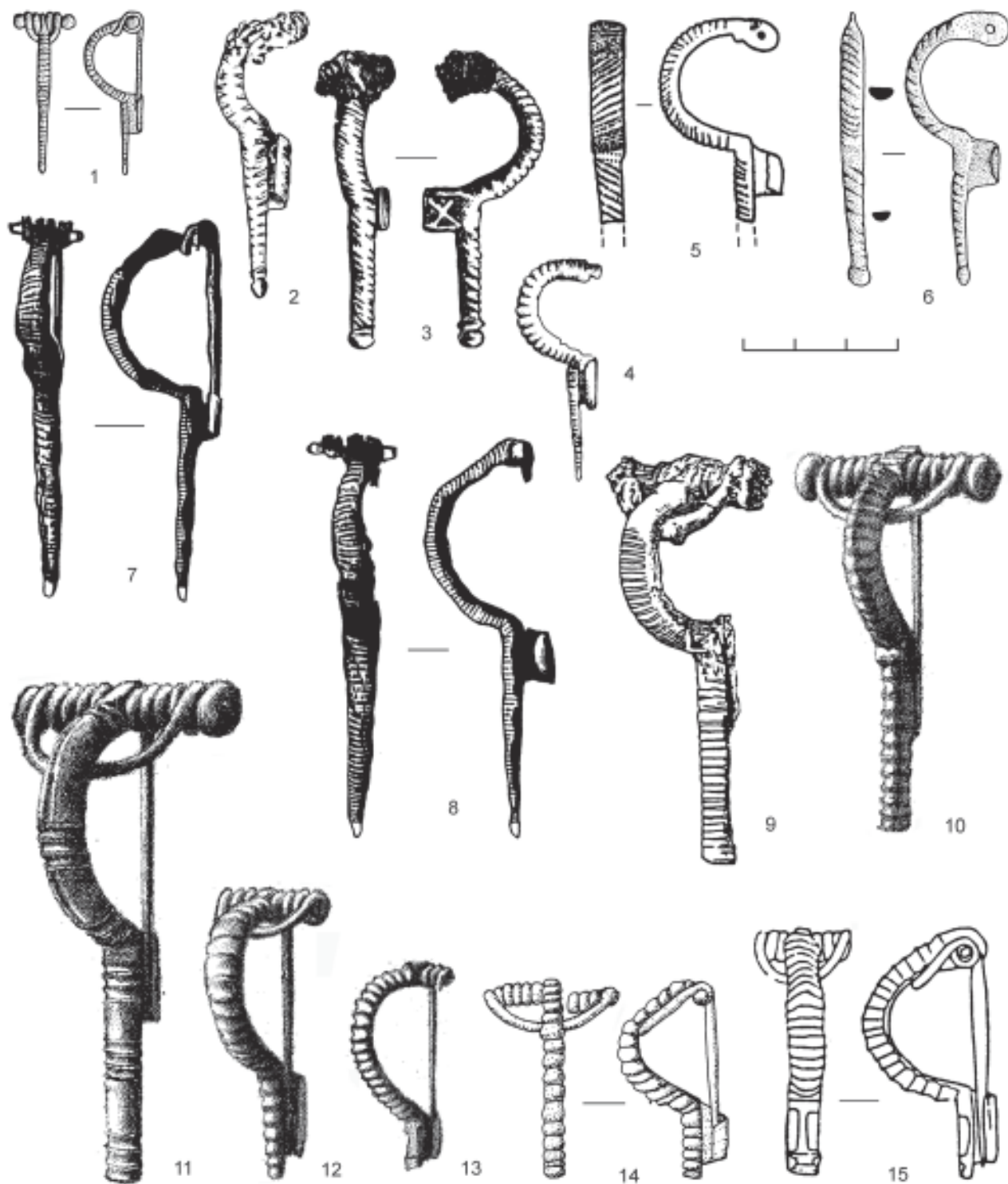
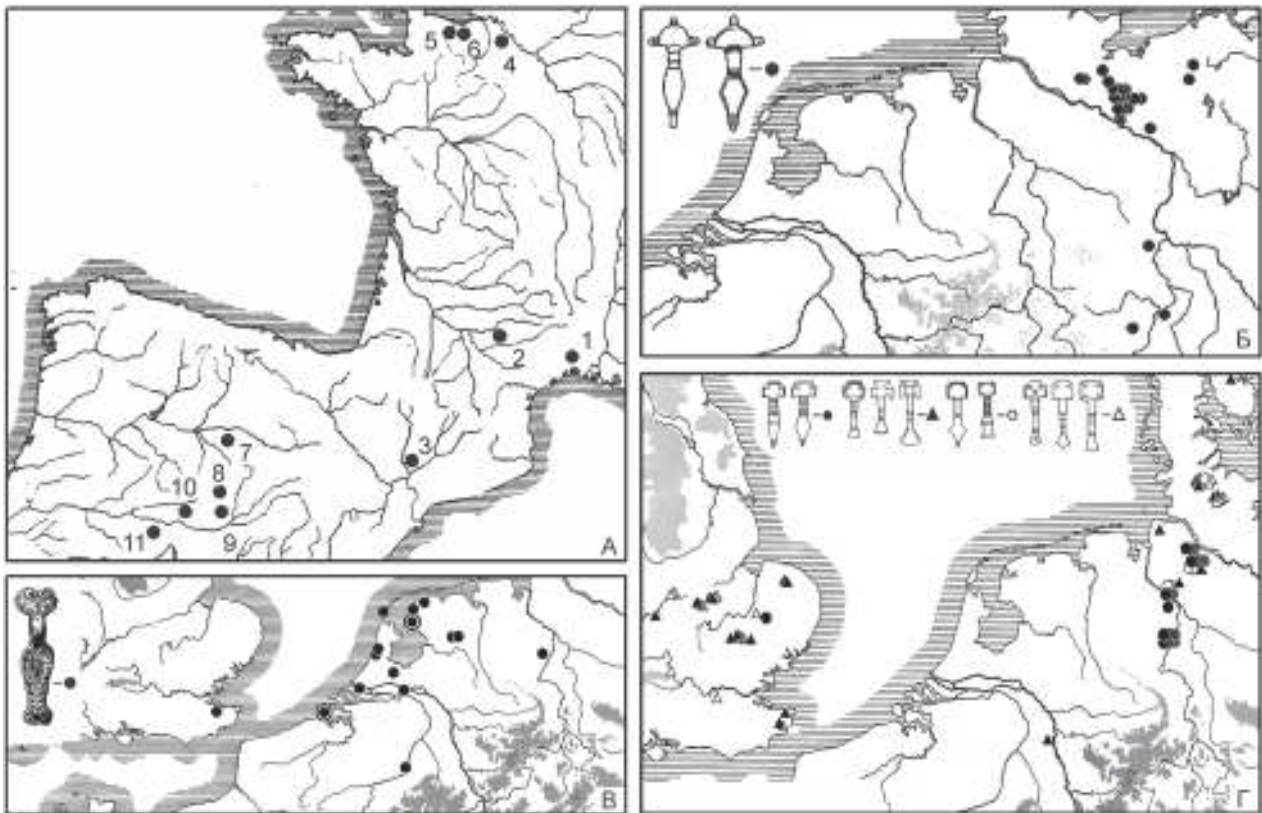

Рис. 2. Рифленые фибулы типов Дуратон и Эстажел, их восточные параллели и прототипы (Казанский, 2013. Илл. 5): 1 – Виндрак; 2 – Зарза-де-Грандилья; 3 – Мондевилль; 4 – Сен-Пьер-де-Воврэ; 5 – Алкала-де-Энарес; 6 – Монмира; 7, 8 – Френувиль; 9 – Зеэфельд/Просторное; 10 – Доллькайм–Коврово, погребение № 165; 11 – Доллькайм–Коврово, погребение № 163; 12 – Зеераппен/Люблино, погребение № 25; 13 – Доллькайм–Коврово; 14 – Прущ-Гданьский, погребение № 7; 15 – Прущ-Гданьский, погребение № 328

Fig. 2. Corrugated brooches of the Durátón and Estagel types, their eastern parallels and prototypes: 1 – Vindrac; 2 – Zarza de Grandilla; 3 – Mondeville; 4 – Saint-Pierre de Vauvray; 5 – Alcalá de Henares; 6 – Montmirat; 7, 8 – Frénouville; 9 – Seefeld/Prostornoye; 10 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 165; 11 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 163; 12 – Seerappen/Lyublino, burial no. 25; 13 – Dollkeim–Kovrovo; 14 – Pruszcz Gdański, burial no. 7; 15 – Pruszcz Gdański, burial no. 328

Рис. 3. А – находки рифленых фибул типов Дурадон и Эстагель (Казанский, 2013. Ил. 6): 1 – Монмира; 2 – Виндрак; 3 – Торренте-де-Кинка; 4 – Сен-Пьер-де-Воврэ; 5 – Френувиль; 6 – Мондевилль; 7 – Дурадон; 8 – Алкала-де-Энарес; 9 – Лос-Сантос-де-ла-Умоза; 10 – Зарза-де-Грандилья; 11 – Кацерес-эль-Виехо;

Б–Г – распространение некоторых типов двухпластинчатых фибул, представленных в Юго-Восточной Прибалтике: Б – тип Брейтенфурт–Притцер–Пердхёл (*Böhme*, 1986. Abb. 73); В – тип Домбург (*Koch*, 1998. Karte 29); Г – тип Монсхейм–Либенау–Вест–Стоу (*Böhme*, 1986. Abb. 72)

Fig. 3. А – finds of corrugated brooches of the Duráton and Estagel types: 1 – Montmirat; 2 – Vindrac; 3 – Torrente de Cinca; 4 – Saint-Pierre de Vauvray; 5 – Frénouville; 6 – Mondeville; 7 – Duráton; 8 – Alcalá de Henares; 9 – Los Santos de la Humosa; 10 – Zarza de Grandilla; 11 – Cáceres el Viejo;

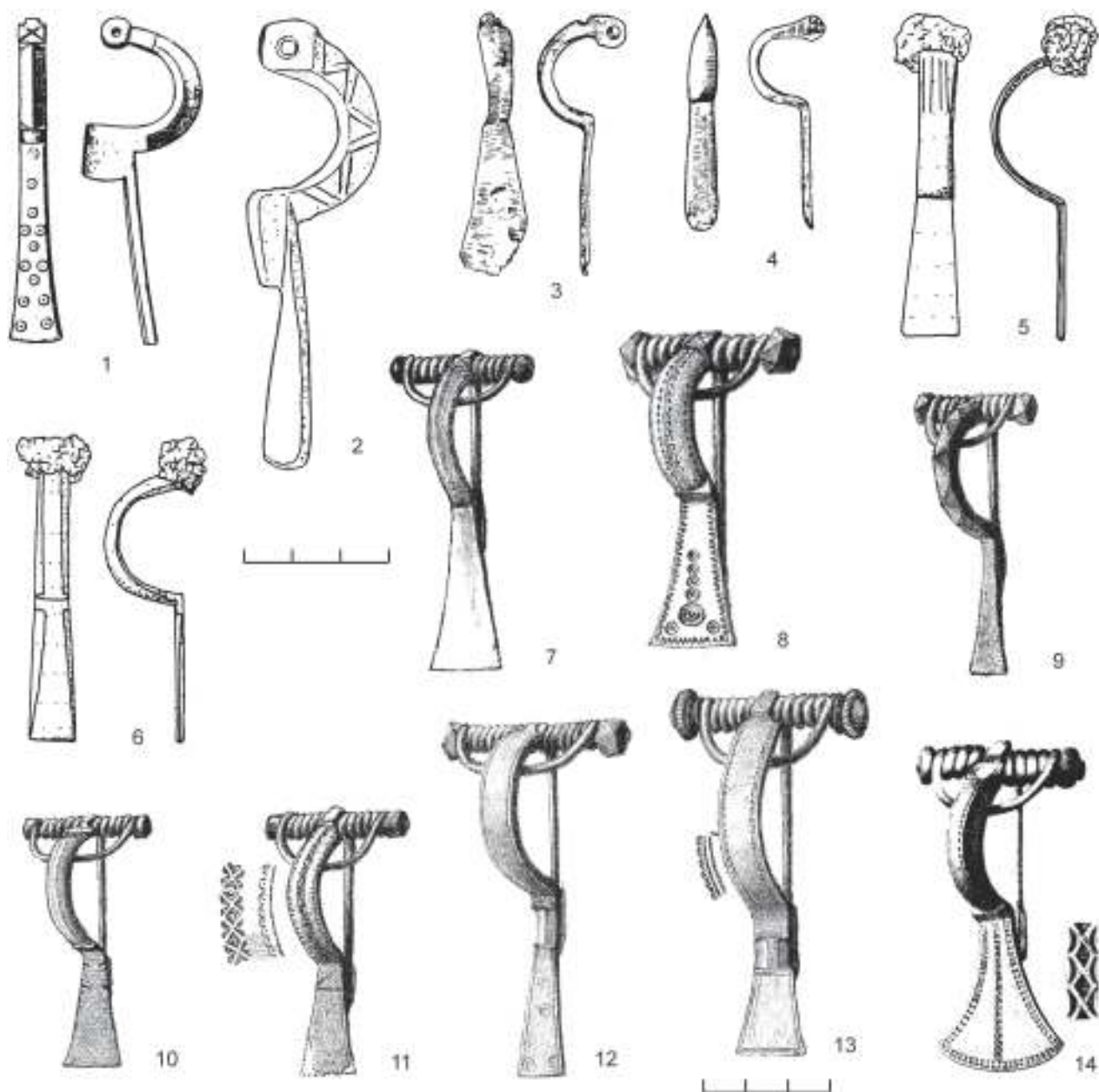
Б–Г – distribution of some types of two-plate brooches found in South-Eastern Baltic region: Б – type Breitenfurt–Pritzler–Perdhöl; В – type Domburg; Г – type Monsheim–Liebenau–West Stow

S. 554–556) с ромбической ножкой и прямоугольной головкой (рис. 5, 1). Они датируются 450/470 – 500/520 гг. и являются типичными для континентальных саксов нижнего течения Эльбы и Везера (рис. 3, Г). Эти фибулы и их имитации хорошо известны в Самбии, Натангии и далее на восток, на Куршском побережье. В качестве примера назовем фибулы из Доллькайм–Коврово (Кулаков, 2004. Рис. 80, № 15093; Hilberg, 2009. Taf. 13, 99; 14, 100–106) (рис. 5, 1). Можно предположить, что фибулы типа Монсхейм и их подражания распространялись вдоль морского побережья, а район Шлезвига служил связующим звеном между североморским и балтийским отрезками этого пути

(Kazanski, Mastykova, 2005. P. 120; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 106)⁶.

5. Фибулы типа Брейтенфурт (Breitenfurt) и их дериваты (*Kühn*, 1974. S. 869–877; *Böhme*, 1986. S. 558) (рис. 5, 2–6). Эти трехпалые фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой имеют саксонское происхождение (*Böhme*, 1986. S. 558) и датируются 450/470 – 500/520 гг. Их восточная форма Притцер–Пердхёл (Pritzler–Perdhöl) лучше всего представлена к востоку от Эльбы, в Гольштинии (рис. 3, Б). Они (или их имитации)

⁶ Ф. Хильберг высказал сомнения относительно существования такого пути, однако не привел никаких аргументов (*Hilberg*, 2009. S. 207).

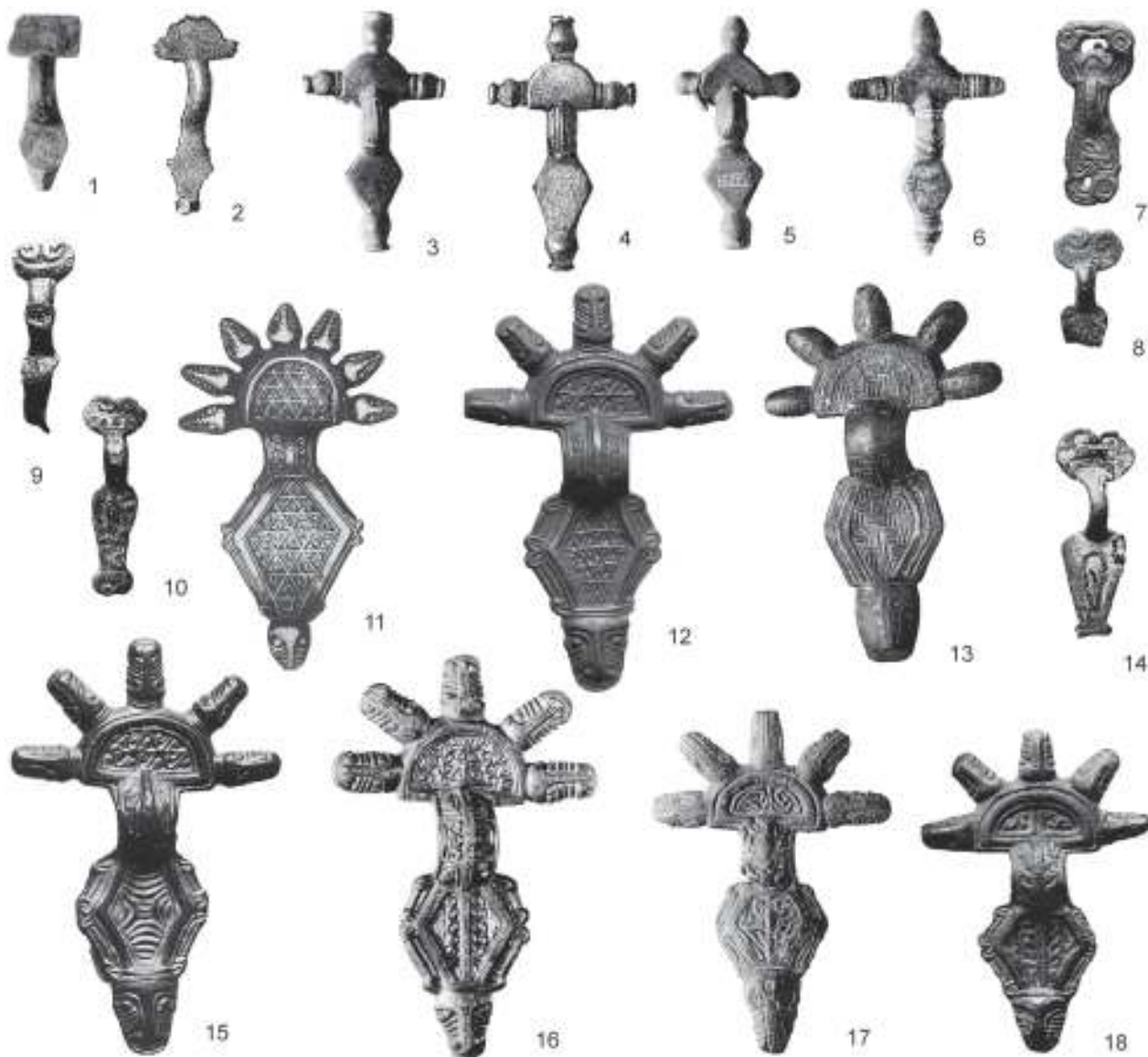

Рис. 4. Фибулы типа Рулле, их восточные параллели и прототипы (Казанский, 2013. Илл. 4): 1 – Рулле; 2 – Асоте; 3, 4 – Конимбрига; 5 – Дуратон, погребение № 294; 6 – Дуратон, погребение № 10; 7 – Доллькайм–Коврово, погребение № 169; 8 – Варникам/Первомайское, погребение № 60; 9 – Грейбау/Люблино–Краснолесье, погребение № 213; 10 – Рантау/Пионерский–Заречье; 11 – Варникам/Первомайское, погребение № 44; 12 – Полвиттен/Ровное, погребение № 28; 13 – Лиекайм/Наликаймы; 14 – Штейнбах

Fig. 4. Brooches of the Roullé type, their eastern parallels and prototypes: 1 – Roullé; 2 – Asote; 3, 4 – Conimbriga; 5 – Duráton, burial no. 294; 6 – Duráton, burial no. 10; 7 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 169; 8 – Warnikam/Pervomayskoye, burial no. 60; 9 – Greibau/Lyublino–Krasnoles’ye, burial no. 213; 10 – Rantau/Pionersky–Zarech’ye; 11 – Warnikam/Pervomayskoye, burial no. 44; 12 – Polvitten/Rovnoye, burial no. 28; 13 – Liekeim/Nalikajmy; 14 – Steinbach

также хорошо известны на памятниках Восточной Пруссии (Hilberg, 2009. S. 205–207, Fudnliste 8), например, на могильниках самбийско-натангийской культуры Доллькайм–Коврово или Шлакалькен (Schlakalken) (Hilberg, 2009. Taf. 13, 95, 96, 97, 108,

109; 34, 300) и на Куршском побережье. Видимо, как и в случае с фибулами Монсхейм (см. выше), распространение моды на эти застёжки шло морским путем (Kazanski, Mastykova, 2005. P. 120; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 106).

Рис. 5. Некоторые фибулы из Юго-Восточной Прибалтики и их западные параллели: 1–5 – Доллькайм–Коврово (Hilberg, 2009. Taf. 13, 94, 95, 97, 99, 108a); 6 – Шлакалькен/Заостровье (Hilberg, 2009. Taf. 34, 300); 7 – Калару, погребение № 16 (Hilberg, 2009. Taf. 18, 139); 8–10, 14 – Домбург (Koch, 1998B Taf. 57, 1–4); 11 – Дур (Koch, 1998. Taf. 38, 1); 12 – Тумяны, погребение № 34 (Hilberg, 2009. Taf. 6, 45); 13 – Тумяны (Hilberg, 2009. Taf. 10, 75); 15 – Фридрикенхайн/Ягельки (Hilberg, 2009. Taf. 15, 115); 16 – Косево, погребение № 366 (Hilberg, 2009. Taf. 1, 7); 17 – Восточная Пруссия (Hilberg, 2009. Taf. 28, 241); 18 – Шёварлинг (Hilberg, 2009. Taf. 34, 301)

Без масштаба

Fig. 5. Some brooches from South-Eastern Baltic region and their western parallels: 1–5 – Dollkeim–Kovrovo; 6 – Schlakalken/Zaostrovye; 7 – Kellaren/Kielary, burial 16; 8–10, 14 – Domburg; 11 – Dour; 12 – Daumen/Tumiany, burial no. 34; 13 – Daumen/Tumiany; 15 – Friedrikenhain/Jagielki; 16 – Kossewen/Kosewo, burial no. 366; 17 – Eastern Prussia; 18 – Schönwarling/Skwarzec
Without scale

6. Фибулы балтско-мазурского типа, соответствующие типу Koch III.5.5 (рис. 5, 11). Эти пальчатые фибулы с ромбической ножкой признаны А. Кохом, вслед за И. Вернером, балтскими, происходящими из Мазурии (Werner, 1951. S. 58; Koch, 1998. S. 253–254). На Западе имеется лишь одна

случайная находка на территории Бельгии – это серебряная позолоченная фибула длиной 13,1 см из Дур (Dour) в Бельгии (Koch, 1998. Taf. 38, 1). Зато подобные фибулы хорошо известны в Южной Прибалтике, в памятниках ольштынской группы в Мазурии и в Восточной Померании (Mączyńska, 2007.

S. 155, 156, Abb. 2, 7–9). Наиболее точной параллелью является фибула из белого металла длиной 10,2 см из ольштынского могильника Тумяны (Daumen–Tumiany), погребение 34 (*Jakobson*, 2009. 42, Taf. 21, a; *Hilberg*, 2009. S. 374, Taf. 6, 45) (рис. 5, 12). Погребение отнесено к периоду E2 балтской хронологии, то есть к 520–610/625 гг. Видимо, де-риватом этого типа является другая фибула из Тумян (Там же. Taf. 10, 75) (рис. 5, 13). Также близкими по общей морфологии, форме ножки, головки и наличию зооморфных выступов, но с иным декором являются застежки, происходящие с таких памятников ольштынской группы, как Фридрикенхайн–Ягельки (Friedrikenhain–Jagielki) (Там же. Taf. 15, 115), Косево (Kossewen/Kosewo), погребение 366 (Там же. S. 352, Taf. 1, 7). Упомянем и такие находки из «Восточной Пруссии» (Там же. Taf. 28, 241, 30, 261) и Шёварлинг (Schönwarling/Skwarcz) (Там же. Taf. 34, 301) (рис. 5, 15–18). Ареал данных фибул однозначно свидетельствует о балтийском происхождении фибулы из Бельгии.

7. Фибулы типа Domburg–Koch IX (*Koch*, 1998. S. 450–454) (рис. 5, 3). Эти фибулы распространены в бассейне Северного моря, в основном на территории Нидерландов (Там же. Fundliste 29, Karte 29), поэтому данный тип признается типично нидерландско-фризонским. Общая предполагаемая дата фибул – от 520/530 по 610/630 гг. (Там же. S. 452, 453, Typentafel 4). Прототипы этих фибул надо искать в тюрингской среде средней Германии и Чехии (Там же. 1998. S. 453).

Особое внимание привлекают фибулы с двумя стилизованными птичьими головками, происходящие из случайных находок в Домбурге (Domburg) в Зеландии (Там же. № 650–653, Taf. 57, 1–4) (рис. 3, B; 5, 8–10, 14). Имеются и деградированные, вероятно более поздние формы (Там же. Taf. 57, 5–8). Представляется, что бронзовая фибула длиной 4,1 см (рис. 5, 7) из ольштынского могильника Келлары (Kielary/ Kellaren), погребение 16 (*Jakobson*, 2009. S. 72, Taf. 122, a; *Hilberg*, 2009. Taf. 18, 139), очень близка фибулам из Домбурга. Данное погребение отнесено к стадии E3 западнобалтской хронологии, то есть приблизительно к 610/625–650/675 гг. Если принять нидерландские параллели, то к балтам в Пруссию упомянутая фибула могла попасть только по морю.

* * *

Распространение этих фибул следует рассматривать в контексте морских контактов древних эстиев. По мнению И. Вернера, эти морские связи с Западом осуществлялись через территорию современной Дании и острова Балтийского моря (*Werner*, 1951. S. 61). Действительно, в V–VI вв. балтийский регион связан с общеевропейской сетью коммуникаций и составляет часть северо-европейского морского пути (*Vierck*, 1967. S. 59–63; 1981 S. 65, Abb. 1). Этот путь проходил по Балтийскому и Северному морям (*Vierck*, 1967. Fig. 52) либо через датские проливы, либо через Ютландию, либо, наконец, с перевалочным пунктом у основания Ютландского перешейка (*Kazanski, Mastykova*, 2005; *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 108, 109). Роль торговли в этих контактах очевидна, однако ее не стоит преувеличивать, поскольку политические альянсы между разными племенами, а также чисто военные события – набеги с целью грабежа – играли не меньшую роль (*Несман*, 1989. С. 21).

В традиционных обществах женский костюм имел особый сакральный статус и его элементы перемещались обычно вместе с их носительницами, либо в результате экзогамных браков, либо вследствие каких-то экстраординарных событий (*Мастыкова*, 2009. С. 7, там же библиография). Поэтому исследователи балтских древностей предполагают, что распространение предметов женского убора самбийско-натангской культуры за пределами их основного ареала отражает прежде всего брачные связи (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 124, 125). Брачные союзы, как правило, закрепляли военно-политические связи между различными варварскими народами. Важно отметить, что представленные здесь материалы ни в коей мере не связаны с престижной «княжеской» цивилизацией, но отражают материальную культуру «среднего класса» (Там же. P. 121–126), видимо также участвовавшего в осуществлении межрегиональных и межкультурных контактов путем «смешанных» браков.

Иордан, Getica – Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001.

Казанский, 2010 – *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения на-

- родов // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 4: Рим и варвары: от Августа до Августула.
- Казанский, 2013 – Казанский М. М. Арбалетные фибулы эпохи переселения народов в Южной Галлии и «северный след» // АСГЭ. СПб., 2014. Вып. 39: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М. Б. Щукина посвящается.
- Казанский, Мастыкова, 2013 – Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб., 2013.
- Кулаков, 1997 – Кулаков В. И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-Археалагічны Зборник. Минск, 1997. № 12.
- Кулаков, 2004 – Кулаков В. И. Доллькайм–Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.
- Мастыкова, 2009 – Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М., 2009.
- Матузова, 1979 – Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
- Несман, 1989 – Несман У. Этнос и связи на Балтике в V–X веках нашей эры // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря / Отв. ред. В. М. Масон. Л., 1989.
- Скворцов, 2010 – Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIX вв. (Калининградская область). М., 2010. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15).
- Хенниг, 1961 – Хенниг Р. Посольство эстов в Италии у Теодориха // Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961.
- Bitner-Wróblewska, 2001 – Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Böhme, 1986 – Böhme H.-W. Das Ende der Römerherrschaft in Britannien und die angelsächsische Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1986. Vol. 33.
- Hilberg, 2009 – Hilberg V. Masurische Fibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. II. Neumünster, 2009.
- Jakobson, 2009 – Jakobson F. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. I. Neumünster, 2009.
- Kazanski, Mastykova, 2005 – Kazanski M., Mastykova A. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des Grandes Migrations et au début de l'époque mérovingienne // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / Plumier J., Regnard M. (dir.). Namur, 2005.
- Koch, 1998 – Koch A. Bügelfibeln der Merowingerzeit im Westlichen Frankreich. Mainz; Bonn, 1998.
- Kowalski, 1991 – Kowalski J. Z badań nad chronologią okresu węderówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E) // Archeologia bałtyjska / Judzińska H. (red.). Olsztyn, 1991.
- Kühn, 1974 – Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz, 1974.
- Mączyńska, 2007 – Mączyńska M. Pommern in der Völkerwanderungszeit – 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // Barbaren im Wandel / Tejral J. (Hrsg.). Brno, 2007.
- Nowakowski, 1996 – Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.
- Schultze, 1977 – Schultze M. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter. Bonn, 1977.
- Schulze-Dörrlamm, 1986 – Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus den Gebieten westlich des Reins und südlich der Donau // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1986. Vol. 33.
- Vierck, 1967 – Vierck H. Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsächsischer Beziehungen im sechsten Jahrhundert // Suomen Museo. 1967. Vol. 74.
- Vierck, 1981 – Vierck H. Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) / Zeitler R. (dir.), Uppsala. 1981.
- Werner, 1951 – Werner J. Eine ostpreussische Bügelfibel aus dem Hennegau // Germania. 1951. Vol. 29.

Aestii and the Ocean (distribution of some types of brooches of the Migration Period and Merovingian Age)

M. M. Kazanskiy

This paper considers brooches of the 5th–6th century AD distributed throughout the basins of the North and

Baltic seas and found at sites of the Sambian–Natangian (Dollkeim–Kovrovo) culture believed to have been

connected with the maritime Aestii in the territory of what is now Kaliningrad Oblast in Russia. These artefacts are important for studies of ancient interregional and intercultural contacts since, in the traditional communities, elements of women's attire, including fibulae, are among the most conservative features of material culture. Here some arbalest-shaped brooches (types of Schönwarling, Duráton, Estagel, Rouillé), as well as fibulae with a rhomboid foot-plate and rectangular or semispheric head (types of Monsheim-Liebenau-West Stow and Breitenfurt), fingered brooches (types of Koch III.5.5 and Domburg – Koch IX) are considered. The spread of these fibulae was taking place in connection with establishing the trans-European oceanic route along the southern coast of the North Sea and Baltic Sea region. This route passed through Danish straits and via Jutland with the final transshipping point at the base of the Jutland

isthmus. The role of trade in these contacts is undoubted, however political alliances between different tribes, as well as merely war events (plundering raids) were of no less importance. The spread of elements of women's attire in traditional societies, except for certain articles (e.g. beads) cannot indicate the existence of trade connections since the female costume had a special sacral status and was transferred only with its bearers. Therefore the appearance of 'female' articles of the Sambian-Natangian culture outside the limits of their main area reflects primarily marriage links. These, as a rule, fixed the military and political ties between different barbarian peoples. The materials here published pertain to no prestigious 'princely' civilisation but reflect the material culture of the 'middle class' which, as it seems, also participated in the fixation of the interregional and intercultural contacts through 'mixed marriages'.

КЛАД «ДРЕВНОСТЕЙ АНТОВ» ИЗ СУДЖИ–ЗАМОСТЬЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАЛЛА

В. Е. Родинкова, А. Н. Егорьков¹

Аннотация. В статье представлены результаты оптического эмиссионного спектрального анализа и характеристика металла предметовклада из Суджи–Замостья, принадлежащего к I группе днепровских раннесредневековых кладов (типа Мартыновского). Изучено 120 проб. Выделены три группы сплавов: свинцово-оловянные, на медной основе и биллоны. Установлено, что принадлежности женского убора «мартыновского» типа выполнены преимущественно из латуни, сплавленных со свинцово-оловянной лигатурой. Детали мужских поясных наборов и предметы, связанные с оружием и воинским снаряжением, изготовлены из низкопробного серебра.

Annotation. This article presents results of optical emission spectral analysis and characteristics of the metal of objects from a hoard from Sudzha-Zamostye. This assemblage of artefacts belongs to Group I of the early mediaeval Dnieper hoards (e. g. of the Martynovka type). One hundred and twenty samples were studied. Three groups of alloys have been identified: lead-tin, copper alloys and billons. The female ornaments of the 'Martynovka type' were made predominantly from brasses with small contents of lead-tin alloys. Parts of male belt sets, weaponry and military equipment are made from low-quality silver.

Ключевые слова: Раннее Средневековье, Поднепровье, клады типа Мартыновского, химический состав металла, оптико-эмиссионная спектрография.

Keywords: Early Middle Ages, Dnieper region, hoards of Martynovka type, chemical composition of metal, optical emission spectrography.

Современный этап изучения яркого вещевого комплекса, известного в литературе под условными наименованиями «древности антов» или «изделия круга днепровских раннесредневековых кладов», начался в 90-х годах прошлого века. Свидетельством роста научного интереса к этому материалу и одновременно стимулом для дальнейших изысканий послужили в том числе работы В. М. Горюновой. Ее статьи, посвященные кладу из Великих Будков (Горюнова, 1987. С. 85–93; 1992. С. 126–141), в котором присутствуют близкие составляющим знаменитый Мартыновский комплекс вещи, как и новое обращение к самому Мартыновскому сокровищу (Приходнюк и др., 1991. С. 72–92), стали первыми в ряду исследований, ознаменовавших возвращение проблематики

«древностей антов» в отечественную науку после заметного перерыва. Трудно переоценить значение подготовленной В. М. Горюновой совместно с О. А. Щегловой публикации каталожной части фундаментального труда Г. Ф. Корзухиной, посвященного раннесредневековым украшениям Поднепровья (Корзухина, 1996). До ее издания в распоряжении специалистов были лишь краткие, не учитывающие более поздние находки перечни, составленные А. А. Спицыным (Спицын, 1928. С. 492–495) и Б. А. Рыбаковым (Рыбаков, 1953. С. 23–104). Свод Г. Ф. Корзухиной вывел изучение данного вещевого комплекса на новый уровень, предоставив широкие возможности для сравнительного анализа и позволив вписать в конкретный контекст новые материалы, взрывообразным увеличением количества которых характеризуются последние десятилетия. Наконец, В. М. Горюнова опубликовала полученные В. А. Галибиным данные о составе металла предметов Великобудковского клада (Горюнова, 1992. С. 132, 133, 135) и поставила вопрос о месте изделий из свинцово-оловянных

¹ Родинкова В. Е. – Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН, Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья.

Егорьков А. Н. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

сплавов в уборе раннесредневекового населения Поднепровья (Горюнова, 1987). Тем самым была заложена основа весьма активно развивающегося сегодня направления исследований – анализа химического состава металла «древностей антов».

Продолжая работу в этом направлении, в настоящей статье мы представляем результаты оптико-эмиссионной спектрографии и характеристику металла предметов клада из Суджи–Замостья, одного из наиболее крупных и сложных комплексов типа Мартыновского². Анализ произведен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, исследовано 120 проб.

Основу рассматриваемого комплекса, найденного в 2009 г. на территории слободы Замостье, примыкающей к г. Суджа Курской области, составляют «древности антов» I группы, датируемые в пределах конца VI/рубежа VI–VII – середины/третьей четверти VII в. (Гавриутхин, 1996. С. 58–95). Принадлежности *женского убора* «мартыновского» типа – фибулы пальчатые и с каймой из птичьих голов, односпиральные височные кольца, гривны, браслеты, трапециевидные и двуспиральные подвески, колокольчики, пронизки, цепочки

² Информацию о кладе, в том числе о наборе типов и категорий и составе металла входящих в него вещей, см.: Кашкин, Родинкова, 2010. С. 84, 86, рис. 5; Родинкова, Егорьков, 2012; Родинкова, 2012. С. 151–158.

и др. – в анализируемой выборке представлены 54 образцами. Только два предмета отлиты из биллона (табл. 2, 103, 111), остальные 52 пробы – сплавы на медной основе (табл. 1, 1–3, 7, 13, 14, 17–62). Преимущественно это латунь с небольшим приплавом свинцово-оловянной лигатуры (пьютера). Высокое содержание свинца показывают лишь фрагмент височного кольца (табл. 1, 25) и браслет с концами в виде змеиных голов (табл. 1, 26). По-видимому, свинец здесь введен самостоятельно; раннеславянскому населению он был доступен в элементном виде (Егорьков, 2013. С. 161). Из технической меди, загрязнения которой вызваны, вероятно, плавлением в тиглях, где раньше находился металл иного состава, изготовлена трапециевидная подвеска (табл. 1, 40). Анализ проб, взятых у трех трапециевидных подвесок и прикрепленных к ним проволочных колечек (табл. 1, 37, 38, 40, 41, 43, 44), показал отсутствие корреляции состава металла пластины и колечка. Подборка близкого по характеристикам сплава для обеих частей не проводилась, его состав носит случайный характер. В подавляющем большинстве случаев свинец в изученных образцах преобладает над оловом, и лишь на уровне низких концентраций содержание олова может несколько превышать содержание свинца (табл. 1, 23) или быть равным ему (табл. 1, 29, 34).

Таблица 1. Клад из Суджи–Замостья. Сплавы на медной основе

Table 1. Hoard from Sudzha–Zamostye. Copper alloys

№ п/п	№ ВХ ЭФЗК	Предмет	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примечания
1	101–103–225/1,2–2012	Фибула с каймой из птичьих голов	845–35	0,02	0,2	0,02	–	0,6	0,01	–	2,5	0,04	0,9	3,2	Окончание ножки
2	99–225/1,2–2012	Фибула пальчатая	835–36	0,05	0,2	0,03	–	0,2	0,01	0,2	1,0	0,03	0,1	4,0	
3	98–225/1,2–2012	Фибула пальчатая	845–37	0,02	0,3	0,1	0,01	0,3	0,02	0,2	5,1	0,04	1,6	16	
4	108,109–225/1,2–2012	Фибула литая двупластинчатая	845–38	0,1	0,2	0,03	0,01	0,7	0,02	0,3	3,4	0,06	11	4,0	Дужка
5	107–225/1,2–2012	Фибула литая двупластинчатая	845–39	0,1	0,3	0,04	0,02	0,5	0,02	0,3	6,2	0,09	13	2,8	Ножка
6	107–225/1,2–2012	Фибула литая двупластинчатая	845–40	0,01	0,2	0,1	0,04	0,08	0,03	0,07	3,7	0,07	0,03	18	Иглоприемник
7	100,105,106–225/1,2–2012	Фибула пальчатая	845–41	0,08	0,2	0,04	–	0,3	0,01	0,2	4,6	0,06	4,4	18	Ножка
8	74–313/3–2012	Изделие пластинчатое с тисненым орнаментом, фрагмент	846–23	–	0,4	0,03	–	0,06	0,02	0,6	3,8	0,04	0,2	16	
9	58–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с тисненым орнаментом, фрагмент	845–42	0,02	0,2	0,08	–	0,4	0,01	0,08	3,7	0,03	0,4	14	

10	156–225/1,2–2012	Поясной наконечник с выступами по бокам	846–46	0,1	–	–	0,09	0,03	0,03	0,2	0,1	–	–	Крепежная пластина на обороте	
11	174–225/1,2–2012	Накладка литая с орнаментом из пирамидок, фрагмент	845–44	0,06	0,5	0,1	–	0,06	0,01	0,3	2,4	0,02	0,09	8,3	
12	173–225/1,2–2012	Накладка литая с орнаментом из пирамидок, фрагмент	845–45	0,1	0,5	0,3	–	0,07	0,02	0,2	3,0	0,02	0,1	9,1	
13	171–225/1,2–2012	Колокольчик	845–46	0,09	0,4	0,1	–	0,5	0,02	0,1	9,1	0,02	7,3	11	
14	Б/н	Фибула	846–58	–	0,2	0,04	–	0,01	0,02	0,08	1,6	0,02	–	14	Иглоприемник
15	172–225/1,2–2012	Накладка литая с орнаментом из пирамидок	851–29	0,05	0,5	0,2	–	0,7	0,01	0,2	3,6	0,04	0,4	14	
16	175–225/1,2–2012	Накладка литая подковообразная	851–30	0,04	0,4	0,2	–	0,5	0,02	0,2	1,2	0,04	1,8	15	
17	37–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–31	–	0,2	0,04	0,02	9,1	0,02	0,06	6,0	0,05	0,4	19	Спираль
18	46–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–32	0,01	0,2	0,02	–	0,04	0,01	0,05	3,9	0,03	0,4	19	Дужка
19	48–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–33	0,1	0,8	0,01	–	0,03	0,01	0,02	0,4	0,03	0,3	5,3	Дужка
20	44–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–34	0,02	0,1	0,03	–	0,07	0,02	0,03	2,0	0,07	0,1	15	Дужка
21	43–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	852–13	0,04	–	0,02	–	0,1	0,01	0,05	2,5	0,04	0,1	12	Дужка
22	41–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–36	0,1	0,2	0,03	0,01	0,07	0,01	0,05	3,9	0,04	0,3	17	Спираль
23	40–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–37	0,01	0,1	–	–	0,02	0,01	0,02	0,2	0,01	0,3	9,8	Спираль
24	35–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–38	0,01	0,1	0,01	–	0,07	0,01	0,04	4,9	0,03	0,2	18	Дужка
25	38–225/1,2–2012	Кольцо височное односпиральное, фрагмент	851–39	0,01	0,2	0,02	–	0,3	0,02	0,05	16	0,06	0,3	21	Дужка
26	115,116–225/1,2–2012	Браслет с концами в виде змеиных голов	851–48	0,1	0,1	0,06	–	0,05	0,02	0,02	19	0,03	0,4	18	
27	111,112–225/1,2–2012	Браслет с расширенными концами с орнаментом из косых линий	851–49	0,06	0,3	0,08	–	0,06	0,01	0,05	1,7	0,01	0,6	9,0	
28	113,114–225/1,2–2012	Браслет с расширенными концами с орнаментом из кольцевых линий	851–50	0,04	0,3	0,04	–	0,05	0,01	0,04	1,1	0,04	0,4	8,8	
29	110–225/1,2–2012	Браслет с расширенными концами с сетчатым орнаментом	851–51	0,05	0,2	0,04	–	0,1	0,01	0,05	1,1	0,03	1,1	8,3	
30	128–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	851–52	0,02	0,2	0,01	–	0,03	0,01	0,05	1,3	0,03	0,3	13	Конец петли
31	125–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	851–53	0,02	0,2	–	–	0,3	0,02	0,04	1,4	0,01	0,3	8,9	
32	126–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	851–54	0,05	0,2	0,02	0,01	0,03	0,01	0,05	2,2	0,02	0,2	8,8	
33	117–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	851–56	0,03	0,2	0,02	–	0,02	0,01	0,04	2,0	0,02	0,03	13	
34	119–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	856–23	0,05	–	0,02	0,01	0,06	0,02	0,08	0,3	0,03	0,3	2,0	
35	121–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	852–15	0,02	0,1	0,03	–	0,1	0,02	0,08	0,8	0,03	0,09	15	
36	122–225/1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	852–16	0,05	0,1	0,03	–	0,03	0,01	0,05	0,6	0,03	0,01	4,3	

Таблица 1. Окончание

37	146–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–21	0,04	0,1	0,05	–	0,1	0,01	0,09	0,9	0,03	0,1	20	Пластина
38	146–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–22	0,07	0,08	0,02	–	0,06	0,1	0,05	2,1	0,03	0,06	12	Колечко
39	141–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–24	0,07	0,2	0,03	0,08	0,2	0,02	0,1	1,3	0,04	0,04	13	Колечко
40	143–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–25	0,04	–	0,03	–	0,07	0,02	0,05	0,2	–	0,1	0,2	Пластина
41	143–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–26	0,07	0,09	0,03	–	0,1	0,01	0,04	2,2	0,03	0,1	8,3	Колечко
42	142–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–28	0,03	0,09	0,02	–	0,01	0,01	0,01	0,6	0,01	0,02	15	Колечко
43	139–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–29	0,02	–	0,02	–	0,02	0,01	–	0,2	–	0,01	2,7	Пластина
44	139–225/1,2–2012	Подвеска трапециевидная с колечком	852–30	0,07	0,2	0,05	–	0,09	0,03	0,06	2,2	0,07	0,3	19	Колечко
45	215–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–31	0,05	0,1	0,04	–	0,05	0,02	0,06	1,6	0,02	–	7,1	
46	210–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–32	0,07	–	0,04	–	0,01	0,02	0,02	0,4	0,01	–	13	
47	209–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–33	0,05	0,1	0,02	–	0,07	0,01	0,03	3,2	0,01	0,01	7,0	
48	212–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–34	0,03	–	0,08	–	0,09	0,01	0,02	2,2	0,02	0,01	14	
49	211–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–35	0,03	0,09	0,02	–	0,06	0,01	0,01	2,7	0,02	–	14	
50	206–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–36	0,07	0,1	0,03	–	0,06	0,01	0,02	0,9	0,03	0,01	6,4	
51	216–225/1,2–2012	Пронизка трубчатая	852–37	0,07	0,1	0,01	–	0,03	0,01	0,01	0,5	0,01	–	10	
52	193–225/1,2–2012	Стержень	852–39	0,04	–	–	–	0,01	0,01	–	0,1	–	–	1,6	
53	190–225/1,2–2012	Стержень	852–40	0,06	–	0,01	–	0,02	0,01	0,03	1,6	0,03	0,03	11	
54	192–225/1,2–2012	Стержень	852–41	0,03	0,3	0,02	–	0,07	0,02	0,1	2,7	0,03	0,03	12	
55	176–225/1,2–2012	Колокольчик	852–43	0,03	0,2	0,05	–	0,3	0,01	0,03	8,3	0,06	3,6	6,2	
56	185–225/1,2–2012	Колокольчик	852–44	0,02	0,2	0,05	–	0,3	0,03	0,06	5,5	0,08	5,0	8,4	
57	177–225/1,2–2012	Колокольчик	852–45	0,02	0,3	0,03	–	0,5	0,07	0,05	19	0,1	4,5	6,5	
58	187–225/1,2–2012	Колокольчик	852–46	0,04	0,3	0,1	–	0,4	0,02	0,03	10	0,1	4,4	7,1	
59	182–225/1,2–2012	Колокольчик	852–47	0,03	0,3	0,04	0,3	0,4	0,03	0,05	17	0,2	6,1	20	Тело
60	2–313/3–2012	Колокольчик	852–48	0,02	0,09	0,02	–	0,2	0,02	0,04	11	0,04	8,5	20	Ушко
61	180–225/1,2–2012	Колокольчик	852–49	0,01	0,4	0,04	–	0,5	0,02	0,04	5,8	0,07	1,8	21	
62	189–225/1,2–2012	Цепочка	852–50	0,05	0,5	0,07	–	0,1	0,01	0,04	3,3	0,04	0,07	28	Концевое удлиненное звено

Не прослеживается также зависимость между характером сплава и типами изделий. Колебания химического состава металла значительны в каждой группе украшений, лишь в колокольчиках (табл. 1, 13, 55–61) можно видеть целенаправленное введение легирующих компонентов. Основу здесь составляет латунь, но приплав пьютера в целом гораздо больший, чем в металле остальных артефактов. Введение с пьютером в латунь олова продиктовано необходимостью получения звонкого сплава.

Материалом двуспиральной подвески из биллона (табл. 2, 103) послужило серебро, легированное латунью наряду с небольшой добавкой свинцово-оловянной лигатуры. Гривна (табл. 2, 111) изготовлена из гораздо более чистого серебра, содержащего лишь небольшие количества свинца, олова и цинка, вероятно, являющиеся производственными загрязнениями.

Таблица 2. Клад из Суджи–Замостья. Биллоны и серебро
Table 2. Hoard from Sudzha–Zamostye. Billons and silver

№ п/п	№ ВХ ЭФЗК	Предмет	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примечания
63	Б/н	Пластинчатое изделие, фрагмент	846–13	Осн.	–	0,06	–	35	0,2	–	–	5,0	0,01	2,3	6,0	
64	Б/н	Пластинчатое изделие, фрагмент	846–14	37	0,2	0,04	–	Осн.	0,1	0,02	0,01	2,2	0,01	2,4	7,4	
65	Б/н	Пластинчатое изделие, фрагмент	846–15	Осн.	–	0,07	–	16	0,01	0,02	–	5,5	0,01	1,8	0,9	
66	Б/н	Пластинчатое изделие, фрагмент	846–16	Осн.	–	0,09	–	30	0,09	0,05	–	5,3	0,01	1,2	0,7	С отпечатками органических волокон
67	96–225/ 1,2–2012	Блюдо с клеймом, фрагмент	846–18	Осн.	–	0,3	–	8,2	–	–	–	10	–	–	–	
68	94–225/ 1,2–2012	Блюдо с клеймом, фрагмент	846–19	Осн.	–	0,2	–	8,2	–	–	–	9,5	–	–	–	
69	95–225/ 1,2–2012	Блюдо с клеймом, фрагмент	846–20	Осн.	–	0,2	–	8,5	0,01	–	–	8,8	–	0,01	–	
70	135–225/ 1,2–2012	Обкладка ножен (?)	846–21	Осн.	–	0,08	–	36	0,03	–	–	2,6	–	0,8	8,7	
71	50–313/ 3–2012	Накладка пластинчатая, фрагмент	846–22	33	–	0,03	–	Осн.	0,2	0,02	–	6,5	0,02	2,9	3,6	
72	Б/н	Пластинчатое изделие, фрагмент	845–43	37	0,1	0,2	–	Осн.	0,07	0,01	0,03	4,1	0,02	1,2	5,1	
73	7–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–24	Осн.	–	0,1	–	14	0,03	0,05	–	17	0,02	6,4	7,0	Пластина
74	7–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–25	36	–	0,06	–	36	0,3	–	–	16	0,01	6,6	4,9	Пластина
75	16–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–26	Осн.	–	0,1	–	35	0,1	0,01	–	15	0,01	4,2	8,3	Рамка
76	9–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–27	22	–	0,06	–	Осн.	0,2	0,01	–	25	0,04	24	1,5	Пластина
77	10–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–28	Осн.	–	0,06	–	26	0,9	0,02	–	22	0,02	12	5,0	Пластина
78	17–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–29	Осн.	–	0,1	–	30	0,1	–	–	13	0,01	5,8	5,6	Пластина
79	8–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–30	Осн.	–	0,09	–	28	0,5	–	–	14	–	13	11	Пластина
80	1–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–31	Осн.	–	0,1	–	29	0,2	–	–	17	–	4,5	8,9	Пластина
81	18– 225/1,2– 2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–32	Осн.	–	0,1	–	35	0,1	0,02	–	11	–	3,6	5,0	Пластина
82	12–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–33	Осн.	–	0,1	–	31	0,1	–	–	14	–	3,4	2,7	Пластина
83	3–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–34	Осн.	–	0,1	–	24	0,2	–	–	9,2	–	2,4	5,5	Пластина
84	6–225/1,2– 2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–35	Осн.	–	0,09	–	21	0,3	0,03	–	21	–	15	6,9	Пластина
85	5–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник малый	846–36	Осн.	–	0,07	–	33	0,4	0,01	–	17	–	11	8,4	Пластина

Таблица 2. Продолжение

86	2-225/ 1,2-2012	Коробчатый по- ясной наконечник большой	846-38	30	-	0,1	-	24	0,3	0,05	-	30	0,03	8,4	16,6	Пластина
87	14-225/ 1,2-2012	Коробчатый по- ясной наконечник большой	846-39	29	-	0,1	-	Осн.	0,2	0,05	-	15	0,02	4,7	3,5	Пластина
88	19-225/ 1,2-2012	Коробчатый по- ясной наконечник большой	846-40	35	-	0,04	-	35	0,02	-	0,01	11	0,01	4,8	6,2	Рамка (?)
89	163-225/ 1,2-2012	Поясная накладка ажурная	846-41	Осн.	-	0,2	-	37	0,08	-	0,01	6,9	-	0,2	7,8	Штифт
90	164-225/ 1,2-2012	Поясная накладка ажурная	846-43	35	-	0,09	-	Осн.	0,1	0,02	0,06	11	-	1,3	7,8	Штифт
91	156-225/ 1,2-2012	Поясной наконеч- ник с выступами по бокам	846-45	Осн.	-	0,06	-	42	0,02	0,02	0,06	5,2	0,03	0,6	5,4	
92	1-313/ 3-2012	Поясная накладка птицевидная	846-47	40	-	0,07	-	Осн.	0,01	0,02	0,05	4,1	0,02	0,4	7,1	Штифт
93	169-225/ 1,2-2012	Поясная накладка Т-образная	846-48	44	0,1	0,07	-	44	0,02	0,02	0,04	5,6	0,03	0,8	5,2	
94	153-225/ 1,2-2012	Поясная накладка щитовидная	846-49	43	-	0,05	-	Осн.	0,03	0,02	0,2	3,8	0,03	0,8	6,7	Штифт
95	166-225/ 1,2-2012	Поясная накладка двухчастная с прямоугольной нижней частью	846-50	Осн.	-	0,05	-	39	0,3	0,04	-	6,6	0,02	4,3	8,1	
96	152-225/ 1,2-2012	Поясная накладка двухчастная со щитовидной ниж- ней частью	846-51	45	-	0,06	-	45	0,1	0,02	0,06	4,4	0,02	1,1	4,4	
97	155-225/ 1,2-2012	Поясная накладка щитовидная	846-52	39	-	0,05	-	Осн.	0,01	0,01	0,1	4,2	0,02	0,9	5,3	Штифт
98	194-203- 225/ 1,2-2012	«Диадема» круга выемчатых эма- лей, фрагмент	846-53	Осн.	-	0,1	-	35	0,1	0,04	-	21	-	3,9	0,2	
99	194-203- 225/ 1,2-2012	«Диадема» круга выемчатых эма- лей, фрагмент	846-54	Осн.	-	0,1	-	27	0,07	-	-	7,5	-	0,2	0,1	
100	194-203- 225/ 1,2-2012	«Диадема» круга выемчатых эма- лей, фрагмент	846-55	Осн.	-	0,07	-	48	0,04	0,01	-	1,6	-	0,2	0,06	
101	194-203- 225/ 1,2-2012	«Диадема» круга выемчатых эма- лей, фрагмент	846-56	Осн.	-	0,05	-	40	0,04	0,02	-	6,3	0,02	4,0	0,2	
102	194-203- 225/ 1,2-2012	«Диадема» круга выемчатых эма- лей, фрагмент	846-57	Осн.	-	0,09	-	35	0,03	-	-	5,6	0,01	0,6	0,9	
103	33-225/ 1,2-2012	Подвеска двуспи- ральная, фрагмент	851-40	26	0,2	0,07	-	Осн.	0,07	0,01	0,03	4,3	0,03	1,4	9,0	
104	29-30- 225/1,2- 2012	Обкладка ножен, фрагмент	851-41	Осн.	0,1	0,5	-	44	0,05	0,01	0,01	12	0,03	1,8	3,8	
105	29-30- 225/1,2- 2012	Обкладка ножен, фрагмент	851-42	Осн.	0,1	0,4	-	38	0,09	0,01	-	13	0,02	2,8	5,0	
106	27-225/ 1,2-2012	Накладка на Р-образную скобу ножен	851-43	Осн.	0,1	0,2	-	33	0,06	0,01	-	7,7	0,02	1,7	5,9	
107	26-225/ 1,2-2012	Накладка на Р-образную скобу ножен	851-44	Осн.	-	0,3	-	21	0,03	-	-	17	0,02	1,6	10	
108	31-225/ 1,2-2012	Обойма от ножен (?)	851-45	Осн.	-	0,2	-	33	0,09	0,02	-	7,1	0,02	2,6	9,7	
109	32-225/ 1,2-2012	Обойма от ножен (?)	851-46	36	0,08	0,4	-	Осн.	0,04	0,01	0,02	17	0,02	1,7	5,8	
110	28-225/ 1,2-2012	Обойма от ножен (?)	851-47	Осн.	0,1	0,4	-	24	0,04	0,03	-	16	0,01	6,2	6,5	

Таблица 2. Окончание

111	123–225/ 1,2–2012	Шейная гривна, фрагмент	851–55	Осн.	0,06	0,4	–	28	–	0,01	0,02	1,2	0,01	0,2	0,1	
112	131–225/ 1,2–2012	Сырьевой слиток (?)	852–17	41	0,1	0,1	–	Осн.	0,08	0,02	0,05	2,7	0,05	1,1	0,7	
113	133–225/ 1,2–2012	Пластинчатое украшение с ор- наментом из полу- сфер, фрагмент	852–18	30	0,2	0,1	–	Осн.	0,07	0,01	0,05	3,5	0,05	2,5	15	
114	132–225/ 1,2–2012	Пластинчатое Украшение с ор- наментом из полу- сфер, фрагмент	852–19	Осн.	0,1	0,08	–	41	0,3	0,03	0,03	3,1	0,07	2,1	7,8	
115	154–225/ 1,2–2012	Поясная накладка щитовидная	852–20	33	–	0,1	–	Осн.	0,07	0,01	0,05	2,6	0,04	1,1	3,5	Штифт

Мужской убор круга «древностей антов пред- ставлен в кладе из Суджи–Замостья деталями геральдических поясных наборов. Проанализировано 29 проб³. Практически все исследованные украшения отлиты из биллона (табл. 2, 73–97, 115). Исключение составляют двухчастная накладка со щитовидными частями и рамка от коробчатого наконечника, изготовленные из свинцово-оловянного сплава (табл. 3, 119, 120). Очевидно, это очередная иллюстрация широко распространенной в древности практики имитации престижного серебра сравнительно дешевым пьютером. Основу металла обоих образцов составляет олово, а по присутствию меди и цинка можно судить и о припаве латуни. Из более «простого» материала выполнялись, видимо, и некоторые вспомогательные детали поясных украшений. В частности, сохранившаяся на обороте наконечника с боковыми выступами пробитая штифтом пластина, служившая для скрепления изделия с ремнем, произведена из меди (табл. 1, 10). Все зафиксированные в ней элементы могут рассматриваться как естественные рудные примеси, такая техногенная примесь, как олово, отсутствует.

Анализ серии из 13 проб от разных деталей малых коробчатых поясных наконечников (табл. 2, 73–85) показал, что серебро присажено латунию и свинцово-оловянным сплавом. Припав последнего весьма значителен: содержание свинца лишь в одном случае чуть ниже 10 % (табл. 2, 83),

³ Ряд рассматриваемых в настоящей статье предметов, в частности, коробчатые поясные наконечники, ажурные накладки, «диадема» круга выемчатых эмалей, блюдо с клеймом и др., были изучены также методом РФА. Результаты этого исследования (Сапрыкина и др., в печати) значительно отличаются от полученных методом ОЭСА. Анализ причин выявленного расхождения выходит за рамки нашей работы.

в остальных – больше 10 %, а в трех превышает 20 % (табл. 2, 76, 77, 84). Доля серебра в сплаве, из которого изготовлены детали большого коробчатого наконечника (табл. 2, 86–88), в целом меньше, чем в малых, а содержание свинца в одной из его проб доходит до 30 % (табл. 2, 86). В наконечнике с выступами по бокам припав свинцово-оловянной лигатуры уже не столь существен, свинца в нем лишь 5,2 % (табл. 2, 91).

В металле прочих ремных украшений свинца также немного, только в одной из ажурных накладок его доля превышает 10 % (табл. 2, 90). Невелико и содержание в них олова. Можно полагать, что при изготовлении поясных накладок пьютер для дополнительного легирования металла был использован в меньшей степени.

Во всех без исключения изделиях из биллона свинец преобладает над оловом, хотя в некоторых случаях (табл. 2, 76, 79) незначительно. Причин такого преобладания может быть несколько. Во-первых, свинец в остаточном виде присутствует в серебре после выделения его из свинцовых руд, которые служат основным источником получения этого драгоценного металла. Во-вторых, он может оставаться после выделения серебра посредством купеляции. О том, что серебро, по крайней мере, частично, имеет купеляционный характер, свидетельствует повышенное содержание висмута, который при данной процедуре не идет в капель и сохраняется в серебре (Moorey, 1994. P. 233). Наконец, в-третьих, свинец для замены части серебра может быть введен целенаправленно, о его доступности славянам сказано выше.

Мужскую субкультуру отражают и предметы, связанные с *воинским снаряжением*, – накладки

на Р-образные скобы, обоймы (?) и обкладки ножен меча или кинжала. Все они изготовлены из биллона. Проанализированы восемь проб (табл. 1, 70, 104–110). В семи из них в сплаве преобладает серебро, в одном – медь (табл. 1, 109). Серебро, как и в рассмотренных выше случаях, легировано латунью и, кроме того, имеет приплав свинцово-оловянной лигатуры. Во всех образцах свинец преобладает над оловом, как и в металле, из которого изготовлены детали поясных наборов.

Особенностью комплекса из Суджи–Замостья является наличие в нем *предметов, более ранних, чем украшения «мартиновских» типов*. Литые подражания составным двухпластинчатым фибулам (три пробы) и прямоугольные накладки с орнаментом из рельефных пирамидок (три пробы) выполнены из сплавов на основе меди: латуней с добавкой пьютера (табл. 1, 4–6, 11, 12, 15). Интересно, что в металле фибул олово преобладает над свинцом, причем на уровне высоких концентраций (табл. 1, 4, 5). Содержание олова превышает содержание свинца, хотя и не столь значительно, также в латуни, из которой отлита подковообразная накладка (одна проба – табл. 1, 16). Такой состав не отмечен для металла «древностей антов» и косвенно подтверждает иное происхождение рассматриваемых изделий.

«Диадема» круга восточноевропейских выемчатых эмалей (проанализировано пять проб от разных фрагментов – табл. 2, 98–102) выполнена из биллона. Свообразие его состава заключается в низком содержании цинка. Доля олова в трех из исследованных образцов (табл. 2, 99, 100, 102) находится на уровне производственных загрязнений, результаты анализа оставшихся двух (табл. 2, 98, 101) позволяют говорить о приплав свинцово-оловянной лигатуры. При этом в одной из двух последних проб (табл. 2, 98) содержание свинца значительно превышает содержание олова.

Значительную часть комплекса составляет *металлический лом*, к которому относятся преимущественно мелкие фрагменты изделий, форму и назначение которых определить уже невозможно. Проанализированы 17 проб, выявлены сплавы на медной основе (табл. 1, 8, 9), пьютеры (табл. 3, 116–118), но большинство образцов представлены биллоном и серебром (табл. 2, 63–69, 71, 72, 112–114).

Пластинчатые подвески с тисненым точечным орнаментом (табл. 1, 8, 9) отлиты из латуни с довольно большим количеством цинка. Содержание свинца и олова в ней низкое, что может быть следствием как введения свинцово-оловянной лигатуры, так и попадания в металл производственных загрязнений.

В свинцово-оловянных сплавах (табл. 3, 116–118) в двух случаях преобладает олово, в одном – свинец. Отсутствие цинка и низкое содержание меди свидетельствуют, что латунь к пьютеру здесь не приплавлялась. Это отличает рассматриваемые образцы от близкого по составу металла, из которого выполнены детали мужских поясных наборов (табл. 3, 119, 120), где приплав латуни хорошо виден.

На фоне изделий из биллона выделяются фрагменты византийского блюда (табл. 2, 67–69), изготовленного из довольно высококачественного серебра, в котором приплав меди находится на уровне 8,2–8,5 %. Основной примесью является свинец в концентрации 8,8–10 %, причины попадания которого в серебро рассмотрены выше. Повышенное содержание висмута свидетельствует о получении серебра купельцией.

В составе металла остальных артефактов (табл. 2, 63–66, 71, 72, 112–114) может преобладать как серебро, так и медь. Во всех случаях серебро присажено латунью и свинцово-оловянной лигатурой. Оба ингредиента введены в переменных количествах, но приплав последнего не так высок, как в некоторых образцах металла женских украшений «мартиновских» типов. И здесь во всех случаях, кроме одного (табл. 2, 64), свинец преобладает над оловом.

Таким образом, состав металла большинства предметовклада из Суджи–Замостья типичен для комплексов типа Мартиновского. Выявлены три группы сплавов: свинцово-оловянные, на медной основе и биллоны. Пьютеры достаточно однородны, в большинстве случаев в них преобладает олово, но содержание свинца не опускается ниже 30 %. Сплавы на основе меди, как и следовало ожидать (Егорьков, Щеглова, 2001. С. 286–290), представлены латунями, чаще всего присаженными свинцово-оловянной лигатурой. Введение последней, однако, осуществлено здесь в меньшей степени, чем в принадлежащем тому же кругу древ-

Таблица 3. Клад из Суджи–Замостья. Свинцово-оловянные сплавы
Table 3. Hoard from Sudzha–Zamostye. Lead-tin alloys

№ п/п	№ ВХ ЭФЗК	Предмет	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примечания
116	Б/н	Изделие неопределенное, фрагмент	845–52	0,1	–	0,5	–	0,2	–	–	–	Осн.	0,07	44	–	
117	Б/н	Изделие неопределенное, фрагмент	845–53	0,1	–	0,3	–	0,09	0,05	0,01	–	47	0,1	Осн.	–	
118	Б/н	Пластинчатое изделие, фрагмент	846–17	0,3	–	0,05	–	–	0,01	–	–	35	0,1	Осн.	–	С отпечатками органических волокон
119	15–225/ 1,2–2012	Коробчатый поясной наконечник	846–37	0,6	–	0,08	–	5,0	0,5	0,08	–	40	0,2	Осн.	3,2	Рамка
120	225–225/ 1,2–2012	Поясная накладка двухчастная со щитовидными частями	846–44	0,5	–	0,02	–	8,7	–	0,05	–	30	0,03	Осн.	1,8	

ностей и найденном в том же микрорегионе Куриловском кладе (Егорьков, Родинкова, 2014. С. 172, 173, 176, табл. 1), что может свидетельствовать о меньшей необходимости экономить латунь. В биллонах также присутствуют цинк, олово и свинец – свидетельство того, что серебро сплавлялось с латуной, которая, в свою очередь, уже была сплавлена с пьютером. Исключение составляют фрагменты византийского блюда, изготовленного из высококачественного серебра.

И в комплексе из Суджи–Замостья, и в Куриловском кладе отмечаются различия в составе металла предметов, отражающих женскую и мужскую субкультуры. В Куриловке в обоих случаях использовалась латунь, но в мужских вещах она приплавлена свинцово-оловянной лигатурой в гораздо большей степени, чем в женских (Там же. С. 173, 176). В Судже–Замостье женские украшения выполнены преимущественно из сплавов на основе меди, принадлежности мужского убора и изделия, связанные с воинским снаряжением, – из биллонов. Аналогичная тенденция фиксируется и по материалам других кладов «древностей антов» I группы

как в Суджанском микрорегионе, так и за его пределами (Егорьков, Щеглова, 2001. Табл. 1–7). Выявить корреляцию состава металла и формы вещей на уровне более мелких таксонов, таких, например, как типы (за исключением колокольчиков), пока не удастся. Решать этот вопрос, вероятно, следует на более широком сравнительном фоне.

Гавритухин, 1996 – Гавритухин И. О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // И. О. Гавритухин, А. М. Обломский и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г. Е. Афанасьев, И. П. Русанова. М., 1996 (Раннеславянский мир; Вып. 3).

Горюнова, 1987 – Горюнова В. М. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Горюнова, 1992 – Горюнова В. М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // АВ. СПб., 1992. Вып. I.

Егорьков, 2013 – Егорьков А. Н. Свойства и роль свинцово-оловянных сплавов в производстве ювелирных изделий ранними славянами Восточной Европы // Записки ИИМК РАН. СПб., 2013. № 8.

- Егорьков, Родинкова, 2014 – Егорьков А. Н., Родинкова В. Е. Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам оптико-эмиссионной спектрографии) // КСИА. М., 2014. Вып. 233.
- Егорьков, Щеглова, 2001 – Егорьков А. Н., Щеглова О. А. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск, 2001.
- Кашкин, Родинкова, 2010 – Кашкин А. В., Родинкова В. Е. Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк, 2010.
- Корзухина, 1996 – Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь, 1996.
- Приходнюк и др., 1991 – Приходнюк О. М., Шовкопляс А. М., Ольговская С. Я., Струина Т. А. Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь, 1991.
- Родинкова, 2012 – Родинкова В. Е. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. М., 2012. № 4.
- Родинкова, Егорьков, 2012 – Родинкова В. Е., Егорьков А. Н. Клад раннесредневекового времени из Суджи–Замостья и состав металла его артефактов // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Междунар. науч. конф. (9–10 ноября 2012 года). Харьков, 2012.
- Рыбаков, 1953 – Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. М., 1953. XVII.
- Сапрыкина и др., в печати – Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Родинкова В. Е., Столярова Д. А. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи–Замостья) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса. В печати.
- Спицын, 1928 – Спицын А. А. Древности антов // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения / Под ред. акад. В. Н. Перетца. Л., 1928.
- Moorey, 1994 – Moorey P. R. S. *Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence.* Oxford, 1994.

Hoard of ‘antiquities of Antes’ from Sudzha–Zamostye: characteristics of the metal

V. E. Rodinkova, A. N. Egor'kov

This article presents the results of optical emission spectral analysis and characteristics of the metal of objects of the hoard from Sudzha–Zamostye found in 2009 in the area of Sudzha district in Kursk oblast. The majority of the finds are ‘antiquities of Antes (Antai)’ of group I or objects of the circle of the Martynovka hoard. One hundred twenty samples have been analysed. The objects of *female ornaments* were made predominantly from brasses with small contents of lead-tin alloys and, in two specimens, billon was found (Tables 1, 1–3, 7, 13, 14, 17–62; 2, 103, 111). Analysis of samples from different parts of composite ornaments suggests that no special selection of similar alloys for these parts was carried out. The parts of *male decorations*, although with two exceptions they were made from pewter, are casted mostly from billon (tables 2, 73–97, 115; 3, 119, 120). Parts of *weapons* also were made from billon (table 1, 70, 104–110). Silver in them, as well as in components of belt sets, was alloyed with brass and,

in addition, contains admixtures of lead-tin ligature. A peculiarity of the complex from Sudzha-Zamostye is in the presence there *of artefacts older than ornaments of the ‘Martynovka’ types*. Some of them are made from brasses with additions of pewter (Tables 1, 4–6, 11, 12, 15, 16). In some samples, tin predominates over lead (Tables 1, 4, 5, 16). This fact has not been noted earlier for the metal of ‘antiquities of Antes’ so that it indirectly confirms another origin of these objects. The ‘diadem’ belonging to the group of East European emails champlévé was manufactured from billon (Table 2, 98–102) with a low content of zinc. A considerable number of finds are represented by *scrap metal* – small fragments of different objects. In this group, copper alloys (Table 1, 8, 9), and pewter (Table 3, 116–118) have been identified although the majority of samples are from billon and silver (Tables 2, 63–69, 71, 72, 112–114). Of note are fragments of a Byzantine dish made from high-quality silver (Table 2, 67–69).

НАКЛАДКА ИЗ МЕДНОГО СПЛАВА ОДНОСТОРОННЕГО НАБОРНОГО ГРЕБНЯ С ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева¹

Аннотация. В 2016 г. на Староладожском Земляном городище был обнаружен фрагмент накладки из медного сплава от одностороннего наборного гребня. Часть орнамента накладки выполнена в технике черни. На аналогичных изделиях чернь встречена впервые. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа черни позволяют отнести ее изготовление к североευропейской ювелирной традиции. Находка еще одной металлической накладки от гребня на Земляном городище в Старой Ладоге снова подтверждает выводы о присутствии элиты скандинавского общества на поселении во второй половине X в.

Annotation. In 2016, a fragment of a cover plate made from a copper alloy from a one-side composite comb was found at Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) in Staraya Ladoga. The pattern on the mount was executed partly in the niello technique. Niello is first found on articles of this type. X-Ray fluorescent analysis of the niello suggests that its manufacture belongs to the North-European tradition. A find of yet another metal mount of a comb at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga confirms suppositions of the presence of elite of Scandinavian community at this settlement in the second half of the 10th century AD.

Ключевые слова: Старая Ладога, гребень, накладка из медного сплава, хронология, этнос.

Keywords: Staraya Ladoga, comb, copper alloy plate, chronology, ethnos.

Материальная культура эпохи викингов хранит немного изделий, получивших одновременно исполнение в органических материалах и металле. В этой категории можно выделить односторонние наборные гребни с роговыми вставками и накладками из медного сплава. Переняв от своих полностью роговых аналогов все конструктивные особенности и орнаментальные мотивы, гребни получали металлические детали, имевшие, с одной стороны, конструктивное назначение, а с другой стороны, являвшиеся основным полем для декора. Находки таких гребней известны на ряде европейских памятников эпохи викингов. В пределах древнерусской территории до настоящего времени было известно не менее девяти находок (Ambrosiani, 1984. С. 167; Дементьева, 2014. С. 143–147; Горлов, 2015. С. 139–149).

В 2016 г. при раскопках в юго-восточной части Староладожского Земляного городища (рис. 1) был обнаружен фрагмент накладки

из медного сплава от одностороннего наборного гребня (рис. 2, 1, 2).

По форме накладка тождественна известным образцам: полуовальная в сечении, с расширением к средней части и верхними выступами на концах. Ее длина составляет 50 мм, максимальная ширина – 5 мм. Изделие имеет два сквозных отверстия для заклепок, вероятно изготовленных из медного сплава². На основании метрических показателей подобных гребней³ и особенностей формы ладожской накладки можно предположить, что линия слома приходится примерно на середину изделия.

Накладка была отлита из сплава с высоким содержанием меди: от 87,67 до 89,44 %⁴, в односторонней открытой форме, о чем свидетельствует наличие усадочной камеры. Типичный для такого способа литья усадочный ровик дополнительно

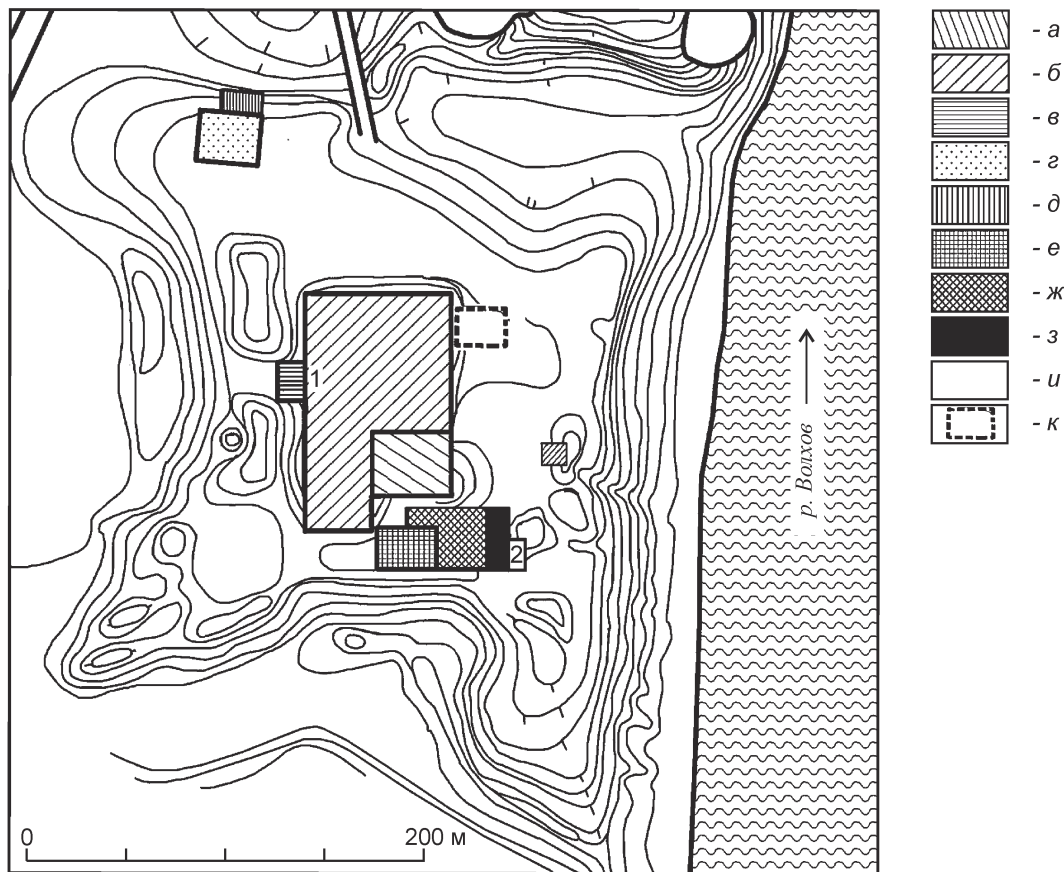
¹ Горлов К. В. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел охранной археологии.

Григорьева Н. В. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

² К такому заключению позволяет прийти отсутствие на накладке окислов, характерных для железа, прошедшего этап археологизации.

³ Длина: от 6 до 12,5 см, ширина – от 0,6 до 1,1 см (Дементьева, 2014. С. 143).

⁴ Рентгенофлуоресцентный анализ выполнен в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа.

Рис. 1. Старая Ладога. План Земляного городища (а–к – раскопы разных лет: а – 1911–1913; б – 1938–1939, 1945–1950, 1957–1959; в – 1973–1975; г – 1984–1991; д – 1992–1998; е – 1999–2005; ж – 2006–2010; з – 2011–2013; и – 2016; к – церковь Климента, раскопы 1912–1913, 1938–1939, 1979–1980).

1 – гребень с металлическими накладками из раскопа 1948 г.; 2 – металлическая накладка гребня из раскопа 2016 г.

Fig. 1. Staraya Ladoga. Plan of Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) (а–к – excavations of different years: а – 1911–1913; б – 1938–1939, 1945–1950, 1957–1959; в – 1973–1975; г – 1984–1991; д – 1992–1998; е – 1999–2005; ж – 2006–2010; з – 2011–2013; и – 2016; к – church of St Clement, excavations of 1912–1913, 1938–1939, 1979–1980).

1 – comb with metal plates from excavation of 1948; 2 – metal plate of a comb from excavation of 2016

выполнил роль разгрузочного элемента и позволил уменьшить вес изделия. После отливки обе стороны предмета подверглись тщательной механической доработке (шлифовке и полировке) для удаления следов литейного брака.

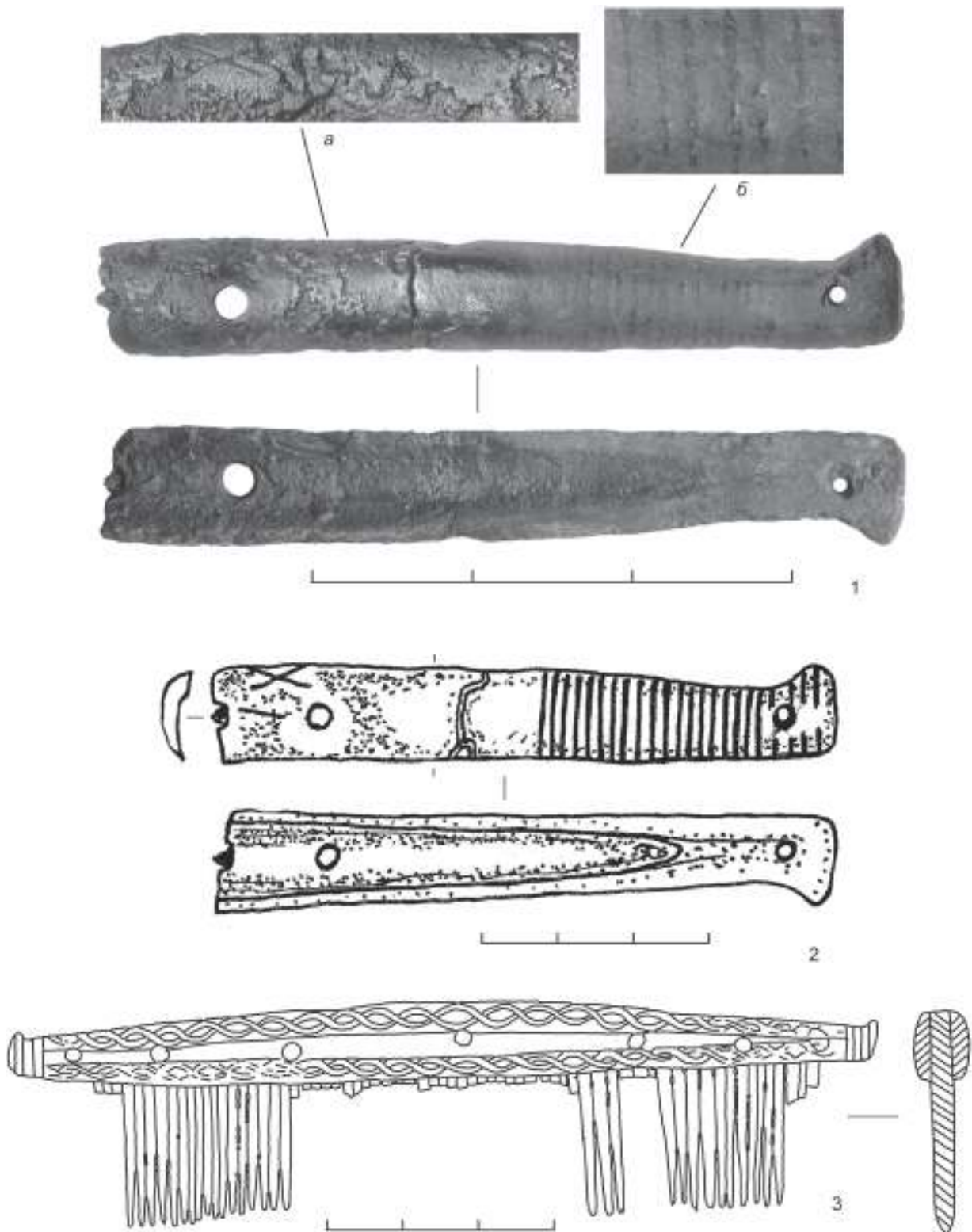
Техникой гравировки был нанесен орнамент в виде крупных ромбов в средней части и сплошных вертикальных линий – штриховки по краям. Штриховка была заполнена чернью (рис. 2, 1а, б).

Геометрический орнамент, присутствующий на ладожской накладке, в целом переключается с декором металлических накладок гребня из кургана 160 Центральной группы Гнёздовского могильника (Дементьева, 2014. С. 145, рис. 3.3) и некоторыми полностью роговыми расческами

из Новгорода (Smirnova, 2005. С. 23, 53, А. 65, 117, 259, 324). Однако убранство в виде черни на металлических накладках гребней авторами было встречено впервые.

Из письменных источников известно, что черненный декор получил широкое распространение в восточной и западной ювелирной традиции X в. (Allan, 1979. Р. 19–20; Ogden, 1994. Р. 178; Ениусова, 2016. С. 552). В пределах древнерусской территории на артефактах ниелло встречается со второй половины X в. Рецептура этой черни и орнамент, подчеркнутый ею, по мнению исследователей, имеют региональные особенности.

В качестве места производства черненных вещей в X в. выделяют Нижнее Поволжье, где продол-

Рис. 2. Гребни с металлическими накладками с Земляного городища Старой Ладоги. 1, 2 – фрагмент металлической накладки гребня из раскопок 2016 г. (фото и прорисовка): а – сохранившиеся элементы гравировки (увеличено в два раза); б – декор из черни (увеличено в два раза). Медный сплав; 3 – гребень из раскопок 1948 г. Рог, медный сплав

Fig. 2. Combs with metal plates from Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga. 1, 2 – fragment of a metal plate of a comb, excavation of 2016 (Foto and drawing): a – preserved elements of engraving (magnified two times); б – niello decoration (magnified two times). Copper alloy; 3 – a comb from excavation of 1948. Horn, copper alloy

жается наследование и развитие хазарских приемов ювелирного дела. Вероятно, с этой областью связано происхождение оковок от ковшей, найденных в Киеве и Пскове (*Каргер*, 1958. С. 191, 205, 206, рис. 38, табл. XXVI, 2 e; *Ениосова*, 2016. С. 553–555).

Техникой черни владели скандинавские мастера. Н. В. Ениосова к их технологической традиции относит, например, крест «скандинавского» типа из камерного погребения № 6 некрополя Пскова (*Ениосова*, 2016. С. 555). Вероятно, «русскими варягами» была изготовлена и геральдическая подвеска со знаком Рюриковичей, найденная в составе того же комплекса.

Сульфид серебра ладожской накладки в определенных точках имеет значительную примесь свинца: от 35,29 до 47,97 % при содержании в основном металле⁵ от 5,35 до 5,49 %. Вероятно, в данном случае свинец был целенаправленно добавлен в состав ниелло⁶.

В настоящее время признаки изготовления таких гребней зафиксированы только в Хедебю в виде находки литейной формы (*Meier*, 1994. S. 156). Чернь с ладожского экземпляра, изготовленная в северо-европейской ювелирной традиции, подтверждает скандинавское происхождение предмета.

Существует мнение, что декор из черни применялся только на изделиях из драгоценных металлов, что объясняется техническими и эстетическими критериями. Наибольший цветовой контраст ниелло получает в сочетании с серебром и золотом. Сочетание сложного декора и дорогих металлов на статусных вещах кажется логичным. По мнению А. В. Флерова, на меди, низкопробном серебре, латуни чернь не получается, она крошится и отпадает (*Флеров*, 1976. С. 152; 2001. С. 152–154). Однако чернь на ладожской накладке, несмотря на тысячелетний процесс археологизации, в значительной степени сохранилась. Также черновой декор выявлен, например, на деталях средневековой поясной гарнитуры из медного сплава (*Еремеев*, 2015. С. 461, 462, 515, 526, рис. 437, 448).

⁵ Спектр снят из микрошурфов на оборотной и лицевой стороне накладки.

⁶ Термин «ниелло» (от итальянского niello, от латинского nigellus, то есть «черный») используется как синоним обозначения черни.

Это показывает, что ниелло могло применяться и на предметах не из драгоценных металлов, придавая им престижный характер.

На Земляном городище это уже вторая находка подобного гребня. Первый был обнаружен в 1948 г. (СЛ-1659) и отнесен к горизонту Д (IX–X вв.) (*Гроздилов*, 1948. С. 265; *Давидан*, 1962. С. 101; 1974. С. 43; *Дементьева*, 2009. С. 40). Работа с текстом диссертации О. И. Давидан, отчетами и полевыми дневниками Г. П. Гроздилова позволила уточнить обстоятельства обнаружения находки и ее датировку (*Горлов*, 2015. С. 137, 142).

В записях Г. П. Гроздилова указано, что гребень был найден в плотно слежавшемся слое чернозема в квадрате М-VII «на гл. 0,62, то есть на уровне остатка деревянной уличной мостовой» (*Гроздилов*, 1948. С. 265). Е. А. Рябинин, продолжая исследования данного комплекса в 1973–1975 гг., пришел к выводу, «что это сооружение является, скорее всего, значительно пострадавшим при разборке основанием большой жилой постройки с примыкающими к ней хозяйственными пристройками» (*Рябинин*, 1985. С. 36). Два бревна из этого настила были датированы 927 и 932 гг. (*Черных*, 1985. С. 78–79). Следовательно, строительство «большого дома» производилось на рубеже 920–930-х гг. (около 931 г.). Данная постройка существовала до пожара 954 г., после которого была перестроена (*Кузьмин*, 2000. С. 53).

Литой орнамент первого ладожского гребня реализован в виде плетенки, расположенной вдоль краев накладок, и небольшого ряда штрихов у самых их концов. Центральная часть осталась свободной от декора (рис. 1, 3).

Все находки таких гребней с территории Древней Руси связаны с комплексами, имеющими в материальной культуре признаки скандинавского присутствия (*Горлов*, 2015. С. 142–145). В погребениях расчески найдены вместе с кольцевыми булавками и двускорлупными овальными фибулами, выполнявшими в северо-европейском средневековом уборе утилитарное назначение. Поэтому ношение таких булавок и фибул предполагало наличие оригинального костюма, межкультурная торговля которым была маловероятна.

В Старой Ладогe и Шестовицах гребни с металлическими накладками связаны с домами, на-

селенными выходцами из Скандинавии (*Рябинин, Черных*, 1988. С. 98; *Васюта*, 2001. С. 4–12; *Скороход*, 2010. С. 233–238).

Упомянув находку из Шестовиц, нельзя не коснуться вопроса особенностей ее накладок. По предположению А. С. Дементьевой для их изготовления «...использован распрямленный сломанный ладьевидный браслет с плетеным ленточным узором» (*Дементьева*, 2014. С. 144).

После рассмотрения фотографий современного состояния гребня⁷ авторы данной статьи не могут согласиться с представленной версией о вторичном использовании браслета для изготовления накладок. Невысокий рельеф изображений и неровность форм определяют низкое качество литья, но полуовальное сечение накладок свидетельствует о законченности формы каждой из них.

Кажется необычным отсутствие Рюрикова городища в перечне памятников, на которых были обнаружены гребни с металлическими накладками. Однако по устному сообщению сотрудника Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН П. А. Миляева⁸, принимавшего участие в исследовании памятника, подобный гребень с металлическими накладками был найден на Новгородском (Рюриковом) городище местным жителем А. Н. Сметаниным. К сожалению, дальнейшая судьба этого предмета в настоящее время неизвестна.

Находка еще одной металлической накладки от гребня на Земляном городище в Старой Ладоге еще раз подтверждает выводы о присутствии элиты скандинавского общества на поселении во второй половине X в.

Продолжающаяся исследовательская работа по сбору и изучению металлических накладок на гребни на данном этапе позволяет считать эту категорию находок надежными хронологическими и этническими маркерами, отражающими особенности скандинавской ремесленной и культурной традиций. Наличие на некоторых образцах покрытия в виде лужения (?), позолоты или черни

⁷ Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность В. Скороходу за предоставление фотографии гребня в современном состоянии и консультацию.

⁸ Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность П. А. Миляеву за предоставленную информацию.

⁹ А. С. Дементьева указывает, что накладки гребня из кургана 245 Тимеревского некрополя покрыты белым металлом,

подчеркивает принадлежность таких вещей высшей прослойке средневекового общества.

В пределах территории Древней Руси время бытования гребней с металлическими накладками совпадает с появлением односторонних наборных расчесок с футлярами из кости. Обе разновидности, являясь элитарными предметами, одновременно представляют завершающую фазу эволюции односторонних наборных гребенков, являясь некой высшей точкой их развития. На смену им приходят более простые двусторонние гребни, мало чем напоминающие роскошные образцы предшествующих лет.

Васюта, 2001 – *Васюта О.* Звіт про археологічні дослідження в ур. Коровель біля с. Шестовица Чернігівської області в 2000 р. Чернігів, 2001. Т. 2: Дослідження на посаді городища в ур. Коровель.

Горлов, 2015 – *Горлов К. В.* Хронология односторонних наборных гребней с накладками из медного сплава на территории Древней Руси // Записки ИИМК РАН. СПб., 2015. № 11.

Гроздилов, 1948 – *Гроздилов Г. П.* Дневник полевых работ экспедиции в 1948 г. с рисунками находок (книга № 2) // ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1, д. 130.

Давидан, 1962 – *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4: Славянские древности.

Дементьева, 2009 – *Дементьева А. С.* Односторонние составные гребни с бронзовыми накладками эпохи викингов // Ювелирное искусство и материальная культура: ТД участников 17 коллоквиума (14–18 апреля 2009). СПб., 2009.

Дементьева, 2014 – *Дементьева А. С.* Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнёздова // РА. 2014. № 1.

Ениосова, 2016 – *Ениосова Н. В.* Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. В 2 т. Т II: Камерные погребения Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб., 2016.

Еремеев, 2015 – *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015.

предположительно лужением, однако количественно-качественный анализ не проводился (*Дементьева*, 2014. С. 143).

- Каргер*, 1958 – *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Кузьмин*, 2000 – *Кузьмин С. Л.* Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII–X вв. // *Stratum plus*. СПб., Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 5: Великая Скуфь.
- Рябинин*, 1985 – *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // *Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования* / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985.
- Рябинин, Черных*, 1988 – *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // *СА*. 1988. № 1.
- Скоруход*, 2010 – *Скоруход В.* Этапы розвитку Шестовицького посаду (за матеріалами розкопу № 1) у X – на початку XI ст. // *Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали IX Міжнародної студентської наукової археологічної конф.* (Чернігів, 16–18 квітня 2010 р.). Чернігів, 2010.
- Флеров*, 1976 – *Флеров А. В.* Художественная обработка металлов. (Практические работы в учебных мастерских). М., 1976.
- Флеров*, 2001 – *Флеров А. В.* Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М., 2001.
- Черных*, 1985 – *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // *Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования* / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985.
- Allan*, 1979 – *Allan J.* *Persian Metal Technology 700–1300 AD*. London, 1979.
- Ambrosiani*, 1984 – *Ambrosiani K.* *Kämme* // *Birka II*. Т. 1. Stockholm, 1984.
- Meier*, 1994 – *Meier D.* *Die Wikingerzeitliche Siedlung von Kosel (Kosel West), Kreis Randsburg-Eckenfürde*. Neumünster, 1994.
- Ogden*, 1991 – *Ogden J.* *The Technology of Medieval Jewelry // Ancient Historic Metals: Conservation and Scientific Research*. Getty Conservation Institute. 1991.
- Smirnova*, 2005 – *Smirnova L.* *Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An Industry in Transition*. Oxford, 2005 (*British Archaeological Reports; International series: № 1369*).

Copper-alloy mount of a composite comb from Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga

K. V. Gorlov, N. V. Grigor'yeva

In 2016, a fragment of a cover plate made from a copper alloy for a one-side composite comb was found at Zemlyanoye Gorodishche (*Earthen Hillfort*) in Staraya Ladoga. This mount was cast in an open one-piece mould from an alloy with a high content of copper (over 80 percent in the composition).

A pattern of large rhombuses in the middle part and continuous vertical lines at the edges was rendered in the technique of engraving. The hatched areas were filled with niello. The fill of this type is first encountered by the present authors on metal mounts. The chemical composition of the niello suggests its North-European provenance.

All finds of combs with copper mounts within the territory of Old Rus are related with sites marked by a Scandinavian presence.

The category of finds under consideration presents reliable markers of Scandinavian manufacturing and cultural traditions.

The find of still another metal mount of a comb at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga confirms the suppositions about the presence of the elite of Scandinavian community at this settlement in the second half of the 10th century AD.

ЧЕРНЕВЫЕ КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ¹

Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева, Э. А. Грешников²

Аннотация. В статье рассматриваются находки бронзовых гладких крестов-энколпионов с чернью на памятниках Суздальского Ополя (24 предмета). Проанализированы типология, технология изготовления и состав металла створок крестов и черни. Установлено, что небольшие по размеру прямоконечные гладкие энколпионы с чернью появились в Суздальском Ополе во второй половине XI в. в «больших поселениях» – крупных неукрепленных селищах, в экономике которых существенную роль играли торговля и ремесло. Это были стандартизированные изделия, производившиеся в одной или нескольких мастерских. Энколпионы стали одним из ярких средств выражения новой христианской идентичности и одновременно одним из действенных средств ее формирования. Производство древнерусских черневых энколпионов сложилось на основе византийской и балканской традиции, однако получило развитие как самостоятельное направление, предполагающее изготовление изделий с использованием оригинальных технологий чернения.

Annotation. This article discusses the finds of smooth bronze enkolpion crosses with niello from sites of Suzdal Opolye (24 pieces). The types, technology and composition of the metal of valves of the crosses as well as that of the niello coating were analyzed. It was established that the small straight-end smooth enkolpia with niello appeared in Suzdal Opolye in the second half of the 11th century in 'large settlements', i. e. large unfortified sites where trade and handicrafts played a considerable role in the economy. The objects under consideration were standardized articles manufactured in one or several workshops. Enkolpia became one of the most distinctive means of expression of the new Christian self-identity as well as one of the effective means of the latter's formation. The manufacture of Old Russian niello enkolpia arose on the basis of the Byzantine and Balkan traditions, however it evolved as an independent branch using original technologies of niello-making.

Ключевые слова: Древняя Русь, кресты-энколпионы, хронология энколпионов, технология изготовления энколпионов.

Keywords: Old Rus', enkolpion crosses, chronology of enkolpia, technology of manufacture of enkolpia.

Введение. Средневековые²энколпионы – одна из наиболее выразительных категорий материальных памятников, связанных с распространением христианства в Восточной Европе в X–XIII вв. Появление фундаментальных исследований, посвященных находкам этих предметов, происходящим с территории средневековой Руси, Болгарии и Восточного Средиземноморья (Корзухина, Пескова, 2003; Pitorakis, 2006; Дончева-Петкова, 2011), и каталогов крупнейших музейных коллекций (Kruk et al., 2006; Асташова и др., 2013) позволяет оценить общие масштабы использования крестов-реликвариев в религиозной практике восточного христианства и представляет сведения

об основных типах энколпионов, производившихся в Византии, Болгарии и на Руси, их географическом распространении и хронологии. С другой стороны, оно дает импульс для более глубокого изучения производства и бытования крестов-реликвариев, их художественных особенностей, ареалов и хронологических позиций энколпионов различных типов, археологических и исторических контекстов, с которыми связано их распространение на отдельных территориях.

Прояснение этих вопросов возможно в значительной степени благодаря появлению новых находок. Энколпионы, полученные в результате полевых работ, сопровождающихся составлением полноценной научной документации, численно уступают коллекциям, собранным путем грабительского поиска, однако именно эти находки

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты №№ 14-06-00425 и 17-29-04129).

² Россия, 117036, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19. Институт археологии РАН.

имеют ключевое значение для изучения крестов-реликвариев как одного из феноменов средневековой религиозной культуры. В настоящей статье рассматриваются гладкие черневые энколпионы из центральных районов Суздальской земли, значительная часть которых собрана в ходе новейших работ Института археологии РАН. Особый интерес к гладким крестам-мошевицам с чернью связан с тем, что наиболее ранние датированные древнерусские энколпионы принадлежат именно к этой группе.

Из Суздальского Ополя происходит одна из самых крупных серий древнерусских крестов-энколпионов, украшенных чернью (рис. 1). Первая находка была сделана еще в середине XIX в.: в «суздальской коллекции» А. С. Уварова представлен двусторчатый черневой крест с бусинным

оглавием из окрестностей деревень Романово и Менчаково (Уваров, 1871. С. 739³; Корзухина, Пескова, 2003. С. 169). В 1940 г. гладкий энколпион с чернью был обнаружен А. Д. Варгановым при раскопках в Суздальском Кремле (Муравьева, 1999. С. 7–8; Корзухина, Пескова, 2003. С. 170). В 1987 г. черневой энколпион был найден Н. Н. Мошениной при раскопках селища Весь 1 (Мошенина, 1992). Еще 20 (21?) гладких черневых энколпионов были собраны на памятниках Суздальского Ополя в 2003–2016 гг., в ходе систематического обследования средневековых селищ, проводившегося

³ Раскопки курганной группы вблизи д. Романово производились А. С. Уваровым в 1852 г., однако в дневниковых записях нет упоминания о находках в погребениях энколпиона (ГИМ, ОПИ, ф. 17, оп. 1, д. 210). Очевидно, крест представляет собой случайную находку, включенную в состав коллекции.

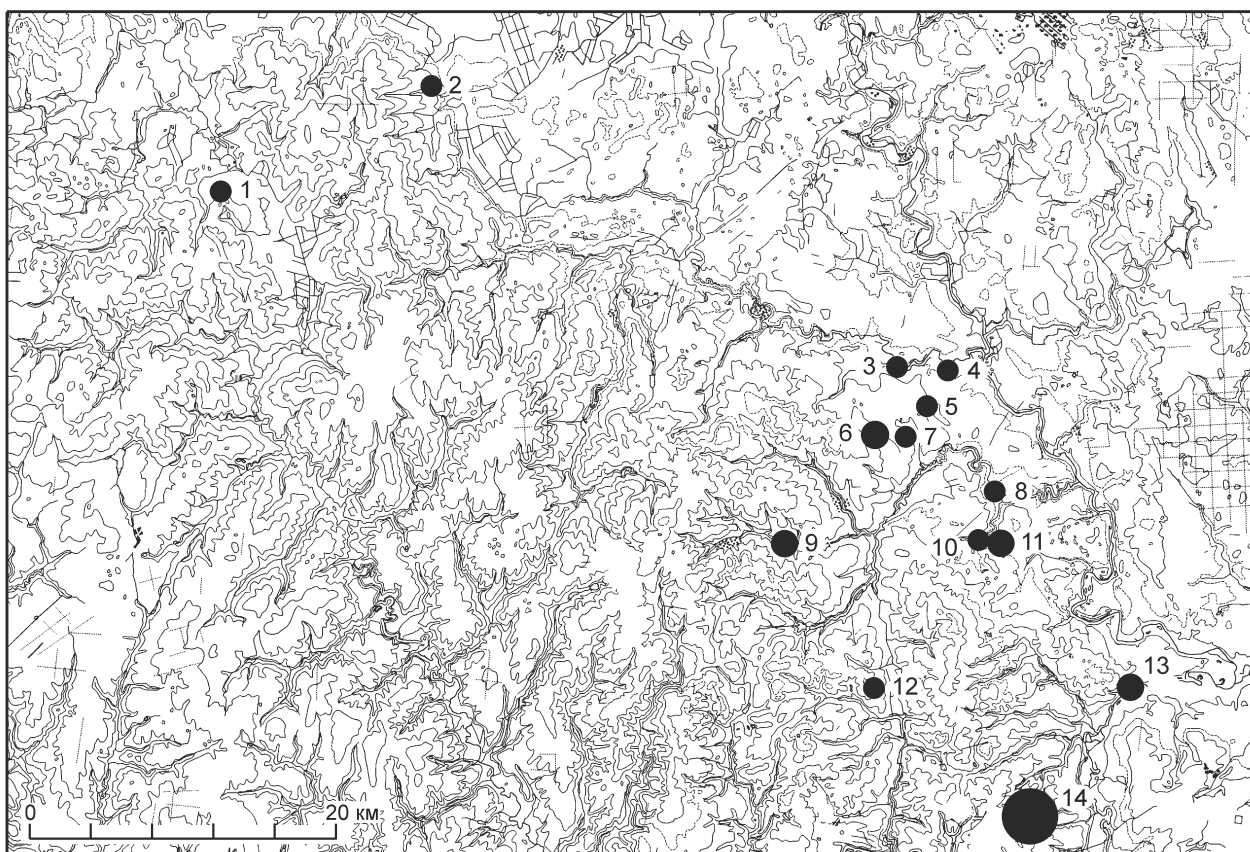

Рис. 1. Находки крестов-энколпионов с чернью на памятниках Суздальского Ополя: 1 – Сорогужино; 2 – Григорево 1; 3 – Весь 1; 4 – Романово; 5 – Поганое озеро 1; 6 – Вишенки 3; 7 – Кибол 11; 8 – Суздаль; 9 – Карельская слободка 5; 10 – Черниж 2; 11 – Михали 4; 12 – Тарбаево 5; 13 – Мордыш 1; 14 – Суворотское 8

Fig. 1. Finds of Niello enkolpion crosses from Suzdal Opolye: 1 – Soroguzhino; 2 – Grigorevo-1; 3 – Ves'-1; 4 – Romanovo; 5 – Poganoye Ozero 1; 6 – Vishenki-3; 7 – Kibol-11; 8 – Suzdal; 9 – Karel'skaya Slobodka-5; 10 – Chernizh-2; 11 – Mihali-4; 12 – Tarbayevo-5; 13 – Mordysh-1; 14 – Suvorotskoye-8

Суздальской археологической экспедицией Института археологии РАН, один найден при раскопках селища Вишенки 3. Один фрагмент створки поступил во Владимиро-Суздальский музей-заповедник в 2009 г. Некоторые из этих находок уже введены в научный оборот (*Макаров, Красникова, 2007. С. 68; Макаров, Федорина, 2008. С. 138–139; Родина, 2012. С. 88–89; Кокорина, 2014*). Таким образом, всего в Суздале и Суздальской округе документированы находки 24 (25?) гладких черневых крестов-энколпионов. Они происходят с 14 памятников: один – из культурного слоя Суздальского Кремля и 23 (24?) – из культурного слоя 13 суздальских селищ. На пяти селищах: Вишенки 3, Мордыш 1, Карельская Слободка 5, Тарбаево, Михали 4 – найдено по два черневых креста-реликвария, на поселении Суворотское 8 – шесть энколпионов. Черневые энколпионы составляют около 15 % от всей совокупности предметов христианского культа домонгольского времени, собранных при раскопках в Суздале и на селищах Суздальской округи. Большинство энколпионов найдены вне комплексов, в нарушенном распашкой культурном слое, и не могут быть узко датированы, тем не менее, общие хронологические рамки поселений, с которыми связаны находки, надежно установлены. Поэтому суздальские кресты-реликварии важны для более точного определения общих хронологических рамок бытования этой группы христианских древностей.

В опубликованной в 2003 г. монографии Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова, 2003*) дана полная сводка всех обнаруженных к тому времени на территории Древней Руси складней (свыше 1600 предметов), приведены их типологическая и хронологическая атрибуции. В 2006 г. Б. Питоракис опубликован свод бронзовых византийских крестов-энколпионов (около 670 предметов; *Pitorakis, 2006*), а в 2011 г. Л. Дончевой-Петковой издано собрание болгарских энколпионов IX–XIV вв. (около 1350 экз.; *Дончева-Петкова, 2011*). Выход этих работ дает возможность рассмотреть суздальские находки на широком историко-культурном фоне.

Типологическая и хронологическая атрибуция суздальских крестов-энколпионов.

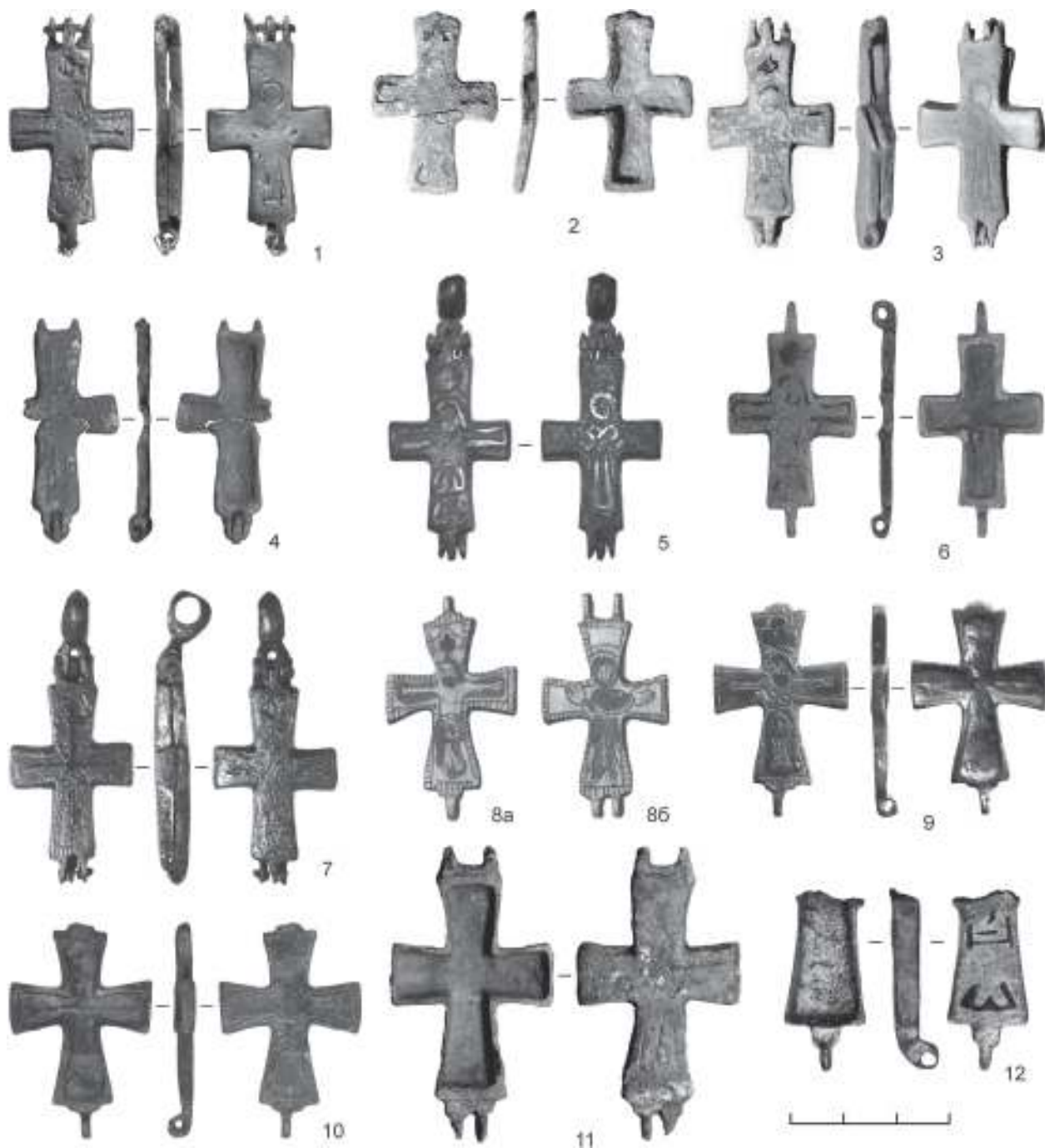
Суздальские энколпионы не являются уникальными. Все они находят аналогии среди типов, выделенных Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой⁴. Рассмотрим их детально. 1. Восемь энколпионов относятся к типу IV.6.1 по А. А. Песковой. Это миниатюрные прямоконечные кресты, на лицевой створке которых изображено Распятие, на оборотной – Богоматерь Оранта (рис. 2, 1–6, 11). Из Суздальских находок три креста сохранили обе створки (Романово, Вишенки 3, 2004, № 53 и Мордыш 1, 2012, № 13). На лицевой створке с Распятием находилось по одному ушку сверху и снизу, на оборотной створке с Богоматерью – по два. По одной створке с изображением Распятия имеют кресты из Суворотского 8, 2015, № 10 и Карельской Слободки 5, 2011, № 12 и по одной створке с Богоматерью – из Суздаля, Суворотского 8, 2014, № 7, 17⁵ и Сорогужино 2, 2016, № 27. Все створки, кроме экземпляра из Сорогужино, имеют практически одинаковые размеры: высота с ушками 44–45 мм, ширина 23–24 мм. Створка из Сорогужино несколько крупнее: высота с ушками 59 мм, ширина 31 мм. Слой металла в ней тоже более толстый. Предметы получены литьем по оттиску модели в пластичной массе. На модели, вероятно, имелся рельефный выпуклый орнамент, отпечатывавшийся в форме как неглубокие канавки. Створки крестов отлиты очень качественно, без газовых пор и других дефектов, на боковых сторонах видны следы шлифовки, лицевые поверхности створок плотные и гладкие. После отливки створок рисунок подрабатывался гравировкой и заполнялся чернью.

Несколько грубоватая манера рисунка практически идентична на всех экземплярах. Фигуры Христа и Богоматери даны схематично, многие их детали не обозначены. На всех створках с Распятием над головой Христа помещен крест. На створке с Богоматерью из Мордыша над ее головой имеется крестообразная фигура из четырех округлых вдавлений.

К рассматриваемой группе крестов примыкает находка из Вишенки 3, 2006, № 4 (рис. 2, 7).

⁴ Для краткости при описании типов энколпионов ссылки на страницы монографии Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой будут опущены.

⁵ Не исключено, что две створки с селища Суворотское 8 представляют собой части одного энколпиона.

Рис. 2. Кресты-энколпионы с чернью с памятников Суздальского Опожья: 1 – Вишенки 3, 2004, № 53; 2 – Карельская слободка 5, 2011, № 12; 3 – Мордыш 1, 2012, № 13; 4 – Суворотское 8, 2014, № 7, 17; 5 – Романово (фото Н. И. Асташовой); 6 – Суворотское 8, 2015, № 10; 7 – Вишенки 3, 2006, № 4; 8 – Весь I; 9 – Поганое озеро 1, 2006, № 260; 10 – Суворотское 8, 2013, № 15; 11 – Сорогужино, 2016, № 27; 12 – Суворотское 8, 2014, № 145

Fig. 2. Niello enkolpion crosses from Suzdal Opolye: 1 – Vishenki-3, 2004, № 53; 2 – Karel'skaya Slobodka-5, 2011, № 12; 3 – Mordysh-1, 2012, № 13; 4 – Suvorotskoye-8, 2014, № 7, 17; 5 – Romanovo (photo by N. I. Astashova); 6 – Suvorotskoye-8, 2015, № 10; 7 – Vishenki-3, 2006, № 4; 8 – Ves' - I; 9 – Poganoye Ozero-1, 2006, № 260; 10 – Suvorotskoye-8, 2013, № 15; 11 – Soroguzhino, 2016, № 27; 12 – Suvorotskoye-8, 2014, № 145

Энколпион сохранил обе створки и бусинное оглавление: лицевая створка полностью идентична описанным выше, а на обороте помещено черневое

изображение прямоконечного креста в сиянии (тип IV.6.2 по А. А. Песковой). По периметру оборотная створка украшена рубчатым орнаментом. Обе

створки покрыты золочением, которое было сделано до нанесения черни (рис. 4, 1).

Все кресты типа IV.6.1 стандартны по размерам и по технике исполнения и, несомненно, являются серийной продукцией. На территории Руси А. А. Песковой учтено в общей сложности более 50 экземпляров энколпионов этого типа (Корзухина, Пескова, 2003. С. 236). На приведенных А. А. Песковой изображениях видно, что 15 предметов полностью идентичны суздальским. В каталоге представлены преимущественно находки из южнорусских земель. Среди немногочисленных энколпионов с территории Северо-Восточной Руси даны экземпляры из курганов на р. Сить, из Введенского под Ярославлем и Песков в Тверской области (Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 99–100).

Среди последних находок таких энколпионов – целый двустворчатый энколпион из Десятинного раскопа в Новгороде⁶, две находки из Рюрикова городища и энколпион из Клещинского комплекса на Плещеевом озере⁷. Датировка и распространение крестов этого типа обсуждаются в работах Ю. В. Колпаковой и О. В. Григорьевой в связи с рассмотрением находок из Пскова, Изборска и Рюрикова городища (Колпакова, 2011; Григорьева, 2015). Обе исследовательницы отмечают серийность таких крестов и их раннее появление на Северо-Западе. Датировка этих энколпионов концом XI – рубежом XI–XII в. обосновывается находками из Старой Руссы, Изборска, Новгорода, Рюрикова городища и некрополя Саркела (Григорьева, 2015. С. 251–253; Седов, 2007. С. 293; Артамонова, 1963. С. 193).

Новые находки, происходящие с территорий Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, дополняют общую картину распространения энколпионов этого типа. Практически идентичные изделия найдены на городских и сельских памятниках от Старой Ладogi до Среднего Поднепровья и от Изборска до Рязанского Поочья⁸. Комментируя это сходство, О. В. Григорьева высказала предположение, «что они были изготовлены в одной мастерской и привезены вместе в домонгольский период»

⁶ Сообщение О. М. Олейникова.

⁷ Полевые работы Суздальской археологической экспедиции ИА РАН 2016 г.

⁸ Селище Истье 2 в Старожиловском районе Рязанской области (Остапенко, 2015. Т. 2, с. 289, № 400).

(Григорьева, 2015. С. 251). Приуроченность находок таких крестов к водным путям отмечает и А. А. Пескова (Корзухина, Пескова, 2003. С. 236).

Суздальские кресты-реликварии типа IV.6.1 найдены вне закрытых комплексов, однако хронология памятников, на которых сделаны находки, прояснена достаточно надежно. Два креста происходят из сборов на селище Суворотское 8, представляющего собой одно из больших поселений с выразительным комплексом находок конца X – начала XII в. и менее многочисленными материалами середины – второй половины XII в. Основной культурный слой селищ Вишенки 3, Карельская Слободка 5, Сорогужино 2 и Мордыш 1 относится к XII – первой половине XIII в., в керамическом комплексе этих памятников отсутствует характерная для XI в. лепная керамика, при этом на первых двух селищах представлены металлические украшения и бытовые вещи, верхняя хронологическая граница бытования которых не выходит за рамки первой четверти XII в. (поясная накладка с геометрическим орнаментом, ключи от нутряных замков, керамика с «манжетовидным» венчиком). В вещевой и керамической коллекции из Мордыша 1 представлены преимущественно хроноиндикаторы середины XII – первой половины XIII в. Поселение в Романово возникает не ранее конца XI в. Таким образом, общий период бытования энколпионов типа IV.6.1 на суздальских селищах может быть ограничен XI–XII вв., включая вторую половину этого столетия. Находки из Суворотского 8 с большой долей вероятности датируются XI в., энколпион из сборов на селище Мордыш 1, скорее всего, связан с культурным слоем середины – второй половины XII в.

2. Четыре находки с расширяющимися к концам лопастями крестов относятся к типу IV.5.5 по А. А. Песковой. Они практически идентичны (рис. 2, 8–10). Это целый двустворчатый крест из Веси I, две створки с Распятием и обломанными верхними ушками из Поганого озера 1, 2006, № 269 и Суворотского 8, 2013, № 15 и обломок створки с Распятием из Тарбаево (Родина, 2012. С. 89). Створки размерами 33–34 мм (без ушек) × 26–27 мм отлиты по выплавляемым резным восковым моделям очень качественно. Внутренние полости на моделях вырезались по уже остывшему воску.

Тонкий линейный детальный рисунок наносился на модель. Христос изображается только в повязке. Краевые зоны крестов украшены рубчатым декором. А. А. Пескова подметила одну общую черту у этих экземпляров: крест над головой Христа превращен в трилистник.

Из четырех суздальских энколпионов типа IV.5.5 три собраны на поселениях, содержащих датирующий материал XI – первой половины XII в., хотя и имеющих более широкие хронологические границы (Весь I, Суворотское 8, Тарбаево). На селище Весь I энколпион найден в культурном слое XI – начала XII в. (*Мошенина*, 1992). В материалах сборов на Тарбаево и Суворотском 8 зафиксированы находки и керамика, начиная со второй половины X в. (*Макаров*, 2012. С. 74–75). В коллекции из сборов на селище Поганое озеро I преобладают находки XII–XIII вв., однако присутствие отдельных вещей, датирующихся в интервале второй половины X – первой половины XII в., и лепной керамики позволяет отнести возникновение этого поселения ко второй половине – концу XI в. Таким образом, хотя ни одна из находок не может получить узкой даты, весьма вероятно связь их с культурными отложениями XI – первой половины XII в.

Аналоги подобным крестам происходят с селища Введенское под Ярославлем (2 экз.), из Каневского уезда (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 163, 165–166), из Пскова (в заполнении постройки второй половины XI в.; *Колтакова*, 2011. С. 143–144), из Рюрикова городища (слой не ранее конца XI в.; *Григорьева*, 2015. С. 253), из Десятинного и Конюшенного-1 раскопов в Новгороде (слой середины XI в.; *Олейников*, 2016. С. 83). В собрании Государственного исторического музея имеется беспаспортный двустворчатый энколпион без оглавия (*Асташова, Сарачева*, 2015. С. 199), а в Государственном Русском музее – двустворчатый энколпион, одна створка которого идентична створкам с Распятием, а на обороте помещен черневой крест с сиянием (*Корзухина, Пескова*, 2003. Табл. 101).

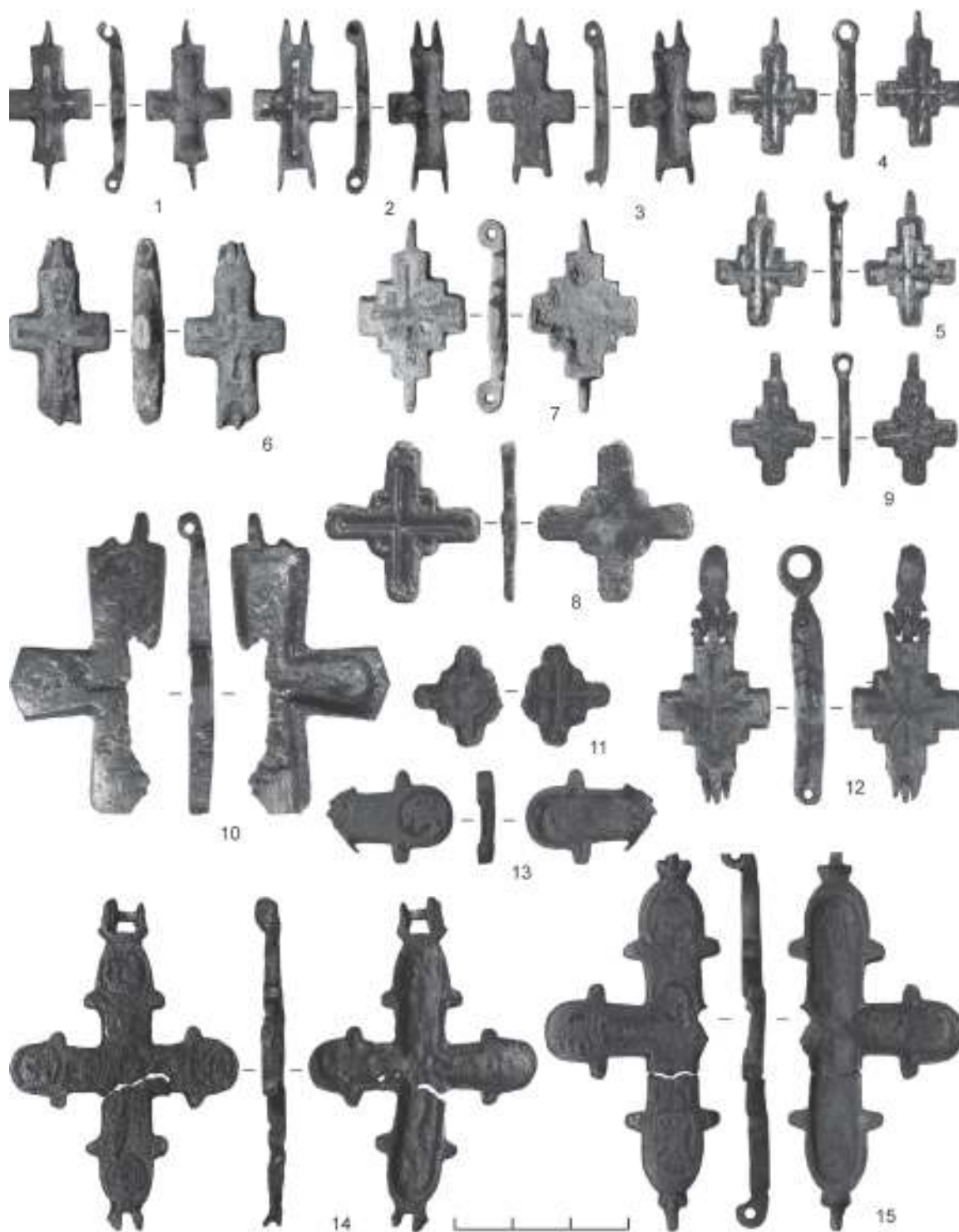
Таким образом, мы имеем дело со второй, несколько меньшей по размеру серией изделий высокого качества, время бытования которой совпадает с хронологией крестов типа IV.6.1.

3. Крест из Суворотского 8, 2014, № 145 обнаружен в виде обломка нижней ветви лицевой

створки (рис. 2, 12), а потому отнести его с уверенностью ни к одному типу возможности не предоставляется. Он более крупный: длина нижней, расширяющейся к концу, ветви с ушком равна 31 мм. На основании нижней петли креста просматриваются рудименты трилистника, характерного для многих византийских крестов крупных и средних размеров. Прочерченные по модели ноги Христа обведены чернью. Рассматриваемый энколпион с долей вероятности может быть отнесен к типу IV.5.1 по А. А. Песковой (Христос и Богоматерь с предстоящими) или к рассмотренному выше типу IV.5.5. От крестов типа IV.5.1 (в каталоге учтено 13 экз.) его отличает отсутствие головы Адама под ногами Христа. Территориально наиболее близкой к суздальской является находка целой створки такого энколпиона в Ярополче (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 158). Большой крест типа IV.5.5, сходный по своим размерам с крестом из Суворотского 8, происходит из слоя второй половины XI в. в Старой Руссе (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 163).

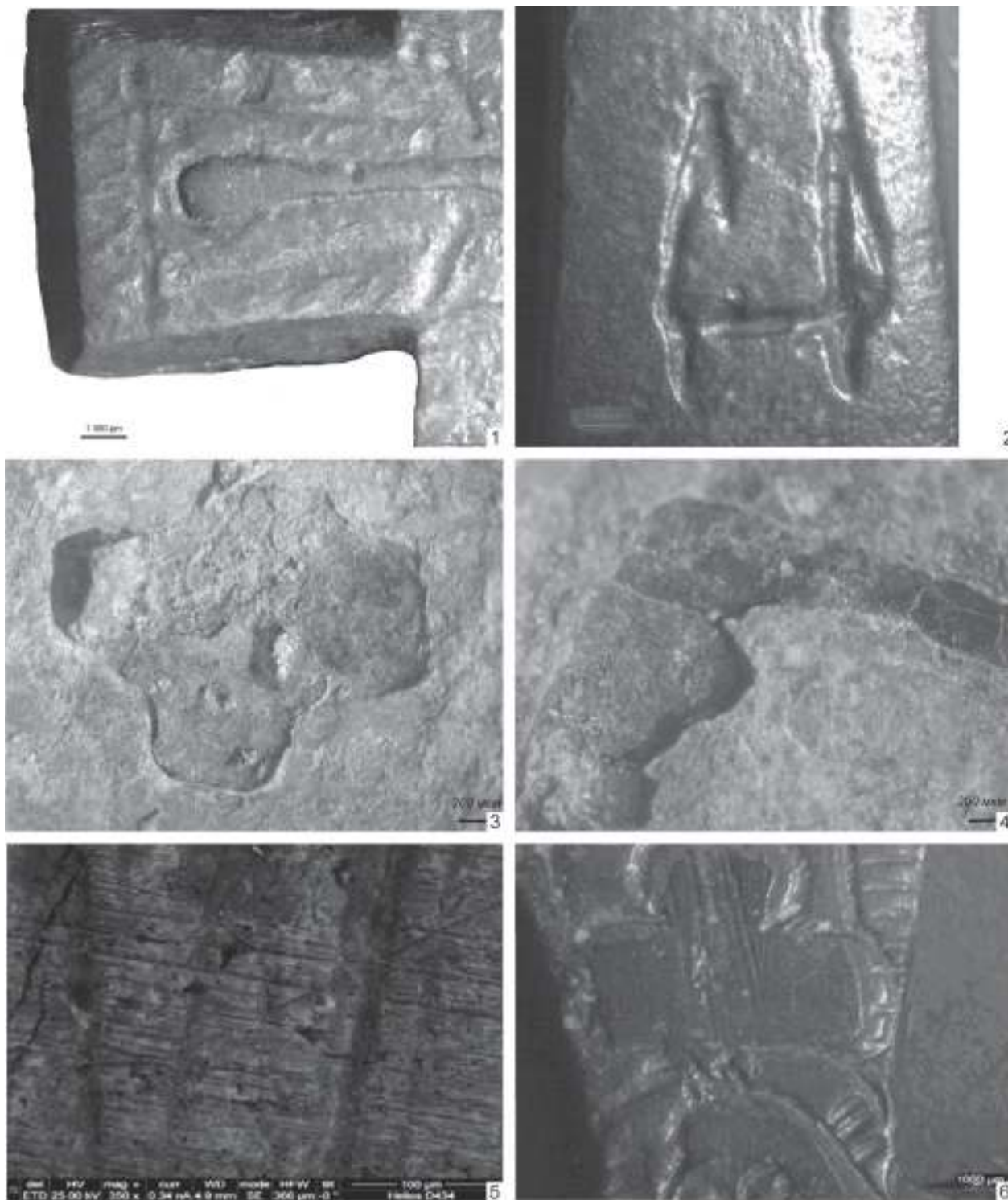
4. Наследниками энколпионов типа IV.6.2 можно считать небольшие реликварии с несколько расширяющимися к концам прямыми ветвями с центральным рисунком креста на обеих створках (тип IV.6.3) и прямоконечные кресты с четырьмя выступами в средокрестии (тип IV.6.4). Из сборов Суздальской экспедиции происходят четыре креста без выступов: кресты из Григорово 1, 2015, № 2, 66 (край оборотной створки украшен рубчатым орнаментом), Суворотского 8, 2016, № 47, Михайлей 4, 2016, № 114, 115 (сохранили по две створки) и крест из Суворотского 8, 2015, № 054 (одна створка) (рис. 3, 1–3, 6). Три креста имеют выступы в средокрестии: крест из Тарбаево 5А, 2010, № 137 (целый, с двумя створками и бусинным оглавием) (рис. 3, 12), целый двустворчатый крест из Михайлей 4, 2016, № 115 и крест из Мордыша 1, 2012, № S31 (имеет одну створку с одиночными петлями; рис. 3, 7). Высота крестов без выступов с ушками составляет около 30 мм, ширина – 15 мм. Кресты с выступами несколько шире – 19 мм.

Из 26 учтенных А. А. Песковой энколпионов типа IV.6.3 14 происходят с территории южнорусских земель. Целый энколпион с оглавием найден в Новгороде в слое конца XII – начала XIII в. (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 171). Новые находки таких

Рис. 3. Кресты-энколпионы с чернью с памятников Суздальского Ополя: 1, 2 – Григорово, 1, 2015, № 2, 66; 3 – Суворотское 8, 2015, № 054; 4 – Скомово 2, 2009, № 27; 5 – Михали 4, 2016, № 114; 6 – Суворотское 8, 2015, № 007; 7 – Мордыш 1, 2012, № S31; 8 – Вишенки 6, 2006, № 36; 9 – Суворотское 8, 2014, № 133; 10 – Кибол 11, 2010, № 15; 11 – Кибол 11, 2010, № F26; 12 – Черниж 2, 2014, № 11; 13 – Тарбаево 5а, 2010, № 137; 14 – Карельская слободка 5, 2008, № 74; 15 – Черниж 2, 2014, № 6, 8

Fig. 3. Niello enkolpion crosses from Suzdal Opolye: 1, 2 – Grigorovo, 1, 2015, № 2, 66; 3 – Suvorotskoye-8, 2015, № 054; 4 – Skomovo-2, 2009, № 27; 5 – Mikhali-4, 2016, № 114; 6 – Suvorotskoye-8, 2015, № 007; 7 – Mordysh-1, 2012, № S31; 8 – Vishenki-6, 2006, № 36; 9 – Suvorotskoye-8, 2014, № 133; 10 – Kibol-11, 2010, № 15; 11 – Kibol-11, 2010, № F26; 12 – Chernizh-2, 2014, № 11; 13 – Tarbayevo-5a, 2010, № 137; 14 – Karel'skaya Slobodka-5, 2008, № 74; 15 – Chernizh-2, 2014, № 6, 8

Рис. 4. Макрофото деталей орнамента на энколпионах: 1 – остатки золочения, Вишенки 3, 2006, № 4; 2 – канавки под чернь, полученные при отливке, Вишенки 3, 2004, № 53; 3 – промежутки между канавками и чернью, Карельская слободка 5, 2011, № 14; 4 – разные участки полос черни, Карельская слободка 5, 2011, № 14; 5, 6 – гладкая плотная поверхность черни, Поганое озеро 1, 2006, № 260

Fig. 4. Macrophoto of ornamentation details on enkolpia: 1 – traces of gilding, Vishenki-3, 2006, № 4; 2 – grooves for niello made during casting, Vishenki-3, 2004, № 53; 3 – gaps between the grooves and niello, Karel'skaya Slobodka-5, 2011, № 14; 4 – different areas of the niello stripes, Karel'skaya Slobodka-5, 2011, № 14; 5, 6 – smooth dense surface of the niello, Poganoye Ozero-1, 2006, № 260

энколпионов из Пскова, Новгорода и Рюрика города найдены в переотложенном слое или датируются XII–XIII вв. (Колпакова, 2011. С. 148; 2015. С. 204–205; Григорьева, 2015. С. 253). А. А. Пескова говорит о широком распространении этих «простейших» по иконографии энколпионов, ареал которых повторяет ареал типа IV.6.1 (Корзухина, Пескова, 2003. С. 136).

Крестов с выступами в средокрестии в каталоге А. А. Песковой приведено больше 60. Значительная часть находок с известным происхождением обнаружена на южнорусской территории. Несколько таких крестов известно в материалах Польши и Белоруссии. Ближайшей к Ополью является находка целого креста с оглавием в Ярополче в слое конца XII – XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 176). Судя по значительному преобладанию крестов этих типов в южнорусских землях, можно полагать, что они производились в этом регионе. Однако в последние годы эта группа энколпионов активно пополняется находками с севернорусских территорий, в том числе из Новгорода⁹, Рюрика города (Григорьева, 2015. С. 253).

Суздальские энколпионы типа IV.6.3 найдены как на поселениях X–XII вв. (Григорьево 1, Суворотское 8), период наиболее интенсивной жизни которых определяется в рамках XI – начала XII в., так и на памятниках с культурным слоем XII–XIII вв., нижняя хронологическая граница которых не выходит за рамки рубежа XI–XII вв. (Михали 4). Наиболее вероятная их датировка – конец XI – XII в., хотя обосновать узкие хронологические рамки и в этом случае невозможно¹⁰. Энколпионы типа IV.6.4 происходят с селищ Мордыш 1 и Тарбаево 5, где они найдены на участках с преобладанием материалов XII – первой половины XIII в.

К группе энколпионов с выступами в средокрестии примыкают двусторонние кресты-тельники (без полостей для вложений) идентичной формы, но несколько меньших размеров – высотой 22, шириной 12–15 мм. В составе коллекции имеются три таких креста: из Суворотского 8, 2014, № 133

⁹ Находка в слое XI в. на Десятинном раскопе. Любезное сообщение О. М. Олейникова.

¹⁰ Большинство исследователей датируют энколпионы типа IV.6.3 XII–XIII в., хотя Ю. В. Колпакова приводит мнение А. Е. Мусина о ранней (X–XI вв.) датировке такого энколпиона из Пскова (Колпакова, 2011. С. 148).

и 2015 № 007 и Скомово 2, 2009, № 27 (рис. 3, 4, 5, 9). Обе стороны одного креста из Суворотского украшены выпуклым черным рисунком креста. На одной стороне представлены лучи сияния. Канавки второго креста из Суворотского и креста из Скомово не содержали черного заполнения.

В качестве иллюстрации дальнейшей линии развития этого типа можно обратиться к находкам крестов из Вишенок 6 и Кибола 11, на которых лучи сияния трансформировались в округлые углубления, и черни никогда не было (рис. 3, 8, 11).

5. Одной створкой представлен крест с прямыми расширяющимися к концам ветвями, торцевые края которых имеют вид треугольников из Кибола 11, 2010, № F26 (тип IV.5.3 по А. А. Песковой). Это обломанная оборотная створка с черным центральным рисунком креста в сиянии и с пятиугольными клеймами на концах ветвей, в которые обычно помещались буквы IC XC в верхней и нижней ветвях и NK в боковых. Высота створки без ушек 47 мм. На рассматриваемом нами кресте буквы не читаются (рис. 3, 10).

А. А. Песковой учтено всего пять находок этого типа. Происхождение известно у трех экземпляров – это Неревский раскоп в Новгороде, сопка у с. Усть-Белая на р. Чагодоша на востоке новгородской земли (современная Вологодская обл.) и Галич на Украине. Новгородский энколпион, найденный в культурном слое 14/15 ярусов (1238–1281 гг.), собран из створок от двух разнотипных крестов-реликвариев. Энколпион из Усть-Белой обнаружен в яме, прокопанной в сопке, как считают авторы раскопок, намеренно с целью разрушения ее как языческого памятника. А. Н. Башенькин датировал этот комплекс началом XII в. (Башенькин, 1999. С. 37–39, рис. 1, 10). Энколпион из Галича относится ко времени не ранее третьей четверти XII в. Таким образом, для уточнения датировки энколпионов типа IV.5.3 данных пока недостаточно. Вероятно, производство их относится ко времени не ранее XII в.

6. Три найденные в Ополье створки имеют прямые ветви и округлые концы, украшенные «слезками». Это оборотная створка с центральным рисунком креста буквами в клеймах из Карельской слободки, 5, 2008. № 74 (рис. 3, 14); лицевая створка с Распятием и предстоящими и обломок оборотной

створки с Богородицею Орантой с предстоящими из Чернижа 2, 2014, № 6, 8, 11 (рис. 3, 13, 15). Возможно, створки из Чернижа первоначально составляли одно изделие. Размеры створки из Карельской слободки равны 47 (без ушек) × 40 мм (тип III.2.4 или IV.2.2 по А. А. Песковой). Она горела, и чернь, вероятно, выпала (ее нет совсем).

Высота створки с Распятием без ушек из Чернижа составляет 55 мм (тип IV.2.1 или IV.2.2 по А. А. Песковой). Несмотря на то что верхнее ушко отломано, хорошо сохранились трилистники в основаниях обоих ушек. Как уже указывалось выше, это характерная черта, способная выступать маркером византийских энколпионов. В каталоге А. А. Песковой среди крестов этих типов (15 изображений) нет ни одного с трилистниками. В небольшом количестве кресты с такими ушками представлены среди рельефно-черневых (тип III.2.3) и рельефных (тип II.3.2). Поверхность створки очень плотная и гладкая. Наоборот, обломок створки с Орантой подвергался сильной грубой шлифовке. Тонкие линии рисунка были прочерчены в еще не остывшем металле (при увеличении видны бортики из сдвинутого к краям слоя металла).

А. А. Песковой учтено восемь адресных энколпионов с Распятием и Орантой этого типа. Все они происходят из южнорусских земель. Исследовательница датирует их XII в., хотя археологическую датировку имеет только один крест из культурного слоя XIV в. в Херсонесе (Корзухина, Пескова, 2003. С. 142–143).

Энколпионов с лицевой створкой с Распятием и оборотной с крестом найдено больше – 20 экз. (15 адресных). Все они, за исключением креста из Минска, также происходят из Южной Руси. Только два креста найдены в датированном культурном слое, причем оба – в слое XIII в. (Минск, Херсонес). Таким образом, находки из Чернижа и Карельской слободки можно считать первыми на территории Северной Руси. Обе они происходят с памятников, хронологические рамки которых находятся в пределах XII–XIII вв., при этом в коллекции, собранной на селище Черниж 2, преобладают украшения и керамические формы второй половины XII – первой половины XIII в.

Технология изготовления энколпионов и состав сплавов створок и черни. Технология

изготовления и состав металла древнерусских крестов-энколпионов детально исследованы Т. Г. Сарачевой. Ею же приводится литература по этому вопросу (Асташова и др., 2013. С. 67–99). Технология изготовления и состав сплавов болгарских энколпионов изучены Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова, 2011. С. 274–287) и С. Дончевой (Дончева, 2008. С. 134–138). Основным приемом изготовления створок было литье в пластичных формах, чаще всего по оттиску специальной модели или готового изделия. Модели для оттиска створок энколпионов известны из раскопок мастерской ювелира в Старой Рязани (Зайцева, 2009. С. 219) и из Пернишко (Болгария; Дончева-Петкова, 2011. С. 284). Среди исследованных нами образцов только на боковых поверхностях одной створки из Суворотского 8 (тип IV.6.3) видны остатки литейного шва, свидетельствующие о ее отливке в двустворчатой форме. Боковые поверхности остальных створок тщательно зашлифованы.

Определен состав металла створок 18 энколпионов (21 створка) с чернью из Суздальского Ополья (Приложение 1). Анализ шести створок произведен в НИЦ «Курчатовский институт» методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на станции РКФМ Курчатовского источника синхротронного излучения. 15 створок исследованы на РФА-анализаторе Bruker в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова (аналитик Л. Пельгунова).

Створки 16 энколпионов были отлиты из перемешанного многокомпонентного сплава на основе меди с добавками олова, свинца и цинка (концентрация цинка в среднем 5–6 %, max. 12,7 %). Створки энколпионов (энколпиона?) из Чернижа были изготовлены из двойной латуни с низким содержанием цинка (около 3 %).

Т. Г. Сарачева, обобщившая данные по составу металла энколпионов Древней Руси (197 экз.), Болгарии 41 (экз.), Византии (55 экз.), пришла к выводу, что створки, которые потом предполагалось дорабатывать, чаще изготавливались из многокомпонентных сплавов, содержавших цинк. Эти сплавы имеют высокие литейные качества, наличие цинка снижает газовую пористость и придает отливкам плотную гладкую поверхность. Такие сплавы также

хорошо обрабатываются после литья в холодном состоянии. Створки, изображения на которых получались в процессе литья, делались преимущественно из бронзы (*Асташова и др.*, 2013. С. 56, 58).

Характеристики створок из Суздальского Ополя (а все энколпионы с чернью подвергались доработке после отливки), подтверждают эти данные: они плотные, гладкие, без видимых газовых пор.

Фиксация цинка в сплаве створок имеет еще и хронологический и историко-культурный аспекты. На примере больших выборок предметов, изготовленных из сплавов на основе меди, из разных памятников Древней Руси было сделано заключение, что во второй половине XII – XIII в. количество цинкосодержащих сплавов в практике древнерусских мастеров-ювелиров резко уменьшается (*Ениосова и др.*, 2008. С. 134; *Асташова и др.*, 2013. С. 61; *Зайцева*, 2008. С. 41). Статистически сплавы с цинком более представлены в цветной металлообработке X–XI и XIV–XVII вв. Анализ, проведенный Т. Г. Сарачевой, свидетельствует о том, что около 3/4 древнерусских энколпионов изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Многокомпонентные сплавы с цинком более свойственны столичной и провинциальной (Болгария) византийской производственной традиции (*Асташова и др.*, 2013. С. 60, *Асташова, Сарачева*, 2015. С. 200–201).

После отливки и доработки на изделия наносилась чернь для создания эффекта полихромности. Специальный анализ черни на древнерусских крестах-энколпионах проводится нами впервые. Проблемам технологии изготовления изделий с чернью посвящена довольно обширная зарубежная литература. В 1980-е–1990-е гг. были развернуты специальные исследовательские программы, имевшие своей целью изучение археологических предметов с чернью разных эпох для определения технологии чернения и этапов ее эволюции. Краткий обзор публикаций и письменных источников по этой теме приведен в статье датской исследовательницы К. С. Петерсен (*La Niece*, 1983; *Moss*, 1995; *Northover, La Niece*, 2009; *Petersen*, 1994–1995; *Giunlia-Mair*, 2001). В последующие годы с открытием доступа к более совершенному научному оборудованию исследователи вновь обращаются к проблемам черни.

Преимущественно внимание специалистов было направлено на изучение серебряных предметов, чаще всего подвергавшихся чернению. Вслед за описанием процесса производства черни и техники его нанесения на изделие в античных и средневековых трактатах исследователи исходили из того, что чернь – это порошок сульфида серебра, серебра, перемешанного со свинцом, или серебра, перемешанного с медью и свинцом. Порошок заливали водой, подогревали и в виде кашицы (вязкой массы) наносили на участки изделий для их чернения. К. С. Петерсен, наблюдая на археологических предметах, как чернь аккуратно заполняет канавки и имеет параллельные ровные стороны, предположила, что средневековые мастера часто использовали не порошок, а сульфидные полоски или проволоку, выдержанную при нагревании в сосуде с серой. Она провела эксперименты с проволокой, сделанной из чистого серебра, серебра, смешанного с медью, и меди. На основе всего комплекса полученных данных исследовательница пришла к выводу, что наряду с использованием порошка (на черневой массе на изделии видны газовые поры) на многих предметах диагностируется использование сульфидных полос, то есть по сути это инкрустация (*Petersen*, 1994–1995; *Ениосова*, 2016. С. 542–543). Инкрустация бронзовыми резными чернеными пластинами описана также у А. Гимлы-Майер (*Giunlia-Mair*, 2001).

Для нас важны выводы о том, что бронзовые предметы (не латуни) практически невозможно чернить сульфидами серебра, потому что сера вступает в реакцию с окружающей медью, рисунок теряет темный цвет и высветляется. Латуни не дают такой реакции, поскольку содержащийся в них цинк препятствует этому процессу (*Petersen*, 1994–1994. Р. 139–140; 2003. Р. 357). Бронзы чернились либо чисто медными сульфидами в технике инкрустации (t плавления $\text{Cu}-\text{Cu}_2\text{S} > t$ плавления бронзы), либо многокомпонентными медно-свинцовыми или медно-свинцово-оловянными сульфидами в техниках нанесения порошково-флюсовой пасты (t плавления $\text{CuS}-\text{PbS}$ (SnS) $< t$ плавления бронзы).

Сера с медью образует эвтектику, обладающую повышенной хрупкостью. Инкрустировать такие полосы в створки непросто, так как сцепка хрупкого крошащегося сульфида меди с основным

массивом металла была очень слабой, и инкрустация часто выкрашивалась. К. С. Петерсен полагает, что технологические трудности стали причиной того, что изделия из бронз вообще мало чернились. Вместе с тем швейцарский исследователь византийской черни Ф. Швейцер и С. Ла Нис считают, что бронзы могли черниться и сульфидами серебра со свинцом, что полностью отвергается К. Петерсен (см. по *Pitorakis*, 2006. Р. 49–51; *Petersen*, 1994–1995. Р. 140)¹¹. Легче было работать с пластичными полосами разогретого металла и пастой из сульфида меди с добавками олова и свинца. Такой сплав имеет более низкую температуру плавления, хотя в остывшем состоянии он все равно остается хрупким, и на черневом покрытии видны сколы (*Giunlia-Mair*, 2001).

Различить два способа нанесения черни на изделия (инкрустация холодных или разогретых полос и работа с расплавом), даже исследуя предметы при увеличении, достаточно сложно. Н. Томас посвятила этому специальную работу, где на примере анализа трех греческих кинжалов определила основные диагностические признаки двух техник. Для чернения расплавленной вязкой массой делались глубокие канавки, часто сложного рисунка. На поверхности черни видны газовые поры, она неровная, в разных местах имеет разный цвет (от черного до серого) и различную текстуру (от гладкой до гранулированной), есть участки выкрошившейся массы и сколы. На участках изделий, не предназначенных для чернения, встречаются отдельные подтеки, выплески и капли черни. Для инкрустации полосами глубокие канавки не были нужны, однако, темным был только поверхностный слой (патинированный), под которым располагался более светлый слой металла (*Thomas*, 2011. Р. 156).

Изучение черни на суздальских энколпионах проводилось путем визуального осмотра створок на стереоскопическом микроскопе Stemi-2000C (*Zeiss*) при различных увеличениях (И. Е. Зайцева). Методом РФА определен состав черни. Шесть створок подверглись всестороннему обследованию в НИЦ «Курчатовский институт», где они были проанализированы методами растровой

электронной микроскопии (РЭМ), энерго-дисперсионного рентгеновского микроанализа (ЭРМ), методом рентгеновской дифракции и рентгеновской флюоресценции на синхротронном источнике. Использовалась техника картирования поверхности предметов, позволяющая получать визуализированную информацию о распределении элементов не с отдельного небольшого участка или локально взятой пробы, а с большой площади объекта, что важно для уточнения рецептуры состава неоднородной или многокомпонентной черневой массы.

Исследование энколпионов типов IV.6.1 и IV.6.2 показало, что участки черни имеют вид довольно ровных полос, местами, в основном в торцах, выкрошившихся. На кресте из Вишенок 3 чернь не сохранилась совсем. Канавки под чернь мелкие, получены при литье (рисунки были сделаны на модели; рис. 4, 2). Полосы черни выступают над плоскостью изделий, причем этот выступ имеет в профиле вид прямоугольника со скругленными углами. Газовые поры визуально не заметны. При значительных увеличениях видно, что края полос черни извилистые, участки черни покрыты поперечными трещинами, есть разрывы, заметны редкие вдавления от инструмента в виде прямых тонких линий. В некоторых местах полосы черни уже приготовленных под нее канавок и четко просматриваются незаполненные пространства в краевых зонах канавок (рис. 4, 3). Показательны кресты из Карельской слободки 5 и Суворотского 8, на которых хорошо видно, что предназначенные для чернения углубления заполнялись разогретыми полосами металла, имеющими стыки и даже разный цвет. Одна из полос на энколпионе из Карельской слободки 5 вышла неровной и не подверглась доработке (рис. 4, 4). Черневые полосы были уложены поверх золочения креста из Вишенок 6 (рис. 4, 1).

Состав черневой массы исследован для четырех створок этого типа. Во всех случаях чернь, являясь сплавом на основе меди, содержала от 8,7 до 16,4 % серы, от 1,3 до 9,3 % олова и довольно много свинца (8,7–26,1 %). Цинк в черни трех крестов не превышал значения 1,3 %. Только в одном экземпляре (Cr-M-5) он составлял 2,9 %. Проведенный в НИЦ «Курчатовский институт» микроанализ участков черни выявил ее значительную неоднородность.

¹¹ Н. Томас пишет о том, что часто на бронзовых предметах в канавках под слоем черни имеются серебряные подложки (*Thomas*, 2011. Р. 156).

Техника нанесения чернения на энколпионы типа IV.5.5 была иной. Эти предметы отличает тщательность исполнения и тонкость рисунка. Заполненные чернью участки не имеют вид полос: они различны по ширине. Чернь не выступает над плоскостью. При значительном увеличении видны газовые поры. Исследован состав черневой массы двух энколпионов этого типа: концентрация серы здесь выше, чем в энколпионах типа IV.6.1, и составляет 16–22 %. В обоих случаях ощутима добавка свинца – 11–14 %. Энколпион из Суворотского 8 (№ 15) или подвергся вторичному температурному нагреву (пожар?), в результате которого чернь «поплыла», или черневый состав был изначально изготовлен с нарушением технологии и был перекален. На кресте в верхней части створки хорошо видно наложение друг на друга слоев черни. Чернь энколпиона из Поганого озера 1 отличается гладкой полированной поверхностью и имеет меньшую пористость (рис. 4, 5, 6). Вероятно, при чернении этих энколпионов использовалась расплавленная вязкая масса, которой покрывали участки, предназначенные для чернения, а потом зашлифовывали их¹².

Возможно, при отделке энколпиона из Суворотского 8 (№ 145) использовались обе техники нанесения черни: при увеличении в 12,5 раза хорошо видны вбитые при помощи инструмента с линейным рабочим окончанием тонкие полоски черни, которые местами имеют растрескивания и разрывы (рис. 5, 1).

Энколпионы типов IV.6.3 и IV.6.4 изготовлены из многокомпонентной бронзы с высоким содержанием свинца (преимущественно более 20 %). Ровные полосы черни значительно выступают над поверхностью основы, местами видны поперечные трещины черневого слоя. На створке креста из Григорово при увеличении четко просматриваются стыки полосок металла в средокрестии (рис. 5, 2). Характер углублений под выкрошившимися участками черни на кресте из Мордыша 1 позволяет предположить, что темные полоски утапливали в еще теплый металл. В составе черни мало серы (2,5–7,8 %). Все эти наблюдения свидетельствуют

¹² А. А. Пескова на основании визуального осмотра полагает, что энколпион из Веси I инкрустирован серебром (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 163*).

о том, что чернь на таких энколпионах делалась методом инкрустации.

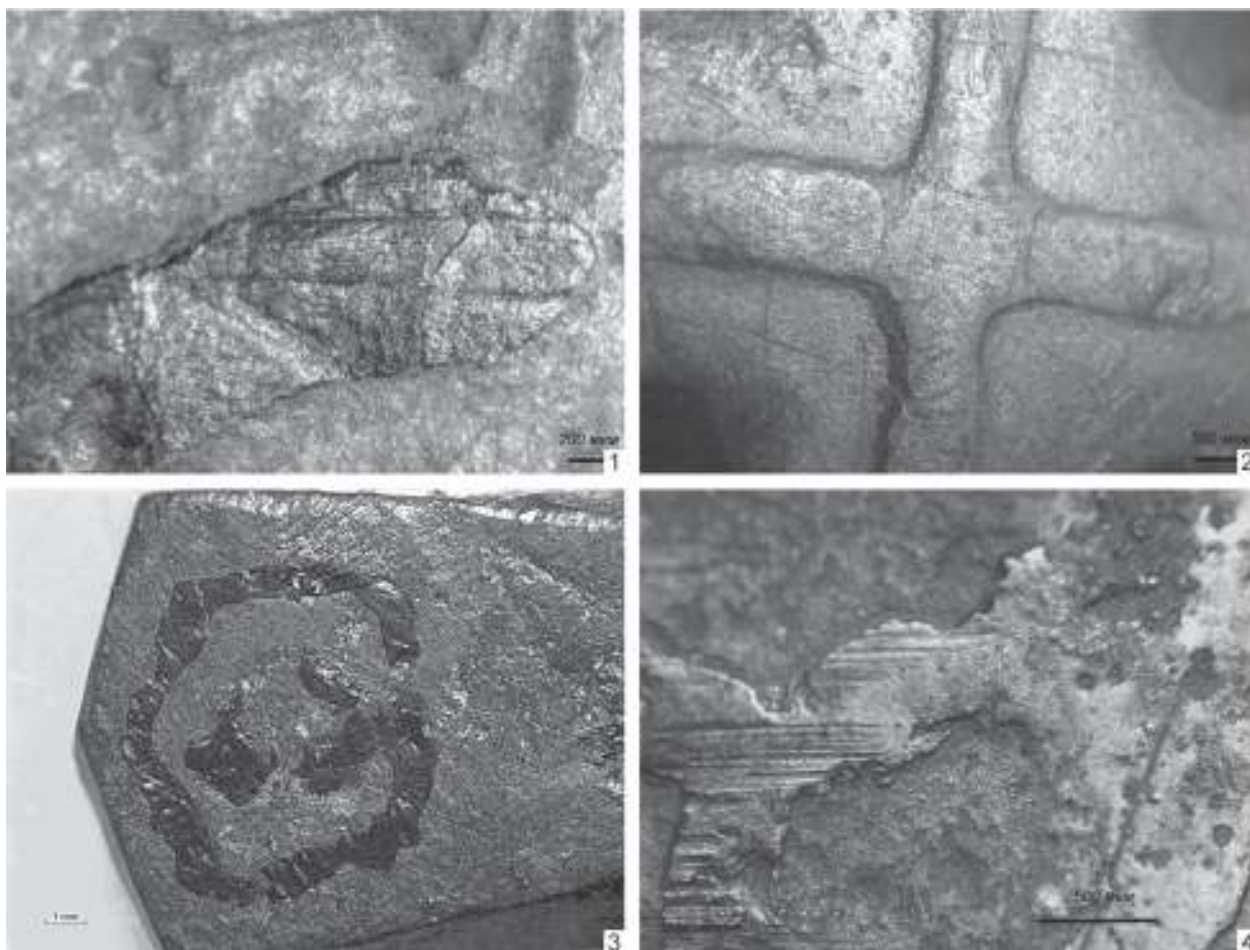
Створка энколпиона типа IV.5.3 изготовлена из многокомпонентной бронзы с небольшим содержанием свинца (3–6 %). Канавки под чернь имеют резкие рубленые границы и, скорее всего, были выгравированы на металле. На это также указывают и неровные, несимметричные контуры рисунка (рис. 5, 3). В черни довольно много серы (20 %), в значимых концентрациях присутствуют свинец, цинк. Поверхность черневого заполнения полностью зашлифована под уровень основного металла. Исследования шлифа черни с помощью сканирующей электронной микроскопии выявили наличие пор, эвтектическую структуру из медно-свинцово-оловянных сульфидов и отдельные включения цинка. Это свидетельствует о технике использования расплавов при декорировании энколпиона.

Створки из Чернижа 2 (тип IV.2.1) отлиты из двойной латуни¹³. Содержание серы в черни составляет 17–20 %, свинца мало (до 4 %). Пористость черневого заполнения, незначительно выступающего над уровнем поверхности створок, невысокая, но хорошо прослеживается в местах его излома. Границы черни неровные, видны ее затеки и отдельные капли (рис. 5, 4). Скорее всего порошок измельченной черни, смешанный с флюсом, закладывался в канавки «с горкой», а затем расплавлялся под постоянным контролем температуры. Это позволяло не допускать растекания черни по фону и прекращать нагрев сразу после расплавления. Таким образом, процесс плавления происходил, но не достигал еще жидкотекучей фазы.

Подводя итоги наблюдениям, можно отметить, что при изготовлении черни всех проанализированных крестов применялись сера и медные сплавы. Но при этом только один раз на створках из Григорово для черни был использован тот же самый металл, из которого отливались сами створки. Во всех остальных случаях чернь готовилась отдельно или покупалась мастером.

¹³ Следует отметить что данные, полученные разными методами (энергодисперсионный с вакуумом, рентгено-флюоресцентный на синхротронном источнике), при измерении разных контактных участков одних и тех же объектов могут несколько отличаться, особенно по свинцу. Это объясняется ликвационными процессами и спецификой распространения этого химического элемента в сплаве.

Рис. 5. Макрофото деталей орнамента на энколпионах: 1 – тонкая наложенная пластинка черни, Суворотское 8, 2014, № 145; 2 – стыки черневых полосок в средокрестии, Григорово, 1, 2015, № 2; 3 – неровные границы орнамента, вырезанного по металлу, Кибол 11, 2010. № F26; 4 – неровные границы черного заполнения, Черниж 2, 2014 № 6, 8

Fig. 5. Macrophoto of ornamentation details on enkolpia: 1 – thin plate of niello, Suvorotskoye-8, 2014, № 145; 2 – junctions of niello stripes in the centre of the cross, Grigorovo, 1, 2015, № 2; 3 – uneven borders of the ornamentation cut in the metal, Kibol-11, 2010. № F26; 4 – uneven borders of the niello fill, Chernizh-2, 2014 № 6, 8

На изделиях фиксируются два основных способа нанесения черного рисунка – инкрустация полосок металла при небольшом их нагреве для получения определенной пластичности вставки и использование полиметаллических сульфидно-флюсовых расплавов¹⁴. Визуально инкрустированные полоски выступают над плоскостью изделий: в сечении они имеют вид прямоугольника со скругленными углами. В составе черни фиксируется небольшое содержание серы. В расплавах черневая масса зашлифовывается вровень с поверхностью створки. В составе черни больше

¹⁴ Возможен вариант работы с чернью на определенной стадии плавления в виде вязкой пастообразной массы при подобранных более низких температурных режимах.

серы. Отмечая стабильно высокие концентрации свинца, можно говорить о его намеренном добавлении в сплав для создания более комфортных температурных режимов обработки (за исключением изделий из Чернижа)¹⁵.

Заключение. Изучение черневых крестов-энколпионов из Суздальского Ополя в контексте с аналогичными предметами из различных памятников Древней Руси добавляет новую информацию о распространении мощевиков на Руси, их хронологии, способе производства. Находки последних лет заметно меняют соотношение южнорусских и севернорусских гладких черневых крестов-

¹⁵ Возможно, черневая масса готовилась из смеси меди с галенитом (рудой, являющейся сульфидом свинца).

реликварию, документируя их широкое бытование на Севере в конце XI – первой половине XII в. Контекст суздальских крестов и использование недорогих материалов для их изготовления указывает на то, что круг владельцев этих предметов был достаточно широк и не ограничивался высшими слоями светской элиты и духовенством.

Новые находки подтверждают заключение А. А. Песковой о том, что во второй половине XI в. на Руси прослеживается широко налаженное производство «по меньшей мере, одного типа энколпионов», типа IV.6, который она считает ключевым памятником в исследовании хронологии древнерусского культового литья (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 236*). Как было показано выше, этой же точки зрения придерживаются и Ю. В. Колпакова, и О. В. Григорьева. На основании многочисленности энколпионов типа IV.6 А. А. Пескова сделала вывод о том, что «черневое дело на Руси в это время (вторая половина XI в. – И. З.) было уже успешно освоено» (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 237*).

Поскольку в 2003 г. сводные работы по византийским и болгарским энколпионам еще не были опубликованы, то А. А. Пескова, пересматривая относительную хронологию групп энколпионов, предложенную Г. Ф. Корзухиной, пишет о фиксации черт прямой преемственности у древнерусских черневых энколпионов от византийских традиций, не вдаваясь в конкретные детали (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 240*). В специальной статье, посвященной истокам иконографии древнерусских энколпионов, исследовательница говорит об использовании мастерами, создателями первых русских энколпионов, «иконографической системы, ориентированной на столичные образцы византийского христианского искусства» (*Пескова, 2006. С. 138*).

Обращение к вышедшим сводам показывает, что использование черни для отделки створок энколпионов не было характерно для византийских столичных и периферийных мастерских. В коллекциях имеются только отдельные украшенные так предметы (*Pitorakis, 2006. P. 250–254; Дончева-Петкова, 2011. С. 108*). Близок рассматриваемым нами экземплярам целый крест из музея Метрополитен, который Б. Питоракис определила, как работу константинопольских мастерских XI в. (№ 212; *Pitorakis, 2006. P. 253*). Тем не менее, не-

большие по размеру энколпионы с прямыми или несколько расширяющимися к концам ветвями с очень похожими рельефными изображениями Христа со склоненной головой и Богоматери Оранты без предстоящих представлены в значительном количестве в обоих каталогах. Особенно многочисленны они в Болгарии, где имеются изображения Христа в повязке и обнаружены даже модели таких крестов для оттиска в пластичной смеси¹⁶ (*Дончева-Петкова, 2011. С. 215 и др.*). Кресты относятся к X–XI вв. Готовые изделия с рельефными изображениями сами могли быть использованы для создания моделей.

Энколпионы типов IV.6.1 и IV.5.5 представляют разные варианты исполнения одного иконографического типа: это небольшие по размеру кресты с прямыми или чуть расширяющимися к концам ветвями, с глубокими внутренними полостями, предназначенными для хранения реликвий; рисунки, выполненные чернью, на их створках идентичны – Христос со склоненной головой в повязке и Богоматерь Оранта без предстоящих. Типы отличаются только качеством исполнения и способом нанесения черни. Таким образом, серия стандартизованных небольших гладких черневых энколпионов, представленная в двух вариантах исполнения, появляется на Руси в середине – второй половине XI в. и является самой ранней.

В настоящее время невозможно определить, где располагалась мастерская, изготавливавшая эти кресты. Поскольку все изделия имели глубокие полости для вложения реликвий, можно предположить, что они производились при церковном центре, святыни которого привлекали паломников. Организованное сразу в крупных размерах производство энколпионов высокого качества находилось в рамках византийских традиций. Однако оно отличалось технологическим своеобразием: умением мастеров создавать инкрустированный узор из размягченных полос сульфида меди. Н. И. Асташова и Т. Г. Сарачева относят эти кресты «к переходному типу от византийских к древнерусским», тем не менее, считают его одним из типов местной школы мелкой пластики (*Асташова, Сарачева,*

¹⁶ А. А. Пескова пишет о «стадиальном сходстве» между древнеболгарскими и древнерусскими крестами (*Пескова, 2006. С. 127*).

2015. С. 200–201). Массовый выпуск небольших по размеру крестов-энколпионов, содержащих реликвии (*Макаров, Федорина, 2008. С. 138–139*), напрямую связан с процессом интенсивной христианизации Древней Руси.

Изготовление гладких энколпионов с чернью продолжалось на протяжении двух веков. Большую популярность в Северной Руси получили изделия с центральным изображением креста, простого или с лучами сияния. Прототипы таких изображений имеются на византийских реликвариях, однако на большинстве византийских экземпляров кресты имеют не прямые, а фигурные ветви, хотя лучи сияния на многих из них видны. Центральное изображение креста помещается на лицевой створке, то есть заменяет Распятие, а у древнерусских крест заменяет Богоматерь. Возможно, идея изображения прямых крестов на оборотных створках возникла у мастеров, видевших византийские кресты с вкладышами с центральным изображением Крестного древа. Анализ металла створок этих энколпионов показывает, что мастера по-прежнему использовали для их отливки многокомпонентные сплавы, в то время как подавляющее большинство рельефных энколпионов, имеющих большее распространение в южнорусских землях, изготовлено из бронз (*Асташова и др., 2013. С. 61*). Продолжается и применение двух способов чернения: инкрустация и расплав.

Находки из Суздальского Ополя документируют высокую концентрацию этих выразительных предметов христианского культа на компактной территории в Волго-Клязьменском междуречье, составлявшей в XI–XII вв. периферию христианской ойкумены¹⁷. Они происходят с поселений, расположенных в различных частях Ополя, шесть селищ располагаются в ближайших окрестностях Суздаля на расстоянии от 4 до 12 км от Суздальского Кремля. Анализ географии находок и состояния памятников указывает на широкое бытование энколпионов: они обнаружены на тех поселениях, которые в меньшей степени пострадали от грабительства.

Очевидно, гладкие энколпионы с чернью появи-

лись в Суздальском Ополе во второй половине XI в., первоначально – на «больших поселениях» – крупных неукрепленных селищах, в экономике которых существенную роль играли торговля и ремесло. Наиболее ранними можно признать находки энколпионов типа IV.5.5 (Весь I, Суворотское 8) и типа IV.6.1 (Суворотское 8). Периодом наиболее широкого распространения этих предметов следует считать XII в., когда одновременно с энколпионами типа IV.6.1 в обиходе суздальцев находились энколпионы типов IV.6.2, IV.6.3, IV.5.3, IV.2.1 и IV.2.2. Бытование крестов-реликвариев с чернью в этот период связано как с крупными селами, сложившимися в результате развития «больших поселений» X–XI вв. (Григорово 1, Суворотское 8, Тарбаево 5), так и с небольшими селами, сформировавшимися в конце XI–XII в. как дочерние поселения, в том числе с усадьбами представителей социальной элиты (Мордыш 1, Вишенки 3, Кибол 11, Карельская Слободка 5, Сокогужино 2; *Makarov, 2013. Р. 371–386*).

Гладкие черневые энколпионы, бытовавшие на Руси в XI–XII вв., стали одним из ярких средств выражения новой христианской идентичности и одновременно одним из действенных средств ее формирования. Производство древнерусских черневых энколпионов сложилось на основе византийской и балканской традиции, однако получило развитие как самостоятельное направление, предполагающее изготовление изделий с использованием оригинальных технологий чернения путем нанесения полос сульфидной бронзы и сульфидной медно-свинцовой массы. Оригинальные технологические рецепты открыли возможность для производства выразительных культовых предметов, в течение двух столетий занимавших важное место в религиозной практике и материально-художественной среде древнерусского христианства.

Артамонова, 1963 – Артамонова О. А. Могильник Саркела – Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции: Т. II / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л., 1963 (МИА; № 109).

Асташова и др., 2013 – Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013.

Асташова, Сарачева, 2015 – Асташова Н. И., Сарачева Т. Г. Древнерусские миниатюрные энколпионы // Новгород

¹⁷ По мнению Ю. В. Колпаковой традиция ношения и хранения энколпионов связана с зажиточными слоями городского населения (*Колпакова, 2011. С. 156*).

- и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXIX науч. конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника (Великий Новгород, 27–29 января 2015 г.). Великий Новгород, 2015. Вып. 29.
- Башенькин*, 1999 – *Башенькин А. Н.* Финно-Угры и славяне на Кобоже и Чагодоше // Чагода. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999.
- Григорьева*, 2015 – *Григорьева О. В.* Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // АВ. СПб., 2015. Вып. 21.
- Дончева*, 2008 – *Дончева С.* За производството на един вид кръстове-енколпиони // Археология. София, 2008. Год XLIX. Кн. 1–4.
- Дончева-Петкова*, 2011 – *Дончева-Петкова Л.* Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София, 2011.
- Ениосова*, 2016 – *Ениосова Н. В.* Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. II: Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 г. у Старовознесенского монастыря). СПб., 2016.
- Ениосова и др.*, 2008 – *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008.
- Зайцева*, 2008 – *Зайцева И. Е.* Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополя // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2008. Вып. 2.
- Зайцева*, 2009 – *Зайцева И. Е.* Предметы христианского культа из раскопок Серенска // Археология Подмосквья. Материалы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. М., 2009. Вып. 5.
- Кокорина*, 2014 – *Кокорина Н. А.* Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2014.
- Колпакова*, 2011 – *Колпакова Ю. В.* Энкалпионы Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология, история, архитектура / Отв. ред. В. Л. Янин. Псков, 2011. Вып. 2.
- Колпакова*, 2015 – *Колпакова Ю. В.* Новые находки энколпионов и крестов-складней в Пскове и Старом Изборске (2000–2014 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXIX науч. конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника (Великий Новгород, 27–29 января 2015 г.). Великий Новгород, 2015. Вып. 29.
- Корзухина, Пескова*, 2003 – *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003.
- Макаров*, 2012 – *Макаров Н. А.* Средновековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополе // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; СПб., 2012. Вып. 4.
- Макаров, Красникова*, 2007 – *Макаров Н. А., Красникова А. М.* Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. М., 2007. Вып. 221.
- Макаров, Федорина*, 2008 – *Макаров Н. А., Федорина А. Н.* О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2008. Вып. 2.
- Мошенина*, 1992 – *Мошенина Н. Н.* Раскопки селища Весь близ Суздаля // Городецкие чтения. Городец, 1992.
- Муравьева*, 1999 – *Муравьева А. Н.* Энкалпионы и кресты-тельники XI – начала XVI в. из археологических коллекций музея. Владимир, 1999.
- Олейников*, 2016 – *Олейников О. М.* Исследования в северо-западной части неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенный-1) // КСИА. М., 2016. Вып. 243.
- Остапенко*, 2015 – *Остапенко А. А.* Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. Т. 2: Приложения.
- Пескова*, 2006 – *Пескова А. А.* Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.
- Родина*, 2012 – *Родина М. Е.* Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; СПб., 2012. Вып. 4.
- Седов*, 2007 – *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М., 2007.
- Уваров*, 1871 – *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. Первого археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871.
- Giumlia-Mair*, 2001 – *Giumlia-Mair A.* Colouring treatments on ancient copper-alloys // La Revue de Métallurgie-CIT/Science et Génie des Matériaux. 2001.
- Kruk et al.*, 2006 – *Kruk M. P., Sulikowska-Gaska A., Wolo-szyn M.* Sacralia Ruthenica. Early Ruthenian and Related Metal and Stone Items in the National Museum in Cracow and National Museum in Warsawa. Warsawa, 2006.

- Makarov*, 2013 – *Makarov N.* Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements* / Ed. Jan Klápště. Praha, Brepols, 2013.
- Moss*, 1995 – *Moss A. A.* Niello // *Studies in Conservation*. Vol. 1. № 2. The international Institute for the Conservation of Museum Objects. London, 1995.
- La Niece*, 1983 – *La Niece S.* Niello: A historical and technical survey // *The Antiquaries Journal*. London, 1983. Vol. 63. № 2.
- Northover, La Niece*, 2009 – *Northover P., La Niece S.* New thoughts on niello // *From Mine to Microscope – Advances in the Study of Ancient Technology* / Eds. A. J. Shortland, I. Ch. Freestone, T. Rehren. Oxford, 2009.
- Petersen*, 1994–1995 – *Petersen K. S.* Danish niello inlays from the Iron Age. A technological investigation // *Journal of Danish Archaeology*. Odense, 1994–1995. № 12.
- Petersen*, 2003 – *Petersen K. S.* Technology of 3rd to 12th century niello inlays found in Denmark // *International conference «Archaeometallurgy in Europe» (24–26 September 2003, Milan, Italy)*. Proceedings. Milan, 2003. Vol. 1.
- Pitorakis*, 2006 – *Pitorakis B.* Les croix-reliquaries pectorales Byzantines en bronze. Paris, 2006.
- Thomas*, 2011 – *Thomas N. R.* Recognizing Niello: three Aegean daggers // *Exotica in the Prehistoric Mediterranean* / Ed. A. Vianello. Oxford, 2011.

Приложение 1. Состав сплавов створок и черневой массы энколпионов
Appendix 1. Composition of alloys of the valves and niello mass of enkolpia

№			S	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Sn	Pb	Mg	Mn	Паспорт
1	Лицевая сторона	Осн. массив	1,8	1,68	0,16	63,98	5,1	0,3	19,56	7,42			Карельская слободка 5, 2008, № 235
1	Лицевая сторона	Канавка под чернь	0,11	0,95	0,11	66,35	8,41	0,63	15,61	7,83			
1	Оборотная сторона	Осн. массив	0,04	2,3	0,13	73,25	7,53	0,13	11,93	4,57		0,12	
2	Лицевая сторона	Чернь	2,49	0,95	0,09	52,71	11,59	0,39	5,21	26,57			Григорово 1, 2015, № 66
2	Оборотная сторона	Осн. массив	0	4,11	0,09	42,26	7,21	0,72	6,86	38,75			
3	Лицевая сторона	Чернь	7,46	2,66	0,17	42,52	7,37	0,38	6,67	38,07			Григорово 1, 2015, № 2
3	Лицевая сторона	Осн. массив	0	4,58	0,07	46,3	3,8	0,61	8,52	34,88			
3	Оборотная сторона	Осн. массив	0	2,7	0,1	50,91	6,77	0,67	5,5	33,35			
4	Лицевая сторона	Осн. массив	0,02	1,9	0,1	35,95	8,54	0,54	29,93	23,07			Суворотское 8, 2015, № 54
4	Оборотная сторона	Осн. массив	0,03	0,53	0,17	75,77	4,61	0,61	7,66	10,66			
5	Лицевая сторона	Чернь	7,8	0,31	0,15	75,77	1,74	0,29	2,03	11,91			Мордыш 1, 2012, № 31
5	Лицевая сторона	Осн. массив	0,15	2	0,27	36,41	7,45	0,91	4,12	48,7			
5	Оборотная сторона	Осн. массив	0,05	0,37	0,16	78,2	9,06	0,6	3,15	8,39			
6	Лицевая сторона	Чернь	3,43	1,36	0,1	54,89	2,25	1,89	5,79	30,26		0,03	Сорогужино 2, 2016, № 27
6	Лицевая сторона	Осн. массив	0	7,01	0,04	32,84	3,67	1,27	6,26	48,72		0,21	
7	Лицевая сторона второй створки	Осн. массив	1,33	1,35	0,12	64,09	5,15	0,71	4,84	22,26			Вишенки 3, 2006, № 4
7	Лицевая сторона второй створки	Чернь	16,11	0,19	0,12	78,45	0,12	0,07	0,92	3,99			

7	Лицевая сторона первой створки	Осн. массив	0	0,83	0,12	79,63	4,98	0,68	6,21	7,51			
7	Лицевая сторона первой створки	Чернь	0,62	0,96	0,09	65,27	4,72	1,27	7,86	19,17			
8	Лицевая сторона	Осн. массив	0,5	3,13	0,04	24,57	3,16	0,53	2,59	65,48			Карельская слободка 5, 2011, № 12
8	Лицевая сторона	Чернь	8,7	0,51	0,15	69,01	1,3	0,04	1,3	19,01			
8	оборотная сторона	Осн. массив	1,07	4,67	0,07	48,2	3,62	0,23	1,9	40,25			
9	Лицевая сторона второй створки	Осн. массив	0,12	0,91	0,11	70,82	7,95	0,34	11,97	7,78			Вишенки 3, 2004, № 53
9	Лицевая сторона первой створки	Осн. массив	0,29	0,86	0,11	70,47	8,64	0,39	10,81	8,44			
10	Лицевая сторона	Осн. массив	0	2,25	0,15	38,32	7,78	1,94	38,07	11,51			Суворотское 8, 2015, № 10
10	Лицевая сторона	Чернь	11,49	0,34	0,13	75,97	0,21	0,2	2,99	8,66			
11	Лицевая сторона	Осн. массив	0,6	1,98	0,04	29,29	4,31	2,2	3,92	57,64			Суворотское 8, 2014, № 145
11	Лицевая сторона	Чернь	11,6	0,97	0,09	62,93	5,4	0,21	2,19	16,62			
12	Лицевая сторона первой створки	Чернь	16,4	0,34	0,14	60,51	0,82	0,17	1,78	19,85			Мордыш 1, 2012, № 13
12	Лицевая сторона первой створки	Осн. массив	0,04	1,06	0,11	51,63	6,05	0,69	17,99	22,44			
12	Лицевая сторона второй створки	Осн. массив	0	1,71	0,1	36,84	5,31	0,62	28,22	27,2			
12	Лицевая сторона второй створки	Осн. массив	0	1,48	0,13	50,06	5,18	0,73	17,55	24,88			
13	Лицевая сторона	Осн. массив	0,12	0,12	0,16	70,42	0,17	0,52	20,06	8,75			Суворотское 8, 2014, № 133
13	Лицевая сторона	Чернь	15,8	0,09	0,012	78,16	0,01	0,02	1,99	3,62			
Сг-М-1	Лицевая сторона	Осн. массив	0,12	1,69	0,12	81,9	3,68	1,36	0,54	0,43			Черниж 2, 2014, № 6
Сг-М-1	Оборотная сторона	Осн. массив	0,05	2,06	0,08	85,26	3,07	0,15	0,89	1,03	0,01		
Сг-М-1	Лицевая сторона	Чернь	16,9	0	0	76,7	0	0	0	0	0,03		
Сг-М-2	Лицевая сторона	Чернь	19,83	0,91	0	66,2	0,93	0	1,1	4,15	0,22		Черниж 2, 2014, № 8
Сг-М-2	Лицевая сторона	Осн. массив	0,55	5,64	0,14	85	8	2,07	4	3	0,05		

Ст-М-2	Оборотная сторона	Осн. массив	0,09	2,71	0,07	86,83	3,33	0,15	0,97	0,79	0,03		
Ст-М-3	Лицевая сторона	Осн. массив	0,51	1,8	0,06	78,39	6,14	0,41	5,51	2,83	0,01		Кибол 11, 2010, № F26
Ст-М-3	Оборотная сторона	Осн. массив	0,4	2,99	0,15	59,84	5,89	0,31	10,32	5,95	0,05		
Ст-М-3	Лицевая сторона	Чернь	20,36	1,62	0	58,43	4,08	3,46	4,8	15,11	0		
Ст-М-4	Лицевая сторона	Осн. массив	1,97	0,21	0,06	86,82	3,47	0,14	1,3	1,41	0,08		Суворотское 8, 2013, № 15
Ст-М-4	Оборотная сторона	Осн. массив	0,11	0,39	0,07	84,15	6,6	0,21	3,52	1,38	0,01		
Ст-М-4	Лицевая сторона	Чернь	15,86	0,62	0	75,62	2,55	3,97	2,39	10,8	0		
Ст-М-5	Лицевая сторона	Осн. массив	0,2	4,62	0,13	64,23	12,68	2,16	5,88	3,04	0,02		Суворотское 8, 2014, № 7
Ст-М-5	Оборотная сторона	Осн. массив	0,34	7,64	0,26	54,62	7,8	1,9	2,86	12,32	0,08		
Ст-М-5	Лицевая сторона	Чернь	12,08	1,7	0	49,52	2,9	0	9,31	26,21	0		
Ст-М-4-1	Лицевая сторона	Чернь	17,94	0,62	0	56,87	4,08	0	4,7	14,12	0		Поганое озеро 1, 2006, № 260

Образцы 1–13 проанализированы в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова.

Образцы Ст-М-1 – Ст-М-5 проанализированы в НИЦ «Курчатовский институт».

Niello enkolpion crosses in Suzdal Opolye

N. A. Makarov, I. E. Zaytseva, E. A. Greshnikov

This article discusses the finds of smooth bronze enkolpion crosses (24 pieces) with niello from sites of Suzdal Opolye. The types, technology and composition of the metal of the valves of these crosses as well as that of the niello coating were analyzed. It was established that the small straight-end smooth enkolpia with niello appeared in Suzdal Opolye in the second half of the 11th century in ‘large settlements’, i.e. large unfortified sites where trade and handicrafts played a considerable role in the economy. The objects under consideration were standardized articles manufactured in one or several workshops (types IV.6.1 and IV.5.5 after Anna A. Peskova). They represented different variants of one and the same iconographic type: small-size crosses with the bars straight or slightly widening toward the ends and with deep inner hollows intended for keeping relics. The representations rendered in niello are identical on their valves — Christ with the head reclinate and Our Lady Orans with no

saints standing in front. The types differ only in the quality and technique of applying the niello coating, viz. inlaying with heated bands of copper sulphide with lead admixtures or blackening with a viscous melt. These series are the earliest in Old Rus’.

The 12th century seems to have been the period of the widest distribution of smooth enkolpia in Suzdal Opolye. During that time span, simultaneously with articles of the earliest types, Suzdal inhabitants used the types of enkolpia which only started then to spread – straight-end enkolpia with the central cross-representation and the examples with rounded ends and ‘tears’. The two technologies of niello coating were preserved.

The context of the Suzdal crosses and the use of inexpensive materials (multicomponent bronze) for their manufacture suggest that the circle of the owners of objects of this type was fairly wide and not limited by the higher strata of the secular elite and clergy.

Валентина Михайловна Горюнова долгие годы являлась сотрудником Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН. Она постоянно принимала активное участие в многолетних раскопках Рюрикова городища – исторического предшественника Новгорода. Именно ею разработана хронологическая шкала раннегончарной керамики памятника, приведены многочисленные аналогии по материалам северных центров Древней Руси и западнославянских поселений. В. М. Горюнова для полевых отчетов экспедиции ежегодно обрабатывала и зарисовывала большую часть керамики – от лепной до позднегончарной. За весь ее этот бескорыстный труд коллектив экспедиции выражает ей особую признательность и благодарность.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОСТРОЙКА ИЗ РАСКОПОК РЮРИКОВА ГОРОДИЩА 2008–2009 ГГ. (К ВОПРОСУ О НОВГОРОДСКОМ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ)¹

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская²

Аннотация. В статье подробно рассматриваются материалы раскопок 2008–2009 гг. большой постройки, входившей в состав княжеского двора. Подвальный котлован постройки конца XII – XIII в. был впущен в засыпь древнего рва. Ряд находок из заполнения углубленной части постройки свидетельствует о высоком статусе ее владельцев. В работе также обсуждаются общие вопросы новгородского домостроительства.

Annotation. This paper considers in detail the results of excavations of 2008–2009 at a large building which was situated in the princely courtyard. The cellar pit of the late 12th – 13th century was dug inside the fill of an older moat. A number of finds from the fill of the underground part of the structure suggest the high status of its owners. In addition, in this article, also general problems of the Novgorod house-building are discussed.

Ключевые слова: Рюриково городище, раскопки постройки XII–XIII вв. княжеской резиденции, новгородское домостроительство.

Keywords: Rurik Gorodishche (Earthen Hillfort), excavation of a princely residence of the 12th–13th century, Novgorod house-building.

Многолетние исследования показали, что Рюриково городище является археологическим памятником с очень плохой сохранностью культурных отложений в своей большей части и сложной, во многом нарушенной стратиграфией. За исключением узкого участка вдоль берегов Сиверсова канала, на основной площади городищенского холма залегает сухой культурный слой мощностью в среднем около 1 м, многократно перемешивав-

шийся за многовековую историю жизни поселения, особенно в последнее столетие и во время Великой Отечественной войны. Практически на всю свою толщину он насыщен многочисленными находками, характеризующими материальную культуру населения Городища от эпохи раннего металла вплоть до современности. Глубина их залегания при этом не имеет никакого датирующего значения. При зачистке материка встречаются подполья недавних деревенских домов, различные ямы и перекопы, воронки от снарядов и авиационных бомб, заплывшие окопы военного времени. Иногда основания древнерусских и позднесредневековых построек удастся проследить на фоне еще более древних сооружений. Не случайно многие исследователи, кто закладывал на Городище шурфы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». Тема проекта: «Элитарная культура Северной Руси IX–X вв.: столкновение традиций на пути единства».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

с целью изучения памятника, сталкиваясь с такой непростой ситуацией, останавливали столь «бесперспективные» раскопки и сворачивали работы. Тем не менее, наша многолетняя практика показала, что среди не раз перемешанных отложений и материалов встречаются отдельные целые древние комплексы, вернее, как правило, их углубленные в материк части с находками соответствующего времени. Большинство из них относится к концу I тыс. н. э., но некоторые датируются эпохой раннего металла и древнерусским временем. Открытие последних чрезвычайно важно, поскольку позволяет, хотя бы в самых общих чертах, наметить планировку Городища периода существования на нем не раз упомянутой в летописях древнерусской княжеской резиденции, чего мы совсем не представляем. Один из подобных интересных объектов, на котором мы подробно остановимся в своей статье, был открыт в 2008 и 2009 гг.

Начиная с 2006 г. экспедиция вела расчистку заполнения древнего рва, окружавшего центральную часть поселения в конце I тыс. н. э. Мы медленно опускались по восточному склону рва широкой площадью в западном направлении, к наиболее его глубокой части. Было установлено, что окончательно ров был сnivelирован к концу XI в., во время грандиозных строительных работ по перепланировке княжеской резиденции перед строительством церкви Благовещения 1103 г. Верхняя часть рва была засыпана мощными слоями слабо гумусированного песка, достигавшими толщины более 2,50 м. Укрепления потеряли свое значение после строительства нового детинца на месте современного новгородского Кремля. Именно в связи с такой сменой основных укреплений в новгородской топонимике появилось название «Городище» как место древнейшей крепости.

Одной из важнейших задач проведенных нивелировочных работ была подготовка территории к возведению княжеского Благовещенского собора – второго после Софии каменного храма Новгорода. В 1099–1103 г. за короткий срок собор и был построен великокняжеской артелью, переведенной на север из Киева. Это был большой шестистолпный трехапсидный храм с лестничной башней у северо-западного угла. Его общая площадь $22,3 \times 15,1$ м, фундамент достаточно мощный. Удивительно, что такое монументальное сооруже-

ние простояло сравнительно недолго – лишь немногим более 200 лет, оформляя вместе со стоящим на левом берегу Волхова Георгиевским собором Юрьева монастыря архитектурно-парадный въезд по Волхову в Новгород. В 1342 г. княжеский храм 1103 г. был разобран, и, частично на его остатках, «повелением» великого князя Семена Ивановича (Симеона Гордого) возвели новую, несколько меньшую церковь, освященную 24 августа 1343 г. (Седов, 1999. С. 391–404). Поразительно, что строители не использовали фундамент старого здания, как это часто бывало в истории новгородского зодчества, и фундаменты храмов оказались несколько смещены. Ответ получен нами во время многолетних раскопок Городища. Пришедшая из Киева строительная артель не знала и не учла специфики геологического сложения городищенского холма. Значительная часть огромного тяжелого здания была поставлена непосредственно на край недавно заполненного древнего рва. Насыпные грунты не выдержали такой нагрузки, и фундамент, что называется, «поплыл», стены треснули. Очевидно, деформации были столь велики, что дальнейшее даже техническое использование фундаментов и остатков стен не давало гарантии надежности будущей конструкции.

Обращая внимание на отмеченные особенности строительной деятельности на городищенском холме, мы хотели подчеркнуть, что для центральной части памятника можно выделить несколько периодов интенсивных перестроек и перепланировок, которые вопреки многочисленным перекопам отразились на общей стратиграфии культурных отложений и которые позволяют прояснить хронологические соотношения некоторых комплексов и наметить временные реперы. Прежде всего, это засыпка древнего рва и общая нивелировка поверхности Городища к концу XI в., строительство Благовещенского собора 1103 г. и его разрушение в 1342 г., при котором на различных участках сохранились плотные слои строительного мусора, перекрывающего более ранние отложения.

В северо-западном углу раскопа 2008–2009 гг. было открыто углубленное в грунт основание большой древнерусской постройки XII – начала XIII в. Подвальная часть постройки была впущена в песчаное заполнение древнего городищенского рва, окончательно засыпанного в конце XI в. Ее кон-

туры хорошо читались на желтоватом фоне. Уникальная стратиграфическая ситуация позволила достаточно определенно выяснить ряд ее важных конструктивных деталей. В 2008 г. была зафиксирована и разобрана южная половина постройки, а в 2009 г. изучена северная часть сооружения. Общие размеры котлована, имевшего квадратную форму и углубленного на 1,10 м в песчаную засыпь, $5,24 \times 5,35$ м (рис. 1, 1). Котлован был ориентирован по сторонам света, его стенки вертикальные, дно плоское. Горизонтально закрепленными досками шириной до 0,15–0,20 м были обшиты стены по всему периметру. Кроме того, древесный тлен от досок сохранился и на поверхности пола. Никаких опорных столбов в подполье не было. В юго-восточном углу подвального помещения обнаружены остатки печи, явно рухнувшей сюда с верхней части постройки (обожженные валуны и глина, среди которых встречались кости, фрагменты амфор, обломки плинфы). На полу отмечены линзы обожженной глины, насыщенные углем, кости животных, фрагменты керамики и плинфы.

При расчистке подполья зафиксированы три основных слоя заполнения комплекса. По стратиграфии их залегания хорошо видно, как все они прогибаются к центру. Верхний слой представлял собой серый гумус с включениями обломков плинфы и цемянки толщиной до 1–1,30 м, в нижней части которого встречаются линзы глины до 0,1 м. Под ним располагались две углистые прослойки мощностью до 0,1–0,2 м, разделенные слоем гумусированного песка, в котором попадались куски глиняной обмазки. В нижней части заполнения подполья вплоть до дна фиксируется гумусированный песок со следами древесного тлена от деревянных конструкций, сваленных в котлован и залегающих не горизонтально, а в самом разном положении (рис. 1, 2).

В 2008 г. С. В. Шполянский систематизировал подполья средневековых построек в Суздале и его округе. С. В. Шполянский заключил, что «одним из важных результатов, полученных в процессе исследований последних лет, стала фиксация в заполнении подполий хорошо читаемых прослоек древесного тлена, размещавшегося по стенкам котлованов и полого спускавшегося к центру ям, образуя там довольно мощные (толщиной 0,15–0,2 м) завалы. По характеру размещения древес-

ного тлена его можно интерпретировать как следы обрушения деревянных конструкций построек (вероятно остатки перекрытий)». А далее добавляет, что «стратиграфическая ситуация демонстрировала наличие двух основных этапов формирования заполнения подполий, один из которых относился ко времени функционирования и разрушения построек, а второй характеризовал период постепенного заполнения бытовыми отходами котлована сооружения после того как оно было заброшено» (Шполянский, 2008. С. 61). В нашем случае стратиграфическая картина заполнения подполья соответствует тому, как ее описывает С. В. Шполянский.

В недавней аналитической работе о проблемах изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси В. Ю. Коваль справедливо констатировал, что еще «никогда и никогда не было дано удовлетворительного объяснения, каким образом внутри постройки мог отлагаться культурный слой, по мощности сопоставимый с напластованиями, возникающими во дворах усадеб, где скапливался разнообразный бытовой и строительный мусор». Автор считает, что «в процессе жизни постройки эти углубления не заполнялись культурным слоем или этот слой, отлагался в них в минимальном объеме, а, в случае его накопления хозяевами, проводилась очистка таких ям от излишнего мусора» (Коваль, 2007. С. 65). С наблюдениями и вполне резонными выводами В. Ю. Коваль нельзя не согласиться.

Рассматриваемая нами постройка не позднее XIII в. была разобрана. Причины ее гибели нам не ясны. Однако очевидно, что все «ненужные строения», тем более в центре функционирующей княжеской резиденции, разбирали на остающийся пригодным для использования материал. При всем обилии леса в Древней Руси, заготовка дерева для строительства была всегда весьма трудозатратна. Одной из наиболее сложных деревообрабатывающих операций являлось изготовление с помощью клиньев и топоров колотых досок, поскольку продольные пилы для распиливания бревен на доски стали применяться лишь с XVII в. (Засурцев, 1967. С. 54). Доски, находившиеся внутри срубов, почти не гнили, поскольку всегда были сухими и регулярно пропитывались дымом при топке домов «по-черному». Доски продолжали использовать в разных вариантах.

Для настила полов брали только качественные доски, способные вынести значительную нагрузку. Строительное бревно диаметром около 20 см и более расщепляли на четыре части – два горбыля и две толстые доски толщиной от 4 см и более и шириной от 20 см. Доски тщательно отесывали и без крепежных подгоняли одна к другой.

В нашем случае с постройкой Городища 2008–2009 гг., до ее разборки подполье оставалось почти пустым. Когда вынули доски пола (из самого котлована подгнившие доски, естественно, не брали), в его угол упала часть остатков печи, на полу оказались комки глины, фрагменты амфор, керамики, плинфы, кости животных. Видимо котлован сразу частично забрасывали гумусированным песком, в котором встречены скинутые туда в беспорядке различные куски дерева (стратиграфически этому соответствует нижний слой заполнения подполья). Подчеркнем, что изначальная засыпка котлована находится только в пределах его углубленной в грунт части. А вот второй и третий слой засыпи, как показала стратиграфическая ситуация на данном участке, выходят по ширине за земляные стены котлована на расстояние до 1 м и опускаются в него, сохраняя общий прогиб к центру (рис. 1, 2). Эти слои фиксируются с высоты 0,5–0,7 м от уровня края котлована.

Это значит, что сам сруб был больше (шире) подполья, по крайней мере, на 1 м, а его стены не являлись продолжением стен подполья и не опирались на них. Размеры дома составляли около 6 × 6 м, а общая площадь – около 36 кв. м. Судя по стратиграфии, когда в подполье и во внутреннее помещение сруба попала верхняя (основная часть) его фиксируемого заполнения, нижняя часть стен постройки еще сохранялась на три-четыре венца (0,7–0,8 м), в которые в жилых домах средневекового

Новгорода обычно и врубались переводины пола. Таким образом, высота подклета дома с его углубленной в грунт частью составляла около 1,8 м.

Общее время бытования дома весьма определено. Он был сооружен после начала XI в. (окончательная засыпка древнейшего городищенского рва) и разрушен до 1342 г. (разборка собора 1103 г. князя Мстислава Владимировича). Одним словом, дом в центре Городища стоял тогда, когда здесь существовал первый княжеский храм. О чем же можно судить относительно назначения постройки на основании найденного археологического материала?

При разборке заполнения котлована найдено более 400 находок. Значительную часть из них составляли бытовые предметы, обычные для древнерусского времени – ножи, ключи, пружинные ножницы, дверной крючок, ладейные заклепки, подпружные пряжки, ледоходные шипы, железные булавки, различные грузики, оселки, костяные изделия и прочие предметы. Также было найдено много обломков и целых элементов украшений, деталей одежды, представляющих серийные вещи, характерные для Новгорода и Новгородской земли (рис. 2; 3). На их описании и характеристике в данной работе мы останавливаться не будем. Коснемся лишь немногочисленной группы редких находок, подчеркивающих социальный статус жителей данного дома.

В заполнении подвального помещения найдены три свинцовых печати³. Одна печать с изображением святого Андрея с крестом на аверсе и знаком на реверсе; вторая печать принадлежала князю Рюрику Ростиславичу (1170–1171 гг.); третья печать, с поясным изображением Пантократора с одной сто-

³ Авторы благодарят П. Г. Гайдукова за определения найденных печатей.

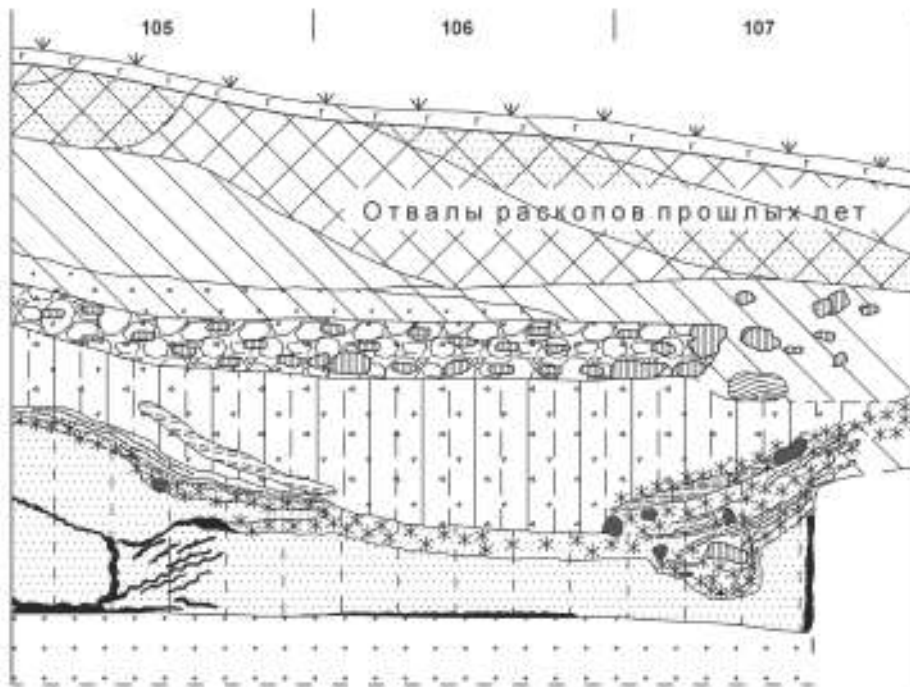
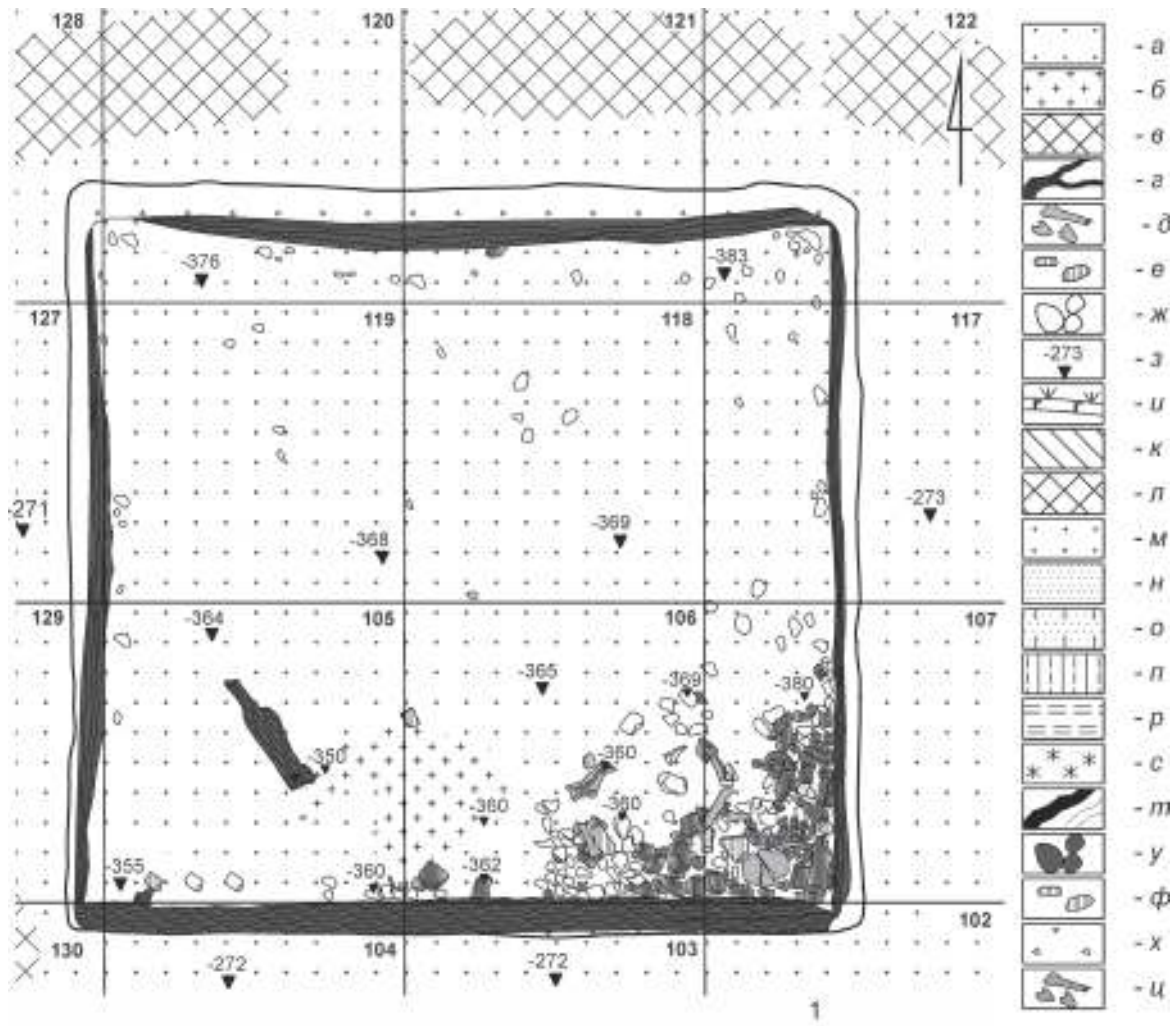
Рис. 1. План (1) и разрез (2) подвального помещения древнерусской постройки (компьютерная обработка О. В. Григорьевой).

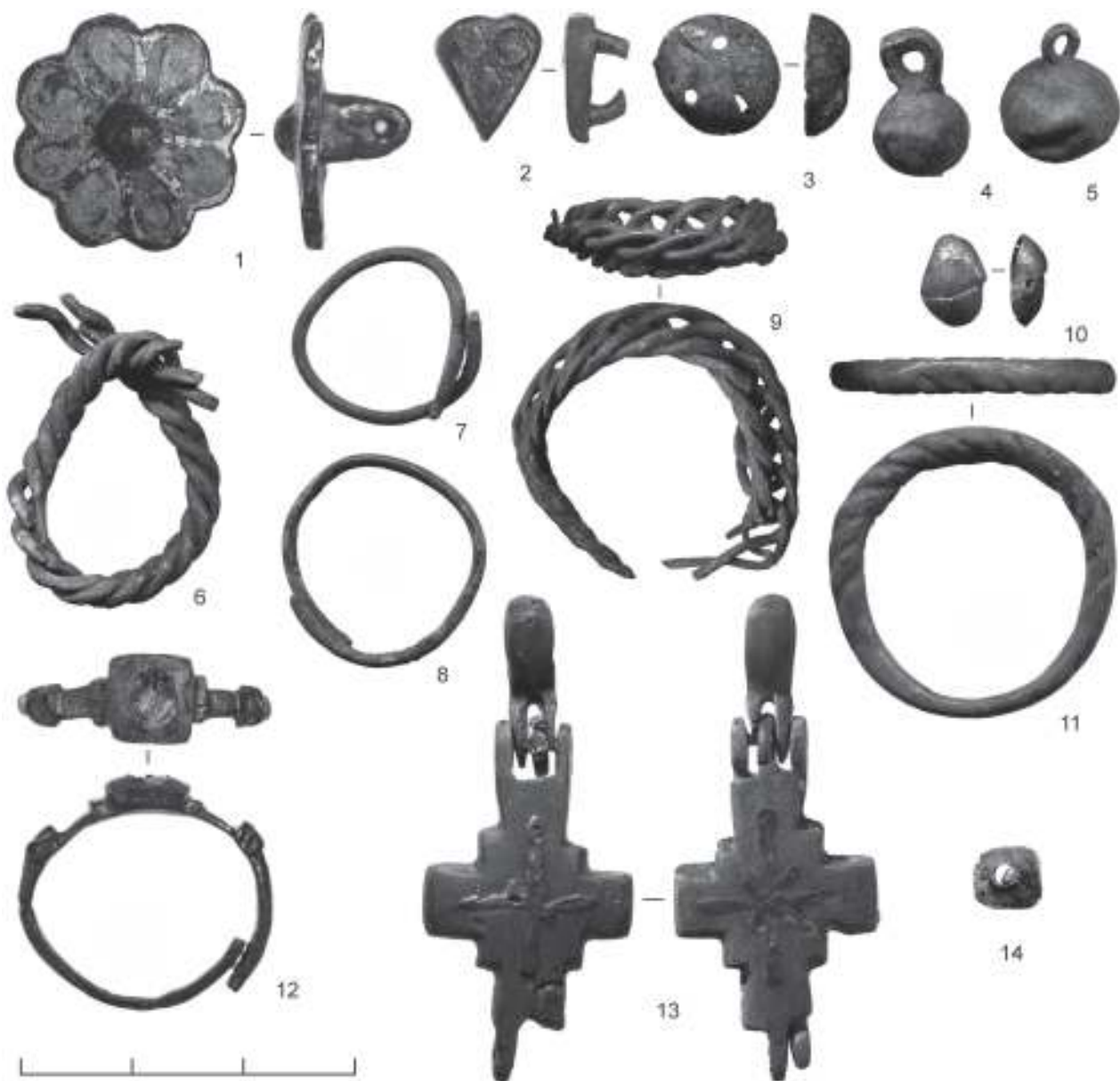
Условные обозначения: *a–з* – для плана: *a* – песчаная засыпка рва; *б* – прокаленный песок; *в* – пятна погребений XIX–XX вв.; *г* – древесный тлен; *д* – кости; *е* – плинфа; *жс* – камни; *з* – нивелировочные отметки; *и–ц* – для разреза: *и* – дерн; *к* – темно-серый слой; *л* – перекоп; *м* – песчаная засыпка рва; *н* – песок; *о* – песчаное заполнение постройки; *п* – серое гумусированное заполнение постройки; *р* – глина; *с* – уголь; *т* – древесный тлен; *у* – камни; *ф* – плинфа; *х* – фрагменты плинфы и цемянки; *ц* – кости

Fig. 1. Plan (1) and section (2) of the Old Russian building (computer processing by O. V. Grigor'yeva)

Notation: On the plan: *a* – sand fill of the moat; *b* – calcined sand; *v* – spots of burials of the 19th–20th century; *g* – decayed wood; *d* – skeletal remains; *e* – plinthos; *js* – stones; *z* – leveling marks.

In the section: *u* – topsoil; *k* – dark grey layer; *l* – re-dug area; *m* – sand fill of the moat; *n* – sand; *o* – sand fill of the building; *p* – grey humic fill of the building; *r* – clay; *c* – charcoal; *t* – decayed wood; *y* – stones; *ph* – plinthos; *x* – fragments of plinthos and *tsemyanka* (mortar consisting of lime and crushed ceramic or brick); *u* – skeletal remains

Рис. 2. Находки из заполнения древнерусской постройки
Fig. 2. Finds from the fill of the Old Russian building

роны и святого Георгия в полный рост с другой, датируется XII–XIII вв.

К числу редких находок относится обрывок золотой нити для шитья, собранный в моточек. На Городище неоднократно встречались золотые нити, использовавшиеся для оторочки одежды. Среди предметов из цветного металла в верхней части заполнения котлована отметим находку энколпиона, с оглавием и обломанными нижними петлями (рис. 2, 13). На лицевой створке имеется изображение креста с «сиянием», на оборотной – простой

крест. Энколпион относится к группе миниатюрных прямоконечных с четырьмя выступами в средокрестии, с черневыми инкрустированными крестами (тип IV.6.4 по классификации Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой) (Корзухина, Пескова, 2003. С. 22, табл. 103, 104). Подобные кресты-реликварии широко были распространены на территории, прежде всего, Южной Руси и в целом датируются XII – началом XIII в. (Там же. С. 173 – 178). Также в верхней части заполнения найден еще один предмет личного благочестия – тонкая

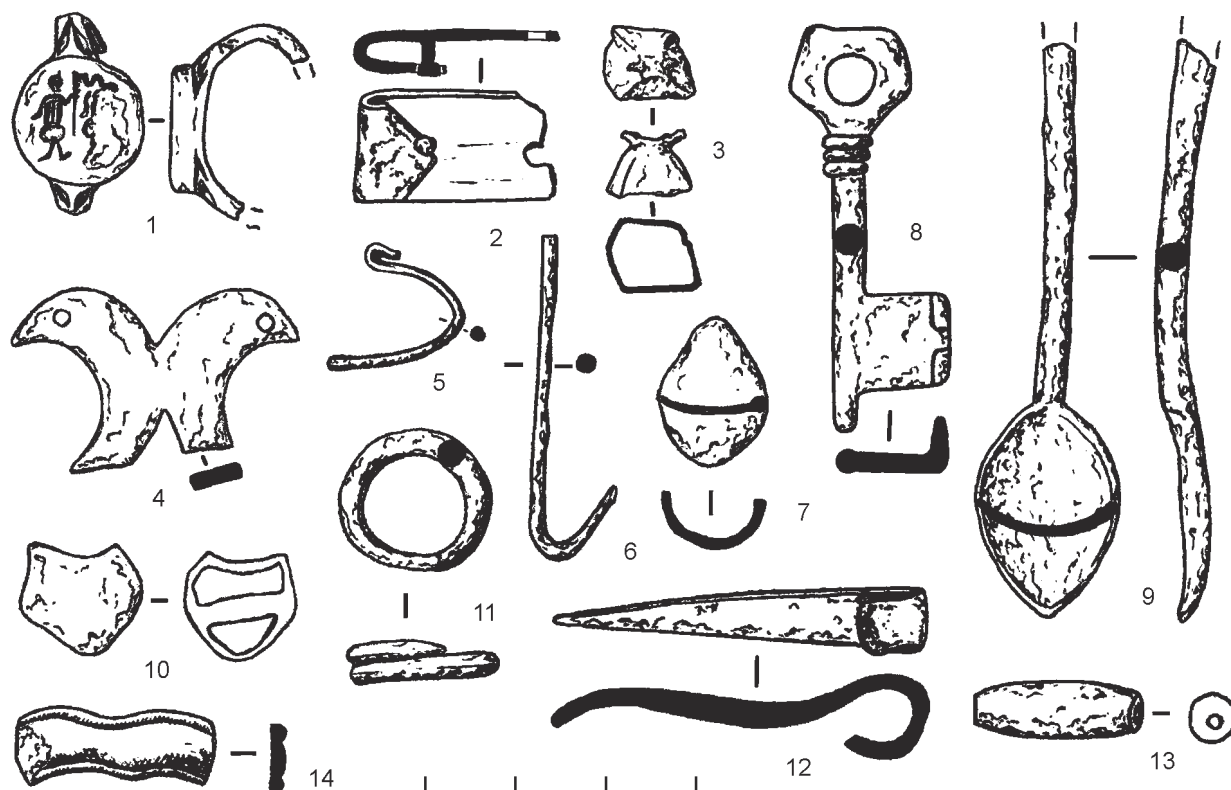

Рис. 3. Находки из заполнения древнерусской постройки

Fig. 3. Finds from the fill of the Old Russian building

медная привеска-иконка овальной формы с неотчетливым погрудным изображением святого с одной стороны. Подобные подвески достаточно разнообразных типов встречаются в Новгороде начиная с XII в. (Седова, 1981. С. 62), в это же время они появляются и в погребениях Новгородской земли (Мусин, 2002. С. 188).

Интересной находкой является маленькая бронзовая ложечка (рис. 3, 9). Аналогичные ложечки, видимо использовались в быту местной аристократии и неоднократно встречались на Городище и в Новгороде. В качестве аналогий можно привести находку ложечки из культурного слоя Новогрудка (Гуревич, 1981. С. 103, рис. 84, 1). Правда, Ф. В. Гуревич интерпретирует ее как подвеску. Однако подвески, известные по курганным древностям, на которые она ссылается, имели миниатюрные размеры и чисто декоративный характер, что не скажешь про рассматриваемый экземпляр.

Среди наручных украшений, представленных одним обломком браслета и шестью перстнями (рис. 2, 6, 9, 11, 12; 3, 1, 11, 14), два литых перстня со щитками носят индивидуальный характер. Щи-

ток одного из них был украшен желтой пастовой вставкой, инкрустированной зелеными волнообразными нитями (рис. 2, 12). По форме и характеру закрепления вставки, так называемым «глухим» способом, когда стекловидная масса входила прямо в тело изделия и зажималась краем канта ячейки, найденный перстень ближе всего относится к наиболее древней группе перстней со вставками. На Неревском раскопе один из таких перстней был встречен в слое третьей четверти XI в., а второй – в слое конца XII в. (Седова, 1981. С. 139) Кроме того, в осыпи западной стенки сооружения был найден бронзовый перстень-печатка. На одной из половинок круглого щитка выгравирована фигурка человечка, держащего в левой руке флажок с развевающимся узким стягом (рис. 3, 1). Схематичное изображение одежды больше всего похоже на средневековый западноевропейский костюм. Вторая половинка щитка корродирована и на ней изображение не сохранилось.

Несомненный интерес представляет позолоченная бронзовая бляшка в виде 8-лепестковой розетки. Внутренняя часть лепестков была заполнена зеленой

эмалью. С обратной стороны имеется петля для крепления (рис. 2, 1). Практически полная аналогия данному украшению найдена при раскопках усадьбы «Л» в постройке Е-1 Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 165, табл. 37, 2). Это был предмет в виде 8-лепестковой розетки, декорированный выемчатой эмалью. Авторы раскопок отнесли его к разряду пуговиц. Однако в свою очередь похожее украшение с соседней усадьбы «О» из постройки 1, они назвали бляшкой: «Литая бронзовая бляшка в виде девятилепестковой розетки с ушком сзади», – каждый лепесток имел миндалевидную перегородку внутри и был украшен эмалью двух цветов. Перегородки между лепестками были позолочены (Там же. С. 165, табл. 39, 2). Усадьбы, в которых были найдены рассмотренные украшения, датируются предмонгольским периодом: второй половиной XII в. – 1237 г. (Там же. С. 142).

Среди мелких бронзовых деталей костюма следует упомянуть сердцевидную бляшку от пояса, украшенную растительными завитками (рис. 2, 2). Декор выполнен инкрустацией эмалью (завитки – синим цветом, а в центре бляшки под завитками сохранились остатки красной эмали). К ремню бляшка крепилась двумя штифтами. Данный экземпляр украшения очевидно входил в нарядный пояс мужского костюма. По форме и характеру декора эмалью рассмотренная бляшка в более простом варианте напоминает сердцевидные бляшки поясного набора из Новгорода, обнаруженного в слоях рубежа XIII–XIV вв. По мнению М. В. Седовой, яркий поясной набор с эмалевым узором был продукцией городских мастеров, поскольку подобные наременные украшения отсутствуют в материалах многочисленных курганных древностей, оставленных сельским населением (Седова, 1981. С. 148–150, рис. 58, 17). Говоря о необычных деталях костюма, можно отметить две тисненые позолоченные пуговицы.

Картину дополняют мелкие обломки стеклянных сосудов (более 120), обнаруженные в заполнении котлована. Судя по окраске, фрагменты принадлежали нескольким сосудам. Наибольшее число представлено обломками сосудов из желтого прозрачного стекла, более десяти имели бледно-зеленый травянистый оттенок (на одном из них накладная желтая нить), единичные – фиолетовый и дымчатый цвет. По немногочисленным фрагмен-

там венчиков и донец можно реконструировать два типа древнерусских сосудов. Это кубки с поддонами, которые появились на Руси в 30-е гг. XII в. и просуществовали до середины XIII вв., определив облик древнерусской стеклянной посуды (Щанова, 1972. С. 58). В Новгороде подобные кубки были широко распространены во второй половине XII – первой половине XIII в. (Там же. С. 42, 47). Несколько узких стопкообразных днищ принадлежали открытым воронкообразным сосудам, которые также интерпретируются как лампы для хороса (см. подробнее: Носов и др., 2005. С. 59, 60). В Новгороде они встречаются в слоях второй четверти XI – первой четверти XIII в. (Щанова, 1972. С. 42, 46, 55). Среди обломков стеклянной посуды был найден обломок синего прозрачного суда с золотой эмалью, который, скорее всего, относится к образцам византийской посуды. Два фрагмента относились к оконным стеклам.

Особый интерес представляют обнаруженные в развале печи четыре фрагмента белых фаянсовых сосудов. Последние относятся к тарелке (диаметр около 20 см), изготовленной из твердого белого кашина (силикатной массы). Тарелка имела тонкие стенки (3–4 мм), облицованные с обеих сторон бесцветной прозрачной глазурью. На одном обломке фиксируется декор в виде гравированной кольцевой линии, которая выделяла медальон в центре дна тарелки. Выше этой линии стенки были украшены неглубокими выемками. По заключению В. Ю. Ковалю данное изделие относится к большой группе ближневосточной полуфаянсовой посуды XII – начала XIII в.⁴

Среди керамического материала была представлена и амфорная тара – 18 обломков, среди которых выделяется большой фрагмент верхней части амфоры херсонесского типа с граффити (процарапанными знаками «Щ» и «Ъ») (рис. 4). Амфора относится к XII–XIII вв. и согласно классификации В. Ю. Ковалю входит в группу византийских амфор типа I (вид 2) (Коваль, 2003. С. 261–271, 347, рис. 2, 2).

Керамический материал позволяет датировать данную постройку XII–XIII вв. Этому в целом не противоречит и вещевой комплекс. Однако хронологическая амплитуда некоторых изделий позволяет сузить дату до последней трети XII – начала XIII в.

⁴ Выражаем благодарность В. Ю. Ковалю за консультацию.

Новый дом на данном участке не был возведен. Котлован сооружения постепенно просел, и при разборке ранней церкви Благовещения в XIV в. сюда была снесена часть строительного мусора, состоящая из блоков плинфы с цемянкой.

Оценивая всю коллекцию вещей из постройки, следует отметить, что часть перечисленных нами находок относится к группе престижных предметов, которые характеризуют социальный статус хозяев дома – моток золотых нитей, энколпион, три вислые свинцовые печати, перстень-печатка и перстень со вставкой, позолоченные пуговицы, бляшки с позолотой и эмалевыми вставками, богатый набор посуды: полуфаянсовые тарелки, стеклянные сосуды, амфорная тара, бронзовая ложечка.

Исследованная в 2008–2009 гг. большая постройка не является чем-то совершенно необычным для Рюрикова городища. К юго-западу от нее в раскопе 1984–1989 гг. были открыты три аналогичных основания строений, относящиеся к XII–XV вв. Их детальная характеристика и описание материала опубликованы Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым (*Носов и др.*, 2005. С. 33–47). Общий вывод авторов был следующий: «Большие размеры строений, расположение их вблизи княжеской церкви Благовещения – в 21 м к югу от храма позволяют думать, что они входили в комплекс построек княжеского двора, находившегося на Городище в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал из их заполнения. Дорогие импортные товары (стеклянная и керамическая посуда, престижные пищевые продукты, перевозимые в амфорах, украшения) были доступны лишь верхам древнерусского общества. В Новгороде они были встречены только на боярских усадьбах, но в гораздо меньшем числе». Кроме того, о неординарности исследованных построек свидетельствуют найденные при их разборке костяная печать, заготовка вислой свинцовой печати, а также литейная формочка из песчаника для отливки заготовок таких печатей, встреченная в слое над котлованом одного из сооружений. «Подобные находки свидетельствуют о принадлежности построек лицам, которые занимали высокие административные должности и имели право скреплять официальные документы своими печатями» (Там же. С. 46–47). Имея в виду вопрос о близости расположения построек княжеского двора и княжеского

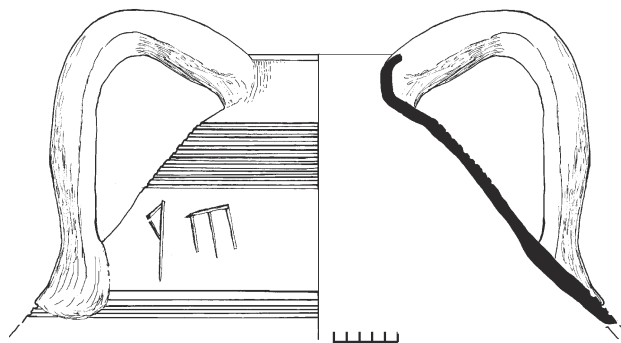

Рис. 4. Верхняя часть амфоры (рисунок В. М. Горюновой)
Fig. 4. Upper body of an amphora (drawing by V. M. Goryunova)

храма, следует напомнить, что исследователи предполагали, что в Новгороде на Ярославовом дворище княжеские хоромы непосредственно примыкали с запада к княжескому Никольскому собору (1113 г.) и из них можно было прямо пройти на хоры (*Каргер*, 1980. С. 130; *Булкин, Овсянников*, 1981. С. 131). Возможно, похожа была и ситуация на Городище, где строительство княжеского собора (1103 г.) лишь на десятилетие опередило возведение церкви на Торговой стороне. М. К. Каргер, приступив к археологическому поиску городищенского Благовещенского храма 1103 г., считал, что местоположение княжеской церкви и хором взаимосвязано. По его мнению, «находка древнейшего памятника княжеского строительства на Городище даст надежду найти поблизости от него и остатки княжеского двора новгородских князей» (*Каргер*, 1947. С. 148).

Вывод о социальной атрибуции больших построек Рюрикова городища в дальнейшем не стал предметом обсуждения в литературе, лишь В. А. Лапшин обратил на него специальное внимание. Он сопоставил с постройками Городища комплексы больших построек из раскопок 2001–2002 г. нижегородского Кремля. По его мнению, они близки не только по времени, но и по конструкции, но если в Нижнем Новгороде до нас дошли только подполья, то на Городище сохранились и контуры наземных частей строений. Автор согласился и с интерпретацией городищенских сооружений как входящих в комплекс княжеского двора. Он полагал, что в Нижнем Новгороде раскопанная им усадьба располагалась к югу от княжеского двора и принадлежала доверенному лицу князя, связанному с ведением княжеского хозяйства (*Лапшин*, 2010. С. 178, 184). Особую роль при такой интерпретации В. А. Лапшин придавал находке

в одной из ям XIV в. рядом с подпольями костяной печати – матрицы, выточенной на токарном станке в форме шахматной пешки (Грибов, Лапшин, 2008. С. 145. Рис. 3, 1). Такие печати, как полагает В. А. Лапшин, «считаются свидетельством княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенному лицу, так как предназначались для опечатывания восковым оттиском княжеского имущества» (Лапшин, 2010. С. 184).

При первой полной публикации больших городищенских построек совершенно не был освещен еще один принципиальный вопрос, возникающий при их осмыслении. Дело в том, что в самом Новгороде нет ни одной жилой постройки с выраженным подпольем как важнейшей конструктивной частью строения. Нет никаких упоминаний о них в специальных работах по новгородскому домостроительству и его реконструкциям – П. И. Засурцева, Г. В. Борисевича, Ю. П. Спегальского, Н. Н. Фараджевой, А. С. Хорошева, А. Н. Сорокина и других публикаторов и интерпретаторов построек средневекового Новгорода (Фараджева, 1992. С. 51–61). Почему в части наличия больших подполий Новгород и Городище так различались, хотя углубленные конструкции (ямы), особенно в нижних новгородских слоях, встречались? Причина заключается в том, что Городище отличалось от Новгорода характером материка и соответственно характером культурных отложений. В Новгороде культурный слой увлажнен, а в случае с Городищем мы имеем дело с сухим культурным слоем древнерусского времени. Углубленные подполья Городища выполняли ту же роль в конструкции дома, что и высокие новгородские подклеты. Кроме того, в литературе не раз подчеркивались существенные различия в домостроительстве Новгорода и Северо-Восточной Руси, а отсутствие подклетов у части домов древнего Владимира, к примеру, послужило для М. В. Седовой важнейшим аргументом для предположения принадлежности этих построек переселенцам из Новгорода (Седова, 2004. С. 128). В свете проведенных раскопок на Городище очевидно, что многие, казалось бы, устоявшиеся представления об общерусском домостроительстве древнерусского периода требуют пересмотра и корректировок.

- Булкин, Овсянников, 1981 – Булкин В. А., Овсянников О. В. По Неве и Волхову. Л., 1981.
- Грибов, Лапшин, 2008 – Грибов Н. Н., Лапшин В. А. Нижегородский Кремль в XIII–XIV и в XV веках // АВ. СПб., 2008. № 15.
- Гуревич, 1981 – Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.
- Даркевич, Борисевич, 1995 – Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Засурцев, 1967 – Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967.
- Каргер, 1947 – Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // СА. 1947. Т. IX.
- Каргер, 1980 – Каргер М. К. Новгород. Л., 1980. Изд. 4-е, доп.
- Коваль, 2003 – Коваль В. Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.
- Коваль, 2007 – Коваль В. Ю. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосквья. Материалы науч. семинара. М., 2007. Вып. 3.
- Корзухина, Пескова, 2003 – Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Лапшин, 2010 – Лапшин В. А. Комплексы больших построек XIV в. из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010.
- Мусин, 2002 – Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Носов и др., 2005 – Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб., 2005.
- Седова, 1981 – Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). 1981.
- Седова, 2004 – Седова М. В. Новгородские выведенцы в городах Владимире и Суздале // Новгородские археологические чтения – 2. Материалы науч. конф., посвящ. 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского, Великий Новгород, 2004.
- Седов, 1999 – Седов Вал. В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999.
- Фараджева, 1992 – Фараджева Н. Н. К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов (по археологическим материалам Новгорода и Пскова) // Новгород и Новгородская Земля.

История и археология. Тезисы науч. конф. Новгород, 1992. Вып. 6.

Шполянский, 2008 – *Шполянский С. В.* Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе

(опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара. М., 2008. Вып. 2.

Щанова, 1972 – *Щанова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Old Russian building revealed by excavations of the Rurik Gorodishche in 2008–2009 (problem of Novgorod house-building)

E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya

In the northwestern corner of the excavation area of 2008–2009, there was discovered the foundation of a large building of the 12th – early 13th century dug into the ground. Its cellar part was dug in the sand fill of the older town's moat finally filled up in the late 11th century. The walls of the foundation pit were bordered around its perimeter with horizontally fixed boards up to 0.15–0.20 m wide. The decayed remains of the boards were preserved on the surface of the floor. There were no supporting pillars under the floors. In the southeastern corner there were found remains of a stove collapsed from the upper part of the building. The unique stratigraphic situation has enabled us to define quite reliably some of its important construction features. We are unaware why the building under study was ruined but know that its basement space was practically empty. When the boards of the floor had been removed, part of the remains of the stove collapsed into the corner of the cellar and lumps of clay, fragments of pottery, plinths and animal bones turned to be lying on the floor. It seems that the cellar pit was soon after covered up with humus containing sand with remains of wood. The initial cellar pit was filled only within its part dug in the ground. The second and third layers of the fill, as suggested by stratigraphy, stretch up to one metre outside the walls of the cellar. These layers are found from the depth of 0.5–0.7 m beyond the level of the edge of the cellar pit. This fact suggests that the framework itself was at least 1 m broader than the cellar. The dimensions of the house were about 6 × 6 m with the total area of approximately 36 sq. m. After the cellar had been filled, the walls of the house

still were preserved at 3–4 rows of beams (0.7–0.8 m) as usually cut into the floor in dwelling houses of mediaeval Novgorod. Thus the ground floor of the house with its part dug into the earth was about 1.8 m.

During excavation of the fill of the cellar pit, over 400 finds were made. These were mostly represented by parts of ornaments and articles of everyday use characteristic of the Old Rus' period. However some of the finds are objects of prestige characterizing the high social status of the house's inhabitants. These include a skein of gold threads, an enkolpion, three lead pendant seals, shield finger-rings, gilded buttons, plaques with gilding and enamel inserts, a rich set of tableware including glazed plates, glass vessels, amphora containers, a small bronze spoon.

The large building excavated in the 2008–2009 is in no way something extraordinary at Rurik Gorodishche. To the south-west from it, three similar foundations dated to the 12th–15th centuries were uncovered in the area excavated in 1984–1989.

In comparison of large buildings at Gorodishche with those in Novgorod, it is notable that in the latter there are no dwelling buildings with a cellar. This is explained by the fact that the virgin soil at Gorodishche differs very much from that in Novgorod and accordingly the cultural deposits are different. In Novgorod, the cultural layers are damp while at Gorodishche they are dry. The deep cellars of Gorodishche served as the Novgorodian high ground floors. In the light of excavations conducted at Gorodishche it is clear that many notions established on the Russian house-building need a review and corrections.

«ПОВОРОТНЫЙ СТОЛИК» С РАСКОПА X НА УЛ. ЛЕНИНА В ПСКОВЕ

Е. С. Зубкова, О. В. Лозовская, А. В. Плохов¹

Аннотация. В 1988 г. в раскопе X на ул. Ленина в Пскове в отложениях второй половины XIII в. был найден деревянный предмет, состоящий из двух сосновых досок многоугольной в плане формы, соединенных через отверстие в центральной части еловой палочкой с округлым сечением, атрибутированный как «поворотный столик». Отсутствие выраженных следов износа говорит о том, что если данным орудием и пользовались, то крайне непродолжительное время. Можно предположить, что найденное в одном из дворов древней части городского посада Пскова устройство предназначалось для изготовления небольшой партии крупных сосудов.

Annotation. In 1988, a wooden object composed of two pinewood boards polygonal in plan and fixed with a round fir stick through a hole in the central part was found at Excavation X in Lenin Street in Pskov in deposits of the second half of the 13th century. This find was identified as a 'turntable'. The absence of marked traces of wear indicates that if this instrument had been really used it was only during an extremely short time. It may be presumed that this device, found in a courtyard of the old part of the Pskov suburb, was intended for manufacturing of a small party of large pottery vessels.

Ключевые слова: средневековый Псков, гончарный круг, поворотный столик.

Keywords: mediaeval Pskov, potter's wheel, turntable.

Среди научных интересов Валентины Михайловны Горюновой особое место занимает гончарное производство в раннегородских центрах Северной Руси. Большое внимание в работах исследовательницы уделено технологии изготовления сосудов. Последняя теснейшим образом связана с орудиями, находящимися в распоряжении древнерусских гончаров и пока еще очень слабо изученными.

В начале 1980-х гг. Б. А. Колчин, подводя итоги многолетним исследованиям древнерусского гончарства, констатировал отсутствие «среди археологических материалов каких-либо остатков гончарных кругов и их деталей». Этот факт он объяснил «тем, что гончарные круги в продолжение тысячелетий делались из дерева» (Колчин, 1985. С. 273). Однако и в Новгороде, где благодаря особенностям культурного слоя зафиксировано огромное количество вещей, изготовленных из органических материалов, каких-либо специализированных орудий керамического производства исследователем выделено не было (Колчин, 1968).

¹ Зубкова Е. С. – Россия, 180000, Псков, ул. Некрасова, 7, Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Археологический отдел.

Лозовская О. В., Плохов А. В. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН.

Вместе с тем еще в конце 1950-х – начале 1960-х гг. известным специалистом по истории восточноевропейского керамического производства А. А. Бобринским в целом ряде работ упоминались деревянные предметы, происходящие из раскопок в Новгороде и Пскове, которые он интерпретировал как инструменты гончаров (Бобринский, 1959. С. 240; 1961а. С. 30; 1961б. С. 66–69; 1962. С. 47–52). В настоящее время среди предметов, найденных в ходе археологических исследований Новгорода и других средневековых русских городов с мокрым слоем, известен целый ряд деревянных находок, которые можно трактовать как части гончарных кругов разных конструкций (Бобринский, 2007. С. 413). Некоторые детали от орудий легкого типа с неподвижной осью и рабочим диском грибовидной формы были опубликованы (Плохов, Сорокин, 2006; Шакиров и др., 2012. С. 203, рис. 8, 13).

Предметом настоящей работы является деревянное изделие, обнаруженное в 1988 г. в ходе археологических работ на X раскопе на ул. Ленина в историческом центре Пскова². Находка представляет собой конструкцию из двух досок (рис. 1, I), изготовленных из довольно крупных сосновых стволов (диаметром не менее 38 см), соединенных

² Начальник раскопа К. М. Плоткин. Номер по полевой описи: П-88-Л-Х, № 1208.

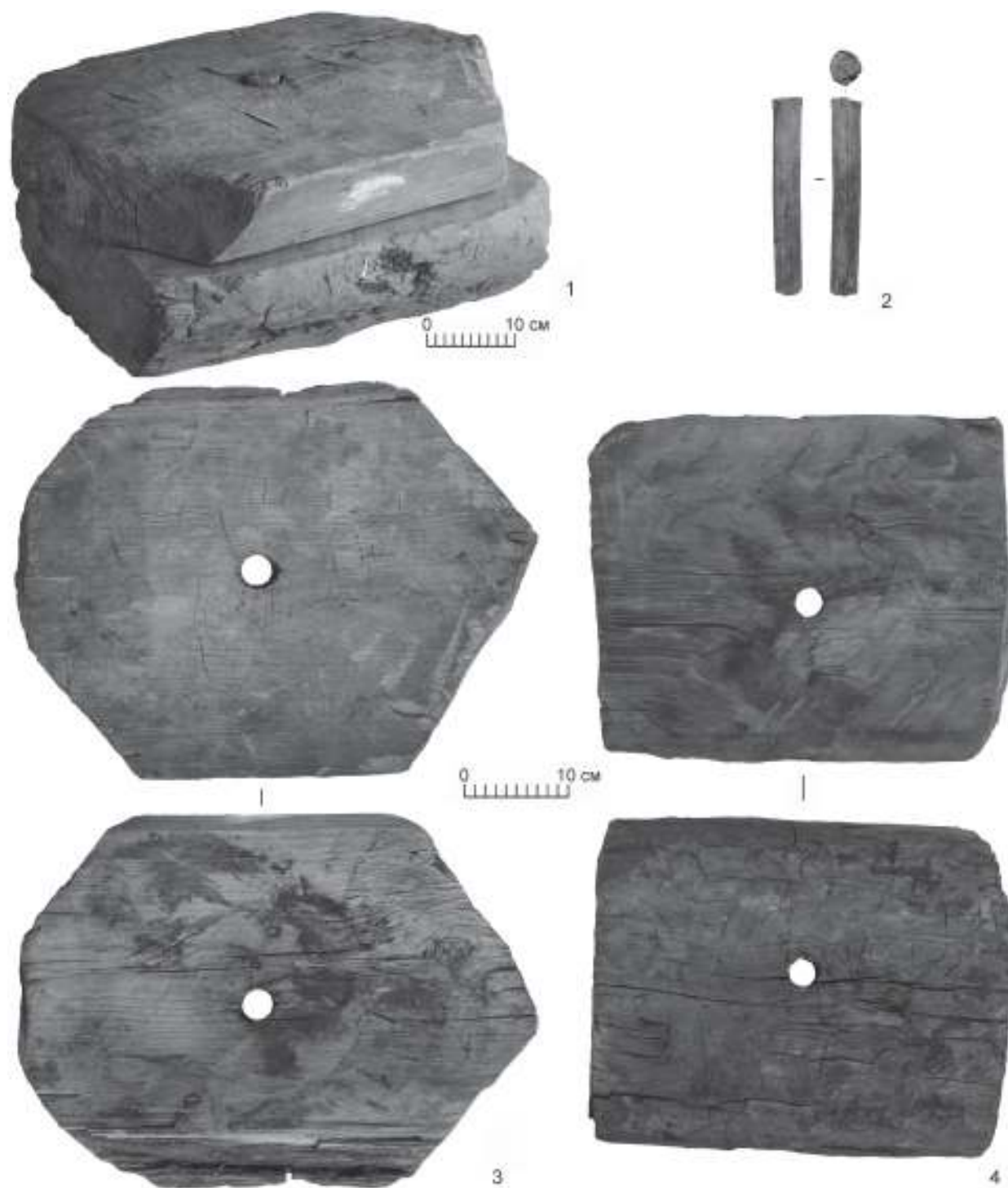

Рис. 1. «Поворотный столик» с раскопа X на ул. Ленина в Пскове

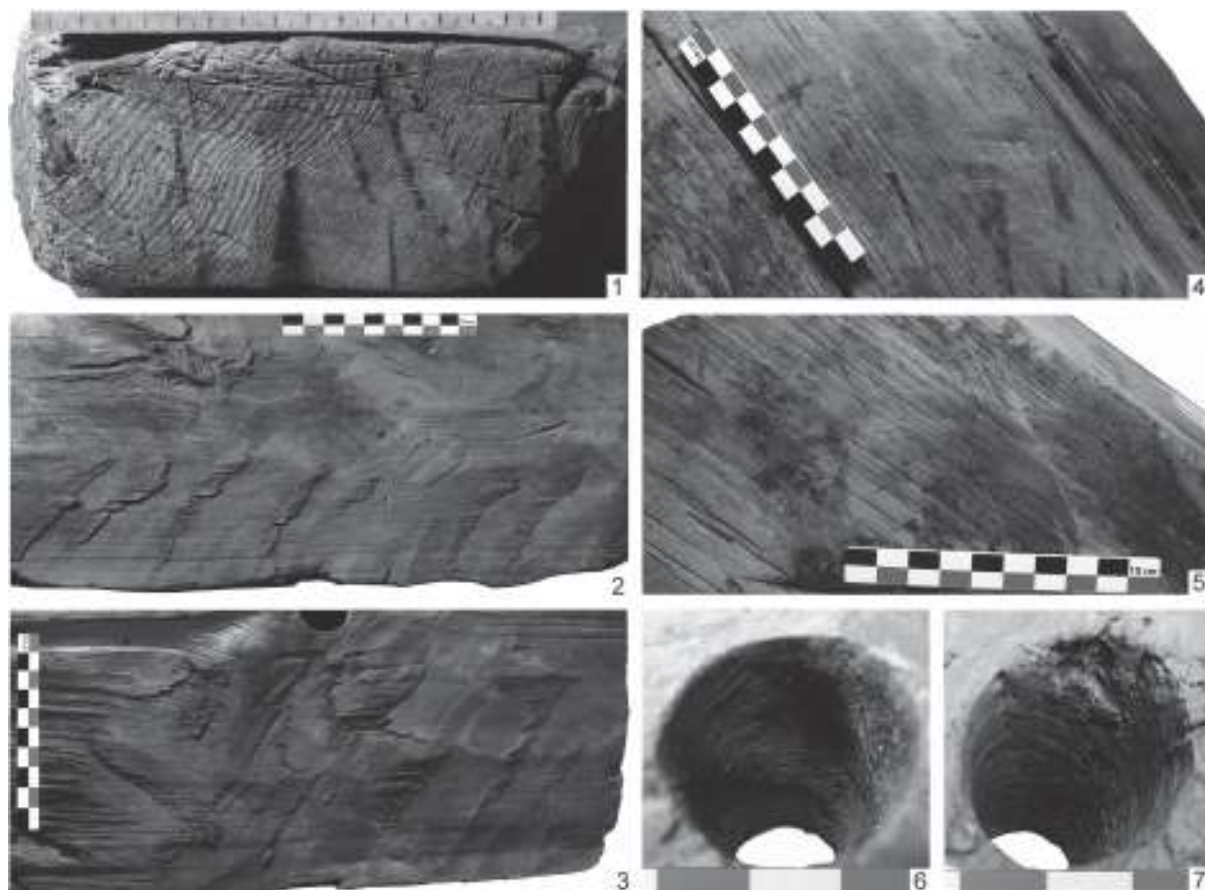
Fig. 1. 'Turntable' from excavation X in Lenin Str. in Pskov

еловым стержнем³ (рис. 1, 2). Широкие плоскости досок соответствуют тангенциальным разрезам стволов, причем у верхней из них они прошли ближе к сердцевине. Видимо из-за разных условий произрастания деревьев годовые кольца у нижней доски более плотные и узкие (до 1 мм), а у верхней – более рыхлые и широкие (2–4 мм). Верхней доске при помощи обработки с двух концов топором была придана многоугольная в плане форма (рис. 2, 1). Ее длина – 47,5 см, ширина – ок. 36,5 см, толщина – 7,5–8,5 см⁴ (рис. 1, 3). Нижняя доска имеет подпрямоугольную в плане форму и размеры

³ Определение древесины выполнено сотрудником Мастерской реставрации археологической древесины и кожи Новгородского государственного объединенного музея-заповедника Л. В. Кокуца и ст. преподавателем кафедры реставрации факультета Санкт-Петербургского государственного университета Н. С. Кургановым, за что мы их благодарим.

⁴ Приводятся современные размеры высохших деревянных частей находки.

39,0–40,5 × 34–34,5 см (рис. 1, 4). Один ее край заметно тоньше другого – 6,6–7 и 10,2–11,0 см, вследствие чего горизонтальное расположение верхней рабочей поверхности всей конструкции могло достигаться только за счет наклонной фиксации основания нижнего блока. На торцевых концах и широких соприкасающихся плоскостях обеих досок сохранились следы обработки топором – слабоогнутые широкие негативы с гладким дном и заломами на концах, которые имеют прямолинейные или слабоизогнутые очертания (рис. 2, 1–3). Соприкасающиеся поверхности уплощенные, но не ровные, с пологими понижениями и повышениями рельефа (рис. 2, 3). Их чистовая отделка не производилась, в отличие от верхней плоскости конструкции, которая, видимо, была обстругана. Она относительно ровная и гладкая, хотя и здесь имеются хаотично расположенные вертикальные зарубки (рис. 1, 3). Большое число аналогичных, нанесенных с неясной целью зарубок представлено

Рис. 2. Фрагменты «поворотного столика» с раскопа X на ул. Ленина в Пскове со следами обработки и использования
Fig. 2. Fragments of the 'turntable' from excavation X in Lenin Str. in Pskov with usewear traces

и на нижней, не обработанной поверхности найденного предмета (рис. 1, 4).

В центральной части досок были проделаны сквозные отверстия диаметром 29–30 мм. Они ровные, почти круглые, вырезаны острым инструментом, видимых признаков сверления-разворачивания нет, борта четкие, плоская поверхность без технологических царапин. Внутри отверстий концентрических кругов нет, местами наблюдается выраженный волнистый рельеф от перерезанных годичных колец (рис. 2, 6, 7). Очевидно, отверстия были проделаны при помощи перовидного (ложковидного) сверла – инструмента, хорошо известного по материалам раскопок древнерусских городов (Колчин, 1985. С. 257, табл. 99, 11–13, 15; Сингх, 2015. С. 209–210, рис. 3, 13, 14). В отверстия была вставлена грубо оструганная палочка (видно несколько продольных негативов обработки строганием с округлым сечением (рис. 1, 2), соединяющая две доски в единую конструкцию. Ее длина – 18,5 см – совпадает с их общей толщиной. Один ровный конец стержня (диаметром 3 см) находится заподлицо с поверхностью верхней доски, а другой (диаметром 2,6 см), был в древности обломан.

В отчете о проведенных раскопках было высказано предположение, что описанная конструкция, верхняя и нижняя части которой благодаря соединяющему их стержню «могли свободно вращаться друг относительно друга», представляет собой «поворотный столик» (Седов и др., 1989. С. 33, 53, 194). Согласно разработкам А. А. Бобринского, гончарными кругами могут быть названы различные по конструкции механизмы вертикального действия, способные совершать центрированное вращение рабочей площадки «независимо от функций, выполняемых ими при изготовлении керамики» (Бобринский, 1993. С. 9; 1996. С. 252)⁵. Найденный в Пскове предмет вполне подходит под данное определение. Необычная многоугольная форма верхней доски, представляющей рабочий «диск», не является признаком, противоречащим отнесению рассматриваемого

устройства к гончарным кругам. Динамические блоки орудий, имеющие некруглую в плане форму, редко, но встречаются в этнографических материалах. Так, ремесленники из поселений Клиру и Корнос на Кипре использовали для изготовления керамических изделий механизмы, рабочие площадки которых представляют квадратные в плане бруски (Бобринский, 1993. С. 34, рис. 9; 1996. Рис. 9, А; Hampe, Winter, 1962. P. 56–62; 79–84; Taf. 24–26; 27, 1; 28; 45, 5, 6; 46; 47; 49, 1, 2; 50). Рабочий «диск» псковского гончарного круга вращался вокруг стержня – статической оси, нижний обломанный конец которой при использовании орудия был, видимо, вбит в землю⁶. Из-за большой площади трущихся между собой поверхностей этот механизм не обладал способностью к инерционному вращению. Его можно только медленно поворачивать. Данное устройство могло служить всего лишь устойчивым основанием при формовке керамических сосудов методом скульптурной лепки с последующим заглаживанием их поверхностей, то есть выполнять функцию поворотных столиков⁷. По сравнению с другими найденными в средневековых русских городах гончарными кругами псковское орудие имеет существенно большие размеры рабочего диска. По-видимому, появление данного устройства связано с необходимостью изготовления каких-то крупных керамических изделий.

При этом приходится констатировать, что следов использования описанной конструкции в качестве гончарного круга практически нет. Можно отметить только, что нижняя сторона динамического блока орудия в трех местах, на удалении 5–18,5 см от края отверстия имеет слабые следы сработанности в виде пучков параллельных между собой дуговидных царапин (нитевидных с рваными утолщениями) протяженностью до 8 см (рис. 2, 4, 5). Эти участки совпадают с высоким рельефом поверхности на противоположных концах доски. На верхней стороне статического блока механизма (опорного диска), на том же расстоянии от центра, следы трения еще более слабые и невыразительные и при-

⁵ В статье в Большой Российской энциклопедии А. А. Бобринский определил гончарный круг как «устройство для создания из пластического сырья (главным образом из глины) посуды и др. изделий в результате вращения, которое обеспечивают вертикальный шип (ось) и подшипник» (Бобринский, 2007. С. 412).

⁶ Предположение А. А. Бобринского, высказанное одному из авторов.

⁷ К поворотным подставкам или столикам А. А. Бобринский отнес приспособления гончаров, не имеющие, в отличие от кругов, «центровочной оси и опорного подшипника центрального действия» (Бобринский, 1993. С. 10).

сутствуют не на всем протяжении, а только на двух ограниченных участках, представляющих собой выступающие ребра между негативами обработки. На выступающем в той же зоне сучке фиксируется залощенность, но без линейных следов. Ее происхождение неясно, возможно, это результат давления / микроскольжений в слое. Износа от вращения внутри отверстий – истирания или залощения (то есть гладких, «притертых» поверхностей), а также характерных царапин нет или почти нет. На двух хорошо выраженных ребрах стержня-оси наблюдается нитевидная блестящая заполировка / залощение кромки, аналогичная следам на срезе сучка. Скругление и поперечные линейные следы, которые должны были возникнуть в случае стабильного контакта с поверхностями отверстия при вращении, на ней отсутствуют. Серый налет, прослеживающийся на рабочей площадке и некоторых других частях орудия, скорее всего, является строительной пылью, хотя нельзя полностью отрицать наличие в нем глинистых частиц⁸. Отсутствие такого налета под прилипшими к верхней поверхности круга кусочками культурного слоя свидетельствует о том, что он образовался за время хранения предмета в различных не приспособленных для этого местах⁹.

Таким образом, можно отметить, что нет притертости трущихся деталей конструкции, которая неизбежно должна была появиться при ее длительном использовании. Разрозненные следы износа (или повреждения), зафиксированные на некоторых поверхностях, не показывают четкой взаимосвязи между собой. В частности, не наблюдается четкого соответствия между «следами» двух контактных поверхностей «кругов», нет явных признаков вращения на оси и внутренней поверхности отверстия. Имеющиеся следы слабо выражены. При этом нельзя полностью исключать возможности их возникновения уже после извлечения находки из культурного слоя. По-видимому, если гончарный

⁸ Определение ст. н. с. Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, канд. хим. наук Е. Ю. Медниковой проведено с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы.

⁹ Исследование участков рабочей поверхности «поворотного столика» под микроскопом было выполнено Н. С. Кургановым.

круг и использовался, то крайне непродолжительное время. Для более точной оценки следов обработки и износа трущихся деталей необходимо провести экспериментальные исследования¹⁰, а также сравнительное изучение псковской находки и этнографических гончарных кругов.

Раскоп Х на ул. Ленина, где был найден «поворотный столик», располагался на северо-востоке исследованного в 1967–1991 гг. участка древней части городского посада – Старого Застенья¹¹ (рис. 3, А), занятого до начала XI в. курганным некрополем (*Лабутина*, 1996). Орудие было обнаружено на участке Д, на границе квадратов 100 и 101 на глубине пласта 17¹². Оно находилось на 0,15 м западнее дворового частотокола (рис. 3, Б). С северо-запада «столик» был огорожен «вертикально стоящей доской и двумя полуплахами» (*Седов и др.*, 1989. С. 33, 194). Гончарный круг локализуется в пределах двора П¹³, выделившегося в середине XIII в. из усадьбы Е. Раскопками была исследована только небольшая юго-восточная часть двора П, причем, по всей вероятности, хозяйственная¹⁴. Стратиграфические наблюдения позволяют отнести находку к 8-му строительному ярусу, датируемому на основании исследования коллекции дендроспиллов серединой – второй половиной XIII в. (*Кулакова*, 2001. С. 121–122, 125).

Результаты изучения полученных в ходе археологических раскопок средневекового Пскова материалов позволили установить, что освоение территории раннесредневекового могильника под городской посад начинается во второй половине XI в. Ко второй половине XIII в. характер застройки северо-восточной части территории бывшего некрополя

¹⁰ Возможно, что отчасти слабые следы износа трущихся деталей псковского гончарного круга являются результатом использования мастером какого-то смазочного материала.

¹¹ Из раскопок Г. П. Гроздилова на территории Старого Застенья происходят и находки, атрибутированные А. А. Бобринским как детали ножных гончарных кругов (*Бобринский*, 1962. С. 52, рис. 20).

¹² По отчету и чертежу пласта на гл. -325-332 см, а в паспорте к находке -338 см (*Седов и др.*, 1989. С. 33, 194, 630).

¹³ По нумерации отчета двор «Д» (*Седов и др.*, 1989. С. 192–195).

¹⁴ Основу культурного слоя здесь, на уровне пласта 17, составлял навоз с включениями щепы (*Седов и др.*, 1989. С. 30).

Рис. 3. А – Схема размещения раскопов в восточной части Старого Застенья (а – раскоп X на ул. Ленина); Б – план участков В, Д, Е, Ж раскопа X на ул. Ленина в Пскове на уровне пласта 17 (ПС – «поворотный столик»)

Fig. 3. А – Scheme of the location of excavations in the eastern area of the Old Zasten'ye (а – excavation X in Lenin Str.); Б – plan of areas В, Д, Е, Ж at excavation X in Lenin Str. in Pskov at the level of layer 17 (ПС – 'turntable')

практически сложился – границы дворов в основном определились и прослеживаются почти в неизменном виде, по крайней мере, до середины XVI в. (Кулакова, 2001. С. 111–174). В первую очередь эту отдаленную от Крома, незащищенную до конца XIII или начала XIV в. укреплениями местность занимали ремесленники (Закурина, 1997. С. 117–118; Зубкова, 2011). Можно предположить, что найденный в одном из дворов Старого Застенья гончарный круг предназначался для изготовления небольшой партии крупных сосудов. После выполнения заказа сделанное из подручных материалов ненужное более орудие было брошено на задворках.

Бобринский, 1959 – Бобринский А. А. Гончары-пидьбляне // СА. 1959. № 1.

Бобринский, 1961а – Бобринский А. А. К изучению гончарного круга на территории СССР // СА. 1961. № 2.

Бобринский, 1961б – Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР // Вестник Московского университета. Серия IX. История. № 4. М., 1961.

Бобринский, 1962 – Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3.

Бобринский, 1993 – Бобринский А. А. Гончарный круг и его происхождение. Екатеринбург, 1993. Препринт.

Бобринский, 1996 – Бобринский А. А. Происхождение гончарного круга // Украинське гончарство: Національний культурологічний щорічник. Кн. 3. За рік 1995. Опішне, 1996. (Матеріали до літопису українського гончарства. Серія «Етномистецтвознавчі розвідки»; Вип. 7).

- Бобринский, 2007* – Бобринский А. А. Гончарный круг // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7.
- Закурина, 1997* – Закурина Т. Ю. Топография следов железоделательного и деревообрабатывающего ремесла в Пскове // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии / отв. ред. В. В. Седов. М., 1997. Т. 2: Славянский средневековый город.
- Зубкова, 2011* – Зубкова Е. С. Следы кожевенного ремесла в Старом Застенье по материалам раскопок на ул. Ленина // Древности Пскова: археология, история, архитектура. Вып. 2: К юбилею И. К. Лабутиной. Псков, 2011.
- Колчин, 1968* – Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (САИ; Вып. Е1–55).
- Колчин, 1985* – Колчин Б. А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985 (Археология СССР).
- Кулакова, 2001* – Кулакова М. И. Динамика застройки Пскова X–XVII вв. по данным археологии, дендрохронологии и письменных источников: Дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2001.
- Лабутина, 1996* – Лабутина И. К. Раскопки в древней части псковского посада (1967–1991 гг.) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991) / отв. ред. И. К. Лабутина. Псков, 1996 (Материалы и исследования; Т. 1).
- Плохов, Сорокин, 2006* – Плохов А. В., Сорокин А. Н. Детали гончарных кругов с грибовидным диском из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы науч. конф. (Новгород, 24–26 января 2006) / отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2006. Вып. 20.
- Седов и др., 1989* – Седов В. В., Александров А. А., Еришова Т. Е., Закурина Т. Ю. Кильдюшевский В. И., Колосова И. О., Козлов С. Э., Лабутина И. К., Мержанова К. А., Плоткин К. М. Отчет о раскопках в Пскове в 1988 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1, д. 12654, 12655.
- Сингх, 2015* – Сингх В. К. Деревообработка средневекового Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 60-го заседания (22–24 апреля 2014 г.) / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2015. Вып. 30.
- Шакиров и др., 2012* – Шакиров З. Г., Валиев Р. Р., Ситди-ков А. Г. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. Казань, 2012. № 2 (2).
- Hampe, Winter, 1962* – Hampe R., Winter A. Bei Töpfern und Töpferinnen in Kreta, Messenien und Zypern. Mainz, 1962.

‘Turntable’ from Excavation X in Lenin Street in Pskov

E. S. Zubkova, O. V. Lozovskaya, A. V. Plokhov

In 1988, a wooden object identified as a ‘turntable’ was found at Excavation X in Lenin Street of Pskov in deposits of the second half of the 13th century. It was composed of two pinewood boards of polygonal plan set upon each other and fixed through a hole in the centre with a roughly planed fir stick/axis of round section. In the opinion of Aleksey A. Bobrinskiy, the vertical mechanism of this kind capable to provide centralized revolution of the work plate may be considered as a kind of potter’s wheel. Due to the large area of the rubbing surfaces this device was not capable of inertial revolution. It can have served only as a stable base when manufacturing ceramic vessels by sculptural modelling with subsequent smoothing of their surfaces, viz. to fulfil the function of a turntable.

Furthermore, traces of the use of this object as a potter’s wheel are practically absent. Only isolated weakly manifested evidence of wear in some places at the contacts of the parts of this device has been noted. No grounded traces of the rubbing details of the tool which inevitably must have appeared during the latter’s long-term exploitation were discovered. It seems, that if the ‘turntable’ was used it was for an extremely short term. We are justified to suppose that the tool under study, found in one of the courtyards of the oldest area of the urban suburb of Pskov, was intended for production of a small lot of large vessels. After the completion of the order, the tool made of improvised materials and become needless was thrown-out in the outskirts.

О РЕАЛЬНОСТИ СЛАВЯНСКИХ ПОЛУЗЕМЛЯНОК

А. В. Курбатов¹

Аннотация. Краткий обзор археологической проблематики изучения «славянских полуземлянок» показывает существование длительной традиции особого взгляда на реконструкцию находимых археологами углубленных жилых сооружений эпохи славянства и Древней Руси в южной половине территории распространения восточных славян. Сегодня найдены археологические доказательства того, что находимые «полуземлянки» являются только заглубленной частью наземных срубных или каркасных построек, а именно, подвалами или подпольями наземных строений.

Annotation. Brief review of archaeological studies on the problem of 'Slavic partly-underground dwellings' demonstrates the long-time tradition of specific ideas about the reconstruction of dwelling structures dug into the earth in the southern half of the area of distribution of East Slavs and in Old Rus'. Now archaeological evidence has been discovered that the so-called 'partly-underground dwellings' were only the underground parts of surface log-houses or framework buildings, viz. we are dealing here with cellars or underfloor chambers of the surface houses.

Ключевые слова: восточные славяне, поселения, жилые постройки, полуземлянки.

Keywords: East Slavs, settlements, dwelling buildings, partly-underground dwellings.

Введение. Попытки представить облик славянского жилища делали многие историки и археологи XX в. К середине столетия, используя опыт первых десятилетий широких археологических исследований славянских поселений, у исследователей сложилось представление о двух традициях домостроения в Восточной Европе. Южная традиция зафиксирована у населения степной и лесостепной зон – это заглубленные в материк полуземлянки, а северная традиция, отмеченная в лесной и таежной зоне – это наземные жилища. Первый серьезный опыт реконструкции жилых сооружений славян на материалах археологии предложили П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков по результатам раскопок памятников боршевской культуры (Ефименко, Третьяков, 1948).

Приступая к рассмотрению вопроса о конструкции славянских и древнерусских сооружений, исследователи должны помнить, что название археологического объекта «полуземлянка» отражает технический термин фиксируемых «в поле» остатков древнего сооружения неопределенного внешнего вида, от которого мы находим заглубленный в землю котлован, обычно прямоугольной

или квадратной формы, со сторонами в 3–4 м. Этот котлован интерпретируется как жилая постройка у славян. При этом полная реконструкция бытовавшей в древности постройки, основанная на археологически фиксируемом котловане, может исходить из двух априорных посылов: 1 – как полный и достоверный объем всего жилища; 2 – как центральная заглубленная часть наземной постройки.

История изучения и интерпретаций. Раскопки укрепленных поселений на Дону в 1928–1932 гг. дали обширный археологический материал для обобщения представлений о жизни славян VIII–X вв. Найденные на Боршевском и ряде других славянских городищ в районе г. Воронежа четырехугольные котлованы, углубленные в материк до 1 м, по мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, служили для установки внутрь сруба с размерами около 4 м почти вплотную к стенкам котлована, где свободное пространство между стенкой котлована и срубом забивалось меловым щебнем и глиной. В одном из углов сруба, внутри котлована, на уровне земляного пола стояла печь-каменка.

Такую архитектуру постройки и подобную же печь исследователи сопоставляют с аналогичными постройками начала XX в. в тех же районах, которые назывались *курень* и использовались

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

в качестве временного укрытия рыбаками. По мнению археологов «курень – постройка временного характера, однако достаточно утепленная, чтобы в ней можно было жить и в холодное время года. Ее можно назвать землянкой или, правильнее, полуземлянкой – она состоит из прямоугольного помещения, углубленного в землю, в известных нам случаях размером 3 на 4 м и глубиной 75–100 см» (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 10). Достоверность подобным жилищам у славян, по мнению советских археологов, придавали записи персидских и арабских авторов X–XI вв. (Хвольсон, 1869. С. 32–33). О многокамерных славянских полуземлянках VI–VII вв. написано и в «Стратегиконе» Псевдомаврикия.

Благодаря масштабным раскопкам советских археологов в 1920–1930-е гг. и наличию сходных аналогий в этнографии уже в 40–50-е гг. XX в. формируется представление о жилище славян лесостепей в IX–X вв. как о небольшой двускатной полуземлянке. Немалую роль в этом сыграли параллели, приведенные П. Н. Третьяковым между древностями славянских племен Днепро-Донского междуречья и этнографическими данными конца XIX в. по Придунайской (Восточной) Болгарии, где заглубленные в землю жилища сохранялись до XX в. и назывались «бурделями» или «хижам». Они состояли из ступенчатого крытого входа без внешних дверей, открытого холодного помещения (где ткали, отдыхали) и жилых помещений, где находился очаг с плетеным дымоходом. Комнаты сообщались между собой тесными коридорами, которые закрывались дощатой или плетеной дверью и отапливались с помощью жаровен или маленькой печки. Все три отделения находились под одной крышей, состоящей из деревянной основы, покрытой хворостом, соломой и слоем земли. В летнее время крыша покрывалась зеленой травой и на ней «толклись» куры и гуси. Конструктивно постройки были возведены в каркасно-столбовой технике (Третьяков, 1948. С. 179–180).

Реконструкции жилых построек П. Н. Третьякова и П. П. Ефименко широко использовались в исследованиях по истории славян, в том числе в сочинениях этнологического характера (Арциховский, 1955. С. 193; Косвен, 1963. С. 99–100;

Воронин, 1951. С. 204–205; Бломквист, 1956. С. 10). Этому в значительной степени способствовал высокий научный авторитет П. Н. Третьякова, который в дальнейшем конкретизировал мысль о существовании переходов между жилищами (Третьяков, 1953. С. 197–200).

Идею многокамерных полуземляных построек раскритиковал И. И. Ляпушкин в фундаментальной работе 1958 г., написанной на материалах классического археологического памятника славян лесостепного Подонья – Новотроицкого городища (Ляпушкин, 1958). Здесь особенно хорошо сохранились остатки печей, что усиливало достоверность реконструкции построек полуземляночного типа, которые на долгое время стали эталонными и широко тиражировались в научной, популярной и учебной литературе. Впоследствии автор, основываясь на анализе конструктивных деталей жилищ, отопительных сооружений и планировки жилого помещения на памятниках разных регионов, сделал вывод о единстве славянского мира в предгосударственный период (Ляпушкин, 1961. С. 225–236). Он писал: «Археологические материалы показывают, что на всей территории лесостепной зоны Восточной Европы, от берегов Прута до Дона, в VIII–IX вв. славянское население обитало в жилищах-полуземлянках» (Ляпушкин, 1968. С. 128).

А. Н. Москаленко также называла раскопанные ею в 1954–1963 гг. в Подонье на городище Титчиха постройки полуземлянками, хотя отрицала существование многокамерных построек такого типа. Она отметила недостаточность наличия одних только котлованов для полной реконструкции жилищ (Москаленко, 1965. С. 38–41). Вслед за П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым она также считала, что сруб не соотносится со стенами дома, а является покрытием стен только земляной камерой. Она написала: «При этом они отмечают, что если у полуземлянок со срубом легче представить себе их наземную часть, то в жилищах с дощатыми стенами наземная часть, вероятно, “чаще всего делалась плетневой” и снаружи засыпалась “толстым слоем земли, вернее меловой щебенки, которая служила не только для утепления жилища, но и способствовала лучшей сохранности дерева”» (Там же. С. 53).

В послевоенные годы параллельно с дискуссией о славянском домостроительстве велись и споры о конструкции жилищ в древнерусских городах, преимущественно на материалах Южной Руси и Киева. После раскопок Райковецкого городища В. К. Гончаров предположил, что в Поднепровье в основе древнерусского домостроительства лежала не полуземлянка, а рубленый наземный дом. «В посадах городов и в селах не только возле Райковецкого городища, но и везде на Среднем Поднепровье жилища представляли собой полуземлянки, тогда как жилища городов в основном состояли из наземных деревянных построек, характерных не только для Севера, как это считали некоторые исследователи, но и для южных земель Руси» (Гончаров, 1950. С. 141). Из описаний видно, что на Райковецком городище В. К. Гончаров нашел наземные жилые клетки в валу, что и стало основой его предположения о наземных жилищах (Там же. С. 28 и сл.). Позднее он подтвердил свое мнение при реконструкции, совместно с другими археологами, построек древнерусского города Воишь на р. Суле (Довженко и др., 1966. С. 64).

Эту идею поддержала Г. Ф. Корзухина, критикуя реконструкцию М. К. Каргера двухкамерной постройки XIII в. на усадьбе Михайловского монастыря в Киеве как полуземляночного жилища (Корзухина, 1956. С. 328). В то же время сам М. К. Каргер решительно выступил против аргументов украинских исследователей В. К. Гончарова, В. А. Богусевича, И. Г. Шовкопляса, В. И. Довженка, посвятив этому целый раздел своей книги. По его мнению, остатки найденных в Киеве домов неоспоримо свидетельствуют о том, что основным типом массового городского жилища вплоть до XII–XIII вв. оставалась полуземляночная постройка. Ее нижняя часть представляла прямоугольное углубление в земле, над которым возвышались глинобитные стены с деревянным каркасом из нескольких вертикальных столбов, вкопанных в землю и соединенных деревянными перевязями. Полуземляночные жилища древнерусского времени он описывает в ряде городов – Переяславле, Галиче, Полтаве, Чернигове, Старой Рязани, Плеснеске (Каргер, 1958. С. 360–368). Во второй половине XX в. представление о славянских полуземлянках

во второй половине I тыс. н. э. в лесостепной зоне поддерживалось и благодаря высокому научному авторитету В. В. Седова (Седов, 1982. С. 133 и др.).

Определенно этапной работой в этом направлении стал свод П. А. Раппопорта «Древнерусское жилище», положенный в основу коллективной работы 1985 г. (*Pannonopt*, 1975; *Pannonopt и др.*, 1985. С. 136–154). В Своде характеристика построек разных регионов дана по хронологическим группам (периодам) с учетом массового датирующего материала: IX – первая половина X в., вторая половина X – XI в., XII–XIII вв. и XIV в. Все жилища по устройству разбиты на наземные и полуземляночные и далее делятся на срубные и каркасные. В Своде П. А. Раппопорт оговаривал условность применения понятия «полуземлянка» к котлованам различной степени углубленности, поскольку к этому времени уже имелись отрывочные археологические данные о фактическом несоответствии размеров археологических котлованов наземным срубным довершениям некоторых построек в Среднем Поднепровье. В частности он писал: «Малая заглубленность этих жилищ в грунт свидетельствует, что значительная часть их стен поднималась над поверхностью земли. Поэтому крыша должна была опираться не на земляные края котлованов, а на стены. Тем не менее, жилища такого типа, даже очень незначительно углубленные, принято называть полуземлянками. Основой для разделения служит уровень пола» (*Pannonopt*, 1975. С. 116). Впрочем, П. А. Раппопорт пишет и о другой технике установки сруба, почерпнутой в разговоре с В. К. Гончаровым. При наличии полуземляночного котлована стены сруба могли быть установлены со значительным отступом от краев котлована на поверхность земли, что сильно увеличивало площадь постройки (Там же. С. 127).

По нашим представлениям, только отсутствие развернутого объяснения этих наблюдений в работе П. А. Раппопорта позволяло многие годы сохраняться представлениям о полуземляночном характере и каркасно-столбовой конструкции южнорусского жилища, в том числе и в эпоху Древней Руси. В обобщающем томе «Древняя Русь. Город. Замок. Село» из серии «Археология СССР», где раздел по жилищам писали П. А. Рап-

попорт, Б. А. Колчин и Г. В. Борисевич, имеется критика реконструкции ранних киевских построек как полуземляночных, но это не нарушает цельного понимания основного типа жилищ в лесостепной зоне в X–XI вв. как полуземляночного. Авторы, в частности, писали: «Для лесостепной зоны полное господство полуземляночных жилищ в течение всего XI в. не подлежит сомнению» (*Раппопорт и др.*, 1985. С. 138). Здесь также не получила развития идея об условности применения термина «полуземлянка», что вызвало определенное несоответствие в отражении древних реалий. Например, признавая для XII–XIII вв. широкое распространение наземных построек на всей территории Руси, исключительно «полуземляночными» были названы памятники наиболее экономически развитых регионов Среднего Поднепровья – Киевская, Переяславская и Чернигово-Северская земли (Там же. С. 139, 140).

Г. В. Борисевич в 1978 г. опубликовал рецензию на «Свод жилищ» П. А. Раппопорта, в которой он предложил новые методические подходы к изучению остатков древнерусских построек, объясняя это тем, что «интерпретация археологических материалов – дело сложное, трудоемкое и не всегда бесспорное. Многое приходится домысливать на основании самых различных аналогий, прибегая, когда позволяет материал, к конструированию» (*Борисевич*, 1978. С. 283). Априорным противоречием в реконструкции П. А. Раппопортом полуземляночных жилищ Г. В. Борисевич считал то, «что в нем невозможно было жить» по причине недостаточной высоты внутреннего пространства. Он удивлялся и логическим противоречиям, когда высказанная в рассуждениях условность названия «полуземлянка» превращается при реконструкции в натуральную землянку (Там же. С. 285). Он также усомнился в существовании принципиальных конструктивных различий наземных и полуземляночных жилищ, когда в основе тех и других лежат срубы. Поэтому исторически неоправданно считать южные постройки полуземлянками, особенно в XII–XIII вв., тогда как далеко на севере в лесной полосе признаются обычными наземные хоромы на подклетах уже в X в. Противоречивость такого деления Г. В. Борисевич показывал на этнографи-

ческих примерах северных построек, где часто углубляли пол хозяйственного подклета для его переоборудования в жилое помещение. Таким образом, он доказывал, что относительно неглубокие котлованы, ранее соотносимые с полуземлянками, были только углубленной частью наземных срубных сооружений, в большинстве своем представлявших аналог известных северных наземных двухэтажных построек и сооружений на подклетах (Там же. С. 284, 286).

Основные выводы работы Г. В. Борисевича не вызвали в литературе заметного резонанса, но положительно отразились в последующих работах, в частности П. П. Толочко – по Киеву. Украинский исследователь признал, что основная часть жилищ Верхнего Киева была наземной и в большинстве своем – двухэтажной. Яркие примеры срубного строительства отмечены на Подоле, а над неглубокими котлованами Верхнего Города возводились столбовые (фахверковые) постройки. Еще более выразительными оказались результаты сопоставления основных элементов массовой застройки «полуземляночного» Верхнего Города и срубного Подола (*Толочко*, 1980. С. 77; 1981. С. 66–73, 76, 77). В последующие годы срубные наземные постройки и жилье на подклетах были интерпретированы в исследованиях на обширных территориях киевского и черниговского Поднепровья.

Многообразными и сложными представили реконструкции хозяйственных и жилых построек древней Рязани В. П. Даркевич и Г. В. Борисевич (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 117–131). Они увидели в раскопанных сооружениях три конструктивные схемы: каркасную, каркасно-стенную и срубную. На основе фиксируемых археологических остатков они предложили разные варианты реконструкции наземных построек, многие из которых были двухэтажными наземными, с заглубленными ниже дневной поверхности подвалами и подсобными хозяйственными помещениями.

Современные исследования и трактовки. В 1990–1992 гг. в среднем течении р. Сулы, на территории Лохвицкого района Полтавской области Украины проводились раскопки небольшого древнерусского городища и селища в урочище Самп-

сониев Остров у с. Сенча. Раскопав площадь в 5700 кв. м, Ю. Ю. Моргунов убедительно доказал существование на городище наземных двухэтажных срубных построек с неотапливаемым подклетом. От них сохранились только основания – углубленные на 0,2–0,7 м в материк «полуземлянки» (Моргунов, 2003. С. 124 и сл.). При этом были сделаны выводы по частным случаям находок остатков конструкций. Это и наличие печи на втором этаже, и большая площадь сруба по сравнению с площадью котлована, и положение отопительного устройства по отношению к стенам построек, и неопределенное число столбовых ям в котлованах, и отсутствие обмазки стенок котлованов, и наличие ступеньки-лавки между несущей стеной и краем котлована.

Сюжет с трактовкой «полуземлянок» в сводной работе по культуре Древней Руси был логично разобран в работе Ю. Ю. Моргунова 2003 г. (Там же. С. 122–124), но практически не был замечен другими археологами, кроме О. Н. Енуковой. Ю. Ю. Моргунов справедливо указал и на рецензию Г. В. Борисевича, откликнувшегося на книгу П. А. Раппопорта 1975 г. В последующие годы Ю. Ю. Моргунов проверил свои выводы на другом памятнике – летописном городе Снепород (Моргунов, 2011; 2012).

Самую подробную историографию вопроса о славянских полуземлянках и методику реконструкции жилищ по археологическим данным предложила О. Н. Енукова (Енукова, 2007. С. 17–29). Совместно с В. В. Енуковым она обратилась к материалам раскопок предшествующих десятилетий с целью проверки и уточнения сделанных тогда реконструкций. В частности, подверглись анализу постройки городища Титчиха, раскопанного А. Н. Москаленко. О. Н. Енукова установила, что в подавляющем большинстве построек облицовка краев котлованов имела облегченный характер и технически не способна была нести наземное продолжение в виде стен жилища. Техническим решением она видит возведение стен срубной конструкции на значительном отступлении от края котлована, соглашаясь в этом с реконструкциями В. Г. Борисевича (Енуков, Енукова, 2012. С. 143–145).

В работах самого конца XX в. и начала XXI в. само понятие полуземлянка как тип жилища вообще ставится под сомнение. Так, В. К. Козюба заключил, что термин «полуземлянка» в современной науке является анахронизмом. В статье он дал реконструкцию жилища из раскопок у с. Григоровка Каневского района в урочище «Підтополеве», где хорошо сохранились остатки заглубленного сооружения с глинобитной печью и деревянными деталями пола и стен, датируемые второй половиной XI – первой половиной XII в. (Козюба, 1998. С. 28 и сл.). В своей реконструкции автор показал соотношение размеров котлована и стен сруба и предложил дополнительный объем в виде срубных сеней. Археолог из Воронежского университета В. Н. Ковалевский на основе изучения речевых терминов XVIII–XX вв. и сферы их применения приходит к выводу, что названия «землянка» и «полуземлянка» правомочны только как сугубо археологические, облегчающие процесс классификации построек. Для воссоздания облика древнего дома они весьма условны (Ковалевский, 2001. С. 182–183).

Заключение. Краткий обзор проблематики «славянских полуземлянок» показывает существование длительной традиции особого взгляда на реконструкцию находимых археологами углубленных жилых сооружений эпохи славянства и Древней Руси в южной половине территории расселения восточных славян. К настоящему времени имеются археологические доказательства того, что открытые так называемые «полуземлянки» являются только частью наземных срубных или каркасных построек, а именно – подвалами или подпольями наземных строений.

Можно добавить, что вопросы реконструкций исторических объектов, событий, явлений и прочего для древних эпох является нерешаемым вопросом теоретической археологии. Л. С. Клейн писал, что в интерпретации во многом приходится полагаться на интуицию, исследовательский опыт и догадки. И в этом он соглашается с А. И. Мартыновым и Я. А. Шером, добавляя при этом: «Но уж во всяком случае реконструкция только на основании информации самого источника – это утопия чистой воды» (Клейн, 1997. С. 227, 229).

- Арциховский*, 1955 – *Арциховский А. В.* Основы археологии. М., 1955.
- Бломквист*, 1956 – *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. М., 1956.
- Борисевич*, 1978 – *Борисевич Г. В.* Рец. на монографию П. А. Раппопорта «Древнерусское жилище». САИ. Л., 1975. Е1-32 // СА. 1978. № 4.
- Воронин*, 1951 – *Воронин Н. Н.* Жилище // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1: Домонгольский период.
- Гончаров*, 1950 – *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
- Даркевич, Борисевич*, 1995 – *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Довженок и др.*, 1966 – *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.
- Енуков, Енукова*, 2012 – *Енуков В. В., Енукова О. Н.* О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб., 2012.
- Енукова*, 2007 – *Енукова О. Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007 (Тр. НИИ археологии юго-востока Руси; Вып. 1).
- Ефименко, Третьяков*, 1948 – *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону. М.; Л., 1948 (МИА; № 8).
- Каргер*, 1958 – *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958.
- Клейн*, 1997 – *Клейн Л. С.* Интерпретации, реконструкции и теория в археологии (по поводу статьи А. М. Буровского [РА. 1995. № 3. 220–224]) // РА. 1997. № 1.
- Ковалевский*, 2001 – *Ковалевский В. Н.* Термин полуземлянка (история появления и использования в современной науке) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2.
- Козюба*, 1998 – *Козюба В. К.* Південноруське сільське житло (матеріали до реконструкції заглибленого житла XI–XIII ст.) // Археологія. Київ, 1998. № 1.
- Корзухина*, 1956 – *Корзухина Г. Ф.* Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. Т. XXV.
- Косвен*, 1963 – *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Ляпушкин*, 1958 – *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л., 1958.
- Ляпушкин*, 1961 – *Ляпушкин И. И.* К вопросу о культурном единстве славян // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.
- Ляпушкин*, 1968 – *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. М., 1968. (МИА; № 152).
- Моргунов*, 2003 – *Моргунов Ю. Ю.* Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М., 2003.
- Моргунов*, 2011 – *Моргунов Ю. Ю.* Домостроительство летописного г. Снепород // РА. 2011. № 3.
- Моргунов*, 2012 – *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. СПб., 2012.
- Москаленко*, 1965 – *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха (из истории древнерусских поселений на Дону). Воронеж, 1965.
- Раппопорт*, 1975 – *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975 (САИ; Вып. Е1-32).
- Раппопорт и др.*, 1985 – *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.* Жилище // Город. Замок. Село. М., 1985 (Археология СССР).
- Седов*, 1982 – *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / Отв. ред. тома академик Б. А. Рыбаков. М., 1982 (Археология СССР).
- Толочко*, 1980 – *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980.
- Толочко*, 1981 – *Толочко П. П.* Строительное дело // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Третьяков*, 1948 – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // СЭ. 1948. № 2.
- Третьяков*, 1953 – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- Хвольсон*, 1869 – *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869.

On the existence of Slavic partly-underground dwellings

A. V. Kurbatov

Brief archaeological studies of 'Slavic partly-underground dwellings' demonstrate the existence of a long tradition of the notions about the reconstruction of underground dwelling buildings of the Slavic Period and Old Rus' in the southern half of the territory of distribution of East Slavs. Today, there is found archaeological evidence that the 'partly-underground dwellings' are only underground parts of surface log-houses or wooden framework structures, viz. cellars or underfloor chambers of houses.

In 1990–1992, in the territory of the Lohvits District of Poltava Oblast in Ukraine in the middle reaches of the Sula River excavations were conducted. The excavations were carried out at the Old Russian townsite and unfortified settlement in the isolated locality of

Sampsonien Ostrov near the village of Sencha. Yuriy Yu. Morgunov uncovered here over the area of 5700 sq. m tens of surface log-houses with unheated ground floors. Only foundation pits or so-called 'partly-underground dwellings' were preserved dug 0.2–0.7 m into the virgin soil. Afterwards, Morgunov checked his conclusions at another site in the town of Sneporod mentioned in ancient chronicles.

Ol'ga N. Erukova presented the most detailed historiography of the problem of Slavic underground dwellings and a reconstruction of dwellings through archaeological evidence.

In studies of the late 20th century the notion itself of partly-underground houses as a type of dwelling was doubted altogether.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

КЕМИ-ОБА. К 60-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ КУРГАНА И КУЛЬТУРЫ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

Г. Н. Тошев, М. Т. Кашуба²

Аннотация. Материалы раскопанного в 1957 г. кургана у с. Дозорное в Крыму были положены в основу выделения отдельной кеми-обинской культуры раннего бронзового века. Увеличение характерных для нее признаков, как полагал А. А. Щепинский, позволило ему включить в ареал этой культуры помимо Крыма и степное Причерноморье. К определяющему признаку культуры А. А. Щепинский относил наличие каменных, реже деревянных, конструкций (в том числе ящиков с росписями на внутренних стенах) в погребальных комплексах. Выделение кеми-обинской культуры во второй половине XX в. нашло поддержку у специалистов. Позднее выяснилось, что большая часть ее материалов имеет близкие аналогии с ямной культурно-исторической общностью поздней фазы развития. Закономерно и появление в последние десятилетия работ, ставящих под сомнение сам факт наличия самостоятельной кеми-обинской культуры. Хотя вопрос о самостоятельном или надкультурном характере погребений в каменных ящиках, в том числе с расписанными изнутри стенами, остается открытым, они не могут выступать единственным определяющим признаком кеми-обинской археологической культуры.

Annotation. Materials from the barrow near the village of Dozornoye excavated in Crimea in 1957 were used as the basis for identification of an isolated Kemi-Oba culture of the early Bronze Age. Expansion of its characteristic features, has allowed in the opinion of Askold A. Shchepinskiy to include also the entire steppe north Black Sea region into the area of this culture in addition to Crimea. A. A. Shchepinskiy defined the presence of stone, more rarely wooden structures (including cists with painting on the inner walls) in the funerary complexes as important signs of this culture. Archaeologists in the second half of the 20th century supported the discovery of the Kemi-Oba culture. Afterwards it became clear that most of its materials are fairly similar to the Pit-Grave (Yamnaya) cultural and historical unity in its later phase of evolution. Therefore in the recent decades, the appearance of studies doubting the very fact of the existence of the independent Kemi-Oba culture seems very logical. Nevertheless the problem of independent or subcultural character of the burials in stone cists, including those with the walls painted on the inside, is still open. At the same time, they cannot be treated as the single identifying feature of the Kemi-Oba archaeological culture.

Ключевые слова: степное Причерноморье, Крым, ранний бронзовый век, кеми-обинская культура, ямная культурно-историческая общность, А. А. Щепинский, каменные ящики, археологическая культура.

Keywords: steppe north Black Sea area, Crimea, early Bronze Age, Kemi-Oba culture, Pit-Grave cultural and historical unity, Askold Aleksandrovich Shchepinskiy, stone cists, archaeological culture.

Введение. Эпоха бронзы Крыма долгое время

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-31-10162а(ц).

² Тошев Г. Н. – Украина, 69600, Запорожье, ул. Жуковско-го, 66. Запорожский национальный университет.

Кашуба М. Т. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

выступала «золушкой» по интенсивности изучения и заинтересованности общества в более ярких материалах других эпох – каменного века, особенно античного и средневекового времени. Немногочисленные находки бронзового века в XIX – начале XX в. не привлекали внимание специалистов, да и почти не находили отражение в печати. Последу-

ющие два десятилетия отмечены более интенсивным изучением таких артефактов, преимущественно, в Предгорном и Восточном Крыму. Характерно, что материалы эпохи бронзы в основном вводились в научный оборот специалистами в области других периодов. С середины XX в. начинается целенаправленное исследование памятников этого времени. Тогда накопление материалов, главным образом, погребальных, всегда превышало уровень их осмысления, что особенно наглядно проявилось в работах новостроечных экспедиций (см. историю изучения: *Тощев*, 2011. С. 14–34).

Большая заслуга в изучении энеолита – бронзового века Крыма принадлежит Аскольду Александровичу Щепинскому, который разрабатывал эту тематику. Он же выделил и отдельную кеми-обинскую культуру, существование которой («реальность или фантазия?») до сих пор остается в области дискуссий среди специалистов (см. *Буров*, 2007а. С. 73–75).

А. А. Щепинский и кеми-обинская культура.

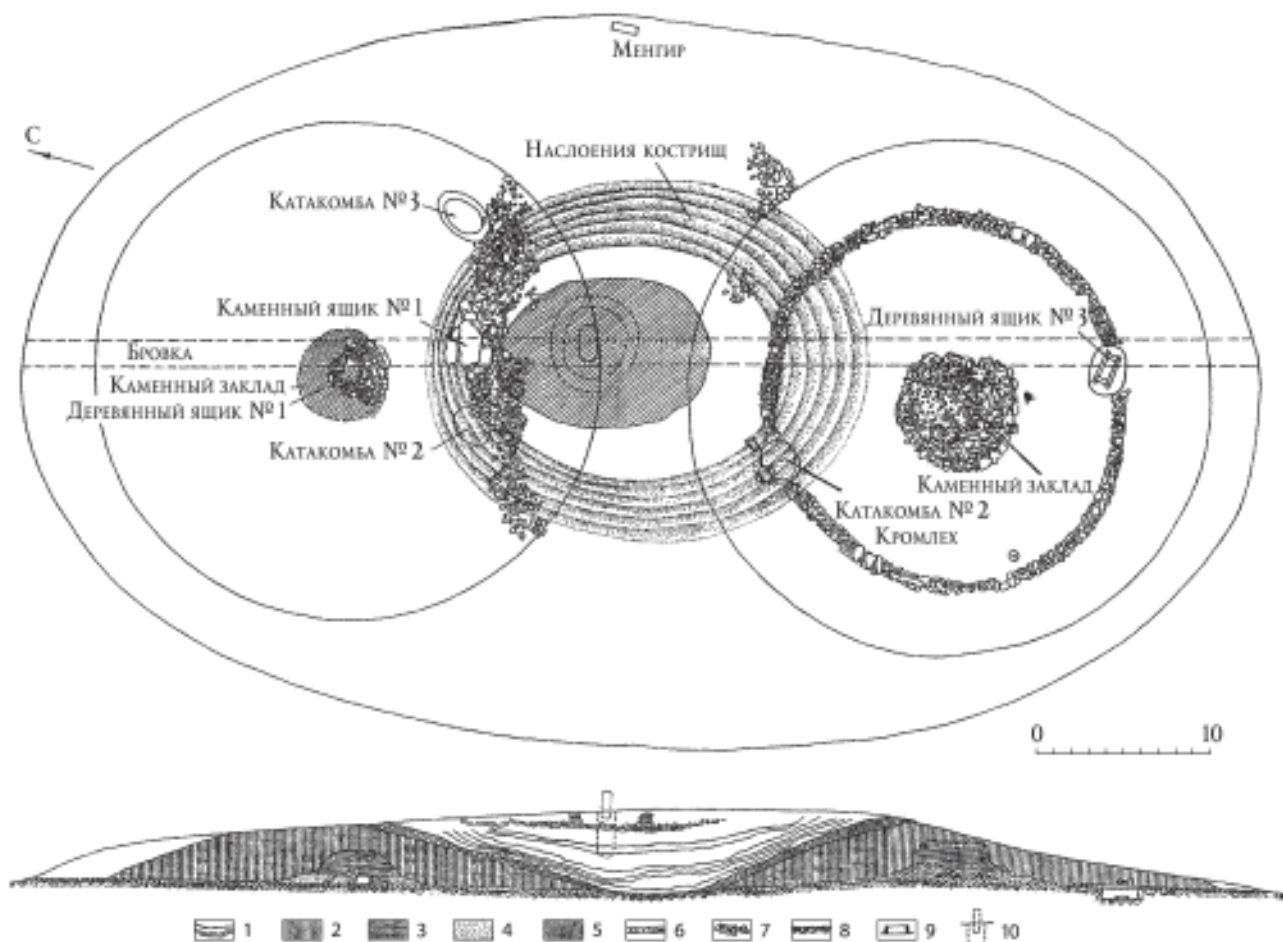
А. А. Щепинский (1926–1997 гг.), из семьи дворян, свою научную деятельность начал в 1946 г. в Тавро-Скифской экспедиции. С 1954 г. он в штате Крымского филиала Института археологии АН (СССР) УССР, в котором проработал свыше трех десятилетий. В 1971 г. закончил исторический факультет Крымского педагогического института. Руководил работами Северо-Крымской экспедиции (1967–1981 гг.) и Крымской охранно-археологической экспедицией (с 1968 г.). Материалы раскопок последней были положены в основу созданного им Музея Крыма (1973 г.). Кандидатскую диссертацию «Энеолит Крыма» (оппоненты Д. Я. Телегин и О. Г. Шапошникова) А. А. Щепинский защитил в 1975 г. в Институте археологии АН УССР.

С его именем связаны открытия многих памятников, получивших широкую известность (каменного века, раннего железного века), а всего им было выявлено около 800 разновременных памятников. На многие годы едва ли ни единственной доступной многим исследователям работой о курганных древностях степного Крыма оставалась совместная с Е. Н. Черепановой монография (*Щепинский, Черепанова*, 1969).

В 1957 г. у с. Дозорное (Белогорский р-н Крыма) А. А. Щепинский исследовал курган, материалы которого во многом определили его дальнейшие научные интересы. Этот памятник вошел в археологию под названием «кеми-обинский», был раскопан с применением техники и оставлением одной центральной бровки, что было достаточно высоким для того времени уровнем (рис. 1).

О результатах этих работ А. А. Щепинский докладывал в Москве (1959 г.) и Киеве (1960 г.), где впервые озвучил в научной среде идею о существовании самостоятельной культуры. Уже через несколько лет он четко выделял особую кеми-обинскую культуру (*Щепинский*, 1963. С. 38), развивая свое видение в последующих работах (*Щепинский*, 1965. С. 8; 1966. С. 10–23). Основные характеристики самой культуры были даны в кандидатской диссертации (*Щепинский*, 1975а; 1975б) и в обобщающей работе (*Щепинский*, 1971. С. 258–263; *Щепинский*, 1985. С. 331–336). Тогда, во второй половине XX в., выделение кеми-обинской культуры нашло поддержку у коллег – заполнялась лакуна в изучении древней истории Крыма, да и само «наличие» культуры не меняло существующие общие представления об энеолите – бронзовом веке Причерноморского региона. Это было время общей активизации в изучении энеолита – бронзового века, что неизбежно вело к росту на археологической ниве новых культур или вариантов. Многие археологи автоматически связывали с кеми-обинской культурой каменные ящики, особенно с росписью изнутри, в курганах степного Причерноморья (см. *Тощев*, 2011. С. 72–73). Таким образом, как будто подтверждался вывод А. А. Щепинского о ее широком территориальном распространении.

Как ни странно, но материалы ярчайших памятников (Курбан-Байрам, курган у с. Дозорное) самим автором раскопок не были изданы в полном объеме, а стали доступны широкому кругу специалистов лишь после его смерти (*Щепинский, Тощев*, 2001. С. 50–86; *Колотухин*, 2008. С. 223–242; *Тощев*, 2010. С. 47–52). Полностью опубликованы и другие памятники, о которых А. А. Щепинский упоминал лишь вскользь (*Тощев*, 2002. С. 99–111). С сожалением приходится констатировать, что

Рис. 1. План и разрез кургана у с. Дозорное (курган Кемь-Оба), раскопки 1957 г. (Щепинский, Тоцев, 2001. С. 51)

Условные обозначения на разрезе: 1 – вторичная насыпь кургана, линиями отмечены слои кострищ; 2 – насыпи первичных курганов; 3 – каменные сооружения; 4 – погребенная почва; 5 – дерновый слой первичных курганов; 6 – подсыпка деревянных ящиков; 7 – камень; 8 – материк; 9 – деревянные ящики; 10 – предполагаемое положение менгира и контуры ямы под ним

Fig. 1. Plan and section of a barrow near the village of Dozornoye (kurgan Kemi-Oba), excavations of 1957

Notations on the section: 1 – secondary mound of the kurgan, by lines the layers from bonfire places are marked; 2 – initial mounds of the kurgan; 3 – stone structures; 4 – buried soil; 5 – sod layer of the initial mounds; 6 – covering earth of wooden boxes; 7 – stone; 8 – sterile layer; 9 – wooden boxes; 10 – presumed position of the menhir and outlines of the pit beneath it

большое количество изученных им курганных памятников до настоящего времени остаются неопубликованными³.

В основу выделения кемь-обинской культуры была положена совокупность устойчивого сочетания признаков, базирующихся, в основном, на анализе по-

³ В конце 1990-х гг. в Крымском филиале ИА НАНУ вынашивалась идея обработать все материалы А. А. Щепинского для полноценного издания. Однако она так и не была претворена в жизнь. Исследователями Крыма издаются отдельные памятники эпохи бронзы и скифского времени. Следует отдать им должное, ибо неоднократно отмечался неполный характер отчетной документации А. А. Щепинского (Симоненко, 1993. С. 70, прим.; Колотухин, Колотухов, 2007. С. 94–109).

гребений. Согласно А. А. Щепинскому это: 1) надмогильные сооружения из камня, 2) деревянные, каменные ящики, 3) грунтовые ямы, повторяющие форму ящика, 4) роспись внутренних стенок, 5) подсыпка дна могилы галькой, ракушкой и др., 6) использование глиняного раствора, а также 7) антропоморфные стелы, 8) своеобразный инвентарь погребений, среди которого сравнительно много кремневых и каменных изделий (Щепинский, 1975б. С. 9). Однако определяющий признак культуры по А. А. Щепинскому – это наличие каменных, реже деревянных, конструкций (в том числе ящиков с росписями на внутренних стенах) в погребальных комплексах.

По мере работы взгляды А. А. Щепинского претерпели определенную эволюцию. Если изначально ареал кеми-обинской культуры он ограничивал Крымом с осторожным предположением о более широком ее распространении (*Щепинский*, 1963. С. 39; 1975. С. 20), то позже в него вошла и территория степного Причерноморья с отдельными приазовским и северо-причерноморским вариантами (рис. 2). При этом не исключалась возможность выделения ингуло-днестровского варианта (*Щепинский*, 1985. С. 332–333).

По данным А. А. Щепинского количество памятников кеми-обинской культуры в Крыму непрерывно возрастало. Если в первой работе речь шла о 90 памятниках, среди которых 60 погребений (*Щепинский*, 1966. С. 16), то через пять лет говорится о 170 комплексах, для 20 из которых характерна роспись (*Щепинский*, 1971. С. 258–259). По данным кандидатской диссертации в 1972 г. в Крыму насчитывалось 200 памятников кеми-обинской культуры (*Щепинский*, 1975б. С. 8), из которых более 80 – это каменные ящики. В итоговом Своде для южно-приморского варианта (Крым) он называл уже иную цифру – 491 погребение (*Щепинский*, 2002. С. 55)⁴. Стоит напомнить, что тогда было опубликовано немногим более 10 комплексов, в основном, из старых раскопок. Информация об остальных памятниках оставалась недоступной для исследователей.

По мере расширения территории культуры в работах А. А. Щепинского непрерывно увеличивался и якобы характерный для нее набор признаков. В развитии культуры выделялись три фазы – ранняя, развитая и поздняя. Время ее существования укладывалось в целом от нижнемихайловского горизонта до срубного периода (*Щепинский*, 1975б. С. 20; 1985. С. 336). Исследователь определял ее как сложившуюся на северо-причерноморской неолитической основе под влиянием культур мариупольского и кукрекского типов (*Щепинский*, 1975б. С. 19).

Однако еще в конце 1960-х гг. А. А. Формозов отметил, что «вообще А. А. Щепинский слишком увлекся своей кеми-обинской культурой и готов

приписать ей слишком много памятников» (*Формозов*, 1969. С. 180), что на тот момент осталось практически незамеченным. Отметим, что несколькими годами раньше А. Хойслер в работе, посвященной орнаментированным каменным ящикам Крыма, рассматривал их в границах ямной культурно-исторической общности, но под сильным влиянием катакомбной культуры (*Häusler*, 1964. S. 70–71)⁵.

Эпопея, связанная с кеми-обинской культурой, закончилась для А. А. Щепинского в одночасье. В 1984 г. для публикации в Германии им был подготовлен Свод «Памятники кеми-обинской культуры», который по неизвестным причинам так и не был передан издателем. Собственно, после 1985 г. А. А. Щепинский к этой теме уже не возвращался, да и резко сократился выход его работ вообще. Только в начале 2000-х гг. рукопись работы с печатью Института археологии НАНУ на обороте каждой иллюстрации была передана Г. Н. Тощеву сотрудником Института А. Л. Нечитайло. В стенах археологической лаборатории Запорожского национального университета работу удалось опубликовать, хотя и небольшим тиражом, но все экземпляры переданы в крупные библиотеки.

Кеми-обинская культура – факт историографический? Термин «кеми-обинская культура» достаточно прочно утвердился в работах по древней истории Крыма, нашел отражение во многих учебных пособиях и справочниках, работах общего характера (*Тощев*, 2007. С. 72–76; *Бузов*, 2007б. С. 26–29).

Обратной реакцией на поиски «места под солнцем» данной культуры явилось выступление В. В. Генинга, в котором он подобные погребения в Нижнем Поднепровье (свыше 250. – *Г. Т., М. К.*) отнес к знати ямной культуры (*Генинг*, 1987. С. 37–38).

Скепсис, как бы мимоходом, можно рассмотреть и позже в работах многих специалистов. «Отсутствие четких критериев в выделении культуры Кеми-Обы» (*Сафронов*, 1989. С. 229), «недостаточно четкое определение самой культуры» (*Братченко*, 2001. С. 69, прим. 110), «признать выделение кеми-обинской культуры некорректным» (*Тесленко*,

⁴ Отсутствие иллюстраций большинства из них, главным образом, из неизданных материалов А. А. Щепинского, не позволяет использовать приводимые данные как полноценный источник.

⁵ Работа А. Хойслера, судя по отсутствию на нее сноски, оказалась в то время недоступной в русскоязычной археологической среде.

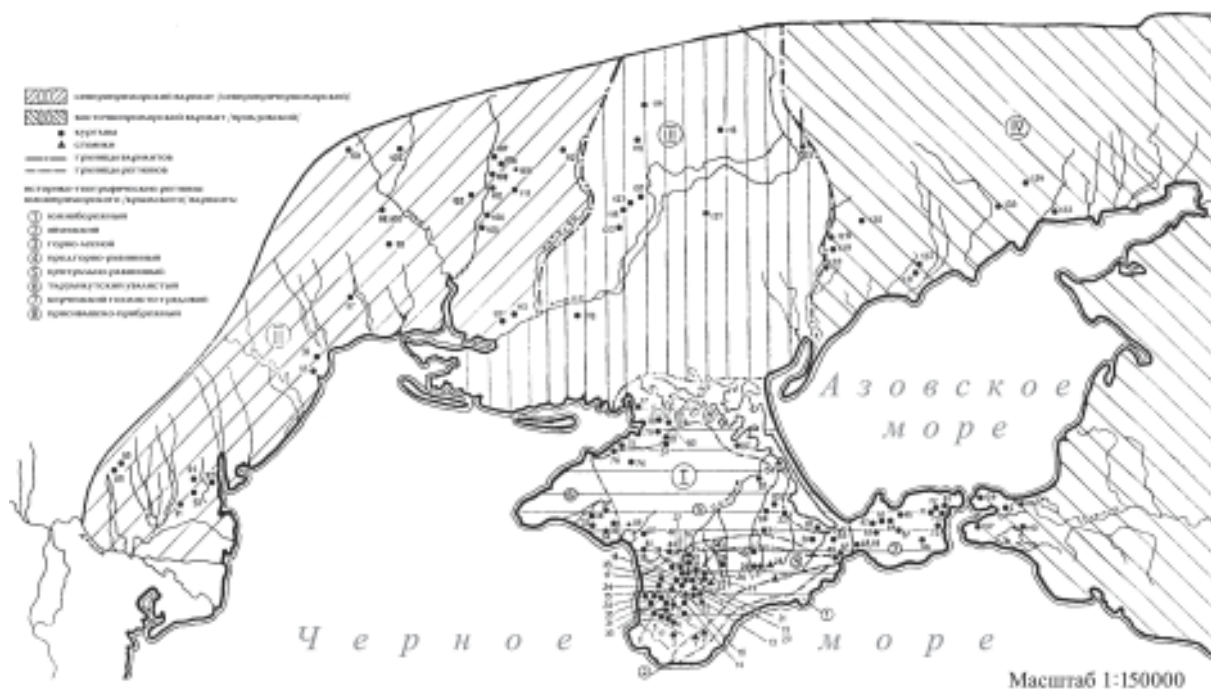

Рис. 2. Карта памятников кими-обинской культуры (Щепинский, 2002. С. 339, табл. 82).

- I. Памятники южноприморского (крымского) варианта:** 1 – Ай-Петри; 2 – Тильки-Кая; 3 – Родниковое; 4 – Холмовка; 5 – Танковое; 6 – Верхоречье; 7 – ВИР; 8 – Коминтерн; 9 – Колхоз им. Ленина; 10 – Тургеневка; 11 – Бахчисарай; 12 – Альминское водохранилище; 13 – Калиновка; 14 – Новопавловка; 15 – Почтовое; 16 – Глубокий Яр; 17 – Трехпрудное; 18 – Ново-Емельяновка; 19 – Фонтаны; 20 – Константиновка; 21 – Симферополь (Новоромановка, Чокурча, «Скалки»); 22 – Марьино, водохранилище; 23 – Чайковское; 24 – Дружное; 25 – Красногорье; 26 – Белогорск; 27 – Дозорное (Кими-Оба); 28 – Чернополье; 29 – Богатое; 30 – Верхне Садовое; 31 – Долинное; 32 – Угловое; 33 – Вилино; 34 – Казанки; 35 – Водное; 36 – Мирное; 37 – Черкеса; 38 – Зольное; 39 – Родниковое; 40 – Коммунар; 41 – Абдал; 42 – Софиевка; 43 – Гвардейское; 44 – Бобовича; 45 – Васильевка; 46 – Ближне-Боевое; 47 – Береговое; 48 – Приморское; 49 – Приморское (Ближние Камыши); 50 – Кировское; 51 – Чоты; 52 – Черноземное; 53 – Ново-Николаевка; 54 – Уютное; 55 – Поповка; 56 – Заозерное; 57 – Кара-Меркит; 58 – Китай; 59 – Евпатория; 60 – Каменоломня; 61 – Чеботаревка; 62 – Уварово; 63 – Ильичево; 64 – Зеленый Яр; 65 – Луговое; 66 – Астанино; 67 – Ново-Николаевка; 68 – Михайловка; 69 – Героевское; 70 – Чурбашское озеро; 71 – Новое; 72 – Ивановка; 73 – Керчь; 74 – Ломоносово; 75 – Кропоткино; 76 – Портовое; 77 – Рисовое; 78–80 – Красноперекопск – Красное озеро; 81 – Долинное; 82 – Перепелкино; 83 – Емельяновка; 84 – Алексеевка; 85 – Ильичево; 86 – Дятловка; 87 – Синицино; 88 – Владимировка
- II. Памятники западноприморского варианта:** 89 – Болград; 90 – Огородное; 91 – Нерушай; 92 – Глубокое; 93 – Борисовка; 94 – Баштановка; 95 – Великодолинское; 96 – Слободка-Романовка; 97 – Курисово-Петровское; 98 – Осиповка; 99 – Ковалевка; 100 – Ковалевка II; 101 – Терноватое; 102 – Константиновка; 103 – Привольное; 104 – Соколовка; 105 – Соколовка II; 106 – Софиевка; 107 – Новорозановка; 108 – Пелагеевка; 109 – Старогороженное; 110 – Баратовка; 111 – Куйбышево
- III. Памятники североприморского варианта:** 112 – Рахмановка; 113 – Верхнетарасовка; 114 – Поддубный; 115 – Новониколаевка; 116 – Александровское; 117 – Белозерка; 118 – Гусаковка; 119 – Любимовка; 120 – Марьинское; 121 – Первомаевка; 122 – Староселье; 123 – Осокоровка; 124 – Чапли; 125 – Кичкас
- IV. Памятники восточноприморского (приазовского) варианта:** 126 – Константиновка; 127 – Малая Знаменка; 128 – Ново-Филипповка; 129 – Аккермень; 130 – Заможное; 131 – Ногайск; 132 – Преслав; 133 – Мариуполь; 134 – Покровское; 135 – Беленькое; 136 – Натряя; 137 – Артюхово; 138 – Ахтанизовский лиман; 139 – Орлова могила; 140 – Веселовка; 141 – Ливенцовка

Fig. 2. Map of sites of the Kemi-Oba culture.

- I. Sites of the south-maritime (Crimean) variant:** 1 – Ay-Petri; 2 – Tilki-Kaya; 3 – Rodnikovoye; 4 – Kholmovka; 5 – Tankovoye; 6 – Verkhorechye; 7 – All-Union Institute of Plant Growing (VIR); 8 – Komintern; 9 – Kolkhoz im. Lenina; 10 – Turgenevka; 11 – Bakhchisaray; 12 – Alminskoye Vodokhranilishche; 13 – Kalinovka; 14 – Novopavlovka; 15 – Pochtovoye; 16 – Glubokiyy Yar; 17 – Trekhprudnoye; 18 – Novo-Yemelyanovka; 19 – Fontany; 20 – Konstantinovka; 21 – Simferopol (Novoromanovka, Chokurcha, «Skalki»); 22 – Maryino, Vodokhranilishche; 23 – Chaikovskoye; 24 – Druzhnoye; 25 – Krasnogorye; 26 – Belogorsk; 27 – Dozornoye (Kemi-Oba); 28 – Chernopolye; 29 – Bogatoye; 30 – Verkhne Sadovoye; 31 – Dolinnoye;

32 – Uglovoeye; 33 – Vilino; 34 – Kazanki; 35 – Vodnoye; 36 – Mirnoye; 37 – Cherkesa; 38 – Zolnoye; 39 – Rodnikovoye; 40 – Kommunar; 41 – Abdal; 42 – Sofiyevka; 43 – Gvardeyskoye; 44 – Bobovicha; 45 – Vasilyevka; 46 – Blizhne-Boyevoeye; 47 – Beregovoye; 48 – Primorskoye; 49 – Primorskoye (Blizhniye Kamyshe); 50 – Kirovskoye; 51 – Choty; 52 – Chernozemnoye; 53 – Novo-Nikolayevka; 54 – Uytnoye; 55 – Popovka; 56 – Zaozernoeye; 57 – Kara-Merkit; 58 – Kitay; 59 – Yevpatoriya; 60 – Kamenolomnya; 61 – Chebotarevka; 62 – Uvarovo; 63 – Ilyichevo; 64 – Zelenyy Yar; 65 – Lugovoye; 66 – Astanino; 67 – Novo-Nikolayevka; 68 – Mikhaylovka; 69 – Geroyevskoye; 70 – Churbashskoye Ozero; 71 – Novoye; 72 – Ivanovka; 73 – Kerch; 74 – Lomonosovo; 75 – Kropotkino; 76 – Portovoye; 77 – Risovoye; 78–80 – Krasnoperekopsk – Krasnoye Ozero; 81 – Dolinnoye; 82 – Perepelkino; 83 – Emelyanovka; 84 – Alekseyevka; 85 – Ilyichevo; 86 – Dyatlovka; 87 – Sinitsino; 88 – Vladimirovka

II. Sites of the west-maritime variant: 89 – Bolgrad; 90 – Ogorodnoye; 91 – Nerushay; 92 – Glubokoye; 93 – Borisovka; 94 – Bashtanovka; 95 – Velikodolinskoye; 96 – Slobodka-Romanovka; 97 – Kurisovo-Petrovskoye; 98 – Osipovka; 99 – Kovalevka; 100 – Kovalevka II; 101 – Ternovatoye; 102 – Konstantinovka; 103 – Privolnoye; 104 – Sokolovka; 105 – Sokolovka II; 106 – Sofievka; 107 – Novorozanovka; 108 – Pelageyevka; 109 – Starogorozhennoye; 110 – Baratovka; 111 – Kuybyshevo

III. Sites of the north-maritime variant: 112 – Rakhmanovka; 113 – Verkhnetarasovka; 114 – Poddubnyy; 115 – Novonikolayevka; 116 – Aleksandrovskoye; 117 – Belozerka; 118 – Gusakovka; 119 – Lyubimovka; 120 – Maryinskoye; 121 – Pervomayevka; 122 – Staroselye; 123 – Osokorovka; 124 – Chapli; 125 – Kichkas

IV. Sites of the east-maritime (Azov) variant: 126 – Konstantinovka; 127 – Malaya Znamenka; 128 – Novo-Filippovka; 129 – Akkermen; 130 – Zamozhnoye; 131 – Nogaysk; 132 – Preslav; 133 – Mariupol; 134 – Pokrovskoye; 135 – Belenkoe; 136 – Natreya; 137 – Artyukhovo; 138 – Akhtanizovskiy Liman; 139 – Orlova Mogila; 140 – Veselovka; 141 – Liventsovka

2001. С. 36). Действительно, вопросы вызывают не только признаки, положенные в основу выделения данной культуры, но также ее ареал, хронологические рамки и пр. (см. детальнее: *Тощев*, 2011. С. 72–79).

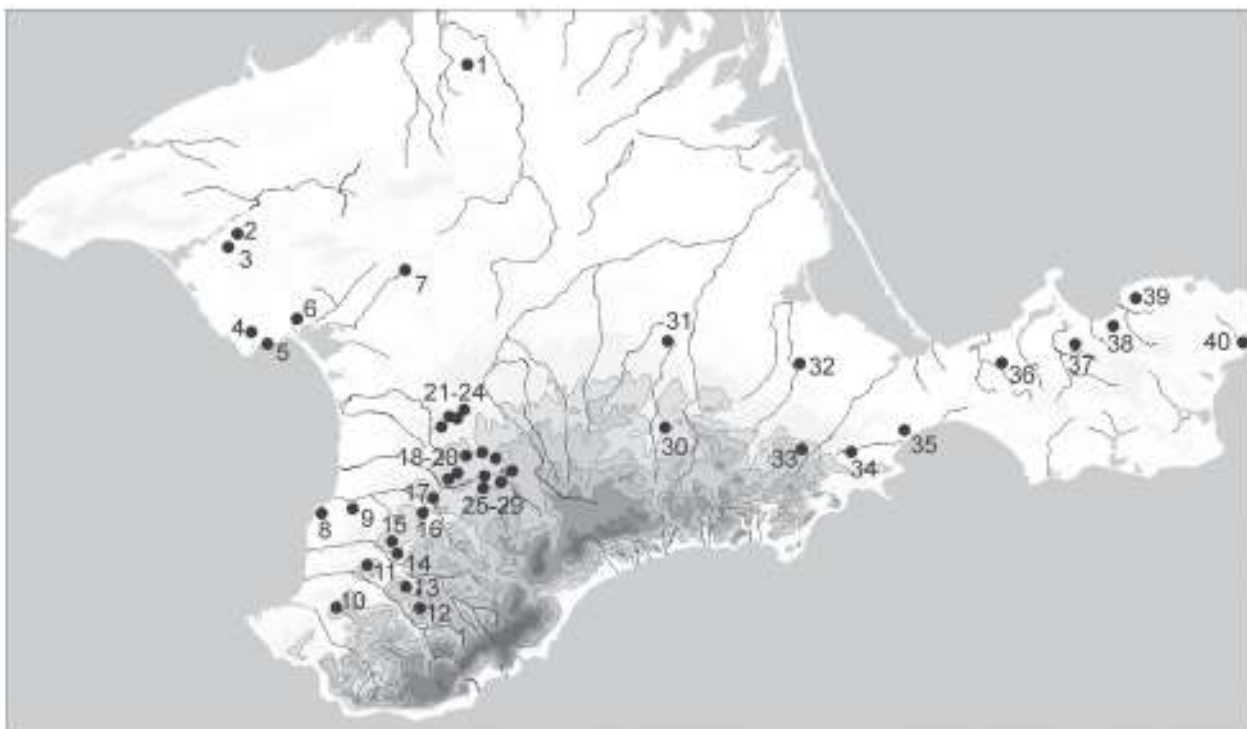
Отсюда закономерно и появление в последние десятилетия работ, ставящих под сомнение сам факт наличия самостоятельной кеми-обинской культуры. В. А. Колотухин появление ящичных гробниц рассматривал как новации в среде ямных племен, результат взаимодействий различных культур (*Колотухин*, 2004. С. 32–33). Отмечает неудачное название и Г. М. Буров, предлагая термин «ящичная», но при этом указывает на распространенность старого названия (*Буров*, 2006. С. 105). Вполне закономерно и сомнения в правомерности существования данной культуры (*Тощев*, 2007. С. 63; 2011. С. 79), которая рассматривается в составе ямной культурно-исторической общности (*Häusler, Toščev*, 2009. S. 96).

Высказанное в свое время мнение О. Г. Шапошниковой о том, что «вопрос о взаимоотношении кеми-обинской культуры с ямной, учитывая сходство погребального обряда, близкий тип керамики, наличие антропоморфных стел и синхронность существования на одной территории, еще ждет своего решения» (*Шапошникова*, 1987. С. 16), долгое время оставалось актуальным, но не замеченным коллегами. Об этом свидетельствует спустя полвека вновь поставленный вопрос: «розглядати Кемі-Обу як самостійне явище чи в системі

комплексів ямної культурно-історичної спільноти. Ставити крапку в цій полеміці ще зарано» (*Отрощенко*, 2005. С. 149). Можно согласиться, что «варто визнати ненадійними спроби виділення, а тим паче номінації археологічної культури винятково за типом поховальної споруди, буде то яма, катакомба, дерев'яні рама, зруб, колода чи кам'яна скриня та склеп. Культурна належність поховання має визначатися за комплексом ознак» (*Отрощенко*, 2014. С. 13).

Вопрос появления ящичного обряда захоронения в энеолите – раннем бронзовом веке и путях его распространения остается дискуссионным (*Тощев*, 2011. С. 74–75; *Тесленко*, 2001. С. 25 сл.; 2007. С. 76–85; *Иванова и др.*, 2005. С. 143–144). Подобный обряд фиксируется во многих культурах. На территории Крыма каменные ящики, преимущественно, известны в Предгорном Крыму (рис. 3), спорадически отмечены в степной части, как и во всем степном Причерноморье.

В настоящее время часть исследователей энеолита – бронзового века наличие каменных гробниц в ареале ямной культурно-исторической области (в курганах они повсеместно чередуются с типично ямными погребениями) объясняют социальными процессами в обществе. Известные на сегодня разработки показывают, что в среде ямных племен большую роль играли служители культа. С последними, обладающими наследственным статусом или держателями властных функций, возможно, связан обряд захоронения в каменных (реже в де-

Рис. 3. Каменные и деревянные ящики Крыма: 1 – Долинка (Курбан-Байрам); 2 – Наташино; 3 – Веселовка; 4 – Уютное; 5 – пос. Киевский; 6 – Мамай; 7 – Виноградово; 8 – между Альмой и Качей, Угловое; 9 – Вилино; 10 – Скеля (Родниковое); 11 – Азиз-Оба; 12 – Танковое; 13 – Тургеневка; 14 – Помологический рассадник ВИР; 15 – Долинное; 16 – ст. Почтовая; 17 – Казанки-58; 18–20 – Зольное, Кояш, им. Черкес; 21–24 – Ново-Софиевка, им. Генкеля, им. Пастак, Красная Зорька; 25–29 – Калиновка (Кисек-Аратук), Симферопольское водохранилище, Пионерское-95; Симферопольский аэропорт, Абдал; 30 – Кемь-Оба (Дозорное); 31 – Гут Готт-Чотты; 32 – Дятловка; 33 – Старый Крым, Первомайское; 34 – Береговое; 35 – Приморский (Ближние Камыши); 36 – Ильичево-75; 37 – Астанино; 38 – Нижнезаморское; 39 – Артезиан; 40 – Новое

Fig. 3. Stone and wooden cists of Crimea: 1 – Dolinka (Kurban-Bayram); 2 – Natashino; 3 – Veselovka; 4 – Uytutnoye; 5 – township of Kievskiy; 6 – Mamay; 7 – Vinogradovo; 8 – between the Alma and Kacha Rivers, Uglovoe; 9 – Vilino; 10 – Skelya (Rodnikovoye); 11 – Aziz-Oba; 12 – Tankovoye; 13 – Turgenevka; 14 – Pomological All-Union Institute of Plant Growing (VIR); 15 – Dolinnoye; 16 – Pochtovaya Station; 17 – Kazanki-58; 18–20 – Zolnoe, Koyash, estate of Cherkes; 21–24 – Novo-Sofiyevka, estate of Genkel', estate of Pastak, Krasnaya Zorka; 25–29 – Kalinovka (Kisek-Aratuk), Simferopol water storage reservoir, Pionerskoye-95; Simferopol airport, Abdal; 30 – Kemi-Oba (Dozornoye); 31 – Gut Gott-Chotty; 32 – Dyatlovka; 33 – Staryy Krym, Pervomayskoye; 34 – Beregovoye; 35 – Primorskiy (Blizhniye Kamyshe); 36 – Ilyichevo-75; 37 – Astanino; 38 – Nizhnezamorskoye; 39 – Artezian; 40 – Novoye

ревянных) ящиках. В частности, на материалах Северо-Западного Причерноморья погребенных в каменных ящиках рассматривают как наделенных при жизни высоким социальным статусом (Иванова, 2001. С. 144, 148). Аналогичные, более широкие выводы, сделал также В. В. Отрощенко: «доречно погодитися з дослідниками складних скринь і наголосити на особливому соціальному статусі небіжчиків, похованих у таких цистах, і вбачити в них імовірних служителів культу» (Отрощенко, 2014. С. 14).

Что представляют собой ящичные погребения – особые группы населения внутри ямной культурно-исторической общности или они отражают

существующие в них социальные отличия? Решение этого вопроса находится в области проблемы истоков и распространения монументальной архитектуры энеолита – бронзового века, отражающей идеологические воззрения или социальные процессы в обществе. Поэтому каменные ящики, известные в разных культурах от энеолита до позднего бронзового века, скорее, надкультурное явление, которое само по себе не может выступать единственным определяющим признаком археологической культуры. Другое дело – какие они в разных регионах, каковы их особенности, имеется ли специфика росписей (а это уже идеология), какой в них инвентарь.

Накопление новых материалов, их осмысление неизбежно вносят коррективы в наши представления о той или иной археологической культуре. Последняя, как рабочая категория, появляется («рождается») в виде варианта, часто «дорастает» до культуры, нередко расширяется до историко-культурной области/общности/круга, объединяющих самостоятельные культуры. Можно отметить тенденцию к переименованию культур, а также к их дроблению. Этот непростой путь «прошли» почти все археологические культуры энеолита – бронзового века Причерноморья: Средний Стог, ямная, катакомбная, Бабино и др. Однако в любом случае в основу выделения каждой археологической культуры должны быть положены доступные всем специалистам источники. В случае с кеми-обинской культурой – реальностью или фантазией – необходимо введение в научный оборот архивных материалов, находящихся в научных учреждениях Крыма или домашних библиотеках.

- Братченко, 2001* – Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. II. Луганськ, 2001.
- Буров, 2006* – Буров Г. М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. Киев, 2006.
- Буров, 2007а* – Буров Г. М. Кеми-обинская культура – реальность или фантазия? // МДАСУ. Луганськ, 2007. Вип. 7.
- Буров, 2007б* – Буров Г. М. Кеми-обинские (ящичные) памятники // История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Симферополь, 2007.
- Генинг, 1987* – Генинг В. В. К вопросу о «кеми-обинских» погребениях степного Поднепровья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987.
- Иванова, 2001* – Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.
- Иванова и др., 2005* – Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов между речья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.
- Колотухин, 2004* – Колотухин В. А. Культуры эпохи бронзы // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004.
- Колотухин, 2008* – Колотухин В. А. Курган № 1 у села Долинка и ящичные гробницы раннего бронзового века Крыма // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008.
- Колотухин, Колтухов, 2007* – Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Скифский курганный могильник у с. Братское в степном Крыму // ССПК. Запоріжжя, 2007. Т. XIV.
- Отроценко, 2005* – Отроценко В. В. Доба ранньої бронзи // Археологія України. Курс лекцій. Київ, 2005.
- Отроценко, 2014* – Отроценко В. В. З приводу генезису цист бережнівсько-маївської зрубної культури // Археологія. Київ, 2014. № 2.
- Тесленко, 2001* – Тесленко Д. Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.
- Тесленко, 2007* – Тесленко Д. Л. Об эволюции мегалитических сооружений в Северном Причерноморье и Приазовье (энеолит – ранний бронзовый век) // МДАСУ. Луганськ, 2007. Вип. 7.
- Сафронов, 1989* – Сафронов В. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Симоненко, 1993* – Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Тощев, 2002* – Тощев Г. Н. Погребальные комплексы с деревянными конструкциями эпохи ранней бронзы Крыма // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
- Тощев, 2007* – Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
- Тощев, 2010* – Тощев Г. Н. О культурной принадлежности погребения № 3 кургана 1 (Курбан-Байрам) у с. Долинка // Музейний вісник. Запоріжжя, 2010. № 10.
- Тощев, 2011* – Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Таврика в III–II тыс. до н. э. Saarbrücken, 2011.
- Формозов, 1969* – Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969.
- Шапошникова, 1987* – Шапошникова О. Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. Киев, 1987.
- Щепинский, 1963* – Щепинский А. А. Памятники искусства раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3.
- Щепинский, 1965* – Щепинский А. А. Об элементах общности культур III–II тыс. до н. э. в Крыму и на Кавказе // Материалы сессии, посвящ. археологическим и этнографическим исследованиям в СССР. Баку, 1965.
- Щепинский, 1966* – Щепинский А. А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2.
- Щепинский, 1975а* – Щепинский А. А. Энеолит Крыма: дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1975. Оп. № 2. Ф. № 32. 246 с. // Научный архив ИА НАНУ, № 550.

- Щепинский*, 1975б – *Щепинский А. А.* Энеолит Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1975.
- Щепинський*, 1971 – *Щепинський А. О.* Кемі-обинська культура // Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. 1.
- Щепинский*, 1985 – *Щепинский А. А.* Кемі-обинская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1.
- Щепинский*, 2002 – *Щепинский А. А.* Памятники кемі-обинской культуры (Свод археологических источников), 1983. Запорожье, 2002.
- Щепинский*, *Тоцев*, 2001 – *Щепинский А. А.*, *Тоцев Г. Н.* Курган «Кемі-Оба» // ССПК. Запоріжжя, 2001. Т. 9.
- Щепинский*, *Черепанова*, 1969 – *Щепинский А. А.*, *Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.
- Häusler*, 1964 – *Häusler A.* Innenverzierten Kammergräber der Krim // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Halle (S.), 1964. Bd. 48.
- Häusler*, *Tošček*, 2009 – *Häusler A.*, *Tošček G.* Neue Materialien zu den innenverzierten Steinkisten der frühen Bronzezeit auf der Halbinsel Krim // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Halle (S.), 2009. Bd. 91 (2007).

Kemi-Oba. To the 60th anniversary of the discovery of the kurgan and the culture of the Early Bronze Age Crimea

G. N. Toshchev, M. T. Kashuba

The Bronze Age of Crimea was considered for a long time as a ‘Cinderella’ in terms of the intensity of studies and public interest as compared with evidence of other epochs, viz. the Stone Age, and, particularly, the antique and mediaeval periods. In the first half of the 20th century, certain revival in this sphere became notable, however materials of the Bronze Age were scientifically published majorly by researchers concerned with other periods. Since the 20th century, the purposeful studies of sites of that period began. An important credit for studies of the Eneolithic and Bronze Age of Crimea belongs to Askold Aleksandrovich Shchepinskiy who studied mainly this subject. It was he, who identified the separate Kemi-Oba culture, the existence of which until now is debated (‘is it real or imagined?’) among archaeologists. The finds from the barrow near the village of Dozornoye (kurgan Kemi-Oba) excavated in 1957 in Crimea (Fig. 1) were put as the basis of identification of a separate Kemi-Oba culture of the early Bronze Age. The expansion of the features characteristic of this culture, in the opinion of Shchepinskiy, allowed him to include into its area the entire steppe Black Sea littoral along with Crimea (Fig. 2). Shchepinskiy considered the presence of stone, occasionally wooden, funerary structures (including cists with painting on the inner walls) as the identifying feature of these culture complexes (Fig. 3). Materials from the most distinctive sites (Kurban-Bayram, the barrow near the village of Dozornoye) were not published by the author

of these excavations himself but have become known to a wide circle of archaeologists only after his death. In the second half of the 20th century, the identification of the Kemi-Oba culture was accepted by researchers and many of them mechanically attributed stone cists, found in barrows of the steppe Black Sea region, particularly those with a painting inside, to this culture. Afterwards it became clear that the most of these discoveries have close parallels among the Pit-Grave cultural and historical unity at its later phase of evolution. Logically, in recent decades there appeared studies doubting the very fact of the existence of an independent Kemi-Oba culture. Some researchers consider this culture as part of the Pit-Grave cultural and historical unity. The problem of the rite of burials in cists appearing in the Eneolithic and early Bronze Age and its spread is still debatable. Now part of researchers of the Eneolithic and Bronze Age explain the presence of stone tombs within the area of the Pit-Grave cultural and historical unity by social processes. The studies presently published demonstrate that priests were very influential amidst the Pit-Grave tribes. It is within that stratum possessing a hereditary status or power-holding functions, that the rite of burial in stone (occasionally wooden) cists was practiced. Although the problem of an independent or super-cultural character of interments in stone cists, including those with the painted internal walls, is still open, they cannot be considered as the single defining feature of the Kemi-Oba archaeological culture.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОЛЕСНИЧНОЙ СИМВОЛИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ОЗЕРНОЕ-1)¹

А. В. Епимахов, И. К. Новиков²

Аннотация. В статье представлены новые материалы, отражающие колесничный комплекс в погребальной обрядности населения бронзового века (первая половина II тыс. до н. э.). Могильник Озерное-1 содержал парное жертвоприношение лошадей, деталь конской упряжи (псалий), следы колес на дне могильной ямы. Во всех случаях речь идет только о символическом выражении идеи колесницы. Памятник иллюстрирует один из многочисленных вариантов использования колесничной символики в погребальных ритуалах.

Annotation. In the present paper, new materials representing the chariot complex in the burial rite of the population of the Bronze Age (first half of the 2nd millennium BC) are published. The cemetery of Ozernoye-1 contained a sacrifice of horses in a pair, parts of horse harness (cheek-pieces) and traces of wheels on the bottom of the grave pit. In all cases we are dealing with a symbolical expression of the chariot conception. The site under study demonstrates one of the numerous versions of the representation of chariot symbolism in the burial rituals.

Ключевые слова: Зауралье, бронзовый век, колесничный комплекс, погребальная обрядность.

Keywords: Trans-Urals, Bronze-Age, chariot complex, funeral rituals.

Неиссякаемый интерес к проблематике колесного транспорта бронзового века, особенно к колесницам, сохраняется на протяжении длительного времени (Anthony, 2007; Новожинов, 2012. С. 185–306; Чечушков, 2013; Кузнецов, 2016. С. 36–39 и др.). Можно полагать, что он не угаснет и в ближайшие годы, поскольку тема является ключевой в решении широкого круга вопросов бронзового века Евразии: индо-европейская проблематика, коммуникации, социальные структуры, синхронизация локальных археологических культур и многое другое. Нередко авторы оперируют суммарными данными или умоглядными реконструкциями колесниц. Чаще других в литературе фигурирует

серия графических реконструкций из монографии «Синташта» (Генинг и др., 1992. Рис. 72, 90, 94, 108, 116), при этом место и способы проявления колесничной символики в погребальной обрядности подробно не анализируются. Однако здесь не может быть единообразия, поскольку речь идет о разных культурных традициях и разных археологических культурах. Следует признать, что обязательной предваряющей стадией такого рода исследований должна быть критическая оценка результатов раскопок и тщательная аргументация возможных сценариев обряда. Основную трудность составляют пробелы первичной полевой информации, ведь значительная часть комплексов исследована достаточно давно и имеет невосполнимые лакуны. Между тем, в интерпретации конкретных ситуаций важную роль играет не только сам факт находки, но и ее контекст, от которого зависит реконструкция целостной картины использования колесницы в ритуальной практике и повседневной жизни. В частности, было установлено, что в целом ряде погребальных комплексов не могла быть размещена реальная повозка (Епимахов, Чечушков, 2006. С. 191–193). Поэтому

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013), соглашение № 02.А03.21.0011, и Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

² Епимахов А. В. – Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76. Институт истории и археологии УрО РАН (Южно-Уральский филиал), Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

Новиков И. К. – Россия, 640000, Курган, ул. Томина, 40. Курганский государственный университет, Археологическая лаборатория.

необходимо рассматривать альтернативные способы проявления колесничного комплекса в ритуале погребения.

Во избежание разночтений оговорим, что колесницей мы считаем запряженную взнузданными лошадьми дышловою двухколесную повозку с открытым трехбортным кузовом. В ее конструкции, как правило, использовались колеса со спицами, обеспечивающие быстроту и маневренность наряду с другими техническими деталями. Колесничный комплекс вместе с повозкой указанного типа (чаще ее деталями) включает скелетированные останки упряжных лошадей, сохранившиеся детали конской сбруи и набор вооружения (Чечушков, 2011. С. 57). Полные комплекты встречаются достаточно редко, однако почти все компоненты, за исключением оружия, взаимообусловлены. При этом находки деталей упряжи – псалии, особенно ранняя серия щитковых, демонстрируют громадный ареал и широкий спектр археологических культур – от Балкан до Центрального Казахстана.

Детали колесницы или их следы открыты исключительно в некрополях синташтинской, петровской и алакульской культур в Зауралье и Казахстане. Вызывает вопросы только плохо документированный комплекс (погребение № 6, курган № 14) могильника Ветлянка IV в Предуралье, где упоминаются параллельные ямки на дне могилы – следы установки колес (Горбунов, 1992. С. 176). Не вдаваясь в детали аргументации, отметим, что реконструируемый диаметр «колеса» (0,4–0,5 м) статистически не соответствует остальным известным комплексам. Кроме того, глубина могильной ямы (0,5 м) явно не предполагала размещение реального транспортного средства. Упоминаются также оттиск округлого предмета на стенке погребения № 4 кургана № 6 VI Утевского могильника (Васильев и др., 1992. С. 52) и полоска древесного тлена на дне погребения № 1 Пичаевского кургана (Моисеев, Ефимов, 1995. С. 75, 79) в Волго-Донском регионе. Описанные ситуации отражают лишь локальные особенности ритуальной практики, не исключая возможность использования колесниц за пределами Южного Зауралья и Казахстана. Последнее надежно подтверждено трасологическими исследованиями псалиев, зачастую демонстрирующих следы интенсивной эксплуатации (Усачук, 2013; и др.).

В последние годы список колесничных комплексов пополнился в основном за счет материалов раскопок могильников у с. Степное на р. Уй (Киприянова et al., 2017), где исследованы шесть могильных ям с жертвоприношениями лошадей, колесными ямками и псалиями. Однако расширение источниковедческой базы остается насущной задачей. Памятники с колесничной атрибутикой крайне редко встречаются в лесостепной зоне, где они представлены исключительно в виде псалиев в составе коллекций алакульских могильников и поселений (Сальников, 1952. С. 58; Потемкина, 1985. С. 140; Матвеев и др., 2007. С. 110; Нелин, Усачук, 2004. С. 103–105). Основная задача настоящей работы – введение в научный оборот полноценного (насколько позволяет материал) источника и его предварительный анализ на фоне аналогичных памятников.

Результаты раскопок могильника Озерное-1. Впервые курганы у пос. Озерное упомянуты в сводке И. Я. Словцова 1890 г., затем они описываются И. С. Шукшинцевым в 1900 г. как семь курганов у пос. Озерное, у озер Поспелово и Горькое (15–64 м в окружности; высотой 1–1,4 м) (Виноградов, 1993. С. 156). Изучение памятника велось с перерывами в 2005–2011 гг. силами археологической экспедиции Курганского государственного университета. Руководителями исследований в эти годы были С. Н. Шилов (курганы № 2, 4, 5, 6 и 8) и И. К. Новиков (курган № 7) (Новиков, 2012).

Курганный могильник Озерное-1 расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Тобол, на высоте 3 м от летнего уреза воды. Могильник находится на северном берегу старичного озера Поспелово, в 4 км к северу от р. Тобол. Терраса плавно повышается к северо-западу. С севера от могильника расположены сосновые посадки, за которыми проходит асфальтовая дорога Сосновая Роща – Звериноголовское. Старица изгибается, образуя широкий мыс, в основании которого находится цепочка курганов, вытянутая по линии юго-запад – северо-восток. Цепочка параллельна берегу озера и руслу р. Тобол и занимает доминирующее положение над всей округой (рис. 1). В процессе работ выявлено восемь земляных курганов диаметрами 12–32 м и высотой 0,2–1 м.

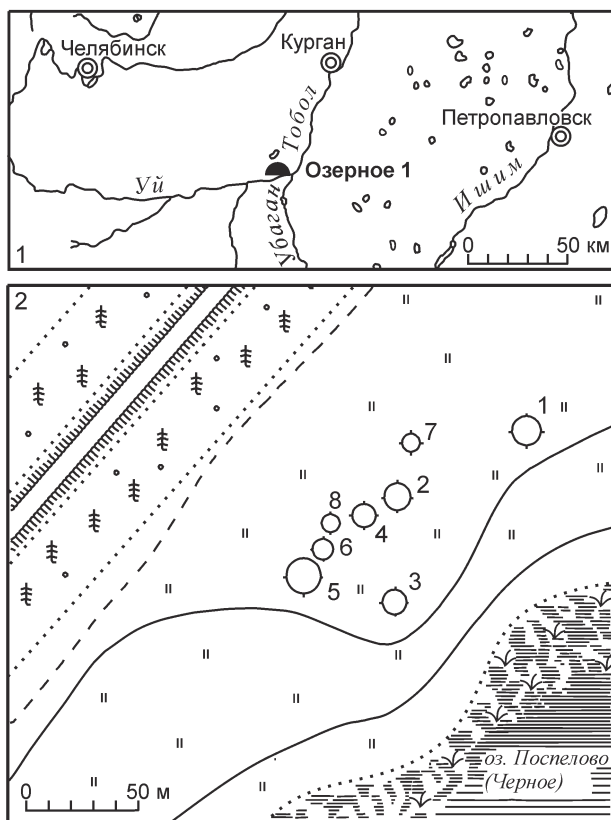

Рис 1. Могильник Озерное-1: 1 – карта; 2 – план памятника
 Fig 1. Cemetery of Ozernoye-1: 1 – map; 2 – plan of the site

Колесничная атрибутика обнаружена в четырех курганах – № 2, 5, 7 и 8 (рис. 2–4). К сожалению, все курганы в разной степени пострадали от действий грабителей, в том числе и современных. В результате колесничные свидетельства были выявлены в разных курганах: три стрелы в насыпи кургана № 2³, псалий – в насыпи кургана № 5, колесные ямки – в погребении № 8 кургана № 7, стрела и парное жертвоприношение лошадей сопровождало основное погребение кургана № 7.

Курган № 2 (диаметр 24 м, высота 0,6–0,7 м) располагался в центральной части курганной группы. В насыпи были обнаружены четыре жертвенника (кости животных), а также одиночные сосуды, локализованные в большинстве своем в северо-западном секторе. Здесь же обнаружены

³ Этот объект включен условно в связи с чрезвычайной редкостью находок предметов вооружения в лесостепных памятниках рассматриваемого периода. Тем не менее, на фоне остальных комплексов в курганах со свидетельствами колесничества факт обнаружения наконечников стрел может быть неслучайным, особенно в сочетании с жертвоприношением коня.

два захоронения, интерпретированные как детские, исходя из размеров ям. Керамика, зафиксированная в периферийных погребениях и скоплениях сосудов, была интерпретирована как петровская. В северных секторах кургана исследовано захоронение № 3, ограбленное, в котором обнаружены фрагменты двух сосудов с синташтинскими чертами. Стенки могилы были укреплены деревянной рамой, сохранилась часть перекрытия.

Центральное погребение было ограблено в древности. В верхних слоях заполнения обнаружены останки скелета коня и многочисленные фрагменты керамики, на дне погребения в юго-западном углу найдены два сосуда синташтинского облика. В насыпи кургана было обнаружены *три каменных наконечника стрел* (табл. 1; рис. 4, 1–3) которые, видимо, также происходят из центрального погребения. Они относятся к одному типу каменных наконечников с усеченным основанием и сводчатой головкой. Основные аналогии происходят из синташтинских, петровских, реже алакульских комплексов (Генинг и др., 1992. С. 122, 124, 164, 217, 231, 272; Епимахов, 2005. С. 20, 24, 30, 37, 51, 59, 114; Виноградов, 2003. С. 241, 252; Потемкина, 1985. С. 190, 192; и др.).

Курган № 5 (диаметр 34 м, высота 0,9–1 м) замыкал цепочку с запада. Под насыпью зафиксировано семь жертвенников, четыре скопления сосудов и 11 погребений бронзового века, в том числе девять детских и два взрослых. Детские погребения в большинстве своем располагались к северо-западу от центра.

Колесничная атрибутика представлена находкой псалия из кости, обнаруженного при разборке насыпи. Изделие было разломлено на две почти равные части, найденные в разных частях кургана – северной и западной⁴. Поскольку артефакты переложены в результате ограбления центрального захоронения, контекст находок остался неясным.

Щитковый псалий – это костяное (?) изделие максимальными размерами 88 × 67 мм (рис. 4, 5, 6). Несмотря на плохую сохранность, имеются все необходимые для атрибуции детали. Основу изделия составляет сегментовидный, достаточно

⁴ Было бы заманчиво усмотреть в этом следы ритуальных действий, но строгой аргументацией на этот счет мы не располагаем.

Таблица 1. Могильник Озерное-1. Параметры наконечников стрел
Table 1. Cemetery of Ozernoye-1. Parameters of arrowheads

Место находки	Длина, мм	Ширина, мм	Толщина, мм	Материал	№ рисунка
Курган № 2, насыпь	56	18	6	Силицит	Рис. 4, 1
Курган № 2, насыпь	36	14	4	Силицит	Рис. 4, 2
Курган № 2, насыпь	22 (фрагмент)	20	2	Халцедон	Рис. 4, 3
Курган № 8, насыпь	27	15	4	Силицит	Рис. 4, 4

грацильный щиток, максимальная толщина которого в районе трензельного (центрального) отверстия достигает 7 мм. Трензельное отверстие овальное (11 × 8 мм), с внешней стороны намечен очень пологий валик. Трапециевидная (возможно, подтреугольная) планка выделена в рельефе и снабжена единственным дополнительным отверстием диаметром не более 5 мм, расположенным вплотную на краю щитка вертикально к плоскости изделия. Дополнительными элементами планки являются два боковых зацепа, направленные кверху: один примыкает к щитку, второй смещен вверх. На обратной стороне в разной степени сохранились четыре небольших (не более 7 мм) шипа с округлыми окончаниями. Судя по состоянию, псалий активно эксплуатировался. Наиболее важными типологическими признаками являются материал, абрис планки, число и форма шипов и др. (Чечушков, 2013. С. 8–9). Их анализ позволяет отнести псалий к виду 3, статистически тяготеющему к петровско-алакульской серии.

Керамический комплекс включает не менее 40 горшков и банок, основные типы которых относятся к петровской культуре. Следует оговорить, что все они найдены в периферийных погребениях. Значительная часть фрагментов, выявленных при разборке надмогильного сооружения, по всей вероятности, происходили из центральной ямы. Облик этой посуды отличается от остальной керамики архаичностью и имеет синташтинские черты.

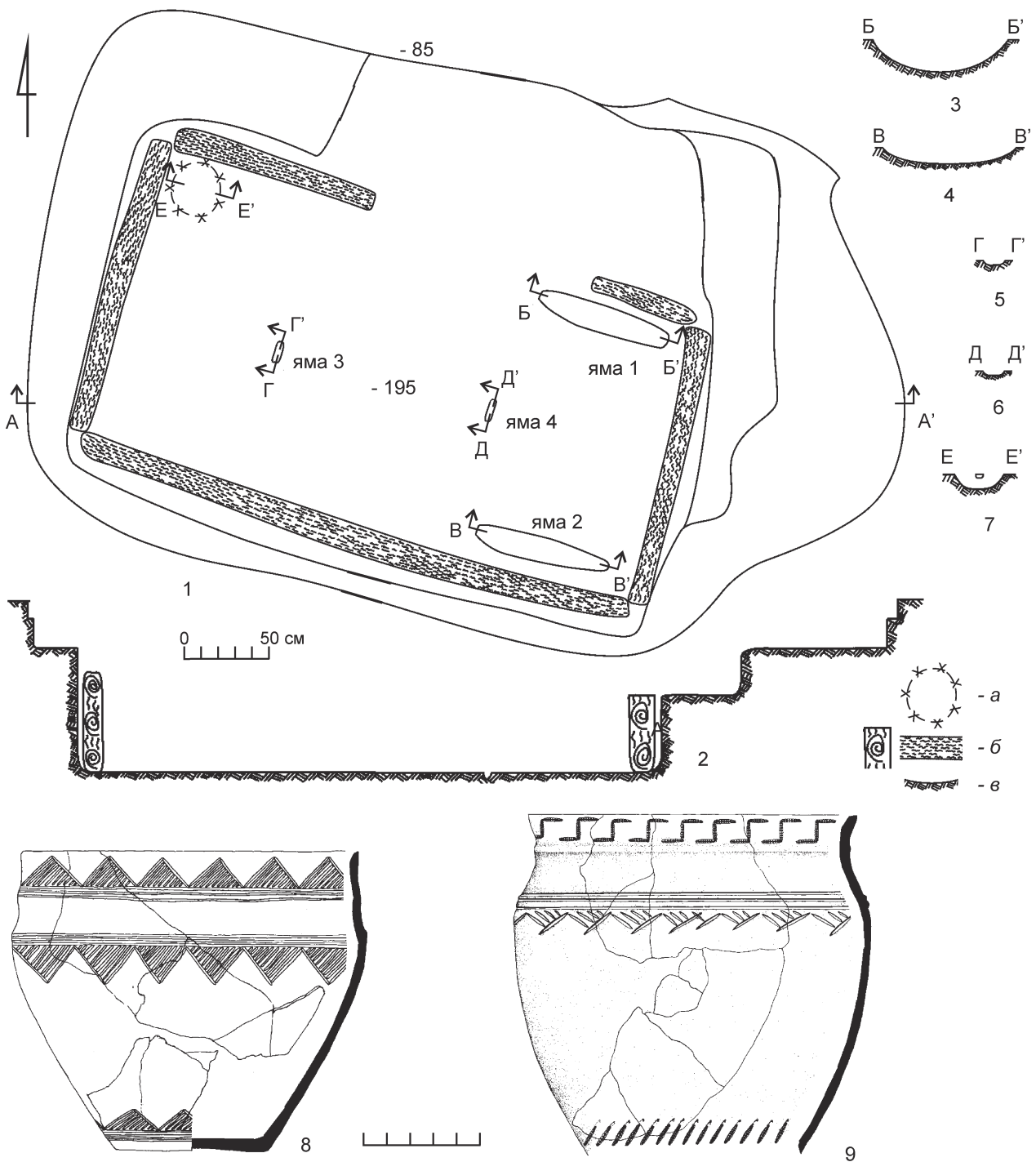
Курган № 7 (диаметр 16 м, высота 0,25 м). На подкурганной площадке были обнаружены четыре жертвенника (в основном челюсти, кости конечностей и зубы домашних животных), восемь погребений и участки прокала. Кроме того, в юго-

восточном секторе зафиксирована часть неглубокого рва. В центре находилась большая могильная яма (погребение № 8), остальные захоронения (судя по размеру ям, детские) были совершены на периферии в восточной половине площадки, в том числе, во рву.

Погребение № 8 фиксировалось на глубине 0,8 м в виде подпрямоугольного пятна, деформированного в восточной и северо-восточной частях (рис. 2, 1–7). На глубине от 0,9 м обнажились деревянная рама и частично сохранившееся на ней перекрытие. Прямоугольная рама камеры была ориентирована длинной осью по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Внутренний периметр камеры составил 3,1 × 1,6 м. В середине северной стенки рама имела разрыв в 1,3 м. Накатник сохранился в основном в западной части погребения. Рама плотно прилегала к стенам погребения и состояла из плах шириной до 30 см, соединенных встык. Концы бревен обожжены. Высота реконструируемой погребальной камеры составляла около 1 м.

По внутреннему периметру рамы, вдоль и по углам, зафиксированы столбовые ямки диаметром до 7 см. Возможно, это следы разметки либо первоначальной фиксации рамы. Следов древесного тлена в столбовых ямках обнаружено не было.

На дне ямы, в желтом материковом песке, выявлены многочисленные объекты. Зафиксированный в северо-западном углу прокол имел мощность 5 см, диаметр 30 см и линзовидное сечение. В его центре была обнаружена столбовая ямка диаметром 5 см и глубиной 5 см. Яма № 1 овальной формы (80 × до 20 см, глубиной до 20 см) с вогнутым дном выявлена вдоль северной стенки в северо-восточ-

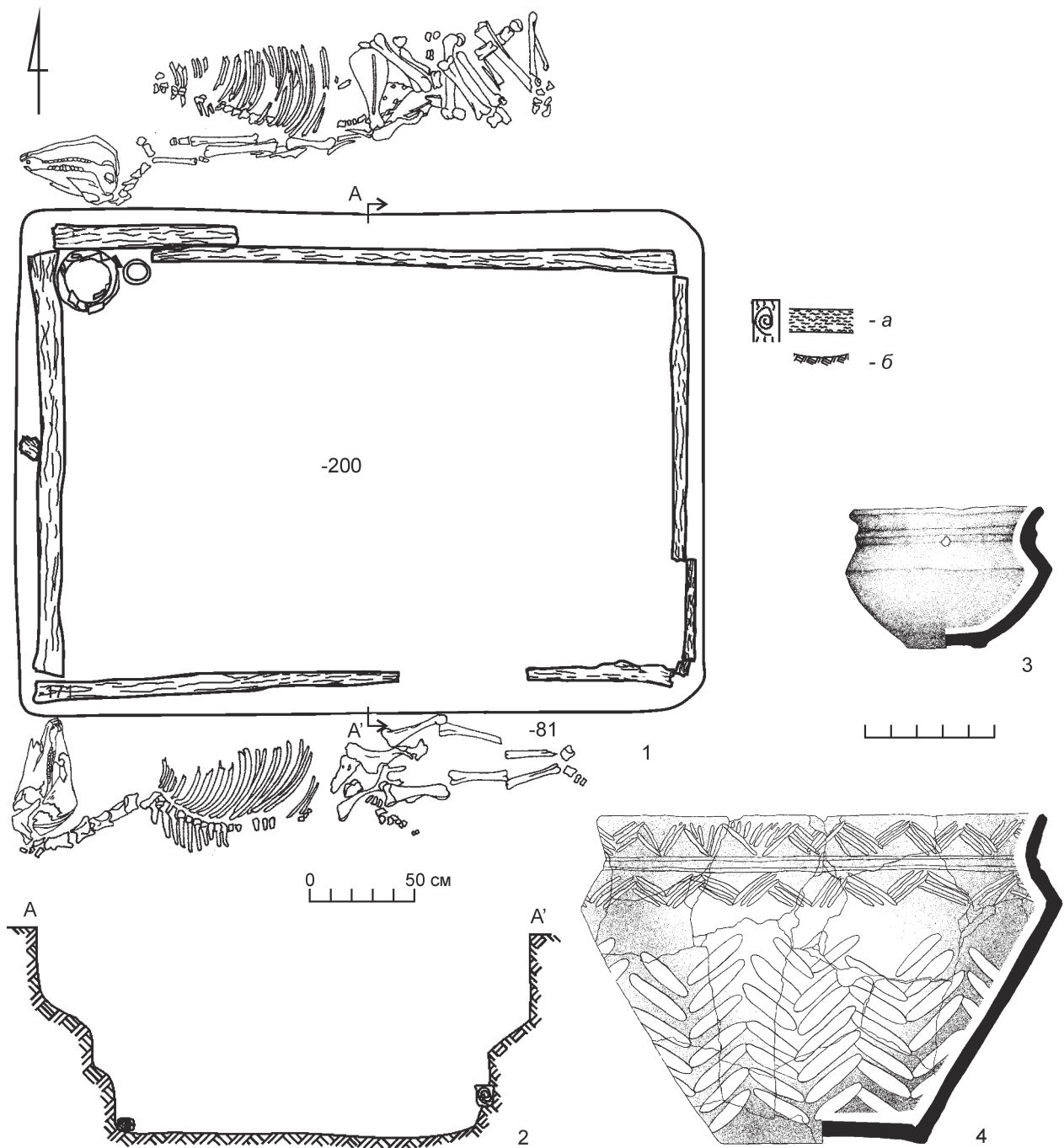

Рис. 2. Могильник Озерное-1. Курган № 7, погребение № 8: 1 – план (а – границы прокала; б – остатки деревянных конструкций; в – материк); 2 – профиль; 3–7 – разрезы колесных ямок; 8, 9 – керамические сосуды

Fig. 2. Cemetery of Ozernoye-1. Barrow no. 7, burial no. 8: 1 – plan (a – limits of the calcined area; б – remains of wooden structures; в – virgin soil); 2 – profile; 3–7 – sections of traces of wheels; 8, 9 – ceramic pottery

ном углу погребения, на расстоянии 15 см от рамы. Яма № 2 находилась параллельно на расстоянии 1,15 м к юго-юго-востоку от ямы № 1, вплотную к раме. Она овальной формы (75 × 30 см, глубиной

15 см) с вогнутым дном. Обе ямы заполнены темно-серой гумусированной супесью с вкраплениями материкового песка. Ямы № 3 и 4 небольшие, овальной формы, имели одинаковые размеры –

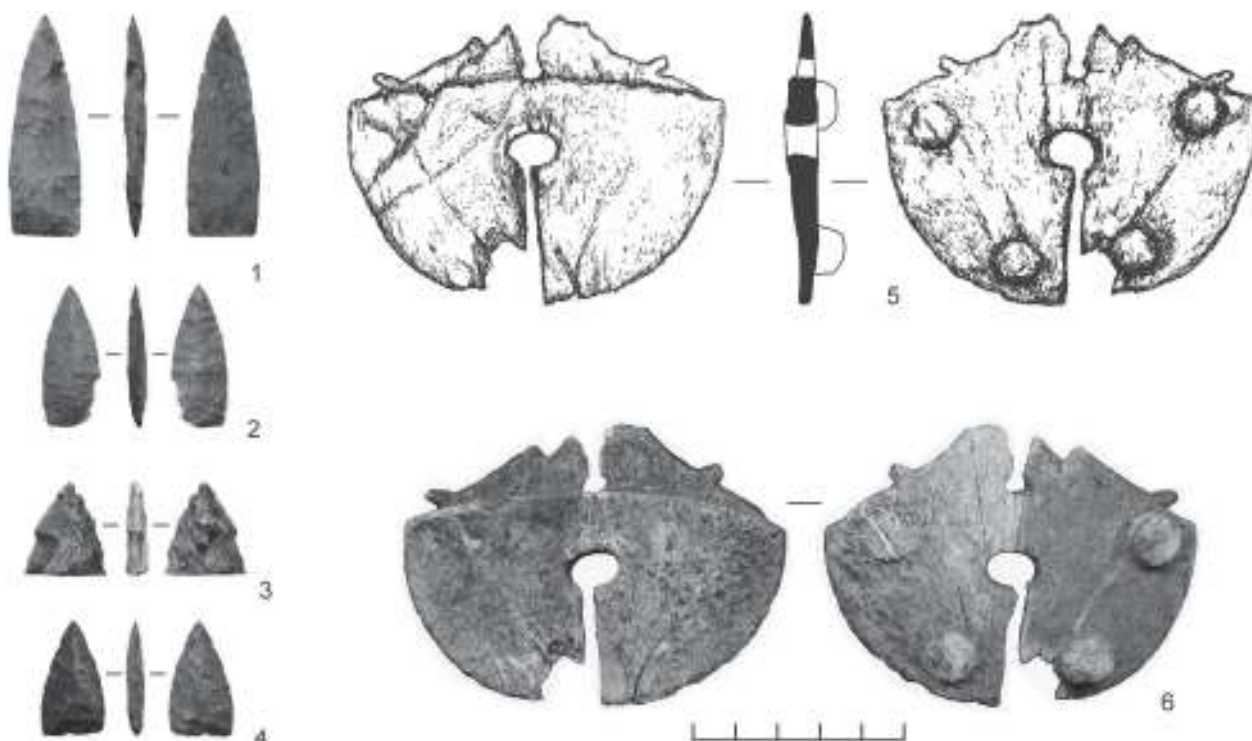
Рис. 3. Могильник Озерное-1. Курган № 8. Центральное погребение № 1 с жертвоприношениями коней: 1 – план (а – остатки деревянных конструкций; б – материк); 2 – профиль; 3–4 – керамические сосуды

Fig. 3. Cemetery of Ozernoye-1. Barrow no. 8. Central burial no. 1 with horse sacrifices: 1 – plan (a – remains of wooden structures; б – virgin soil); 2 – profile; 3–4 – ceramic pottery

10 × 5 см и глубину до 7 см. Они ориентированы поперек длинной оси погребения и находились в его центре вдоль продольной линии, в 80 см восточнее западной стенки погребения на расстоянии 1,2 м друг от друга. Тлен коричневатого цвета,

мощностью до 3 см, фиксировался на глубине 1,67 м по всей внутренней площади погребальной камеры, до середины ямок № 1 и 2.

Таким образом, в восточной части погребения № 8 обнаружены два параллельных углубления

Рис. 4. Могильник Озерное-1. Погребальный инвентарь: 1–3 – курган № 2; 4 – курган № 8; 5 – курган № 5
1–4 – каменные наконечники стрел; 5, 6 – костяной псалий, прорисовка и фото

Fig. 4. Cemetery of Ozernoye-1. Grave goods: 1–3 – Barrow no. 2; 4 – Barrow no. 8; 5 – Barrow no. 5
1–4 – stone arrowheads; 5, 6 – bone cheek-piece, rubbing and photo

(№ 1 и 2), одинаковых по всем параметрам. Расстояние между их центральными осями составило 1,2 м. По центру и в западной части погребения также выявлены еще две столбовые ямки, которые часто интерпретируются как деталь интерьера для размещения предполагаемого дышла.

В совокупности описанные элементы формируют узнаваемый облик «колесничного» погребения. Этому не противоречат основные реконструируемые параметры: ширина колесной базы (1,2 м), диаметр колеса (0,95–1 м) и расстояние до противоположной стенки (около 2 м от крайних точек «колесных» ямок). Высота погребальной камеры (1,1 м) близка показателю, минимально необходимому для размещения повозки. Несмотря на эти соответствия, приходится признать, что установка колесницы в данном погребении была невозможна. Главным аргументом «против» является очень близкая локализация колесных ямок к деревянным стенкам камеры, не оставляющая места для ступицы колеса (Чечушков, 2011. С. 60). Более того, это обстоятельство серьезно затруд-

няет, если не исключает, даже временное размещение колес отдельно от кузова. Можно считать, что в данном случае сценарий обряда предусматривал имитацию колесницы в погребении. Подтверждает это заключение и локализация деревянного тлена на дне, часть которого плавно опускалась в заполнение колесных ямок, то есть деревянные детали повозки отсутствовали в момент постепенного заполнения погребальной камеры грунтом. С другой стороны, соответствие основных размеров реальным образцам заставляет думать, что проводившие обряд люди были хорошо знакомы с «прототипом» образа и даже могли наблюдать его воочию в ходе церемонии.

Инвентарь представлен фрагментами керамики, обнаруженными в западной части погребения, по которым реконструированы два сосуда горшечной формы (рис. 2, 8, 9). Их основные характеристики позволяют атрибутировать погребение как петровское, хотя керамический комплекс ряда периферийных захоронений соответствует алакульским традициям.

Курган № 8 (диаметр 12 м, высота 0,2 м) сохранил единственное захоронение, смещенное от центра к юго-западу. При разборке надмогильного сооружения обнаружены многочисленные участки прокала, разрозненные кости, фрагменты керамики и каменный наконечник стрелы (табл. 1; рис. 4, 4), вероятно, связанные с вторжением в центральное захоронение.

Могильная яма фиксировалась на материковой поверхности в виде овального пятна 3,3 × 2,5 м на глубине от уровня погребенной почвы 0,5 м. Придонная часть могильной ямы была оформлена деревянной рамой по всему периметру. Судя по сохранившимся деталям, высота погребальной камеры составляла не менее 1,2 м (от материковой поверхности). Следы перекрытия не обнаружены, возможно, из-за практически полного ограбления могилы в древности. *In situ* сохранились только два керамических сосуда в северо-западном углу (рис. 3, 3, 4). В данном случае вторжение в погребение было произведено сверху, через перекрытие, что уберегло края могилы от разрушения. Более распространенной практикой для местных курганов бронзового века является проникновение в погребальную камеру со стороны северной стенки (см., например, курган № 7 выше).

Скелеты лошадей (рис. 3, 1) были аккуратно уложены вдоль северной и южной стенок погребения практически на уровне погребенной почвы. Они сохранились в первоначальном положении благодаря упомянутому «нестандартному» способу вторжения в могилу. Скелет лошади, лежащий на северном борту погребения, сохранился лучше. Скелеты неполные и представляют собой половину туши (?).

Из погребального инвентаря сохранились два горшка, различные по размерам, степени орнаментированности и, отчасти, морфологии. Острорезберность форм, наряду с широким использованием гладкого штампа, характерны для керамических традиций петровской культуры, однако некоторые детали могут быть интерпретированы как синташтинские. К таковым можно отнести традицию изготовления миниатюрных острорезберных сосудов с внутренним ребром на шейке, правда, в синташтинской традиции они обычно орнаментированы.

Парные жертвоприношения лошадей многими специалистами рассматриваются как имитация запряжки колесницы, что зачастую подтверждают другие находки из погребального контекста. Основная часть таких жертвоприношений обнаружена в синташтинских и петровских комплексах. При этом в синташтинской обрядности, в отличие от петровской, чаще практиковалось символическое замещение таких жертвоприношений: голова + конечности животного.

Интерпретация колесничной атрибутики памятника. Описанные выше материалы важны для понимания проявлений в погребальной обрядности колесничного комплекса. До настоящего времени в лесостепной зоне такого рода свидетельства были не только единичны, но и разрознены. Использование населением эпохи бронзы колесничного комплекса отчетливо видно в материалах могильника Озерное-1. Это подтверждается комплексным характером находок, когда в курганах обнаружен полный колесничный набор: «колесница», «упряжь» и пара лошадей. Лишь комплекс вооружения документирован наконечниками стрел. Обращает на себя внимание, что практически все его составляющие представлены символически: псалий обнаружен в единственном экземпляре⁵, к тому же уже непригодный к эксплуатации, скелеты лошадей неполны. Невозможность установки не только колесницы, но, вероятно, даже колес обоснована выше. Тем не менее, основные параметры камеры были выдержаны, а реконструируемые колесная база и диаметр колес близки реальным образцам, зафиксированным археологически. Это, на наш взгляд, подтверждает непосредственное знакомство участников церемонии (строителей захоронения) с реальными транспортными средствами. Подтверждает это предположение и состояние псалия со следами эксплуатации. В совокупности перечисленные факты указывают на то, что мы имеем дело со *знаками* колесничного комплекса.

Тотальное ограбление центральных захоронений не дает возможность ассоциировать атрибутику с конкретными индивидами и инвентарными ком-

⁵ Парная запряжка предполагает две пары этих изделий. Впрочем, комплекты из четырех псалиев – редкая находка в памятниках колесничного круга.

плексами. В нашем распоряжении только посуда, близкая петровским и, отчасти, синташтинским керамическим традициям. Особенности организации погребального пространства с «противопоставлением» крупных центральных могил индивидуальным детским захоронениям на периферии также близки петровским и алакульским традициям⁶. Фактически, публикуемые материалы заполняют лакуну в ряду погребений с колесницами между Южным Зауральем и Северным Казахстаном. Стоит подчеркнуть, что реконструируемый по результатам раскопок сценарий использования колесницы в погребальном ритуале – символическое обозначение без попытки даже временного размещения повозки в пространстве могилы – является одним из многих существовавших ритуалов начиная со времени синташтинской культуры. Лаконичность проявлений колесничного комплекса в курганах петровской культуры лесостепного Зауралья ясно иллюстрирует эволюцию погребальной практики населения бронзового века, когда сокращаются артефакты – признаки повышенного социального статуса и трудозатраты на совершение ритуала.

В заключение следует остановиться на культурной атрибуции приведенных материалов. Строгое разграничение синташтинских и петровских захоронений по столь скудным материалам вряд ли реально, поскольку базируется почти исключительно на облике керамической коллекции. Однако некоторые особенности организации подкурганного пространства, часть находок (включая псалий) и некоторые сосуды свидетельствуют, скорее, в пользу отнесения их к петровской культуре. В этом случае синташтинские черты могут быть интерпретированы либо как пережиточные, либо как следы культурных контактов. Решению этого вопроса препятствуют слабость базы радиоуглеродных анализов петровской культуры. Впрочем, опираясь на синташтинские черты, имеющие надежную серию дат на территории Зауралья (*Erimakhov, Krause, 2013; Молодин и др., 2014*) и зафиксированные стратиграфические данные, могильник можно отнести к первым векам II тыс. до н. э. в системе калиброванной радиоуглеродной шкалы.

⁶ В обрядности синташтинской культуры высока доля коллективных захоронений.

- Васильев и др., 1992* – *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // АВ. СПб., 1992. № 1.
- Виноградов, 1993* – *Виноградов Н. Б.* Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993.
- Виноградов, 2003* – *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Генинг и др., 1992* – *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск, 1992.
- Горбунов, 1992* – *Горбунов В. С.* Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Епимахов, 2005* – *Епимахов А. В.* Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005.
- Епимахов, Чечушков, 2006* – *Епимахов А. В., Чечушков И. В.* Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск, 2006.
- Кузнецов, 2016* – *Кузнецов П. Ф.* Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. СПб., 2016.
- Матвеев и др., 2007* – *Матвеев А. В., Волков Е. Н., Костомарова Ю. В.* Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган, 2007.
- Моисеев, Ефимов, 1995* – *Моисеев Н. Б., Ефимов К. Ю.* Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.
- Молодин и др., 2014* – *Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография.
- Нелин, Усачук, 2004* – *Нелин Д. В., Усачук А. Н.* Трасологический анализ псалия с поселения Шибаво-1 // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004 (Археологический альманах; № 15).
- Новиков, 2012* – *Новиков И. К.* Предварительные итоги исследований могильника позднего бронзового века Озерное-1 в Убагано-Тобольском междуречье // Урал

- и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.). Курган, 2012.
- Новожинов, 2012 – Новожинов В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012.
- Потемкина, 1985 – Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Сальников, 1952 – Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М., 1952 (МИА; № 24).
- Усачук, 2013 – Усачук А. Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев, Донецк, 2013.
- Чечушков, 2011 – Чечушков И. В. Колесницы Евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. (Электронный журнал). 2011. № 2.
- Чечушков, 2013 – Чечушков И. В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
- Anthony, 2007 – Anthony D. W. The Horse, the Wheel and Language. How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007.
- Epimakhov, Krause, 2013 – Epimakhov A. V., Krause R. Relative and absolute Chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn, 2013.
- Kupriyanova et al., 2017 – Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // *Prähistorische Zeitschrift*. 2017. Vol. 92. Iss. 1.

Problem of interpretation of the chariot symbolism of the Bronze Age (materials of the burial ground of Ozernoye-1)

A. V. Epimakhov, I. K. Novikov

This paper considers representations of the chariot complex in the funerary rite of the Bronze Age population (first half of the 2nd millennium BC). In the authors' opinion, the archaeological traces of the chariot complex include parts (or traces) of chariots, details of harness (cheek-pieces), paired horse sacrifices. Some of these finds are associated with objects of weaponry. The materials from the cemetery of Ozernoye-1 here published contain all the categories listed above. The site under consideration is situated in the forest-steppe Trans-Ural region where only a few cheek-pieces have been found before (Fig. 1). Attributes of the chariot notions were discovered in a number of kurgans. The cheek-piece from kurgan no. 5 (Fig. 4, 5) shows traces of intensive use. Most of the parallels of that artefact come from sites of the Petrovo culture. The paired horse sacrifice was accompanied by a poorly disturbed central burial of

kurgan no. 8 (Fig. 3). Traces imitating installation of a chariot (wheel pits) were found in kurgan no. 7 (Fig. 2). The context of this find however excludes even a temporary (for the duration of the ritual) putting of a chariot in the grave. We are dealing here with one of the versions of employment of the chariot symbolism in the burial rite of the Bronze Age where the presence of a chariot was only imitated. Besides the finds enumerated, four stone arrowheads have been uncovered during the excavation of this cemetery (Fig. 4, 1–4). The cultural attribution of the burial ground is generally defined by the type of the pottery collection. Most of the pottery related with chariot burials belongs to the Petrovo culture and part of these finds possesses Sintashta traits. The fairly well known analogues suggest that the site under study is datable to the first centuries of the 2nd millennium BC within the system of the calibrated radiocarbon scale.

ОСТРОВ БИОРКО – СТОЯНКА НОРМАННОВ ИЛИ ТОРГОВОЕ МЕСТО?

О. Л. Губарев¹

Аннотация. Статья посвящена острову Bjorko (сейчас Большой Березовый), который мог быть согласно мнению ряда историков торговым местом или островной стоянкой норманнов.

Annotation. This article is devoted to the island of Bjorko (now Bolshoy Berezovy Island) which, in the opinion of some historians, could have been a trading place or an island camp of Norsemen.

Ключевые слова: Бирка, остров Bjorko, Березань, торговое место, островная стоянка, норманны.

Keywords: Birka, Bjorko Island, Berezan, trading place, island camp, Norsemen.

В Финском заливе у границ Новгородчины расположен остров, в древности носивший название Биорко. Первым на данный топоним у границ Новгородчины, совпадающий с названием шведского торгового центра Бирка на острове Меларен, обратил внимание С. Бюгге (*Bugge*, 1909. Р. 7). Он отметил, что именно от этого острова начинается путь вглубь страны по Волхову. С. Бюгге считал, что в связи с тем, что волховские пороги были непроходимы для крупных судов, в Ладоге происходила пересадка на плоскодонные суда. Гребцы этих плоскодонок, как было в средневековом обычае, составляли гильдию *forskarlar* («людей порогов»). Так их позже называли купцы Ганзейской лиги. Он отмечал скандинавские названия на пути от Ладоги к Новгороду, такие как *Gestevelt* (от *gestr* на Old Norse – «Гостиное поле» или «Гостевая пристань»), и *Dhrelleborch* («Холопий городок») (*Bugge*, 1909. Р. 7–8).

Очень интересную гипотезу высказал Х. Шюк. Об острове Bjorko, находящемся неподалеку от Выборга, в более позднее время было известно, что там путешественники из Новгорода находились под особым покровительством великого князя. Х. Шюк утверждал, что провозглашение подобного «мира торговли» и открытие ярмарки происходили в «палатке из березовых веток» (*björklövstält*), которая упоминается и в сочинении Римберта «Житие Ансгария» (*Schück*, 1910).

Э. Вадстейн (*Elis Wadstein*) считал, что имели место тесные связи Бирки с Фризией, на что ука-

зывает название бухты *Kugghamn*, образованное от названия фризского судна типа «ког». На это же указывал Г. С. Лебедев (*Лебедев*, 2005. С. 243). Кроме того, Э. Вадстейн отметил наличие целого ряда топонимов в Скандинавии, соответствующих имени шведского торгового центра Бирки на оз. Меларен (рис. 1, А). Рисунок заимствован из статьи С. Лебека (*Lebecq*, 1987. Р. 53). Этот ряд у Э. Вадстейна включал и остров Bjorko у Выборга. Он считал, что эти топонимы возникли не от названия березы *björk*, а от фризского термина *birk*, «область особой юрисдикции» (*Wadstein*, 1936. Р. 9–13), и связывал их со скандинавским торговым правом *biærke-ræi* «бьёркэарэттен» (*Сванидзе*, 1999). Г. С. Лебедев со ссылкой на Э. Вадстейна также подчеркивал роль Бирки как центра сети торговых пунктов с тем же названием (*Лебедев*, 2005. С. 256).

С. Бюгге дополнил этот ряд топонимов другими, встречающимися уже на юге России (*Bugge*, 1918). К числу этих топонимов относится остров Березань на Днепре. М. Маловист также отметил роль Бирки в торговле с Востоком и соответствующие топонимы в Финском заливе и на Днепре, со ссылкой на работы С. Бюгге и Х. Шюка, но добавил, что гипотеза об их связи с Биркой не была в достаточной степени обоснована (*Malowist*, 1937. С. 36). Е. А. Рыздзевская пыталась опровергнуть связь названия острова с топонимом *bjorko* и вывести название острова из тюркских языков, но на ее работе отрицательно сказалась необходимость придерживаться теории Н. Я. Марра и официального антинорманизма, господствовавшего в советской исторической науке (*Рыздзевская*, 1947). Интересно, что Е. А. Рыздзевская отмечает наличие

¹ Россия, 191167, Санкт-Петербург, пл. Александра Невского, 2. Бизнес-центр «Москва», офис 1210, ЗАО «Бизнес Порт». E-mail: LvovichG@rambler.ru.

Рис. 1. А – топонимы группы Björko в Скандинавии и на Северо-Западе Руси; Б – место находки корабля викингов у острова Lapuri

Fig. 1. A – toponyms of the Björko group in Scandinavia and North-Western Rus'; B – findspot of the Vikings' ship near the island of Lapuri

других подобных топонимов, в частности: «Березино на р. Когильник близ Аккермана и Verežina как название Стеблевского лимана в низовьях Днепра» (Рыдзевская, 1947. С. 81).

К. Ф. Тиандер рассматривает различные гипотезы происхождения названия шведского торгового центра *Björko*, в том числе гипотезу П.-А. Мунка,

что название происходит от места торгового, огороженного березовыми ветками. К. Ф. Тиандер отвергает эту гипотезу на том основании, что места собраний огораживались ветками орешника, имевшими мистическое значение, а не березовыми ветками. Он производит название *Björko* от слова «торговля» и считает что общепринятое значение

топонима – «торговый центр» (*Туандер*, 1910. С. 266). Однако в рассказе Ибн-Фалана дважды упоминается дерево *khadank* (береза), используемое скандинавами на ритуальных похоронах знатного скандинава-руса (*Montgomery*, 2000. С. 15, 21).

Остров Березань лежал на конечном отрезке пути «из варяг в греки», в то время как о. Биорко у Выборга находился ближе к начальному отрезку этого пути. Константин Багрянородный в своем описании пути русов в Византию указывает, что остров использовался русами как временная база, где они переоснащали свои моносилы. Остров Березань Константин называет о. Св. Эвферия, на котором русы останавливались на пути к Царьграду (*Константин Багрянородный*, 1989). Таким образом, топонимы *Bjorko* лежали на пути «из варяг в греки», как в Скандинавии, так и в Восточной Европе. Особое значение о. Березань на пути «из варяг в греки» отмечал В. Брим, также как наличие сходных топонимов в Ботническом и Финском заливах (*Брим*, 2002. С. 259). В договоре 944 г. особо оговаривается, что «и да не имьют власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлбѣрежи, ни у святого Ельферья...» (ПВЛ, 1950. С. 37).

Н. Т. Беляев особо подчеркнул роль острова с топонимом *Bjorko* у границ Новгородчины, в связях Ладоги с Фризией и шведской Биркой. По его мнению, эти связи нашли отражение и в языке с появлением таких слов как *бирка*, *бирюч*, *берковец* (*Беляев*, 1929). Зарубежные историки, занимающиеся вопросами фризской средневековой торговли, также обращают внимание на фризские колонии в основных торговых центрах, таких как Хедебю и Бирка, и то, что торговый путь фризов Дорестада – Хедебю – Бирка вел в Ладогу (*Lebecq*, 1987. Р. 53). Интересно, что из названных центров два принадлежали к владениям Рорика Фрисландского, а Бирка была естественной базой норманнов на пути в земли финнов и восточных славян.

Поиски археологов в районах других топонимов *Bjorko* сначала никаких следов рынков и торговли не обнаружили, что поставило гипотезу Э. Вадстейна под вопрос. Об этом писал А. Я. Гуревич (*Гуревич*, 1966. С. 46, 48). В 1982 г. финский историк и археолог У. Сало (*Unto Salo*) вернулся к вопросу о топонимах *Bjorko*, которые отмечали острова, географически удобные для торговли. По его мне-

нию, совпадавшему с мнением Э. Вадстейна, торговля в таких местах регулировалась шведским торговым правом «бьёрккарэттен» (*Law of Björko*). После разрушения Бирки в 975 г. некоторые из этих мест могли развиваться в протогородские поселения (*Salo*, 1982). Девять лет спустя первое такое торговое место на финском побережье было обнаружено. И хотя оно не было связано с топонимом *bjorko*, но находилось на острове в местечке *Kyrksundet* внутреннего финского архипелага *Kimitoön* – Кимиёнсаари (ранее называвшегося *Dragsfjärd*) (*Tuovinen*, 2011. S. 42). Поселение существовало с 800 г. по XI в. Найдены были восточные монеты и бронзовое литье. Поселение было наиболее важным торговым центром на территории Финляндии эпохи викингов (*Edgren*, 2000. Р. 106). Таким образом, гипотеза о цепи торговых мест на островах получила свое подтверждение.

О Березовых островах упоминает П. Е. Сорокин. Он указывает, что с раннего средневековья здесь проходили водные пути из северных стран в устье реки Невы, к Березовым островам и Выборгскому заливу. Со времени викингов (с VIII по XI вв. до позднего средневековья (XVII в.) путь вдоль северного побережья залива служил главным путем для плаваний норманнов, ганзейских торговцев и других жителей Северной Европы в Россию (*Сорокин, Степанов*, 2010).

Остров *Bjorko* (в настоящее время Большой Березовый) расположен у побережья Карелии в районе Выборга. Местная финская топонимика связана с викингами. *Bjorko* – топоним шведской Бирки, производимый от фризского *berec* – торговое право. *Tiurinsaari* – топоним, связанный с именем бога грозы и молнии Тора. Топоним довольно древний (800–850 гг.). *Koivusaari* – другой распространенный на картах топоним, фактически перевод на финский язык топонима *Bjorko* (*Tuuli*, 1999). Поблизости от острова у Выборга в местечке *Lapuri* (*Alopeus*, 1995) найдены остатки корабля викингов (рис. 1, Б).

Скандинавы обычно во время набегов, приходя в чужие земли, организовывали базы на островах, где были в недосягаемости и безопасности от местного населения, не имевшего боевых кораблей. «На первых порах базы викингов в Англии, как и везде, располагались на островах... Грабители

приходили, требовали дани или захватывали те ценности, которые могли найти, могли найти, и отступали в свои безопасные островные убежища» (Сойер, 2002. С. 75). По мере разведывания близлежащих территорий и обнаружения более удобного места база могла быть перенесена в более подходящее место, такое как Адельгейм (Старая Ладога).

К другим археологическим находкам на близлежащих территориях относится погребение на о. Эссаари в Выборгском заливе. Из района Выборга (Туппурансаари) происходит еще одна находка эпохи викингов – меч типа Q по Я. Петерсену. Современное название о. Туппурансаари – о. Вихревой (Сакса, 2010). Карелия лежала на Восточном пути, *Austrvegr*, по которому норманны шли в земли славян и финнов (Laakso, Aalto, 2009).

Остров Vjorko у Выборга пока, насколько нам известно, остается не исследованным археологами. К сожалению, наиболее археологически исследованной частью Карельского перешейка остается Приладожье. Остров Vjorko (Большой Березовый) находится в пограничной зоне, что может затруднить проведение раскопок. Мне хотелось бы привлечь внимание археологов к острову, само название которого, казалось бы, должно было вызывать интерес исследователей.

Беляев, 1929 – Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1929. Вып. III.

Брим, 2002 – Брим В. А. Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.

Гуревич, 1966 – Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

Константин Багрянородный, 1989 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Лебедев, 2005 – Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

ПВЛ, 1950 – Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.

Рыдзевская, 1947 – Рыдзевская Е. А. О названии острова Березань // СА. 1947. № 9.

Сакса, 2010 – Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

Сванидзе, 1999 – Сванидзе А. А. Из ранней истории швед-

ского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999.

Сойер, 2002 – Сойер П. Эпоха викингов / Пер. с англ. А. П. Санина. М., 2002.

Сорокин, Степанов, 2010 – Сорокин П. Е., Степанов А. В. Изучение затонувших судов по трассе Северо-европейского газопровода в российских водах Финского залива в 2006–2009 гг. // Изучение памятников морской археологии. 2009. Вып. 6.

Туандер, 1910 – Туандер К. Ф. Город Бирка // ЖМНП. Новая серия. СПб., 1910. Ч. XXVII.

Alopeus, 1995 – Alopeus H. Aspects of the Lapuri find // Shipshape. Essays for the Ole Crumlin-Pederssen: on the occasion on his 60th anniversary February 24th 1995 / Ed. O. Olsen, J. Skamby Madsen and F. Rieck. Roskilde, 1995.

Bugge, 1909 – Bugge A. Seafaring and Shipping during the Viking Age. Reprinted from the Saga-book of the Viking Club. London, 1909.

Bugge, 1918 – Bugge A. En Björkö i Sydrusland? // *Namn och Bygd*. 1918. N 6.

Edgren, 2000 – Edgren T. The Eastern Route: Finland in the Viking Age // W. W. Fitzhugh, E. I. Ward (eds.) Vikings. The North Atlantic Saga. Washington, 2000.

Laakso, Aalto, 2009 – Laakso V., Aalto S. Karelia, Finland and Austrvegr // *Å austrvega. Saga and East Scandinavia*. Preprint papers of The 14th International Saga Conference Uppsala, 9th–15th August 2009. Papers from the Department of Humanities and Social Sciences 14. 2009. Vol. 1.

Lebecq, 1987 – Lebecq S. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles // *Les mondes normands (VIIIe-XIIe s.) Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale (Caen, 2-4 octobre 1987)* Caen: Société d'Archéologie Médiévale, 1989.

Malowist, 1937 – Malowist M. The Baltic and the Black Sea in Medieval Trade // *Baltic and Scandinavian Countries*. 1937. Vol. 3.

Montgomery, 2000 – Montgomery J. Ibn Fadlan and the Rusiyyah // *Journal of Arabic and Islamic Studies*. 2000. № 3.

Schück, 1910 – Schück H. Birka. Uppsala, 1910.

Tuuli, 1999 – Tuuli R. Mistä Tuulet ovat lähtöisin (kylät, talot, suvut, nimet) // *Vuosikokousesitelmä Vasa Queenillä*. 25.04.1999.

Salo, 1982 – Salo U. Suomen kaupunkilaitoksen syntyjuuria ja varhaisvaiheita // *Historiallinen arkisto*. 1982. Bd. 78.

Tuovinen, 2011 – Tuovinen T. The Finnish Archipelago Coast from AD 500 to 1550 – a Zone of Interaction // *Maritime Landscape in Change. Archaeological, Historical, Palaeoecological and Geological Studies on Western*

Uusimaa. The Finnish Antiquarian Society. Helsinki, 2011 (ISKOS; Vol. 19).

Wadstein, 1936 – *Wadstein E.* On the relations between Scandinavians and Frisians in early times // *Saga-Book of the Viking Society*. 1928–1936. Vol. XI.

The island of Bjorko – a Norsemen’s camp or a trading place?

O. L. Gubarev

This paper is an attempt to attract the interest of archaeologists to the island Bolshoy Berezovy (which means the *Large Birch Island* in Russian) near the town of Vyborg. The old name of this island is a toponym coinciding with that of the early mediaeval centre of Birka in Lake Mälaren. Quite a number of similar toponyms are known in Scandinavia and, at least, two toponyms in the territory of Rus'. Some researchers suppose a connection of toponyms *björko* with trade and trading places under the Scandinavian trade law 'Bjarköarätten'. However, only recently, the first trading place was discovered in 1991 on the islet near the Finnish coast in the locality of Kyrksundet. Thus the hypothesis about a chain of trading places on islands has been confirmed.

Furthermore, the Vikings, when arriving to foreign lands, usually founded island bases where they were safe and wherefrom they could investigate the nearby territories and organize raids. The local Finnish tradition around the island of Bjorko (Bolshoy Berezovy) is related with Scandinavian mythology. In the locality of Lapuri nearby, remains of a Viking ship have been discovered.

Bolshoy Berezovy island is situated in the border zone that makes its investigations difficult. The present article intends to attract the attention of archaeologists to this island of which the name itself, as it seems, should have interested researchers.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

АКТУАЛЬНЫЙ ОБЗОР РАННЕСЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПОДУНАВЬЯ

Stratum Plus. 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение родины.
СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа.
2015. 380 с. ISSN 1608-9057.

Ключевые слова: ранние славяне, Дунай, пражская культура.

Keywords: early Slavs, Danube, Prague culture.

Международный журнал по археологии и культурной антропологии *Stratum plus* не нуждается в специальном представлении, он давно завоевал уважение археологического сообщества. За годы его существования определилась структура и тематика шести выпусков в год, посвященных конкретным историческим эпохам (№ 1–5), а также по нумизматике, эпиграфике и культурной антропологии в самом широком смысле (завершающий, 6-й номер). Недавно редакционная коллегия приняла дополнительное решение о необходимости сквозной темы для каждого года (так, темой 2017 г. станет «Производство, обмен, трансферт технологий по археологическим источникам»). Собранный Р. А. Рабиновичем и И. О. Гавритухиным цельный по своей теме и редакционному замыслу выпуск «Славяне на Дунае. Обретение родины», фактически коллективная монография, – шаг в том же направлении.

Древние славяне на Дунае – одна из центральных тем славяноведения. Для российской историографии XIX в., начавшейся с чтения «Повести временных лет», место Дуная в славянской и русской истории оказалось важнейшим сюжетом. Однако русская археологическая литература к славянским древностям на Дунае обращалась не часто. Из вызвавших резонанс работ можно упомянуть труды В. В. Седова (1995; 2000а; 2000б; 2002; 2009 и др.) и большую статью Д. А. Мачинского (1981). Рецензируемый выпуск «Стратума» начинается подробным изложением основных проблем и достижений современной раннеславянской археологии Подунавья в редакторском пре-

дисловии, написанном И. О. Гавритухиным («Дунайский “страт” славянской археологии»). Оно задает тон всему дальнейшему изложению, подробно характеризуя сегодняшнее состояние исследований в различных регионах, особенности конкретных групп древностей и их взаимного соотношения, перспективы дальнейших работ.

«Дунайский» выпуск «Стратума» посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося слависта Любора Нидерле, и это по-своему символично. Археолог, этнограф и антрополог, Л. Нидерле стоял у истоков научного изучения славянских древностей, его фундаментальный труд «*Slovanské starožitnosti*» поныне не утратил научного значения. Не случайно в последние годы в России вновь несколько раз переиздано его сокращенное авторское изложение («*Manuel de l'antiquité slave*» – «Руководство по славянским древностям»), вышедшее в русском переводе еще в 1956 г. Показательно, что теме продвижения раннесредневековых славян к Дунаю и расселения их в Подунавье и на Балканах в трудах Л. Нидерле уделено значительное место. Редакторы «Стратума» поместили два материала о чешском исследователе: библиографическую справку, написанную Д. Елинковой и И. О. Гавритухиным, и очерк В. Я. Петрухина «Любор Нидерле и начало славян», непосредственно подводящий читателя к общей теме тома. С момента выхода в свет русского перевода «Славянских древностей» с предисловием П. Н. Третьякова работ на русском языке, посвященных Л. Нидерле, написано совсем немного. В. Я. Петрухин закрывает эту лауну, поставив книгу

Л. Нидерле в ряд трудов по славянским древностям других авторов и наглядно показав значение предложенных тем подходов к ранней славянской истории на фоне нынешнего уровня знаний.

Научные статьи, формирующие основное содержание номера «Славяне на Дунае. Обретение родины», написаны ведущими специалистами по проблеме, к которым обратились редакторы. К участию были привлечены археологи из России, Франции, Чехии, Словакии, Румынии, Словении, Сербии и Болгарии. Замечательно, что предоставленные ими статьи писались не по единому шаблону, и это позволило каждому автору отметить специфику описываемого региона и подробнее остановиться на аспектах, представляющих ему наиболее важными. Итогом стал актуальный обзор одной из важнейших тем славянской археологии, организованный по географическому принципу.

Обзор Н. Профантовой «Славяне на территории Чехии и их контакты в VI–VII вв.» посвящен памятникам с керамикой пражского типа VI–VII вв. на территории Чехии и представляет русскоязычному читателю картину современного состояния исследований; ряд материалов и комплексов публикуется впервые. Особую значимость работе придает упор на хронологический аспект, в том числе на данные радиоуглеродного датирования как независимые абсолютные датировки вновь изученных комплексов с пражской керамикой, и свод датирующих металлических и стеклянных изделий из раннеславянских памятников на территории Чехии. Предметы, найденные на поселениях с пражской керамикой, рассматриваются автором так же и как показатель направления контактов этой культуры, важнейшими из которых оказываются юго-восточное и восточное.

Статья Д. Елинковой «К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности» тематически продолжает статью Н. Профантовой, подробно рассматривая памятники с керамикой пражского типа к востоку от Чехии, на территории Моравии. Как и предыдущий автор, Д. Елинкова, помимо актуального обзора раннеславянских древностей, подробно рассматривает направления и возможные формы контактов носителей пражской керамики с соседями. Помимо связей с восточными и юго-восточными территориями, установившимися еще

во время распространения памятников с керамикой пражского типа на севере Среднего Подунавья, Д. Елинкова подробно останавливается на рассмотрении возможных контактов пражского населения с культурами меровингского круга – проблеме, актуализировавшейся вследствие накопления археологического материала и получения новых радиоуглеродных дат.

Согласно краткому очерку Г. Фусека «Древнее славянское население на территории Словакии», памятники пражской культуры на территории современной Словакии исследованы еще недостаточно, и изучение славянского расселения на этой территории в значительной мере вынуждено пока опираться на свидетельства письменных источников. Имеющиеся археологические материалы позволяют выявить наиболее ранние славянские памятники с пражской культурой и проследить формирование новых поселенческих структур и, впоследствии, постепенную трансформацию местной славянской культуры.

Обстоятельнейший обзор И. Станчу «Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна», помимо подробного рассмотрения сложной картины взаимодействия многих культурных традиций на территории Румынии, затрагивает важные проблемы зависимости исторических реконструкций и теоретических моделей от текущей политической ситуации, а также различия в содержании одних и тех же терминов в построениях различных специалистов. Так, присутствие и развитие культур ранних славян на территории Румынии рассматривались частью исследователей только в контексте славянских контактов с местным дако-римским населением, наличие же «чисто славянской» археологической среды оспаривалось. Не полностью совпадает у разных исследователей и содержание, вкладываемое в определение «ранние славяне». Автор подробно анализирует имеющиеся материалы из различных регионов Румынии, демонстрируя как наличие выраженной региональной специфики, так и общие структурные черты, выразившиеся в первую очередь в явном преобладании лепной керамики и распространении трупосожжений.

Статья А. Плетерского «Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях» построена вокруг реконструкции процесса расселения славян в Восточных Альпах и северо-восточной Адриатике.

Автор рассматривает существующие концепции распространения славянства (автохтонистскую, миграционистскую, культур-ассимиляционную) и возможные механизмы ассимиляции славянами иного населения, опираясь не только на данные археологии, но и на языкознание, и на данные устной традиции. Чрезвычайно интересна, хотя и вряд ли абсолютно надежно доказуема предложенная А. Плелерским модель славянизации как «решения стать славянами», интеграции конкретных людей в славянские общины. Отталкиваясь от позднейших средневековых правовых памятников (в первую очередь далматского «Полицкого статута»), автор реконструирует включение прежних чужаков в сообщество-вервь путем участия в ритуализованном процессе измерения общинных земель с помощью верви-веревки. По мысли А. Плелерского, сам процесс измерения земель являлся одновременно ритуальным и правовым актом, а осуществлявшие его «веревочные братья» тем самым утверждали свою общность и равные права участников внутри сообщества. Однако нарисованная словенским исследователем идиллическая картина опирается пока только на отрывочные косвенные свидетельства, да и постулированное им стремление «обнищавшего населения бывшей Римской империи» влиться в сообщества новых соседей вряд ли было столь уж массовым. Распространение славянской речи и славянской культуры должно было быть гораздо более многообразным и, вероятно, противоречивым процессом. Вместе с тем, очень продуктивна мысль о том, что включение их во вновь формирующиеся сообщества, осваивающие новое пространство, безусловно, гораздо проще, чем в давно сложившиеся структуры.

Дж. Янкович («О славянизации Северной Иллирии и Далмации») проследил процессы распространения пальчатых фибул славянского круга и лепной керамики на территории Северной Иллирии и сопоставил эти данные со свидетельствами об обстоятельствах и времени проникновения славян на византийскую территорию. Интересно, что древнейшие находки, связанные со славянами, происходят из городов. К V–VI вв. относятся раннеславянские материалы в сельских районах Далмации. Отдельной важной темой является сильное влияние местной культуры на славянские древности

соответствующих территорий. Автор убедительно демонстрирует переплетение вновь распространяющейся славянской культуры с культурой местного населения, выразившееся в формировании единой керамической традиции, усвоении местной формы жилищ, продолжающемся использовании церквей и связанных с ними кладбищ.

Статья Д. Радичевича «К изучению раннеславянских памятников Сербского Подунавья (вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности)» представляет собой каталог немногочисленных объектов Сербского Подунавья, приписываемых славянам (все они обнаружены на поселенческих памятниках). Комментируя собранные материалы, он продемонстрировал сложность работы с их датировкой и неоднозначность многих интерпретаций. Так, в отсутствие датирующих вещевых находок трудно построить четкую хронологическую шкалу исключительно на керамических материалах, тем более не всегда полностью опубликованных. Учет не только ближайших аналогичных комплексов, но и общих тенденций развития керамики пражского типа, намеченных ныне сразу несколькими авторами (И. О. Гавритухин, И. Станчу, Г. Фусек, Н. Профантова и др.), влечет за собой необходимость пересмотра ранее высказанных мнений о хронологии конкретных раннеславянских памятников. Однако многие формы керамики можно связать с другими культурными областями (в частности, с древностями гепидов), не всегда можно надежно определить исходный регион и для конкретных славянских форм. Пальчатые фибулы, найденные в описываемом регионе, все относятся к случайным находкам, их связь непосредственно с раннеславянскими древностями в ряде случаев спорна. Как следствие, раннеславянская история Сербского Подунавья пока лишь намечена в общих чертах, с оглядкой на данные письменных источников и с учетом необходимости дальнейших целенаправленных археологических работ.

Сходным образом построена работа Н. Хрисимова «Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова»: подробный каталог памятников правобережья Нижнего Дуная предваряется кратким очерком истории изучения ранних славянских древностей болгарскими археологами. Как и в Румынии, на территории Болгарии наличие славян в VI–VII вв. не

отрицалось, однако пристальный интерес к раннеславянским древностям на территории Болгарии появился лишь в 1940-х гг., с появлением новых жестких идеологических требований. Тем не менее, за прошедшие десятилетия накоплен уже значительный материал, который и сведен автором в публикуемый каталог.

Еще два материала посвящены не отдельным территориям, а более общим сюжетам, связанным с ранними славянами. Обзор М. М. Казанского «Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв.» представляет собой первый такой каталог в археологической литературе на русском языке. В нем сведены воедино редкие в раннеславянских памятниках находки оружия в совокупности со сведениями об их контексте. Разработка этого скудного материала позволила определить локальные особенности наборов вооружения (так, на общем фоне обособленно выглядит группа верхнеднепровских памятников с колочинской керамикой), выделить два последовательных этапа развития боевого комплекса у славян в VI–VII вв., сделать предварительные выводы об организации военного дела, стратегии и тактике славянских контингентов. Заметка П. В. Шувалова «Разные славяне в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия», как и многие его работы, посвящена текстологии и представляет собой попытку определить возможные источники конкретных сведений о славянах и проследить их трансформацию в ходе создания сочинения. Выделяемые им слои текста заставляют предположить пристальное внимание древних авторов к славянам и обилие сведений, лишь частично отложившихся в дошедших до нас текстах.

Собранные под одной обложкой, перечисленные работы составили актуальнейшее обобщение материалов широкого круга памятников, связанных с наиболее ранними этапами славянской культуры в бассейне Дуная. Славянство предстает как единый, но не гомогенный культурный мир, объединенный прежде всего языком, а с точки зрения археологии – точнее всего определяющийся керамикой пражского типа, распространением кремационных погребений, определенными традициями домостроительства. Основным источником наших знаний о пражской культуре и главной базой для ее периодизации остается, конечно, керамика. Тем важнее отмеченные авторами выпуска соответ-

ствия отдельных фаз керамического комплекса, выделенных на материалах различных регионов, и, следовательно, возможность наметить направление *общего* развития. Показательно, что раннеславянские древности предстают в рецензируемом томе почти исключительно как древности пражского типа, лишь Н. Хрисимов в своем обзоре упоминает находки пеньковской керамики в ранневизантийских городах и крепостях к югу от Нижнего Дуная. Кажется, такой подход отражает не только характеристику славянских древностей на Дунае (где, конечно, преобладает керамика пражского типа), но отчасти и пристрастия одного из составителей, много и плодотворно занимающегося именно пражской культурой (см., например, *Гавритухин* 1997; 2005; 2009).

«Обретение родины» в заглавии тематического тома ставит процессы славянского расселения и в более широкий контекст европейских миграций. Еще Л. Нидерле писал о славянском движении к Дунаю как о части «постоянного переселения северных народов из Прикарпатья к Дунаю». Об особой роли «дунайского этапа» истории славян как времени консолидации и возникновения «исторического славянства» в процессе столкновений с Империей писал и Д. А. Мачинский (1981), но его работа, вызвавшая резонанс среди советских археологов, осталась мало известна исследователям других стран.

Одной из нерешенных проблем истории раннего славянства являются демографические оценки этого «многолюдного племени», в течение сравнительно недолгого времени расселившегося по огромной территории. Предложенные А. Плетерским модели «славянизации» – одно из возможных объяснений тому, хотя, конечно, не единственное.

Интересно читать работы центральноевропейских исследователей, посвященные проблемам славянской колонизации земель в бассейне Дуная, «со своей колокольни» – в сопоставлении с привычными нам реконструкциями славянского расселения на север, в лесной зоне Восточной Европы практически в то же время. Тот же исходно поток, но устремившийся на север и северо-восток, несет практически те же культурные явления, а присущие ему особенности связаны в первую очередь с дальнейшим развитием вновь пришедших сообществ в иной культурной среде

и в гораздо более суровых природных условиях. По-видимому, настало время новых обзоров древностей, с учетом всех накопленных за последнее время и входящих в научный оборот материалов. В российской археологии эту функцию частично выполняет серия «Раннеславянский мир» под общей редакцией А. М. Обломского, остро ощущается необходимость сводных работ по северной части лесной полосы. Надеюсь, редакторам «Стратума» удастся реализовать объявленный ими замысел и собрать материалы о славянах на пути к Дунаю и, может быть, подумать и о других важных темах раннеславянской археологии.

Обязательная и, может быть, важнейшая часть научной периодики – дискуссии, рецензии и обзоры научной жизни, по традиции размещаемые в конце журнальных выпусков. Рассматриваемый здесь номер завершается двумя статьями, посвященными уже не дунайской теме, а давней полемике о норманизме: «Ленинградский неонорманизм – в самом деле?» Л. С. Клейна и «“Неонорманизм” или неоантинорманизм» О. Л. Губарева. Оба публикуемых материала заявлены их авторами как отклик на вышедшую ранее в «Стратуме» статью С. В. Томсинского «Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги» (2014), но оба, в сущности, пишут не о ней. Статья С. В. Томсинского – написанный очевидцем яркий, умный, местами едкий и даже обидный «бытовой очерк» одного из многих явлений разнородной и нестройной позднесоветской ленинградской контркультуры. Потому и «ленинградский», потому и «-изм». Меж тем оба оппонента С. В. Томсинского предлагают искать в его очерке характерные признаки сложившегося научного направления, его предпосылки и причины, сходства и различия... Периодически оживляющаяся полемика «норманистов» и «антинорманистов», мне кажется, потихоньку становится стереотипным сюжетом внутринаучной публицистики, теряющим актуальность, но безусловно пригодным для оттачивания полемических навыков. Как написал об этой полемике сам С. В. Томсинский: «Это – уже не о том» (курсив С. В. Томсинского).

Завершая краткий обзор тематического номера, осталось только заметить, что «дунайский» выпуск «Стратума», я считаю, совершенно обязателен к прочтению – как, впрочем, и остальные выпуски.

Гавритухин, 1997 – Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян / Под ред. В. В. Седова.

Гавритухин, 2005 – Гавритухин И. О. Комплексы пражской культуры с датируемыми вещами // Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji (Kraków, 19–21 listopada 2001) / Pod redakcją P. Kaczanowskiego i M. Parczewskiego. Kraków, 2005.

Гавритухин, 2009 – Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света СПб., 2009 (Тр. ГЭ; Т. XLIX).

Мачинский, 1981 – Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора / Отв. ред. К. В. Чистов, Т. А. Бернштам. Л., 1981.

Седов, 1995 – Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седов, 2000а – Седов В. В. Летописный рассказ о происхождении славян с Дуная и археологические реалии // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2000.

Седов, 2000б – Седов В. В. Миграция дунайских славян в Восточную Европу // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы науч. семинара 1996–1999 гг. Псков, 2000.

Седов, 2002 – Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. (Studia Historica).

Седов, 2009 – Седов В. В. Вопрос о дунайском регионе в трудах лингвистов и археологов // Академик Олег Николаевич Трубачев: очерки, воспоминания, материалы / Отв. ред. Е. П. Челышев. М., 2009.

Томсинский, 2014 – Томсинский С. В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси.

Е. Р. Михайлова

*Россия, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет,*

*Лаборатория археологии,
исторической социологии
и культурного наследия
им. проф. Г. С. Лебедева*

ПИСЬМЕННЫЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО КОСТЮМА XI–XVII ВВ.

Жабрева А. Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков / Библиотека РАН; отв. ред. Н. А. Сидоренко. – СПб.: БАН, 2016.
ISBN: 978-5-336-00188-4 / 9785336001884 – 480 с., 154 ил.

Ключевые слова: история русского костюма, письменные и изобразительные источники.

Keywords: history of Russian costume, written and artistic sources.

В последние десятилетия растет интерес и специалистов, и в целом людей, интересующихся отечественной историей, к русскому костюму периода развитого и позднего средневековья. Из печати вышел целый ряд статей, в которых рассматриваются отдельные предметы и типы одеяний, проводится сравнение древнерусского и византийского, западноевропейского и восточного (ордынского) костюма. Изучаются вопросы влияния петровских реформ на формирование русского костюмного комплекса. Между тем, как справедливо отмечает автор рецензируемой работы – научный сотрудник Библиотеки Академии наук РАН канд. культурологии Анна Эрнестовна Жабрева, «...истории костюма, как самостоятельной научной дисциплины в нашей стране длительное время не существовало. Действуя в рамках традиционных дисциплин – истории, археологии, этнологии, культурологии – исследователи костюма и поныне пользуются их методами и терминологией». К этому перечню можно, пожалуй, добавить еще искусствоведение, так как сопоставление остатков костюмов с изобразительными произведениями – весьма распространенный прием «достаивания» наших представлений о костюме и «встраивания» их в контекст эпохи. При довольно большом количестве отдельных статей, посвященных одежде и обуви (из археологического блока можно вспомнить исследования М. Г. Рабиновича, М. А. Сабуровой, А. В. Курбатова, О. В. Орфинской, Н. В. Жилиной, К. А. Михайлова, Ю. В. Степановой), специальной подробной монографической работы по истории русского костюма пока не написано (*Жилина*, 2001; 2016. С. 223–250; *Зубкова, Орфинская*, 2010. С. 160–172; *Курбатов*, 2004. С. 102–115; 2012; *Михайлов*, 2005. С. 56–65; 2008. С. 332–340; 2010. С. 262–279; *Орфинская*,

2012а. С. 58–59; 2012б. С. 97–107; 2016. С. 251–268; *Орфинская, Михайлов*, 2013. С. 75–85; *Рабинович*, 1988. С. 125–212; *Сабурова*, 1976. С. 226–230; 1997. С. 93–109; *Степанова*, 2010. С. 84–92; 2013. С. 30–42).

Предельно честный со своими читателями автор рассматриваемой книги в Предисловии сразу оговаривается, что и данная монография «...также не является изложением истории русского костюма XI–XVII вв.». Основной задачей своего исследования А. Э. Жабрева видит выявление, систематизацию и анализ письменных материалов, дающих представление о характере костюма определенного периода времени. При этом несколько раз встречающееся в тексте работы выражение «*по крупицам*» очень точно характеризует скрупулезный подход автора. В книге описаны также отдельные изобразительные памятники, без которых невозможно составить зрительный ряд эволюции русских одежд. Были рассмотрены разнообразные художественные произведения – иконы, фрески, миниатюры, гравюры, портреты, приведены и примеры иллюстраций из изданий XVIII–XIX вв., показывающие, как изменялось представление о древнерусском костюме.

В первой главе монографии подробно рассматривается историография вопроса, анализируется литература XVIII – начала XXI в. (причем некоторые характеризующие издания XVIII – первой половины XIX в. малоизвестны даже специалистам), посвященная изучению костюма. Здесь содержатся также сведения об ученых, художниках и библиографах, участвовавших в открытии, изучении и популяризации средневековых документов. Краткие биографические сведения снабжены портретными изображениями исследователей.

В этой главе зачастую указываются фамилии малоизвестных художников и гравировщиков, причастных к иллюстрированию изданий XVIII – первой половины XIX в.

Отсчет отечественной историографии по истории русского костюма автор ведет с небольшой статьи «О старинном русском платье // Трудолюбивый муравей. 1771. № 13», характеризующей костюмы разных сословий XVII в. В XIX в. увидел свет уже целый ряд работ, посвященных истории, культуре и быту русского народа. Во многих из них представлены, в том числе, исследования и описания одеяний. К подобным исследованиям отнесены произведения И.-Г. Георги, А. Н. Оленина, А. В. Терещенко, А. В. Висковатова, В. А. Прохорова, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, Н. П. Кондакова, П. И. Савваитова, С. С. Стрекалова, М. П. Погодина, П. П. Гнедича, Д. А. Ровинского и др. (Георги, 2005; Оленин, 1832; Терещенко, 1997; Висковатов, 1841–1862; Прохоров, 1871–1876; Костомаров, 1860; Забелин, 1992; Кондаков, 1906; Савваитов, 1896; Стрекалов, 1877; Погодин, 1871; Гнедич, 1885. С. 258–264; Ровинский, 1886–1889).

Первым изданным в России трудом по всеобщей истории костюма стала книга Ф. Ф. Комиссаржевского «История костюма», содержащая около 300 таблиц и рисунков (свыше 1000 фигур) (Комиссаржевский, 1910; 1998; 2005). Первой иллюстрированной монографией по истории русского костюма является труд В. А. Прохорова (Прохоров, 1871–1876). Исследование памятников археологии, письменности и живописи этот автор дополнял собственными иллюстрациями, гравюрами и прописками. Русский костюм X–XIII вв. рассмотрен С. С. Стрекаловым (Стрекалов, 1877). Его сочинение предваряется введением Н. И. Костомарова. С. С. Стрекалов, так же как и его современники И. Е. Забелин и В. А. Прохоров, пытался решить задачу сопоставления изображений в художественных памятниках и описаний одежд в письменных источниках. Издание является, по сути, иллюстрированным толковым словарем «костюмных» терминов XI–XIII вв.

Необходимо отметить, что исследования по истории русского костюма, являясь составной частью изучения русской старины, наложили свой отпечаток на развитие театральной и изобразительной культуры, нашли отклик в произведениях

таких художников, как М. В. Нестеров, И. Я. Библибин, В. М. Васнецов.

После революции 1917 г. поступательная тенденция в изучении костюма прервалась. Однако интерес к этой теме не иссякал. В 1945 г. вышла в свет готовившаяся на протяжении многих лет книга «Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь» (Русский исторический костюм..., 1945). Материалы по истории русской одежды были представлены в целом ряде сборников: «История культуры Древней Руси: домонгольский период», «Очерки русской культуры XIII–XV вв.», «Очерки русской культуры XVI в.», «Очерки русской культуры XVII в.», вышедших под редакцией А. В. Арциховского. Академик А. В. Арциховский много сделал для изучения русского костюма, ряд его выводов основан на сопоставлении изображений предметов материальной культуры с археологическими находками (Арциховский, 1944; 1969). Дальнейшее развитие традиция изучения русского костюма получила в работах М. Г. Рабиновича, который на основе анализа обширного круга письменных и печатных источников рассматривал материалы для изготовления одежды и обуви, отдельные предметы нижней, верхней и уличной одежды, головные уборы, пояса и украшения. Под руководством М. Г. Рабиновича была подготовлена коллективная монография, посвященная истории древней одежды народов Восточной Европы (Древняя одежда..., 1986), долгое время являвшаяся основополагающим исследованием по данному вопросу. В конце XX – начале XXI в. вышел в свет целый ряд исследований по истории русского костюма таких авторов как М. В. Фехнер, Л. И. Якунина, Н. Л. Пушкарева, М. А. Сабурова, О. В. Орфинская, А. В. Курбатов, К. А. Михайлов, Ю. В. Степанова (Фехнер, 1982. С. 57–70; 1993. С. 3–21; Якунина, 1947. С. 38–48; Пушкарева, 1989; Сабурова, 1997. С. 93–109, 312–324; Орфинская, 2012а. С. 58–59; 2012б. С. 97–107; 2016. 251–268; Курбатов, 2012; Михайлов, 2005. С. 56–65; 2008. С. 332–340; 2010. С. 262–279; Степанова, 2010. С. 84–92; 2013. С. 30–42).

Кроме историографии в первой главе очерчен и круг письменных источников, на основе изучения которых выполнено исследование А. Э. Жабревой. Были использованы сведения, почерпнутые из берестяных грамот, летописей, агиографических со-

чинений, записок соотечественников и иностранцев. Но, пожалуй, наибольший клад информации – государственные официальные документы (указы, «Разрядные книги» и др.). Ценным источником для написания монографии послужили приводящиеся в них упоминания костюмов, отдельных деталей и аксессуаров, тканей, иногда даже цены и размеры. Тщательный просмотр «Разрядных книг» позволил автору выявить многие названия мужских одежд. Распоряжения относительно костюмов и тканей позволяют узнать о разнообразии существовавших одежд и материй, из которых они изготавливались. В XVII столетии появляется особый вид «Разрядных книг» – «Книги царских Выходов», которые велись на протяжении нескольких десятилетий и в которые ежедневно вносились записи о том, куда выходил царь и во что он был одет (Выходы..., 1844). Эти материалы, составляющие основу сведений о предметах царского гардероба, включают целый набор терминов, обозначающих разнообразные верхние мужские одежды. «Книги Выходов» дают представление о целых комплектах одежд: выходных, парадных, обеденных, ездовых, летних и зимних. Задействованы в монографии и описания важнейших событий из жизни главы государства (венчаний на царство и свадеб), а также частные акты – описи имущества, духовные грамоты (завещания), вкладные и дарственные записи, допросы, рядно-сговорные грамоты (брачные договоры), письма и расписки и многие др. В подобных документах XIII–XVII вв. содержатся названия одежд и их деталей, головных уборов, обуви, украшений, доспехов и оружия, тканей, расцветок, мехов, драгоценных камней, красителей. В них тщательно перечисляли ткани, меха, металлическое кружево; скрупулезно пересчитывали жемчужины, указывая их качество. Описи, завещания обычно точно датированные, позволяют наиболее полно восстановить весь комплекс одежд, мехов, тканей и украшений, присущий каждому слою населения в тот или иной отрезок времени. Весьма важны и описи приданого, известные еще с XII в., богатые сведениями о женском костюме. Они дают представление об эволюции женского гардероба, о сословных, имущественных, региональных различиях.

Во второй главе рассмотрены письменные и изобразительные источники по костюму домонгольской Руси (XI – первая четверть XIII века). Ввиду до-

статочно скудной источниковой базы перед автором здесь стояла наиболее сложная задача. Тем не менее, сделана достаточно успешная попытка составить целостное представление о костюме этого периода, для этого автор опирался на материалы письменных и изобразительных источников, дополнив их теми немногими данными, которые может предоставить археология, более позволяющая реконструировать ювелирный убор, чем костюм. Среди немногих сохранившихся одеяний рассмотрены находки из Гнездова, Пскова, Торопца и Изяславля. В исследовании А. Э. Жабревой подробно рассмотрена «костюмная лексика», представленная в летописных сводах, «Русской правде», литературных произведениях, берестяных грамотах. Разобран смысл основных понятий: «порты», «ризы», «вретище», «руб», «срачица», «власяница», «свита», «кожух», «вокола», «мятль», «киса», «скут», «коць» («кочь»), «корзно» («кързно», «корьзно»), «луда», «япончицы» и др. Изобразительный ряд, который (при всей своей каноничности) дает нам возможность соединить разрозненные предметы в костюмный комплекс, автор представляет на основе изучения произведений фресковой живописи, икон и миниатюр рукописных книг.

А. Э. Жабрева отмечает, что изобразительные источники позволяют говорить о большом сходстве древнерусского костюма с европейским костюмом, основанном на объединении византийских и варварских элементов. Рубахи туникообразного кроя, штаны, состоящие из двух половин, плащи прямоугольной или круглой формы являлись основными элементами костюма большинства народов, населявших Европу в эпоху средневековья. Климатические условия Древней Руси обусловили употребление меховых и кожаных предметов, теплых распашных одежд и головных уборов, закрывавшей ноги обуви, а также рукавиц. По мнению автора, в рассматриваемый период русский костюм представлял собой единство исконно славянских элементов и заимствованных византийских, приспособленных к суровым климатическим условиям и различным хозяйственным занятиям, и отличался хорошо разработанной системой социальных различий.

В третьей главе представлены письменные и изобразительные источники по костюму середины XIII–XV вв. И здесь, так же как и в случае с предыдущим хронологическим периодом, мы сталкива-

емя с важностью данных письменных и изобразительных источников. Пожалуй, это наиболее сложный и «темный» период, плохо обеспеченный вещественными памятниками. Между тем, материалы археологических раскопок позволяют фиксировать как развитие техники изготовления тканей и другого сырья для изготовления одежд, так и получение импортных изделий. Письменные источники отражают появление новых терминов, зачастую относящихся к верхней распашной одежде, например «бугай», «охабень», «опашень», «терлик», «чупрун», «русская шуба». Важными источниками для изучения костюма этого периода являются летописи, берестяные грамоты, литературные произведения и духовные грамоты русских князей, содержащие десятки различных «костюмных терминов» (при этом преобладают упоминания, связанные с мужской одеждой). Некоторые изделия лишь упоминаются, и облик ряда изделий мы представляем лишь приблизительно. В качестве такого загадочного предмета автор приводит не ясный по крою и назначению «сарафан», являвшийся в XV в. предметом мужского одеяния.

Важнейшими источниками для изучения костюма становятся «Духовные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв.», превосходящие по насыщенности исследуемыми терминами все другие источники. Духовные грамоты великих князей перечисляют не только дорогие вещи и украшения, но и государственные регалии. Автор отмечает увеличение количественного и качественного состава предметов, передававшихся по наследству князьями. Описания предметов подчас достаточно подробны: «пояс болшии с женчугом, с камнем, пояс золот с капторгами, пояс сердоличен золотом окован», «терлик камка голуба с пуговицами», «шуба червьчата», «подволока камка на золоте», «летник отласен, вошва камка зелена с золотом», «опашен рудожелт с пуговицами», «кортел горностаен, а вошва аксамит зелен; кортел белин, а вошва аксамит синь; <...> кортел куней, а вошва аксамит червьчат» (ДДГ, 1950. С. 7–16). В монографии разъясняется смысл многих терминов и понятий, например, «кортел» – это зимний летник, дополненный мехом и декорированный вошвами (вставками) из драгоценных тканей – аксамитов.

Что касается изобразительных произведений, то наиболее информативны иконы и книжные ми-

ниатюры. Например, подробное изучение икон с изображениями святых Бориса и Глеба позволяет автору проследить изменения в княжеских одеяниях на протяжении трех столетий: корзно сменяется приволокой, а затем опашнем или шубой; длинные сорочки и свиты чередуются с узкими кафтанами, снабженными большим количеством пуговиц. Подробно исследуются и костюмы зажиточных горожан, отображенные на знаменитой иконе «Молящиеся новгородцы» (1467 г.). По мнению автора, мужские фигуры облачены в суконные кафаны, а их верхние одежды, наброшенные на плечи, можно считать опашнями или епанчами. В миниатюрах этого времени часто встречаются накинутые на плечи верхние одежды с меховым воротником и длинными рукавами, которые можно назвать шубами.

В результате рассмотрения всей совокупности источников автор отмечает расширение номенклатуры «костюмных» терминов. Некоторые из встречающихся слов были характерны и для более раннего периода и бытуют вплоть до XIII в. Прослеживается и изменение некоторых слов, например усерязь превратилась в серьги. С другой стороны многие термины фиксируются лишь начиная с XV в., например шуба, терлик, опашень, кортель, платье, камка.

Исходя из рассмотренных памятников, автор приходит к выводу, что повседневными одеждами мужчин оставались порты и рубаха (или две рубахи), подпоясанные кушаком. Обувью были поршни или невысокие сапоги. Женщины носили подпоясанные рубахи длиной до щиколотки и убрους. Зимние одежды простолудинов на изобразительных памятниках не представлены.

Средние классы мужского населения в разных городах, вероятно, одевались по-разному: в две рубахи, верхняя из которых была короче нижней (обе – разных цветов) или в короткие рубахи и кафтаны. Верхними одеждами были плащи и епанчи, кожухи и шубы. К XV в. существовало уже несколько видов шуб – шуба, шуба русская, шуба татарская, шуба гола (нагольная).

В костюме горожанок входили две рубахи или два платья, головные уборы в виде обручей и убрους. Верхней одеждой более богатых женщин было накладное или распашное платье с расширенными рукавами. Облегающие фигуру платья в готическом стиле, а также головные уборы в виде тюрбанов,

оставлявшие шею открытой, возможно, были в употреблении на западных территориях.

Одеждами знати были нижние и верхние длинные рубахи из разноцветных материй, поверх надевали более короткие рубахи и распашные одежды типа кафтанов (свиты, кожухи) с длинными или короткими рукавами. Узкие порты заправлялись в облегающие ноги сапожки без каблуков. Поверх сорочки знатные женщины надевали несколько платьев, самое верхнее из которых (с XV в. называлось летником) было короче нижнего, его рукава были расширены книзу, нижнее – более длинное, с узкими и длинными рукавами, украшенными запястьями. Головные уборы по-прежнему состояли из повойника, убруса и широких накидок типа мафория.

В четвертой главе «Письменные и изобразительные источники по костюму XVI века, их публикации и переиздания» автор отмечает, что для этого периода известно значительно больше документов, в которых упоминаются одежды государя, знати, духовенства и простоародья. В монографии проанализированы материалы, представленные в «Разрядных книгах», княжеских духовных грамотах, описях имущества, «Домострое», «Повести о Петре и Февронье», «Песне об Иване и его сыне», записках иностранцев.

Документы того времени полны дотошных описаний, бытовых подробностей, наставлений и нравоучений. За ними читается реальная жизнь эпохи, в том числе и описания одежд весьма точны и достоверны. Автор отмечает расширение номенклатуры костюмных терминов в рассматриваемый период. Мужские одежды обозначались такими словами: армяк, епанча, ментеня, однорядка, охабень, платно, портки, ферязи, тегилай, чуга. Женские одежды: летник, телогрея, торлоп, шубка, опашень, фerezь, кортель, костич. Название общих для обоих полов вещей: платье, белье, рубашка, шуба, ожерелье, рукавицы, саженье. Обувь: башмаки, сапоги, чулки вязаные, чулки валяные. Головные уборы: шапка, колпак столбун, треух, науруз (муж.), каптур (жен.), волосник (жен.), убрус (жен.). Аксессуары: рукавицы, пояс, кушак, ремень. Некоторые термины появились в XVI в.: сафьян, колпак, кушак, япанча, олтабас, тафта, багрец, двоеличный, бумага (хлопчатобумажная ткань), портной мастер, пугвишник, рукавичник, колачник,

сапожник, белье, наперсток. К новым терминам относится и слово кафтан, кроме того упоминаются и его разновидности – турецкий, терлик.

Весьма важны в этот период и свидетельства иностранцев, характеризующие не только специфику русского костюма, но и его изменение во времени, модификацию. Эти описания важны как взгляд стороннего наблюдателя, подмечающего характерные особенности одеяний россиян и сравнивающего с привычным для себя европейским костюмом. Пожалуй, наиболее подробные описания мужских и женских одеяний (как знати, так и простоародья), а также разъяснения их специфики представлены в записках английского путешественника Дж. Флетчера (*Флетчер*, 2002). Причем дотошный иностранец объясняет смысл многих понятий, таким образом, для использующих этот источник исследователей становится понятна разница между охабнем и опашнем – первый, по крайней мере в XVI в., был мужской, а второй – женской одеждой с крупными пуговицами и вторым воротником, выполненным из меха. Благодаря Дж. Флетчеру можно восстановить порядок надевания мужских и женских одежд. Большое внимание уделяется иностранцами и царским регалиям, при этом, например, Ганс Кобенцель отмечает, что видел регалии многих европейских властителей, но они не могут сравниться с теми, что он наблюдал при дворе Ивана Грозного.

Весьма важными источниками для изучения костюма XVI в. являются и изобразительные произведения: иконы, парсуны, портреты, миниатюры, гравюры. А. Э. Жабрева весьма подробно рассматривает материалы сводных лицевых и толковых «Иконописных подлинников», в которых наряду с каноничными одеяниями библейских персонажей представлены достаточно достоверные изображения мирян (как исторических деятелей, так и обычных обывателей). В сводных «Подлинниках» XV–XVI вв. отмечается проявление новых формы одежд (например, накидывавшиеся на плечи шубы с отложными воротниками и длинными рукавами), которые стали каноническими и оставались таковыми впоследствии, несмотря на смену мод. Подлинники давали и подробные указания, касавшиеся, в том числе, одеяний персонажей «шапка на главе залом черный, шуба на нем бархат багорь в крузех, исподь лазорь».

Наиболее подробно в монографии проанализированы материалы «Лицевого летописного свода». Разбор особенностей изображенных в миниатюрах Свода предметов одеяний (рубахи, плащи, епанчи, кафтаны, платья, опашни, ферязи, летники, шубы, обувь, головные уборы, регалии) подкреплен авторскими прорисовками с миниатюр. По мнению автора, значение этого источника по русскому костюму пока еще недооценено, а ведь миниатюры позволяют составить достаточно определенное представление о комплексах одежд, существовавших в XVI в., о социальных и возрастных различиях в них. Изображения весьма детальны: видны пуговицы, декоративные петлицы, разрезы. В Своде хорошо представлен женский костюм (менее освещенный в других видах источников), возрастные и сословные различия в нем.

Еще одним из интереснейших источников являются западноевропейские гравюры, недаром уже с XIX в. они используются исследователями в таком качестве, а работа Д. А. Ровинского, посвященная анализу подобных произведений, так и называется «Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольств их времени» (*Ровинский*, 1882). А. Э. Жабрева, в свою очередь, рассматривает целый ряд иллюстрированных сочинений – изображения заседаний на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 гг., посольств Племянникова и Истома в Инсбрук и Галль (1518 г.), Колычева в Гродно (1567 г.) и Сугорского в Регенсбург (1567 г.), а также иллюстрации из книг С. Герберштейна. Некоторые изображения она как бы «оживляет» – приводя к ним подробное описание одеяний персонажей, например, московского князя Василия III, изображенного в «Записках» С. Герберштейна (*Герберштейн*, 1988). «Верхней одеждой служит длинная неширокая шуба (о чем говорит меховой воротник) с откидными рукавами. Шуба застегнута на несколько крупных пуговиц, украшенных небольшими декоративными петлицами. Редкие глубокие складки и отсутствие каких-либо орнаментов позволяет предположить, что перед нами простая шуба, на изготовление которой использовано плотное однотонное сукно или бархат. На ногах князя мягкие сапоги с загнутыми сверху на татарский манер носками, с декоративным швом на лодыжке, который особенно четко заметен в из-

дании 1556 г. Шапкой служит высокий колпак с меховой опушкой».

Подробно объясняет автор типы и характер одеяний, поднесенных самому Герберштейну в Москве, она отмечает, что на первой гравюре из издания 1560 г. посол изображен в русском платье, подаренном ему Великим князем Московским в 1517 г. «Вероятно, это охабень с большим шалевым воротником, без застежки. Нижняя одежда – кафтан с узкими рукавами, с застежкой встык – также изготовлен из узорчатой ткани, но его фасон кажется европейским. Вторая гравюра представляет барона в русской шубе, подаренной ему, как указывает дата, также в 1517 г. Это длинная шуба на богатом меху, крытая драгоценной тканью, застегнутая на целый ряд круглых пуговиц. На четвертой по счету гравюре (третье русское платье) посол представлен в еще более дорогой одежде – в собольей шубе, подаренной ему Великим князем Василием III уже в 1526 г. на прощальной аудиенции». При этом А. Э. Жабрева обратила внимание на отличие как изображений, так и описаний этих шуб от характерных русских одеяний (как по ширине рукавов, так и подола).

Что касается гравюры «Изображение русского посольства, представлявшегося под начальством Захара Ивановича Сугорского императору Максимилиану II на Регенсбургском Сейме в 1576 г.», А. Э. Жабрева также расшифровывает для своих читателей характер одеяний представленных на ней персонажей: «Их костюмы, состоящие из нескольких верхних и нижних одежд из дорогих обьярей, аксамитов, алтабасов или атласов, украшены накладными петлицами и крупными пуговицами. Верхние одежды главных послов, которые можно назвать охабнями, представляют собой застегивавшиеся встык на пуговицы неширокие распашные одежды из шелковых тканей, имевшие большой четырехугольный откидной воротник, который свешивался сзади почти до середины спины. Нижние кафтаны (на Сугорском, без сомнения, терлик) застегнуты встык и отделаны по вороту и по переду жемчугами» (*Жабрева*, 2016).

Рассмотрены в монографии и изображения из альбомов гравюр, показывающих представителей разных народов. В некоторых случаях подобные изображения выглядят не очень достоверно и достаточно экзотично, представляя смесь

черт восточно- и западноевропейских костюмов. Да и сами географические представления не отличались четкостью. Так, из подписей к гравюрам в книге итальянского художника Чезаре Вечеллио «*Degli habiti antichi et moderni di divers parti del Mondo. Venetia, 1590*» явствует, что Московия и Россия представлялись художнику разными странами, граничащими друг с другом, а также с Ливонией и Литвой, и часто враждовавшими и «сражавшимися на льду». Несмотря на подобные казусы, данный вид источников также весьма интересен и ценен.

Достаточно интересной представляется мысль автора о сравнении «каноничной» русской миниатюры и «реалистичной» западноевропейской гравюры. При этом накинутые на плечи большинства «миниатюрных» персонажей шубы, опашни, охабни и епанчи похожи на надетые в рукава и тщательно застегнутые одежды «гравированных» москвитов. Многообразия головных уборов, которое представлено на европейских гравюрах, не встречается в миниатюрах.

В пятой главе «Письменные и изобразительные источники по костюму XVII века, их публикации и переиздания» автор отмечает, что костюм этого периода был уже достаточно изучен еще в XIX столетии. Это объясняется как обилием источников: указы, *Разрядные книги и записки, описания событий из жизни царской семьи, документы частного права, таможенные книги, иллюстративный материал, записки иностранцев*, так и интересом исследователей. Вместе с тем, некоторые предметы одеяния до сих пор остаются загадочными. Так, А. Э. Жабрева отмечает, что нет единого мнения относительно того, как выглядели ферязи, и сопоставить это название с каким-то конкретным изображением удастся лишь приблизительно.

Основа мужского гардероба XVII в. была заложена в предыдущий период, ее составляли рубахи, кафтаны и шубы, но к середине столетия их разнообразие увеличилось, а изменения кроя и отделки стали более очевидными. Во времена же Федора Алексеевича заметны явные нововведения: некоторое укорочение верхних уличных одежд, появление новых видов, близких по крою к польским и венгерским образцам. В 1680 г. царским указом были запрещены длиннополые однорядки и охабни и введено форменное платье – ферезея. На основе

изучения различных типов источников автор приходит к заключению, что однорядки – это длинные кафтаны, а охабни – длинные верхние одежды с квадратными воротниками. В гардеробе отдельных вельмож и членов царской семьи в этот период появляются «немецкие» платья и шляпы, которые надеваются пока лишь в домашней обстановке.

Костюм по-прежнему оставался многослойным. Поверх сорочки надевали короткий узкий зипун, который у крестьян и простых горожан был верхней одеждой, а у знати – нижней и домашней. Зипун застегивался на прорезные петли – изобретение XVII в. Выходя на улицу, знатные и богатые люди поверх зипуна надевали разнообразные кафтаны, ферязи, однорядки, охабни, опашни. Формируется форменная одежда служилых людей. Специфику русского мужского костюма определяли и головные уборы – мурмолки, горлатные шапки. Так же как и во многих странах Центральной Европы, была распространена, по всей видимости, восточная традиция декорировать мужские головные уборы разнообразными драгоценными украшениями, в том числе аграфами, «перьями шляпочными». О женском костюме этого времени сведений меньше. Известно, что в гардероб русской женщины XVII в. входили: сорочка белая и красная (то есть верхняя и нижняя), летник, телогрея, шубка накладная, опашень, торлоп, кортель, шуба, стоячий воротник (ожерелье) и отложной (оплечье), запястья, головные уборы, чулки, обувь, различные украшения. Автор подробно останавливается на специфике кроя некоторых женских одеяний, например летника и шубки. Рассмотрены и декоративные элементы в украшении женских одеяний.

Практически все письменные источники для этого периода хорошо датированы, но, пожалуй, наиболее значимы указы 1675 и 1680 гг., официально регламентирующие государственное отношение к костюму подданных. Указ 1675 г. – первый закон о костюме в истории России и касается в основном запрета перенимать европейский костюм и прически. Второй указ 1680 г. вводил обязательное парадное форменное платье и регламентировал его виды в зависимости от событий. В частности, автор обращает внимание на подобные указания о характере форменных одеяний

для должностных лиц в «Разрядных книгах». Еще один рассмотренный в монографии источник – «Книги выходов» – дает представление о костюме как комплексе, например, «зипун теплый – кафтан становой – шуба – шапка горлатная – башмаки сафьяновые – чулки красные шелковые» (Выходы..., 1844).

Государственные документы этого времени, например описи посольских даров, скрупулезно указывают материал и характер отделки вещей, иногда расшифровывают их назначение, во многих случаях подчеркивается богатство и ценность изделий, приведены их цены. Автор подчеркивает, что документы позволяют заметить и смену приоритетов в последней четверти столетия, например отсутствие привычных однорядок и опашней, широких отложных воротников (они сохраняются только у шуб), которые сменились невысокими стойками, часто опушавшимися мехом. Они показывают появление европейских предметов – чулок, париков, вееров, муфт.

Благодаря тому что в XVII в. увеличился поток иностранцев, посещавших Россию, также расширяется наше представление о характере русского костюма. Зачастую отмечается роскошь и высокая стоимость придворных одеяний. В записках иностранцев периода Смутного времени уделяется внимание перипетиям с ношением польского и русского платья в период пребывания у власти Лжедмитрия и Марины Мнишек. Многие издания, например записки А. Олеария, весьма подробны и снабжены иллюстрациями. Интересно, что многие иностранцы отмечали, что «одежда мужчин Русских почти похожа на Греческую» (*Олеарий*, 1906. С. 160), также зачастую упоминается, что русский костюм очень традиционен, и в ряде случаев люди по необходимости носят отцовскую и дедовскую одежду. В записках конца XVII в. появляются сведения о петровских преобразованиях в сфере одеяний и внешнего облика подданных. Кроме разнообразных свидетельств иностранцев, А. Э. Жабрева исследует материалы двух словарей русского языка. Так, благодаря разделу «одежда» «Словаря разговорного русского языка» Тони Фенне, составленного в 1607 г. в Пскове, становится понятной разница между рубашкой и сорочкой, выясняется, что «чулки» были фактически носками,

епанча представляется войлочным/фетровым пальто (*Fenne*, 1961). Содержит пояснения ко многим костюмным терминам и «Словарь-дневник» Ричарда Джеймса (Джемса), составленный в 1618–1619 гг. и опубликованный академиком Б. А. Лариным, например, подпұски – наружная отделка одежды; рясы – серьги с жемчугами, чёрез – поясной кошелек путешественников, кушак – персидский пояс, подпұлека – подкладка рубахи в плечах (*Ларин*, 1959).

Среди исследованных в этой главе иллюстративных материалов на первый план выходят произведения светского характера – картины (в том числе портреты), рисунки, гравюры. В графических и живописных произведениях этого времени одеяния переданы очень подробно, что позволяет А. Э. Жабревой сделать их скрупулезную «расшифровку» для читателей, а также сравнить с данными, приводимыми в письменных источниках.

В заключении автор суммирует основные выводы по характеру источниковой базы для каждого из рассмотренных периодов, а также делает ряд важных замечаний о соотношении русского, византийского и западноевропейского костюма, специфике силуэта русских одеяний, а также о назначении и происхождении целого ряда изделий.

Весьма важно, что издание снабжено большим количеством (150) иллюстраций, представляющих собой как воспроизведение в хорошем качестве изобразительных произведений, так и авторские прорисовки, позволяющие наглядно отразить многие детали одежд, а также тремя приложениями – словарем специализированных терминов и устаревших слов, указателем упомянутых имен и указателем упомянутых источников.

Таким образом, на основе применения комплексного метода исследования выстроена живая картина изменения одеяний населения Древней Руси, Российского государства. И хотя автор сразу оговорился, что данная работа не претендует на роль труда по истории русского костюма, но практически эта сверхзадача выполнена. Хочется пожелать Анне Эрнестовне дальнейших успехов в разработке этой темы, в том числе чтобы предоставилась возможность ввести в следующие публикации уже подготовленный уникальный богатый цветной иллюстративный материал.

- Арциховский*, 1944 – *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Арциховский*, 1969 – *Арциховский А. В.* Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв.: [в 2 ч.] / редкол.: А. В. Арциховский (гл. ред.) и др. М., 1969. Ч. 1.
- Висковатов*, 1841–1862 – *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времен до 1855 г. СПб., 1841–1862.
- Выходы..., 1844 – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, Всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год) / изд. П. Строев. М., 1844.
- Георги*, 2005 – *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / предисл. и примеч. В. А. Дмитриева. СПб., 2005 (Серия «Книжные памятники из фондов БАН»; вып. 4).
- Герберштейн*, 1988 – *Герберштейн С.* Записки о Московии: [пер. с лат. и нем.] / Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; примеч. С. В. Думина и др. М., 1988.
- Гнедич*, 1885 – *Гнедич П. П.* Русская одежда // Гнедич П. П. История искусств с древнейших времен. СПб., 1885.
- Древняя одежда..., 1986 – Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу. М., 1986.
- ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / АН СССР, ИИ; [подгот. к печ. Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин]. М.; Л., 1950.
- Жабрева*, 2008 – *Жабрева А. Э.* История костюма в России с древнейших времен до наших дней: библиогр. указ. кн. и ст. на рус. яз., 1710–2007. СПб., 2008.
- Жабрева*, 2012 – *Жабрева А. Э.* Женский костюм XVI века в миниатюрах Остермановского первого тома Лицевого Летописного свода из собрания Библиотеки РАН // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время: Материалы междунар. науч.-образоват. семинара (Тверь, 9–10 ноября 2012 г.). М.; СПб., 2012. Вып. 2.
- Жабрева*, 2014 – *Жабрева А. Э.* Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.: правда и вымысел // *Stratum plus*. Кишинев, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси.
- Жабрева*, 2014 – *Жабрева А. Э.* Русский мужской костюм в миниатюрах Остермановских томов Лицевого Летописного свода // *Вестник СПб. ун-та*. СПб., 2014 (Сер. 15: Искусствоведение). № 1.
- Жилина*, 2001 – *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха: Историко-культурное и технологическое исследование / Отв. ред. А. В. Чернецов. М., 2001.
- Жилина*, 2016 – *Жилина Н. В.* Русские и ордынцы: культурное восприятие и неприятие // *Stratum plus*. Кишинев, 2016. № 5: *Raх mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV вв.
- Забелин*, 1992 – *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царств в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.
- Зубкова, Орфинская*, 2010 – *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. // *АВ*. СПб., 2010. № 16.
- История культуры..., 1951 – История культуры Древней Руси / Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М., 1951. Т. 1: Домонгольский период.
- Кирсанова*, 1995 – *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: (опыт энциклопедии). М., 1995.
- Кондаков*, 1906 – *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
- Костомаров*, 1860 – *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.
- Курбатов*, 2004 – *Курбатов А. В.* Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004.
- Курбатов*, 2012 – *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.
- Ларин*, 1959 – *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) Л., 1955.
- Лукина*, 1978 – *Лукина Г. Н.* Названия одежды в древнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978.
- Мерцалова*, 1972 – *Мерцалова М. Н.* История костюма: очерки истории костюма. М., 1972.
- Михайлов*, 2005 – *Михайлов К. А.* Древнерусские кафтаны «восточного» типа (мода, происхождение, хронология) // *Вестник молодых ученых*. СПб., 2005 (Сер.: *Ист. науки*; № 1). № 1.
- Михайлов*, 2008 – *Михайлов К. А.* Запасной комплект погребального костюма в древнерусских погребальных камерах // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы III заседания (10–13 апреля 2007 г., Псков). Псков, 2008.
- Михайлов*, 2010 – *Михайлов К. А.* Византийское влияние на парадный костюм северо-европейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рожд. Е. Н. Носова. СПб., 2010.

- Олеарий*, 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А. М. Ловягина. СПб., 1906.
- Оленин*, 1832 – *Оленин А. Н.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и Русских до нашествия Татар: период первый: письма к г. академику в должности профессора Басину, или Опыт к составлению полного курса Истории, Археологии и Этнографии для питомцев Санкт-Петербургской императорской Академии художеств. СПб., 1832.
- Орфинская*, 2012а – *Орфинская О. В.* Крой женского платья Древней Руси IX–X веков // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тез. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 6–8 дек. 2012 г.). М., 2012.
- Орфинская*, 2012б – *Орфинская О. В.* Парчевое платье X в. из Гнездовского некрополя // АВ. СПб., 2012. № 18.
- Орфинская*, 2016 – *Орфинская О. В.* Размышления на тему о влиянии Золотой Орды на одежду Руси // *Stratum plus*. Кишинев, 2016. № 5: *Raх mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV вв.
- Орфинская, Михайлов*, 2013 – *Орфинская О. В., Михайлов К. А.* Древнерусское «платье» из Изяславля: новая атрибуция // РА. М., 2013. № 4.
- Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. Ч. 1: Материальная культура.
- Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. В 2 частях.
- Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1: Материальная культура. Государственный строй.
- Погодин*, 1871 – *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига: [в 3 т.]. М., 1871. Т. 1–3.
- Прохоров*, 1871–1876 – *Прохоров В. А.* Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые В. Прохоровым. СПб., 1871–1876 (Русские древности; Вып. 1–7).
- Пушкарева*, 1989 – *Пушкарева Н. Л.* «Сугуба одеянья сотворя...»: (одежда и украшения древнерус. женщин) // Н. Л. Пушкарева. Женщины Древней Руси. М., 1989.
- Рабинович*, 1988 – *Рабинович М. Г.* Городской костюм // М. Г. Рабинович. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Ровинский*, 1882 – *Ровинский Д. А.* Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного, и посольства их времени / собрал и привел в порядок Д. Ровинский. СПб., 1882.
- Ровинский*, 1886–1889 – *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886–1889. Т. 1–4.
- Русский исторический костюм..., 1945 – Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь / сост. Н. Гиляровская. М.; Л., 1945.
- Сабурова*, 1976 – *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976.
- Сабурова*, 1997 – *Сабурова М. А.* Древнерусский костюм // Древняя Русь: быт и культура / отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М., 1997.
- Савваитов*, 1896 – *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.
- Степанова*, 2010 – *Степанова Ю. В.* Древнерусский костюм по письменным и археологическим источникам X–XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4.
- Степанова*, 2013 – *Степанова Ю. В.* Виды русской одежды в сочинениях иностранных путешественников XVI–XVII веков // Вестник Твер. гос. ун-та. Тверь, 2013 (Сер.: История). № 1.
- Стрекалов*, 1877 – *Стрекалов С. С.* Русские исторические одежды от X до XIII века / Сост. и рис. С. Стрекаловым, с введ. Н. Костомарова. СПб., 1877.
- Терещенко*, 1997 – *Терещенко А. В.* Быт русского народа / Вступ. ст. А. Ф. Чистякова. М., 1997. Ч. 1.
- Фехнер*, 1982 – *Фехнер М. В.* Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. М., 1982. № 2.
- Фехнер*, 1993 – *Фехнер М. В.* Древнерусское золотое шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея. М., 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82).
- Флетчер*, 2002 – *Флетчер Д. О.* государстве Русском (Of the Russe Common Welth) / под ред. кн. Н. В. Голицына; пер. М. А. Оболенского. [По изд. 1911 г.]. М., 1982.
- Якунина*, 1947 – *Якунина Л. И.* Новгородская обувь XII–XIV вв. // КСИИМК. 1947. Вып. 17.
- Fenne*, 1961 – *Fenne T.* Tönnies Fenne's Low German manuel of spoken Russian, Pskow 1607 / ed. L. L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld [a.o.]; publ. by the R. Danish acad. of sciences and letters. Copenhagen, Vol. 1–4.

С. С. Рябцева,
Кишинев, Молдова,
Институт культурного
наследия АН Молдовы,
Центр Археологии,
сектор античной
и средневековой археологии

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ В СОБРАНИИ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Бушлякова В. А., Волков И. В. Тверские клады XVI – начала XVIII в.
Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании
Тверского государственного музея. М.; Тверь: Нумизматическая литература.
2010. 80 с., ил. обложка, табл., энциклопедический формат.
ISSN/ISBN: 978-5-902689-16-4.

Ключевые слова: средневековье, Тверская область, клады, монеты, типология, датировка, керамика.

Keywords: Middle Ages, Tver oblast, hoards, coins, coin typology, dating, pottery.

На сегодняшний день в области изучения нумизматики отсутствует полный свод русских средневековых кладов. Публикация кладов Смутного времени имеет тематический характер и охватывает относительно небольшой хронологический период (*Мельникова, 2003*). А. С. Мельниковой и О. С. Дядченко издан ряд кладов, поступивших в разные годы в ГИМ (*Мельникова, Дядченко, 1994; 2005*). Однако в масштабах общего количества кладов данных опубликованных работ, задавших определенный тон и исследовательский уровень, явно недостаточно.

Поэтому подготовленная В. А. Бушляковой и И. В. Волковым сводка кладов XVI – начала XVIII в., происходящих с территории современной Тверской области, хранящихся в фондах Тверского государственного объединенного музея (далее ТГОМ)¹, является важным событием.

В работе выделяются три раздела. Первый посвящен истории формирования нумизматической коллекции Тверского музея. Здесь приводятся архивные документы, содержащие данные о кладах, не сохранившихся до наших дней по причине катаклизмов XX в. Упоминаются сотрудники музея, проводившие большую работу по пополнению фондов и атрибуции монет (с. 6–10). Второй раздел представляет нумизматико-историческое исследование. Подробнее речь о нем пойдет ниже. Третий – демонстрирует исследование кладовой керамики, проведенное В. Ю. Ковалем. Работа включает полную характеристику сосудов с качественными

прорисовками и цветными фотографиями, и на сегодняшний день может считаться эталонной.

Материал тверских средневековых кладов ранее использовался М. П. Спасским, А. С. Мельниковой, П. Г. Гайдуковым, В. В. Зайцевым и др. для решения различных вопросов денежного обращения, но в совокупности до недавнего времени не рассматривался. В. А. Бушлякова и И. В. Волков представили в хронологической последовательности (от старшего к младшему) подробный анализ каждого комплекса с указанием: места и обстоятельства находки, атрибуции монет (с приведением фотографий наиболее редких и ранних), определением времени сокрытия кладов, библиографии и места хранения (музейные шифры). Отдельное внимание заслуживает приложение «Описание состава кладов» с подробной характеристикой каждой монеты (правитель, место чеканки, дата, номинал, особенности буквенных обозначений, вес и указание типа). В качестве типологической основы применена классическая классификация А. С. Мельниковой (*Мельникова, 1989*) и более современные – И. В. Гришина, В. Н. Клецинова (*Гришин, Клецинов, 2001; 2006; Клецинов, Гришин, 1998*)².

Помимо публикации «фактического» материала представлены наблюдения археолого-нумизматического характера с выводами о месте тверских кладов в средневековой русской истории. Благодаря анализу процентного содержания тверских монет

¹ По заявлению авторов в дальнейшем будет осуществлено полное научное издание всех кладов XVI – начала XVIII в., происходящих с территории современной Тверской области и хранящихся в собраниях ряда музеев России (с. 4).

² В 2015 г. И. В. Гришиным, В. Н. Клециновым, А. В. Храменковым был опубликован новый каталог русских средневековых монет, включающий на сегодняшний день наиболее полное собрание типов денежных знаков (*Гришин и др., 2015*). Надеемся, в дальнейшем в качестве классификационной основы будет использована именно эта работа.

в составе комплексов, уточнена атрибуция некоторых денег Ивана IV (с. 32). В контексте с датировкой сделана попытка регионального анализа места сокрытия кладов. Интересна интерпретация причин нахождения ранних тверских монет в составе комплексов XVII в. (с. 35, 36). Из-за неполной выборки кладов выводы авторов носят пока предварительный характер, но являются надежной основой для будущих исследований.

К сожалению, в работе не нашли место подсчет и анализ сокрытых сумм и особенности накопления капиталов. Авторы ограничиваются лишь указанием типа более или менее крупных сумм (например, клады 1, 2, 3 – с. 32, 33). Работа в этом направлении имеет перспективу выводов, указывающих на возможных владельцев кладов и причины сокрытия (*Рязанцева*, 1996. С. 88, 89).

Отсутствует количественный анализ штемпельных пар. Подобные данные, представленные, например, в виде графиков для каждого комплекса, могли проиллюстрировать тенденции в динамике работы денежных дворов.

В разделе «Сводка кладов...» анализ монетного состава имеет поверхностный характер. Приводятся только номиналы с указанием монетных дворов. Хронологический вектор в подаче материала прослежен в рамках последовательности смены правителей. Более дробная датировка монет приводится не всегда и часто носит бессистемный характер: разновременные копейки и деньги представлены вместе (например, клад 1, с. 14). Попытка дробной датировки монет частично дана в разделе «Археолого-нумизматического комментария» и полностью представлена в приложении, посвященном описанию состава кладов. При этом время эмиссий не аргументировано.

Датировку большинства типов древнерусских средневековых монет на сегодняшний день нельзя считать общепринятой. Наиболее обстоятельное исследование в этой области принадлежит А. С. Мельниковой (*Мельникова*, 1980; 1989), но ряд дат, представленных В. А. Бушляковой и И. В. Волковым, не совпадает с датировками исследователя.

Присутствуют противоречия в решении вопроса времени сокрытия кладов. Три первых комплекса совершенно справедливо отнесены к концу прав-

ления Ивана IV. В их составе зафиксированы одни и те же типы младших копеек: новгородские № 91³ и псковские № 96 (с. 41, 42, 44, 46). Но клады 1 и 2 датированы «первой половиной 1580-х гг.» (с. 14, 17), а клад 3 – «концом 1570-х – первой половиной 1580-х гг.» (с. 18). При этом не приводятся обоснования для удреждения нижней даты третьего клада.

Сокрытие клада 4 в разделе «Сводка» датировано 1601–1602 гг. на основании младшей московской копейки 1601 г. (с. 47). Возможное прибавление одного года ко времени чеканки младшей монеты не объясняется (с. 20). В «Археолого-нумизматическом комментарии» комплекс датирован 1601 г. с подчеркиванием важности сокрытия сокровища именно в этом году (с. 33). Аналогичные противоречия датировок наблюдаются также в кладах 5 (с. 21, 33) и 6 (с. 24, 34).

А. С. Мельникова на примере кладов Смутного времени убедительно показала, насколько при археолого-нумизматической интерпретации комплексов необходимо максимально точное установление времени их сокрытия. Ярким примером здесь может выступить группа кладов 1608 г. с территории Северо-Запада России, связанная с деятельностью Скопина-Шуйского. Анализ места, сумм и времени сокрытия позволил справедливо заключить, что эти сокровища – плата наемным военным, отправившимся на освобождение Москвы от Лжедмитрия I (*Мельникова*, 2003. С. 100, 101).

В настоящее время коэффициент запаздывания младшей монеты клада ко времени его сокрытия не установлен. Поэтому правильнее датировать клад по младшей монете без возможных допущений на запаздывание. Это позволит избежать путаницы и противоречий в дальнейшем. Особенно такой подход актуален в случаях публикации сводок кладов.

В приложении «Описания составов кладов» выявлена серия противоречий в датировке одного типа монет в составе различных комплексов. Для удобства рассмотрим несоответствия на основании эмиссий правителей от старших к младшим.

³ Здесь и далее даются ссылки на номера типов монет в каталогах И. В. Гришина и В. Н. Клецинова, используемых авторами.

Иван IV.

Тип № 10 в кладе 1 датирован 1533–1535 гг. (с. 40), в кладе 3 – 1533 г. (с. 45).

Московские деньги с номерами типов с 21-го по 56-й в кладах 1, 2, 4, 5 датированы 1535–1547 гг. (с. 40, 42, 43, 46, 48); а в кладе 3 их нижняя дата чеканки отнесена к 1533 г. (с. 45).

Тип № 73 в кладах 1, 4, 5, 7 датирован 1535–1547 гг., (с. 41, 46, 48, 53), в кладе 2 – 1535–1584 гг., (с. 43) а в кладе 3 – 1533–1547 гг. (с. 45).

Нет единообразия дат московских монет царского периода: в кладах 1 и 3 они датированы 1547–1584 гг. (с. 40, 41, 45), а в кладах 2 – «после 1547» г. (с. 43).

Тип № 50 в кладе 1 датирован 1535–1547 гг. (с. 40), в кладе 2 – «после 1547» г. (с. 43).

Тверская деньга № 72 в кладе 1 датирована 1547–1560-ми гг., (с. 41) а в кладе 2 – 1547–1584 гг. (с. 43).

Тип № 75 в кладах 1, 2, 3, 4, 5, 7 датирован 1535–1542 гг. (с. 41, 43, 46, 48, 53), в кладе 6 – 1535–1547 гг. (с. 50).

Тип № 77 в составе кладов 1 и 3 датирован 1547–1550 гг. (с. 41, 46) (что должно подразумевать прекращение работы этих пар штемпелей в 1550 г.). В кладах 2, 4, 8 этот же тип датирован 1547–1550-ми гг. (с. 43, 46, 61) (что подразумевает возможность чеканки этой штемпельной парой до конца десятилетия).

Тип № 78 в кладе 1 датирован 1547–1550 гг. (с. 41); в кладах 2, 4 – 1547–1550-ми гг. (с. 44, 47).

В кладе 1, судя по всему, допущена опечатка: вместо номера по каталогу 79 оказался 78 с литерами ГР, соответствующими номеру 79. На этом основании мы рассматриваем хронологию № 79, который в кладах 1, 3 датирован 1547–1550 гг. (с. 41, 46); в кладах 2, 4, 5, 8 – 1547–1550-ми гг. (с. 44, 47, 48, 61).

Тип № 80 в кладах 1, 2, 3 датирован 1550-ми гг., (с. 41, 43, 46), в кладе 4 имеет точную дату чеканки – 1555 г. (с. 46).

Тип № 83 в кладах 1, 2 датируется 1550-ми гг. (с. 42, 43), в кладе 5 – 1550–1560-ми гг. (с. 48).

Тип № 85 в кладах 1 и 2 датируется 1560-ми гг., (с. 42, 44), в кладе 8 – 1560–1570-ми гг. (с. 61).

Тип № 87 в кладах 1, 2, 3 датируется 1560–1570-ми гг. (с. 42, 44, 46), в кладах 4, 5, 6 – 1560-ми гг. (с. 47, 48, 50); в кладе 8 – 1570-ми гг. (с. 61).

Тип № 89 в кладах 1, 2, 3 датируется 1560–1570-ми гг. (с. 42, 44, 46), в кладе 4 – 1570-ми гг. (с. 47).

Тип № 95 в кладах 1, 3 датирован 1570–1580-ми гг. (с. 41, 46), кладах 2, 4, 5, 8 – 1570-ми гг. (с. 44, 47, 48, 61).

Тип № 96 в кладах 1, 3 датирован 1570–1580-ми гг. (с. 41, 46), кладе 2 – 1570-ми гг. (с. 44).

Федор Иванович.

Тип № 126 в кладе 4 датирован 1596 г. (с. 47), в кладах 5 и 8 – 1595–1598 гг. (с. 48, 61).

Дмитрий Иванович.

Тип № 248 в кладе 5 датирован 1606 г. (с. 49), в кладе 8 – 1600 г. (с. 61).

Тип № 246 в кладе 5 датирован 1606 г. (с. 49), в кладе 7 – 1605–1606 гг. (с. 54).

«Второе ополчение».

Тип № 318 в кладе 6 (без ссылки на систематизацию А. С. Мельниковой) датирован 1613 г. (с. 50), в кладе 7 (уже со ссылкой на систематизацию А. С. Мельниковой) датирован 1612–1613 гг. (с. 54). При этом в кладе 6 на лицевой стороне приведена литера «М», а в кладе 7 – «ОМ».

Шведская оккупация Новгорода.

Тип № 325 в кладе 7 датирован 1611–1615 гг. (с. 54), в кладе 8 – 1611–1617 гг. (с. 61). Аналогично эта монета датирована в археолого-нумизматическом комментарии (с. 34).

Михаил Федорович.

В кладе 6 для нескольких монет указано одновременно два номера: 518–519 с датой 1632 г. (с. 52), в кладе 7 для тех же двух типов дана дата 1632–1633 гг. (с. 57), в кладе 8 тип 519 датирован 1632 г. (с. 62).

В составе клада 7 приведена копейка № «639а» московского денежного двора, датированная 1613–1645 гг. (с. 59). В составе клада 8 копейка № 639 (без литеры «а») датирована 1644–1645 гг. (с. 63). В каталоге И. В. Гришина и В. Н. Клецинова, на который ссылаются авторы, монеты № 639 с литерой «а» вообще нет (*Гришин, Клецинов*, 2001. С. 45).

В целом представленные в приложении различные даты одного и того же типа монеты являются некоторым индикатором современного состояния в датировке русской средневековой нумизматики. Аналогичная ситуация с разными датами в рамках единого исследования встречается в ряде публикаций (Мельникова, 2003; 2005). На современном этапе изучения отсутствует специальное исследование, посвященное датировке эмиссий даже одного правителя. В последний раз такая работа проводилась в 80-х гг. XX в. (Мельникова, 1980; 1989), и с учетом возросшей базы материала сегодня нуждается в пересмотре. Но отсутствие общепринятой хронологической системы не является основанием для датировки одного типа монеты в одной работе тремя различными хронологическими периодами. Такой подход еще больше усложняет ситуацию.

К мелким замечаниям можно отнести, например, различное написание имени Василия III: при описании монет клада 1, 5 указано отчество (с. 40, 48), а в клада 4 уже нет (с. 46).

В клада 7 и 8 для монет Алексея Михайловича нет ссылок на типологию А. С. Мельниковой. Вероятно, причина этого заключена в отсутствии в каталоге И. В. Гришина и В. Н. Клецинова соотношений их классификаций с типологией А. С. Мельниковой, но такой перевод возможно было сделать самостоятельно.

Нет системы в подаче материала по денежным дворам: псковский и новгородский часто меняются местами.

Несмотря на замечания, эта книга и ее продолжение займут видное место среди трудов по русской нумизматике и, возможно, станут каталогизатором в подготовке качественных публикаций сводов средневековых русских монет, которые в свою очередь помогут решить спорные вопросы и открыть новые страницы русской средневековой истории.

Гришин, Клецинов, 2001 – Гришин И. В., Клецинов В. Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М., 2001.

Гришин, Клецинов, 2006 – Гришин И. В., Клецинов В. Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царей Алексея Михайловича, Федора, Ивана и Петра Алексеевичей (1645–1696 гг.). М., 2006.

Гришин и др., 2015 – Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М., 2015.

Клецинов, Гришин, 1998 – Клецинов В. Н., Гришин И. В. Каталог русских средневековых монет (с правления Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.)). М., 1998.

Мельникова, 1980 – Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1980. Т. XIII / Ред. Д. Б. Шелов.

Мельникова, 1989 – Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год / Ред. А. И. Юхт. М., 1989.

Мельникова, 2003 – Мельникова А. С. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков / Ред. В. В. Биткин. Киев, 2003.

Мельникова, 2005 – Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков / Ред. Д. К. Никитин. М., 2005.

Мельникова, Дядченко, 1994 – Мельникова А. С., Дядченко О. С. Монетные клады (Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступившими в Государственный Исторический музей после 1966 г.). М., 1994.

Мельникова, Дядченко, 2005 – Мельникова А. С., Дядченко О. С. Сводка кладов с русскими монетами, зарегистрированными в Отделе Нумизматики ГИМ после 1993 // Нумизматический сборник ГИМ / Ред. В. В. Зайцев. М., 2005. Т. XVII. (Тр. ГИМ; Вып. 151).

Рязанцева, 1996 – Рязанцева Т. В. Клад монет с Богов-ленской площади времени Алексея Михайловича // Четвертая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. (Дмитров, 22–26 апреля 1996 г.) / Ред. А. С. Беляков. М., 1996.

К. В. Горлов
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН

ДОКУМЕНТ ЭПОХИ: В. А. ГОРОДЦОВ И ЕГО ДНЕВНИКИ

Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / Василий Алексеевич Городцов; сост. И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых; отв. ред. П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский.

М.: Триумф принт, 2014. – ISBN 978-5-903011-85-8 (Кн. 1). 686 с.

ISBN 978-5-903011-85-8 (Кн. 2). 694 с.

Ключевые слова: В. А. Городцов, дневники, 1920–1940-е годы, археология, биографика, история России XX века.

Keywords: V. A. Gorodtsov, diaries, 1920–1940s, archaeology, biographica, history of Russia of the 20th century.

Публикация «Дневников...» В. А. Городцова стала важным событием в научном мире не только в силу непреходящего интереса специалистов к фигуре их автора. Творческая биография Василия Алексеевича, основные этапы его деятельности вроде бы неплохо изучены, но все же публикация такого источника, как «Дневники», станет для историка незаменимым подспорьем. Во-первых, она бросает свет на «затененные» отрезки жизни ученого – а значит, уходят в прошлое историографические мифы, подменявшие собой наше знание о них. Во-вторых, «Дневники...» – это целый кладезь деталей и подробностей, включая сведения о людях, игравших важную роль в научной жизни 1920–1930-х гг., но позднее забытых. Трудно переоценить значение всего этого для исторических реконструкций.

Однако истинное значение состоявшейся публикации «Дневников» заключается даже не в этом. Решение частных проблем биографии крупного научного деятеля, конечно, важно само по себе. Но не менее важно обнаружение настоящего **документа эпохи**, который отныне займет место в ряду важных источников по истории России первой половины XX века. «Дневники...» В. А. Городцова, несомненно, будут привлекаться для исследования целого комплекса проблем: менталитета научной интеллигенции 1920–1940-х гг.; динамики ее общественных представлений и иллюзий; социальной психологии того периода; действительности советской пропаганды; и т. д.

Публикация «Дневников...» включает два обширных тома. Она снабжена вводной статьей, подробными комментариями, указателями имен

и литературы. Имеются также «Приложения» – три биографических документа, составленные самим В. А. Городцовым. Комментарии к дневниковым записям каждого года приурочены в тексте к концу этого года. Немного затрудняет чтение то, что именной указатель и список литературы, к которым постоянно приходится обращаться, являются общими на две книги и помещены в конце второй. Но при таком большом объеме материала это неизбежно. В обоих томах имеется прекрасный иллюстративный ряд. В целом, профессионализм и добротность публикации вызывают искреннее восхищение.

Особенно важным представляется то, что составители не пошли по пути выборочной подачи информации, в ходе которой образ героя исподволь «подчищается» для лучшего соответствия идеализированному стереотипу. Разные «неудобные» факты и высказывания в этом случае опускаются, заменяясь отточиями.

Подобный подход, увы, не редкость в научной практике. Грешат им подчас даже крупные специалисты. Ведь биограф – лицо заинтересованное. Он искренне любит своего персонажа, а в результате, вольно или невольно, стремится приукрасить его... Порой это заводит слишком далеко. Игра умолчаний оборачивается – я не побоюсь этого слова – фальсификацией, лишаящей публикуемые источники главного – их научной достоверности.

И. В. Белозёрова и С. В. Кузьминых с честью решили эту непростую задачу, хотя их-то уж точно нельзя упрекнуть в «нелюбви» к своему герою. Вводная статья «Жизненный и научный путь В. А. Городцова (по архивным документам

и воспоминаниям)» (Кн. 1, с. 12–72) написана с академической объективностью и, одновременно, с большим тактом и теплотой. Но в публикуемом далее тексте «Дневников...» честно сохранены «неполиткорректные» высказывания В. А. Городцова: о собратях-ученых и о «мужичье»; о русских и о евреях; о красных, белых, «бесчувственном плебсе»; и т. д., и т. п. Порой они кажутся меткими и верными, порою не нравятся, попросту режут глаз. Но наши оценочные суждения в данном случае пусть остаются при нас. А мнения автора дневника, несомненно, важны для понимания его самого и его эпохи. Приводить примеры я не буду. Кто захочет – прочтет. Скажу только: чтение поучительное, заставляет всерьез задумываться – и о времени, и о человеке.

Текст упомянутой статьи, открывающей публикацию «Дневников...», уже был, с небольшими разночтениями, обнародован авторами в 2011 г. (Белозёрова и др., 2011а. С. 154–165; 2011б. С. 472–510). Подготовка издания к публикации велась достаточно долго, так что был резон заранее ознакомить коллег хотя бы с конспективным изложением результатов. Но только с выходом из печати двух рецензируемых томов данный текст стало возможно читать без отрыва от его главной источниковой базы. И это важно, ибо в статье информация подана, по необходимости, сжато. Подробный критический анализ фактов личной и творческой биографии В. А. Городцова, безусловно, потребовал бы третьего тома. Поэтому целый ряд интереснейших сюжетов в этой статье лишь бегло затронут, их разработка отсутствует.

К числу таковых относится, например, уникальное описание того, как в 1917 г., после взятия большевиками власти, В. А. Городцову и его коллегам пришлось «держаться оборону» здания РИМ «...от наседавшей толпы, которая требовала не хранить “черепки и ненужный мусор”, а освободить его под фабрику или завод...» (Кн. 1, с. 45). Подобные стихийные выступления разбушевавшегося «народа» не инициировались непосредственно большевистской верхушкой. Но, по большому счету, они лежали в русле ее политики – ибо способствовали разрушению прежней налаженной жизни и запугиванию населения. Без создания атмосферы всеобщего страха и неуверенности введение «коммунизма» в варианте 1918 г. было

бы немислимо. Так что захваты исторических зданий, их грабеж и разгром, начавшиеся в конце 1917 г., следует рассматривать как одну из «политтехнологий» революции¹, наряду с «реквизициями» и изъятиями личных вещей у обывателей. На мой взгляд, упомянутый вскользь эпизод с «обороной» Исторического музея, взятый в широком социальном контексте, вполне мог бы стать темой специального исследования.

Большой интерес представляют собой малоизвестные факты жизни и деятельности В. А. Городцова в первой половине – середине 1930-х гг. Документальные свидетельства о том, где и как работал ученый в этот период, долго не вводились в научный оборот. Историкам приходилось довольствоваться информацией *oral history*. Она, в основном, сводилась к тому, что: «Городцов, потеряв службу и в МГУ, и в РАНИОН, и в Историческом музее, остался без куска хлеба. Пристроил его только Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде...» (Формозов, 2004. С. 53). В связи с этим возникало немало вопросов. Введение в научный оборот «Дневников...», вкупе с частью эпистолярного наследия В. А. Городцова (Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 229–294), помогает разобраться в этом запутанном вопросе. Причем открывающаяся будничная реальность выглядит, на мой взгляд, фантастичнее любого домысла, лишней раз демонстрируя, как опасно доверяться стереотипам.

Самым распространенным стереотипом, сложившимся в конце 1980-х гг., при первом ознакомлении археологов с архивными материалами эпохи «Великого перелома», стало однозначное противопоставление *гонимых* (ученых-профессионалов) *гонителям* (партийцам, «спущенным сверху» руководить наукой). Подобная трактовка как бы лежала на поверхности. Ведь главной целью реформ, запущенных именно «сверху», являлась системная перестройка науки в СССР и вытеснение «буржуазных спецов» новыми марксистскими и партийными кадрами. В рядах «спецов», обреченных на «проработки» и увольнение, оказался и В. А. Го-

¹ Последнее вовсе не исключает того, что в ряде случаев новая власть, сознавая ценность исторических памятников и собственную выгоду, пыталась обеспечить их охрану (см. об этом: Платонова, 2014. С. 523–541). Позднее, когда была создана новая структура и вертикаль власти, а население запугано в должной мере, захваты прекратились.

родцов. Среди «гонителей» к числу самых известных принадлежали Ф. В. Кипарисов и С. Н. Быковский (заместители председателя ГАИМК), Н. М. Маторин (директор МАЭ/ИАЭ), и др.

В дальнейшем выяснилось: живая жизнь не совпадала со схемой. Более глубокое изучение источников показало: ряды партийцев, «брошенных на науку», не были монолитными. Их действия нередко обнаруживали двойное и тройное дно. Все это были живые люди, с немалым жизненным опытом и собственной оценкой происходящего. Противоречия в их рядах порой оказывались острее, чем противоречия со «старыми» учеными. Возникали самые неожиданные тандемы. . . Именно такой тандем имел место в судьбе В. А. Городцова, когда на рубеже 1932–1933 гг. у него вдруг завязались контакты с «партийным» руководством МАЭ/ИАЭ.

Сразу следует оговорить: «Великий перелом» и разруха тяжело ударили по семье Городцовых. Но трудности эти были общими для всех. Скучная еда, сносившаяся одежда и обувь, хлопоты об *ордере на приобретение пиджака* (при том что все взрослые члены семьи работали!) – именно так жил весь ученый мир, кроме тонкой прослойки руководящих кадров. Во всяком случае, сделанные В. А. Городцовым зарисовки быта сразу напомнили мне записи в дневнике его современницы – Ольги Георгиевны, жены Г. А. Бонч-Осмоловского – за тот же период:

«...Дается паек, на который нельзя жить. Покупаем продукты на рынке по сумасшедшим ценам... Предметов промышленности просто нет. Нет мыла, например. Мы давно не моемся. Нет ниток, пуговиц, булавок, столярного клея, бумаги; говорить об одежде и обуви не приходится вовсе...» (*Бонч-Осмоловская*, 2010. С. 278). «Сейчас нельзя болеть. Никто не принесет обеда, потому что столовые не отпускают на дом. В лавках просто ничего нет. За парой носков люди стоят в очередях целыми днями...» (Там же. С. 279).

Материалы «Дневников...» В. А. Городцова помогают разобраться в вопросе о его службе в начале 1930-х. Уволенный из МГУ (а ранее – из ГИМа), он после расформирования ГАИС сразу же был принят во вновь образованное МОГАИМК, но на половинную ставку (100 рублей). Молодые специалисты – его недавние аспиранты – получили там полные ставки, и старика это, конечно, задевало

(Кн. 1, с. 57). Однако не всем везло так, как «молодым марксистам». Приведу для сравнения запись из дневника О. Г. Бонч-Осмоловской от 9 февраля 1930 г.: «...С тех пор, как вышибли Глеба из университета (с весны), он получает только 80 рублей, а проживаем мы 350. Выручают книги отца, но жить этой милостью тяжело...» и т. д. (*Платонова*, 2005. С. 309).

В ноябре 1932 г. В. А. Городцова неожиданно посещает директор МАЭ Н. М. Маторин, на тот момент – бесспорный лидер перевода этнографии «на марксистские рельсы». В беседе, затянувшейся за полночь, он «очень советует» Василию Алексеевичу... «*приступить к описанию археологических предметов типологическим методом*» (! – Н. П.). «...К сожалению, – записывает В. А. Городцов в дневнике, – для осуществления давно намеченной мною работы требуется время и деньги, время, не занятое служебными делами, и средства, достаточные для объездов больших музеев СССР. У меня время имеется, но денег ни шиша... Много говорили мы об издании трудов. Маторин просил меня написать работы на темы археолого-этнографические, чтобы напечатать их...» (Кн. 1, с. 398).

Возникает вопрос: что сей сон значит? Данное свидетельство уникально, особенно с учетом того, что ученики Городцова, профессиональные археологи, в этот период выступали с резкой критикой типологического метода. Всего за полгода до визита «красного директора» к Городцову прошло Всероссийское археолого-этнографическое совещание. Указанный метод был заклеен там, как формальный и буржуазный. Кстати, один из установочных докладов на совещании делал именно Н. М. Маторин (Всероссийское..., 1932. С. 1–6).

Таким образом, дневник В. А. Городцова представляет нам редкий случай воочию лицезреть «двойное дно» партийца-«социологизатора», которое, конечно, не обнаруживалось им ни в каких официальных документах. Видимо, приверженность марксизму (в редакции начала 1930-х) все же не заставила Н. М. Маторина забыть все, чему его учили в Царскосельской гимназии. Не случайно позднее его обвиняли в «содружестве с реакционными элементами музея (под флагом “консолидации сил” научных работников)» (*Решетов*, 2003. С. 182).

В мае 1933 г. В. А. Городцов был принят Н. М. Маториным в только что созданный на базе МАЭ

Институт антропологии и этнографии – на ставку «ученого консультанта» археологической секции (Кн. 1, с. 462)². Забегая вперед, следует отметить: за 5 лет, которые он был связан с этим учреждением, ему редко приходилось жаловаться на неподобающее отношение к своей особе.

Однако покровительством Н. М. Маторина Василий Алексеевич мог пользоваться лишь до начала 1934 г., когда тот был снят со своего поста за былые связи с Г. Е. Зиновьевым. Заведующим археологической секцией ИАЭ стал другой влиятельный партиец – С. Н. Быковский. Но и с ним отношения сложились прекрасно. Новый начальник явно постарался привлечь к себе В. А. Городцова, которого считал крупнейшим специалистом по каменному веку, чтобы использовать его знания для разработки марксистской истории первобытного общества.

Главой советской школы исследований первобытности С. Н. Быковский однозначно мыслил себя. Но все же, будучи человеком умным, он быстро понял, что его подготовки тут недостаточно. Он начал серьезно учиться, в том числе у В. А. Городцова, съездил к нему в экспедицию и вообще завоевал доверие. Если в дневнике 1932 г. С. Н. Быковский упоминается как один из людей, «чуждых археологии и не признающих ее научного значения» (Кн. 1, с. 353), то в 1935 г. о нем говорится уже в совершенно иной тональности: «Со мной трое сотрудников Кубанской арх[еологической] экспедиции: С. Н. Быковский, Д. Н. Лев и Н. Р. Косниковский. Мы поместились удобно и покойно. *Все свои, а это немало важно...* (курсив мой. – Н. П.)» (Кн. 1, с. 645). Или: «Был у меня С. Н. Быковский. Просидели с ним с 8 до 11 часов. Хороший он собеседник. Он сообщил мне много интересного...» (Кн. 1, с. 676).

После ареста и расстрела С. Н. Быковского (1936 г.) коллеги немало его поносили. Но и тогда периодически поминались его деловые качества и способности организатора (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1937, д. 35). Отдельные сохранившиеся

письма Быковского заставляют предполагать: из него мог бы выйти крупный специалист-первобытник. Но его претензии на лидерство имели, увы, оборотную сторону – стремление дискредитировать соперников и на всякий случай посеять рознь между помощниками. Технология эта стара как мир. Впоследствии П. П. Ефименко жаловался: «...Быковский сделал много для того, чтобы восстановить против меня Сергея Николаевича Замятина – моего ученика и в прошлом друга...» (Там же. Л. 103).

Примером того, как «много интересного» общал С. Н. Быковский В. А. Городцову (и, главное, в каком ракурсе!), служит запечатленный в дневнике рассказ о том, как утверждали к печати статью о Старшем Каширском городище (Кн. 2, с. 29). На мой взгляд, не случайно в середине 1930-х гг. и в дневниках, и в письмах Василия Алексеевича мелькают злые, плохо соотносившиеся с реальностью отзывы о коллегах, в первую очередь – об археологах-палеолитчиках (П. П. Ефименко, С. Н. Замятине, М. В. Воеводском и др.). Подозрительность и ранимость были присущи самому В. А. Городцову в высокой степени; играть на этих свойствах его характера, видимо, не составляло труда. Этим же, скорее всего, объясняется причастность Василия Алексеевича к неудавшейся интриге С. Н. Быковского с подготовкой двойной отрицательной рецензии на книгу П. П. Ефименко «Дородовое общество» (Ефименко, 1934)³.

«Дневники...», вкпе с опубликованными результатами биографических исследований, представляют нам обильный материал для обрисовки психологического портрета ученого. А в более общем плане – для анализа феномена *self-made man* в российском варианте конца XIX – начала XX в. Имеется тут, кстати, и прямой выход на проблему «социального лифта» в царской России.

В этой связи мне хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, родившимися по ходу дела. На мой взгляд, неповторимость пути В. А. Городцова заключалась вовсе не в том, что он выбился из «низов», и, конечно, не в том, что научное сообщество представляло собой обособленную корпорацию. Обособленность эта преодолевалась элементарно. Высшее образование автоматически вводило

² Доброжелательность Н. М. Маторина к В. А. Городцову была, безусловно, искренней. Позднее, уже попав в «кировский поток» (1935 г.), этот неуемный человек будет в концлагере писать воспоминания о В. А. Городцове (Решетов, 2003. С. 181). Видимо, негибкий старик, открыто защищавший свои позиции, и вправду произвел на него сильное впечатление.

³ См. об этом мои «прим. ред.» к статье (Иванова, 2011. С. 162–169).

своего обладателя в ту страту интеллигенции, где сын дьякона или солдата ничем не отличался от сына служилого дворянина. Был бы талант...

Для молодежи из духовного сословия, к которому принадлежал В. А. Городцов, существовала накатанная дорога: духовное училище – семинария – университет. Но чтобы пройти ее до конца, требовалась мотивация, которой ему не хватило. Он не воспользовался «социальным лифтом», застряв где-то на середине. Призвание, подвигнувшее его потом работать без усталости всю жизнь, открылось ему слишком поздно⁴. Только поэтому научную корпорацию потребовалось брать штурмом.

Как работал на практике «социальный лифт», хорошо иллюстрируют проведенные составителями разыскания в области родовых связей В. А. Городцова. Так, например, его двоюродный брат Александр Дмитриевич помимо Рязанской духовной семинарии окончил юридический факультет Петербургского университета. Позднее он стал музыкальным педагогом, крупным деятелем хоровой культуры (Кн. 2, с. 613). Другой кузен – Павел Дмитриевич – после семинарии окончил Петербургскую духовную академию, стал профессором, преподавателем высшей школы (Кн. 2, с. 615).

В дошедших до нас дневниках 1928–1945 гг., к сожалению, нет упоминаний о третьем двоюродном брате – Сергее Дмитриевиче Городцове (1866–1956). Он также окончил Петербургскую духовную академию и был рукоположен в иерея. Неумная деятельность – что в начале пути, что в конце – выдавала в нем обладателя типично городцовского духа и темперамента.

В 1923 г. начался его крестный путь по ссылкам и тюрьмам, длившийся более 10 лет: Соловки, Остяцкий край, Поволжье... Перед самой войной старик обосновался в Калининской области, «за 101-м км». Там он попал было в оккупацию, но *убеждал жи-*

⁴ Любопытно перевести на современные реалии ту ситуацию, в которой оказался В. А. Городцов, когда, будучи почти 30-летним, он вдруг заинтересовался археологией. Уход из семинарии и последующее окончание военного училища по второму (низшему) разряду равнозначны: а) провалу ЕГЭ; б) окончанию колледжа на тройки. В довершение – время для учебы было упущено, на плечах – растущая семья... В такой ситуации покорение научных вершин действительно становилось *подвигом*, и конца этому подвигу не предвиделось. Но где вечный подвиг – там и вечная война, и вечный поиск врага, и отсутствие покоя...

телей верить в приход Красной Армии и освобождение. И дождался его.

Весной 1942 г. о. Сергей Городцов принял монашество под именем Варфоломей и был хиротонисан Патриаршим Местоблюстителем Сергием (Страгородским) во архиепископа Можайского. В середине 1943 г. он получил назначение на кафедру Новосибирскую и Барнаульскую. На ней и скончался, дожив почти до девяноста.

Ни войны, ни тюрьмы, ни годы не гнули и не ломали его. За 13 лет, проведенных в Сибири, старый архиерей ни разу не взял отпуска. Как мог, он поддерживал ссыльных – несмотря на запреты. «Наблюдающие» характеризовали его как «прямого по характеру», «фанатично религиозного человека с глубоко консервативными взглядами, большого приверженца русской старины» (*Косик и др.*, 2009. С. 713–715).

Погребен митрополит Варфоломей Городцов в Вознесенском кафедральном соборе г. Новосибирска. Поскольку изучение архива Василия Алексеевича в настоящий момент продолжается, будет очень интересно узнать, не обнаружатся ли в нем документы, связанные с этим родственником?

И еще об одном хочется сказать, перелистывая капитальное издание «Дневников...». Заметки В. А. Городцова зачастую перемежаются там то с записями снов, то с воспоминаниями детства и юности. И те, и другие оставляют светлое чувство. Единственный случай, когда с юностью у Городцова связано что-то неприятное – это воспоминание о семинарском учителе Орлове, который явно не нашел с ним общего языка: «...Поп Орлов сделал то, что я убежал из бурсы и поступил в солдаты. Орлов преследовал меня со злодейским упорством, третируя, как ничего не знающего...» (Кн. 2, с. 191)⁵.

Все остальные воспоминания – не только о доме и родителях, но и о дедах, дальней родне, соседях, священниках, разном люде – выглядят удивительно благодетными. Да, случались меж людьми недоразумения, бывало... Но в целом тот мир был покоен

⁵ Интересно наблюдение исследователей, что этот злодей Орлов был любимым учителем акад. И. П. Павлова (Нобелевского лауреата), который писал о Рязанской духовной семинарии: «...Вспоминаю ее с благодарностью. У нас было несколько отличных учителей, а один из них высокий идеальный тип, священник Феофилакт Антонович Орлов...» (Кн. 2, с. 201).

и мудр. Весьма характерно: как сознание автора (воспоминания) совершенно не содержит негатива, так и подсознание (сны) не обнаруживает его в подавленном виде.

Поэтому странно бывает периодически наткаться взглядом на некую «параллельную реальность», врывающуюся в это сознание и в текст как бы со стороны: «...Крепостнические отношения коренились не только в политическом и экономическом строе страны: ими насквозь были пропитаны и семейно-бытовые отношения всех классов русского общества. Глава семьи был почти таким же деспотом в своей сфере, как и самодержец в государстве. Особенно тяжела была участь женщины. Нерасторжимый брак, освященный церковью, именно и делал из женщины вещь. Горькое было время...» (Кн. 1, с. 604).

Так и хочется спросить: как все это соотносилось у него с личным опытом?.. Однако обе реальности – внутренняя правда и параллельная схема – жили, словно не пересекаясь, в сознании одного человека, незаурядного и вполне здравомыслящего... И невольно мелькает мысль: разве у него одного? Мы-то сами сегодня, сейчас – различаем?

Белозёрова и др., 2011а – Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РАЕ. 2011. № 1.

Белозёрова и др., 2011б – Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // РАЕ. СПб., 2011. № 1.

Бонч-Осмоловская, 2010 – Бонч-Осмоловская О. Г. «Документ эпохи редкостный...» / Подг. текста, ред., вступ. ст. и коммент. Н. И. Платоновой // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2010. Вып. V, Ч. 2.

Всероссийское... 1932 – Всероссийское археолого-этнографическое совещание // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 7–8.

Ефименко, 1934 – Ефименко П. П. Дородовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического общества. М.; Л., 1934 (Известия ГАИМК; Т. 79).

Иванова, 2011 – Иванова Н. В. Переписка В. Т. Илларионова как источник по истории отечественной археологии // История археологии: личности и школы. Материалы Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб., 2011.

Косик и др., 2009 – Косик О. В., прот. Борис Пивоваров. Варфоломей // Православная энциклопедия. 2009. Т. 6. С. 713–715. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/154403.html>.

Кузьминых, Белозёрова, 2014 – Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum plus. Кишинев, 2014. № 1: Фрагменты доистории.

Платонова, 2005 – Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // АВ. СПб., 2005. № 12.

Платонова, 2014 – Платонова Н. И. Первые шаги в деле охраны памятников революционного Петрограда (к публикации документов из личного архива П. П. Покрышкина) // РАЕ. СПб., 2014. Т. 4.

Решетов, 2003 – Решетов А. М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2 / Сост. Д. Д. Тумаркин.

Формозов, 2004 – Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.

*Н. И. Платонова
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской археологии*

К юбилею Натальи Николаевны Скакун

Редакция «Археологических вестей» решила опубликовать не изданные в свое время рецензии на монографию Н. Н. Скакун «Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна)», которые до сих пор не потеряли своего научного значения.

ОРУДИЯ ТРУДА И ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История. 2006. 224 с., ил. ISBN: 5-98187-143-1/5981871431.

Ключевые слова: эпоха энеолита, трасологические исследования, производственный инвентарь, культура Варна.

Keywords: Eneolithic Period, tracewear studies, manufacturing tools, Varna culture.

Книга известного специалиста в области исследования орудий труда древних земледельцев и основанных на их использовании технологий, кандидата исторических наук Н. Н. Скакун посвящена итогам изучения производственного инвентаря энеолитической культуры Варна. Эта археологическая культура, выделенная в свое время Г. Тодоровой, широко известна благодаря сенсационным открытиям богатейшего некрополя, датированного серединой V тыс. до н. э. В его погребениях были обнаружены не только многочисленные изделия из меди, но и большое количество предметов, изготовленных из золота. Четыре десятилетия интенсивных археологических исследований на Балканах открыли неизвестный ранее мир древних земледельцев Европы, чьи достижения в области металлургии превзошли достижения мастеров Древнего Египта и Месопотамии той эпохи.

Исследователи были поражены не только многочисленными изделиями, но и совершенством кремневых заготовок для орудий труда, а именно длинных (в несколько десятков сантиметров!) пластин, обнаруженных в тех же погребениях. Оказалось, что и в их производстве создатели культуры Варна достигли невиданных ранее успе-

хов. На протяжении многих сезонов Н. Н. Скакун принимала участие в раскопках многослойных поселений на территории Болгарии, уделяя особое внимание изучению орудий труда, которые изготавливались из кремня, камня, рога и костей животных, глины.

Важным аспектом изучения этих находок стали трасологические исследования, которые позволили не только определить функции изделий, но оценить ряд аспектов технологии их изготовления и практического использования. Особо следует отметить, что исследовательница не остановилась на этом этапе исследований, а пошла дальше, проводя многочисленные эксперименты с репликами орудий труда и устройств, реконструированных на основании полученных данных. При этом некоторые из древних технологий были воспроизведены впервые. Проведенные эксперименты в целом подтвердили назначение отдельных орудий, определенное ранее трасологическим методом.

Монография включает четыре главы. Первая содержит краткий очерк истории изучения культур эпохи энеолита на территории Болгарии. Здесь можно найти достаточное количество ссылок на фундаментальные труды археологов, посвященные

публикации и анализу результатов полевых исследований. Здесь же показано, какие именно комплексы болгарские археологи относят к культуре Варна. Среди них перечислены и те, которые отечественные исследователи в свое время отнесли к так называемому «болградскому варианту культуры Гумельница», локализованному в междуречье Дуная и Днестра на территории Румынии (*Dragomir*, 1983) Молдовы и Украины (подробнее о предыдущих исследованиях: *Субботин*, 1983). По этой причине в книге Н. Н. Скакун приведены результаты изучения орудий труда из таких известных памятников, как Вулканешть, Болград, Озерное, Нагорное-II. Последний памятник Н. Н. Скакун исследовала в 80-е годы XX в. (*Скакун*, 1985. С. 354–355). Из числа памятников с территории Болгарии в данной монографии представлены многослойные поселения Дуранкулак и Голямо Делчево. Перечисленные выше шесть памятников дали основной материал для данной монографии.

Орудия труда из теллей Голямо Делчево и Дуранкулак, раскопанных Х. Тодоровой (*Тодорова*, 1986), составляют многочисленную коллекцию. Дуранкулак известен также благодаря многолетним исследованиям крупнейшего энеолитического некрополя, в котором один из горизонтов представлен культурой Варна (Дуранкулак) (*Durankulak...*, 2002).

Другой тип памятников представляют Вулканешты-II, Болград, Озерное, Нагорное II, расположенные в Нижнем Подунавье. По современной терминологии – это «плоские поселения» с культурным слоем от 0,5 до 1 м, где стратиграфически выделено не более двух горизонтов. Следует отметить, что подобные «плоские поселения» ныне начали изучать также и в окружении поселений-теллей (*Ханзен и др.*, 2011. С. 17–86).

Таким образом, в работе приведены данные относительно непосредственного изучения весьма представительной коллекции орудий труда культуры Варна, хранящихся в фондах музеев и научных организаций трех стран: Болгарии, Молдовы и Украины. Следует отметить, что подобное по охвату (и объему) исследование орудийного комплекса эпохи энеолита причерноморского региона мы видим впервые.

Глава вторая посвящена результатам технико-типологической систематизации производствен-

ного инвентаря по отдельным категориям: изделия из кремня (91,42 % находок), камня, рога и костей животных, глины. Автор особо отмечает то обстоятельство, что при культурно-исторической интерпретации материалов эпохи энеолита, в особенности для культуры Варна, исследователи традиционно обращают внимание преимущественно на металлические изделия и богато украшенную керамику, оставляя почти без внимания производственный инвентарь из таких материалов, как кремень, камень, кость, рог, глина. Из приведенной библиографии видно, что именно Н. Н. Скакун с начала 80-х годов XX в. начала последовательное изучение данных категорий материалов, а эта традиция в последнее десятилетие продолжена уже и болгарскими исследователями (*Скакун*, 2006. С. 15). Автор отмечает наличие локальных особенностей в составе инвентаря поселений-теллей с территории Болгарии и нижнедунайских поселений, связывая их с наличием влияний со стороны других синхронных энеолитических культур – Усое, Хаманджия, контактами с Трипольем-Кукутень (Там же. С. 34).

Третья глава содержит функциональную характеристику производственного инвентаря, восстановленную на основании трасологических исследований (Там же. С. 36–53). Были проведены, в частности, исследования следов утилизации орудий (наличие микротрасс, макрозаполировок, макродеформаций и т. д.) и следов, полученных естественным путем. Данные перепроверялись при проведении экспериментальных исследований, использовались этнографические наблюдения. Особый интерес представляет выделение орудий, связанных с обработкой металла. Это каменные оселки и наковальни, применявшиеся, по мнению Н. Н. Скакун, для обработки и заточки медных изделий. Что особенно хотелось бы отметить, так это то, что подобные орудия были выделены исключительно благодаря проведению трасологических исследований. Ведь часть абразивов, например, использовалась для работы с костью или камнем. Таким образом, эти исследования показывают, насколько перспективно применение трасологии для изучения как старых коллекций, так и новых материалов для выявления комплексов, связанных с обработкой металла. К сожалению,

в работе отсутствуют данные о распределении таких инструментов по комплексам на поселениях, что является важным показателем как распространения металлических изделий, так и специализации их создания.

Несмотря на то обстоятельство, что орудий для работы с металлом относительно немного (всего лишь 0,21 % от общего числа находок – Скакун, 2006. С. 50), они представлены практически на всех памятниках. Обращает на себя внимание намного более высокий процент данных орудий на нижнедунайских поселениях (в пределах 1,99–2,56 %), нежели чем на теллях Болгарии (0,1 %) (Там же. С. 51). Автор, к сожалению, воздерживается от комментариев по поводу того, с чем связаны подобные результаты: существенными различиями в объеме обработанных им коллекций, особым интересом нижнедунайских носителей культуры Варна к обработке металла или иными обстоятельствами.

Заключительная, четвертая глава посвящена реконструкции хозяйства носителей культуры Варна. В ней обобщены как результаты исследований, проведенных непосредственно Н. Н. Скакун, так и достижения других исследователей в данной области.

На с. 67 помещена итоговая таблица, в которой указано соотношение девяти видов производств, выделенных по материалам культуры Варна на основании трасологических исследований. Вероятно, этот перечень мог бы быть и большим. Например, Н. Н. Скакун на этой же странице упоминает о «ювелирном деле», изготовлении красок.

Из представленных подсчетов вытекает, что на первом месте была обработка кож (42,66 % орудий), на втором – дерева, на третьем – кости и рога. Керамическое производство (1,28 %) и металлообработка (0,4 % орудий) находятся лишь на восьмом-девятом местах. То есть по критерию количественного соотношения производственного инвентаря наиболее высокотехнологичные ремесла, обычно служащие для исследователей индикатором уровня развития хозяйства, замыкают список его составляющих.

Такие результаты требуют дополнительных комментариев и объяснений, которые представлены на последующих страницах. Исследовательница вполне резонно объясняет, что обычные расчеты

не всегда адекватно отражают значение отдельных видов производства в системе хозяйства, поскольку полученная в результате исследований картина сформировалась также и в результате применения древними мастерами определенных технологий. Например, формальное доминирование обработки кож вытекает из находки значительного числа скребков, изготовленных из кремня – фактически одноразовых, «расходных» изделий. В то же время оттяжки к вертикальным ткацким станкам могли быть использованы в производстве длительное время, следовательно, их будет найдено намного меньше. И все же полученные результаты могут быть, с определенными оговорками, использованы в научных исследованиях (Там же. С. 67–68).

Важным результатом представляются выводы о существовании на энеолитических поселениях определенной специализации (и, соответственно, мастерских), связанных не только с производством высокотехнологичных (металл, кремень) изделий, но также, казалось бы, простых, на первый взгляд, изделий из камня, кости или рога. Эти выводы вносят изменения в устоявшиеся взгляды относительно времени появления широкого спектра ремесленных производств, которое относили в лучшем случае к бронзовому, а то и к раннему железному веку.

Показательными являются данные в отношении обработки кремня. Как видно из табл. 8, большинство находок на всех поселениях культуры Варна – как на территории Болгарии, так и в Молдове и на Украине – составляют орудия труда, а отходы производства в среднем не превышают 4,84 % (Там же. С. 159). Такую картину можно было получить только в условиях, когда орудия труда изготавливались в специализированных мастерских. При этом большинство орудий в виде пластин найдено без следов вторичной обработки (Там же. С. 26). Представляет интерес сравнение с материалами по кремнеобработке других культурных комплексов, в том числе Триполье-Кукутень. Автор отмечает наличие процесса заимствования техники обработки кремня трипольским населением у носителей культуры Варна, а также определенное отставание его в развитии технологий, связанных с получением крупных пластин – и это несмотря на наличие прекрасной сырьевой базы в виде днестровского и волынского

кремня (Там же. С. 29). Интересно, что картина распределения орудий и отходов кремнеобработки, подобная культуре Варна, получает распространение в Триполье не ранее этапа VII и связана с распространением крупных пластин. Собственные исследования Н. Н. Скакун на трипольском поселении-мастерской у с. Бодаки показали, что процесс изготовления пластин был вынесен за пределы обычных поселений (Скакун и др., 2005). При этом во время раскопок, например, крупных поселений в междуречье Южного Буга и Днепра находки отходов кремнеобработки практически отсутствуют, а почти все найденные как в комплексах, так и подъемном материале орудия изготовлены с использованием пластин (Шмаглий, Видейко, 2001–2002. С. 44–140).

Н. Н. Скакун вполне аргументированно показывает, что уже в эпоху энеолита носители культуры Варна пошли по пути общественного разделения труда. Собственно говоря, полученная картина более соответствует уровню развития общества, которое оставило «золотой некрополь» Варны, нежели представлениям о примитивном, эгалитарном социуме древних земледельцев Европы. При этом данная картина существенно более полная и разносторонняя (и поэтому выглядит более убедительно), нежели созданная лишь с привлечением данных о металле и керамике этой культуры.

Таким образом, монография Н. Н. Скакун наглядно демонстрирует, что адекватные представления относительно уровня развития древних производств и технологий уже невозможно получить исключительно путем типологического изучения производственного инвентаря. Для этого необходимо проведение специальных трасологических исследований с последующим экспериментальным воссозданием древних производств.

В то же время дискуссионными представляются выводы относительно того, что исчерпание «внутренних резервов прогрессивного развития производства орудий труда» стало одной из причин перерыва в поступательном развитии культур Варна и Коджадермен-Караново-Гумельница (Скакун, 2006. С. 70). Ведь сменившие их культурные комплексы использовали на протяжении последующих тысячелетий все те достижения, которые были известны со времен культуры Варна,

причем практически в тех же организационных формах ремесел.

В последнее десятилетие новые раскопки в дунайском регионе дали немало новой информации относительно распространения, хронологии, хозяйства, а также исторических судеб носителей культур Варна, Коджадермен-Караново-Гумельница и их наследников (Ханзен и др., 2011; Bruyako et al., 2005). Как показывают специальные исследования, в тот период гораздо большее влияние на судьбы региона имели экологические факторы (Weninger et al., 2009. P. 7–61), а приспособление к новым условиям требовало в первую очередь перестройки системы хозяйствования в области земледелия и скотоводства, а при невозможности – смены территории обитания.

Особо следует отметить, что почти половину объема монографии составляют иллюстрации. При этом здесь можно найти не только традиционные для изданий археологических материалов рисунки и фотографии находок, но и фотографии процесса и результатов многочисленных экспериментов с использованием реконструкции орудий. Здесь и опыты по изготовлению самих орудий, и обработка различных материалов, пахота, сбор урожая с помощью серпов с кремневыми вкладышами, помол зерна. Широко представлены уникальные материалы из богатого фотоархива исследовательницы, накопленного на протяжении многих десятилетий.

Данную монографию можно смело рекомендовать не только специалистам, изучающим археологию медного века, но и всем, кого интересует картина мира древних земледельцев Европы, их повседневная жизнь.

В заключение хотелось бы напомнить, что много лет Н. Н. Скакун проводила археологические исследования на территории Украины, в Тернопольской области. Возглавляемая ею Энеолитическая экспедиция успешно исследовала уникальный памятник: поселение-мастерскую трипольской культуры у с. Бодаки, изучению которой уже посвящены многочисленные публикации, носящие предварительный характер (Гусев и др., 2012. С. 259–284; Скакун и др., 2005). Однако и они показывают очень интересную картину не только производства, но и внешних связей данного поселения как с Трипольем, так и другими археологическими культурами

первой половины IV тыс. до н. э. на Волыни. На базе экспедиции за последнее десятилетие состоялось несколько международных специализированных конференций по вопросам археологии Триполья, соседних культур медного века и неолита, технологии древних производств. Хотелось бы надеяться, что результаты этих исследований будут представлены не менее обстоятельной публикацией, чем изучение производственных комплексов культуры Варна.

Гусев и др., 2012 – *Гусев С. А., Скакун Н. Н., Цвек Е. В.* Бодаки 2010. Отчет о проведенных работах // Земледельцы и скотоводы древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. Киев; СПб., 2012.

Скакун, 1985 – *Скакун Н. Н.* Раскопки поселения Нагорное-II в Нижнем Подунавье // Археологические открытия в СССР 1983 г. М., 1985.

Скакун, 2006 – *Скакун Н. Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006.

Скакун и др., 2005 – *Скакун Н. Н., Цвек Е. В., Круц В. А., Матеева Б. И., Корвин-Пиотровский А. Г., Самзун А., Яковлева Л. М.* Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005.

Субботин, 1983 – *Субботин Л. В.* Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев, 1983.

Тодорова, 1986 – *Тодорова Х.* Каменно-медная эпоха в Блгария. София, 1986.

Ханзен и др. 2011 – *Ханзен С., Тодераши М., Райнгрубер А., Вундерлих Ю.* Пьетреле. Поселение эпохи медного века на Нижнем Дунае // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса: Бухарест, 2011. № 2: Феномен балканского телля.

Шмаглий, Видейко, 2001–2002 – *Шмаглий Н. М., Видейко М. Ю.* Майданецкое – трипольский протогород // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса, Бухарест, 2001–2002. № 2: Земля Триполиада.

Bruyako et al., 2005 – *Bruyako I., Manzura I., Subbotin L.* Prehistoric Settlement «Kartal» (Orlovka): Preliminary information on excavations in 2001–2002 // *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education*. 2005 (Reports of Prehistoric Research Projects; № 6–7).

Dragomir, 1983 – *Dragomir I.* Eneoliticul din sud-estul României. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni. București, 1983.

Durankulak..., 2002 – *Durankulak*. Band II: Die prahistorischen Grabfelder. Teil 1–2 / *Her. H. Todorova*. Berlin; Sofia, 2002.

Weninger et al., 2009 – *Weninger B., Clare L., Rohling E., Bar-Yosef O., Böhner U., Budja M., Bundschuh M., Feurdean A., Gebe H., Jöris O., Linstädter J., Paul Mayewski P., Mühlenbruch T., Reingruber A., Rollefson G., Schyle D., Thissen L., Todorova H., Zielhofer C.* The Impact of Rapid Climate Change on Prehistoric Societies during the Holocene in the Eastern Mediterranean // *Documenta Praehistorica*. Lubjana, 2009. Vol. XXXVI.

М. Ю. Видейко

*Украина, Киев, Университет
им. Б. Гринченко,*

*Научно-исследовательская
лаборатория археологии*

Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История. 2006. 224 с., ил. ISBN: 5-98187-143-1/5981871431.

Ключевые слова: кремневая индустрия энеолита Болгарии, культура Варна, трасологические исследования, производственный инвентарь.

Keywords: the flint industry of Eneolithic of Bulgaria, Varna culture, tracewear studies, manufacturing tools.

Монография Н. Н. Скакун посвящена комплексному изучению орудий труда из камня, кости, рога и глины широко известных раннеземледельческих памятников Юго-Восточной Европы, существовавших на территории Причерноморской зоны современной Болгарии во второй половине V тыс. до н. э. Следует сразу отметить, что этот район получил большую известность главным образом благодаря выразительным изделиям из меди и золота культуры Варна. В то же время многочисленный производственный инвентарь из неметаллического сырья был изучен очень слабо, и поэтому работа Н. Н. Скакун, несомненно, является своевременной и необходимой для более глубокого понимания как технических, так экономических достижений эпохи энеолита. В ней впервые для этого региона систематизирован массовый археологический материал с поселений, созданы эталонные технико-типологическая и функциональная классификации орудий труда и сопутствующих изделий, проведено сравнение с более ранними и одновременными объектами других регионов Болгарии и сопредельных территорий. Результаты исследований показали, что всесторонний анализ данного вида археологических источников имеет неоспоримую важность в решении многих культурно-хронологических и социально-экономических проблем не только для ранних периодов каменного века, но и для его завершающих этапов, в том числе для тех культур, где металлургия меди находилась на высоком уровне развития.

Представленные в работе технико-типологические классификации производственного инвентаря из камня, кости, рога и глины отличаются логической стройностью и успешно применены автором при анализе материалов конкретных памятников, при этом анализируются способы изготовления

орудий из различных видов сырья. Несомненной заслугой автора является детальное рассмотрение кремневой индустрии, позволившее выявить ее особенности, выразившиеся в использовании новой технологии расщепления кремня с помощью рычагового механизма. Это открытие, знаменующее собой вершину совершенства кремнеобработки, позволяло древним камнетесам получать оптимальные с технической точки зрения суперправильные крупные пластины, фрагменты которых служили основными заготовками для различных инструментов. Их стандартные размеры, полученные с помощью намеренной фрагментации, способствовали стандартизации и серийности однотипных орудий. Важны также наблюдения о зависимости размеров, формы и обработки орудий от исходного сырья; о его источниках и путях поставки кремневых заготовок на поселения Причерноморской зоны из северо-восточных районов Болгарии. Проведенный анализ позволил автору со всей очевидностью показать, что кремневый инвентарь рассмотренных энеолитических объектов по всем основным параметрам отличается от материалов неолитических памятников данной территории, так как в энеолите происходит смена сырья – вместо мелкогалечного кремня неолитического периода начинают использовать крупногалечный меловой кремень из добруджских месторождений, меняется технология его расщепления, тип заготовки и соответственно типы орудий труда, появляются крупные специализированные кремнеобрабатывающие мастерские. Эти выводы привели к коренному пересмотру традиционных взглядов на кремневую индустрию энеолита Болгарии как на архаический рудимент предшествующего неолитического периода. Классификации для инструментов из камня, кости, рога редко

встречаются в работах по материалам эпохи палеометалла, а описания орудий и глины, как правило, ограничиваются пряслицами. В данной монографии эти изделия систематизированно описаны в полном объеме.

Подробная функциональная характеристика анализируемого производственного инвентаря дается на основе методики, разработанной С. А. Семеновым. Автором проведен трасологический анализ древних орудий, выполнены многочисленные эксперименты по их реконструкции и физическому моделированию процессов работы ими, при этом широко используются этнографические наблюдения, показывающие, что многие производственные навыки, уходящие корнями в эпоху энеолита, до сих пор не утрачены местным населением. Такой подход позволил автору представить не сухую схему, а живую реконструкцию многих производственных процессов. Сочетание результатов трасологического анализа, проведенных экспериментов и этнографических данных придает необходимую достоверность выводам Н. Н. Скакун о функциональном назначении орудий и способах их использования. В качестве примера успешной реализации такого подхода можно привести анализ вкладышей стругов для обработки шкуры и реконструкцию станка для обработки кож (рис. 52–53). Число таких примеров можно легко увеличить. Следы износа на орудиях детально описаны, в работе представлены их микрофотографии, подтверждающие выводы автора. Особое внимание Н. Н. Скакун уделяет стратиграфии следов работы на орудиях, использованных для разных операций. Убедительно показана последовательность работы такими орудиями и четкая связь между характером заготовки и функцией древних орудий, особенно сложных. Особо отмечено, что появление нового типа кремневой заготовки – крупной пластины повлекло за собой изготовление новых типов орудий и усовершенствование давно известных. Обоснованы выводы о специализации орудий и стандартизации производственных операций.

Н. Н. Скакун впервые в археологических материалах выделила вкладыши молотильной доски, известные ранее только по этнографическим дан-

ным. Кроме этого ею определены не известные ранее в энеолите Болгарии роговые орудия для обработки почвы, ножи для срезания травы и тростника, вкладыши скребков-стругов и кожеобрабатывающего станка, вкладыши стругов для скобления и строгания дерева, выдвинута гипотеза об использовании глиняных дисков как маховиков для механического сверления. Особенно удачно документированы следы работы на вкладышах молотильной доски.

Реконструкция хозяйства выполнена комплексно, с привлечением разнообразных источников. Подробно проанализированы разные отрасли хозяйства и их соотношение. Результаты изучения орудий труда сопоставлены с палеоботаническими и фаунистическими данными. Автор рассматривает хозяйство населения культуры Варна не изолированно, а сравнивает его как с хозяйством предшествующего периода, так и с экономикой соседних культур Юго-Восточной Европы. На этом фоне выводы Н. Н. Скакун о высоком уровне экономического развития культуры Варна звучат вполне убедительно. Не вызывает возражения тезис об оформлении ряда домашних промыслов в отрасли общинного ремесла.

Как и в любой крупной работе, в монографии Н. Н. Скакун есть, на мой взгляд, и некоторые недостатки. Так, слишком кратко дана характеристика орудий для обработки кости, хотя эти орудия довольно многочисленны и разнообразны, и роль их достаточно высока. В работе упомянуты костяные орудия для плетения, но нет ни их описания, ни рисунков, ни фотографий. Очень мало сказано об охоте и рыболовстве, хотя эти отрасли давали около 25 %, а возможно и более, мясной и рыбной пищи. Имеются досадные опечатки в тексте и приложениях.

Книга хорошо иллюстрирована, рисунки и разнообразные таблицы дают достаточно полное представление о многообразии исследованного материала, проведенных автором экспериментах и этнографических наблюдениях. Отметим, что в конце XX в. благодаря многочисленным публикациям Н. Н. Скакун западные археологи получили информацию об особенностях производственных комплексов балкано-дунайских древне-

земледельческих культур, актуализировалась тема длинных пластин, а выделение вкладышей молотильной доски послужило толчком для многих работ (П. Андерсон и др.), но, к сожалению, некоторые последователи, публикуя новые находки, не считают обязательным указать, что приводимые ими археологические, этнографические и литературные аналогии были собраны автором рецензируемой монографии (Ю. П. Зайцев и др.).

Таким образом, вне всяких сомнений, книга Н. Н. Скакун представляет собой новаторскую работу, в которой впервые для материалов одной из балканских культур приводится подробная технико-типологическая и функциональная характеристика производственного инвентаря, раскрываются основные тенденции развития хозяйства, что является весомым вкладом в изучение истории древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы.

М. Г. Жилин

Россия, Москва,

Институт археологии РАН,

*Отдел археологии каменного
века*

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК – ЗАПАД

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ КОСТЕНКОВСКОГО-БОРЩЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА»

(Воронеж, 15–17 сентября 2016)

Ключевые слова: Костенки, плейстоцен, стратиграфия, палеолит, естественнонаучные методы.
Keywords: Kostenki, Pleistocene, stratigraphy, Paleolithic, scientific methods.

Костенки, уникальное сосредоточение древнейших памятников на территории Русской равнины, неизменно привлекает внимание археологов, геологов, палеогеографов и палеонтологов со всего мира. Периодически здесь происходят широко-масштабные международные научные собрания. Во время каждого события подобного рода подводятся итоги очередного цикла полевых изысканий, исследователи заново обращаются к богатейшим накопленным материалам и намечают перспективы будущих работ. Последняя такая конференция состоялась в 2004 г. (Ранняя пора верхнего палеолита Евразии... , 2006). Новая конференция, посвященная 25-летию организации Музея-заповедника «Костенки», была организована музеем совместно с Институтом истории материальной культуры РАН, Институтом географии РАН, Департаментом культуры Воронежской области и Воронежским госуниверситетом. Она собрала большое число участников из нашей страны и зарубежных гостей из Украины, Германии, Бельгии, Великобритании, Канады, Кипра и других стран. Финансовую поддержку мероприятия осуществлял РФФИ (проект № 16-06-20616-г).

Пленарное заседание, состоявшееся в зале Воронежского Академического театра драмы им. А. В. Кольцова, открылось приветственными словами от лица руководства области, Департамента культуры и Воронежского университета. Во вступительном докладе С. А. Васильев (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) остановился на значении памят-

ников Костенок для формирования и развития отечественной науки о древнекаменном веке, истории сменявших друг друга концепций эволюции палеолитической культуры, обрисовал важнейшие нерешенные проблемы нынешнего этапа изучения Костенок. А. Д. Пряхин (Воронежский госуниверситет) посвятил свое выступление истории взаимодействия археологов Воронежа с представителями естественных наук. В. Н. Ковалевский (Музей-заповедник «Костенки», Воронеж) говорил о современной ситуации в Музее-заповеднике, наметил перспективы развития музея на будущее. Н. Д. Корнюшин (Воронежское региональное общество императора Петра Великого, Воронеж) рассказал о планах создания национального парка «Воронежское Подонье».

Работа конференции проходила по нескольким секциям. Под руководством В. Н. Глазнева (Воронежский госуниверситет) была организована секция, посвященная новейшим геофизическим методам в археологии. Открывая заседание, В. Н. Глазнев обрисовал основные характеристики моделей археологических объектов и их поля. В докладах речь шла о применении различных методов геофизического зондирования археологических памятников – электротомографии (доклад А. А. Бакумцева и В. Н. Глазнева; Воронежский госуниверситет), георадиолокации (доклад С. А. Зацепина и А. А. Аузина; Воронежский госуниверситет). Возможности геофизического обследования палеолитических стоянок стали темой выступлений

М. В. Косовягиной (НПО «Мостовик», Омск) с соавторами по материалам стоянки Костенки 11 и М. Н. Кандинова (Музей антропологии МГУ, Москва) с коллегами по стоянке Авдеево. В. Г. Бездудный (лаборатория «Археологическая геофизика», Ростов-на-Дону) с соавторами доложили о результатах магнитометрической съемки на раннесредневековом Гочевском поселении.

Две основные секции конференции были посвящены вопросам геохронологии и реконструкциям палеосреды, а также проблемам археологии палеолита. Работа первой из упомянутых секций проходила под руководством А. А. Сеницына (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), вторую вел С. Н. Лисицын (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Поскольку темы, затрагиваемые на секциях, по большей части были сходны, а в дальнейшем работа секций была объединена, мы рассмотрим содержание представленных докладов без разбивки.

Начнем с собственно костенковской тематики. А. В. Панин (Институт географии РАН, Москва) разработал реконструкцию истории формирования долинно-балочной сети системы Покровского лога и предложил свою версию причин удобства выбора данного места для обитания палеолитического человека. Тема была подхвачена в выступлении Ю. А. Лаврушина и Е. А. Спиридоновой (Геологический институт РАН, Москва). Авторы считали, что древних людей в Костенки привлекали места естественной гибели мамонтов в селевых потоках. А. К. Маркова и А. Ю. Пузаченко (Институт географии РАН, Москва) ознакомили собравшихся с новой сводкой фаунистических остатков из костенковских стоянок, представленной на широком фоне развития перигляциального фаунистического комплекса на Русской равнине. А. А. Сеницын разработал схему радиоуглеродной хронологии ранних верхнепалеолитических комплексов Костенок, выделив ряд перерывов в заселенности, связанных со сменой культурных традиций.

В докладе международной группы исследователей во главе с С. Н. Седовым (Институт геологии Национального автономного университета Мексики, Мехико), зачитанном А. А. Сеницыным, предлагались результаты комплексного исследования палеопочв разреза Маркиной Горы. Представляя другое коллективное выступление, П. Эзарц

(Королевский институт естественных наук, Брюссель, Бельгия) описал абсолютную хронологию сложной стратиграфической последовательности Маркиной Горы и провел корреляцию данной колонки с опорными разрезами позднего плейстоцена Евразии. Продолжая тему, Ф. Нист (Кембриджский университет, Великобритания) с соавторами представил серии новых радиоуглеродных датировок костенковских памятников и предложил хронологическую схему для памятников стрелецкой культуры. С. Н. Лисицын с соавторами рассказал о результатах нового цикла раскопок на стоянке Костенки 12. Вопросы датировки были подробно рассмотрены в докладе большой группы исследователей разных стран, зачитанном А. А. Бессудновым (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Авторы доклада придерживаются мнения о «короткой» хронологии памятников стрелецкой культуры в Костенках, выражая сомнения в принадлежности комплексов так называемой «аносовско-тельманской культуры» к данной общности.

М. Н. Желтова (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) остановилась на спорных вопросах стратиграфического и планиграфического исследования материалов стоянки Костенки 4. К. Н. Степанова (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) говорила о результатах трасологического и экспериментального изучения серии терочных плит из различных стоянок Костенок. В докладе, зачитанном Н. Б. Ахметгалеевой (Курчатовский краеведческий музей, Курчатов), содержались предварительные итоги анализа большой коллекции изделий из кости, происходящих из новых раскопок стоянки Аносовка 2. В двух сообщениях, представленных Г. М. Левковской (Санкт-Петербург) в соавторстве с А. Е. Дудиным (Музей-заповедник «Костенки», Воронеж), были приведены данные по остаткам растений из культурных слоев костенковских стоянок.

В. И. Беляева (Санкт-Петербургский госуниверситет, Санкт-Петербург) рассказала о результатах поисковых работ в бассейне Сейма. А. Н. Бессуднов (Липецкий госуниверситет) и А. А. Бессуднов изложили итоги исследования группы верхнепалеолитических памятников в Дивногорье на Дону. Т. Е. Солдатова (МГУ, Москва) наглядно продемонстрировала сложность оценки серийных

радиоуглеродных датировок на примере образцов, взятых из культурного слоя и погребений на стоянке Сунгирь. С. Ю. Лев (Институт археологии РАН, Москва) поделился новыми данными, полученными при возобновлении работ в Зарайске. Здесь открыты следы ранее неизвестных жилых площадок костенковско-авдеевского типа.

Помимо проблематики верхнего палеолита Средней России, были заслушаны доклады, посвященные вопросам палеолита разных эпох и территорий. В выступлении А. В. Колесника (Донецкий национальный университет, Украина) содержались сведения о раскопках граветтской кремнеобрабатывающей мастерской Выдылыха на Северском Донце. П. Ю. Павлов (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар) дал развернутую характеристику изменений природной среды и развития позднепалеолитической культуры на северо-востоке Европейской России и на Урале. С последним регионом была связана тематика доклада В. С. Житенева (МГУ, Москва), посвященного вопросам установления сезонности посещения палеолитическим человеком Каповой пещеры и времени обитания граветтских стоянок Русской равнины.

В коллективном докладе, зачитанном А. К. Очередным (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), речь шла о новых результатах изучения самой поздней на Русской равнине среднепалеолитической стоянки Бетово на Десне. А. В. Ларионова (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) изложила итоги сравнительного планиграфического анализа среднепалеолитических памятников Восточной Европы. Еще дальше в древность уходила тема выступления Д. А. Пресняковой (Тюбингенский университет, Германия), рассказавшей об изучении вариации форм ашельских рубил из древнейших африканских стоянок.

Наконец, доклад С. А. Сычевой (Институт географии РАН, Москва) был посвящен сложнейшим теоретическим вопросам выделения культуросодержащих отложений каменного века в их взаимосвязи с остатками погребенных почв.

В качестве отдельной секции (руководитель – А. А. Домбровский; Государственная инспекция историко-культурного наследия, Воронеж) были представлены сообщения, посвященные различным

аспектам истории науки, вопросам охраны памятников и поздней археологии края. Во вступительном докладе А. А. Домбровский обрисовал современное состояние законодательства Российской Федерации об охране памятников археологического наследия. Этот доклад дополнила С. В. Акимова (Государственная инспекция историко-культурного наследия, Воронеж), рассказавшая о методике постановки на государственный учет объектов археологии. Опыт популяризации археологии на примере парка «Аргамач» и планами развития познавательного туризма поделился А. Н. Голотвин (Научно-производственное объединение «Черноземье», Липецк).

Вопросам музеефикации памятников Костенок было посвящено несколько сообщений. Л. В. Кригер и М. Ю. Дьяков (Воронеж) доложили о сложной ситуации с созданием достопримечательного места «Костенковско-Борщевский историко-культурный археологический комплекс», включающего, помимо стоянок палеолита, исторические достопримечательности сел правобережья Дона.

Ряд выступлений затрагивал вопросы истории исследования Костенок. М. А. Бессуднова (Санкт-Петербург) рассказала о работах А. А. Спицына в Борщеве в 1905 г. В докладе Е. Ю. Захаровой (Воронежский госуниверситет) и А. Н. Бессуднова был дан подробный анализ использования материалов палеолита Костенок в обобщающих трудах В. А. Городцова. И. В. Котлярова (Музей-заповедник «Костенки», Воронеж) поведала о перипетиях трудной истории создания музея на месте раскопок стоянки Костенки 11 в 1960–1970-е гг. Мемориальный характер носил доклад Н. И. Платоновой (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) и Т. В. Кондауровой (Музей-заповедник «Костенки», Воронеж), посвященный памяти исследователей палеолита Костенок М. В. Аниковича и В. В. Попова. Особняком стоял теоретический доклад С. В. Папиенко (Киевский университет туризма, экономики и права, Украина) о критериях историко-культурного деления верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района в советском и постсоветском палеолитоведении.

Наконец, работа секции включала выступления А. З. Винникова (Воронежский госуниверситет) о деревянных конструкциях в курганах Борщевского

славянского могильника, А. Г. Шпилева (Курский областной музей археологии) о металлических предметах круга «хазарских древностей» VIII–X вв. из Курской области и В. А. Сарапулкина (Белгородский госуниверситет) о керамике салтово-маяцкой культуры в материалах славянских могильников Подонья.

Один из дней работы собрания был посвящен экскурсии по памятникам Костенок с показом музейной экспозиции, разрезов стоянок и остатков нового палеолитического жилища на Аносовке 2. Был издан красочный путеводитель с текстом на русском и английском языках (Костенковско-Борщевский археологический район..., 2016). С большим интересом участники конференции ознакомились с расчищенными остатками костно-земляного жилища, исследованного А. Е. Дудиным рядом со зданием музея, и обсудили сложные проблемы интерпретации такого рода археологических объектов. Был продемонстрирован новый разрез одного из древнейших памятников Костенок – многослойной стоянки Костенки 12, где раскопки М. В. Аниковича были успешно продолжены под руководством С. Н. Лисицына. Далее маршрут поездки пролегал на стоянку Костенки 14, где благодаря работам А. А. Синицына были изучены следы ранее неизвестной в Костенках ранней верхнепалеолитической культурной традиции.

Новым моментом стало возобновление работ на Костенках 21. А. А. Бессудновым здесь была вскрыта толща, включающая гмелинскую ископаемую почву и остатки трех культурных слоев. Другой многослойный памятник, стоянка Борщевое 5, является объектом долговременных раскопок С. Н. Лисицына. В продемонстрированном разрезе видна классическая последовательность костенковских гумусов и горизонта пепла; изучены остатки разновременных слоев с инвентарем восточнограветийского и ориньякского облика. Завершил экскурсию визит на древнерусское Борщевское городище.

После заключительной дискуссии участники собрания совершили экскурсию по г. Воронежу с посещением музея-корабля «Гото Предестинация». В целом прошедшая конференция наглядно продемонстрировала успешное развитие исследований, осуществляемых как традиционными экспедициями ИИМК РАН, так и сотрудниками Музея-заповедника. Предполагается издание трудов конференции.

Костенковско-Борщевский археологический район..., 2016 – Костенковско-Борщевский археологический район. Путеводитель. Воронеж, 2016.

Ранняя пора верхнего палеолита Евразии..., 2006 – Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб., 2006.

*В. Н. Ковалевский
Россия, Воронеж,
Музей-заповедник
«Костенки»*

*С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН
Отдел палеолита*

**О РАБОТЕ СЕКЦИИ T10G «ОРУДИЯ И СЛЕДЫ:
МИКРОСЛЕДЫ И ОРГАНИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ
(В СООБЩЕСТВАХ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ)»
НА VIII ВСЕМИРНОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ**

(26 августа – 2 сентября 2016 г., г. Киото, Япония)

Ключевые слова: VIII Всемирный археологический конгресс, Киото, секция T10G «Орудия и следы: микроследы и органические остатки (в сообществах охотников-собирателей)».

Keywords: VIIIth International Congress, Tokyo and Kyoto, Section T10G 'Tools and traces: microwear traces and plant residues (hunter-gatherer societies)'.

На VIII Всемирном археологическом конгрессе, который проходил с 26 августа по 2 сентября 2016 г. в г. Киото, учеными из разных стран – С. Ямадой и А. Савадой (Япония), Р. Фуллагаром (Австралия), А. Павликом (Филиппины) при активном участии членов комиссии по трасологии A17 UISPP Н. Скакун (Россия) и Л. Лонго (Сингапур) была организована секция T10G «Орудия и следы: микроследы и органические остатки (в сообществах охотников-собирателей)».

Организаторы работы секции ставили целью показать значимость трасологического анализа функций древних орудий труда для реконструкции основных сфер деятельности охотников-собирателей в разные периоды древней истории. Тематика 16 докладов и двух постеров была разнообразной и включала результаты изучения следов утилизации, изготовления и крепления орудий, способов их употребления в работе, кроме того в ряде докладов были приведены данные анализов органических остатков на рабочих лезвиях инструментов. В выступлениях затрагивались также вопросы технологического прогресса и особенностей хозяйства охотников-собирателей на протяжении каменного века от эпохи палеолита до времени ранних металлов. Многие доклады имели ряд соавторов, так как включали не только трасологические разработки, но и результаты исследований с помощью различных методов естественных наук.

После вступительного слова Ш. Ямады была представлена подготовленная заранее запись доклада Х. Бартона и др.: «Использование мелкосемянных растений в верхнем палеолите в Хауа-Фтеа (Северная Африка)». В течение ряда лет участники

проекта TRANS-NAP Кембриджского университета проводили новые раскопки пещеры Хауа-Фтеа в Северной Африке. В слоях Даббан, датированных 30000 BP, было обнаружено орудие, которое использовалось как терочник. Проведенные анализы выявили остатки растительных материалов (крахмала), при этом основные виды определенных диких злаковых являются родственными *Aegilops* spp.

Основное внимание в коллективном докладе Л. Лонго, Н. Н. Скакун и др. «Функциональный анализ терочников эпохи палеолита: раскрытие сложной системы питания в эпоху становления человека современного вида в Европе» было сконцентрировано на результатах трасологического определения типологически невыраженных крупных каменных предметов в качестве терочников из палеолитических памятников Сюрень I, Костенки 14 и 16 и анализа обнаруженных на некоторых из них органических остатков. Исследование следов утилизации сопровождалось экспериментальными работами и изучением этнографических коллекций. Полученные данные позволяют говорить о возможном использовании растительного сырья как источника калорийной пищи во время первых волн освоения Европы человеком современного вида¹.

К. Нобудзико в своем докладе «Обработка пищевых ресурсов в среднем Дзёмоне в Северной Японии сквозь призму анализа следов использования и растительных материалов» остановился на характеристике каменных орудий, которые применялись для обработки пищи в среднем Дзёмоне

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00546).

на Хоккайдо и Северном Тохоку. Проведенные эксперименты показали, что следы использования на археологических образцах были скорее от толчения, чем от растирания, мягкого материала. Присутствие на каменных орудиях остатков желудей и корневищ растений указывает на то, что они служили для извлечения крахмала. Эти результаты находят аналогии в этнографических орудиях айну, на поверхностях которых были обнаружены остатки папоротника-орляка.

В докладе Дз. Хасидзумэ «Изменения в использовании каменных топоров в конце плейстоцена в Центральной Японии» рассматривались различные типы каменных топоров, широко распространенных на Японском архипелаге в конце плейстоцена (16–11 500 кал. ВР), и анализ следов утилизации и деформации рабочих лезвий, характерных для деревообрабатывающих рубящих орудий. Особое внимание было уделено реконструкции адаптационных механизмов к меняющимся условиям окружающей среды на протяжении финала плейстоцена в Центральной Японии.

Э. Хайес и Р. Фуллагар и др. представили доклад «Каменные орудия с макроследами заполировки в сообществах охотников-собирателей и земледельцев Юго-Восточной Азии и Австралии». Авторы доклада, основываясь на результатах анализа инструментария собирателей плейстоцена и земледельцев голоцена Австралии и островной Юго-Восточной Азии, пришли к заключению об использовании ряда инструментов с сильной заполированностью рабочих лезвий для срезания травы, обработки семян, растительных волокон и дерева.

Доклад Н. Накадзима и др. «Изменения в технологии изготовления каменных орудий и окружающей среды в течение плейстоцена и голоцена на отдаленных островах в Уоллесеи» был посвящен анализу каменных орудий, происходящих из раскопок Леанг Сарру на острове Талауд (Индонезия). Трасологическое изучение производственного инвентаря позволило охарактеризовать хозяйственные особенности сообществ, обитавших в условиях изолированного острова. Было установлено, что технологии изготовления и морфология каменных орудий подверглись значительным изменениям после перехода от плейстоцена к го-

лоцену, что, в частности, выразилось в появлении шлифованных инструментов.

Тематика, представленная в предыдущем выступлении, была продолжена в докладе А. Павлика и Р. Фуентес «Целесообразная или эффективная технология? Древний орудийный набор и трасология на Филиппинах». Он был посвящен результатам трасологических исследований производственного инвентаря памятников Сулавеси, а также орудийных комплексов финала плейстоцена на Филиппинах. Исследования показали широкий спектр функционального использования неретушированных кремневых инструментов. Отмечено, что в орудийных наборах из объектов тех регионов островной Юго-Восточной Азии, где отсутствуют выходы кремнистых пород, наблюдается вторичное использование многих инструментов, а также наличие костяной индустрии и орудий из раковин.

Р. Донауэ и др. представили доклад «Использование орудий, деятельность сообществ и направленность хозяйства поселения Стэнтон Вэст – крупного мезолитического памятника в Северной Англии». При изучении материалов поселения С. Вэст был проведен трасологический анализ следов износа на более чем 700 артефактах, установивший их разнообразное функциональное назначение, причем многие из них были связаны с рыболовством. Результаты всесторонних исследований археологических материалов позволяют предполагать, что стоянка была местом, где представители различных мезолитических племен занимались эффективной рыбной ловлей.

Э. Литтл и др. в своем выступлении «Создавая пространство: использование орудий и деятельность на раннемезолитическом памятнике Стар-Карр (Великобритания) – комплексный подход к анализу памятника раннего послеледниковья Стар-Карр (долина Пикеринг, Йоркшир, Великобритания)», посвященном изучению функции орудий труда и реконструкции видов производственной деятельности на раннемезолитическом памятнике, показали важность всестороннего подхода к анализу исследуемых материалов. Результаты трасологических исследований орудийного комплекса в сочетании с рядом других методов: трехмерным пространственным моделированием, реконструкцией древней окружающей среды, техно-

логическими исследованиями и ремонтом, не только позволили реконструировать виды хозяйственной деятельности, но и выявили определенные различия между функциональным набором использованных орудий на засушливых и сильно увлажненных участках памятника.

А. ван Жин и А. Вербаас в докладе «Вариативность типологии и использования орудий среди охотников-собирателей позднего мезолита в дельте нижнего Рейна (Нидерланды): спасательные раскопки в данном регионе и последние находки» рассказали об изучении функций кремневых орудий, анализе органических остатков на их лезвиях и отметили, что одной из специфических черт исследованных орудийных комплексов является наличие большого количества неретушированных изделий со следами утилизации.

П. В. Волков и Л. В. Лбова представили доклад «Микроследы на артефактах из бивня мамонта из верхнепалеолитической стоянки Мальта (Южная Сибирь)». Технично-трассологические исследования заготовок, законченных изделий и их фрагментов позволили авторам охарактеризовать различные технологические приемы, использованные при создании антропоморфных и зооморфных фигурок, а также выявить отличия в технологии их изготовления с применением определенного набора орудий. Изученная серия изделий, сделанных из бивня мамонта, позволяет предполагать существование серийности и стандартизации в палеолитическом производстве подобных вещей.

К. Петрицакова и Л. Хроникова в своем исследовании «Экономическая система сквозь призму погребального обряда в позднем каменном веке Центральной Европы: трассологический анализ кремневых орудий из погребений культуры шнуровой керамики» проанализировали предварительные данные изучения функций кремневых изделий, происходящих из трех крупных могильников, расположенных в Чехии. Авторы предполагают, что дальнейшие разработки с привлечением большего количества материалов позволят определить основные направления хозяйства сообществ позднекаменного века, оставивших эти памятники.

А. Савада представил доклад «Трассологические исследования каменного инвентаря из погребений памятника Ямамото позднего периода Яёй в Севе-

ро-Восточной Японии». К периоду Яёй относятся первые данные о выращивании риса, однако охота и собирательство оставались важной частью хозяйственной деятельности на Хонсю. Трассологические анализы позволили установить, что утилизированные орудия являлись элементами погребального инвентаря на протяжении от позднего Дзёмон и начала среднего Яёй. Этот факт свидетельствует о некоторых общих чертах в их погребальной практике. Т. Сангава в докладе «Новый подход в интерпретации трассологического анализа: исследование межгрупповых взаимодействий в обществах с микролитическими индустриями верхнего палеолита Кюсю» обращает внимание на важность сочетания технологического и трассологического анализов. Применение данной методики позволило автору выявить общее и особенное в технологии расщепления обсидиана и использования микропластин в северо-западном и южном районах острова. На основе полученных результатов делается вывод о возможности взаимодействия населения, обитавшего в этих частях Кюсю.

К. Сано в своем докладе «Использование технологий высокочастотного совмещения фотографий для лучшей документации и интерпретации микроследов и остатков веществ: на примере комплекса памятника среднего этапа верхнего палеолита Симохара-Фудзимитё (Токио, Япония)» продемонстрировал результаты исследования различных микроследов и остатков веществ на каменных артефактах с применением функций высокочастотного совмещения фотографий в модели Keyence VHX-5000 и автоматической трехмерной фиксации (XYZ). Это дало возможность создать многомерную картинку, состоящую из многочисленных, полностью сфокусированных индивидуальных фотографий, полученных под микроскопом при увеличении от 20 до 2000 раз. Такая полноценная широкодиапазонная фотография поверхности каменных изделий позволяет получать визуальные данные, необходимые для понимания взаимосвязи между многочисленными изолированными следами микроизноса.

Последнее выступление под названием «Традиция использования бус из раковин *Oliva* в Тимор-Лесте в течение 38 тысяч лет» было сделано М. Л. Лэнгли и С. О'Коннор. Авторы на основании

изучения морфометрических, тафономических и микроскопических анализов 487 раковин *Oliva*, найденных на памятниках Тимор-Лесте – Джери-малай, Лене Хара, Матья Куру 1 и 2, и сравнения их с современными и экспериментальными образцами делают вывод о том, что на территории островной Юго-Восточной Азии бусы из раковин являются важным индикатором когнитивной деятельности и культурных поведенческих моделей на протяжении длительного времени.

Два постерных доклада дополнили устную секцию. Ш. Ямада в докладе «Социальная практика охотников-собирателей сквозь призму исследования следов использования: анализ ножей с притупленной спинкой из верхнепалеолитического памятника Таромизуно 2 (Япония)» на основании трасологического изучения пластин с притупленной спинкой приходит к выводу о том, что эти изделия являлись специально изготовленными стандартными заготовками для ножей, служивших для разделки туш животных. Подобная интерпретация находит подтверждение в социальном значении совместного деления мяса, описанного в этнографии. Разделка мяса на стоянке Таромизуно могла являться специализированным занятием, которое практиковалось отдельными членами социума с помощью определенного набора орудий.

Второй постерный доклад «Функциональное назначение небольшого камня с отверстием. Реконструкция основе технологического анализа технологии сверления в памятниках среднего Дзёмон» был представлен М. Оба. Автор проил-

люстрировал серию экспериментальных работ, позволивших определить функциональное назначение небольших камней с отверстием, происходящих из материалов времени среднего Дзёмон, в частности с памятника Мидзукада в северо-восточной части Хонсю (Япония). Основой для проведенных опытов послужило изучение следов утилизации на археологических и этнографических изделиях. Полученные данные позволяют предполагать, что эти орудия могли использоваться как груз при лучковом сверлении отверстий в изделиях, известных под названием «каменная корона», чье назначение до сих пор не установлено.

На заключительном заседании при подведении итогов работы секции выступавшие отметили большое значение комплексного подхода к изучению функций древних орудий, включающего анализ не только следов утилизации, но и органических остатков. Большой интерес вызвало обсуждение работ японских коллег, а также первые исследования артефактов из камня и раковин тропических регионов островной Юго-Восточной Азии. Участники дискуссии особо отметили, что в заслушанных докладах были представлены разнообразные темы, и констатировали, что в настоящее время трасология, основанная С. А. Семеновым, является одним из динамично развивающихся археологических методов, активно использующим новые цифровые технологии и программное обеспечение, что имеет большое значение для аналитических разработок и интерпретационных построений.

*А. Павлик (Alfred F. Pawlik)
Philippines, 1101 Quezon City,
Albert Hall, 1 Lakandula Street
University of the Philippines,
Archaeological Studies
Program*

*Н. Н. Скакун
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН
Экспериментально-трасоло-
гическая лаборатория*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АДАЛЬБЕРТ ЧЕРНЫЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ. ПИОНЕРЫ АРХЕОЛОГИИ В АЛЬБА ЮЛИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ» («ADALBERT CSERNI AND HIS CONTEMPORARIES. THE PIONEERS OF ARCHAEOLOGY IN ALBA IULIA AND BEYOND»)

(15–18 апреля 2016 г., Альба Юлия, Румыния)

Ключевые слова: история археологии, Адальберт Черный, Альба Юлия, городская археология, музееведение.

Keywords: history of archaeology, Adalbert Cserni, Alba Iulia, urban archaeology, museology.

С 15 по 18 апреля 2016 г. в Румынии в г. Альба Юлия, одном из самых древних городов Трансильвании, состоялась международная научная конференция «Адальберт Черный и его современники. Пионеры археологии в Альба Юлии и за ее пределами» (Adalbert Cserni and his contemporaries. The Pioneers of Archaeology in Alba Iulia and Beyond). Она была организована при поддержке Национального музея Объединения, Университета «1 декабря 1918», Национальных библиотеки и архива Румынии и администрации г. Альба Юлия. Конференция была посвящена трансильванскому ученому, археологу, музееведу А. Черному (1867–1916) – основателю первого археологического музея в Альба Юлии и одному из основоположников городской археологии в Трансильвании. А. Черный много сделал для развития местной археологии в конце XIX – начале XX вв., однако его имя на долгие годы оказалось незаслуженно забыто. В 2016 г. в столетнюю годовщину смерти ученого основной целью конференции стало привлечение внимания широкого круга научной общественности к его персоне, биографии, научной и музейной деятельности. Вместе с тем, современная оценка научного вклада проводилась на фоне общей картины развития археологической науки в Европе во второй половине XIX – начале XX в. В конференции приняли участие более 50 ученых из Румынии, Венгрии, Австрии, Франции, Великобритании и России. Россию представляли исследователи из Санкт-Петербурга и Москвы – сотрудники ИИМК РАН, СПбГУ, СПбФРАН, ГИМ. Программа конференции была очень насыщенной, тематически доклады были организованы по пяти направлениям: 1) жизнь и деятельность А. Черного; 2) социальные и академические связи первопро-

ходцев археологии; 3) зарождение городской археологии; 4) от коллекций древностей до первого музея; 5) национализм и идеология в археологии.

Конференция открылась приветственными словами организаторов и докладом профессора Ливерпульского университета Ф. Фримана (Philip Freeman). Он раскрыл подробности путешествий одного из крупнейших исследователей археологии Римской империи и автора теории «романизации» Британии профессора Оксфордского университета Ф. Хаверфилда по восточной части Австро-Венгерской империи в 1880-х гг. и показал их влияние на формирование его дальнейших научных взглядов.

Блок докладов ученых из Румынии и Венгрии освещал различные направления деятельности главной персоны конференции – А. Черного. Ч. Сзабо (Csaba Szabo) в своем сообщении дал общую оценку потенциала научного наследия ученого и продемонстрировал перспективы его дальнейшего изучения. В. Руси-Болиндет (Viorica Rusu-Bolindeț), Р. Ота (Radu Ota) и И. Опреа (Ioan Oprea) рассмотрели вклад А. Черного в археологическое изучение памятников римского времени в Апулуме (римское название г. Альба Юлия). К. Шутеу (Călin Șuteu) рассказал о работе со старыми фотографиями из коллекции А. Черного, которая является частью проекта «Альба-Юлия – история в образах города через его улицы и памятники», направленного на оцифровку фотоизображений людей, памятников и сцен из жизни Альба Юлии в конце XIX – первой половины XX в. и обеспечение к ним широкого доступа в Интернете. Здесь же прозвучал доклад Э. Иштванович (Eszter Istvanovits) и ее коллег о типичном представителе первого поколения венгерских археологов второй половины XIX в.

А. Жозе – главном враче графства, который прошел путь от энтузиаста-любителя до профессионального археолога и основателя музея. Доклад сопровождался не только презентацией, но и документально-художественным фильмом об А. Жозе и его увлечении археологией, снятом сотрудниками музея, которые и сыграли в нем главные роли.

Ряд докладов был посвящен биографиям и историям тех, кто превращал археологию из обычного увлечения поиском древностей и коллекционированием в фундаментальную науку. Общность культурных процессов, протекавших в Европе во второй половине XIX в., обусловила сходство судеб людей, основывавших местные и школьные музеи, проводивших раскопки, и в итоге формировавших научное представление об археологии. Среди них были как школьные преподаватели Л. Мартофи (доклад Э. Припона/*Emanoil Pripon*) и Ф. Фетцер (доклад И. Бежинариу/*Ioan Bejinariu*), юрист Л. Юхас (доклад А. Витари-Вебер/*Adrienn Vitári-Wéber*), так и «профессионалы» – епископский архивариус, а позднее директор музея в Пече О. Сеньи (доклад О. Габора/*Olivér Gábor*), профессор древней истории Бухарестского университета и директор Музея национальных древностей Г. Токилеску (доклад И. Ахим/*Irina Achim* и К. Борш/*Corina I. Borş*), историк Л. Бём (доклад Д. Цейку/*Dumitru Ţeicu*), художник и хранитель музея в Нанси Ш. Курно (доклад Ж. Корин/*Jenny Kaurin*). В. Ю. Соболев рассказал о начальном этапе развития средневековой археологии на Северо-Западе Российской империи и археологах второй половины XIX – начале XX в. К. А. Гусев дал обзор развития антропологии в России на основе материалов переписки русского ученого Д. Н. Анучина с его европейскими коллегами. Судьба, научная жизнь и материалы исследований С. Торма (*Zsófia Torma*), женщины-археолога, «чуждачки», не признанной археологическим сообществом Австро-Венгрии, но пользовавшейся уважением таких исследователей, как П. Райнеке, Ф. Хаверфилд и А. Сейс, рассматривались в выступлениях Л. Колтофен (*Laura Coltofean*), А. Бобина (*Ancuța Bobîna*) и Б. Санта (*Béla Santa*).

Следующая секция конференции была посвящена зарождению городской археологии в Европе и ее влиянию на современную науку. В докладах У. Ланг (*Orsolya Láng*), Бритты Бургхардт (*Britta*

Burkhardt), А. Теодор (*Alexandra Teodor*) и К. Сидо (*Katalin Sidó*) затрагивались вопросы возможности привлечения и использования материалов раскопок XIX – начала XX столетия в современных исследованиях в Румынии и Венгрии. Доклады Ф. Фодореан (*Florin Fodorean*) и А. Хамат (*Ana Hamat*) были посвящены важности сохранившихся публикаций и архивных источников, а также роли исследователей. В своем выступлении К.-Г. Александреску (*Cristina-Georgeta Alexandrescu*) осветил деятельность Французской археологической миссии 1865 г. в румынских княжествах. Вновь выявленные архивные материалы позволили проследить основные цели, методы и приоритеты работы французских исследователей. Деятельности И.-Б. Койне (*Johann Baptist Keune*), директора музея города Метц, и зарождению археологии в Лотарингии было посвящено сообщение Ж. Траппа (*Julien Trapp*). В результате Франко-Прусской войны, итогом которой явилась аннексия Эльзаса и Лотарингии Германской империей, сложилась трудная ситуация для археологических исследований в этом регионе, усугублявшаяся натянутыми отношениями между французскими и немецкими археологами. Положение изменилась благодаря деятельности И. Б. Кейна, который имел широкие научные связи, в том числе и в среде немецких ученых.

В секции «От антикварного собирательства к первым музеям: новые перспективы в музейном изучении» прозвучала серия докладов, посвященных формированию первых археологических коллекций и музеев. С. Панзель (*Szilámér Pánczél*) и З. Гиорфи (*Zalán Gyórfi*) представили сообщение об археологической коллекции К. Ференца (*K. Ferencz*), приходского священника, одного из основателей местного музея прикладного искусства и инициатора первых археологических раскопок. Впоследствии коллекция была передана в римско-католическую школу для мальчиков в Тыргу-Муреш, ее части поступили в Мурешский уездный музей, основанный в 1950-х гг. О деятельности Общества истории и археологии округа Хунедоара доложила К. Бодо (*Cristina Bodó*). Основанное в 1880 г. Общество собирало сведения об археологических памятниках, формировало коллекцию древностей, вело раскопки памятников римского периода. Е. Г. Застрожнова в своем докладе раскрыла подробности истории

сложения античной коллекции Государственного исторического музея, добытой в процессе раскопок античного города Фанагории К. К. Герцем и И. Е. Забелиным. Д. Корнеа (Delia Cornea) сделала сообщение о вновь выявленных документах из собрания архива Румынской академии наук по истории возникновения и становления музееведения в Добрудже в конце XIX в.

Одно из заседаний состоялось в замке Санкрэ, в живописном пригороде Альба Юлии. На нем К. Николае (Cătălin Nikolae) подробно рассказал о коллекции фотодокументов из собрания Института археологии им. В. Парвана, М. Чута (Marius Ciută) – о проблемах защиты археологического наследия древнего Апулума на примере находки уникальной статуи Геркулеса в 2013 г.

На итоговом заседании были сделаны несколько докладов, посвященные законодательному обеспечению и организации охраны археологических памятников в Румынии (Corina I. Boș, Irina Achim) и Российской империи (М. В. Медведевой) во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. Это время, по выражению С. Й. Станчуй (Sándor József Sztáncsu), – время «динамичного развития археологии в восточной и юго-восточной Трансильвании» и в Европе в целом, требовало комплексного подхода к сохранению памятников, включая изменение существующих и принятие новых законов, организацию системы охраны памятников и создание местных региональных музеев. Отдельное внимание было уделено влиянию политических и идеологических течений на археологию, усилению и расцвету «романтического национализма» в Австро-Венгерской империи (доклады М. Эгри/Mariana Egri, А. Рустою/Aurel Rustoiu и Х. Забельницки/Heinrich Zabelnicky) и в Трансильвании (доклад Д. Петруц/David Petruț и Е. Галла/E. Gáll).

Для участников конференции были проведены экскурсии по Национальному музею Альба Юлии, музею Принципат, уникальной библиотеке Батьяни и другим культурно-историческим объектам. В Национальном музее Объединения к конференции было приурочено торжественное открытие выставки, посвященной жизни и различным аспектам деятельности А. Черного. Одновременно состоя-

лась презентация монографии одного из основных организаторов конференции Ч. Сзабо об А. Черном (Csaba Szabo «Bela Cserni and the beginning of urban archaeology in Alba Iulia». Cluj-Napoca, 2016).

В течение четырех интенсивных дней международной конференции в докладах участников были представлены научное наследие А. Черного и новые результаты, достигнутые в исследовании его работ и жизни, академическая деятельность ученых различных стран во второй половине XIX – начале XX в., зарождение современной музеологии и городской археологии в этот же период, а также основные идеологические течения (национализм, сексизм и империализм), которые нашли отражение в еще только формирующейся тогда археологической науке. В материалах выступлений прослеживаются единые тенденции в развитии археологической науки от первых любительских шагов до создания государственных музеев и систем, регламентирующих археологические исследования и охрану национальных памятников во второй половине XIX – начале XX в.

Проведение подобной целевой историографической конференции еще раз доказывает рост общеевропейского интереса к исследованиям в области истории археологии и дает новые возможности ученым разных стран объединить свои усилия и наладить дальнейшее сотрудничество в деле изучения развития археологической мысли в Европе и России.

*Е. Г. Застрожнова
Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский
филиал архива РАН*

*М. В. Медведева
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН*

*В. Ю. Соболев
Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский
государственный
университет*

ФИНЛЯНДСКО-РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ. ИТОГИ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ. 1969–2014 гг.

Ключевые слова: советско/российско-финляндское научное сотрудничество, археология, 1969–2014 гг., итоги.

Keywords: Soviet/Russian-Finnish scientific cooperation, archaeology, 1969–2014, results.

В 2014 г. исполнилось 45 лет с тех пор, когда в 1969 г. в рамках Комитета по научно-техническому сотрудничеству между Финляндией и СССР была основана смешанная рабочая группа по финляндско-российскому сотрудничеству в области археологии. Эта инициатива основывалась на перспективной программе сотрудничества в области естественных и общественных наук принятой в СССР и Финляндии (рис. 1). По инициативе Б. А. Рыбакова и К. Ф. Мейнандера, при участии заведующей ЛОИА АН СССР Н. Н. Гуриной в Ленинграде в ноябре 1976 г. состоялся первый Советско-финляндский археологический симпозиум на тему «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья». Докладчиками выступили 15 ученых из Хельсинки, Турку, Ленинграда и Москвы. Основная тяжесть проведения этого мероприятия легла на организованный в 1974 г. сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР (ныне Отдел ИИМК РАН).

Программой сектора предусматривалось изучение истории финно-угорских племен и их связей со славянами, рассмотрение этногенеза славян, финно-угров и балтов в I тыс. н. э. Была включена и такая тема, как русско-финские отношения VIII–XIV вв.

Международная встреча 1976 г. оказалась исторической. Она положила начало прямому сотрудничеству ученых двух соседних стран. Тогда же развернулась деятельность рабочей группы по определению плана совместной работы. Заместителями сопредседателей группы стали Т. Эдгрэн и А. Н. Кирпичников, которым и пришлось взять на себя руководство основной частью конкретной организационной работы (рис. 2). Группа обеспечивала сотрудничество до конца существования СССР. Через нее осуществлялись контакты с археологами Эстонии, Латвии и Литвы. Это было очень важно для финляндской археологии, поскольку ее прямое взаимодействие с учеными прибалтийских республик было невозможно после Второй мировой войны.

Может быть, как ни в какой другой области гуманитарного знания, помимо археологии, не существует столь глубокой потребности к общению ученых двух наших стран и к диалогу и взаимопониманию. Конечно, в подходе к методологии исторических исследований в СССР и Финляндии существовали определенные различия. В данном случае важно, однако, не то, что разъединяет, а что объединяет и дает позитивные результаты. Сближение российских и финляндских археологов было продиктовано коренными потребностями развития исторической науки и всецело отвечало добрососедству, утвердившемуся между странами в то время. Профессор К. Ф. Мейнандер во время первого симпозиума в Ленинграде верно сказал: «Вряд ли можно разрешить в финской археологии любую проблему без изучения материалов советских археологов и их заключений. История расселения финской народности и развития финской культуры во все времена была тесно связана с историей соседних земель – Беломорских, Онежских, Ладожских регионов, в целом Восточной Балтики. В некоторых исследованиях мы изучаем среднее течение Волги, а в других – районы Арктики». В свою очередь, российским исследователям столь же необходимо знание финно-угорских находок и коррекция своих выводов с наблюдениями финляндских исследователей.

В финляндской науке утвердилась солидная традиция археологического знания. Такие известные ученые, как Й. Р. Аспелин, Х. Аппельгрэн-Кивало, А. М. Тальгрэн, А. Хакман, Ю. Айлио, А. Европеус, К. А. Нордман и Э. Кивикоски, знали и привлекали в своих исследованиях материалы Восточной Европы, Прибалтики и Карелии. Они изучали древности России начиная с каменного века. Первые финские археологи ездили далеко на восток, в верховья Енисея, в поисках исторических корней финнов. Как справедливо отмечал Т. Эдгрэн в своем обращении к участникам Пятого симпозиума в 1986 г.: «Передвижение человека в доисто-

Рис. 1. Встреча рабочей группы по археологии в Ленинграде в 1981 г. Слева направо: У. Сало, А. Эря-Эско, К. Ф. Мейнандер, Н. В. Хвощинская (у окна), Б. А. Рыбаков, Е. Гренхольм, А. Н. Кирпичников и Т. Эдгрэн. Спinoй к камере П. Пурхонен

Fig. 1. A joint meeting of the working group for archaeology in Leningrad in 1981. From left to right: U. Salo, A. Erä-Esko, C. F. Meinander, N. V. Khvoshchinskaya (by the window), B. A. Rybakov, E. Grönholm, A. N. Kirpichnikov and T. Edgren. In the front, turned away from the camera, P. Purhonen

рический период не было ограничено рамками каких-либо государственных границ. Далекie путешествия могли совершаться по обширной территории». Такой подход отстаивали лучшие представители финских ученых. Те контакты, которые они установили с археологами, музеями и различными организациями в России, были чрезвычайно важны для развития археологии в Финляндии. Труды финских ученых и их русских коллег подготовили период гуманитарного сближения специалистов двух стран, как только политически это стало возможно. Отчуждение между нашими государствами, связанное с военными конфликтами и различиями социального строя, отрицательно сказалось на развитии международной науки и связях ученых. «Еще десять лет тому назад, – говорил на втором симпозиуме по археологии в Хельсинки в мае 1978 г. финский археолог А. Эря-Эско, – мы опасались, например, заниматься изучением карельской культуры, теперь же эти опасения прошли». На смену определенной разобщенности и недоверчивости пришла весна надежд. Научное сближение, хотя и с запозданием, стало реальностью в 1970-е гг. Оказалось, что российские и финляндские ученые давно параллельно работают над решением ряда близких исторических проблем, изучением культур неолита и эпохи бронзы, происхождением и расселением славянских и финских племен, их ремесла, торговли, международных связей, контактов Новгорода с чудью, изучением древней истории карел и города Корела. И в СССР, и в Финляндии значительное внимание уделялось учеными выявлению скандинавского влияния на историческую культуру финнов и славян, классификациям, семантике и орнаментации археологических находок, становлению

городов. Развернувшееся сотрудничество продвинуло решение всех этих актуальных вопросов науки. По верному мнению К. Ф. Мейнандера подобные человеческие и профессиональные контакты «имеют и политическое значение. Чем чаще мы будем устраивать совместные встречи, тем больше будут крепнуть узы дружбы между нашими странами, мир и сотрудничество между всеми народами». Дальнейшее развитие событий оправдало эти надежды.

Успешными оказались регулярные контакты смешанной рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии. Стало возможным организовывать взаимный обмен исследователями, осуществлять исследовательские проекты,

Рис. 2. А. Н. Кирпичников и Т. Эдгрэн
Fig. 2. A. N. Kirpichnikov and T. Edgren

способствовать финансированию организации финляндско-российских симпозиумов. В Финляндии за координацию сотрудничества отвечало Музейное ведомство, в СССР – Президиум Академии наук. На практике главным действующим лицом в СССР, а затем в России было ЛОИА АН СССР (с 1991 г. ИИМК РАН) и его Отдел славяно-финской археологии при централизованном финансировании через Академию наук. В связи с симпозиумами организовывались совместные заседания рабочих групп.

Развитие научных связей в области археологии вызвало такой общественный интерес, что его обсуждение было вынесено на XXX сессию межправительственной советско-финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, состоявшуюся в июне 1984 г. в Хельсинки. Относительно деятельности рабочей группы по археологии на сессии была принята следующая резолюция. «Советские и финские ученые активно сотрудничают в области изучения культур эпохи неолита, бронзы, раннего железного века и средневековья в форме участия в совместных экспедициях, обмена литературой и научной информацией. В рамках рабочей группы по археологии регулярно проводятся симпозиумы. Издаются доклады советских и финских ученых, сделанные на этих симпозиумах. Общая работа ученых двух стран оказывает положительное влияние на понимание исторически близких проблем, связанных с изучением культурных, социальных, этнических и демографических процессов, которые происходили на территориях обеих стран начиная с каменного века. Благодаря сотрудничеству как в СССР, так и в Финляндии возрос интерес к научным исследованиям в области археологии». Деятельность рабочей группы была признана одной из наиболее эффективных среди примерно 20 рабочих групп, осуществлявших сотрудничество в разных областях знания между СССР и Финляндией.

Начиная с 1976 г. симпозиумы проводились через каждые 2–3 года поочередно в СССР и в Финляндии. Местами таких встреч, в каждой из которых участвовало 15–20 докладчиков, являлись Хельсинки, Ленинград/Санкт-Петербург, Выборг, Таллин и Пушкинские Горы. Кроме ученых из России и Финляндии в симпозиумах принимали участие представители Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Дании, Швеции и ГДР. Всегда резервировалось время для культурной программы с посещением городов, городищ, могильников, урочищ и т. д.

(Турку, Эура, Расеборг, Хямеэнлинна, Савонлинна, Миккели, Лаппеенранта, Иматра, Поорво, Выборг, Псков, Изборск, Новгород, Орешек, Старая Ладога, Городец, Велье, Сааремаа и т. д.). На ряд русских исторических объектов нога современных иностранных ученых ступала впервые за последние десятилетия из-за существовавших долгое время в СССР административных запретов.

Научные встречи были многоцелевыми, однако объединенными в смысловые блоки. Об этом свидетельствует тематика проведенных симпозиумов. Уже одно их перечисление красноречиво. О первом симпозиуме говорилось выше. Второй – по теме «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна в железном веке и раннем средневековье» – состоялся в Хельсинки в мае 1978 г. (заслушано 20 докладов). В координации с симпозиумом в Хельсинки было проведено заседание Исполнительного Комитета Международной унии славянской археологии.

Третий симпозиум – «Археология северо-западных регионов СССР и Финляндии» – состоялся в Ленинграде в 1981 г. Четвертый – «Торговля, обмен и культурные связи народов Финно-Скандинавии и Восточной Европы» – прошел в 1983 г. в Хельсинки. Часть докладов симпозиума были связаны с изучением «волосовского феномена» как фактора формирования финского народа. Семинар по данному проекту был проведен в Ленинграде в 1984 г. Мы не перечисляем детально содержание всех прошедших встреч, они названы в приложении к данной статье. Симпозиумы состоялись: в Ленинграде в 1986 г. (5-й); в Хельсинки в 1988 г. (6-й); в Таллине в 1990 г. (7-й); в Хельсинки в 1992 г. (8-й); в Выборге в 1994 г. (9-й); в Хельсинки в 1997 г. (10-й); в Пушкинских горах в 1999 г. (11-й); в Хельсинки в 2003 г. (12-й); в Пушкинских горах в 2004 г. (13-й).

Материалы симпозиумов обязательно публиковались попеременно в каждой из участвующих стран. На наших глазах впервые в научной практике двух государств создалась уникальная международная библиотека книг по археологии и древней истории. Достоинно отметить, что сборник первого симпозиума «Финно-угры и славяне» удостоился благодарности президента Финляндии Урхо Калева Кекконена, а о книге «Новое в археологии СССР и Финляндии» президент Финляндской республики г-н Мауно Койвисто в письме от 17 января 1985 г., направленном академику Б. А. Рыбакову, написал следующее: «Желаю наилучшего успеха в Вашей научной деятельности, в совместных изысканиях финских и советских ученых, о плодотворности

которых свидетельствует и Ваш содержательный сборник». Цитированное письмо верно и точно отражает ту серьезность и внимание, с которой обе сотрудничающие стороны относятся к выполнению и реализации принятых ими научно-организационных программ.

Участвующие стороны в двух выпусках в 1990 г. опубликовали совместный обобщающий труд: «Финны в Европе VI – XV века» (см. Приложение). В нем речь идет об изучении культуры и населения Северо-Запада СССР и Финляндии эпохи раннего и развитого средневековья. То был великий переломный период, сопровождавшийся созданием государств, сложением новых общественных отношений, ускорением социальных и экономических процессов, появлением городов и крепостей. В изданиях освещены проблемы происхождения и экономического развития прибалтийско-финских народов. Впервые представлена целостная история провинций древней Финляндии, таких как собственно Финляндия, Хяме, Сатакунта, Похвянмаа, Саво и Карелия, и таких этнических образований, как водь, ижора, корела, приладожская чудь и лопь. Высказывалась идея об издании двухтомника на английском языке, но это не было осуществлено.

Тематика докладов на симпозиумах по своему разнообразию, новизне впечатляет. Рассматривались финно-славянско-карельские, скандинавские и прибалтийские связи в рамках Фенноскандинавии и всей Восточной Европы. Речь шла о чудских племенах, эстах, саамах, веси (вепсах), прибалтийских народах, волжских булгарах, славянах и древнерусском населении. Новый материал был представлен по раскопкам таких центров, как Старая Ладога, Рюриково городище, Великий Новгород, Корела-Кякисальми, Выборг, Изборск, Тимерево, Киев, Искоростень, Бирка, замок Хяме. Достойное место отводилось памятникам неолита, бронзового и железного века, а также городищам, поселениям, погребениям основных исторических эпох. Было учтено развитие населения Финляндии, Карельской, Новгородской и Псковской земель. Ряд выступлений были посвящены анализу, хронологии и классификации находок, таких как украшения, оружие, монеты. Интерес вызвали реконструкции костюма древних людей. Не остались без внимания вопросы развития хозяйства и характеристики природной среды.

Аудитория совместных выступлений по разнообразию интересов казалась необычной и собирала на заседания симпозиумов людей разного возраста и положения. Обращало внимание широ-

кое присутствие молодежи. Наши взаимоотношения не исчерпывались только строгой наукой. Не без сложности удалось организовать обоюдное участие представителей двух стран в раскопках на территории России и Финляндии (Корела – Кякисальми, Выборг, территория Карельского перешейка, Рюриково городище, Новгород, Старая Ладога, Кириллов, Архангельск, Нарьян-Мар, Мари-Эл, Вариконниemi в Хямиэнлинна и т. д.).

Финляндским коллегам передано немало советской и российской археологической литературы. В свою очередь, были получены и ответные дары. Так, в 1984 г. Т. Эдгрэн передал российским археологам более 30 копий чертежей XIX в. построек Валаамского монастыря, которые облегчают научную реставрацию этого комплекса. Музейное ведомство Финляндии предоставило аспиранту А. И. Саксе неопубликованные архивные материалы по археологии Карельского перешейка. Они помогли молодому специалисту в написании диссертации о летописной кореле.

Деятельность сотрудничающих сторон способствовала созданию фундаментальных исследований о карело-финских древностях. В 1997 г. Пирье Уйно успешно защитил докторскую диссертацию «Древняя Корела, археологические исследования». Становлению доктора Пирье Уйно как самостоятельного ученого способствовали ее неоднократные поездки с 1984 г. в Старую Ладогу, где она приняла участие в работах Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. Организовать эти поездки оказалось очень не просто. Ленинградская область с послевоенных времен была закрыта для въезда иностранцев. Требовалось особое решение Совета министров разрешающее нарушить правило. «Наверх» к властям с письмами-просьбами о разрешении таких посещений Ладоги неоднократно обращались академики И. А. Глебов, Б. Б. Пиотровский, Д. С. Лихачев. Академик Б. А. Рыбаков, первоначально поддержавший просьбу, затем изменил свое мнение, предупредил А. Н. Кирпичникова о грозящих тому неприятностях, поскольку Ладога не место для туристов. Тем не менее А. Н. Кирпичников убедил академика Д. С. Лихачева написать 2 сентября 1988 г. в Совет Министров СССР письмо, в котором такие строки: «Ходатайствую в интересах международного сотрудничества и пропаганды отечественного культурного наследия о продлении разрешения показывать иностранцам Старую Ладогу в 1989–1991 гг. с оформлением туда въезда в установленном порядке». Велико было наше

удивление, когда из Москвы неожиданно правительственные службы сообщили в Ленинградский научный центр РАН о том, что въезд в Старую Ладугу и Волховский район Ленинградской области не имеет ограничений для посещения иностранцами. Так ситуация с Пирье Уйно помогла «открыть» мировому научному сообществу исторически богатую Старую Ладугу.

В научном соревновании не отстал от финской коллеги А. И. Сакса. Он в 1998 г. представил на суд финляндских специалистов докторскую диссертацию «Карелы в железном веке и ранние этапы развития населения древней Карелии», которую в несколько измененном виде он в 2007 г. защитил уже в Санкт-Петербурге в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Мы подшучивали над А. И. Саксой: «Ай да доктор в квадрате!». Действительно, среди ингерманландских финнов такой дважды дипломированный человек оказался единственным.

Рабочая группа по сотрудничеству работала вплоть до распада Советского Союза. Ее русская часть в составе А. Н. Кирпичникова, Е. А. Рябина, А. И. Саксы прекратила свою деятельность в 1993 г. Однако тесные российско-финские контакты продолжались еще 10 лет и даже обрели новые, подчас вполне конкретные формы. Несмотря на трудности, изыскивалось финансирование, печатались труды симпозиумов. Все мы мечтали о полном возрождении наших так успешно развивавшихся многие годы дружеских научных отношений. 12.06.2013 в Генконсульстве Финляндии в Санкт-Петербурге произошла встреча финских и российских специалистов по поводу продолжения традиции двусторонних симпозиумов. Договорились о желательности возрождения рабочей группы, что было передано Музейному ведомству Финляндии. 21.01.2014 в Хельсинки состоялась совместная встреча. Было решено воссоздать рабочую группу по археологии. В ее члены вошли от ИИМК РАН Е. Н. Носов, А. Н. Кирпичников, В. Хвоцинская, В. А. Лапшин, А. И. Сакса, а с финской стороны – Пирье Уйно, Мики Лавенто, Керкко Нордквист, Юха Руохонен и Хану Таккала. В секретари пригласили А. И. Саксу и Мерви Сухонен. Российские участники высказали пожелание, чтобы сопредседателем группы с финской стороны был генеральный директор Музейного ведомства Юхани Костет.

На данном заседании были определены научные задачи рабочей группы, охватывающие все доисторические периоды, изучение средневековья и нового времени. Учтены возможные издатель-

ские и информационные работы и желательное попеременное проведение симпозиумов в каждой из сторон.

Очередной, 14-й археологический симпозиум состоялся в Хельсинки 19–21 ноября 2014 г. Поскольку со времени предыдущей встречи прошло уже 10 лет, симпозиум получил название «Новые памятники, новые методы». Его основной целью было познакомить ученых двух стран с последними достижениями славяно-русской и финской археологии в областях, вызывающих взаимный интерес, укрепить платформу для обмена информацией, установить новые персональные контакты между исследователями. Всего было заслушано 19 докладов и обсуждены пять постеров. На заседаниях присутствовало до 80 участников. Они представляли ИИМК РАН, МАЭ РАН (Кунтскамеру), Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, Университет Осло (Норвегия), Музейное ведомство Финляндии, университеты Хельсинки, Оулу и Турку, Музей города Лахти (Финляндия). Кроме того, содокладчики были из Университета Тарту (Эстония), Санкт-Петербургского государственного университета и Национального музея республики Карелия.

Географически в докладах рассматривались археологические памятники огромной территории – от Балтийского моря до центральной России – и хронологически относящиеся к периоду от каменного века до средневековья и даже нового времени. В обобщающем докладе А. Н. Кирпичникова, П. Уйно и Е. Н. Носова был дан своеобразный экскурс в историю советско/российско-финляндских археологических симпозиумов и подчеркнуто значение плодотворного научного общения ученых двух стран (частично эти материалы использованы и в данном обзоре). В 2016 г. материалы 20 докладов были оперативно изданы в Финляндии на английском языке. На 2017 г. ИИМК РАН намечено проведение 15-го Российско-финляндского симпозиума на базе Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

Приложение

Труды российско-финляндских и финляндско-российских симпозиумов

(1) *Финно-угры и славяне* [Suomalais-ugrilaiset ja slaavilaiset; Finno-Ugrien und Slawen]: Докл. первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. / ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979.

(2) *Fenno-Ugri et Slavi 1978*. Papers Presented by the Participants in the Soviet-Finnish Symposium 'The Cultural Relations between the Peoples and Countries of the Baltic Area during the Iron Age and the Early Middle Ages' in Helsinki May 20–23, 1978. Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste no. 22. Helsinki: University of Helsinki, 1980.

(3) *Новое в археологии СССР и Финляндии* [Uutta Neuvostoliiton ja Suomen arkeologiassa; Die neuesten Ergebnisse in der Archäologie der Sowjetunion und Finnlands]: Докл. третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11–15 мая 1981 г. / ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1984.

(4) *Fenno-Ugri et Slavi 1983*. Papers Presented by the Participants in the Soviet-Finnish Symposium 'Trade, Exchange and Culture Relations of the Peoples of Fenoscandia and Eastern Europe' 9–13 May 1983 in The Hanasaari Congress Center / ed. T. Edgren. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1984 (Iskos; Vol. 4).

(5) *Древности славян и финно-угров*: Докл. советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. / ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. СПб.: Наука, 1992.

(6) *Fenno-Ugri et Slavi 1988*. Papers Presented by the Participants in the Finnish-Soviet Archaeological Symposium 'Studies in the Material Culture of the Peoples of Eastern and Northern Europe' 10–16 May 1988 in the National Museum of Finland / ed. T. Edgren. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1990. (Iskos; Vol. 9).

(7) *Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs*. Papers Presented by the Participants in the Soviet-Finnish Archaeological Symposium 10–16 May 1990 in Tallinn / eds. V. Lang, J. Selirand. Tallinn: Varrak, 1992.

(8) *Fenno-ugri et slavi 1992. Prehistoric Economy and Means of Livelihood*. Papers Presented by the Participants in the Finnish-Russian Archaeological Symposium 'Prehistoric Economy and Means of Livelihood', 11–15 May 1992 in the National Museum of Finland. Museovirasto, Arkeologian osasto, julkaisu no. 5 / ed. P. Purhonen. Helsinki: Museovirasto, 1994.

(9) *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура*: Докл. российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии / ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, А. И. Сакса. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

(10) *Fenno-ugri et slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th–13th Centuries*. Papers Presented by the Participants in the Archaeological Symposium 'Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th–13th Centuries', 13–14 May 1997 in the National Museum of Finland. Museoviraston Arkeologian osaston julkaisu, no. 8 / ed. P. Purhonen. Helsinki: Museovirasto, 1999.

(11) *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары* [Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars]: Докл. Междунар. науч. симпозиума по вопро-

сам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы / ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса. СПб.: ИПК «Вести», 2000.

(12) *Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology*. Papers Presented by the Participants in the Archaeological Symposium 'Dating and Chronology', 13–14 May 2002 in the National Museum of Finland and 15–17 May 2002 in Tour in Eastern Finland. Museoviraston Arkeologian osaston julkaisu, no. 10 / ed. P. Uino. Helsinki: Museovirasto, 2004.

(13) *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур* [Slavs, Finns and Ougrien. The Zones of Contacts and Cooperation]: Докл. Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории, Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г. / ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса. СПб.: ИИМК РАН, 2006.

(14) *New Sites, New Methods*. Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium, Helsinki, 19–21 November, 2014. / eds. P. Uino, K. Nordqvist. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 2016. (Iskos; Vol. 21).

Другие публикации

Финны в Европе, VI–XV века. Прибалтийско-финские народы, историко-археологические исследования, Вып. 1: Формирование прибалтийских финнов, племена Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики / ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: Институт археологии АН СССР, 1990.

Финны в Европе, VI–XV века. Прибалтийско-финские народы, историко-археологические исследования, Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования / ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: Институт археологии АН СССР, 1990.

А. Н. Кирпичников,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН

П. Уйно,
Финляндия, Хельсинки,
Музейное ведомство
Финляндии
(Helsinki, Suomen
Museovirasto)

Е. Н. Носов,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН

XXXIII ЖЕШОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(28–29 марта 2017 г., г. Жешув, Польша)

Ключевые слова: археологические исследования, Юго-Восточная Польша, Западная Украина, Северная Словакия, археологическая наука в Европе.

Keywords: Archaeological research, South-Eastern Poland, Western Ukraine, Northern Slovakia, archaeological science in Europe.

Ежегодно в Европе проводятся научные археологические симпозиумы, круглые столы, обсуждения, конференции, в которых принимают участие ведущие исследователи с разных стран и научных учреждений. Только некоторые из этих конференций имеют высокий рейтинг и устоявшиеся традиции. К таким относится Жешовская археологическая конференция. В марте 2017 г. в Окружном музее г. Жешув (Республика Польша) состоялась ежегодная международная конференция «Археологические исследования на территории юго-восточной Польши, западной Украины и северной Словакии» (далее – Конференция). Несмотря на уже устоявшиеся традиции этого собрания как отчетной конференции, в этом году ее профиль немного изменился в более теоретически-исследовательском направлении. Представленные доклады касались проблемных вопросов, связанных с интерпретацией памятников, открытых на польско-украинско-словацком пограничье; обсуждения отдельных проблем древнейшей истории и средневековья. Также были представлены итоги многолетних исследований отдельных археологических памятников.

Открыл Конференцию директор Окружного музея в Жешове доктор Богдан Качмар. Он приветствовал участников заседания – представителей научных учреждений из Украины, Словакии, России, Польши; поблагодарил за многолетнее поддержание традиций Жешовских встреч археологов. Отдельные слова благодарности д-р Б. Качмар адресовал ее организаторам – сотрудникам Окружного музея, Жешовскому университету (ректор проф. Сильвестер Чопек) и в частности отделу археологии этого университета (руководитель проф. Анджей Розвалка).

Выступлениям согласно программе предшествовало еще одно важное событие – оглашение результатов и награждение победителей IV Польского конкурса магистерских работ по археологии. На этот раз жюри отметило студенческие исследовательские проекты, которые касались использования археологических методов локализации не сохранившихся костелов в Кракове; изучения кремневых артефактов и кострищ на археологических памятниках.

Конференция состояла из пяти сессий, в том числе постерной, на которых было представлено 37 устных и 15 стендовых докладов.

Первая сессия, во время которой было прочитано 11 докладов, проходила под председательством проф. Марты Полтович-Бобак (*M. Poltowicz-Bobak*). Открыла сессию группа польских исследователей: М. Полтович-Бобак (*M. Poltowicz-Bobak*), Д. Бобак (*D. Bobak*), А. Новак (*A. Nowak*), М. Ланчонт (*M. Łanczont*), П. Мрочек (*P. Mroczek*) и К. Стандзиковски (*K. Standzikowski*), которые представили доклад о новом верхнепалеолитическом памятнике Съвентэ 9 (*Święte 9*) возле города Ярослав в южно-восточной Польше. Несмотря на собранную численную базу археологических источников и их интердисциплинарный анализ, проблематическим является точное датирование памятника и его культурная принадлежность.

А. Богуцкий, А. Сытнык, М. Ланчонт, Е. Томеюк и Р. Коропецкий в докладе «Актуальные проблемы охраны палеолитических памятников запада Украины» затронули проблемные вопросы, характерные не только для упомянутого региона. После изучения археологических объектов большинство из них оказываются под губительным влиянием антропогенных факторов. Докладчики предложили пути выхода из этой ситуации.

О проблемах датирования, системе расселения и межкультурных отношениях прикарпатских сообществ культуры воронковидных сосудов в свете последних исследований рассказал Д. Круль (*D. Król*). Автор представил типы поселений, особенности природной среды, хронологию и распространение памятников, восточные контакты тогдашних сообществ.

Хозяйственные сооружения трипольской культуры проанализировал в своем сообщении Д. Черновол. Докладчик изучил отчеты многолетних исследований и подверг сомнению интерпретации некоторых сооружений.

Т. Ткачук и В. Антл-Вайзер (*W. Antl-Weiser*) в докладе «Исследования коллекции трипольских материалов с Шипиниц (Буковина), находящихся в Природоведческом музее (*Naturhistorisches Museum*) в Вене» представили первые результаты изучения археологических находок с раскопок, проведенных еще в первой половине XX в.

С. Вильк (*S. Wilk*) и Б. Дяковска-Куфель (*B. Dąkowska-Kufel*) представили доклад «Отщепы-стилеты люблинско-волынской культуры – предметы престижа или хозяйственные инструменты? Функциональный анализ артефактов с могильника в Ксьонжницах (*Książnice*) в Сьвентокшиском воеводстве (*Świętokrzyskie*)», в котором рассказали, как с помощью микроскопического анализа можно интерпретировать эти кремневые артефакты, зафиксировав на некоторых следы кости, кожи, растений.

О результатах функционального анализа кремневых изделий с погребальных объектов люблинско-волынской культуры на памятнике Злота (*Złota, Grodzisko II*) возле Сандомежа (*Sandomierz*) рассказал П. Мончыньски (*P. Mączyński*). Трасологическому анализу были подвергнуты артефакты, найденные во время раскопок 1930-х гг.

Э. Серадзка (*E. Sieradzka*) рассказала о культурно-хозяйственных особенностях на пограничье центральной и восточной групп культуры шаровидных амфор. Была представлена карта распространения памятников этой культуры в Восточной и Центральной Европе и проведен сравнительный анализ артефактов, их технологических особенностей и орнаментации. На этом основании сделан вывод, что сообщества, проживающие на пограничьи, не были отдельной культурной группой.

Результаты раскопок, проведенных на поздне-неолитическом могильнике в Садове (*Sadowie*) возле Опатова (*Opatów*), представил в своем докладе В. Пастеркевич (*W. Pasterkiewicz*). На могильнике, случайно открытом во время сельскохозяйственных работ, была проведена геомагнитная съемка, в результате которой зафиксировано множество погребений, которые впоследствии были изучены.

О феномене Каньчуцкой возвышенности (*Wysoczyzna Kańczucka*) с перспективы культурных отношений в позднем неолите рассказал проф. Я. Махник (*J. Machnik*). В этом исторически уникальном регионе перекрещиваются разные культурные традиции, о чем свидетельствует, среди прочего, анализ керамических артефактов.

Исследователь каменного сырья проф. М. Павликовски (*M. Pawlikowski*) в своем докладе представил комплексные минералого-петрографические и геохимические исследования археологических находок с Замка в Чудце (*Czudec*). Автор рассказал о методах и результатах изучения изразцов кафеля, строительного раствора, керамической посуды, состава красок, используемых для орнаментирования.

По итогам первой сессии состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие М. Ланчонт, А. Богуцкий, М. Рыбицка, Я. Махник, М. Бобак, Л. Старкель. Поднимались важные вопросы использования геоморфологической терминологии в археологии, особенно названий форм рельефа, геоморфологических регионов и др. Также обращалось внимание на особенности использования понятий «волынский» и «сеноманский» кремль. В связи с этим участники дискуссии высказали необходимость активизировать комплексные петрографические исследования кремневого сырья для нужд археологии. Еще одним важным вопросом, который обсуждался во время дискуссии, была проблема выделения археологических культур.

На постерной сессии было представлено 15 стендовых докладов, которые можно условно объединить на три группы. К первой относятся доклады, представляющие результаты последних полевых сезонов – как тех, на которых проводятся многолетние раскопки, так и новооткрытых археологических объектов. Это следующие постеры:

М. Байка (*M. Bajka*), М. Фльорек (*M. Florek*) «Открытие в Сандомеже (*Sandomierz*) на улице Старомейской (*Staromiejska*) в 2016 г.: праисторическая братская могила и следы поселения, а также раннесредневековое погребение». М. Фльорек (*M. Florek*) «Городище в Липнике (*Lipnik*) возле Опатова (*Opatów*). Раскопки 2015–2016 гг.». Отдельную подгруппу составляют постеры, на которых представлены результаты спасательных археологических исследований. Два стенда касались археологических работ, проведенных в Жешове: Э. А. Марек (*E. A. Marek*) «Итоги археологического надзора на ул. 3 Мая в Жешове в 2017 г.»; Т. Токарчик (*T. Tokarczyk*), П. Коцаньда (*P. Kocańda*), Х. Монцик (*H. Mącik*), А. Розвалка (*A. Rozwałka*) «Археологические исследования на ул. 3 Мая в Жешове (памятник Жешув 17)». Другие постеры: В. Глиньски (*W. Gliński*), Н. Глиньска (*N. Glińska*), М. Глиньски (*M. Gliński*) «Спасательные археологические исследования на ул. Л. Качыньского в Кельцах (*Kielce, ul. L. Kaczyńskiego*)»; К. Олешек (*K. Oleszek*), Ю. Наврот-Буковец (*J. Nawrot-Bukowiec*) «Спасательные археологические раскопки на памятнике Гродзиско Дольне 28 (*Grodzisko Dolne*) возле Лежайска (*Leżajsk*)».

Во вторую группу можно объединить стендовые доклады, представляющие более глубокий анализ археологических находок, использование методов других наук в археологических целях. Это, в частности, следующие постеры: Э. Серадзка (*E. Sieradzka*) «Керамика культуры воронковидных сосудов с Ясеницы Суфчыньской 5 (*Jasienica Sufczyńska*)»; В. Райпольд (*W. Raipold*) «Материалы эпохи бронзы и железа на памятнике Тарнобжег 5 (*Tarnobrzeg*)»; К. Карски (*K. Karcki*), М. Курась (*M. Kuraś*), Т. Токарчик (*T. Tokarczyk*) «Богато оснащенная могила воина, открытая в Козярне (*Koziarnia*) возле Ниско (*Nisko*)»; М. Чарник (*M. Czarnik*) «Последний сезон археолого-эксгумационных работ на могильнике времен Первой мировой войны в Здзярах (*Zdziary*) возле Ниско (*Nisko*)»; И. Рогуж (*J. Rogóż*) «Останки эксгумированных солдат с братских могил в Здзярах (*Zdziary*) – четвертый и последний сезон антропологических исследований»; П. Горазд-Дзюбан (*P. Gorazd-Dziuban*), П. Коцаньда (*P. Kocańda*) «Итоги археологических исследований, проведенных в Радомысле Вельком (*Radomyśl Wielki*) на

месте катастрофы самолета времен Второй мировой войны».

В третью группу можно собрать четыре доклада, имеющие более обобщенный характер, касающиеся проблемных вопросов археологии. В. Райпольд «Попытка определения количества могильников тарнобжегской культуры лужицкой и количества лиц, погребенных в них». З. Елиньски (*Z. Jeliński*), М. Мазурек (*M. Mazurek*), А. Шнайдровска (*A. Szajdrowska*) «Объект малицкой культуры на памятнике Жешув 24. Новые данные к исследованию хронологии неолита в регионе». А. Новак (*A. Nowak*) «Предынвестиционные поверхностные исследования с использованием металлоискателей в местах интенсивных боевых действий». И. Кочкин «Локализация мест добычи соли в Северно-Восточных Карпатах».

Во время второй сессии, модератором которой был проф. А. Розвалка, участники конференции представили семь докладов. Открыли сессию два реферата, представляющие итоги работ в рамках проекта междисциплинарного изучения бассейна реки Сан. Целью грантового проекта было показать локальную культурную среду в период от эпохи бронзы до раннего железного века. П. Гембица (*P. Gębica*) рассказал о геоморфологических исследованиях археологических памятников в Кальникове (*Kalników*) и Хотинце (*Chotyńiec*). В частности был проведен морфологический анализ, сделаны стратиграфические профили, изучены природные условия региона. Коллектив ученых: С. Чопек (*S. Czopek*), К. Трыбала-Зависляк (*K. Trybala-Zawisłak*), М. Бургхардт (*M. Burghardt*), Э. Оцадрыга-Токарчик (*E. Ocadryga-Tokarczyk*) и Т. Токарчик (*T. Tokarczyk*) представили реферат о исследовании памятников в Кальникове (*Kalników*) и Хотинце (*Chotyńiec*) в контексте заселения бассейна р. Вишня в бронзовом и раннем железном веке. В ходе работ были проведены полевые разведки, поверхностные исследования, шурфовки, в результате которых установлены границы скифских городищ, найдены интересные артефакты.

О поселениях бронзового и раннего железного века в Вепжце (*Wieprzec*) возле Замостя (*Zamość*) рассказали Э. М. Клосиньска (*E. M. Kłosińska*), Э. Недзьведзь (*E. Niedźwiedź*), Ю. Недзьведзь

(*J. Niedźwiedź*). На основании найденных артефактов были сделаны интересные выводы о культуре и быте проживающих в регионе сообществ.

Я. Романишин (*J. Romaniszyn*) и П. Макарович (*P. Makarowicz*) представили реферат «Белопотоцкая группа комаровской культуры – проблема интерпретации». На основании изучения артефактов с памятников Беремяны, Белый Поток, Чернелица, Городница, Нагирянка, Ставки и других установлены границы распространения белопотоцкой группы и аргументировано ее место среди других культур.

Авторский коллектив: П. Музольф (*P. Muzolf*), М. Мазурек (*M. Mazurek*) и А. Шнайдровска (*A. Sznajdrowska*) рассказали об исследованиях поселений бронзового века в районе города Пулавы (*Pulawy*), проведенных в 2016 г. в связи со строительством северного отрезка объездной дороги. Были представлены новые находки и проанализированы известные ранее многослойные археологические памятники.

И. И. Кобаль в сообщении «Ритуальные костяные предметы куштановицкой культуры на Закарпатье» проанализировал находки, зафиксированные в ходе раскопок конца XIX – первой половины XX в. С современной научной точки зрения некоторые из них можно интерпретировать по-новому.

В реферате «Общественная структура населения правобережного лесостепного Приднепровья в скифскую эпоху (вторая половина V–IV/III в. до н. э.)» М. Бургхардт (*M. Burghardt*) с помощью методов структурной археологии показал, как funerальные объекты могут свидетельствовать о структуре общества. На конкретных примерах автор продемонстрировал, как размеры курганов, погребальный инвентарь указывают на принадлежность покойника к тому или иному общественному классу.

Третья сессия, проходившая под председательством проф. М. Парчевски (*M. Parczewski*), объединила 10 докладов проблемно-теоретического характера. На обсуждение аудитории были представлены рефераты, в которых поднимались вопросы особенностей формирования культур в конкретных регионах и факторах, которые их определяют; роли и места отдельных культурных групп в истории заселения региона; культурно-

хронологической интерпретации исторических процессов. Все научные выводы делались на основании проведенных археологических раскопок, результаты которых представлены в следующих рефератах. А. Пулпанова-Рещиньска (*A. Pulpánová-Reszczyńska*) «Могильник римского времени в Незабылицах (*Niezabylice*) (Чехия) – итоги пяти сезонов польско-чешских археологических исследований». На памятнике, находящемся на пути миграций праисторических сообществ, были проведены полевые разведки, археологические раскопки и комплексные исследования, которые внесли большой вклад в изучение погребальных обрядов в этом регионе.

В. Белявец в своем докладе обратился к проблеме контактов между населением культур Среднеевропейского Барбарикума и восточноевропейской лесной зоны в эпоху римских влияний и вначале Великого переселения народов на примере материалов с Беларуси. Тщательно проанализировав результаты последних археологических работ, исследователь пришел к интересным выводам о процессах заселения этого региона.

Сообщение Г. Белицкой «Поселения поздне-римского времени на Туровском Полесье: культурно-хронологическая интерпретация» также касалось проблемных вопросов культурного разнообразия. Автор проанализировала археологические комплексы и их связь с природными условиями региона.

Вопросы археологии Полесья поднимались в следующих двух рефератах. А. Паникарский и Я. Погоральский рассказали о памятниках пражско-корчакской культуры в бассейне реки Стыр на примере памятников Хринники. Работы здесь проводятся много лет, а в сентябре 2017 г. в Хринниках состоится международная археологическая конференция. Второй реферат – о состоянии и перспективах исследований археологического комплекса Снядзин на реке Припять – представила А. Касюк. Был показан процесс раскопок древнего металлургического центра, этапы его междисциплинарных исследований и сделаны интересные выводы о его роли в культурной жизни региона.

Б. Грушка (*B. Gruszka*) в докладе «Начало раннего средневековья в бассейне Средней Одры в свете новейших археологических исследований»

представил карту памятников этого периода в регионе, проанализировал предыдущие исследования, современные охранные работы в связи со строительством автострэд. Полученные выводы расширили знания о заселении бассейна Одры в средневековье.

Г. Фусек (*G. Fusek*), М. Соляк (*M. Soják*) и П. Фецко (*P. Fecko*) в сообщении «Раннеславянские памятники в Спишском регионе (Словакия)» представили альтернативную точку зрения на датирование и интерпретирование отдельных памятников и находок в исторических границах Спиша. Этот реферат вызвал дискуссию о этапах пражской культуры, смене и последовательности культур в бассейне Дуная.

Э. Павляк (*E. Pawlak*) и П. Павляк (*P. Pawlak*) проанализировали начало раннего средневекового заселения центральной Велькопольши в свете охранно-спасательных работ, проведенных в рамках строительства автострэды А2. Присутствующим были представлены планы раскопок с локализацией объектов, анализ находок и сделаны выводы о том, что ранние следы средневекового заселения этой территории относятся к VII в.

Следующее сообщение также касалось результатов археологических работ во время строительства автострэды С. Енджеевска (*S. Jędrzejewska*) в докладе «Раннеславянское поселение с памятника Ожаньск 13 (*Ożańsk*) из новых открытий на Жешовском предгорье (*Podgórze Rzeszowskie*)» подчеркнула, что спасательные работы удвоили базу археологических источников и подтвердили потенциал этого региона в плане концентрации памятников разных эпох.

Я. Погоральский в своем реферате «Славянское жилище V–VII вв. в бассейне Верхнего и Среднего Днестра» изложил обобщительную характеристику жилищ, проведенную на основании комплексного анализа более 270 объектов с 20 поселений. Анализ включал морфометрические данные – площадь, размеры, пространственную ориентацию, конструкцию стен, наличие хозяйственных ям и т. д.

Во время последней, четвертой сессии, на которой председательствовал проф. Сильвестер Чопек (*S. Czapok*), было представлено девять рефератов, большинство из которых касалось вопросов средневековой и новейшей археологии, выдаю-

щихся личностей, значения археологии в изучении современной истории и методов популяризации археологии.

Т. Дзеньковски (*T. Dzieńkowski*) в докладе «Городыский (*Horodysko*) микрорегион в раннем Средневековье (VI–XII вв.)» представил археологическую карту региона исследований, более детально остановился на характеристике жилищ и керамических изделий. На основании этого автором были выделены этапы заселения микрорегиона.

К вопросу территориального распространения великоморавской культуры обратился в своем сообщении М. Парчевски (*M. Parczewski*). Автор провел всесторонний анализ распространения могильников и стоянок, отдельных памятников (кладов) на территории Моравии в период до экспансии Святополка. На основании этого была создана карта границ Великой Моравии.

М. Фльорек (*M. Florek*) в реферате «Чужие» в окрестностях Сандомежа и Опатова на рубеже X–XI вв. в свете археологических и топонимических источников» аргументировал наличие восточных и южных влияний на развитие этого микрорегиона. Наличие металлических и других артефактов с Киевской Руси, венгерских и словацких топонимов подтверждает эту теорию.

Об исследовании раннесредневекового могильника с погребениями в каменных кладках в Сасинах (*Sasiny*) возле Бельска (*Bielsk Podlaski*) рассказал М. Дзик (*M. Dzik*). Были затронуты вопросы методики исследования могильника, представлены важнейшие находки, сделаны акценты на угрозах, которые нависли над сохранением этого археологического памятника. Последнее обусловлено его использованием как каменного карьера и места для свалки.

В следующем докладе была представлена классификация раннесредневековой посуды с Вислицы (*Wiślica*). Н. Глинська (*N. Glińska*) проанализировала материал из раскопок 1949–1973 гг. и выделила восемь групп керамики.

О. Куценяк в сообщении «Ярослав Пастернак – исследователь Галицийской Трои» представила отчет об одноименной выставке, состоявшейся во Львовском историческом музее к 125-летию со дня рождения известного археолога, этнографа, краеведа. Докладчица рассказала о жизни и дея-

тельности ученого, его главных научных достижений, проведенных раскопках и найденных артефактах.

М. Мазурек (*M. Mazurek*), П. Музольф (*P. Muzolf*) и А. Шнайдровска (*A. Sznajdrowska*) представили реферат «Значение археологии в исследовании новейшей истории. Свидетельства военных действий, зафиксированные в Пулавском лесу на военном памятнике Пулавы 1–24 (*Pulawy*)». Авторы представили результаты использования новых методов для исследования памятников этого типа, в частности, геофизических, картографических.

К проблеме комплексного исследования и реконструкции древней керамики обратилась в своем докладе Г. Поплевко. Перспективным является использование комплексных методов изучения изготовления керамики. В докладе была проанализирована устойчивость культурных традиций в технологии изготовления керамических изделий. Также отмечалось, что технологические традиции более подвижны и чаще заимствуются от соседствующих сообществ. Эти выводы были проиллюстрированы конкретными примерами.

Завершил конференцию доклад Г. Панахид «Нетрадиционные методы популяризации архео-

логии», в котором говорилось о филуминистической археологии. Археологическая тематика на спичечных этикетках представлена изображениями артефактов, музейных экспонатов, археологических памятников, плейстоценовой фауны, освоение огня человеком, юбилеями известных археологов и др. Миллионные тиражи спичек способствовали распространению тематических изображений среди широких масс населения.

С заключительной речью к участникам конференции обратился ректор Жешовского университета проф. Сильвестер Чопек, который подвел ее итоги. По сравнению с первыми Жешовскими конференциями возросло количество участников, изменилась тематика докладов, улучшилось их качество. Иными стали методы и формы проведения археологических исследований. По итогам этих ежегодных конференций можно проследить, как развивается археологическая наука в Европе.

От имени участников XXXIII Жешовской международной археологической конференции выражаем глубокую благодарность учредителям и организаторам за теплый прием, милую домашнюю атмосферу, прекрасно устроенный быт и предоставленные возможности для обмена мнениями с коллегами-археологами.

Г. И. Панахид
Украина, Львов,
Издательство «Лига Львов»

Г. Н. Поплевко
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН

ИСТОРИЯ НАУКИ

ПО СЛЕДАМ УЧЕНОЙ ПОЕЗДКИ П. П. ПОКРЫШКИНА В 1916–1917 ГГ.: К 100-ЛЕТИЮ БУКОВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И АКАДЕМИИ НАУК

М. В. Медведева, А. Е. Мусин, В. С. Александрович¹

Аннотация. В статье дается краткая информация о научной экспедиции Археологической комиссии и Академии наук в Буковину во время Первой мировой войны с целью охраны культурного наследия в районе военных действий. Авторы характеризуют результаты поездки; приводят практические рекомендации П. П. Покрышкина по сохранению и реставрации памятников, в том числе включенных ныне в список Мирового культурного наследия ЮНЕСКО; описывают рукописные и фотографические материалы экспедиции, хранящиеся в архиве ИИМК РАН. Эти документы являются уникальным источником по истории, культуре и этнографии Украины и Румынии в связи с утратой многих памятников и музейных коллекций в XX в. Предпринятая в 2017 г. научная поездка позволила сравнить, как изменилось состояние памятников на протяжении столетия, и наметить пути дальнейшего исследования и популяризации материалов забытой экспедиции.

Annotation. This paper presents brief information about the scientific expedition of the Archaeological Commission and Academy of Sciences to Bukovina during the First World War with the goal of protection of the cultural heritage in the region of war activities. The present authors characterize the results of the trip, present Peotr P. Pokryshkin's recommendations concerning preservation and restoration of monuments including those now specified in the list of the World Cultural Heritage of UNESCO and describe the manuscript and photographic documents of the expedition which are kept in the archives of IIMK RAS. These materials are a unique source for the history, culture and ethnography of Ukraine and Romania since many monuments and museum collections were lost in the 20th century. A scientific trip undertaken in 2017 allowed us to estimate how the state of the monuments has changed during a century and project the character of the further studies and popularization of the results of the forgotten expedition.

Ключевые слова: охрана культурного наследия, Буковина, Украина, Румыния, монастыри, фрески, памятники ЮНЕСКО, Первая мировая война, экспедиция, П. П. Покрышкин, архивные материалы, ИИМК РАН.

Keywords: protection of cultural heritage, Bukovina, Ukraine, Romania, monasteries, frescos, world heritage sites of UNESCO, First World War, P. P. Pokryshkin, archive materials, Institute fir the History of Material Culture (IIMK) RAS.

Прошло 100 лет со времени одного из самых неординарных мероприятий Императорской археологической комиссии, осуществленного на пере-

ломе эпох. Буковинская экспедиция под руководством академика архитектуры П. П. Покрышкина стала единственной заграничной миссией ИАК на территориях, «занятых по праву войны», имевшей целью охрану памятников старины и научных собраний в условиях военного времени. Между 28 и 31 мая 2017 г. группе исследователей из России и Украины – заведующей Научным архивом ИИМК РАН М. В. Медведевой, в. н. с. ИИМК РАН А. Е. Му-

---

¹ Медведева М. В., Мусин А. Е. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН.

Александрович В. С. – Украина, 79026, г. Львов, Козельницкая ул., 4. Институт украиноведения имени И. Крипякевича НАН Украины, Отдел истории средних веков. E-mail: lvivabc@yahoo.com.

сину, заведующему Отделом истории средних веков Института украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины В. Александровичу (Львов) и заведующему отделом реставрации Национального музея народного искусства Гуцульщины и Покутья им. Й. Кобринского А. Лининскому (Коломыя, Украина) удалось повторить маршрут П. П. Покрышкина и осмотреть памятники, некогда описанные и сфотографированные его экспедицией.

В историографии закрепилось мнение, что деятельность экспедиции разворачивалась в Буковине, Галиции, Подолии и на Волыни. Однако название отражало лишь намерения участников, а не их реальные возможности, определяемые, прежде всего, положением дел на фронтах Первой мировой войны. Сама экспедиция, чья деятельность ограничилась лишь территорией Буковины, стала возможна в результате «Луцкого прорыва» (или «Луцко-Черновицкой битвы»), который в советской историографии стал ассоциироваться исключительно с именем генерала А. А. Брусилова. В результате наступления российской 9-й армии под командованием генерала П. А. Лечицкого, потерявшей в ходе боев до половины личного состава, линия фронта в августе 1916 г. прошла от Станислава (сегодня Ивано-Франковск) по верховьям рек Прут и Серет до Кимполунга и далее на восток по северным отрогам Карпат. В результате большая часть Буковины – тогда герцогства Австро-Венгерской империи, включая города Сучаву, Сирет и Радовцы на территории современной Румынии, оказалась оккупирована Россией, которая удерживала столицу региона – Черновцы с 18 июня 1916 до 2 августа 1917 г. В соседней же Галиции военная нестабильность не благоприятствовала ученым путешествиям, на Волыни продолжались бои за Ковель, а на Подолию просто не оставалось времени.

До этого Черновцы дважды захватывались российской армией во время Галицийской битвы (30 августа – 21 октября 1914 г. и 26 ноября 1914 – 18 февраля 1915 г.). Если этот период в истории Черновцов достаточно подробно описан в историографии (*Weber, 1915; ср.: Вебер, 2016; Заноловський, 2009*), то события 1916–1917 гг. известны общественности гораздо меньше, и материалы экспедиции П. П. Покрышкина оказываются

важным источником не только по истории культурного наследия края, но и по общественно-политической ситуации эпохи.

Поводом к созданию экспедиции стало обращение в ИАК в июле 1916 г. министра путей сообщения А. Ф. Трепова, который незадолго до этого посетил в Буковине своего брата Ф. Ф. Трепова, военного генерал-губернатора области. Он обратил внимание на расхищение коллекции музея «сельскохозяйственной школы» в Кимполунге и бедственное состояние других памятников и собраний. Губернатор поручил организовать охрану объектов культурного наследия, о чем также сообщил в Комиссию, однако оценка их значения и выработка мер по сохранению требовала присутствия специалистов из Петрограда. Почти одновременно в Комиссию поступило обращение Петроградского отделения Варшавского общества охраны памятников древности, также посвященное необходимости сохранения культуры в условиях военных действий.

В России уже был опыт подобных экспедиций. Еще в 1914 г. Академия наук создала Комиссию по охране и спасению памятников древности, науки и техники, коллекций и учреждений в местностях, где велись военные действия. Так, в Галицию в 1915 г. от Академии был отправлен Е. Ф. Шмурло, который вывез из Львова некоторые книжные и архивные собрания (*Баженова, 2011; Еремеева, 2015*), а во время Трапезундской операции 1916–1917 гг. Ф. И. Успенский произвел археологические раскопки византийских церквей и описал архив монастыря Вазелон (*Старостин, 2014*). Однако ИАК организовывала подобное мероприятие впервые. Со временем экспедиция приобрела статус совместной с Академией наук. Просьба о принятии экспедицией соответствующих функций поступила из Академии 31 октября 1916 г., и П. П. Покрышкин стал академическим уполномоченным. В состав экспедиции вошли инженер-архитектор В. Г. Леонтович, художник А. П. Хотулев, ученик Высшего художественного училища при Академии Художеств А. П. Удаленков и прапорщик С. А. Боравский – от Варшавского общества (рис. 1).

Две наиболее длительные поездки состоялись с 16 декабря 1916 г. по 13 января 1917 г. и с 20 мая по 10 июня 1917 г. Вторая поездка, судя по имеющимся в архиве ИИМК РАН документам,

Рис. 1. Участники Буковинской экспедиции. Декабрь 1916. Слева направо: ученик Высшего Художественного училища при Академии художеств А. П. Удаленков, инженер-строитель В. Г. Леонтович, академик архитектуры П. П. Покрышкин, художник А. П. Хотулев, хранитель ГИМ П. А. Незнамов. РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 106. Л. 8

Fig. 1. Participants of the Bukovina Expedition. December, 1916. Left to right: pupil of the Higher Art School at the Academy of Art A. P. Udalenkov, civil engineer V. G. Leontovich, Architecture Academician P. P. Pokryshkin, designer A. P. Khotulev, curator at the State Historical Museum P. A. Neznamov. Manuscript Department of the Scientific Archives of IIMK RAS. Archive group 21. File list 1. File 106. Sheet 8

проходила непосредственно под эгидой Академии наук. В ней принимали участие П. П. Покрышкин, А. П. Хотулев, А. В. Багрий, приват-доцент Университета св. Владимира в Киеве С. И. Маслов и начальник Учебной дирекции Холмской губернии Ф. В. Кораллов.

Во время первой поездки П. П. Покрышкин и его сотрудники много времени провели в Черновцах, где осмотрели Церковный музей в Резиденции православных митрополитов Буковины и Далмации, деревянные церкви свв. архангелов Михаила и Гавриила в Роше (1768 г.), Святой Троицы в Кло-

кучке (1774 г.), Успения Матери Божией в Каличанке (1783 г.), Вознесения Господня в Горячем Урбане и монастырь Рождества Богородицы в Люды-Гореча (1767 г.), пострадавший при наступлении. Далее путь экспедиции лежал на юг, на территорию современной Румынии. В Сучаве были осмотрены крепость XV в., церковь св. вмч. Георгия (Старая митрополия, 1414–1422 гг.), Чуда Архангела Михаила в Хонех (1390 г.), св. Иоанна Крестителя (1634 г.), св. Иоанна Сучавского (Новая митрополия, 1514 г.) и св. вмч. Димитрия (1534), а в Тишовцах – деревянная церковь св. архангелов Михаила и Гав-

риила. В Ваме экспедиция посетила деревянную церковь Вознесения Господня, в Фундул-Молдове (сегодня Колаку) – церковь свт. Николая, а в Кимполунге – деревянные церкви Успения Матери Божией и свт. Николая и музей при Училище изящных искусств, где расположился штаб 3-го кавалерийского корпуса генерала Ф. А. Келлера. Маршрут П. П. Покрышкина прошел и по молдавским средневековым монастырям: Драгомирна, Гумора, Воронец, Молдавица, Радовцы, Сучавица и Путна. Во время второй поездки экспедиция посетила уже осмотренные памятники в Сучаве и Драгомирне, соборную церковь св. Иоанна Крестителя (1672–1673) и церковь св. Троицы (1353–1358) в Сирете, Крестовоздвиженскую церковь в Петровцах (1487) и Всехсвятскую церковь в Парховцах рядом с Коштаной (1522), а также деревянную церковь св. Иоанна Предтечи в Мамаевцах (1773) и каменную церковь Вознесения Господня XV в. в Лужанах близ Черновцов.

Стоит подчеркнуть, что экспедиция П. П. Покрышкина осмотрела шесть из восьми церквей, построенных между 1487 и 1583 гг. в северной Молдове, которые между 1993 и 2010 гг. были внесены в список объектов мирового культурного наследия ЮНЕСКО. По неизвестным причинам, церковь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи в Арборе (1502 г.) не попала в поле зрения экспедиции, а церковь свт. Николая в Проботе (1530 г., роспись 1532 г.) была для нее недоступна, поскольку находилась на территории Румынии, еще не вступившей к тому времени в мировую войну. В список ЮНЕСКО в 2011 г. была включена и Митрополичья резиденция в Черновцах (1864–1882 гг.).

По итогам экспедиции П. П. Покрышкин предложил некоторые меры по сохранению старины, в том числе закрепление левкаса на иконах, расчистку и закрепление стенописи, уничтожение чреваточины в музейных памятниках и предметах храмового интерьера, заделку трещин (церковь св. Иоанна в Сучаве), заделку деревянными пробками стен церкви в Клокучке, устройство временной крыши в церкви в Люды-Гореча. В сучавской церкви св. Георгия было предложено отодвинуть шкафы от стен во избежание появления плесени, исправить водоводы, дающие течь, и удалить из храма иконы нового письма. В монастырских

храмах предлагалось закрыть надгробия молдавских государей деревянными коробами. Было рекомендовано не устраивать отопление в церквях со стенописью, где также предполагалось организовать реставрационные работы силами известных московских реставраторов. Также была приобретена библиотека профессора Э. Калужницкого, ныне хранящаяся в БАН, и санкционирован вывоз библиотеки Львовского наместничества из Черновцов в Москву. Составлена и передана штабу генерала Келлера опись музея в Кимполунге.

В результате экспедиции в собрании Научного архива ИИМК РАН отложился комплекс различных документов, характеризующих организационную, научную и бытовую стороны ее деятельности. В 1960-х гг. документальный комплекс ИИМК РАН, связанный с поездкой 1916–1917 гг., был дополнен материалами одного из участников экспедиции В. Г. Леонтовича. В настоящее время в рукописном и фотографическом фондах Археологической комиссии, а также в личных фондах П. П. Покрышкина и В. Г. Леонтовича хранится около 400 выполненных участниками экспедиции стеклянных и пленочных негативов и фотографий разного формата² и более 400 страниц письменных и графических материалов. В архиве также хранятся два альбома снимков Сучавицкого монастыря, напечатанных по заказу П. П. Покрышкина с негативов черновицкого и сучавского фотографа Я. Хшановского. К сожалению, это только часть фотосъемки средневековых монастырей, произведенной под руководством профессора В. Мильковича в 1911–1912 гг. Местонахождение ряда коллекций, упомянутых в отчетах экспедиции, например акварелей А. П. Хотулева с икон и фресок, установить не удалось, хотя известно, что они были отправлены в Исторический музей, а сам художник в марте-апреле 1918 г. на заседаниях Московского общества любителей духовного просвещения сделал доклады о стенописях Буковины (Козлов, 2014).

В 2017 г. участники экспедиции по следам поездки П. П. Покрышкина смогли посетить практически все упомянутые в отчетах памятники и сравнить их состояние в начале XX и XXI в.

² К сожалению, 224 диапозитива, относящиеся к работам экспедиции, были списаны из архива в 1970-х гг. Сохранилась только их опись.

(рис. 2). В лучшем положении находятся монастыри на территории Румынии, которые впечатляют своей ухоженностью, качеством реставрации архитектуры и фресок, украшающих как интерьер, так и экстерьер церквей, а также церковными музеями (Драгомирна, Молдавица, Путна, Сучавица), созданными на высоком художественном и техническом уровне. В худшем состоянии находятся приходские церкви, доступ в которые обычно затруднен. Драматична судьба некоторых памятников деревянного зодчества. Так, если Никольская церковь из Вамы перенесена в Музей Буковинской деревни в Сучаве, а Троицкая церковь из Клокучки в 1960-е гг. – в Музей этнографии и художественного промысла во Львове (сегодня – Музей народной архитектуры и быта им. Климентия Шептицкого), то Архангельская церковь в Роше оказалась разобрана после 1917 г. (материалы архива позволили уточнить судьбу церкви, которая считалась утраченной уже в 1907 г., ср.: Чучко, 2016.

С. 233–234). На месте церкви в Тишовцах во второй половине XX в. было построено каменное храмовое здание, а остатки разобранного старого деревянного храма были сложены и оставлены под открытым небом.

Практически ничего не удалось выяснить о судьбе музейных коллекций, обследованных в процессе Буковинской экспедиции. Так, Епархиальный музей в Черновцах, созданный в митрополичьей резиденции 31 февраля 1877 г. (по другим данным – в 1899 г.; ср.: *Zugrav*, 1943–1944; *Мамвіїшин*, 2010), в 1940 г. не был эвакуирован в Румынию. В 1941 г. его собрание оказалось частично разграблено, а остатки вошли в Черновицкий краеведческий музей (*Frunchak*, 2014). В 1944 г. часть коллекции восстановленного церковного музея погибла в пожаре, однако некоторые экспонаты вновь достались Краеведческому музею, поскольку в 1960-е гг. отсюда во Львовский государственный музей украинского искусства, сегодня Национальный

Рис. 2. Участники Буковинской экспедиции. Румыния, Сучава, июнь 2017 г. Слева направо: А. Е. Мусин, М. Дежан, А. Лининский, М. В. Медведева, В. С. Александрович

Fig. 2. Participants of the Bukovina Expedition. Romania, Suceava, June 2017. Left to right: A. Ye. Musin, M. Dezhan, A. Lininskiy, M. V. Medvedeva, V. S. Aleksandrovich

музей во Львове им. [митрополита] Андрея Шептицкого, поступила группа икон, в том числе описанная и сфотографированная П. П. Покрышкиным икона Сошествия Святого Духа 1642 г. из Богоявленской церкви г. Львова, возможно, четвертая икона местного ряда иконостаса, а также икона Успения Богородицы 1767 г. мастера Григория из г. Снятин (*Сидор*, 2011. С. 574, 600, № 17, 155). Судьба прочих икон, в том числе образов Спасителя и Богородицы с датой 1615 г., апостольского ряда и царских врат из иконостаса собора св. Юра, перевезенных в Черновцы в 1911 г., также зафиксированных участниками экспедиции в 1916–1917 гг., остается неизвестной, как и судьба других уникальных музейных экспонатов, упомянутых в отчете П. П. Покрышкина. Интересно, что в современном Музее деревянного искусства в Кимполунге предметы церковного обихода, определенно находившиеся здесь в 1917 г., также отсутствуют.

Экспедиция 2017 г. обязана своим успехом помощи заведующей археологическим отделом Национального музея Буковины в Сучаве М. Дежан, гостеприимству его директора К.-Э. Урсу и директора Музея деревянного искусства в Кимполунге Кр. Мандрилы, а также организационным возможностям и радушию украинских коллег. В настоящее время достигнута договоренность с руководством музея в Сучаве о совместной работе над изданием буковинских материалов экспедиции П. П. Покрышкина, что сделает известными труды забытой экспедиции и будет способствовать изучению и популяризации культурного наследия Румынии и Украины.

Баженова, 2011 – *Баженова Н. М.* Деятельность Императорской академии наук по сохранению личных архивов и библиотек в ходе Первой мировой войны // Тр. Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию / Пред. ред. совета В. В. Окрепилов. СПб., 2011.

Вебер, 2016 – *Вебер Ю.* Російська окупація Чернівців / упоряд., пер. С. Осачук, післямова, ком. В. Заполовський. Чернівці, 2016.

Еремеева, 2015 – *Еремеева А. Н.* Охрана культурного наследия на территориях, подконтрольных русской армии, как составляющая национальной и конфессиональной политики (1914–1917 гг.) // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи / Отв. ред. И. И. Горлова. М.; Краснодар, 2015.

Заполовський, 2009 – *Заполовський В.* Чернівці в обіймах Першої світової війни // Часопис «І». Чернівці, 2009. № 56.

Козлов, 2014 – *Козлов В. Ф.* Из истории церковного краеведения начала XX в. (Московское общество любителей духовного просвещения и его Церковно-археологический отдел как центр изучения памятников церковной старины) // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». М., 2014. № 17 (139).

Матвійшин, 2010 – *Матвійшин Г.* Художник Євген Максимович – громадський і культурний діяч Буковини // Проблеми історії України XIX – поч. XX ст. Київ, 2010. Вип. 13.

Сидор, 2011 – *Сидор О.* Підписані та датовані ікони (Збірка Національного музею у Львові ім. Андрея Шептицького) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 2011. Т. 261: Праці Комісії образотворчого та ужиткового мистецтва.

Старостин, 2014 – *Старостин Д. Н.* Трапезундская экспедиция (1916–1917 гг.) // Новейшая история России. СПб., 2014. № 3 (11).

Чучко, 2016 – *Чучко М. К.* Православні культові споруди Чернівців кінця XV – початку XX ст. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Чернівці, 2016. Т. 2 (42).

Frunchak, 2014 – *Frunchak S.* The Making of Soviet Chernivtsi: National «Reunification», World War II, and the Fate of Jewish Czernowitz in Postwar Ukraine. PhD thesis. Department of History University of Toronto. Toronto, 2014.

Weber, 1915 – *Weber J.* Die Russentage in Czernowitz. Die Ereignisse der ersten und zweiten russischen Invasion. Czernowitz, 1915.

Zugrav, 1943–1944 – *Zugrav I.* Muzeul bisericesc al Mitropoliei Bucovinei // Anuarul Muzeului Bucovinei. Seria II. Anul I–II. 1943–1944.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ¹

М. И. Максимова. Рец. на книгу:

В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики.

М.: Изд-во МГУ, 1953. – 304 с.

Перу В. Д. Блаватского принадлежит ряд руководств по истории отдельных отраслей античного искусства, прочно вошедших в список пособий для преподавания этого предмета в вузах и пользующихся широкой известностью в Советском Союзе. Новый труд того же автора, посвященный истории античной расписной керамики, должен рассматриваться как дополнение к этой серии научно-популярных изданий. Потребность в подобной книге давно назрела, так как в русской искусствоведческой литературе до сих пор не существует руководств по этому предмету, и подрастающее поколение искусствоведов и археологов принуждено было учиться по книгам, написанным на иностранных языках. Такое положение никак нельзя признать нормальным, и поэтому новая книга В. Д. Блаватского, долженствующая заполнить этот пробел, несомненно будет встречена с живым интересом. Мы не сомневаемся в том, что она в известной мере <сумеет> выполнить свое назначение и сообщить читателям, в общем, правильное представление об истории античной керамики, хотя, как мы постараемся показать ниже, в ней немало серьезных недостатков.

Книга состоит из вступления, двух вводных глав, трактующих о формах и технике изготовления ваз, и пяти глав, в которых излагается история античной расписной керамики от геометрического стиля до конца эпохи эллинизма. <Далее> следует очерк, посвященный керамике Северного Причерноморья и, наконец, приложение, состоящее из таблиц, которые дают представление о форме сосудов, списка вазописцев и гончаров и списка литературы. Всяческого признания заслуживает оформление издания, снабженного многочисленными и хорошо выполненными воспроизведениями памятников.

Текст в смысле хронологических рамок полностью охватывает тему и даже несколько выходит за ее пределы, касаясь также рельефной эллинистической керамики. Вполне целесообразно с точки зрения специальных задач археологической науки в СССР и помещение в книгу обзора керамики как привозной, так и местного производства, находимой на Северном Причерноморье. Эту инициативу автора следует всячески приветствовать.

В ходе изложения автор не замыкается в круг формальных вопросов, но, говоря о смене стилей, стремится связать художественное развитие с развитием общества и его культуры в целом. Хотелось бы особо подчеркнуть, как удачу автора и издательства, помещение в книгу в качестве приложения девяти таблиц, на которых даны формы главных видов античных сосудов в их типологическом развитии. Таблицы сопровождаются подробным описанием (с. 35–60), где говорится о назначении ваз в быту.

Отмеченные положительные стороны новой книги В. Д. Блаватского несомненно обеспечат ей благожелательный прием среди читателей, изучающих античное искусство и археологию. Однако рецензент не может обойти молчанием и недостатки этой работы, устранение которых, на наш взгляд, сильно повысило бы ее качество.

За последние 30 лет изучение античной керамики сделало значительный шаг вперед. Опубликовано обильный новый материал, пересмотрен вопрос о происхождении многих групп расписных ваз, и наши знания об индивидуальных достижениях многих вазописцев, особенно аттических, стали несравненно более ясными и отчетливыми. Поступательное движение науки шло быстрыми темпами, и это нашло свое отражение и в общих руководствах по данному предмету. Интересно с этой точки зрения сравнить между собой три издания одного из наиболее известных научно-по-

¹ Публикация подготовлена Ю. А. Виноградовым. Текст воспроизведен по оригиналу, хранящемуся в Научном архиве ИИМК РАН (Ф. 75, д. 37, лл. 1–10).

пулярных трудов по истории античной вазописи, а именно книги Э. Бушора *Griechische Vasenmalerei*, вышедших в свет на протяжении без малого трех десятков лет (*Buschor*, 1914; 1921), третье издание 1940 г. очень сильно отличается от своих предшественников (*Buschor*, 1940)² как по подбору материала, так и по его освещению, ибо автор считал необходимым пересмотреть свой текст и учесть новейшие достижения науки. К сожалению, этого нельзя сказать о книге В. Д. Блаватского. Если сравнить ее с руководствами Бушора, то окажется, что она гораздо ближе к первым, а не к последнему изданию этого труда. При просмотре списка литературы (с. 297–299), рекомендуемой Блаватским, обнаруживается отсутствие многих весьма важных трудов последнего времени (например: *Beazley*, 1942; 1951; *Payne*, 1931³; *Rumpf*, 1933; *Cook*, 1933/34 и многие другие). Получается впечатление о некотором невнимании со стороны автора к новой литературе, что и подтверждается при более близком знакомстве с книгой.

Большинство памятников, воспроизведенных на ее страницах, не блещут новизной; это давно известные и многократно издававшиеся вещи. А между тем, к услугам автора был обильный свежий материал, опубликованный в *Corpus Vasorum* и в других изданиях⁴. Такое же отставание от современного уровня науки характерно и для текста книги. Присмотримся к нему ближе с этой точки зрения. Тщетно мы стали бы там искать замечательные образцы протоаттических ваз, опубликованные в 1938 г. в *Corpus Vasorum – Deutschland*, В 2, интересные тем, что дают новое и яркое представление о ранней ступени развития той аттической керамики, которой суждено было такое блестящее будущее⁵. В главе о чернофигурной керамике следует отметить ряд неточностей по определению принадлежности отдельных изделий и групп ваз

² Стоит отметить, что впоследствии вышло еще одно издание этой книги (*Buschor*, 1969). – Ю. В.

³ В рукописи М. И. Максимовой автором этой работы ошибочно назван *Poline*. – Ю. В.

⁴ Нельзя не пожалеть и о том, что в рецензируемой книге не использована в достаточной мере богатая коллекция ваз Эрмитажа.

⁵ На с. 94 дается краткая и чисто отрицательная характеристика протоаттических ваз.

к тем или иным производственным центрам. Так, на с. 6 и 108 при перечислении главных центров производства ваз чернофигурного стиля наряду с Аттикой, Коринфом, Клазоменами и Халкидой, называется Кирена. На с. 112 вместо Кирены появляется Лакония, и тут же имеется оговорка. Автор говорит, что «некоторые исследователи склонны приписывать производство данных чернофигурных ваз спартанской колонии Кирене». Эти колебания между Киреной и Лаконией не вполне понятны, так как спор по этому вопросу решен в пользу последней. Знаменитая Нотдхамитонская амфора и близкие к ней вазы выделяются Блаватским в особую группу неопределенного происхождения (с. 116), тогда как принадлежность их к поздним изделиям Клазомен может считаться установленной. То же следует сказать и относительно киликов с изображениями глаз и самого выдающегося представителя этой группы сосудов – килика с изображением мифа о Финее. Блаватский (с. 119) считает их близкими к халкидским вазам и «вероятно происходящими с островов Эгейского архипелага», но их халкидское происхождение было доказано еще четверть века назад.

Особенно досадно, что автор не учел новой литературы о восточно-греческих вазах эпохи архаики, так как этот материал занимает важное место среди находок на Северном Причерноморье⁶. Вопрос о месте производства так называемых навкратийских ваз остается пока спорным, но выдвинутая еще Пфулем гипотеза об их хиосском происхождении разделяется сейчас очень многими учеными. Блаватский обходит этот вопрос молчанием и безоговорочно называет вазы этого стиля навкратийскими (с. 97). Широко распространенная, так называемая «Милето-Родосская» керамика приписывается автором Родосу (с. 95 сл.)⁷. Ни одним словом не упомянута новая, имеющая под собой серьезные основания точка зрения, согласно которой Родос, правда, занимал видное место в производстве керамики этого стиля, но отнюдь

⁶ Результаты новых исследований по этим вопросам частично нашли свое отражение в статье Р. В. Шмидт (*Шмидт*, 1952).

⁷ На с. 95 можно прочесть только краткую оговорку, гласящую, что некоторые исследователи называют эту керамику милетской.

не был единственным центром ее изготовления. Стиль «Милето-Родосских» ваз в течение VII и начала VI в. господствовал, по-видимому, во всех восточно-греческих областях, включая Ионию, Эолию и дорийский Родос; и продукция отдельных городов отличалась лишь незначительными локальными особенностями (*Rumpf*, 1933. S. 53f.; *Robertson*, 1940. P. 8). В VI в. такое же положение занял, по-видимому, «стиль Фикеллура» (*Cook*, 1933/34. P. 1), который автор (с. 92) склонен связывать только с Самосом.

Чрезвычайно странное впечатление производит отношение В. Д. Блаватского к последним достижениям в области изучения аттической расписной керамики. Работа над аттическими вазами, начатая 35 лет тому назад И. Д. Бизли, продолженная многими исследователями (в том числе в Советском Союзе О. Ф. Вальдгауером, А. А. Передольской и Е. О. Прушевской), привела к крупным научным результатам, которые в настоящее время могут считаться общепризнанными⁸. Более детальное знакомство с мастерами-вазописцами дало, во-первых, возможность датировать их произведения в пределах одного десятилетия, что чрезвычайно важно и для археологических исследований. Во-вторых, благодаря выявлению ряда до сих пор неизвестных художественных индивидуальностей, прогрессивных и реакционных, все развитие аттической керамики может быть представлено уже не как отвлеченная от реального мира смена стилей, а как живая, конкретная борьба идеологов различных общественных группировок. Эта последняя задача, не выполненная буржуазными учеными, открывает широкие возможности перед советскими искусствоведами, а между тем В. Д. Блаватский относится более чем сдержанно к указанным успехам науки и упоминает о них лишь в краткой заметке на с. 183, прим. 71⁹. В результате читатель,

⁸ Достаточно сказать, что *Corpus Vasorum* всецело придерживается нового принципа классификации аттических vaz.

⁹ Здесь говорится: «По стилю и манере рисунка такие (то есть неподписанные. – М. М.) вазы могут быть объединены в определенные группы, расписанные одним и тем же художником. Однако эти данные далеко не всегда являются бесспорным критерием, поэтому к ним следует подходить с известной осторожностью. Работа по систематизации аттических краснофигурных vaz была произведена английским исследователем И. Д. Бизли».

знакомый с предметом только по книге В. Д. Блаватского, окажется не подготовленным, если он пожелает углубиться в новую специальную литературу по аттической вазовой живописи.

Указанные недостатки, которые можно охарактеризовать как значительную отсталость от современного уровня науки, являются, по нашему мнению, наиболее слабой стороной разбираемого труда. Однако нельзя не отметить и спорных, неудачных или просто ошибочных утверждений и толкований, которые встречаются в книге в довольно большом количестве. Мы укажем только на некоторые из них, особенно бросающиеся в глаза.

Мало обоснованной нам представляется гипотеза об «эгейском возрождении» в Греции VII в. Нам уже приходилось высказывать в другом месте свое принципиальное несогласие с этим предположением (*Максимова*, 1953). Здесь добавим только, что сопоставление мелосской вазы с фреской из Тиринфа (см. с. 86–87) обнаруживает по нашему времени только чисто внешнее сходство композиции, при коренном различии в трактовке всей сцены и отдельных фигур.

В. Д. Блаватский склонен считать некоторые орнаменты на вазах геометрического стиля, как-то: кружок, обрамленный точками, двойной топор, горизонтально пересеченный прямоугольник и др. эмблемами солнца и неба, а фигурные изображения человека, коня и т. д., помещенные рядом с эмблемами, – представителями «соляного (солярного. – Ю. В.) начала» (см. с. 68). По мнению автора, в формировании этих изображений «сыграли известную роль примитивные космические представления эллинского общества IX–VIII вв. до н. э.». Как примирить примитивные космические представления и давно отжившую свой век «солярную теорию» с олимпийцами поэмы Гомера и Гесиода (автор тут же, весьма, по нашему мнению, некстати, приводит несколько стихов из «Теогонии», в которых упоминаются «всеблаженные боги») – остается совершенно непонятным. Прямым недоразумением является утверждение (с. 72) будто «многие исследователи не без основания считают Каталог Кораблей древнейшей частью "Илиады"». Гомеровский вопрос, как известно, родился более 150 лет назад, и до сих пор нет единомыслия между

сторонниками разных точек зрения. Но относительно Каталога Кораблей, как позднейшей части «Илиады», двух мнений не существует.

Можно отметить ряд ошибок и неясностей и в толковании отдельных мифологических образов и сюжетов. Так, богини Хоры не имеют ничего общего с Часами, как это сказано на с. 127. Они олицетворяют блага, приносимые людям временами года. На той же вазе Франсуа, на которой представлены Хоры, изображен и миф о Троице. К нему относится не только изображение преследования Троицы Ахиллом и наблюдающие <его> персонажи, но также сцена у колодца и Приам под стенами Трои, которые почему-то отделяются В. Д. Блаватским от этой композиции. На с. 200 Геракл характеризуется как герой, «всегда сохраняющий здоровье, силу и бодрость духа», что трудно согласовать с образами «усталого Геракла» и «безумного Геракла». На с. 10 отмечается, что интерес к легендам, «связанным с полными драматизма моментами из истории отмеченного роком дома Атридов», появляется у афинских вазописцев под влиянием трагедии. Но убийство Эгисфа, изображенное на протоаттической вазе середины VII в.¹⁰ Эгида (с. 12, прим. 7), объясняется как «атрибут некоторых богов, но особенно Зевса». Между тем как раз памятники изобразительного искусства показывают, что Эгида, согласно Гомеру подаренная Зевсом Афине¹¹, в последующее время стала постоянным атрибутом именно этой богини.

Встречаются в тексте и неудачные толкования некоторых приемов росписей ваз. Так, на с. 124, прим. 58, обычай оставлять незакрашенными некоторые нижние части чернолаковых сосудов ставится в связь с анимистическими представлениями греков. «Может быть, – прибавляет автор, – образцом для нее (то есть для этой особенности чернолаковой посуды. – М. М.) послужила защитная окраска животных, нередко имеющих темный чепрак на туловище и светлое брюхо». Недоумение вызывает и экскурс в область физкультуры с целью объяснить причину передачи в чернофигурном стиле мужских тел черной, а женских белой краской

(с. 107 сл.). Если принять, что дело тут в физической закаленности мужчин и изнеженности женщин, то возникает много трудноразрешимых вопросов. Например: Почему некоторые мастера, как например Лидос, не покрывают лица и руки женщин белой краской? Почему у троянского юноши (см. с. 129) тело черное, а лицо светлое? Как понять, что кони на этих вазах бывают то черные, то белые, причем у черных коней хвост и грива белые? Пожалуй, правильнее было бы остановиться на общепринятом мнении, сводящемся к тому, что цвета в этом стиле условны и преследуют чисто декоративные цели.

Список не очень удачных объяснений и толкований, рассеянных по страницам разбираемой работы, мог бы получиться довольно длинным, но мы ограничимся приведенными примерами и кратко остановимся еще только на некоторых терминах и новых словообразованиях, вводимых автором в свое изложение. В. Д. Блаватский широко пользуется термином «клеймо» для обозначения той части сосуда, которая не покрыта черным лаком и несет на себе фигурные изображения. Вряд ли этот термин может быть признан удачным. Во-первых, такое «клеймо» бывает иногда столь больших размеров, что его трудно подвести под понятие клейма. А, во-вторых, под клейменной керамикой обычно понимается нечто совсем отличное и потому легко может возникнуть путаница. Едва ли заслуживают дальнейшего распространения и такие сложные прилагательные, как «золотослоновокостная» статуя, или «стремечкообразная» ручка, или маловыразительная «корзинка лучей» на нижней части тулова вазы, или, наконец, термин «элефантерия», который обозначает отряд боевых слонов. Очень неудачен также отказ от нумерации рисунков, что затрудняет усвоение текста и ссылки на книгу.

В заключение нашей рецензии мы повторим то, что уже было высказано нами в ее первых строках. Книга В. Д. Блаватского, несмотря на ее слабые стороны и значительные недостатки, все же несомненно принесет пользу советским читателям, как единственное пока руководство на русском языке по истории одной из важнейших отраслей античного художественного ремесла.

¹⁰ CVA. Deutschland 2. Taf. 21.

¹¹ E 736 сл.

Макимова, 1953 – *Макимова М. И.* Рец. на книгу: М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII–V вв. до н. э. // СА. 1953. Вып. XXIV. С. 319–323.

Шмидт, 1952 – *Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города: Итоги археолог. исслед. Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой. М.; Л., 1952 (МИА; № 25).

Beazley, 1942 – *Beazley J. D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford, 1942.

Beazley, 1951 – *Beazley J. D.* The development of Attic Black-Figure. London, 1951.

Buschor, 1914 – *Buschor E.* Griechische Vasenmalerei. München, 1914.

Buschor, 1921 – *Buschor E.* Griechische Vasenmalerei. München, 1921.

Buschor, 1940 – *Buschor E.* Griechische Vasen. München, 1940.

Buschor, 1969 – *Buschor E.* Griechische Vasen. München, 1969.

Cook, 1933/34 – *Cook R. M.* Fikellura Pottery // The Annual Of The British School At Athens. 1933/34. No. 34.

Payne, 1931 – *Payne H.* Necrokorinthia. A study of Corinthian Art in the Archaic period. Oxford, 1931.

Robertson, 1940 – *Robertson M.* The Excavations at Al Mina, Suedia // Journal of Hellenic Studies. 1940. Vol. 60.

Rumpf, 1933 – *Rumpf A.* Zu den klazomenischen Denkmälern // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1933. Bd. 48.

КОММЕНТАРИЙ К ИСТОРИИ ОДНОЙ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РЕЦЕНЗИИ

Ю. А. Виноградов¹²

Ключевые слова: античная археология, греческие вазы, метод Бизли

Keywords: classical archaeology, Greek vases, method of Beazley

Взгляды двух выдающихся специалистов в области античной культуры, М. И. Максимовой и В. Д. Блаватского, на изучение вазовых росписей, как видно из приведенной выше рецензии, во многом расходились. При этом нельзя сказать, чтобы Мария Ивановна здесь была во всем права, а Владимир Дмитриевич слишком часто заблуждался. Ситуация была гораздо сложнее. С современной точки зрения некоторые замечания М. И. Максимовой представляются, мягко выражаясь, субъективными. «Солярная теория», может быть, и отжила свой век, но элементы орнаментации, в которой используются солярные мотивы, вполне могли сохраниться в гомеровскую эпоху и даже позднее; более того – их можно кое-где видеть и на предметах современного прикладного искусства. Утверждение, что использование белой краски в чернофигурных росписях «преследовало чисто декоративные цели», тоже кажется спорным, поскольку с ее помощью обычно обозначались именно обнаженные части женского тела. Вопреки критическим замечаниям Марии Ивановны, термины «клеймо», «корзинка лучей» и даже «элефантерия» вполне устоялись в современном антиковедении. Датировка гомеровского «Каталога кораблей» до сих пор остается предметом дискуссий, но М. И. Максимова, утверждая, что он был самой поздней частью «Илиады», вряд ли была права. Дело в том, что и в наши дни некоторые исследователи настаивают на микенском происхождении «Каталога», а их противники атрибутируют его по-разному – от X до VII в. до н. э. (см.: *Андреев*, 2010. С. 336–351), то есть даже в этом случае он совсем не обязательно является позднейшей частью поэмы.

О проявлении в вазовых росписях прогрессивных и реакционных художественных направлений, отражающих борьбу идеологий различных общественных групп, на страницах научных изданий никто не говорит уже несколько десятилетий. В наши дни эту мысль корректней выражает противопоставление новаторских и консервативных направлений в искусстве, но рецензия была написана в 50-х гг. прошлого века, и выявление социальной подоплеки художественных явлений тогда представлялось в высшей степени актуальным. На мой взгляд, оценка книги В. Д. Блаватского как значительно отставшей от современного ей уровня науки тоже представляется преувеличенной.

Не удивительно, что в редколлегии «Вестника древней истории» это сочинение вызвало определенное непонимание, и 24 августа 1954 г. М. И. Максимовой был направлен отзыв на него, подготовленный неизвестным нам автором (назовем его Анонимом). В сопровождающем этот отзыв письме говорилось (НА ИИМК РАН, ф. 75, д. 37, л. 11):

«Глубокоуважаемая Мария Ивановна!

Посылаю Вам отзыв на Вашу рецензию, с которым редакция согласна, она надеется, Вы учтете <сделанные в нем замечания> при ее переработке».

Уважающая Вас зав. Отделом критики и библиографии ВДИ Ю. К. Колосовская».

Рукопись Анонима представляет собой весьма основательный документ. Приведу его текст без всяких сокращений (Там же, лл. 12–13):

«Считаю оценку книги В. Д. Блаватского, сделанную М. И. Максимовой, неправильной, а самую статью М. И. Максимовой весьма компрометирующей автора, как советского ученого.

¹² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

Книга В. Д. Блаватского является результатом двух десятков лет работы над оригиналами греческой керамики, хранящимися в музеях СССР, и основана на знании материала и на изучении всей имеющейся (в том числе и новейшей) литературы по вазописи. Определение книги, как научно-популярной, неудачно – книга научная, является историей расписной керамики. Вся литература, указанная Максимовой, якобы неизвестная автору, *имеется в его собственной*¹³.

Но главная ценность книги В. Д. Блаватского заключается в ее оригинальности по сравнению со сложившимися типами истории вазописи, имеющимися в буржуазной науке, являющимися всецело формалистическими. Она не имеет ничего общего с книгой Buschor'a, *3-е издание которой М. И. Максимова считает образцом*. Безусловно, 3-е издание полнее 1-го издания Buschor'a, вернее 3-е издание книги В. Д. Блаватского тоже будет полнее первого.

Вся буржуазная история вазописи, в том числе и Buschor, рассматривают только один вопрос – развитие стиля росписей ваз, при этом только со стороны развития формы. В книге В. Д. Блаватского ваза рассмотрена, как одно из явлений греческой культуры, и показано ее развитие в связи с развитием социально-экономической базы греческого общества.

Я считаю, что как раз то, что рецензент ставит в вину автору книги – несоответствие некоторым положениям буржуазного формалистического искусствознания – является достоинством книги. Автор полностью отказался от формалистического метода, господствующего в истории вазописи, начиная с немецкого ученого Фуртвенглера и кончая английским ученым Beazly. Метод Beazly, заключающийся в объединении в отдельные группы ваз неизвестных мастеров на основании сходства деталей рисунка, не приводит к достоверным выводам, наоборот может увести очень далеко от действительных фактов, как показали, например, датировки керченских ваз, сделанные Schoiffold'ом¹⁴ по методу Beazly.

¹³ Слова, выделенные курсивом, в тексте отзыва подчеркнуты.

¹⁴ Имеется в виду работа: *Shefold*, 1934.

Сознательный отказ автора книги от формалистического метода Beazly, М. И. Максимова подносит неискушенному читателю, как отсталость от достижений науки на 30 лет. Кстати сказать, метод Beazly изучался В. Д. Блаватским еще в бытность аспирантом под руководством О. Ф. Вальдгауэра, ученика Фуртвенглера, по этому методу В. Д. Блаватским написана первая его статья «Чернофигурная амфора Гос. Музея Изыщных Искусств»¹⁵.

Факты, приводимые М. И. Максимовой, как свидетельствующие о плодотворности метода Beazly, для советской науки не существуют, не имеется работ Прушевской, исполненных по методу Beazly, не напечатаны в советской литературе работы А. А. Передольской с атрибуциями ваз по методу Beazly. Грубо социологическим представляется нам вывод о двух направлениях в вазописи V в., отражающих борьбу идеологий. Классики марксизма-ленинизма указывают, что в рабовладельческом обществе было только два класса – рабовладельцев и рабов. Рабы не являлись народом, не имели своей культуры, говорили на разных языках. Следовательно, положение о двух культурах, о двух борющихся направлениях в греческом искусстве является модернизацией.

Что же касается иллюстративного материала, то особенно ценным является то, что автор книги воспроизводит не только рисунки, но и формы ваз, на которые нанесены эти рисунки, в полном соответствии с текстом, где росписи рассмотрены не сами по себе, а как декоративное искусство. Это делает книгу очень интересной и очень нужной не только для археологов, историков и искусствоведов, но и для художников, так как декоративное искусство в Советском Союзе занимает в настоящее время одно из самых важных мест.

Считаю, что рецензия М. И. Максимовой неправильно ориентирует читателя на буржуазно-формалистическую науку и не сумела отметить достижения советской науки в книге В. Д. Блаватского».

С подобной критикой и с подобными обвинениями в непонимании сути марксизма-ленинизма

¹⁵ На самом деле статья В. Д. Блаватского называется «Две чернофигурные аттические амфоры Государственного музея изящных искусств» (*Блаватский*, 1927. С. 124–134).

М. И. Максимова никак не могла согласиться. В те годы это было просто опасным! В октябре 1954 г. она обратилась с письмом к С. Л. Утченко, тогда заместителю главного редактора ВДИ (Ф. 75, д. 37, лл. 14–18):

«Многоуважаемый Сергей Львович!

Отвечая на Ваше письмо от 20 сентября, в котором высказываются пожелания редакции ВДИ узнать, на чем базируется мое “столь отрицательное отношение к книге В. Д. Блаватского”, мне невольно придется полемизировать с отзывом на мою рецензию, поскольку редакция высказала свое с ней согласие и никаких других аргументов против моей рецензии не привела. Я постараюсь быть краткой и оставляю без внимания содержащиеся в отзыве личные против меня выпады и искажения смысла моего текста по вопросам второстепенным и сосредоточусь на двух главных положениях отзыва.

Первое из них гласит, что “главная ценность книги В. Д. Блаватского заключается в ее оригинальности по сравнению со сложившимися типами истории вазописи, имеющимися в буржуазной науке, являющимися всецело формалистическими... Все буржуазные историки вазописи... рассматривают только один вопрос – развитие стиля росписи ваз, при этом только со стороны развития форм”. Это смелое утверждение полностью расходится с истиной. В буржуазной науке греческие расписные вазы рассматриваются с самых различных точек зрения, и литература по этим вопросам весьма обширна и разнообразна. Чтобы не быть голословной, назову хотя бы труд английского ученого Валтерса¹⁶. Там, наряду с историей развития античной керамики по производственным центрам, можно найти общие рассуждения о значении исследования античных ваз для разных областей знания (Глава I) и обширные главы, посвященные описанию различных керамических изделий древности, формам античных ваз и их назначению в быту (здесь, между прочим, имеется совершенно такие же рисунки форм античных ваз, как и на таблицах Блаватского), технике производства ваз и их росписи. В ряде книг рассматриваются сюжеты изображений на греческих расписных вазах и их эволюция в связи с развитием

греческой культуры, литературы и особенно драматических представлений. Наконец, много внимания уделяется также развитию орнамента, системы декорировки, элементам ландшафта, так называемым реалиям и эпиграфике. Как согласовать существование хотя бы только книги Валтерса с вышеприведенными утверждениями автора отзыва, для меня не понятно. Правда, В. Д. Блаватский, как советский ученый, пытается связать историю развития античной керамики с социально-экономическим развитием общества, но этот факт и отмечен мной в рецензии, как факт положительный.

Перехожу к рассмотрению главного спорного вопроса – отношение В. Д. Блаватского к методу Бизли и к результатам работ этого ученого, которые он по сути дела полностью игнорирует. Что представляет собой метод Бизли и можно ли его назвать формалистическим? Исчерпать этот вопрос полностью в краткой записке вряд ли возможно. Выскажу здесь поэтому только несколько мыслей и замечаний. Я смотрю на метод Бизли как на разновидность метода стилистического анализа, без помощи которого никакая работа в области истории искусства невозможна. Этот метод превращается в формалистический только в том случае, когда исследование формы становится самоцелью. Для Бизли анализ стиля играет служебную роль. Это средство, при помощи которого производится атрибуция неподписанных ваз определенным мастерам, что в свою очередь дает возможность точно датировать вазы и выявить ряд до сих пор неизвестных художественных индивидуальностей. Поэтому метод Бизли нельзя считать формалистическим, тем более, что этот ученый при производимых им атрибуциях, учитывает и другие признаки рассматриваемых им керамических памятников, как то: их форму, систему декорировки и орнамента и сюжеты изображений. Совершенно естественно, что при огромном, почти необозримом материале, собранном и проработанном самим Бизли и его последователями, могли иметь место отдельные ошибки и заблуждения. Это не может изменить того факта, что достигнутые результаты имеют крупное значение для истории античной вазописи, на что указывается более подробно в моей рецензии. Здесь приходится вновь вернуться к отзыву на последнюю и выразить удивление по поводу

¹⁶ Приведу работу этого автора, изданную в более позднее время: *Walters*, 1985.

полного (может быть, невольного) искажения в нем моей мысли о борьбе двух направлений в краснофигурной керамике V века. Всякий непредубежденный читатель, конечно, понял бы, что я имела в виду борьбу прогрессивных и реакционных направлений, отражающих идеологическую борьбу прогрессивных и реакционных групп внутри класса рабовладельцев, а никак не борьбу идеологий рабов и рабовладельцев, что явилось бы полным нонсенсом. Нельзя не заметить по этому поводу, что отрицание автором отзыва этих двух борющихся направлений в греческой вазописи V века плохо согласуется с марксистской теорией. Ведь исторический материализм учит нас тому, что всякое развитие происходит в борьбе, и теории “бесконфликтности” и “единого потока” давно отвергнуты марксистским искусствоведением.

Интересно вспомнить, что смелые, новаторские начинания Бизли в первый период его деятельности нашли себе убежденных противников в лице представителей старого поколения буржуазных ученых, которые выступили в печати с резкой критикой его работы. Среди них был, например, такой выдающийся знаток античной керамики как Э. Потье. Однако это не остановило дальнейшего развития работ Бизли и его последователей, результаты которых получили сейчас широкое признание¹⁷. Приходится сделать вывод, что В. Д. Блаватский и автор отзыва в своем отношении к работам Бизли солидаризируются с представителями старого поколения буржуазных ученых, но в отличие от последних они не считают нужным выступить в печати с развернутой критикой и заявляют о своем несогласии лишь в декларативной форме.

И еще одно последнее замечание по вопросу о методе Бизли. Если метод стилистического анализа порочен, почему в таком случае В. Д. Блаватский возвращается к нему неоднократно в своей

¹⁷ Автор отзыва на мою рецензию глубоко ошибается, отрицая влияние работ Бизли на советскую науку. Он сам сообщает, что В. Д. Блаватский в бытность аспирантом изучал этот метод под руководством О. Ф. Вальдгауэра, видного представителя советского искусствознания, который, следовательно, относился к этому методу положительно. Если имеются сомнения в том, каковы взгляды на этот вопрос А. А. Передольской, то она наверно не откажется ответить на этот вопрос. Что же до Е. С. Прушевской, то в подтверждение моего заявления могу указать, например, ее статью в Советской Археологии VII (*Прушевская*, 1941. С. 318–325).

обсуждаемой ныне книге? Отчего он признает некоторые атрибуты неподписанных ваз известным мастерам, произведенные по методу в сущности тождественному с методом Бизли, тогда как при последовательном проведении принципа отрицания метода стилистического анализа следовало бы отказаться и от этих атрибуций? Как на пример подобных отступлений от собственных позиций сошлось на принятие В. Д. Блаватским гипотезы О. Ф. Вальдгауэра относительно того, что неизвестная эрмитажная “ваза с ласточкой” была расписана мастером Евфронием и на атрибуцию самим В. Д. Блаватским черепка чернофигурной вазы, хранящегося в ГМИИ, мастеру Клитию (см.: *Блаватский*, 1953. С. 133, рис.). Эта весьма удачная атрибуция В. Д. Блаватского была между прочим полностью принята Бизли... (*Beazley*, 1951). Не таится ли в этих фактах какого-то противоречия, свидетельствующего о слабости позиции В. Д. Блаватского по отношению к методу Бизли?

Заканчивая свое затянувшееся “объяснение”, мне хотелось бы сказать, что характеристика моей рецензии в Вашем письме, как рецензии чисто отрицательной по отношению к труду Блаватского, кажется мне не совсем правильной. Мною был отмечен целый ряд положительных сторон этой работы. Книга, как единственное руководство на эту тему на русском языке, несомненно, принесет пользу, но допущенные в ней, с моей точки зрения, серьезные ошибки должны, как мне кажется, быть вскрыты ради пользы нашей науки. Поэтому я не вижу для себя, к сожалению, возможности пойти навстречу пожеланиям уважаемой редакции ВДИ и изменить общую оценку книги Блаватского, данную в моей рецензии, так как продолжаю считать последнюю в основном правильной».

Ответ из редакции пришел 15 мая 1956 г., в нем, в частности говорилось (Там же, л. 19): «Как Вы помните, Вы не были склонны принять замечания отзыва и прислали в редакцию подробное обоснование своих несогласий с ним. Мы поняли это таким образом, что Вы не будете менять текст рецензии. В это же время из-за границы была прислана рецензия на эту книгу. Эта рецензия была одобрена редколлегией¹⁸.

¹⁸ Эта рецензия в «Вестнике древней истории» опубликована не была.

Редакция просит Вас извинить ее за то, что об этом Вы не были извещены своевременно. Ваша рецензия оплачена в размере 50 %».

Вот и все. Рецензия не была опубликована, но гонорар, пусть в половинном размере, М. И. Максимова все-таки получила. Значимость приведенных документов, однако, заключается отнюдь не в финале описанной здесь истории. Приведенные документы, на мой взгляд, прекрасно рисуют ситуацию в советской науке, сложившуюся в 1954–1956 гг., то есть сразу после смерти Сталина. Обе стороны, включившиеся в дискуссию, апеллировали к авторитету классиков марксизма, при этом у одной из них это получалось более разумно (М. И. Максимова), а у другой – грубо и прямолинейно (Аноним). Нетрудно представить, что имеющие силу и власть, если бы они пожелали принять участие в этом споре (правильнее сказать, если бы их нужным образом проинформировали ответственные или просто заинтересованные товарищи), несомненно, признали бы правоту одной из сторон, и вряд ли могут возникнуть сомнения в том, какой именно из сторон. Это, естественно, означало бы, что ее оппонент извращает марксистское учение, тем самым наносит очевидный вред советской науке, а значит заслуживает наказания. Да, все это могло случиться, но не случилось, да и ситуация в науке, как отражение общей ситуации в стране, в это время стала меняться. Эти изменения лет через 20–25 привели к тому, что саму возможность подобного образа дискуссии уже трудно было представить, во всяком случае, в науке об античности.

Что касается оценки трудов Дж. Бизли, ставших камнем преткновения для спорщиков, то они по-прежнему находятся в центре научных споров. Метод Бизли, безусловно, имеет огромное значение для атрибуции греческих ваз, лишенных подписи художника (Петракова, 2008. С. 195–215; Boardman, 2001. P. 131–138). С другой стороны, и в наши дни возбудители научного спокойствия призывают искать новые подходы к изучению расписной посуды и, наконец, «выбросить на помойку» оксфордскую школу Дж. Бордмана (см.: Hoffmann, 1985/1986. P. 61–67; 1989. P. 143–162; Vickers, Impey,

Allan, 1986; Gill, Vickers, 1990. S. 1–30; Gill, 1994. P. 99–107; Vickers, Gill, 1994), которая во многом базируется на идеях Дж. Бизли. Некоторые их построения представляются вполне разумными, но только к критике метода Бизли они не имеют никакого отношения. М. И. Максимова была абсолютно права – в изучении вазовых росписей он будет востребован на протяжении еще долгого времени.

Андреев, 2010 – Андреев Ю. В. В ожидании «греческого чуда». СПб., 2010.

Блаватский, 1927 – Блаватский В. Д. Две чернофигурные аттические амфоры Государственного музея изящных искусств // Известия ГАИМК. Л., 1927. Т. 5.

Блаватский, 1953 – Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.

Петракова, 2000 – Петракова А. Е. Атрибуция античной расписной керамики: история и современность // Тр. ГЭ. СПб., 2008. Т. 41.

Прушевская, 1941 – Прушевская А. А. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля // СА. 1941. Т. VII.

Beazley, 1951 – Beazley J. D. The development of Attic Black-Figure. London, 1951.

Boardman, 2001 – Boardman Jh. The History of Greek Vases. Potters, Painters and Pictures. London, 2001.

Gill, 1994 – Gill D. W. J. Positivism, Pots and Long-distance Trade // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / ed. I. Morris. Cambridge, 1994.

Gill, Vickers, 1990 – Gill D. W. J., Vickers M. Reflected Glory: Pottery and Precious Metal in Classic Greece // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1990. Bd. 105.

Hoffmann, 1985/1986 – Hoffmann H. Iconography and iconology // Hephaisistos. 1985/1986. Vol. 7/8.

Hoffmann, 1989 – Hoffmann H. Why did the Greeks Need Imagery. An Anthropological Approach to the Study of Greek Vase Painting // Hephaisistos. 1989. Vol. 9.

Shefold, 1934 – Shefold K. Untersuchungen zu den kertscher Vasen. Berlin und Leipzig, 1934.

Vickers M., Gill D. 1994. Artful Crafts. Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxford, 1994.

Vickers M., Impey O., Allan J. 1986. From Silver to Ceramic. Oxford, 1986.

Walters, 1985 – Walters H. B. History of Ancient Pottery. London, 1985.

Л. С. Клейну – Учителю и Другу

90 ЛЕТНЕ

В. Арнольд, С. А. Васильев, К. А. Михайлов, Л. С. Клейн, В. В. Ашейчик, В. И. Беляева, Е. В. Беляева, А. А. Бессуднов, Е. К. Блохин, Н. А. Боковенко, В. С. Бочкарев, Н. Д. Бурова, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, С. В. Вороняттов, В. М. Горюнова, Н. В. Григорьева, Е. В. Грицик, Т. С. Дорофеева, И. И. Еремеев, М. Н. Желтова, Н. А. Жогова, С. В. Кашаев, М. Т. Кашуба, М. Е. Килуновская, В. И. Кильдюшевский, Е. А. Кириллов, А. Н. Кирпичников, Е. М. Колпаков, М. А. Котин, С. В. Красниченко, В. М. Кузнецова, С. А. Кулаков, А. В. Курбатов, Н. А. Лазаревская, И. П. Лазаретов, В. А. Лапшин, Е. Ю. Логинова, В. П. Любин, П. А. Милыев, Р. С. Минасян, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин, П. Е. Нехорошев, Е. Н. Носов, С. М. Осташинский, А. К. Очередной, В. Б. Панченко, А. А. Пескова, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, Б. А. Раев, М. А. Раззак (Юшкова), А. Д. Резепкин, Вл. А. Семенов, С. А. Семенов, С. Н. Сенаторов, Т. Б. Сениченкова (Чукова), А. А. Синицын, Н. Ю. Скрипническая, В. Ю. Соболев, П. Е. Сорокин, В. Я. Стеганцева, К. Н. Степанова, Р. А. Стоянов, А. В. Субботин, Е. С. Ткач, Н. В. Хвоцинская, Е. В. Четвернина, Д. Е. Чистов, К. В. Чугунов, И. Ю. Шауб, Jens Schneeweiss

- А. В. Алекшин, Н. К. Анисюткин, А. Артюшенко, С. Н. Астахов, В. В. Ашейчик, В. И. Беляева, Е. В. Беляева, А. А. Бессуднов, Е. К. Блохин, Н. А. Боковенко, В. С. Бочкарев, Н. Д. Бурова, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, С. В. Вороняттов, В. М. Горюнова, Н. В. Григорьева, Е. В. Грицик, Т. С. Дорофеева, И. И. Еремеев, М. Н. Желтова, Н. А. Жогова, С. В. Кашаев, М. Т. Кашуба, М. Е. Килуновская, В. И. Кильдюшевский, Е. А. Кириллов, А. Н. Кирпичников, Е. М. Колпаков, М. А. Котин, С. В. Красниченко, В. М. Кузнецова, С. А. Кулаков, А. В. Курбатов, Н. А. Лазаревская, И. П. Лазаретов, В. А. Лапшин, Е. Ю. Логинова, В. П. Любин, П. А. Милыев, Р. С. Минасян, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин, П. Е. Нехорошев, Е. Н. Носов, С. М. Осташинский, А. К. Очередной, В. Б. Панченко, А. А. Пескова, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, Б. А. Раев, М. А. Раззак (Юшкова), А. Д. Резепкин, Вл. А. Семенов, С. А. Семенов, С. Н. Сенаторов, Т. Б. Сениченкова (Чукова), А. А. Синицын, Н. Ю. Скрипническая, В. Ю. Соболев, П. Е. Сорокин, В. Я. Стеганцева, К. Н. Степанова, Р. А. Стоянов, А. В. Субботин, Е. С. Ткач, Н. В. Хвоцинская, Е. В. Четвернина, Д. Е. Чистов, К. В. Чугунов, И. Ю. Шауб, Jens Schneeweiss

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ ПРОГРЕССОРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ: К 90-ЛЕТИЮ ЛЬВА САМОЙЛОВИЧА КЛЕЙНА

1 июля 2017 г. исполнилось 90 лет Льву Самуиловичу Клейну – выдающемуся российскому ученому, одному из патриархов отечественной и мировой археологии. Будучи полноправным и признанным членом профессионального сообщества археологов, он вместе с тем ярко проявил себя почти во всех сферах гуманитарного знания – теории, методологии и истории науки, антропологии, этнологии, филологии, социологии, а также в борьбе с лженаукой.

Свою капитальную автобиографию – «Трудно быть Клейном» (2010) – Лев Самуилович начинает с того, что родился и вырос в «еврейской, но очень русской семье» – по языку и культуре. После белорусской средней школы в родном Витебске он успел поучиться в пединституте в Гродно, откуда на исходе эпохи сталинизма уехал в Ленинград, где поступил каким-то чудом в университет, на исторический факультет, который и закончил по кафедре археологии под началом М. И. Артамонова. Преодолев обычные по тому времени трудности для провинциала, стремящегося в аспирантуру, он закончил ее на той же кафедре, причем сразу с несколькими специализациями – по древностям и бронзового «века», и трипольским, и индоарийским, и раннеславянским.

Полевая практика раскопок у Льва Самуиловича оказалась сравнительно недолгой, хотя и довольно результативной по уровню находок. Клейн рано осознал себя сугубо кабинетным ученым. Он долгие годы преподавал на кафедре археологии ЛГУ, а в последние десятилетия по целому ряду жизненных обстоятельств избрал для себя роли приглашенного лектора-профессора и писателя научных и популярных текстов на самые разные темы. Редкое для советских гуманитариев владение европейскими языками, знание мировой археологической литературы обеспечило ему успех в целом ряде университетов Западной Европы и США, где он читал лекции и где издавались в переводах многие его труды.

Всем специалистам-гуманитариям известны объемистые книги Л. С. Клейна. Их тематический спектр необычайно широк. Это происхождение и расселение индо-арийских племен («Время кентавров», 2010), роль скандинавов при рождении Древней Руси и критика примитивного антинормализма («Спор о варягах», 2006), теория и методология археологической науки («Археологические источники», 1978; 1995; «Археологическая типология», 1991; «Введение

в теоретическую археологию», 2004); критерии миграций и факторы этногенеза в истории и археологии (двухтомник «Этногенез и археология», 2013); влияние закрытых режимных зон вроде советской тюрьмы на психику заключенных туда людей («Перевернутый мир», 1993; 2010); археология (в смысле М. Фуко) поэм Гомера («Бесплотные герои. Происхождение образов "Илиады"», 1994; «Анатомия Илиады», 1998); пантеон славян-язычников («Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества», 2004), история русской, советской и мировой археологии, этнологии и антропологии («Феномен советской археологии», 1993; двухтомники «История археологической мысли», 2011 и «История русской археологии», 2014; «История антропологических учений», 2014); проблемы психологии и этики научного познания, включая программу практического противостояния натиску паранауки в самых разных ее обличьях, начиная с так называемых «черных копателей» («Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль», 2017).

Не вписываясь целиком в отдельные школы, да и учреждения науки, Л. С. Клейн оказался любим многочисленными учениками нескольких поколений. Как никого другого из советских и российских археологов его охотно публиковали на Западе, приглашали с лекциями в ведущие университеты Европы и США. Мужественно пережив опалу и изгнание из официальной науки в позднем СССР, юбиляр, оказавшись на формальной пенсии, сумел за последние годы опубликовать целую библиотеку своих книг. Его страстные комментарии и авторские колонки регулярно появляются в интернет-изданиях. Он открыто провозглашает и ярко аргументирует свои убеждения мыслителя-гуманиста, демократа, атеиста.

Остается пожелать Льву Самуиловичу Клейну подольше сохранять его удивительный и на редкость плодотворный азарт ученого и гражданина!

*С. П. Щавелёв
Россия, Курск,
Курский государственный
медицинский
университет, кафедра
философии*

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Виктории Ивановны Денисовой (Пругло)

Виктория Ивановна Денисова (Пругло)
Victoria Ivanovna Denisova (Pruglo)

Из жизни ушла Виктория Ивановна Денисова, женщина непростого характера и непростой судьбы, оставившая заметный след в археологической науке нашей страны. Случилось это 13 ноября 2016 г.

Виктория Ивановна Пругло родилась 16 марта 1929 г. в городе Малин Житомирской области в семье служащих. В 1933 г. семья переехала в Киев, куда отца перевели на работу. Родители девочки имели не самые высокие должности в со-

ветской хозяйственной иерархии: отец, Иван Тимофеевич Пругло, работал в Отделе бухгалтерской экспертизы Министерства финансов УССР; мать, Варвара Степановна Конопотская, трудилась инженером-плановиком в Министерстве пищевой промышленности.

В Киеве в 1937 г. Виктория Ивановна поступила в школу. Когда грянула Великая Отечественная война, она вместе с матерью и братом была эвакуирована в Среднюю Азию (г. Джамбул). Оттуда вскоре все они переехали в Магнитогорск по месту работы отца. В Магнитогорске семья прожила с 1941 по 1944 г. и вернулась в Киев в 1944 г. Здесь Виктория Ивановна в 1947 г. окончила среднюю школу.

В 1948 г. она поступила на первый курс Декоративного факультета Киевского художественного института, но через год переехала в Ленинград. Двухлетняя девушка поступила на Искусствоведческий факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии Художеств СССР, который окончила в 1953 г. по специальности «теория и история искусства». С июля 1953 г. по август 1954 г. ей пришлось поработать библиотекарем в секторе хранения Отдела обслуживания и основных фондов Библиотеки АН СССР.

Довольно рано у В. И. Пругло проявился интерес к археологии. Летом 1954 г. она начала работать лаборантом в Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции, а с ноября этого года была занята обработкой материалов Таджикской экспедиции. Умная, серьезная, трудолюбивая и притом очень красивая молодая женщина не могла не обратить на себя внимание, и в марте 1955 г. она сначала была временно принята на должность лаборанта Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, а уже

в апреле зачислена в штат института на освобожденную вакансию научно-технического сотрудника.

В том же году В. И. Пругло была включена в состав Западно-Казахстанского отряда, работавшего на целинных землях в июле – сентябре 1955 г. В следующем году она оказалась в составе Астраханской экспедиции. Не трудно понять, что молодую умелую, энергичную, любознательную сотрудницу пытались привлечь к участию в полевых работах начальники многих структурных подразделений Института.

В 1956 г. Виктория Ивановна приехала на раскопки Мирмекия, где тогда проводила масштабные исследования Боспорская экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича. Встреча с Виктором Францевичем, который стал ее учителем и другом, сыграла решающую роль в судьбе Виктории Ивановны. Отныне она полностью связала себя с изучением классических древностей Северного Причерноморья. Однако ее близость к начальнику и учителю (а также независимый характер) стала причиной отчуждения от прочих сотрудников Сектора античного Причерноморья ИИМКа.

На следующий год она вновь принимала участие в раскопках Мирмекия и уже вела дневник раскопок на одном из участков. Напомним, что в 1956–1957 гг. на этом городище развернулись работы большой Советско-Польской Боспорской археологической экспедиции, руководство которой с советской стороны осуществлял В. Ф. Гайдукевич, а с польской – К. Михаловский. Раскопки Советско-Польской экспедиции проходили очень успешно, был получен в высшей степени ценный научный материал. Что касается Виктории Ивановны, то в конце 1957 г. она была переведена на должность старшего лаборанта.

Однако следующий год, положивший конец Советско-Польской экспедиции из-за разразившейся в Керчи антишпионской истерии, едва не стал катастрофическим в судьбе Виктории Ивановны. В ноябре был издан приказ по ЛО ИИМК, в котором ей и В. Ф. Гайдукевичу были объявлены взыскания «за недостойное поведение... выразившееся в переносе личных отношений на служебные и допущении скандалов в присутствии членов

экспедиции и посторонних людей». Виктория Ивановна при этом была лишена права участия в экспедициях ЛО ИИМК сроком на один год. Кулуарные разговоры о мирмекийских событиях, всякого рода слухи и домыслы на долгие годы стали сопровождающей ее тенью. Молодой женщине необходимо было преодолеть эту сложную коллизию, но Виктория Ивановна сумела достойно справиться с нею.

В августе 1959 г. В. И. Пругло была командирована в Скифский отряд Крымской экспедиции для производства обмерных работ в Евпатории. В 1962 г. она работала на Кобяковском городище на нижнем Дону. Только в 1966 г. (как оказалось, роковым для Боспорской экспедиции) она смогла добиться командировки на раскопки Мирмекия.

В 1960 г. вышла первая статья В. И. Пругло, посвященная результатам раскопок в восточной части Мирмекия. До сих пор она не утратила своего научного значения. Виктория Ивановна в те годы вообще очень серьезно занималась изучением материалов из раскопок городища Мирмекий. Одна за другой выходили ее печатные работы, подготовленные по этим материалам, – керамические клейма, литейная форма из Мирмекия и т. д. Тогда же она проявила свои профессиональные навыки искусствоведа, начав изучение боспорской коропластики, и первая публикация по этой тематике была посвящена эллинистическим статуэткам с изображением воинов. До сих пор эта работа является лучшей в своем роде.

Особо следует отметить исследование В. И. Пругло о золотых украшениях звериного стиля из Баксинского кургана под Керчью. Эти украшения были обоснованно связаны ею с персидской традицией, что в наши дни стало весьма актуальным. Среди археологов того времени Виктория Ивановна была одной из немногих, понимавших важность изучения боспорских больших курганов, разработки их хронологии и т. д. В этом отношении принципиально важна ее публикация о Большой Близнице.

В октябре 1966 г., во время раскопок Мирмекия умер В. Ф. Гайдукевич, и в истории Группы античной археологии ЛОИА начался новый период. Ученики мэтра, лишившиеся признанного лидера, начали долгую междоусобицу. В этой борьбе на Викторину Ивановну удары сыпались со всех

сторон. Но она вновь достойно вышла и из этой ситуации. Несколько лет ей пришлось поработать в Анапе в составе московской экспедиции.

В 1972 г. Виктория Ивановна стала младшим научным сотрудником ЛОИА АН СССР. В 1974 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник». Работа базировалась на углубленном анализе обширной группы весьма непростых для изучения массовых находок. Отдельные группы терракотовых статуэток привлекали внимание ученых и раньше, но столь тщательного изучения значительного числа рядовых изделий такого рода из боспорских городов еще не производилось. Исследовательницей были использованы аналогичные вещественные источники из многих центров Средиземноморья, а также сведения древних авторов. Эрудиция В. И. Пругло позволила ей не только аргументированно отвергнуть некоторые общепринятые взгляды, но и ввести в научный обиход ранее неизвестные факты. В 1981 г. ее диссертационное исследование было опубликовано в виде монографии (Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981). Оно стало существенным вкладом в отечественную археологическую литературу, причем не только в изучение короластики, но и в исследование религиозной жизни Боспора.

В 1975 г. дирекция Института археологии (Б. А. Рыбаков и В. П. Шилов) приняла решение о реорганизации Ольвийской экспедиции ЛОИА, во главе которой в те годы стояла Е. И. Леви. Ей объявили благодарность за многолетнюю работу и тут же отстранили от руководства. Во главе экспедиции была поставлена В. И. Денисова. В профессиональном сообществе эта перемена вызвала далеко не однозначную оценку. Тем не менее, Виктория Ивановна на протяжении многих лет весьма успешно руководила раскопками на одном из участков Ольвийского городища, не придавая особого значения ни пересудам, ни откровенному противодействию киевских коллег. Из-под ее пера выходили итоговые статьи, освещавшие результаты раскопок, а также специальные исследования, посвященные обнаруженным ее экспедицией эпиграфическим документам, ярким произведениям греческой вазописи и т. д.

В 1983 г. В. И. Денисова была переведена на должность старшего научного сотрудника. Она являлась одним из авторов «Свода археологических источников СССР» (Терракоты Северного Причерноморья — САИ, вып. Г 1-11, ч. II. М.: Наука, 1970), а также тома «Античные государства Северного Причерноморья» (Археология СССР, М.: Наука, 1984). В 1985 г. Виктория Ивановна закончила еще один большой труд — «Некрополь Ольвии первых веков н. э. (По архивным данным)», который, к сожалению, остался неопубликованным.

Несмотря на нелегкие времена, которые наша наука переживала в 90-е гг., В. И. Денисова продолжала упорно трудиться над изучением сделанных ею ольвийских находок. Последний сезон раскопок в Ольвии под ее руководством прошел в 1989 г. Адаптируясь к новой ситуации, Виктория Ивановна сумела даже получить грант РГНФ 96-01-00555 «Ольвия VI–V вв. до н. э. Источники, гипотезы, проблемы» (1996–1997 гг.), который успешно выполнила.

В 1999 г. ей исполнилось 70 лет. В приказе по Институту, изданному по такому случаю, говорилось: «В. И. Денисова является блестящим специалистом, посвятившим свою жизнь изучению материалов из раскопок античных поселений Северного Причерноморья. Среди широкого круга источников, введенных ею в научный оборот, памятники лапидарной и керамической эпиграфики, художественная керамика, терракоты. Виктории Ивановне свойственны прекрасное знание как широкой научной проблематики, так и конкретного вещевого материала, безошибочность и тонкость художественного анализа, горячая любовь к своему делу, активность и принципиальность, живое и внимательное отношение к работам коллег». Нечастый случай: эти слова официального документа не являются преувеличением! В конце 1999 г. В. И. Денисовой была объявлена благодарность «за вклад в развитие отечественной науки, многолетнюю добросовестную работу и в связи с 275-летним юбилеем Российской академии наук».

В эти годы в научном творчестве В. И. Денисовой по-прежнему важное значение имело изучение ольвийских материалов, в частности, происходящих из раннего некрополя Ольвии. Тем не менее, Боспор «не отпускал» ее, и среди последних пу-

бликаций Виктории Ивановны имеются тщательнейшим образом подготовленные работы – о боспорских городах на рубеже эр, а также о пантикапейском пятиколонном храме.

Из ИИМК РАН В. И. Денисова была уволена 29 апреля 2005 г. в связи с сокращением штатов сотрудников. Однако даже после этого она продолжала регулярно приходить в Институт и трудиться над изучением некоторых важных сюжетов, связанных с античной историей Северного Причерноморья: античная география Северного Причерноморья, роль аспургиан в истории Боспорского царства, царица Динамия и проч. (к сожалению, из-за чрезвычайной требовательности автора к себе все они не были завершены). За ней было сохранено ее рабочее место (стол старинной работы) в Отделе истории античной культуры, но Виктория Ивановна предпочитала трудиться в Библиотеке ИИМК РАН, всегда усаживаясь за столом, стоящим у окна. Здесь, склоняясь над редкими книгами, которые до нее интересовали немногих (может быть, даже никого) из современных исследователей, она продолжала свой кропотливый труд, почти не отвлекаясь на посторонние разговоры и лишь изредка обращая свой взор на Неву и золоченый шпиль Петропавловского собора.

К концу своей жизни Виктория Ивановна оказалась абсолютно одинокой – ее муж давно умер, детей у них не было. Жила она в коммунальной квартире в огромном сталинском доме на берегу Невы, никого к себе не приближая и ни у кого не прося помощи.

В начале 2017 г. обеспокоенные длительным отсутствием Виктории Ивановны сотрудники библиотеки ИИМК отправились к ней домой и от членов правления «Товарищества собственников жилья» этого дома узнали о ее смерти, но точную дату смерти соседи назвать не смогли. Нам пришлось обращаться с запросом в различные инстанции, непременно отвечавшие отказом, поскольку нынешнее российское законодательство не позволяет предоставлять информацию подобного рода никому, кроме родственников усопших, а также сотрудников некоторых организаций (прокуратура, судебные приставы и пр.). Только благодаря помощи депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. А. Ковалева эта информация была получена.

Яркий образ Виктории Ивановны Денисовой навсегда сохранится в памяти тех, кто ее знал, а ее глубоко продуманные и тщательным образом подготовленные научные труды будут еще долго востребованы исследователями античной культуры Северного Причерноморья.

*Ю. А. Виноградов,
И. Ю. Шауб*

Список научных работ В. И. Денисовой (Пругло)

1960	1963
Восточный кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 266–274: ил.	Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // КСОГАМ. 1961. С. 72–78: ил.
(Реферат на немецком языке // <i>Bibliotheca classica orientalis</i> . 1966/ Jg. 11. Hf. 3. Spt. 170–173).	1965
1962	Литейная форма из Мирмекия // КСИА. Вып. 103. С. 104–107: ил.
Монеты в античной керамике // МАСП. Вып. 4. С. 73–86: ил.	(Реферат на немецком языке // <i>Bibliotheca classica orientalis</i> . 1966. Jg. 11. Hf. 3. Spt. 170).

- 1966
Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М. С. 205–213: ил.
(Реферат на немецком языке // *Bibliotheca classica orientalis*. 1969. Jg. 14. Hf. 4. Spt. 242–243).
Эллинистические флаконы для лекарства // СА. № 1. С. 192–202.
(Реферат на немецком языке // *Bibliotheca classica orientalis*. 1966. Jg. 11. Hf. 6. Spt. 359–361).
- 1967
О ремесленных производствах Мирмекия // ЗОАО. Т. 2 (35). С. 201–203.: ил.
Работы на Боспоре // АО 1966. С. 223–225: ил.
(В соавторстве с Е. Г. Кастанаян, Н. З. Куниной, Л. Ф. Силантьевой, И. Г. Шургая)
Синопские амфорные клейма из Мирмекия // КСИА. Вып. 109. С. 42–48: ил.
- 1968
Геракл в коропластике Боспора // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 238–247: ил.
- 1969
Группа фасосских амфорных клейм из Мирмекия // КСИА. Вып. 116. С. 29–35: л.
- 1970
Статуэтки из Мирмекия // САИ. Вып. Г1–11. С. 94–100.
Терракоты из Илурата // Там же. С. 114–118.
Терракоты из Тиритаки // Там же. С. 90–94.
- 1971
К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской // СА. № 3. С. 76090: ил. Рез. фр.
- 1972
Работы Анапской экспедиции // АО 1971. С. 136–138.
(В соавторстве с И. Т. Кругликовой, С. А. Беляевым, Т. М. Смирновой)
Энглифические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия // КСИА. Вып. 130. С. 12–20.
- 1973
Анапская экспедиция // АО 1972. С. 108–109.
(В соавторстве с Е. М. Алексеевой, И. Т. Кругликовой, Т. М. Смирновой)
- 1974
Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. ИА. – М. – 22 с.
К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. № 3. С. 64–77: ил. Рез. фр.
- 1975
Исследования ольвийского городища // АО 1974. С. 314.
(В соавторстве с Е. И. Леви, М. П. Ваулиной, Ю. Г. Виноградовым, Я. В. Доманским, Л. В. Копейкиной, К. К. Шиликом)
- 1976
Образ человека в синдской скульптуре и некоторые вопросы истории культуры Боспора // Тезисы докладов 14-й Междунар. конф. античников социалистических стран. Ереван. С. 350–351.
Ольвийская экспедиция // АО 1975. С. 381–382.
(В соавторстве с А. А. Масленниковым)
- 1977
Некоторые вопросы древнегреческой колонизации Северного Причерноморья // Тезисы докладов и сообщений симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 59–61.
Работы в Ольвии // АО 1976. С. 359.
Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М. С. 177–182: ил.
- 1978
Ольвийская экспедиция // АО 1977. С. 376–377.
Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г. // КСИА. Вып. 156. С. 45–53.

- 1979
К вопросу о хоре Ольвии VI–V вв. до н. э. // Материалы 2-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н. э.)». Тбилиси. С. 19–20.
Некоторые вопросы древнегреческой колонизации Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 165–166.
Работы в Ольвии // АО 1978. С. 392.
- 1980
Некоторые особенности развития культуры Боспора в эпоху раннего эллинизма // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков. С. 76–77
Ольвийская экспедиция // АО 1979. С. 269–270.
- 1981
Коропластика Боспора: По материалам Тири-таки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы / АН СССР. ЛОИА. – Л.: Наука. – 172 с: ил. – Библиография: с. 158–167.
Ольвийская экспедиция // АО 1980. С. 243–244.
- 1982
Новый эпиграфический документ из Ольвии // СА. № 1. С. 95–104: ил. Рез. англ.
- 1983
Ольвийская экспедиция // АО 1981. С. 257.
- 1984
Источники и история исследования; Тира; Никоний; Поселения; Остров Левка // Античные государства Северного Причерноморья. М., С. 26–31. – (Археология СССР. [Т. 9.]
- 1985
Основные итоги исследований 1975–1984 гг. городского квартала к юго-западу от района темноса // Проблемы исследования Ольвии: Тезисы докладов. Парутино. С. 22–24.
- 1986
Раскопки в Ольвии // АО 1984. С. 233.
Чернофигурный кратер из Ольвии // Проблемы античной культуры. М. С. 138–145: ил.
- 1987
Раскопки в Ольвии // АО 1985. С. 327–328.
- 1988
Памятник с сарматскими знаками из Ольвии // Тезисы докладов науч. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. 3. Симферополь. С. 237.
Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. № 1. С. 251–256: ил.
- 1994
Литейная форма мастера Гикесия из Ольвии // АВ. № 3. С. 78–87: ил. Рез. англ.
- 1995
К фортификационным сооружениям Ольвии V в. до н. э. // Фортификация в древности и средневековье. СПб. С. 40–42.
- 1999
Горгонейон-скифос из Ольвии // АВ. № 6. С. 146–162: ил. Рез. англ.
- 2000
Боспор конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. // Сессития. СПб. С. 258–263.
Рисунки античных кораблей из Ольвии // АВ. № 7. С. 112–120: ил. Рез. англ.
- 2001
К некрополю Ольвии начальной поры: (Даты, находки, гипотезы) // АВ. № 8. С. 190–202: ил., карт. Рез. англ.
- 2004
К боспорским монетам с пятиколонным храмом // АВ. № 11. С. 114–127: ил. Рез. англ.

Составитель
Л. М. Всевиов

ХРОНИКА

ПРИСУЖДЕНИЕ СТЕПЕНИ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА ИИМК РАН ПРОФЕССОРУ П. П. ТОЛОЧКО

Петр Петрович Толочко во время выступлений
Petr Petrovich Tolochko during his speeches

3 июня 2016 г. на расширенном заседании Ученого совета и Отдела славяно-финской археологии профессору Петру Петровичу Толочко, учитывая его выдающиеся научные, общественные и организаторские заслуги и активное многолетнее плодотворное сотрудничество с российскими учеными, была присуждена степень почетного доктора ИИМК РАН.

Петр Петрович Толочко родился 21 февраля 1938 г. в с. Пристромы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. После окончания исто-

рико-философского факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко связал свою научную деятельность с Институтом археологии НАН Украины. Прошел путь от младшего научного сотрудника (1961–1966 гг.), ученого секретаря (1966–1970 гг.), заведующего отделом (1974–1987 гг.) до директора Института (1987–2016 гг.) и является академиком Национальной Академии наук Украины (с 1990 г.), иностранным членом РАН (с 2012 г.) и членом Академии Европы (1999 г.).

Научные интересы П. П. Толочко связаны с археологией и историей восточных славян, Киевской Руси, украинского средневековья.

Автор 500 научных работ, в том числе 30 монографических исследований. Среди них: «Историческая топография древнего Киева», «Древний Киев», «Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв.», «Киевская Русь», «Древнерусский феодальный город», «Древнерусские летописи и летописцы X–XIII вв.», «Власть в Древней Руси X–XIII вв.», «Древнерусская народность», «Ярослав Мудрый», «Династические браки на Руси в XII–XIII вв.» и др. Кроме Украины, печатался в России, Германии, Франции, Канаде, США, Болгарии, Польше.

В своих сочинениях П. П. Толочко выдвинул ряд новаторских идей о животворном развитии политически, экономически и культурно целостной единой Руси в первые века ее истории.

Отметим, что П. П. Толочко – лауреат государственной премии Украинской ССР (1983 г.) за цикл работ по истории и археологии Киева, государственной премии Украины (2002 г.) за цикл работ «Древняя история Украины» и «Этническая история древней Украины». За исследования в области урбанизации Киевской Руси получил премию

М. С. Грушевского. Удостоен также премии Александра Невского (Россия) за монографию «Власть в Древней Руси X–XIII вв.» и Макариевской премии (Россия) за книгу «Ярослав Мудрый».

Награжден орденом «Знак Почета» (СССР, 1981 г.), тремя орденами Ярослава Мудрого 5-й, 4-й и 3-й степени (Украина, 1998, 2002, 2013 гг.), орденом Дружбы (Россия, 2008 г.).

С 1993 по 1998 г. был вице-президентом НАН Украины.

К Санкт-Петербургу и его ученым у Петра Петровича всегда было особо дружное отношение. Поэтому нам было больно узнать, что осенью 2016 г. толпа украинских националистов ворвалась во двор здания «Россотрудничество», в котором намечалась презентация новой книги Петра Петровича «Откуда пошла Русская земля» (Киев, 2016 г.). Молодчики кричали вышедшему к ним Петру Петровичу, что он «москальский шпион». «А вы сначала мою книгу прочтите» – сказал автор книги. На эти слова ответили бранью. Презентация была сорвана.

Да! В непростых условиях приходится работать международно признанному ученому, которым должна бы гордиться Украина.

*А. Н. Кирпичников
Главный научный сотрудник
ИИМК РАН, профессор,
заслуженный деятель
науки Российской Федерации*

Список сокращений

АА	– Археологический альманах. Донецк
АВ	– Археологические вести. СПб.
АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск
АН	– Академия наук
АН РТ	– Академия наук Республики Таджикистан
АН РУз	– Академия наук Республики Узбекистан
АО	– Археологические открытия
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ
АРТ	– Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАИС	– Государственная академия искусствознания. М.
ГИАМЗ «ХТ»	– Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДБ	– Древности Боспора
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук

ЗабГУ	– Забайкальский государственный университет. Чита
ЗИН	– Зоологический институт
ЗОАО	– Записки Одесского археологического общества
ЗРАО	– Записки Императорского Русского Археологического общества. СПб.
ИА	– Институт археологии
ИАИАИАНД	– Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИВ	– Институт востоковедения
ИВИ	– Институт всеобщей истории
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКОГО	– Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. Симферополь
ИОЛЕАЭ	– Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИПВ	– Институт практического востоковедения
ИПРЭК	– Институт природных ресурсов, экологии и криологии
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
к. г.	– культурный горизонт
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры
КубГУ	– Кубанский государственный университет. Краснодар
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАИАСК	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск

МАИКЦА	– Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России. Петроград
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. Йошкар-Ола
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук. СПб.
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МДАСУ	– Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
МИС	– <i>Граков Б. Н.</i> Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
МНР	– Монгольская народная республика
МОГАИМК	– Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
МО РФ	– Министерство обороны Российской Федерации
НАН Беларуси	– Национальная академия наук Беларуси
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИИТИАГ	– Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
НИИЯЛИ	– Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИЦ	– Национальный исследовательский центр
НО	– Надписи Ольвии. Л.
НПК	– научно-практическая конференция
НРФ	– Научный рукописный фонд

НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ОАВЕС ГЭ	– Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. СПб.
ОПИ	– Отдел полевых исследований
ОЭСА	– Оптический эмиссионный спектральный анализ
ПИХОМЗ	– Псковский историко-художественный объединенный музей-заповедник
РА	– Российская археология. М.
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	– Русское археологическое общество
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет. М.
РГО	– Русское географическое общество
РИМ	– Российский исторический музей
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
РОМК	– Ростовский областной музей краеведения. Ростов н/Д
РФА	– Рентгенофлуоресцентный анализ
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПбфАРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ССПК	– Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя

СЭ	– Советская этнография. М.
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТГГПУ	– Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет. Казань
ТД	– Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций
Труды ИИАЭ АН КазССР	– Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
УЗ ТНИИЯЛИ	– Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (г. Кызыл)
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ФАНО	– Федеральное агентство научных организаций
ФГБОУ ВПО	– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФГБУН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ХСб	– Херсонесский сборник. Севастополь
ЦГААРК	– Центральный государственный архив Автономной Республики Крым. Симферополь
ЦМТ	– Центральный музей Тавриды. Симферополь
ЦНРПМ	– Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
ЧИПР	– Читинский институт природных ресурсов СО РАН, г. Чита
экз.	– экземпляр
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
АЕ	– Arheoloģija un etnogrāfija
ВСАА	– Bonn contribution to Asian Archaeology
ИИ	– Indriķa hronika. Riga, 1993

-
- INQUA – International Union for Quaternary Research IOSPE I² –
Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis
Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
- JGS – Journal of Glass Studies. Corning
- LA – Latvijas PSR arheoloģija
[Археология Латвийской ССР]. Riga, 1974
- LVIŽ – Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls
- PNAS – Proceedings of the National Academy of Sciences
(of the United States of America)
- QI – Quaternary International
- SFECAG – Société Française d'Étude de la Céramique Antique
en Gaule
- SEQS – Section on European Quaternary Stratigraphy
- SIU – Senter for Internasjonalisering av utdanning. Norske

Научное издание

Археологические вести

Выпуск 23

Утверждено к печати

Ученым советом

*Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Издательская группа ИИМК РАН

*А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
Г. А. Кузнецова, В. Я. Стёганцева*

Адрес редакции:

Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство ИИМК РАН

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Редактор *М. А. Молчанова*

Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицука*

Корректор *М. А. Молчанова*

Подписано в печать ???.?.2017. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 53,7. Печ. л. 56.
Тираж 300 экз. Заказ ????

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в ООО «Невская книжная типография»

197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., дом 31, литер «Б», помещение 1Н

Тел. +7(812) 643-0319

Тел./факс: +7(812) 380-7950

E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 23 —

